

ИНСТИТУТ СИСТЕМНО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

De Personis / О Личностях

Сборник научных трудов

Четвертое издание

Том II

Товарищество научных изданий КМК

Москва ❖ 2023

УДК 929(100)(082)

ББК 63.3(0)-8я43

О 11

De Personis / О Личностях. Сборник научных трудов. 4-е изд. Том II / А.И. Фурсов (сост.). М.: Товарищество научных изданий КМК. 2023. 730 с.

De Personis / On Personalities. A collection of scholarly works. 4th ed. Vol. II / Compiled by A.I. Fursov. Moscow: KMK Scientific Press. 2023. 730 p.

Сборник научных трудов является логическим продолжением трёх первых сборников «чёрной серии» ИСАН: «De Conspiratione / О Заговоре» (М., 2013), «De Aenigmate / О Тайне» (М., 2015) и «De Secreto / О Секрете» (М., 2016). Настоящий сборник посвящён личностям и семьям, сыгравшим большую, нередко решающую роль в истории. При этом, однако, объектом пристального изучения они становились нечасто.

The collection of scholarly works logically continues the three first collections in the “black series” of the Institute of System-Strategic Analysis: “De Conspiratione / On Conspiracy» (Moscow, 2013), “De Aenigmate / On Mystery” (Moscow, 2015) and “De Secreto / On Secret” (Moscow, 2016). The present collection is devoted to personalities and families, which played a great and often decisive role in history. However, they rarely became the focus of intent study.

© А.И. Фурсов, предисловие, 2018, 2019, 2020, 2023

© К.А. Фурсов, «Взлёт и падение Субхаса Чандры Боса», 2018, 2019, 2020, 2023

© Н.Н. Платошкин, «Нацисты в Аргентине: мифы и реальность», 2018, 2019, 2020, 2023

© А.В. Багаев, «Британские агенты, легендарные и настоящие», 2018, 2019, 2020, 2023

© И.И. Смирнов, «Римский клуб — отцы-основатели. Опыт криптобиографий», 2018, 2019, 2020, 2023

© К.А. Фурсов, «Сил П. Абу Нидаля: наёмник-убийца», 2018, 2019, 2020, 2023

© О.Н. Четверикова, «Политика Ватикана в период перехода и утверждения неолиберальной стратегии (середина 70-х годов XX — начало XXI века)», 2018, 2019, 2020, 2023

© Институт системно-стратегического анализа, 2018, 2019, 2020, 2023

© Товарищество научных изданий КМК, издание, 2018, 2019, 2020, 2023

ISBN 978-5-907747-00-5

ISBN 978-5-907747-02-9 (II)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Фурсов А.И.</i> Предисловие	4
<i>Фурсов К.А.</i> Взлёт и падение Субхаса Чандры Боса	7
<i>Платошкин Н.Н.</i> Нацисты в Аргентине: мифы и реальность	163
<i>Багаев А.В.</i> Британские агенты, легендарные и настоящие	199
<i>Смирнов И.И.</i> Римский клуб: отцы-основатели и люди за их спиной в водовороте истории	387
<i>Сил П.</i> Абу Нидаля: наёмник-убийца	617
<i>Четверикова О.Н.</i> Политика Ватикана в период перехода и утверждения неолиберальной стратегии (середина 70-х годов XX – начало XXI века)	669

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том сборника «De Personis / О Личностях» открывает монография **К.А. Фурсова «Взлёт и падение Субхаса Чандры Боса»**. Она посвящена одной из наиболее противоречивых фигур истории Южной Азии первой половины XX в. Будучи левым лидером Индийского национального конгресса, этот политик из Бенгалии был самым бескомпромиссным антиколониальным деятелем такого масштаба. В годы Второй мировой войны бескомпромиссность толкнула Боса на союз с Германией и Японией, куда он бежал из-под ареста в Калькутте. Воспользовавшись их помощью, Бос попытался противопоставить Британской империи современную армию из индийцев. Державам «оси» он, в свою очередь, был нужен как символ поддержки Индией их войны с Британией. На фигуре Боса сфокусировались многие процессы мировой истории первой половины XX в. — антиколониальное движение, утрата Британией остатков легитимности в колониях, распространение в Азии идей социализма, попытка держав «оси» выстроить новый мировой порядок и распад колониальной системы.

В статье **«Нацисты в Аргентине: мифы и реальность» Н.Н. Платошкин** пытается разобраться в вопросе, действительно ли Гитлеру, Борману и Мюллеру и другим «бонзам» Третьего рейха удалось бежать в Латинскую Америку и скрыться то ли в Аргентине, то ли в Чили, то ли в Парагвае. Автор даёт отрицательный ответ на вопрос по поводу Гитлера, Бормана и Мюллера, приводя свои аргументы. Не вступая с ним в полемику, отмечу, что убедительные аргументы в пользу положительного ответа на поднятый автором статьи вопрос даёт ряд серьёзных исследователей, в частности весьма информированный П. Файан де Вильмаре (Неприкасаемый. Кто защищал Бормана и Гестапо-Мюллера после 1945 года. М.: РОССПЭН, 2014). В то же время Н.Н. Платошкин представляет широкую картину присутствия 20–30 тыс. бывших нацистов в Аргентине и их использования Западом в борьбе против СССР.

Работа **А.В. Багаева «Британские агенты, легендарные и настоящие»** логически продолжает тематику предыдущей работы автора — «Презумпция лжи». А.В. Багаев поставил задачу — разобраться, что такое «британский агент», оттолкнувшись от биографии Яна Флеминга — разведчика, представителя богатейшей семьи и автора 12 романов о Джеймсе Бонде. Исследование показало,

что без анализа британского истеблишмента, британского правящего класса с его специфической организацией ответить на вопрос о британском агенте невозможно. Особенностью британских спецслужб является наличие ряда неформализованных структур, состоящих из представителей самых богатых и знатных семей и не получающих за свою службу зарплату. При этом они верно служат своему классу. Поэтому А.В. Багаев подробно описывает ряд британских семей с самого верха социальной пирамиды, с одной стороны, и британский (и даже шире — англо-американский) истеблишмент, с другой. Когда-то кто-то из советских вождей сказал, что настоящий коммунист должен быть хорошим чекистом. Британцы вполне могли бы сказать: настоящий представитель британского истеблишмента должен быть хорошим разведчиком — в этом и заключается суть того, что именуется «British agent».

Работа **И.И. Смирнова «Римский клуб — отцы-основатели. Опыт криптобиографий»**. Формально у истоков Римского клуба — три персоны: Аурелио Печчеи, Александр Кинг и Джермен Гвишиани. Однако за каждым из них стояли определённые политические силы, а за двумя первыми ещё и закрытые наднациональные структуры. Автор рассматривает Римский клуб как форму межэлитного взаимодействия Запада и СССР, а потому кроме биографий создателей Римского клуба обращается к более широкому контексту, без и вне которого ни возникновение Римского клуба, ни логика межэлитного взаимодействия не будут понятны. Широкий контекст, о котором идёт речь, включает столь разные события и явления, как деятельность Кембриджской пятёрки и свержение Мосаддыка в Иране, закрытую наднациональную структуру «Круг» и берлинское восстание в июне 1953 г., борьбу не на жизнь, а на смерть в советском руководстве и структуру итальянской аристократии, швейцарские банки, Ротшильдов, Рокфеллеров и многое другое. Перед нами — живая картина мира как он есть и как он создаётся персонами Печчеи, Кинга и Гвишиани, а в ещё большей степени силами и структурами, стоящими за ними.

Работа известного британского специалиста по Ближнему Востоку **П. Сила «Абу Нидаля: наёмник-убийца»** (в реферативном изложении **К.А. Фурсова**) посвящена одному из самых известных террористов XX в. Абу Нидалю. Несмотря на его известность, книг о нём почти нет, работа П. Сила находится почти что в гордом одиночестве. Её плюсом является то, что биография Абу Нидаля становится средством показа политической борьбы на Ближнем Востоке во второй половине XX в.

Завершает сборник работа известного специалиста по истории Ватикана **О.Н. Четвериковой «Политика Ватикана в период перехода и утверждения неолиберальной стратегии (середина 70-х гг. XX — начало XXI в.)**. В центре работы — с одной стороны, высшие иерархи католической церкви, включая понтификов, с другой — различные структуры католической церкви, прежде всего «Опус Деи». Хорошо показана, во-первых, та роль, которую Ватикан в союзе с западными спецслужбами непосредственно сыграл в 1980-е гг. в ослаблении, а затем и разрушении СССР; во-вторых, его роль в объединении Европы. При этом, как считает автор, католическая верхушка ревизует христианское учение о Церкви Христовой.

Символично, что наш сборник (том I) о тайных пружинах, субъектах и структурах истории начался христианской тематикой — статьёй о Маркионе и, в частности, о его критике иудаизации христианства — и завершается христианской же тематикой: тайным и явным в политике Ватикана, критическими размышлениями об экуменизме и других «фокусах» папства. Экуменизм в том виде, в котором его продавливают глобальные элиты, идёт, конечно же, в разрез с духом истинного христианства. Католический истеблишмент зашёл столь далеко, что устами антисоветчика и русофоба папы Павла II признал традицию ифа/вуду (ифа — в Нигерии, на Гаити — это вуду) частью католической религии, дав ей статус конфессии, т.е. практически уравнивая с протестантизмом и православием. Так что вуду-католицизм из цикла романов А. Панова «Анклавы» — это не еретическая хрень, а реальность.

По принципу конструкции экуменизм полностью отвечает замыслу глобалистов — один мир, одна власть, одна религия. Однако из этого вряд ли что получится. Терминальный кризис позднего (финансиализированного) капитализма опрокидывается и на христианство, прежде всего западное, католико-протестантское, тянет его за собой. Похоже, этой религии и стоящей за ней финансово-политической спецслужбистской структуре, возникшим в последнюю треть существования античного мира, пережившим феодализм и капитализм (правда, постоянно меняясь — *mutabor!* — и утрачивая первоначальные суть и замысел), придётся столкнуться с серьёзными проблемами. Особенно в Европе, где давление ислама будет нарастать, а роль и значение христианства — падать.

Символично, что в 93-м районе Парижа, в Сен-Дени, где находится базилика с прахом Карла Мартелла, остановившего в 732 г. в битве при Пуатье продвижение арабов, 30% населения — мусульмане и только 15% — католики, но при этом даже в частных католических школах 70% — дети из мусульманских семей. Среди мусульман-школьников о важности религии в своей жизни говорят в два раза больше детей, чем среди белых французов. Трудно представить, как Ватикан будет решать эту проблему в условиях продолжения курса мультикультурализма, поощрения миграции и т.п. В этой ситуации экуменизм, похоже, представляется для папства спасительным кругом для сохранения — нет, не веры, а власти.

Заключая, остаётся повторить слова, сказанные в конце Предисловия к первому тому о том, что несмотря на все различия, у личностей, которым посвящён данный сборник, есть ряд общих черт. Кроме личностей здесь был рассмотрен и ряд организаций, структур: структуры сквозь призму личностей, личности с их биографиями — сквозь призму структур. А завершить я хочу фразой Б. Дизраэли, вынесенной А.В. Багаевым в качестве эпиграфа к его работе: «Забудьте историю, читайте лучше биографии, ведь только в них и отражена безо всяких мудростей настоящая жизнь». Жизнь личностей, персон, а потому — De Personis / О Личностях.

А.И. Фурсов

К.А. Фурсов

ВЗЛЁТ И ПАДЕНИЕ
СУБХАСА ЧАНДРЫ БОСА

Фурсов Кирилл Андреевич —

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	10
1. Происхождение и юность (1897–1919)	13
2. Учёба в Британии и отказ служить Раджу (1919–1921)	21
3. Возвращение на родину и начало политической деятельности (1921–1927)	27
4. Становление Боса как политика (1927–1933)	33
5. Годы в Европе (1933–1936)	41
6. Заключительный этап политической деятельности в Индии (1936–1940)	51
7. С Райхом против Раджа (1941–1943)	68
8. С Японией против Раджа (1943–1945)	102
9. Значение Боса в истории Индии	135
Заключение	151

Введение

Субхас Чандра Бос (на его родном языке бенгали — Шубхаш Чондро Бошу)¹ — исключительно любопытная и неоднозначная фигура. Как справедливо выразился один из биографов Боса, его внучатый племянник, известный историк и член индийского парламента Сугата Бос (бенг. Сугото Бошу), жизнь двоюродного деда кажется ему «призмой, сквозь которую отразились все противоречивые силы мировой истории первой половины XX в.»². Этот человек в 1930-е гг. был одним из лидеров Индийского национального конгресса (ИНК), пожалуй, не менее влиятельным и популярным, чем сам Джавахарлал Неру, в отличие от большинства индийских националистов много поездил по Европе и хорошо разбирался в международных делах, стал единственным индийским политиком, который был избран председателем ИНК вопреки (!) воле Ганди. В годы Второй мировой войны Бос после драматичного побега из-под ареста в Калькутте пытался завоевать для Индии свободу, заключив союз с державами «оси» и действуя сначала в Германии, а затем в оккупированной японцами Юго-Восточной Азии, где выковал боеспособную армию из индийцев, противопоставив её военной машине Британской империи.

Среди индийских историков есть те, кто признаёт достоинства и достижения Боса, но сокрушается по поводу факта его сотрудничества с нацистским блоком. Однако для большинства индийцев Бос входит в пантеон важнейших политических деятелей страны, ну а в исторической памяти соотечественников-бенгальцев

¹ Поскольку государственным языком независимой Индии стал хинди, «для внешнего пользования» имена и названия из других североиндийских языков, включая бенгали, принято писать и произносить в их хиндиязычном варианте. Однако, так как главный герой настоящей работы — бенгалец и большая часть его жизни прошла в родной Бенгалии, имена бенгальцев я даю не только в привычном написании, но и в произношении их собственного языка.

За консультации в правописании по-русски имён собственных из ряда восточных языков (бенгали, тамиль, японский) я благодарен коллегам-востоковедам к.ф.н. Александру Михайловичу Дубянскому, Екатерине Александровне Евлашиной, Анне Андреевне Новиковой, к.ф.н. Марии Борисовне Павловой и Марии Николаевне Ребровой. Также признателен отставному профессору Джадавпурского университета в Калькутте доктору Пураби Рой за консультации по ряду вопросов биографии Боса.

² *Bose S. His Majesty's Opponent: Subhas Chandra Bose and India's Struggle against Empire*. L.: Penguin Books, 2011. P. XII.

он фигура просто сакральная, равная великому поэту и писателю Рабиндранату Тагору (бенг. Робиндронатх Тхакур, 1861–1941). Разделённая ныне политически, Бенгалия — страна с древней и богатой историей и культурой, а язык бенгали стоит на седьмом месте в мире по числу носителей — около 300 млн. человек (русский — на восьмом). Бос популярен прежде всего в индийском штате Западная Бенгалия, хотя уважают его и в восточной части страны, т.е. в соседнем государстве Бангладеш. Популярность Боса очевидна, если хотя бы просто пройти сегодня по улицам Калькутты (бенг. Колката) и взглянуть на висящие портреты Боса и воздвигнутые ему памятники. Есть даже более наглядные вещи. Как известно, международные аэропорты обычно называют в честь политических деятелей первой величины: аэропорт им. Имама Хомейни в Тегеране, Индиры Ганди в Дели, Сукарно–Хатты в Джакарте и т.д. Чтобы очертить место Боса в общественно-политическом и историческом сознании бенгальского народа (и не только его), достаточно сказать, что его имя носит международный аэропорт Калькутты.

Между тем в глазах западных людей вообще и историков в частности Бос остаётся по большей части коллаборационистом, который безнадёжно запятнал себя сотрудничеством с нацизмом, фашизмом и японским милитаризмом. Для восприятия Боса на Западе характерна неполнота знания о нём. «Это такая неполнота, одна из причин которой — отказ взглянуть»³. Как отметил другой видный биограф Боса, на этот раз его однофамилец бенгалец Михир Бос, «ни консервативные, ни либеральные историки не готовы принять его как бескомпромиссного патриота, а не фашистскую марионетку. В написании истории индийской борьбы за свободу авторы часто демонстрируют неловкое стремление быстро миновать то, что они очевидно считают незавидной деятельностью Субхаса Чандры Боса»⁴. Для Запада факт сотрудничества этого политика с державами «оси» перевешивает все остальные аспекты его деятельности. А может, дело скорее в том, что Бос был одним из наиболее последовательных борцов с Британской империей и — в отличие от Ганди и Неру — никогда не шёл с ней на компромиссы?

В советской и российской индологии отношение к Босу двойственное. С одной стороны, историкам импонируют его левые взгляды и радикализм. С другой стороны, граждане страны, пережившей Великую Отечественную войну, не вправе закрывать глаза на факт союза Боса с агрессорами, хотя этот союз, во-первых, был тактическим, а во-вторых, не был направлен против СССР.

Историки Британской империи нередко отмечают, что она создала свою демонологию — череду образов исторических деятелей, которые особенно упорно противодействовали её экспансии. Из деятелей афро-азиатского мира в эту демонологию были включены такие фигуры, как правитель южноиндийского княжества Майсур конца XVIII в. Типу Султан (самый непримиримый враг Ост-Индской компании в её «собираании земли индийской»), военный лидер Египта конца XIX в. Араби-паша (пытался дать отпор британской оккупации), религиозный лидер Сомали начала XX в. Мухаммад бин Абдулла Хасан (за стойкое сопротивление бри-

³ *Fay P.* The British Perception of Netaji and I.N.A. A Talk Delivered at the 5th International Netaji Seminar, Calcutta January 1985. Pasadena, California: California Institute of Technology, 1985. P. 23.

⁴ *Bose M.* The Lost Hero: A Biography of Subhas Bose. Revised and enlarged edition. Noida: Vikas Publishing, 2014. P. VII.

танцам получил от них прозвище Безумный Мулла), второй президент Египта Гамаль Абд-ун-Насыр (национализировал главную транспортную артерию империи Суэцкий канал) и другие. Все эти люди заработали активное неодобрение британцев — своих современников и их потомков — тем, что посмели не принять британского диктата (пусть далеко не всегда успешно). Бос не только стоит в очереди этих фигур, но и занимает среди них одно из самых видных мест. По мнению выдающегося отечественного индолога Леонида Борисовича Алаева, «личность эта крайне противоречивая, его реальное значение в деле освобождения Индии может быть предметом дискуссии, но тем важнее нам знать о нём как можно больше»⁵.

Настоящая монография не претендует на то, чтобы быть полной биографией Боса. Свою задачу я вижу в том, чтобы познакомить русского читателя с одной из самых незаурядных и, пожалуй, парадоксальных фигур индийской истории, которая долго незаслуженно находилась в тени.

⁵ Алаев Л.Б. Историография истории Индии. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 439.

1. Происхождение и юность (1897–1919)

Субхас Чандра Бос родился 23 января 1897 г. в семье состоятельного бенгальского юриста Джанакинатха Боса и его жены Прабхабати в городке Каттак — административном центре области Орисса. Тогда это была часть провинции Бенгалия, а сегодня — отдельный штат Индии. Субхас был шестым (предпоследним) сыном и девятым ребёнком в семье (из 14). Имя, которое ему дали, означало «красноречивый», что стало пророческим: Бос действительно сделается одним из выдающихся индийских ораторов своего времени.

Отец Субхаса Джанакинатх Бос (1860–1934) получил юридическую степень в Калькуттском университете, в Каттак переехал в 1885 г., начал там судебную практику, а позднее стал первым выборным председателем муниципалитета и государственным защитником и обвинителем. Род Босов происходил из деревни Махинагар южнее Калькутты, насчитывал 27 поколений и включал Махипати Боса, который служил финансовым и военным министром одного из султанов Бенгалии⁶. Семья принадлежала к касте *кайастха* — одной из трёх высших каст бенгальских индуистов; это каста образованных людей, которые традиционно выбирают административную службу.

Отец Субхаса был типичным продуктом британского колониализма — индийским *бабу* (чиновником), который получил образование западного типа, успешно делал карьеру в административном аппарате Индийской империи и был вполне лоялен к её британским властям. Сформировать слой именно таких людей и рассчитывал один из идеологов британской власти в Индии известный историк Англии сэр Томас Маколей (1800–1859). Будучи членом законодательного совета генерал-губернатора Ост-Индской компании, он в «Записке об индийском образовании» 1835 г. рекомендовал: «Мы должны... создать слой, который мог бы служить посредником между нами и миллионами под нашей властью, — слой людей, которые были бы индийцами по крови и цвету кожи, но англичанами по вкусам, взглядам, нравам и складу ума»⁷.

⁶ Bose S.C. An Indian Pilgrim, or Autobiography of Subhas Chandra Bose (Netaji's Life and Writings. Part One). P. 11. Электронная публикация www.hindustanbooks.com

⁷ Selections from Educational Records. Part I. 1781–1839 / Ed. by H. Sharp. Calcutta: Superintendent, Govt. Printing, 1920. P. 116.

Джанакинатх находился под влиянием религиозно-реформаторского общества «Брахмо самадж», которое основал в 1828 г. известный бенгальский просветитель Раммохан Рой (1772–1833). Оно акцентировало содержащиеся в *упанишадах* (религиозно-философских текстах древней Индии) идеи монотеизма и выступало против наиболее вопиющих форм кастовой и половой дискриминации в индуистском обществе. Период, в который сформировался отец Субхаса как личность (вторая половина XIX в.), был «золотым веком» Британской Индии: то было время наивысшей популярности Британии в глазах индийцев, время, когда наибольшее их количество смотрело на сложившиеся отношения с ней (в том числе политическую зависимость) как на великое благо для их Родины. Основанный в 1885 г. Индийский национальный конгресс заявлял о полной лояльности Раджу. Этим словом из языка хиндустани сами британцы называли — ради местного колорита — своё правление в Индии: *the Raj*.

Мать Субхаса — Прабхабати (бенг. Пробхаботи, 1869–1943) — происходила из видной семьи Даттов из Хатхколы в северной Калькутте. Она отличалась сильным характером, и в семейных делах последнее слово обычно оставалось за ней. По признанию Субхаса, в раннем детстве он чувствовал себя «весьма незначительным существом», так как родители внушали ему благоговейный трепет, а отец сознательно держал детей на расстоянии, занятый работой.

Когда Субхасу было пять лет (1902), родители определили его в Протестантскую европейскую школу баптистской миссии, которую уже посещали его братья и сёстры. Учились в этой школе главным образом дети европейцев и англо-индийцев (полукровок); индийцы составляли всего около 15% учеников⁸, и прочие относились к ним свысока. Выбор семьёй Бос этой школы был продиктован тем, что в ней лучше и раньше, чем в других, давали английский язык. Кроме того, школьники получали хорошее представление о географии и истории Британии и учили латынь, а вот индийских языков им не давали вовсе. Субхас учился на «отлично» и, похоже, принимал сложившийся порядок вещей. Лишь к концу семилетнего обучения мальчик стал ощущать, что живёт в двух отдельных мирах, которые не всегда друг другу соответствуют⁹.

В 1908 г. Субхас окончил начальную школу и в январе следующего года поступил в университетскую школу Рэйвеншо тут же, в Каттаке. Здесь он обрёл чувство уверенности в себе, в начальной школе ему этого недоставало из-за высокомерного отношения англичан и характерного для их учебных заведений акцента на спорте, а не на собственно учёбе. В средней школе учителями и учениками были в основном бенгальцы и ория (коренной народ Ориссы), и на первых порах новичок даже допускал в эссе на родном бенгали грамматические ошибки. Зато Субхаса выделял среди одноклассников хороший английский. Проявлял в учёбе упорство и на экзаменах добивался высших оценок.

Политику подросток обсуждал дома редко. Как написал Субхас в автобиографии, до декабря 1911 г. он «был столь политически неразвит, что участвовал в конкурсе эссе по случаю коронации короля (Георга V)»¹⁰. Джанакинатх в 1912 г. был

⁸ Bose S.C. An Indian Pilgrim... P. 30.

⁹ Bose S. Op. cit. P. 20.

¹⁰ Ibid. P. 58. Георг V правил в 1910–1936 гг.

назначен членом Бенгальского законодательного совета и пожалован официальным титулом *раи бахадур*.

Однако зрели перемены. По словам самого Субхаса, он был не по летам развитым ребёнком и в придачу интровертом, поэтому скоро всерьёз задумался над дальнейшей жизнью: «То, в чём я нуждался и к чему бессознательно пробирался на ощупь, было центральным принципом, который я мог использовать как крючок, куда можно было повесить всю мою жизнь, а также в твёрдом решении не отвлекаться в жизни ни на что другое. Отыскать этот принцип или идею, а затем посвятить ему жизнь было делом нелёгким»¹¹. В 1912 г., в возрасте 15 лет, в Субхасе произошёл духовный переворот, когда он открыл для себя работы Свами¹² Вивекананды (бенг. Шами Бибеканондо, 1863–1902). Этот бенгальский религиозный философ уже был властителем дум целого поколения. Под его влиянием на британское правление начинала смотреть не так благожелательно, как прежде, даже опора этого правления — *бхадралок* (бенг. *бходролок*). Так в колониальной Бенгалии называли совокупность высших каст, представители которых занимались интеллектуальными видами деятельности и принимали блага европейского правления. Это была не столько социально-экономическая или профессиональная, сколько статусная группа. Поэтому термин «класс» применим к бхадралоку в том смысле, какой вкладывал в это понятие американский социолог Толкотт Парсонс (1902–1979), а не Маркс: бхадралок не включал купечество и верхушку крестьянства, зато включал часть представителей как более высоких, так и более низких слоёв населения. Социальная группа эта была открытой, так как доступ в неё давало не только происхождение, но и образование¹³.

К началу XX в. представители бхадралока стали задумываться о справедливости порядков, порождением которых он в сущности был. А с 1905 г. Бенгалию захлестнуло массовое движение *свадешии* («своей страны», «отечественный») — движение бойкота британских товаров, которое спровоцировал административный раздел этой страны Индии на индуистскую и мусульманскую части вице-королём (1899–1905) маркизом Кёрзоном. Парадоксальным образом своим происхождением и развитием индийский национализм был всецело обязан колониализму, который объединил страну, привил ей капиталистический уклад и взрастил в ней слои современного сектора общества. Представители этих слоёв говорили с британцами на одном языке (в том числе буквально), но не принимали двойного управленческого стандарта для метрополии и колоний.

Вивекананда глубоко повлиял на Субхаса. Заимствовав западные термины, индийский философ объяснил колониальное подчинение своей страны духовной и идеологической неудачей, которую она потерпела в недавнем прошлом. Свами писал, что Индия должна многому поучиться у Запада: уверенности в себе, мастерству в профессиях, а главное — силе. Своих учеников он призывал играть в футбол так же прилежно, как читать Веда¹⁴ (самые древние священные тексты индуизма).

¹¹ Bose S.C. An Indian Pilgrim... P. 47.

¹² Свами (санскр. «владеющий собой») — почётное звание индуистских религиозных деятелей.

¹³ Bromfield J.H. Elite Conflict in a Plural Society: Twentieth-Century Bengal. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1968. P. 14.

¹⁴ Bose M. Raj, Secrets, Revolution: A Life of Subhas Chandra Bose. Norwich: Grice Chapman, 2004. P. 31.

В работах Вивекананды Субхас и нашёл центральный принцип жизни. Он содержался в санскритской фразе «ради собственного спасения и во благо миру» (точнее, всему живому), которая была взята из Ригведы — первой из четырёх Вед. Найденный идеал Субхас оценил много выше, чем монашество средневековой Европы или утилитаризм английских философов Джереми Бентама (1748–1832) и Джеймса Милля (1773–1836). В понятие «благо миру» он включил и служение собственной стране¹⁵. Кроме того, у духовного наставника самого Вивекананды — Рамакришны Парамахамсы (бенг. Рамкришно Поромохонсо, 1836–1886) — Субхас воспринял идею необходимости самопожертвования.

Своё изменившееся мировоззрение Бос выразил в девяти письмах к матери 1912–1913 гг. на бенгали. Он поставил под сомнение цель того типа образования, на которое так много средств тратили его родители: зачем оно, если не производит людей, готовых служить богу? Субхас осудил имущий слой Бенгалии, представители которого, по его мнению, стали узколобыми и бесхарактерными. В те же годы он писал письма (по-английски) и одному из своих старших братьев Сарату (1889–1950), впоследствии тоже известному деятелю ИНК. Сарат Чандра Бос (бенг. Шорот Чондро Бошу) в 1911 г. уехал изучать право в Линкольнз-инне, одном из четырёх судебных иннов Лондона, и Субхас просил брата описывать зарубежный опыт. Это не совсем необычное для индийца той поры любопытство к внешнему миру информационно и психологически подготовит его к прорыву в международную политику в годы Второй мировой войны.

В марте 1913 г. Субхас сдал в университетской школе выпускные экзамены, заняв второе место. Обрадованные родители отправили его учиться в Калькутту. Там он поселился в построенном отцом трёхэтажном доме на улице имени одного из бывших вице-королей лорда Элджина (*Elgin Road*). Субхас поступил в Колледж президентства, который считался первым в Британской Индии вузом западного типа, и слушал там лекции по философии. Движимый интересом к истории родной Бенгалии, ездил с друзьями в доколониальную столицу страны Муршидабад, город *навабов* (мусульманских правителей XVIII в.). В 1914 г. познакомился со своим выдающимся соотечественником Тагором (в предыдущем году тому была присуждена Нобелевская премия по литературе) и беседовал с ним о возрождении деревни.

Во время учёбы в колледже Бос вошёл в группу студентов, которые обсуждали философские вопросы и старались следовать учению Рамакришны и Вивекананды. Не удовлетворяясь разговорами и испытывая потребность делать что-то реальное, Субхас нашёл благотворительную организацию, которая каждое воскресенье собирала для бедных деньги и еду в виде милостыни. Он стал одним из добровольцев и тоже ходил по домам с мешком, прося риса. По его признанию, в первый день ему пришлось преодолеть сильное чувство стыда, но вскоре он привык¹⁶.

Тогда же Субхас засел за сочинения ещё одного бенгальского мыслителя — Ауробиндо Гхоша (1872–1950). Также последователь Вивекананды, он воодушевлял молодых революционеров эпохи *свадеш*, а позднее уехал во французский анклав в Южной Индии город Пондишери (тамилск. Пудучерри), где удалился в *ашрам*

¹⁵ Bose S.C. An Indian Pilgrim... P. 48.

¹⁶ Ibid. P. 81.

(обитель) и погрузился в религиозную философию. Гхош тоже происходил из семьи, считавшей, что всё хорошее идёт из Британии. Более того, он прожил в этой стране 14 лет и держал экзамены на занятие постов в Индийской гражданской службе, верхнем звене административного аппарата Британской Индии, куда попасть было нелегко и очень престижно. Однако вдруг прервал своё поступление и стал чиновником в княжестве Барода в Гуджарате. При этом подчёркивал, что Индия нуждается в силе — физической и духовной.

На каникулах Субхас вернулся в Каттак, где участвовал в уходе за больными холерой в окрестных деревнях: «Недельный опыт открыл моим глазам новый мир и раскрыл картину истинной, деревенской Индии, где торжествует бедность, люди мрут как мухи и царит неграмотность»¹⁷. А после первого курса, на летних каникулах 1914 г., Субхас внезапно... исчез из дома. Вместе с другом Хемантой Саркаром он отправился на поиски гуру. Приятели посетили главные индуистские места паломничества Северной Индии — Варанаси, Матхуру, Хардвар и др. Однако путешествие принесло разочарование: Субхас оказался свидетелем кастовой дискриминации и мелких склок религиозных деятелей. Из-за его принадлежности к небрахманской касте каястха брахманы в одном месте отказали ему в пище, в другом — в питье¹⁸. Впрочем, сам Субхас, несмотря на искренние демократические убеждения, всю жизнь будет помнить о собственном высококастовом происхождении. Вернувшись в Калькутту, он слёг с тифом. А вскоре пришла весть о начале Первой мировой войны.

Новости о войне заставили Боса почувствовать, что родная Индия неотделима от остального мира. Другим фактором, который пробуждал его политическое самосознание, был неприятный опыт общения с британцами в повседневной жизни Калькутты. Многие из них были настроены расистски и не думали этого скрывать. Особенно расизм проявлялся в трамвае. Если сиденье напротив занимал индеец, британец нередко вытягивал ноги и клал их туда же, касаясь сидящего туфлями. Многие индийцы, едущие на работу бедные клерки, мирились с оскорблением, но к этому были готовы не все. На улице британцы ожидали, что индийцы будут уступать им дорогу, а если этого не случалось, толкали их или давали пощёчину¹⁹. Такие инциденты до основания пошатнули воспринятую Босом у южноиндийского философа Шанкарачарьи (788–820) доктрину *майи*, под которой тот понимал иллюзорность всего материального мира. Субхас не мог убедить себя, что оскорбление со стороны чужеземца — иллюзия, которую можно игнорировать. Поэтому часто вступал с заносчивыми британцами в перепалки.

Кроме учёбы Бос издавал журнал своего вуза и организовал дебаты как средство развивать у соотечественников способность опираться на свои силы. Уже в 1915 г. пришёл к выводу, что имеет в жизни определённую миссию и не должен «плыть по течению».

Это убеждение укрепил на шумевший в колледже инцидент 1916 г. с профессором истории англичанином Эдуардом Оутеном. Тот применил физическое воздей-

¹⁷ Ibid. P. 84.

¹⁸ Chakrabarty B. Subhas Chandra Bose and Middle Class Radicalism: A Study in Indian Nationalism, 1928–1940. L.; N.Y.: I.B. Tauris, 1990. P. 23.

¹⁹ Bose S.C. An Indian Pilgrim... P. 91.

ствие к нескольким однокурсникам Субхаса. Студенты устроили забастовку, причём одним из её организаторов был Субхас. Профессор, однако, не успокоился, и после ещё одного случая распускания рук его поколотили. При этом в ходе потасовки в группе студентов видели Субхаса. Индийские историки настаивают, что Оутен воплощал всё отвратительное в британском правлении. Студентам он внушал: «Как греки эллинизировали варварские народы, с которыми вступили в контакт, так и миссия англичан — цивилизовать индийцев»²⁰. Правительство Бенгалии закрыло колледж на неопределённый срок и назначило комиссию по расследованию, а Субхаса директор исключил, назвав его студентом, причиняющим наибольшее беспокойство. До конца так и не ясно, участвовал он лично в нападении на преподавателя или нет. Когда много позднее племянники спросили его об этом, Бос улыбнулся и ушёл от прямого ответа.

Осмыслив этот случай с высоты лет, Бос увидел в нём решающий толчок на верный путь: «Директор исключил меня, но обеспечил мне дальнейшую карьеру. Я создал для себя прецедент, от которого не мог легко отойти в будущем. В кризисной ситуации я... выполнил свой долг. Я выработал уверенность в себе и инициативность, которые сослужили мне хорошую службу в дальнейшем. Я впервые вкусил лидерства, пусть и в очень ограниченном масштабе, и мученичества, которое оно подразумевало»²¹.

Конфликт принёс Субхасу высокую репутацию: студенты смотрели на него с уважением, старшие братья в Калькутте считали его правым, и даже родители были на его стороне. А вот с группой единомышленников, с которыми Субхас обсуждал вопросы эзотерики, он потерял связь окончательно: товарищи сочли, что прямого конфликта с властями надо было избежать. Бос уже и без того от них отдалялся: писал эссе в защиту материализма и считал товарищей догматиками. По-прежнему стремясь следовать принципу Вивекананды на практике, год после исключения из колледжа провёл в Ориссе, вновь ухаживая за больными холерой и оспой. Тогда же стали проявляться его организаторские способности: он увлекал молодёжь на общественные работы.

В июле 1917 г. Бос был принят в Шотландский церковный колледж, где опять занялся философией. Кроме того, добровольно вступил в университетскую часть Индийских сил обороны, которую сформировали британцы в условиях мировой войны. Бос очень хотел пройти основы военной подготовки. Спортивным не был с детства, но физическую силу ценил высоко. Частично учения проходили близ калькуттского форта Уильям, колыбели Раджа. Именно эта крепость Ост-Индской компании, возведённая ею в конце XVII – XVIII в., послужила ей главным очагом распространения военно-политической власти в Индии. Как объяснил Бос в автобиографии, «эта подготовка дала мне нечто, в чём я нуждался и чего мне не хватало. Чувство силы и уверенности в себе выросло ещё больше. Как солдаты мы обладали определёнными правами, которых не имели как индийцы. Для нас как индийцев форт Уильям был недостижим, но как солдаты мы имели право входить туда. По правде сказать, в первый день, когда мы вошли строем в форт Уильям, чтобы зане-

²⁰ Bose M. The Lost Hero... P. 18.

²¹ Bose S.C. An Indian Pilgrim... P. 99.

сти ружья, мы испытали необычное чувство удовлетворения, как если бы мы вступали во владение чем-то, на что имели неотъемлемое право, но чего были несправедливо лишены»²². По закону 1878 г. гражданским лицам в Индии было запрещено носить оружие.

Прохождение военной подготовки стало ответом Боса на обидный для многих бенгальцев британский стереотип этого народа как невоинственного, под чем понималась изнеженность и склонность к умозрительности. После восстания *сипаев* («туземных» солдат англо-индийской армии) 1857–1859 гг. британцы, стремясь исключить его повторение, выработали — во многом искусственную — классификацию этнических, социальных и религиозных групп Индии на «воинственные и невоинственные народы» (*martial and non-martial races*). К первым они относили те группы, которые, по их мнению, имели крепкие воинские традиции и привыкли слепо подчиняться начальству (последнее британцы ценили особенно). Это были панджабцы-мусульмане, панджабцы-сикхи, раджпуты, гархвальцы и некоторые другие общности. Остальные «народы» считались невоинственными, так как в их достижениях бросалось в глаза развитие прежде всего земледелия, торговли, гражданского управления. Ярким примером таких народов и выступали обычно бенгальцы.

На выпускных экзаменах 1919 г. на степень бакалавра Бос, как прежде в средней школе, занял второе место во всём университете. Продолжать изучать философию в магистратуре не собирался, так как знакомство с ней не решило мучивших его фундаментальных вопросов. Поэтому переключился на экспериментальную психологию. И тут отец предложил ему поехать учиться в Британию. За пять лет до этого старший брат Субхаса Сарат, отучившись в Лондоне, вернулся оттуда барристером²³. Перед Субхасом отец поставил более амбициозную цель — подготовиться к экзаменам на чин в Индийской гражданской службе. Попасть в её аппарат было пределом мечтаний любого чиновника в Индии, но доля индийцев в нём была ничтожной. Так, за период 1886–1910 гг. на Индийскую гражданскую службу поступило всего 68 индийцев и 1235 европейцев²⁴.

Субхас принял предложение отца. Был почти уверен, что за восемь месяцев не успеет подготовиться к трудным экзаменам на чин, зато не хотел упускать возможность получить в Англии университетскую степень. По его справедливому мнению, у британцев было чему поучиться: размеренному труду, оптимизму и чёткому пониманию своих национальных интересов. Не любя британцев в целом за то, что они сделали с его Родиной, Бос пытался убедить их, что их некоторые нравственные качества, такие как верность, присущи и индийцам. Американский индолог Леонард Гордон любопытно объяснил это амбивалентное отношение к британской власти синдромом хорошего и плохого мальчика: индеец хотел восстать против неё, но в то же время получить её одобрение²⁵.

²² Ibid. P. 113.

²³ Одна из двух категорий адвокатов в Британии; пользуется большим престижем, чем другая категория — солиситоры.

²⁴ Burke S.M., Quraishi, Salim Al-Din. The British Raj in India: An Historical Review. Karachi etc.: Oxford University Press, 1995. P. 61.

²⁵ Gordon L. Bengal: The Nationalist Movement, 1876–1940. N.Y.: Columbia University Press, 1974.

Правда, в своей позиции относительно метрополии Бос был последовательнее своего будущего соратника Джавахарлала Неру (1889–1964), который разрывался между восхищением британскими социально-политическими идеалами и отвращением к британской колониальной практике. И всё-таки Бос тоже был весьма вестернизированным индийцем, взгляды которого на господство Запада сформировали западные же идеологии либерализма и социализма, в том числе не напрямую, а через посредничество Вивекананды. Уже тогда отвергая колониальные порядки (а очень скоро и колониализм как таковой), Субхас всё равно смотрел на вещи во многом европейскими глазами, требуя покончить с двойным стандартом демократии в метрополии и автократии в колонии. Характерно, что, хотя позднее, в годы Второй мировой войны, Бос обратится к образу последнего шаха Могольской империи как к символу антибританской борьбы, вице-короля лорда Кёрзона он за его авторитарные методы заклеил Великим Моголом.

2. Учёба в Британии и отказ служить Раджу (1919–1921)

В сентябре 1919 г. Бос отплыл из Бомбея в Англию. Прибыв в октябре в Кембридж, он был принят в Фицуильям-колледж (в разное время его окончили биохимик Альберт Сент-Джёрджи, экономист Джозеф Стиглиц и премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю). После Калькутты с её полицейскими порядками Бос глотнул свободы. Его приятно удивило, что в Кембридже к студентам относятся уважительно, как к ответственным гражданам. Были среди студентов и соотечественники Боса. Один из них, бенгалец Дилип Кумар Рой (1897–1980), стал его ближайшим другом, с которым он впоследствии регулярно переписывался. Как вспоминал Рой, Бос приобрёл у индийских студентов Кембриджа авторитет лидера²⁶.

Погрузившись в учёбу, Бос посещал необычно большое число лекций, так как готовился одновременно к трайпосу (выпускной экзамен на степень бакалавра в Кембридже) по ментальной и моральной науке и к экзаменам на чин в Индийской гражданской службе. Последние предполагали восемь или девять предметов, включая сочинение, санскрит, философию и английское право. Особенно важным для Боса в долгосрочной перспективе стало знакомство с политической наукой, экономикой, европейской и английской историей. В письмах другу в Индию он признался, что именно в Британии вполне осознал необходимость для Индии массового образования и профсоюзных организаций. Большевистскую революцию в России Бос считал «ярчайшим примером» того, чего может достичь «власть народа»²⁷. Проводя социально-политические параллели, назвал шудр и неприкасаемых лейбористской партией Индии (тут хватил лишку).

В Индии между тем положение становилось всё напряжённее. На сессии в декабре 1920 г. в Нагпуре (Центральные провинции, ныне в штате Махараштра) ИНК провёл подготовку к серьёзной борьбе с властями. В частности, он реформировал свою структуру: учредил Рабочий комитет как постоянный руководящий орган партии и создал провинциальные комитеты. Политической целью Конгресс провозгласил самоуправление страны — *сварадж*, путём к нему объявив «все мирные и законные средства». Это было сделано вскоре после принятия британским парла-

²⁶ Roy D.K. Netaji — The Man: Reminiscences. Chaupatty; Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1966. P. 29–30.

²⁷ Bose S. Op. cit. P. 37.

ментом Акта об управлении Индией 1919 г., более известного как конституционные реформы Монтегю—Челмсфорда. Целью реформ было сбить накал индийского протеста, сохранив в то же время реальную власть в руках британцев. В частности, на уровне провинций была введена система двоевластия — *диархии*, при которой менее важные административные сферы (местное самоуправление, здравоохранение, образование и т.д.) были переданы чиновникам-индийцам. Однако ранее, в марте того же 1919 г., Имперский законодательный совет в Дели принял закон совсем иного рода — репрессивный Акт Роулетта, который дал властям право арестовывать индийцев без судебного ордера и держать их в тюрьме неопределённо долго без суда. Протесты против этого произвола привели к беспрецедентной Амритсарской бойне 13 апреля 1919 г. в Панджабе, когда войска стреляли в безоружную толпу и погибло, по британским данным, 379 демонстрантов, а по индийским (которые ближе к истине) — около тысячи²⁸. Учинивший эту резню бригадный генерал Реджиналд Дайер (1864–1927) хотел запугать индийцев, но оказал Раджу медвежью услугу: мера стала контрпродуктивной и всколыхнула всю Индию.

В июле 1920 г. Бос вопреки опасениям успешно сдал в Лондоне все экзамены на чин, причём и здесь с отличием: занял четвёртое место. Однако стал мучиться вопросом: совместимы ли его идеалы служения человечеству со службой Британской империи? Просил совета у Сарата и писал ему: «Только на почве самопожертвования и страданий можем мы выстроить своё национальное здание. Если все мы займёмся исключительно работой и будем оберегать лишь собственные интересы, не думаю, что получим самоуправление (*Home Rule*) и через 50 лет»²⁹. Субхас был не в восторге от перспективы стать чиновником Индийской гражданской службы, но на этом настаивал отец: то была самая престижная карьера в Индии, и для блестящих способностей его сына она казалась естественным приложением. Большому кораблю — большое плавание. Эта поговорка весьма подходит для описания жизни Боса, но пока он и сам не представлял себе, какое плавание предстоит ему на деле.

При поддержке двух своих старших сыновей — Сарата и Сатиша — отец предложил компромисс: Субхас поработает чиновником несколько лет и, если ему не понравится, уйдёт в отставку. Сыну было нелегко идти против воли отца, но он чувствовал, что вопрос принципиальный. В Индии поднималась новая волна антиколониального движения: отгремела разорительная Первая мировая война, укреплялся национальный предпринимательский слой, радикализировались требования ИНК. Мохандас Карамчанд Ганди (1869–1948) превращал Конгресс из элитарной организации в массовую.

В это время появился у Боса духовный наставник. Им стал видный бенгальский политик Читтаранджан Дас (бенг. Читторонджон Даш, 1870–1925). Он тоже происходил из известной семьи; как Сарат Бос, получил в Британии образование барристера. После призыва Ганди к массовому несотрудничеству с властями из-за Акта Роулетта Дас оставил адвокатскую практику, демонстративно сжёг свою

²⁸ Райков А.В. Амритсарская трагедия 1919 г. и освободительное движение в Индии. М.: ГРВЛ, 1985. С. 69–70.

²⁹ Selected Speeches of Subhas Chandra Bose / Foreword by B. Gopala Reddi. Delhi: Publications Division, 1962. P. 11.

одежду британского производства, облачился в *кхади* (домотканую одежду) и возглавил в Бенгалии движение неповиновения, став председателем провинциального комитета ИНК. Активная националистическая деятельность принесла Дасу почётное прозвище Дешбандху (бенг. Дешбондху), Друг страны.

Ещё из Британии Бос 16 февраля 1921 г. написал Дасу письмо, в котором кратко рассказал о себе и просил располагать им ради национального дела. «Цель моего письма к Вам, — писал он, — выяснить, как Вы можете использовать меня в этой великой работе на благо страны. Каким образом можете Вы задействовать меня в таком задании, которое требует великой жертвы?»³⁰ Бос вызвался работать в Индии журналистом националистической газеты, сельским активистом или учителем одной из возникавших в ту пору национально ориентированных школ. Вместе с тем не побоялся покритиковать ИНК и заявил, что эта организация должна срочно решить ряд вопросов: обзавестись постоянным штатом экспертов, а также «отделом разведки» для сбора данных, самостоятельно издавать и распространять книги с объяснением своей политики, выработать чёткую позицию в отношении индийской валюты, князей, избирательного права и «угнетённых классов»³¹. Дас оценил эти предложения, принял их и в ответном письме отметил нехватку искренних работников³². Более того, именно он стал политическим отцом Боса.

Сделав гражданский выбор, Бос в апреле 1921 г. подал министру по делам Индии (1917–1922) Эдвину Монтегю прошение об увольнении с Индийской гражданской службы, право на карьеру в которой только что с таким трудом заработал. Индию тем временем с августа 1920 г. захлестнула первая *сатьяграха* — антибританская кампания гражданского неповиновения и ненасильственного несотрудничества, которую организовал ИНК во главе с Ганди. Бос настаивал, что работа в колониальном аппарате несовместима для индийца с чувством самоуважения. Сокрушался, что за всю историю британского правления ни один индеец не отказался от государственной службы по мотивам патриотизма. Считал, что перед индийцами встала задача создать нацию, а для этого необходим бескомпромиссный идеализм в духе Дж. Хэмпдена (ок. 1595–1643) и О. Кромвеля (1599–1658), лидеров английской революции XVII в. По его словам, «пришло время умыть наши руки от всякой связи с британским правительством»³³.

В коридорах власти отставка Боса стала громом среди ясного неба: возникал нехороший прецедент. «Для британцев человек, который сдал экзамены на ИГС (Индийскую гражданскую службу. — К. Ф.), а затем отказался от должности, был чем-то новым, и они просто не могли взять в толк, что побудило Субхаса Боса так поступить. В Британии национализм имел прочные позиции, но британцы не могли оценить по достоинству, что Босом может двигать индийский национализм, который стремится видеть страну свободной от иностранной власти»³⁴; «Сам по себе этот эпизод биографии Боса, помимо неординарности его личности, свидетель-

³⁰ Цит. по: Das Gupta H. Deshbandhu Chittaranjan Das. Delhi: The Publication Division, 1960. P. 57.

³¹ Ibid. P. 57–58.

³² Selected Speeches of Subhas Chandra Bose. P. 11.

³³ Bose S.C. An Indian Pilgrim... P. 139.

³⁴ Bose M. The Lost Hero... P. 30.

ствовал о качественных сдвигах в политических процессах в колониальной Индии. Политическая жизнь в стране достигла к 1920-м годам такой степени развитости, что карьера профессионального политика приобретала самоценность и привлекательность в глазах молодых и честолюбивых патриотов»³⁵.

Британские чиновники, включая постоянного заместителя министра по делам Индии (1920–1924) сэра Уильяма Дьюка, пытались переубедить Боса, но тщетно. Вскоре он получил в Кембридже степень по философии и отплыл домой. Плыл, кстати, на одном корабле с Тагором и обсуждал с ним новый курс ИНК — политику несотрудничества под руководством Ганди. Прибыв 16 июля 1921 г. в Бомбей, Бос в тот же день впервые посетил Ганди в доме Мани Бхаван, где тот обычно останавливался у друга. Бос видел в нём революционного лидера и забросал вопросами о том, какими должны быть методы борьбы Индии за свободу. Однако большинством ответов остался не удовлетворён, в частности тем, как Ганди представляет себе механизм получения самоуправления через гражданское неповиновение. С первой же их встречи стало очевидно, что на Боса — в отличие от подавляющего большинства индийцев — харизма Ганди не действует.

У неудачи Ганди с Босом было несколько причин. Первая относилась к сфере власти. Скептицизм Боса в отношении Махатмы можно считать квинтэссенцией конфликта бенгальского национализма с общеиндийским. До подъёма Ганди во второй половине 1910-х годов руководства национально-освободительным движением в масштабе всей Индии не было, существовали только региональные группы интересов, организации и лидеры. Вместе они и составляли ИНК, который в первые десятилетия существования был именно конгрессом, съездом, но не партией. Увенчав это здание, Ганди завершил превращение Конгресса в антиколониальную силу. Однако это пришло в противоречие с интересами части региональных элит: те почувствовали непрочность своего положения. Особенно больно это ударило как раз по Бенгалии, которая, по сути, и изобрела индийский национализм. Приход Ганди низвёл Бенгалию в идейно-политическом плане до уровня других провинций. Это во многом объясняет непростые отношения, которые сложились у Махатмы и руководства Конгресса с бенгальской элитой. Ганди эту страну Индии никогда полностью не контролировал, а среди бенгальцев возникло и по сей день сохранилось ощущение, что гандисты их обокрали³⁶.

Вторая причина антипатии Боса к гандизму была связана с идейными основами национализма. Бенгальский национализм сформировался как синтез индийской системы и западных методов. В Бенгалии была сильна революционная школа, которая выросла на итальянских, ирландских и русских доктринах и методах. Конечно, гандизм тоже сложился отчасти под влиянием европейских мыслителей, включая Джона Рёскина (1819–1900) и Л.Н. Толстого (1828–1910). И всё же от бенгальских националистов Ганди резко отличали и акцент на *ахимсе* (ненасилии), и выстраивание общеиндийского национализма с привлечением социально-религиозного идеала *Рамраджьи* — земного царства индуистского эпического бога-героя Рамы, где царят мир и благоденствие, а вопрос равенства не так уж важен, поскольку богачи

³⁵ Курныкин О.Ю. Парадоксы политической биографии С.Ч. Боса. М.: Муравей-Гайд, 2000. С. 25.

³⁶ Bose M. The Lost Hero... P. 44.

опекают бедняков. Однако, несмотря на внешнее смирение, с каким проповедовались эти взгляды, предполагали они беспрекословное подчинение. Ганди призывал последователей к гражданскому неповиновению британской власти, но исподволь добивался полного повиновения себе самому.

Неслучайно Тагор, вернувшись в Индию, отметил появившийся в стране дух преследований, который исходит не от вооружённой силы, но беспокоит ещё больше, так как является невидимым. Поэт уловил нетерпимость нового руководства Конгресса к инакомыслию внутри собственной организации и национального движения в целом. В 1925 г. в письме известному французскому писателю, тоже лауреату Нобелевской премии по литературе, Ромену Роллану (1866–1944) он посетует на то, что их с Ганди понимание истины и её поиски совершенно противоположны, и «невозможно быть несогласным с Махатмой и найти у кого-то в Индии поддержку»³⁷. Хотя именно Тагор одним из первых наделил Ганди почётным прозвищем Махатма (в марте 1915 г.), позднее он сильно разочаровался, в том числе в его методах. Поэт был свидетелем тому, как бойкот образовательных учреждений в годы свадеши (вторая половина 1900-х гг.) поломал жизнь целому поколению молодёжи, и не хотел, чтобы та же участь постигла следующее поколение. Опасался Тагор и того, что механическое подражание Ганди с его прялкой притупит у народа способность критически мыслить.

Расколу между многими бенгальцами-индуистами и гандистами-небенгальцами способствовал и вопрос отношения к культуре вообще и бенгальской культуре в частности. Бенгальцы по праву гордились языком и литературой своей страны, сожалели, что Ганди отвергал искусство, литературу, науку и вообще современную цивилизацию. Они считали себя защитниками одновременно богатой региональной традиции и положительных аспектов западной цивилизации³⁸.

Наконец, третья причина коренилась в сфере религии. Чуть упрощая, можно сказать, что столкнулись шиваизм с вишнуизмом. После почти полного исчезновения из Индии буддизма неприятие брахманизмом джайнских и буддийских монахов с их ненасилием и аскетизмом вылилось во вражду между *шактами*, приверженцами богини Дурги с её культом силы, которые составляли большинство членов высших каст, и *вайшнавами* школы проповедника-кришнаита Чайтаньи (бенг. Чойтонно, 1486–1534), которые по роду занятий были в основном торговцами и ремесленниками. Представитель бхадралока всегда смотрел на нищего или раболепствующего вайшнава сверху вниз. Истинный брахманизм считал справедливую войну делом чести, а ненасилие презирал как трусость³⁹. Семья Боса, как отметил он в автобиографии, традиционно исповедовала шактизм⁴⁰.

Бос уважал Ганди (как увидим, даже слишком), но в отличие от большинства конгрессистов не чтил его свято. Неслучайно Бос называл его Гандиджи или Махатмаджи («-джи» — присоединяемая к имени уважительная частица), но никогда

³⁷ Rabindranath Tagore et Romain Rolland. Lettres et autres écrits. P.: Albin Michel, 1961. P. 65.

³⁸ Gordon L.A. Op. cit. P. 296.

³⁹ Chaudhuri N.C. Subhas Chandra Bose — His Legacy and Legend // Pacific Affairs. Vol. 26, no. 4. December 1953. P. 354.

⁴⁰ Bose S.C. An Indian Pilgrim... P. 15.

не Бапу (Отец), как делали с подачи Джавахарлала Неру все гандисты. Истинным политическим гуру для Боса стал Читтаранджан Дас — представитель бенгальской элиты, которая была не в восторге от появления общеиндийской надстройки в виде реформированного в 1920 г. ИНК.

Впрочем, в ИНК позиции Дешбандху были ненамного слабее позиций Махатмы. Нередко считается, что Дас представлял более умеренную часть конгрессистов. Однако фактически на сессии Конгресса в Нагпуре 1920 г. была принята программа именно его, а не Ганди. Выборы в законодательные советы после введения диархии уже прошли, и вопрос их бойкота потерял актуальность. Дас стремился к более решительной антибританской кампании, чем Ганди, кампании, нацеленной на реальную передачу власти. К административному бойкоту он потребовал добавить экономический и вместо постепенного развёртывания бойкота в четыре этапа дать Всеиндийскому комитету Конгресса право начать масштабную кампанию, соединив все этапы (включая неуплату налогов). По всем этим пунктам Ганди пришлось уступить⁴¹. После сессии Дас подал личный пример, оставив юридическую практику в Высоком суде Калькутты.

⁴¹ Ray R.K. Social Conflict and Political Unrest in Bengal, 1875–1927. Delhi etc.: Oxford University Press, 1984. P. 262–263.

3. Возвращение на родину и начало политической деятельности (1919–1927)

Вернувшись в Калькутту, Субхас поселился в доме семьи Сарата на Вудбёрн-парк по соседству с домом отца. Вскоре встретился с Дасом лично и окончательно признал в нём лидера. Искренность и таланты Боса, со своей стороны, произвели впечатление на Даса, и тот назначил молодого соратника секретарём Бенгальского провинциального комитета ИНК по работе с общественностью. Кроме того, Дас сделал Боса директором только что учреждённого Бенгальского национального колледжа. Это была попытка найти созидательную альтернативу характерному для гандизма нигилистическому бойкоту всего британского.

Бос погрузился в работу с присущим ему рвением и отличился на поприще написания статей и редактирования антиколониальной прессы. Кульминации его общественная деятельность достигла в декабре 1921 г., когда в Бомбей прибыл принц Уэльский — будущий король Эдуард VIII (1936). Формальной целью визита наследника престола было поблагодарить Индию за поддержку в войне. На деле же британцы рассчитывали напомнить индийцам, что настоящий «бапу» для них — монарх Великобритании. Однако визит принца лишь подлил масла в огонь недовольства. Конгресс призвал к всеобщему протесту против визита в форме *хартала* — всеобщей забастовки, когда не работают мастерские, лавки, школы. Кое-где, например в Пешаваре, власти пытались нейтрализовать это показухой: выстроили к проезду принца школьников и детей чиновников, которые приветствовали его маленькими британскими флагами за обещанные пакеты конфет⁴².

Однако преобладали в стране другие настроения. В Калькутте организацию хартала фактически возглавил Бос. Его и Даса арестовали и поместили в тюрьму. Всего в жизни Боса таких заключений будет 11 (в жизни Неру — девять). К этому времени британцы успели так настроить против себя многие слои населения, что даже Джанакинатх выразил гордость за сына. Субхас был рад, что пострадал за участие в национальном движении, и выразил магистрату недовольство мягким, по его мнению, приговором: «Всего шесть месяцев? Я что, курицу украл?»⁴³.

⁴² *Bright J.S.* Subhas Bose and His Ideas. Lahore: Indian Printing Works, 1946. P. 40.

⁴³ *Kumar A.* Subhas Chandra Bose. The Great Freedom Fighter. New Delhi: Penguin Random House, 2010. P. 47.

В феврале 1922 г. Бос, ещё находясь в заключении, был потрясён решением Ганди прервать сатьяграху. Принято оно было после событий в деревне Чаури-Чаура в Соединённых провинциях (современный штат Уттар-Прадеш), где толпа перешла грань ненасилия и сожгла полицейский участок, перебив 22 полицейских. Ганди настаивал, что инцидент показал неготовность народа к ненасильственному сопротивлению, но Бос (и не он один) сделал вывод: Махатма воспользовался инцидентом, чтобы не признать собственного поражения. Многие лидеры ИНК, включая Даса, были возмущены поведением Ганди. Правда, вскоре власти задержали его самого за статьи в журнале «Молодая Индия». В них Махатма защищал руководителей антибританского халифатистского движения индийских мусульман — братьев Шауката Али (1873–1938) и Мухаммада Али (1878–1931) — за призыв к солдатам-индийцам не служить британской власти. Вот такой призыв пришёлся Босу по нраву.

Отсидев в тюрьме восемь месяцев, Бос с группой молодых активистов отправился в *дистрикты* (округа) Северной Бенгалии, пострадавшие от наводнения. Там собрал тысячу добровольцев и эффективно руководил работой по ликвидации последствий стихии. В том же 1922 г. освобождённый из тюрьмы Дас на сессии ИНК в Гайе был избран его председателем (выборы председателя проходили ежегодно). Возглавив Конгресс уже на общеиндийском уровне, бенгальский лидер выступил за резкую смену политической стратегии. Прежде ИНК полностью бойкотировал выборы в законодательные советы (легислатуры), учреждённые согласно реформам Монтегю—Челмсфорда 1919 г. По мнению Даса, несотрудничество могло быть успешным, только если будет всеохватывающим. Он предложил конгрессистам прекратить бойкот и баллотироваться в советы, чтобы продолжать борьбу изнутри этих органов: набрать в советах большинство мест, а затем парализовать их работу, пока британцы не уступят реальных рычагов власти. Это было подражанием тактике ирландской националистической партии «Шинн фейн». Однако большинство делегатов следовали за Ганди и предложение Даса отвергли.

Тогда Дас сложил с себя полномочия председателя ИНК и в феврале 1923 г. вместе с другим видным конгрессистом Мотилалом Неру (1861–1931, отец Джавахарлала) объявил в Аллахабаде о создании партии Свараджья — Партии самоуправления. Позднее, в условиях отмены сатьяграхи и спада массового движения, Конгресс всё-таки увидел в тактике Даса жизнеспособную альтернативу и разрешил своим членам участвовать в выборах в легислатуры в рядах партии свараджистов. Оставаясь членом ИНК, Бос вступил в новую партию и стал вести её отношениями с общественностью. Также его задачей было организовать рабочее и молодёжное движение.

Активно работая в качестве конгрессиста и свараджиста, Бос получил известность как правая рука Даса. Работал редактором бенгалоязычной и англоязычной газет, стал генеральным секретарём Бенгальского провинциального комитета Конгресса и показал большие организационные способности. Дас называл Босу молодым старцем, имея в виду его юный возраст и в то же время недюжинный ум⁴⁴. Бос начал спорить с теми, кто некритически воспринимал Ганди как спасителя Индии.

⁴⁴ Ganpuley N.G. Netaji in Germany: A Little-Known Chapter. Chaupatty; Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1959. P. 7.

Ил. 1. Бос в молодости.

Во многом благодаря умелой организации Босом предвыборной кампании свараджисты заняли много мест в законодательном совете Бенгалии. В апреле 1924 г. на выборах чиновников Калькуттской корпорации Дас был избран первым в её истории мэром, Сарат Бос стал олдерменом (членом муниципального совета), а 27-летнего Субхаса Дас назначил главным исполнительным чиновником муниципальной администрации. Бос был не вполне рад этому и задал вопрос, для того ли он отказался от Индийской гражданской службы. Однако за дело взялся с присущей ему энергией: «Конечно, тут есть дихотомия: Субхас Бос, революционер, который стремился уничтожить власть британцев, но прославился тем, что использовал один из их наиболее характерных институтов. Корпорация была полезна, так как давала опыт власти в ограниченной, но эффективной сфере; к тому же привлекательным фактором был, безусловно, патронаж. Кроме того, конгрессистские кампании гражданского неповиновения означали, что ни один из институтов Раджа не был доступен, а корпорация представляла собой почётное исключение»⁴⁵. Если в отношении бенгальской легислатуры свараджисты придерживались тактики обструкции, то в органах местного самоуправления они проводили «положительную» работу в национальных интересах⁴⁶.

Особое внимание Бос уделял образованию и здравоохранению. Его главной целью в этой сфере было доказать, что индийцы способны управлять собственными делами. В Калькутте появились бесплатные начальные школы и детские клини-

⁴⁵ Bose M. Raj, *Secrets, Revolution...* P. 54.

⁴⁶ Курныкин О.Ю. Указ. соч. С. 49.

ки. Также главный исполнительный чиновник проводил в жизнь курс Даса на сотрудничество двух крупнейших религиозных общин — индуистов и мусульман. В 1923 г. Дасу удалось добиться соглашения между партией Свараджья и ведущими мусульманскими политиками Бенгалии, которое вошло в историю как Бенгальский пакт: Свараджья не возражала, что, когда ИНК придёт к власти, 60% всех должностей в Бенгалии будет зарезервировано за мусульманами, причём в Калькуттской корпорации — даже 80%⁴⁷. Это притом, что мусульмане составляли всего четверть населения города. Была, правда, в работе Калькуттской корпорации и тёмная сторона, о которой индийские историки вспоминают неохотно: передача британцами индийцам городского самоуправления сопровождалась расцветом коррупции, «откатами», которые получала правящая партия от фирм за предоставляемые контракты⁴⁸. Впрочем, сам Бос половину своего жалованья, а именно 1500 рупий, жертвовал на благотворительность⁴⁹.

Энергично работая, Бос постоянно поддерживал силы чаем. В течение трудного дня мог выпить около 20 чашек и как-то пошутил, что без чая не было бы политики⁵⁰. Однако не успел добиться на муниципальном поприще многого, так как в октябре 1924 г. вновь попал в тюрьму. Резонансный уход Боса с Индийской гражданской службы, отказ осудить насилие как таковое, активная общественная деятельность — всё это создало у властей впечатление, будто он заодно с той частью бенгальского национального движения, которая стояла за насильственные методы борьбы. Его заподозрили в причастности к неудачному покушению на известного применением пыток полицейского комиссара Калькутты. Полиция подготовила на Боса досье, где представила его деятелем с двойным дном: подпольный революционер под личиной публичного политика. Утверждалось, что Бос — «ведущий организатор революционного движения в Бенгалии» и даже держит связь «с большевистскими пропагандистами»⁵¹. Последнее обвинение было вовсе абсурдным: предложение Коминтерна о сотрудничестве Дас отверг.

Ещё когда Бос организовал в Калькутте протесты против визита принца Уэльского, чиновники Раджа были убеждены, будто «в Бенгалии организована революционная партия, главным образом Субхасом, и что члены этой партии намерены запастись оружием и боеприпасами, чтобы быть готовыми воспользоваться первой возможностью...»⁵². Даже в организации Босом помощи пострадавшим от наводнений одному британскому агенту померещилась подготовка к масштабной революционной деятельности. Вообще чиновники в Лондоне на удивление плохо знали, что происходит в Индии на деле.

«Дас и Бос не поддерживали актов индивидуального террора и не считали, что свараджа можно добиться террористическими методами. Однако, выросшие в бенгальской политической традиции, они в то же время не оказывали безоговорочной

⁴⁷ Bose M. The Lost Hero... P. 94.

⁴⁸ Ray R.K. Op. cit. P. 320.

⁴⁹ Bose M. The Lost Hero... P. 50.

⁵⁰ Ibid. P. 60.

⁵¹ Bose S. Op. cit. P. 55.

⁵² Цит. по: Bose M. The Lost Hero... P. 69.

поддержки гандистскому ненасилию. Бос, возможно, не был в принципе против организованной вооружённой борьбы, но сознавал, что для подчинённого населения, у которого нет никакого оружия, это не выход»⁵³. Хотя повлиявший на него Аурубиндо Гхош предвосхитил ненасилие Ганди, Бос не считал однозначно преступными и другие методы. По его мнению, пассивное сопротивление могло перерасти в вооружённое, и тогда воздержание от насилия заслуживало такого же упрёка, с каким обратился в эпосе «Махабхарата» бог Кришна к герою-Пандаву Арджуне в знаменитой беседе перед битвой на Курукшетре.

Несмотря на отсутствие улик, Бос заключили в тюрьму без суда. На этот раз его не содержали в Бенгалии, а выслали в Мандалай, в Бирму, которая, правда, в административном отношении была частью Индии. После окончательного завоевания Бирмы в 1886 г. британцы официально включили всю её территорию в состав Индийской империи. Бос гордился заключением в Мандалае, потому что именно в этом городе в начале века отбывали срок уважаемые конгрессистские деятели — маратхский националистический лидер Бал Гангадхар Тилак (1856–1920) и панджабский политик Лала Ладжпат Рай (1865–1928).

Дас между тем противодействовал британцам как мог и почти парализовал их машину управления в Бенгалии. Свараджисты опрокинули бюджет провинции и дважды отказывались утвердить министерские жалованья. Тогда губернатор Бенгалии (1922–1927) граф Литтон взял управление в свои руки, показав, за кем остаётся последнее слово даже при режиме диархии. Дас подорвал в этой борьбе здоровье и в июне 1925 г. внезапно умер в Дарджилинге.

Узнав в Бирме о кончине своего гуру, Бос был ошеломлён. Эта смерть означала, что в ключевой момент политической жизни Боса рядом с ним не стало опытного наставника. Не умри Дас, Бос, возможно, был бы в политике меньшим аутсайдером, чем стал на деле⁵⁴. Его соратник-соперник Джавахарлал Неру будет пользоваться возможностью иметь гуру (которым выступал сам Ганди) ещё более 20 лет.

В тюрьме Мандалая Бос времени не терял. Во-первых, занимался своим образованием, причём интенсивнее, чем в Кембридже. Жадно читал и делал выписки из книг, которые присылали семья и друзья. Среди прочитанных авторов были Ф. Ницше (1844–1900), Б. Расселл (1872–1970), И.С. Тургенев (1818–1883). Довольно глубоко изучил историю и литературу страны, в которой многие индийцы видели товарища Индии по несчастью, — Ирландии. Изучал, конечно, историю и культуру родной Индии, а также Бирмы как страны пребывания. По контрасту с Индией отметил отсутствие в бирманском обществе каст и назвал Бирму «вероятно, самой бесклассовой страной после России»⁵⁵ (погорячился, конечно). Не забывал и физических упражнений: играл в бадминтон.

Во-вторых, узник вёл обширную переписку с родными, друзьями и коллегами, писал статьи и разрабатывал свою будущую программу. Продолжая жить оставшимися на воле проблемами, подготовил соображения для комитета Калькуттской корпорации по городским дорогам, обсуждал вопросы освещения улиц и началь-

⁵³ Bose S. Op. cit. P. 55.

⁵⁴ Bose M. The Lost Hero... P. 86.

⁵⁵ Bose S.C. The Indian Struggle, 1920–1934. L.: Wishart, 1935. P. 157.

ного образования⁵⁶. Из переписки с Саратом (опять же англоязычной) видно, что Субхас, упоминая индуистскую богиню Кали, читая произведения индийских литераторов, был в то же время человеком европейской культуры. В переписке с Саратом и лучшим другом Дилипом Кумаром Роем, которого Бос знал ещё по Кембриджу, упоминались Сократ (469–399 до н.э.), У. Шекспир (1564–1616), Дж. Милтон (1608–1674), Л.Н. Толстой (1828–1910), Ф.М. Достоевский (1821–1881)⁵⁷. Рой в письмах к другу настаивал, что молодёжь считает его, Боса, человеком, способным вести за собой.

В тюрьме Бос серьёзно заболел, и врачи заподозрили туберкулёз. Британские чиновники стали обсуждать, что с ним делать. Такие споры будут возобновляться всякий раз, когда Бос будет в заточении. На свободе он был для властей слишком опасен, но в тюрьме мог умереть, что в и без того напряжённой обстановке не добавило бы им популярности.

Сарат беспокоился о здоровье брата: тот потерял в тюрьме более 18 кг веса⁵⁸. Не видя юридического способа добиться его освобождения, Сарат обратился к опыту партии «Шинн фейн», которая выдвигала в кандидаты на выборы своих членов — политических заключённых. Субхас баллотировался заочно и победил. Вообще Сарат часто действовал как альтер-эго более динамичного и харизматичного брата; их гибкий тандем во многом и сделал возможной политическую карьеру Субхаса⁵⁹.

Однако Индия не Ирландия, и для освобождения из тюрьмы победы на выборах оказалось мало. Письма Боса из заключения показывают, что для блага Родины он был готов провести там всю жизнь. Между тем здоровье узника ухудшалось, и после приступа бронхопневмонии в феврале 1927 г. его переправили в центральную тюрьму Рангуна для медицинского консилиума. Власти, хотя и не сразу, согласились освободить заключённого при условии, что поправлять здоровье он поедет в Швейцарию и не вернётся в Индию, Бирму или на Цейлон до 1930 г. Бос отказался, заявив, что он не лавочник и не торгуется⁶⁰. Сарату всё же удалось выхлопотать для брата перевод в тюрьму североиндийского городка Алмора. Это место со здоровым воздухом в предгорьях Гималаев было одним из любимых горных курортов британцев в Индии. Однако до Алморе Бос не добрался. Прибыв в Калькутту, он в мае 1927 г. был неожиданно освобождён по приказу нового губернатора Бенгалии (1927–1932) Стэнли Джексона, намеренного покончить с полицейским произволом. Кнут сменился пряником.

⁵⁶ Subhas Chandra Bose Correspondence 1924–1932 / Comp. and ed. by Sisir K. Bose. Calcutta: Netaji Research Bureau, 1967. P. 21, 108–110.

⁵⁷ Ibid. P. 39, 95, 103, 165.

⁵⁸ Рассчитано по: Bose S. Op. cit. P. 66.

⁵⁹ Gordon L.A. Op. cit. P. 251.

⁶⁰ Kumar A. Op. cit. P. 52.

4. Становление Боса как политика (1927–1933)

Логика событий подталкивала Боса к руководству национальным движением в родной Бенгалии. Поначалу он сомневался, что справится, и уговаривал (хотя тщетно) взять инициативу вдову Даса — Басанти Деви (бенг. Босонти Деви, 1880–1974), которую даже называл своей приёмной матерью⁶¹. В Бенгалии всегда был силен культ Матери, нередко ассоциируемой с индуистской богиней Кали, и женщина во главе общественного движения не редкость. Мы видим это и сегодня по роли женщин в политической жизни как индийского штата Западная Бенгалия (нынешний главный министр Мамата Банерджи), так и государства Бангладеш (нынешний премьер-министр Шейх Хасина Вазед и её политическая соперница Халеда Зия, тоже побывавшая во главе правительства).

Поправив летом 1927 г. здоровье на горном курорте Шиллонг в Ассаме, Бос вернулся к делам. Сарат сделался к тому времени ведущим юристом Калькутты и строил на Вудбёрн-парк роскошный трёхэтажный особняк. По данным агентов Коминтерна, зарабатывал он, включая доход с принадлежащих ему земель, 400–500 тыс. рупий в год⁶². Его жена Бивабати (бенг. Бибхаботи) занимала в жизни Боса положение сродни матери. Субхас переселился в новый дом брата, и тот стал штаб-квартирой его организационной деятельности.

Выстроенная Дасом политическая коалиция рассыпалась в течение года после его смерти, и его бывшие соратники грызлись за власть. Место Даса в качестве председателя партии Свараджья, председателя Бенгальского провинциального комитета ИНК, а позднее и мэра Калькутты занял самый видный из них, Джатиндра Мохан Сенгупта (1885–1933). Его фигура устраивала Ганди, который и назвал его преемником Даса. Когда же обескураженный Сарат Бос спросил Махатму: «Что же ты оставил Субхасу?», тот со своей беззубой улыбкой ответил: «Субхасу — всю Индию». Сарату было не смешно⁶³. Впрочем, как покажут события, эта неудача даст Босу импульс выйти за рамки Бенгалии и в самом деле стать общеиндийским национальным лидером.

⁶¹ См., напр.: Subhas Chandra Bose Correspondence 1924–1932. P. 285, 363, 405.

⁶² Roy P. The Search for Netaji: New Findings. Kolkata: Purple Peacock Books & Arts, 2011. P. 11.

⁶³ Bose M. The Lost Hero... P. 93.

Вернувшись в 1927 г. в политику, Бос почти сразу потеснил Сенгупту, будучи избран председателем Бенгальского провинциального комитета ИНК. В декабре того же года он вместе с Джавахарлалом Неру и Шуайбом Куреши был назначен генеральным секретарём Всеиндийского комитета Конгресса. Так Бос попал в высшие эшелоны власти крупнейшей партии страны.

Своей первой задачей Бос видел восстановление мира между религиозными общинами. В 1926–1927 гг. по Индии прокатилась волна столкновений индуистов с мусульманами. Везде было одно и то же: мусульмане назло индуистам резали коров, а индуисты назло мусульманам играли на музыкальных инструментах перед мечетями. Так рухнуло детище Даса — Бенгальский пакт 1923 г. Будучи намерен восстановить добрые отношения общин, Бос выступил с речью на митинге в городском парке. Как можно добиться свободы, вопрошал он, если индуисты не в состоянии жить бок о бок с мусульманами? К сожалению, упрощал проблему: не был исключением среди индийских националистов, которые считали коммунизм почти всецело порождением британской власти с её принципом «Разделяй и властвуй». Правда, это не значит, что британцы непричастны к углублению противоречий, ведь арбитраж межобщинных отношений служил им одним из оправданий сохранения власти, как, например, и в подмандатной Палестине.

Вообще сначала индийские мусульмане и британцы относились друг к другу настороженно. И те и другие помнили, что Британская империя наследовала мусульманской Могольской империи, точнее, её политиям-преемникам. Неудивительно, что во второй половине XIX в. британское правление благоприветствовало индуистским высоким кастам, члены которых приобщались к процессу вестернизации много охотнее мусульман. В то же время открытие европейской наукой истоков индуизма, начавшееся возрождение этой религии пробудило дремавшую неприязнь индуистов к мусульманам как к былым завоевателям (Делийский султанат те основали в XIII в., а в Индию пришли ещё в VIII в., включив в состав Умайядского халифата Синд). Межобщинные проблемы не были воображаемыми и уходят корнями в доколониальное прошлое Южной Азии. К 1920-м гг. конфессиональные общины медленно, но верно скатывались во взаимную ненависть. Хотя власти и играли на противоречиях двух общин, главная ответственность за их взаимное отчуждение в последнее десятилетие перед разделом страны лежит на индуистских коммуналистских организациях⁶⁴. Содействие британцев исламскому сепаратизму в виде основания в 1906 г. партии «Всеиндийская мусульманская лига» было лишь одним из необходимых, но недостаточных факторов, которые в конечном счёте привели к рассечению субконтинента в 1947 г. на Индийский Союз и Пакистан.

Бос стал одним из немногих политиков-индуистов, кто заработал уважение мусульман за попытки наладить межобщинный диалог. Его опыт на этом поприще подготовил его к той религиозной политике, какую он будет вести среди индийцев Юго-Восточной Азии в годы Второй мировой войны. Правда, даже у попыток Боса двигаться в этом направлении были пределы. В Бенгалии на религиозные различия наслаивались социальные: основу крестьянства составляли мусульмане, а *замин-*

⁶⁴ Празиускас А.А. Этнос, политика и государство в современной Индии. М.: ГРВЛ, 1990. С. 70.

дарами (крупными землевладельцами) чаще были индуисты. Конгресс не позволял крестьянам провинции выступать против заминдаров⁶⁵.

Когда Бос вышел из тюрьмы, национальное движение в стране переживало спад. Административная система диархии не функционировала, похороненная партией Свараджя. Однако тактика свараджистов сработала лишь в краткосрочной перспективе, а в долгосрочной была контрпродуктивна.

И тут националистам помог сам Радж. Реформы 1919 г. установили правило, согласно которому конституционное устройство Индии должны были пересматривать каждые десять лет. В 1927 г. британское консервативное правительство назначило для этого комиссию из семи членов. Председателем комиссии министр по делам Индии (1924–1928) граф Биркенхед утвердил сэра Джона Саймона (1873–1954), заранее зная, как скверно тот относится к азиатам. Кроме будущего лейбористского премьер-министра (1945–1951) Клемента Эттли остальные члены комиссии были людьми невыдающимися: «Эта команда демонстрировала то, как Уайтхолл всегда обращался с Индией. Она могла быть жемчужиной короны и основой британского могущества, но в течение более ста лет отправляемые в Индию британские политики были за редкими исключениями посредственностями»⁶⁶.

Мало того что в комиссию Саймона не вошёл ни один индеец; она, похоже, отрицала само понятие Индии как нации, рассматривая эту страну как мозаику пререкающихся общин и группировок, примирить которые способен лишь парламент Британии. Применение к Индии той поры термина «нация» в самом деле спорно, но за определённым восприятием этой страны стояла определённая политическая воля. ИНК, Мусульманская лига и даже Национальная либеральная федерация Индии дружно бойкотировали комиссию Саймона, а в 1928 г. Конгресс учредил альтернативную комиссию во главе с Мотилалом Неру. Это была первая попытка индийцев самим выработать основы республиканской и федеральной структуры управления страной⁶⁷. Пригласили в комиссию и Боса, которого на Калькуттской сессии ИНК того года впервые ввели в центральный исполнительный орган партии — Рабочий комитет. Неофициально этот орган называли Высшим командованием (*High Command*).

Когда комиссия Саймона в феврале 1928 г. прибыла в Индию, Конгресс призвал к харталу. Бос активно участвовал в деятельности студенческих и молодёжных организаций, профсоюзов и зарождающегося женского движения. В 1928 г. в ходе крупной забастовки в Джамшедпуре он вёл от имени рабочих переговоры с администрацией ведущей металлургической фирмы Индии *Tata Iron and Steel Company*, а в следующем году был избран председателем Рабочей ассоциации и Всеиндийского конгресса профсоюзов. Вот почему в советской историографии Бос заработал репутацию мелкобуржуазного радикала⁶⁸. Съездив в крупнейший город Панджаба Лахор, он поддержал студенческое движение как школу подготовки будущих гражд-

⁶⁵ Chakrabarty B. Op. cit. P. 38.

⁶⁶ Bose M. The Lost Hero... P. 102–103.

⁶⁷ Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 155.

⁶⁸ Девяткина Т.Ф. Социально-политические взгляды С.Ч. Боса // Общественная мысль Индии: прошлое и настоящее. М.: ГРВЛ, 1989. С. 46; Мартышин О.В. Политические взгляды Джавахарлала Неру. М.: ГРВЛ, 1981. С. 25.

дан. Вместе с Джавахарлалом Неру Бос выходил в лидеры молодого поколения левых националистов.

Политическая турбулентность конца 1920-х годов создала условия для новой сатьяграхи. Решительно настроенная часть национальных деятелей считала, что Конгресс должен этим воспользоваться. В мае 1928 г. Бос посетил Ганди и просил его объявить начало такой кампании. Однако тот предпочёл выжидать. Это было первое серьёзное разногласие между двумя лидерами. После встречи с Махатмой Бос решил проявить инициативу сам и объехал всю Индию, выступая с речами.

Бос стоял за такой вариант национализма, который не был бы узким или агрессивным, а внушал бы «дух служения» и проявлял бы в людях «созидательные способности». Индию видел независимой федеративной республикой. По взглядам на место религии в обществе Бос стоял за средний путь между секуляризмом Неру-младшего, который не принимал выражения религиозных различий, и Ганди, который стремился объединить конфессиональные общины в одном политическом движении. Бос подчёркивал три принципа, которыми должны руководствоваться разработчики будущей индийской конституции: народный суверенитет, равные права граждан и система объединённых электоратов в противоположность общинным избирательным куриям.

Когда комиссия Неру-старшего работала над проектом будущей конституции страны, Бос задал вопрос: зачем мусульманам своя курия, если в районах с мусульманским большинством они и без того могут легко выиграть выборы? Однако отчёт Мотилала Неру предусматривал резервирование для мусульман мест, правда, только в центре и тех провинциях, где они составляли меньшинство. Поэтому Мусульманская лига отчёт не одобрила. Её председатель и будущий основатель Пакистана Мухаммад Али Джинна (1876–1948) считал, что избирательная курия — лучшее средство защитить интересы индийских мусульман. Консенсус по общинной проблеме был утрачен.

На Калькуттской сессии ИНК декабря 1928-го – января 1929 года Бос поддержал кандидатуру Мотилала Неру в председатели партии. Однако не мог смириться с мнением большинства его комиссии, согласно которому политической целью Индии объявлялся лишь статус доминиона — самоуправляющейся страны (с ответственным перед парламентом правительством) в рамках Британской империи. В августе 1928 г. Бос встретился с Джавахарлалом Неру и другими молодыми единомышленниками в североиндийском городе Лакхнау (Соединённые провинции), где они основали радикальную организацию — Лигу индийской независимости. Для националистов Индии требование независимости было поистине революционным.

В декабре 1928 г. Бос выступил на третьем Всеиндийском конгрессе молодёжи с критикой гандизма: «На нашей святой земле ашрамы не новые институты, а аскеты и йоги не новые явления; они занимали и будут занимать почётное место в обществе. Однако, если мы хотим создать новую Индию, одновременно свободную, счастливую и великую, мы должны следовать не за ними... В Индии нам нужна сегодня философия активизма»⁶⁹. До этого, если не считать индийских коммунистов во главе с деятелем Коминтерна, тоже бенгальцем, Манабендранатхом Роем (1887–1954), никто не критиковал Ганди внутри Конгресса. Даже Джавахар-

⁶⁹ Цит. по: *Bose M. The Lost Hero...* P. 104.

лал Неру, призывая к социализму, избегал прямых нападок на Махатму. Бос был первым, кто бросил ему вызов открыто.

На начавшейся спустя два дня Калькуттской сессии Конгресс обсуждал отчёт Мотилала Неру и рекомендацию им статуса доминиона. Для обозначения этого статуса индийцы и употребляли санскритский термин *сварадж*, самоуправление. Бос поддерживал документ, но призвал изменить формулировку на полную независимость — *сам-турна сварадж*. Это уже было требование республики, вообще не признающей власти монарха далёкого острова в Европе. Ганди предложил принять отчёт Неру-старшего как он есть, но британцев предостеречь: если к концу 1930 г. не отреагируют на рекомендации, Конгресс возобновит сатьяграху. Бос и Неру-младший нашли отпускаемый властям срок слишком долгим, и Ганди уступил: сократил его вдвое.

Самого Боса во многом радикализовала позиция членов Бенгальского провинциального комитета ИНК, председателем которого он был. Он предупреждал, что не за горами ещё одна мировая война, поэтому индийцам тем более необходимо объявить своей целью независимость. Однако Ганди прочно контролировал Конгресс и придерживался старой тактики: кто не со мной, тот против меня. Члены партии знали, что без Махатмы массового движения не будет, поэтому поправку Боса о немедленном требовании независимости отклонили.

С Калькуттской сессии 1928 г. началось противоборство двух новых сил внутри ИНК. Если в 1920-е гг. главная борьба в партии шла между противниками перемен (гандистами) и свараджистами, то в 1930-е — между правым и левым крыльями Конгресса.

Бос продолжал ездить по Индии, готовя молодёжь к активным действиям. На митингах говорил о необходимости социальной реконструкции, о сотрудничестве классов ради достижения свободы. Свои экономические взгляды Бос разработал ещё не полностью, но остальных индийских политиков опередил уже далеко: никто из них, кроме Джавахарлала Неру и горстки коммунистов, не был готов идти дальше взглядов Ганди. Вообще Бос «никогда не умел прогибаться под давлением или угрозами. Его стихией было плавание не в штиль, а в шторм, борьба и преодоление страданий»⁷⁰. Популярность Боса перерастала рамки родной Бенгалии. Поездки по стране подтвердили его формирующийся статус общеиндийского лидера. Стиль у него был свой. Если Ганди порой вёл себя загадочно, а Неру бывал холодно-ват, Боса отличали прямота, чёткость и практичность.

Сначала, в октябре 1929 г., вице-король (1926–1931) лорд Ирвин (позднее граф Галифакс и министр иностранных дел Британии в ходе Мюнхенского сговора 1938 г.) заверил: конечной целью конституционного развития Индии мыслится статус доминиона, а после публикации отчёта комиссии Саймона в Лондоне состоится конференция «круглого стола» — обсудить её выводы. Умеренные политики, включая Ганди, Мотилала Неру и гуджаратца Валлабххаи Пателя (1875–1950), издали манифест с благодарностью вице-королю и с обещанием помочь в разработке конституции; к ним присоединился Джавахарлал, кандидатуру которого Ганди выдвинул в председатели Лахорской сессии ИНК 1929 г.

Однако, когда перед сессией Ганди встретился с Ирвином лично, вице-король неожиданно не смог дать ему гарантий о предоставлении статуса доминиона. В условиях

⁷⁰ Guha S. The Mahatma and the Netaji: Two Men of Destiny of India. New Delhi; Bangalore: Sterling, 1986. P. 67.

радикализации части Конгресса это ставило вопрос о правильности курса самого Ганди, и он сыграл на опережение. На сессии Махатма вдруг сам предложил резолюцию с требованием полной независимости. Одним из главных соображений Ганди было умиротворить всё более беспокойную молодёжь. Неслучайно после предыдущей, Калькуттской, сессии ИНК 1928 г. правительство Индии в отчёте о ситуации в стране встревоженно отметило «тенденцию политических и коммунистических революционеров к союзу» и предсказало, что «определять будущую политику, похоже, почти всецело станет молодёжь, особенно пандит Джавахарлал Неру и бабу Субхас Чандра Бос»⁷¹. Так выдвинутое Босом политическое требование наконец пробило себе дорогу.

Однако на Лахорской сессии Бос пошёл ещё дальше. Он предложил резолюцию, согласно которой Конгресс, следуя примеру ирландской «Шинн фейн», уже объявлял создание параллельного правительства при опоре на рабочих, крестьян и молодёжные организации. Столь смелую резолюцию большинство делегатов, конечно, не поддержало, но Бос был рад, что Конгресс впервые объявил Индию страной под чужеземной оккупацией. Этот эпизод показал, что Бос опередил Неру-младшего в их совместной программе радикализации партии⁷². А в конце 1929 г. Боса избрали председателем Всеиндийского конгресса профсоюзов. Здесь он тоже проводил свою линию, хотя старался взять средний курс между реформистской программой правого крыла ИНК и коммунистами, которые находились под влиянием Коминтерна.

26 января 1930 г. Конгресс вызывающе объявил Днём независимости Индии. (С 1950 г. отмечается как День Республики.) Однако Бос отпраздновать его не смог. Власти решили, что пришло время наказать его за публичные выступления. По возвращении из Лахора в Калькутту его вновь арестовали и приговорили к году тюрьмы по обвинению в подстрекательстве к мятежу и участии в незаконном шествии.

Из заключения Бос наблюдал за подъёмом новой сатьяграхи. Она наконец началась в марте 1930 г., и её первым эпизодом стал знаменитый «соляной поход» Ганди к берегу Аравийского моря в его родном Гуджарате. Шествие сотен конгрессистов было предпринято с целью демонстративно выпаривать соль из морской воды, чтобы символически нарушить монополию колониального государства на добычу и продажу соли. Сатьяграха несколько потрепала британцам нервы. К этому времени их репрессивные меры начали отвращать от них даже наиболее лояльных сторонников. Так, отец Боса Джанакинатх в 1930 г. в знак протеста отказался от пожалованного ему ранее официального титула *раи бахадур*.

Такие жесты оказывались плоховатым диагнозом для Британской империи. По мнению чиновника Индийской гражданской службы и либерального историка сэра Пендерела Муна (1905–1987), именно в это время, на рубеже 1920–1930-х годов, Британии уже следовало «отпустить» Индию, избавив её и себя от многих грядущих

⁷¹ *Bhattacharya S. Swaraj and the Kamgar: The Indian National Congress and the Bombay Working Class, 1919–1931 // Congress and Indian Nationalism: The Pre-independence Phase / Ed. by R. Sisson and S. Wolpert. Berkeley: University of California Press, 1988. P. 238.* Пандит — учёный брахман; бабу — чиновник. Обоих Неру — и отца, и сына — уважительно называли пандитами в силу их происхождения из сообщества кашмирских брахманов. За Неру-младшим это слово закрепилось как почётное прозвище, употребляемое и без имени (как Махатма в случае Ганди).

⁷² *Pillai R.C. Jawahar Lal Nehru and his Critics, 1923–1947: A Study with Reference to the Ideas of Nehru, Gandhi, Subhas Chandra Bose, M.N. Roy and the Communists. Delhi: Gitanjali, 1986. P. 129.*

щих тягот⁷³. Конечно, современная Индия — в огромной степени продукт колониализма, и, если составлять некий «балансовый отчёт» Британской империи (как делает, к примеру, известный британский историк и медиаинтеллектуал Нил Фергюсон⁷⁴), ещё неизвестно, что перевесит — минусы или плюсы. Другое дело, что в межвоенный период у метрополии едва ли оставалось моральное право властвовать в Индии в условиях растущего недовольства многих групп населения.

Ещё находясь в тюрьме, Бос был избран мэром Калькутты, легко обойдя действующего мэра Сенгупту. В сентябре 1930 г. Боса освободили, и он принял присягу. Правда, возможности его на этом посту были ограничены. Впрочем, и мэром Бос прослужил недолго, так как в День независимости (26 января) следующего, 1931-го, года опять был арестован, когда мирная демонстрация, которую он возглавлял, подверглась атаке конной полиции. Власти осознали угрозу, исходящую от Боса как от радикального лидера, и на полгода вновь упрятали его за решётку.

5 марта 1931 г. Ганди подписал с вице-королём лордом Ирвином Делийский пакт: Конгресс прекращал сатьяграху и соглашался участвовать в конференции «круглого стола» в Лондоне, а британцы в обмен снимали запрет, наложенный на его деятельность. Боса поступок Ганди неприятно удивил, так же как волонтаристское прекращение сатьяграхи в 1922 г. По мнению Боса, Махатма уступил давлению своих запаниковавших спонсоров из среды крупного капитала, таких как семья Бирла, и крепнущего правого крыла ИНК.

Сессия Конгресса в Карачи в марте 1931 г. была омрачена казнью панджабского революционера-социалиста Бхагата Сингха (1907–1931) и двух его товарищей. Они убили британского сержанта полиции в отместку за смерть конгрессистского деятеля Лалы Ладжпата Рая: в 1928 г. при разгоне полицией мирного протеста против визита комиссии Саймона в Лахор Рай получил несколько ударов *латхи*⁷⁵ и вскоре скончался. За бесстрашное поведение на суде и способность подняться над конфликтами религиозных общин Бхагат Сингх приобрёл огромную популярность, а после казни сделался для молодёжи символом как мученик за свободу.

Под влиянием Бхагата Сингха была создана Индийская организация молодёжи, и, когда Бос вышел из тюрьмы, его пригласили председательствовать на её второй ежегодной сессии. Среди членов этого радикального общества Бос чувствовал себя свободнее, чем среди лидеров Конгресса. В речи на сессии заявил, что основу коллективной жизни индийцев должны составлять справедливость, равенство, свобода, дисциплина и любовь. По мнению Боса, большевизм преподавал человечеству «много полезных уроков», но Индия нуждается в «новой форме или типе социализма», чтобы не подражать слепо какому-то другому народу⁷⁶.

В очередной раз посетив Ганди в Бомбее, Бос удивился ещё более неприятно, узнав, что тот отказался от требования расследовать жестокости полиции при по-

⁷³ Moon P. The British Conquest and Dominion in India. New Delhi: India Research Press, 1999. Part Two. 1858–1947. P. 1187.

⁷⁴ Ferguson N. Empire: How Britain Made the Modern World. L.: Allen Lane, 2003.

⁷⁵ Дубинка индийского полицейского или охранника длиной до 1,5 м.

⁷⁶ Bose S. Op. cit. P. 81–82.

давлении сатяграхи. Однако ничего не мог сделать, так как Ганди давно имел непререкаемый авторитет, а недавно подписал на равных соглашение с самим вице-королём. На сессии ИНК в Карачи стало очевидно, что Делийский пакт изрядно упрочил положение Махатмы. Как удовлетворённо отметил лорд Ирвин, «оппозиция Субхаса совершенно рухнула»⁷⁷.

Когда в сентябре 1931 г. Ганди прибыл в Лондон на вторую конференцию «круглого стола», Бос встревожился, что представлять Конгресс тот поехал в одиночку. По мнению Боса, ИНК допускал грубую тактическую ошибку: Махатме было трудно удерживать дискуссию на общеиндийских вопросах, а британцы как раз старались «растворить» их в проблематике разных групп интересов. Бос предпочёл бы полноценную делегацию и переговоры о независимости. На его взгляд, бесплодные месяцы переговоров в Лондоне притупили вкус Конгресса к массовым действиям и дали правительству передышку для новых репрессий. Впрочем, британский истеблишмент не следует воспринимать как монолитную силу, нацеленную только на репрессии: наряду с консерваторами существовали либералы, понимавшие, что Индии необходимы дозированные политические уступки. Пока руководство ИНК пыталось усмирить массы, которые требовали решительных действий против властей, последние, в свою очередь, пытались сдерживать натиск консервативной части правящих кругов метрополии, которые требовали не менее решительных действий против индийцев⁷⁸.

В декабре 1931 г. Ганди вернулся из Лондона в Бомбей. Бос опять съездил к нему и имел с ним беседу. Объяснял Махатме, что от разговоров молодёжь устала. Когда новый вице-король (1931–1936) маркиз Уиллингдон отказался принять Ганди кроме как на неприемлемых для того условиях, Бос убедил Махатму объявить Делийский пакт с Ирвином расторгнутым. Руководство Конгресса заявило, что возобновляет кампанию ненасильственного несотрудничества. На обратном пути в Калькутту Бос был арестован за попытку расследовать события в Дакке (Дхакке), где после выстрелов в окружного магистрата полиция творила произвол. Тогда же в тюрьму впервые попал Сарат. Оставив юридическую практику в знак солидарности с гандистским движением, он заплатил за свою гражданскую позицию четырьмя годами тюрьмы.

Находясь в очередной раз в заключении, Бос читал французского философа А. Бергсона (1859–1941), биографии В.И. Ленина (1870–1924) и Л.Д. Троцкого (1879–1940), мемуары А.И. Герцена (1812–1870). Его переводили из тюрьмы в тюрьму всё дальше от Бенгалии. Узник жаловался на боли в животе, ко времени перевода в Мадрасскую тюрьму потерял 37 кг и мог принимать лишь жидкую пищу⁷⁹. Учитывая это, власти разрешили ему отправиться за свой счёт на лечение в Европу. До этого Субхас, будучи профессиональным политиком, зависел в финансовом отношении от Сарата; теперь, поскольку брат сам находился в тюрьме, содержание семьи Сарата в Калькутте и расходы Субхаса в Европе взяли на себя другие родственники и друзья.

В феврале 1933 г. на борту итальянского судна, отплывавшего из Бомбея, Бос освободили.

⁷⁷ Bose M. The Lost Hero... P. 125.

⁷⁸ Stein B. A History of India. Malden (MA): Blackwell, 1998. P. 327.

⁷⁹ Ganpuley N.G. Op. cit. P. 11.

5. Годы в Европе (1933–1936)

В марте 1933 г. Бос прибыл в Вену и прошёл обследование в санатории доктора Фюрта. Вскоре его здоровье пошло на поправку. Бос давно считал, что индийские националисты пренебрегают международной дипломатией, и сетовал, что слишком мало представителей индийской молодёжи имеют опыт общения с зарубежными странами, кроме Британии и США, поэтому привыкли смотреть на мировые события глазами англосаксов⁸⁰. Три года Бос неустанно разъезжал из Вены по Европе: учреждал ассоциации дружбы Индии с европейскими странами, встречался с политическими деятелями в поисках поддержки делу индийской независимости, популяризировал свои взгляды в СМИ. Подчёркивал необходимость пропаганды, признавая, что индийцы научились этому искусству у британцев⁸¹.

В эти годы Бос поднялся ещё на одну ступень: вырос из радикального общенационального лидера в международного государственного деятеля. Индию он называл полупробуждённой нацией, которой должен помочь достичь независимости. Признавался, что чувствует себя на этом пути одиноким, но был уверен: и один в поле воин. В венском санатории Бос нашёл единомышленника в лице соучредителя партии свараджистов Виттхалбхаи Пателя (1873–1933), старшего брата одного из лидеров правого крыла ИНК, преданного гандиста Валлабхбхаи Пателя. Виттхалбхаи успел побывать председателем Центрального законодательного собрания в Дели, а в Вене лечился по возвращении из США. Когда Ганди в мае 1933 г. в очередной раз приостановил сатьяграху, Бос и Патель-старший были разочарованы и отправили в Индию совместный манифест с призывом вернуть руководство освободительным движением другим силам. Они писали: «Мы определённо считаем, что Ганди как политический лидер провалился. Поэтому пришло время радикальной реорганизации Конгресса на основе нового принципа и новым способом»⁸². Характеризуя гандистское движение как реформистское, Бос пытался сбить возникший вокруг его лидера ореол свято-

⁸⁰ *Mookerjee G.K.* Europe at War (1938–1946): Impressions of War, Netaji and Europe. Meerut: Meenakshi Prakashan, 1968. P. 224.

⁸¹ Правда, самого термина «пропаганда» не любил: считал, что в нём присутствует «дух неискренности» (Selected Speeches of Subhas Chandra Bose. P. 92).

⁸² Цит. по: *Ramana Rao M.V.* A Short History of the Indian National Congress. Delhi etc.: Chand, 1959. P. 162.

сти⁸³. У Боса и самого были к Ганди вопросы, а критическое отношение к Махатме авторитетного для него Даса лишь укрепило у него отсутствие пиетета. В 1924 г. Дас ставил даже такой вопрос: «Как нам избавиться от Ганди и вернуть народ на путь захвата власти, что сейчас вполне в наших силах?»⁸⁴.

В мае 1933 г. Бос получил приглашение председательствовать на третьей Индийской политической конференции в Лондоне. В министерстве по делам Индии задёргались. За всё более частыми политическими заявлениями Боса там следили с тревогой. Не случайно в течение всего пребывания в континентальной Европе он находился под наблюдением тайных агентов Индийской политической разведки — британской спецслужбы, задачей которой было выявлять опасных для Раджа националистов среди индийской диаспоры в Европе и США. Теперь британцы беспокоились, что, если Бос объявится в Лондоне, ему удастся объединить индийскую общину метрополии, в среде которой шли склоки. При этом британцы уже тогда пускали в свою столицу Джавахарлала Неру. Это показывает, насколько по-разному они воспринимали двух лидеров индийского национализма. Впрочем, за Неру в его приезды в Британию спецслужбы тоже следили; так, контразведка МИ-5 (Служба безопасности) перехватывала его почту и слушала телефонные разговоры⁸⁵.

Однако, к счастью для властей, Бос неверно думал, будто для въезда в Британию ему требуется специальное разрешение. Поэтому просто отправил в Лондон текст своей заочной речи на конференции, где выразил двойственное отношение к гандистской сатьяграхе. Речь была программной, так как в ней сжато выразились политические взгляды автора, и стала известна как «Лондонский тезис».

Докладчик серьёзно раскритиковал Ганди за то, что тот опять внезапно прервал сатьяграху: «Сегодня наше положение подобно положению армии, которая внезапно безоговорочно капитулировала перед врагом в разгар затяжной и напряжённой кампании. Причём капитуляция произошла не потому, что этого потребовала нация... не потому, что оказались перерезаны пути снабжения, а потому, что либо главнокомандующего истощили его неоднократные голодовки, либо его ум и суждения оказались затуманены по субъективным причинам, понять которые внешний наблюдатель не в силах»⁸⁶. Подверг Бос критике и Делийский пакт 1931 г. за отсутствие обязательств Британии предоставить свадаж и освободить ряд категорий политических заключённых. Настаивал, что «основы компромисса между Индией и Великобританией не существует», за последнее десятилетие индийский народ политически пробудился, а «моральная основа британского правления разрушена, и

⁸³ Курныкин О.Ю. Указ. соч. С. 67.

⁸⁴ Юрлов Ф.Н. От восхода до заката. Династия Неру – Ганди. Книга первая. Мотилал и Джавахарлал Неру. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 112.

⁸⁵ Walton C. *Empire of Secrets: British Intelligence, the Cold War and the Twilight of Empire*. L.: Harper-Press, 2013. P. 24.

⁸⁶ Bose S.C. *Fundamental Questions of Indian Revolution* / Ed. by Sisir K. Bose. Calcutta: Netaji Research Bureau, 1987. P. 1. Некоторые исследователи обращают внимание на странность: Ганди систематически принимал на вооружение такие методы антиколониальной борьбы, которые для британцев оказывались наименее ущербными из возможных. Такие авторы настаивают, что это не случайно. См., напр.: Зыкин Д. *Перевороты и революции: зачем преступники свергают власть*. СПб.: Питер, 2016. С. 214–218.

сегодня оно зиждется на обнажённом мече и ни на чём ином»⁸⁷. Для успешной антиколониальной борьбы индийский политик подчеркнул важность «научного изучения взлёта и падения империй в других частях мира» и «истории освободительных движений в других странах»⁸⁸.

Ставя целью привести Индию к независимости, Бос был убеждён, что этой задачей ИНК ограничиться не должен: долг партии перед страной — вести её дальше, иначе «наступит период хаоса и в Индии могут повториться инциденты, подобные таковым французской революции XVIII в.»⁸⁹. Однако не был уверен, что Конгрессу всё это по силам, поэтому высказался за создание партии нового типа — «партии полных решимости мужчин и женщин, которые возьмут на себя задачу выволить Индию, каких бы страданий и жертв им это ни стоило»⁹⁰. Задачу новой партии видел двухступенчатой: привести Индию к свободе, а затем «выполнить всю программу послевоенного социально-экономического восстановления»⁹¹. Назвать эту «централизованную и хорошо дисциплинированную всеиндийскую партию»⁹² Бос предложил «Самьявади сангх», что обычно переводят как «Социалистический союз».

Если для Ганди социальным идеалом было общество *сарвадайя* (на хинди «всеобщий прогресс»), в котором имущие опекают неимущих, то Бос проповедовал другой социальный идеал — *самьявад*. На европейские языки этот индийский термин переводят как «социализм», а зачастую и «коммунизм». Однако Бос предпочитал западному слову индийское, так как значения совпадают далеко не полностью.

Санскритское слово *самья* (*sāmya*), исходно буддийский термин, означает «равенство», «равновесие», иногда «справедливость». Путём прибавления к нему абстрактного суффикса *-vād*, который приравнивают к общеевропейскому суффиксу «-изм», и возникло слово *sāmyavād*. Бос был убеждён, что для обозначения общественного идеала, к которому должна стремиться Индия, исконное слово подходит много лучше, так как предполагает равенство людей в атмосфере гармонии. Подчёркивал, что социализм, за который он стоит, не марксистско-советский, а индийский. Так, на съезде Индийского союза молодёжи в 1929 г. Бос предостерёг: «Находясь в поисках света и вдохновения из-за рубежа, не будем забывать, что мы не должны слепо подражать любому другому народу, а должны усваивать то, чему научимся в других странах, после того как поймём, что отвечает нашим национальным требованиям»⁹³. В советском варианте социализма Бос (впрочем, как и Ганди) не принимал материалистического толкования истории и — несмотря на свои весьма левые взгляды — принципа классовой борьбы. Высказываясь за «общественную собственность и контроль как над производством, так и над распределением»⁹⁴, вовсе не выступал против института частной собственности.

⁸⁷ Bose S.C. Fundamental Questions of Indian Revolution. P. 13, 17.

⁸⁸ Ibid. P. 18.

⁸⁹ Ibid. P. 19–20.

⁹⁰ Ibid. P. 19.

⁹¹ Ibid. P. 30.

⁹² Ibid.

⁹³ Цит. по: Guha S. Op. cit. P. 191.

⁹⁴ Bose S.C. Fundamental Questions... P. 59.

Отвергая британскую власть над Индией, Бос вместе с тем призывал учиться социальным и технологическим нововведениям Европы. В частности, на него оказала большое впечатление практика муниципального социализма в Вене, где он встретился с бургомистром (1923–1934) Карлом Зейцем. Интересовался и опытом Чехословакии с Польшей. Изучал то, каким образом во время Первой мировой войны с помощью России был сформирован Чехословацкий корпус с целью освободить чешские и словацкие земли от австро-венгерского господства, а также то, как Польский легион извлёк выгоду из действий Японии для борьбы с Россией. В годы Второй мировой войны Бос будет приводить пример этих слабых восточноевропейских стран, которые искали помощи у более сильных для завоевания своей независимости. Побывав в Праге, имел конструктивную беседу с министром иностранных дел Чехословакии (1918–1935) Эдвардом Бенешем.

А вот визит в Германию в июле 1933 г. Боса разочаровал. Привыкший брать быка за рога, Бос уже в первый приезд в эту страну попытался добиться встречи с её новым рейхсканцлером. Однако, несмотря на непростые англо-германские отношения, ожидать поддержки от Гитлера было нереалистично. Тот считал британцев людьми высшей расы наряду с немцами и верил в возможность сотрудничества с ними ради господства над миром. Индийское национальное движение Гитлер презирал. Ещё в 1923 г., после занятия французами Рура, он издевался над тем, что правительство Веймарской республики призвало население этой области оказать оккупантам пассивное сопротивление по примеру Ганди⁹⁵.

Встретиться с Гитлером Босу не удалось, пришлось довольствоваться беседой с бургомистром Берлина и рядом чиновников МИДа. Кроме германской столицы Бос посетил Мюнхен — для встречи с известным геополитиком Карлом Хаусхофером (1869–1946). Тот анализировал мировую борьбу с точки зрения германской теллуократии (сухопутной державы), иными словами, во враждебном «владычице морей» ключе. Это не могло не привлечь к нему внимания Боса.

В сентябре 1933 г. Бос выступил с речью об Индии в Женеве под эгидой Международного комитета по Индии Лиги Наций. Однако скоро ему стало ясно, что заправляют в Лиге две крупнейшие колониальные державы Британия и Франция, поэтому возлагать надежды на эту организацию бесполезно⁹⁶. А в октябре скончался его друг и политический союзник Виттхалбхаи Патель. Во многом благодаря беседам с Пателем-старшим Бос и пришёл к выводу, что Индия никогда не завоеует свободы без иностранной помощи⁹⁷.

Находясь в Ницце, Бос получил приглашение в Рим на первый Конгресс азиатских студентов, назначенный на декабрь 1933 г. Как и в случае с Райхом, решение Боса ехать в Италию было продиктовано прагматизмом: Италия была региональной державой, к тому же имела конфликт геополитических интересов с Британией. Кроме того, бенгальским националистам импонировали деятели итальянской истории Джузеппе Мадзини (1805–1872), Джузеппе Гарибальди (1807–1882) и граф Ка-

⁹⁵ Kuhlmann J. Subhas Chandra Bose und die Indienpolitik der Achsenmächte. Berlin: Hans Schiler, 2012. S. 37.

⁹⁶ Гунта А. Субхашчандра Бос. Ниссанг кранти-патхик (Субхас Чандра Бос. Одинокий революционный путник). Дели; Лакхнау: Атмарам энд санс, 1997. С. 73 (яз. хинди).

⁹⁷ Sareen T.R. Subhas Chandra Bose, Japan and British Imperialism // European Journal of East Asian Studies. Vol. 3, no. 1. June 2004. P. 71.

милло ди Кавур (1810–1861). Сама Италия, организуя такой конгресс, рассчитывала на него как на инструмент, который сегодня вслед за американским политологом Джозефом Наем (род. 1937) принято называть «мягкой силой».

На открытии конгресса выступил премьер-министр Италии (1922–1943) Бенито Муссолини, и Босу понравилось упоминание в его речи дружеских отношений и сотрудничества древнего Рима со странами Азии. Индийский гость отметил: «Речь была хороша — что бы мы ни думали об ораторе»⁹⁸. Это замечание передаёт суть отношения Боса к режимам, у которых в годы Второй мировой войны он будет искать помощи. Бос в целом не симпатизировал итальянскому фашизму как социально-политическому устройству, но видел в нём потенциального союзника индийского национализма в борьбе с мощным врагом, от которого никак не удавалось избавиться своими силами. 6 января 1934 г. Муссолини принял Боса лично, а всего в 1930-е гг. таких встреч будет пять. Впрочем, Ганди, возвращаясь в декабре 1931 г. через Италию с конференции «круглого стола», тоже встретился с дуче, а также посетил лагерь фашистской молодёжной организации «Балилла».

Гостеприимство Италии в отношении Боса было одной из причин, по которым австрийские правительства Э. Дольфуса (1932–1934) и К. фон Шушнига (1934–1938) не препятствовали его деятельности, несмотря на острый интерес к ней британской разведки. Италия была в ту пору важнейшим политическим партнёром Австрии на международной арене⁹⁹. В 1934 г. Бос совершил из Вены ещё одну масштабную поездку, посетив Германию, Италию, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Турцию, Болгарию и Югославию. Во второй приезд в Германию столкнулся с расизмом лично: в Мюнхене школьники на улице обозвали его черномазым. На этот раз Босу удалось встретиться с главным нацистским идеологом Альфредом Розенбергом (1893–1946), но беседа его удручила. Розенберг был убеждён, что с «нордической и немецкой точки зрения» британское владычество в Индии следует поддерживать¹⁰⁰. Бос написал в индийскую газету возмущённую статью о расистских воззрениях Розенберга и представил МИДу Германии меморандум с жалобами на состояние индо-германских отношений.

Бос недаром посетил Турцию: очень уважал основателя Турецкой Республики и её первого президента (1923–1938) Мустафу Кемаля Ататюрка. Вот был лидер, который сумел защитить свою страну от интервентов и весьма содействовать её модернизации. Под влиянием кемалистских реформ Бос даже решил добиваться перевода индийских языков на латинский алфавит. Получил удовольствие и от поездки в Югославию, хотя британский посол в этой стране помешал местной прессе напечатать интервью с ним¹⁰¹.

В июне 1934 г. Бос вернулся в Вену и сел писать книгу «Индийская борьба, 1920–1934 гг.». Во введении дал краткий очерк истории Индии и подчеркнул: лишь при британском правлении она почувствовала, что её завоевали, — до того отли-

⁹⁸ Kuhlmann J. Op. cit. S. 31.

⁹⁹ Pelinka A. Democracy Indian Style: Subhas Chandra Bose and the Creation of India's Political Culture. New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 2003. P. 84–86.

¹⁰⁰ Kuhlmann J. Op. cit. S. 45.

¹⁰¹ Гунта А. Указ. соч. С. 79.

чались британцы от индийцев и до того потребительски к ним относились. Автор подробно проследил ход борьбы ИНК и других политических партий за самоуправление страны, подъём Ганди к власти в Конгрессе и его деятельность. Особое место отвёл взглядам и действиям тех сил, которые не следовали за Ганди, а воспринимали его учение критически. Подверг его критике и сам Бос, называя Диктатором¹⁰². В частности, сетовал, что со смертью Даса, Лалы Ладжпата Рая и Мотилала Неру «весь разум Конгресса отдан в заклад одному человеку, и те, кто осмеливается мыслить свободно и говорить открыто, воспринимаются Махатмой и его учениками как еретики и подвергаются соответствующему обращению»¹⁰³.

Автор книги описал деятельность свараджистов во главе Калькуттской корпорации, удовлетворённо отметив, что «народ впервые стал смотреть на муниципалитет как на свой собственный институт»¹⁰⁴. Описал и поведение свараджистов в законодательных советах ряда провинций, не без гордости привёл мнение калькуттской газеты *Capital*, согласно которому дисциплина партии Свараджья была немецкой¹⁰⁵. Бос сравнил Даса и Ганди не в пользу второго, отметив, что первый отличался честностью и способностью договариваться, тогда как второй — «всецело идеалист и мечтатель... Временами он фанатично упрям, в других случаях — детски податлив»¹⁰⁶. Признавая, что Махатма дал стране новый метод антиколониальной борьбы (сатьяграху), автор настаивал, что он вместе с тем «играл на многих слабых чертах характера своих соотечественников», прежде всего на «слепой вере в судьбу и сверхъестественное, безразличии к современному научному развитию... мирной удовлетворённости» существующим положением вещей¹⁰⁷. Рассказал Бос о комиссии Саймона, подъёме массового движения конца 1920-х годов и конференциях «круглого стола» в Лондоне. Обратил внимание, что Ганди инициировал новую сатьяграху лишь в 1930 г., когда накал социального недовольства в стране уже начал спадать. Корнем неудачи Ганди на второй конференции «круглого стола» 1932 г. автор назвал его попытку играть сразу две роли — политического лидера и мирового проповедника¹⁰⁸. Правда, возможно, никогда не задумывался над тем, что успех Махатмы в Индии был отчасти обусловлен именно соединением политики и религии, а его, Боса, собственная популярность в Бенгалии тоже отчасти объясняется религиозной аурой благодаря самопожертвованию и годам тюремного заключения¹⁰⁹.

Также в «Индийской борьбе» изложены британские предложения реформировать управление Индией по итогам конференций «круглого стола» и острая критика этих предложений за сохранение старой системы в завуалированном виде. Бос был убеждён, что британцам не удастся и дальше душить индийский национализм и сводить проблемы страны к тематике межобщинных отношений, так как среди

¹⁰² Bose S.C. The Indian Struggle, 1920–1934. L.: Wishart, 1935. P. 90–91.

¹⁰³ Ibid. P. 86.

¹⁰⁴ Ibid. P. 114.

¹⁰⁵ Ibid. P. 132.

¹⁰⁶ Ibid. P. 131.

¹⁰⁷ Ibid. P. 134.

¹⁰⁸ Ibid. P. 257.

¹⁰⁹ Gordon L.A. Op. cit. P. 262.

мусульман, неприкасаемых и индийских христиан уже много сторонников ИНК. О своей роли в политике автор упомянул весьма скромно.

В конце книги Бос допустил высказывание, которое ему потом долго припоминали. Отметив, что многие в Европе интересуются тем, какое будущее в Индии у коммунизма, автор покритиковал своего коллегу Джавахарлала Неру. В 1933 г. тот заявил прессе, что мир стоит перед выбором «коммунизм или фашизм», среднего пути между ними нет и он выбирает коммунизм. Бос, механически применив диалектику Гегеля, настаивал: «Выраженное здесь мнение совершенно неверно... следующая стадия мировой истории произведёт синтез коммунизма и фашизма. И будет ли удивительным, если осуществлён этот синтез будет в Индии?»¹¹⁰. Основу для такого синтеза автор книги усмотрел в том, что обе идеологии стояли за верховенство государства над индивидом, власть одной партии, плановую индустриализацию. Бос даже поставил знак равенства между таким синтезом и своим общественным идеалом самьявад. Спустя годы эти несколько добрых слов о фашизме сильно подставят Боса под огонь критики. Привлекал его в этой идеологии чисто организационный момент — акцент на дисциплине и целеустремлённости членов движения, которых, по его мнению, так недоставало объединениям индийских националистов. Переоценивать симпатии Боса к фашизму не стоит.

В поисках машинистки для диктовки Бос в июне 1934 г. познакомился с австрийкой Эмили Шенкль (1910–1996), которая позднее станет его женой. Она принадлежала к католической семье из низшей части среднего слоя, знала английский, умела стенографировать и печатать.

В ноябре 1934 г., едва закончив рукопись книги, Бос получил телеграмму о тяжёлой болезни отца и отбыл в Индию, на этот раз самолётом. В живых отца уже не застал, а когда самолёт приземлился, его сразу окружила полиция, и Боса поместили под домашний арест, как и Сарата. Всё же семь братьев беспрепятственно провели *шраддху* — индуистский обряд поминовения усопшего отца. А в январе 1935 г. Бос вновь отплыл в Европу, чтобы лечь на операцию на жёлчном пузыре. В Риме имел беседы с бывшим шахом Афганистана (1919–1929) Амануллой и советским наркоминделом (1930–1936) М.М. Литвиновым.

Тогда же, в январе 1935 г., в Лондоне вышла «Индийская борьба». В Британии книгу раскупали, но ввозить её в Индию колониальные власти запретили. Министр по делам Индии (1931–1935) сэр Сэмюэл Хор заявил в парламенте, что книга поощряет методы терроризма и прямых действий. Это было передёргивание, так как автор, напротив, предложил способы свернуть революционеров с террористического пути на мирный. Бос писал: «Возможно ли в нынешних обстоятельствах прийти к пониманию с революционерами? Да, возможно, при условии что подход — верный, а намерения в самом деле искренние... Во-первых, правительство должно действительно быть в состоянии либеральной политикой показать, что индийцы могут обрести политические права, не прибегая к насилию... Во-вторых, правительство должно озаботиться, чтобы те, кто должен отказаться от революционных методов, получили другие возможности служить своей стране — мирным и конструктивным путём»¹¹¹.

¹¹⁰ Bose S.C. The Indian Struggle, 1920–1934. P. 346.

¹¹¹ Ibid. P. 339.

Несмотря на враждебность властей, «Индийская борьба» получила положительные рецензии в британской прессе и высокую оценку в литературных и политических кругах континентальной Европы. Ромен Роллан нашёл книгу столь интересной, что заказал второй экземпляр — для жены и сестры. Кстати, в апреле 1935 г. Бос встретился с ним у него дома в Вильнёве (Швейцария). В том же месяце перенёс в Вене операцию.

Затем Бос собрался ещё в одну масштабную поездку по Европе. В числе прочих стран намеревался посетить и СССР. Контакты со Страной Советов Бос завязал ещё в 1933 г., когда тамильский коммунист Арадил Кандетх Нараянан Намбийяр (1896–1986) свёл его с представителями ТАСС в Берлине. Намбийяр был выпускником Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) в Москве, а в германской столице руководил Индийским информационным бюро, которое четырьмя годами ранее создал Неру. Правда, в том же 1933 г. гестапо совершило налёт на помещение бюро, Намбийяра арестовали и выслали из страны. Он перебрался в Прагу, где помог Босу наладить индо-чехословацкие связи.

Однако в советской визе Босу неожиданно отказали. Он объяснил это сближением СССР с Британией и сетовал, что такое решение навредит репутации Страны Советов в Индии. Что касается отношения Боса к общественным преобразованиям в СССР, то если Неру их приветствовал, то Бос в «Индийской борьбе» позволил себе покритиковать коммунизм. Так, он выделил несколько причин, по которым «Индия не станет новым изданием Советской России», в том числе отсутствие у коммунизма симпатии к националистическим движениям (с учётом тогдашнего курса Коминтерна это было верно), антирелигиозность коммунизма и материалистическое толкование им истории¹¹². Возможно, эта критика и была истинным мотивом отказа в визе.

В марте 1935 г. Бос отозвался из Женевы на учреждение полугодом ранее в Индии Конгресс-социалистической партии — левой партии внутри ИНК. Её генеральным секретарём стал политик из Бихара Джаяпракаш Нараян (1902–1979), который войдёт в историю прежде всего как лидер оппозиции премьер-министру (1966–1977) Индире Ганди во время введённого ею чрезвычайного положения 1975–1977 гг. Новая партия стояла за всеобщее избирательное право, аграрную реформу, национализацию промышленности. Бос приветствовал создание этой партии как ещё один мятеж против косности ИНК, проведя параллель с созданием в 1923 г. партии Свараджья. Вместе с тем считал ошибочным её ориентацию на фабианский социализм Англии и на идею созвать учредительное собрание. Бос высказался за более радикальное решение — однопартийное правление, приведя в пример СССР, Италию, Германию, а всего более кемалистскую Турцию.

В последнее турне по Европе Бос отправился в январе 1936 г., рассчитывая вернуться в Индию к сессии ИНК в Лакхнау. В Праге вновь имел беседу с Бенешем, уже президентом (1935–1938). В третий раз побывав в Берлине, Бос назвал Германию «теперь весьма пробританской». Чувствовал и расистскую составляющую нацистской идеологии. В марте 1936 г. сокрушённо писал генеральному секретарю Индийского института в Мюнхене Францу Тирфельдеру (1896–1963): «Впер-

¹¹² Ibid. P. 347.

вые посещая Германию в 1933 г., я питал надежды, что новая немецкая нация, которая поднялась к осознанию своей силы и самоуважению, инстинктивно будет чувствовать глубокую симпатию к другим народам, борющимся в том же направлении. Сегодня я сожалею, что в Индию мне приходится возвращаться с убеждением, что новый национализм в Германии не только узкий и корыстный, но и высокомерный. Недавняя речь господина Гитлера в Мюнхене передаёт суть нацистской философии»¹¹³. После этой речи, в которой фюрер заявил, что белая раса призвана править цветными народами, Бос отправил в индийскую прессу призыв бойкотировать немецкие товары. Речь Гитлера в самом деле вызвала в Индии взрыв возмущения, и немецкий консул в Бомбее К. Капп с трудом отговорил торговую палату города от резолюции о бойкоте¹¹⁴.

Особое место в турне Боса занял визит в Ирландию. Общее с Индией колониальное прошлое этой страны обеспечило ему тёплый приём. «Для радикальных индийцев, особенно бенгальцев, Ирландия была страной волшебной. Она добила невозможного — доказала, что даже могущественная Британская империя уязвима»¹¹⁵. «Отец независимости» Ирландии и председатель Исполнительного совета страны Имон де Валера (1882–1975) принял Боса на уровне высокого представителя дружественной страны. Встретился Бос и с рядом министров, с которыми обсуждал отмену крупного землевладения, роль частного и государственного предпринимательства в индустриализации и другие вопросы. Сведения о его визите в Ирландию занимали первые строчки новостей и в Ирландии, и в Индии. У ирландцев Бос искал совета, как бороться дальше.

Проведя три года в Европе, Бос сформировал собственное мнение о нацистском и фашистском режимах. В ноябре 1935 г. опубликовал в калькуттском ежемесячном журнале *Modern Review* статью об Италии и её захватнической экспедиции в Эфиопии, в которой осудил агрессию, но упирал на лицемерие Британии: не поддерживая Муссолини открыто, та по сути предоставила ему свободу рук. Уроком Эфиопии Бос считал следующее: в XX в. нация может «надеяться быть свободной только в том случае, если сильна»¹¹⁶. По его мнению, империализм можно было свергнуть либо с помощью антиимпериалистической борьбы, либо воспользовавшись конфликтом между империалистами-соперниками. Правда, последнее в годы Второй мировой войны приведёт его к союзу (в том числе) с той же Италией.

В марте 1936 г. Бос собрался вернуться на родину, но от министра иностранных дел Британии (1935–1938) Энтони Идена получил предостережение: в таком случае его вернут в тюрьму. Проведя неделю со своей невестой Эмили Шенкль на австрийском горном курорте Бадгаштайн, Бос всё же отплыл в Индию. Парадоксальным образом, несмотря на длительные зарубежные поездки в 1930-е гг., а позднее добровольный отрыв от Индии в годы Второй мировой, жизнь изгнанника не любил и рвался обратно на родину. Уже в египетском Порт-Саиде власти забрали у

¹¹³ Цит. по: *Hauner M. India in Axis Strategy: Germany, Japan and Indian Nationalists in the Second World War. Stuttgart: Klett-Cotta, 1981. P. 62.*

¹¹⁴ *Kuhlmann J. Op. cit. S. 54.*

¹¹⁵ *Bose S. Op. cit. P. 176.*

¹¹⁶ Цит. по: *Ibid. P. 108.*

Боса паспорт и на время стоянки парохода приставили к нему полицейского, запретив сходить на берег¹¹⁷.

Прибыв в апреле в Бомбей, Бос был вновь помещён в тюрьму. Негодование общественности власти проигнорировали. К 1936 г. Бос был уже настолько значимой фигурой, что вопрос о запрете ему возвращаться на родину обсуждался в Центральном законодательном собрании в Дели. Чтобы оказать на власти давление, Неру, избранный тогда председателем Конгресса, призвал страну провести 10 мая 1936 г. Всеиндийский день Субхаса. Даже это мероприятие не возымело действия, но заключённого хотя бы перевели в родную Бенгалию.

¹¹⁷ The Selected Works of Subhas Chandra Bose (1936–1946) / Chief editor Dr R. Kumar. Delhi: Atlantic Publishers & Distributors, 1992. Vol. I. P. 29.

6. Заключительный этап политической деятельности в Индии (1936–1940)

Годы изгнания внесли большой вклад в развитие личности Боса и его лидерских качеств. Вместе с тем, как считают историки, его вынужденное отсутствие нанесло ущерб национальному движению, тем более что в 1932–1935 гг. из движения выпал и Сарат, которого посадили в тюрьму. Выйдя на свободу, он принял на себя руководство Бенгальским провинциальным комитетом ИНК: «Во время второго этапа гражданского неповиновения и революционных движений 1932–1934 гг. остро не хватало не только смелости взглядов братьев; ни у одного другого лидера не было великодушия и дальновидности, чтобы в эти критические годы прекратить ухудшение индуистско-мусульманских отношений»¹¹⁸.

В 1935 г. британский парламент принял Акт об управлении Индией, который часто именуют её первой конституцией. Распространено мнение, что этот закон был одной из самых изощрённых попыток колониальной державы укрепить свою власть, создавая видимость обратного. Однако он в самом деле был уступкой национальному движению, так как распространил диархию уже на центральные органы власти, а в провинциях сделал следующий шаг: отныне провинциальные министры отвечали не перед губернаторами, а перед законодательными собраниями. Так до Индии, пусть пока на уровне провинций, наконец дошла система ответственного правительства, которую Британия впервые внедрила в 1848 г. в одной из своих канадских колоний — Новой Шотландии — и позднее распространила на все «белые» колонии. В соответствии с Актом об управлении Индией зимой 1936–1937 гг. в стране прошли выборы в провинциальные легислатуры. ИНК одержал внушительную победу и сформировал правительства в восьми из 11 провинций, в том числе в Бенгалии.

Бос, как и Конгресс в целом, категорически не принял федеральной части конституции 1935 г., поскольку она давала значительную автономию провинциям и непропорционально большое влияние князьям. Федеральная часть конституции исключала возможность сильного центрального правительства. В итоге из-за противодействия Конгресса в действие её так и не ввели.

Выступая против конституции, Бос стоял за свараджистскую тактику борьбы: пусть Конгресс участвует в выборах согласно новой политической схеме, а за-

¹¹⁸ Bose S. Op. cit. P. 114.

тем отвергнет эту схему. Недаром правительство опасалось, что, если Боса выпустить, он постарается парализовать систему управления в духе своего наставника Даса. Однако когда в Бенгалии возникла перспектива коалиционного правительства партии Кришок проджа (Крестьянская народная) и Мусульманской лиги при уходе ИНК во главе с Саратом в оппозицию, губернатор провинции (1932–1937) сэръ Джон Эндерсон распорядился выпустить Боса. Это сделали в марте 1937 г. в больнице Медицинского колледжа в Калькутте, где его лечили. Вскоре Боса чествовали на собрании делегатов ассоциаций, затем он встретился с Ганди в Аллахабаде, по пути на горный курорт, куда ему пришлось поехать после очередной тюрьмы.

В сентябрьском номере журнала *Modern Review* вышла статья Боса «Европа: сегодня и завтра» — анализ меняющейся конфигурации сил в континентальной Европе. «Если придёт война, — писал автор, — она станет результатом вызова немцев статус-кво в Центральной и Восточной Европе»¹¹⁹. Вместе с тем проникательно считал, что приход войны зависит главным образом от Британии: Германия едва ли повторит «ошибки 1914 г.», если будет знать, что Британия определённо выступает против воинственного курса, — но заключил, что Германия может вновь попасть в ловушку, «полагая, будто Британия в войну не вступит»¹²⁰. Вскоре Бос откликнулся на нападение Японии на Китай после инцидента на мосту Лугоу в июле 1937 г. В октябрьском номере того же журнала опубликовал статью «Роль Японии на Дальнем Востоке». Высоко оценил успехи этой страны, но задался вопросом: «Нельзя ли было достичь всего этого без империализма, не унижая другого гордого, культурного и древнего народа? Нет, при всём нашем восхищении Японией... всем сердцем мы — с Китаем в его час испытаний»¹²¹.

В октябре 1937 г. Ганди, приехав в Калькутту, вопреки обыкновению остановился у Босов. Это стало началом кратковременного сближения Субхаса с Махатмой. Похоже, в Калькутте Ганди и решил, что преемником Неру на посту председателя ИНК на следующий год надо сделать Боса. Формально председатели Конгресса выбирались делегатами Всеиндийского комитета партии. Фактически же с 1920-х годов их назначал лично Ганди. Судя о Босе по Неру, он, верно, решил, что пост председателя послужит средством приручить склонного к мятежу лидера. С Неру этот механизм сработал прекрасно. Тот побывал председателем в 1936 и 1937 гг., как раз когда левые были особенно беспокойны, поэтому не мог и не хотел защищать их интересы. Те, со своей стороны, не могли в полной мере критиковать ИНК — ведь возглавлял партию их человек: «Кроме того, Бос был теперь очень крупной публичной фигурой: его влияние на молодёжь равнялось влиянию Неру, если не превосходило его, а его репутация лидера левых националистов была нерушимой. Ганди тщательно следил за политическим ростом Боса и заметил усиление его влияния среди крестьянства»¹²². Бос, со своей стороны, тоже делал шаги навстречу Ганди и оказывал ему знаки почтения.

Чтобы поправить здоровье перед избранием на ответственную должность, Бос в ноябре 1937 г. улетел в Европу и провёл Рождество в Бадгаштайне с Эмили. Там

¹¹⁹ Цит. по: Ibid. Op. cit. P. 122.

¹²⁰ Ibid.

¹²¹ Цит. по: *Bright J.S.* Op. cit. P. 259.

¹²² *Bose M.* The Lost Hero... P. 202.

написал свою автобиографию «Индийский паломник», которая осталась неоконченной¹²³. 26 декабря пара поженилась — секретно, так как не хотела, чтобы что-то отвлекало Боса от общественно-политической деятельности. Брак был заключён в такой тайне, что о нём не узнала даже вездесущая Индийская политическая разведка.

Из Австрии Бос в январе 1938 г. наконец вновь посетил Британию. Правительство не стало препятствовать человеку, который вскоре должен был сделаться председателем ИНК. На встрече с соотечественниками он подчеркнул, что вопреки пропаганде Раджа, превозносившей конституцию 1935 г., индийский вопрос остаётся нерешённым. В ходе интервью с Босом известный левый интеллектуал полубенгалец-полушвед Раджани Пальме Датт (1896–1974)¹²⁴ просил его разъяснить похвалу фашизму и критику коммунизма в книге «Индийская борьба». Бос выразил убеждение, что Индия, завоевав свободу, должна «двигаться в сторону социализма», а своё выражение «синтез коммунизма и фашизма» признал неудачным. Оправдывался тем, что на момент написания книги (1934) фашизм ещё не стал на путь империализма, а многие индийские коммунисты ещё занимали антинациональные позиции и проявляли враждебность к ИНК¹²⁵. В этом потеплении взглядов Боса на коммунизм отразилась резкая смена курса Коминтерна, причём уже вторая: если после II конгресса (1920) эта организация стояла за тактический союз компартий стран Азии и Африки с национальной буржуазией этих стран, то в 1928 г. такой курс был заклеимён как соглашательство (что отправило коммунистов в изоляцию), и лишь после VII конгресса 1935 г. Коминтерн вернулся к политике единого фронта. Правда, в преддверии мировой войны направлен он был не столько против колониализма, сколько против германского нацизма и японского милитаризма.

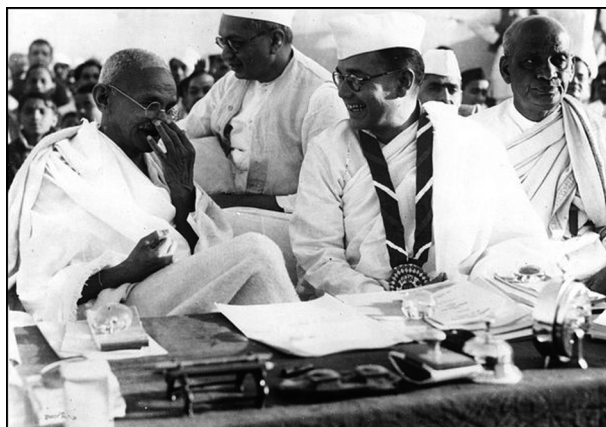
В январе 1938 г. ИНК избрал Боса председателем. За всю историю Конгресса он был лишь вторым председателем-бенгальцем (первым был Дас). Повидавшись с женой в аэропорту Вены, вернулся через Рим в Индию и вновь с головой ушёл в антиколониальную политику. В феврале 1938 г. в деревне Харипура в Гуджарате состоялась 51-я сессия Конгресса. Приезд Боса в родную страну Ганди, который по национальности был гуджаратцем, называют символичным. Это была встреча двух поколений, двух течений национального движения и двух Индий — городской и аграрной. В Харипуру председателя торжественно привезли в колеснице, запряжённой 51 белым быком. Для Конгресса сессия 1938 г. была праздником: то была его первая ежегодная конференция с момента прихода к власти в провинциях. Именно после выборов 1937 г. в ИНК была создана новая, унитарная структура отношений между его главными региональными подразделениями — фактически готовая основа для управления страной после передачи власти индийцам¹²⁶. Вид Ганди и Боса за беседой на пленарном заседании воодушевил миллионы индий-

¹²³ Неоднократно цитировавшаяся в настоящей работе книга: *Bose S.C. An Indian Pilgrim, or Autobiography of Subhas Chandra Bose*. Была впервые опубликована в 1948 г. в Калькутте издательством Thacker, Spink & Co.

¹²⁴ По линии матери приходился двоюродным дядей премьер-министру Швеции (1969–1976, 1982–1986) Улофу Пальме.

¹²⁵ *Bose S.C. The Indian Struggle, 1920–1942. Bombay etc.: Asia, 1960. P. 393–394.* Интервью Датту опубликовано во втором, расширенном, издании книги Боса (об этом издании см. гл. 7).

¹²⁶ *Володин А.Г. Индия: становление институтов буржуазной демократии. М.: ГРВЛ, 1989. С. 57.*

Ил. 2. Ганди, Бос и Патель на сессии ИНК в Харипуре (1938).

цев. Как писал за 30 лет до этого Ауробиндо Гхош, на пути к справедливости и праведности благочестие святого следует дополнить мечом воина. Тандем Ганди–Бос многим казался именно таким сочетанием.

Между тем два лидера отличались разительно. Их разногласия не ограничивались методами антиколониальной борьбы. Если Ганди мечтал о Рамраджье — мифическом царстве благоденствия, которое было бы основано на самоуправляющихся и самодостаточных деревенских общинах, то Бос свободную Индию видел современной, промышленно развитой страной. Ближайшая цель тем не менее была у них общая — избавить Родину от британского владычества. Однако дело осложняли правые сподвижники Ганди в «Высшем командовании» Конгресса, провинциальные правительства ИНК и спонсоры партии из крупного бизнеса.

Председательскую речь 19 февраля Бос начал с того, что напомнил судьбу Римской, Османской и Австро-Венгерской империй, а также империй Маурьев, Гуптов и Моголов¹²⁷ в Индии. В связи с этим задал слушателям оптимистичный вопрос: «Может ли кто-нибудь перед лицом этих объективных фактов истории взять на себя смелость утверждать, что Британской империи уготована иная участь?»¹²⁸ Приведя слова Ленина о том, что реакция в Британии укреплялась и подпитывалась порабощением других народов, оратор заключил, что борцы за политическую свободу Индии и других стран империи борются и за экономическое освобождение британского народа¹²⁹. Проанализировал сильные и слабые стороны империализма британцев и призвал их превратить империю в «федерацию свободных наций». Пройдясь по федеральной части акта 1935 г., резко выступил против права вице-короля контро-

¹²⁷ Династии Маурьев (317–180 гг. до н.э.) и Гуптов (320–550) — индуистские правящие дома, которые, как считается, объединили под своей властью большую часть Южной Азии. Династия Великих Моголов, или индийских Тимуридов, (1526–1857) — мусульманский тюркский род, правил последней общиндийской империей в доколониальной истории страны.

¹²⁸ Selected Speeches of Subhas Chandra Bose. P. 73.

¹²⁹ Ibid. P. 73.

лизовать 80% федеральных расходов и призвал Конгресс «протянуть руку помощи нашим товарищам по борьбе в княжествах»¹³⁰.

Коснувшись проблем меньшинств (этнических, религиозных, социальных), новый председатель напомнил, что, согласно резолюции о фундаментальных правах, принятой Всеиндийским комитетом Конгресса в 1937 г., гражданин пользуется всеми правами и свободами, а это предполагает и защиту прав меньшинств¹³¹. Проблему мирного сосуществования конфессиональных общин пытался решить по-иному, нежели Неру: выступал не за жёсткое отделение религии от политики, а — по Дасу — за равное уважение ко всем общинам. Также в отличие от других лидеров Конгресса, включая Неру и Пателя, Бос стоял за значительную автономию меньшинств в делах управления и культуры. Рабочий комитет Конгресса он назвал не только «направляющим мозгом национальной армии борцов за свободу», но и «теневым кабинетом независимой Индии»; считал, что и действовать этот орган должен соответственно¹³².

Сварадж, подчеркнул Бос, не конечная цель, а средство реконструкции Индии. В отличие от Ганди не считал, что Конгресс после достижения свободы должен сойти со сцены; напротив, в процессе национальной реконструкции отводил партии ключевую роль. Индию после независимости видел социалистическим государством, нацеленным на борьбу с бедностью, неграмотностью и болезнями. Искоренение бедности, по мнению Боса, требовало радикальной реформы землевладения и предоставления дешёвого сельского кредита. В области промышленной политики поддержал идею Планового комитета. Коснувшись старой проблемы единого языка для Индии, он, наступив на горло своей бенгальской идентичности, высказался за радикальное решение: хиндустани, причём на латинице. Будучи всего одним из двух (вместе с Неру) лидеров ИНК, которые всерьёз интересовались мировой политикой, Бос высказался за активность индийских националистов на международной арене и призвал «создавать в каждой стране ядро мужчин и женщин, которые будут чувствовать симпатии к Индии»¹³³. Одним из методов на этом пути считал культурную дипломатию, т.е. «мягкую силу».

Речь Боса на сессии Конгресса в Харипуре была триумфом. Благодаря международной известности оратора получила она резонанс и за рубежом. Так, 7 марта 1938 г. он появился на обложке нью-йоркского журнала *Time*.

После сессии новый председатель Конгресса взялся за воплощение своей повестки дня в жизнь. В мае 1938 г. собрал в Бомбее глав семи провинциальных правительств ИНК и обсудил с ними проблемы развития промышленности, энергетики и координации действий. В октябре организовал в Дели конференцию министров промышленности провинций с конгрессистскими правительствами. Отметил, что ресурсов у Индии не меньше, чем у США; имеется и пример того, как страна может быстро превратиться из аграрной в индустриальную, — Советский Союз¹³⁴.

¹³⁰ Ibid. P. 76, 86.

¹³¹ Ibid. P. 76–77.

¹³² Ibid. P. 84.

¹³³ Ibid. P. 92.

¹³⁴ Netaji: Collected Works. Vol. 9. Congress President: Speeches, Articles and Letters, January 1938 – May 1939 / Ed. S.K. Bose and S. Bose. Calcutta: Netaji Research Bureau, 1995. P. 50.

В декабре 1938 г. Бос созвал в Бомбее первое заседание Национального планового комитета, причём возглавить его предложил Неру, чтобы заручиться его поддержкой. Первой задачей новой структуры Бос назвал содействие развитию «тех отраслей промышленности, которые обеспечивают успешное развитие других отраслей, — энергетики, металлургии, производства химикатов, машин и инструментов, а также производства средств сообщения, таких как железные дороги, телеграф, телефон и радио»¹³⁵. Таким образом, именно Бос инициировал институциональное нововведение, которое легло в основу экономического развития Индии на десятилетия — интенсивного развития государственного сектора в промышленности, которое вошло в историю как «курс Неру». Плановый комитет был учреждён под влиянием успехов крупной промышленности в СССР и Германии, а также «нового курса» президента США (1933–1945) Ф.Д. Рузвельта с его вмешательством государства в экономику. В независимой Индии этот орган продолжал функционировать даже после отхода от «курса Неру» и либерализации экономики с 1980-х гг., а упразднён был лишь в 2014 г.

Функционирование Конгресса удручало Боса: он был убеждён, что партия выродилась в бесхребетную электоральную машину и её членов заботит лишь сохранение своего места на следующий год. Что приносило ему удовлетворение, так это работа с людьми. В течение всего 1938 г. Бос ездил по Индии, где его приветствовали сотысячные, а иногда и миллионные толпы¹³⁶. Впрочем, порой он, как человек на вершине огромной организации, остро чувствовал одиночество. Отдушиной служило общение с давним и самым близким другом Дилипом Кумаром Роем, который стал известным певцом и музыкантом. Ещё в 1928 г. Рой удалился в ашрам Ауробиндо Гхоша в Пондишери, но теперь временно проживал в Калькутте. Бос просил его не возвращаться в ашрам, так как нуждался в ком-то, кому можно облегчить душу. Рой, со своей стороны, звал друга с собой в ашрам, но тот отказывался уехать даже на короткое время, опасаясь потерять боевой дух. Бос писал: «Ничто не притягивает меня больше, чем полная приключений жизнь вдали от проторённого пути и в поисках Неведомого»¹³⁷.

Бос старался сотрудничать с Ганди и в важных вопросах заручиться поддержкой Рабочего комитета — своего «правительства». Несмотря на идеологические симпатии к социалистам, старался сохранять нейтралитет и равноудалённость от левого и правого крыльев партии. Иногда делал правым уступки, например поддержал законопроект, обеспечивший бомбейским фабрикантам помощь государства против забастовщиков¹³⁸. Однако, хотя внешне отношения Боса с Ганди в этот период были хорошими, напряжённость в них присутствовала. Так, два политика не смогли договориться о правительстве Бенгалии. Ганди поддержал коалиционное правительство политика-мусульманина Абул Касема Фазл-ул-Хака (1873–1962), которое проводило далеко не светский курс и выступало против принципов ИНК.

¹³⁵ Selected Speeches of Subhas Chandra Bose. P. 98.

¹³⁶ Bose M. The Lost Hero... P. 218.

¹³⁷ Vas E.A. Subhas Chandra Bose: The Man and His Times. New Delhi: Lancer Publishers & Distributors, 2005. P. 63.

¹³⁸ Chakrabarty B. Op. cit. P. 41.

Бос тщетно пытался убедить Ганди, что Конгресс необходимо привести к власти во всех провинциях: ведь это позволит ему выдвинуть британцам ультиматум покинуть страну. Кроме того, если Бос был убеждён, что трудности Британии — это шансы Индии, Ганди не считал, что Индии помогут международные события или что она вообще готова к борьбе.

Аргументация Боса в пользу коалиции индуистов и мусульман контрастировала с позицией Неру, который выступал против партнёрства с неконгрессистскими элементами. В долгосрочной перспективе прав оказался Бос. Если в 1937 г. Мусульманская лига была одной из второстепенных партий Бенгалии, то через десять лет, побывав у власти, сделалась наиболее важной в провинции. Это сыграло немалую роль в расколе Индии по религиозному признаку, кульминацией чего стал Раздел 1947 г.

Руководя Конгрессом, Бос не терял интереса к международным делам. В знак солидарности с Китаем против японской агрессии отправил гоминьдановскому правительству медицинскую миссию, поощрял поездки индийских деятелей культуры в Европу. Следя за происходившими там политическими и военными событиями, критиковал предательство Британией и Францией Чехословакии в Мюнхене.

В сентябре 1938 г. на сессии Всеиндийского комитета Конгресса в Дели разногласия между левым и правым крыльями партии обострились в вопросе о том, какую позицию следует занять в случае новой войны в Европе. Правые предложили допускающую двоякое толкование резолюцию, взывая к здравому смыслу британцев. Левые выдвинули поправку: «Бескомпромиссная борьба за освобождение Индии должна быть нашей основной политикой, и мы не должны повторить ошибку, которую допустил в прошлом Махатма Ганди»¹³⁹. Последний пришёл в ярость и писал о желательности раскола партии, который должен её очистить.

Кризис наступил в конце 1938 г. «Кроме личностного фактора выдвинутая Босом политическая программа бескомпромиссного антиколониализма и социалистической реконструкции свободной Индии противопоставляла его Ганди и большинству коллег в Рабочем комитете. Возглавляемые Валлабххаи Пателем, они считали Боса слишком агрессивным и высокомерным. Он упорно отвергал федеральную часть акта 1935 г. целиком и был категорически против любого компромисса с британским Раджем. Поэтому правое крыло Конгресса бешено противилось его переизбранию председателем»¹⁴⁰. На этом переизбрании в письмах к Ганди и Неру настаивал, в частности, Тагор, но Ганди пренебрёг мнением поэта.

Выборы председателя ИНК 1939 г. предоставили возможность померяться силой. Ганди было ясно, что методы приручения, которые сработали с Неру, в отношении Боса провалились. Возможно, против Боса Махатму настроили и подозрения в связях с немцами. В декабре 1938 г. Бос встретился в Бомбее с двумя нацистами, одним из которых был доктор Освальд Урхс — агент дочерней фирмы германского концерна «ИГ Фарбен» и руководитель отделения НСДАП в Индии. Бос объяснил немецким собеседникам причины враждебности индийской прессы к их стране и заявил, что режим Гитлера должен прекратить оскорблять индийцев. Под

¹³⁹ Цит. по: *Bose M. The Lost Hero...* P. 225.

¹⁴⁰ *Bose S. Op. cit.* P. 153.

влиянием этой беседы Урхс в письмах на родину пытался добиться изменений в направленности пропаганды, чтобы подправить образ Германии в глазах индийцев¹⁴¹. Однако интереса там не проявили. А вот разведка Раджа не дремала, и власти, получив информацию о встрече Боса с нацистами, позаботились, чтобы она достигла ушей Ганди. Тот забеспокоился, что сподвижник вернулся на традиционный для бенгальцев путь заговора и революции.

Когда подошли выборы председателя ИНК, Бос вновь выдвинул свою кандидатуру. Патель в телеграмме Сарату заявил, что переизбрание Субхаса считают вредным для дела страны. С подачи Ганди Патель и ряд других членов Рабочего комитета выпустили заявление, где, по сути, утверждали: Бос идёт на выборы по причине своей амбициозности. Вопрос этот неоднозначен. С одной стороны, Бос часто описывал идеального национального лидера как человека бескорыстного. С другой — по свидетельству одного соратника, он выражал желание «остаться в истории»: поскольку Неру побывал председателем Конгресса дважды, Бос — возможно, по личным и политическим причинам — считал, что тоже должен быть избран на второй срок¹⁴². Вместе с тем, похоже, тоже искренне, настаивал, что ради общего дела в выборах обязательно должен участвовать левый кандидат, а другой сильной кандидатуры не видел (её и не было). Особенно Боса заботили появившиеся признаки компромисса правых конгрессистов с британцами по вопросу федерации.

Выборы председателя 1939 г. стали первыми альтернативными в истории ИНК. Прошли они 29 января. Бос победил, располагая поддержкой студенческих, рабочих и крестьянских делегатов Всеиндийского комитета Конгресса и набрав 1580 голосов против 1375 у ставленника Ганди Паттабхи Ситарамайи (1880–1959) из Андхры¹⁴³. Это был первый успешный вызов авторитету Махатмы внутри ИНК за 20 лет его неоспоримого лидерства. Бос был настроен на сотрудничество с оппонентами ради общей цели, считая, что разногласия предвыборной борьбы можно предать забвению.

Однако Ганди вернулся к идее раскола партии. Через день после выборов он в привычной для него юродствующей манере заявил: «Поскольку именно я убедил доктора Паттабхи не снимать свою кандидатуру, поражение больше моё, чем его. И я — ничто, если не представляю определённых принципов и политики. Поэтому для меня очевидно, что делегаты не одобряют принципов и политики, за которые я стою. Я рад этому поражению»¹⁴⁴. Махатма призвал тех, «кому в Конгрессе неудобно» (т.е. всю массу своих сторонников), выйти из него — якобы ради большей эффективности деятельности партии. Ганди явно имел в виду, что одновременно для Боса и его оппонентов в руководстве Конгресса места нет.

«Ганди характерным для него образом объявил войну. Пока Бос праздновал победу, Ганди скрупулёзно готовился уничтожить его. Человек, который мог так искусно использовать ненасилие, намеревался теперь применить все свои политические навыки, чтобы справиться с этим самым серьёзным вызовом своей власти изнутри

¹⁴¹ Zöllner H.-B. "Der Feind meines Feindes ist mein Freund". Subhas Chandra Bose und das zeitgenössische Deutschland unter dem Nationalsozialismus, 1933–1943. Hamburg: LIT, 2000. S. 36.

¹⁴² Gordon L.A. Op. cit. P. 269.

¹⁴³ Wolpert S. A New History of India. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 327.

¹⁴⁴ Netaji: Collected Works. Vol. 9. P. 87.

конгрессистской партии»¹⁴⁵. Отрекаясь от власти в духе Ивана Грозного, удалившегося в Александрову слободу, Ганди делал вид, что умывает руки.

Правые пошли на обострение ситуации: по инициативе Пателя 12 членов Рабочего комитета подали в феврале в отставку. В комитете остались лишь Неру и Сарат Бос. Неру при этом сделал двусмысленное заявление, которое привело многих к мысли, что он заодно с Пателем. Вопрос встал ребром: кто сформирует новый Рабочий комитет — законно избранный председатель или Махатма, слово которого всегда было для партии законом?

В марте 1939 г. подошла сессия ИНК в Трипури (в Центральных провинциях, ныне штат Мадхья-Прадеш). Тут Боса постигла первая досадная неудача: он не смог присутствовать на заседании лично. Заболев накануне сессии лихорадкой, Бос вопреки совету врачей всё же проделал долгий путь из Калькутты в Трипури на поезде — но, приехав, так ослабел, что вообще слёг¹⁴⁶. Правые пустили слух, будто болезнь притворная. Речь председателя за брата зачитал Сарат. Напомнив о сложившейся в партии непростой ситуации, Субхас начал речь с международных дел и лишь затем перешёл к индийским. Он подчеркнул значение Мюнхенского соглашения сентября 1938 г. и отметил, что в континентальной Европе гегемония без единого выстрела перешла от Франции к Германии. «Так называемые демократические страны Франция и Великобритания присоединились к Италии и Германии в заговоре с целью выдавить сейчас Советскую Россию из европейской политики... Что Франция и Великобритания выиграли, пытаясь унижить Россию?»¹⁴⁷ — недоумевал Бос. Отметил и то, что в условиях международной напряжённости Британия стала чувствовать себя менее уверенно, что проявилось в её попытках замириться с арабской частью населения Палестины.

Бос понимал, что время работает на индийских националистов, и предсказал, что примерно через полгода в Европе вспыхнет новая война. Желая воспользоваться трудностями империи и подтолкнуть ход истории, предложил предъявить британцам ультиматум: если в течение шести месяцев те не предоставят Индии свободу, поднять новую волну гражданского неповиновения¹⁴⁸. Однако правым в Конгрессе Бос виделся ещё более насущной угрозой, чем даже британцы. Один год его терпели, Бос в кресле¹⁴⁹ председателя партии второй год подряд — это было уж слишком. Между тем Ганди уехал за тысячу километров от Трипури, в свой родной Гуджарат, и объявил там трёхдневную голодовку из-за конфликта с *тхакур*м (правителем) мелкого княжества Раджкот. В результате внимание общественности оказалось оттянуто туда.

На сессии ИНК его правое крыло устами премьер-министра Соединённых провинций (ныне штат Уттар-Прадеш) Говинда Баллабха Панта (1887–1961) предложило резолюцию: председатель Конгресса должен пользоваться доверием Ганди и на-

¹⁴⁵ *Bose M. The Lost Hero...* P. 229.

¹⁴⁶ *A Beason across Asia...* P. 70.

¹⁴⁷ *Selected Speeches of Subhas Chandra Bose.* P. 103.

¹⁴⁸ *Панде А.Д.* Бхаратия свадхинта андолян (1857–1947). (Индийское движение за независимость, 1857–1947). Дели: Адхуник, 1995. С. 142–143 (хинди).

¹⁴⁹ Слово «кресло» употреблено метафорически, так как кресел на сессиях Конгресса не было: участники сидели на подушках или циновках.

значать членов Рабочего комитета в соответствии с его пожеланиями. Решающей в этой ситуации оказалась позиция Конгресс-социалистической партии во главе с Нараяном: она воздержалась от голосования — и 218 голосами против 133 резолюция Панта прошла¹⁵⁰. Конгресс-социалисты не желали раскола материнской организации и к тому же расходились с Босом по вопросу о том, надо ли при выдвижении британцам требований ставить конкретные сроки. Стало ясно, что созданная Босом коалиция левых разваливается. Хотя за его переизбрание левые в январе проголосовали, далеко не все были готовы поддержать его теперь, коль скоро вопрос максимально упростился до такого: Бос или Ганди? Главным фактором, сработавшим против Боса, была популярность Ганди — квазирелигиозная по характеру¹⁵¹. Атмосфера на сессии в Трипури была самой напряжённой за всю историю Конгресса.

Возникшую в партии ситуацию Бос понимал не до конца. Своё избрание воспринимал как поражение лишь правого крыла Конгресса, а самого Ганди ошибочно считал стоящим над схваткой. Бос уверял его, что не мстителен и не обидчив; всё, чего он хочет, это возродить массовую борьбу. Опираясь на левых, Бос боролся против правых, не сознавая, что его главный враг не лидер правых Патель, а лидер всего Конгресса Ганди. Боса называют великолепным организатором публичных акций, но скверным интриганом.

В Индии и за рубежом сложился образ Ганди как святого, который при достижении политических целей никогда не ошибался. Согласно легенде, люди для него были не менее важны, чем идеи. «На деле же Ганди был весьма хитрым политиком, который сознавал, что самый лёгкий способ поднять индийский народ — обратиться к религии и древней индийской культуре. Это была основа, на которой он построил национальное движение против британцев, превратив неэффективный индийский либерализм в сильный, почти непреодолимый индийский национализм. Теперь это должно было принести ему последнюю крупную политическую победу... Он хитроумно добился того, что его ненасильственное сопротивление британцам, которые, пусть и оккупанты чужой страны, всегда претендовали на высокую мораль, было его козырной картой, крыть которую им было нечем. Это объясняет то, почему британцы часто с такой готовностью осуждали гандизм как надувательство... Также это доказало, что председатели Конгресса могут приходить и уходить, а он всегда будет оставаться суперпредседателем»¹⁵². Конституция ИНК не предусматривала смещения председателя; голосования нельзя было отменить. Однако сторонники Ганди парализовали Рабочий комитет и по-прежнему контролировали Всеиндийский комитет Конгресса. Без их поддержки председатель просто не мог работать.

Ощущая давление правых, Бос не собирался сдаваться, вдохновляясь, по его собственному признанию, примером швейцарского национального героя XIII–XIV вв. Вильгельма Телля¹⁵³. Вместе с тем настаивал, что точек соприкосновения

¹⁵⁰ *Chakrabarty B.* Op. cit. P. 44.

¹⁵¹ *Chaudhuri N.C.* Op. cit. P. 356.

¹⁵² *Bose M.* The Lost Hero... P. 231. Постоянным суперпредседателем Конгресса — отнюдь не с отрицательным оттенком — Махатму назвал Неру.

¹⁵³ *Guha S.* Op. cit. P. 73.

у руководства двух крыльев партии больше, чем разногласий. Кроме того, как сказано выше, Бос ошибочно отделял Ганди от его ближайших соратников. Что касается главного предмета разногласий — состава Рабочего комитета ИНК, — то Бос предпочитал «составной» комитет из представителей разных течений национального движения. Для Ганди же был приемлем лишь «однородный» комитет из его собственных приверженцев. Как показывают письма Боса к Ганди в марте–апреле 1939 г., в вопросе формирования комитета он до последнего был готов к компромиссу. Однако Ганди опирался на принцип «Или по-моему, или никак».

Удивляясь призывам правых отправить председателя в отставку под предлогом его болезни, Бос уверял Махатму: «У меня нет ни малейшего желания цепляться за должность. Однако не вижу причины уходить в отставку по состоянию здоровья. Ни один председатель не уволился, будучи даже в тюрьме»¹⁵⁴. 2 апреля Ганди в телеграмме из Дели призвал Боса сформировать Рабочий комитет самостоятельно, сформулировать программу и представить её на одобрение Всеиндийского комитета: если тот её не одобрит, Босу следует подать в отставку¹⁵⁵. Бос в ответе от 6 апреля писал: «Чувствую, что Ваш совет дан от отчаяния. Он разрушает всякую надежду на единство... Совершенно ли Вы уверены, что совместная работа невозможна? С нашей стороны, мы так не думаем... В Великобритании три крупнейшие партии в случае чрезвычайной ситуации всегда могут взяться за руки и работать в одном кабинете. В странах континентальной Европы, таких как Франция, каждый кабинет — обычно составной. Разве мы меньшие патриоты, чем британцы и французы?»¹⁵⁶ Несогласный с тактикой скрытой манипуляции, Бос призвал Ганди выйти из-за кулис и «управлять делами Конгресса прямо и открыто», что упростило бы ситуацию и резко уменьшило бы сопротивление левых политике «старой гвардии»¹⁵⁷. Если это неприемлемо, предлагал альтернативу: «Пожалуйста, возобновите национальную борьбу за независимость, как мы того добиваемся, и начните с ультиматума британскому правительству. В таком случае все мы уйдём со своих официальных постов с радостью»¹⁵⁸. В любом случае Бос надеялся, что их с Ганди личные отношения не пострадают, иначе это было бы с его (Боса) стороны не по-джентльменски¹⁵⁹. Переписка 1939 г. ярко демонстрирует сложность его отношения к Махатме. В том же письме от 6 апреля Бос честно писал: «Вы очень хорошо знаете, что в отличие от многих соотечественников я не слеую Вам слепо во всём, что Вы говорите и считаете» и вместе с тем назвал его «величайшей личностью в Индии»¹⁶⁰. В ответе от 10 апреля Ганди юродствовал, что считает себя «полностью некомпетентным убедить воюющие стороны сотрудничать», не может навязывать Босу состав Рабочего комитета, а готовности страны к ненасильственным кампаниям не видит, ибо «в воздухе носится насилие»¹⁶¹.

¹⁵⁴ Цит. по: *Sopan. Netaji Subhash Chandra Bose: His Life and Work*. Bombay: Bhandar, 1946. P. 58.

¹⁵⁵ *Netaji: Collected Works*. Vol. 9. P. 146.

¹⁵⁶ *Sopan*. Op. cit. P. 66–67.

¹⁵⁷ *Ibid*. P. 68.

¹⁵⁸ *Ibid*. P. 69.

¹⁵⁹ *Ibid*.

¹⁶⁰ *Ibid*. P. 68.

¹⁶¹ *Ibid*. P. 70–71.

Ил. 3. Бос и Неру (1938).

Отказываясь назвать своих кандидатов в Рабочий комитет, чтобы этот орган мог возобновить работу, Ганди применил — внутри Конгресса — тактику несотрудничества, которую отточил на британцах. К середине апреля 1939 г. Бос ради разрешения кризиса был готов позволить Махатме назначить уже весь состав комитета. Однако тот на уступки не шёл. А 28 марта Бос написал письмо Неру с упрёком в том, что он играет на руку его оппонентам. Поскольку во время кризиса Неру пытался быть посредником, Бос обвинил его в нерешительности, создающей впечатление, будто он старается усидеть на двух стульях. К тому же Бос обвинил Неру в отсутствии чёткой политики достижения свараджа. Годы спустя Неру в интервью британскому корреспонденту признает, что в 1939 г. подвёл Боса, но считал, что Ганди и есть Индия. Справедливости ради надо добавить, что в ходе конфликта 1939 г. он пытался убедить Махатму не отталкивать Боса, а сделать шаг навстречу. Но Великая душа не проявил великодушия.

После двух дней переговоров под Калькуттой ситуация зашла в тупик. Чтобы не продолжать парализовать деятельность партии, 29 апреля, в первый день сессии Всеиндийского комитета ИНК в Калькутте, Бос подал в отставку. Свой шаг объяснил так: «В полное отсутствие духа примирения с противоположной стороны я не видел, как мы сможем работать вместе. У меня не было желания оставаться председателем-муляжом (*dummy President*) или цепляться за должность любой ценой»¹⁶². Таким образом, Бос на посту председателя Конгресса повторил судьбу своего гуру Даса, который в 1922 г., столкнувшись с непониманием в партии своей тактики прекращения бойкота, тоже счёл за лучшее уйти в отставку.

¹⁶² Selected Speeches of Subhas Chandra Bose. P. 110.

Временным председателем Конгресса сделался стойкий гандист из Бихара Раджендра Прасад (1884–1962) — будущий первый президент Республики Индия. Он назначил в Рабочий комитет только безоговорочных сторонников Ганди, не включив даже Неру. От Боса стали дистанцироваться коммунисты, с нападка на него выступили бенгальские революционеры. Разъярённые таким отступничеством, сторонники Боса собрались у здания заседания комитета на Уэллингтон-сквер в Калькутте, и ему пришлось сопровождать своих коллег-оппонентов, чтобы оградить их от гнева толпы.

Таким образом, весной 1939 г. Ганди обыграл Боса в конгрессистской политике. И по темпераменту, и с организационной точки зрения Бос, несмотря на огромную личную популярность, не выстоял перед политическим коварством Ганди и его сподвижников. И всё же Махатма из борьбы 1939 г. вышел с запятнанной репутацией: выглядел мелочным и мстительным по отношению к более молодому оппоненту¹⁶³. Тагор же опубликовал в поддержку соотечественника-бенгальца длинную статью под названием «Дешнаяк» («Лидер страны»).

Бос уехал поправлять здоровье, убеждённый в предательстве Неру. И хотя в годы войны он будет по-прежнему протягивать руку Ганди в надежде на сотрудничество, Неру он не простит никогда. Двойственное поведение Пандита действительно способствовало тому, что конгресс-социалисты воздержались от голосования. «То, что Неру и Бос были соперниками, понятно... оба стали видными фигурами националистического движения одновременно. В глазах индийцев у обоих были одни и те же качества: они были молоды, энергичны, красивы, радикальны, левые националисты, считавшие свободу началом масштабных социально-экономических изменений... с конца 1930-х годов их отношения были тёплыми, и Бос, как признавал сам Неру, “относился ко мне с величайшим уважением и вниманием”; он был политическим старшим братом, к которому Бос часто обращался за советом. Теперь, когда Джавахарлал опять обнаружил свою более примитивную лояльность в отношении Ганди, Субхас не мог скрыть горечи и разочарования»¹⁶⁴.

Отставка Боса не уменьшила его популярности в народе — скорее наоборот. В июне 1939 г. он писал Эмили: «Индия — странная страна, где людей любят не за то, что у них есть власть, а за то, что они её отдают. Например, в Лахоре меня встретили на этот раз теплее, чем когда я посетил его в прошлом году в качестве председателя Конгресса»¹⁶⁵. Правда, ценой популярности стал кошелёк с письмом и фотографией Эмили, который вытащили у него в Лахоре из кармана, когда его окружила большая толпа.

Для расширения влияния и прихода к власти политику, как правило, необходима собственная партия. Несмотря на феноменальные способности Боса поднимать массы на действия, у него, в отличие от Ганди или Пателя, такой партии не было. События 1939 г. отчётливо показали Босу это слабое место в его стратегии, и он попытался исправить положение. Применив гегелевскую диалектику, Бос заявил, что консолидация правых как тезис требует консолидации левых как антитезиса. В

¹⁶³ Bose S. Op. cit. P. 164.

¹⁶⁴ Bose M. The Lost Hero... P. 235.

¹⁶⁵ Цит. по: Bose S. Op. cit. P. 165–166.

июне 1939 г. объявил о создании ещё одной партии внутри Конгресса — Форвард-блока. По сути, Бос стремился создать на национальном (общеиндийском) уровне лидерство, альтернативное «старой гвардии» правых конгрессистов. Форвард-блок должен был бороться не с самим Ганди, которого Бос продолжал чтить, а с гандизмом. Это показывает, что причин своего политического поражения он так до конца и не понял. Помимо прочего, образование Форвард-блока окончательно отдалило от Боса его бывшего союзника Неру. Если прежде Неру был единственным в руководстве ИНК, кого поддерживали оба крыла, теперь ему пришлось выбирать, и он открыто примкнул к Ганди¹⁶⁶.

Однако проект Форвард-блока провалился. Конечно, появление лично Боса на митингах привлекало огромные толпы, а его полемические статьи считают превосходными. И всё же создать настоящую массовую партию ему не удалось. В Форвард-блок вошли только сторонники самого Боса, которых называли субхаситами. Кроме них левыми силами в стране были Конгресс-социалистическая партия и два объединения коммунистов — Коммунистическая партия Индии (КПИ) и Лига радикальных конгрессменов — ройисты, сторонники Манабендранатха Роя, который основал КПИ, но позднее отдалился и от неё, и от Коминтерна. Все эти силы придерживались разной тактики. Так, Рой стоял за разрыв левых с Конгрессом, а Бос, напротив, замыслил Форвард-блок как организацию внутри него (как в 1920-е гг. Дас — партию Свараджья). Другие левые были согласны действовать внутри Конгресса, но не хотели давить на его руководство, опасаясь лишиться национального движение единства. Скоро Форвард-блок утратил роль на общеиндийской арене и сохранил позиции лишь в Бенгалии.

Всем, чего сумел добиться Бос, было создание Комитета консолидации левых. Его учредительное заседание состоялось в июне 1939 г. в Бомбее. Однако эта структура оказалась рыхлой и недолговечной. Не дремали и противники. В конце месяца правое крыло Конгресса на заседании Всеиндийского комитета провело две резолюции, прямо направленные против Боса: членам партии запрещалось призывать к саत्याграхе без разрешения руководства, а провинциальные правительства ИНК освобождались от необходимости следовать директивам провинциальных комитетов партии. Комитет консолидации левых счёл эти меры удушением внутрипартийной демократии и призвал провести 9 июля демонстрации по всей стране. Тогда Рабочий комитет ИНК обвинил Боса в нарушении партийной дисциплины и на три года запретил ему занимать выборные должности в партии. Результатом стало отчуждение центрального руководства Конгресса от большинства националистов Бенгалии: те продолжали идти за Босом.

Между тем на Европу надвигалась война. За неделю до неё, в августе 1939 г., Бос писал: «Если между Германией и Польшей вспыхнет война, симпатии индийского народа будут на стороне поляков»¹⁶⁷. В случае войны он хотел, чтобы ИНК подражал практике национальных кабинетов Европы и сформировал Рабочий комитет в составе всех политических сил. 3 сентября Британия объявила Германии войну, и вице-король Индии (1936–1943) маркиз Линлитгоу объявил Индию вою-

¹⁶⁶ Pillai R.C. Op. cit. P. 152–153.

¹⁶⁷ Цит. по: Bose S. Op. cit. P. 169.

ющей стороной. Бос на митинге в Мадрасе с участием 200 тыс. человек назвал это редкой возможностью в истории Индии — шансом, который страна не может позволить себе упустить¹⁶⁸. Разворачивавшуюся мировую ситуацию анализировал исключительно с точки зрения освободительной борьбы Индии.

Начало Второй мировой войны смешало в Индии все политические расчёты. Последовав за метрополией в столь важном международном деле, как объявление войны, вице-король не потрудился хотя бы для приличия посоветоваться с Конгрессом, который правил в восьми из 11 провинций страны. Лорд Линлитгоу давно устал от индийских националистов, а те — от него¹⁶⁹. Боса пригласили на заседание Рабочего комитета в Вардхе (провинция Бомбей, ныне штат Махараштра), где он вновь призвал Конгресс начать массовое движение. Однако «Высшее командование» просто потребовало от британцев разъяснить цели войны. Впрочем, отчасти оно пошло на это под влиянием неутомимой пропаганды Боса. Подобно Катону с его известной фразой «*Carthaginem esse delendam*»¹⁷⁰, он бил в одну точку: требовать от Британии независимости.

10 октября состоялась единственная в жизни Боса встреча с вице-королём, на которой Бос передал ему национальные требования Индии. Ответ лорда Линлитгоу сильно разочаровал не только Боса, но и весь Конгресс: британское правительство готово консультироваться с представителями партий и общин Британской Индии и княжеств с целью произвести конституционные изменения — но лишь в конце войны. Если индийцы надеялись, что именно война подтолкнёт британцев быть сговорчивее, те, наоборот, дали понять: на время войны любые изменения замораживаются. Это оказалось слишком даже для умеренного руководства ИНК, и оно велело своим провинциальным правительствам в знак протеста уйти в отставку. Лорд Линлитгоу был достойным членом команды Черчилля: покидая Индию в 1943 г., заявил индийскому журналисту, что эта страна не может надеяться стать независимой в течение ближайших 50 лет¹⁷¹. И на том спасибо: военный кабинет британского премьер-министра (1916–1922) Дэвида Ллойд Джорджа в августе 1917 г. отвёл Индии на достижение самоуправления лет пятьсот¹⁷².

Бос настаивал, что истинное конституционное собрание возможно только после перехода власти в руки национальных политиков. В пример соотечественникам поставил отказ «Шинн фейн» участвовать в Ирландском конвенте и выход большевиков из российского Предпарламента в 1917 г. Одним из препятствий на пути к объединению национальных сил Бос видел склонность британцев использовать меньшинства как рычаг против Конгресса. Вместе с тем, по его мнению, если бы британцы пошли с ИНК на компромисс, то были бы готовы пожертвовать Мусульманской лигой. Он

¹⁶⁸ Kuhlmann J. Op. cit. S. 116.

¹⁶⁹ Bose M. The Lost Hero... P. 244.

¹⁷⁰ «Карфаген должен быть разрушен» (лат.) — изречение древнеримского оратора Марка Порция Катона (234–149 до н.э.), которым он заключал любую свою речь в сенате независимо от содержания. Говоря языком немецких теоретиков пропаганды Эмиля Доффата (1890–1969) и Отто Грота (1875–1965), Катон добивался эффекта вдальблывающего повторения.

¹⁷¹ Bose M. The Lost Hero... P. 244–245.

¹⁷² Bose M. The Indian Spy: The True Story of the Most Remarkable Secret Agent of World War II. New Delhi: Aleph, 2017. P. 17.

действительно разглядел то, что произойдёт в 1947 г., когда британцы предадут своих союзников — мусульман и князей, но поторопился ждать раскола в Конгрессе и Лиге в случае компромисса британцев с правыми конгрессистами.

В марте 1940 г. Конгресс собрался на сессию в Рамгархе под председательством Абул Калама Азада (1888–1958) — одного из немногих мусульман в руководстве партии, позднее первого в независимой Индии министра образования. Параллельно Бос провёл в том же городке собственную Конференцию антикомпромисса. Она выгодно отличалась от официального съезда и по числу участников, и по выказанному ими энтузиазму. Поторопился один гандист сказать о Босе: «Те, кто не идут вместе с Гандиджи, — политические мертвецы». Бос заявил, что эпоха империализма подходит к концу, осудил нерешительность руководства ИНК и в очередной раз призвал левых сплотиться.

Когда Германия в мае–июне 1940 г. стремительно захватила Нидерланды и Францию, Бос ожидал в скором времени и британской капитуляции. После падения Парижа он в передовице своей газеты *Forward* точно предсказал будущие сферы влияния держав в Европе и Средиземноморье. В качестве председателя второй конференции Форвард-блока в Нагпуре Бос подробно разъяснил свои взгляды на долг антиимпериалистов в контексте войны. Призвал все партии объединиться для создания «гражданского оборонительного корпуса», в то время как оборона колониальной Индии от внешней угрозы должна заботить лишь правительство, а не народ. «Какой интерес можем мы иметь, сражаясь за увековечение собственного рабства? — вопрошал он. — Ведь именно это подразумевает борьба за оборону порабощённой Индии»¹⁷³.

Стремясь к общинному единству в Бенгалии, Бос призвал провести 3 июля 1940 г. День Сираджа-уд-даулы, чтобы почтить память последнего независимого наваба страны (правил в 1756–1757 гг.). Также призвал к движению за перенос памятника деятелю Ост-Индской компании того времени Джону Холуэллу (1711–1798) с площади Далхузи в Калькутте. Власти перенесли раздражавший бенгальцев монумент, но не упустили случая в очередной раз поместить Боса за решётку. В письмах Сарату из тюрьмы Субхас, уже не стесняясь в выражениях, критиковал моральные недостатки правых конгрессистов. Так, он осудил гандизм за «ханжеское лицемерие» и «порушение демократии». Справедливо обвинял руководство Конгресса в двойном стандарте: оно хотело, чтобы на общеиндийском уровне левое меньшинство партии повиновалось диктату правого большинства, но в Бенгалии от лояльных братьям Босам конгрессистов, которые составляли большинство, требовало подчиняться меньшинству комитета ИНК в этой провинции.

Кажется странным, почему Бос так стремился обратно в тюрьму: понимал же, что проведение Дня Сираджа-уд-даула закончится для него новым заключением. Спецслужбы объясняли это давлением Конгресса: мол, однопартийцы требуют, чтобы политические шаги Боса соответствовали его словесной воинственности. Калькуттские революционеры считали, что Бос хотел попасть в тюрьму, чтобы установить контакты с теми, кто способен помочь ему бежать из страны. Однако сам Бос позднее подтвердил догадку своего племянника Сисира, сына Сарата: планы его побега за границу выплыли на поверхность, и он хотел усыпить подозрения.

¹⁷³ Bose S. Op. cit. P. 177.

Достигнув своей цели, Бос в ноябре 1940 г. объявил голодовку, чтобы заставить власти освободить его. Ганди выразил сожаление о своей неспособности и нежелании вмешаться, несмотря на дружбу и уважение к Босам, — пока братья не извинятся за «нарушение дисциплины».

За три дня до голодовки Бос написал письмо губернатору Бенгалии, которое назвал своим политическим завещанием. Потребовал от властей прекратить попытки расколоть индуистов и мусульман и призвал соотечественников не идти на компромисс с несправедливостью. Британцы, бросив своего самого непримиримого оппонента в тюрьму, не хотели обвинений в его смерти. В то же время вице-король ин-структировал губернатора Бенгалии держать Боса в заключении любой ценой. Поэтому через неделю после начала голодовки, 5 декабря 1940 г., губернатор отпустил его под домашний арест. Субхаса вынесли из тюрьмы на носилках и перевезли в семейный дом на Элджин-роуд. За посетителями следили, переписку Субхаса вскрывали.

7. С Райхом против Раджа (1941–1943)

Между тем Бос готовился бежать из Индии. Весной 1940 г. он активизировал попытки контакта с СССР: расспрашивал знакомых коммунистов, не помогут ли они ему выбраться в Москву на встречу с И.В. Сталиным. Бос всерьёз рассчитывал заинтересовать советского лидера идеей вторжения в Индию. Ведь обсуждался на заседании Совнаркома в 1921 г. план военного похода на Индию, где докладчиком был небезызвестный генерал А.А. Брусилов (1853–1926), а в Ташкенте в 1920–1921 гг. функционировали Индусские командные курсы — военная школа, готовившая командиров будущей индийской Красной армии.

У индийских борцов с колониализмом сложилась прочная традиция надежд на Россию. Родились эти надежды ещё в 1860-е гг., когда с присоединением Средней Азии к Российской империи недалеко от Индии появились гарнизоны сильной и враждебной колониальному хозяину индийцев державы. В Ташкент — административный центр Туркестанского края — зачастили тогда посланцы индийских князей с предложением помочь в случае вторжения в Индию. Хотя в ходе Большой Игры с Британией в Центральной Азии серьёзных намерений захватить Индию у России не было, русские стратеги отдавали себе отчёт в этих настроениях индийцев. Например, полковник Михаил Африканович Терентьев (1837–1909), назвав британскую власть в Индии паразитом, образно писал: «Нарост этот может быть удалён только хирургической операцией. Индусы пробовали в 1857 г. произвести эту операцию сами, но оказались недостаточно искусными. Теперь они ждут хирурга с севера»¹⁷⁴.

Ещё большую надежду на Россию вселила в индийцев Октябрьская революция. Так, были приняты Лениным революционеры Махендра Пратап (1886–1979) и Мухаммад Баракатулла (1854–1927), которые в 1915 г. учредили в Кабуле орган под названием Временное правительство Индии. Оно выразило надежду «установить с Советской Россией такие же отношения, какие существуют между Антантой и правительствами Колчака и Деникина»¹⁷⁵. Именно шанс получить военную помощь от

¹⁷⁴ Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Типография П.П. Меркульева, 1875. С. 273–274.

¹⁷⁵ Цит. по: Персиц М.А. Революционеры Индии в Стране Советов. У истоков индийского коммунистического движения, 1918–1921. .: ГРВЛ, 1973. С. 35.

Советской России повлиял на превращение многих индийских эмигрантов в коммунистов: национальный фактор определил идеологию.

Ждал «хирурга с севера» и Бос. Утверждал, что, поскольку СССР и Германия благодаря договору о ненападении 1939 г. фактически вступили в союз против Британской империи, Сталин колебаться не будет. Здесь Босу изменяли его способности блестящего аналитика международных отношений. Мечта освободить Родину заставляла выдавать желаемое за действительное.

В Советском Союзе понимали, что война с Британской империей не его война. Это доказывает советская позиция по немецким проектам касательно Индии. В 1939 г. немецкая военная разведка Абвер и служба безопасности рейхсфюрера СД разработали две подрывные операции на рубежах Индии — «Аманулла» (возвращение на трон Афганистана свергнутого в 1929 г. шаха, чтобы получить в этой стране плацдарм для диверсий) и «Тибет» (организация диверсий из этой страны). Разработчики операций рассчитывали на советское содействие¹⁷⁶. Как в 1801 г. загребать жар русскими руками пытался первый консул Франции Н. Бонапарт, договорившись с Павлом о походе на Британскую Индию, так теперь геополитическая логика толкала к тому же нацистов. Реальной помощи в осуществлении операций Германия от СССР так и не добилась. Тем более не стал бы он участвовать в прямом вторжении в Индию, о котором мечтал Бос. И всё же факт кратковременного советско-германского сближения помог индийскому лидеру.

Руководство связанной с индийскими коммунистами Кирти кисан парти (Рабоче-крестьянской партии) в Панджабе согласилось помочь Босу выбраться из страны через Северо-Западную пограничную провинцию. В июле 1940 г. член этой партии панджабец-сикх Ачхар Сингх Чхина (1899–1981) встретился с Босом в Калькутте, после чего поручил секретарю партии по пропаганде в упомянутой провинции хиндустанцу Бхагату Раму Тальвару (1908–1983) в скором времени провести «очень важную особу международного значения» в Советский Союз. В сентябре 1940 г. Чхина сам нелегально бежал из Индии через Афганистан в СССР и стал работать в Москве референтом Восточного сектора отдела кадров Исполнительного комитета Коминтерна.

Побег Боса был подготовлен мастерски: «Индия — ужасающе открытое общество: каждый знает, что делают остальные, или, по меньшей мере, стремится знать... Дом 38/2 по Элджин-роуд был домом большой семьи, а Бос был публичным политиком, который намеревался совершить поступок, относящийся исключительно к сфере деятельности мелких революционных ячеек»¹⁷⁷. Кроме того, он знал, что среди информаторов уголовной полиции — один его дальний родственник.

Чтобы усыпить бдительность властей, в беседах и переписке с родными, друзьями и политическими соратниками Бос говорил о предстоящем возвращении в тюрьму. Непосредственно перед побегом объявил семье, что уходит в короткое затворничество, в течение которого его не следует беспокоить. Также написал несколько писем, проставив даты заранее: их должны были отправить после побега. Главную роль в подготовке побега Боса сыграл боготворивший его племянник Сисир (бенг. Шишир, 1920–2000), сын Сарата и отец историка Сугаты Боса.

¹⁷⁶ См.: Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 274–284.

¹⁷⁷ Bose M. The Lost Hero... P. 255.

Ночью 17 января 1941 г. отравивший бороду Бос переоделся в мусульманское платье и покинул дом брата в автомобиле, за рулём которого сидел Сисир. Свет в его спальне оставили гореть ещё час. Сисир привёз дядю в местечко Барари, в дом своего брата Асоке. В присутствии слуг Сисир «познакомил» Асоке с «Мухаммадом Зия-уд-дином», представив его как страхового агента из Джабалпура (Центральные провинции и Берар). Вскоре Боса вывезли в соседнюю с Бенгалией провинцию Бихар и Орисса, и только там он сел в поезд на Дели.

По прибытии 19 января в Пешавар Боса встретил руководитель отделения Форвард-блока в Северо-Западной пограничной провинции Миан Акбар-шах. В Пешаваре «страховой агент» перевоплотился в каменщика-пуштуна, или патана, как называют этот афганский народ в Индии. При этом Бос прикинулся глухонемым, так как языка пушту не знал. Тут же его ждал Бхагат Рам Тальвар, который должен был сопровождать его в Кабул в роли племянника под мусульманским именем Рахмат-хана.

26 января 1941 г. Бос и его провожатый выехали из Пешавара на машине. Высаженные недалеко от границы с Афганистаном, они пересекли её благополучно. Узнав, что миновал границу, Бос символически топнул ногой и воскликнул: «Я бью Георга VI и плюю в лицо вице-королю!» Путешествие беглецы совершали где пешком, а где автостопом на гружённых чаем грузовиках. По легенде Рахмат-хан сопровождал больного дядю в паломничестве к мусульманской святыне. Общественным транспортом беглецы не пользовались, опасаясь чиновников и осведомителей афганского правительства. 27 января они въехали на *тонге* (телеге) в Кабул.

Между тем в Калькутте племянница и племянники съедали подаваемую заворнику пищу, чтобы сохранять впечатление, будто он в доме. Бос просил поддерживать его исчезновение в секрете четыре–пять дней. На 27 января было намечено заседание суда в связи с одним из обвинений в адрес Боса, и заговорщики сочли за лучшее до этого срока сами заявить о его исчезновении.

26 января в доме Сарата был разыгран спектакль: пища была оставлена несъеденной, и повар поднял тревогу. Два обеспокоенных сына Сарата кинулись к отцу: дядя исчез! От матери Боса Прабхабати план побега скрыли, поэтому для неё исчезновение было неожиданным. Сисира спешно отправили искать дядю — на том же автомобиле, на котором он его вывез. Вместе с отцом Сисир раздувал слух, что Бос скрылся на юг, в направлении Пондишери, с целью присоединиться к другу Дилипу Кумару Рою в ашраме Ауробиндо Гхоша. Версию придумали довольно правдоподобную. Её же Сарат передал Ганди, когда тот удивлённо телеграфировал ему, прося сообщить правду.

Полиция видела, что Прабхабати действительно безутешна. Правда, заместитель комиссара специального отдела засомневался, что причина исчезновения Боса — неожиданное религиозное рвение. Однако маршрут побега оставался нераскрытым. Губернатор Бенгалии осмелился предположить, что отъезд из Индии закоренелого врага британцев не так уж плох. Однако вице-король считал, что побег показал некомпетентность властей и что если Бос столь легко скрылся, то столь же легко может вернуться, чтобы вредить.

Однако побег проходил гладко лишь до Кабула, поскольку там индийского политика никто не ждал. Провожатый Тальвар оказался в незавидном положении: в афганской столице до этого не бывал, язык дари знал плохо и не представлял себе,

как завязать контакт с представителями СССР. Они с Босом остановились в *сераи*¹⁷⁸ у Лахорских ворот и три дня провели у ограды советского посольства. Каждый раз, когда оттуда кто-то выходил, беглецы пытались установить контакт, но безуспешно. Возникла возможность поговорить с самим послом (1937–1943) Константином Александровичем Михайловым: когда его машина застряла в снегу, Тальвар подошёл и заявил, что с ним лидер ИНК Бос, который ищет убежища в Советском Союзе. Однако посол глянул на них подозрительно, вообразил, что это британский заговор с целью посорить СССР с Афганистаном, и уехал.

Тогда Бос отправился в посольство Германии: ведь именно она находилась в состоянии войны с Британией и именно у неё (и у Италии) были военнопленные индийцы. Немецкий посол в Афганистане (1937–1945) Ганс Пильгер связался с советским коллегой, но тот поделился подозрениями. Между тем жить в *сераи* беглецам делалось всё опаснее. Туда зачастил соглядатай полиции, подозревавший их в шпионаже или контрабанде. К счастью для них, соглядатай не брезговал вымогательством, и от него удалось откупиться. А вскоре индийцы перебрались в дом соотечественника-коммуниста Уттамчанда Малхотры.

Наконец 22 февраля 1941 г. неопределённость кончилась: Боса пригласили в посольство Италии и предложили помочь с переездом в Европу. На встрече с послом (1936–1944) Пьетро Куарони, с которым Бос виделся до этого в Риме и Индии, он объяснил, что по образцу правительств в изгнании в Лондоне собирается учредить в Европе «правительство свободной Индии», открыть радиовещание на Индию и постараться вызвать в ней революцию, пользуясь помощью держав «оси» в виде займов. Куарони отослал в Рим благоприятный отзыв, считая, что Босу надо содействовать. Германия и Италия просили СССР пропустить Боса через свою территорию в Центральную Европу и даже назвали его путешествие «столь же важным, как пересечение Германии Лениным по пути в Россию с помощью немецкого правительства»¹⁷⁹. Неслучайно, что выбраться из Афганистана Босу активнее всех помогли итальянцы: довоенные встречи с дуче не прошли даром.

Хотя в 1930-е гг. Боса в СССР не пускали, а на полях одного коминтерновского отчёта о нём кто-то пометил «Подозрительная личность»¹⁸⁰, в Советском Союзе, похоже, начинали понимать, что конгрессист, который критикует с левых позиций самого Ганди, может пригодиться. Ведь при Сталине на Ганди смотрели совсем не так, как начиная с Н.С. Хрущёва, и делали акцент на его соглашательстве с колониальными властями. Если авторы книги о Ганди 1969 г. индологи Э.Н. Комаров и А.Д. Литман писали о его «пламенном патриотизме, демократизме и гуманизме»¹⁸¹, то в сборнике о Востоке 1934 г., например, о «соляном походе» Махатмы сказано так: «Старый предатель стремится завести революцию в соляные болота, чтобы утопить её в котелке соляного раствора»¹⁸².

¹⁷⁸ *Серái* — гостиница на мусульманском Востоке с общей спальней и несколькими отдельными номерами; постельные принадлежности, топливо для обогрева и свечи постояльцы обеспечивают сами.

¹⁷⁹ *Bose M. The Lost Hero...* P. 266.

¹⁸⁰ *Roy P. Op. cit.* P. 3.

¹⁸¹ *Комаров Э.Н., Литман А.Д.* Мировоззрение Мохандаса Карамчанда Ганди. М.: ГРВЛ, 1969. С. 234.

¹⁸² Смирнов Д., Сулейман А. Индия // *Очерки по истории Востока в эпоху империализма* / Под. ред. Аб. Алимова и М. Годеса. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. С. 228.

К этому времени британцы научились расшифровывать телеграммы итальянского и японского посольств в Кабуле. Из итальянской телеграммы, а может, от одного из своих агентов в афганской столице они узнали, что индийский политик-беглец находится здесь. Британский посол в Кабуле (1935–1941) сэр Уильям Фрейзер-Тайтлер запросил Дели: хлопотать ли о его аресте? Дели запросил Лондон, но министерство по делам Индии ответило: ничего не делать, иначе это скомпрометирует источник сведений. Что представлял собой последний, неясно. Вместе с тем, зная из телеграмм Куарони в Рим, что он обсуждает возможный маршрут Боса в Европу через Иран, Ирак и Турцию, британское Управление специальных операций (разведывательно-диверсионная служба, 1940–1946 гг.) 7 марта просило своих агентов в Стамбуле и Каире сообщить, могут ли они устроить его убийство¹⁸³. Однако засады Бос избежал: Италия выдала ему паспорт на имя радиооператора своего посольства в Афганистане Орlando Маццотты, а СССР согласился дать Маццотте визу для транзита в Германию.

В Кабуле Бос времени не терял и написал подробное обоснование создания Форвард-блока. Признал, что метод гражданского неповиновения «помог поднять и объединить индийский народ, а также поддерживать движение сопротивления иностранному правительству»¹⁸⁴. Однако настаивал: «До сих пор Гандиджи был неспособен доказать на деле, что может идти в ногу со временем и вести свою нацию... гандистское движение становится статичным и бесплодным»¹⁸⁵. Бос был убеждён, что «мирная парламентская жизнь и министерские должности есть и будут политической могилой гандизма»¹⁸⁶. Сетовал, что многие конгрессисты «свернули с тернистой тропы революции на усыпанный розами путь конституционализма»¹⁸⁷, а это не только отвлекло их от борьбы за свободу, но и поощрило авторитаризм: «Гандисты почувствовали вкус власти и стремятся монополизировать её на будущее»¹⁸⁸. Бос «олицетворял те силы в рядах конгрессистов, которые играли роль своеобразного возбуждающего фермента и не позволяли увязнуть Национальному конгрессу в болоте соглашательства и бессильного конституционализма»¹⁸⁹. Хотя обратной стороной бывали излишняя прямолинейность и максимализм Боса

18 марта «Маццотту» в сопровождении немецкого инженера и двух других спутников вывезли ночью на автомобиле из Кабула через Гиндукуш к афгано-советской границе. Прибыв в Самарканд, Бос и его спутники сели в поезд на Москву. В советской столице с Босом обошлись как с важным визитёром и проводили в немецкое посольство на встречу с послом (1934–1941) Вернером фон дер Шуленбургом. Однако если революционер Махендра Пратап в 1918 г. был принят Л.Д. Троцким, а в следующем году — В.И. Лениным, то Босу ни с одним советским руководителем повидаться не удалось. Есть версия, что советское правитель-

¹⁸³ Bose S. Op. cit. P. 197.

¹⁸⁴ Bose S.C. Fundamental Questions... P. 66.

¹⁸⁵ Ibid. P. 40.

¹⁸⁶ Ibid. P. 41.

¹⁸⁷ Ibid.

¹⁸⁸ Ibid. P. 42.

¹⁸⁹ Курныкин О.Ю. Указ. соч. С. 106–107.

ство не могло дать положительный ответ на предложение Коминтерна об официальном визите Боса, так как Британия, напуганная сближением двух континентальных держав (СССР и Германии), разработала в 1940 г. план бомбить нефтяные промыслы Баку¹⁹⁰ (а также Грозного). В этих условиях раздражать Британию ещё сильнее было рискованно. Поэтому Бос провёл в Москве всего несколько часов и вечером 31 марта его проводили на Белорусский вокзал и посадили в поезд на Берлин.

Таким образом, не собираясь таскать для Райха каштаны из огня, Советский Союз просто выполнил его просьбу пропустить индийского политика. Оказать сильную помощь антибританскому диссиденту было в интересах и самого СССР: ведь помогали британцы басмаческому движению в 1920-е гг. Так в 1887 г. редактор «Московских ведомостей» Михаил Никифорович Катков (1818–1887) в пику Британии добился от властей разрешения приехать в Москву последнему *саркару* (правителю) сикхского Панджаба Далипу Сингху (1838–1893), который ещё в 1849 г., ребёнком, был свергнут Ост-Индской компанией. Влиятельный журналист рассудил: если Лондон даёт убежище русским революционерам, таким как Пётр Алексеевич Кропоткин (1842–1921), почему бы не делать то же в отношении его врагов?¹⁹¹

Стоит подчеркнуть, что, совершив побег из Индии, Бос первоначально рассчитывал оказаться не в Германии, а именно в СССР, на помощь которого надеялся вдвойне — по соображениям геополитики и идеологии. Во-первых, Советский Союз нависал над Индией географически, и вторгнуться с армией освобождения было бы всего удобнее с его территории. Во-вторых, эта страна не только имела давние традиции вражды с Британской Индией (в имперский период), но и выступала теперь крупнейшей антиимпериалистической силой в мире. Однако после неудачи с Советским Союзом выбор у беглеца был невелик.

Когда Субхас благополучно добрался до Европы, Сарат, навестив уже смертельно больного Тагора, открыл ему правду о побеге брата и его целях. Под впечатлением от услышанного Тагор в одном из своих последних рассказов — «Опозоренный» («*Bodnām*», 1941 г.) — описал путешествие одинокого странника, который пробирается через Афганистан в поисках свободы.

Кроме желания следить за ходом войны вблизи и мобилизовать против британцев индийских военных и гражданских лиц за рубежом Бос назвал ещё одну причину приезда в Германию: в случае её сепаратного мира с Британией дать Индии громкий голос за столом переговоров. Опасался, что иначе его Родина сделается пешкой в борьбе новых имперских держав со старой. Правда, Гитлер предпочитал расовую солидарность «нордических народов» союзу с теми, кого называл азиатскими фокусниками. Он всегда питал слабость к Британской империи и восхищённо видел в ней реализованный проект господства над «низшими расами», с которого Германии не зазорно брать пример. Собственно, именно вековой опыт британского Раджа с его идейными установками и методами поддержания господства больше, чем что-либо другое, вдохновил германский Райх на планы колонизации Восточной Ев-

¹⁹⁰ Roy P. Op. cit. P. XXIII.

¹⁹¹ Подробнее см.: Райков А.В. Мятежный махараджа. Липецк: ЛГПУ, 2004. С. 67–180; Фурсов К.А. Львы Пятиречья: сикхи — великие воины Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. С. 394–399.

ропы¹⁹². (Кстати, родственны сами эти слова: санскритское *Rāj* и немецкое *Reich* происходят от протоиндоевропейского корня *reg* — «выправлять, править».) Недаром любимым фильмом Гитлера была голливудская картина «Жизнь бенгальского улана» (1935) о долге британского офицера среди враждебных пуштунов.

Все пишущие о Босе историки не могут обойти моральную проблему: оправдывала ли его цель средства? Многие авторы настаивают, что, принимая помощь от держав «оси», Бос запятнал свою репутацию, так как игнорировал их злодеяния, одержимый лишь идеей свободы для собственной страны. Другие авторы (как правило, индийцы) не делают на этом акцента, ограничиваясь констатацией принятия Босом такой помощи. Для третьих, тоже прежде всего соотечественников, действия Боса заслуживают похвалы без всяких оговорок, ибо Индия превыше всего. Проблема восточного коллаборационизма, т.е. сотрудничества лидеров ряда стран Азии с нацистским блоком в годы Второй мировой войны с целью избавиться от ярма колониализма, сложна и неоднозначна. Мировоззрение этих людей было сформировано десятилетиями имперского гнёта, хуже которого они ничего не видели и не знали. Для Боса образцом зверств служили Амритсарская бойня 1919 г. и другие жестокие подавления мирных акций гражданского неповиновения в Индии. Именно это было в его глазах тем, чем для европейцев стали Аушвиц, Бабий Яр и Орадур, а для китайцев — Нанкинская резня и другие преступления японской военищины. Неслучайно британский писатель Джордж Оруэлл (1903–1950) накануне войны счёл правомерным вопрос: может ли индеец в обстановке насаждаемых метрополией двойных стандартов быть надёжным антифашистом?¹⁹³

Бос давно решил, что враг его врага — его друг. Выступая в Берлине в декабре 1941 г. перед группой соратников, он разъяснит свою позицию: «В принятии такого предложения помощи от кого-либо нет ничего ошибочного. Международная история полна таких примеров. Империя, над которой “никогда не заходит солнце”, запрашивает сейчас помощи у всех подряд... мы примем разумную поддержку от тех врагов нашего врага, кто предложит её без всяких условий и возьмётся соблюдать наше право на равенство»¹⁹⁴. В глазах Боса немецкие нацисты и японские милитаристы были не лучше, но и не хуже британских империалистов. Он не питал (или почти не питал) иллюзий в отношении держав «оси», но считал, что союз с ними — единственный шанс попытаться сбросить иго Британии с помощью сопоставимых с ней по силе держав (отсюда же — надежды на СССР). В противном случае Индия так и будет обречена бороться с метрополией один на один и оставаясь на коленях. Не оправдывая выбора Боса, следует понимать, что им двигало.

Прибыв в Берлин, Бос был размещён в гостинице «Эксельсиор», куда к нему из Вены приехала жена, взяв годичный отпуск (она работала на почте). На следующий день после приезда, 3 апреля 1941 г., Бос принял директор политического департамента МИДа и штандартенфюрер СС Эрнст фон Вёрманн (1888–1979). 9 апреля индийский гость представил правительству Германии план сотрудничества между

¹⁹² Подробнее см.: Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской «расе господ» / Пер. с нем. СПб.: Академический проект, 2003.

¹⁹³ Orwell G. Not Counting Niggers // Adelphi. July 1939.

¹⁹⁴ Mangat G.S. The Tiger Strikes: An Unwritten Chapter of Netaji's Life History. Ludhiana: Gagan, 1986. P. 67.

державами «оси» и Индией, где наметил конкретную программу действий. В Европе предложил учредить Свободное индийское правительство, с которым державы «оси» заключили бы договор. Это должно было убедить индийский народ, что в случае их победы независимость его гарантирована. Предложил наладить радиовещание на Индию с призывами к населению подниматься против властей. В Афганистане автор меморандума рекомендовал основать центр для поддержания связи Европы с Индией. В Зоне племён¹⁹⁵ агенты Боса должны были инициировать нападения на британские военные базы, отправить туда военных советников, основать там пропагандистский центр и радиостанцию. В самой Индии предлагалось инструктировать агентов и «членов нашей партии» (по-видимому, Форвард-блока и идейно близких ей организаций) «наносить максимально возможный вред британским властям Индии»¹⁹⁶. Их работа состояла бы в «интенсивной пропаганде с призывом к индийскому народу не давать британскому правительству ни одного солдата и ни одной рупии»¹⁹⁷; поднимать на бунт индийский личный состав армии; организовывать забастовки на фабриках военного значения; вести подрывную деятельность на железнодорожных мостах и других объектах; организовывать выступления гражданского населения, что мыслилось ступенью к всеобщей революции. Средства на всю эту деятельность должны были выделить страны нацистского блока. С самого начала Бос дал понять, что все такие средства будут рассматриваться как заём Свободному индийскому правительству, который после войны будет погашен, чтобы независимая Индия ничего никому не была должна.

С Британской империей Бос призвал державы «оси» поступить так же, как сама она в 1918–1919 гг. поступила с Австро-Венгерской и Османской империями. «Если отплатить Великобритании её собственной монетой, то следует полностью разрушить Британскую империю и освободить страны, находящиеся сейчас под британским ярмом»¹⁹⁸. Автор меморандума заверил читателей, что эта империя уже клонится к упадку, а угнетённые ею народы пробуждаются. «Понадобилась война, такая как нынешняя, чтобы раскрыть миру тот факт, что могучий британский лев на деле не так силён, как кажется, а лапы у него глиняные... Когда начался внутренний упадок, а разные части империи стали бороться за независимость, другие западные нации быстро развивались в областях науки, промышленности, методов ведения войны и т.д., и Великобритания была не способна угнаться за ними. Для проницательного наблюдателя было совершенно ясно, что Британская империя обречена и для её быстрого падения требуется лишь международный конфликт»¹⁹⁹.

Напомнив, что Британия приютила беженцев из Чехословакии, Польши и других стран и позволила им учредить правительства в изгнании, Бос призвал стра-

¹⁹⁵ Область на северо-западной границе Британской Индии, сегодня — особая административно-территориальная единица Пакистана под названием Федерально управляемые племенные территории. Населена пуштунскими племенами, никогда не была по-настоящему подконтрольна властям ни Могольской империи, ни Британской Индии, ни Пакистана. Поэтому после свержения США режима «Талибана» в Афганистане в 2001 г. именно туда перебрались многие талибы и члены «Аль-Каиды».

¹⁹⁶ *Bose S.C. The Indian Struggle, 1920–1942.* P. 421.

¹⁹⁷ *Ibid.*

¹⁹⁸ *Ibid.* P. 424.

¹⁹⁹ *Ibid.* P. 425.

ны «оси» сделать то же в отношении угнетённых британцами народов. Оценив общую численность англо-индийской армии в 250 тыс. человек, автор меморандума подчеркнул, что европейские части составляют лишь 70 тыс. Указал на пошатнувшийся престиж британцев в Индии из-за поражений в текущей войне и выразил убеждённость в осуществимости восстания индийских подразделений: «В ходе этого революционного кризиса британское правительство сможет опереться только на британских солдат. Если в таких обстоятельствах будет доступна некоторая военная помощь из-за рубежа (т.е. небольшая армия в 50 тыс. человек с современным вооружением), британская власть в Индии может быть сметена полностью»²⁰⁰. Конечно, именно вторжение в Индию немецкой армии автор меморандума видел стержнем осуществления всего плана.

Несмотря на осуждение Босом японской агрессии в Китае (см. гл. 6), нашёл он в плане место и азиатскому союзнику Райха: «Если вспыхнет война, кажется более чем определённым, что ост-индская и дальневосточная эскадры британского флота в нынешних обстоятельствах не справятся с японским флотом... Поражение британского флота на Дальнем Востоке, включая разгром базы в Сингапуре, автоматически ослабит британскую военную силу и престиж в Индии»²⁰¹. По сути, Бос предсказал потопление японской авиацией линкора *Prince of Wales* и линейного крейсера *Repulse* 10 декабря 1941 г. (у Черчилля гибель этих кораблей вызвала величайший шок за всю войну), а также сдачу в феврале следующего года Сингапура, который британцы мнили неприступной крепостью.

Изложенные предложения «были сформулированы с большой смелостью и чувством достоинства. Бос ощущал себя не просителем, но представителем великого народа и рассчитывал на соответствующее отношение. Он не сразу осознал смысл своего перехода из одного состояния в другое: из положения признанного национального лидера в эмигранта, лишённого массовой поддержки и какой-либо материальной базы. Он, как Антей, лишился своей опоры после пересечения индийской границы, а следовательно, и весьма значительной доли своего политического веса»²⁰².

На первых порах Вильгельм-штрассе (МИД Германии) отреагировала на приезд Боса осторожно. Вёрманн не проявил интереса к идее правительства в изгнании и лишь снабдил индийского гостя небольшой суммой денег. В записке начальству дипломат пояснил, что согласие Германии на такой план будет означать необходимость объявить одной из целей войны освобождение Индии, а для этого едва ли пришло время. Кроме того, Вёрманн сомневался, что признание правительства Боса в Берлине отвечало бы интересам Германии, так как Бос находится в оппозиции к другим признанным лидерам своей страны, прежде всего Ганди и Неру.

29 апреля 1941 г. Бос встретился в Вене с министром иностранных дел Германии (1938–1945) Иоахимом фон Риббентропом и разочарованно узнал, что тот считает его план преждевременным. Министр лишь выразил убеждение, что британцы, отказавшись от предложенного Гитлером мира, обрекли свою империю на гибель. Расовая идеология нацистов не давала Босу покоя, и он предостерёг министра, что

²⁰⁰ Ibid. P. 430.

²⁰¹ Ibid.

²⁰² Райков А.В. Опаснейший час Индии. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т, 1999. С. 69.

индийская общественность настроена против нацистов, считая, что те стремятся к господству над другими народами. Риббентроп «успокаивал» Боса: мол, национал-социализм стоит не за господство одних рас над другими, а лишь за чистоту каждой из них. В целом встреча оказалась безрезультатной. Правда, министр выделил индийскому лидеру 1 млн. марок на пропаганду и личное пособие в 12 тыс. марок, а также нашёл ему жильё²⁰³. Однако жил Бос по-прежнему под итальянским именем. Гестапо слушало его телефонные разговоры и вообще плотно за ним следило.

3 мая 1941 г. Бос представил немецкому правительству дополнительный меморандум, в котором просил державы «оси» как можно скорее издать официальную декларацию в поддержку свободы Индии, а заодно и арабских стран. Дело в том, что в апреле копившаяся ненависть к британцам в Ираке прорвалась в виде военного переворота. Новый премьер-министр (апрель–май 1941 г.) Рашид Али аль-Гайлани вступил в вооружённый конфликт с Британией, которая даже после отмены мандата Лиги Наций в Ираке (1932) считала эту страну сферой своего влияния. Бос указал на открытое сопротивление британцам в Ираке, сильное подполье в Палестине, возобновление требований партии «Вафд» в Египте не участвовать в англо-германской войне, ежедневные вести о брожении в ряде крупных городов Индии. «В этот психологически важный момент державы “оси” могут захватить воображение всего Востока открытой декларацией политики в отношении Востока и в частности Индии и арабских стран. Последние ненавидят Британию как империалистическую державу и могут быть втянуты в орбиту “оси”, если убедятся, что державы “оси” будут бороться за их освобождение из-под британского ярма»²⁰⁴. Не забыл Бос напомнить, что для успешного изгнания британской власти и влияния из стран Ближнего и Среднего Востока следует сохранять статус-кво между Германией и СССР.

Настаивая на идее советско-германского партнёрства, Бос шёл по стопам других индийских революционеров. Так, в марте 1916 г. в Ташкент прибыл член Временного правительства Индии в Кабуле Мухаммад Али, который вёз Николаю II выгравированное на золотой пластине письмо Махендры Пратапа. Последний назвал Россию и Германию «нашими подлинными друзьями» и выразил надежду, что конфликт между ними скоро уладится и, более того, они объединятся, чтобы опрокинуть «жестокое узурпатора всего мира», т.е. Британию. Пратап предостерёг, что этот союзник по Антанте предаст Россию²⁰⁵. История вскоре доказала правоту индийского революционера, но, конечно, интерес у него был свой. Хотя пластину в Петербург переслали, ответа от властей Пратап не дождался. И всё же единомышленники в России у него имелись. Пример — выдающийся геополитик Алексей Ефимович Вандам (Едрихин) (1867–1933): ещё в 1913 г. он настаивал на близости интересов континентальных держав (России, Франции, Германии) перед лицом общего врага — Британии, которая, пользуясь своим положением владычицы морей, заперла их в Европе и душит экономически²⁰⁶.

²⁰³ Hauner M. Op. cit. P. 247.

²⁰⁴ Bose S.C. The Indian Struggle, 1920–1942. P. 431.

²⁰⁵ Райков А.В. Последние индийские миссии в царскую Россию // *Анналы*. Вып. III. Материалы научной конференции «Снесаревские чтения» (15–17 декабря 1995 г.). М.: Ин-т востоковедения РАН, 1996. С. 73.

²⁰⁶ См., напр.: Вандам (Едрихин) А.Е. Величайшее из искусств: Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии. СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1913.

Во второй половине мая Бос составил черновик декларации Германии и Италии о признании ими независимости Индии. В тексте говорилось, что Индия, страна древней культуры, всегда захватывала воображение немецкого народа²⁰⁷. То была правда: интерес немецкой научной и общественной мысли к Индии возник ещё на рубеже XVIII–XIX вв.; именно немцы лидировали в европейской индологии XIX в. Связано это было с подъёмом национального сознания немцев и их поисками своих этнических корней после открытия индоевропейской семьи языков.

Из общего интереса Германии к Индии Бос выводил естественность её интереса к борьбе Индии за свободу. «Теперь Германия в состоянии пойти дальше и объявить, что право индийского народа на владение собственной страной и неограниченный контроль над её судьбой суверенно и не нуждается в доказательствах... Поэтому Германия признаёт неотчуждаемое право индийского народа на полную независимость... Она заверяет индийский народ, что Новый порядок, который она стремится установить в мире, будет означать для него свободную и независимую Индию»²⁰⁸. Уповав на дипломатическую и военную помощь Райха, Бос подстраховался: «Конечно, индийский народ после освобождения сам примет решение о форме правления, которая у него будет. Также его задачей будет определить устройство национальной конституции, будь то посредством Учредительного собрания, народных лидеров или какого-либо иного механизма»²⁰⁹.

К идее декларации независимости Индии немецкое руководство отнеслось холодно. И всё же в МИДе Германии задумались над тем, какую конкретную пользу можно было бы получить от Боса. В министерстве сформировали Особый отдел Индии, который стал контактировать с Босом и командой индийских патриотов, собранной им в Европе. Возглавлял отдел выпускник Оксфорда бывший социал-демократ Адам фон Тротт цу Зольц (1909–1944). До войны он установил связи с «кливденской кликой»²¹⁰ и рядом видных лейбористов, пытался организовать визит в Германию Ганди. В годы войны фон Тротт стал видным членом антинацистского подполья и будет повешен за активную роль в покушении полковника Клауса фон Штауффенберга (1907–1944) на Гитлера 20 июля 1944 г. Приезд Боса обернулся для Тротта удачей, так как МИД принялся выделять средства, и он смог бороться с врагами на их же деньги.

Уже к июню 1941 г. Бос разочаровался в позиции Райха по Индии. В это время его пригласил к себе в Рим Муссолини. Беседовал Бос и с министром иностранных дел Италии (1936–1943) графом Галеаццо Чиано, женатым на старшей дочери дуче.

В Риме Бос узнал о нападении Германии на СССР. Эта весть привела его в смещение.

Стратегия Боса целиком зависела от сохранения германо-советского договора 1939 г. План «Барбаросса» сделал индийского лидера товарищем по несчастью немецкого геополитика Карла Хаусхофера, познакомиться с которым он ездил в

²⁰⁷ Appendix / *Hauner M. Op. cit.* P. 664.

²⁰⁸ Ibid.

²⁰⁹ Ibid.

²¹⁰ Кливденская клика — влиятельная группировка британской элиты с правыми взглядами, собиравшаяся в 1930-е гг. во дворце Кливден (графство Бакингемшир) политика и медиамагната Уолдорфа Астора, виконта Астора (1879–1952), и его жены Нэнси (1879–1964), первой женщины — члена палаты общин.

1933 г. в Мюнхен. В первую очередь Хаусхофер вошёл в историю как автор доктрины Континентального блока Берлин – Москва – Токио. Во многом под его влиянием германское руководство перед войной пошло и на союз с Японией, и на пакт Риббентропа – Молотова. Крах этого договора для Хаусхофера означал гибель идеи союза двух евразийских теллуократий против англосаксонских талассократий, а для Боса — гибель плана сухопутного освободительного похода на Индию.

Хотя Чиано в записи дневника от 6 июня 1941 г. отметил, что «ценность этого юнца пока неясна»²¹¹, возвращаться в Берлин Бос не торопился. Так он сигнализировал немцам, что у итальянцев встретил больше понимания. И всё же вернуться пришлось: сознавал, что Италия — младший партнёр нацистско-фашистского тандема. По возвращении Бос без обиняков заявил Вёрманну, что симпатии индийского народа в германо-советской войне определённы на стороне СССР, поскольку агрессором индийский народ считает Германию и для него она становится ещё одной опасной империалистической державой. Говорить такое чиновникам Райха никто не осмеливался даже в частных беседах. Однако в немецком посольстве в Риме уже уяснили себе, что Бос не льстец, пожаловались Вёрманну, что работать с ним трудно, и рекомендовали до поры держать его в нейтральной стране вроде Швейцарии. В письме Риббентропу от 15 августа 1941 г. Бос выразил ту же идею: если декларации о свободе Индии не будет, то чем ближе немецкие армии будут подходить к Индии, тем враждебнее к Германии будет становиться индийский народ. Вёрманн сопроводил письмо Боса комментарием, в котором назвал декларацию весьма желательной²¹². То, что Бос почти всегда говорил, что думает, он доказал ещё в Индии, не страшась открыто критиковать самого Ганди. Теперь не делал секрета из того, что, если Германия ему не поможет, выпрашивать ничего не будет, а вернётся на индийскую границу и станет бороться как умеет.

Страхнув охватившую его после 22 июня депрессию, Бос продолжил работать. Вообще, как показывает вся его жизнь, рук он не опускал никогда. Активные молодые индийцы, команду которых он собрал, различались по идеологическим убеждениям, но все были преданы делу индийской свободы. В группу входили упомянутый журналист-коммунист А.К.Н. Намбийяр из Кералы, инженер компании *Siemens* Н.Г. Свами из Тамилнаду, учившийся на инженера студент Абид Хасан (1911–1984) из Хайдарабада и другие. Бос напомнил соратникам, что, хотя Ленин был противником немецкого «кайзеризма», во время Первой мировой войны он использовал Германию как базу для своей деятельности.

Именно в Берлине Бос получил от соратников почётное прозвище, которое сделалось его политическим именем. Как вспоминал один из них, Гириджа Канта Мукерджи (1905–1974), соратникам казалось плохим тоном называть руководителя «мистер Бос» или «Бос сахиб»²¹³, поскольку он был для них кем-то бóльшим, чем просто соотечественником. Так родилось прозвище Нетаджи, Уважаемый вождь (хиндустани *netā* «вождь», «лидер» плюс уважительная частица *-jī*). Правда, не-

²¹¹ The Ciano Diaries, 1939–1943. The Complete, Unabridged Diaries of Count Galeazzo Ciano, Italian Minister for Foreign Affairs, 1936–1943 / Ed. by H. Gibson. Safety Harbor: Simon, 2001. P. 363.

²¹² Hauner M. Op. cit. P. 361.

²¹³ То же на языке хиндустани.

которые индийцы под впечатлением от фигуры вождя в нацизме вкладывали в это прозвище значение термина *Führer* и даже предложили ввести клятву верности лично Босу. Предполагалось, что те, кто принесёт её, составят некий внутренний, приближённый круг. Однако выросший в демократической атмосфере ИНК Бос идею такой клятвы отверг²¹⁴. Под прозвищем Нетаджи он и вошёл в историю Южной Азии, как Тилак — под прозвищем Локаманья (Принятый народом), Ганди — Махатма (Великая душа), Дас — Дешбандху (Друг страны), Мотилал и Джавахарлал Неру — Пандит (Учёный брахман), Патель — Сардар (Предводитель), Джинна — Каид-и-Азам (Великий вождь).

Сдвиги в индийской политике Германии, к которым призывал Бос, наметились осенью 1941 г., а импульс дала Италия. В октябре в Риме был учреждён Центр Индии, который возглавил бывший коммунист панджабец-мусульманин Мухаммад Икбал Шедаи (1888–1974). С началом боевых действий в Северной Африке Италия задействовала его в пропаганде среди индийских военнослужащих британской армии. Именно Шедаи набрал среди попавших там в плен индийцев первых добровольцев, готовых обратить оружие против недавних хозяев.

Итальянская инициатива заставила немцев шевелиться. Фон Тротт съездил в Рим и договорился координировать политику в отношении Индии. Правда, у Боса с Шедаи сразу не заладилось: панджабец поддерживал идею Пакистана да ещё, в отличие от аскетичного Боса, был бонвиваном²¹⁵. Позднее под давлением Берлина и Токио итальянцы отстранили Шедаи от радиовещания на Индию.

2 ноября 1941 г. в Берлине в районе Тиргартен (где размещались все иностранные посольства) по адресу Лихтенштайн-аллее, 2а, открылся Центр свободной Индии (хиндустани *Āzād Hind Sangh*, нем. *Zentrale Freies Indien*). Германский МИД наделил этот орган статусом дипломатической миссии, а Боса — привилегиями посла независимой страны (хотя по документам он по-прежнему проходил под фамилией Маццотта)²¹⁶. Деятельность центра немцы финансировали щедро. Так, его сотрудники имели рацион, вчетверо превышавший рацион простого немца, и снабжались товарами, недоступными «средней публике»²¹⁷.

Обсуждая с соратниками будущее устройство Индии, Бос уделил внимание символике. В качестве национального флага был просто принят шафраново-белозелёный «флаг свараджа» ИНК (использовался с 1931 г.); после обретения страной независимости в 1947 г. он станет её государственным флагом. Национальным гербом Бос выбрал тигра в прыжке — эмблему врага британцев правителя Майсура Типу Султана (правил в 1782–1799 гг.). Как более воинственный символ, тигр заменил собой давно принятую Конгрессом прялку (*чаркха*), хотя в Юго-Восточной Азии Бос к ней вернётся. Правда, после независимости и тигр, и прялка уступят место колесу (*чакра*) древнеиндийского императора Ашоки (правил в 273–232 гг. до н.э.) из династии Маурьев. Гимном Нетаджи выбрал песню Тагора «Джана-ганамана» (бенг. «Джоно-гоно-моно», «Душа народа»), написанную в 1911 г. и впер-

²¹⁴ Mookerjee G.K. Op. cit. P. 216.

²¹⁵ Hauner M. Op. cit. P. 366.

²¹⁶ Roy P. Op. cit. P. 85.

²¹⁷ Райков А.В. Опаснейший час Индии. С. 80.

вые исполненную тогда же на Калькуттской сессии ИНК; сегодня она служит государственным гимном Индии. Показательно, что в качестве гимна Бос отклонил другую популярную националистическую песню — «Ванде Матарам» («Преклоняюсь перед тобой, Мать») бенгальского писателя Бонкимчондро Чоттопадхья (1838–1894): она прославляет Индию в образе индуистской богини, а Бос не забывал мусульман. Национальным приветствием он сделал фразу «Джай Хинд!» («Да здравствует Индия!»); в 1947 г. эти слова тоже будут приняты в качестве национального лозунга. Решения о гимне и приветствии говорили о хорошей политической интуиции Боса. Их называют частью его наследия для независимой страны.

Ещё в июле Бос с Эмили перебрались из гостиницы в бывший дом американского военного атташе в берлинском пригороде Шарлоттенбург. Работал Бос так же, как в Индии, по ночам, редко вставал раньше 11 утра, после обеда шёл в свой центр. Часто выезжал по делам в Париж, Вену, Рим и другие европейские города. Отношения с женой, правда, омрачались ссорами по политическим мотивам, так как Эмили не нравились левые взгляды Боса. Она была весьма консервативна и поддерживала фюрера, тогда как Бос не скрывал неприязни к нему и называл его «твой Гитлер». Правда, важные дела супруги обсуждали на прогулках, зная, что в доме могут быть подслушивающие устройства гестапо.

Помогая мужу, Эмили переводила на немецкий его книгу. В Германии Бос работал и расширил её, поэтому в окончательном виде она называется «Индийская борьба, 1920–1942 гг.». Правда, в годы войны книга вышла только на итальянском: её издал (в 1942 г.) Итальянский институт Ближнего и Дальнего Востока. Позднее английская рукопись была получена от Эмили из Вены и опубликована сначала в Лондоне, затем в Индии. Автор разделил книгу на две части: в первой изложил историю национального движения в Индии, дополнив её событиями после 1934 г., а вторую часть составил из своих важнейших речей и записок.

Вновь скромно умолчав о себе, Бос почти сразу перешёл к началу войны. Осудил Джинну за несотрудничество с ИНК в общем деле освобождения страны, а идею Пакистана назвал «фантастическим планом и непрактичным предложением», ошибочно считая её инициаторами британцев²¹⁸. Осудил и позицию Конгресса, который не собирался воспользоваться трудным положением Британии и продолжал рассчитывать на компромисс. Свой побег из Индии объяснил так: «Было бы грубой политической ошибкой оставаться бездеятельным в тюрьме, в то время как история вершилась в другом месте»²¹⁹. Изложение событий завершил резолюцией Конгресса «Вон из Индии!» (см. ниже) и репрессиями властей. Вторую часть книги составили такие документы, как совместный с Пателем-старшим манифест 1933 г. и меморандумы немецкому правительству 1941 г.

Одним из направлений деятельности Боса в Германии стало воплощение в жизнь идеи Индийского легиона. Ещё в 1940 г. Абвер, рассчитывая устроить диверсии на индо-афганской границе, набрал 90 индийцев для обучения по программе спецназа в тренировочном лагере Мезериц под Гамбургом. Бос посетил этот лагерь и просил командование расширить масштабы проекта. Посетил и лагерь в Анна-

²¹⁸ Bose S.C. The Indian Struggle, 1920–1942. Bombay etc.: Asia, 1960. P. 320.

²¹⁹ Ibid. P. 345.

берге в Саксонии, где содержались военнослужащие-индийцы, взятые в плен в Северной Африке. Кстати, в Германии Бос, подчёркивая военное время, сменил обычный костюм на строгую одежду чёрного цвета с воротником под горло и такого же цвета шапочку конгрессистского типа.

Как сказано выше, у индийских патриотов существовала давняя традиция надежд на Россию. Однако не только на неё. Несколько позднее, с Первой мировой войны, схожие надежды стали возлагать на Германию. Видя, что у их колониального хозяина появился ещё один могущественный враг, антибритански настроенные индийцы объявились в Берлине и вступили в контакт с властями. До известной степени интерес был взаимным: Германия подумывала нанести противнику удар в сердце его афро-азиатской империи. Поэтому уже в 1914 г. немецкое правительство разрешило учредить Берлинский комитет индийских националистов, и канцлер (1909–1917) Теобальд фон Бетман-Гольвег подписал с ним договор о предоставлении финансовой помощи. В 1915 г. немецкие агенты перебрасывали оружие революционным организациям Индии, таким как панджабский «Гхадр» (араб. «Восстание»), которые готовили вооружённые выступления в Лахоре, Калькутте и Бирме (все они были сорваны). В 1915–1916 гг. немецкая дипломатическая миссия Оскара фон Нидермайера (1885–1948) — Отто фон Хентига (1886–1984) в Кабуле пыталась толкнуть афганского амира Амануллу напасть на Индию (тоже не удалось)²²⁰. В Цоссене близ Берлина был создан особый лагерь для военнопленных мусульман из Французского Алжира, Британской Индии, России; в германском штабе подумывали сформировать из них корпус и бросить его на Индию. В вышедшей в 1917 г. книге руководителя Пангерманского союза, позднее члена НСДАП графа Эрнста цу Ревентлова (1869–1943) о геополитическом и экономическом значении Индии настойчиво проводилась мысль, что крушение власти Британии в Индии покончит и с её мировым владычеством²²¹. Контакты с недовольными Раджем индийцами Второй Райх осуществлял в рамках общей стратегии заигрывания с антиколониальными движениями Востока. Третий Райх перенял эстафету. Кстати, имя Боса в антибританской пропаганде немцы задействовали ещё до его приезда в Германию. В 1940 г. в книжной серии «Англия без маски» вышло сочинение Райнхарда Франка «Господство Англии в Индии»²²², где автор припомнил британцам все отрицательные стороны их правления — от жестокого подавления восстания 1857–1859 гг. до репрессий против национального движения в современной ему Индии. Последний параграф книги назывался «День освобождения Индии должен прийти!», а завершался цитатой из Боса: «Я выступаю за полностью независимую федеративную Республику Индия. Это цель всех целей, которая стоит перед моим мысленным взором...»²²³

Ведя переговоры с Абвером о комплектовании индийской военной части, Бос поставил условием, что её солдаты будут сражаться только на одном фронте — в Индии

²²⁰ *Hopkirk P.* On Secret Service East of Constantinople: The Plot to Bring Down the British Empire. L.: Murray, 1994. P. 66–71, 81–84, 149–166, 179–194.

²²¹ *Reventlow E. zu.* Indien: Seine Bedeutung für Großbritannien, Deutschland und die Zukunft der Welt. Berlin: Mittler, 1917. S. 72 ff.

²²² *Frank R.* Englands Herrschaft in Indien. Berlin: Horst Michel, 1940.

²²³ *Ibid.* S. 95.

с британцами. В середине декабря 1941 г. министерство обороны Германии санкционировало формирование Индийского легиона, и во Франкенберге в Саксонии был создан второй тренировочный лагерь. Солдаты носили униформу немецкого типа с шёлковой эмблемой на левом рукаве: трёхцветный флаг с тигром посередине.

Вербовка среди военнопленных в лагере Аннаберг шла медленно, так как сержанты отговаривали рядовых от записи в легион, тем более что присягнувшие британскому королю-императору солдаты тревожились о благосостоянии оставленных в Индии семей. Чтобы создать ядро армии, Босу потребовалась вся сила убеждения. Однако и отдача оказалась немалой. Как вспоминал Г.К. Мукерджи, Бос зажигал аудиторию; так, после полуторачасовой речи вокруг него столпились десятки пленных *джатов*²²⁴, сикхов и патанов с просьбой зачислить их в легион²²⁵. «Крестьяне всего мира имеют репутацию людей практичных... Они не доверяют никаким агитаторам и более всего остерегаются потерять почву под ногами из-за сентиментальных речей. И всё же сотни их позволили себя увлечь, хотя ни с нашей стороны, ни со стороны германских властей принуждения не было. Они знали, что выбирают путь лишений, смерти или и того и другого... Субхас пользовался необъяснимым влиянием на них, которому они не могли противиться. Это было почти сродни волшебству...»²²⁶ Действовало, однако, и материальное средство убеждения. Парадоксальным образом это были посылки с пищей и одеждой, которые отправляли пленным через Международный Красный Крест британцы, опасаясь их дезертирства: британцы знали, что некоторые индийцы вступили в легион, но не знали — кто именно, поэтому посылки получали все.

Теоретически Индийский легион был зародышем национальной армии независимой страны. Однако на деле он находился под полным контролем немецкого командования. Офицерами были только немцы, командовал частью австрийский подполковник Курт Краппе. По отзыву редактора журнала «Азад Хинд» коммуниста Промода Сенгупты, он уважал Нетаджи и относился к индийским солдатам «как к собственным детям»²²⁷. Правда, по другим данным, в целом немецкие офицеры обращались с индийцами презрительно и называли их «цветными вспомогательными народами»²²⁸. По сути, они вели себя в легионе так же, как британцы в своей англо-индийской армии. Недаром бенгальский коммунист Шаумендронатх Тагор, племянник поэта, ещё в 1933 г. призвал соотечественников не обольщаться уважением нацистов к арийской культуре, так как индийцев те считают давно выродившимися арийцами²²⁹.

Германия допустила возникновение Индийского легиона главным образом в целях пропаганды. Неслучайно ни немецкие, ни итальянские военные власти в Ливии так и не разрешили Босу посетить эту страну, чтобы оценить ситуацию с плен-

²²⁴ Джаты — этносоциальная группа, одна из основных земле(вла)дельческих каст Северной Индии.

²²⁵ Mookerjee G.K. Op. cit. P. 214.

²²⁶ Ibid.

²²⁷ Roy P. Op. cit. P. 87.

²²⁸ Chattopadhyay G. Op. cit. P. 33.

²²⁹ Zachariah B. Nazi Hunting and Intelligence Gathering in India on the Eve of the Second World War // An Imperial World at War: Aspects of the British Empire's War Experience, 1939–1945 / Ed. by A. Jackson, Y. Khan and G. Singh. L.; N.Y.: Routledge, 2017. P. 161–162.

Ил. 4. Краппе и Бос (1942).

ными индийцами на месте и агитировать их массово вступать в легион. Поэтому в эту часть попали не более 4 тыс. из 17 тыс. индийских военнопленных²³⁰. Командующий немецким Африканским корпусом известный полководец генерал Эрвин Роммель (1891–1944) рассматривал этих пленных как рабочую силу.

Для связи с семьёй и друзьями в Индии Бос пользовался двумя каналами — через Кабул и Токио. В Кабуле сообщения от него принимал и передавал далее в Индию регулярно наведывавшийся в афганскую столицу Бхагат Рам Тальвар. Правда, Бос не подозревал, что теперь эта сабля сражается за противоположный лагерь (игра слов: *talvār* на панджаби и хиндустани означает «сабля»).

Пытаясь поднять восстание в Индии, Бос невольно помог антигитлеровской коалиции создать ценного разведчика, который стал, пожалуй, самым удивительным двойным агентом Второй мировой войны (с иерархией лояльностей). Его провожатый Бхагат Рам Тальвар, расставшись с ним в марте 1941 г., начал было работать на итальянскую и немецкую разведки. Однако, вернувшись в Панджаб из второй поездки в Кабул, он узнал о нападении Райха на родину социализма. Будучи членами левой партии, Тальвар и его товарищи сделали выбор и запросили советскую разведку: провалить теперь контакты Боса? Им ответили: контакты сохранять, но не вредить Британии как союзнику СССР. Получаемые от Боса из Берлина инструкции Тальвар (под кодовым именем Ром) стал передавать агенту Заману — резиденту НКВД в Афганистане Михаилу Андреевичу Аллахвердову (1900–1968). В то же время немцев, итальянцев и японцев он снабжал ложными — завышенными — сведениями об обороноспособности Индии (те щедро платили, а немцы даже наградили «своего» агента Железным крестом). Советская разведка пыталась узнать через Тальвара изменения стратегических планов нацистского блока.

В октябре 1942 г. при очередном переходе индо-афганской границы Тальвар был арестован британцами. Тогда советские спецслужбы раскрыли им его истинную роль и выразили готовность поделить его агентом. Тальвар стал работать и на британцев (с кодовым именем Серебро), а сведения передавал через Коммунистическую партию Ин-

²³⁰ Bose S. Op. cit. P. 210.

дии, деятельность которой британцы в 1934 г. запретили, но незадолго до описываемых событий вновь разрешили из-за союзнических отношений с СССР. Работал Тальвар под надзором подполковника Питера Флеминга (1907–1971), который приходился старшим братом создателю Джеймса Бонда Йену Флемингу (1908–1964). В штаб-квартире англо-индийской армии в Дели Питер Флеминг возглавлял отделение дезинформации. «Разведка — это игра, и мастера шпионажа, будь они друзья или оппоненты, начинают уважать даже врагов. Флеминг издали наблюдал за Босом и, что удивительно, восхищался им. Японцами он был сыт по горло: они были готовы верить любым невероятным историям, а соображали медленно. С Босом дело было другое»²³¹. Однако об истинной роли Тальвара Нетаджи не догадывался. Некоторые историки сравнивают этого агента с выдающимся советским разведчиком в Японии Рихардом Зорге (1895–1944) и сетуют, что деятельность панджабца в Афганистане не оценена потомками по достоинству. Его первая биография появилась лишь недавно²³².

Вторым каналом связи Босу служила столица Японии, точнее, цепочка Берлин — Токио — японское консульство в Калькутте — Сарат Бос. Однако японский телеграфный код оказался уязвим для взлома, и 5 сентября 1941 г. телеграмма министра иностранных дел Японии своему послу в Берлин с сообщением Сарата брату легла на стол Черчиллю. Поэтому, когда в декабре кандидатуру Сарата наметили в министры внутренних дел провинциального правительства Бенгалии, власти арестовали его и выслали до конца войны в Южную Индию. Его японские контакты сочли угрозой имперской безопасности.

В ноябре 1941 г. секретарь МВД Индии заявил, что Бос «перешёл к врагу» и подписал с державами «оси» пакт, нацеленный на вторжение в Индию. Британцы развернули против него масштабную пропаганду. Лондонская газета *Daily Mail* поместила его фотографию с подписью: «Индийский квислинг № 1 бежит к Гитлеру»²³³. Кстати, примерно тогда же нацистский идеолог Розенберг подал фюреру записку о том, как британцы контролируют Индию, и тот нашёл их методы интересными как образец для управления оккупированными территориями СССР. Нелучайно вскоре после нападения на Советский Союз он заявил: «Российское пространство — это наша Индия, и как англичане правят ею с помощью горстки людей, так и мы будем править этим нашим колониальным пространством»²³⁴.

В октябре 1941 г. Босом заинтересовались японцы: военный атташе в Берлине полковник Ямамото Бин²³⁵ получил указание навести о нём справки. Япония спеш-

²³¹ Bose M. The Lost Hero... P. 369–370.

²³² Bose M. The Indian Spy: The True Story of the Most Remarkable Secret Agent of World War II. New Delhi: Aleph, 2017.

²³³ Квислинг — имя собственное, стало нарицательным в значении «предатель». Видкун Квислинг (1887–1945) — норвежский политический деятель, один из самых известных коллаборационистов времён Второй мировой войны. Возглавлял Национал-социалистическую партию Норвегии, после оккупации немцами страны в 1940 г. активно сотрудничал с ними, в 1942–1945 гг. возглавлял правительство. После войны был расстрелян.

²³⁴ Kuhlmann J. Op. cit. S. 40.

²³⁵ Японские имена собственные пишутся в настоящей книге в соответствии с правилами японского языка: фамилия, затем имя. К сожалению, в западных работах принят обратный порядок, который навязывает восточноазиатской цивилизации европейские правила написания имён.

но готовилась к войне с англосаксонскими державами, поэтому стала присматриваться к Индии. Состоялась встреча Боса с Ямамото и японским послом (1941–1945) генерал-лейтенантом Осимой Хироси, после которой индийский политик стал частым и желанным гостем в посольстве Японии. Уже 17 декабря 1941 г., после неудачной итало-германской конференции по вопросу всё той же декларации, Бос осведомился у Осимы, согласится ли Токио устроить его возвращение на Восток.

Сама Индия не занимала места в империи, которую намеревалась выкроить себе Япония в Азии. Когда в 1940 г. министр иностранных дел (1940–1941) Мацуока Ёсукэ, а позднее Генеральный штаб военно-морского флота Японии очертили пределы Великой восточноазиатской сферы сопроцветания (эвфемизм для обозначения Японской колониальной империи), Индию туда не включили. От Японии она удалена географически, к тому же японцам хватало Китая, где они увязли. Не упомянули они Индию и при заключении в сентябре того же года Тройственного пакта, когда просили своих европейских союзников признать сферу сопроцветания: не исключали, что Индией попробуют приманить к пакту СССР. Профессор Токийского университета геополитик Рояма Масамити (1895–1980), политический советник премьер-министра (1937–1939, 1940–1941) Коноэ Фумимаро, приветствовал договор СССР и Германии 1939 г. и считал, что японскому паназиатизму как региональному блоку выгодно формирование этими державами и Италией «нового империализма» в противовес «старому» англо-французскому²³⁶. В Японии сложилась к тому времени школа геополитики (*тисэйгаку*), которая опиралась на труды Хаусхофера и изучала географию Восточной и Юго-Восточной Азии с прицелом на завоевание.

Тем не менее в Японии понимали, что без сотрудничества с Индией установление «Нового порядка» на востоке Азии едва ли возможно, а единственный способ добиться сотрудничества — помочь ей обрести свободу, а точнее, независимость от Британии. Налаживать связи с индийским антиколониальным движением японцам было необходимо хотя бы ради овладения британскими колониями в Юго-Восточной Азии. Там стояли англо-индийские войска, и японцы нуждались в подрывной деятельности среди них. Отсюда их интерес к Босу. Его выдающиеся способности как лидера и переговорщика посол Осима оценил быстро. Однажды в неформальной обстановке он признался: «Я встречал в своей жизни много азиатских, европейских и американских дипломатов, но второго человека масштаба Боса ещё не встречал»²³⁷.

В декабре 1941-го – мае 1942 г. колониальные империи Британии (Малайя, Сингапур, Саравак, Сабах, Бирма), Нидерландов (Нидерландская Индия — современная Индонезия) и США (Филиппины) сложились под ударами японцев как картонные домики. (Французский Индокитай по указанию вишистского режима метрополии пустил к себе японские войска ещё в 1940 г.) 15 февраля 1942 г. для Британской империи наступил один из самых чёрных дней в её истории: капитулировал 130-тысячный гарнизон Сингапура, который был главным имперским аванпостом в Юго-Восточной Азии. Падение Сингапура называют «Йорктауном Британ-

²³⁶ Fletcher W.M. The Search for a New Order: Intellectuals and Fascism in Prewar Japan. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1982. P. 139.

²³⁷ Цит. по: Ganpuley N.G. Op. cit. P. 19.

Ил. 5. Бос в ходе радиопередачи из Берлина (1942).

ской империи в Азии»²³⁸. Одной из основных причин разгрома британцев стало их расовое высокомерие, уверенность в своём природном превосходстве над азиатами. Так, Черчилль обозвал японцев итальяшками Востока (*wops of the East*)²³⁹. Надменность часто ведёт к падению; как гласит бенгальская поговорка с аллюзией на эпос «Рамаяна», «гордыня сгубила Ланку».

Именно падение Сингапура позволило Босу перестать даже в Берлине прятаться за итальянским псевдонимом. В начале февраля он создал для радиовещания на Индию канал «Азад Хинд радио» («Радио свободной Индии»), а 19 февраля впервые выступил по нему сам и под настоящим именем. «Падение Сингапура означает крушение Британской империи, конец чудовищного режима, который она символизирует, и зарю новой эпохи в индийской истории», — заявил Нетаджи²⁴⁰. Он выразил убеждение, что между Индией и британским империализмом не может быть ни мира, ни компромисса, а враги империализма — естественные союзники Индии и, наоборот, союзники империализма — её естественные враги. Эта передача про-

²³⁸ Jeffery K. The Second World War // The Oxford History of the British Empire: Vol. IV: The Twentieth Century / Ed. by J.M. Brown and W.R. Louis. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1999. P. 319. В Йорктауне в 1781 г. сдался американцам и французам британский генерал лорд Корнуоллис, капитуляция которого по сути означала победу 13 североамериканских колоний в войне за независимость и конец Первой Британской империи.

²³⁹ James L. The Rise and Fall of the British Empire. L.: Abacus, 1995. P. 491.

²⁴⁰ Bose S.C. The Indian Struggle, 1920–1942. P. 441.

извела впечатление на Геббельса, который, правда, признал, что, пока японцы не одержат дальнейших побед в Азии, качественных изменений не будет.

К октябрю 1942 г. «Азад Хинд радио» наладило коротковолновое вещание на английском, хиндустани, бенгали, фарси, пушту, тамиле и телугу, а также чередовало гуджарати и маратхи. Для передач использовались японские радиостанции в Бангкоке и Шанхае. Правда, коротковолновыми радиоприёмниками в Индии владело всего около 30 тыс. человек (индийцами из них были $\frac{3}{4}$); если бы у Берлина были технологии передачи сигналов на длинной волне, Бос мог бы охватить ещё 90 тыс.²⁴¹. Сотрудники Центра свободной Индии слушали мировые новости (как правило, по Би-би-си и Всеиндийскому радио), выбирали интересные для соотечественников, составляли новости со своими комментариями, писали обращения на злободневные темы, переводили тексты на разные языки.

Радиопередачи Боса, как и переписку, немцы подвергали цензуре, а текст его открытого письма сэру Стаффорду Криппсу (о миссии Криппса в Индии см. ниже) подлежал личному одобрению Риббентропа²⁴². Бос знал, что его прослушивают, поэтому наказал сотрудникам в телефонных разговорах с ним не пользоваться английским²⁴³. Кроме организации радиовещания он издавал в Берлине ежемесячный журнал «Азад Хинд» («Свободная Индия») на английском и хиндустани тиражом около 5 тыс. копий; число сотрудников центра выросло к концу лета 1942 г. до 35 человек²⁴⁴.

Бос высмеивал пропаганду нового вице-короля Индии (1943–1947) виконта Уэйвелла, который утверждал, что страна находится под угрозой вражеского нападения, поэтому Суэц и Гонконг надо защищать с помощью индийских войск. Бос настаивал, что, объявив Индию воюющей стороной, британцы несут войну в саму Индию. Этот взгляд теперь разделял и Ганди: видя небывалые поражения британцев, он стал готовиться к решающей схватке с Раджем. К 1942 г. Махатма был убеждён, что антигитлеровская коалиция войну проиграет. По его мнению, Индию можно было спасти от военных разрушений, только если британцы уйдут, поскольку это лишит японцев причины вторгаться.

Внешняя угроза Индии всегда была для британцев геополитическим кошмаром именно потому, что они понимали, как хрупка их власть в этой стране. В ходе Большой Игры с Российской империей в Центральной Азии XIX – начала XX в. британцы страшились не столько её военного вторжения, сколько того воодушевляющего эффекта, какой оно могло оказать на индийское население. Ещё в 1883 г. опасение двуединой внешне-внутренней угрозы для Индии озвучил в курсе лекций «Расширение Англии» (который называют евангелием британского колониализма) один из идеологов империи сэр Джон Роберт Сили (1834–1895): «Что, если мятеж и русское вторжение произойдут вместе?»²⁴⁵ Теперь к Индии подходили во-

²⁴¹ James L. Raj: *The Making and Unmaking of British India*. L.: Little, Brown and Co, 1997. P. 555.

²⁴² Chattopadhyay G. Op. cit. P. 31.

²⁴³ Mookerjee G.K. Op. cit. P. 201.

²⁴⁴ *A Beacon across Asia: A Biography of Subhas Chandra Bose* / Ed. by S.K. Bose. Hyderabad: Orient Longman, 1973. P. 108.

²⁴⁵ Seeley J.R. *The Expansion of England. Two Courses of Lectures*. L.: Macmillan, 1883. P. 291.

йска Японии, агрессию которой против России Британия поощряла в своё время и договором о союзе 1902 г., и соглашением Арита—Крэйга 1939 г. (в разгар боёв на р. Халхин-Гол).

Безопасностью Индии как ключевого звена имперской обороны было озабочено не только правительство Черчилля. Президент США Рузвельт и британские лейбористы давили на премьер-министра, чтобы тот успокоил индийских националистов. Хотя в том же 1942 г. Черчилль произнёс свою знаменитую фразу — он «не для того стал премьер-министром, чтобы председательствовать при уничтожении Британской империи», в марте ему пришлось отправить в Индию бывшего посла в Москве (1940–1942) сэра Стаффорда Криппса. «Верховный жрец империализма», как назвал Черчилля Бос²⁴⁶, хотел заверить национальные силы Индии, что после войны Британия предоставит ей статус доминиона. Метрополия пыталась создать у колонии взаимную заинтересованность: та получит повышение через свою помощь в войне. В условиях беспрецедентного ослабления империи такая аргументация действовала на индийских политиков уже худо.

Между тем Германия и Япония вели друг с другом дипломатическую игру по вопросу декларации индийской независимости, которой добивался Бос. После начала захвата европейских колоний в Юго-Восточной Азии интерес к изданию такой декларации проявила Япония. В публикации этого документа она видела средство облегчить себе наступление в регионе и успокоить индийских патриотов. В январе 1942 г. Вёрманн по указанию Риббентропа подготовил черновик такой декларации, но зафиксировал в нём общие интересы всех держав «оси» в отношении Индии²⁴⁷. Японцам это не понравилось, и они передумали: спохватились, что занимают ещё недостаточно прочные позиции в Юго-Восточной Азии. Оккупировав весь регион, они вернулись к вопросу декларации, и в апреле посол Осима представил Риббентропу собственный черновик. Последний предполагал признание всеми тремя державами «оси» независимости от британского империализма не только Индии, но и Аравии, т.е. всего арабского мира²⁴⁸. Для немцев такая формулировка была неприемлема, поскольку, по сути, выражала претензии Японии на Юго-Западную Азию: уж арабской нефтью Германия не собиралась делиться ни с кем: «Эти два проекта прекрасно характеризуют взаимоотношения двух хищников, которые с огромным подозрением следили за тем, чтобы ни один из них не урвал больше того, что ему “полагалось”»²⁴⁹. Теперь уже фюрер заявил, что для издания декларации время неподходящее.

Бос попытался зайти к Гитлеру с другой стороны и в начале мая 1942 г. вновь съездил к Чиано и Муссолини. Как мы знаем, в Риме Боса всегда привечали. Хотя итальянский министр иностранных дел написал в дневнике, что Бос «пытается лить воду на свою мельницу», отметил он и то, что дуче «позволил себя убедить» и «телеграфировал немцам, предложив... не медлить с декларацией»²⁵⁰. Однако на

²⁴⁶ Selected Speeches of Subhas Chandra Bose. P. 148.

²⁴⁷ Dokumente / Martin B. Deutschland und Japan im Zweiten Weltkrieg. Vom Angriff auf Pearl Harbor bis zur deutschen Kapitulation. Göttingen; Zürich; Frankfurt: Musterschmidt-Verlag, 1969. S. 235–236.

²⁴⁸ Ibid. S. 238–239.

²⁴⁹ Райков А.В. Опаснейший час Индии. С. 122.

²⁵⁰ The Ciano Diaries, 1939–1943. P. 481.

решение фюрера это не повлияло. Как расовое высокомерие британцев аукнулось им потерей Малайи и Бирмы, так немцы прогадали, не желая поддержать индийцев и арабов. К тому же Гитлер опасался, что в случае издания декларации британцы, припёртые к стене, станут сопротивляться упорнее. Опасался он и того, что Индия просто не ответит на призыв, а противник не преминет указать на это как на признак бессилия стран «оси»²⁵¹. В связи с этим Риббентроп, в свою очередь, опасался, что «наша индийская пропаганда вызовет у немецкой общественности что-то вроде сентиментальности в отношении Индии» и общественность окажет на власть какое-то давление в пользу декларации²⁵². (Помимо прочего, это было признанием пропагандистской силы Боса.) Поэтому министр запретил свободно продавать номера журнала «Азад Хинд» и велел рассылать их по конкретным адресам внутри Германии и за рубежом. Лишь весной 1945 г. Гитлер пожалеет о своём решении не разыгрывать антиколониальную карту всерьёз. Получается, что в конечном счёте эта карта не была разыграна из-за мнения одного Гитлера: за издание декларации, пусть и в японской версии, выступала не только Япония, но и Италия и даже Риббентроп²⁵³, не говоря о Босе.

Главной ошибкой германской стратегии в отношении Индии называют то, что она сосредоточилась на решении краткосрочных военных проблем. Пока Гитлер и его окружение были опьянены блицкригом, они пренебрегали возможностями в сфере пропаганды, которые сулила им поддержка национальных движений за пределами Европы. Между тем «ось» не могла выиграть войну против коалиции союзников со всеми их материальными и людскими ресурсами; единственный шанс для неё заключался в координации действий Германии и Японии и активной поддержке антиколониальных движений в обширном регионе между Восточным Средиземноморьем и Дальним Востоком²⁵⁴. Этого они, к счастью, и не сделали. Впрочем, хотя афро-азиатские народы не демонстрировали активной лояльности, британское правление по крайней мере создало достаточно доброй воли, политических союзов и просто молчаливого согласия, чтобы империя скорее содействовала, чем мешала военным усилиям метрополии²⁵⁵.

Среди держав «оси» Италия поддерживала Боса охотнее всего, потому что рассчитывала разжечь восстание арабов на Ближнем Востоке. Необходимым шагом к этому и мыслилась декларация о признании независимости арабов, а заодно Индии. Кроме того, в отличие от глобальных геополитических интересов Германии и Японии геополитические интересы Италии были региональными, ограничивались Средиземноморьем. Муссолини мог позволить себе поддерживать инициативы Боса, понимая, что для их воплощения в жизнь делать Италии ничего особо не придётся. (Хотя итальянская Служба военной разведки была активна в Афганистане, пытаясь вместе с Абвером организовать диверсии против Индии.) Неслучайно именно дуче в беседе с Босом предложил ему учредить в Европе альтернативное правительство Индии. Упомянувший об этом в записи дневника от 11 мая 1942 г.

²⁵¹ Hauner M. Op. cit. P. 479.

²⁵² Kuhlmann J. Op. cit. S. 231.

²⁵³ Voigt J.H. Indien im Zweiten Weltkrieg. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1978. S. 151.

²⁵⁴ Hauner M. Op. cit. P. 620.

²⁵⁵ Jackson A. The British Empire and the Second World War. L.; N.Y.: Hambledon Continuum, 2006. P. 34.

Гемббельс добавил: «Нас это сейчас не устраивает, так как, по нашему мнению, время для такой политической операции ещё не пришло»²⁵⁶.

На различие в позициях Гитлера и Муссолини по вопросу индийской декларации повлиял ещё один фактор. Как отмечают специалисты, колониализм южно-европейских романских народов — португальцев, французов, итальянцев — всегда был более мягким, чем североевропейских, будь то британцы, немцы или голландцы (по крайней мере, буры Южной Африки). Для «латинского варианта колониализма» расизм в самом деле был характерен в ослабленном виде. Хотя этот термин и побывал предметом политической спекуляции («лузотропикализм» Антониу ди Салазара в Португалии), отличия в установках и политике двух «групп» колониальных держав в отношении подвластных афро-азиатских народов в самом деле просматриваются. Отчасти разную позицию севера и юга Европы можно объяснить разной степенью исторических контактов с афро-азиатскими народами вследствие географии и уровня развития торговых и культурных связей начиная с древности, а отчасти — чувством огромного превосходства Северной Европы над всем остальным миром вследствие промышленного и военного рывка XIX в. Недаром, как отметил историк А. Расселл, англосаксы были склонны воспринимать романские народы как стоящие всего на одну ступеньку выше «цветных»²⁵⁷. Райх, пренебрегая декларацией об индийцах и арабах, не принимал эти народы всерьёз, тогда как фашистская Италия действовала мягче и гибче.

Конечные планы Германии в отношении Индии во Второй мировой войне не вполне ясны. С одной стороны, Гитлер долго надеялся на сепаратный мир с Британией, чтобы установить некое равновесие «нордических народов»: британцам — заморская империя, немцам — *Lebensraum*²⁵⁸ в Восточной Европе (вспомним генеральный план «Ост»). Нацистские идеологи искренне восхищались британцами как «расой господ» и призывали учиться у них. Говорили даже, будто после падения Сингапура фюрер посетовал на упадок белого человека и сказал, что «с радостью отправил бы британцам 20 дивизий помочь отбросить жёлтых»²⁵⁹.

С другой стороны, существуют достаточно убедительные данные о том, что Германия с самого начала намеревалась прибрать Индию к рукам. Как показал известный отечественный индолог Алексей Васильевич Райков, Гитлер всерьёз готовил поход на Индию через Иран и Афганистан, а в составе наступавших на Кавказ в 1942 г. частей вермахта находился особый корпус Ф, названный по инициалу его командующего — генерала авиации Гельмута Фельми (1885–1965). Корпус был богато укомплектован моторизованными и танковыми батальонами и специальными частями, командование явно оберегало его и предназначало для самостоятельного ведения боевых действий²⁶⁰. Личный состав корпуса изучал географию и историю

²⁵⁶ Goebbels J. Tagebücher 1924–1945. Band 1–5. Bd. 4: 1940–1942. München; Zürich: Piper, 2003. S. 1792–1793.

²⁵⁷ Russell A.G. Colour, Race and Empire. L.: Kennikat Press, 1973. P. 25.

²⁵⁸ Жизненное пространство (нем.). Распространённый термин геополитики, который ввёл в научный оборот немецкий географ Ф. Ратцель (1844–1904) и подхватил К. Хаусхофер (1869–1946).

²⁵⁹ Hauner M. Op. cit. P. 435.

²⁶⁰ Райков А.В. Опаснейший час Индии. С. 49–62, 96, 146–147.

стран Ближнего и Среднего Востока и Индии, турецкий, фарси, арабский и другие восточные языки²⁶¹. Неслучайно британцы особенно настороженно следили за немецким продвижением к Кавказу. Зимой 1942 г. они сформировали 43-ю индийскую бронетанковую дивизию, которую её командир генерал-майор Фрэнк Мессерви (1893–1974) усиленно готовил для отпора немцам в случае падения Сталинграда²⁶². Не в этих ли видах Гитлера на Индию подлинная причина нежелания издавать декларацию о независимости этой страны?

Версию А.В. Райкова, по сути, подкрепляет профессор Делавэрского университета (США) С.Л. Лопатников. По его мнению, именно поход вермахта на Индию был первоначально задуман как стержень Второй мировой войны. План такого похода через Балканы, Ближний и Средний Восток по маршруту Александра Македонского был принят в ставке Гитлера в феврале 1941 г., через несколько дней после высадки генерала Роммеля в Ливии. Историки обычно проходят мимо этого решения, а последовавшие за ним события представляют как сравнительно мелкую Балканскую операцию. Между тем и технически, и политически «балкано-ближневосточно-индийская» операция была намного более коротким путём к уничтожению Британии, чем высадка через Ла-Манш. Как настаивает С.Л. Лопатников, план «Барбаросса» был лишь одним из разработанных немцами сценариев, и неслучайно разработан он был всего лишь штабом сухопутных войск, тогда как индийский поход — штабом верховного главнокомандования. Однако нападение немцев на СССР смешало им все карты. Человеком, который, спасая Британскую империю, перенаправил агрессию Райха с юго-востока на восток, был британский агент влияния начальник Абвера (1935–1944) адмирал Вильгельм Канарис. В мае 1941 г. он запугал фюрера тем, что, оттянув основные силы на Ближний Восток, Германия подставит себя под сокрушающий удар со стороны СССР, а нанести его Сталин якобы уже готов; поэтому идти на Индию, не разделившись с Советским Союзом, самоубийственно²⁶³. Так британцам удалось одновременно отвести удар от Индии и столкнуть две сильнейшие евразийские теллуократии.

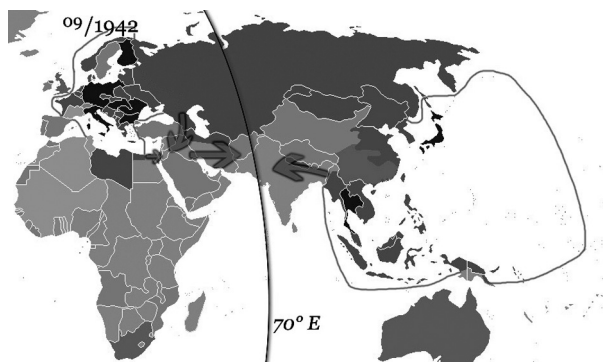
Индия немецких стратегов притягивала. Неслучайно Хаусхофер, рассуждая в 1939 г. об уязвимости границ для военных вторжений в глубокой исторической перспективе, писал о северо-западной границе Индии в паре с левобережьем Рейна в Европе²⁶⁴ (через которое Германия с 1870 г. обрушивалась на Францию дважды и вот-вот должна была обрушиться в третий раз). Неслучаен и частный визит в Индию в апреле-мае 1939 г. бывшего рейхсминистра экономики (1936–1937) Ялмара Шахта: заботил его не только индийский бойкот немецких товаров. Несколько диверсионных операций Абвера планировались на индо-афганской границе с целью дестабилизировать регион и подготовить почву к вторжению в Индию. Кроме названных операций «Аманулла» и «Тибет» это была операция «Тигр», прелюдией к

²⁶¹ *Ибрагимбеили Х.М.* Битва за Кавказ. Крах операции «Эдельвейс». М.: Вече, 2012. С. 181.

²⁶² *Мостяев Ю.Н.* Вклад Индии в общую победу союзников над странами «оси» в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. н. 07.00.03. Рязань, 2012. С. 73.

²⁶³ *Лопатников С.* Зелёная крона с чёрными корнями // Главная тема. Общественно-политический ежемесячный журнал. М., 2005. № 7.

²⁶⁴ *Haushofer K.* Grenzen in ihrer geographischen und politischen Bedeutung. II., neubearbeitete Auflage. Heidelberg; Berlin; Magdeburg: Kurt Vowinkel, 1939. S. 202.

Ил. 6. План раздела Евразии державами «оси» (1942).

которой, в свою очередь, мыслилась операция «Пожиратель огня»²⁶⁵. Её сутью была переброска немецкой и итальянской разведками оружия и денег Факиру из Ипи. Так европейцы называли Мирзу Али-хана (1897–1960), пуштунского религиозного лидера в области Вазиристан на северо-западной границе Индии, который с 1937 г. вёл партизанские действия против британцев. Кроме всего этого нацистское руководство, прежде всего рейхсфюрер СС (1929–1945) Генрих Гиммлер, проявляло к региону мистический интерес. Одной из многих задач курируемого им института Аненербе (Наследие предков) были поиски в Тибете мифической страны Шамбалы, которая, согласно поверьям буддистов, есть ось мира и даёт возможность распоряжаться мировым временем; велись эти поиски из сугубо практических военных соображений.

С третьей стороны, поскольку 18 января 1942 г. Германия и Италия по тайному военному соглашению с Японией разделили мир (точнее, Афроевразию, Атлантику и Тихий океан) примерно по 70-му меридиану²⁶⁶, почти вся Индия отошла в японскую зону влияния. И всё же современные пакистанские провинции Синд и Белуджистан попали в немецко-итальянскую зону, что давало западным членам нацистского блока шанс зацепиться за Индию. Когда один немецкий генерал обратил внимание Гитлера на то, что он отдаёт японцам наиболее плодородную часть Индии, тот ответил, что у него 17 дивизий, а у них — всего десять, поэтому немцы займут свой район первыми и затем вытеснят японцев²⁶⁷.

Бос всё яснее видел, что реальной помощи от Германии ждать не приходится. Вместе с тем не в его характере было складывать руки. Съездив к Эмили в Бад-гаштайн, он вернулся в Берлин, чтобы развернуть пропаганду против прибывшей в Индию миссии Криппса. Вскоре, 24 марта 1942 г., британские новостные агентства сообщили, будто Бос погиб в авиакатастрофе по пути в Токио на конференцию индийской диаспоры. Реакция на эту новость в Индии подтвердила его популярность в народе в то самое время, когда британцы старались заклеить его как

²⁶⁵ Подробнее см.: Тихонов Ю.Н. Указ. соч. С. 314–395.

²⁶⁶ Dokumente / Martin B. Op. cit. S. 232–233.

²⁶⁷ Кауль Т.Н. От Сталина до Горбачёва и далее. М.: Прогресс, 1991. С. 35.

квислинга. Ганди прислал Прабхабати соболезнования, но та подозревала, что сведения ложны. А уже на следующий день Бос сам опроверг их по радио, назвав выдачей желаемого за действительное²⁶⁸. Всё же подумывал в самом деле перебраться в Юго-Восточную Азию в расчёте на то, что Япония заинтересована в независимости Индии от Британии больше немцев.

Однако Риббентроп отклонил просьбу Боса разрешить ехать в Азию: немцы рассчитывали по-прежнему использовать индийского гостя для нужд пропаганды. Тот обиделся и вновь уехал в Бадгаштайн, а когда МИД просил его вернуться в Берлин, назвал позицию Германии по независимости Индии несерьёзной и предположил, что она просто использует его и индийское дело как предмет торга в возможном компромиссе с Британией.

В радиопередачах на Индию Бос опровергал британские обвинения в том, что он апологет держав «оси» и что те обманули его. Приводил такой аргумент: уж если его не смогли обмануть британцы — «мастера в искусстве дипломатии и политического соращения»²⁶⁹, то не сможет никто другой в мире. Объясняя свой выбор, проводил историческую параллель: США завоевали себе свободу не в одиночку, а при внушительной поддержке Франции. Что касается Криппса, то привезённое им в Индию обещание дать после войны статус доминиона Бос высмеивал. Он заявлял: Британская империя всё равно распадается на глазах, а если Британия всё же войну выиграет, кто гарантирует, что она сдержит обещание? В открытом письме Криппсу Бос обвинил Британию в очередном лицемерии²⁷⁰.

Правда, в вопросе Криппса уговаривать индийцев не пришлось: посулами руководство ИНК было сыто по горло. К этому времени даже Ганди был согласен только на полную независимость и убеждён, что перспектив у переговоров с британцами нет. Кстати, побег Боса в Германию произвёл на него большое впечатление. Хотя Ганди не одобрял союза Боса с нацистским блоком, он отдавал должное его мужеству и находчивости, слушал его радиопередачи и сам в речах называл его Нетаджи.

29 апреля 1942 г. на встрече в замке Клессхайм под Зальцбургом Гитлер и Муссолини обсудили, в частности, вопрос индийской декларации. Фюрер высказался против её издания, так как документ нельзя было подкрепить силой оружия. Бос о дискуссиях в высших эшелонах власти не знал, но был достаточно искущён, чтобы понять: на декларацию уже рассчитывать нечего. Его терпение лопнуло, и 22 мая он направил германскому правительству письмо, в котором настоятельно просил переправить его в Юго-Восточную Азию. «Пришло время для последнего усилия в достижении политического освобождения Индии. С этой целью мне абсолютно необходимо быть на Востоке. Только когда я попаду туда, я смогу руководить революцией правильным образом»²⁷¹. Бос выразил благодарность германскому правительству за гостеприимство и помощь и подчеркнул, что его присутствия на Востоке требуют общие интересы держав «оси» и Индии.

²⁶⁸ Selected Speeches of Subhas Chandra Bose. P. 131.

²⁶⁹ Bose S.C. Azad Hind. Writings and Speeches, 1941–1943 / Ed. by Sisir Bose and Sugata Bose. L.: Anthem Press, 2002. P. 6.

²⁷⁰ Selected Speeches of Subhas Chandra Bose. P. 136.

²⁷¹ Bose S.C. The Indian Struggle, 1920–1942. P. 460.

Ил. 7. Встреча Боса с Гитлером (27 мая 1942 г.).

27 мая 1942 г. Боса принял Риббентроп и на этот раз возражений против его отъезда в Азию не имел. Позднее в тот же день состоялась единственная встреча Боса с Гитлером. Прошла она в рейхсканцелярии в Берлине с участием того же Риббентропа. Бос назвал фюрера старым революционером, поблагодарил за всё и поднял вопрос об отъезде. Гитлер в ответ обрисовал своё видение мировой ситуации и заявил, что у Индии появилась возможность сбросить британское ярмо. Назвав Англию общим врагом Германии и Индии, он, однако, призвал Боса не слишком рассчитывать на немецкую помощь: две страны весьма удалены друг от друга, а предсказывать исход наступления Роммеля в Египте рано. Фюрер лишь обещал, что, если немецкие войска подойдут к Индии, он пригласит Боса вступить вместе с ними в страну, чтобы поднять там революцию. Правда, признал, что произойти это может не ранее чем через год–два. Поэтому выразил согласие на отъезд Боса к японцам, чтобы он мог вести борьбу за Индию непосредственно с её рубежей²⁷².

Гитлер доверительно сообщил Босу, что дальнейшие цели Японии в войне ему неизвестны: собирается ли она покончить с угрозой своим флангам от Чан Кай-ши, искать, напротив, сотрудничества с ним или повернуть на Австралию либо Индию²⁷³. Однако уничтожение британского владычества в Восточной Азии поможет Германии сберечь свою кровь. Фюрер попытался в какой-то степени сделать Боса своим агентом у японцев: выразил надежду, что, отправившись на Восток, он не только повлияет на события на родине, но и своими советами удержит японцев от психологических ошибок (т.е. нежелательного для Германии курса). Перейдя к спо-

²⁷² Appendix / Hauner M. Op. cit. P. 672–675. Здесь и ниже беседа Боса с Гитлером изложена по первоисточнику — немецкому протоколу, который составил главный переводчик германского МИДа Пауль-Отто Шмидт (1899–1970).

²⁷³ О военных планах Японии в отношении Индии строил догадки в августе 1942 г. и граф Чиано (The Ciano Diaries, 1939–1943. P. 513).

собу переброски Боса на Восток, Гитлер предостерёг против авиаперелёта, так как он мог кончиться принудительной посадкой на британской территории. Вместо самолёта фюрер обещал ему подводную лодку: либо японская придёт в Европу, либо немецкая отправится в Бангкок. Бос поднял вопрос о расистских замечаниях фюрера в *Mein Kampf*, но автор книги вывернулся, ответив, что его единственной целью было разубедить сторонников пассивного сопротивления в самой Германии, которые видели в Индии пример. Вместе с тем «обрадовал» индийского гостя мнением, что после освобождения внутреннее упорядочение и восстановление Индии для достижения единства страны займёт 100–200 лет²⁷⁴.

Почему немецкое руководство к лету 1942 г. изменило своё намерение не отпускать Боса? Во-первых, его пропаганда к этому времени решила важную задачу — способствовала провалу миссии Криппса в Индии. Во-вторых, возобладало мнение, которое активно отстаивал и сам Бос, что больше пользы в борьбе с Британией он принесёт на Востоке. В-третьих, и это главное, немцы неслучайно выпустили Боса в Японию после разгрома вермахта под Сталинградом. Эта битва ещё не похоронила виды Германии на Индию, но заставила серьёзно умерить геополитические аппетиты. Соответственно, полезность Боса для немцев резко снизилась, и с ним можно было попрощаться без ущерба для интересов Райха.

Встреча с Гитлером не далась Босу легко. Ему не понравился менторский тон фюрера, и переводчику П.-О. Шмидту (который переводил с английского на немецкий) пришлось смягчить ряд ответов Боса, потому что так с фюрером никто не разговаривал. Своим помощникам в Центре свободной Индии Бос рассказывал об этой встрече неохотно. Назвал Гитлера «немецкой версией Факира из Ипи» и заявил, что «логичное обсуждение с ним любой темы даже в течение нескольких минут было практически невозможно»²⁷⁵. Похоже, это мнение просто отразило досаду Боса на нежелание германского лидера действительно помочь. Как бы то ни было, после этой встречи Бос стал ещё больше подчёркивать свою идеологическую дистанцированность от держав «оси». Заявляя, что сотрудничает с ними во внешней политике, настаивал на абсолютном самоопределении для Индии и на том, что не потерпит ничего вмешательства в её внутренние дела после независимости.

Аудиенция у фюрера окончательно сделала Боса публичной фигурой. 12 июня 1942 г. он провёл первую в Германии пресс-конференцию, на которой удовлетворённо отметил: «Для Британии и её спецслужб более невозможно охранять протяжённые границы Индии, и когда придёт момент, никто не сможет помешать мне вернуться в Индию»²⁷⁶. Бос призвал всех индийских патриотов работать на свержение Британской империи: «В этой борьбе некоторые националисты могут сражаться только оружием гражданского неповиновения или пассивного сопротивления, но те, кто стоит вместе со мной, не поколеблются, когда придёт время, обнажить меч»²⁷⁷. «Я знаю, что британские пропагандисты оскорбляют меня, поскольку

²⁷⁴ Appendix / Hauner M. Op. cit. P. 674–677.

²⁷⁵ Mookerjee G.K. Op. cit. P. 210.

²⁷⁶ Appendix / Hauner M. Op. cit. P. 678.

²⁷⁷ Ibid. P. 679.

ку я оспорил их лживое утверждение, будто три державы — враги Индии, и настаиваю, что единственный враг Индии — британский империализм. Но меня это не заботит, так как брань — лишь признак слабости»²⁷⁸. После пресс-конференции Бос стал всё чаще появляться в немецкой прессе. Британцы внимательно следили за этим и были обеспокоены попытками Боса добиться устранения презрительных замечаний об Индии из *Mein Kampf*.

Таким образом, в 1942 г. Бос и Ганди впервые сблизились и по тактике, и по целям. Своими бесконечными обещаниями британцы толкали умеренное руководство Конгресса в сторону позиции Боса. В апреле Ганди написал проект радикальной резолюции Рабочего комитета ИНК с призывом к британцам покинуть Индию. По содержанию, а местами и по языку этот проект перекликался с взглядами Боса. Махатма заговорил совершенно не характерными для него выражениями «открытое восстание» и «анархия».

Через четыре дня после беседы Боса с Гитлером Риббентроп обсудил его возвращение в Азию с японским послом Осимой. Оказалось, у японцев свои планы. Осима сообщил, что его правительство «пытается сейчас установить связь с Ганди и повлиять на него в его политических решениях»²⁷⁹. Происходящее в Индии японцам в самом деле как будто благоприятствовало.

8 августа 1942 г. Конгресс принял смягчённую версию антибританской резолюции, но даже в этих условиях всю страну потрянуло небывалое массовое движение под категоричным лозунгом «Вон из Индии!». Оно вошло в историю как «августовская революция» и стало крупнейшим выступлением гражданского населения страны со времени восстания 1857–1859 гг. Хотя началось движение призывом к сатьяграхе, рамки ненасилия оно быстро переросло, и к концу 1943 г. оказалось повреждено или сожжено 208 полицейских участков, 749 зданий государственных учреждений и 332 железнодорожные станции, пущено под откос 66 поездов²⁸⁰. Чтобы переломить ситуацию, Раджу потребовался весь аппарат принуждения. 20 марта 1943 г. военный секретарь министерства по делам Индии генерал-майор сэр Роберт Локхарт (1893–1981) конфиденциально сообщил начальнику имперского Главного штаба и директору военных операций: «До окончания войны и, вероятно, ещё какое-то время после неё Индию следует рассматривать как оккупированную и враждебную страну»²⁸¹. В условиях военного времени, когда немцы с итальянцами были на подступах к Александрии, а японцы — к Индии и Австралии, британцы церемонились с индийскими националистами ещё меньше, чем когда-либо. По неофициальным данным, от 4 тыс. до 10 тыс. национальных активистов они перебили, а более 60 тыс. арестовали, побросав 18 тыс. из них в тюрьмы²⁸². Бос, конечно, поддержал повстанцев и передавал по радио подробные советы о том, как бороться эффективнее. Одним из его советов соотечественникам было слушать радиопередачи полковника Бритто-

²⁷⁸ Ibid. P. 680.

²⁷⁹ Martin B. Deutschland und Japan im Zweiten Weltkrieg. Vom Angriff auf Pearl Harbor bis zur deutschen Kapitulation. Göttingen; Zürich; Frankfurt: Musterschmidt-Verlag, 1969. S. 77.

²⁸⁰ Voigt J.H. Op. cit. S. 184–185.

²⁸¹ Цит. по: Hauner M. Op. cit. P. 542.

²⁸² Ibid. P. 535–536.

на²⁸³ из Европейской службы Би-би-си с рекомендациями о том, как вести саботаж в оккупированной Европе, и применять эту тактику в родной Индии²⁸⁴.

По мнению многих историков, да и современников, включая личного представителя президента США в Индии (1942–1943) Уильяма Филипса, если бы японцы воспользовались тем, что англо-индийская армия отвлечена на восстановление внутреннего порядка, в Индии мог бы повториться сценарий Малайи и Бирмы (вспомним страхи геополитика Дж.Р. Сили). Однако японцы считали, что Ганди выступил преждевременно, и ещё взвешивали, выгодно ли им перевезти Боса в Азию. Добро на его приезд они дали как раз лишь в августе 1942 г., потеряв надежду договориться с Конгрессом. Не надо забывать и того, что, будучи антибританской, цель движения «Вон из Индии!» не была прояпонской: непосредственной причиной этого всплеска насилия со стороны индийцев было отчаянное желание не дать мировой войне перекинуться на их страну. Вице-король Уэйвелл в самом деле подготовил план обороны Индии от японского вторжения, полагаясь на тактику «выжженной земли». В частности, был разработан план эвакуации Калькутты и разрушения её мостов и крупных промышленных предприятий.

Почему же Япония летом и осенью 1942 г. не воспользовалась трудностями Британии? Дело в том, что в июне 1942 г. Япония потерпела поражение в решающей морской битве с США у атолла Мидуэй, а кроме того, увязла в боях в Китае, где ей сопротивлялись обе политические силы страны — гоминьдановское правительство и коммунистическая партия. Отчасти же Индию спасло давнее соперничество японских армии и флота. Сначала, в январе 1942 г., два рода войск договорились разделить зоны операций: армии отходила Индия, флоту — Австралия. Однако позднее армия отказалась содействовать флоту в захвате Цейлона, будучи недовольна вторжением флота в свою зону операций, да ещё не оставив мысли вторгнуться на советский Дальний Восток²⁸⁵. Наконец, японцы остерегались нападать на Индию до тех пор, пока немцы не прорвутся к Суэцкому каналу и / или через Кавказ. Две державы «оси» взаимодействовали как лиса и журавль: Германия главным считала Восточный фронт (войну с СССР) и хотела — себе в помощь — активизации Японии в Индийском океане, а Япония главной считала войну на Тихом океане. Поэтому японцы предпочитали, чтобы немцы сами выдвинулись к Индийскому океану, перенеся для этого центр тяжести наступления в Средиземноморье.

Колебания японцев по вопросу принятия Боса стали одной из причин того, что между встречей с Гитлером, на которой он получил обещание переезда, и самим переездом прошло более восьми месяцев. Другой причиной было то, что подготовка к операции была не из лёгких. Ожидая отправки, Бос продолжал думать и писать о послевоенной реконструкции Индии. В августовском номере журнала «Азад Хинд» он опубликовал программную статью «Свободная Индия и её проблемы».

Бос писал, что британцев в Индии уже ненавидят все, но малая часть населения не чувствует в себе силы свергнуть их, поэтому хочет прийти с ними к компро-

²⁸³ Полковник Бриттон — псевдоним сотрудника Би-би-си Дагласа Ритчи (1905–1967), под которым он в годы Второй мировой войны вещал по радио на занятые немцами страны Европы.

²⁸⁴ *Selected Speeches of Subhas Chandra Bose*. P. 151.

²⁸⁵ *Hauner M. Op. cit.* P. 393.

миссу. Повторил мысль, что британцы могут удерживать Индию лишь до тех пор, пока их небольшая, но современная армия не втянута в войну вовне. «Однако теперь, когда британцы вовлечены в войну с другими державами и значительно ослаблены ею, для индийского народа стало возможным произвести революцию, которая покончит с британским правлением раз и навсегда. В этой борьбе индийскому народу необходимо взять оружие и сотрудничать с теми державами, которые сегодня сражаются с Британией. Ганди эту задачу не выполнит, поэтому Индия нуждается теперь в новом руководстве»²⁸⁶.

Перейдя к послевоенному периоду истории Индии, который, по мнению Боса, автоматически становился периодом её независимости, он опровергал точку зрения тех, кто привык верить, что им без британцев нет спасенья. Автор статьи был убеждён, что «если культура, цивилизация, управление и экономическое процветание были возможны в Индии до британского правления, они также будут возможны после британского правления»²⁸⁷. К сожалению, Бос с присущим ему максимализмом перегибал палку и утверждал, что британцы не принесли в Индию ничего хорошего, а напротив, лишь угнетали и грабили её²⁸⁸. Главными проблемами независимой Индии назвал создание нового правительства и установление общественного порядка. Предусматривал и строительство национальной армии, что считал более трудным делом, так как офицерский корпус до сих пор составляли в основном британцы (см. гл. 8).

Государственное устройство, по Босу, предполагало сильное центральное правительство, без которого он считал невозможным общественный порядок: «За этим правительством будет стоять хорошо организованная, дисциплинированная всеиндийская партия, которая будет главным инструментом поддержания национального единства»²⁸⁹. Государство гарантирует полную религиозную и культурную свободу, равенство политических и экономических прав. После стабилизации нового режима предполагалось дать провинциальным правительствам больше ответственности. Сильно упрощая ситуацию, назвал мусульманскую проблему в Индии искусственным творением британцев, подобным проблеме Ольстера в Ирландии и евреев в Палестине.

После стабилизации, предполагал Бос, Индия сосредоточится на решении социальных проблем — бедности, безработицы, болезней, неграмотности (последняя во многих частях страны доходила до 90%)²⁹⁰. Что касается письменности, автор статьи считал, что правительству следует поощрять и популяризировать латиницу. Предвидя нехватку финансов, предписал отменить золотой стандарт и ввести государственный контроль над внешней торговлей, причём организовать её по принципу бартера, как делала с 1933 г. Германия. Князей назвал анахронизмом, который следует упразднить, тем более что большинство их активно поддерживали британскую власть. Попенял им, что нет ни одного князя, который мог бы сыграть

²⁸⁶ Bose S.C. The Indian Struggle, 1920–1942. P. 452.

²⁸⁷ Ibid. P. 452–453.

²⁸⁸ Ibid. P. 453.

²⁸⁹ Ibid. P. 454.

²⁹⁰ Ibid. P. 456–457.

роль, схожую с ролью Пьемонта в движении Рисорджименто²⁹¹ в Италии. По мнению Боса, князья должны были естественно исчезнуть вместе с британским правлением (в этом он окажется прав). Коснувшись международных отношений, выразил мнение (впрочем, наивное), что одной из причин падения Индии (т.е. установления британской власти) была её изоляция от внешнего мира, поэтому стране надо играть активную роль в международных делах, тем более что для быстрой индустриализации и организации вооружённых сил ей потребуются всевозможное оборудование, научно-технические знания и эксперты²⁹².

В июле 1942 г. Эмили вернулась из Берлина в Вену к матери и сестре, будучи на пятом месяце беременности. Видя, что немцы и японцы не могут быстро организовать отъезд на подводной лодке, Бос стал терять терпение и просил помощи у итальянцев, соглашаясь на авиаперелёт по маршруту Родос—Рангун. Во время войны итальянцам однажды удалось осуществить подобный рейс с юга Италии в Сингапур, но гарантий его успешного повторения не было. К тому же из-за беспечности итальянских властей произошла утечка информации, а при повторном обсуждении вопроса итальянцы и японцы не договорились о маршруте. Оставалась подводная лодка. Правда, отправлять свою лодку в далёкую Европу японцы не захотели, и стороны сошлись на идее совместной операции.

29 ноября 1942 г. Бос стал отцом: Эмили родила в Вене дочь Аниту.

Между тем под эгидой вермахта набирал силу Индийский легион. Поначалу Бос настаивал, что развернуть против британских сил его можно только в самой Индии или поблизости от неё. Однако накануне второй битвы под аль-Аламейном в октябре 1942 г. передумал и предложил отправить легион в помощь Роммелю, который с боями рвался к Александрии: ведь тот повторял в Египте геополитический шаг генерала Наполеона Бонапарта 1798 г., конечной целью которого замышлялась Индия. Однако Роммель не хотел мешать войну с политикой и отклонил предложение. В чём твёрдо стоял сам Бос, так это в том, что индийцы не будут сражаться на Восточном фронте.

26 января 1943 г. Бос последний раз появился в Берлине на публике — на праздновании Дня независимости Индии, причём с речью к гостям обратился по-немецки. Среди 600 участников были арабские лидеры, которые тоже приехали в Германию за помощью против ненавистной Британской империи, — бывший великий муфтий Иерусалима Амин аль-Хусейни (1895–1974) и бывший премьер-министр Ирака Рашид Али аль-Гайлани (1892–1965), которого свергли британцы после Тридцатидневной войны мая 1941 г. Муфтий тоже был принят Гитлером, тоже добивался декларации с гарантией независимости (арабских стран), тоже предложил внести военный вклад в освобождение соотечественников (сформировать Арабский легион) и тоже получил ответ, что, пока вермахт не захватит Кавказа, декларация преждевременна. Впрочем, идею легиона фюрер одобрил. Издать декларацию просил и аль-Гайлани, но его Гитлер уже не принял, не до него было²⁹³.

²⁹¹ Движение итальянского народа против иностранного господства и за политическое объединение страны; обычно датируется периодом 1815–1870 гг., от Венского конгресса до упразднения Папской области.

²⁹² Bose S.C. *The Indian Struggle, 1920–1942*. P. 457–459.

²⁹³ Ибрагимбеили Х.М. Указ. соч. С. 152–154.

Через двое суток после Дня независимости Индии Бос последний раз выступил перед солдатами Индийского легиона. Его голос записали на плёнку, чтобы по радио передать уже после отъезда. Перед отплытием из Германии Субхас написал (на бенгали) письмо Сарату, где сообщил, что оставляет в Европе жену и дочь, и просил: «В моё отсутствие, пожалуйста, продемонстрируй им такую же любовь, какую ты дарил всю жизнь мне самому»²⁹⁴. Собственное будущее было для автора письма темно, и предвидел он всё, что угодно. В 1948 г. Сарат с женой и тремя детьми посетит Вену и тепло примет Эмили и Аниту в круг семьи.

8 февраля 1943 г. Нетаджи и его личный секретарь и переводчик Абид Хасан прибыли в порт Киля и взошли на борт немецкой подводной лодки U-180. За себя Бос оставил Намбийяра. Чтобы исключить утечку информации, не посвятил в план отъезда даже ближайших сподвижников: покидая Берлин, объявил им, что отправляется в долгую инспекционную поездку. Лишь в июне они узнают из газет, что Бос достиг Сингапура²⁹⁵.

По оценке историков, Нетаджи попытался сделать невозможное — выковать на чужбине солдат-националистов из наёмников, подчас оторванных от земли крестьян, чтобы вести войну, цели которой они понимали плохо. Пока Бос находился в Германии, всё держалось на нём; когда он уехал, порядок рухнул. Легион был расквартирован в Кёнигсбрюке под Дрезденом, и Намбийяру удавалось не отпускать его на Восточный фронт. Однако затем два батальона перебросили в Нидерланды оборонять участок Атлантического вала, и уже в апреле 1943 г. из-за этого вспыхнул мятеж. Немецкое командование разослало зачинщиков в карательные лагеря, но в течение года произошли ещё три мятежа. Тогда легион включили в состав вермахта, а позднее войск СС и отправили под Бордо. К этому времени его некоторые солдаты, долго находясь вдали от родины, оказались так культурно дезориентированы, что предпочитали говорить друг с другом (!) не на родном урду, а на ломаном немецком. При попытке уйти в Швейцарию Индийский легион попал в плен к американцам. Что касается секции радио Центра Индии, то через полгода после отъезда Боса она из-за участвовавших бомбёжек Берлина была переведена в голландский город Хилверсум, а после открытия второго фронта в 1944 г. размещена в Хельмштедте в Нижней Саксонии.

Индийский легион стал первой, неудачной, попыткой Боса создать для своей страны армию XX в. не под эгидой Британской империи. Вторая попытка будет предпринята намного ближе к Индии географически, в странах с многочисленной индийской диаспорой, и будет отвечать конкретным военным планам мощного врага британцев. Поэтому она станет относительно удачнее.

²⁹⁴ *Bose S.C. Letters to Emilie Schenkl, 1934–1942 / Ed. by S.K. Bose and S. Bose. Calcutta: Netaji Research Bureau, 1994. P. XIX.*

²⁹⁵ См.: *Roy P. Op. cit. P. 87.*

8. С Японией против Раджа (1943–1945)

Япония была ещё одной страной, к которой наряду с Россией и Германией тянулись антибритански настроенные индийцы. Она восхищала всю Азию как уникальный случай восточной страны, которая не только избежала колониальной участи, но и сама в период реформ Мэйдзи (1867–1912) превратилась в промышленную и военную державу, да ещё нанесла военное поражение европейским странам — тем же России в 1905 г. и Германии (в Китае и на Тихом океане) в 1914 г. Все видели, как Япония приучила Запад к мысли, что с ней надо считаться, а из Великой войны вышла третьей военно-морской державой мира.

Поистине взлетел престиж Японии в глазах азиатов в 1941–1942 гг., когда она расправилась с колониальными империями в Юго-Восточной Азии. Не имевшие аналогов победы Японии показали всему афро-азиатскому миру, что белый человек не всесилен. В глазах колониальных народов изгнание японцами европейцев из целого региона было почти волшебством. Япония умело использовала произведённое ею впечатление, бросая лозунги «Азия для азиатов!», «Вон белых варваров из Азии!» и т.п., и до поры получала от них приличные политические дивиденды. Если в Китае её агрессия была неприкрытой, то в странах Юго-Восточной Азии её встречали как освободителя. Глаза народов региона откроются позднее.

Когда Бос отплыл из Германии, на его родине надежда на свободу в обозримом будущем угасала: накал движения «Вон из Индии!» был уже сбит. 9 февраля 1943 г. Ганди, которого держали под арестом во дворце Ага-хана²⁹⁶ в Пуне (провинция Бомбей), объявил 21-дневную голодовку в знак протеста против репрессий властей в отношении Конгресса. Однако низшая точка для Британской империи была пройдена: под аль-Аламейном в Египте был разбит Роммель (начал отступать 2 ноября 1942 г.), а под Сталинградом — генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс (последняя группировка сдалась 2 февраля 1943 г.). Поэтому британский кабинет решил, что на этот раз Ганди можно позволить умереть. В случае его смерти вице-король Линлитгоу должен был известить Лондон по телеграфу кодовым словом «Рубикон», и власти уже завез-

²⁹⁶ Ага-хан — наследственный титул главы шиитской общины исмаилитов-низаритов. Руководивший тогда общиной Ага-хан III (сэр Султан Мухаммад Шах, 1877–1957) был основателем и почётным председателем Мусульманской лиги.

ли на территорию дворца Ага-хана несколько сот фунтов сандалового дерева, чтобы без шума кремировать Махатму²⁹⁷. Однако умерщвление плоти, которое он постоянно практиковал, помогло ему пережить трёхнедельную голодовку.

Выйдя из Киля, подводная лодка с Босом обошла вокруг Шотландии, чтобы избежать глубинных мин в Ла-Манше, и дозаправилась севернее Азорских островов. Между тем в Британии в Правительственной школе кодов и шифров в Блетчли-парке, 12 марта 1943 г. состоялась встреча сотрудников трёх спецслужб — Индийской политической разведки, разведки МИ-6 (Секретной разведывательной службы) и контрразведки МИ-5 (Службы безопасности). Для них плавание Боса через Атлантику и Индийский океан не было тайной двух океанов. Радиосообщения германского флота, закодированные шифровальной машиной «Энигма», британцы читали ещё с июня 1941 г.²⁹⁸ Участники встречи должны были оценить разведанные о Босе и решить, что с ним делать: ведь в Азии он был способен нанести Британии куда больший вред, чем в Европе.

При желании британцы могли перехватить Боса в океане — но не стали этого делать. Во-первых, как перед немецкой бомбардировкой Ковентри в 1940 г., спецслужбы опасались, что, если будут реагировать, самым этим фактом раскроют существование своей программы криптоанализа *Ultra*, а возможно, и её американского аналога *Magic*. Американцы к этому времени изловчились взламывать японские коды, что, в частности, позволило им в апреле 1943 г. сбить самолёт главнокомандующего имперским флотом (1939–1943) адмирала Ямамото Исороку. Во-вторых, сыграл роль фактор Бхагат Рама Тальвара в Афганистане: сохранение столь ценного канала разведанных не позволило британцам ликвидировать их первоисточник. Благополучно проведя Боса в эту страну в 1941 г., Тальвар объективно спас его ещё раз в 1943-м.

В ходе плавания Бос диктовал секретарю Абид Хасану исправления для книги «Индийская борьба» и готовился к беседе с премьер-министром Японии генералом Тодзэ Хидэки. Немецкая подводная лодка прибыла в Мозамбикский пролив, в воды нейтральной Португалии, колонией которой был Мозамбик, и 26 апреля встретила с японской подводной лодкой I-29, которая пришла сюда из малайского порта Пинанг. Море было беспокойным, и два индийца смогли пересечь с одной субмарины на другую (с помощью надувной лодки) лишь через день.

Смена Босом подводной лодки стала во время Второй мировой войны единственным случаем такой пересадки пассажиров в водах, где противник имел преобладание. Смертность на немецких подлодках превышала 80%, и риск был огромным²⁹⁹. Бос и его спутник встретили у японского экипажа тёплый приём. Если это и не была родная Индия, по меньшей мере это была родная Азия. 6 мая 1943 г. японская субмарина высадила индийцев на берег, но не в Пинанге (чтобы избежать британских лазутчиков), а на островке Сабанг, к северу от Суматры. Небольшой истребитель с несколькими остановками домчал Боса до Токио, где 16 мая 1943 г. его разместили в престижной гостинице «Тэйкоку» («Имперская»).

²⁹⁷ *Brendon P.* The Decline and Fall of the British Empire, 1781–1997. L.: Vintage Books, 2008. P. 398–399.

²⁹⁸ *Hinsley F.H.* British Intelligence in the Second World War. Abridged Edition. L.: H.M. Stationery Office, 1993. P. 126.

²⁹⁹ *Bose S.* Op. cit. P. 235.

С Тодзё Бос встретился лишь 10 июня. Отчасти Индия не была в списке приоритетов премьер-министра из-за уже начавшихся неудач в тихоокеанской войне с США. Отчасти же японское руководство всё ещё толком не знало, что делать с индийским гостем. Однако встречаться с Тодзё Бос не торопился и сам: понимал, что положение японского премьера у себя в стране в корне отличается от положения вождей тоталитарных обществ в Европе³⁰⁰. Предварительно Бос хотел создать лобби индийской независимости среди японской правящей элиты. До Тодзё он успел повидаться с начальником Генерального штаба армии (1940–1944) Сугиямой Хадзимэ, министром иностранных дел (1943–1944) Сигэмицу Мамору и другими высокопоставленными лицами.

Встретившись с Тодзё, Бос произвел на него большое впечатление силой своей личности, поэтому через четыре дня японский премьер встретился с ним ещё раз, с участием Сигэмицу. Если были у Тодзё сомнения в способности индийской общины играть в войне активную роль, Бос их развеял, а Тодзё ситуацию схватывал быстро: недаром в бытность начальником военной полиции Квантунской армии в Маньчжурии в 1935 г. получил за острый ум прозвище Бритва. Индийского гостя он заверил в безоговорочной поддержке своей страны. 16 июня Боса пригласили на заседание имперского парламента, где премьер объявил, что для дела индийской независимости Япония сделает всё возможное. 19 июня Бос провёл пресс-конференцию, где повторил, что гражданское неповиновение должно перейти в вооружённую борьбу. Добываясь военной помощи Японии против Британии, сразу дал понять, что индийцы не останутся в стороне от конфликта двух держав, и говорил, что за свободу индийцев требуется заплатить их собственной кровью. Из Токио Бос возобновил радиопередачи, призывая соотечественников воспользоваться войной для завоевания независимости и не вникать в британскую пропаганду. Однако пока он полагался не столько на 377 млн. жителей Британской Индии, сколько на 3 млн. индийцев в странах Юго-Восточной Азии. Индийская община региона была той синицей в его руках, с помощью которой он рассчитывал добраться и до журавля.

Комплекс экономических, социальных и культурных связей Индии с Индокитаем и Нусантарой (Малайским архипелагом) уходит корнями в последние века до н.э. Неслучайно из-за мощного индийского влияния на культуру Юго-Восточной Азии европейцы называли этот регион Великой Индией (по аналогии с Великой Грецией на юге античной Италии). Именно здесь, а не в Индии воздвигнуты крупнейший в мире храмовый комплекс индуизма — Ангкор-Ват в Камбодже (XII в.) и крупнейшая буддийская ступа — Боробудур на Яве (IX в.). Вхождение Бирмы и Малайи в состав Британской империи в XIX в. дало индианизации этих стран новый импульс: началась массовая иммиграция индийцев, в основном тамилы, — *кули* (батраков на плантациях), ремесленников, предпринимателей.

Между тем отношения японских оккупационных властей с индийской общиной стран Юго-Восточной Азии оставляли желать лучшего. Начались эти отношения в 1941 г. хорошо — из-за панasiatской демагогии японцев. В сентябре под руководством начальника разведки 15-й японской армии майора Фудзивары Иваи-

³⁰⁰ Опыт Боса в который раз подтвердил верность концепции японского неуправляемого государства, которую предложил голландский аналитик Карел ван Волферен (см.: *Wolferen K. van. The Enigma of Japanese Power: People and Politics in a Stateless Nation*. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1989. P. 25–49).

ти (1908–1986) была создана организация Фудзивара-кикан (ведомство Фудзивара). Её задачей было привлечь на сторону Японии индийских националистов в Юго-Восточной Азии, а по возможности и малайских султанов и даже китайскую диаспору. Вскоре штаб-квартира организации была перемещена в Бангкок. Там Фудзивара установил контакт с сикхом по имени Притам Сингх Дхиллон (1910–1942). Будучи членом панджабской революционной организации «Гхадр», он участвовал в планировании армейского бунта в Лахоре в 1915 г., а теперь возглавлял в Таиланде антиколониальную организацию индийских эмигрантов.

Пытаясь сделать индийцев инструментом японской политики, сам Фудзивара, похоже, искренне верил в общность интересов двух народов³⁰¹. Он знал, что индийцы не одобряют японских действий в Корее, Маньчжурии и Китае, поэтому считал, что Япония не должна навязывать Индии своих принципов и методов³⁰². Майор писал: «Мы должны остерегаться макиавеллиевской политики и, опираясь на идеи свободы и равенства, всеми силами помочь Индии достичь независимости и побуждать индийский народ к сотрудничеству в установлении нового порядка Великой Восточной Азии»³⁰³. В ходе завоевания японцами Малайи Фудзиваре удалось расположить к себе ещё одного влиятельного сикха — пленного капитана 14-го панджабского полка Мохана Сингха (1909–1989). Взывая к его патриотическим чувствам, Фудзивара и Притам Сингх заверили его, что японцы не видят в индийцах врагов.

Через два дня после капитуляции Сингапура, 17 февраля 1942 г., японские оккупационные власти собрали индийских военнослужащих сдавшейся британской армии в парке Фаррер. Там подполковник Дж. Хант официально передал их под начало Фудзивары, а тот, в свою очередь, — под начало Мохана Сингха. Фудзивара выступил перед индийцами с яркой речью, в которой призвал их освободить Родину, обещал всемерную поддержку своей страны и подал идею основать Индийскую национальную армию (ИНА). Спустя ещё два дня такая армия во главе с Моханом Сингхом начала — при содействии японцев — формироваться. Всего в её ряды вступили 20 тыс. из 45 тыс. индийских пленных³⁰⁴.

Почему индийские солдаты и офицеры Британской империи почти в одночасье массово пошли служить в антибританскую армию? Мотивы были разными.

Во-первых, стремление индийцев избавиться от статуса военнопленных, который грозил скверным обращением оккупационных властей и депортацией на далёкий Тимор или другие острова. Во-вторых, намерение вернуться к британцам через сдачу в плен. Это относилось к тем индийцам, которые оставались всё же лояльными Британии, — хотя наиболее лояльные вступать в ИНА просто отказались. В-третьих, стремление избавить Родину от того, что они — кто втайне, кто полу-сознательно — считали чужеземным владычеством. Таких идейных новобранцев было тоже немало. В-четвёртых, роль сыграла харизма Мохана Сингха, который горячо убеждал соотечественников внести вклад в освобождение родной страны.

³⁰¹ Применительно к индийцам термин «народ» употреблён здесь не в строгом этнологическом смысле.

³⁰² Sareen T.R. Op. cit. P. 79.

³⁰³ Japan's Greater East Asia Co-prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents / Ed. and introd. by J.C. Lebra. Kuala Lumpur etc.: Oxford University Press, 1975. P. 125.

³⁰⁴ Рассчитано по: Lebra J.C. The Indian National Army and Japan. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2008. P. 83.

Что же определило выбор «идейной» категории пленных? На него серьёзно повлияла британская политика в англо-индийской армии в вопросах продвижения индийцев по службе, доверия к ним и обращения с ними офицеров. Хотя в межвоенный период власти взяли курс на постепенную индианизацию армии, в 1939 г. индианизированные части составляли всего 1/8 её общего состава и менее 1/10 престижных боевых частей³⁰⁵. К 1941 г. офицеров-индийцев насчитывалось уже 596 человек, но соотношение британцев и индийцев в офицерском корпусе всё же составляло 12:1³⁰⁶. К этому добавлялись различия в жалованье: рядовой-индеец получал в месяц (25 рупий) втрое меньше коллеги-британца в Индии же, а лейтенант-индеец (350 рупий) — вдвое меньше³⁰⁷. Это не считая такой «мелочи», как расовая дискриминация в офицерских клубах.

ИНА в противоположность этому сулила индийским офицерам перспективы быстрого продвижения по службе и командования частями в реальном бою. Переброска британцев вышла контрпродуктивной. Показательно, что в ИНА не пошли офицеры-индийцы с королевским патентом — те, у кого за плечами было образование в метрополии: привилегированная средняя школа (*public school*), затем престижная Королевская военная академия в Сандхерсте. Однако таких было немного, гораздо больше — офицеров с индийским патентом, окончивших военную академию в самой Индии, в г. Дехрадун в пригималайских горах Шивалик. Что уж говорить о двух других категориях индийских офицеров — с вице-королевским патентом и вообще без патента³⁰⁸. Стремление индийца вступить в ИНА было обратно пропорционально степени его связи с британским обществом.

Отчуждению и пленных индийцев, и индийского населения Юго-Восточной Азии от британцев способствовал сам факт их поспешного ухода из региона под натиском японцев: индийцы ощутили себя брошенными. Кроме того, хотя, согласно международному праву, пленные офицеры (независимо от расы и национальности) должны содержаться в одном лагере, а низшие чины — в другом, вновь дало себя знать расовое высокомерие британцев. Их командование с готовностью согласилось на требование японцев отделить всех индийцев, включая офицеров, — как будто более в них не нуждалось и ответственности за их дальнейшую судьбу не несло³⁰⁹. Как с горечью вспоминал служивший тогда капитаном англо-индийской армии Шах Наваз Хан (1914–1983), у него было ощущение, что его «передали как скот»³¹⁰. Постоянно требуя от индийского военнотружущего полной преданности, британец в минуту, злую для него, сам дал ему моральное право и повод от этой преданности отказаться.

Какими бы ни были мотивы вступавших в ИНА, её формирование оказалось значительно большим успехом, чем усилия Боса среди пленных индийцев в Евро-

³⁰⁵ *Cohen S.P.* The Indian Army: Its Contribution to the Development of a Nation. Berkeley etc.: University of California Press, 1971. P. 414.

³⁰⁶ *Ibid.*

³⁰⁷ *Ghosh K.K.* The Indian National Army: Second Front of the Indian Independence Movement. Begum Bridge; Meerut: Meenakshi Prakashan, 1969. P. 61.

³⁰⁸ *Ibid.* P. 62–65.

³⁰⁹ *Gill N.S.* Story of the INA. New Delhi: Publications Division, 1985.

³¹⁰ *Fay P.* The British Perception of Netaji... P. 22.

пе. Неслучайно он стремился быть поближе к Индии: понимал, что здесь у его дела есть перспективы. Кстати, именно Мохану Сингху быстро пришла в голову мысль пригласить возглавить ИНА Боса. Сикхский капитан считал, что ни сам он, ни кто-либо другой из видных индийцев в Юго-Восточной Азии для столь важной роли не годится, тогда как в лагере «оси» находится один из индийских политиков первой величины. Чуть позднее, в марте 1942 г., у индийской общины Юго-Восточной Азии возникла и единая общественно-политическая организация: в Токио прошла конференция делегатов индийских антиколониальных организаций стран региона, на которой они объединились в Лигу индийской независимости.

Однако вскоре отношения индийской общины с японскими властями стали портиться. По пути на учредительную конференцию Лиги в авиакатастрофе погибла группа националистов, включая Притама Сингха. (В той самой катастрофе, как утверждали британские СМИ, и погиб Бос.) По странному совпадению к намерениям Японии все эти лидеры были настроены скептически. Их гибель позволила японцам провести в руководители Лиги кандидатуру Рашбехари Боса (1886–1945). Как и Притам Сингх, этот бенгалец, однофамилец Субхаса, имел в Индии террористическое прошлое, организовал в Дели метание бомбы в вице-короля (1910–1916) лорда Хардинга, а с 1915 г. жил политическим изгнанником в Токио. Женился на японке, успел натурализоваться и Японии пел только дифирамбы. Покровителя Рашбехари Бос нашёл в лице Тоямы Мицуру (1855–1944) — духовного лидера влиятельного Общества Чёрного дракона (Кокурюкай) и горячего поборника панasiatизма. С командующим ИНА Моханом Сингхом отношения у Рашбехари не сложились: свободолюбивый сикх не без оснований считал его японским рупором.

После падения Сингапура японское командование заменило Фудзивару, нашедшего общий язык с индийцами, полковником Ивакуро Хидэо (1897–1970). Японская служба, отвечавшая за связи с индийским движением, стала называться Ивакуро-кикан. Её новый начальник был прагматиком, к компромиссам был не склонен, а индийцев использовал ради краткосрочных военных целей — как проводников, лазутчиков, переводчиков, а также как рабочую силу при строительстве аэродромов в Таиланде и на Калимантане. Мохан Сингх всё отчётливее видел, что японцы стремятся использовать ИНА в своих интересах. Особенно раздражала индийских военных надменность японских офицеров. Не для того они порвали с Британской империей, чтобы согнуться перед новыми спесивыми начальниками.

На конференции Лиги индийской независимости в Бангкоке в июне 1942 г. 126 её делегатов назвали главной целью своего движения независимость Индии, а единственным истинным выразителем интересов её народа — ИНК. Делегаты учредили руководящий орган Лиги — Совет действий — и приняли резолюцию из 35 пунктов. В числе прочего они потребовали от Токио всецело передать контроль над ИНА индийцам, признать её равной по статусу армии Японии и её союзников, перед вторжением в Индию подтвердить Лиге, что осуществляется оно в соответствии с пожеланиями ИНК, а также обещать признать после грядущего освобождения Индии её территориальную целостность и полный суверенитет³¹¹. Тодзё и его генералов такой напор озадачил.

³¹¹ Voigt J.H. Op. cit. S. 206.

Одним из пунктов резолюции Лига сделала требование к Японии пригласить из Германии знаменитого однофамильца своего председателя. В стремлении заменить одного Боса другим выразилось недовольство индийской общины откровенной прояпонской позицией Рашбехари. Ещё майор Фудзивара в декабре 1941 г. отметил, что все индийцы, каких он встречал в Таиланде и Малайе, восторгались Субхасом и доходило это почти до религиозного поклонения.

Однако подготовка к переезду Боса затянулась, а от ответа на Бангкокскую резолюцию по пунктам правительство Японии уклонилось. На переговорах с членами Лиги в октябре 1942 г. сотрудник политического отдела военной администрации Бирмы Ютани не нашёл ничего лучше, как всерьёз спросить их: «Да что плохого в том, чтобы быть марионетками?»³¹² Майор Огава заявил: «Мы всегда держим слово. Можете видеть это по Маньчжурии. Мы дали ей независимость». Мохан Сингх отрезал: «Именно этого мы и не хотим. Кто будет утверждать, что у Маньчжурии есть какая-то независимость?»³¹³

Отчаявшись улучшить индо-японские отношения, Мохан Сингх издал приказ о расформировании ИНА. Тогда несговорчивого сикха арестовала *кэмпзйтай* (японская военная полиция) и отправила под домашний арест на островок в Джохорском проливе. Более 4 тыс. солдат и офицеров ИНА, которые выступали против Рашбехари Боса, были высланы на Новую Гвинею и другие южные острова Тихого океана³¹⁴. В то же время Рашбехари в феврале 1943 г. заверил соотечественников, что Субхас Бос уже едет принять командование. Япония стала надеяться, что приезд авторитетного политика усмирит отбившееся у неё от рук индийское население Юго-Восточной Азии.

2 июля 1943 г. Нетаджи вместе с Абид Хасаном и Рашбехари Босом прилетели из Токио в Сингапур, который японцы переименовали в Сёнан (Свет Юга). Наконец перед Босом открывались перспективы масштабной деятельности. Три миллиона индийцев Юго-Восточной Азии сулили ему широкую социальную опору. Причём это были не только оторванные от дома военнопленные, как в Северной Африке и Европе. Помимо военнослужащих капитулировавших англо-индийских частей это были члены живой полной жизнью многочисленной диаспоры. По сути, то была мини-Индия.

4 июля в сингапурском 16-этажном небоскрёбе «Катай» (первом в Юго-Восточной Азии) состоялось заседание Лиги индийской независимости, на котором Субхас принял у Рашбехари руководство организацией. Оказанный членами Лиги горячий приём ошеломил его. Впрочем, он и сам их ошеломил. Выступив с характерной для него пламенной речью, Бос выразил убеждённость в грядущей победе держав «оси», но призвал избегать недооценки врага³¹⁵. Говорил на хиндустани, а в паузах его переводили на тамиль: «Что точно он говорил, неважно... Ему предстояло произнести так много речей в следующие несколько дней, а затем в следующие два года, что в умах слушателей их содержание, должно быть, неизбежно

³¹² *Toye H. The Springing Tiger: A Study of the Indian National Army and Netaji Subhas Chandra Bose.* New Delhi etc.: Allied Publishers, 2009. P. 42.

³¹³ *Schrenck-Notzing C. Hundert Jahre Indien. Die politische Entwicklung 1857–1960. Eine Einführung.* Stuttgart: Kohlhammer, 1961. S. 102.

³¹⁴ *Hauner M.* Op. cit. P. 600.

³¹⁵ *Selected Speeches of Subhas Chandra Bose.* P. 179–181.

Ил. 8. Бос на параде ИНА в Сингапуре (1943).

смешалось. Однако все сходятся в том, что зал он взял штурмом. Когда он закончил, человека, место которого он занял, уже практически забыли»³¹⁶.

В рукописном календаре важных событий напротив июля 1943 г. Бос поместил просто: «Начал работу». Взялся и за улучшение индо-японских отношений: убедил Токио сменить полковника Ивакуро на полковника Ямамото Бина, с кем имел дело в Берлине как с военным атташе. Ямамото отошёл от практики именовать ведомство по делам индийцев по его руководителю и дал ему оптимистичное название Хикари-кикан (Светлое ведомство), а штаб-квартиру перевёл из Бангкока в Сингапур.

На следующий день после принятия на себя руководства гражданской организацией индийских патриотов Нетаджи объявил о воссоздании организации военной, т.е. Индийской национальной армии (хиндустани *Āzād Hind Fauj*, англ. *Indian National Army*). 5 июля на площади перед правительственным зданием Сингапура он, надев военную форму, принял командование над 13 тыс. индийских солдат и выступил перед ними с речью³¹⁷. Таким образом, японцы и Мохан Сингх облегчили Босу организаторскую задачу. Если в Германии ему пришлось создавать военную часть с нуля, в Юго-Восточной Азии зародыш армии был уже создан до него. Однако, если Мохан Сингх рассматривал ИНА лишь как военную организацию, Бос сделал её авангардом движения всего индийского населения региона.

В речи перед армией Бос бросил боевой клич «Вперёд на Дели!» (хиндустани *Dillī chalo!*). Это было обращение к исторической памяти индийцев: с таким кличем выступили сипаи в городе Мератх, с бунта которых началось индийское восстание 1857–1859 гг. Бос назвал Сингапур некогда оплотом, а теперь кладбищем Британской империи и заявил, что выжившие герои проведут парад победы на другом её кладбище — в Красном форте Дели. Напомнил, что Вашингтон и Гарибальди смогли освободить свои страны только благодаря тому, что каждый располагал

³¹⁶ Fay P.W. *The Forgotten Army: India's Armed Struggle for Independence, 1942–1945*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993. P. 202.

³¹⁷ Гунта А. Указ. соч. С. 159.

армией. Назвал солдат ИНА пионерами в благородном деле и обещал, что будет с ними «и в горе и в радости, и в страданиях и в победе»³¹⁸.

В ИНА и вообще к индийцам Юго-Восточной Азии Бос перенёс из Германии всю принятую там для Индийского легиона символику — гимн «Джана-гана-мана» на слова Тагора, приветствие «Джай Хинд!» и трёхцветный флаг. В его центр вновь поместили гандистскую чаркху: прялка вернула себе место, занятое было тигром. Этим Бос хотел подчеркнуть, что делает одно дело с оставшимся в Индии Конгрессом. Внушал военнослужащим ИНА и особый девиз: «Единство, вера, самопожертвование» (хиндустани *Ittifāq, e 'imād, qurbānī*).

В июле–сентябре 1943 г. Нетаджи ездил по странам региона, выступая перед соотечественниками и бросая лозунг «Тотальная мобилизация для тотальной войны»³¹⁹. Дотошно вникал в дела и хватал информацию на лету. Как вспоминал полковник ИНА Прем Кумар Сехгал (1917–1992), когда он вёз Босу на автомобиле на один из митингов, тот забросал его вопросами, как правильно выразить ту или иную мысль на урду, а, приехав на место, использовал в своей речи выражения, которые только что узнал, все до одного³²⁰.

Ораторское искусство приносило Босу большой успех. Не менее 18 тыс. индийцев пополнили ряды ИНА, а десятки тысяч вступили в местные отделения Лиги индийской независимости и занимались снабжением новой армии³²¹. Помимо прочего, в ИНА был сформирован женский полк, который назвали в честь почитаемой национальной героини Индии *рани* (княгини) княжества Джханси — Лакшми Баи (1828–1858), которая была одним из лидеров антибританского восстания и погибла в бою. Женский полк прошёл военную подготовку, но его основной задачей было, конечно, принять заботу о раненых и больных. Созданием этого полка Бос надеялся сделать войну за освобождение подлинно всенародным делом и ещё больше воодушевить мужчин.

По словам соратника Босу по Берлину Г.К. Мукерджи, «настоящее величие Субхаса заключалось в его способности организовывать людей на какое-то решительное дело. Она была тем более примечательной, если учесть условия нашей страны и наш национальный характер. Мы так привыкли к неточному (*loose*) мышлению и неорганизованной жизни, что для большинства из нас организованное общество кажется почти нежелательным... Организовать таких людей всегда нелегко, а ещё труднее было сделать это во время войны, когда по разным причинам такие люди оказались за рубежом. Однако и в Европе, и в Восточной Азии Субхасу удалось сформировать из такого бедного материала, каким мы были, эффективную армию и сплочённую политическую организацию для поддержания этой армии. Причём сделал он это, не обещая каких-либо наград, и в обстоятельствах, которые более мелкую по масштабу личность лишили бы терпения. С одной стороны, ему пришлось иметь дело с немцами и японцами, а с другой — преодолеть наше собственное отсутствие опыта организованной политической работы в совершенно непривычной среде... Никто, кро-

³¹⁸ Selected Speeches of Subhas Chandra Bose. P. 184.

³¹⁹ Ibid. P. 188.

³²⁰ Fay P.W. The Forgotten Army... P. 208.

³²¹ Bose S. Op. cit. P. 246.

ме Субхаса, не смог бы убедить нас согласиться на тяжкий труд с такой радостью, и я уверен, что никакой другой индийский лидер не смог бы поддерживать существование такой команды, как наша, в течение долгого времени. Его глубокое понимание людей, способность постичь недостатки других и великая способность обратить их в положительные качества были уникальными. Каким бы ни было суждение о Субхасе истории, она никогда не смогла бы недооценить его почти беспримерный организационный гений. Если бы Субхас выбрал другую карьеру, скажем, промышленника, его вклад в наше индустриальное возрождение, несомненно, был бы не меньшим, чем у Джамшеджи Таты или сэра П.Ч. Рая»³²².

Параллельно приёму добровольцев Бос организовал масштабный сбор денег. К октябрю 1943 г. ведавший финансами подполковник-бенгалец А. Чаттерджи собрал почти 2 млн. долларов Проливов³²³; ожидал, правда, что вербовка и обучение солдат потребуют средств впятеро больше³²⁴. Как мы помним, принципом Боса было: принимая помощь извне, Индия никому не должна быть своей свободой обязана. Из этого следовало: чем больше соберут соотечественники, тем меньше придётся опираться на чужую помощь, которую Нетаджи и без того рассматривал лишь как заём.

Бос не сумел бы поднять соотечественников в Юго-Восточной Азии на национальное дело, если бы не выработал метода их сплочения ещё в Индии. Нетаджи наводил мосты и между религиозными общинами, и между имущественными группами, что было труднее. Поразительно, что энтузиазм в жертвовании средств на общее дело демонстрировали, как мужик из стихотворения в прозе «Два богача» И.С. Тургенева, главным образом средние и низшие слои, тогда как верхушка делала это неохотно. Прося денег у зажиточных предпринимателей, Бос сначала полагался на добровольные взносы, но когда столкнулся с безразличием, припугнул: заявил, что в состоянии войны частной собственности нет, а жизнь и имущество людей принадлежат Индии. В выступлении 26 октября 1943 г. возмутился: «Богачи спрашивают меня, сколько процентов их богатств означает тотальная мобилизация — десять или пять? Я хотел бы спросить этих людей, которые говорят о процентах: можем ли мы велеть нашим солдатам пролить в сражении лишь 10% своей крови, а остальную сберечь?»³²⁵ В 1944 г. для обложения налогом предпринимателей он учредил из их же представителей специальные органы; те оценивали собственность состоятельных индийцев и изымали 10–25% в качестве налога. Впрочем, не будь Боса, японские оккупационные власти изыали бы гораздо больше, если не всё³²⁶.

³²² *Mookerjee G.K.* Op. cit. P. 223. Джамшеджи Насарванджи Тата (1839–1904) — крупный предприниматель из общины парсов (индийских зороастрийцев), считается отцом индийской промышленности. Сэр Профулло Чондро Рай (1861–1944) — бенгальский химик и предприниматель.

³²³ Доллар Проливов — валюта британской колонии Поселения Проливов (*Straits Settlements*), которую составляли три порта в Малайе: Пинанг, Малакка и Сингапур. Только они и считались владениями Британии в этой стране, а основная часть Малайи управлялась косвенно, через резидентов при султанах. «Потомки» доллара Проливов сегодня — малайзийский рингит и сингапурский доллар.

³²⁴ См.: *Vas E.A.* Op. cit. P. 158.

³²⁵ *Selected Speeches of Subhas Chandra Bose.* P. 209.

³²⁶ *Райков А.В.* Индийское «государство» в Юго-Восточной Азии в годы Второй мировой войны // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. М., 1997. № 2. С. 59.

Защищая идеи равенства, Нетаджи однажды отклонил эксклюзивное приглашение жрецов шиваитского храма Шри Тхендайютхапани тамильской торговой касты *четтияров* в Сингапуре на праздник Дашехру³²⁷. Принял приглашение лишь тогда, когда жрецы согласились устроить приём для представителей всех каст и даже конфессиональных общин. Принцип религиозной терпимости Бос активно внедрял и в ИНА. В Индии «секулярный национализм позднеколониальной эпохи довольно легко принял формы религиозной или этнической мажоритарности... основанные на понятии прав дискурсы о секулярном единообразии обычно заканчивались ничем, в то время как дискурсы, фокусировавшие внимание на кровавой жертвенности и кровном братстве, были успешными. Возможно, Босу было легче добиться успеха на заморской территории, где одержимость почвой, несмотря на отсылки к священной земле Индии, была меньше, чем на родине с её территориальным национализмом. У антиколониализма ИНА были как территориальные, так и экстерриториальные черты. Бос весьма успешно ковал индуистско-мусульманское единство в то время, когда в самой Индии уже отчётливо проступал раскол по религиозному принципу... Его стратегия предполагала борьбу с религиозными предрассудками без попадания в ловушку секуляристов, которые делали религию врагом нации»³²⁸.

Первая дивизия ИНА была сформирована и прошла подготовку в Малайе. В ноябре 1943 г. её перебросили в Бирму. Дивизия делилась на три бригады, которые ещё Мохан Сингх назвал в честь Ганди, Азада и Неру. Сохранив эти названия, Бос тоже акцентировал свою лояльность ИНК. В отличие от Индийского легиона в Германии все офицеры ИНА были индийцами. Правда, она полностью зависела от японского командования в снабжении оружием, боеприпасами, продовольствием. Кстати, оружие японцы индийцам отпускали не своё, а трофейное англо-индийской армии, причём только стрелковое. Военной техники, автотранспорта и даже современных средств связи индийцам не полагалось. Однако за статус и численность ИНА Бос боролся упорно. Начальника Генерального штаба маршала Сугияму Хадзимэ он сумел убедить формально рассматривать ИНА как союзную армию и инициировать обучение второй и третьей дивизий по 10 тыс. человек. В начале 1944 г. общая численность ИНА достигнет 40 тыс. солдат и офицеров³²⁹.

Поработать Босу пришлось и с командующим в Юго-Восточной Азии маршалом Тэраути Хисаити (1879–1946): тот заявил было, что роль ИНА должна ограничиться полевой пропагандой. У Боса видение задачи индийской армии было противоположным. Он настаивал, что она должна находиться на острие вторжения в Индию. Маршал, которого Бос сумел расположить к себе с самого начала, согласился опробовать в бою один полк. Общались они, кстати, по-немецки (в начале XX в. Тэраути работал военным атташе в кайзеровской Германии).

Из стран Юго-Восточной Азии особое место в планах Боса занимала Бирма — сопредельная с Индией страна, которая должна была стать плацдармом вторжения туда (до 1937 г. она была провинцией Индийской империи, затем получила ста-

³²⁷ Индуистский религиозный праздник в сентябре или октябре в честь победы бога-царя Рамы над царём демонов Раваной на острове Ланка.

³²⁸ Bose S. Op. cit. P. 258.

³²⁹ Видьявачаспати И. Бхаратия свадхинта-санграм ка итихас (История борьбы за независимость Индии). Дели: Саста сахитья мандал-пракашан, 1965. С. 377 (хинди).

тус отдельной страны). Бос прибыл в Рангун накануне того, как Япония 1 августа 1943 г. формально провозгласила независимость Бирмы. В стране возникло правительство во главе с национальными лидерами — доктором Ба Мо (1893–1977) и генералом Аун Саном (1915–1947). Судьба Аун Сана, которого в Бирме почитают «отцом нации», напоминает судьбу Боса: генеральный секретарь антиколониальной «Ассоциации “Наша Бирма”» и коммунистической партии, он в начале войны отказался сотрудничать с британцами, увидел в Японии союзника, бежал туда с группой соратников, основал в Бангкоке Армию независимости Бирмы и в 1942 г. вернулся вместе с японскими войсками, изгнавшими британцев. Правда, к концу войны Аун Сан, видя неминуемое поражение японцев, перейдёт на сторону антигитлеровской коалиции. Хотя, по его мнению, так наилучшим образом будут обеспечены шансы Родины на освобождение, здесь Аун Сан покажет себя менее принципиальным политиком, чем Бос, который не обратит оружия против помогшей ему державы в трудный для неё час, кем бы она ни была.

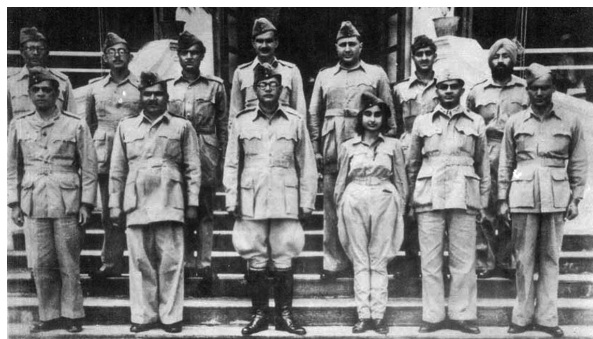
Уместно подчеркнуть, что независимость Бирме Япония дала ненастоящую: страна входила в Великую восточноазиатскую сферу сопроцветания, в ней оставались гарнизоны оккупантов. Официальная смена власти была созданием ширмы: Япония пыталась поднять свой престиж в обстановке неудач в войне с США и роста недовольства населения, которое успело ознакомиться с «благами» сопроцветания. (В октябре 1943 г. такую же «независимость» японцы даровали Филиппинам.) Бос, к сожалению, реального положения дел не видел или не хотел видеть: в своих выступлениях выгодно сравнивал японскую политику в Бирме с пустыми обещаниями британцев в Индии. Правда, формально японцы пошли в самом деле дальше своих колониальных соперников.

Между тем Бенгалию в 1943 г. поразил голод — самый масштабный в Южной Азии в XX в. В отличие от предыдущих вспышек эта была полностью вызвана природными факторами: с захватом японцами Бирмы её экспорт риса в Индию был прерван. Британцы усугубили проблему, уничтожив в устье Ганга несколько тысяч лодок с целью помешать возможному японскому вторжению в Бенгалию. Число жертв голода превысило 3 млн. человек³³⁰. Бос предложил правительству Индии оградить её мирное население от ужасов войны и принять в дар голодающим от Лиги индийской независимости 100 тыс. т зерна³³¹. Однако британцы, готовые воевать до последнего индеец, отвергли предложение, да ещё проследили, чтобы оно не попало в газеты.

Для Индии Бирма была не только традиционным поставщиком риса. С ней были связаны символы индийской борьбы с Британской империей. В Рангун после показательного суда в 1858 г. был отправлен в ссылку последний шах Могольской империи и видный урдуязычный поэт Бахадур II Зафар (правил в 1837–1857 гг.). Томились в бирманских тюрьмах и репрессированные индийские националисты, включая Тилака и самого Боса. 26 сентября 1943 г. Бос устроил у гробницы Бахадур-шаха в Рангуне парад и молитву. То была попытка вновь мобилизовать историческую память индийцев о Первой войне за независимость, как часто называют в Индии восстание 1857–1859 гг.

³³⁰ A History of Modern India, 1450–1950 / Ed. by C. Markovitz. L.: Anthem, 2002. P. 471.

³³¹ Voigt J.H. Op. cit. S. 254.

Ил. 9. Временное правительство свободной Индии
(октябрь 1943 г.).

Вскоре Нетаджи сделал следующий после воссоздания армии логичный шаг. 21 октября 1943 г. на митинге в Сингапуре с участием 50 тыс. человек³³² он провозгласил создание Временного правительства свободной Индии (хиндустани *Ārzī-Hukūmat-e Āzād Hind*, англ. *Provisional Government of Free India*). Ключевые должности в этом органе Бос сосредоточил в своих руках: назначил себя одновременно главой государства, премьер-министром, министром иностранных дел и военным министром³³³. Это пример в истории того, как (формально) независимое государство выросло из своего посольства, создание которого предшествовало его собственному созданию. Мы помним, что в Германии Бос пользовался статусом посла; получив в распоряжение больше ресурсов, сделал шаг дальше.

К концу ноября Временное правительство свободной Индии признали девять государств лагеря «оси», включая три главных из них (правда, фашистская Италия к тому времени съёжилась до Республики Сало). К досаде Боса, не признала его вишистская Франция. Похоже, давала себя знать «колонизаторская солидарность»: оставаясь второй колониальной державой мира, Франция не собиралась признавать орган, который рассчитывал заменить собой «законную» колониальную администрацию, пусть и другой метрополии. Правительство Боса открыло консульства в Бангкоке, Сайгоне, Токио и других городах. Если Временное правительство Индии в Кабуле в годы Первой мировой войны было органом горстки революционеров без социальной опоры, то Временное правительство свободной Индии в Сингапуре имело солидную поддержку соотечественников, пусть и не в самой Индии. Кстати, государственный аппарат правительству Боса строить не пришлось: его функции стала выполнять Лига индийской независимости.

В ночь на 24 октября Временное правительство Боса официально объявило войну Британии и США. Не все соратники были уверены, что в число врагов стоит включать американцев: ведь индийцы с ними не ссорились. Однако Бос объяснил, что присутствие войск США в Индии — «мрачная реальность», которая сделает

³³² Lütt J. Das moderne Indien, 1498 bis 2004. München: Oldenbourg, 2012. S. 85.

³³³ Pettibone C.D. The Organization and Order of Battle of Militaries in World War II. Vol. VII. Germany's & Imperial Japan's Allies, Co-belligerent and Puppet States. Bloomington (IN): Trafford, 2012. P. 412.

задачу ИНА победить британцев «вдвойне трудной»³³⁴. В Дели американцы ещё в 1942 г. разместили штаб-квартиру своего Китайско-бирманско-индийского театра военных действий под началом генерала Джозефа Стилуэлла (1883–1946). После создания в октябре 1943 г. Юговосточноазиатского командования союзников авиация США составляла половину (1230) боевых самолётов коалиции в регионе, а её доля среди транспортных самолётов была и того выше³³⁵.

Добиваясь международного признания своего правительства, Бос был больше озабочен его легитимностью в глазах соотечественников. Поэтому на одном из митингов у него вырвалось обещание ступить до конца 1943 г. на землю Индии. И всё же люди были важнее территории, тем более в ситуации, в какой оказался Бос. Его государство пыталось объединить разбросанную по разным странам Юго-Восточной и Восточной Азии индийскую диаспору. В одной отечественной работе оно удачно названо виртуальным³³⁶, но, быть может, ещё уместнее назвать его сетевым. Это по необходимости сетевое (диаспорное) государство было в миниатюре той Индией, к которой Бос стремился в Южной Азии. Зарубежным индийцам Временное правительство давало возможность принять гражданство не чужой страны, а собственной — в надежде на воссоединение с Родиной. Не отделяя себя от «большой Индии», государство Нетаджи по сути было политически оформленным движением ирредентизма.

Гражданами этого государства считались все индийцы, вступившие в Лигу индийской независимости, а таких в конечном счёте оказалось 1,8 млн. человек³³⁷. В одной Малайе их число превысило два лакха³³⁸. При Босе отделения Лиги появились не только в Малайе, Бирме и Таиланде, где проживало больше половины индийской общины региона, но и в Индонезии, на Филиппинах, в городах Китая, в Маньчжурии и Японии. Лига имела радиостанции в Сингапуре, Бангкоке и Токио и издавала пять газет — по две на английском и хиндустани и одну на тамиле. Для большинства индийцев Юго-Восточной и Восточной Азии правительство Боса было единственным средством получить уверенность в турбулентном мире военной эпохи. Деятельность Боса внесла немалый вклад в пробуждение политического самосознания и у живших бок о бок с индийской диаспорой коренных народов Юго-Восточной Азии. Когда первый премьер-министр (1957–1970) независимой Малайзии Тунку Абдул Рахман прилетел в Калькутту, он заявил журналистам: «Из пыли нас поднял Нетаджи»³³⁹.

Как и можно было ожидать, сетевая природа государства Боса вошла в противоречие с территориальной природой государств, в которых проживали его граждане. Сразу возникли трения по вопросу реального гражданства индийцев, а конкретнее — по вопросу о том, кому они должны платить налоги. Например, власти Таиланда обязывали индийских жителей страны платить налоги в свою пользу, так что окончательно вопрос решён не был³⁴⁰.

³³⁴ Bose S. Op. cit. P. 258.

³³⁵ Callahan R. Burma, 1942–1945. L.: Davis-Poynter, 1978. P. 148.

³³⁶ Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. Указ. соч. С. 254.

³³⁷ Райков А.В. Индийское «государство» в Юго-Восточной Азии... С. 61.

³³⁸ Видьявачаспати И. Указ. соч. С. 376.

³³⁹ Guha S. Op. cit. P. 15.

³⁴⁰ Райков А.В. Индийское «государство» в Юго-Восточной Азии... С. 61.

У правительства Боса было два источника средств — японские займы и взносы граждан (добровольные пожертвования либо регулярные налоги). Каждому из этих источников «соответствовали» две категории военнослужащих ИНА. По договорённости Боса с начальником японского Генерального штаба маршалом Сугиямой содержание личного состава ИНА — бывших военнопленных индийцев — легло на Японию, тогда как расходы на содержание военнослужащих, набранных уже из гражданского населения, несло Временное правительство.

По тому же соглашению Япония взяла на себя расходы на содержание и тех павших в плен индийцев, которые в ИНА не вступили. Однако, по сути, они оставались военнопленными и употреблялись на разные вспомогательные работы, а их труд был практически подневольным. Вообще, нельзя обойти молчанием следующий факт: вынужденный действовать в определённых рамках, Бос должен был делать вид, что не замечает беспощадной эксплуатации оккупантами индийского населения и пленных, в ИНА не вступивших³⁴¹. И всё же определённую степень защиты от произвола японцев его государство, пусть и созданное под их же эгидой, давало.

Будучи по ряду признаков государством (*state*), индийская квазиполития Юго-Восточной Азии имела черты патримонии: присягу военнослужащие ИНА принесли лично Босу. Если важная черта государства — абстрактность этого понятия, его нетождественность ни правителю, ни управляемым³⁴², то в патримонии понятие власти не отделено от её носителя. Поэтому в политиях патримониального типа каждому новому правителю чиновники и воины приносили отдельную присягу, а разделения государственного и дворцового хозяйства не существовало. Патримониальные черты государства Боса имели истоком не только Индию, для которой патримония исторически была политической нормой, но и, как это ни удивительно на первый взгляд, Британию, где и сегодня военнослужащие приносят клятву верности не государству или Родине, а царствующему монарху. Присягу королю-императору присягой себе лично заменил Мохан Сингх, а Бос пошёл по его стопам. Важность присяги отражала личную природу лояльности, и военнослужащие ИНА сильно зависели от характера лидера, а не от прямой лояльности абстрактным принципам³⁴³. Впрочем, постоянными призывами всем пожертвовать ради Индии Бос пытался внушить такие принципы гражданам своего государства. Это несколько роднит его с Петром I, который впервые в русской истории внедрил понятие служения не только царю, но и отечеству.

Важной сферой деятельности Временного правительства стала социальная — разнообразная помощь индийскому населению, прежде всего беженцам. Поскольку из-за войны тысячи индийцев в Малайе и Бирме потеряли работу и жильё, Бос создал центры для снабжения их продовольствием и оказания им медицинской помощи. В Малайе по его распоряжению были вырублены участки в джунглях, которые роздали беженцам для обработки. Было налажено начальное образование детей на хиндустани. Была учреждена организация Бал сена (Детская армия) для детей от шести до 16 лет. Она обеспечивала их физическую и военную подготовку перед вступлением в

³⁴¹ Там же. С. 53.

³⁴² *Crevelde M. van. The Rise and Decline of the State. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1999. P. 1.*

³⁴³ *Cohen S.P. Op. cit. P. 151.*

ИНА. В рамках скромных материальных возможностей была проделана большая работа, укрепившая авторитет Боса среди индийцев, надежды которых на помощь со стороны нового правительства хотя бы частично оправдывались³⁴⁴.

В армии Бос уделял внимание укреплению личных связей с офицерами, неожиданно посещал казармы солдат и делил с ними пищу. Ещё Мохан Сингх отменил британскую практику отдельных армейских кухонь и столовых для религиозных общин. ИНА разительно отличалась не только от англо-индийской армии, но и от спектра общественно-политических организаций Индии, отношения которых друг с другом нередко оставляли желать лучшего. Армия Боса выступала образцом единого антиколониального фронта индийцев всех религий, этносов и каст.

Выступая за единство и равенство, упразднить касту путём бытового общения военнослужащих Нетаджи не пытался: понимал, что это не под силу никому, да и сам всегда помнил о своём высококастовом происхождении. По сути, он стремился перевести армейские столовые в категорию сфер, где принципы кастового поведения не действуют. Хотя, по представлениям индуистов, тесное общение представителей разных каст грозит ритуальным осквернением, кастовая система Индии — чрезвычайно гибкий институт. В борьбе за выживание она использует ряд принципов, в том числе принцип необходимости: совершать какие-то запрещённые действия вообще нельзя, но если нет выбора, то допустимо³⁴⁵. Происходит «компартиментализация» кастового и некастового поведения индийцев: в тех сферах, где следовать кастовым предписаниям затруднительно, им просто не следуют. Так, не распространяются они на транспорт, кафе, парламент³⁴⁶. Ради повышения сплочённости армии Мохан Сингх, а за ним Бос ограничивали область применения кастовых предписаний ещё более.

Чтобы исключить в ИНА уже нараставшую в Индии тенденцию мусульман к отдельной идентичности и сецессии, Бос проводил политику их положительной дискриминации (как прежде — в бытность главным исполнительным чиновником Калькуттской корпорации). Командующим первой дивизии он назначил раджпута-мусульманина генерал-майора Мухаммада Замана Киани (1910–1981). По трём бригадам Бос собрал лучших людей и сформировал из них четвёртую (неофициально её стали называть бригадой имени Субхаса) под началом другого раджпута-мусульманина, полковника Шах Наваз Хана. В русле той же политики он не навязывал мусульманам индуистскую патриотическую песню «Ванде Матарам». В положительной дискриминации мусульман Бос дошёл до того, что слова для девиза ИНА «Единство, вера, самопожертвование» выбрал из языка урду, а не хинди (*иттифак, этимад, курбани* — арабские заимствования). Поставил в ИНА и эксперимент с языком: все военнослужащие учили хиндустани в латинском написании³⁴⁷. Помимо прочего, выковывание армии из представителей разных народов Индии было призвано разрушить упомянутый (см. гл. 1) колониальный стереотип воинственных и невоинственных народов.

Работал Нетаджи много, а спал всего три часа в сутки. Для своих солдат он «был человеком, который сочетал чёткое видение ситуации командующего офице-

³⁴⁴ Райков А.В. Индийское «государство» в Юго-Восточной Азии... С. 58.

³⁴⁵ Алаев Л.Б. Средневековая Индия. СПб.: Алетейя, 2003. С. 33.

³⁴⁶ Там же. С. 33–34.

³⁴⁷ Gordon L.A. Op. cit. P. 108.

ра с замечательным знанием мировых дел. Для офицеров его технические знания и понимание военных вопросов были откровением, а его личное обаяние и дружелюбие трогали за душу. Офицеров в его доме всегда приветчали. Бос часто играл с ними в бадминтон и предлагал им переодеться в его одежду. В индийском обществе, где лидеры вели себя как боги, его поведение было поведением смертного. Так, если к нему домой приходил обедать офицер и нужно было помыть руки, Бос протягивал мыло или полотенце — простой жест, который производил большое впечатление. Для гражданских лиц, привыкших к робким политикам, это был деятель, который знал, как функционирует политика, боролся в Индии с крупнейшими фигурами, общался с Гитлером, Муссолини и Тодзё, но в то же время говорил на языке, вполне понятном для всех»³⁴⁸.

5–6 ноября 1943 г. в Токио прошла Великая восточноазиатская конференция — встреча в верхах с участием Тодзё и почти всех глав государств или правительств союзников Японии: Маньчжоу-го, нанкинского режима Ван Цзинвэя, Филиппин, Таиланда, Бирмы. По сути, это был смотр сателлитов с целью подтвердить их лояльность Японии с учётом затягивающейся войны. Пригласили японцы и Боса. Показательно, что числиться на конференции он предпочёл лишь наблюдателем. Формальной причиной было то, что Индия в регион Большой Восточной Азии просто не входит. Однако имелась у Боса и более веская причина: понимал, что якобы объединяющее этот регион «сопроцветание» — другое название для японской гегемонии.

Несмотря на статус наблюдателя, именно «внушительная фигура» Боса, по одному из отзывов, доминировала на конференции. Причиной было не только его ораторское искусство, но и то, что в отличие от прочих делегатов он представлял страну, не находящуюся под владычеством Японии. Выступив 6 ноября с речью, Бос заявил, что «международное общество наций» можно создать только на основе «региональных федераций». Официальный японский ежегодник за 1943–1944 гг. назвал речь Боса апогеем всего мероприятия³⁴⁹. Хотя цели японцев были далеки от альтруизма, пять принципов в принятой конференцией общей декларации — справедливость, национальный суверенитет, взаимность в международных отношениях, взаимопомощь и расовое единство — на 12 лет предвосхитили знаменитую резолюцию Панчашилы, которую примут делегации афро-азиатских стран в Бандунге в 1955 г.

Именно успех Боса на конференции убедил Тодзё передать его правительству отторгнутые у Британской Индии Андаманские и Никобарские острова. А на следующий день японцы пригласили индийского гостя выступить на митинге. Приглашение было почти беспрецедентным, так как мало кому из иностранцев позволяли обращаться к японской аудитории. Бос посетил академию, кадетский колледж, военные предприятия, получил аудиенцию у *тэнно* (императора) Хирохито (правил в 1926–1989 гг.).

Перемещаясь между столицами стран Восточной и Юго-Восточной Азии, летал Бос на собственном 11-местном самолёте — подарке Тодзё. Куда бы он ни ехал, требовал теперь всех прав и привилегий главы государства. Некоторые историки видят в этом проявление мании величия, но в любом случае Бос понимал: если хочет воплотить свои грандиозные планы в жизнь, предварительное условие — сде-

³⁴⁸ Bose M. The Lost Hero... P. 379.

³⁴⁹ Voigt J.H. Op. cit. S. 252.

Ил. 10. Выступление Боса
на Великой Восточноазиатской конференции
в Токио (6 ноября 1943 г.).

лать индийское население Юго-Восточной Азии политически сознательным. Прежде чем поднять индийцев на какое-то дело, требовалось сломать сложившиеся в колониальный период стереотипы, интериоризированные ими самими, убедить их, что они не уступают никому. Кроме того, через внешние атрибуты Бос стремился сделать Индию субъектом международного права, приучить другие государства уважать её как независимую нацию.

С японцами, правда, это было бесполезно. Позволяя Босу немало, они держали его на поводке, пусть и длинном. Неслучайно пилот и экипаж подаренного ему самолёта были японскими, и когда Бос предположил, что было бы удобнее иметь индийских, Тодзё мягко ответил: «Мой пилот позаботится о Вашей безопасности. И кто знает, не полетит ли Ваш пилот в неверном направлении?»³⁵⁰ Неслучайно и то, что в экипаж входили два японца со знанием хиндустани, которые слушали разговоры Боса с соотечественниками. Так японцы приняли эстафету «опеки» над Босом у гестапо. Кстати, резиденцию Временному правительству свободной Индии они отвели в Сингапуре в том же небоскрёбе «Катай», где разместили собственные департаменты радиовещания и военной пропаганды.

И всё-таки Нетаджи был убеждён, что навязать Индии свою волю Японии не удастся. Ещё 2 июля 1943 г., когда соотечественники обеспокоенно спросили его об искренности намерений японцев, он ответил: «Вы верите, что у меня хватит ума не быть ими одураченным? Тогда поверьте мне на слово... что япошки (*Japs*) не могут нас надуть»³⁵¹.

Из Японии Бос в ноябре 1943 г. слетал в Китай. Японо-китайская война беспокоила его с самого начала, с 1937 г.: по его мнению, два восточноазиатских гиганта занимались не тем, игнорировали общего врага. Всё же симпатии Боса были на сто-

³⁵⁰ Bose M. The Lost Hero... P. 398.

³⁵¹ Ghosh K.K. Op. cit. P. 138.

роне Китая как жертвы агрессии. Когда Неру в августе 1939 г. съездил поддержать правительство Чан Кайши в его вынужденную столицу Чунцин, Бос хотел в октябре последовать его примеру, да британцы не позволили. Теперь поехал на другую сторону фронта, в занятый японцами Нанкин, по приглашению бывшего соратника и лютого врага Чан Кайши Ван Цзинвэя, который после оккупации японцами прибрежного Китая возглавил там марионеточное правительство (1940–1944). Однако в отношении гоминьдановского Китая Временное правительство свободной Индии держалось нейтралитета. Находясь в Шанхае, Бос обратился к китайцам по радио, выразив наивную надежду, что Япония скоро выведет войска из страны посредством «почётно́го мира». Искренне верил в паназиатский универсализм, в то, что азиаты друг с другом договорятся. Хотя Чан Кайши участвовал с Рузвельтом и Черчиллем в Каирской конференции ноября 1943 г. и собирался воевать до конца, речи Боса звучали так убедительно, что даже западные державы стали опасаться, что он поспособствует примирению двух держав Восточной Азии.

29 декабря 1943 г. Нетаджи посетил административный центр оккупированного японцами Андаманского архипелага Порт-Блэр, где контр-адмирал Исигава Сигэру (1889–1947) официально передал его правительству Андаманские и Никобарские острова. Так японцы дали Босу возможность исполнить опрометчивое обещание до конца года ступить на землю Индии, которое он выпалил на митинге. Правда, Бос понимал, что переход архипелагов под его власть — чистая формальность. Когда в феврале 1944 г. в Порт-Блэр прибыл назначенный им главный комиссар островов тамил Аркот Дорайсвами Логанадан (1888–1949) с четырьмя помощниками, японские оккупационные власти позволили ему взять на себя только сферу образования и велели год «учиться работать». Нетаджи утешал себя тем, что начинать всегда приходится с малого.

7 января 1944 г. штаб-квартира императорской армии в Токио наконец отдала приказ, которого так давно ждал Бос, — о вторжении из Бирмы в Северо-Восточную Индию. Японцы начинали операцию «У-го» — наступление на города Импхал и Кохима в провинции Ассам (сегодня это административные центры штатов Манипур и Нагаленд); в западной историографии операцию называют Импхальской. Соответственно, Временное правительство свободной Индии переехало из Сингапура в Рангун, поближе к театру военных действий. Это произошло после трудных переговоров с японским командованием: большинство его членов предпочитало, чтобы Бос держался подальше от фронта.

Не в восторге от его приезда было и правительство «независимой» Бирмы во главе с Ба Мо. Одно дело, когда индийский лидер наезжал в страну с визитами, другое — когда перенёс сюда резиденцию своего правительства. У индо-бирманских отношений сложная история: когда Бирма по итогам трёх англо-бирманских войн XIX в. вошла в состав Британской империи и была административно включена в Индию, в страну хлынули индийские кули, которые вызвали недовольство коренных жителей дешёvizной рабочей силы, а также ростовщики, которых не любят нигде и никогда. Уже в конце 1920-х гг. межэтническая напряжённость вылилась в кровавые столкновения, и неслучайно с бегством британцев из Бирмы страну покинули и 400 тыс. индийцев³⁵². При-

³⁵² Mann M. Geschichte Indiens: vom 18. bis zum 21. Jahrhundert. Paderborn: Schöningh, 2005. S. 264.

езд Боса означал нежелательную для правительства Ба Мо политическую активизацию индийской общины страны; к тому же Бирма оказывалась на передовой схватки двух империй — Японской и Британской. В довершение всего бирманские лидеры, верно, опасались, не захочет ли огромный западный сосед после освобождения от британской власти вернуть их страну в свой состав.

Как прежде Бос отстаивал самостоятельность ИНА на уровне командования в Юго-Восточной Азии, теперь ему пришлось это делать на уровне фронта. Командующий Бирманским фронтом генерал Кавабэ Масакадзу (1886–1965) тоже собирался отвести ИНА вспомогательную роль пропаганды и разведки. Бос настаивал на том, что индийская армия должна сохранять свою идентичность и не развёртываться частями менее батальона. По замыслу Нетаджи, ИНА, пусть численно и уступая японской армии, должна была восприниматься как головной отряд вторжения в Индию. Он утверждал, что первой каплей крови, пролитой на индийской земле в ходе наступления, должна быть капля крови солдата ИНА. Тогда вторжение действительно будет освобождением.

Бос и Кавабэ спорили несколько часов, и наконец японский генерал уступил: бригада имени Субхаса не дробилась на подразделения мельче батальона. Бос, со своей стороны, согласился, чтобы один батальон ИНА участвовал в бою с дивизией, переброшенной британцами из Западной Африки, а два других охраняли стратегические пути в холмах Чин. К сожалению, некоторые историки, описывая отношение японских властей к Босу, нередко отказывают японцам в способности проявлять какие-либо человеческие чувства и полностью игнорируют эмоциональный фактор. Между тем не все милитаристы были жестоки, а были среди них и такие, кто спасал жизни гражданского населения оккупированных стран вопреки приказам и с риском для себя³⁵³. Генерал Кавабэ уважал Боса и чувствовал некую ответственность перед ИНА.

Индийцы начали показывать себя в деле: благодаря разведке и операциям части майора Л.С. Мишры 55-я японская дивизия в феврале 1944 г. сумела поймать в ловушку 7-ю англо-индийскую дивизию на восточном склоне хребта Майю. Так ИНА получила боевое крещение. И всё же для японского командования она оставалась неопытной партизанской армией.

Кроме ключевого вопроса о роли ИНА на фронте имелись и другие спорные моменты с японцами. Одним из них была проблема статуса: кто должен приветствовать друг друга первым — индийский офицер японского или наоборот? Хотя ИНА была сформирована всецело милостью японцев, Бос настаивал, что она — армия союзного Японии суверенного государства. Был достигнут компромисс: решили, что офицеры будут приветствовать друг друга одновременно. Другим спорным моментом были военные законы. Если армии всех сателлитов Японии признавали её военное право, то Бос согласился, что японцы вправе осуществлять весьма ограниченную власть в особых случаях. Работать с ним оказалось трудно не только дипломатам Райха, но и командованию Японии.

Импхальская операция не была первой стадией плана по захвату Индии. Цель операции была скромной, тактической — перерезать англо-американские линии

³⁵³ Gruhl W. Imperial Japan's World War Two, 1931–1945. New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 2007. P. 12–13.

снабжения из Индии войск Чан Кайши во внутреннем Китае, чтобы покончить с ним³⁵⁴. Ещё в декабре 1943 г. военно-морской атташе в Берлине (1940–1943) вице-адмирал Номура Наокуми на переговорах с начальником оперативного штаба верховного главнокомандования вермахта (1939–1945) генерал-лейтенантом Альфредом Йодлем неохотно признал, что для столь масштабной операции, как оккупация всей Индии, у Японии нет ни войск, ни техники³⁵⁵. На Тихом океане Японию всё сильнее теснили США, и в материковой Азии она уже переходила к оборонительной «континентальной стратегии». Другой целью Импахальской операции было нанести британцам превентивный удар, чтобы отбить охоту начать отвоевание Бирмы.

Бос не обольщался: предвидел, что марш на Дели не будет быстрым и лёгким. Предполагал, что с ходу ИНА удастся занять лишь часть страны и постепенно расширять «освобождённый район». Бос рассчитывал, что, когда осаждённый японцами и ИНА Импахал падёт, это разожжёт восстание в Бенгалии и Бихаре. К осени 1944 г. надеялся с триумфом вступить в Калькутту. Программой-минимум Боса было успеть занять достаточно территории, чтобы независимо от исхода войны возникло какое-то свободное индийское государство — сродни тому, которое скоро создаст в Индонезии Сукарно в 1945 г. По замыслу само существование такого государства как некоего антиколониального светоча должно было подтачивать основы британского правления в остальной части Индии, которая должна была к этому государству тянуться. Это напоминает национальную политику большевиков, когда те намеренно признавали титульными нациями союзных республик народы, часть которых проживала по другую сторону границы Союза без своей государственности. Цель состояла в том, чтобы путём демонстрационного эффекта создавать за рубежом очаги ирредентизма.

18 марта 1944 г. японские части и бригада имени Субхаса под командованием полковника Шах Наваз Хана перешли индо-бирманскую границу. 22 марта Тодзё объявил в парламенте, что земля Индии, по которой идёт ИНА, будет полностью передана под управление Временного правительства. Бос имел опыт «передачи под управление» (Андаманские и Никобарские острова), но надежды на реальное освобождение страны не терял. В связи с этим разработал подробный план создания гражданской администрации освобождаемых территорий. Ещё в Сингапуре учредил Колледж реконструкции, где бывший индийский магистрат готовил будущих гражданских служащих Индии. В начале марта на индийскую границу прибыла группа примерно из 70 будущих администраторов³⁵⁶.

По вопросам управления отвоеванными территориями Босу вновь пришлось препираться с японскими властями. Острых вопросов было два — учреждение Банка свободной Индии (*Azad Hind Bank*) и председательство Индо-японского совета военного сотрудничества. Бос заявил, что правительство Индии создаст свой банк, а японским банкам действовать в стране не позволит. В вопросе о председателе совета выступил против того, чтобы им становился японец. Индийцам нравилась сознательно демонстрируемая их лидером на переговорах надменность на грани высокомерия.

³⁵⁴ Райков А.В. Опаснейший час Индии. С. 218.

³⁵⁵ Hauner M. Op. cit. P. 570.

³⁵⁶ Bose S. Op. cit. P. 271.

Переговоры с японцами были сложными. Как рассказал позднее министр гласности и пропаганды Временного правительства тамил Суббайяр Аппадурай Айер (1898–1980), нередко японцы полностью игнорировали выслушанные аргументы и просто твердили свои требования. Создавалось впечатление, что они хотят взять противоположную сторону измором. Однако коса нашла на камень. Когда японские переговорщики собирались уходить, Бос брал листок бумаги и говорил: «Только несколько небольших вопросов». Японцы опять усаживались — и оказывались втянутыми в новую масштабную дискуссию³⁵⁷.

В вопросе о банке Бос японцев дождал и 5 апреля 1944 г. объявил об учреждении национального банка. Уставный капитал был определён в 50 лакхов рупий. Собрать его Босу помогли состоятельные члены индийской общины. Один мусульманин-миллионер из Рангуна пожертвовал 20 лакхов, а внести остальные 30 сагитировал своих друзей³⁵⁸. С вопросом о председательстве в совете военного сотрудничества было труднее. Бос понимал, что, если японцы навяжут своего председателя, рычагов воздействия на них не будет. Единственным оружием Нетаджи были высокое моральное состояние ИНА и её преданность своему делу. В ходе переговоров он порой угрожал разорвать сотрудничество, набрать подразделение из 500 смертников и лично отправиться на фронт. На японцев это всегда действовало хорошо, так как отвечало духу их традиции полной самоотдачи делу и самопожертвования³⁵⁹. Майор Фудзивара считал, что среди индийцев Бос ближе всех подошёл к понятию японского самурая. Недаром каста каястха, к которой принадлежал Бос, причисляла себя к воинской варне кшатриев.

Главным администратором освобождённых территорий Бос назначил своего бывшего министра финансов подполковника А. Чаттерджи. К началу апреля 1944 г. Временное правительство наладило выпуск почтовых марок и отпечатало пробные бумажные деньги. В разгар наступления на Импхал Бос переехал из Рангуна ещё ближе к индийской границе, в городок Маймь под Мандалаем. Там разместился генерал-лейтенант Мутагути Рэнъя (1888–1966) — командующий 15-й японской армией, которой были приданы части ИНА.

Британцы следили за участием ИНА в Импхальской операции и по радио из Лондона клеймили Боса как предателя. Поскольку снабжением войск Чан Кайши из Бенгалии занимались не только они, но и американцы, Бос и ИНА привлекли внимание и американских СМИ. Журналист нью-йоркской газеты *The Saturday Evening Post* в статье «Будущий фюрер Индии» (выпуск от 11 марта 1944 г.) писал: «Субхас Чандра Бос, глава спонсируемого японцами “свободного индийского” правительства в Сингапуре, сделался крупнейшей и самой зловещей фигурой держав “оси” в войне в Азии. Он — агент Гитлера и орудие японцев. Вместе с тем он сильно возвышается над всеми другими марионетками, которых поставили державы “оси”; он — фюрер, мастер интриги, который воюет от собственного имени»³⁶⁰.

³⁵⁷ Bose M. The Lost Hero... P. 404.

³⁵⁸ Сабри И. Тарих-э Азад Хинд фаудж (История Индийской национальной армии). Дели: Ала пресс, 19---. С. 102 (урду).

³⁵⁹ Bose M. The Lost Hero... P. 405.

³⁶⁰ Цит. по: Bose S. Op. cit. P. 274.

Нью-йоркский журнал *Time* (выпуск от 17 апреля 1944 г.) пронизательно отметил, что много важнее численности ИНА «один взрывоопасный факт: вооружённый и антибритански настроенный индеец стоит сегодня на индийской земле и призывает соотечественников восстать против Раджа»³⁶¹.

Весь апрель 1944 г. казалось, что японские войска и ИНА вот-вот возьмут и Импхал, и Кохиму. В начале операции Бос посоветовал генералу Мутагути не перерезать дорогу между этими городами, а оставить британцам путь к отступлению на запад: те, избегая окружения, предпочтут отступить, а японцы и ИНА хлынут за врагом на равнины Ассама и Бенгалии. Однако генерал не послушал совета и осадил Импхал, убедив себя, будто поймал в сеть крупную рыбу. Между тем совет Боса был здравым: не имея путей к отступлению, осаждённые защищались в Импхале отчаянно. К тому же они имели численный перевес: 85-тысячной японской армии и шеститысячной ИНА противостояли англо-индийские, западноафриканские и американские войска общей численностью 155 тыс. человек³⁶². В довершение всего осаждённые располагали танками и артиллерией, тогда как японцы были налегке: пришли по бездорожью через густые джунгли и понадеялись, что технику в таких условиях заменит боевой дух Ямато (древнее самоназвание Японии).

Вопреки надеждам Боса Импхальская операция провалилась. Против японцев работало время: имея сверххастяжение сил на Тихом океане, они не сумели обеспечить войскам ни поддержки с воздуха, ни снабжения. Транспортная инфраструктура в этих местах неразвита и поныне, а в годы Второй мировой войны — тем более. Юго-восточнее японцы в 1942–1943 гг. проложили сквозь джунгли Индокитая печально известную Тайско-Бирманскую железную дорогу, но между Бирмой и Индией аналога такой дороги не было. К тому же припасов генерал Мутагути выдал войскам лишь на три недели, рассчитывая добрать их на англо-индийских складах после падения Импхала. Однако город держался. Осаждающие выживали на рисе вперемишку с травой. Их трудности усугубил индоокеанский муссон, который в 1944 г. пришёл рано, к концу третьей недели мая. Ряды осаждающих стала косить малярия.

10 июля японское командование сообщило Босу, что другого выхода, кроме отступления, нет. И японская армия, и ИНА отходили деморализованными. Покрытые джунглями холмы Чин и Нага на индо-бирманской границе называют одним из самых неблагоприятных для человека мест на Земле. Неудивительно, что в отсутствие транспортных коммуникаций японо-индийское отступление сопровождалось огромными потерями от голода, тифа, дизентерии. Японцы из 85 тыс. участвовавших в Импхальской операции солдат и офицеров потеряли не менее 53 тыс., ИНА из 6 тыс. — 3,6 тыс.³⁶³.

Прилетев из Сингапура обратно в Рангун, Бос в выступлении по радио 21 августа 1944 г. признал провал операции. Однако утешал себя и слушателей тем, что рядовые ИНА получили «крещение огнём», а её командование — «бесценный опыт», и рассчитывал на повторный бросок на Импхал³⁶⁴. Затем выехал встретить отсту-

³⁶¹ Цит. по: *Ibid.*

³⁶² *Voigt J.H.* Op. cit. S. 255; *Kane T.M., Lonsdale D.J.* *Understanding Contemporary Strategy*. L.; N.Y.: Routledge, 2012. P. 171.

³⁶³ *Voigt J.H.* Op. cit. S. 255.

³⁶⁴ *Selected Speeches of Subhas Chandra Bose*. P. 219, 221.

Ил. 11. Антибританская листовка
в ходе Импхальской операции (1944).

пающие части. Об авторитете Боса многое говорит высказывание одного офицера ИНА. Когда на допросе после войны британцы спросили его, что же он получил в обмен на страдания под Импхалом, он ответил просто: «Меня обнял Нетаджи»³⁶⁵.

Описывая роль ИНА в военной кампании, источники резко расходятся. В воспоминаниях британских военных эта роль выставлена мизерной, а масштаб дезертирств из ИНА в англо-индийскую армию — внушительным. Сохранившиеся отчёты ветеранов ИНА, напротив, говорят о мужестве её солдат в локальных боях перед лицом сильно превосходящего противника. Правда, после операции численность ИНА в Бирме сильно увеличилась. Согласно отчёту британской разведки от 2 октября 1944 г., к сентябрю она благодаря подкреплениям из Малайи выросла примерно до 20 тыс. человек, что должно было «сделать ИНА крупной проблемой безопасности»³⁶⁶.

Что касается дезертирства, его случаи были, и не единичные, но массовым оно не было. Так, из около 1900 военнотружущих бригады имени Ганди к 30 июня 1944 г. сдались или попали в плен всего 116 человек³⁶⁷. Более того, в первые недели боёв в бирманской прибрежной области Аракан (искаж. Ракхайн) более 100 солдат-индийцев перешли из англо-индийской армии в ИНА. Согласно упомянутому отчёту разведки, если бы ИНА всё же удалось спуститься на равнины Ассама, дезертирство из 14-й армии генерал-майора Уильяма Слива (1891–1970) могло стать почти поголовным, на что и рассчитывал Бос.

К тому же ИНА вела против своего индийского аналога психологическую борьбу. Теперь, когда дело дошло до соприкосновения с противником на фронте, к радиообращениям добавились листовки с призывами на хинди, урду и бенгали. Их главным мотивом было наличие у индийцев по обе стороны фронта общего врага — Британии. Её олицетворял толстый капиталист в шляпе и с сигарой в зубах,

³⁶⁵ Bose S. Op. cit. P. 282.

³⁶⁶ Ibid. P. 283.

³⁶⁷ Fay P.W. The Forgotten Army... P. 294.

помесь Черчилля и собирательного образа англичанина — Джона Булля. Он держал индийского солдата на цепи как собаку, сидел у него на шее и плетью гнал в бой с соотечественниками или просто жировал на заднем плане. На одной из листовок этот символ Британии опасно высовывается из-за горизонта с пластырем на лбу, наблюдая, как индеец даёт британским солдатам хорошего пинка и они летят из Индии.

Правда, британцы сами были мастерами психологической борьбы. Ещё в 1943 г. Юговостоочноазиатское командование союзников учредило отделение контрпропаганды. Этот орган издавал листовки и еженедельные новостные бюллетени на японском, бирманском и индийских языках, вёл радиопередачи. В контрпропаганде британцы выставляли солдат ИНА лишь жертвами обмана Японии, а Боса — квислингом, который домогается власти под её контролем. Подробности об ИНА они от индийских солдат и общественности скрывали, что говорит о серьёзности её угрозы в их глазах. Не зря Бос полагался на психологический эффект неколониальной индийской армии, вступившей в пределы собственной страны. Пренебрежительно о Босе и ИНА, их потенциале и угрозе для Раджа британцы отзывались только на публику (индийскую). Об их истинной оценке Боса свидетельствуют полицейские документы 1920–1930-х гг. и 11 арестов бенгальского политика. В секретном письме министру по делам Индии и Бирмы (1940–1945) Леопольду Эмери главнокомандующий англо-индийской армией (1943–1947) фельдмаршал сэр Клод Окенлек признал, что Боса нельзя списать как «просто болтливый инструмент японцев», поскольку с его влиянием на индийских солдат приходится считаться³⁶⁸.

И всё же к концу войны огласка ИНА возникла. В секретном документе британской разведки от 29 января 1945 г. с неудовольствием говорилось, что «пропаганда подконтрольных врагу радиостанций подготовила почву и большинство людей уже знали о существовании “Индийской национальной армии” и “правительства Азад Хинд”... Общая тенденция в националистической прессе — призыв к милосердию в отношении рядовых членов ИНА»³⁶⁹. Как заметил один торговец радио в Бомбее в конце 1942 г., когда индеец покупал приёмник, его обычным вопросом было: «Могу я поймать на нём Германию и Японию?»³⁷⁰. Ещё когда Бос вёл передачи из Берлина, одна лейбористская газета в Британии выразила опасение, что это не «возможность, которая стучится к нам в дверь... а история, которая сносит её с петель»³⁷¹.

Неспособность японцев взять Импхал погубила стратегический план двойного удара по Индии извне (вторжение) и изнутри (восстание). К тому же британцы переловили разведчиков Боса. В годы войны японские подводные лодки высадили у берегов Индии несколько групп лазутчиков-индийцев общей численностью 21 человек; из них 14 были расстреляны или повешены без предъявления обвинения, остальных судили³⁷². В Калькутте полиция разгромила тайник революционеров. В довершение всего Бхагат Рам Тальвар на северо-западной границе Индии продол-

³⁶⁸ Sareen T.R. Op. cit. P. 84.

³⁶⁹ Roy P. Op. cit. P. 133.

³⁷⁰ Fay P.W. The Forgotten Army... P. 419.

³⁷¹ Edwardes M. The Last Years of British India. L.: Cassell, 1963. P. 85.

³⁷² Гунта А. Указ. соч. С. 205.

жал делиться получаемой от Боса информацией с руководством компартии, а та передавала её британской разведке.

В середине октября 1944 г. Бос опять прибыл в Рангун и устроил совещание с командирами ИНА. 18 октября он едва не погиб во время парада, когда это место атаковали истребители союзников. Вскоре Бос вместе с командующим ИНА Киани и несостоявшимся администратором индийских территорий Чаттерджи отбыл в Токио по приглашению нового премьер-министра Японии (1944–1945) генерала Койсо Куниаки. Встретили Боса тепло, он получил новый заём (100 млн. иен³⁷³).

Последней возможностью Боса публично выразить взгляды на коренные проблемы Индии стала речь перед студентами и преподавателями Токийского университета в ноябре 1944 г. В этой речи он предостерёг ИНК: если не заняться экономическими проблемами с точки зрения масс, Индия повторит судьбу Китая, расколотого на Гоминьдан и компартию³⁷⁴. Необходимым условием социалистических реформ в экономике независимой Индии, по мнению Боса, была не «так называемая демократическая система», а «государство авторитарного характера, которое будет работать как орган или слуга масс, а не какой-то клики или кучки богачей»³⁷⁵. Касаясь проблемы этнической неоднородности, Бос привёл пример Советского Союза — успешного многонационального государства, в котором проживало ещё больше народов, чем в Индии³⁷⁶. Правда, межобщинную рознь индийцев продолжал наивно сводить к британским козням.

В токийской речи Нетаджи вернулся к высказанной в своей книге идее «синтеза двух систем, который воплотит положительные стороны обеих»³⁷⁷. Считал, что у национал-социализма можно взять способность «создать национальное единство и солидарность и улучшить положение масс», а у коммунизма — плановую экономику³⁷⁸. В советском варианте социализма Боса не устраивал акцент на классовом конфликте (считал, что, если правительство Индии будет выражать интересы масс, «в классовом конфликте нет необходимости»), на рабочем классе (для Индии как страны главным образом крестьянской считал это неактуальным — что сближает Боса с Мао) и на экономическом факторе в жизни человека (по его мнению, в СССР этот фактор преувеличивали)³⁷⁹.

Главной причиной краха Нетаджи было упущенное время в масштабах всей войны. Когда он только приехал в Азию в мае 1943 г., было уже поздно. В войне к тому времени начался перелом: атолл Мидуэй, аль-Аламейн и, конечно, Сталинград. Как раз в апреле 1943 г. Германия и Япония, по сути, признались друг другу, что каждая из них перешла к обороне. Причиной упущенного времени, в свою очередь, было отсутствие координации действий между двумя тяжеловесами «оси», а в конечном счёте — их глухое взаимное недоверие. Достаточно упомянуть

³⁷³ Райков А.В. Опаснейший час Индии. С. 236.

³⁷⁴ Bose S.C. Fundamental Questions... P. 76.

³⁷⁵ Ibid. P. 77.

³⁷⁶ Ibid. P. 79.

³⁷⁷ Ibid. P. 80.

³⁷⁸ Ibid. P. 81.

³⁷⁹ Ibid. P. 81–82.

один эпизод. Когда Мохан Сингх пообщался в Бангкоке с немецкими дипломатами, японские старшие офицеры осудили его за это и конфиденциально, как азиаты азиату, сообщили: враг № 1 теперь — Германия, так как англо-американцы будут в течение года уничтожены, после чего финальная битва за мировое господство развернется между Японией и Германией. Мохана Сингха эти откровения потрясли³⁸⁰.

Видя, что Япония выдыхается, Нетаджи задумался об альтернативе ей как сопоставимому с Британской империей союзнику. На роль такого союзника подходил только СССР. Завязать контакты с ним Бос пытался ещё после переезда в Японию. В архивах КГБ найдено его письмо наркоминделу Молотову от 16 ноября 1943 г., к которому он обратился через посла в Токио (1939–1945) Якова Александровича Малика. Бос пытался склонить Советский Союз к признанию своего Временного правительства. Тогда же отправил своего посла в Омск; послом стал японец Като Котю. Есть свидетельство, что места назначения посол достиг³⁸¹.

Вновь прилетев в Токио в конце 1944 г., Нетаджи 20 ноября написал Малику вторично. Напомнил, что Япония, признавшая Временное правительство свободной Индии, с СССР не воюет, а придерживается нейтралитета; подчеркнул, что индийцы «заинтересованы только в действиях против Англии и Америки»³⁸². «Мне известно, что между советским правительством и правительствами Англии и США сейчас существует союз. Вместе с тем я достаточно понимаю международную политику, чтобы видеть, что это не может помешать советскому правительству оказать нам поддержку в борьбе за независимость. Я с благодарностью вспоминаю помощь, оказанную мне советским правительством после моего отъезда из Индии в 1941 г. ...Обнадёживает меня и то, что Ленин всю жизнь от всего сердца поддерживал колониальные страны в их борьбе за независимость»³⁸³. Напомнил Бос и то, что, когда в 1939–1940 гг. почти все партии Индии осуждали европейскую внешнюю политику СССР, Форвард-блок был единственной партией, которая открыто поддержала его в вопросах заключения договора с Германией и ведения войны с Финляндией. «Более того, мы принадлежим к левому крылу национального движения в Индии, и у нас наиболее прогрессивные взгляды на социальные и экономические проблемы. К тому же наша партия — единственная в Индии, которая до настоящего дня продолжает бескомпромиссную борьбу с британским империализмом в сотрудничестве с рядом других революционных групп. Я очень хотел бы увидеть Ваше превосходительство и получить с помощью Вашего превосходительства поддержку советского правительства в нашей борьбе за независимость»³⁸⁴.

Проницательный Бос уже предвидел конфликт между СССР и его западными союзниками и понимал, что в послевоенном мире именно Советский Союз будет силой, враждебной колониальному хозяину его Родины. Как мы видели, против Советского Союза он не высказывался никогда, даже живя в Германии. Более того, 25

³⁸⁰ Hauner M. Op. cit. P. 492.

³⁸¹ Roy P. Op. cit. P. 103–105.

³⁸² Ibid. P. 121.

³⁸³ Ibid. P. 121–122.

³⁸⁴ Ibid. P. 122.

июля 1943 г., вскоре после переезда в Юго-Восточную Азию, публично воздал хвалу доблести защитников Сталинграда³⁸⁵.

Отвечал ли Малик Босу на его послания и каким образом, остаётся неясным. В Национальном архиве в Дели на этот счёт хранились документы, которые были от туда изъяты³⁸⁶.

10 января 1945 г. Бос вернулся в Бирму, чтобы содействовать организации обороны по реке Иравади. Индийская община Юго-Восточной Азии продолжала жертвовать средства для ИНА: в одной Малайе за две недели января собрали 40 лакхов рупий³⁸⁷. Молодёжь писала кровью клятвы бороться с врагом. 23 января приверженцы Боса отпраздновали его 48-летие. Поздравили Нетаджи на манер чествования шахов Могольской империи — взвесили на весах с грудой золота. Церемония Босу не понравилась, что свидетельствует против идеи мании величия, в которой кое-кто обвинял его: на оказании почестей себе он настаивал на международной арене, приучая и иностранные правительства, и собственных граждан к тому, что Индия — независимое государство.

Между тем Британская империя нанесла Японии в Бирме ответный удар. ИНА отчаянно пыталась сдержать контрнаступление, помогая японцам, но силы были неравны. Бос ездил по фронту, подбадривая солдат. Моральный дух ИНА в целом оставался высоким даже весной 1945 г. Так, при обороне стратегически важной горы Попа командир бригады имени Неру подполковник-сикх Гурбахш Сингх Дхиллон (1914–2006) в письме командиру бригады имени Субхаса полковнику Шах Наваз Хану от 2 апреля заверил: «Мы пожертвуем жизнями, чтобы сохранить честь Азад Хинд Фаудж (ИНА на хиндустани. — К. Ф.). Наличие или отсутствие воды или пайков не повлияет на нашу боеспособность»³⁸⁸.

И всё-таки деморализация не обошла ИНА стороной. Ещё в феврале 1945 г. Бос ошеломило дезертирство пяти штабных офицеров второй дивизии; подпись одного из них вскоре появилась на распространяемых с вражеских самолётов листовках с призывом сдаваться. В марте британцы сбросили на позиции японцев и ИНА более 20 млн. листовок и бюллетеней³⁸⁹. А вскоре против японцев повернул оружие бирманский военный лидер Аун Сан, предложив помощь генералу Слим. Однако, несмотря на это и на этносоциальные конфликты прошлого, индийцы достигли с бирманцами понимания, что друг с другом сражаться не будут.

Положение японцев и индийцев в Бирме ухудшалось. Началось общее отступление. В начале мая в Рангуне капитулировала основная группировка ИНА в Бирме в составе 7 тыс. военнослужащих под началом генерал-майора Логанадана. С войсками численностью около 2 тыс. человек (бригада имени Субхаса и женский полк имени рани Джханси) Бос с 24 апреля по 14 мая совершил трудный переход

³⁸⁵ *Bruce Reynolds E.* The Indian Community and the Indian Independence Movement in Thailand during World War II // *Southeast Asian Minorities in the Wartime Japanese Empire* / Ed. by P.H. Kratoska. — N.Y.: RoutledgeCurzon, 2002. P. 182.

³⁸⁶ Сообщено доктором Пураби Рой в личной переписке.

³⁸⁷ *Bright J.S.* Op. cit. P. 133. Лакх — число 100 тыс. в традиционной математической системе Индии.

³⁸⁸ Appendix. Dhillon – Subhas Bose Correspondence / *Bright J.S.* Op. cit. P. 265.

³⁸⁹ *Vice-Admiral the Earl Mountbatten of Burma.* Report to the Combined Chiefs of Staff by the Supreme Allied Commander, South-East Asia, 1943–1945. L.: H.M. Stationery Office, 1951. P. 254.

через джунгли в Бангкок. Небольшую колонну преследовали британские ВВС и уничтожили все автомобили, после чего поход осуществлялся пешком. Бос отказывался уехать вперёд и возмущённо ответил начальнику Хикари-кикан (1944–1945) генерал-майору Исоде Сабуро: «Думаете, я бирманский Ба Мо, что брошу своих людей и убегу в безопасное место?»³⁹⁰ (Глава «независимого» государства Бирма бежал из страны сразу после начала британского наступления.) Оправдывая прозвище, Нетаджи шёл впереди колонны с ранцем за спиной, как простой солдат. Он много раз обещал своим людям оставаться с ними и в радости, и в горе, поэтому не мог их подвести. Кстати, сейчас его присутствие в их рядах гарантировало им минимальную помощь японцев. Не будь Боса с ИНА, японцы могли покинуть её на произвол судьбы: им по горло хватало собственных забот. Делая хорошую мину при плохой игре, Бос настаивал, что индийцы не бегут от боёв, а лишь передислоцируются с одного поля боя на другое.

Однако к этому времени возникли ещё более грозные симптомы грядущего краха усилий Боса, чем даже британское наступление: предательство в собственных рядах. Это было уже не дезертирство солдат или офицеров, а шпионаж и планы договориться с противником внутри руководства. Британцам удалось завербовать агента в лице начальника штаба ИНА подполковника-маратха Кришнарао Бхонсле (1906–1963). Под кодовым именем В1189 он сообщал в Лондон о перемещениях и намерениях своего лидера. Были и другие проблемы: третьей дивизии Бос велел помогать японцам оборонять Малайю, но в обстановке полного падения японского авторитета местное население, особенно китайская община, стало воспринимать ИНА как часть оккупационных войск. Некоторые историки упрекают Боса в том, что он пошёл на поводу у японцев, отошёл от принципа, согласно которому индийские патриоты могли участвовать в войне только ради свободы Индии. Отчасти упрёк справедлив, но для ИНА действия по обороне Бирмы и Малайи были вместе с тем попыткой не дать колонизаторам вернуться в страны с долей индийского населения, т.е. по сути защитой мини-Индии. К тому же, с точки зрения Боса, эти территории нельзя было терять и как плацдарм для нового броска с целью освободить Родину. Так остро проявилась противоречивая сущность движения Нетаджи.

В первой публичной речи в Бангкоке 21 мая 1945 г. Бос привёл примеры Турции и Ирландии как стран, которые добились независимости перед лицом империализма. Призвал соотечественников продолжать борьбу и уверял, что в Дели ведут многие дороги — необязательно через Импхал. Был разочарован, что солдаты-индийцы вновь сыграли ключевую роль в завоевании британцами Бирмы, но отметил нечто новое, вселявшее надежду: когда солдаты ИНА вступали в контакт с солдатами англо-индийской армии, те признавались, что присоединятся к ним, если ИНА перейдёт к успешному наступлению. Втайне большие сегменты англо-индийской армии сочувствовали делу Боса. Указал и на потенциального нового союзника Индии в завоевании свободы: «Я всегда считал, что если Германия рухнет, это послужит сигналом к началу острого конфликта между Советами и англо-американцами. Этот конфликт уже начался и будет обостряться. Недалеко то время, когда наши враги поймут: хотя им удалось одолеть Германию, они косвенно способствовали

³⁹⁰ Bose M. The Lost Hero... P. 427.

вхождению в сферу европейской политики другой державы, Советской России, которая может оказаться большей угрозой британскому и американскому империализму, чем была Германия»³⁹¹. Помимо прочего, Бос обрадованно отметил, что на Сан-Францисской учредительной конференции ООН (проходила в апреле—июне 1945 г.) советский наркоминдел Молотов поставил под сомнение полномочия «марионеток Британии и Америки, которые приехали представлять соответственно Индию и Филиппины»³⁹².

Советскую тему Бос продолжил 25 мая в радиообращении из Сингапура: «Если в Европе есть сегодня один человек, который держит в руках судьбы европейских наций на несколько следующих десятилетий, то человек этот — маршал Сталин. Поэтому весь мир, и прежде всего Европа, будет с сильнейшим беспокойством следить за шагами Советского Союза»³⁹³.

Несмотря на молчание Москвы, идея контактов с СССР как следующим союзником в борьбе за свободу Индии занимала Нетаджи всё больше. Как в 1943 г. он для эффективности борьбы перебрался максимально близко к Индии, так теперь подумывал перебраться максимально близко к СССР.

В июне 1945 г. японцы просили Боса переместить штаб-квартиру в Сайгон и подчинить ИНА командованию своей Южной армии. Им было уже не до поддержания видимости индийского суверенитета. Насчёт смены штаб-квартиры Бос уступил и отправил посланцев восстановить связи с индийской диаспорой во Вьетнаме. Вместе с тем настаивал, что с китайцами, как и с бирманцами, ИНА сражаться не будет.

В Индии между тем вице-король лорд Уэйвелл пригласил лидеров политических партий на конференцию в пригималайском городе Шимла. В конце июня 1945 г. Бос выступил из Сингапура с новыми радиоречами, призывая Индию не идти на компромисс с империализмом. Стоял за тройственную стратегию достижения независимости: продолжать вооружённую борьбу за пределами Индии, сопротивление внутри страны и дипломатические усилия на международной арене³⁹⁴. Настаивал, что ни одна страна не добивалась свободы без той или иной иностранной помощи. Конференция в Шимле провалилась, хотя не из-за призывов Боса, а из-за позиции Джинны. Мусульманская лига к этому времени чётко знала, чего хочет, — государства Пакистан. Своя правда у индийских мусульман была.

4 июля 1945 г., в двухлетнюю годовщину принятия Босом руководства индийским национальным движением в Юго-Восточной Азии, он выступил в Сингапуре на большом митинге. Присутствующие подтвердили решимость бороться насмерть. Бос, верно, считал, что у него есть время, возможно, до года, чтобы выработать план, пригодный в изменившемся геополитическом раскладе. 8 июля заложил в Сингапуре первый камень памятника погибшим в Индии бойцам ИНА. На гранях строгого монумента были выбиты латиницей слова девиза «Единство, вера, самопожертвование». Тогда же, в июле, Бос, по донесению британской разведки, просил у японского командования в Юго-Восточной Азии разрешения отправиться с

³⁹¹ Selected Speeches of Subhas Chandra Bose. P. 228.

³⁹² Ibid.

³⁹³ Ibid. P. 231.

³⁹⁴ Ibid. P. 236.

несколькими соотечественниками через Маньчжурию в СССР. Формального ответа не получил, но ему посоветовали съездить с этой просьбой в Токио³⁹⁵.

Американская атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа и объявление войны Японии Советским Союзом 10 августа резко приблизили окончание войны в Азии. Босу хронически не везло: как агрессия Райха против СССР перечеркнула его планы в 1941 г., так вступление СССР в войну с Японией в 1945 г. сильно осложнило ему задачу установить контакт со Страной Советов. А 11 августа Бос узнал о намерении Японии капитулировать.

Правительство Боса постоянно собиралось на веранде верхнего этажа его бунгало в Сингапуре. Он и его министры задавались вопросом: что осмелятся сделать с ним британцы, если захватят в плен? Те и сами пока не знали, так как отдавали себе отчёт в огромной популярности Нетаджи. Понимали, что, если судить Боса в Индии, казнить его нельзя, так как «нажим с целью освободить его будет слишком велик»³⁹⁶. В зашифрованной телеграмме новому, лейбористскому, министру по делам Индии и Бирмы (1945–1947) барону Петик-Лоуренсу от 11 августа 1945 г. лорд Уэйвелл предположил: «Может быть, лучше всего обращаться с Босом и его непосредственными сообщниками как с военными преступниками за пределами Индии, и их не следует — повторяю — не следует возвращать в эту страну»³⁹⁷. Таким образом, британцы подумывали судить Боса на месте — в Сингапуре или Малайе. Высказывали ещё вариант: без суда сослать на далёкий от Индии остров, например, в Сейшельском архипелаге. Опыт такого обращения с поверженными врагами Британская империя накопила богатый: в 1839 г. свергнутый афганский амир Дост Мухаммад был выслан в Панджаб (позднее его пришлось вернуть на трон), в 1882 г. египетский военный министр Ахмад Араби-паша был выслан на Цейлон и т.д. — не говоря уже о заокеанской ссылке в 1815 г. самого известного недруга Британии. Подумывали и о том, чтобы оставить Боса там, где он есть, и даже не требовать капитуляции. Не решился же главнокомандующий союзными войсками в Юго-Восточной Азии (позднее последний вице-король Индии, февраль–август 1947 г.) лорд Маунтбаттен отдать под суд Аун Сана. По сути, Бос загнал Британскую империю в цугцванг — положение в шахматах, в котором у игрока нет полезных ходов. Что касается министров Временного правительства, те считали так: если британцы посмеют казнить Боса, Индию захлестнёт такая волна возмущения, что она скинет их власть тут же; если же не посмеют, им и тогда не поздоровится — ведь он продолжит борьбу.

Сначала Нетаджи решил, что его долг — до неминуемого возвращения британцев оставаться в Сингапуре вместе с правительством. Отдельным вопросом стояла ИНА: Бос хотел, чтобы генерал-майор Киани увёл её в джунгли Малайи и оттуда продолжал сопротивление. Однако командующий отказался, не без оснований заявив, что следствием будут репрессии британцев против индийского мирного населения. Понимая тактические преимущества джунглей, Бос своей идеей предвосхитил тактику Малайской армии национального освобождения — китайских повстанцев-коммунистов в Малайе 1950-х годов.

³⁹⁵ См.: *Roy P. Op. cit.* P. 151.

³⁹⁶ Цит. по: *Bose S. Op. cit.* P. 299.

³⁹⁷ *Roy P. Op. cit.* P. 152.

Ил. 12. Бос выходит из самолёта
в Сайгоне (17 августа 1945 г.).

Члены Временного правительства были готовы сдаться сами, но настаивали, что их лидеру это не подходит. То же заявил вернувшийся из Бангкока А.Н. Саркар, который занимал в правительстве Боса пост юридического советника. Бос согласился с этим мнением. Возможно, Саркар сообщил, что британцы станут рассматривать Боса как военного преступника. За шесть дней до этого в Лондоне завершилась конференция юристов держав-победительниц, на которой договорились судить руководство стран «оси» как военных преступников. К тому же Бос к этому времени, должно быть, знал судьбу Муссолини и коллаборационистов в Европе. Лидеры вишистской Франции Анри Петен (глава государства, 1940–1944 гг.) и Пьер Лаваль (премьер-министр, 1942–1944 гг.), Квислинг и другие сотрудничавшие с Райхом деятели уже ждали своей участи в тюрьмах.

15 августа 1945 г. токийское радио официально объявило о капитуляции Японии. В тот же день Нетаджи издал особый приказ по армии и особое обращение к гражданам своего сетевого государства. Их тексты во многом идентичны. В частности, Бос призвал: «Никогда не теряйте веры в судьбу Индии... Индия, безусловно, станет свободной, причём скоро»³⁹⁸. Его заявления нередко бывали риторикой, направленной на то, чтобы желаемое сделать действительным. Однако на этот раз Бос, похоже, ощущал, что ждать действительно осталось чуть-чуть. В самом деле, до обретения страной независимости оставалось ровно (день в день) два года.

Вечером 15 августа Временное правительство собралось обсудить окончательный план действий. К трём часам ночи решили так: ИНА в Сингапуре сдаётся, но

³⁹⁸ Selected Speeches of Subhas Chandra Bose. P. 241.

сам Бос с группой наиболее доверенных лиц летит на северо-восток искать новых союзников. Было решено, что он точно покинет Малайю, определённо переедет на какую-то территорию, контролируемую советскими войсками, а по возможности — в сам СССР. За себя Бос оставил генерал-майора Киани, задачей которого было защищать интересы индийской общины в Малайе и поддерживать порядок в Сингапуре.

Утром 16 августа Нетаджи с тремя соратниками поднялся на борт японского бомбардировщика и вылетел в Бангкок. Утром следующего дня они вместе с начальником Хикари-кикан генерал-майором Исодой Сабуро вылетели оттуда в Сайгон. Здесь возникла опасность, что, избежав британского плена, Бос попадёт в плен к французам. До переворота, совершённого японцами в марте 1945 г., Сайгон был центром французской колонии Кохинхина. Сейчас, после капитуляции Японии, он жил в тревожном ожидании старых хозяев.

Мешкать Босу было нельзя: опасности подстерегали со всех сторон. Ситуацию, в которой он оказался, ярко описывает бенгальская пословица «На земле тигр, в воде крокодил». В тот же день 17 августа из Сайгона отлетал японский бомбардировщик в Тайхоку (японское название административного центра Тайваня г. Тайбэя). В этом самолёте японцы смогли предоставить Босу всего два места. С собой он взял раджапутамусульманина майора Хабиб-ур-Рахман-хана (1913–1978), который в Сингапуре служил заместителем начальника штаба ИНА. Остановиться на Тайване Бос рассчитывал лишь временно. В 5:15 пополудни самолёт покинул Сайгон.

23 августа 1945 г. японское радио объявило всему миру: 18 августа при взлёте из аэропорта Тайхоку потерпел крушение бомбардировщик с Босом на борту; от полученных ожогов индийский политик скончался.

9. Значение Боса в истории Индии

Субхас Чандра Бос — одна из центральных фигур индийской (южноазиатской) истории первой половины XX в. Он прочно вошёл в историческую память и индийцев вообще, и бенгальского народа в особенности. В межвоенный период он вместе с Неру стал общенациональным лидером левых сил, причём при прочих равных был радикальнее будущего первого премьер-министра — как по методам антиколониальной борьбы, так и по поставленным для страны целям. Это и определило политическую судьбу Боса. В народе он пользовался огромной популярностью, так как во многом выражал интересы его широких слоёв. Это же стало причиной острого конфликта Боса с правыми силами в Конгрессе и лично с Ганди. Тот же радикализм ещё в начале 1920-х гг. обеспечил Босу иммунитет от не критичного принятия суждений Махатмы на веру. Этим Бос отличался от всех других общенациональных лидеров Индии. Как образно выразился индийский автор одной из ранних книг о Босе: «Если Ганди — солнце национализма, вокруг которого вращаются все планеты Индийского национального конгресса, то Бос — звезда, следующая по собственной орбите»³⁹⁹. При этом, правда, Бос питал к Ганди большое личное уважение, которое связало ему руки в конфликте вокруг Рабочего комитета в 1939 г. В годы Второй мировой войны тот же радикализм продиктовал Босу отчаянный шаг, благодаря которому он прежде всего и вошёл в мировую историю.

Поскольку Бос не побрезговал союзом с Райхом и милитаристской Японией, но при этом искал помощи у СССР, напрашивается обвинение его либо в непоследовательности, либо в политической беспринципности. В то же время и письма, и речи Боса, и, что важнее, его действия создают образ бескорыстного, увлечённого идеей человека, который стремился не подлаживаться под обстоятельства, а сделать ради этой идеи всё возможное и даже невозможное. Когда премьер-министра Таиланда (1938–1944, 1948–1957) Пхибун Сонгкхрама журналисты в 1944 г. спросили, что такое в его понимании сверхчеловек, он ответил: «Идите и посмотрите на Субхаса Чандру Боса!»⁴⁰⁰ Ради Родины Нетаджи многократно рисковал карьерой (отказ работать на Индийской гражданской службе, готовность к аресту и длительным тю-

³⁹⁹ *Bright J.S.* Op. cit. P. 3.

⁴⁰⁰ *Guha S.* Op. cit. P. 14.

ремным срокам в бытность муниципальным и конгрессистским чиновником), здоровьем (болезни в тюрьмах), жизнью (побег в Берлин почти через всю Евразию, плавание под двумя океанами, опасности на фронте в Бирме). Причём делал всё это не рисуясь. Похоже, сознавал, как будут многие осуждать его за факт сделки с Гитлером и Тодзё, но это его не остановило.

Свою жизнь Бос рассматривал как миссию, будучи убеждённым сторонником индийской независимости. На фоне многих других политиков он был редким по принципиальности деятелем и не шёл на такие компромиссы, которые, по его мнению, не вязались с конечными целями. В политической культуре Индии и в историографии укоренилось мнение, будто именно Ганди настаивал, что достойных целей (свадх, сарвадайя) можно достичь лишь достойными же методами. Однако в современной научной литературе, общественно-политической мысли и массовой культуре Индии последовательность и непогрешимость Ганди уже подвергают сомнению. Деятельность Боса, пожалуй, могла бы служить более подходящим примером последовательности в политике.

Вместе с тем никуда не уходит вопрос коллаборационизма Боса. На международном уровне его цель (свобода Родины), к сожалению, в самом деле подчинила себе средства, побудила искать поддержки лидеров и режимов, в отношении которых ещё в предвоенный период у него самого сложилось не лучшее мнение. Иностранные державы он оценивал прежде всего с точки зрения их потенциальной пользы для интересов Индии; являлся в этом смысле утилитаристом. Впрочем, был в этом не одинок. Биограф Михир Бос сравнил Нетаджи с Джорджем Вашингтоном, который тоже воспользовался помощью иностранной державы — Франции — ради свободы своей страны, не задаваясь вопросом, хорош или плох строй Старого порядка, который вскоре сметёт революция⁴⁰¹. «В геополитической действительности народы и государства, большие и малые, думают в первую очередь о своей собственной судьбе, а не о будущем других держав... Ряд обстоятельств заставил его (Боса. — К. Ф.) обратиться за поддержкой к Германии, Италии и Японии. Он отнюдь не собирался быть марионеткой Берлина, поставщиком пушечного мяса вермахту»⁴⁰². Отрицал и возможность подчинения Индии японцам после изгнания из страны британцев. Одному соратнику сказал: «Неужели кто-то думает, что мы проливаем кровь наших дорогих индийских солдат на поле боя Импхала просто для того, чтобы Япония завладела Индией?»⁴⁰³

В самом деле, сотрудничество с державами «оси» Нетаджи ограничил действиями по подрыву основ Раджа, помогал им только против конкретного противника. Мы видели, как Бос отказался осудить СССР, жертву немецкой агрессии, и пускать Индийский легион на Восточный фронт, а ИНА — на войну с бирманцами и китайцами. Это при том, что от немецкой и японской помощи зависел полностью. Однако рассматривал эту помощь сугубо как займы, которые подлежат погашению и ни к чему Индию не обяжут. Кроме того, пойти на сотрудничество с нацистами ему до известной степени помогло восхищение организационной стороной их дела.

⁴⁰¹ Bose M. The Lost Hero... P. 473.

⁴⁰² Кольцов Р.Н. Субхас Чандра Бос — идеолог и лидер индийского национально-освободительного движения: политические взгляды и деятельность (1921–1945). Владимир: Элефант, 2003. С. 151.

⁴⁰³ Sareen T.R. Op. cit. P. 96.

Оценивая выбор Боса в годы войны с моральной точки зрения, надо помнить и то, что выбор этот был не идейным, а геополитическим. Случай Боса — вовсе не случай приверженца или симпатизанта нацизма, каких было в Европе немало. «Нет оснований характеризовать Боса как антифашиста, хотя ещё меньше оснований утверждать о его приверженности фашизму»⁴⁰⁴. К сожалению, и сегодня выходят книги, в которых Бос огульно объявляется фашистом только по причине тактического союза с державами «оси». Встречаются и прямые передёргивания: «Перед войной Ганди при поддержке Неру выпроводил крайнюю национал-социалистическую фракцию Субхаса Чандры Боса, который затем уехал, чтобы создать квазинацистскую организацию, заключившую в ходе войны союз с Японией»⁴⁰⁵.

Даже в Британии часть правящей элиты перед войной и в период «странной войны» сентября 1939 — мая 1940 г. не просто рассчитывала толкнуть Райх в геополитически нужном направлении (*nach Osten*), но и питала искренние симпатии к германскому нацизму, чувствуя его духовную близость. Речь не только о Британском союзе фашистов сэра Освальда Мосли (1896–1980), но и о значительной части истеблишмента. Неслучайно одним из главных вдохновителей Розенберга стал эмигрировавший в Германию английский политический философ сын контр-адмирала Хьюстон Чемберлен (1855–1927)⁴⁰⁶. Такие люди — в отличие от Боса — разделяли не только «вспомогательные» идеи нацизма (касавшиеся лишь организационной стороны: предпочтительность однопартийной системы, упор на дисциплину и т.д.), но и центральные — превосходство одной расы над всеми прочими, отсутствие у неё любых моральных ограничений в отношениях с ними и т.п.

Со всем этим Бос как раз боролся. Выше сказано (см. гл. 7), что для него эталонном зверств выступали Амритсарская бойня 1919 г. и другие жестокие меры колониальных властей. По сути, вменение в вину антиколониальным деятелям сотрудничества с нацистским блоком чревато европоцентризмом. Он заключается в соблазне оценивать отношение колониальных народов Азии и Африки к Райху и его союзникам всецело через отношение к этим державам народов Европы и Америки, боровшихся против них.

Жители колониальных стран недоумевали: где логика? Почему они должны отвечать на призывы своих колониальных хозяев сплотиться с ними против держав «оси» с их человеконенавистническими методами, если методы, которые хозяева применяют в отношении них самих, в основе такие же? В связи с антинацистской пропагандой британцев газета *Nigerian Eastern Mail* в августе 1941 г. задала вопрос в лоб: «Какой смысл напоминать нам, что Гитлер считает нас полуобезьянами, если империя, за которую мы готовы страдать и умирать, ради которой мы проливали кровь и опустошали свои карманы в 1914 г. и делаем это и сейчас, может сносить расовую дискриминацию против нас?»⁴⁰⁷ Знали в колониях и то, что после подписания с Рузвельтом 14 августа 1941 г. Атлантической хартии Черчилль 9 сентября

⁴⁰⁴ Курныкин О.Ю. Указ. соч. С. 88.

⁴⁰⁵ Pike F. Empires at War: A Short History of Modern Asia since World War II. L.; N.Y.: I.B. Tauris, 2011. P. 286.

⁴⁰⁶ Подробнее см.: Саркисянц М. Указ. соч. С. 154–169.

⁴⁰⁷ Цит. по: Jeffery K. Op. cit. P. 315.

цинично уточнил в палате общин, что провозглашённое в этом документе право народов выбирать форму правления распространяется на «государства и нации Европы, находящиеся теперь под нацистским ярмом», а вовсе не на британские колонии⁴⁰⁸. Из-за этого двойного стандарта среди соратников Боса и царили настроения, которые выразил работавший с ним Берлине Г.К. Мукерджи: «Мы не одобряли национал-социализма, и никто из нас не чувствовал к нему тяги. И всё же... мы могли достичь рабочей формулы, по которой можно было посвятить всё своё время и энергию чисто индийской работе и не иметь ничего общего с деятельностью страны проживания или её политической идеологией»⁴⁰⁹.

Почему коллаборационизм бирманского лидера Аун Сана на Западе затушёвывают, а Боса, напротив, выпячивают? Потому что Аун Сан в ходе войны успел политически перестроиться и поддержать державы-победительницы. Так после Первой мировой войны Антанта «забыла», что польский националист Юзеф Пилсудский (1867–1935) воевал на стороне Австро-Венгрии и Германии. Не педалируют и сотрудничество с японскими оккупантами первого президента Индонезии (1945–1967) Сукарно. Принципиальность Боса «обеспечила» ему клеймо коллаборациониста. Кроме того, Аун Сан и Сукарно были безальтернативными лидерами своих стран, власть к ним перешла, можно сказать, автоматически. На автоматическую передачу власти в Индии у британцев тоже имелся кандидат, в годы войны он из страны никуда не уезжал. Предвзятость историографии ещё более очевидна в отношении вьетнамского лидера-коммуниста Хо Ши Мина (1890–1969), который коллаборационистом не был, а напротив, с оккупантами лишь боролся.

Всё сказанное помогает понять мотивы Боса: «Хотя интересы *Бхарат Мата* (Матери Индии. — К. Ф.) всегда оставались для него высшим арбитром, он постоянно отдавал себе отчёт в том, что делает и куда едет. Например, Бос сознавал опасности нацизма, и его анализ движения Гитлера был много проницательнее, чем у некоторых видных противников нацизма. Вместе с тем Бос считал, что порабощённая Индия не может позволить себе роскошь выбирать друзей: ей придётся довольствоваться тем, что предлагают. Это, безусловно, помешало Босу разглядеть тот факт, что нацизм стал бы для Индии ещё худшим бичом, чем британский Радж, и от прагматизма Боса в самом деле оставался всего шаг до оппортунизма»⁴¹⁰. Хотя шага этого он всё-таки не сделал.

Если расставлять точки над *i*, выбор Босом внешнеполитических союзников всё равно представляется ошибочным и близоруким. Руководствуясь благом Родины, он поступал принципиально — но принципиальность завела его не туда. Причины этого — справедливо отмечаемые исследователями эклектизм социально-политических воззрений Боса и нетерпеливость как черта характера. «Эклектизм облекался у него в жёсткую форму крайнего национализма, который был центром всех его устремлений и толкал его на острую грань политической эквилибристики»⁴¹¹. Отчасти вер-

⁴⁰⁸ Churchill W.S. His Complete Speeches, 1897–1963 / Ed. by R. Rhodes James. 8 vols. N.Y.; L.: Chelsea House Publishers & R.R. Bowker, 1974. Vol. VI. 1935–1942. P. 6481.

⁴⁰⁹ Mookerjee G.K. Op. cit. P. 201.

⁴¹⁰ Bose M. The Lost Hero... P. 137.

⁴¹¹ Девяткина Т.Ф. Указ. соч. С. 55.

Ил. 13. Бос в Берлине (1941).

ной представляется и критика Боса в историографии как склонного «к импульсивным, резким, не продуманным до конца политическим жестам»⁴¹². В совокупности это и привело к политической всеядности. Вместе с тем причины выбора Босом союзников в годы войны необходимо понимать до конца, что, к сожалению, делают далеко не все, прежде всего на Западе. «Можно осуждать Боса за избранную им стратегически ошибочную тактику сотрудничества со странами “оси”, отвергать способ освобождения страны, который он избрал, но нельзя зачеркнуть энтузиазм сотен тысяч индийцев, взрыв патриотических чувств, побудивших их со всей искренностью откликнуться на призыв Боса»⁴¹³.

Каким же оказалось наследие Боса в Индии после известия о его гибели? Действительно ли он потерпел полный крах? События быстро показали, что его скорбный труд не пропал.

Когда в сентябре 1945 г. британцы вернулись в Сингапур, ИНА сложила оружие: сопротивляться дальше было бессмысленно. Однако капитуляции британцам было недостаточно, они решили устроить над ИНА показательный судебный процесс, чтобы не повадно было поднимать руку на Британскую империю. Суд мыслился как идейная казнь движения Боса, по сути, как некий аналог Нюрнбергского и Токийского трибуналов. С точки зрения имперской безопасности затея была грамотной — осудить саму идею вооружённого сопротивления колониального народа. Ведь ослабил же Коммунистическую партию Индии судебный процесс 1929–1933 гг. над её руководством в Мератхе (Соединённые провинции). Сейчас задачу

⁴¹² Курныкин О.Ю. Указ. соч. С. 62.

⁴¹³ Райков А.В. Индийское «государство» в Юго-Восточной Азии... С. 56–57.

облегчало сотрудничество антиколониальной силы с агрессивной державой, которая запятнала себя военными преступлениями во многих странах.

Тысячи пленных солдат и офицеров ИНА были привезены в Индию и заключены в Красном форте Дели — «Кремле» былой Могольской империи: рвались сюда («Вперёд на Дели!») — получите. Из Европы к ним добавили сдавшихся американцам военнослужащих Индийского легиона. Однако пленных поделили на три категории — «белых» (вступившие в ИНА с намерением через плен вернуться к британцам), «серых» (якобы просто обманутые Босом и японцами) и «чёрных» (преданные своему делу, в глазах британцев — безнадёжные фанатики). Первых власти собирались вернуть на прежние должности в англо-индийской армии, вторых — судить, уволить из армии, но освободить, а вот третьих — сурово наказать⁴¹⁴.

Правительство Индии не было уверено, что такой судебный процесс нужен: уж слишком неоднозначно относились к ИНА в стране. Однако на суде настоял главнокомандующий англо-индийской армией фельдмаршал сэр Клод Окинлек. Первыми обвиняемыми были выбраны три наиболее виновных, по его мнению, старших офицера — командир дивизии генерал-майор Шах Наваз Хан и командиры полков полковники Прем Кумар Сехгал и Гурбахш Сингх Дхиллон. Обвинениями были измена королю-императору, т.е. вооружённый мятеж, и пытки и убийства, которые якобы применялись как методы вербовки в ИНА.

Военный суд начался 5 ноября 1945 г. и проходил там же, в Красном форте. Как Бос устроил в 1943 г. парад у гробницы Бахадур-шаха в Рангуне, чтобы подстегнуть националистические настроения, так и британцы намеревались задеть историческую память индийцев, но с обратной целью — чтобы эти настроения подавить. Замысел состоял в том, чтобы с помощью показательного суда десакрализовать Красный форт, «отсоединить» его от национальной гордости Индии и связать с национальным унижением. Прецедент имелся: в 1858 г. британцы намеренно судили Бахадур-шаха здесь же, в его дворце, за то, что не помешал мятежным сипаям провозгласить себя правителем Индии (правда, юридически он им уже являлся) и служил им знаменем восстания.

В историографии нередко пишут, что мусульманина, индуиста и сикха — по представителю от каждой из крупнейших религиозных общин Индии — британцы выбрали в качестве подсудимых бездумно и произвольно. В действительности они сделали такой выбор сознательно: хотели избежать обвинений в дискриминации какой-то одной общины. Другое дело, что не просчитали последствий. По мнению историков, сам Бос не мог бы придумать лучше: этот выбор обернулся против британцев, так как подчеркнул, что они противопоставляют себя всей Индии, а ИНА — подлинно общенациональная армия. Поэтому суд действительно получил большой резонанс в индийском обществе — вовсе не такой, на какой рассчитывал Окинлек. Когда сняли военную цензуру, в прессе стали много писать об ИНА и Босе, и общественность получила более или менее объективное представление о том, что все эти годы делал Нетаджи. Пусть запоздало, факт неколониальной индийской армии произвел на страну глубокое впечатление. Фраза «Джай Хинд!» вытесняла все другие формы приветствия. Из Сингапура в Индию тайком от властей

⁴¹⁴ *Fay P.W.* The Forgotten Army... P. 396–397.

проезжали документальный фильм об ИНА и показывали его в Дели. На перекрёстках многих городов появились большие портреты Боса, украшенные традиционными для Индии цветочными гирляндами.

Судебный процесс британцы сделали открытым — тоже во избежание обвинений в злоупотреблениях. Однако и это стало для них контрпродуктивным, так как лишь добавило ИНА публичности. Губернатор Центральные провинций и Берара (1940–1946) сэр Генри Туайнэм в письме вице-королю Уэйвеллу от 10 ноября 1945 г. отметил: «Предполагают даже, что Субхас Чандра Бос быстро узурпирует в народном мнении место Ганди»⁴¹⁵. Ему вторил губернатор Северо-Западной пограничной провинции сэр Джордж Каннингэм, который в письме от 27 ноября настойчиво рекомендовал: «Главнокомандующему следует немедленно объявить, что, поскольку индийская общественность выступает против суда над этими лицами, он предаёт всё забвению и больше никого по суду не преследует... Вопрос с каждым днём всё более становится “индеец против британца” и всё менее — “плохо настроенные индийцы против британцев и хорошо настроенных индийцев”»⁴¹⁶. Масла в огонь недовольства добавило глумление победителей над памятью побеждённых в Сингапуре: как только они вернулись в город, по приказанию главнокомандующего лорда Маунтбаттена там был взорван возведённый в июле памятник погибшим бойцам ИНА.

Сам факт существования ИНА произвёл огромное впечатление на индийскую общественность, особенно на молодёжь⁴¹⁷. В годы войны многие конгрессисты осуждали союз Боса с державами «оси». Теперь, видя отношение общественности к ИНА, Конгресс на удивление быстро принял резолюцию с одобрением её действий. Более того, он взялся официально защищать подсудимых и выставил комиссию адвокатов из 17 человек⁴¹⁸. Конечно, было немало конгрессистов, кто в самом деле восхищался бесстрашием Боса и его соратников. Однако руководству ИНК это решение во многом продиктовала политическая целесообразность — стремление заработать очки на предстоящих провинциальных выборах 1946 г.⁴¹⁹

Одновременно Конгресс игрой на популярности ИНА постарался нажать на британцев. Так, Неру пригрозил, что неосвобождение пленных может вызвать в стране беспорядки. Даже главный поборник ненасилия в своей газете «Хариджан» писал: «Гипнотизм ИНА зачаровал всех нас» — и добавил (похоже, вполне искренне), что «именем Нетаджи можно заклинать. Его патриотизм не уступает ничьему»⁴²⁰. Махатме вторил конгрессист Паттабхи Ситарамая (тот самый, кого

⁴¹⁵ Constitutional Relations between Britain and India: The Transfer of Power, 1942–1947 / Ed.-in-chief N. Mansergh. 6 vols. L.: Her Majesty's Stationary Office, 1970. Vol. VI. The Post-war Phase: New Moves by the Labour Government, 1 August 1945 – 22 March 1946. P. 469.

⁴¹⁶ Wavell: The Viceroy's Journal / Ed. by P. Moon. L. etc.: Oxford University Press, 1973. P. 188.

⁴¹⁷ Синх К. Бхарат ка итихас (История Индии). Калькутта: Хинди прачарак пустакалай, 1959. С. 692 (хинди).

⁴¹⁸ Гунта А. Указ. соч. С. 211.

⁴¹⁹ Chaudhuri N.C. Op. cit. P. 351; Kuracina W.F. Sentiments and Patriotism: The Indian National Army, General Elections and the Congress's Appropriation of the INA Legacy // Modern Asian Studies. Vol. 44, № 4. July 2010. P. 851–852.

⁴²⁰ Цит. по: Chaudhuri N.C. Op. cit. P. 349, 351.

обошёл Бос на выборах 1939 г.): «Казалось, будто ИНА затмила собой Индийский национальный конгресс и подвиги войны и насилия за рубежом отправили в забвение истории ненасилие на родине»⁴²¹.

По сути, Конгресс использовал образ Боса так же, как прежде Бос — образ Конгресса и Ганди. Каждая сторона понимала, что через проявление лояльности другой стороне укрепляет свою легитимность в глазах индийского населения. Находясь у японцев, это делал Бос; теперь пришёл черёд делать это Конгрессу. Объективно то было признание партией вклада Нетаджи в освободительное движение.

Уже в день начала в Дели судебных слушаний полиция открыла огонь по недовольной преследованием национальных героев толпе в городе Мадурай в провинции Мадрас. Позднее произошли беспорядки в самом Дели у Красного форта: были убито или ранено более ста человек. Для британцев бурная «неправильная» реакция общественности на их действия стала неприятным откровением. Даже к закату своей империи они так и не научились «измерять» степень недовольства населения в колониях их властью и политикой. На протяжении всей истории империи эта необучаемость стоила британцам дорого: не будь её, могло бы не произойти ряда восстаний и военных поражений, одной из главных причин которых стала расовая гордыня. Это и истребление экспедиционного корпуса при уходе из Кабула в 1842 г., и индийское восстание 1857–1859 гг., и разгром при Изандлване в войне с зулу 1879 г., и восстание народа ашанти на Золотом Берегу 1900 г., и потеря колоний в Восточной и Юго-Восточной Азии в 1941–1942 гг., и другие неудачи империи.

Столкнувшись с единодушием общественности по вопросу ИНА, фельдмаршал Окинлек опешил. Больше всего его беспокоили возможные симпатии к ИНА в рядах англо-индийской армии. В письме вице-королю Уэйвеллу он признал: «Из долгого опыта военной службы в Индии знаю, как трудно даже лучшему и наиболее расположенному к индийцам британскому офицеру проникнуть в потаённые чувства индийского солдата, и история подкрепляет мою точку зрения. Не думаю, что какой-либо старший британский офицер сегодня знает, что на деле чувствуют рядовые индийцы относительно ИНА»⁴²². У себя в штаб-квартире Окинлек создал специальный отдел с задачей выяснить отношение к ИНА хотя бы индийского офицерского корпуса (за годы войны его численность выросла с 400 до 8 тыс. человек⁴²³). За освобождение трёх подсудимых высказалось 80% опрошенных. Тогда им напомнили о присяге и провели опрос вторично; результат составил 78%⁴²⁴.

Судебный процесс над тремя соратниками Боса завершился 3 января 1946 г. Вопреки ожиданиям стороны обвинения он стал лучшей рекламой делу ИНА. Безыскусные ответы обвиняемых лишь усиливали одобрение общественности. Как объяснил один из них, Шах Наваз Хан, благодаря личности и речам Боса он впервые увидел Индию глазами индийца. Комиссия защиты во главе с известным юристом Бхулабхаи Десаи (1877–1946) настаивала, что Индийский уголовный кодекс к обвиняемым неприменим, поскольку те выполняли приказы законного прави-

⁴²¹ Цит. по: *Guha S.C.* Op. cit. P. 127.

⁴²² Цит. по: *Bose M.* The Lost Hero... P. 459.

⁴²³ *Guha S.* Op. cit. P. 135.

⁴²⁴ *Гунта А.* Указ. соч. С. 213.

тельства, которому присягнули сотни тысяч человек, которое было признано рядом иностранных государств и имело свою территорию, банк и почтовые марки. Защита напомнила, что во время американской гражданской войны 1861–1865 гг. Британия признала воюющей стороной отделившиеся от США Конфедеративные Штаты Америки, а в ходе Второй мировой войны признала европейские правительства в изгнании, хотя их страны были полностью оккупированы немцами⁴²⁵. Припомнили британцам и то, что после капитуляции Сингапура их командование, по сути, страхнуло с себя всякую ответственность за индийскую часть личного состава.

Аргументы защиты действия не возымели: суд признал обвиняемых виновными и приговорил к разжалованию, увольнению из англо-индийской армии, лишению пособий и пожизненной ссылке. Однако ссылку фельдмаршал Окинлек тут же... отменил: опасался, что раздражение приговором вызовет хаос в стране и, главное, мятеж в армии.

Таким образом, как ликуют индийские историки, парад победы ИНА в Красном форте Дели всё же состоялся, пусть и необычным образом. Перед судом предстали ещё 15 офицеров и солдат ИНА, но в апреле 1946 г. командование сочло за лучшее прекратить преследования⁴²⁶. Уже к февралю 1946 г. почти 11 тыс. бывших солдат и офицеров ИНА были распущены по домам.

Мера предосторожности Окинлека не помогла: критическая масса оказалась набрана. В феврале 1946 г. впервые с 1857 г. частично взбунтовались англо-индийские вооружённые силы, а именно почти целиком один из родов войск — военно-морской флот. Главным очагом восстания стало военно-морское училище связи «Тальвар» в Бомбейском военном порту; иногда его называют индийским броненосцем «Потёмкиным». Мятежные моряки потребовали прекратить расовую дискриминацию, заменить британских офицеров индийскими и улучшить условия службы. К выступлению моряков добавились мощные забастовки бомбейских рабочих и их столкновения с войсками. Историки не исключают, что если бы нашёлся способный возглавить всё это недовольство харизматичный лидер (тот же Бос), события могли бы войти в опасное для британцев русло. Однако руководство Конгресса не собиралось искушать судьбу. К тому же асоциальные элементы принялись за обычные в таких случаях грабежи и поджоги, и ситуация могла совсем выйти из-под контроля. В Бомбее и Карачи между береговой артиллерией и мятежными кораблями возникла перестрелка. Британские бомбардировщики совершили устрашающий пролёт над гаванью Бомбея, а Патель уговорил моряков сложить оружие.

Военный мятеж потерпел неудачу, но для основ Раджа оказался очень нехорошим симптомом. Заволновались вооружённые силы, которые в XIX–XX вв. столько раз выручали британцев далеко за пределами Индии. Англо-индийская армия позволяла им наносить удары с огромным радиусом от Китая до Египта и Европы в ходе мировых войн, а внутри Индии служила надёжной опорой даже при всплесках массового движения, долго обладая иммунитетом от антиколониальной пропаганды. Февральский мятеж флота показал: подгнило что-то в Британской империи. Лейбористское правительство Клементы Эттли (1945–1951) отреагировало отправкой в Индию «миссии кабине-

⁴²⁵ Kuracina W.F. Op. cit. P. 831–832.

⁴²⁶ Burke S.M., Quraishi, Salim Al-Din. Op. cit. P. 420–421.

та». Её члены (Петик-Лоуренс, Криппс и первый лорд адмиралтейства А.В. Александер) пришли к выводу, что страна в опасном состоянии.

Босу и ИНА не хватило сил добиться своей цели прямыми действиями — но факт этих действий и самого существования ИНА и Временного правительства свободной Индии радикализовали политическую атмосферу в стране, как никогда прежде. Ситуация, в которой восстал флот и произошёл новый подъём рабочего движения, во многом возникла благодаря усилиям Нетаджи. На это он в конце войны и рассчитывал. Хотя свои силы Бос переоценил, он проницательно видел, что колониальная история Индии подходит к концу.

«До 1939 г. в индийском национальном руководстве Ганди был первым, Неру шёл следом, а Субхас — третьим. После начала конфликта Ганди и Субхаса вслед за съездом Конгресса в Трипуре Субхас стал в глазах индийского народа национальным лидером, уступающим лишь Ганди. Наконец, после осуществления революции Азад Хинд Субхаса, известного с тех пор как Нетаджи, стали признавать неоспоримым фактом истории, соархитектором индийской свободы наряду с Махатмой»⁴²⁷. Послевоенная Индия бурлила, и успокоить её мог только уход британцев. Прежние паллиативные меры, такие как миссии Саймона и Криппса, не работали. Конечно, к предоставлению Индии независимости и вообще к распаду колониальной системы привёл целый комплекс факторов⁴²⁸, но усиление неприятия имперской власти всеми социальными слоями занимало среди них важное место, делая сохранение этой власти бессмысленным для самой метрополии. Бос и рассчитывал на то, что, если даже Британия в мировой войне отобьётся от внешних врагов, Индию она, ослабленная, не сохранит.

В значительной части историографии сложился трагический образ Боса как подобно Сизифу деятеля, который хронически не поспевал за событиями и был обречён на поражение в непосильной борьбе⁴²⁹. Основания для такой трактовки есть, но в ретроспективе Бос добился очень многого. Европейские колониальные империи Нового и Новейшего времени — слишком сложный феномен, чтобы в их истории можно было выделить какую-то одну фигуру, которая возвышалась бы над всеми прочими как основатель или, наоборот, могильщик империи. И всё же в случае Британской империи фигурой её могильщика уместно — пусть с оговорками — считать Субхаса Чандру Боса. Среди деятелей колониальных обществ именно он дал, быть может, тот решающий импульс, из-за которого началось и уже не прекращалось медленное складывание всего грандиозного здания империи. Именно Бос первым бросил серьёзный вызов британской короне: впервые (вместе с Неру) предложил Конгрессу требовать для Индии *сампурна сварадж* (полной независимости, т.е. республики), а в годы войны попытался вытеснить лояльность индийцев королю-императору лояльностью Матери Индии, причём вложив им в руки оружие. В борьбе с противником Бос в самом деле выложился на все сто.

Об оценке британцами исторической роли Боса красноречиво говорит такой эпизод. Когда Эттли — уже бывший премьер-министр — в 1956 г. посетил Индию

⁴²⁷ Guha S. Op. cit. P. 17–18.

⁴²⁸ Подробнее см.: Фурсов К.А. Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. М., 2015. № 2. С. 5–9.

⁴²⁹ Hauner M. Op. cit. P. 244.

с частным визитом, исполняющий обязанности губернатора штата Западная Бенгалия судья П.Б. Чокроборти спросил его о причинах ухода британцев из страны. Эттли назвал главной из них деятельность Боса, которая подорвала лояльность индийской армии. На удивлённый вопрос о том, какова же тогда была роль Ганди, Эттли улыбнулся и раздельно произнёс: «Ми-ни-маль-на»⁴³⁰. Думается, роль Махатмы бывший премьер преуменьшил, и успех Боса был бы невозможен без проведённой тем многолетней подготовки. Нетаджи и сам никогда не стремился умалить вклад «отца нации». Однако он действительно придал национально-освободительному движению небывалое ускорение.

Историки неоднократно задавались вопросом: как пошла бы история Индии, если бы в 1945 г. Бос вернулся на её политическую сцену? Есть мнение, что Бос, который так искусно мирил религиозные общины, мог бы предотвратить массовую взаимную резню, которая предшествовала и следовала Разделу 1947 г. и в которой погибло более миллиона человек. К этому времени Неру и Патель рвались занять командный мостик Раджа даже ценой ухода мусульман, и «Махатме, возможно, недоставало “блудного сына”, которого он изгнал в 1939 г., заменив более послушными сторонниками. Во время общинной резни, которая сопровождала Раздел, Ганди стоял трагической одинокой фигурой. Действуя вместе, святой и воин могли бы иметь больше шансов предотвратить катастрофу»⁴³¹. Незадолго до своей гибели 30 января 1948 г. Ганди порицал Неру и Пателя за неспособность обуздать насилие и в самом деле заявил: хотел бы он, чтобы «здесь был (его. — К. Ф.) другой сын!» (т.е. Бос). И всё же сомнительно, что в условиях того накала, до какого дошла взаимная ненависть индуистов и мусульман, в условиях непреклонной борьбы Джинны за Пакистан и готовности руководства ИНК отпустить мусульман с целью обрести наконец полноценную власть (пусть и в урезанной стране) Махатме и Нетаджи даже в тандеме удалось бы кардинально изменить ход событий.

Сторонники Боса и некоторые историки считают даже, что, останься Бос в годы войны в Индии, ему удалось бы предотвратить сам Раздел. Тоже сомнительно — по тем же причинам. Представляется, такой шанс возник бы только в том случае, если бы Бос вернулся в условиях военной победы — успешного вторжения ИНА и одновременного мощного восстания, которое сбросило бы британцев в море. Тогда победоносный военный лидер — поборник общинной дружбы — автоматически встал бы во главе страны.

Последний вопрос тоже занимает историков: какой стала бы Индия после независимости, если бы дело Боса победило? В случае военной победы политических соперников у него как единственного национального лидера, который в годы войны находился на передовой вооружённой борьбы с колониализмом, не осталось бы; Неру, Патель и остальные лидеры Конгресса померкли бы. Недаром секретарь Ганди Хуршид Наороджи в письме от 22 июля 1946 г. американскому журналисту Луису Фишеру (1896–1970) предупредила: «Если Бос придёт с помощью России, ни Гандиджи, ни Конгресс не смогут урезонить страну»⁴³².

⁴³⁰ Guha S. Op. cit. P. 125–126.

⁴³¹ Bose S. Op. cit. P. 323–324.

⁴³² Цит. по: Dhar A. India's Biggest Cover-Up. New Delhi: Vitasta, 2012. P. 46.

«Критики Боса утверждали, что в случае его триумфального вступления в Индию он сделался бы лидером-диктатором... По крайней мере трижды Бос действительно говорил о необходимости периода авторитарного правления после независимости с целью произвести драматичную социально-экономическую трансформацию, которую он представлял себе будущим Индии. В его политической повестке дня наделение политическими правами женщин, крестьян, рабочих и низших каст всегда стояло в ряду приоритетов. Инерция, которая сопровождала подход формально демократического индийского государства к гигантским проблемам бедности, неграмотности и болезней, вполне возможно, приводила его в отчаяние. В этих обстоятельствах он для осуществления революционных изменений, к которым стремился, мог испытывать соблазн применить инструменты сильной партии и государства. Однако сомнительно, что регалии государственной власти притягивали его лично. Вся жизнь Боса — это серия отказов от богатства и благ, мирских удобств и радостей»⁴³³.

Похоже, режим Боса, если бы он пришёл к власти и мог проводить свою линию, был бы чем-то сродни просвещённому деспотизму. Вместе с тем он всегда настаивал, что независимая Индия будет выбирать своих лидеров демократическим путём. Как мы видели, Бос считал, что с освобождением страны миссия Временного правительства завершится и своё слово о надлежащем порядке государственного устройства скажет народ. Об индийской версии непредрежденчества Боса свидетельствует, в частности, заявление на пресс-конференции в Берлине 12 июня 1942 г.: «Как только Индия освободится, долгом индийского народа будет решить, какой форму правления он предпочитает и кто будет руководить будущим индийским государством. У меня, безусловно, есть собственные идеи относительно послевоенной реконструкции Свободной Индии, но решение по ним примет сама Свободная Индия»⁴³⁴. Тем же, кто обвиняет Боса в стремлении насадить в партии и стране диктатуру, можно напомнить, каким диктатором обернулся в 1939 г. ревнитель демократии Ганди.

Одним из таких обвинителей выступает историк Михир Бос. По его предположению, правление Нетаджи выродилось бы в автократию сродни чрезвычайному положению премьер-министра Индиры Ганди 1975–1977 гг. Он аргументирует это тем, что в годы пребывания в лагере «оси», особенно в Юго-Восточной Азии, Боса окружали политически неискушённые люди, способные лишь аплодировать. Вместе с тем историк признаёт: Бос не был бы диктатором в привычном смысле слова, что доказывает, к примеру, его поведение в 1939 г., когда он показал себя не столько автократом, сколько переговорщиком⁴³⁵. «У Боса была способность внушать безмерную любовь и преданность... Многие его ненавидели, но те, кого он “касался”, любили его с почти непреодолимым чувством полноты. Это в сочетании с его строгими деловыми манерами, инстинктивным осознанием традиционной индийской лояльности вполне могло бы привести к революции, в которой нуждалась — и до сих пор нуждается — Индия. Как Кемаль Ататюрк в Турции, которым он восхищался, Бос вполне мог бы помочь рождению нации одновременно новой, но полной старых добродетелей»⁴³⁶.

⁴³³ Bose S. Op. cit. P. 325.

⁴³⁴ Appendix / Hauner M. Op. cit. P. 678.

⁴³⁵ Bose M. The Lost Hero... P. 464–465.

⁴³⁶ Ibid. P. 469.

Конечно, Бос был сложным политическим деятелем, готовым и к переговорам, и к разумным компромиссам, но не с врагом (державы «оси» врагом не считал), и к принятию единоличной ответственности; даже, пожалуй, склонным к авторитарности. И всё же маловероятно, что его правление выродилось бы в автократию в духе Индиры — хотя бы потому, что Бос накопил многолетний опыт налаживания отношений между группами — не только конфессиональными общинами, но и политическими партиями, их фракциями, общественными организациями. К тому же происходило всё это в условиях, далёких от тепличных, — в антиколониальной борьбе.

Думается, есть и объективная причина, по которой Бос едва ли стал бы единоличным диктатором. Хотя Ганди начал сходить с политической сцены ещё до своего убийства (когда Индия 15 августа 1947 г. получила независимость, Махатма свою миссию выполнил), Бос не смог бы обойти самую мощную общественно-политическую организацию страны — ИНК, а власть в ней носила коллегиальный характер. Для Боса этот характер усугублялся бы сохранением сильного правого крыла, которое однажды уже нанесло ему поражение. И, несмотря на мнение Х. Наороджи о невозможности для Конгресса «урезонить страну», Босу, скорее всего, пришлось бы как-то разделить власть с Неру, которого Ганди ещё в январе 1942 г. назвал своим преемником. Возможно, Неру даже при Босе сделался бы премьер-министром, хотя формой правления в этом случае почти наверняка была бы президентская республика, а не парламентская, как стало в реальности.

Однако успешное восстание против ослабленной войной Британии и приход Боса к власти означали бы, что Индия миновала бы ступень доминиона, сразу стала бы республикой, как Бирма в 1948 г., и не вошла бы в Содружество наций, как та же Бирма или другая бывшая колония с тяжёлым багажом обид на метрополию — Ирландия. Во внутренней политике приход Боса к власти означал бы достаточно резкое полевение курса правительства и постепенное проведение в жизнь намеченных им преобразований, хотя с крупным капиталом ему пришлось бы договариваться и считаться. Заметным было бы полевение и во внешней политике. Возможно, это выразилось бы в большем сближении Индии с Советским Союзом, чем произошло в реальности при Неру и его дочери, хотя идти в фарватере советской, как и чьей-либо ещё, политики Бос определённо не стал бы.

Сравнивая несостоявшегося первого лидера независимой Индии с состоявшимся, историки находят много общего: антиколониальные взгляды, обращённость к социализму, недюжинные ораторские и организаторские способности. Однако Неру британцам удалось приручить (через приручённого ранее Ганди), а Боса — нет. Различались и взгляды двух лидеров на социализм. *Самьявад* Боса был больше пропитан исконно индийскими понятиями равенства и справедливости, чем вестернизированный социализм Неру. Это притом, что Бос, хотя и оперировал такими сугубо индуистскими понятиями, как *шакти*⁴³⁷, идейно-политически сформировался как вполне западный человек. Также отмечают, что, сталкиваясь с проявлениями религиозных или лингвистических различий, Бос был много терпимее Неру, в чём был ближе к Ганди. В социально-экономических взглядах Бос был практичнее Неру. Социализм Неру упрекают в том, что, хотя он и был свободен от

⁴³⁷ Женская творческая сила божества, его женская ипостась (санскр.).

эклектизма Боса, струя романтизма отрывала его от индийской реальности⁴³⁸. Вместе с тем можно согласиться с отечественным востоковедом О.Ю. Курныкиным в том, что патриотизм Боса был «страстным, но несколько ограниченным, не облагороженным интеллектуальной глубиной и духовным аристократизмом Дж. Неру»⁴³⁹. Подход Боса отличала избирательность: его внимание привлекали только те теории и политический опыт, использование которых могло придать бо́льшую решительность борьбе за освобождение Индии и её превращение в сильное современное государство со справедливым общественным устройством⁴⁴⁰. Хотя и это немало.

Если для колониальной администрации Бос был лютым врагом, то для правительства Неру, несмотря на осуществление главной цели Боса — ухода британцев, «минус» на «плюс» не поменялся. Парадокс тут лишь внешний. Конечно, Бос вошёл в пантеон национальных героев, но для новой власти был фигурой неудобной. Неру, который бессменно оставался премьер-министром до самой смерти в 1964 г., не хотел, чтобы граждане молодой страны акцентировали внимание на его бывшем близком соратнике: при сопоставлении с ним Неру немало терял. Джавахарлал Неру был действительно выдающимся человеком и харизматичным лидером, но не делал того, что вызывало у масс такой восторг в отношении Боса: не шёл постоянно против течения, а договаривался — сначала с Ганди, позднее с британцами⁴⁴¹. По иронии, в один из немногих случаев, когда договориться попробовал Бос (с Махатмой и его правым окружением в 1939 г.), у него это не вышло. Фигура Боса была молчаливым укором всему руководству Конгресса, которое теперь занимало министерские посты: никто из них столько не рисковал и не развил столь кипучей деятельности, борясь с имперской властью буквально не на жизнь, а на смерть. И он был единственным из лидеров, который, как считалось, в этой борьбе погиб. Страдания остальных на этом пути ограничились тюремными сроками. По сути, образ Боса несколько подтачивал легитимность пришедшей в 1947 г. к власти индийской элиты.

Неудивительно, что, когда начавшее 14 августа 1947 г. работу Учредительное собрание Индии решило повесить в зале заседаний портрет Ганди, а бывший генеральный секретарь Форвард-блока Хари Вишну Каматх предложил дополнить его портретами Тилака и Боса, председатель собрания Раджендра Прасад оборвал его. Боса намеренно пытались убрать из общественно-политического сознания — и дело не в коллаборационизме, союз с державами «оси» был скорее предлогом. Получается, что ИНК, использовав образы ИНА и лично Боса в предвыборной борьбе 1946 г., постарался предать их забвению, едва придя к власти. Необычно мало внимания уделено Босу в официальной «Краткой истории Индийского национального

⁴³⁸ Bose M. The Lost Hero... P. 465.

⁴³⁹ Курныкин О.Ю. Указ. соч. С. 104.

⁴⁴⁰ Там же. С. 106.

⁴⁴¹ Зато к чести Неру необходимо отметить, что он — в отличие от Боса — исключал для себя возможность малейшего сотрудничества с фашизмом и нацизмом. Так, в 1936 г. Неру, проездом из Швейцарии через Рим, уклонился от встречи с Муссолини, которой тот настойчиво добивался, а в 1938 г., проездом из Лондона через Германию, — от контакта с начальником отдела Востока немецкого МИДа Отто фон Хентигом, который в Первую мировую войну ездил в Кабул попытаться склонить амира Хабибуллу ударить по Индии. В этом смысле Неру был принципиальнее младшего коллеги.

конгресса» 1959 г. с предисловием Индиры Ганди — ещё не премьер-министра, но уже председателя партии⁴⁴². Вернее, это-то и стало обычным, нормой — освещать деятельность Нетаджи по остаточному принципу.

Помню своё удивление после просмотра известного британско-индийского фильма «Ганди» Ричарда Эттенборо 1982 г. с Беном Кингсли в главной роли: Боса в нём нет вовсе, как будто не было такого. Этот панорамный фильм-биография поставлен с большим размахом и достоверностью исторических деталей, финансировался правительством Индии и выиграл восемь «Оскаров». Несмотря на культивируемый образ Махатмы как непогрешимого руководителя, фильм даёт прекрасное представление об истории национального движения индийцев Южной Африки 1890–1910-х гг., а затем самой Индии 1910–1940-х гг., в нём показаны все основные исторические фигуры эпохи — умеренный лидер ИНК Гопал Кришна Гокхале (1866–1915), Патель, Неру, Азад, Джинна, известный южноафриканский политик Ян Христиан Сметс (1870–1950), три вице-короля Индии — лорды Челмсфорд, Ирвин и Маунтбэттен. Создатели фильма позаботились о том, чтобы пусть и промелькнувшими в кадре статистами, но всё же вывести в нём ещё несколько деятелей первой величины — Тилака, Мотилала Неру, британского премьер-министра (1929–1935) Рэмзи Макдоналда. Представлен и ряд второстепенных лидеров, таких как видный конгрессист из Синда Дживатрам Бхагвандас Крипалани (1888–1982) и бенгальский мусульманский политик Хусейн Шахид Сухраварди (1892–1963). Отсутствие Боса в фильме просто вопиёт.

Однако к концу XX в. с утратой Конгрессом монополии на власть в стране, а династией Неру — монополии на власть в Конгрессе Бос постепенно стал выходить из тени (параллельно с переосмыслением фигуры Ганди). В 1995 г. стало возможным переименовать калькуттский международный аэропорт Дум-Дум в аэропорт имени Нетаджи Субхаса Чандры Боса. В 2005 г. о нём вышел 3,5-часовой хиндиязычный художественный фильм с характерным названием «Бос: забытый герой». Возвращению ему места среди первостепенных национальных героев теперь способствует и то, что в середине XX в. работало против Боса, — его принадлежность не к хиндустанскому, а к бенгальскому народу, одному из географически и политически окраинных этносов Индии, пусть и передовому в культурном отношении. В условиях продолжающегося процесса регионализации индийской политики (о чём пишут многие политологи), подъёма партий в штатах, роста их удельного веса и укрепления сделочной позиции по отношению к федеральным партиям забытая, или, точнее, подзабытая фигура Боса возвращается в общественно-политическое сознание всей страны.

В самом деле, прохладное отношение центральной власти к Босу при Неру и Индире объясняется не только тем, что его методы не вписывались в миф о достижении Индией свободы всецело благодаря гандистскому ненасилию, и даже не только тем, что он наступал на пятки человеку, который стал первым премьер-министром. Ещё один фактор — традиционно прохладное отношение политического центра Индии к Бенгалии. Этой индийской стране не везёт давно. Сначала к ней свысока относились британцы. В XIX в. они презирали бенгальцев парадок-

⁴⁴² Ramana Rao M.V. Op. cit.

сальным образом за то, чего сами от них добивались, — за подражание Европе, за усиленную вестернизацию. В британском обществе бытовал презрительный термин *to go native*, под которым понимали стремление отдельных его представителей вжиться в одно из афро-азиатских обществ, перенять его нравы и обычаи. Бенгальцы, выходяло, старались осуществить обратное — *to go British*. Это для британцев было неприемлемо вдвойне: неужели туземец всерьёз вообразил, что может встать с ними вровень? Последовательнее других «туземцев» это пытались сделать именно бенгальцы из бхадралока. Затем, к началу XX в., к презрению британцев добавилась их обеспокоенность развернувшейся в Бенгалии бурной интеллектуальной жизнью — вопреки установке «не рассуждать!». Британская элита даже у себя в стране такого не поощряла — что уж говорить о колониях. Недаром в *public schools* Британии делали упор на воспитание характера, привычки повиноваться и вместе с тем повелевать, но отнюдь не на развитие интеллекта и воображения («ученье вот чума»). Обеспокоило британцев и лидерство Бенгалии в индийских движениях социального протеста, в том числе вооружённых (терроризм). Всё это произошло тогда, когда бхадралок осознал двойной стандарт: то, что разрешено в метрополии (парламентская система, политические партии, свобода печати и т.д.), запрещено в Индии. Неслучайно в 1911 г. британцы перенесли местопребывание правительства Индии из беспокойной Калькутты в Дели.

Однако, как мы видели, и соратники по антиколониальному движению часто смотрели на Бенгалию подозрительно. «Высшее командование» Конгресса, которое с 1947 г. обрело второе дыхание в качестве федерального правительства страны, также считало бенгальцев своевольными сепаратистами, которые держатся наособицу. Именно этим отношением ряд политологов объясняет феноменальный подъём в штате Западная Бенгалия коммунистов: Коммунистическая партия Индии (марксистская) в коалиции с другими левыми группами правила штатом с 1977 по 2011 г.

Такова ещё одна причина замалчивания фигуры Боса до недавнего времени.

А каким был Бос в личном плане? Хотя как политик и государственный деятель он порой проявлял жёсткость, в частной жизни мог быть на удивление мягким. Политические соратники и даже враги вспоминали теплоту его дружбы, которая контрастировала с интеллектуальной суровостью Неру. С юмором у Боса было не слишком хорошо, но он мог громко хохотать и часто краснел; любил музыку. Вместе с тем его чертой всегда была некоторая сдержанность, шедшая из детства. Как подметил биограф, несмотря на революционный пыл Боса, частью его характера оставался кодекс джентльмена⁴⁴³.

Уникальность Боса в индийской истории изложенным не исчерпывается. Его исчезновение интригует не меньше, чем его жизнь. Об этом будет рассказано в полной версии настоящей книги.

⁴⁴³ Bose M. The Lost Hero... P. 62.

Заключение

Жизнь Субхаса Чандры Боса — особая страница, а вернее, целая книга в истории Южной Азии и мира XX в.

Сегодня Нетаджи в Индии весьма популярен. Это не просто дань уважения крупной исторической фигуре. Бос вырос до образа идеального лидера, который силой печальных обстоятельств не получил возможности принести Родине пользу, когда она освободилась от чужеземной власти. Многие индийцы вспоминают его выдающиеся успехи в бытность конгрессистским политиком и его роль единственного выразителя интересов Индии такого уровня за рубежом в годы Второй мировой войны. Полагают, что, если Бос достиг столь многого ещё на этапе подготовки независимости, каких же успехов следовало ждать от него в свободной Индии, о которой он так мечтал и где был бы сам себе хозяин, без необходимости отвлекать силы на изгнание чужеземцев. Хотя принципиально новых идей Бос не породил, важен масштаб деятельности. Как Ганди, по сути, не внедрил ничего нового, но использовал уже опробованные приёмы национальной борьбы в общендийском масштабе, так и Бос, сделав акцент на насильственных методах и военной помощи иностранных держав, не был в этом первопроходцем. Однако тоже использовал эти методы в беспрецедентном масштабе.

Бос представлял собой альтернативу вдвойне — и мейнстриму национально-освободительного движения Индии, которым стал и до конца оставался гандизм, и (потенциально) тенденциям развития страны после независимости, социализму Неру. В обоих случаях есть основания думать, что представленная Босом альтернатива могла бы оказаться эффективнее и вести к складыванию в Индии хоть немного более справедливого общества, чем то, какое существует в этой стране в действительности.

История не дала Босу возможности опробовать его планы для независимой Индии на практике. Такую возможность получил его соперник. Хотя он был тоже человек весьма незаурядный, итогом его правления называют страну разительных контрастов: в Индии действует одно из самых продвинутых в мире социалистических законодательств, а заправляет крупный капитал. Провозглашена свобода слова, а развилась тенденция зигзагов правительственной политики без всяких объяснений, не говоря уже о дебатах. Особенно ярко это проявилось в 1991 г., когда с на-

чалом либеральных экономических реформ министра финансов (1991–1996) Манмохана Сингха страна отказалась от социализма Неру. Всё это привело к циничному отношению народа к власти, к убеждению, что обещание независимости на деле не выполнено, и к сожалениям об утраченных возможностях⁴⁴⁴. Если на заре свободной Индии и Неру и Бос представляли определённые пути развития страны лишь в потенции, то теперь один из двух путей испробован — и оказался по душе далеко не всем. Это не может не добавлять Босу и без того немалой популярности.

«Став одним из символов освободительной борьбы, Нетаджи сделался объектом политического присвоения, особенно накануне выборов. Правые индуисты восхваляют его военный героизм, игнорируя его глубокую приверженность индуистско-мусульманскому единству и правам религиозных меньшинств. Коммунисты, которые были в Индии его наиболее суровыми критиками и во время Второй мировой войны обзывали его марионеткой Тодзё, в конце 1970-х годов передумали. Теперь каждое 23 января они украшают его статуи гирляндами и выражают сожаление, что ошибались в оценке этого великого патриота»⁴⁴⁵.

Одним из слагаемых притягательности образа Боса для индийцев можно назвать его *икбал* (араб. «успех»). Это проникнутое фатализмом понятие весьма распространено в Индии и исламском мире (в который она частично входит). Под икбалом на Востоке понимают счастливую судьбу человека, которая дарована свыше и гарантирует ему неизменный успех, невзирая ни на какие встающие на пути препятствия. Вся жизнь Боса как негибаемого борца, который преодолевал, перешагивал трудности одну за другой, давала соратникам и почитателям основание верить в наличие у него икбала. Каждый новый успех Боса, демонстрировавшего поразительное упорство и неиссякаемую энергию, убеждал их в этом всё сильнее.

«Его патриотизм, его дух, его вера в то, что Индия имеет право быть свободной, гордой страной, и его многие практические идеи о том, как повести страну вперёд, — всё это следует высоко ценить. Бос делал ошибки, но был одним из самых замечательных людей Индии XX в. и заслуживал признания и почитания. Тем не менее индийцы, похоже, не могут выяснить, как это сделать... Индия, которая добилась свободы с помощью ненасильственной борьбы и у которой в отличие от американцев и вьетнамцев не было своего Йорктауна или Дьен-Бьен-Фу⁴⁴⁶, любит цитировать фразу Боса военного времени о том, что свобода, достигнутая без реальной войны, бессмысленна»⁴⁴⁷. Эти слова импонируют тем, кто считает, что независимость далась Индии слишком легко, а усиливают их притягательность разочарования постколониальной эпохи. Такие настроения характерны не для одной Индии. Так, Шотландия с XVIII в. развивалась в составе Соединённого Королевства и достигла немало, «но всегда оставалось небольшое сомнение: чувство потери, чего-то отсутствующего из современной культурной вселенной», а его символом были гор-

⁴⁴⁴ Ibid. P. 467.

⁴⁴⁵ Bose S. Op. cit. P. 326–327.

⁴⁴⁶ Капитуляция британских войск под Йорктауном в 1781 г. определила исход войны североамериканских колоний Британии за независимость 1776–1783 гг., а разгром французов под Дьен-Бьен-Фу в 1954 г. — исход их колониальной войны во Вьетнаме 1946–1954 гг.

⁴⁴⁷ Bose M. The Lost Hero... P. 485.

Ил. 14. Бос в форме
Индийской национальной
армии (1943).

цы, которые сражались и погибли при Каллодене⁴⁴⁸. Другой пример — Йемен. После того как в 1966 г. лейбористское правительство Гарольда Вильсона (1964–1970) объявило, что не позднее 1968 г. британцы уйдут с военной базы в Адене, сопротивление в этой стране, вопреки ожиданиям, лишь возросло. Национальный фронт освобождения объявил: «Некоторые могут спросить: “Зачем бороться за независимость, когда британцы даруют её свободно?” Товарищи, подлинная независимость не даётся, а берётся»⁴⁴⁹. Подписался бы под этими словами и Бос.

Образ Нетаджи называют альтернативным светочем надежды для Индии. Актуален он и в современную эпоху. По мнению многих индийцев, в конце XX в. их стране недоставало именно такого «лидера с твёрдым характером, ясными целями, каким был Бос, чтобы придать динамизм политической и общественной жизни страны, вовлечь в неё широкие массы людей, особенно молодёжь»⁴⁵⁰. Неслучайно, когда 15 августа 1997 г., в 50-ю годовщину независимости Индии, на специальной полночной сессии парламента (независимость была провозглашена в полночь) поставили запись трёх голосов — Ганди, Неру и Боса, голос последнего вызвал самые громкие и долгие аплодисменты.

В конечном счёте Ганди и Неру, с одной стороны, и Бос, с другой, представляют собой кульминацию двух принципиально разных направлений национально-го движения Индии. Одно направление называют умеренным, его сторонниками

⁴⁴⁸ Herman A. How the Scots Invented the Modern World. The True Story of How Western Europe's Poorest Nation Created Our World & Everything in It. — N.Y.: Three Rivers Press, 2001. P. 160. Сражение при Каллодене 1746 г. — главная битва Второго якобитского восстания 1745–1746 гг., в которой были разбиты шотландские горцы, поддержавшие претендента на британский престол Чарлза Стюарта (1720–1788). Их разгром определил окончательное подчинение горной Шотландии Лондону.

⁴⁴⁹ Andrew C. The Defence of the Realm: The Authorized History of MI5. L.: Penguin, 2009. P. 476.

⁴⁵⁰ Юрлов Ф. Субхас Чандра Бос — символ храбрости // Азия и Африка сегодня. М., 1997. № 7. С. 61.

были либералы, или — на хиндустани — *нарам*, «мягкие». Начало оно берёт от одного из основателей ИНК Дадабхай Наороджи (1825–1917), который был избран членом британской палаты общин, и его единомышленников, стоявших за конституционный диалог с властями. Другое направление было крайним, его представляли экстремисты, или *гарам*, «горячие». Начало ему положили маратхский лидер Бал Гангадхар Тилак (1856–1920), вовлекавший в движение протеста уже и массы, и бенгальские революционеры-террористы начала XX в. с их упором на вооружённое насилие. И хотя в историографии подчёркивается, что Ганди соединил методы крайних и умеренных (выступления пусть и массовые, но ненасильственные), и он и Неру при прочих равных были готовы с британцами договариваться. Поэтому Пандит и оказался для них приемлемым преемником. Нетаджи, будучи максималистом, стоял за бескомпромиссную борьбу. Вот почему преемника в нём британцы видели неприемлемого.

Если трактовать два названных пути освобождения Индии от колониальной власти в традиционных терминах индуистской цивилизации, то путь Ганди и Неру можно назвать брахманским, а путь Боса — кшатрийским. Правда, сам Ганди брахманом не был, а принадлежал к торговой касте *бания* варны вайшьев (последнюю составляли земледельцы, торговцы и некоторые категории ремесленников). Зато Неру происходил из кашмирских брахманов, а Бос — из касты *каястха*, которая была смешанного варнового происхождения, но причисляла себя к варне кшатриев и положение в бхадралоке занимала ниже лишь брахманского. Однако независимо от конкретного социального происхождения этих лидеров проводимые ими в жизнь политические курсы в целом соотносились с «программами» двух высших варн индуистского общества. Махатма и Пандит (при всех левых настроениях второго), пусть и оказывая на власти давление через массы, сделали ставку на переговоры, тогда как Нетаджи — на силовые методы (массовое движение под радикальными лозунгами, а когда выдалась возможность, то и военные действия). Каждый курс был близок определённой части индийского общества, на которую эти лидеры и ориентировались (Босу пришлось делать это в основном за рубежом).

Кстати, похоже, что на акцент на необходимости сплочённой дисциплинированной партии, которая берёт всю власть в свои руки, Боса отчасти «запрограммировала» его принадлежность к бхадралоку. Одной из особенностей бенгальского национализма был его элитарный характер. Хотя национализм и возникает, как правило, в высокостатусных социальных группах и распространяется «вниз», в стране с кастовым обществом возникновение слоёв, прямо или опосредованно связанных с капитализмом (условие зарождения национализма), привело к тому, что эти новые слои — бхадралок — чувствовали свою резкую обособленность от остальной части населения. Бенгалия же среди всех стран Индии успела подвергнуться наиболее глубокому влиянию колониализма. Ощущение бенгальскими националистами своей обособленности наложило отпечаток и на освободительную борьбу. Именно в Бенгалии националисты делали упор на тайные общества и методы террора, мало заботясь о вовлечении в борьбу народных масс. Как высокие касты в доколониальный период, представители бхадралока считали, что по рождению и положению имеют полное право говорить и решать за все остальные группы общества. Бос, находясь под влиянием левых идей, о вовлечении в борьбу масс заботился, но «эли-

тарный уклон» бенгальского национализма проник в его политическое мировоззрение и укоренился в виде идеи одной партии, которая должна — во имя общего блага — взять всю ответственность на себя.

В корне разные курсы Ганди и Неру, с одной стороны, и Боса, с другой, отражали не только многообразие Индии, но и двойственность Британской империи в целом и Раджа в частности. Британский колониализм был противоречивым сочетанием грубой силы, на которую сплошь и рядом делали упор администраторы, и либеральных идей, которые восходили к философу Джону Локку (1632–1704) с его принципом народного суверенитета, а также политику и публицисту Эдмунду Бёрку (1730–1797) с его идеей опеки над Индией. Махатма и Пандит апеллировали к этому второму компоненту колониализма. Нетаджи настаивал, что «родной язык» Британской империи, на котором она привыкла говорить с подданными, — язык силы; соответственно, и понимает она лишь его.

Феномен бенгальского антиколониального движения, которое развивалось от мирных форм протеста к насильственным и квинтэссенцией которого стал Бос, имеет любопытную параллель с феноменом религиозной общины сикхов на противоположном конце долины Ганга — в Панджабе. Сначала, в XVI–XVII вв., жизнь этой общины определялась идеей ненасилия, которую проповедовал их первый гуру Нанак (1469–1539). Однако, сталкиваясь с всё более свирепой реакцией властей — Могольской империи — на рост их общины, сикхи к концу XVII в. постепенно перешли к идее воздаяния злом за зло. Окончательно утвердил её последний, десятый, сикхский гуру Гобинд Сингх (1666–1708), который резко военизировал общину и бросил Моголам открытый вызов⁴⁵¹. В сикхской истории гуру Гобинда уместно считать неким аналогом Боса в истории бенгальской. На первых порах, в XIX в., бхадралок, уже ощущая засилье британских экономических и политических интересов, ограничивался лояльными петициями властям. Однако, нередко наталкиваясь на стену равнодушия и подвергаясь прямым репрессиям вроде раздела провинции в 1905 г., часть бенгальской элиты взяла инициативу в свои руки и подалась в терроризм и подготовку вооружённых восстаний.

Хотя военное дело и доблесть в бою ценились в Южной Азии издревле и в традиционном индуистском обществе напрямую предписаны отдельной социальной группе (варне кшатриев), так сложилось, что для индийской цивилизации, более чем для ряда других, характерны идеи квиетизма. Однако сила обстоятельств может приглушить квиетизм. Индийцы в целом — люди миролюбивые и спокойные, но если их допечь, то результатом могут стать, например, сикхи как «львиный народ» воинов. К середине XX в. эстафету у сикхов в общеиндийском масштабе приняло то течение в национально-освободительном движении, которое стояло за насильственный характер освобождения и которое возглавил Бос. Впрочем, среди его соратников сикхов было немало. Неслучайно первым организатором ИНА стал сикх — Мохан Сингх.

Случай Боса — хорошая иллюстрация известной философской проблемы роли личности в истории. Философы и историки бьются над ней веками: в какой степени исторические процессы определяются глубинными объективными тенденциями, а

⁴⁵¹ Подробнее см.: Фурсов К.А. Львы Пятиречья... С. 85–141.

в какой — выдающимися личностями, у которых возможностей влиять на эти процессы много больше, чем у остальных людей? Бос, безусловно, был одной из таких выдающихся личностей. На его примере можно видеть, что повлиял он на эти процессы значительно (приблизил Индию к независимости, частично заложил основы её социально-экономического курса), но в то же время оказался бессилён перед объективными тенденциями (не смог обеспечить выход Индии из орбиты метрополии на индийских условиях и добиться радикальных реформ внутри страны).

Роль личности, субъекта повышается именно в такие турбулентные периоды мировой истории, в какой жил Бос. Проблема Боса — во многом проблема соотношения системы и субъекта. Если в относительно спокойные эпохи система, т.е. массовые, объективные процессы, как правило, сильнее субъекта, то в эпохи резких изменений (кризисов, революций, мировых войн) грань между закономерным и случайным, внутренним и внешним стирается. В таких ситуациях случай перестаёт быть случаем, а личность (или несколько личностей, вступивших в сговор и организацию) приобретает вес, равный или почти равный массе системы. В ходе кризиса «субъективный фактор» превращается в субъектный⁴⁵². Бос и попытался оседлать или даже повернуть историю, сделать её объектом.

Конечно, Бос был личностью весьма противоречивой, и «его практическая деятельность, удивительным образом сочетавшая импульсивность и прагматизм, трезвость оценок и нереалистичность политических установок, целеустремлённость и некоторую неразборчивость в выборе политических партнёров, не всегда находила понимание даже у ближайших его соратников и союзников на левом фланге»⁴⁵³. В Босе сошлись противоречия между массовым характером представляемого им левого движения и элитарным характером также представляемого им бенгальского национализма; между демократизмом освободительного движения и установкой на взятие власти и реформирование страны одной высокодисциплинированной партией; между симпатиями к содержательной стороне социализма и к ряду функциональных черт фашизма; между движением всю жизнь против течения и поисками противотечений, которыми можно воспользоваться; (как частный случай предыдущего пункта) между стремлением освободить Индию её собственными силами и тактическим союзом с врагами державы-угнетателя; между его постоянными неудачами и немалыми достижениями. В этой многократной двойственности преломилась противоречивость не только личности Боса, но и политических, социальных, экономических, военных, идеологических процессов в Индии и в мире первой половины XX в.

Посвятив всю жизнь масштабным целям, прежде всего избавлению Родины от колониализма, Нетаджи весьма удачно отразил свою эпоху.

⁴⁵² Подробнее см.: *Фурсов А.И.* Колокола Истории. М.: ИНИОН РАН, 1996. С. 315–317.

⁴⁵³ *Курныкин О.Ю.* Указ. соч. С. 10.

Список источников и исследовательской литературы

Источники

- Вандам (Едрихин) А.Е.* Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии. СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина — «Новое время», 1913.
- Appendices / *Chattopadhyay G.* Subhas Chandra Bose and Indian Communist Movement: A Study of Cooperation and Conflict. New Delhi: People's Publishing House, 1973.
- Appendix. Dhillon – Subhas Bose Correspondence / *Bright J.S.* Subhas Bose and His Ideas. Lahore: Indian Printing Works, 1946.
- Appendix / *Hauner M.* India in Axis Strategy: Germany, Japan and Indian Nationalists in the Second World War. Stuttgart: Klett-Cotta, 1981.
- Bose S.C.* Azad Hind. Writings and Speeches, 1941–1943 / Ed. by Sisir Bose and Sugata Bose. L.: Anthem Press, 2002.
- Bose S.C.* Fundamental Questions of Indian Revolution / Ed. by Sisir K. Bose. Calcutta: Netaji Research Bureau, 1987.
- Bose S.C.* An Indian Pilgrim, or Autobiography of Subhas Chandra Bose (Netaji's Life and Writings. Part One). Электронная публикация: www.hindustanbooks.com
- Bose S.C.* The Indian Struggle, 1920–1934. L.: Wishart, 1935.
- Bose S.C.* The Indian Struggle, 1920–1942. Bombay etc.: Asia, 1960.
- Bose S.C.* Letters to Emilie Schenkl, 1934–1942 / Ed. by S.K. Bose and S. Bose. Calcutta: Netaji Research Bureau, 1994.
- Churchill W.S.* His Complete Speeches, 1897–1963 / Ed. by R. Rhodes James. 8 vols. N.Y.; L.: Chelsea House Publishers & R.R. Bowker, 1974. Vol. VI. 1935–1942.
- The Ciano Diaries, 1939–1943. The Complete, Unabridged Diaries of Count Galeazzo Ciano, Italian Minister for Foreign Affairs, 1936–1943 / Ed. by H. Gibson. Safety Harbor: Simon, 2001.
- Constitutional Relations between Britain and India: The Transfer of Power, 1942–1947 / Ed.-in-chief N. Mansergh. 6 vols. L.: Her Majesty's Stationary Office, 1970. Vol. VI. The Post-war Phase: New Moves by the Labour Government, 1 August 1945 – 22 March 1946.
- Dokumente / *Martin B.* Deutschland und Japan im Zweiten Weltkrieg. Vom Angriff auf Pearl Harbor bis zur deutschen Kapitulation. Göttingen; Zürich; Frankfurt: Musterschmidt-Verlag, 1969.

- Goebbels J.* Tagebücher 1924–1945. Band 1–5. Bd. 4: 1940–1942. München; Zürich: Piper, 2003.
- Haushofer K.* Grenzen in ihrer geographischen und politischen Bedeutung. II., neubearbeitete Auflage. Heidelberg; Berlin; Magdeburg: Kurt Vowinkel, 1939.
- Japan's Greater East Asia Co-prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents / Ed. and introd. by J.C. Lebra. Kuala Lumpur etc.: Oxford University Press, 1975.
- Netaji: Collected Works. Vol. 9. Congress President: Speeches, Articles and Letters, January 1938 – May 1939 / Ed. S.K. Bose and S. Bose. Calcutta: Netaji Research Bureau, 1995.
- Rabindranath Tagore et Romain Rolland. Lettres et autres écrits. P.: Albin Michel, 1961.
- Reventlow E. zu.* Indien: Seine Bedeutung für Großbritannien, Deutschland und die Zukunft der Welt. Berlin: Mittler, 1917.
- Seeley J.R.* The Expansion of England. Two Courses of Lectures. L.: Macmillan, 1883.
- Selected Speeches of Subhas Chandra Bose / Foreword by B. Gopala Reddi. Delhi: Publications Division, 1962.
- The Selected Works of Subhas Chandra Bose (1936–1946) / Chief editor Dr R. Kumar. Delhi: Atlantic Publishers & Distributors, 1992. Vol. I–II.
- Selections from Educational Records. Part I. 1781–1839 / Ed. by H. Sharp. Calcutta: Superintendent, Govt. Printing, 1920.
- Subhas Chandra Bose Correspondence 1924–1932 / Comp. and ed. by Sisir K. Bose. Calcutta: Netaji Research Bureau, 1967.
- Vice Admiral the Earl Mountbatten of Burma.* Report to the Combined Chiefs of Staff by the Supreme Allied Commander, South-East Asia, 1943–1945. L.: H.M. Stationery Office, 1951.
- Wavell: The Viceroy's Journal / Ed. by P. Moon. L. etc.: Oxford University Press, 1973.

Исследовательская литература

- Алаев Л.Б.* Историография истории Индии. М.: Институт востоковедения РАН, 2013.
- Алаев Л.Б.* Средневековая Индия. СПб.: Алетейя, 2003.
- Володин А.Г.* Индия: становление институтов буржуазной демократии. М.: ГРВЛ, 1989.
- Девяткина Т.Ф.* Социально-политические взгляды С.Ч. Боса // Общественная мысль Индии: прошлое и настоящее. М.: ГРВЛ, 1989.
- Ибрагимбейли Х.М.* Битва за Кавказ. Крах операции «Эдельвейс». М.: Вече, 2012.
- Кауль Т.Н.* От Сталина до Горбачёва и далее. М.: Прогресс, 1991.
- Кольцов Р.Н.* Субхас Чандра Бос — идеолог и лидер индийского национально-освободительного движения: политические взгляды и деятельность (1921–1945). Владимир: Элефант, 2003.
- Комаров Э.Н., Литман А.Д.* Мировоззрение Мохандаса Карамчанда Ганди. М.: ГРВЛ, 1969.
- Курныкин О.Ю.* Парадоксы политической биографии С.Ч. Боса. М.: Муравей-Гайд, 2000.
- Лопатников С.* Зелёная крона с чёрными корнями // Главная тема. Общественно-политический ежемесячный журнал. М., 2005. № 7.
- Мартышин О.В.* Политические взгляды Джавахарлала Неру. М.: ГРВЛ, 1981.
- Мостяев Ю.Н.* Вклад Индии в общую победу союзников над странами «оси» в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. н. 07.00.03. Рязань, 2012.
- Персиц М.А.* Революционеры Индии в Стране Советов. У истоков индийского коммунистического движения, 1918–1921. М.: ГРВЛ, 1973.
- Празаускас А.А.* Этнос, политика и государство в современной Индии. М.: ГРВЛ, 1990.
- Райков А.В.* Амритсарская трагедия 1919 г. и освободительное движение в Индии. М.: ГРВЛ, 1985.

- Райков А.В. Индийское «государство» в Юго-Восточной Азии в годы Второй мировой войны // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. М., 1997. № 2.
- Райков А.В. Мятежный махараджа. Липецк: ЛГПУ, 2004.
- Райков А.В. Опаснейший час Индии. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т, 1999.
- Райков А.В. Последние индийские миссии в царскую Россию // Анналы. Вып. III. Материалы научной конференции «Снесаревские чтения» (15–17 декабря 1995 г.).— М.: Институт востоковедения РАН, 1996.
- Саркизянц М. Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской «расе господ» / Пер. с нем. СПб.: Академический проект, 2003.
- Смирнов Д., Сулейман А. Индия // Очерки по истории Востока в эпоху империализма / Под ред. Аб. Алимова и М. Годеса. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934.
- Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Типография П.П. Меркульева, 1875.
- Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М.: Яуза, Эксмо, 2008.
- Фурсов А.И. Колокола Истории. М.: ИНИОН РАН, 1996.
- Фурсов К.А. Декolonизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. М., 2015. № 2.
- Фурсов К.А. Львы Пятиречья: сикхи — великие воины Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011.
- Черешнева Л.А. Радуга над Красным фортom: раздел колониальной Индии в 1947 г. М.: Вост. лит., 2012.
- Юрлов Ф.Н. От восхода до заката. Династия Неру—Ганди. Книга первая. Мотилал и Джавахарлал Неру. М.: Институт востоковедения РАН, 2015.
- Юрлов Ф. Субхас Чандра Бос — символ храбрости // Азия и Африка сегодня. М., 1997. № 7.
- Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2010.
- Andrew C. The Defence of the Realm: The Authorized History of MI5. L.: Penguin, 2009.
- A Beacon across Asia: A Biography of Subhas Chandra Bose / Ed. by S.K. Bose. Hyderabad: Orient Longman, 1973.
- Bhattacharya S. Swaraj and the Kamgar: The Indian National Congress and the Bombay Working Class, 1919–1931 // Congress and Indian Nationalism: The Pre-independence Phase / Ed. by R. Sisson and S. Wolpert. Berkeley: University of California Press, 1988.
- Bose M. The Lost Hero: A Biography of Subhas Bose. Revised and enlarged edition. Noida: Vikas Publishing, 2014.
- Bose M. Raj, Secrets, Revolution: A Life of Subhas Chandra Bose. Norwich: Grice Chapman, 2004.
- Bose M. The Indian Spy: The True Story of the Most Remarkable Secret Agent of World War II. New Delhi: Aleph, 2017.
- Bose S. His Majesty's Opponent: Subhas Chandra Bose and India's Struggle against Empire. L.: Penguin Books, 2011.
- Brendon P. The Decline and Fall of the British Empire, 1781–1997. L.: Vintage Books, 2008.
- Bright J.S. Subhas Bose and His Ideas. Lahore: Indian Printing Works, 1946.
- Bromfield J.H. Elite Conflict in a Plural Society: Twentieth-Century Bengal. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1968. P. 14.
- Bruce Reynolds E. The Indian Community and the Indian Independence Movement in Thailand during World War II // Southeast Asian Minorities in the Wartime Japanese Empire / Ed. by P.H. Kratoska. N.Y.: RoutledgeCurzon, 2002.
- Burke S.M., Quraishi, Salim Al-Din. The British Raj in India: An Historical Review. Karachi etc.: Oxford University Press, 1995.
- Callahan R. Burma, 1942–1945. L.: Davis-Poynter, 1978.

- Chakrabarty B.* Subhas Chandra Bose and Middle Class Radicalism: A Study in Indian Nationalism, 1928–1940. L.; N.Y.: I.B. Tauris, 1990.
- Chattopadhyay G.* Subhas Chandra Bose and Indian Communist Movement: A Study of Cooperation and Conflict. New Delhi: People's Publishing House, 1973.
- Chaudhuri N.C.* Subhas Chandra Bose — His Legacy and Legend // *Pacific Affairs*. Vol. 26, No. 4. December 1953.
- Cohen S.P.* The Indian Army: Its Contribution to the Development of a Nation. Berkeley etc.: University of California Press, 1971.
- Crevelld M. van.* The Rise and Decline of the State. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1999.
- Das Gupta H.* Deshbandhu Chittaranjan Das. Delhi: The Publication Division, 1960.
- Dhar A.* India's Biggest Cover-Up. New Delhi: Vitasta, 2012.
- Edwardes M.* The Last Years of British India. L.: Cassell, 1963.
- Fay P.* The British Perception of Netaji and I.N.A. A Talk Delivered at the 5th International Netaji Seminar, Calcutta January 1985. Pasadena, California: California Institute of Technology, 1985.
- Fay P.W.* The Forgotten Army: India's Armed Struggle for Independence, 1942–1945. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1993.
- Ferguson N.* Empire: How Britain Made the Modern World. L.: Allen Lane, 2003.
- Fletcher W.M.* The Search for a New Order: Intellectuals and Fascism in Prewar Japan. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1982.
- Frank R.* Englands Herrschaft in Indien. Berlin: Horst Michel, 1940.
- Ganpuley N.G.* Netaji in Germany: A Little-Known Chapter. Chaupatty; Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1959.
- Gill N.S.* Story of the INA. New Delhi: Publications Division, 1985.
- Ghosh K.K.* The Indian National Army: Second Front of the Indian Independence Movement. Begum Bridge; Meerut: Meenakshi Prakashan, 1969.
- Gordon L.* Bengal: The Nationalist Movement, 1876–1940. N.Y.: Columbia University Press, 1974.
- Gruhl W.* Imperial Japan's World War Two, 1931–1945. New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 2007.
- Guha S.* The Mahatma and the Netaji: Two Men of Destiny of India. New Delhi; Bangalore: Sterling, 1986.
- Hauner M.* India in Axis Strategy: Germany, Japan and Indian Nationalists in the Second World War. Stuttgart: Klett-Cotta, 1981.
- Herman A.* How the Scots Invented the Modern World: The True Story of How Western Europe's Poorest Nation Created Our World & Everything in It. N.Y.: Three Rivers Press, 2001.
- Hinsley F.H.* British Intelligence in the Second World War. Abridged Edition. L.: H.M. Stationery Office, 1993.
- A History of Modern India, 1450–1950 / Ed. by C. Markovitz. L.: Anthem, 2002.
- Hopkirk P.* On Secret Service East of Constantinople: The Plot to Bring Down the British Empire. L.: Murray, 1994.
- Jackson A.* The British Empire and the Second World War. L.; N.Y.: Hambledon Continuum, 2006.
- James L.* Raj: The Making and Unmaking of British India. L.: Little, Brown and Co, 1997.
- James L.* The Rise and Fall of the British Empire. L.: Abacus, 1995.
- Jeffery K.* The Second World War // The Oxford History of the British Empire: Vol. IV: The Twentieth Century / Ed. by J.M. Brown and W.R. Louis. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1999.
- Kane T.M., Lonsdale D.J.* Understanding Contemporary Strategy. L.; N.Y.: Routledge, 2012.

- Kuhlmann J.* Subhas Chandra Bose und die Indienpolitik der Achsenmächte. Berlin: Hans Schiler, 2012.
- Kumar A.* Subhas Chandra Bose. The Great Freedom Fighter. New Delhi: Penguin Random House, 2010.
- Kuracina W.F.* Sentiments and Patriotism: The Indian National Army, General Elections and the Congress's Appropriation of the INA Legacy // *Modern Asian Studies*. Vol. 44, No. 4. July 2010.
- Lebra J.C.* The Indian National Army and Japan. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2008.
- Lütt J.* Das moderne Indien, 1498 bis 2004. München: Oldenbourg, 2012.
- Mangat G.S.* The Tiger Strikes: An Unwritten Chapter of Netaji's Life History. Ludhiana: Gagan, 1986.
- Mann M.* Geschichte Indiens: vom 18. bis zum 21. Jahrhundert. Paderborn: Schöningh, 2005.
- Martin B.* Deutschland und Japan im Zweiten Weltkrieg. Vom Angriff auf Pearl Harbor bis zur deutschen Kapitulation. Göttingen; Zürich; Frankfurt: Musterschmidt-Verlag, 1969.
- Mookerjee G.K.* Europe at War (1938–1946): Impressions of War, Netaji and Europe. Meerut: Meenakshi Prakashan, 1968.
- Moon P.* The British Conquest and Dominion in India. New Delhi: India Research Press, 1999. Part Two. 1858–1947.
- Orwell G.* Not Counting Niggers // *Adelphi*. July 1939.
- Pelinka A.* Democracy Indian Style: Subhas Chandra Bose and the Creation of India's Political Culture. New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 2003.
- Pettibone C.D.* The Organization and Order of Battle of Militaries in World War II. Vol. VII. Germany's & Imperial Japan's Allies, Co-belligerent and Puppet States. Bloomington (IN): Trafford, 2012.
- Pike F.* Empires at War: A Short History of Modern Asia since World War II. L.; N.Y.: I.B. Tauris, 2011.
- Pillai R.C.* Jawahar Lal Nehru and his Critics, 1923–1947: A Study with Reference to the Ideas of Nehru, Gandhi, Subhas Chandra Bose, M.N. Roy and the Communists Delhi. Gitanjali, 1986.
- Ramana Rao M.V.* A Short History of the Indian National Congress. Delhi etc.: Chand, 1959.
- Ray R.K.* Social Conflict and Political Unrest in Bengal, 1875–1927. Delhi etc.: Oxford University Press, 1984.
- Roy D.K.* Netaji — The Man: Reminiscences. Chaupatty; Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1966.
- Roy P.* The Search for Netaji: New Findings. Kolkata: Purple Peacock Books & Arts, 2011.
- Russell A.G.* Colour, Race and Empire. L.: Kennikat Press, 1973.
- Sareen T.R.* Subhas Chandra Bose, Japan and British Imperialism // *European Journal of East Asian Studies*. Vol. 3, No. 1. June 2004.
- Schrenck-Notzing C.* Hundert Jahre Indien. Die politische Entwicklung 1857–1960. Eine Einführung. Stuttgart: Kohlhammer, 1961.
- Sopan.* Netaji Subhash Chandra Bose: His Life and Work. Bombay: Bhandar, 1946.
- Stein B.* A History of India. Malden (MA): Blackwell, 1998.
- Toye H.* The Springing Tiger: A Study of the Indian National Army and Netaji Subhas Chandra Bose. New Delhi etc.: Allied Publishers, 2009.
- Vas E.A.* Subhas Chandra Bose: The Man and His Times. New Delhi: Lancer Publishers & Distributors, 2005.
- Voigt J.H.* Indien im Zweiten Weltkrieg. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1978.
- Walton C.* Empire of Secrets: British Intelligence, the Cold War and the Twilight of Empire. L.: HarperPress, 2013.
- Wolferen K. van.* The Enigma of Japanese Power: People and Politics in a Stateless Nation. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1989.

- Wolpert S.* A New History of India. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Zachariah B.* Nazi Hunting and Intelligence Gathering in India on the Eve of the Second World War // *An Imperial World at War: Aspects of the British Empire's War Experience, 1939–1945* / Ed. by A. Jackson, Y. Khan and G. Singh. L.; N.Y.: Routledge, 2017.
- Zöllner H.-B.* “Der Feind meines Feindes ist mein Freund”. Subhas Chandra Bose und das zeitgenössische Deutschland unter dem Nationalsozialismus, 1933–1943. Hamburg: LIT, 2000.
- Видьявачаспати И.* Бхаратия свадхинта-санграм ка итихас (История борьбы за независимость Индии). Дели: Саста сахитья мандал-пракашан, 1965 (хинди).
- Гупта А.* Субхашчандра Бос. Ниссанг кранти-патхик (Субхас Чандра Бос. Одинокий революционный путник). Дели; Лакхнау: Атмарам энд санс, 1997 (хинди).
- Панде А.Д.* Бхаратия свадхинта андолан (1857–1947). (Индийское движение за независимость, 1857–1947). Дели: Адхуник, 1995 (хинди).
- Сабри И.* Тарих-э Азад Хинд фаудж (История Индийской национальной армии). Дели: Ала пресс, 19-- (урду).
- Синх К.* Бхарат ка итихас (История Индии). Калькутта: Хинди праچارак пустакалай, 1959 (хинди).

Н.Н. Платошкин

НАЦИСТЫ В АРГЕНТИНЕ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Платошкин Николай Николаевич — доктор исторических наук,
заведующий кафедрой международных отношений Московского
гуманитарного университета

С 1945 г. и по сегодняшний день появляются «проверенные» и «предположительные» сведения о бегстве в Аргентину после краха Третьего рейха лидеров Германии и нацистских военных преступников рангом пониже¹. На берегах Ла-Платы «видели» и Гитлера, и Бормана, и шефа гестапо Мюллера. В джунглях Северной Аргентины (наиболее неосвоенная часть страны) с завидной регулярностью находят руины «секретных» нацистских поселений. Всё это плод воображения падких на сенсации журналистов, а также различных «краеведов» и «следопытов».

Но всё же дыма без огня не бывает. Попробуем отделить зёрна от плевел, опираясь на факты.

Аргентина в отличие от соседних Бразилии и Чили долгое время не была центром германской поселенческой колонизации в Латинской Америке. Только в 1843 г. немцы основали там свою Евангелическую церковь (Аргентина была и остаётся католической страной), а реальная более или менее массовая немецкоговорящая эмиграция относится к периоду после 1870 г.² Причём поначалу в Аргентину ехали немцы отнюдь не из Германии, а в основном поволжские немцы из России. Это было связано с курсом правительства Александра III на ассимиляцию немецких колонистов и на «привитие» им православия. А ведь в своё время в Россию немцы приезжали из различных германских государств именно потому, что им гарантировали на новой родине свободу вероисповедания.

Аргентинское правительство старалось селить немцев в неосвоенных джунглях северо-востока страны на границах с Бразилией и Парагваем. Местные жители туда особо не рвались — их пугали нездоровый тропический климат и полное отсутствие дорог.

В начале XX в. некоторые немцы-колонисты разбогатели, но на политическую жизнь Аргентины никак не влияли, отсиживаясь в своих хуторах и деревнях. Они эксплуатировали в основном своих же соотечественников, которые продолжали приезжать из Швейцарии и Германии.

¹ См. напр., <http://www.spiegel.de/wissenschaft/mensch/argentinien-das-maerchen-vom-nazi-versteck-im-dschungel-a-1025259.html>

² <http://www.freunde-deutschlands.de/index.php/deu/deutsche-im-ausland/argentinien.html>

Всего в начале 1930-х гг. в Аргентине проживало примерно 250 000 граждан немецкого происхождения. В одном только Буэнос-Айресе насчитывалось примерно 160 немецких организаций, занимавшихся широким спектром деятельности — от поглощения немецкого пива до стендовой стрельбы.

Во время Веймарской республики иммиграция из страдающей от безработицы, инфляции и постоянного политического кризиса Германии в Аргентину сильно выросла. Только в 1923 г., например, на берега Ла-Платы приехало в поисках лучшей доли 5105 немцев, в 1927 г. — 5165, в 1930 г. — 5139. Примерно половину приезжих составляли промышленные и сельскохозяйственные рабочие, треть — различного рода бизнесмены (обычно разорившиеся в Германии)³. Но в 1932 г. мировой экономический кризис всей мощью ударил и по Аргентине, и страна сократила иммиграцию из Германии в два раза.

Треть немцев Буэнос-Айреса (столица всегда играла главную роль в политической жизни Аргентины) в 1930-е гг. были рабочими, но большинство принадлежало к зажиточным средним слоям (коммерсанты, врачи, адвокаты и т.д.)⁴. Ведущими немецкими газетами были основанные ещё в XIX в. «Ла-Плата Цайтунг» и «Аргентинише Тагеблатт»⁵. В немецкой колонии присутствовал весь спектр политических взглядов.

В наиболее отсталой аргентинской провинции Мисьонес на границе с Парагваем жило к моменту прихода Гитлера к власти примерно 10 000 немцев — граждан Германского рейха (Reichsdeutsche)⁶. По крайней мере, начиная с 7 апреля 1931 г. в Аргентине существовала небольшая организация НСДАП⁷, поддерживавшая связи с немецким посольством в Буэнос-Айресе. Поначалу организацию возглавлял капитан в отставке и бизнесмен-неудачник Рудольф Зайд⁸. Друг Зайда майор в отставке Шнайдер был осведомителем аргентинской армии. Первый митинг нацистов в Буэнос-Айресе состоялся 27 июля 1931 г. Позднее Зайда сочли слишком бестолковым (к тому же он запутался в своём бракоразводном процессе) и был заменён в 1932 г. на Экарда Ноймана. Тот, по оценкам АО НСДАП (см. ниже), оказался «политически незрелым» и уже в конце 1932 г. ему на смену пришёл друг Зайда Рудольф Гернд, редактор «Ла-Плата Цайтунг». К моменту прихода Гитлера к власти в организации НСДАП в Аргентине состояло, по разным данным, от 150 до 315 членов.

Вплоть до начала Второй мировой войны аргентинские власти не чинили местным нацистам никаких препятствий, зато эмигранты-антифашисты из Германии

³ Newton R. German Buenos Aires: Social Change and cultural Crisis 1900–1933. University of Texas Press, 1977. P. 82.

⁴ <http://www.quetzal-leipzig.de/lateinamerika/argentinien/deutschsprachige-zeitungen-in-argentinien-1930-1945-19093.html>

⁵ «Аргентинише Тагеблатт» занимала в 1930-е гг. либеральную антинацистскую позицию (тираж газеты доходил до 8000 экземпляров), и её издателя Эрнесто Алемана Университет Гейдельберга лишил докторского звания. Алеман продолжал в ответ публиковать в своей газете карикатуры на Гитлера и Геббельса.

⁶ <http://www.spiegel.de/wissenschaft/mensch/argentinien-das-maerchen-vom-nazi-versteck-im-dschungel-a-1025259.html>

⁷ На момент основания в ней было 59 членов.

⁸ Родился в Касселе в 1884 г., в Аргентину приехал в начале 1920-х гг. Вызвал редактора «Аргентинише Тагеблатт» на дуэль, но тот отказался.

(особенно социал-демократы и коммунисты) сталкивались с различными бюрократическими препонами.

Формально аргентинские нацисты подчинялись организационно Заграничной организации НСДАП (Auslandsorganisation der NSDAP, АО NSDAP; существовала на правах 43-го «гау» партии), которую с мая 1933 г. возглавлял гауляйтер Эрнст Вильгельм Боле. Управление VII АО НСДАП ведало «Иberoамерикой» (т.е. Латинской Америкой и Карибским бассейном). Шефом управления был Рихард Вильгельм Цайсиг⁹.

Биография этого человека очень показательна для нацистских кадров, занимавшихся Латинской Америкой в целом и Аргентиной в частности.

Фанатик охоты и лошадей, Цайсиг (род. 1897) дослужился в годы Первой мировой войны до лейтенанта кайзеровской армии (имел несколько наград) и, как и многие его сверстники, тяжело переживал «неожиданное» поражение Германии в 1918 г. В 1920 г. он принял участие в реакционном капповском путче, после поражения которого отправился вместе с братом в Аргентину.

Аргентина сказочно разбогатела на поставках мяса и зерна Антанте в годы войны и была в 1920 г. одной из самых зажиточных стран мира. Многие немцы бежали туда от национального унижения, гиперинфляции и безработицы в рейхе. Иммиграционная политика аргентинских властей была очень либеральной. Например, пассажиры первого класса всех пароходов (т.е. богатые люди) могли въезжать в страну без всякой визы.

Цайсиг подвизался на юге Аргентины, в Патагонии, сельскохозяйственным рабочим, потом ковбоем-гаучо (пригодилось отличное знание лошадей). С трудом накопив денег, он купил землю на севере Аргентины, но засуха положила конец бизнесу. После этого Цайсиг работал представителем немецкой фирмы в Буэнос-Айресе, занимавшейся экспортом в страну сельскохозяйственных машин. Именно в этом качестве он приехал в Германию в 1930 г. Рейх тогда сотрясал жесточайший экономический кризис, обеспечивший НСДАП феноменальный успех на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 г. Цайсиг познакомился в Мюнхене с Гитлером и, вернувшись в Буэнос-Айрес, возглавил в рамках тамошней организации НСДАП «спортивную группу» — аналог боевой организации СА¹⁰. На базе Немецкого конного клуба было создано кавалерийское подразделение СС.

«Спортсмены» срывали показы «вредных» фильмов в кинотеатрах (типа экранизации романа Ремарка «На Западном фронте без перемен») и проводили шумные демонстрации против антигермански настроенных аргентинских политиков. Например, 5 апреля 1933 г. нацисты смогли собрать в лучшем театре Аргентины «Театро Колон» более 5000 сторонников в поддержку «нового порядка» в Германии¹¹. Люди Цайсига совершили налёт на редакцию «Аргентинише Тагеблатт» и избили сотрудников газеты. Немецкое посольство в Буэнос-Айресе пыталось подорвать газету экономически, организовав бойкот рекламных объявлений со стороны «правильных» немецких фирм.

⁹ В 1938 г. возглавил организацию нацистов в оккупированной Чехии, в 1940 г. был переброшен на руководство партийной организации НСДАП в оккупированной части Франции. В 1941 г. добровольцем пошёл на Восточный фронт, где погиб под Вязьмой в январе 1942 г.

¹⁰ <http://www.spiegel.de/einestages/nazi-karriere-a-949990.html>

¹¹ Newton R.C. The «Nazi Menace» in Argentina, 1931–1947. Stanford University Press, 1992. P. 46.

Нацисты смогли превратить в свой рупор вторую по значимости немецкую газету Аргентины «Ла-Плата Цайтунг» (основана в 1863 г.), которая до 1933 г. стояла на монархических позициях. При поддержке НСДАП, посольства Германии (оттуда газета получала прямую финансовую помощь) и крупного немецкого бизнеса тираж газеты удалось довести до 30 000 экземпляров¹².

Заслуги Цайсига высоко ценили в Берлине, и в 1934 г. Боле отправил его в Чили, чтобы организовать боевую организацию НСДАП и в этой стране. Заметим, что именно чилийская организация НСДАП считалась самой мощной в Южной Америке¹³.

Через год Цайсиг работал уже в центральном аппарате АО в Берлине. Ему оказали честь, включив в делегацию НСДАП на открытии Олимпийских игр 1936 г., а на его свадьбе присутствовал Боле. Затем «ценному кадру» отдали прекрасную квартиру, отобранную у евреев.

Помимо Цайсига некоторые ведущие нацисты имели особое отношение к Латинской Америке, и Гитлер прислушивался к ним как к «экспертам» по региону.

Близкий друг Гитлера¹⁴ и основатель СА Эрнст Рем в 1928–1930 гг. работал военным советником в Боливии (будучи отставным капитаном рейхсвера, Рем получил звание подполковника боливийской армии, научился бегло говорить по-испански; ему выделили высокий оклад — 1000 боливианос в месяц)¹⁵. Рем служил начальником III (оперативного) управления боливийского генштаба. Именно он готовил боливийскую армию к войне с Парагваем, проведя успешные штабные учения. После военного переворота в Боливии в 1930 г. Рему предложили должность начальника генерального штаба боливийской армии¹⁶. Но фюрер срочно вызвал друга в Германию, где нацисты как раз добились оглушительного успеха на выборах в рейхстаг. В Берлине Рем (ставший фактически вторым человеком в НСДАП) часто посещал боливийское посольство. Однако, как известно, Гитлер по просьбе рейхсвера ликвидировал Рема и его соратников в 1934 г. («ночь длинных ножей»). Заметим, что до самой смерти Рем числился офицером боливийской армии.

С тех пор главным «латиноамериканистом» в нацистской верхушке был Рихард Вальтер Дарре, родившийся в Буэнос-Айресе (его отец работал там представителем немецкого торгового дома)¹⁷. В Первую мировую войну Дарре служил в германской армии (звание — лейтенант), затем пытался заниматься сельским хозяйством. Он намеревался вернуться в Аргентину, но этому помешало отсутствие средств.

¹² После поражения Третьего рейха газета быстро переименовалась в «Свободную прессу» (1 декабря 1945 г.), но её собственник (семья Тьяркс) остался прежним. В 1952 г. главным редактором газеты стал бывший референт Геббельса Вильфрид фон Овен.

¹³ Schlüter D. Vom Kampfblatt zur Staatspropaganda: Die auswärtige Pressearbeit der NSDAP. 2016. S. 102.

¹⁴ Рем был одним из немногих людей, говоривших Гитлеру «ты».

¹⁵ Боливия готовилась к схватке с Парагваем за пустынный район Чако, где предполагали большие залежи нефти. Боливийско-парагвайская граница в Чако не была делимитирована, постоянного населения там фактически не было.

¹⁶ <http://eju.tv/2012/06/ernst-rhm-en-bolivia/>

¹⁷ Отец Дарре происходил из рода французских протестантов (гугенотов), отсюда и фамилия. У матери-аргентинки были швейцарские и немецкие корни.

Селекцию в области животноводства Дарре предлагал применять и к людям, что и привело его к нацистам. Наиболее чистой частью немецкого народа в расовом отношении Дарре считал крестьян, что нашло отражение в его книге «Новое дворянство из земли и крови» (1930). «Учение» Дарре о «земле и крови» как основных генетических признаках нации после 1933 г. изучали во всех немецких школах. Таким образом, Дарре был на практике главным теоретиком НСДАП после Гитлера. Дарре, помимо немецкого, владел испанским, французским и английским языками.

С 1931 г. Дарре в ранге штандартенфюрера СС (членом НСДАП и СС он был с июля 1930 г.) возглавил Расовое и переселенческое управление СС (Rassen- und Siedlungshauptamt, RuSHA). Целью управления была биологическая селекция членов СС, а затем и всего немецкого народа. Именно это управление, например, давало разрешение на браки членов СС.

После прихода нацистов к власти Дарре был сначала назначен «имперским фюрером крестьян» (Reichsbauernführer), а с июня 1933 г. стал имперским министром продовольствия и сельского хозяйства. Однако после продовольственного кризиса в Германии весной 1942 г. Дарре был фактически отправлен в отставку и с тех пор никакого влияния на политику рейха не имел. Сильно испортились и его отношения с бывшим соратником Гиммлером — последний решительно выступил против планов Дарре по переселению немецких крестьян на оккупированные земли СССР¹⁸.

В целом Гитлер считал Латинскую Америку естественным союзником Германии, так как многие страны региона, устав от постоянного вмешательства США в их внутренние дела, видели в Берлине естественный противовес Вашингтону. Что касается Аргентины, то «фюрер» оценивал её как самую расово чистую и «белую» страну Западного полушария (в отличие от традиционного противника Аргентины «негроидной» Бразилии). А это в его глазах делало Аргентину естественным привилегированным союзником нацистской Германии по ту сторону Атлантики.

Инструктируя в 1933 г. отправлявшегося в Аргентину главу дипломатического представительства Германии фон Термана, Гитлер сказал ему, что национал-социализм не предназначен для экспорта. То есть «новая Германия» не будет навязывать Аргентине свою модель¹⁹. В 1936 г. Терман приехал в Германию в свой первый отпуск, и его для короткой беседы принял Гитлер. Только что повышенный до уровня посла фон Терман рассказал фюреру о политической обстановке в Аргентине и о торгово-экономических связях обеих стран. Гитлер только слушал и почти ничего не комментировал.

Когда фон Терман опять появился в Берлине в мае 1938 г., фюрер уже не удостоил его личной встречи, так как аргентино-германские отношения считались беспроблемными и не требовали вмешательства глав государств. Если не считать того, что аргентинцы постоянно навязывали немцам мясо, однако немецкое население до войны неохотно покупало мороженую говядину с другого конца света²⁰.

¹⁸ В апреле 1949 г. Дарре был осуждён американцами на 7 лет, но уже в августе 1950 г. вышел на свободу. Умер в 1953 г.

¹⁹ <http://hydrastg.library.cornell.edu/fedora/objects/nur:01190/datastreams/pdf/content>

²⁰ В порядке жеста доброй воли немцы всё же закупили примерно 15 000 т аргентинского мяса.

В целом, что касается торговли, можно констатировать, что аргентинцев в сторону немцев просто толкали англичане. В 1932 г. они ввели льготный режим для импорта мяса из своих доминионов (Канада, Австралия). Аргентинцам же выставили унижительное условие — минимум 85% поставляемого на берега Альбиона мяса должно было происходить из холодильников, принадлежащих иностранным (читай: британским) фирмам. Да и остальные 15% мяса предписывалось ввозить в Англию только на британских судах. Немцы, напротив, заключили торговый договор с Аргентиной в 1934 г. на равных условиях. К 1937 г. товарооборот рейха со странами Латинской Америки удвоился, и Аргентина являлась их главным торговым партнёром. Так как ни у Аргентины, ни у Германии не было свободно конвертируемой валюты, то торговлю вели на условиях клиринга. За мясо, кофе, пшеницу, табак, каучук и хлопок немцы платили оборудованием.

Заметим, что Гитлер и партийное руководство НСДАП не доверяли фон Терману — как и многие дворяне в МИДе, фон Терман считал лидеров нацизма плебеями и выскочками. Что, правда, не мешало ему служить этим плебейм верой и правдой, хотя и без особого рвения. Однако Боле постоянно жаловался Гессу (до 1941 г. заместитель Гитлера по партийным делам), что фон Терман плохо поддерживает организацию НСДАП в Аргентине. В 1940 г. фон Термана в этой связи даже вызвали в Берлин, где ему пришлось оправдываться²¹.

Что касается нацистской разведки, то за Аргентину (как и за все западные страны) отвечало VI управление РСХА (SD Ausland) во главе с бригадефюрером СС Вальтером Шелленбергом.

Начиная с 1937 г. британская и американская разведки²² резко усилили слежку за немцами в Аргентине. Англичан беспокоило, что в случае начала войны с Германией члены НСДАП в Аргентине могут организовать на пустынных берегах Патагонии базы для германских субмарин и «карманных линкоров». Ведь германский флот пытался оперировать в Южной Атлантике и во время Первой мировой войны. К тому же англичане (закупавшие 85% аргентинской говядины) опасались, что люди Цайсига могут организовать диверсии на железных дорогах и в портах и сорвать поставки продовольствия в воюющую Великобританию.

Американцы до 1939 г. особого внимания Аргентине не уделяли. Многие в Вашингтоне считали, что британцы специально раздувают миф о «нацистской угрозе» в Аргентине, чтобы сохранить там преобладающие позиции своего бизнеса в условиях возросшей американской конкуренции.

Когда в Европе вспыхнула Вторая мировая война, Аргентина объявила о своём нейтралитете (4 сентября 1939 г.).

Но страна раскололась в своих симпатиях. Городская интеллигенция была на стороне Англии, и в этом её поддерживали «коровьи бароны» — аргентинская животноводческая олигархия. Ведь почти всё мясо шло в Англию, а возможный экспорт в Германию всё равно был не более чем сказкой в условиях тотального господства на море флота Его Величества.

²¹ <http://hydrastg.library.cornell.edu/fedora/objects/nur:01190/datastreams/pdf/content>

²² В США разведкой и контрразведкой в Западном полушарии занималось ФБР — то есть американцы даже в этом смысле считали Латинскую Америку своей внутренней территорией.

На стороне Германии и Италии стояли армия и католическая церковь. Аргентинские военные по образцу своих чилийских коллег восторгались германской военной историей, и с 1904 г. её изучение было обязательным для всех аргентинских офицеров. Католическая церковь считала, что Германия и Италия являются передовым отрядом в борьбе против «безбожных» коммунистов, евреев и «прогневших» либеральных демократий Запада.

К тому же армия и церковь носились с идеей образования в Южной Америке «католической империи» в границах бывшего испанского вице-королевства Ла-Плата. Предполагалось с опорой на немцев и итальянцев подчинить в той или иной форме Чили, Боливию, Уругвай и Парагвай. Это, в свою очередь, давало возможность повергнуть в прах «исторического врага» Аргентины — Бразилию. В этом случае Аргентина превращалась в мировую державу. Бразилия твёрдо ориентировалась на США, поэтому аргентинское офицерство столь же твёрдо симпатизировало противникам Америки в мировой войне.

Бразильский диктатор Жетулио Варгас в общем-то мало отличался по мировоззрению от Гитлера или Муссолини, но он не доверял Германии. На юге Бразилии (в отличие от Аргентины) компактно проживало много немцев, и Варгас боялся, что Третий рейх может попытаться организовать там сепаратистское движение при поддержке Аргентины.

Свойственного, например, для Чили преклонения перед всем немецким в Аргентине не было. Образцом для «образованных классов» всегда была Англия, да и процветание страны зависело от торговли именно с этой страной. Не зря шутили, что аргентинец — это итальянец, говорящий по-испански²³ и ощущающий себя англичанином.

Немцев нейтралитет Аргентины вполне устраивал. В Буэнос-Айресе работало немецкое посольство, совмещавшее светские рауты с активным шпионажем. К тому же из нейтральной Аргентины через тоже нейтральную франкистскую Испанию можно было наладить закупку сырья и продовольствия для рейха. Среднегодовой урожай пшеницы в Аргентине в 1937–1942 гг. составлял 6,3 млн. т, кукурузы — 3,8 млн. т. В аргентинской пампе круглый год паслось 32–33 млн. голов крупного рогатого скота²⁴. В 1944 г. Аргентина вывезла 404 855 т мясопродуктов (консервированное мясо, свежая баранина, солёное мясо, охлаждённая свинина, охлаждённая говядина). В Германии всего этого не хватало, и война лишь усугубила продовольственные трудности.

Напротив, и англичане, и впоследствии американцы всячески стремились втянуть Аргентину в войну против держав Оси. Ещё бы: британские инвестиции в аргентинскую экономику (5,4 млрд. песо) в три раза превосходили американские и в 150 раз — немецкие. Тут было что терять.

После начала Второй мировой войны Бразилией и Аргентиной активно заинтересовалась германская военная разведка — абвер. Поначалу агенты абвера, прежде всего в Бразилии, должны были следить за движением союзных конвоев в Атлантике и передавать по радиации данные о маршрутах, чтобы подлодки кригсмарине могли перехватить и потопить корабли. Когда Япония напала на Пёрл-Харбор, Бра-

²³ Аргентина является единственной страной испанской Латинской Америки, где большая часть населения выходцы из Италии, а не из Испании.

²⁴ Очерки истории Аргентины. М., 1961. С. 385–386.

зилия, как и подавляющее большинство стран Западного полушария, под давлением США объявили войну державам Оси. Бразильцы закрыли посольство рейха, под «крышей» которого в качестве военного атташе работал резидент абвера.

Нейтральными в Латинской Америке остались только Чили и Аргентина. Но союзные конвои вдоль чилийских берегов ходили редко, поэтому абвер и сконцентрировал своё внимание на Аргентине. Начался активный радиообмен между Аргентиной и Германией. Всего ФБР запеленговала в Южной Америке 33 передатчика, работавших на Германию²⁵. За работой немецкой агентуры сначала следили 7 станций радиоперехвата в США, с января 1941 г. добавилось ещё пять.

Работу по Аргентине в абвере осуществляло отделение военной разведки в Кёльне (Abwehrstelle Köln). В Буэнос-Айресе резидентом был военно-морской атташе посольства Германии Дитрих Нибур («Диего»)²⁶. В отличие от СД, абвер стремился поддерживать хорошие отношения с карьерными дипломатами, и Нибур постоянно советовался с послом Германии в Аргентине по политическим вопросам²⁷. В 1936–1939 гг. Нибур получил для своей разведывательной деятельности от Верховного командования ВМС Германии 650 000 рейхсмарок в золоте, аргентинских песо и долларах²⁸.

В декабре 1939 г. Нибур с помощью взяток убедил аргентинское правительство не выдавать англичанам экипажа «карманного линкора» (тяжёлого крейсера) «Граф Шпее»²⁹. Немцы с корабля жили в Аргентине компактно, проводили военные занятия и, по данным антифашистских организаций, даже получали оружие из Боливии.

Нелегальным резидентом абвера в Аргентине являлся Ханс Харниш, прибывший в страну в 1920 г. С 1939 г. он состоял в НСДАП, ездил в Германию в 1941 г., позднее его вело СД.

Помимо абвера, в Аргентине, как уже упоминалось, работало и СД Шелленберга. Хотя обычно СД и абвер до 1944 г.³⁰ сильно конкурировали друг с другом, в Ар-

²⁵ *Beckh J.* Blitz und Anker. Band 2. S. 517.

²⁶ Назначение Нибура в Буэнос-Айрес в 1936 г. состоялось по протекции шефа абвера адмирала Канариса (предыдущий глава абвера Патциг был вообще личным другом Нибура). Сам Канарис имел к Аргентине прямое отношение. Первая мировая война застала его офицером крейсера «Дрезден», стоявшего на якоре на Гаити (к тому времени Канарис уже хорошо говорил по-испански). «Дрезден» получил приказ вести крейсерскую войну в Атлантике. Крейсер потопил у аргентинских берегов два английских суда и стал единственным немецким кораблем, уцелевшим после разгрома немецкой эскадры британским флотом у Фолклендских островов 8 декабря 1914 г. «Дрезден» долго укрывался во фьордах Южного Чили, где Канарис смог наладить разведсеть среди местного населения. В марте 1915 г. британцы обнаружили «Дрезден» и команда сама затопила корабль. Канарис бежал из чилийского лагеря для интернированных в Аргентину, преодолев Анды на лошади. Из Буэнос-Айреса на голландском корабле он смог пробраться в Европу и в октябре 1915 г. был уже в Гамбурге.

²⁷ Хорошо знавший испанский язык Нибур был по совместительству аккредитован в Парагвае, Уругвае, Бразилии и Чили, что давало ему возможность легально ездить в эти страны.

²⁸ https://etd.ohiolink.edu/!etd.send_file?accession=ohiou1256330041&disposition=inline

²⁹ Осуществлявший крейсерство в Атлантике «Граф Шпее» столкнулся в устье Ла-Платы 13 декабря 1939 г. с целой британской эскадрой и получил в бою серьёзные повреждения. Корабль укрылся в нейтральном Монтевидео, но не мог по международному праву оставаться там более 72 ч. Из Берлина был получен приказ затопить крейсер.

³⁰ После отставки Канариса в начале 1944 г. абвер подчинили РСХА.

гентине им удалось наладить тесное сотрудничество, выражением которого стала совместная операция «Боливар».

Основную роль в операциях абвера и СД в Аргентине играл гауптштурмфюрер СС Йоханнес Зигфрид Беккер (псевдоним «Сарго»), появившийся в Буэнос-Айресе как минимум в мае 1940 г.

Поначалу вместе со своим партнёром Хайнцем Ланге («Янсен») он должен был организовать в Аргентине саботаж поставок сырья и продовольствия Англии и США. Однако немецкое посольство в Буэнос-Айресе опасалось, что диверсии абвера могут толкнуть нейтральную Аргентину в объятия союзников, и настояло в Берлине на том, чтобы агентура абвера занималась в Аргентине исключительно шпионажем. Аргентинцы быстро вычислили немецких агентов, и тем уже в июне 1940 г. пришлось ретироваться в Бразилию.

ФБР считало Беккера самым опасным немецким агентом в Западном полушарии³¹. В Бразилии Беккер вместе с другим немецким агентом Альбрехтом Густаво Энгельсом («Альфредо») смог-таки создать успешно работавшую шпионскую сеть. С помощью коротковолнового передатчика в Берлин сообщали данные о судах, перевозивших стратегические материалы для союзников. Прекрасно говоривший по-английски и португальски Беккер вёл в Бразилии шикарную жизнь, часто появляясь в театрах и на всевозможных вечеринках. Его слабостью были красивые женщины. Он открыто хвалился, что от него забеременела жена одного из бразильских министров. Такой светский характер жизни требовал много денег, и Беккер регулярно просил об этом Берлин. В СД подобное транжирство вызвало недовольство, и в конце 1941 г. Беккера откомандировали в Берлин и отчитали. Агент возмущённо потребовал отправки его на Восточный фронт. Однако Шелленберг лично принял решение о возвращении Беккера в Бразилию.

После Пёрл-Харбора Бразилия (как уже упоминалось) объявила войну Германии, и по стране прокатилась волна арестов немецкой агентуры.

В марте 1942 г. ФБР и бразильская полиция полностью разгромили разведывательную сеть немцев в Бразилии³². Всего в этом году было арестовано 36 человек, которых обвинили в работе на Германию, Японию и Италию.

Беккер в это время был в Германии, где ему поручили руководить восстановлением всей шпионской паутины в Латинской Америке. Все немецкие агенты в Южной Америке должны были передавать по радиации информацию ему, а он, базируясь в Буэнос-Айресе, суммировал и отправлял данные в Берлин. Хайнцу Ланге, который сумел ускользнуть из Бразилии в Парагвай, поручили наладить «радиооркестр» в Чили. Джонни Хартмут («Гуапо») отвечал за аналогичную работу в Парагвае. Агент Вольф Франчок (он же Густав Утцингер, «Луна») отвечал за бесперебойное техническое функционирование всей радиосети.

Тем временем с мая 1941 г. под давлением американцев пошли аресты немецких «пианистов» в Аргентине, и в июне 1942 г. там был задержан последний радист абвера.

³¹ <http://www.spiegel.de/spiegel/spiegelspecial/d-39863543.html>

³² Работу американцев облегчило странное пренебрежение немцев к конспирации: вопреки устоявшимся правилам любой разведки немецкие агенты в Бразилии были лично знакомы друг с другом.

Однако ситуация в Аргентине резко изменилась в пользу Германии 4 июня 1943 г., когда в стране произошёл бескровный военный переворот, организованный тайной «Группой объединённых офицеров» (испанская аббревиатура ГОУ). Формально 7 июля президентом Аргентины стал генерал Рамирес, но реальная власть постепенно сосредоточилась в руках нескольких честолюбивых полковников, среди которых выделялся Хуан Перон.

В Берлине считали аргентинскую военную хунту и в целом и Перона в частности своими единомышленниками, и на то были основания. Как и нацисты, Перон выступал и против мирового коммунизма и против «прогнившей» западной демократии за некий «третий путь». В хунте он отвечал за работу с профсоюзами и, как и Гитлер в своё время, заставлял предпринимателей идти на экономические уступки рабочим, чтобы отвлечь пролетариат от классовой политической борьбы. Профсоюзам льстило подчёркнутое внимание новых властей, и популярность Перона в народе быстро росла.

Перон высказывал и антисемитские мысли (что с удовлетворением отмечали в Берлине), которые, надо сказать, были широко распространены среди аргентинских правящих классов задолго до прихода нацистов к власти, главным образом ввиду влияния католической церкви. Однако в отличие от Гитлера Перон был настроен прагматично. Евреи традиционно играли большую роль в экономике Аргентины, и военные власти не предпринимали против них никаких дискриминационных мер.

Заметим, что после начала Второй мировой войны правительство Аргентины (задолго до прихода Перона к власти) отдало указание своим консульским учреждениям за границей прекратить выдачу въездных виз евреям. Тем не менее многие аргентинские дипломаты в Европе просто торговали визами, вымогая у еврейских беженцев огромные деньги.

В 1939 г. военное министерство Аргентины отправило Перона в Италию изучать опыт горной войны. Побывав во многих европейских странах (в том числе и в Германии), Перон пришёл к выводу о том, что «социальная» диктатура является хорошей альтернативой как тоталитаризму (он имел в виду СССР), так и классическим либеральным демократиям англо-саксонского стиля.

Как и многие аргентинские военные, Перон желал победы германо-итальянскому блоку, но отнюдь не потому, что был убеждённым фашистом. Он считал, что победа немцев в Европе ввергнет их неизбежно в затяжное противостояние с США, и американцам будет не до Латинской Америки. Вторжения же Германии в Западное полушарие в условиях тотального господства на морях англо-американского флота можно было не опасаться. Такой стратегический германо-американский пакт открывал Аргентине возможность стать мировым арбитром, фактической сверхдержавой. И именно это и было целью националиста Перона.

ФБР подозревало Перона в симпатиях к нацистам, а между тем тайные политические контакты между Германией и Аргентиной начались ещё до прихода военных к власти.

Внешнюю политику Аргентины в то время определяли сторонники испановатиканской ориентации. С помощью франкистской Испании и антикоммунистически настроенного Ватикана аргентинцы стремились добиться выгодного для Германии и Италии мира в Европе, а затем, опираясь на помощь папы, Франко, Гитле-

ра и Муссолини, создать-таки католическую империю в Южной Америке в противовес Бразилии.

С тайной миссией в Европу решили отправить Хуана Карлоса Гойенече, известного католического националиста, чей дед был президентом Уругвая, а отец — мэром Буэнос-Айреса³³. Американцы позднее подозревали его в работе на СД. В апреле 1942 г. Гойенече с дипломатическим паспортом «атташе по культуре» аргентинского посольства в Мадриде прибыл в Испанию. У него было секретное поручение от министра иностранных дел Аргентины Энрике Руиса Гуньясу, который до своего назначения на этот пост был послом в Ватикане³⁴. В Риме Гуньясу установил дружеские отношения с проходившим там тогда стажировку Пероном. Именно Ватикан по замыслу аргентинцев должен был выступить посредником между Гитлером и его противниками в Европе, исключая «безбожный» Советский Союз.

В ноябре 1941 г. на фоне, казалось бы, феноменальных успехов вермахта на Восточном фронте Гуньясу сказал послу рейха в Буэнос-Айресе барону Эдмунду фон Терману³⁵, что вся Европа готова к немецкому лидерству и пора, пока не поздно, заключить мир с Англией при посредничестве папского престола. Терман отнёсся к этой мысли осторожно — он полагал, что аргентинский министр просто очень хочет получить Нобелевскую премию мира. Посол сообщил об идее Гуньясу в Берлин, но Риббентроп отверг её с порога — мол, победа германского оружия — и так вопрос считанных дней.

Однако из Ватикана Гуньясу пришёл прямо противоположный ответ. Там получили информацию от папского нунция в Швейцарии, что после разгрома СССР Гитлер готов к мирным переговорам с Западом и посредничество Аргентины будет приветствоваться.

В Мадриде к Гойенече присоединились посол Аргентины в Испании Адриан Эскобар и консул Акилино Лопес. В мае 1942 г. все трое выехали в вишистскую Францию, где встретились с «премьером» марионеточного правительства Лавалем, который пользовался полным доверием немцев.

В Париже аргентинские эмиссары установили контакт с резидентом СД штандартенфюрером СС Хельмутом Кнохеном³⁶ и тот с ведома Шелленберга организовал поездку в Берлин.

³³ *Goni U. The real ODESSA. London, 2002. P. 2.*

³⁴ Пост посла в Ватикане традиционно считается во всех католических странах самым престижным. Нунций Ватикана в любой католической стране автоматически является дуаиеном дипломатического корпуса.

³⁵ С 1933 г. Терман был главой миссии в ранге посланника в Буэнос-Айресе. В 1936 г. Гитлер поднял уровень дипломатического представительства в Аргентине, Бразилии и Чили до уровня посольства, и Терман стал послом, коим и оставался до 1942 г.

³⁶ Кнохен служил в разведке СД с 1 сентября 1936 г. и работал во Франции с 1940 г. Пользовался личным доверием Шелленберга. Находясь в Париже до 1944 г., Кнохен принимал самое активное участие в пытках захваченных английских агентов и в депортациях французских евреев в лагеря смерти. В июне 1946 г. был приговорён к смертной казни британским военным судом за участие в казнях сбитых над Францией английских пилотов. Однако приговор в исполнение приведён не был и в июле 1947 г. Кнохена выдали по запросу Франции. Там в 1954 г. его опять приговорили к смерти, но в 1958 г. по просьбе ФРГ заменили приговор на пожизненное заключение, а в 1962 г. выпустили на свободу. Вернувшись в ФРГ, страховой агент Кнохен активно работал в организации, занимавшейся помощью бывшим нацистам. В 1982 г. (в возрасте 72 лет) он женился второй раз. Умер военный преступник Кнохен в 2003 г.

Но перед этим в августе 1942 г. Гойенече выехал в Рим. Там Эскобар и Гойенече попали на аудиенцию к папе, и Ватикан до сих пор не разгласил содержание этих переговоров. Однако уже после войны Шелленберг говорил на допросах американцам, что был в курсе визита аргентинцев в Ватикан, и речь там шла о заключении мира между нацистами и Западом. В частности, Эскобар считался в СД большим другом Германии. Аргентина и по официальным каналам заверила госсекретаря Ватикана (отвечавшего за внешние сношения) кардинала Луиджи Мальоне, что готова выступить посредником на возможных мирных переговорах. Пий XII выразил готовность принять аргентинские услуги, «когда настанет время»³⁷.

В октябре 1942 г. Гойенече прибыл в Берлин, где его поселили в гостинице «Адлон», предназначенной для высокопоставленных иностранных делегаций. Аргентинский гость сразу отбыл на Восточный фронт, чтобы засвидетельствовать уважение франкистской «Голубой дивизии», сражавшейся там против советских войск. Его сопровождал агент СД Готфрид Зандштеде, которого в августе 1941 г. выслали из Аргентины за шпионаж в столичном порту (Зандштеде работал под «крышей» пресс-атташе германского посольства в Буэнос-Айресе). Зандштеде и Гойенече дружили ещё с «аргентинских времён».

По возвращении в Берлин аргентинцу организовали беседу с начальником латиноамериканского отдела МИД Германии Отто Райнебеком. Гойенече потребовал от него встреч с Гитлером и Риббентропом. Мол, в Испании и Италии его уже приняли Франко и Муссолини. Однако к Гитлеру аргентинец так и не попал, видимо, потому, что «фюрер» находился в своей полевой ставке в Виннице (её местоположение было секретным и иностранцев туда не возили).

Беседа же с Риббентропом (переводил Зандштеде) 30 ноября 1942 г. Гойенече сильно огорчила. Аргентинец напрямую попросил у министерства иностранных дел Германии поддержки в организации националистического переворота (возможно, с подачи группы Перона?), однако у Риббентропа было строгое указание Гитлера избегать любого вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран. Это могло дать союзникам предлог для военной интервенции против нейтральной Аргентины.

Напыщенный, как обычно, Риббентроп (уже потерявший серьёзное влияние на Гитлера) распространялся об исторической борьбе Германии против «жидо-большевизма» и западной «плутократии»: «Мы знаем, что, с одной стороны, мировое еврейство пользуется маской капиталистов, а с другой — маской большевизма»³⁸. Конкретно Риббентроп обещал массовые закупки аргентинской продукции после победы Германии, если Аргентина сохранит в войне нейтралитет. Было обещано и признание прав Аргентины на Фолклендские острова (ведь Англия была врагом Германии). Правда, немцы не исключали, что у ослабевшего в войне с рейхом британского льва острова перехватят американцы. Все эти обещания Риббентропу, естественно, ничего не стоили. Важным было другое: он настоятельно рекомендовал Аргентине использовать «дружественную» франкистскую Испанию как «мост» в Европу.

³⁷ *Goni U. The real ODESSA. London, 2002. P. 7.*

³⁸ *Goni U. The real ODESSA. London, 2002. P. 8.*

На Гойенече Риббентроп произвёл впечатление недалёкого педанта, коим тот, собственно говоря, и являлся.

Зато очень обрадовала аргентинского эмиссара встреча с Шелленбергом, которую организовал Зандштеде. Уже в то время Шелленберг искал любых контактов с Западом с целью заключения сепаратного мира с англосаксами. В этой связи его очень интересовали связи аргентинцев с Ватиканом. Имевший очень подробную информацию о внутренней политике Аргентины (сеть Беккера), шеф разведки СД произвёл на Гойенече очень хорошее впечатление.

По личному указанию Риббентропа Гойенече разрешили воспользоваться германским дипломатическим шифром, чтобы передать информацию о своих переговорах в Буэнос-Айрес. Дело в том, что немцы не доверяли временному поверенному в делах Аргентины в Германии Луису Лути, считая его англофилом³⁹.

Интересно, что радиogramмы Гойенече были адресованы некоему «Хуану» — полковнику Хуану Перону, как после войны подозревало ФБР. В Буэнос-Айресе телеграммы забрал из германского посольства друг Гойенече дипломат Марио Амадео, передавший их Гуньясу. Копии через аргентинских военных получил и Перон.

Конечно, ни Гойенече, ни его немецкие друзья не знали, что германский дипломатический код уже взломан союзниками.

Якобы Гойенече имел ещё одну встречу с Риббентропом и тот передал аргентинцу письменное послание Гитлера, в котором подтверждались данные ранее Гойенече гарантии насчёт послевоенной торговли и Фолклендов.

В январе 1943 г. Шелленберг организовал встречу Гойенече с Гиммлером, которая продолжалась несколько часов. Якобы Гойенече просил Гиммлера прекратить преследования католиков в Европе, ибо только католицизм является барьером против распространения большевизма. Осторожный Гиммлер больше слушал, чем говорил, поэтому произвёл своей «скромностью» выгодное впечатление на аргентинского гостя. Гойенече даже счёл рейхсфюрера СС «очаровательным», особенно на фоне напыщенного Риббентропа. Гиммлер всячески пытался убедить аргентинца, что главным врагом и национал-социализма, и католицизма является большевизм. Обсуждались и возможные контакты с Западом через Ватикан. Гойенече обещал Гиммлеру, что сообщит Пию XII о том, что Гиммлер — хороший человек, особенно в религиозных вопросах.

В марте 1943 г. Гойенече в Риме встретился с папой, и Ватикан до сих пор хранит молчание о содержании этой беседы. По данным Гойенече, Пий XII всячески поддержал мирные усилия аргентинцев и призвал их сохранить в войне нейтралитет. Было условлено поддерживать дальнейшие контакты папского нунция в Буэнос-Айресе через Монтини.

Встретившись с Муссолини, Гойенече попросил «дуче» поддержать готовившийся националистический переворот в Аргентине, хотя бы силой своего авторитета. Муссолини сразу согласился, ибо это его ни к чему не обязывало. «Дуче» без

³⁹ Лути был противником нацизма и неоднократно сообщал в Буэнос-Айрес об истреблении нацистами евреев в Европе, в том числе и о восстании в варшавском гетто в 1943 г., «акциях» СС в Раве Русской, Люблине и т.д. В ноябре 1943 г. аргентинское посольство в Берлине было сильно повреждено бомбами союзников (здание окончательно снесли в 1960 г.). После войны в 1946 г. Перон назначил Лути поверенным в делах в Вашингтоне, где Лути насыпал горсть аргентинской земли на могилу Рузвельта.

проблем признал суверенитет Аргентины над Фолклендами и обещал организовать такую же поддержку со стороны Японии.

Депеша о позиции Муссолини поступила в МИД Аргентины 4 июня 1943 г., в тот самый день, когда в стране произошёл военный переворот.

По результатам поездки Гойсенеche было заключено тайное соглашение о сотрудничестве СД с аргентинской полицией (май 1943 г.). Аргентинцы обязались не арестовывать агентов СД, те получали возможность использовать удостоверения личности аргентинской полиции и дипломатическую почту нейтральной Аргентины для передачи информации в Европу. В ответ немцы обещали делиться информацией, полученной из Чили и Бразилии, с которыми у Аргентины были очень напряжённые отношения⁴⁰.

После войны Шелленберг говорил американцам, что главный агент СД в Аргентине Беккер контактировал с Пероном через друга последнего полковника Энрике Гонсалеса, который ранее проходил стажировку в германских танковых войсках. Группа Перона через СД просила Германию поставить Аргентине оружие на случай возможной войны против США и Бразилии.

Уже через день после переворота Гонсалес принял дома двух нацистских агентов Ханса Харниша и Осмара Хельмута. Гонсалес от имени греческого бизнесмена Аристотеля Онассиса просил Германию разрешить отправить греку построенный в Швеции танкер «Буэнос-Айрес»⁴¹. Немцы предложили только что пришедшей к власти хунте оружие.

28 июня 1943 г. Харниш был принят формальным главой военного правительства генералом Рамиресом. Генерал рассказал агенту СД, что «его кровь кипит от возмущения»: только что он говорил с послом США и тот ультимативно требовал от Аргентины разорвать все отношения с рейхом. Всё же Рамирес попросил передать в Берлин, что хунте под давлением Вашингтона, возможно, придётся принять некие демонстративные меры против Германии, но в рейхе должны воспринять их с пониманием. Новые аргентинские власти готовы немедленно закупить у Германии зенитки, самолёты (вместе с пилотами), боеприпасы и лицензии на производство других типов оружия. Тогда Аргентина сможет разговаривать с янки с позиции силы. Хунта готова даже принять германские и японские подложки для охраны своего побережья в случае вторжения американцев или их бразильских союзников. Рамирес обещал также нанести удар по разведсети союзников в Аргентине.

Между тем резидент СД Беккер смог повторно попасть в аргентинскую столицу лишь в феврале 1943 г. (на испанском корабле). Ланге, Хармут и Франчок пока наладили работу передатчика (который они смогли переслать авиапочтой из Бразилии) в парагвайской столице Асунсьон. Затем по приказу Беккера главный передатчик в мае 1943 г. переправили в Буэнос-Айрес. Ланге переехал в Чили. Таким образом, на Берлин работали подпольные радиостанции в трёх странах: Аргентине, Парагвае и Чили. Беккер сумел довести радиообмен до 15 отосланных радиogramм в день. Для передачи больших объёмов информации была налажена сеть курьеров, для чего использовались члены экипажей испанских судов, ходивших в Буэнос-Айрес.

⁴⁰ *Goni U. The real ODESSA. London, 2002. P. 16.*

⁴¹ Немцы такого разрешения не давали, так как опасались, что в Атлантике танкер перехватят союзники и он пополнит их торговый флот.

После прихода военной хунты к власти Беккер работал практически открыто. Он сообщал данные о контактах с новым правительством Шелленбергу по радиосвязи (минуя германского посла). В Берлине также обходили тамошнего аргентинского посла. После 4 июня 1943 г. Шелленберг передавал ответы через военноморского атташе Аргентины в рейхе капитана Эдуардо Себальеса.

В сентябре 1943 г. Харниша и Хельмута опять пригласили в президентский дворец «Каса Росада» («Розовый дом»)⁴². Полковники из ГОУ предложили отправить в Берлин специального эмиссара, который должен был на месте договориться о поставках в Аргентину немецкого оружия на испанских судах. Беккер целую ночь сочинял телеграмму в Берлин, и на следующий день Хельмут представил проект депеши Перону. К его удивлению Перон предложил Хельмуту ехать в Берлин самому и обязательно переговорить там лично с Гитлером. Хельмут был светским плебеем, которого больше всего на свете интересовали яхты. Никакого опыта в разведке или политике у него не было. Выбор такого эмиссара потряс немецкое посольство в Буэнос-Айресе, которое узнало о миссии Хельмута через лидера немецкого бизнеса в Аргентине и близкого друга Перона Людвиг Фройде⁴³.

Фон Терман предложил Перону направить в рейх более солидного представителя. К тому же немцы подозревали, что Хельмут завербован англичанами, тем более что он был сотрудником британской страховой компании и активно учил английский. Однако Хельмут был другом нового аргентинского президента Рамиреса, и с этим приходилось считаться. Именно Хельмут свёл резидента абвера Харниша с аргентинской хунтой.

Перон принял соломоново решение. Помимо Хельмута он на том же корабле отправил в Германию полковника Карлоса Велеса⁴⁴. Хельмуту дали половину карточки с печатью ГОУ и подписью Перона. Вторую половину плюс список оружия, которое Перон хотел закупить в Германии, вручили Велесу. В Берлине Хельмуту следовало предъявить свою половину карточки Велесу, получить от того список оружия и начать переговоры. В Мадриде аргентинцев⁴⁵ должен был забрать самолёт, присланный Шелленбергом по указанию Гиммлера.

Программа-минимум Хельмута состояла в заверении Гитлеру о том, что Аргентина не вступит в войну против Германии. Как максимум Хельмут должен был вернуться на шведском (или испанском) корабле с грузом немецкого оружия. С помощью этого оружия предполагалось отразить возможное нападение на Аргентину со стороны США. Заодно Беккер приказал Хельмуту добиться от Шелленберга отзыва из Буэнос-Айреса надоевшего ему своей осторожностью фон Термана.

⁴² Говорили, что розовый цвет стены президентского дворца приобрели потому, что в раствор при кладке подмешивали кровь с местных скотобоев.

⁴³ Фройде (род. 1889) уже был на подозрении ФБР как спонсор нацистских организаций в Аргентине. Американцы считали его одним из 10 самых богатых людей в Латинской Америке. В 1940-е гг. Фройде был директором «Банко Алеман Трансатлантико», дочерней структуры крупнейшего германского банка «Дойче банк». В 1941–1945 гг. он был также президентом Немецкого клуба — главной легальной организации немцев в Аргентине.

⁴⁴ После переворота Велес стал начальником интендантской службы аргентинской армии.

⁴⁵ Велес ехал в Европу как новый военный атташе в Германии, Хельмут — как консул, назначенный в Барселону.

Однако не дремали и американцы, запеленговавшие и расшифровавшие радиосеть СД. 28 октября 1943 г. военное ведомство США получило донесение разведки о миссии Хельмута. Было решено, что англичане арестуют его во время стоянки корабля на острове Тринидад (в то время колония Великобритании). На судне «Кабо де Орнос» Велес и Хельмут избегали друг друга. Однако последний вёл себя настолько подозрительно (например, постоянно торчал на палубе с биноклем), что даже дочери Велеса решили, что он, наверное, шпион.

Во время запланированной стоянки на британском острове Тринидад английские власти вышвырнули яростно протестовавшего «дипломата» Хельмута из каюты и провели там тщательный обыск (вскрыли даже стенные панели). Аргентина заявила Англии официальный протест, но улики были слишком тяжёлыми. Поэтому по дипломатическим каналам Буэнос-Айрес уведомил Лондон, что назначение Хельмута консулом в Барселону аннулировано и британские власти могут поступить с ним как им заблагорассудится. Англичане переправили Хельмута на Бермуды, оттуда — в Портсмут, и 12 ноября 1943 г. Хельмут уже начал давать показания. Интересно, что, когда англичане показали ему вырезку из журнала «Тайм», в которой утверждалось, что реальным хозяином Аргентины является не Рамирес, а Перон⁴⁶, и попросили его прокомментировать это утверждение, Хельмут ответил, что не знает⁴⁷. Английская разведка усилила наблюдение за Пероном после того, как он открыто заявил группе британских дипломатов в 1944 г., что намерен пригласить немецких учёных и технических специалистов, чтобы осуществить ускоренную индустриализацию Аргентины. Британская разведка MI 5 пришла к выводу, что Аргентина при военной хунте стала единственной страной мира, где нацистская агентура работает абсолютно спокойно.

Между тем Беккер решил, что Хельмута «сдал» Фройде, возможно, не без помощи фон Термана. Шелленберг, уже отчаянно искавший любых путей помириться с Западом, почему-то надеялся, что англичане отпустят «консула» Хельмута в Испанию и его миссию можно продолжить.

Скандал с Хельмутом дал Вашингтону желанную возможность надавить на Аргентину. К тому же американцы были очень встревожены военным переворотом в Боливии 20 декабря 1943 г., организованным, по данным ФБР, нацистскими агентами совместно с аргентинской хунтой. Американцы потребовали от Аргентины разорвать отношения с Германией и для подкрепления своего ультиматума прекратили продажу нефти и нефтепродуктов Буэнос-Айресу.

Перону пришлось для видимости дать задний ход. В январе 1944 г. под давлением США в Аргентине прошла волна арестов немецких шпионов. Американцы угрожали опубликовать документы об участии Аргентины в фашистском перевороте в Боливии и заявили об отправке военных кораблей в Уругвай⁴⁸. 26 января 1944 г. правительство Рамиреса объявило о разрыве дипломатических отношений с Германией.

⁴⁶ Формально Перон занимал тогда только что созданный пост секретаря по социальным и трудовым вопросам и заместителя военного министра.

⁴⁷ Walters G. Hunting Evil. London, 2009. P. 158–159.

⁴⁸ Wood B. The Dismantling of Good Neighbor policy. University of Texas Press, 1985. P. 222.

Однако симпатии Перона к Германии и ненависть к США ничуть не изменились. Полковник использовал «шпионский кризис», чтобы отправить в отставку президента Рамиреса (февраль 1944 г.). Президентом стал генерал Фаррель — маркионетка ГОУ, а Перон «вырос» до военного министра, то есть уже официально стал вторым человеком в Аргентине. Через Беккера Перон передал в Берлин, что разрыв дипломатических отношений не скажется на его симпатиях в Германии.

В начале 1944 г. американцы смогли расшифровать радиogramмы агента «SARGO» (Йоханнес Зигфрид Беккер). Однако Беккеру и Франчоку удалось избежать ареста и перейти на нелегальное положение. Связь с Берлином была прервана всего на месяц, после чего Беккер попросил центр прислать новые передатчики, деньги и симпатические чернила.

В ответ абвер приступил к «операции Йолле», целью которой было не только снабжение группы Беккера, но и организация сети радиопередатчиков в США, Мексике и Центральной Америке. Вся сеть должна была передавать сведения Беккеру, а тот — в Берлин. Агенты Хансен («Кохиба») и Шрелль («Вальенте») должны были на корабле привезти оборудование Беккеру, а затем отправиться в Мексику, откуда наладить радиосвязь с Аргентиной. Потом Шрелль должен был попытаться осесть на юго-западе США, устроиться там на военный завод и поставлять информацию Хансену в Мексику. Сам Хансен в то время должен был найти агентов в Центральной Америке.

Однако американцы к лету 1944 г. уже расшифровали германские коды и прибытие «Кохибы» и «Вальенте» в Аргентину не было для них неожиданностью. Когда Хансен и Шрелль оказались в Аргентине в августе 1944 г., никакой сети там уже не было. Хотя отдельные немецкие агенты оставались на свободе, они уже не могли наладить регулярную связь не то что с Берлином, а даже между собой.

Так окончились операции СД и абвера в Аргентине, не принеся немецкой разведке осязаемых результатов.

Американцы тем временем продолжали давить на Аргентину, требуя объявления войны странам Оси. К тому же в Вашингтоне были недовольны тем, что военные не пускали американские компании в аргентинский нефтяной бизнес. В июне 1944 г. США отозвали своего посла из Буэнос-Айреса, заставив англичан и почти все латиноамериканские страны сделать то же самое. США также заморозили золотой запас Аргентины, размещённый в американских банках. Американская разведка запустила в оборот слух, что в Уругвае скоро будет сформировано правительство Аргентины в изгнании и США будут готовы признать его.

В феврале 1945 г. Перон, согласно своим же воспоминаниям, пригласил к себе нескольких «немецких друзей» и сообщил им, что Аргентине придётся всё же для вида объявить Германии войну, но это — «чистая формальность»⁴⁹. 27 марта 1945 г. Аргентина действительно объявила войну рейху⁵⁰, экспроприировала принадлежащие немцам компании, для вида произвела аресты некоторых немецких агентов. Правда, «под сурдинку» Перон национализировал и некоторые американские фирмы (например, электрическую компанию в провинции Энтре-Риос). Позднее, в 1946 г., правительство Аргентины выкупило у американцев всю телефонную сеть страны.

⁴⁹ Goni U. The real ODESSA. London, 2002. P. 23.

⁵⁰ Заметим, что формально война была объявлена Японии, а Германии — лишь в качестве союзницы Японии. 10 апреля 1945 г. США вернули посла в Буэнос-Айрес.

Американцы окончательно решили свергнуть Перона и стали требовать от Аргентины скорейшего проведения свободных выборов.

Под влиянием разгрома нацизма в Аргентине прокатилась мощная волна демонстраций, участники которой (от либералов до коммунистов) требовали отмены введённого сразу же после переворота 1943 г. осадного положения. 6 августа 1945 г. военным пришлось на это пойти. Помощник госсекретаря США по Латинской Америке Нельсон Рокфеллер с удовлетворением констатировал, что «мощный голос улиц» был услышан.

Американцы установили плотный контакт с аргентинскими генералами, и те обещали при первой же возможности убрать Перона. Посол США в Буэнос-Айресе Брэден публично заявил, что после разгрома «больших тиранов» (Гитлера и Муссолини) настала очередь «маленьких». Американская разведка, однако, сообщала, что Перон готовит контрудар и его главным советником является лидер немецкого предпринимательского сообщества в Аргентине Людвиг Фройде. 6 сентября 1945 г. министр иностранных дел Аргентины пообещал послу США, что Фройде будет скоро депортирован из Аргентины. В ответ Перон лично приказал шефу тайной полиции Оскару Конталю взять Фройде под охрану в его собственном доме. Но хунта под американским нажимом 11 сентября всё же приняла решение о выдворении Фройде. Ответным ходом Перон заставил одного из судей принять задним числом решение о присвоении своему немецкому другу аргентинского гражданства.

19 сентября 1945 г. на улицы Буэнос-Айреса вышли более 250 000 человек, скандировавших: «Смерть деспотизму!» и «Смерть Перону!». Перон боролся фактически за свою жизнь, и 26 сентября в Аргентине было вновь введено осадное положение. 9 октября казалось, что американцы победили — хунта отправила Перона в отставку со всех постов. Опасаясь расправы, Перон принял предложение Фройде спрятаться на его ранчо на речном острове. Переход на нелегальное положение организовал сын Фройде Родольфо (Перон звал его на немецкий манер Руди), о котором потом поговаривали, что он был любовником Евы («Эвиты») Перон. На острове за Пероном и его женой присматривал немец Отто, практически не говоривший по-испански⁵¹.

Между тем на улицы Буэнос-Айреса вышли десятки тысяч сторонников Перона из профсоюзов («безрубашечники», как их презрительно именovala креативная интеллигенция) — сказала активная работа полковника с рабочим движением. Генералам, исходя из инстинкта самосохранения, пришлось просить Перона вернуться к власти, и 17 октября 1945 г. полковник приветствовал восторженных сторонников с балкона президентского дворца.

Перон выставил свою кандидатуру на президентских выборах 26 февраля 1946 г., причём вёл компанию под подчёркнуто антиамериканским лозунгом «Перон или Брэден!». Госдепартамент, в свою очередь, опубликовал 12 февраля 1946 г. «Голубую книгу» о связях Аргентины с нацистами с чётким выводом: «Аргентинское правительство в годы войны содействовало экономическим интересам врага с намерением защитить промышленные и коммерческие интересы держав Оси в

⁵¹ На все пожелания и вопросы Отто отвечал «Яволь!» («Есть!» по-немецки), что выдавало в нём бывшего военного.

Аргентине»⁵². Тем не менее Перон набрал 52,84% голосов, а Брэдену пришлось покинуть Аргентину как персоне нон грата. Есть данные, что главным спонсором президентской компании Перона был Людвиг Фройде, выделивший своему другу гигантскую сумму в 82 млн. песо⁵³.

Отныне Перон был единоличным хозяином в стране и мог приступить к реализации масштабной программы немецкой иммиграции в страну.

Позднее Перон объяснял своё намерение приютить в стране бежавших из рейха немцев двумя причинами. Во-первых, его как военного якобы очень возмутили решения Нюрнбергского трибунала, где немцев победители осудили всего лишь за выполнение приказов в годы войны. А ведь любой офицер давал присягу и обязан её соблюдать. Во-вторых, Перон хотел с помощью «немецких мозгов» сделать Аргентину мировой промышленной и военной державой. Мол, ещё во время пребывания в Европе его, Перона, потрясли немецкие заводы и особенно автобаны.

Координировал приезд бывших нацистов Людвиг Фройде через своего сына Родольфо, который с марта 1946 г. стал доверенным лицом президента и начальником его личной информационной службы (разведки). Кабинет «Руди» находился рядом с президентским. Шурин Родольфо Вернер Кеннеке был в годы войны (как минимум с 1943 г.) главным казначеем немецкой разведсети (группа Беккера) в Аргентине. В январе 1944 г. во время облавы на немецких шпионов он был арестован и занимался тем, что по просьбе аргентинских властей «подчищал» протоколы допросов, чтобы в них не было ничего лишнего. По просьбе Фройде Перон освободил Кеннеке.

31 октября 1947 г. политический советник США в Германии Мэрфи⁵⁴ сообщил в госдепартамент некоторые результаты допросов депортированных в Германию из Аргентины в мае 1947 г. Харниша и Франчока. Харниш сообщил, что Беккер и Кеннеке были главными источниками всей информации, передаваемой в годы войны из Аргентины в Берлин⁵⁵. Там же говорилось о преобладающем влиянии Людвига Фройде на Перона.

Аргентинцы наметили несколько «путей отхода» нацистов и их пособников из других стран:

- через франкистскую Испанию;
- через Швейцарию (либо напрямую оттуда самолётом, либо далее в Италию и пароходами из Генуи);
- через Ватикан и Италию;
- «северный маршрут»: из Дании, Норвегии и Швеции (либо напрямую, либо через Швейцарию).

В принципиальном плане следует подчеркнуть, что правительства всех вышеперечисленных государств активно помогали или «благожелательно не препятствовали» такой политике Перона.

⁵² <http://db.dodis.ch/document/23825?lang=de>

⁵³ <http://db.dodis.ch/document/23825?lang=de>. Данные американской разведки, возможно, преувеличенные.

⁵⁴ Верховная власть в американской зоне оккупации Германии принадлежала главе военной администрации. Представитель Госдепартамента Роберт Мэрфи был при нём главным гражданским лицом и отвечал за все политические вопросы.

⁵⁵ <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v08/d174>

В самом рейхе планов организованной эмиграции не было, так как нацисты до последней минуты верили то в «оружие возмездия», то в неминуемую ссору между западными союзниками и Москвой. Тем не менее Шелленберг с ведома Гиммлера всё же предпринял некоторые «превентивные меры».

Переправку кадров СС и СД из Испании в Аргентину должен был координировать из Мадрида гауптштурмфюрер СС Хорст (Карлос) Фульднер, прибывший в Мадрид с большой суммой денег и ценными полотнами живописи 10 марта 1945 г.

Фульднер родился в Буэнос-Айресе в 1910 г. в семье иммигрантов из Германии. В 1922 г. Фульднеры возвратились на родину, где Карлос (ставший в Германии Хорстом) пытался учиться на юриста, но учебу бросил. Помимо немецкого Хорст сохранил и аргентинское гражданство. Будучи националистом по убеждениям, вступил сначала в молодёжную организацию «Стального шлема», а в 1932 г. — в НСДАП и СС (членский билет номер 31170). В 1934 г. он был уже гауптштурмфюрером и вёл с территории Восточной Пруссии подрывную работу против Польши. Однако Фульднер был нечист на руку, проводил сомнительные финансовые операции, даже был задержан за безбилетный проезд. К тому же он бросил беременную жену. В СС начали против него следствие, и Фульднер решил бежать в Аргентину. Он получил у аргентинского консула в Гамбурге новый паспорт и 17 октября 1935 г. отбыл из Лиссабона. Однако у бразильских берегов судно было перехвачено кораблём «Кап Норте», следовавшим обратно в Гамбург. Фульднеру пришлось вернуться в Германию, где его в январе 1936 г. с позором исключили из СС. В качестве знака особого унижения личный перстень СС Фульднера был уничтожен (переплавлен).

Однако все обвинения с него были сняты, и, судя по всему, его (знатока нескольких языков) «подобрало» СД. В годы войны он одно время воевал в составе «Голубой дивизии» Франко на советско-германском фронте в качестве переводчика. По крайней мере, начиная с 1944 г. Фульднер неоднократно бывал в Испании, причём тамошнее немецкое посольство было не в курсе его миссии. Военному атташе рейха в Мадриде Фульднер сказал, что работает в интересах германо-немецкой фирмы «Софиндус», поставлявшей из Испании в Германию вольфрам для нужд вермахта. Заметим, что именно с 1944 г. «Софиндус» занималась тайными поставками материалов для немецких военно-морских баз подводного флота, окружённых союзниками во Франции.

После окончания войны, несмотря на жёсткое давление союзников, Франко не прекращал деятельности «Софиндус» до 1948 г.

В 1945 г. Фульднер установил в Мадриде контакты со своими боевыми товарищами по «Голубой дивизии», которые, по данным американской разведки, надёжно прикрывали его от выдачи союзникам. С постепенно прибывавшими в Испанию бывшими нацистами и коллаборационистами Фульднер открыто встречался в фешенебельном мадридском немецком ресторане «Хорхер» (заметим, что в то время Испания жила по карточкам и сильно голодала). В деньгах Фульднер явно не нуждался — только за одну новую машину он отдал наличными 45 000 песет.

Биография Фульднера идеально подходила для организации «крысиной тропы» из Европы в Южную Америку. Будучи исключённым с позором из СС⁵⁶, аргентинский гражданин Фульднер мог сойти даже за антифашиста.

⁵⁶ В 1938 г. Фульднер пытался восстановиться в СС, но безуспешно.

Летом 1946 г. давление союзников на Франко (явного пособника держав Оси) достигло апогея, и американская разведка пыталась захватить Фульднера, но тот «залёг на дно» где-то в районе Барселоны.

В Испании Фульднер регулярно встречался с одним из лидеров бельгийской фашистской партии («рексисты») Пьером Дайе⁵⁷ и французским коллаборационистом, уроженцем Буэнос-Айреса Шарлем Леска⁵⁸. Леска прибыл из Берлина с большой суммой денег, и его задачей было удержать Франко на прогерманских позициях после поражения рейха. Леска, по данным американской разведки, был неформальным лидером всех французских коллаборационистов, бежавших в Испанию.

Леска в начале 1946 г. утверждал, что лично знает Перона ещё с 1930-х гг. и они друзья. Именно он хвалился, что первым организовал ещё в январе 1946 г. регулярный тайный маршрут по переправе в Аргентину бывших нацистов.

Помимо денег группа Фульднера – Леска располагала ценнейшими полотнами великих художников, которые нацисты смогли переправить в Испанию из Франции.

Испанские власти часто небескорыстно выдавали бывшим нацистам липовые документы (например, священников или членов экипажей испанских торговых судов), и те спокойно отправлялись из Кадиса к берегам Аргентины. В сентябре 1946 г. из Испании отплыл сам Леска, и, хотя в Бразилии его арестовали по запросу Франции, но тут же выпустили, обнаружив аргентинский паспорт.

На той стороне Атлантики нацистов и их пособников уже ждали.

В 1945–1947 гг. главой Управления иммиграции Аргентины был друг Перона и ярый антисемит Сантьяго Перальта. Убеждённый социал-дарвинист Перальта ещё в 1922 г. предложил отбирать призывников в аргентинскую армию по размеру черепа, а в 1932 г. он изучал «прикладную антропологию» в Германии. В 1943 г. Перальта опубликовал свой «труд» «Деятельность еврейского народа в Аргентине» («La acción del pueblo judío en Argentina»), в котором утверждалось, что евреи приносят стране одни беды. Став главой иммиграционных властей, Перальта немедленно запретил въезд в Аргентину евреям. Зато тем, кто ещё недавно истреблял евреев в концлагерях, он был рад.

Схема въезда для нацистов и бывших коллаборационистов функционировала следующим образом.

По просьбе Перона, Фройде (отца и сына) или аргентинских эмиссаров в Европе (типа Фульднера) ведомство Перальты выдавало разрешения на въезд нацистам под настоящими или вымышленными именами, а иногда и просто пустые бланки, куда любое имя можно было вписать позднее. Получать эти разрешения могли любые «доверенные лица» потенциальных иммигрантов. Затем разрешения пересылались в соответствующее аргентинское консульство в Европе, где передавались нацистам или их представителям. Те потом на основании этого арген-

⁵⁷ Бежавший от возмездия Дайе в декабре 1946 г. был приговорён на родине к смертной казни.

⁵⁸ Во время оккупации Франции немцами Леска был ведущим сотрудником коллаборационистского антисемитского журнала *Je suis partout*. В 1941 г. он опубликовал антисемитскую книгу «Когда Израиль начал мстить». Участвовал в наборе французских добровольцев для отправки в составе вермахта на советский фронт. В августе 1944 г. бежал в Берлин. Американская разведка ещё в 1943 г. подозревала, что Леска готовится бежать в Аргентину, где у него была недвижимость. В декабре 1944 г. Леска с семьёй прилетел в Мадрид. В мае 1947 г. был приговорён в Париже к смертной казни.

тинского документа без проблем получали паспорт Красного Креста⁵⁹. Чиновники этой организации, особенно в Италии и Швейцарии, относились к нацистам и коллаборационистам (особенно из Восточной Европы и СССР) в целом сочувственно, как к жертвам преследований со стороны коммунистов. К тому же в офисах Красного Креста, по крайней мере в Италии, процветала коррупция. Там за деньги можно было получить любой паспорт. Вообще-то паспорта Красного Креста изначально предназначались для беженцев, потерявших в военной суматохе свои документы. Получив документ, «беженец» возвращался в аргентинское консульство за въездной визой⁶⁰. Там же ему выдавали временное удостоверение личности, которое по приезде в Аргентину следовало поменять на постоянное (Cedula de Identidad).

Для помощи «беженцам» в оформлении документов Перон учредил в Европе специальную организацию — «Делегацию по аргентинской иммиграции в Европе»⁶¹ с главным офисом в Риме (открыт в декабре 1946 г.; местопребывание определила особая роль Ватикана в помощи нацистам) и отделением в Генуе. Именно из Генуи в то время отправлялось больше всего кораблей в Аргентину. Там врачи «делегации» проводили медосмотр, который был сущей формальностью. За взятку можно было обойтись и без него. Этот момент был особенно важным для эсэсовцев, каждый из которых имел под мышкой татуировку с его группой крови. СС же была признана в Нюрнберге преступной организацией, всего лишь членство в которой уже являлось составом преступления.

На пике работы «крысиной тропы» Европа – Аргентина люди Перальты в мае 1948 г. выдавали до 500 разрешений на въезд в день.

Как США и СССР, Перон охотился за «мозгами» Германии, особенно за специалистами в военной промышленности и атомной энергетике.

По просьбе Перона группе Фульднера удалось вывезти из Испании в Аргентину лучшего французского авиаконструктора Эмиля Девуатина, который в 1936 г. создал первый французский цельнометаллический истребитель-моноплан «Девуатин 500». Его модификация «Девуатин 520» была признана лучшим французским истребителем времён войны. После капитуляции Франции по заданию вишистского правительства Девуатин разрабатывал тренировочный самолёт для люфтваффе. После разгрома немцев обвинённый в коллаборационизме Девуатин бежал в Испанию, где пытался конструировать современные самолёты для Франко⁶².

В мае 1946 г. Девуатин был уже в Аргентине, где под его руководством был создан первый аргентинский реактивный самолёт-перехватчик I.Ae 27 «Пульки»

⁵⁹ Штаб-квартира Красного Креста находилась в годы войны в Швейцарии, которая выдавала немцам на верную казнь всех бежавших в эту страну из немецких лагерей советских военнопленных и евреев. Охотно принимая немецкое золото, Швейцария продавала рейху дефицитное военное сырьё, например цветные металлы и бензин. После 1945 г. СССР совершенно справедливо предложил признать Швейцарию страной – пособницей нацистов. Однако западные страны, которые сами торговали с Германией через Швейцарию, эту инициативу заблокировали.

⁶⁰ В особо экстренных случаях нацисты въезжали в Аргентину даже без визы.

⁶¹ Delegación Argentina de Inmigración en Europa (DAIE).

⁶² 9 февраля 1948 г. Девуатин был приговорён во Франции к 20 годам каторги, лишению гражданских прав и полной конфискации имущества.

(«Стрела»). Так Аргентина стала одной из пяти стран мира, создавших собственный реактивный военный самолёт.

Немецкий авиаконструктор Курт Танк был «отцом» лучшего германского одноместного истребителя времён войны FW-190 фирмы «Фокке-Вульф»⁶³. Танку, как члену НСДАП с 1932 г., было запрещено после 1945 г. работать по специальности. В 1947 г., получив от аргентинцев липовые документы на имя «доктора Педро Маттиса», Танк через Швецию и Данию выехал в Аргентину. В Кордобе группа Танка, используя чертежи самолёта FW Ta 183, также работала над первым аргентинским реактивным истребителем. Затем Танк занимался созданием ракет на твёрдом топливе⁶⁴.

Полным провалом оказалась попытка Перона создать с помощью беглых немцев атомную бомбу. «Сосватанный» Перону Куртом Танком «австрийский» физик Рональд Рихтер⁶⁵ убедил аргентинского президента профинансировать секретный центр атомных исследований на острове Уэмполь. Сначала Рихтер попросил у Перона для создания бомбы «всего» 6 млрд. долларов. Президент изумлённо молчал, и тогда Рихтер объявил, что у него есть новый, дешёвый метод деления атомного ядра. Перон дал ему добро.

Сами немцы во время Второй мировой войны шли к созданию атомной бомбы абсолютно ложным путём, и американцы после войны сделали вывод, что никаких шансов на успех у них не было. Тем не менее 24 марта 1951 г. Перон заявил на специально созванной пресс-конференции, что в Аргентине 16 февраля 1951 г. была осуществлена контролируемая реакция деления атомного ядра неким новым «термическим» методом, гораздо более дешёвым, чем в США или СССР. После этого журналистам был представлен «отец аргентинской атомной бомбы» Рихтер. Никто в мире всерьёз это не воспринял, а аргентинский парламент осенью 1951 г. потребовал отчёта о работах Рихтера. Выяснилось, что Рихтер просто шарлатан, и Перону пришлось тихо свернуть его работу, хотя ему на какое-то время оставили лабораторию в городке Барилоче⁶⁶.

В целом американцы не слишком серьёзно относились к информации о бегстве в Аргентину высокопоставленных нацистов, хотя и проверяли подобного рода сведения. Но в целом было понятно, что лидеры рейха либо мертвы (и их трупы обнаружены), либо находятся в плену. Вопросы вызывала лишь судьба Гитлера, секретаря «фюрера» Мартина Бормана и шефа гестапо Генриха Мюллера.

Американская разведка не до конца поверила в самоубийство Гитлера в Берлине. Отделение ФБР в Лос-Анжелесе сообщило 21 сентября 1945 г. в штаб-квартиру со ссылкой на до сих пор не рассекреченный источник (похоже, близкий к Голливуду аргентинец или аргентинский немец), что Гитлер прибыл в Аргентину на

⁶³ За характерную форму шасси советские лётчики называли этот самолёт «лапотником».

⁶⁴ После свержения Перона в 1955 г. Танк перебрался в Индию, где продолжал конструировать боевые самолёты. В 1969 г. он вернулся в Германию, где и скончался в Мюнхене в 1983 г.

⁶⁵ Родился в 1909 г. на территории современной Чехии (Соколов, ранее Фалкенау). Изучал физику в Пражском университете. Ещё тогда его научный руководитель профессор Траубенберг говорил, что у юноши полно фантастических идей. Рихтер утверждал, что в годы войны работал над созданием немецкой атомной бомбы. В августе 1948 г. он прибыл в Аргентину, где его принял лично Перон.

⁶⁶ Wulffen B. Deutsche Spuren in Argentinien: zwei Jahrhunderte wechselvoller Beziehungen. Berlin, 2010. S. 147.

подлодке 17 августа 1945 г.⁶⁷ Источник якобы был одним из четырёх людей, кто встречал «фюрера» на берегу. При этом нет никаких данных, что руководство ФБР каким-либо образом проверило эту информацию. Видимо, её расценили как сомнительную. Тем более что «источник» утверждал, что Гитлер вылетел из Берлина 27 апреля не только с Евой Браун, но и с двумя их совместными дочерьми (!). Американцы знали, что детей у Гитлера не было. Информатор тем не менее был готов даже нарисовать дорогу к ранчо, где при помощи Перона якобы укрывался Гитлер (он приехал туда на лошади, как и все его спутники). Но его об этом не попросили⁶⁸.

Всего с Гитлером якобы прибыли 50 человек, в том числе две женщины.

Информацию о возможном прибытии Гитлера в Аргентину на подводной лодке сообщил в 1945 г. и военно-морской атташе США в Буэнос-Айресе. Главком союзными войсками в Европе и будущий президент США Эйзенхауэр заявил в интервью американской армейской газете «Старз энд Страйпс» в том же 1945 г., что не исключает местонахождения Гитлера в Аргентине.

Американцы распространением подобных «непроверенных фактов» убивали двух зайцев: Перона (против которого они плели заговор) как пособника нацистов, и Сталина, «проворонившего» Гитлера в Берлине.

Все эти «слухи в виде версий» подогревались прибытием на берега Ла-Платы германской подлодки U 530, экипаж которой сдался аргентинским властям 10 июля 1945 г. Правда, субмарина вышла из Кили ещё 19 февраля 1945 г., когда Гитлер точно был в Берлине. Экипаж аргентинцы интернировали, а лодку передали США.

Из высокопоставленных нацистов в Аргентине якобы «видели» и Мартина Бормана. В мае 1948 г. бывший сотрудник посольства США в Буэнос-Айресе Джон Гриффитс сообщил, что, по его сведениям (полученным от некоего аргентинца Хуана Серрино), ранчо недалеко от города Ла-Колета (Южная Аргентина) владеет некий подозрительный немец Мюллер и там живут несколько немцев, главный из которых, по словам Мюллера, — Мартин Борман. Эти сведения относились ещё к 1946 г. Сам Серрино якобы несколько раз видел Бормана, прибывшего на подлодке в 1945 г. Весной 1946 г. Борман якобы тоже на подлодке вернулся в Европу через Испанию, а потом опять объявился в Аргентине с огромными чемоданами документов, которые он-де прятал в Баварии⁶⁹.

Информацию довели до сведения президента Трумэна, и он поручил ФБР проверить её (в отличие от Гитлера, труп Бормана на тот момент обнаружен не был). Директор ФБР Гувер в мае 1948 г. пытался свалить всё это на только что основанное ЦРУ, хотя ранее добился того, чтобы именно ФБР отвечало за Латинскую Америку. Всё же сотрудники ФБР поговорили с Гриффитсом и сделали вывод, что его история — «фантастика». Ведь самого Гриффитса Перон выслал из Аргентины за связь с местным левым движением и, видимо, американец (он обосновался в Уругвае) просто мстил аргентинскому президенту. Тем более что Гуверу ранее приходи-

⁶⁷ <http://anonhq.com/adolf-hitler-argentina/>

⁶⁸ ФБР отмечало, что источник явно хочет в обмен на информацию получить какой-нибудь правительственный пост и желает избежать депортации в Аргентину. Из этого можно сделать вывод, что речь шла о каком-то политическом противнике Перона.

⁶⁹ *Breitman R., Goda N., Naftali T., Wolfe R. US Intelligence and Nazis. Cambridge University Press, 2005. P. 421.*

ло уже несколько сообщений, что Бормана видели в Аргентине, Мексике и даже в Неваде. Все они оказались полностью вымышленными.

Гувер вообще говорил, что занимался Борманом только потому, что русские всё время обвиняли американцев в потворстве бывшим нацистам и московское радио сообщало, что Борман при помощи Запада мог скрыться от правосудия в Аргентине⁷⁰.

Местонахождения шефа гестапо Мюллера и правда было неизвестно. Его (как, впрочем, и Бормана) почти никто не знал в рейхе в лицо. Фотографий этого человека имелось очень мало, и все они были сделаны до войны. К тому же внешность Мюллера была заурядной, «среднестатистической». Как ни странно, очень мешала поискам и сама весьма распространённая фамилия «Мюллер» — таких в Германии были сотни тысяч⁷¹. Последний раз Мюллера видели 1 или 2 мая 1945 г. в бункере рейхсканцелярии. Шелленберг на допросах у американцев первым запустил в оборот версию, что шеф гестапо перешёл к русским. Американцев это пропагандистски вполне устраивало, хотя никаких доказательств бывший шеф СД не предъявил⁷². ЦРУ позднее признало, что версия Шелленберга абсолютно ничем не подтверждается, а все допрошенные иные свидетели (например, непосредственный начальник Мюллера, шеф РСХА Кальтенбруннер) этот вариант решительно отвергли⁷³.

Зато были свидетельства, что Мюллер погиб при штурме Берлина и его останки захоронены в братской могиле на старом еврейском кладбище Берлина. В августе 1945 г. американская разведка в ориентировке по поиску Мюллера отмечала: «Последний раз замечен в апреле 1945 г. в Берлине». В 1947 г. британцы и американцы дважды обыскали квартиру любовницы Мюллера Анны Шмид, но не обнаружили никаких данных, которые свидетельствовали бы, что шеф гестапо жив⁷⁴.

ЦРУ никогда серьёзно не рассматривало версию о пребывании Мюллера в Аргентине, хотя слухи на сей счёт до американской разведки доходили. Говорили, например, что в 1960-е гг. по образцу «дела Эйхмана» Мюллер был похищен чехословацкой разведкой в Аргентине, а потом казнён в Чехословакии.

Самым известным нацистом, действительно находившимся в Аргентине, был Адольф Эйхман. Хотя речь следует вести скорее не о его должности, а о том, чем он на этой должности занимался. Можно даже сказать, что Эйхман стал жертвой собственного «пиара» и желания заработать.

⁷⁰ На самом деле Борман покончил жизнь самоубийством в Берлине в ночь на 2 мая 1945 г. Он пытался выбраться из Берлина вместе с врачом рейхсканцелярии Штумпфеггером и лидером «гитлерюгенд» Аксманом и неожиданно наткнулся на советский патруль. Советские солдаты попросили закурить. Не зная русского языка Борман подумал, что его хотят задержать, и принял яд. Его примеру последовал и Штумпфеггер. Трупы Бормана и Штумпфеггера были случайно обнаружены в указанном Аксманом месте во время земляных работ 7 декабря 1972 г. По зубам оба скелета были опознаны. В 1998 г. личность Бормана подтвердила экспертиза ДНК. В 1999 г. останки Бормана были кремированы и развеяны над Балтийским морем.

⁷¹ Американцы задержали в Германии несколько Генрихов Мюллеров, но все они оказались «не тем».

⁷² Личный пилот Гитлера Баур вспоминал: Мюллер говорил, что ни за что не хочет попасть в плен к русским.

⁷³ <https://www.archives.gov/iwg/declassified-records/rg-263-cia-records/rg-263-mueller.html>

⁷⁴ Уже в 1960-е гг. Шмид сообщила западногерманской полиции, что последний раз видела Мюллера 24 апреля 1945 г. в Берлине. Он дал ей капсулу с ядом и ушёл.

Эйхман (род. 1906) с 1914 г. жил с семьёй в Австрии, учился на механика и электротехника, вступил в НСДАП в 1932 г. В 1933 г., после запрета нацистской партии в Австрии, перебрался в Баварию. В 1934 г. вступил добровольцем в СД, где сначала занимался составлением картотеки на масонов⁷⁵. В 1935 г. перешёл в отдел II 112 (Juden; Евреи), где возглавил отделение по работе против сионистов. В то время СД пыталось организовать массовую эмиграцию евреев из Германии в Палестину. После аншлюса Австрии Эйхман в Вене занимался тем же самым — «выдавливал» местных евреев в эмиграцию. Его опыт был высоко оценен⁷⁶, и после оккупации Чехии в марте 1939 г. его перевели в Прагу с таким же заданием. В начале 1940 г. Эйхман занялся эмиграцией евреев уже в масштабах рейха, возглавив Имперский центр еврейской эмиграции (Reichszentrale für jüdische Auswanderung), которым ранее руководил Гейдрих. Аналогичный отдел Эйхман возглавил и в РСХА (IV D 4; входил в состав гестапо).

Сразу же после нападения нацистов на СССР «айзатцгруппы» СС и СД начали на территории Советского Союза истребление коммунистов и евреев. Осенью 1941 г. была запрещена эмиграция евреев из рейха. Отделение Эйхмана было переименовано в V B 4 (Juden- und Räumungsangelegenheiten; «Евреи и вопросы выселения»). Подразумевалось, что всех евреев Европы следует выселить на оккупированные восточные территории — в Польшу и СССР. Эйхман занимался экспроприацией имущества выселяемых, составлением эшелонов, учётом депортированных и проявил себя «хорошим организатором».

Считается, что на конференции некоторых чинов СС и СД в берлинском районе Ваннзее 20 января 1942 г. под руководством Гейдриха было решено полностью истребить еврейское население Европы («окончательное решение еврейского вопроса»), хотя на самом деле уже к концу 1941 г. были полностью истреблены евреи на территории Литвы и Латвии. Эйхман в Ванзее всего лишь вёл протокол конференции. Не он, а Гиммлер (рейхсфюрер СС) и его заместитель Гейдрих приняли такое решение, явно не без ведома Гитлера. Кстати, сам Эйхман как «мелкая сошка» никогда с Гитлером не встречался.

Эйхман лично руководил депортацией евреев из Венгрии в лагеря смерти в 1944 г., но был всего лишь одним из многих, кто этим занимался в рейхе. Одновременно по поручению Гиммлера Эйхман вёл в Будапеште переговоры с международными еврейскими организациями об освобождении некоторых узников концлагерей в обмен на поставки в Германию дефицитного военного сырья. Войну Эйхман закончил в звании оберштурмбанфюрера (подполковника) СС.

Именно Эйхман назвал цифру в 6 млн. убитых нацистами и их пособниками евреев (в том числе 4 млн. — в концлагерях).

Весной 1945 г. под именем ефрейтора ВВС Адольфа Барта Эйхман сдался в Австрии в плен американцам. Однако его выдала эсэсовская татуировка, и тогда он «признался», что является унтерштурмфюрером СС (младшим лейтенантом) Отто Экманом. В феврале 1946 г. Эйхман бежал из лагеря для военнопленных и под именем Отто Хеннингера устроился работать на лесоповал недалеко от Бремена. На

⁷⁵ Масоны наряду с коммунистами считались главными противниками национал-социалистов.

⁷⁶ За 18 месяцев Эйхман заставил выехать 150 000 евреев.

тот момент Эйхмана искали уже все союзники. Когда в 1948 г. фирма обанкротилась, Эйхман пытался заняться разведением кур и зарабатывал на жизнь продажей яиц и курятины.

В 1950 г. с помощью католического священника Йоганна Коррадини он перешёл австрийскую границу и обосновался в Южном Тироле в монастыре францисканцев. В Южном Тироле (вошедшем в состав Италии в 1919 г.) жили немцы, настроенные в основном пангермански⁷⁷. Местные органы власти там выдавали практически всем «беженцам» из рейха удостоверение личности на любую фамилию. Тем более если за человека просила католическая церковь.

Главным пособником нацистов в Ватикане был кардинал Алоис Худал, причём об этом было достаточно хорошо известно во всех лагерях для немецких пленных. Худал сам потом не без гордости признавал, что с помощью выданных им документов Ватикана на фиктивные фамилии он «спас от коммунистов» много бывших нацистов. Давал Худал «беженцам» и деньги из фондов Ватикана. Всё это он делал с ведома папы.

Австриец Алоис Худал (род. 1885) был представителем папского престола по всем немецкоговорящим католикам Италии⁷⁸. Худал считал, что главным врагом католицизма является «безбожный большевизм», а потому все враги коммунистов — союзники церкви. В 1936 г. Худал, слывший в Ватикане философеминтеллектуалом, опубликовал трактат «Основы национал-социализма», в котором восхвалял идеи Гитлера. «Фюрер», презиравший католицизм, был в то же время высокого мнения о своём земляке Худале. По некоторым данным, Худал получил даже золотой значок НСДАП. В годы войны Худал поддерживал в Италии тесное знакомство со штандартенфюрером СС Вальтером Рауфом, изобретателем машин-душегубок⁷⁹. С помощью этого «изобретения» нацисты убили более 100 000 человек, в основном советских граждан.

Помощь бывшим нацистам Худал именовал «актом любви к ближнему своему». В марте 1948 г. кардинал сочинил даже «Инструкцию для выезжающих», со-

⁷⁷ Гитлер из уважения к Муссолини отказался присоединить Южный Тироль к Германии. Он планировал переселить всех немцев оттуда в Крым, который, естественно, перед этим предполагалось «очистить» от местного населения.

⁷⁸ *Aarons M., Loftus J. Ratlines. London, 1991. P. 29.*

⁷⁹ После нападения нацистов на СССР Рауфу (род. 1906) было поручено истребление цыган на советской территории. Впервые душегубки Рауфа были применены в ноябре 1941 г. в Полтаве. К июню 1942 г. «работало» уже 20 таких машин. К этому времени с помощью всего трёх душегубок нацисты истребили 97 000 человек. В 1946 г. Рауф без проблем сбежал из американского лагеря в итальянском городе Римини (оттуда бежали фактически каждый день). 18 месяцев Худал прятал его в различных католических монастырях и семинариях. В 1948 г. с помощью полученных от Ватикана документов Рауф с семьёй выехал в Сирию. В ноябре 1949 г. он вернулся в Рим, откуда отбыл в Эквадор. Там он спокойно работал представителем немецкой и американской фармацевтических фирм. В 1958 г. Рауф переехал в Чили и сообщил Министерству финансов ФРГ свой адрес для получения пенсии (!). Его никто не искал, и только в 2000-х гг. стало ясно почему. Германская разведка БНД в сентябре 2011 г. официально подтвердила, что с 1958 по 1962 г. Рауф был её агентом (номер V-7.410, псевдоним «Энрико Гомес»). За работу БНД выплатила Рауфу в общей сложности громадную по тем временам сумму в 70 000 западногерманских марок. После процесса над Эйхманом ФРГ потребовала выдачи Рауфа, но чилийский суд в 1963 г. отклонил это ходатайство за истечением срока давности. После прихода Пиночета к власти в 1973 г. Рауф, по данным ЦРУ, скорее всего, сотрудничал с тайной полицией диктатора ДИНА. Он умер в результате инфаркта в 1984 г.

державшую советы, как быстрее собрать все необходимые документы для выезда из Европы. Худал писал также ободряющие статьи для пронацистского журнала в Буэнос-Айресе с характерным названием «Дер Вег» («Путь»)⁸⁰. Главными пособниками Худала в этой «любви к ближнему» были епископ Генуи Джузеппе Сири и францисканец-хорват Крунослав Драганович.

Между тем Эйхман получил в 1950 г. от «одного францисканского монаха» в Генуе паспорт Красного Креста (выданный в Женеве) на имя Рикардо Клемента, в котором уже была аргентинская виза. Причём разрешение на въезд «Клемент» получил, сам того не зная, ещё в мае 1948 г. (такие разрешения действовали два года, видимо, поэтому Эйхману и посоветовали поторопиться с отъездом). Эйхману активно помог католический священник Эдоардо Деметер, непосредственный подчинённый Худала. В 1948 г. именно он «организовал» в Южном Тироле местное удостоверение личности на имя Рикардо Клемента.

14 июля 1950 г. «техник» Рикардо Клемент сошёл на аргентинский берег в Буэнос-Айресе. Вместе с ним прибыл ещё один «беженец» — бывший офицер дивизии СС «Гитлерюгенд» оберштурмбанфюрер СС Герберт Кульман. Именно он предоставил Эйхману первое жильё в аргентинской столице.

В Аргентине Эйхман перебивался разными заработками. Специально для «немецких беженцев» бывшие нацисты организовали в Аргентине компанию КАПРИ (Compania Alemana Para Recien Inmigrados, CAPRI; «Немецкая компания для недавно иммигрировавших»). Одним из директоров компании был упоминавшийся выше Карлос Фульднер, которого иронически называли «рыбаком с Капри». Фирма имела много липовых государственных заказов (например, изучение рек с целью возможного строительства ГЭС), и на пике деятельности в ней работало более 300 немцев.

Помимо Эйхмана в КАПРИ трудился, например, бывший бригадфюрер СС Ханс Фишбек. После аншлюса Австрии Фишбек занимался там «аризацией» имущества евреев. Его «опыт» затем, начиная с ноября 1938 г., был применён уже в масштабах рейха. С 1940 г. Фишбек проводил «аризацию» в Нидерландах. В январе 1942 г. был назначен Имперским комиссаром по вопросам ценообразования. После войны Фишбек скрывался в Мюнхене, получил паспорт Красного Креста на имя Якоба Шрамма от Драгановича. В феврале 1951 г. он прибыл из Генуи в Буэнос-Айрес. Позднее под своим настоящим именем вернулся в ФРГ как аргентинский гражданин. В Австрии его сначала разыскивали по обвинению в измене родине, но в 1957 г. Фишбек попал под амнистию. Ни разу не предстал перед судом, Фишбек скончался в Аргентине в 1967 г.

Эйхман был случайно обнаружен в Буэнос-Айресе бывшим узником Дахау слепым евреем Лотаром Херрманом, чья дочь встречалась с сыном Эйхмана Клаусом. Только после неоднократных обращений Херрмана⁸¹ израильские власти занялись Эйхманом, и группа МОССАД в мае 1960 г. тайно вывезла его в Израиль, где Эйхмана приговорили к смертной казни.

Другими наиболее известными (хотя и не очень высокопоставленными в иерархии Третьего рейха) военными преступниками, нашедшими после войны убежище в Аргентине, были:

⁸⁰ Статьи в этот журнал присылал из тюрьмы даже Рудольф Гесс.

⁸¹ В марте 1960 г. Херрман, например, написал израильскому послу в Буэнос-Айресе: «Кажется, вы не заинтересованы в том, чтобы схватить Эйхмана».

– гауптштурмфюрер СС Йозеф Менгеле («доктор Смерть»), проводивший бесчеловечные опыты над узниками концлагерей. Особенно интересовали его близнецы, чьи глаза после смертельных опытов были наколоты у него на стене кабинета в Освенциме, как бабочки. До 1948 г. Менгеле жил в Баварии, в июне 1949 г. прибыл из Италии в Аргентину по паспорту Красного Креста. Перон лично встречался с ним в Аргентине, где «доктор Грегор» пытался заинтересовать его проектами генной инженерии. Например, Менгеле брался устроить так, чтобы коровы в скотоводческой Аргентине всегда приносили за один отёл два телёнка. Ордер на арест Менгеле власти ФРГ выдали только в 1959 г. После этого «доктор Смерть» через Парагвай перебрался в Бразилию. Там в феврале 1979 г. во время купания в океане погиб от инсульта и был похоронен под именем Вольфганга Герхардта;

– гауптштурмфюрер СС Эрих Прибке, в годы войны заместитель командующего частями СД и полиции в оккупированной Италии. В 1942 г. как «истый католик» был удостоен личной аудиенции у папы Пия XII. В марте 1944 г. лично руководил расстрелом 335 итальянских заложников в Ардеатинских пещерах в Риме. Признавал, что при этом сам убил из пистолета несколько человек. После войны 20 месяцев без проблем отсидел в британском лагере в Римини, откуда бежал. С помощью Худала прятался во францисканском монастыре вместе с семьёй. Затем Худал организовал ему паспорт Красного Креста на имя немца из Латвии «Отто Папе», и Прибке перебрался в Аргентину. Там он жил под своим настоящим именем в Барилоче, где возглавил фонд спонсоров местной немецкой школы. В 1952 г. получил в Аргентине и паспорт ФРГ. Только усилиями независимых журналистов стала широко известна преступная деятельность Прибке в Италии в годы войны, и в 1994 г.(!) итальянская прокуратура открыла против него уголовное дело. В 1995 г. Прибке был выдан итальянским властям. Сначала он был оправдан военным судом, но после массовых протестов в 1996 г. приговорён к 15 годам лишения свободы, а в 1998 г. — к пожизненному заключению. «По состоянию здоровья» ни в чём не раскаившийся Прибке отбывал заключение в форме домашнего ареста. С 2007 г. ему разрешили свободно передвигаться по Риму. Умер Прибке 11 октября 2013 г. в возрасте 100 лет;

– гауптштурмфюрер СС Герхард Боне. Один из главных организаторов так называемой «акции T4» — массового убийства пациентов психиатрических клиник и «носителей врождённых болезней»⁸². Как и Эйхман в отношении евреев, Боне занимался «технически» аспектами «программы эвтаназии» — учётом тех, кто подлежал ликвидации, организацией перевозок, выдачей свидетельств о смерти с фальшивыми диагнозами. В 1942 г. в письме Гейдриху Боне обвинил персонал «акции T4» в валютных спекуляциях, пьянстве и «сексуальных извращениях». Его данные после проверки были признаны фальшивыми, и в 1943 г. Боне исключили из НСДАП и СС. После этого Боне призвали в вермахт, где он попал в Италию в плен к американцам. В 1946 г. его отпустили, и Боне как ни в чём не бывало работал помощником адвоката в Дюссельдорфе. В январе 1949 г. он с помощью Фульднера и хорватских усташей переехал в Аргентину (в каюте первого класса), где подвизался «по юридической части». Примечательно, что из Западной Германии в Австрию Боне за взятку проехал в джипе с американскими солдатами, поэтому его никто не

⁸² Всего в результате этой «акции» начиная с осени 1939 г. было убито более 70 000 человек как в самой Германии, так и на оккупированных нацистами территориях.

проверял. Паспорт Красного Креста, по которому Боне отплыл из Генуи, был выпущен на его настоящее имя. Ходатайство на выдачу паспорта было подписано представителем Ватикана «отцом» Драгановичем. В Аргентине Боне стал активным автором журнала «Дер Вег». После свержения Перона в 1955 г. вернулся в ФРГ, где работал адвокатом в Кёльне и Дюссельдорфе. Был арестован в 1959 г. по обвинению в убийстве «как минимум 15 000 человек». В 1963 г. был «по состоянию здоровья» помещён под домашний арест и сразу сбежал через Данию и Швейцарию в Аргентину. Там его арестовали в 1964 г. и в 1966 г. выдали ФРГ. Однако западногерманские эксперты признали его негодным по состоянию здоровья («опасность инфаркта вследствие стресса») для судебного процесса. В 1969 г. судебное разбирательство против Боне было окончательно закрыто. «Слабое здоровье» не помешало этому массовому убийце дожить до 1981 г. (умер в 79 лет);

– кавалер Рыцарского Креста полковник ВВС Ганс-Ульрих Рудель, который не без помощи активного самопиара стал известен в мире как «лучший штурмовик, истребитель советских танков»⁸³. Американцы выпустили Руделя из тюрьмы уже в апреле 1946 г. Дальше всё было как обычно. Через Швейцарию Рудель перебрался в Италию, где через Ватикан получил паспорт Красного Креста на имя «Эмилио Майера». В июне 1948 г. на пассажирском самолёте Рудель прибыл из Рима в Буэнос-Айрес⁸⁴. Там он организовал общество взаимопомощи для бывших нацистов (Kameradenwerk). Группа Руделя, например, посылала в тюрьму Рудольфу Гессу и Карлу Деницу посылки с продуктами⁸⁵. В этом деле ему активно помогал Худал. Как военный Перон очень высоко ценил Руделя. Последний пописывал статьи в журнал «Дер Вег» и издал несколько книг о своих «подвигах». Занимался он также поставкой оружия для диктаторских режимов Чили и Парагвая, был официальным представителем концерна «Сименс». Умер в 1982 г. и был похоронен в ФРГ. Во время похорон нацистского аса четыре самолёта бундесвера пролетели над могилой, отдавая дань уважения «боевому товарищу»⁸⁶.

Главным нацистским военным преступником, нашедшим после войны убежище в Аргентине, был, однако, не немец, а хорват — глава клерикально-фашистского режима усташей в 1941–1945 гг. «поглавник» («вождь») Анте Павелич.

В 1941–1945 гг. Павелич возглавлял так называемую хорватскую независимую державу. Режим проводил вызывавшее недовольство даже немцев массовое истребление евреев, цыган и главным образом сербского православного населения⁸⁷. Только в комплексе концлагерей Ясеновац было убито около 90 000 человек (больше, чем в результате смертных приговоров в Освенциме). Всего усташа «ликвидировали» более 700 000 человек. В Берлине даже потребовали, чтобы наиболее скомпрометировавшие себя зверствами палачи были отстранены от занимаемых должностей.

⁸³ По его же собственным данным, которые никто толком не проверял, уничтожил 519 танков.

⁸⁴ Бывшие нацисты, как правило, предпочитали голландскую авиакомпанию KLM.

⁸⁵ Гесс, например, жаловался на то, что русские в тюрьме Шпандау кормят его гречневой кашей, которую он ненавидит.

⁸⁶ Министерство обороны ФРГ оправдывалось, что самолёты совершали плановые полёты и случайно оказались над местом похорон. В это никто не поверил.

⁸⁷ Нацисты считали славян хоть и неполноценными, но всё же арийцами. В хорватском государстве усташей сербы должны были носить голубые нарукавные повязки с латинской буквой P (Pravoslavni).

Особенностью режима Павелича в Хорватии, так же как и режима Тисо в Словакии, был клерикально-фашистский характер. Истребление мирного населения проводилось не только по этническим, но и по религиозным мотивам (сербов убивали за то, что они православные) при полной поддержке католической церкви и Ватикана.

В 1945 г. Павелич был задержан англичанами в Австрии, но не был выдан югославским властям. Американская разведка уже в то время подозревала, что Павелич и его окружение подкупили англичан золотом и бриллиантами, награбленными во время массовых «экзекуций». Британцы формально ссылались на то, что в «коммунистической» Югославии Павеличу не будет гарантирован справедливый суд (!). Сам Павелич подчёркивал свою полезность Западу тем, что его сторонники в горах Югославии продолжали борьбу против общего врага — коммунистов Тито.

Драганович и Худал спрятали Павелича и его свиту в хорватском монастыре Сан-Джироламо в Италии. Монастырь охраняли вооружённые усташи. Правда, Павелич не очень-то и скрывался. Американская разведка фиксировала, что он разъезжает по Италии в автомашине с ватиканскими номерами (такие номера гарантировали неприкосновенность). Павелич неоднократно встречался с кардиналом Монтини, который в 1963 г. стал папой Павлом VI.

Первая группа усташей при посредничестве Драгановича прибыла в Аргентину в январе 1947 г., а всего Перон принял примерно 5000 хорватов (по другим данным — более 10 000). В Аргентине хорваты работали, в том числе при возведении «города Эвиты», который Перон хотел построить в память своей умершей от рака жены. Сам Павелич в 1947 г. получил от Франко испанский паспорт на имя католического священника «отца Гомеса». Американские спецслужбы разработали детальный план ареста «поглавника» (включая схему его резиденции и расположения охраны), но команды на сей счёт так и не последовало. В Вашингтоне сочли, что арест Павелича станет «подарком мировому коммунизму».

В начале 1948 г. американская разведка «потеряла Павелича из виду», а 11 октября 1948 г. при помощи сети Фульднера тот уже отплыл из Генуи в каюте первого класса в Аргентину. В Буэнос-Айрес прибыл беженец-венгр с паспортом Красного Креста на имя Пала Араньоса, спасавшийся от произвола коммунистов. ЦРУ уже в то время пришло к выводу, что отъезд Павелича организовал Драганович при полной поддержке ватиканских властей. Причём, по данным ЦРУ, Павелич прибыл в Аргентину «не пустым», прихватив с собой несколько ящиков с награбленным усташами золотом. Перон назначил Павелича советником по вопросам безопасности.

Югославия, начиная с 1951 г., напрасно требовала от Перона выдачи Павелича⁸⁸. В 1956 г. Павелич основал в Буэнос-Айресе «Хорватское освободительное движение» с целью восстановления независимой Хорватии в границах 1941 г. 10 апреля 1957 г. югославская разведка организовала покушение на Павелича (приговорённого в Югославии к смертной казни ещё в 1948 г.)⁸⁹, «поглавник» был тяже-

⁸⁸ Аргентинские власти утверждали, что Павелича в Аргентине нет, и к тому же ещё ссылались на отсутствие югославо-аргентинского соглашения об экстрадиции.

⁸⁹ Дата была выбрана не случайно — в этот день 10 апреля 1941 г. усташи при поддержке нацистов провозгласили независимость Хорватии.

ло ранен, но выжил, перебрался к Франко в Испанию⁹⁰, где и скончался в 1958 г. в немецкой больнице. Перед смертью он получил специальное благословение папы Иоанна XXIII.

В Аргентине привечали и других «славянских» коллаборационистов.

Еще в 1924 г. украинские эмигранты в Аргентине организовали местное отделение культурно-просветительского общества «Просвита», перешедшего после 1929 г. под идейный контроль ОУН. В 1933 г. возник фактически филиал ОУН — боевая организация «Украинское стрелечное общество». С 1934 г. это общество издавало газету «Наш клич», названную так в честь запрещенной польскими властями во Львове газеты ОУН с аналогичным названием. Один из террористов ОУН, Григорий Мацейко, участвовавший вместе с Бандерой в 1934 г. покушении на польского министра внутренних дел Перацкого, бежал в Аргентину. Украинцы не раз устраивали в Буэнос-Айресе демонстрации протеста перед польским посольством.

В 1946–1950 гг. из американских лагерей для перемещённых лиц (там содержались граждане СССР и других социалистических стран, отказавшиеся вернуться на родину) в Аргентину приехало примерно 6000 украинцев⁹¹, в том числе военнослужащих СС из дивизии «Галичина». Так как многие украинские коллаборационисты были униатами, то их также активно поддерживал Ватикан. В Аргентине бывших украинских эсэсовцев и полицейев опекала местная греко-католическая церковь⁹². В 1947 г. в Аргентине была основана единая организация всех антисоветски настроенных украинцев — Украинское центральное представительство. Она также оказывала помощь бывшим коллаборационистам. Все эти «беженцы»-нацисты вели активную пропаганду против охватившей украинское население Аргентины волны репатриации в СССР.

В Аргентине нашёл убежище и министр иностранных дел словацкого клерикально-фашистского режима Фердинанд Дюрчанский. Именно Дюрчанский пользовался среди всех лидеров марионеточной Словакии особым доверием Гитлера. С 1938 г. был платным агентом СД. Но в 1940 г. нацисты сочли его слишком радикальным, и Дюрчанскому пришлось уйти из правительства. После войны бежал через Австрию и Швейцарию в Рим, где его прикрывал Ватикан. 18 сентября 1946 г. был внесён союзниками в список наиболее важных разыскиваемых нацистских военных преступников. Он обвинялся в массовых убийствах, пытках гражданского населения, преступлениях против еврейского населения Словакии. В 1947 г. был приговорён в Чехословакии к смерти. С паспортом Красного Креста Дюрчанский прибыл в августе 1947 г. в Буэнос-Айрес. Там Дюрчанский сотрудничал с охранкой Родольфо Фройде, шпиона за чехословацким посольством в Аргентине. Например, он «обвинил» посла в Чехословакии в том, что тот — крещёный еврей (!).

⁹⁰ Павеллич узнал, что Аргентина готова выдать его Югославии.

⁹¹ cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/.../c/the_ukrainian.pdf

⁹² Первый униатский храм в Аргентине возник ещё в 1902 г. (поляки и украинцы использовали его совместно). К тому времени с территории Австро-Венгрии (куда до 1918 г. входила Западная Украина) в Аргентину эмигрировали более 10 000 украинцев. Многие в Аргентине перешли в православие, и по просьбе ватиканского интернунция в Буэнос-Айресе папа прислал для униатов священника из Бразилии. В 1922 г. Аргентину посетил униатский митрополит Шептицкий. В межвоенный период (1920–1939) в Аргентину из-за жестокой ассимиляторской политики польских властей приехало более 70 000 украинцев.

Как и Павелич, Дюрчанский вёл активную политическую деятельность (возглавил так называемый Словацкий комитет действия), выступая за восстановление независимого словацкого государства. Чехословакия безуспешно требовала выдачи Дюрчанского. МИД Великобритании отклонил в июле 1948 г. просьбу Праги посодействовать в этом вопросе. С 1949 г. Дюрчанский жил в Аргентине под своим именем, в 1952 г. получил аргентинское гражданство. Позднее перебрался в Канаду, затем в ФРГ, где и умер в Мюнхене в 1974 г.

Надо отметить, что после избрания президентом в феврале 1946 г. Перон подвергался интенсивному давлению американцев, требовавших высылки из Аргентины немцев и латиноамериканцев, подозревавшихся в симпатиях к нацистам. Перон противился как мог: до июня 1946 г. из Аргентины были выдворены всего 38 человек⁹³. 21 декабря 1946 г. Перон после прямого демарша американского посла Мессерсмитта объявил о выдворении ещё 13 человек — всё «мелкая сошка», по оценкам ФБР. В мае 1947 г. в Германию депортировали и так давно «засвеченных» бывших нацистских агентов Харниша и Франчока.

После этого президент США Трумэн заявил о нормализации отношений с Аргентиной. Американцы как раз объявили холодную войну мировому коммунизму («доктрина Трумэна», март 1947 г.), и бывлой «германофил» Перон, никогда не скрывавший своего антикоммунизма, мгновенно превратился для них в желанного союзника.

По наиболее распространённым оценкам, в Аргентину после Второй мировой войны прибыло 20 000–30 000 немцев (не обязательно нацистов). Однако точную цифру привести затруднительно, так как многие дела из архива Управления иммиграции Аргентины послевоенного времени были специально уничтожены. Запад закрывал глаза на всё это, считая, что борьба против мирового коммунизма гораздо важнее, чем поиски тех нацистов и их пособников, кто уже «имел заслуги» на этом направлении.

⁹³ <http://www.argentina-rree.com/13/13-013.htm>

А.В. Багаев

БРИТАНСКИЕ АГЕНТЫ,
ЛЕГЕНДАРНЫЕ И НАСТОЯЩИЕ

Багаев Александр Владимирович — аналитик ИСАН

*Забудьте историю, читайте лучшие биографии,
ведь только в них и отражена безо всяких мудрствований
настоящая жизнь.*
Бенджамин Дизраэли¹

ПОСЛЕ пятнадцати лет занятий, почти исключительно посвящённых британским агентам XX в., невозможно не прийти к выводу, что нет второго такого же кладезя историй и сюжетов, годных для сотен и даже тысяч самых увлекательных и самых невероятных романов как приключенческого, так и серьёзного жанра. Самый яркий и самый известный пример того — агент 007 Джеймс Бонд и его неистощимо великолепные похождения.

Но одновременно приходит понимание, сколь эти лёгкие и выигрышные при переложении художественным способом истории становятся сложны при любой попытке их изложения способом документальным. И тут уже самым ярким примером может служить создатель Джеймса Бонда — Ян Флеминг, о котором, в отличие от его героя, кроме его литературного достижения широко не известно практически ничего. А ведь и он тоже всю свою взрослую жизнь провёл среди британских агентов всех мастей и рангов и был «свой среди своих» на всех уровнях вплоть до высшего.

Вот о тех трудностях, с которыми приходится сталкиваться при рассказах о «британских агентах», и пойдёт дальше речь.

¹ Read no history, nothing but biography, for that is life without theory. Benjamin Disraeli. *Contarini Fleming. A Psychological Autobiography*. Здесь и далее перевод с английского языка, как правило, мой. Там, где заимствован чужой перевод, указан(-ы) его автор(-ы).

Герой не своего романа

Биографическая справка

Ян (Иан) Флеминг. Родился 28 мая 1908 г. в Лондоне в семье, принадлежавшей к крупной британской буржуазии. Правда, его дед по отцу — Роберт Флеминг — обычный шотландский простолюдин, начинал в Данди обыкновенным приказчиком в лавке, но, обладая очевидно незаурядными способностями, он, не отпраздновав ещё и тридцати лет, уже успел неоднократно побывать по делам в США и наладить там крепкие связи с местными влиятельными финансистами, и в процессе научился выгодно вкладывать полученные в доверительное управление деньги клиентов. Сегодня этот финансовый механизм называется инвестиционным трастом, а Роберт Флеминг считается его изобретателем. В конце 1870-х гг. он одним из первых европейцев активно включился в финансирование железных дорог в США, создав для этого вместе с несколькими партнёрами первое в Великобритании инвестиционное предприятие нового типа: The Scottish American Investment Company P.L.C., или SAINTS. Причём именно тогда, именно в США и именно в железнодорожной отрасли сформировались многие крупнейшие состояния, владельцы коих уже к середине XX в. превратились в сплочённую финансовую элиту Западного мира. Роберт Флеминг не стал исключением: в 2000 г. созданный им и просуществовавший более 100 лет семейный банк Robert Fleming & Co. за 8 млрд. долларов приобрёл его старейший партнёр JP Morgan Chase & Co. — самый крупный банк США (Роберт Флеминг активно вёл дела ещё с основателем этого банка — Джуниусом Морганом). Вторым не менее близким партнёром и личным другом Роберта Флеминга был Джейкоб Шифф — главный конкурент Морганов и признанный лидер так называемых «еврейских международных банкиров» в Нью-Йорке, представитель интересов Ротшильдов на американском континенте, а также общие партнёры Ротшильдов и Шиффа — братья Варбург.

Роберт Флеминг умер в 1933 г. и оставил наследникам состояние, оценённое как одно из крупнейших на тот день личных состояний за всю историю Англии (12 млн. фунтов стерлингов — во времена, когда самые блистательные

дворцы и замки покупали за 100 000–150 000 фунтов, а людей с годовым доходом в 1000 фунтов уверенно причисляли к верхней, самой богатой прослойке среднего класса). Однако уникальность не в том, что он сумел сделать своих детей и потомков богатейшими людьми планеты. Это удавалось и другим. По-настоящему поражает, как он всего за тридцать лет стал своим человеком на самом вершине аристократического британского истеблишмента. Ведь к моменту рождения его нынче всемирно знаменитого внука Роберт Флеминг уже являлся одним из пяти членов «финансового комитета», набранного королём Эдвардом VII для управления его личным благотворительным фондом. Остальные четверо были лорд Ротшильд (глава английской ветви знаменитого банковского дома), лорд Ревельсток (глава дома Бэрингов, делившего с Ротшильдами славу двух крупнейших банков империи и мира), Хью Колин Смит (управляющий Банка Англии, один из самых влиятельных людей в Сити) и сэр Эрнест Кассель (личный друг короля и премьер-министра Герберта Асквита, один из самых богатых людей империи). Роберт Флеминг был пятый равный на этой вершине власти. И только поэтому хоть как-то укладывается в сознании трудновообразимый факт, что такая же неаристократичная, как и её выскочка-супруг, Кэти Флеминг, бабушка Яна, многие годы была личной подружкой Марии Текской — королевы Марии, жены короля Георга V. А Эвелина Флеминг, она же Эви, мать Яна, в свою очередь, всю жизнь дружила с кузиной короля принцессой Марией-Луизой.

Но при этом, хотя Ян Флеминг и родился по всем внешним признакам в рубашке и с серебряной ложкой во рту, в жизни у него не обошлось без сложностей. Когда ему исполнилось 6 лет, его отец Валентайн, старший сын Роберта Флеминга, оставил великолепно начатую карьеру политика-консерватора и отправился на войну. Получив положенное британской элите образование в Итоне и Оксфорде, он и воевать ушёл офицером элитного полка оксфордширских гусар — гвардии короля, созданной несколькими веками раньше герцогом Мальборо. Неудивительно, что среди его однополчан числился сосед по Оксфордширу и прямой потомок Мальборова Джон Спенсер-Черчилль, чей старший брат Уинстон тоже доводился Валентайну добрым приятелем и парламентским соратником. Потому, когда Валентайн в мае 1917 г. пал в бою, некролог в «Таймс» в память о погибшем друге написал, конечно же, он, Уинстон Черчилль.

Роберт Флеминг своевременно позаботился, чтобы старший сын и его семья никогда не знали нужды: сразу после свадьбы выделил молодожёнам огромный по тем временам капитал. Соответственно, когда Валентайн уходил на войну, он на случай своей гибели создал в пользу Яна и его трёх братьев, Питера, Майкла и Ричарда, траст в размере 265 000 фунтов (в те годы людей, обладавших таким состоянием, в Королевстве насчитывалось даже не несколько тысяч, а всего сколько-то сотен). Доходом от траста (около 15 000 фунтов в год) распоряжалась вдова Валентайна Эви, а разделу между её сыновьями он подлежал только после её смерти. И ещё была оговорка: в случае, если бы мама осиротевших мальчишек Эви вновь вышла замуж, она потеряла бы свои права, и ей осталось бы «всего» 3000 фунтов в год (сегодня это не менее полумиллиона фунтов).

Видимо, поэтому мама Эви так больше никогда замуж и не вышла. А Роберт Флеминг, умерший в 1933 г., детям погибшего старшего сына² больше ничего не оставил, полагая, видимо, что об этих внуках он уже достаточно позаботился.

Другими словами, Ян Флеминг целиком принадлежал к замкнутому миру самых богатых людей планеты, но волею судьбы ему было суждено оставаться среди них, по их меркам, практически нищим, зарабатывая на жизнь своим трудом. И так всё время, пока будет жива мама Эви. А она умерла 27 июля 1964 г.; Ян же — две недели спустя, 12 августа. И потому только пятнадцать дней он побыл богат так, как и причиталось ему — члену одного из самых крупных банковских домов в мире.

Накануне войны Ян Флеминг был зачислен в чине капитан-лейтенанта военноморского добровольческого резерва (Royal Naval Volunteers Reserve, RNVR) на должность личного помощника начальника разведки ВМС Соединённого Королевства — тогдашней главной британской разведслужбы. Очень быстро и в порядке исключения — ведь ему требовалось ежедневно взаимодействовать на равных с генералами, адмиралами и членами правительства — был повышен в звании до командера (капитана второго ранга³; это же звание Флеминг впоследствии присвоил и своему «альтер эго» Бонду). На этой должности и в этом звании Флеминг прослужил до самого конца войны и вышел в отставку.

² Второй сын Роберта Флеминга — Филип (Philip Fleming, 1889–1971), как и старший брат, ушёл на войну в составе того же полка оксфордширских гусар, но остался жив и всю свою оставшуюся и долгую жизнь посвятил семейному делу — банку *Robert Fleming & Co* и всевозможным его ответвлениям. После его смерти ему на смену пришли его сыновья и внуки — двоюродные братья и племянники Яна Флеминга. Именно они и наследники старшего брата Яна — Питера Флеминга по сей день единолично управляют через фирму *Ian Fleming Publications* (приобретённую специально для этих целей самим Яном Флемингом в 1952 г. под названием *Glidrose Productions*) всеми авторскими правами их единственного родственника, публичную славу которого семья не стала «гасить». Практически все основные члены дома Флемингов отличаются тем, что всему миру, кроме очень узкого круга посвящённых, о них неизвестно практически ничего, хотя они и являются вот уже 100 лет ближайшими равноправными партнёрами раскрученных вне всякой меры и всему миру известных до последней подноготной Ротшильдов. Наглядный пример: как-то однажды против уже совсем пожилой мамы Эви некая её соперница затеяла тяжбу, обвинив её в том, что Эви (овдовевшая за сорок лет до того) якобы пыталась увести у неё мужа. Эви ту тяжбу выиграла. В связи с чем по завершении заключительного заседания устроила на выходе из здания суда целую фотосессию: её в тот день пришли поддержать все её сыновья — Питер, Ян и Ричард (четвёртый — Майкл участвовал в прикрытии эвакуации британского экспедиционного корпуса в Дюнкерке, попал в плен и позднее скончался в плену от полученных ран), — и вот с тремя сыновьями она и позировала перед нанятыми фотографами. Фотография, на которой уже тоже пожилой и знаменитый «создатель Джеймса Бонда» Ян Флеминг под руку с матерью пересекает тротуар перед зданием суда, перепечатывается практически во всех посвящённых ему книгах. Менее известны сегодня, но во время события были тоже широко растиражированы и фотографии с участием Питера (он не только считался одним из самых популярных писателей второй половины 1930-х гг. и публицистов послевоенного периода, но ещё и был уже третий десяток лет счастливо женат на одной из самых красивых и популярных английских театральных актрис той эпохи — Силии Джонсон). Но вот фотографий, на которых присутствовал бы и их младший брат Ричард, неизвестно ни одной, потому что Ричард, в отличие от Питера и Яна, уже входил тогда в руководство семейного банка и финансовую элиту Сити, и потому любая публичность ему была строго противопоказана, а значит, непозволительна.

³ Следует учитывать, что воинские звания в Великобритании не соответствовали по статусу советским. Английский командер — капитан второго ранга, подполковник — в британских вооружённых силах был примерно тем же, чем в СССР был генерал-майор или даже генерал-лейтенант.

Питер Флеминг (1907–1971) — старший брат Яна Флеминга. Блестяще обучился в Итоне⁴ и Оксфорде, где прославился и вошёл в анналы университета как большой мастер изящного стиля, в совершенстве владеющий художественным словом. В 1930-х гг. много путешествовал по всему свету (причём часть этих путешествий — в Восточную Сибирь, отдалённые районы Китая, Индии и Аравийской пустыни — он совершил, выполняя одновременно задания британских спецслужб) и написал о своих приключениях несколько документальных книг, благодаря которым заслужил громкую славу не только безупречного стилиста, но и первоклассного рассказчика. Вскоре после начала войны Питер Флеминг уже в чине армейского полковника возглавил азиатское направление в самой засекреченной и одновременно самой влиятельной британской спецслужбе времён Второй мировой войны — London Controlling Section, LCS, — занимавшейся стратегической дезинформацией.

— ЭТО тот, что Джеймса Бонда создал?

Именно с этого встречного вопроса чаще всего начинаются разговоры о Яне Флеминге. И именно такая реакция наиболее полно отражает причину, по которой столь нелегко выстроить объективный рассказ о нём. Потому что в этой короткой реплике совмещены сразу оба главных искажения, уже давно укоренившихся в умах.

Первое — более очевидное и потому легче поддающееся «разоблачению» — касается создания персонажа Джеймса Бонда, по поводу которого сразу возникает простой вопрос: о создании какого именно Бонда речь? Того, которого сыграл Шон Коннери? Или того, что в исполнении Роджера Мура? Или уже нашего современника Дэниеля Крэйга?

Или правильнее всё-таки будет вспомнить, что Ян Флеминг не кино про Бонда снимал, а книги о его похождениях писал⁵? И уже исходя из этого решать, какой из актёров создал образ, наиболее близкий к литературному герою?

И КРИТИКИ, и апологеты агента 007 по имени «Бонд, Джеймс Бонд»⁶ сходятся во мнении, что классический образ этого неотразимого покорителя дивных

⁴ *Eton College* — одна из старейших и самая престижная в Англии частная средняя мужская школа-интернат, учреждена в 1440 г. Генрихом IV как «колледж Короля». Её прямым аналогом в российской истории можно считать Царскосельский лицей. В первой половине XX века выпускники Итона поступали в основном в пять самых престижных высших учебных заведений, готовивших высшее звено британского имперского истеблишмента: гражданские университеты Оксфорд и Кембридж (вместе их часто называют Оксбридж), общевоинские училища «Сандхерст» (официальное полное название: *Royal Military Academy Sandhurst* — готовило пехотинцев и кавалеристов), «Вулвич» (*Royal Military Academy at Woolwich* — готовила офицеров артиллерии и инженерных войск) и военно-морское училище «Дартмут» (официальное полное название: *Britannia Royal Naval College*). Ян Флеминг, как и Питер, окончил Итон, но далее поступил в Сандхерст, откуда после первого же курса был отчислен «по собственному желанию», и более он в английских учебных заведениях не обучался.

⁵ При жизни Яна Флеминга были экранизированы только два его романа: «Доктор Но» (1962) и «Из России с любовью» (1963). Третий по счёту фильм бондианы — «Голдфингер» — вышел на экраны уже после смерти Флеминга, 17 сентября 1964 г.

⁶ Согласно опросу, проведённому *The Guinness Book of Film*, этот характерный способ Бонда представляться при знакомстве — *My name is Bond, James Bond* — считается самой знаменитой репликой в истории кинематографа.

дам Ян Флеминг создал не сразу, а постепенно и довёл его до того совершенства, которым так увлекаются сегодня многие миллионы поклонников по всему миру, только в четвёртой по счёту, но зато самой успешной экранизации бондианы — в фильме «Шаровая молния» (*Thunderball*). Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в жизни так складно получиться, мягко говоря, не могло. И отнюдь не просто потому, что «Шаровую молнию» снимали, когда автора романа уже не было в живых.

Ян Флеминг приступил к созданию образа своего литературного героя в 1952 г. В 1953 г. вышел первый роман. Затем на протяжении 11 лет Флеминг писал и публиковал по одному роману в год⁷.

«Шаровая молния» — девятая по счёту книга, написанная и вышедшая в 1961 г.

Первая серия киноверсии бондианы («Доктор Но») вышла на экраны в 1962 г., а «Шаровая молния» — четвёртая по счёту — в 1965 г.

Так что если не «копать» дальше, то всё в данном развитии событий с общепринятым представлением о постепенном создании образа Бонда совпадает. Но зато если всё-таки «копнуть», то выяснится, что кинообраз Джеймса Бонда впервые появился на свет не в процессе работы над «Доктором Но», а двумя годами раньше, при написании сценария именно для «Шаровой молнии». И хотя хронологически она не первая, а четвёртая по счёту экранизация, изначально именно она должна была стать — в том же 1962 г. — первым фильмом о Бонде.

Тут же возникает закономерный вопрос: если повесть «Шаровая молния» была написана в 1961 г., то как можно было работать над её экранизацией за год и даже за два года до того? Ответ на заданный вопрос как раз и свидетельствует, что создателем *нашего*, сегодняшнего, хорошо нам знакомого Джеймса Бонда Ян Флеминг... не являлся; или, точнее, был им только отчасти.

Правда, разобраться в этом эпизоде до конца и получить исчерпывающий ответ на вопрос не получится, поскольку завершилась эта история внесудебной мировой сделкой за закрытыми дверями. Но ключевые её моменты всё же известны.

В начале 1959 г. три друга — три ветерана британских и американских разведслужб времён Второй мировой войны (преуспевающий американский адвокат и доверенное лицо президента Рузвельта во время войны Эрнест Кунео и друзья с детства Айвар Брайс и Ян Флеминг — все трое имели виллы по соседству друг от друга на Ямайке) зарегистрировали продюсерскую фирму *Xanadu Productions*. Цель их при этом заключалась в том, чтобы перенести приключения уже вполне зрелого литературного Джеймса Бонда на большой экран.

Ivar Bryce — как и Ян Флеминг, принадлежал к крупной британской буржуазии; они одновременно учились в Итоне, где среди прочего издавали вместе студенческую газету. Во время Второй мировой войны Брайс служил в полулегальной объединённой резидентуре всех британских спецслужб в США — British Security Coordination, BSC, — с которой Флеминг в силу занимаемой должности всю войну близко сотрудничал, и при каждом удобном случае, естественно, он проводил время со старым итонским од-

⁷ Последний роман был опубликован в 1965 г., уже после смерти автора. Восьмая по счёту книга единственная была не отдельной повестью, а сборником рассказов под названием *For Your Eyes Only*.

нокашином⁸; Уинстон Черчилль использовал BSC для прямых конфиденциальных контактов с президентом США в обход официальных каналов; Эрнест Кунео обеспечивал конфиденциальную прямую связь между BSC и Франклином Рузвельтом. После войны Айвар Брайс женился на миллионерше Джозефине Хартфорд, наследнице семьи, владевшей крупнейшей в США сетью супермаркетов A&P, развлекался среди прочего кинопродюсерством и потому выступал в дружной компании своих друзей и боевых товарищей в роли денежного мешка и заводилы.

Следует, однако, иметь в виду, что ещё во время учёбы в Итоне Айвар Брайс и Ян Флеминг уже стали авторами схожих Ephemeral⁹, отличительной чертой которых была их нарочитая коммерческая сторона: значительное место в них было отведено рекламе производителей предметов роскоши, популярных в их среде. В сочетании с тем, что обоим уда-

⁸ John Felix Charles (Ivar?) Bryce (1906–1985). В конце 1970-х гг. написал книгу воспоминаний *You only live once: Memories of Ian Fleming* и в ней среди прочего рассказал о своей работе в военные годы в центральной резидентуре BSC в Нью-Йорке. По его собственному определению, поставленная перед BSC задача заключалась в том, чтобы обеспечить вступление США во Вторую мировую войну на стороне Великобритании. С этой целью Айвар Брайс, в частности, предложил провести активное мероприятие, которое заключалось бы в том, что президенту Рузвельту, реальная политика которого была направлена именно на ползучее втягивание США в войну, «случайно» попадут в руки документы, «неопровержимо доказывающие» намерение германского нацистского руководства осуществить захват американского континента. Два таких документа были изготовлены специалистами британских спецслужб на технической и учебной базе BSC (так называемая *Station M*), расположенной в Канаде, недалеко от города Торонто вблизи границы США. Один из них — карта Южной Америки на немецком языке, на которой нанесены новые границы новых государств, на которые поделён континент, с различными сопроводительными пометками, сделанными от руки и тоже на немецком языке. Второй документ — план отмены всех классических религий, закрытия всех культовых сооружений соответствующих Церквей и введения вместо них единого «международного нацистского культа», в котором канонические тексты заменит «Майн кампф», а символы (крест и др.) — свастика и обнажённый меч. Документы эти были через Эрнеста Кунео переданы доверенному человеку Рузвельта Вильяму Доновану (будущему начальнику OSS) — то есть, несомненно, самому Рузвельту. Обратное по цепочке было передано «высочайшее» одобрение задуманной операции. После этого оперативники BSC организовали в далёкой Бразилии «случайный» выход на след этих документов «сознательного бразильского гражданина», который и сообщил о своей находке в местное посольство США. 27 октября 1941 г. Рузвельт произнёс по случаю Дня ВМС США торжественную речь (она транслировалась в живом эфире по радио на всю страну), в которой предал полученные документы всенародной и международной огласке как неоспоримое доказательство грозящей США и всему христианскому миру опасности. «Эта карта, друзья мои, ясно свидетельствует, какие планы нацисты вынашивают не только против Южной Америки, но и против Соединённых Штатов», — заявил Рузвельт на весь мир. (“That map, my friends, makes clear the Nazi design not only against South America but against the United States as well”). Правда, на состоявшейся на следующий день пресс-конференции предъявить журналистам оригиналы «разоблачительных документов» Рузвельт отказался. С тех пор, как правда о тех «документах» была рассекречена, сие «неоднозначное» выступление Рузвельта вошло в историю под названием *The Secret Map Speech*. Ян Флеминг в своих романах использовал второе из двух имён Айвара (Felix) и присвоил его периодически приходящему на помощь Бонду агенту ЦРУ Феликсу Лейтеру. Техническую службу британской резидентуры в США, занимавшуюся среди прочего изготовлением всевозможных фальшивок, Флеминг изобразил в своей бондиане как вотчину забавного технаря «Q», который неустанно снабжает Бонда всеми его чудесными гаджетами (такие «гаджеты» *Station M* действительно изготавливала для агентов BSC и других британских спецслужб в больших количествах).

⁹ Так в Итоне называли индивидуальные литературно-художественные сборники, которые могли издать один раз за учёбу все ученики Итона, желавшие попробовать себя на литературной ниве.

лось за счёт престижности своих семей пригласить в качестве соавторов целый сонм знаменитостей, оба издания имели серьёзный коммерческий успех. Айвар Брайс, например, на заработанные деньги смог купить дорогой мотоцикл. Коммерческий стиль будущей бондианы мало чем отличался от этого их первого юношеского опыта.

Одновременно друзья рассчитывали воспользоваться недавно предоставленными британской кинопромышленности налоговыми льготами и провести для этого съёмки на британской территории — на Багамских островах. Себе в помощь и в партнёры они взяли молодого ирландца Кевина МакКлори, который к тому времени как раз завершил работу в качестве режиссёра и фактического продюсера первого фильма, профинансированного Айваром Брайсом, и произвёл на друзей хорошее впечатление. Все вместе они с энтузиазмом принялись за работу.

МакКлори, прочитав пару-тройку из числа первых романов Флеминга, на идее их экранизации категорически поставил крест. Вместо этого он предложил сочинить общими усилиями совсем новый сюжет (поступил он таким образом бескорыстно или всё-таки стремясь попасть в число соавторов с правом на участие в большей доле гонораров, неизвестно). Он же предложил с учётом «багамского фактора» выстроить сюжет, предусматривающий максимально большой объём подводных съёмок (действие в фильме, действительно, чуть ли не наполовину происходит под водой).

А самый первый черновик с намётками сюжетной линии и образами действующих лиц написал Эрнест Кунео, и некоторые задумки этого много раз впоследствии переписанного черновика реализовались не только в окончательной редакции сценария, но и позднее в книге. Далее с черновиком Кунео поработал МакКлори, а потом, по результатам нескольких совместных обсуждений, к нему приложил руку уже сам Ян Флеминг. После чего к написанию сценария был привлечён ещё и профессиональный сценарист Джек Уиттингэм.

Неудивительно, что с тех пор энтузиасты и биографы ведут неразрешимый, судя по всему, спор о том, кто и что именно в сюжете и про персонажей «Шаровой молнии» сочинил.

Тем временем фильм, который до того снимали МакКлори и Брайс, ожидаемого успеха не имел, и профессиональная репутация молодого МакКлори от этого заметно пострадала. В результате все попытки друзей начать переговоры с киностудиями о съёмках задуманного ими фильма с МакКлори в качестве продюсера результата не дали. Через какое-то время никому более не нужный сценарий закономерно отправился под сукно, а Флеминг и его друзья к своему кинопроекту полностью охладели.

Одновременно Флемингу якобы несказанно повезло — хотя поверить в случайность тут крайне сложно из-за давнишних и прочных связей, которые дом Флемингов имеет в США с реальными властями предрежащими¹⁰. «Везение» же за-

¹⁰ Дом Флемингов уже более ста лет ведёт дела на самом верху власти во многих странах мира, умудряется поколение за поколением сохранять не раздроблённым наследниками на мелкие части свой колоссальный капитал (такое в новейшей истории тоже удаётся Рокфеллерам, близким партнёрам Флемингов Ротшильдам и Кезикам и ещё нескольким семьям — но и всё) и одновременно уже полвека проводит удивительно эффективную маркетинговую политику, позволяющую стабильно получать каждый год сотни миллионов долларов за счёт высокопрофессиональной эксплуатации бренда «Джеймс Бонд».

ключалось в том, что в одном из журнальных интервью один из романов Флеминга в десятку своих любимых книг включил только что избранный в США президентом сверхпопулярный в народе Джон Кеннеди. Флеминг, естественно, тут же стал самым читаемым автором детективных романов в этой благодатной стране. И благодаря этому смог без лишних проволочек продать права на экранизацию своих уже написанных и будущих романов Гарри Зальцману и Альберту Брокколи — будущим продюсерам грядущей киновселенной. И это уже они тут же выбрали для «пробы пера» и запустили в производство «Доктора Но» (то есть не первый, а шестой по счёту роман). Как только фильм был готов к прокату, Джон Кеннеди заказал копию себе для просмотра в Белый дом. Так что успех первой «бондовской» кинопробе был гарантирован, и был он феноменален.

Но, с другой стороны, получилось всё с началом победного шествия Бонда на больших экранах отнюдь не так безоблачно. Потому что Флеминг тогда же решил воспользоваться наработками, оставшимися от написания не востребовавшего сценария, и на их основе быстро сочинил и напечатал очередной роман, сохранив даже рабочее название «Шаровая молния». Когда часть первого тиража уже поступила в продажу, Кевин МакКлори и Джек Уиттингэм, и так уже лишённые всех благ и чествований, сопутствовавших экранному успеху сочинённого ими «киношного» героя, подали на Флеминга в суд, обвинив его в плагиате и потребовав изъятия книги из оборота.

В изъятии книги суд отказал, поскольку слишком большая часть первого тиража уже была продана, но дальше разбирательство тяжбы затянулось аж до осени 1963 г. По ходу дела Джек Уиттингэм уступил свою долю МакКлори, а Куно его — Брайсу, и завершилось всё тем, что Айвар Брайс, выступив в интересах своего уже очень больного друга — Флеминг меньше чем через год умер, не перенеся второго по счёту обширного инфаркта, — просто откупился от Кевина МакКлори за неназванную сумму во внесудебном порядке.

Но ещё до этого некоторые обязательные для исполнения решения суд всё-таки принял.

Авторские права на само литературное произведение (роман *Thunderball*) суд оставил целиком за Флемингом, с тем лишь условием, что отныне и во всех последующих изданиях его текст будет предварять вот такое короткое разъяснение:

Роман на основе сценарного тритмента¹¹, созданного Кевином МакКлори, Джеком Уиттингэмом и Автором (т.е. самим Флемингом. — А. Б.).

А вот зато все права на написанный ранее сценарий и будущие экранизации романа суд оставил за МакКлори.

И уже МакКлори, не мешкая, договорился с Зальцманом и Брокколи, и уже они втроем сняли «Шаровую молнию» — самый успешный фильм киновселенной, в котором и был явлен публике ставший вечным во всём мире кинообраз героя.

¹¹ Тритмент — этап создания киносценария, следующий за синопсисом. Синопсис — это 1–2 страницы, а тритмент — 20–30 страниц. В нём более подробно расписывают сюжетные ходы и образы героев, но без диалогов и посценовой разбивки.

Почти двадцать лет спустя, в 1983 г., МакКлори снял уже сам, без участия владельцев прав на всю остальную бондиану, ещё одну версию «Шаровой молнии» под названием «Никогда больше не говори никогда» (Never Say Never Again¹²). По мнению многих кинокритиков у него в результате получился один из лучших фильмов о Бонде, и это косвенно подтверждает, насколько значительным был в реальности его вклад в создание общепринятого сегодня образа.

Напрашивается очевидный вывод: того Джеймса Бонда, которого знает подавляющее большинство его поклонников — то есть те, кто знаком со своим кумиром только по фильмам, — создал вовсе не Ян Флеминг. Да и вообще, судя по первоначальной реакции Кевина МакКлори на романы Флеминга, можно предположить, что тот Бонд, которого Флеминг создал действительно сам без всякого постороннего вмешательства, совсем иной и наверняка для азартных и будоражающих воображение приключений недостаточно киногеничен. Причём предполагать можно смело, поскольку на практике дело именно так и обстояло.

НА самом раннем этапе, когда концепция будущих романов и их главного героя только-только начинала формироваться и когда до написания первого слова в самом первом рассказе о похождениях Джеймса Бонда ещё оставалось много месяцев, Ян Флеминг довольно активно обсуждал своего лирического героя, черты его характера и вообще то, чем и ради чего он должен был жить, со своим старшим братом Питером. А когда черновик первого романа («Казино Руаяль») был готов, всё по-прежнему Питер — признанный литературный мастер — сделал стилистическую правку рукописи и лично рекомендовал это первое произведение ничем ещё не отметившегося в литературе новичка своим друзьям в престижном издательском доме *Jonathan Cape*¹³.

Но ещё до этого, весной 1951 г. *Jonathan Cape* отпечатал в Париже небольшим тиражом (даже через шесть лет после войны бумага в Англии всё ещё была большим дефицитом и отпускалась «по карточкам») коротенькую повесть под названием «Шестая колонна». Автором её являлся Питер Флеминг, а посвящением в ней было — *To my brother Ian* («Моему брату Иану»). То есть Питер этой литературной безделушкой наглядно продемонстрировал брату, как он себе представляет и формат его будущих

¹² Это название было принято по предложению жены Шона Коннери, вновь сыгравшего в фильме роль Бонда. Забавность в том, что, снявшись в первых шести картинах бондианы, Коннери зарёкся играть Бонда и якобы заявил: «Больше — никогда!» — а тут взял, да и нарушил данный им когда-то обет.

¹³ К тому времени издательский дом *Jonathan Cape* уже почти 20 лет издавал книги Питера Флеминга, а директором его являлся однокашник Питера по Итону и Оксфорду, его ближайший и на всю жизнь друг Руперт Харт-Дэвис (Rupert Hart-Davis; Дафф — Duff Hart-Davis — сын Руперта, которому Питер Флеминг доводился крёстным отцом, долгое время жил с семьёй во флигеле на территории загородного имения Питера Флеминга и написал единственную на сегодняшний день посвящённую ему биографическую повесть). В результате и все романы Яна Флеминга тоже впервые увидели свет стараниями и заботами верных друзей — однокашников старшего брата (все выпускники Итона автоматически становятся членами почти что масонского по своей сути неформального сообщества под названием *old etonians* — самого, наверное, элитарного и эксклюзивного отряда всех британских *old boys*).

произведений¹⁴, и их идейную направленность, или, иначе, ту идеологическую задачу, которую Ян своими романами должен был попробовать решить.

Сюжет у этой сегодня уже мало кому известной сатирической повести полудетективный, и написана она свойственным Питеру Флемингу отменным языком и с большим юмором. С точки же зрения данного разговора особенно поражает та предельная ясность, с которой Питер Флеминг раскрыл в ней вычлененную им вместе с братом сверхзадачу (по Станиславскому).

В двух словах сюжет повести таков.

В Англии огромной популярностью пользуется некий Пол Осни, писатель и радиокomentатор с завораживающим всех голосом (это важная деталь, поскольку в те годы радио играло «воспитательную» роль даже ещё бо́льшую, чем сегодня играет ТВ). Но при этом Осни является агентом НКВД. И не просто агентом. Он по собственной инициативе предлагает Кремлю план — «План Д» — цель которого формулирует следующим образом:

...ускорить нынешний упадок британского национального духа и тем самым впоследствии подорвать и со временем исключить полностью влияние Великобритании на ход дел в мире.

Кремль предложенный план принимает, и для его осуществления в Лондон по случаю постановки там его пьесы отправляется популярный советский драматург Глутеров. Его задача заключается в том, чтобы запросить политического убежища и затем, получив всевозможную поддержку со стороны Осни и его коллег на радио, в печати и в столичных влиятельных кругах, ненавязчиво пропагандировать идею, что во всех грехах СССР виноват тиран Сталин, а зато простые советские люди — советский народ — добры по натуре и вовсе не желают англичанам никакого зла. Результатом по задумке автора «Плана Д» должны были стать утрата бдительности в английском обществе и его отказ от поддержания своих боевых сил и средств в надлежащей готовности.

Глутеров в день премьеры по окончании спектакля прямо со сцены заявляет о своём решении не возвращаться в СССР. Благодаря такой в буквальном смысле слова театральности жеста и последующим тщательно скоординированным действиям Осни и Кремля, Глутеров моментально оказывается в центре всеобщего внимания, и идейная атака на умы ничего не подозревающих англичан начинает развиваться в полном соответствии с задуманным.

Однако как раз перед появлением Глутерова в Лондоне текст «Плана Д» (анонимный, без упоминания его автора или Кремля) волей случая

¹⁴ Практически все «романы» Яна Флеминга имеют тот же небольшой объём, что и «Шестая колонна», и поэтому любой из них можно успеть прочесть от корки до корки за время, например, трансатлантического перелёта.

попадает в руки британских спецслужб. И потому в конце концов, когда дело у Осни уже дошло до создания целой пацифистской партии, имеющей к тому же очень неплохие виды на победу на ближайших парламентских выборах, опять по воле случая, но одновременно и усилиями главных героев — один из которых, генерал Фрит, руководит британской военной разведкой, а другой, потомственный аристократ Арчи Струм, сочиняет романы о патриотических подвигах британского агента полковника Хэкфорта¹⁵ — Осни оказывается хотя и не разоблачён, но совершенно и окончательно дискредитирован в глазах общественности, а заодно серьёзный ущерб причинён и репутации пацифистской партии. Угроза, связанная с развязанной при участии Глутерова деморализующей кампанией, в Англии временно нейтрализована. Глутеров же, по сообщениям газет, после фиаско Осни уже как ни в чём ни бывало прибыл в Нью-Йорк, где готовится постановка его пьесы...

Понять сверхзадачу этой повести в контексте начала 1950-х гг. очень несложно.

Соединённое Королевство, Британская империя не просто вышли из войны с физически разрушенной и обанкроченной метрополией без малейшей надежды рассчитаться в обозримом будущем за огромные долги по ленд-лизу перед США (на момент написания повести в Великобритании ещё даже действовала карточная система); вдобавок к тому англичане испытывали колоссальное давление как со стороны всё тех же США, так и Советского Союза, единодушно требовавших окончательного упразднения колониальной системы и предоставления независимости всем доминионам, колониям и управляемым территориям. Английские империалисты были смертельно ранены, и конкуренты-интернационалисты из обоих лагерей, естественно, стремились их добить.

За счёт чего эта цель могла бы быть достигнута, Питер Флеминг и излагает устами Пола Осни, формулируя в тексте его «Плана Д» собственные мысли, которые он к тому же без всякого стеснения устами генерала Фрита характеризует следующим образом:

Он (автор «Плана Д». — А. Б.) очень разумно всё излагает... Этот парень раскрывает суть просто блестяще. У него холодный расчётливый ум, он хорошо знает, о чём пишет...

Мысли же у автора «Плана Д» (то есть у Питера Флеминга) следующие:

Британские острова должны, просто обязаны родить свой особый национальный дух, потому что иначе они ничто. Ведь по сравнению с остальными современными государствами Соединённое Королевство — всего лишь маленькая, бедная и уязвимая страна. Понятно, что она такой бывала и раньше, но настолько, насколько она таковой является по сравнению со своими основными конкурентами сегодня, — никогда. На всём протяжении своей истории эта

¹⁵ Colonel Hackforth — игру слов в этой фамилии на русский язык можно перевести как, например, «полковник Напроломов».

страна выживала, и даже не просто выживала, а весьма впечатляюще расширяла сферу своего прямого и косвенного влияния за счёт того, что неким спонтанным образом умела выводить в достаточных количествах необходимую ей человеческую породу. В количествах, имеется в виду достаточных для того, чтобы восполнить, причём даже с лихвой, нехватку по сравнению с другими странами людских, экономических, климатических и прочих ресурсов. Подобным образом удавалось добиваться своей цели и некоторым другим малым странам, Португалии, например, или Голландии; но у них это получалось на протяжении одного–двух столетий. А затем они утрачивали что-то важное: волю (или просто склонность) к борьбе с невзгодами, готовность идти на риск; и в результате у них пропадала вера в своё предназначение, а следом и в самих себя, и ныне они опять в плане географическом, политическом и в некотором роде нравственном вернулись туда, откуда когда-то начинали.

По мнению автора «Плана Д», Великобритания, если можно так выразиться, как раз сворачивает на такой же путь. ...он считает, что мы обречены, потому что вот-вот перестанем производить на свет нужную нам породу — если не совсем, то в достаточных количествах точно. <...> [И потому, полагает автор «Плана Д», существует реальная возможность] запустить процессы, которые неумолимо приведут к подрыву национального духа народа Великобритании — её единственного по-настоящему ценного и незаменимого достояния.

Глубоко озабоченный этой зловещей перспективой генерал Фрит — классический британский патриот имперского толка с не менее классической выучкой и безупречными манерами тогдашнего британского правящего класса — отправляется к своему доброму приятелю Арчи Струму, не менее геройски, чем генерал, показавшему себя на войне и не менее вышколенному, чем генерал, завсегдатаю элитарных клубов, чтобы, как генерал выразился, «задать наводящий вопрос, рассказать маловероятную историю и предложить одно необычное задание». (Точно такая же субординация в реальной жизни существовала и между братьями: Питер Флеминг войну прошёл в полковничьем звании, а Ян Флеминг — чуть младше — в звании командера или капитана второго ранга, т.е. подполковника.)

О том, как злодей намерен достичь своей цели, генерал Фрит в общих чертах говорит, что по плану имеется в виду просто усилить целенаправленным действием извне те подрывные по своей сути упадочнические процессы, которые и так сами по себе развиваются в Англии, и для этого затеять в стране своего рода заговор, в который, сами того не ведая, окажутся втянутыми просто в силу своего положения все те, кто так или иначе пребывает на виду у честной публики и чьё мнение для этой публики — вовсе не пустой звук. Это (далее цитирую Питера Флеминга; курсив сохранён авторский):

...писатели, актёры, спортсмены, кинорежиссёры, священники, журналисты, радиокомментаторы — люди уже знаменитые и пользующиеся симпатиями публики. Они, как утверждает (автор «Плана Д». — А. Б.), могут оказать огромное *негативное* воздействие на всю нацию в целом. Естественно, само по себе их влияние обычно позитивно... Но если собрать небольшой костяк «зако-

нодателей мод», который выступит в нужном направлении... то они последуют за ним... и есть серьёзный шанс, что воздействие будет оказано очень осязаемое. <...> Он (автор «Плана Д». — А. Б.) считает, что люди сегодня практически не обращают внимания на адресованные им выступления всяких политиков, проповедников и обозревателей; они, по его мнению, с намного большей готовностью прислушиваются к тому, что пытаются им донести в книгах, пьесах, радиопередачах и газетных статьях те, кого они сами считают выдающимися личностями и кто сумел каким-то образом вызвать у них восхищение. Поэтому он уверен, что, подобрав небольшую команду годных для решения поставленной задачи людей, действуя осторожно и не спеша, он сумеет со временем превратить эту страну из великой державы в задворки Европы.

При этом генерал Фрит видит в этом коварном плане среди прочего некий новый элемент, который он и называет «шестой колонной», объясняя это название следующим образом.

Во время гражданской войны в Испании генерал Франко ввёл в оборот термин «пятая колонна», обозначив им своих сторонников в Мадриде в тот момент, когда к городу подступали четыре военных колонны франкистов. Термин прижился, и благодаря этому стало возможно выделять в отдельный отряд особую категорию — не партизан, не политических противников и не подпольщиков, а просто людей, симпатизирующих какой-то внешней, вражеской силе. Одновременно стала также возможной и выработка способов противодействия пятой колонне: это отслеживание её возможных членов в мирное время и установление контроля над ними в моменты военной опасности¹⁶.

При этом, признавая, что в современных условиях возможность наличия пятой колонны остаётся вполне реальной, генерал Фрит полагает, что и в Великобритании, и в США реальную угрозу в первую очередь представляет всё-таки иная, «шестая» колонна, которую составляют:

...редкие, но предельно опасные лица, идущие на предательство без какой-либо видимой причины. В Пятой колонне состоят добровольные сторонники, а то и фанатики и даже иногда наёмники. Но не в Шестой колонне. Её члены — люди с трезвым холодным умом, они не борются за какое-то благое дело и не верят в какое-то светлое учение... у них даже нет каких-то особых претензий к своей стране или какой-то особой привязанности к её врагам. <...> Движет ими — чувство собственного превосходства. Убеждённость в собственной пра-

¹⁶ Питер Флеминг не совсем прав: ещё в 1910 г. по инициативе тогдашних главы контрразведки (МИ5) Вернона Келла и министра внутренних дел Уинстона Черчилля был инициирован так называемый Закон об ограничениях для иностранцев (*Aliens Restrictions Act*), согласно которому осуществлялась именно такая слежка за иностранцами и лицами, симпатизирующими противнику. С момента начала войны в 1914 г. все иностранцы обязаны были регистрироваться в местных полицейских участках, а все мужчины в возрасте 17–55 лет подлежали интернированию вплоть до завершения войны. Всего было помещено в лагеря для интернированных более 32 000 человек. Ещё почти 29 000 человек были репатрированы в Германию. Чтобы остаться на свободе, многие общественные деятели немецкого или немецко-еврейского происхождения публиковали в газете *The Times* открытые «Послания о лояльности».

воте, в том, что законы нравственности для них не писаны и что они каким-то волшебным образом вольны их нарушать, могут спокойно выходить за общепризнанные рамки дозволенного и наслаждаться в своём великолепном одиночестве жонглированием судьбами своих соотечественников.

И ещё одно качество генерал Фрит отметил у автора «Плана Д»: при всей объективности его анализа чувствуется в нём какая-то брезгливость; как выразился генерал: «...он об Англии пишет так, словно это не Англия, а какая-то странная и довольно неприятно пахнущая субстанция».

Следуя этому ассоциативному ряду, опытный и проницательный разведчик генерал Фрит и подумал вдруг во время прослушивания очередной радиопередачи Пола Осни, что автор «Плана Д» — это он и есть. Почему генерал и навестил Арчи Струма: сочинителю популярных романов о геройском британском агенте не должно составить труда познакомиться и сойтись поближе с популярным радиокомментатором Осни — и взять его под своё наблюдение.

Далее, как уже сказано выше, после целой цепочки иногда случайных, иногда закономерных событий генерал Фрит и Арчи Струм получают достаточно косвенных улик в пользу их первоначальной догадки. Однако их явно недостаточно, чтобы официально предъявить Полу Осни обвинение в измене, и потому генерал и Арчи Струм устраивают разоблачительную провокацию, а Осни, будучи действительно агентом именно шестой колонны, в расставленные ими сети попадает, что и губит его репутацию, а заодно с ней и весь «План Д» (на территории Англии во всяком случае).

Заканчивается повесть вот таким диалогом между генералом Фритом и Арчи Струмом:

— Судя по всему, — сказал генерал, — спонсорам Плана Д придётся всё начинать сначала.

— Думаете, им есть смысл всё это ещё раз затевать? — спросил Арчи.

— А почему бы и нет? — сказал Фрит. — Задумка-то у них очень неплохая. Вы вот, кстати, вполне могли бы её использовать в Вашей саге о полковнике Хэкфорте.

— Вряд ли. Чёрного и белого в ней маловато, — откликнулся популярный романист.

В завершение, чтобы не оставалось сомнений относительно того, как именно братья Флеминг представляли себе сверхзадачу Джеймса Бонда — срывать все возможные «планы Д», поддерживать своим личным примером «национальный дух» переживающих труднейшие времена соотечественников, способствовать во благо их общей великой державы выведению «нужной породы в достаточных количествах», — остаётся процитировать из начала повести описание того, какие именно романы волею брата Питера сочиняет (должен сочинять) брат Ян — «популярный романист» Арчи Струм (который свои произведения в повести подписывает псевдонимом Дж. Каверли Грендон):

Один из секретов популярности Дж. Каверли Грендона как сочинителя приключенческих романов заключался в том, что описываемые им жестокие и, мягко выражаясь, необычные происшествия всегда имели впечатляющий, международный масштаб. Он писал свои романы в век «маленьких» людей. Всего несколько лет прошло с тех пор, как британцы вышли славными победителями из долгой и беспощадной войны, в которой большей части человечества удалось сохранить свободу только благодаря их упорству и отваге. Британцы дольше, чем все их союзники, и преодолевая больше препятствий, чем все остальные, бросали вызов врагам своего Короля в небе, на море и на суше, а дома они, не робея, встречали опасности и терпели лишения со стойкостью, превратившей их в глазах современников в живую легенду.

Но от того их мимолётного величия поразительно быстро не осталось и следа, и даже его ощущение внутри тоже начало на удивление быстро забываться. Каким-то непостижимым образом вчерашние герои сами себя превратили в безобидных, хорошо отлаженных маленьких существ, эдаких мышей, суесящихся во вроде бы просторной, но уж очень затейливо устроенной бюрократической клетке, которую специально для них соорудили мыши посообразительнее и побольше... Но даже и в них, а особенно в тех из них, кто по-прежнему имел старомодное представление о подходящих отношениях между государством и человеком, всё ещё была жива память о временах, когда они были отнюдь не мышами; и именно этим в первую очередь и объяснялась, видимо, незаурядная популярность Дж. Каверли Грендона.

При том, насколько трудно тогда жилось людям в Англии и насколько они нуждались в какой-то отдушине, любому приключенческому роману успех был гарантирован; но всё же нельзя сказать, чтобы в чём-то анархичные и деланно, по американскому подобию нахрапистые персонажи, которыми тогдашние авторы почему-то все разом решили непременно населить свои приключенческие романы, пришлись британскому читателю по вкусу. А вот зато главный герой Дж. Каверли Грендона, находчивый и во всём и всегда играющий только по самым высоким ставкам полковник Хэкфорт, нации, которая ещё совсем недавно мыслила категориями великих дерзновений, замечательных предприятий и наград вселенского масштаба, пришёлся очень по душе. ...когда полковник Хэкфорт появлялся на сцене, можно было не сомневаться, что спасти ему предстояло ни много ни мало отечественный военный флот, или Гонконг, или Парламентский дворец, или какое иное достояние нации никак не меньшего масштаба. Именно такие перипетии читателям нравились. ...а уж мужественная бесцеремонность, с которой полковник Хэкфорт обращался с властями предрежащими, и вовсе была его почитателям как бальзам на душу; и потому он постоянно изрекал что-нибудь вроде «Соедините-ка меня с министром внутренних дел!» или «Передайте министру обороны, чтобы самое позднее во вторник к заходу солнца у таможенного причала в Ламлаше¹⁷ стояла наготове мини-подлодка; дело предстоит крайне важное».

Нетрудно себе представить, какое впечатление подобное высокомерие по

¹⁷ Lamlash — главная деревня на одном из островов у северного побережья Шотландии; в её гавани в период обеих мировых войн базировались крупные подразделения британского военно-морского флота.

отношению к облечённым высшей властью деятелям производило на людей, вынужденных беспрестанно заискивать и как-то договариваться с обычной казённой братией во всевозможных рядовых канцеляриях... Конечно, всех радовали победы полковника Хэкфорта над врагами Короля, но не меньшее удовольствие читатели получали и от его бравой непочтительности при общении с главными слугами Его Величества. ...полковник Хэкфорт сразу и, судя по всему, надолго завоевал сердца нации, которая осознано или неосознанно, добровольно или вопреки своей воле, заслуженно или, может быть, нет, но всё больше и больше уподоблялась отменному гордецу, упорно не замечающему постигшую его немощь.

НА ФОНЕ столь ясно и конкретно сформулированных «цивилизационного» контекста и сверхзадачи, решаемой автором бондианы, сразу очень выпукло смотрится и характер «лирического героя» — то есть собственный характер, привнесённый Яном Флемингом в его первые романы.

Все, кто их читал, когда ещё никаких фильмов не было, скажут в один голос: киношники потом всё переиначили. Ведь Бонд — это серьёзный, думающий человек; он за всю предыдущую службу убил всего двоих и вот до сих пор переживает; у него иногда в критических ситуациях потеют ладони от страха; он отнюдь не богат и в казино на свои деньги не играет; всех спецсредств для защиты у него — любимый пистолет в замшевой кобуре за поясом (а вовсе не под мышкой); после серьёзных стычек с противниками ему случается неделями отлёживаться на больничной койке, с безобразными шишками и кровоподтёками на лице, в гипсе, беспомощным; автомобиль у него — вообще свой личный подержанный огромный, слегка допотопный кабриолет; да и вообще его крёстный отец (Ян Флеминг), по его собственному признанию, в первых романах ещё пытался подражать психологическому стилю Грэма Грина...

Но всё же самая вопиющая и нечестная выдумка киношников — это, конечно же, якобы неутомимые подвиги Бонда-ловеласа в постели; потому что на самом-то деле — не было ни подвигов, ни вообще такого Бонда.

В первых шести романах — которых в общей сложности всего-то двенадцать — у Бонда только 5 (пять) подруг, по одной в каждом романе, кроме третьего. Героиня же третьего романа¹⁸ Гала Бранд так и остаётся всего лишь мужественной соратницей в смертельно опасном предприятии и на последней странице, сама того не подозревая, разбивает Бонду сердце: он собрался ей в любви признаться и обсудить виды на совместную семейную жизнь, а она возьми да и выдай ему с самым радостным видом упреждающее сообщение, что прямо завтра идёт под венец с вот этим добрым парнем; счастливчик как раз стоит рядом и смущённо улыбается.

В четырёх из остальных первых пяти романов Бонд точно так же постепенно, искренне и глубоко влюбляется. Во втором хронологически случае — в романе «Живи и дай умереть» (*Live and Let Die*) — вообще до слёз, первых со времён далёкого детства.

В трёх из этих четырёх романов Бонд тоже намеревается жениться. Как минимум в одном случае (мы о нём узнаём из следующего романа) подруга Бонда Тиф-

¹⁸ «Лунный гонщик», *Moonraker*.

фани Кейс¹⁹ даже переезжает из родных Штатов к нему в Лондон, и они несколько месяцев живут весьма счастливо, хотя до свадьбы дело у них дойти так и не успевает: девушку «уводит» её соотечественник-американец.

К тому же во всех ситуациях, когда у Бонда с этими его пятью женщинами в шести романах случались интимные отношения, он с ними не сексом для развлечения занимался, а именно любовью, причём обоюдной и сильной. Да и оказии эти возникали даже не в каждом из шести, а только в четырёх романах: Гала Бранд «другому отдана», а с недотрогой Солитер из «Живи и дай умереть» Бонд, на последней странице всё ещё прикованный к больничной койке и ни на что физическое после перенесённых истязаний пока не способный, только мечтает о грядущем после поправки «полном страсти отпуске» (*passionate holiday*). Всего же событий в постели в первых шести романах происходит меньше, чем нужно пальцев на руках, чтобы их пересчитать; да и даже те, что случились, большей частью только со строгой застенчивостью упомянуты.

И это называется заядлый ловелас, неисправимый повеса?

Только в пятом по счёту романе впервые проскальзывает, что в строго засекреченном личном деле Бонда, в графе «Пристрастия» записано: «выпивка, но в меру; женщины». Только в седьмом по счёту романе Бонд впервые позволяет себе секс ради секса — по одному разу в начале и в конце. И, наконец, только в восьмом по счёту романе Бонд уже ведёт себя примерно так, как и пристало ставшему ныне каноническим персонажу. Но этот восьмой роман и есть «Шаровая молния», к созданию художественных образов которого Ян Флеминг практически непричастен...

К сказанному остаётся добавить, что сам Флеминг был знаменит своим отрёпанным, пренебрежительным отношением к женщинам — коих у него за многие холостяцкие годы перебывало, действительно, немало²⁰ — и даже вроде бы имел слегка садистские наклонности в сексе. Но всё же это только одна сторона медали. А другая выглядит так.

В 22 года, заканчивая учебную стажировку в Женеве, Ян Флеминг собрался жениться. Причём намерение у него было то же, что от романа к роману выказывал его литературный герой: он собрался жениться по любви. Избранницей стала оба-

¹⁹ Героиня повести «Бриллианты вечны» — *Diamonds Are Forever*.

²⁰ Ян Флеминг женился в неполные 44 года на своей давнишней любовнице Энн Ротермер. Её предыдущий муж (с которым, как ни странно, Ян Флеминг многие годы поддерживал вполне светские приятельские отношения) — Эсмонд Хармсворт, 2-й виконт Ротермер, унаследовал от отца и родного дяди самый влиятельный в то время газетный концерн — *Daily Mail and General Trust*, в который тогда входила и главная британская газета *The Times*; дядя Эсмонда Хармсворта Альфред, первый виконт Нортклифф, во время Первой мировой войны руководил всей британской внешней пропагандой и самым бессовестным образом эксплуатировал в этих целях respectable репутацию своей главной, самой влиятельной в стране газеты (в 1920 г., например, *The Times* в редакционной статье признала достоверными «Протоколы сионских мудрецов»); виконт Нортклифф также считается изобретателем современной «жёлтой прессы» — так называемых «таблOIDов» с миллионными тиражами; концерн *Daily Mail and General Trust* (но уже без *The Times*) сегодня по-прежнему принадлежит дому Ротермеров, которые таким образом являются единственными из властвовавших в первой половине XX в. в британской политике газетных магнатов (*press barons*), кто сумел сохранить до сегодняшнего дня и свои многие миллионы, и свой гигантский политический вес. А женитьба Флеминга и Энн состоялась только после того, как она уже во второй раз забеременела от него, и виконт Ротермер с ней, наконец, развёлся.

ятельная юная швейцарка Моник Паншо де Боттон. Мать Моника, Симона, даже изваяла бюст возлюбленного своей дочери. Посреди всего этого счастья молодого Яна нисколько не заботило, что семья Паншо де Боттон хоть и была весьма зажиточна, но всё-таки не настолько, чтобы быть причисленной к мировой элите.

А вот его мать эта деталь взволновала. Мама Эви — Эвелина Флеминг, в девичестве де Сент-Круа Роуз — была вхожа в лучшие лондонские дома вплоть до королевского дворца и имела славу волевой, даже упрямой дамы; непредсказуемой и темпераментной богемной красавицы; светской львицы. Считается, что это из-за её чрезмерно амбициозной требовательности к сыновьям не унимались подростковые комплексы Яна (он слыл в юности замкнутым, способным на неожиданные выходы подростком). Ну а когда Ян собрался жениться на «безродной» — Эви просто взорвалась. Безжалостными интригами, в том числе весьма бесчестной угрозой лишить Яна денежного пособия, она его грядущий брак по любви в конце концов расстроила.

С тех пор и пропало в нём, в глазах знавших его людей, романтическое отношение к женщинам. Хотя, если судить по его книгам, в душе он ещё долго оставался прежним и любовь к юной Моник сохранил на всю жизнь. Незадолго до смерти, в своём предпоследнем романе он впервые упомянул родителей Джеймса Бонда. Мать агента 007 он сделал швейцаркой и назвал Моник Делакура. Попросту — к национальности и имени любимой женщины добавил обыгранную девичью фамилию матери²¹. И тем воссоединил главных непримиримых соперниц в своей жизни; теперь уже навсегда.

²¹ Девичья фамилия Эви Флеминг — Saint-Croix — означает дословно «Святой крест», а вымышленная фамилия матери Джеймса Бонда — Delacroix — означает «Крестовый(-ая)»

A Free Agent

Биографическая справка

Лорд (виконт) Альфред Милнер (1854–1925). Не будучи дворянского происхождения (титул виконта он получил за долгую и верную службу на благо империи), Милнер сделал тем не менее блестящую карьеру в колониальной администрации, где довольно быстро заработал репутацию добросовестного и эффективного государственного служащего. В 1897–1905 гг. он — губернатор Капской провинции, Верховный комиссар в Южной Африке, первый губернатор завоёванных в результате Второй англо-бурской войны Трансвааля и Колонии Оранжевой реки.

После 1905 г. и ухода с государственной службы занял пост председателя Rio Tinto Zinc (гигантская горнодобывающая корпорация, созданная фирмой Хью Мэтисона, племянника Джеймса Мэтисона²², и затем переданная под контроль дома Ротшильдов), директор Joint Stock Bank (один из крупнейших в Англии в то время, предшественник Midland Bank, который со временем вошёл в состав The Hongkong and Shanghai Banking Corporation, — банка, созданного в Гонконге шотландцами — торговцами опиумом, ведущую роль в котором играли и играют партнёры Флемингов Ротшильды и Кизики).

Дом *Keswick* (произносится «Кизик») — наследники Вильяма Джардина и титула Тай-Пэна в Гонконге. Первым в длинной череде представителей шотландского дома Кизиков в Гонконге и Шанхае был Вильям Кизик — внучатый племянник Вильяма Джардина.

²² James Matheson (1796–1878). Шотландский предприниматель, вместе с соотечественником-шотландцем Вильямом Джардином (William Jardine; 1784–1843) создавший в 1830-х гг. торговый концерн *Jardine, Matheson, and Co* (сегодня это *Jardine, Matheson Holdings* или сокращённо — *Jardines*). Именно они стали главными конкурентами и соперниками британской Ост-Индской компании (*British East India Company*) в Юго-Восточной Азии и захватили лидерство после отмены торговой монополии этой имперской колониальной компании. Они же были основными вдохновителями Первой опиумной войны и основателями Гонконга. Вильям Джардин послужил прообразом главного героя знаменитого приключенческого романа Джеймса Клавелла «Тай-Пэн», а наследники Джардина прообразами Тай-Пэнов в романах-продолжениях трилогии Клавелла.

Кизики до сих пор контролируют концерн и руководят им. При этом они — давнишние и ближайшие партнёры Флемингов, с которыми в 1970 г. даже учредили на паях *Jardine Fleming*, первый в Азии деловой банк европейского образца.

Питера и Яна Флеминг с Кизиками их поколения связывала, помимо тесных деловых связей их домов, многолетняя личная дружба. Среди них Джон Кизик (1906–1982) — Тай-Пэн (1952–1956) и Президент Китайско-британского торгового совета (1961–1973), за заслуги перед Империей удостоен рыцарского звания (и, соответственно, правильно его называть «сэр Джон» или «сэр Джон Кизик»). Во время войны служил при британской миссии в военной столице Китая Чунцине в качестве представителя правительственного ведомства, отвечавшего за осуществление диверсий и саботажа (*Ministry of Economic Warfare*), и восточного отделения его оперативного подразделения — Управления по особым операциям (*Special Operations Executive* — SOE; одновременно его старший брат Вильям руководил в Лондоне всей этой службой и в этом качестве тесно взаимодействовал с Яном Флемингом).

В 1943 г. Джон Кизик был переведён в штаб верховного командующего британскими силами в Юго-Восточной Азии лорда Маунтбаттена, где служил вместе с Питером Флемингом, который в штабе Маунтбаттена руководил службой стратегической дезинформации. Один из биографов Яна Флеминга, повествуя о его очередной поездке по свету в 1959 г. — официальной целью поездки считался сбор материала для написания сериала об увлекательных городах — и рассказывая о его пребывании по этому случаю в Китае, сообщает, что в Гонконге Флеминг остановился в доме близких друзей своего брата Питера: Хью и Дианы Бартон (Hugh and Diana Barton). Про Бартона биограф Флеминга написал:

Будучи президентом легендарного дальневосточного торгового дома «Жардин и Матесон», Бартон являлся одним из последних Тайпанов Востока и, возможно, самым влиятельным дельцом во всей этой британской колонии.

В Чунцине у Джона Кизика установились близкие и доверительные отношения (Кизик свободно владел китайским языком) с вдовой Сунь Ятсена Сун Цинлин (видный государственный деятель, с 1959 по 1981 г. — заместитель председателя, председатель — глава государства — КНР, а незадолго до смерти даже Почётный председатель КНР) и Чжоу Энляем, который начиная с 1948 г. и до последнего дня жизни, 8 января 1976 г., тоже занимал высшие государственные посты в КНР (именно с Чжоу Энляем начинались изменившие ход новейшей истории переговоры Ричарда Никсона в 1972 г.).

До самого конца Джон Кизик ежегодно, даже уже после выхода на пенсию посещал Китай для встреч со своими высокопоставленными друзьями. В 1979 г., когда власть после смерти Мао Цзе-Дуна и отстранения от

власти «банды четырёх» перешла в руки Дэна Сяопина, Джон Кизик вошёл в состав посетившей Китай британской правительственной делегации, имевшей с Дэном продолжительную беседу.

В 1916–1921 гг. Альфред Милнер — член правительства Его Величества, руководит сначала военным, потом колониальным ведомствами; до конца войны он один из пяти членов высшего органа власти Соединённого Королевства в военное время — Военного кабинета (аналог советского Государственного комитета обороны — ГКО, в составе которого в начале войны тоже числилось пять человек: Сталин, Молотов, Ворошилов, Маленков и Берия). В январе – феврале 1917 г. возглавлял британскую делегацию на так называемой Петроградской конференции союзников (помимо англичан в Петроград прибыли также французская и итальянская делегации); цель конференции состояла в том, чтобы оценить положение дел в России и определить, чем союзники могут ей помочь для дальнейшего ведения войны; в своём отчёте британскому правительству Милнер, покинувший Петроград за две недели до революции, писал о политической обстановке в России:

Что может произойти — это дворцовая революция. Император и императрица поразительно непопулярны. <...> ...в разговорах о революции в России очень уж много преувеличений²³.

А возможный срок «дворцовой революции» Милнер определил — только после окончания войны, не раньше; хотя князь Львов и представил ему в Москве текст своего заявления, в котором указал, что, если Николай II не проведёт конституционную реформу, революция станет неизбежной и случится через три недели (именно через три недели должна была начаться сессия Думы).

В 1882 г., будучи ещё совсем молодым человеком, Альфред Милнер вошёл в круг родоначальников современного лейбористского (а тогда фактически социалистического) движения, объединённых в рамках так называемого Фабианского общества (его самыми знаменитыми членами и основателями были драматург Бернард Шоу, учёный Бертран Расселл, писатель-фантаст Герберт Уэллс, а также супруги Беатрис и Сидней Вебб; именно Сидней Вебб после войны занял место Милнера на посту министра по делам колоний; активными членами общества были в том числе и многие видные российские социалисты-эмигранты, жившие в Лондоне: Литвинов, Майский, Ротштейн, Петерс и др.; стоит отметить, что, в отличие от соратников и сторонников Троцкого и спонсировавших его американских социалистов, никто из большевиков-«фабианцев» в процессе политических репрессий 1936–1938 гг. не пострадал). В 1902 г. Милнер стал членом пропагандистского клуба Coefficients, в который входили самые видные и влиятельные члены Фабианского общества.

В то же время и одновременно с его членством в Фабинском обществе Милнер — убеждённый единомышленник и ближайший соратник Сесила Род-

²³ Цитируется по *Mission to Russia. Report on Mission to Russia.* — Imperial War Museum Library. The Papers of Field-Marshal Sir Henry Wilson. General Papers. 3/12/54. P. 4–6. Автора перевода автор публикации академик А. Давидсон не указал.

са, легендарного проповедника концепции единой мировой империи под водительством Британии, и один из четырёх назначенных Родсом распорядителей оставленного им состояния (остальные три: зять барона де Ротшильда, одного из основных деловых партнёров Родса, и бывший премьер-министр Великобритании либерал граф Розбери; один из директоров имперской колониальной Британской Южно-Африканской компании (BSAC)²⁴ и сын личного секретаря принца Альберта и затем королевы Виктории граф Грей; а также самый старый и преданный личный друг и соратник Родса Линдер Джеймсон²⁵). Милнер активно поддерживал все имперские начинания и предприятия Родса и BSAC, включая провальный рейд Джеймсона и откровенно колониальную Вторую англо-бурскую войну.

В своём качестве главы южноафриканской колониальной администрации во время этой войны именно Милнер нёс личную ответственность за создание и функционирование получивших печальную известность концентрационных лагерей под открытым небом, в которых в невыносимо тяжёлых условиях содержания погибли десятки тысяч буров, в основном женщины и старики, и в том числе четверть всех детей обеих бурских республик в возрасте до 16 лет.

Мировую славу Милнеру обеспечил уважаемый в международных академических кругах профессор Кэрролл Квигли (1910–1977), который играл в США ту же роль и занимал в американском истеблишменте примерно то же место, что и Збигнев Бжезинский. В двух своих ставших со временем знаменитыми работах — «Англо-американский истеблишмент» и «Трагедия и надежда» — он изложил и обосновал версию, согласно которой Милнер возглавил некое «тайное сообще-

²⁴ Далее в тексте используется только аббревиатура — BSAC.

²⁵ Leander Starr Jameson (1853–1917). Шотландец, младший сын радикально настроенного адвоката, драматурга и поэта Роберта Джеймсона. Окончил с отличием медицинский факультет, но вскоре после этого, в 1878 г., по причине плохого здоровья вынужден был перебраться в Южную Африку, где открыл свою медицинскую практику в Кимберли. Пользовался большим уважением и доверием среди вождей местных племён. В Кимберли довольно быстро сошёлся с начинавшим там свою головокружительную карьеру Сесилом Родсом. За счёт доверительных отношений и тесных связей с местными вождями вёл от имени предприятий Родса стратегические переговоры о передаче племенных земель под управление создаваемой при участии Родса BSAC. После её учреждения — губернатор (точнее, управляющий от имени BSAC) этих территорий, известных впоследствии как Южная и Северная Родезия. В 1895 г. возглавил в интересах BSAC подготовленный её руководством провокационный рейд на территорию бурской республики Трансвааль (предполагалось, что одновременно в столице Трансвааля будет поднято восстание местной английской общины против республиканского правительства буров и вооружённый отряд интервентов поспешит «на помощь» соотечественникам). Восстание в Йоханнесбурге поднято не было, бурам о готовившемся рейде было известно заранее, и потому предприятие с треском провалилось. Оно было вынужденно, но всё же достаточно категорично осуждено в Лондоне, Сесил Родс впал в немилость и вынужден был покинуть пост премьер-министра Капской провинции и должность директора-управляющего BSAC, а захваченному в плен Джеймсону чудом удалось избежать смертной казни. Тем не менее всего через несколько лет, в 1904 г. (но, правда, после торжества империи над бурами во Второй англо-бурской войне), Джеймсон занял должность своего соратника и друга Родса и пробыл премьер-министром Капской провинции до 1908 г. По возвращении в Великобританию он был к тому же произведён в дворянское звание (получил титул баронета). Свою знаменитейшую «Заповедь» (If) Редьярд Киплинг написал под впечатлением именно от Роберта Джеймсона, которым восхищался как образцово-благотельным империалистом-цивилизатором.

ство» (так называемая «Группа Круглого стола» — The Round Table group²⁶), созданное по инициативе Сесила Родса и на его деньги, с целью формирования единой мировой империи с Великобританией во главе и приведения к реальной власти «мирового правительства». С тех пор, как книги Квигли увидели свет²⁷, его тезисы, касающиеся тайного сообщества и «Круглого стола», были повторены и растиражированы десятками, сотнями и даже, наверное, тысячами авторов во всём мире — как серьёзными, так и нет, — которых последнее время всех скопом пытаются записать в одну категорию «конспирологов» (некий парадокс при этом заключается в том, что самого профессора Квигли в «конспирологи» не записывают и факты, собранные и приведённые им в обоснование его версии, не оспаривают).

Вот как Кэрролл Квигли характеризовал Милнера:

(Лорд) Милнер терпеть не мог межпартийную борьбу и парламентскую систему; он вместо этого делал ставку на госуправление в интересах социального страхования, национального единства и имперской федерации и потому мог бы послужить одним из самых ранних примеров нового явления, которое Джеймс Бернхэм позднее назвал «менеджерской революцией», то есть зарождения и роста группы менеджеров, действующих за кулисами и недоступных контролю со стороны общественного мнения, но умеющих в то же время достигать того, что они сами считают благом для народа.

Наконец, вот что сам Милнер, являясь уже полноправным членом правящего класса империи, в одном из публичных выступлений в 1906 г. сказал о себе:

Я не только империалист до мозга костей... Я ещё и не могу встать на сторону тех, кто огульно хаёт Социализм. Признаю при этом, что социализм возможен и в подлой форме, когда против богатства ополчаются просто по-

²⁶ «Круглый стол» в британской культуре символизирует собрание, все участники которого равны и имеют равное право голоса. Общество под этим названием реально существовало в первой половине XX в. и, действительно, было учреждено под руководством лорда Милнера. В него изначально вошли собранные им ещё в южноафриканской колониальной администрации преданные ему лично перспективные молодые люди, позднее ставшие видными деятелями британского истеблишмента и международных финансовых кругов и известные с тех пор под неофициальным названием *Milner's Kindergarten* («Милнеровский детсад»). Общество издавало (и издаёт до сих пор) свой политический журнал под тем же названием (начиная с 1910 г., с небольшим перерывом в 1982–1983 гг.; полное название журнала сегодня: *The Round Table. The Commonwealth Journal of International Affairs*). Заявленная цель Общества: сближение Соединённого Королевства и независимых самоуправляемых территорий (бывших имперских колоний), создание имперской федерации, «органического союза» на базе самоуправляемых доминионов (нынешнее Содружество Наций — *Commonwealth of Nations* — является его первым этапом). Так что спор не о том, существовало «Тайное общество» или нет (оно существовало), а о его реальных целях и об используемых им публичных и непубличных методах.

²⁷ Первая книга, автор которой построил свой анализ истории на опубликованных Квигли сведениях, вышла в 1970 г., который и можно считать годом рождения современной «конспирологии» и самих «конспирологов». Хотя, если подходить строго хронологически, то первые телодвижения по созданию негативного образа любителей искать несуществующие пороки в благороднейших государственных делах совершило ЦРУ — для дискредитации всех, кто не верил в то, что Джон Кеннеди пал жертвой убийцы-одиночки.

тому, что ненавидят его, а само учение живёт за счёт разжигания классовой ненависти. Но... есть и благородный Социализм; он рождается не из зависти, не из ненависти, не из немилосердия, а из искренне прочувствованного, благородного и мудрого понимания того, что такое жизнь всей нации в целом.

Таким образом получается законченный политический портрет классического приверженца социал-империалистического движения, которое в первой половине XX в. пользовалось большой популярностью и считалось в кругах тогдашней крупной буржуазии наиболее прогрессивным.

Роберт Брюс Локкарт (1887–1970). Шотландец самого благородного происхождения, имел предков сразу в нескольких древних кланах, причём представители клана Брюсов с 1306 по 1371 г. даже были королями Шотландии.

После длившейся три года, но так и не давшей результата попытки разбогатеть в компании с ближайшими родственниками на колониальных плантациях в Малайе поступил в 1912 г. на государственную службу в Форин-офис и следующие пять лет служил сначала вице-консулом, а потом генеральным консулом в Москве. Был отмечен руководством, поскольку вёл активную работу с представителями российской оппозиции и писал в Лондон толковые отчёты, качество которых оценили не только в Форин-офисе.

Во время Петроградской конференции союзников в Санкт-Петербурге в феврале 1917 г. переводил беседы Альфреда Милнера (в том числе с царём Николаем II) и произвёл на Милнера самое положительное впечатление. Именно по инициативе Милнера после прихода большевиков к власти был в январе 1918 г., несмотря на молодость (ему только-только исполнилось тридцать лет), направлен в своём личном качестве британским правительством в Петроград и оттуда следом за революционным правительством в Москву.

После провала так называемого «заговора послов» и покушения на Ленина был арестован и вскоре (в начале октября 1918 г.) выслан из России. Мнения о сыгранной им в Москве роли высказывались в правительстве в Лондоне самые противоположные, критиковали в том числе и покровителя Брюса Локкарта Альфреда Милнера — за проявленную недалёковидность.

В связи с этим Брюс Локкарт в 1919 г. уехал «в ссылку» на незначительную должность коммерческого секретаря британской миссии в Праге с дополнительной обязанностью писать доклады в СИС (британскую разведку) по интересующим разведчиков вопросам (близкие и доверительные, даже личные дружеские отношения с чешскими руководителями у Брюса Локкарта завязались после того, как он активно способствовал репатриации из России чешского корпуса и вывозу захваченного чехами российского золота).

Однако уже в конце 1923 г. он возвращается на гораздо более серьёзную — и заметно лучше оплачиваемую — работу в так называемый Anglo-International Bank — полуавтономную структуру Bank of England в Центральной Европе, один из так называемых колониальных банков в тогдашней британской банковской системе. В 1925 г. его одновременно назначают руководителем Управления сбора информации в аналогичный, тоже колониальный, Anglo-Austrian Bank.

В том же году умирает покровитель Брюса Локкарта лорд Милнер, в связи с чем он постепенно меняет род занятий и, начиная с 1928 г., делает блестящую карьеру журналиста в самом крупном на тот момент в Великобритании газетном концерне барона Бивербрука²⁸.

В сентябре 1941 г., после долгих месяцев межведомственного соперничества и подковерных схваток между ближайшими соратниками Черчилля официально учреждается Управление политической разведки и пропаганды (УПРП), которому передаются исполнявшиеся ранее различными подразделениями функции по ведению всех видов военной пропаганды против врага, а также пропаганды внутри страны. Это Управление Брюс Локкарт и возглавляет вплоть до его роспуска по окончании войны.

Главную роль в его назначении, несомненно, сыграл личный друг Черчилля барон Бивербрук — такой же богатый и влиятельный газетный магнат, как и виконты Ротермер и Нортклифф (недаром он числился среди друзей Энн Ротермер и, соответственно, Яна Флеминга): Бивербрук сам в последние годы Первой мировой войны возглавлял специально созданное для централизованного управления всей британской военной пропагандой Министерство информации²⁹.

В официальном отчёте о проделанной УПРП работе, написанном одним из заместителей Брюса Локкарта и рассекреченном в 2002 г., сказано:

От Форин-офиса в создании Управления принимал участие Роберт Брюс Локкарт, хорошо знакомый со спецслужбами ещё со времён революции в России, когда он сам был британским агентом.

²⁸ Нина Берберова в своей книге «Железная женщина», посвящённой баронессе Марии Будберг, с которой Брюса Локкарта связывала искренняя дружба на протяжении почти всей его жизни, написала об этом периоде (*Anglo-International Bank* Берберова ошибочно называет «Англо-Чехословацким»): «(В начале 1920-х, приехав в Прагу, Брюс Локкарт) уже всецело был поглощён банковскими делами, теперь от него зависело дать или не дать той или иной центральноевропейской стране кредиты... свести или не сводить английских дельцов Сити, приехавших полуофициально в Прагу, с чешскими банками, где всюду сидели люди, доверявшие ему. На короткое время он ушел из директоров Англо-Чехословацкого банка и принял пост директора секретного отдела в Англо-Австрийском банке, но скоро стал сочетать обе эти должности, ощущая старую тягу к засекреченной деятельности политической службы. <...> Наезжая в Лондон, он по-прежнему наблюдал «веселую путаницу в наших отделах секретной службы» и был этим отдела близок, потому что у него «было широкое практическое понимание политических, географических и общеэкономических проблем государств Центральной Европы» <...> ...стал одним из столпов газеты Бивербрука, личным другом Эдуарда VIII; к его голосу прислушивались как в Англии, так и за границей; он знал теперь всех, кого надо было знать, и нередко, думая о приближающейся войне, он видел своё в ней будущее и роль, которую он сыграет в надвигающемся конфликте». И действительно, в своём дневнике Брюс Локкарт ещё 3 ноября 1938 г. — за 10 месяцев до начала войны и будучи по-прежнему официально сотрудником у Бивербрука — записал, что получил из Форин-офиса официальное подтверждение предварительной договорённости о его зачислении в разведслужбу на всё время войны.

²⁹ В 1919 г. Министерство информации (МИ) было расформировано, но в 1939 г., на следующий же день после объявления войны Германией оно было создано вновь. В МИ служила жена Джорджа Оруэлла, а также МИ и Управлению Брюса Локкарта соподчинялся отдел международной службы Би-Би-Си, которым во время войны руководил сам Оруэлл. Именно МИ и послужило прообразом для знаменитого «Миниправа» — Министерства правды — Старшего брата в романе Оруэлла «1984».

ПРОДЕМОНСТРИРОВАННАЯ в предыдущей главе неочевидность всего, что связано с британскими агентами — как вымышленными, так и настоящими — и что, казалось бы, уже «давно» и «хорошо» известно о них, начинается с самого их названия: *британские агенты*. В чём легко убедиться на следующем примере.

У ДЖЕЙМСА Бонда был не менее знаменитый в своё время предшественник. Это — Стефен Лок, главный герой снятого в 1934 г. в Голливуде фильма с говорящим названием «Британский агент» (*British Agent*).

Сегодня, конечно, никто уже не помнит ни сам весьма лубочный по нынешним меркам фильм, ни его малореальных героев. Но в своё время он имел колоссальный успех: главные роли исполнили две тогдашних голливудских звезды первой величины: британец Лесли Ховард и американка Кэй Фрэнсис (это был тогда точно такой же тандем, как, например, сегодня Хью Грант и Джулия Робертс в «Ноттинг Хилл» или Колин Фирт и Рене Зеллвигер в «Дневнике Бриджет Джонс»).

А в основу показанных в «Британском агенте» якобы шпионских страстей лёг вышедший двумя годами раньше и тоже моментально ставший международным хитом документальный роман под названием «Мемуары британского агента» (*Memoirs of a British Agent*). Написал его — как и сценарий к фильму — знаменитый по сей день в России Роберт Брюс Локкарт. И вот в связи с ним и обозначается первая, отправная, если можно так сказать, неясность.

Брюс Локкарт прославился тем, что недолго (в январе – сентябре 1918 г.) побыв при молодом советском правительстве посредником для общения с британскими властями и чудом остался жив после того, как большевики на весь мир объявили его главным организатором неудавшегося «заговора послов», посадили в Кремлёвский арсенал под замок и принялись грозить «англичанке» его судом и смертной казнью.

Перед этим, когда Брюс Локкарт ещё только готовился к возможному очередному отъезду в Россию и когда в коридорах власти в Лондоне ещё не было сложившегося мнения в пользу установления дипломатических и даже вообще каких бы то ни было отношений с новой большевистской властью в России, Брюсу Локкарту поставили задачу, которую сам он в своей документальной повести, рассказывая о своих ежедневных встречах с лордом Милнером накануне отъезда, передал следующими словами:

Его (лорда Милнера. — А. Б.) мнение о перспективах развития ситуации на войне было скорее пессимистичным. Уточняя в последний раз данные мне указания, он подчеркнул, что ситуация сложилась крайне тяжёлая. Если в самое ближайшее время не удастся ликвидировать угрозу со стороны (германского) подводного флота, то принятия назревающего решения не избежать. Вступление в переговоры о заключении мира представлялось ему возможным и даже вероятным. Что же касается России, то положение дел в её отношении настолько плохо, что результат любых моих возможных начинаний уже вряд ли сможет что-то изменить. Поэтому мне надлежит в первую очередь причинять максимальный ущерб Германии, всячески вставлять палки в колёса участникам сепаратных мирных переговоров и всеми доступными способами поощрять по-

пытки большевиков не дать немцам навязать им какие-либо условия. Помимо этого, большой интерес будет представлять любая достоверная информация о характере и силе большевистского движения. В случае, если мне что-то будет угрожать, я должен немедленно телеграфировать ему (лорду Милнеру. — *А. Б.*) лично.

Однако Брестско-Литовский мир большевики всё-таки подписали. Через несколько месяцев случилось покушение на организатора этого позорного и одновременно неизбежного дела: раненный отравленными пулями В.И. Ленин чудом остался жив. Следствие тут же установило, что представители союзных держав были как минимум в курсе готовившегося переворота.

Большевистские пропагандисты с тех пор решили присвоить случившемуся звучное название «Заговор послов», а его лидером заявили предположительного участника от британской стороны — Брюса Локкарта. И с этого-то момента в рассказе о тогдашних тревожениях начинает появляться неопределённость.

Причём дело не в том, был какой-то заговор у посланников Антанты на самом деле или нет, имели ли большевики повод выступать с подобными обвинениями и являлся ли Брюс Локкарт в действительности главарём заговорщиков (историки сегодня склоняются к тому, что всё-таки не являлся). Дело в том, что Брюс Локкарт *не был послом*, и не только с формальной точки зрения (положенных верительных грамот он от своего короля не получал и советским руководителям не вручал); «британским послом» его не считал вообще никто и нигде: ни в Лондоне, ни в Москве, ни в остальных европейских и заморских столицах, ни в момент его появления в России в конце зимы, ни на момент его ареста в конце лета 1918 года.

Сами же британцы его называли не послом и не посланником, а *British Agent*, то есть британским *агентом*; как, например, в уже приведённой выше цитате или в комментариях издателя одного из дневников Брюса Локкарта:

Локкарт выехал в Россию 14 января в качестве руководителя или «Агента» миссии, направляемой к «временному» правительству коммунистов.

Статус Брюса Локкарта в Москве, действительно, был весьма необычный и в значительной степени оппортунистический, что хорошо демонстрирует процедура оформления его отъезда в Москву. Вот как описал её сам Брюс Локкарт.

Его отправку в пореволюционную Россию организовывал и продвигал в правительстве лорд Милнер, руководивший на тот момент военным ведомством. Ситуация при этом была крайне необычной, поскольку страны Антанты захвативших власть большевиков не признали и дипломатических отношений с ними не имели, что исключало официальные контакты и требовало эвакуации дипломатических миссий, которые, действительно, вскоре покинули страну³⁰. Соответственно, отправлять Брюса Локкарта в качестве официального дипломатического посланника было невозможно. После раунда интенсивных консультаций с другими министрами лорд Милнер приемлемый вариант нашёл; заключался он в том, чтобы предло-

³⁰ Британского посла в России не было с конца 1917 по начало 1924 г.; официально Великобритания признала СССР 1 февраля 1924 г.

жить большевикам, чтобы они, по-прежнему не будучи официально признанными в Лондоне, обеспечили тем не менее Брюсу Локкарту дипломатические привилегии, при том понимании, что Лондон взамен предоставит *de facto* такие же дипломатические привилегии Максиму Литвинову (которого большевистское правительство незадолго до того уже назначило в одностороннем порядке своим полпредом в Соединённом Королевстве). Оставалось договориться об этом компромиссе с большевистским руководством в Петрограде. Но только вот каналов связи с ним не было (Брюсу Локкарту как раз и предстояло их налаживать).

Решение тем не менее было найдено без особого труда, поскольку в ведомстве лорда Милнера конфиденциальные контакты с российскими большевиками поддерживались, и отвечал за них ещё один молодой и многообещающий подопечный Милнера — Рекс Липер³¹. Он и организовал сначала отдельную встречу с Фёдором Ротштейном, на которой Брюс Локкарт всё подробно с этим старейшим российским социалистом обсудил, а затем обед в дорогом ресторане, где к их компании присоединился нужный для решения вопроса Максим Литвинов.

Фёдор Ротштейн (1871–1953) прожил в эмиграции в Лондоне тридцать лет, имел британское подданство, являлся активным членом британского фабианского и международного социалистического движения, лично участвовал в создании британской коммунистической партии как национальной ячейки Коминтерна, после возвращения из эмиграции был послом РСФСР в Тегеране и членом АН СССР; был хорошо знаком с Лениным, который даже жил у него во время своего пребывания в Лондоне, и пользовался его полным доверием (тем более что они были ровесниками); одновременно служил переводчиком в ведомстве лорда Милнера и имел доверительные отношения с сотрудником разведывательного управления того же ведомства Рексом Липером.

Максим Литвинов — организатор многих «эксов» и закупок оружия за пределами России для революционеров — также на момент революции жил

³¹ Реджинальд «Рекс» Липер (Sir Reginald «Rex» Leeper. 1888–1968). Лично участвовал в вызволении Брюса Локкарта — и Муры Будберг — из их кремлёвского заточения после покушения на Ленина. Выпускник *New College, Oxford*. Во время Первой мировой войны служил в Разведывательном бюро Министерства информации (*Intelligence Bureau of the Department of Information*). Несомненно, являлся членом «Тайного общества» — неформальной Группы Милнера и затем, после смерти Милнера, — Кливлендского круга. (После ухода в отставку в 1948 г. он сразу вошёл в совет директоров корпорации *De Beers* — самого старого и самого крупного актива в инвестиционном портфеле, которым по завещанию Сесила Родса совместно с домом Ротшильдов управлял с 1904 г. и до своей смерти в 1925 г. лорд Милнер.) В 1929 г. Липер поступил в Управление новостей (*News Department*) Форин-офиса, затем в 1938 г., после его реструктуризации возглавил Управление политической разведки Министерства иностранных дел (*Political Intelligence Department*). В 1934 г. по его инициативе был создан существующий до сих пор официальный орган государственной британской пропаганды — Британский совет (*British Council*), почётным вице-президентом которого Реджинальд «Рекс» Липер являлся до самой смерти в 1968 г. Во время Второй мировой войны вместе с Даффом Купером и Брюсом Локкартом участвовал в создании Управления политической разведки и пропаганды (УПРП). Липер же участвовал и в создании чуть ранее параллельной диверсионной (партизанской) спецслужбы — УСО, из состава которой со временем вычленилось межведомственное УПРП (*Special Operations Executive, SOE*; его представителем в ЮВА служил Джон Кизик). В УСО у Рекса Липера начинали работу в британских спецслужбах Гай Бёрджесс и Ким Филби.

в Лондоне и был назначен большевиками их посланником в Великобритании, хотя официально англичане его в этом качестве не признавали; до возвращения в уже Советскую Россию имел, как и Ротштейн, британское подданство, являлся активным участником фабианского движения и был женат на англичанке; впоследствии был министром иностранных дел СССР.

Вот что об этой встрече в ресторане записал в своём дневнике и в своей документальной повести Брюс Локкарт:

Договаривающиеся стороны были представлены Ротштейном и Литвиновым со стороны России и Липером и мной со стороны Англии. Странный это был обед. ...Нам с Липером едва исполнилось по тридцать лет. Литвинов был на одиннадцать лет старше нас, а Ротштейн года на два старше Литвинова. Оба они были евреи. Оба подвергались преследованиям и тюремному заключению за свои политические убеждения. И в то же время Литвинов... был женат на англичанке, а сын Ротштейна — английский подданный — служил в Британской армии.

Следует уточнить: Фёдор Ротштейн, сын богатых родителей, ещё гимназистом попав на учёт в жандармерии как политически ненадёжный, сразу после окончания гимназии был отправлен родителями вон из России, обосновался в Англии и затем вплоть до 1920 г. ни разу больше в России не появлялся; в советские годы никогда никаким репрессиям не подвергался, умер в начале 1950-х гг. в возрасте 79 лет от старости, будучи действительным членом АН СССР. Судить о его близости к В.И. Ленину можно хотя бы по тому факту, что во время знаменитой встречи в Кремле Ленина и Герберта Уэллса третьим участником их беседы был именно Ротштейн, и — по словам Уэллса — он не стеснялся при этом поправлять мнения Ленина и подсказывать ему «правильные» ответы.

Следует уточнить и про М.М. Литвинова. В 1908 г. его арестовали в Париже: он тайно готовился вместе с группой своих оперативников (легендарный Камо был один из них) одновременно обменять сразу в нескольких французских банках меченые пятацотрублёвые купюры, захваченные во время знаменитого «экса» в Тбилиси; в России это сделать было немислимо, и потому их вывезли срочно в Европу, рассчитывая на нерасторопность международной банковской системы. В Европе арест Литвинова вызвал моментальную реакцию, и левая «прогрессивная» пресса развернула шумную и хорошо скоординированную кампанию в защиту попавшего в застенки «борца за свободу». В результате французские правоохранительные органы пойманного с поличным пособника террористов невообразимым образом выпустили и вместо заключения, как положено, в тюрьму просто выдворили его из страны; да к тому же почему-то не в Россию, а в Англию, где его встретили с восторгом, и он довольно скоро и почему-то без проблем получил подданство и даже служил на принадлежавшем Ротшильдам военно-промышленном гиганте «Виккерс».

За обедом Ротштейн ещё раз изложил вкратце ситуацию и предложенные Липпером и Брюсом Локкартом условия квазидипломатической сделки и затем обратился к Литвинову с просьбой написать для Брюса Локкарта соответствующее рекомендательное письмо Льву Троцкому, а взамен он и Липер пообещали Литвинову, что ему в Лондоне тоже будут предоставлены *de facto* дипломатические привилегии. Литвинов согласился и письмо написал (а в его распоряжение вскоре было предоставлено помещение под неофициальное представительство большевистского правительства в Лондоне). Причём написал Литвинов этот архиважный документ — если верить Брюсу Локкарту — на салфетке фешенебельного ресторана, в котором они обедали. И именно с такой «верительной грамотой» от живущего в эмиграции, но пользующегося непонятным доверием в принимающей стране революционера-большевика Брюс Локкарт и отправился в путь в качестве, как было сказано выше, *British Agent*.

Очевидно, что завербованного агента и тем более офицера разведки для выполнения тайного задания таким странным образом отправлять бесполезно (и Брюс Локкарт и не являлся ни тем, ни другим). Очевидно и то, что название мемуарной повести Брюса Локкарта (*Memoirs of a British Agent*) — правильное и понятное на английском языке — на русский язык переведено как минимум неточно («История изнутри. Мемуары британского агента»). Хотя с другой стороны становится вовсе непонятным, как же его правильно перевести: воспоминания британского... кого?

Подсказку предлагает сам Брюс Локкарт.

После покушения на Ленина его арестовали и поместили под надзор в здании Арсенала в Кремле. В Лондоне для обеспечения его безопасности тут же арестовали и тоже посадили под замок Максима Литвинова. Тем не менее Брюса Локкарта в Москве вроде как собрались судить и даже грозились чуть ли не расстрелять, но потом всё-таки «передумали» (видимо, до Милнера дошло сообщение о том, что Брюсу Локкарту что-то «угрожает», и он принял соответствующие меры) и отпустили в обмен на освобождение из английской тюрьмы Максима Литвинова.

Пока Брюс Локкарт пребывал таким образом под арестом, делом его ведал заместитель председателя ЧК Яков Петерс. А Петерс до революции довольно долго жил в эмиграции в Лондоне, был женат на англичанке, дочери крупного банкира, и несколько предреволюционных лет даже занимал руководящую должность в коммерческой структуре тестя-банкира. Так что отношения между «заключённым» и «тюремщиком» сложились, несмотря на ситуацию, вполне дружелюбные и даже, по словам самого Брюса Локкарта, уважительные.

В какой-то момент Петерс сообщил ему новость, что английскому правительству дана гарантия через пару дней отправить Брюса Локкарта домой. И тут же следом предложил ему не уезжать, а вместо этого остаться в Москве и присоединиться к революционной работе. «Всё равно капитализм обречён», — сказал Петерс в заключение.

Брюс Локкарт это большевистское предложение не отверг с гневом или хотя бы насмешливым негодованием. Он, наоборот, глубоко задумался и даже довольно сильно переживал. Дело было не только в том, что, уезжая обратно в Англию, он рисковал потерять навсегда сильно ему полюбившуюся «Муру» (Марию Бенкендорф, в девичестве Закревскую, а впоследствии — баронессу Будберг; известна также под прозвищем Железная женщина, которое ей дал её любовник и сожитель в 1920-х гг. Максим Горький). Решение остаться в России и присоединиться к борьбе

«большевиков» в то же время уже приняли, например, члены французской военной миссии Жак Садуль, Робер Пети, Марсель Боди и Пьер Паскаль (Jacques Sadoul, Robert Petit, Marcel Body, Pierre Pascal). То есть предложение Петерса в том конкретном временном контексте ничуть не выглядело неуместным, или абсурдным, или шутливым. И Брюс Локкарт его воспринял как вполне серьёзное и реальное.

Свои непростые размышления в этой связи он изложил в конце книги отдельным абзацем, и в этом-то отрывке и содержится подсказка (курсив мой):

Я поймал себя на том, что мысленно снова и снова возвращаюсь к предложению Петерса остаться с Мурой, в России. Английского читателя может даже удивить, насколько серьёзно я его воспринял. Но оно, как ни странно, отнюдь не было безумным. Ведь аналогичное предложение приняли Садуль и Паскаль... И они не были какими-нибудь злонамеренными предателями. Как и большинство из нас, они испытали на себе влияние катаклизма, который у нас на глазах потрясал мир до самого основания. Поэтому я тоже иногда задавался вопросом, как должен был бы поступить, если бы пришлось выбирать между цивилизацией на Уолл-стрит и варварством в Москве. Но в тот конкретный момент *я не был волен распоряжаться собой*. Я очутился в самом центре события, несущегося миниатюрным смерчем по всему миру; превратился в нечто, из-за чего не на шутку сцепились две мировые системы. Стать большевиком я не мог. Ради моего освобождения гул телеграфных проводов не смолкал по всей Европе, и пренебречь моими официальными обязательствами я не имел права.

То, что я перевёл выделенной курсивом фразой «я не был волен распоряжаться собой», в оригинале у Брюса Локкарта звучит: *I was not a free agent* — дословно: я не был «свободным», «вольным», «самостоятельным» *действующим лицом*. Противопоставляется которому тоже агент, а значит — тоже действующее лицо, но обременённое «обязательствами в интересах Британии» — «Британский агент», как сам Брюс Локкарт себя называл (и все остальные тоже).

Вот такая получается разница: «свободный агент» — *free agent* — это ещё ничей не агент, а просто человек, который волен сам выбрать, на чью сторону встать и что затем предпринять в борьбе за достижение целей выбранного «сюзерена». А «британский агент» — это всё тот же человек, но свой выбор он уже сделал в пользу дела, идеи, целей «Британии».

Эта особенность и это отличие *британского агента* от обычных сотрудников и агентов спецслужб особенно хорошо видны в одной короткой фразе, фигурирующей в примечаниях к дневникам Брюса Локкарта:

Реальной причиной его (Брюса Локкарта. — А. Б.) ареста могла быть его связь со шпионом СИС (МИ6) Сиднеем Рейли, которому он в основном просто передавал денежные средства. Но сам он чисто технически шпионом (разведчиком) не являлся. Главным представителем «Секрет Интеллидженс Сервис» в России в тот момент являлся командер Эрнст Бойс.

Казалось бы, теперь всё стало более или менее ясно? Нет.

Слуги двух хозяев

Биографическая справка

Клод Дэнси (Claude Dansey, 1876–1947). Заместитель руководителя британской контрразведки (МИ5) во время Первой мировой войны и заместитель руководителя британской разведки (МИ6 или СИС) во время Второй мировой войны. При жизни считался в профессиональных кругах союзных держав самым опытным специалистом в области организации и оперативной деятельности спецслужб. Начинал военную карьеру в 1890-х гг. на юге Африки в составе частного вооружённого формирования — British South Africa Police — на службе местной колониальной компании (British South Africa Company, BSAC, или Британская Южно-Африканская компания). Участвовал в этом качестве в карательных и иных вооружённых операциях против коренного населения территорий, отданных в управление BSAC. Прославился благодаря успешным действиям его кавалерийских разведотрядов под общим командованием легендарного Роберта Баден-Пауэлла³² во время очередной кампании против воинственных племён матабеле (британские историки называют эту кампанию Second Matabele War). Участвовал уже в качестве кадрового офицера британских ВС в так называемой Второй англо-бурской войне (1899–1902) и в частности в снятии осады с Мафекинга (стараниями британских военных пропагандистов и историков осада Мафекинга стала легендарным эпизодом и героическим символом той в остальном чисто колониальной и позорной для Великобритании войны); руководил защитниками осаждённого Мафекинга полковник Баден-Пауэлл. Тогда же Клод Дэнси познакомился с ещё

³² Robert Baden Powell (1857–1941). Вошёл в историю как основатель существующего поныне скаутского движения. Все практические навыки, прививаемые сегодня подросткам-скаутам, были изначально описаны в практических пособиях, которые Баден-Пауэлл ещё в конце XIX в. писал для начинающих военных разведчиков. На пике своей военной карьеры (Баден-Пауэлл дослужился до очень высокого в британских ВС звания генерал-лейтенанта, получил все мыслимые награды и был произведён в дворяне) он был знаменит благодаря многочисленным вылазкам с целью рекогносцировки объектов противника под видом эдакого ботаника-Паганеля и художника-любителя (он, например, вписывал планы военных объектов в рисунки с изображениями крыльев бабочек). В 1884 г. Баден-Пауэлл опубликовал своё знаменитое пособие под названием «Разведка и скаутинг. Практическое учебное пособие из 20 простых уроков для кадровых и вольнонаёмных офицеров и рядового состава».

совсем молодым Уинстоном Черчиллем, с которым затем сохранял добрые отношения до конца жизни. Через некоторое время Клод Дэнси был переведён в разведуправление всего британского корпуса в Южной Африке, под начало полковника Хьюма и затем полковника Дэвида Хендерсона, которые, собственно, и создали тогда первую разведслужбу современного типа. (Хендерсон также является создателем Royal Flying Corps — британских ВВС — и Intelligence Corps — британской войсковой разведки; он автор учебников «Разведка в полевых условиях: принципы и порядок ведения», 1904 г., и «Искусство разведки», 1907 г.). После окончания англо-бурской войны, с 1904 по 1910 г. Дэнси служил по линии Министерства по делам колоний в Сомали, где также создал и активно использовал собственную агентурную сеть. Затем он уволился с государственной службы и вернулся на неё только в 1914 г., незадолго до начала Первой мировой войны, сразу на должность заместителя начальника контрразведки (МИ5). В апреле – июне 1917 г. лично участвовал в создании разведслужбы только что вступивших в войну США: разрабатывал организационную структуру американской разведки, читал лекции для её будущих руководителей, определял руководящие принципы отбора и подготовки сотрудников и агентуры. На всём протяжении Второй мировой войны, занимая официально должность заместителя начальника британской разведки (МИ6), Дэнси являлся фактическим руководителем всех британских спецслужб, кроме разведки ВМС. Формально начальником МИ6 числился полковник Стюарт Мингис — человек, в отличие от Дэнси, очень богатый и принадлежавший к высшему свету. Но Мингис был значительно моложе и во время Первой мировой войны ещё только делал свои первые шаги в мире разведки, причём именно под началом Клода Дэнси, а потому всю дальнейшую жизнь, по свидетельству знавших их обоих современников, считал Дэнси своим наставником и во всех делах полагался на него. Как ни странно, закончил Клод Дэнси свою совершенно уникальную в истории современных разведслужб карьеру в 1944 г. в возрасте 68 лет в скромном — с учётом его заслуг — звании подполковника.

Дэнси был потомственным военным: его отец, Эдвард Дэнси, служил капитаном в самом престижном британском полку — Гвардейском кавалерийском полку Дворцовой кавалерии (Life Guards of the Household Cavalry; прямой аналог в России — легендарный Кавалергардский полк³³). Его деды, прадеды и прапрадеды также отличились на военной службе и поколение за поколением входили в анналы военной истории Королевства. Однако для дальнейшего повествования важно отметить его родственные связи не столько по отцовской, сколько по материнской линии: Элеонора Дэнси была пятой по счёту дочерью второго лорда Джиффорда, и один из её братьев, родной дядя Клода Дэнси — Морис Джиффорд — тоже участвовал в качестве офицера в войнах, имевших место на рубеже XX в. на юге Африки, а второй её брат, то есть тоже родной дядя Клода Дэнси лорд Эдрик, 3-й барон Джиффорд, дослужившийся до должности руководителя британской колониальной администрации сначала Австралии, а потом Гибралтара, стал в то же

³³ Стоит, правда, отметить, что геройски себя проявивший с первых дней войны и вплоть до Брусиловского прорыва Кавалергардский полк начиная с марта 1917 г. исполнял поставленную задачу охранять железнодорожные станции Шепетовка и Казатин и задерживать дезертиров, то есть действовал в роли заградотряда.

время — в 1889 г. — и там же одним из директоров BSAC, в вооружённых формированиях которой и начинал по протекции и под крылом заботливых дядьёв свою скаутскую³⁴ карьеру их племянник.

В СВЕРХЗАДАЧЕ, сформулированной братьями Флемингами для бондианы, впечатляет неожиданно высокий уровень государственного склада ума и подхода у людей, вроде бы к большой политике непричастных. Демонстрации корней этого «феномена» — который на самом деле и есть феномен «британских агентов» — и будет посвящён дальнейший рассказ, а чтобы демонстрация получилась достаточно наглядной, придётся сделать целый ряд серьёзных исторических отступлений.

ТЕАТРЫ военных действий кампании, вошедшей в историю России под названием «Крымская война» (1853–1856), отнюдь не ограничивались одним только Крымом. Начиная с конца 1853 г. десять месяцев шли бои в Закавказье, где были наголову разбиты наступавшие на том направлении турецкие войска. Летом 1854 г. и затем летом 1855 г. англо-французская эскадра блокировала и обстреливала базы российского флота в Балтийском море — Кронштадт и Свеаборг (сегодня это Суоменлинна — система бастионов, расположенных на островах при входе в порт Хельсинки), но единственного ощутимого успеха на Балтике союзники смогли добиться только вдали от русских берегов, взяв со второй попытки и разрушив недостроенную русскую крепость Бомарзунд на Аландских островах. В Белом море весной 1854 г. английская эскадра пыталась осадить Архангельск и обстреляла город Колу и Соловецкий монастырь, однако никакого конкретного результата не добились и ушла ни с чем. Наконец, в первых числах сентября 1854 г. нападение англо-французской эскадры успешно отразили защитники Петропавловска-Камчатского.

Этот удар на Дальнем Востоке был предсказуем и ожидаем. Незадолго до того, в 1841 г. экспедиционный корпус Великобритании нанёс сокрушительное поражение Китаю в так называемой Первой опиумной войне, и у этой победы британцев накануне войны с Россией в 1853–1856 гг. была одна особенность, которая и обуславливала оправданные опасения российской стороны.

Ни Великобритания, ни Россия не имели сколько-нибудь серьёзного военного присутствия ни у китайских границ, ни тем более в северной части тихоокеанского региона; не имели они там и внушительных военно-морских сил: в деле при Петропавловске с обеих сторон участвовали всего полдюжины кораблей и несколько тысяч бойцов, включая около тысячи ополченцев с российской стороны (попросту почти всё мужское население Петропавловска). Более того, исполнение почти всех государственных функций с обеих сторон было доверено не государственным организациям и силовым структурам — которые там фактически отсутствовали, — а частным компаниям: Российско-Американской компании (РАК), с одной стороны, и Британской Ост-Индской компании (*British East India Company, EIC*) и Компании Гудзонова залива (*Hudson's Bay Company, HBC*) — с другой стороны (камчатским губернатором, например, был назначен один из флотских капитанов РАК, произведённый впоследствии в адмиралы В.С. Завойко; именно он — штатный сотруд-

³⁴ Scout (англ.) — разведчик.

ник частной компании — обеспечил образцовую оборону Петропавловска). Граница переданных перечисленным компаниям волей их монархов в монопольное освоение и управление территорий, и в первую очередь граница, отделявшая территории под управлением РАК от территорий *HBC* (сегодня это граница между Канадой и вошедшей с тех пор в состав США Аляской), являлась поэтому фактической границей между Российской и Британской империями.

Особенность же в связи с этим заключалась в том, что сокрушивший китайские силы британский экспедиционный корпус был сформирован не из регулярных частей вооружённых сил британского монарха, а из собственных — частных — военизированных формирований Ост-Индской компании, именовавшихся «Британской индийской армией». Эта «армия» просуществовала в качестве самостоятельного частного вооружённого формирования вплоть до введения прямого правления британского монарха на территории Индии в 1858 г., содержалась целиком за счёт прибылей Ост-Индской компании и напрямую подчинялась её руководству; к началу XIX в. в её составе числилось под ружьём 158 000 человек, а в Англии даже функционировала её полноценная частная военная академия (*East India Company Military Seminary*), готовившая командный состав для вооружённых формирований *EIC*.

О боевых качествах этой частной армии можно судить по тому факту, что решающие действия на море во время Первой опиумной войны тоже были осуществлены не британскими ВМС, а военными кораблями *EIC* во главе с прославившимся тогда пароходофрегатом «Немисис» — только что построенным первым в истории Великобритании железным военным кораблём, имевшим помимо парусной оснастки две паровые машины. Именно «Немисис» обеспечил успех похода против фортов Чуаньби в дельте реки Чжуцзян (Жемчужная река) и через некоторое время взятие Кантона (Гуанчжоу) — тогдашнего главного центра международной торговли во всём регионе, прикрытием которого как раз служили китайские форты Чуаньби.

Присутствием таких грозных и воинственных соседей-конкурентов и была в значительной степени обусловлена озабоченность руководства Российско-Американской компании как в центре (штаб-квартира РАК находилась в Санкт-Петербурге), так и на местах на Аляске, где непосредственно перед началом войны были предприняты следующие действия.

Служивший до 1852 г. в качестве правителя сначала крепости Росс (принадлежавшее РАК до 1841 г. владение недалеко от Сан-Франциско), а затем головной конторы РАК в Новоархангельске (сегодня это город Ситка в Аляске) и после этого переведённый на должность вице-консула в Сан-Франциско Пётр Степанович Костромитинов учредил в Сан-Франциско в качестве юридического лица США 100%-ную дочернюю фирму РАК под названием «Американо-Русская торговая компания» (*American Russian Commercial Company* — предназначалась для реализации льда, завозимого РАК из Новоархангельска). Её-то Костромитинов и предложил использовать для вывода активов и территории РАК из-под британского удара, что военного, что со стороны британских колониальных компаний-конкурентов. Для этого он подготовил проект договора о продаже территории, находившейся под управлением РАК, «Американо-Русской торговой компании», посягать на имущество которой британцы не имели права в силу нейтрального статуса США (или САСШ, как их тогда ещё иногда называли в России). Текст договора, в который остава-

лось только вписать дату продажи, Костромитинов отправил для согласования в Вашингтон российскому посланнику в США барону де Стекло. Стекло, в свою очередь, провёл консультации с государственным секретарём Вильямом Марси и сенатором от Калифорнии Вильямом Гвином, которые были единодушны во мнении, что англичане наверняка правильно оценят фиктивный характер этого договора и принимать его в расчёт не станут. В результате предложенному Костромитиновым проекту ход дан не был.

Правда, до вашингтонских журналистов дошли какие-то слухи о нём, и они ещё некоторое время активно муссировали тему отчаянного финансового положения, в котором оказался российский царь, якобы вынужденный чуть ли не распродавать свои территории. Стекло даже пришлось давать Марси и Гвину заверения, что публикуемые в местной печати сплетни — всего лишь сплетни и что за ними ничего не стоит.

В реальности же поднятый тогда журналистами шум сослужил России добрую службу. Предположив, что США и правда собираются приобрести территории под управлением РАК и тем самым ощутимо усилиться, британское правительство одобрило поступившее напрямую центральному руководству *НВС* практически тогда же, когда в Вашингтоне рассматривался проект Костромитинова, предложение Главного правления РАК в Санкт-Петербурге. В результате не правительства двух воюющих государств, а две частные колониальные имперские компании заключили между собой весной 1854 г. договор, по которому они взаимно признали нейтралитет подконтрольных им территорий и имущества на американском континенте и Алеутских островах. (Юридическая квалификация этого договора усложняется ещё и тем, что высшее руководство РАК — её Главное правление — формировалось почти исключительно из действующих офицеров российского ВМФ, которые таким образом совмещали действительную военную службу с государственными административными и частными коммерческими функциями.)

Через тринадцать лет, в 1867 г., земли и имущество РАК всё-таки были проданы, но уже не фиктивно, а реально, и не в рамках частной торговой сделки, а согласно межгосударственному договору цессии, подписанному полномочными представителями Российской империи и США и ратифицированному российским царём и Конгрессом США.

Вопреки расхожему мнению, будто Россия чуть ли не насильно, за большие взятки навязала эту сделку Соединённым Штатам, которым дикие северные территории якобы казались тогда абсолютно бесполезными и ненужными, стоит рассматривать это событие в более общем контексте. Менее чем через два года аналогичную сделку и за примерно такие же деньги США официально и по собственной инициативе — то есть демонстрируя свой очевидный интерес — предложили Компании Гудзонова залива (и, если бы та сделка состоялась, «бесполезная и ненужная» северная граница США сегодня проходила бы вдоль всей северной границы России в Ледовитом океане). Но *НВС* предложение США отклонила и вместо этого вернула все находившиеся под её управлением владения британскому монарху, который тут же передал их британскому же доминиону — Канаде.

При этом сама Канада была создана практически одновременно с продажей Аляски Соединённым Штатам (документ, согласно которому учреждался этот по-

луавтономный доминион — *British North America Act*, — был подписан 1 июля 1867 г., всего через три месяца после подписания русско-американского договора о цессии Аляски), то есть британский монарх явно начал предпринимать решительные меры в ответ на усматриваемое англичанами усиление США.

К этому остаётся добавить, что:

а) *EIC* к тому моменту тоже уже была национализирована (после вступления в силу закона об управлении Индией 1858 г.), и Индия приобрела в составе империи даже ещё более зависимый статус, чем Канада;

б) РАК и подвластные ей колонии в 1865 г. утверждённым царём решением Государственного совета были переданы в ведение морского министра, то есть российские имперские предприниматели, как и их британские коллеги, тоже были в те годы лишены своих монопольных, квазигосударственных полномочий;

с) созданная чуть позже по старому трафарету Имперская британская восточно-африканская компания просуществовала всего семь лет и была ликвидирована ввиду её очевидной недееспособности в новых реалиях конца XIX века (её наследницами сегодня являются Кения и Уганда — оба члены (Британского) Содружества наций).

Так что продажа Аляски вполне вписывается в общий контекст постепенного ухода со сцены исчерпавших свой исторический потенциал частных имперских компаний старого типа и прихода им на смену более формализованных имперских государственных структур с соответствующим государственным силовым обеспечением.

О пересказанной вкратце первой, фиктивной попытке «продать» Аляску писали многие, так что для примера был выбран один из самых авторитетных отчётов. Его автор — историк и архивист Фрэнк Голдер — в своё время считался в США ведущим специалистом по истории российской дипломатии XIX века и стал первым куратором Гуверовского института войны, революции и мира, созданного в 1920 г. при Стэнфордском университете (основатель института, будущий президент США Герберт Гувер был выпускником Стэнфорда). В августе того же года Голдер в своём новом качестве главного гуверовского архивариуса отправился в Россию (это была его третья научная командировка в нашу страну — предыдущие состоялись в 1914 и 1917 гг.), где он приступил к собиранию и приобретению всевозможных интересовавших Гувера документов. Одновременно, пользуясь предоставленным ему доступом к архивам упразднённого имперского министерства иностранных дел, он на основе дипломатической переписки барона де Стекля с Санкт-Петербургом написал исторический очерк под названием «Приобретение Аляски» (The Purchase of Alaska), посвящённый истории того, как проходила эта сделка (очерк был опубликован в 1920 г. в апрельском выпуске исторического альманаха The American Historical Review. Vol. 25, No. 3). Особый интерес Голдера к истории Тихоокеанского Севера объясняется тем, что он, будучи ещё студентом, три года по собственному желанию преподавал в государственной начальной школе для туземного населения на Алеутских островах, затем, получив диплом, десять лет проработал в Университете штата Вашингтон, где занимался историей освоения Аляски

и Восточной Сибири, а свою докторскую диссертацию в Гарварде посвятил проблемам освоения Россией тихоокеанского региона (диссертация вышла отдельной книгой под названием Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850 в 1914 г.).

Из приведённой выше расстановки сил в тихоокеанском регионе на момент начала Крымской войны хорошо видно, что ещё в середине XIX века существовали два полноценных типа субъектов имперской экспансии: а) государства и б) частные имперские (колониальные) компании. И хотя в число основных акционеров таких компаний входили, как правило, члены монарших семей и даже сами монархи, а также их ближайшие сподвижники и советники и компании получали от своих монархов монопольные права на освоение и развитие отданных им в управление (иногда огромных) территорий, ставить между ними и государствами знак равенства в контексте колонизации нельзя, поскольку компании — в отличие от государств — осуществляли свою колонизаторскую деятельность не за счёт государственного бюджета и суверенных займов, а за счёт своих доходов и прибылей, а потому и приоритетом во всех их начинаниях, решениях и предприятиях был всё-таки не государственный, а хозяйственный, коммерческий интерес, хотя граница между этими двумя понятиями и была крайне размыта.

Государства всячески поддерживали колониальные компании в той мере, в какой они, ничем не обременяя монархов, способствовали расширению и становлению их империй. Но сами-то компании видели в покровительствующих им державах не столько своего абсолютного государя, чью казну им положено пополнять, сколько эксклюзивный в мире предпринимательства и торговли инструмент для продвижения их коммерческих интересов и своего рода страхования их деловых рисков (все колониальные компании мира периодически получали от своих правительств экстренную помощь, как силовую или политическую, так и финансовую, позволявшую избежать очень серьёзных проблем, а иногда и банкротства).

Одним из символов этого внутреннего противоречия как раз служит процедура продажи Аляски: Российское государство (то есть царь) в своих интересах и вопреки интересам РАК в условиях строжайшей тайны ото всех, в том числе от руководства РАК, продало эти владения Соединённым Штатам, а директоров компании — которые, естественно, являлись в этом деле главной проигравшей стороной — поставило в известность о заключённой сделке чуть ли не через две недели после того, как она состоялась.

Именно этим принципиальным различием между интересами и отношением друг к другу государств и имперских компаний обусловлен и тот момент, на который я хочу обратить внимание во взятом для примера очерке Голдера. В нём действуют как представители колониальных компаний — такие, как Пётр Степанович Костромитинов, так и представители государств — например, барон де Стебль. А также есть и деятели, чей статус в этом смысле уже гораздо менее понятен — например, член Государственного совета генерал-адъютант барон Ф.П. Врангель, служивший и морским министром, и Главным правителем колоний (т.е. главой РАК), о чём сам Врангель в служебной записке на имя императора написал в 1861 г.:

[Главный правитель колоний] пользовался всеми правами уполномоченного от Компании лица и мог действовать быстро, не стесняясь формальностями; но как скоро и самая ответственность... главного правителя подчинится бюрократическим формам (будет передана в ведение государства. — А. Б.), то место быстроты действий займется медлительностью, неизбежно при соблюдении узаконенных форм, которые в том крае неудобоприменимы.

И вот всех этих деятелей как Голдер в своём очерке, так и остальные авторы именуют иногда каждого по-разному в соответствии с должностью, а иногда одинаково — «агентами»; иногда добавляя к «агенту» определение («агент царя», «агент правительства», «агент Компании»), а иногда ограничиваясь просто «российским агентом».

В этом и заключается первая и главная особенность, не учитывая которую невозможно по-настоящему разбираться в истории таких же государственных деятелей и служащих, чинов и работников колониальных компаний и совместителей всех этих разных статусов, но — с британской стороны, то есть *британских* агентов.

Причём традиции и порядки, заведённые в британских имперских (колониальных) компаниях, в том числе в отношении их агентов, были отработаны и усвоены в Британской империи гораздо более основательно и прочно, чем в России, поскольку в России, в отличие от Великобритании, такие компании начали создавать только после смерти Екатерины II, которая являлась убеждённым противником торгово-промысловых монополий подобного рода, и просуществовали они по сравнению со своими британскими аналогами совсем недолго.

Потому-то в России не возник и не прижился этот очень особенный класс вроде бы «национальных» («российских») агентов, состоящих тем не менее на службе и отстаивающих интересы хоть и квазигосударственных, но всё же частных предпринимательских объединений; интересы, которые в теории должны были совпадать с интересами империи, но на практике и в России, и особенно в Великобритании совпадали с ними отнюдь не всегда, а иногда и вовсе вступали с ними в необычное и даже парадоксальное — с «обывательской» точки зрения — противоречие, которое можно проиллюстрировать следующим образом.

Самые принципиальные положения программы лейбористов — Социалистической партии Великобритании — написал в начале XX в. Сидней Вебб, один из основателей и бессменных руководителей «Фабианского общества» (клуба так называемых «английских социалистов», высмеянных Джорджем Оруэллом в романе «1984»). А его учителем принято считать Джона Милля. Джон Милль же — «философ, экономист и политический деятель», как его называют в энциклопедиях (его даже принято считать «самым влиятельным британским философом XIX века») — тридцать пять лет своей жизни посвятил службе в EIC, входил в её высшее политическое руководство и непосредственно перед тем, как её лишили монопольных прав на управление Индией, лично составлял документы в защиту «британского раджа», то есть существовавшей квазигосударственной имперской формы правления (отстаивая в том числе идею цивилизационного превосходства британского империализма над китайским и индийским варварством). После введения в Индии прямого британского правления Милль в знак протеста против этого решения даже отказался от предложенной ему весьма почётной должности министерского кон-

сультанта. И потому нисколько не удивляет тот в остальном вроде бы парадоксальный факт, что его ученик, идеолог британских — или «английских», как их назвал в своём романе «1984» Джордж Оруэлл, — социалистов Сидней Вебб в 1929–1931 гг. служил в имперском правительстве министром по делам доминионов и колоний. В связи с чем показательно, что одно из самых главных разногласий между принципиальным социал-демократом Оруэллом и Фабианским обществом («ангсоцем» в романе «1984») было как раз последовательное требование Оруэлла соблюсти социалистический идеал и предоставить Индии (и другим колониям) независимость.

ОДНАКО совсем очевидной двойственность статуса и идеологического портрета «британского агента» становится при изучении всего, что связано с наследием Сесила Родса — самого, наверное, знаменитого «частного имперского колониального предпринимателя», который в последней четверти XIX века стремительно ворвался в мир приверженцев и пропагандистов Британской империи как хранительницы мировой цивилизации и стал на какое-то время, невзирая на молодость, болезни и простолюдинское происхождение, общепризнанным публичным лидером и вдохновителем этого блистательного имперского истеблишмента.

Сесил Родс (1853–1902). Самый известный из соучредителей и совладельцев компании «Де Бирс» (De Beers Consolidated Mines), которая в конце 1920-х гг. перешла под контроль международного конгломерата Anglo American Corporation plc и на десятилетия вперёд стала мировым монополистом в области добычи и продажи алмазов и бриллиантов. В 1889 г. Родс получил королевскую грамоту (хартию, или иначе устав), на основе которой создал вместе с партнёрами классическую имперскую (колониальную) Британскую Южно-Африканскую компанию (British South Africa Company, BSAC), сохранявшую свои колониальные административные функции и права до 1923 г. и продолжавшую получать ренту с добычи природных ископаемых на подконтрольных территориях вплоть до 1965 г.).

Сесил Родс приехал в Южную Африку в 1870 г. в возрасте 17 лет, не имея за душой практически ничего, да и не рассчитывая прожить долго (он страдал сердечной недостаточностью, и вдобавок врачи подозревали у него туберкулёз). Вскоре у него к тому же диагностировали аневризму аорты, а в 19 лет он уже перенёс свой первый инфаркт. В 20 лет Родс вернулся в Лондон и поступил в один из колледжей Оксфорда, но из-за тут же резко ухудшившегося состояния здоровья вынужден был уехать обратно в Южную Африку и смог возобновить учёбу только через три года. Окончательно его сердце отказало в 1902 г., когда ему было всего 48 лет.

Но одновременно этот почти нищий, безродный и болезненный юноша в очень скором времени научился зарабатывать до 10 000 фунтов (в нынешнем выражении) в неделю на алмазных приисках и быстро сумел наладить деловые связи, благодаря которым его состояние в 23 года уже оценивалось в 4 млн. фунтов (в нынешнем выражении), в 27 лет он стал членом парламента Капской колонии, в 35 — соучредителем и совладельцем компании под легендарным названием «Де Бирс», в 36 — руководителем имперской колониальной компании, в 37 — премьер-министром Кап-

ской колонии, а когда ему ещё даже не стукнуло 40, его именем — именем бесспорного хозяина этой земли и её недр — уже был назван огромный край, на территории которого сегодня уместаются два довольно больших африканских государства — Зимбабве и Замбия³⁵. Наконец, ему ещё не было 30 лет, когда у него в ближайших деловых партнёрах уже числились первые лица государственной и финансовой элиты Британской империи, тогда всё ещё крупнейшей, сильнейшей и богатейшей сверхдержавы мира, над которой «никогда не заходило солнце».

Об этом последнем пункте стоит сказать подробнее.

Все более или менее знают, что, начиная с приобретения «Де Бирс», проекты Сесила Родса в значительной степени финансировал из Лондона дом Ротшильдов. Но мало кто знает наверняка, каким именно образом Ротшильды — никогда сами в Южной Африке не присутствовавшие — вдруг поверили в мальчишку Родса.

Уже гораздо менее широко, но всё же тоже известен ещё один, вроде бы более мелкого калибра партнёр Родса — Альфред Бейт, тоже представитель еврейской банковской общины одновременно Германии и Британской империи.

Но это и всё. Широкой публике неведомо, каким всё-таки образом безвестный выскочка Родс столь стремительно достиг фактически Олимпа в мире международных финансов (поскольку его известный партнёр Альфред Бейт на тот момент тоже ещё только-только начинал свою карьеру в этом мире). И почему-то полностью, совсем в тени остаются два таких выдающихся деятеля, как Жюль Поржé и Джулиус Вернер. Из-за чего и остаётся малопонятным и труднообъяснимым столь неожиданный взлёт Родса.

Вот всего лишь одна, но красноречивая цитата:

Германн Экстейн родился в Германии, в Штуттгарте в 1847 г. в семье лютеранского пастора. В Кимберли Экстейн приехал в 1882 г. и вскоре стал управляющим прииска и руководителем компании под названием *Phoenix Diamond Mining Company*. Будучи членом «Немецкого клуба» (*German mess*), близко сошёлся с Альфредом Бейтом. Когда Бейту потребовался человек для управления его активами в Витватерсранде (район вокруг одноимённой горной гряды, в котором обнаружили золото и с которого началась золотая лихорадка в Трансваале. — *А. Б.*), он доверил эту работу Экстейну. Соответственно, за Экстейном стоял Бейт; а за Бейтом стоял алмазный магнат Жюль Поржé и его партнёр и представитель на Юге Африки Джулиус Вернер. Первое время офис Экстейна в Йоханнесбурге (в здании на перекрёстке напротив здания местной фондовой биржи. — *А. Б.*) в народе называли «Домом Бейта», но затем переименовали в «Угол Экстейна», а позднее и просто в «Угловой дом» (*Corner House*); это название в сознании тогдашнего общества символизировало самую мощную и властную финансовую группу на юге Африки.

Из этой пары — Жюля Поржé и Джулиуса Вернера — гораздо необычнее, интереснее и значимее, конечно же, второй. Причём его судьба и его достижения на удивление похожи и даже совпадают по времени с судьбой основателя *Robert Fleming & Co.* Роберта Флеминга.

³⁵ Сначала территория называлась просто Rhodesia; позднее в документах управлявшей территории BSAC появляются отдельно её северная часть (Northern Rhodesia) и южная (Southern Rhodesia).

Сэр Джулиус Чарльз Вернер (1850–1912) родился и вырос в ничем особо не выдающейся протестантской семье в Германии, образование получил и поступил на службу в деловой банк³⁶ во Франкфурте-на-Майне и затем в 1869 г. перебрался в Париж, в банк *Ephrussi Porgès*.

Семья Эфрусси (её родоначальники — российские евреи греческого корня) — богатейшая в XIX в. в Европе семья, чуть ли не наравне с Ротшильдами (особенно это заметно в Австрии); Морис Эфрусси (1849–1916) в 1883 г. женился на Беатрисе де Ротшильд, дочери главы французской ветви дома Ротшильдов и внучке главы его английской ветви, и тем самым скрепил богатейший финансовый союз XIX в. Партнёр в банке Ephrussi Porgès со стороны семьи Порже, принадлежавшей к еврейской части австро-венгерской имперской крупной буржуазии, Теодор Порже (первый работодатель Джулиуса Вернера) был женат на дочери барона Вейсвейллера — представителя дома Ротшильдов в Испании, которая одновременно доводилась родней жене барона Анри де Ротшильда. Именно Теодор Порже отметил талантливого молодого Вернера и со временем дал ему «путёвку в жизнь» на самом верху.

В 1871 г., когда ему стукнул 21 год, Джулиус Вернер перебрался в Лондон, где его взял к себе в дело брат Теодора — Жюль Порже (1839–1921), который к 1875 г. уже считался в Лондоне самым крупным импортёром алмазов из Капской колонии и потому заслуженно имел в конце XIX века репутацию самого крупного и самого богатого торговца бриллиантами в мире; правда, тогда бриллиантовый рынок всё же ещё не был так велик, как в XX веке, но зато основными потребителями продукта были практически все сильные мира сего.

³⁶ В европейской и особенно в британской банковской системе на рубеже XX в. различали четыре основных типа банков: самые старые — частные семейные (*private*) банки, которые целиком принадлежали одному человеку или нескольким близким родственникам; самые новые, только-только появившиеся — акционерные (*joint-stock*) банки; традиционные колониальные (*colonial*) банки, имевшие, как правило, в названии «Англо-» и добавление названия соответствующей территории (именно в таких колониальных центральноевропейских банках служил Брюс Локкарт); и, наконец, торговые или деловые (*merchant*) банки, в отличие от остальных трёх типов не занимавшиеся традиционной банковской деятельностью на внутреннем рынке и специализировавшиеся почти исключительно на финансировании международной торговли и организации государственных займов. Из перечисленных категорий сегодня сохранились в основном акционерные (такие как *Royal Bank of Scotland* или *Barclay's*) и деловые (такие как *Lazard Ltd* или *Hambros Bank*). При этом стоит отметить, что некоторые семейные банковские дома на протяжении многих поколений сохраняют своё присутствие и решающее влияние на мировом финансовом рынке независимо от смены организационных форм и структур. Это отнюдь не только «набившие оскомину» Ротшильды (наиболее известные связанные с ними структуры: деловой банк *NM Rothschild* и акционерный банк Кизиков *The Hongkong and Shanghai Banking Corporation*), но и, например, Биваны (*the Bevans* — в своё время их семейный деловой банк вошёл в состав и стал основным дольщиком в акционерном банке *Barclay's*) или одна из самых легендарных, авторитетных и мощных семей в Сити — дом Смитов (*the Smiths*). От истоков их самого первого семейного банка, учреждённого в 1658 г. в Ноттингеме *Smith's Bank*, ведёт свою историю нынешний *National Westminster*, входящий в *The Royal Bank of Scotland Group*; Смиты — один из очень немногих потомственных домов на вершине британского банковского сектора, созданных не иммигрантами (в первую очередь евреями из Германии) а потомственными англичанами и шотландцами.

В 1873 г. Жюль Порже отправил Вернера в качестве своего агента в Южную Африку, на прииски в Кимберли. Там Вернер приобрёл права на добычу на нескольких участках и к 1875 г. уже входил в совет управляющих старателей Кимберли — самого крупного из четырёх основных районов добычи алмазов (для сравнения: все месторождения Кимберли в 1877 г. оценивались в 1 млн. фунтов, а месторождения вокруг фермы Де Бирс — в 200 000, Дютойтспан — в 76 000 и Бултфонтейн — в 30 000). В 1876 г. в Кимберли ненадолго приехал сам Порже и вложил очень немалые средства в скупку расположенных рядом друг с другом перспективных приисков для образования одного большого участка под единым руководством и, соответственно, экономически более выгодного, т.е. именно Жюль Порже начал в алмазной отрасли процесс системной и масштабной консолидации.

И он же этот процесс завершил, поскольку его структуры и люди — Джулиус Вернер в первую очередь — создали под его общим руководством «Де Бирс», и уже только после этого Порже отошёл от дел.

Вскоре после своей поездки на юг Африки Жюль Порже учредил на основе скупленных приисков (четверть всех кимберлийских участков) новую компанию под названием *Compagnie Française des Mines de Diamants du Cap de Bonne Espérance* — первое европейское акционерное общество, занимавшееся разработкой кимберлийских месторождений, — а Джулиуса Вернера и Альфреда Бейта ввёл в качестве партнёров в состав своей руководящей остальными его активами фирмы *Jules Porgès & Co.* И тогда же Жюль Порже завязал тесные деловые отношения с Сесилом Родсом. В 1884 г. Джулиус Вернер вернулся в Лондон и занялся вместе с партнёрами реализацией добываемых алмазов и бриллиантов³⁷, а Альфред Бейт остался в Африке следить от их имени за добычей. В 1889 г. Жюль Порже отошёл от дел, и их совместная управляющая фирма — на тот момент крупнейшая добывающая компания в Южной Африке — была переименована в *Wernher, Beit & Co.*

Когда в Трансваале началась «золотая лихорадка» (1886), представителем компании в тогда ещё только зарождавшемся Йоханнесбурге был назначен уже упоминавшийся выше Германн Экстейн. Одновременно к 1888 г. Родс и Бейт консолидировали кимберлийские прииски, а *Wernher, Beit & Co.* приобрела контрольный пакет акций в *De Beers Consolidated Mines*. Необходимое финансирование для этого слияния предоставили лондонские Ротшильды, а организовал их участие в деле именно Жюль Порже (так что без семейных деловых связей Жюля Порже Сесил Родс, скорее всего, никогда не попал бы в Лондоне на приём к барону Ротшильду и легендарная имперская харизма Родса так и не произвела бы на всемогущего барона не менее судьбоносного впечатления). Вернер к этому времени управлял из Лондона более чем 70 компаниями. В 1911 г. Джулиус Вернер осу-

³⁷ Именно Джулиус Вернер явился главным «идеологом» создания и организатором *London Diamond Syndicate* (1889–1914 гг.) — своего рода торгового кооператива, в который вошли все основные десять еврейских семейств, монопольно державших в Лондоне всю алмазную торговлю и огранку, и который стал скупать весь объём алмазов, добытых в Южной Африке. Объединив со временем *London Diamond Syndicate* и *De Beers Consolidated Mines* в рамках единого конгломерата, Джулиус Вернер заложил основы той мировой монопольной структуры, которую мы хорошо знаем сегодня.

ществил слияние *Wernher, Beit & Co.* и *Central Mining and Investment Corporation and Rand Mines Ltd.*

На момент своей смерти Джулиус Вернер был одним из самых богатых людей в Англии: его личное состояние было оценено в 12 млн. фунтов или в сегодняшнем выражении более 1 млрд. фунтов — и это было самое крупное состояние, созданное в Южной Африке — то есть значительно, почти в четыре раза крупнее, чем даже состояние Родса. При этом капитал одной только *Central Mining* равнялся 3 млн. фунтов (или около 0,5 млрд. в нынешнем выражении), а Вернер владел 60% компании, и, значит, — даже если считать очень консервативно — только одна эта компания должна была давать ему и его наследникам, помимо всего прочего, ежегодный доход около 100 000 фунтов (или более 10 млн. в нынешнем выражении).

Средний сын Джулиуса Вернера Гарольд Август (1893–1973) женился на старшей дочери великого князя Михаила Михайловича Романова — Анастасии, и это был брак одной из самых родовитых дворянок Европы, имевшей родню практически во всех тогдашних королевских домах (по матери она была правнучка Александра Пушкина, а по отцу — Николая I), и самого богатого жениха Европы. А дочь Гарольда и Анастасии Джорджина (1919–2011) вышла замуж за Гарольда Филиппса³⁸, и две дочери уже этой супружеской пары вышли замуж за герцогов Аберкорнского и Вестминстерского.

Чтобы понимать, что значит «быть английской герцогиней», надо знать, что в Соединённом Королевстве (включая Ирландию и Шотландию) за последние сто лет было и есть всего 30 герцогств, из которых 6 — это Их Королевские Высочества (члены королевской семьи, в русской традиции — великие князья). Все герцоги, естественно, — пожизненные члены Палаты лордов. Другими словами, выше во всей империи (или парламентской монархии, если угодно) был и есть уже только собственно монарх, и дальше — небо.

Таким образом, прямые потомки Джулиуса Вернера многократно и по разным линиям породнились с английской королевской семьёй, доходясь родней и тестю Елизаветы II, и всемогущему и таинственному покровителю её супруга лорду Маунтбаттену, и блистательной принцессе Диане, и её милым сыновьям, и детям нынешнего наследного принца, герцога Кембриджского Вильяма (герцогиня Вестминстерская к тому же ещё и его крёстная мать). Причём дети обеих герцогинь, бу-

³⁸ По материнской линии Гарольд Филиппс был внуком и правнуком самых богатых людей и самой влиятельной семьи Перу. Дед Гарольда Филиппса сколотил огромное состояние, торгуя собираемым на перуанских скалах гуано. В связи с чем интересный факт: двоюродным братом Гарольду Филиппсу доводился лучший друг Яна Флеминга и его партнёр в первой попытке экранизации приключений Джеймса Бонда Айвар Брайс. А Флеминг знаменит тем, что вводил в свои романы бесчисленные «скрытые цитаты», за которыми для посвящённых легко угадывались его друзья и коллеги, бывшие и настоящие. В бондоведении даже есть своя отдельная наука, занимающаяся расшифровкой этих «намёков». Но вот более чем очевидного «намёка» на загадочного друга Айвара — в романе «Доктор Но» вселенский злодей на своём острове занимается в качестве прикрытия именно добычей гуано — до сих пор никто не углядел. Если знать, насколько феноменальна дотошность исследователей-бондофилов, то понятно, что случайностью это «упущение» не может быть никак. Особенно если учесть, что в книге доктор Но погибает, заваленный именно кучей гуано, а в фильме он вместо этого почему-то просто варится заживо в охладительном бассейне своего атомного реактора, что уже никак не передаёт дружеский авторский намёк на наследника нажитого на гуано состояния.

дучи по своей романовской линии наследницами родоначальницы британского королевского дома Софии Ганноверской, при определённом стечении обстоятельств имеют право занять английский престол. А сам Гарольд Вернер дослужился во время Второй мировой войны до высокого генеральского чина и лично участвовал на директивном уровне в подготовке и проведении высадки союзников в Нормандии.

Иными словами, отпрыск обычной благоверной немецкой семьи простого инженера-железнодорожника сумел войти ещё в первом поколении в английский истеблишмент и сразу закрепиться в нём на самом высоком уровне не только в среде самых состоятельных людей, но и среди аристократов. Подобное удалось, как уже подчёркивалось выше, Роберту Флемингу, но не удалось ни Сесилу Родсу (он умер бездетным старым холостяком), ни Альфреду Бейту (хотя состояние Бейт оставил не меньшее, чем Родс), ни даже Ротшильдам (будучи ортодоксальными евреями, подняться до уровня высшей имперской аристократии они не могли и не могут по определению).

В связи с этим можно, конечно, ошеломлённо пытаться представить себе, насколько уникальными способностями должны были обладать и Джулиус Вернер, и Роберт Флеминг. Но с точки зрения данного повествования всё-таки важнее отметить про себя произошедшее при непосредственном участии Джулиуса Вернера — а также Сесила Родса и Альфреда Бейта — единение крупного международного еврейского (в первую очередь немецкого) и аристократического британского капиталов вокруг данного имперского колониального проекта — осуществлённого представителями немецкой, почти целиком еврейской общины иммигрантов (и Вернер, и Бейт — как и прочие так называемые «рэндлорды»³⁹ — британское подданство и затем титулы баронетов получили, уже будучи процветающими, богатейшими и влиятельными членами высших деловых кругов Великобритании).

О ТОМ, что это был за проект, можно судить по отрывку знаменитого первого завещания⁴⁰ Сесила Родса, в котором он даёт его конкретное, развёрнутое определение:

³⁹ Randlords — в большинстве своём получившие со временем британское подданство иммигранты, выходцы в первом поколении из немецких еврейских семей, традиционно занимавшихся в Германии торговлей золотом и бриллиантами; именно они являлись хозяевами приисков и главными бенефициарами прибылей от золотодобычи в районе хребта Витватерсранд. Хребет расположен в северо-восточной части современной ЮАР. Его длина — около 200 км. Долгое время являлся самым крупным источником добываемого физического золота в мире. В общей сложности с момента обнаружения залежей золота в этом районе (с 1880-х гг.) было добыто около 50 тыс. т — 40% всего когда-либо добытого на планете золота (а поскольку на рубеже XX в. ещё действовал золотой стандарт и британский фунт являлся главной мировой валютой, то нетрудно представить себе политический вес, который получили основные поставщики физического золота в обеспечивающий британский фунт золотой запас). Именно в районе Витватерсранда и именно по причине золотой лихорадки, сопровождавшей первичную «дикую» эксплуатацию местных приисков, появился будущий главный город ЮАР Йоханнесбург. К колониальным владениям Британской империи, на основе которых сформировалась ЮАР, Витватерсранд был присоединён по результатам Второй англо-бурской войны на рубеже XX в.

⁴⁰ Из-за серьёзных проблем со здоровьем Родс внутренне постоянно готовился к смерти и уже в возрасте 24 лет написал черновик под названием *Confession of Faith* (эта и следующая цитаты взяты именно из него), а через несколько месяцев на его основе — завещание, которое потом не менее шести раз переписывал. Во всех этих завещаниях он не только указывал, как и кому он доверял распорядиться его имуществом, но и излагал политические цели, которых распорядителям требовалось достичь и которые поэтому хорошо известны.

Распространение британского правления на весь мир, совершенствование системы эмиграции подданных Соединённого Королевства и колонизации ими всех земель, на которых они за счёт своих труда и предприимчивости могут получить всё необходимое для жизни, и в первую очередь занятие британскими поселенцами всего африканского континента, Святой земли, долины Евфрата, островов Кипр и Кандия (Крит. — А. Б.), всего Юга Африки, ещё не находящихся во владении Великобритании тихоокеанских островов, всего Малайского архипелага, побережья Китая и Японии, а также возврат Соединённых Штатов Америки в состав Британской империи в качестве её неотъемлемой части, консолидация всей империи, становление системы «Колониального представительства», способной сплотить воедино разрозненных членов империи; наконец, заложение основ для такой державной мощи, при которой войны станут невозможны, и труд на благо человечества.

При этом внутреннюю мотивацию — и собственную, и для будущих единомышленников и соратников — Родс заявил с поразительной искренностью. Постулировав во вступительной фразе, что каждый человек в начале жизненного пути решает для себя, каково для него главное созидательное начало в жизни, и затем всю оставшуюся жизнь трудится на его благо, он про самого себя написал буквально следующее:

Когда я таким образом подумал о собственном предназначении, у меня возникло желание служить на благо отечества. Размышляя, каким образом мог бы я сего достичь, и перебирая возможные способы, я подумал, что мы нынче подсознательно ограничиваем число наших детей и рождаем на свет лишь половину от того количества людей, какое могли бы произвести, но не производим из-за нехватки необходимой им для жизни земли, и что будь Америка по-прежнему нашей, англичан на свете сейчас было бы на многие миллионы больше.

Первый серьёзный шаг в деле осуществления этого поистине глобального проекта был сделан при учреждении в 1889 г. *BSAC* (Британской Южно-Африканской компании), получившей от королевы права на фактическое управление отданными в ведение компании территориями и их населением (формально эти права оговаривались условием о заключении соответствующих договоров с местными племенными вождями). А ключевым в плане интересующего нас в данном повествовании вопроса стал пункт 10 Королевской хартии (устава *BSAC*):

Компания будет в меру своих сил поддерживать мир и порядок подобающими с её точки зрения путями и способами и может с этой целью создавать и содержать полицейские подразделения.

Такие подразделения были тут же в структуре *BSAC* созданы в форме конных эскадронов-патрулей и получили название *British South Africa*

*Police*⁴¹. Одной из первых, полученных этой частной полицией задач, было предотвращение и отражение нападений, которые отряды воинственных племён матабеле совершали на выдвигавшиеся на новые территории колонны поселенцев. В связи с чем следует обратить внимание вот на что.

К организованному выдвижению колонизаторских контингентов на новые территории хозяева *BSAC* приступили сразу после официального учреждения их компании. И на первый взгляд это перемещение первопроходческих масс мало чем отличалось от «покорения Дикого Запада» белыми иммигрантами в Северной Америке: прибывшие из Старой Европы искатели лучшей доли отправились в ещё не освоенные чужие края, где «за счёт своих труда и предприимчивости могли получить всё необходимое для жизни». Там они, естественно, столкнулись с местным населением, которое в конечном итоге отчасти истребили, отчасти неприкрытым и жестоким насилием полностью подчинили своей воле.

Но было и принципиальное отличие. Дикий Запад в Северной Америке покоряли, если можно так выразиться, единоличники, «индивидуальные частные предприниматели», или в русском контексте — вольные крестьяне-воины, казаки. На юге Африки их аналогом были первопроходцы-буры. Все они — что в Северной Америке, что в России, что в Южной Африке — не пользовались практически никакой защитой государства и дело вели каждый лично на свой страх и риск, получая взамен вполне заслуженную и практически полную свободу. Другими словами, они ещё не были ничьими агентами (кроме, может быть, некоторых категорий русских казаков).

А вот покорение территорий будущей Родезии уже не было авантюрой таких отчаянных сорвиголов. Это был, как сегодня выразились бы, правильно спланированный и эффективно профинансированный корпоративный проект, и упомянутая выше *British South Africa Police*, несмотря на своё красивое название, была по сути обычной корпоративной службой безопасности, а её сотрудники — агентами *BSAC*.

И вот именно там и в этом качестве — в качестве агента-спецназовца частной корпорации — получил своё боевое крещение молодой Клод Дэнси.

После нескольких лет активного участия в операциях частной полиции *BSAC* он перешёл на службу в вооружённые силы Британской империи и во Второй англо-бурской войне участвовал уже в качестве офицера британских вооружённых сил. В 1910 г. он вышел в отставку с государственной службы и совершил частную поездку в Конго — по меркам того времени предприятие, сопоставимое сегодня разве что с посещением в одиночку плантаций коки где-нибудь в Боливии или Колумбии, — а затем очутился вдруг в Нью-Йорке, причём не просто так, а сразу на

⁴¹ При создании эта организация получила название *British South Africa Company Police* (Полиция Британской Южно-Африканской компании) и целиком подчинялась руководству *BSAC*. В 1896 г. она перешла в ведение администрации созданной за это время Родезии, и слово *Company* из её названия было удалено. Предусмотренное с первого дня сочетание полицейских и армейских функций с упором на ведение разведывательных операций сохранялось на протяжении ещё нескольких десятилетий, и все сотрудники *BSAP* проходили соответствующую «двойную» подготовку. Поэтому подразделения родезийской полиции участвовали в качестве боевых единиц в обеих мировых войнах, а в период так называемой Родезийской партизанской войны (*Rhodesia Bush War*) в 1960–1970-х гг. в её составе действовали также и антитеррористические подразделения специального назначения — знаменитый родезийский военный спецназ.

хоть и практически совсем не заметной для постороннего глаза, но тем не менее крайне редкой и престижной должности: Клод Дэнси был назначен «секретарём-резидентом» только что учреждённого и сразу ставшего самым элитарным в США гольф-клуба *Sleepy Hollow Country Club*⁴², разместившегося на живописном берегу Гудзона в сорока километрах от Нью-Йорка.

Предшествовавшие этому неожиданному назначению события, которые могли бы его как-то объяснить, историкам до конца не известны, но то, что известно о ситуации в Конго на тот момент, позволяет сформулировать достаточно обоснованное предположение.

Речь идёт о территории, площадь которой примерно равнялась общей площади Англии, Франции, Германии, Испании и Италии вместе взятых. В силу того что Леопольд II добился признания европейскими монархами своих практически личных прав собственности на неё, Конго стало единственной в истории колонией, находившейся в частной собственности физического лица. В собственность Леопольда этот край превратился в процессе его «освоения» порученцем Леопольда — то есть его агентом — знаменитым первооткрывателем ирландцем Генри Мортон Стэнли⁴³. Король во второй половине 1870-х гг. учредил сначала Международную африканскую ассоциацию, официально заявленная цель которой заключалась в том, чтобы открыть неизведанные африканские земли и приобщить туземцев к цивилизации, а также Комитет по изучению верхнего Конго в качестве бельгийского члена Ассоциации (члены Комитета были личными ставленниками Леопольда). Однако вскоре параллельно с этими структурами появилась ещё и Международная ассоциация Конго (или Общество Конго) с уже гораздо более конкретной целью: осваивать бассейн реки Конго (площадь которого по размерам превосходит территорию Индии). В 1885 г. Берлинская конференция, посвящённая упорядочению колониальных владений европейских держав, признала права част-

⁴² Список первых директоров совета вновь учреждённого гольф-клуба: Джон Джэкоб Астор, Перси и Вильям Рокфеллеры, Корнелиус и Фрэнклин Вандерлипы, Оливер Харриман, Джеймс Стиллман, Хэррисон Вильямс и проч. На первом же своём заседании 6 декабря 1911 г. эти лидеры финансов и промышленности США выбрали и назначили Клода Дэнси секретарём-резидентом своего Клуба (резидентом в том смысле, что ему для проживания была предоставлена роскошная квартира прямо на территории *Sleepy Hollow Country Club*).

⁴³ Henry Morton Stanley (1841–1904) был рождён 18-летней горничной в городке Денбиг в Уэльсе, и, поскольку отец его неизвестен, запись о его появлении на свет в приходской книге гласила: John Rowlands, Bastard (Джон Роуландс, незаконнорождённый). После тяжёлого детства, проведённого в рабочих домах и приютах, в 1859 г. перебрался в США, в Новый Орлеан, где и присвоил себе вошедшее в историю звучное имя. Прожил весьма насыщенную жизнь, успел повоевать во время гражданской войны — причём с обеих сторон, сначала в армии конфедератов, а затем, попав в плен и будучи перевёрбован, в армии северян, послужил также и на флоте, сделал неплохую журналистскую карьеру (в друзьях у него числились такая знаменитость, как Марк Твен) и в конце концов стал знаменитым первооткрывателем колоний. Под конец жизни был в Великобритании избран в Парламент, его принимали в высшем свете и даже — несмотря на бастардство — произвели в дворяне (можно смело предполагать, что король Леопольд замолвил за своего ценнейшего агента словечко своей двоюродной сестре королеве Виктории).

ной собственности на конголезские территории не за Ассоциациями, а за Комитетом, то есть фактически за Леопольдом II. К какой именно из созданных им трёх структур на службу Генри Мортон Стэнли поступил, подписав в 1878 г. пятилетний контракт на освоение территорий в бассейне реки Конго, в контракте не уточнялось. Запрещал контракт и разглашение задач, которые ставились перед Стэнли. Однако известно, что в процессе освоения территорий он заключал с местными вождями стандартные договоры, написанные на непонятном вождям языке, которые вожди подписывали, ставя под ними крестик. В общей сложности Генри Мортон Стэнли заключил около 450 таких договоров. Их более или менее стандартный текст гласил:

...за одну штуку ткани в месяц для каждого из ниже подписавшихся вождей сверх уже полученных тканей эти вожди от своего имени и от имени всех своих будущих наследников по собственной воле и без принуждения обязались передать вышеуказанной Ассоциации (той, что учредил король Леопольд. — А. Б.) суверенитет и все суверенные и властные права на все их территории... а также оказывать содействие рабочей силой и иными средствами во всех предприятиях, работах и экспедициях, которые вышеуказанная Ассоциация когда-либо посчитает полезным или необходимым предпринять на любой из указанных территорий... Отныне все дороги и водные пути, пересекающие данный край, а также право сбора проездных пошлин на них и права на всю дичь, рыбу, полезные ископаемые и леса являются исключительной собственностью вышеуказанной Ассоциации.

Став к середине 1880-х гг. в качестве частного лица единоличным владельцем всех природных богатств тогдашнего Конго, Леопольд II вложил в их добычу 2,5 млн. долларов США из собственного кармана, столкнулся с трудностями и, чтобы как-то достичь окупаемости затеянного проекта, поделил территорию своей личной колонии на две вотчины — Королевскую (Domaine de la Couronne) и частную (Domaine Privé). Первую он, как понятно из её названия, оставил за собой, а вторую передал в руки государства, которое, в свою очередь, доверило её эксплуатацию двум частным фирмам. Однако и после этого средств для финансирования приисков и плантаций не хватало, и к тому же невиданная дотоле жестокость, с которой приказчики короля и его деловых партнёров принуждали местное население к выполнению «производственных норм», вызвала целую бурю неутихающего возмущения мировой общественности⁴⁴. В результате у короля возникли сложности с привлечением дополнительных капиталов, без которых добиться рентабельности

⁴⁴ Бельгию и лично короля Леопольда обвиняли ни много ни мало в геноциде конголезского народа (в тогдашней публицистике это называли «Congo horrors»). И действительно, в период единоличного правления Леопольда II (1885–1908 гг.) из-за жестокостей, расправ и бесчеловечного отношения вкупе с привнесёнными неизвестными доселе болезнями и эпидемиями население Конго сократилось на несколько миллионов человек (из-за отсутствия документальных подтверждений историки расходятся в своих оценках, которые в некоторых работах достигают 15 млн. человек). В 1908 г. возмущение во всей Европе достигло такого накала, что король Леопольд был вынужден продать Конго — свою частную собственность — бельгийскому правительству.

не представлялось возможным. К тому же сам король искал инвесторов, которые смогли бы принести в его дело новейшие технологии и одновременно не посягали бы на его «суверенитет», но при этом главный в ту эпоху источник свободных денег — лондонское Сити — имел вполне заслуженную репутацию: британский фунт всегда приходит под развевающимся Union Jack⁴⁵. И потому Леопольд вполне закономерно обратился к относительно недавно появившимся на международном рынке сырьевых товаров игрокам — американцам, которых тогда ещё ничего, кроме прибыли, не интересовало.

Одним из ведущих американских деятелей в том сегменте международного рынка, который конкретно интересовал Леопольда II — добыча каучука и производство резины, — был некий Томас Форчун Райан, уже наладивший именно такую отрасль в Мексике и именно с использованием новых технологий.

Вот краткая характеристика, которую дали Райану биографы Клода Дэнси:

Райан был финансовым гением, умевшим безошибочно выбрать наиболее подходящий момент для действия, и одновременно он проявлял в делах такую беспощадность, на какую мало кто ещё на Уолл-стрит был способен. Один из его ближайших деловых партнёров Вильям Уитни⁴⁶ отзывался о нём, как о человеке, умевшем «мастерски вести дела, обходиться с людьми и не создавать лишнего шума» (продолжение этой фразы, написанной в 1890 г., следующее: «Если он проживёт достаточно долго, то завладеет всеми деньгами в мире». — А. Б.). Отдавая должное его моментальной реакции на события и способности всякий раз, когда это необходимо, действовать стремительно, американские журналисты окрестили его «Великим оппортунистом». Называли его также и «человек-невидимка на Уолл-стрит»: подчёркивали его умение оставаться в тени и дёргать за ниточки из-за кулис; именно он одним из первых в США нанял штатного специалиста по связям с общественностью (человека по имени Лемюэль Квигг), которому, однако, поручил следить за тем, чтобы пресса о нём не упоминала вообще.

⁴⁵ Неофициальное название государственного флага Соединённого Королевства.

⁴⁶ William Collins Whitney (1841–1904) — вместе с братьями Генри (Henry Melville Whitney) и Эймосом (Amos Whitney) участвовал в создании и развитии комплекса предприятий, самое известное из которых сегодня — военно-промышленный гигант *Pratt & Whitney Company*. Вильям Уитни активно участвовал в руководстве Демократической партией и состоял в администрации президента Кливленда, близким соратником которого он являлся, секретарём по делам ВМС (United States Secretary of the Navy). Он был женат на дочери Генри Пэйна — основного партнёра Джона Рокфеллера. Его родная сестра была замужем за крупным банкиром и финансистом Чарльзом Барни, его сын был женат на Гертруде Вандербильт — наследнице одного из крупнейших состояний в США. В 1886 г. он вместе с Томасом Райаном, которому в его первые молодые годы на Уолл-стрит помогал постигать секреты «финансовых рынков», выиграл длившуюся несколько лет тяжбу, и вместе они получили франшизу на строительство и эксплуатацию трамвайных линий на Манхэттене (к 1925 г. основанное ими совместное предприятие имело более 300 миль путей и парк в 3000 вагонов).

Знаменитый финансист и биржевой спекулянт Бернард Барух сказал о Райане: «Он всегда был молниеносен в делах и крайне находчив». Из-за того, как решительно и не особо обращая внимания на законы Томас Райан занимался предпринимательством, с ним постоянно кто-то судился, против него периодически возбуждали уголовные дела и расследования. Но в целом с ним предпочитали не связываться (как писал его современник, он «может тайком через подставных лиц выкупить вашу компанию так быстро, что вы даже не успеете заметить»), а его начинания в целом были более чем успешными, и на момент его смерти накануне Великой депрессии его личное состояние числилось на десятом месте в списке самых больших состояний США. Его самым доходным предприятием было участие в национальной табачной монополии The American Tobacco Company (судить о её размахе можно по тому факту, что решение о её принудительном дроблении было принято в 1907 г. в одном пакете с аналогичным решением о рокфеллеровской Standard Oil), а также в создании международного табачного гиганта, известного сегодня под названием British American Tobacco plc (BAT)⁴⁷. О реальном политическом влиянии, которым пользовался Райан, его биографы написали так:

...его волю в любой момент готовы были выполнить такие люди, как серый кардинал Белого дома полковник Хауз (Colonel House) или руководитель избирательных кампаний президента Вудро Вильсона Вильям МакКомбс (William McCombs).

Воспользовавшись пребыванием Райана в Швейцарии, Леопольд II направил ему письмо с предложением встретиться. Ответа от Райана не последовало. Король не смутился и отправил повторное предложение о встрече. На сей раз Райан откликнулся, встреча состоялась, и в результате Райан (и ещё несколько привлечённых им партнёров-американцев⁴⁸) получили 25%-ную долю в незадолго до того созданной бельгийской компании «Forminière»⁴⁹. И вот тут следует обратить особое внимание на одного из партнёров, привлечённых Райаном к новому предприятию.

⁴⁷ По завершении в конце 2017 г. сделки, связанной с приобретением всех ещё не выкупленных долей в *Reynolds American*, BAT станет самым крупным производителем табачной продукции в мире.

⁴⁸ Daniel Guggenheim, Nelson W. Aldrich, Harry Payne Whitney, John Hays Hammond. Дэвид Гуггенхейм — совладелец крупнейшего в США горнодобывающего концерна и активный спонсор рокфеллеровской Лиги национальной безопасности (*National Security League*), сыгравшей в 1914–1917 гг. активную роль в подготовке США к участию в Первой мировой войне. Сенатор Нельсон Олдрич — его дочь Абигейл была замужем за сыном Джона Рокфеллера, Джоном Рокфеллером Младшим; Олдрич много лет был лидером республиканцев в Сенате, руководил его Комитетом по финансам и в 1913 г. сыграл решающую роль в принятии Конгрессом США закона о Федеральной резервной системе. Гарри Пэйн Уитни — сын и наследник наставника и партнёра Томаса Райана Вильяма Уитни, родной племянник по матери Оливера Пэйна — совладельца *The American Tobacco Company*, *U.S. Steel* и *Standard Oil* (от своего дяди Гарри Уитни получил в наследство состояние даже ещё большее, чем от отца).

⁴⁹ Полное название: *Société internationale forestière et minière du Congo*. После состоявшейся сделки Леопольда II с Томасом Райаном 50% этой фирмы принадлежало бельгийскому правительству, 25% — королю лично и банку *Société Générale* и остальные 25% — Томасу Райану с партнёрами. Тогда же одним из директоров банка *Société Générale* являлся его будущий управляющий — один из самых богатых людей Европы и близкий партнёр послевоенного президента США Герберта Гувера Эмиль Франки (Émile Francqui, 1863–1935).

Джон Хейз Хаммонд (1855–1936). Родился и вырос в США. Получил высшее образование в США (выпускник Йельского университета 1876 г.) и в Германии (выпускник Королевской школы горнорудного дела во Фрайберге 1879 г. — сегодня это Фрайбергская горная академия). В 1893 г., отработав на целом ряде горнорудных предприятий и приисков в США, он отправился в Южную Африку, в 1894 г. поступил на службу в *BSAC* и в качестве её представителя принял на себя руководство первыми геологическими работами в будущей Родезии. В 1895 г. ему поручено руководство всеми активами *BSAC* в Трансваале, и он обосновывается в Йоханнесбурге, где присоединяется к брату Сесиля Родса полковнику Фрэнку Родсу и вместе с ним входит в состав руководства Комитета реформ — того самого, который должен был, но не смог поднять восстание против законного правительства буров, из-за чего потерпел сокрушительное фиаско подготовленный и профинансированный Родсом «Рейд Джеймсона» (напомню, что как раз тогда, в 1895 г., в ряды частной полиции *BSAC* вступил родной племянник членов её руководства Клод Дэнси). Как и все руководители провалившегося заговора, Джон Хаммонд был правительством бурской республики приговорён к смерти, но затем помилован и после этого покинул Южную Африку и вернулся в США. Здесь уже в качестве легендарного геолога и специалиста он несколько лет преподавал горное дело в родном Йельсе, а затем подписал пятилетний контракт (на 1903–1907 гг.) с фирмой братьев Гуггенхайм *Guggenheim Exploration Company* (сокращённо *Guggenex*) — то есть с партнёрами Томаса Райана в его новом проекте в Конго — и занял в их фирме должность генерального директора и инженера-консультанта (примечательно, что в первый же год он заработал в виде зарплаты и премиальных за новые открытые им месторождения более 1 млн. долларов, или около 150–200 млн. в современном выражении). В 1907 г. учредил и возглавил в качестве председателя патриотический *Rocky Mountain Club* (среди его членов были президент США Теодор Рузвельт и несколько членов Сената; впоследствии Клуб резко критиковал политику президента Вудро Вильсона, оттягивавшего вступление США в Первую мировую войну). Джон Хаммонд был близко знаком и дружен с президентом США Вильямом Тафтом (1909–1913 гг.; они вместе учились в Йельском университете и состояли в его «тайном» студенческом обществе «Череп и кости»).

Из сказанного можно с полным основанием предположить, что после того, как геологи нового бельгийского-американского предприятия обнаружили в Конго месторождения алмазов, Джон Хаммонд и его коллеги возобновили контакт с бывшими работодателями Хаммонда и фактическими монополистами в этой области в Лондоне, и одним из результатов этих контактов и стало откомандирование Клода Дэнси в качестве конфиденциального доверенного лица с британской стороны.

Неоспоримым подтверждением этого факта служат воспоминания всех современников, знавших Дэнси: все они в один голос повторяли, что во всех затруднительных ситуациях Дэнси без сомнений сразу обращался через головы своих начальников «на самый верх» — причём по обе стороны океана — и вопросы тут же решались.

ТАК ЧТО, судя по всем формальным признакам, именно с этого момента и началось постепенное превращение Клода Дэнси из довольно рядового *скаута BSAC* в главного доверенного агента сразу двух ведущих финансово-предпринимательских групп по обе стороны Атлантического океана; иначе говоря — в ведущего и, возможно, первого полноценного англо-американского агента на высшем уровне, которому со временем и было поручено создание лояльной именно этому сообществу агентуры и соответствующих специальных структур. Как выразились его биографы:

Дэнси стал одним из своих в крупнейшем центре коммерческой, политической и общественной власти в США. Благодаря своей дружбе с Томасом Райаном и наработанным в Клубе связям Дэнси с того момента всегда легко получал доступ к самым влиятельным в США людям и корпорациям.

И одновременно:

Именно на этом этапе, делая свои первые шаги в сумеречном мире шпионажа, Дэнси окончательно перевоплотился. От бравого молодого армейского офицера уже ничего не осталось... За ним стало невозможно уследить. Он перестал оставлять за собой следы, по которым можно было бы восстановить его жизнь. Словно кто-то вдруг отныне и навсегда накинул ему на плечи плащ-невидимку...

Дети боярские⁵⁰

Биографическая справка

Все авторы, бравшиеся писать биографию Яна Флеминга, о полученном им образовании пишут довольно скупо и весьма единообразно.

Отец Яна — Валентайн Флеминг ушёл на войну сразу после её начала, и потому осенью 1916 г., оставшись одна с четырьмя сыновьями, мама Эви отдала двух старших — Питера и Яна — на обучение в частную начальную школу-интернат Дернфорд⁵¹, из которой оба затем с интервалом в один год, следуя начатой их отцом традиции (дед, Роберт Флеминг, в их возрасте ещё ни о каком элитном образовании и подумать не мог), поступили в Итон: Ян на год позже Питера — осенью 1921 г.

Один из их современников в Дернфорде отмечал, что всего через год после поступления в школу, к концу 1917 г., несмотря на гибель их отца в мае того же года, братья Флеминги, которые оба отличались выраженным лидерским характером, уже были признанными вожаками среди всех учеников школы, в том числе и тех, кто был старше их по возрасту (Питеру было тогда всего 10 лет, а Яну и вообще только 9).

В Итоне разница в характерах братьев, которая с самых первых лет отражалась и в отношении их матери-перфекционистки к каждому из них⁵², обозначилась уже более заметно.

⁵⁰ Детями боярскими в российском средневековье считали утративших знатность отпрысков, давших многие побочные ветви княжеских и боярских домов. Как и дворяне, они несли военную службу: сначала в составе «младших дружин», а затем в составе поместных отрядов под руководством знатных князей.

⁵¹ *Durnford* — основанное в 1894 г. частное учебное заведение для подготовки мальчиков к поступлению в частные средние школы. Располагалось на острове у побережья графства Дорсет. Автор многих документальных книг, посвящённых британским агентам и спецслужбам, Бен Макинтайр о Дернфорде отзывался как о типичной для того времени школе с сугубо спартанскими условиями (в спальнях не было отопления; нужду справляли на улице в обычном деревянном сортире; еда — отвратительная; телесные наказания учеников — в норме вещей; детская, но всё же «дедовщина») и одновременно с ярко выраженной элитарной репутацией и функцией: школа считалась и действительно была «инкубатором Итона», и её выпускники поступали в эту «самую-самую» частную школу без проблем.

⁵² Эви Флеминг без меры гордилась во всём образцово-показательным Питером и, наоборот, всячески досаждала упрёками и придириками Яну, в котором постоянно находила тысячу и один недостаток.

Питер без всяких видимых усилий выбивался в первые ученики по всем и любым предметам, писал в своём впоследствии знаменитом, а тогда уже начавшем оформляться лёгком и одновременно безупречно изысканном стиле заметки в различные ученические газеты и журналы (в Eton College Chronicle он даже выступал в роли редактора), успешно играл в любительском театре. Обучаясь на отделении иностранных языков, он в пятнадцать лет заслужил премию ректора Колледжа по французскому языку, в семнадцать — Королевскую премию тоже по французскому языку и, наконец, в восемнадцать — премию герцога Ньюкаслского по испанскому языку. Он также получил титул и должность Captain of Occidans (примерным аналогом в российском контексте может служить «председатель школьного совета», но при том понимании, что в Итоне носитель этого звания считался действительно главным лидером ученического корпуса во всём, включая и академические успехи). Неудивительно, что ему досталась и бесплатная стипендия для обучения в Оксфорде, хотя он в ней и не нуждался: семья была в состоянии оплатить любое его обучение.

Но при этом у него никогда не было среди одноклассников репутации «ботана» (sap на итонском жаргоне). Об этой его способности — быть отличником, «не подавая вида» — его биограф написал:

...он умел сосредоточить всё своё внимание без остатка на чём-то одном, и потому учёба давалась ему легко, не требуя от него бесконечного сидения за учебниками. Вдобавок к тому он по самой своей природе не любил выставлять напоказ проделанную им работу, в силу чего он самым естественным образом вписывался в чисто итонскую традицию не подавать виду, что стараешься преуспеть и учишься с прилежанием...

Другая показательная с точки зрения формирования будущего характера особенность заключалась в том, что в школьной журналистике Итона жанр обычного «социального репортажа» (сообщения о текущих событиях) практически полностью отсутствовал. Вместо этого культивировался — и ценился — ненавязчиво насмешливый стиль, а собственно выбранный для этого упражнения сюжет не имел никакого значения. Характерный образец сего творчества (в исполнении Питера Флеминга) следующим образом описывает отправляющуюся «в поисках истоков Иордана» (ручья, протекающего на территории Итона) школьную экспедицию в сопровождении «четырёх сибирских тритоноводов»:

Они тащили на себе переносное каноэ, справедливо рекламируемое производителями как «складывающееся», и чугунную печку-буржуйку, которой её производитель дал вычурное название «Адский пламень». Каждый член экспедиции нёс на себе запас провианта, которого ему хватило бы на 48 часов безостановочной еды. К стандартному снаряжению относились также перьевая ручка, зонтик, приспособление для удаления головастиков из носков, перечень наставлений на случай взятия быка за рога, комплект рабочей одежды Красного Креста на случай такого взятия и пневматический циркуль. (И далее по мере продвижения к цели. — А. Б.) ...все ещё не оставшие члены экс-

педиции попытались приструнить сибирских тритонадавов, которые успели всей гурьбой наброситься и повалить на землю самого низкорослого из путешественников, чья схожесть с тритоном и впрямь была удивительна.

Ну и ещё попутно такой выразительный штрих.

Когда поколение советских мальчишек 1960–1970-х гг. взросло и слушало тогдашних властителей умов и дум, в интеллигентской среде бытовал такой прямо-таки мем: что вот, мол, в тоталитарной России от века пороли (в буквальном смысле) всех, и потому-то не было никогда и не могло быть по определению в России достойного свободомыслящего правящего класса. Имплиcitный или дословный из этого вывод делался соответствующий: в России могли быть только поротые рабы, и потому-то она так и отстала от передовых — свободных — европейских стран, и потому в ней, используя более современный мем — режЫм, и избавиться от этой напасти Россия сможет только тогда, когда в ней, наконец, после тысячи лет рабского существования вырастет первое «непоротое поколение».

А сорок лет спустя после тех первых опытов постижения истории моего народа не по книгам, а со слов честных сынов и дочерей своего Отечества, читая о том, каковы были порядки в Итоне в 1920-х гг., когда там учились братья Питер и Ян Флеминги (Итон в их период всё ещё был в Англии функционально именно тем же, чем Лицей в Царском Селе во времена Пушкина), я вот что вычитал.

В уже и без того суперэлитном Итоне было у него внутри ещё более элитное (хотя казалось бы — куда уже ещё элитнее?) общество: *Рор* (от латинского *porina*, означающего нечто вроде нашего трактира: места, где наливают вина и могут подать к нему какую-нибудь незатейливую еду; члены этого общества собирались в «чайной комнате» — отсюда и пошло).

Своих новых членов действительные члены *Рор*'а — исключительно ученики — выбирали только сами. Эксклюзивных прав они имели в школе немало: например, им единственным дозволялось носить не стандартный форменный чёрный фрак, а фрак любого фасона, покроя и внешнего вида вплоть до самого экстравагантного. Причём права их были подчас вполне автократическими и в первую очередь дисциплинарными: они могли помыкать всеми остальными учениками всех классов вплоть до выпускного и наказывать их по своему усмотрению за нарушение всевозможных писанных и неписанных правил поведения. Эдакая довольно откровенная дедовщина на английский манер («поппер» из младшего класса получал право помыкать любым старшеклассником).

И вот теперь собственно суть.

В Итоне широко практиковались телесные наказания: учеников за серьёзные прегрешения или за накопленное определённое число прегрешений помельче — Яна Флеминга в том числе — пороли (их классные руководители — *masters*) специальными гибкими и достаточно толстыми прутьями (*cane*). Но при этом ещё имелась и совсем особая не менее официальная порка: это когда провинившегося пороли по очереди все члены

Pop'a — Poppers — и называлось это мероприятие «Навести попперский загар» — *Deliver the Pop's Tan* (у нас это называлось проще: прогнать через строй; Питер Флеминг, как свидетельствует его биограф, порол провинившихся, как и все остальные «попперы», невзирая на собственную просвещённость и великолепный утончённый слог).

В Царскосельском лицее при этом телесные наказания *не* применялись, поскольку официальный запрет на них был зафиксирован в Уставе Лицея⁵³.

Ян, даже и не пытаясь соревноваться в академических областях с любимчиком их матери-перфекционистки, начал вырабатывать свой стиль: показного безразличия к академическим успехам и нарочито вольного поведения (хотя какие-то литературные опыты он в компании с Айвором Брайсом всё-таки предпринимал и вообще проявлял к литературе особый интерес). Одновременно он добился не просто серьёзных, а феноменальных успехов в занятиях спортом или, точнее, лёгкой атлетикой: он единственный за всю историю Итона сумел одержать победу в семи из десяти видов соревнований, и он же впервые в истории Итона завоёвывал в общем зачёте титул Victor Ludorum (чемпиона по лёгкой атлетике) два года подряд — в 1925 и 1926 гг. Показательно, что мама Эви никаким поощрительным образом на эти весьма уникальные достижения своего «второго» сына не отреагировала⁵⁴.

Осенью 1926 г. Питер из Итона отправился прямиком в оксфордский колледж Christ Church, где продолжил блистательное постижение наук и регулярные журналистские упражнения (в университетской газете The Isis, редактором которой он тоже со временем стал), не забывая и своё увлечение студенческой драматургией (в 1928 г. он опять же был избран президентом OUDS⁵⁵). На следующий год он по велению матери провёл два летних месяца (июнь и июль) в частной школе-

⁵³ И ещё одно свидетельство об Итоне. Оно уже вполне современно (относится к 1970-м гг.), но традиция по своей природе никак не меняется: «Итон — это безжалостно отлаженный механизм для производства жёстких, предельно уверенных в себе, нередко вызывающе надменных молодых мужчин, приученных к соперничеству за успех и ни секунды не сомневающих, что достигнут его именно они.

Начинается здесь всё с принципов обучения и преподавания и с уровня тех показателей, которых от 1300 учеников школы ожидают их 135 преподавателей. В Итоне глупости вроде того, что надо сделать всё, чтобы ребяташки чувствовали себя комфортно, никого не интересуют.

Парни сдают тесты раз в неделю и экзамены раз в семестр. За малейшим ухудшением полученных оценок сразу следует вызов к классному руководителю...»

⁵⁴ После гибели их отца на фронте все четверо братьев остались на попечении матери и бабушки. Обе имели заслуженную репутацию завязтых снобов и эксцентричных особ, хотя эксцентричность их проявлялась очень по-разному: бабушка Кейт могла без всякого стеснения водить своих гостей-аристократов по бесконечным залам гигантской загородной усадьбы, построенной её супругом, и рассказывать им о том, что и сколько стоило, или, не переодевшись и даже не сняв колец с бриллиантами, сбегать от гостей и отлучиться на одну из своих обязательных двух ежедневных игр в гольф. Мама Эви, наоборот, всячески подчёркивала и культивировала свою уникальную манеру одеваться в одежды невероятных расцветок и носить шляпы трудно вообразимых размеров. Бабушку Кэти мальчишки обожали, хотя и издевались над её причудами нещадно. Мамы Эви они побаивались и выказывали ей должное сыновнее почтение.

⁵⁵ *Oxford University Dramatic Society* — Драматическое общество оксфордского университета.

пансионате в Кицбюле⁵⁶ и, наконец, в июне 1929 г., успешно сдав выпускные экзамены, отправился с приятелем на заслуженные каникулы — в крайне модную тогда поездку на автомобиле по Франции и Испании⁵⁷.

По возвращении в Лондон он узнал о решении семьи в отношении его будущего: ему предстояло отправиться на стажировку в брокерскую контору партнёров семейного банка в Нью-Йорке. Там он провёл всё оставшееся время до конца года и в результате этой стажировки пришёл к выводу, что карьера банкира для него совершенно не годится. В январе 1930 г. он предавался любимому занятию — охоте — в Алабаме, а затем два месяца путешествовал по Гватемале (правда, пока всё ещё под предлогом ознакомления с заинтересовавшей семейный банк Флемингов железной дорогой и её хозяевами). Далее он, уже фактически проезжая транзитом, распрощался с Нью-Йорком, вернулся в Лондон и год провёл в поисках достойного занятия.

Наконец, весной 1931 г. Питер устроился в газету *The Spectator* литературным редактором (хотя и принялся тут же писать под разными псевдонимами на все возможные темы). Однако уже в сентябре того же года он «невообразимым образом» (выражение его биографа) умудрился получить четырёхмесячный отпуск за свой счёт и в качестве почётного секретаря Chatham House отбыл в Китай для участия в конференции, которую там проводил Institute of Pacific Relations. Одновременно он намеревался провести время с Джоном и Тони Кизиками — молодым поколением давнишних партнёров его деда на Дальнем Востоке.

Яна Эви Флеминг направила по другому пути. Видя, что его академические успехи не идут ни в какое сравнение с успехами старшего брата, она решила, что будущее Яна — в армии. Испросив у своих монарших подруг место для Яна в одном из элитных королевских полков, мама Эви договорилась о его переводе в специальный выпускной класс (Eton's Army Class Division), где ещё семь учеников готовились к поступлению в одно из двух элитных военных училищ (Сэндхерст или Вулвич). В результате Ян вступительные экзамены в Сэндхерст сдал более чем достойно, показав одиннадцатый результат из 120. В ожидании начала занятий мама Эви отправила его на два месяца в ту же частную школу-пансионат в Кицбюле, куда на следующий год приезжал Питер. Первые два из трёх семестров в 1926/27 учебном году Ян ничем особым среди остальных курсантов не отличался и имел вполне среднюю успеваемость; разве что позволял себе частые самовольные отлучки и, пользуясь достаточно щедрым семейным денежным пособием, весёлые вечеринки в компании друзей.

А потом вдруг перед началом третьего семестра мама Эви написала за него прошение о предоставлении ему академического отпуска (отпуск был предоставлен), за которым вскоре последовало заявление уже самого Яна об отчислении его

⁵⁶ Kitzbühel (местные жители произносят название своего города — Кицбюль, немного растягивая последний гласный звук). В 1920-х гг. — небольшой городок в австрийском Тироле посреди Альпийского массива (его сегодняшнее население — 8300 человек). Расстояние до границы с Баварией и Германией — 35–40 км.

⁵⁷ См. романы Эрнста Хемингуэя и Скотта Фитцджеральда, которыми зачитывались потом несколько поколений восторженной молодёжи в Европе и США и даже в СССР.

по собственному желанию (1 сентября 1927 г. заявление было удовлетворено). После чего Ян опять был отправлен — теперь уже на более длительный срок — во всё тот же пансионат в Кицбюль, который на сей раз его биографы квалифицируют как частный интернат для трудных подростков.

В мае следующего года Ян вернулся в Лондон и успешно прошёл предварительное собеседование в Форин-офисе (Министерстве иностранных дел Британской империи), получив таким образом право на участие через 2–3 года в письменных экзаменах⁵⁸. Осенью он записался студентом-стажёром в Мюнхенский университет, где успешно проучился год. В 1929 г., после летних каникул, традиционно проведённых в обществе мамы Эви и братьев, Ян поступил в Женевский университет, где его основными дисциплинами были социальная антропология, психология и русский язык (во время летних каникул в 1930 г. он также в течение двух месяцев стажировался в Международном бюро интеллектуального сотрудничества Лиги Наций) и, наконец, в сентябре 1931 г. успешно сдал письменный экзамен: его результат был 25-м из 62, а проходным был признан балл 27-го результата. Тем не менее вакансии в Форин-офисе нашлись только для первых трёх претендентов, и Ян, хотя и сдал успешно экзамены, в дипломатический корпус зачислен не был.

Завершившим образование Яна этапом стало его зачисление на службу в агентство Рейтер. Руководитель агентства, сэр Родерик Джонс, входил в круг знакомств семьи Флемингов, и потому с предложением принять его — Яна — на работу молодой Флеминг обратился сам и к нему лично. Уже 19 октября — всего через три недели после получения отказного письма из Форин-офиса и на полгода позже старшего брата Питера — Ян Флеминг начал свой первый рабочий день в новом для себя качестве журналиста-международника.

ПОВЕРХНОСТНОЕ ознакомление с ранним этапом биографий Яна и Питера Флемингов оставляет в памяти образ двух очень разных по темпераменту и естественным наклонностям юношей, ищущих своё призвание в жизни и делающих первые самостоятельные шаги в мире свободных профессий. Можно предполагать, что именно такое впечатление и хотели создать в представлении своих читателей официальные и полуофициальные биографы братьев, исполнявшие пожелания дома Флемингов или просто следовавшие своей внутренней самоцензуре, обычно свойственной как близким друзьям, взявшим на себя роль биографов, так и ветеранам спецслужб.

Однако при более заинтересованном и дотошном чтении иных биографических, мемуарных и исторических источников — и именно в отношении не только Яна, но и его брата Питера, поскольку благодаря этому во вроде бы случайных и потому остающихся под вопросом результатах появляется некая *системность*, — эта довольно примитивная картина быстро превращается в насыщенное полотно, тщательно выписанное смутными полутонами и акварельными расплывчатостями.

А более пристально всматриваться в него надо, начав с определения тех, кого в Англии называют «вторыми сыновьями» (*the second sons*): это, в узком значении и в

⁵⁸ По действовавшим тогда правилам молодые люди, достигшие 19 лет и заручившиеся приемлемыми рекомендациями, могли пройти собеседование и — в случае успеха — в возрасте от 22 до 25 лет принять участие в письменных экзаменах. Ян Флеминг прошёл собеседование в 20 лет и имел не менее двух лет на подготовку к экзамену.

соответствии с действующим наследственным правом по обычному праву, все сыновья в благородной семье, кроме старшего, который единственный наследует дворянский титул, имения и земли; все «вторые сыновья» благородного происхождения просто получают от рождения право на уважительное обращение к ним «сэр» и, возможно, если такова была милость покойного отца, какой-нибудь кусочек чего-то более материального из его богатств (но не фамильные земли и имения). Самый, возможно, знаменитый «второй сын» — сэр Уинстон Черчилль, отпрыск герцогского дома Мальборо, который сам не имел никакого шанса стать богатейшим и благороднейшим герцогом просто потому, что уже его отец был «вторым сыном» (младшим братом 8-го герцога Мальборо), а в поколении сэра Уинстона титул унаследовал его двоюродный брат — Чарльз Спенсер-Черчилль, 9-й герцог Мальборо.

В этой связи к термину «вторые сыновья» добавляется другой очень близкий по цивилизационному смыслу английский термин — «кузенство» (cousinship) — как сообщество принадлежащих к одному и тому же колену лиц, породнённых либо кровно, либо через брак (в Англии «кузен» одного супруга может считаться и «кузенком» второго, причём независимо от дальности родства). Означает термин сложную «организационную» связь, поддерживаемую внутри клана, как в целях продвижения деловых и семейных интересов, так и в целях объединения усилий для их защиты⁵⁹. Правда, применяют его в основном, когда говорят о еврейских банках, и особенно о Ротшильдах, но касается он тем не менее и нееврейских аристократических и банковских домов.

В отношении интересующего нас вопроса «кузенство» приобретает особое значение потому, что, согласно сохраняющейся британской традиции, «первым сыновьям», тем, кто наследуют высокий аристократический титул, традиционно не пристало — практически запрещено — заниматься платным трудом⁶⁰. По аналогии можно отметить и категорический отказ от публичности среди тех, кто посвящает свою жизнь «большим финансам» — они тоже как бы не могут сами исполнять публичные функции.

И потому во всех случаях, когда все эти люди на Олимпе государственной и финансовой власти нуждаются в принципиально важных или особо конфиденциальных, но платных услугах, которые не могут по традиции исполнять сами, они в первую очередь стремятся заполнить такие вакансии своими реальными «вторыми братьями» либо «вторыми братьями» из числа «своих» кузенов.

А в остальном «вторые братья», как правило, вынуждены зарабатывать себе на жизнь сами, и их традиционный удел в Англии: литература, журналистика, политика, армия, государственная служба, финансы, банковское дело и в том числе... Хм. Вот всё не подберу никак слова для того, чтобы обозначить это конкретное «в том числе». Поэтому попытаюсь передать иносказательно.

О «вторых сыновьях» английский историк, профессор Принстонского университета Лоуренс Стоун написал, что их удел:

⁵⁹ Выше приводился пример того, как задействование «кузенства» определённого банковского клана позволило обеспечить начальное финансирование «Де Бирс».

⁶⁰ Такая же традиция существовала и в России, но в XX веке она в России уже забылась, а в Англии — нет.

...либо пытаться на правах родни стать незаменимым помощником у более везучих родственников или близких знакомых семьи, либо добиваться всего своими силами: жениться на богатой наследнице или же преуспеть на деловом либо профессиональном поприще.

СЕСИЛ Родс, излагая своё видение того Тайного сообщества, которому он намеревался поручить осуществление своих имперских планов, сформулировал, среди прочего, и весьма конкретное указание, в какой социальной среде предпочтительнее всего набирать в него новых членов. Вот его указание дословно:

Обратите внимание на младших сыновей, которые полны благородных порывов, мечтают о покорении вершин, наделены от природы всем необходимым, чтобы стать выдающимися деятелями, и только и мечтают о том, чтобы посвятить жизнь служению Отчизне, но не имеют для этого двух необходимых предпосылок: средств и благоприятных обстоятельств. Некий подобный божественному внутренний голос не даёт им покоя и берedit душу постоянным напоминанием о высоких и благородных целях и делах, а они при этом ничего не могут поделать и вынуждены предаваться будничным занятиям, позволяющим только влачить унылое существование; осознание этого своего жалкого положения делает их несчастными на всю жизнь, до самого последнего вздоха. Вот таких людей (Тайное) Общество и должно искать, находить и привлекать для достижения своих целей.

И ещё по поводу всё того же указания (цит. по: Quigley, Carroll. *The Anglo-American Establishment*. Chapter 3):

Дельные и полные сил мужчины, не видящие при существующей политической системе достойного способа послужить отечеству; подающие надежду юноши в школах и университетах; люди с достатком, но не видящие цели в жизни; младшие сыновья, полные высоких порывов и светлых надежд, но лишённые возможности их осуществить; богатые мужчины, чьи карьеры постигла какая-нибудь серьёзная неудача... товарищество самых одарённых и способных мужей, объединённых благородными идеалами... Оно должно стать своего рода религиозным братством, подобно иезуитам, «орденом служения делу расширения Британской империи».

Здесь уместно будет рассказать «говорящий» в свете только что приведённой второй цитаты эпизод из биографии Клода Дэнси. Его отец — подполковник в полку королевских кавалергардов — отдал сына по достижении им 14 лет в Веллингтонский колледж — английский аналог российского привилегированного кадетского корпуса. Впереди у юного Клода блестящая военная карьера в самых элитных воинских частях Королевства. Однако уже через год Колледж постигла беда: сразу несколько учеников заболели дифтерией, а двое в результате даже умерли, и причиной этой эпидемии было признано неудовлетворительное состояние канализа-

ционных сооружений в здании Колледжа в Кроуторне. Поскольку аналогичный случай уже однажды имел место за несколько лет до того, было принято решение перевезти весь колледж в арендованные с этой целью корпуса в другом городе до тех пор, пока не будет закончен удовлетворительный капитальный ремонт в Кроуторне. Однако родители некоторых учеников своих детей из Колледжа забрали окончательно, и Клод Дэнси оказался в их числе. Вместо Веллингтонского колледжа его отправили завершать своё среднее образование в бельгийский город Брюгге, в учебное заведение для мальчиков под названием The English College. И вот там-то с ним и случилась сыгравшая роковую роль в его судьбе история. Произошла она из-за того, что директор Колледжа Биско Вортам имел привычку просматривать почту своих подопечных. И вот в одном из писем он вычитал, что его автор — юный Клод Дэнси — завёл «аморальную дружбу» с довольно известным тогда в лондонском свете Робби Россом⁶¹. Когда Вортам вызвал юного Дэнси к себе и стал его расспрашивать о случившемся, выяснилось, что дело обстояло даже ещё хуже: Дэнси встречался с Россом в Виндзоре не один, а в компании с четырнадцатилетним сыном самого Вортама Филипом, и такие встречи у них случались отнюдь не один раз. Вортам поделился этой крайне неприятной новостью со своим шурином Оскаром Браунингом, имевшим приятельские отношения с Россом, и вместе они сумели в конце концов уговорить разгневанного Дэнси-старшего не возбуждать дело в суде, справедливо указав ему, что и его сын может оказаться виновным в нарушении закона. История тем не менее получила огласку в обществе (и в конечном итоге немало навредила Робби Россу), из-за чего Клод Дэнси моментально превратился из подающего большие надежды «первого» сына в не могущего в обозримом будущем рассчитывать ни на какое благородное наследство «второго» и был отправлен из Лондона с глаз долой, подальше под опеку материнской родни — выбиваться в люди самостоятельно в далёкой, но полной возможностей для таких, как он, Южной Африке. Сегодня мы знаем, что это в судьбе Дэнси состоялся классический случай, когда «не было бы счастья, да несчастье помогло».

О том, как создавалось то «Тайное общество», которое планировал Сесил Родс и на которое он выделил значительную часть своего состояния, писали многие авторы, но при этом из всех этих авторов не заработал репутацию записного конспиролога и числится до сих пор вполне уважаемым членом научного сообщества (то, что по-английски называется *peer*) только один: Кэрролл Квигли.

⁶¹ Robert «Robbie» Ross (1869–1918). Журналист и художественный критик канадского происхождения. Считается, что он стал первым любовником Оскара Уайльда ещё до своего поступления в Кембридж в 1887 г. (Уайльд действительно посвятил ему свою комедию *The Importance of Being Earnest* и в своём завещании назначил его своим литературным душеприказчиком). В момент событий Россу было 24 года, и он, будучи выпускником *King's College*, дружил с шурином Биско Вортама — Оскаром Браунингом, который был в 1875 г. со скандалом уволен с должности классного руководителя в Итоне за соращение своих подопечных (непосредственно поводом для увольнения послужило соращение будущего лорда Керзона). Браунинг тем не менее сумел перевестись на преподавательскую должность в *King's College*, чем и объясняется его дружба с Россом.

*Carroll Quigley (1910–1977) — профессор престижной School of Foreign Service Джорджтаунского университета (США). Был при жизни и остаётся до сих пор, и в США, и вообще на Западе, одним из самых уважаемых и самых влиятельных специалистов по новейшей политической и военной истории. Спичрайтер Билла Клинтона рассказывал, что Клинтон — бывший у Кэрролла Квигли студентом — числил его среди своих самых любимых профессоров и потому часто вставлял в свои выступления цитаты из его трудов. Квигли приобрёл неожиданно широкую для серьёзного учёного международную известность и популярность за счёт предпринятой им в 1947–1948 гг. попытки исследовать историю «Круглого стола», задуманного Сесилом Родсом. О результатах он написал в двух книгах: своём капитальном труде *Tragedy and Hope* (1966) и в вышедшей только через 4 года после его смерти небольшой монографии *The Anglo-American Establishment: From Rhodes to Cliveden* (1981). Западное научное сообщество, не опровергая приведённые Квигли факты об этом «Тайном обществе», тем не менее «скептически относится» к излагаемой им версии. Долгое время после появления первого тиража *Tragedy and Hope* вроде бы более чем респектабельный издатель Квигли (Macmillan) вводил библиотеки, книготорговцев и самого автора в заблуждение, чтобы, несмотря на повышенный спрос на книгу, не допечатывать новые тиражи, причём самому Квигли он даже в какой-то момент откровенно лгал, будто бы набор его книги уже рассыпан. В результате приобрести книгу вплоть до середины 1970-х гг. было практически невозможно, пока, наконец, в 1975 г. не вышла полупиратская копия (новый издатель заплатил Квигли гонорар, но книгу издал без разрешения Macmillan). После этого общие тиражи книги довольно скоро перевалили за миллион.*

И вот по версии Квигли, самым первым этапом в процессе создания Общества стало сотрудничество Сесила Родса, лорда Милнера и Вильяма Стеда⁶², которое вылилось в образование упоминавшегося выше «Милнеровского детсада»⁶³, и уже эта команда якобы и составила костяк Общества.

Квигли в «Англо-американском истеблишменте» написал:

⁶² William Thomas Stead (1849–1912) — легендарный английский журналист второй половины XIX века, близкий друг лорда Милнера и Сесила Родса. Погиб на «Титанике». Считается основоположником так называемой жёлтой прессы (*tabloids*), расследовательского журнализма и массовых изданий классической литературы в мягкой обложке. В 1890 г. получил от Сесила Родса финансирование для создания политического журнала, выражающего основные имперские идеалы Родса. Названный *Review of Reviews*, журнал сразу стал настолько успешным, что уже на следующий год Стед запустил его издания в США и в Австралии. Стед также являлся автором и пропагандистом доктрины *Government by Journalism* («Правление страной через журналистику»), которая предполагала роль прессы не столько в информировании общества, сколько в оказании определяющего влияния на те решения, которые должно принимать правительство; созданный Милнером «Круглый стол» знаменит тем, что на протяжении нескольких десятилетий именно таким образом использовал подконтрольные ему органы печати — самую респектабельную английскую газету *The Times* в первую очередь.

⁶³ *Milner's Kindergarten* — название, которое закрепилось за группой молодых сотрудников в подчинении лорда Милнера во время его губернаторства в колонии Трансвааль и Оранжевой реки в Южной Африке (1902–1905).ицию.

Это Общество в разные периоды было известно под разными названиями. В самом начале, на протяжении примерно десяти лет его называли «Тайное общество Сесила Родса» или «мечта Сесила Родса». Затем на протяжении двух десятилетий его называли «Милнеровский детсад» (1901–1910) и «Группа Круглого стола» (1910–1920). А потом, начиная с 1920 г., его называли в разных случаях по-разному, в зависимости от того, какой этап его деятельности рассматривали: «Круг *The Times*», «Круг Родса», «Группа *All Souls*» и «Кливденский круг»⁶⁴. Нередко те, кто использовали эти названия каждое в отдельности, не подозревали, что говорят об одних и тех же людях⁶⁵.

Как свидетельствует южноафриканский исследователь родового «Тайного общества»⁶⁶, люди, которых отбирал Милнер, имели несколько общих черт. Во-первых, они все были молоды и не имели никакого или почти никакого профессионального опыта. Во-вторых, большинство из них были именно «вторыми» — или младшими — сыновьями либо сыновьями вторых сыновей — выходцев из благородных семей; они не имели собственного состояния, и им предстояло самим прокладывать свой путь в жизни. Именно поэтому они откликнулись на приглашение Милнера и отправились к нему в Южную Африку, чтобы под его началом принять участие в выполнении многообещающей работы по перестройке бывших бурских республик и их включению в состав Британской империи. При этом они хорошо понимали, что им предстоит показать себя в лучшем свете, поскольку только в этом случае у них появлялись реальные перспективы начать блистательную карьеру в имперском государственном аппарате. И, наконец, третью отличительную черту самого Милнера и его «детсадовцев» южноафриканский историк охарактеризовал следующим образом:

И, в-третьих, почти все они были, как и Милнер, выпускники оксфордских колледжей: девять из одиннадцати самых известных «детсадовцев»⁶⁷ имели ди-

⁶⁴ В русскоязычной исторической литературе чаще всего встречается принятое ещё в советское время современниками название «Кливденская клика». Это явно тенденциозный перевод, обусловленный тем, что в тот период члены Общества занимали в отношении СССР крайней недружественную позицию.

⁶⁵ Далее по тексту для обозначения этого неформального сообщества будет для простоты и одновременно для скрупулёзной точности использоваться словосочетание, выбранное самим Родсом, — «Тайное общество», но в кавычках, для напоминания о том, что тайным сообщество в строгом смысле не являлось.

⁶⁶ Здесь и далее использованы, среди прочего, материалы из: Waag, Ian Joseph van der. *Hugh Archibald Wyndham. His Life and Times in South Africa. 1901–1923*.

⁶⁷ Самые знаменитые: Philip Kerr (1882–1940) — сын третьего сына Джона Керра, 7-го маркиза Лотинского, выпускник New College; с 1905 по 1910 г. служил в южноафриканской имперской администрации; по возвращении в Лондон учредил и редактировал журнал Общества *The Round Table*; в 1916 г. был назначен личным секретарём премьер-министра Ллойд-Джорджа и в этом качестве принимал участие в Парижской мирной конференции, на которой познакомился с Томасом Ламонтом — партнёром Дж.П. Моргана — и стал его другом на всю оставшуюся жизнь. Lionel Curtis (1872–1955) — самый младший из четырёх детей служителя Англиканской церкви, выпускник New College и стипендиат *All Souls*; воювал на Второй англо-бурской войне и затем стал личным секретарём лорда Милнера; главный идеолог Общества, отстаивал и пропагандировал идею единой мировой империи с Великобританией в каче-

плом *New College*⁶⁸, а четверо числились стипендиатами *All Souls*. Все они учились вместе в одном университете и потом всю жизнь, всякий раз, когда представлялась такая возможность, собирались вместе на ужин в столовой своего колледжа, дабы побеседовать с его ректором или встретиться с научными работниками и настроенными с ними на одну волну созидателями Империи... Как сказал их современник — поэт, они были теми самыми мужами, которые «посланы с берегов Темзы править миром».

Колледж All Souls (сокращение от «Души всех усопших в Оксфорде») отличается от остальных оксфордских колледжей тем, что в нём нет студентов и преподавателей, а есть стипендиаты (Fellows), которые сами выбирают в области гуманитарных наук предметы своего научного интереса и занятий и никаких экзаменов потом по ним не сдают. В год в колледж принимают одного или двух стипендиатов, которых отбирают из подавших заявки и выдержавших вступительные экзамены выпускников других оксфордских колледжей или иных высших учебных заведений (желающих поступить и готовых попробовать свои силы на славящихся своей крайней сложностью вступительных экзаменах каждый год набирается несколько десятков человек). Стипендия All Souls предоставляется, как правило, на семь лет (на сегодняшний день она составляет в течение первых двух лет около 16 000 фунтов в год, а затем повышается на оставшиеся пять лет до 21 000–23 000 фунтов в год), её размер у каждого из стипендиатов зависит от того, насколько интенсивно и результативно он занимается своими научными изысканиями (стипендиатам предоставлено право параллельно заниматься другими видами деятельности). Жильё и питание стипендиатам предоставляется в колледже бесплатно. Одним из обязательных условий для стипендиатов в течение первых двух лет является участие в общих ужинах, преимущественно в выходные дни: на эти ужины, как правило, съезжаются бывшие стипендиаты и профессора колледжа; приглашение любому другому общественному или политическому деятелю принять участие в этих сугубо закрытых мероприятиях считалось тогда и считается до сих пор знаком особой че-

стве объединяющего и руководящего элемента; Британское Содружество наций — его детище. Robert Brand (1878–1963) — четвёртый сын Генри Бранда, 2-го виконта Хэмпденского, выпускник *New College* и стипендиат *All Souls*; в Южной Африке с 1901 по 1909 г.; в 1909 г. поступает на службу в деловой банк *Lazard Brothers and Company* (ближайшие партнёры Ротшильдов на протяжении уже более ста лет) и вскоре становится его директором-управляющим; женился на сестре Нэнси Астор (согласно Кэрролу Квигли, именно Нэнси Астор и её супруг виконт Астор возглавили Общество после смерти Милнера в 1925 г.; Кливден — от которого происходит «Кливденский круг» — это название их загородного дворца).

⁶⁸ Сам Милнер *New College* не кончал; он начинал учиться сначала в немецком городе Тюбингене, где жили его родители (бабушка Милнера по отцу была немка), и затем в Лондоне в *King's College School* — частной средней школе, мало чем уступающей Итону. В Оксфорде Милнер блестяще отучился в *Balliol College* (1872–1877), а в *New College* он сразу после выпуска был избран уже «стипендиатом» — *Fellow* — т.е. научным сотрудником. В 1881 г. он поступил на работу в газету *Pall Mall Journal*, где и познакомился с Вильямом Стедом, заместителем которого был назначен. В 1885 г., оставив журналистику, он начал политическую карьеру, которая четыре года спустя и привела его на имперскую государственную службу.

сти и принадлежности к миру большой политики. Другими словами, человек, удостоившийся этой чести, становится одним из «посвящённых», а молодые стипендиаты постепенно приобщаются к их кругу.

Чтобы лучше понять, о чём речь, можно привести такой пример. После того как в 1951 г. Гай Бёрджесс и Дональд Маклин таинственно исчезли из Лондона, о них какое-то время говорили и писали как о «пропавших дипломатах». О том, что они бежали в СССР, никому не было известно. А потом вдруг в 1956 г. появилась серия разоблачительных статей с крайне нелестными отзывами о Гае Бёрджессе, автор которой ссылался на какого-то пожелавшего сохранить анонимность человека из круга людей, хорошо знавших пропавших. Как довольно скоро выяснилось, человеком этим и правда оказался их близкий соратник со студенческих времён — выпускник всё по-прежнему New College в Оксфорде Горонви Риз (Goronwy Rees). Он блестяще окончил университет и в 1931 г. был сразу принят стипендиатом в All Souls, а после войны, в 1951 г. был зачислен в All Souls вновь и даже занял должность казначея Колледжа — то есть был действительно облечён доверием на британском политическом Олимпе. Одновременно он получил предложение от Aberystwyth University⁶⁹ и стал его ректором. Но когда выяснилось, что он выдал своих бывших друзей журналистам и вдобавок прямо обвинил их в шпионаже, — его без огласки, но неумолимо и отовсюду вынудили уйти. И дальше он, вполне логично, зарабатывал на жизнь статьями, которые писал для сверхпопулярного тогда среди европейской и американской левой интеллигенции журнала Encounter, созданного и финансируемого, как стало известно после разразившегося в 1967 г. грандиозного скандала, спецподразделением ЦРУ и секретным отделом по ведению идеологической войны британского Форин-офиса. А приговор ему задалго до позорной публикации вынес — всего за 24 часа до своего тайного отъезда из Англии — сам Дональд Маклин. Столкнувшись с Ризом во всеми ими любимом лондонском клубе Gargoyle, уже сильно выпивший Маклин громко и не стесняясь присутствующих бросил ему в лицо: «Я ведь всё про тебя знаю! Ты был один из нас, а потом перебежал к ним!»⁷⁰ Так вот All Souls в этом «заочном разбирательстве» между ними занял сторону «советского шпиона» Дональда Маклина.

О том, как конкретно проходил, возможно, не самый стандартный для «Милнеровского детсада», но весьма показательный для данного рассказа набор в «команду», можно судить по рассказу биографа Хью Виндхама⁷¹.

Хью — третий по старшинству из взрослых сыновей Генри Виндхама, 2-го барона Леконфильдского. Семейство Виндхамов было весьма большим и бо-

⁶⁹ Согласно Кэрроллу Квигли, этот университет тесно сотрудничал с кругом соратников лорда Милнера.

⁷⁰ I know all about you. You used to be one of us, but you ratted.

⁷¹ Hugh Wyndham (1877–1963).

гатым (дед Хью по отцу Джордж Виндхам, 1-й барон Леконфильдский, старший внебрачный сын Джорджа Обрайена Виндхама, 3-го графа Эгремонтского, в виду отсутствия у графа законных сыновей унаследовал все его немалые имения, но не графский титул).

Сразу несколько Виндхамов — мужчин и женщин — играли ведущие роли в неформальном светском обществе под названием *The Souls* («Души»). Среди его членов — Вильям Гренфелл (видный политический деятель, двоюродный брат — «кузен» — потомственного банкира и партнёра Дж.П. Моргана и Роберта Флеминга — Эдварда Гренфелла) и его жена Этель, державшая знаменитый политический салон, который усердно посещали как минимум шесть премьер-министров. Из них двое активно участвовали в жизни Общества: Артур Балфур и Герберт Асквит с супругой — Марго Асквит, в девичестве Теннант. Членами Общества были также племянница Марго — Франсес Теннант и её муж Гай Чартерис — родители будущей жены Яна Флеминга Энн Чартерис (в замужестве Ротермер). Душой же Общества были избранные на знаменитом групповом портрете кисти Сарджента три родные сестры Джорджа Виндхама и кузины Хью: старшая Мэри, средняя Маделин и младшая Памела (Король Эдвард VIII, увидев этот групповой портрет, назвал его «Три грации»). Маделин прожила спокойную и счастливую жизнь со своим мужем Чарльзом Эдином. А вот старшая и младшая были явно с характером — и с каким!

Мэри (1862–1937) — жена Хьюго Чартериса, 11-го графа Вемисского и 7-го графа Марчского (деда Энн Флеминг) и одновременно на протяжении многих лет любовница Артура Балфура: она влюбилась в него, когда ей было всего 17 лет, а вот ему потребовались годы, прежде чем он ответил ей взаимностью; но зато потом уже она на своего любовника имела безграничное влияние (молва гласила, что именно из-за неё половина Кабинета министров при Балфуре состояла из членов *The Souls*). Памела (1871–1928), которую все знавшие её современники вспоминают как совершенно невозможную и экстравагантную молодую особу, сначала была замужем за Эдвардом Теннантом, 1-м бароном Гленконнерским (родным братом Марго Асквит), а затем, после его смерти за Эдвардом Греем, 1-м виконтом Греем Фаллодонским — министром иностранных дел империи в правительстве Герберта Асквита; и, как и старшая сестра, она долгие годы была любовницей своего будущего мужа и его повелительницей.

В рассматриваемом эпизоде, связанном с трудоустройством Хью Виндхама, особый интерес представляет его двоюродный брат Джордж Виндхам⁷², старший сын Перси Виндхама — «второго» сына 2-го барона Леконфильдского, то есть Джордж такой же «второй сын», как и Хью, но уже состоявшийся: в 1898–1900 гг., когда решался вопрос о вмешательстве имперских вооружённых сил в конфликт колониальной компании Родса с бурами, Джордж Виндхам, тесно связанный с Сесилом Родсом, уже служил заместителем военного министра и немало способствовал решению вопроса в интересах Родса.

⁷² George Wyndham (1863–1913).

И вот это сообщество богатых и очень влиятельных аристократов перемещалось всей гурьбой из одного роскошного загородного имения в другое, перемежая управление империей утончёнными развлечениями, супружескими неверностями и устроиванием собственных дел. Как написал один из хроникёров той эпохи, самой влиятельной прослойкой британского общества постепенно стали обладавшие в обществе непререкаемым властным авторитетом семейства, которые не просто составляли самый уважаемый и изысканный класс английской нации и определяли политику империи на всех уровнях вплоть до общенационального (то есть чуть ли не мирового), но и имели обширную разветвлённую сеть ближней и дальней родни, друзей и соратников, тоже пользовавшихся авторитетом и влиянием в обществе.

Всё это проявилось в полной мере, когда в конце мая 1901 г. лорд Милнер отлучился из воюющей Южной Африки и приехал в Лондон примирить критиков своей слишком откровенно колониальной политики. После скандального провала авантюры Линдера Джеймсона Сесил Родс и Альфред Милнер от своей затеи захватить контроль над несметными богатствами Трансвааля и Республики Оранжевой реки не отказались и начали выдвигать бурскому президенту Кругеру всё более и более ультимативные требования. В мае – июне 1899 г. Милнер категорически потребовал немедленно предоставить равные с бурами права нахлынувшему на золотые прииски в огромных количествах «уитландерам» (иностранцам; это были в подавляющем своём большинстве англичане) — и после этого до войны оставалось уже совсем немного. Параллельно, не привлекая к себе внимания, рэндлорды (их на английском языке нередко именуют «золотые жуки») с Вернером и Бейтом во главе наращивали финансирование частной армии их колониальной компании и довели численность её личного состава до 10 000 человек (незадолго до того она насчитывала всего 1500 бойцов). Томас Пэйкенхам в своей посвящённой англо-бурской войне книге⁷³ по этому поводу написал:

Вопреки мнению, которого со временем стали придерживаться историки, золотые жуки активно сотрудничали с Милнером уже на этапе подготовки к войне.

Тем временем Джордж Виндхам — двоюродный брат Хью Виндхама, бывший в ту пору не только членом Парламента, но и председателем Южноафриканской ассоциации (главной лоббистской группы наиболее радикальных «империалистов»), активно агитировал правительство в пользу отстаиваемых Милнером интересов, а затем, заняв пост заместителя военного министра, самым действенным образом способствовал максимальному вовлечению имперских вооружённых сил в англо-бурский конфликт, стремительно превращавшийся в полномасштабную войну.

Другими словами, Джордж Виндхам оказал и Милнеру, и своему другу Сесилу Родсу очень серьёзную услугу.

И вот Милнер прибывает пароходом в Саутгемптон, где его уже ждёт и встречает Джордж Виндхам. Вскоре он забирает Милнера на выходные в Таплоу — загородное имение Вильяма Гренфелла, где в очередной раз собираются члены *The Souls*: все ключевые игроки — Чартерисы, Теннанты, Гренфеллы и Уиндха-

⁷³ Pakenham, Thomas. The Boer War.

мы — на месте. Среди прочего заходит разговор и о будущем тогда ещё совсем молодого 23-летнего выпускника Итона и *New College* — Хью.

Напоминает об этой просьбе и лорд Розбери⁷⁴ — тот, кто через три года вместе с Милнером, Бейтом и Джеймсоном станет попечителем оставленного Родсом гигантского состояния; он знакомит Милнера с владельцами газет и другими влиятельными людьми и тем весьма Милнеру полезен; но ведь он же и родной дядя Хью по матери...

Наконец, Милнер проводит в обществе *The Souls* ещё один загородный уикенд, на сей раз в имении у сэра Джона и леди Хорнер, где с ним встречается и старший брат Хью — «первый сын» второго барона Леконфильдского, только что унаследовавший баронский титул и состояние их умершего за полгода до того отца. Он полон решимости укрепить политическое влияние своего дворянского дома — и потому карьера младшего брата ему не безразлична (Хью, кстати, после его смерти в 1952 г. унаследует от него семейный титул и станет четвёртым бароном Леконфильдским).

По результатам этого пребывания Милнера в Лондоне Хью Виндхам, естественно, отправляется в Южную Африку (в сентябре того же 1901 года) и получает (неоплачиваемую) должность помощника личного секретаря Милнера.

К концу 1923 г., когда в Южной Африке уже окончательно возродился африканерский патриотический дух и страна со всей очевидностью вступила на путь, который должен был привести её к независимости, Хью Виндхам навсегда покинул Южную Африку и вернулся в Лондон. За прошедшие 22 года он из наивного университетского выпускника успел превратиться в опытного политика, парламентария, став помимо этого ещё и депутатом муниципального совета Йоханнесбурга и членом Совета обороны колонии. А по возвращении в Лондон он вновь очутился в кругу своих соратников по «Милнеровскому детсаду» и подключился к работе в созданном ими Королевском институте международных отношений. После начала войны, в 1939–1940 гг. Хью Виндхам уже председательствовал на большинстве проведённых тогда общих собраний членов Института. Когда в 1944 г. Институт возобновил издание своего главного периодического издания — журнала *International Affairs*, он возглавил его редакционный комитет.

КЭРРОЛЛ Квигли в своём «Англо-американском истеблишменте» подсказал, как «детсадовцы» и все позднее к ним присоединившиеся их соратники — то есть члены Общества — писали в своих многочисленных статьях и монографиях между строк о «своих». В качестве примера он рассказал об одном из участников антигитлеровского Сопротивления в Германии, графе Хельмуте фон Мольтке⁷⁵. По материнской линии

⁷⁴ Archibald Primrose, 5th Earl of Rosebury (1847–1929). Лидер Либеральной партии, выражавшей интересы крупного финансового капитала, Премьер-министр в 1894–1895 гг. Был женат на Ханне де Ротшильд — дочери барона Мейера де Ротшильда, младшего сына основоположника династии Ротшильдов в Англии (Ханна де Ротшильд в то время считалась самой богатой женщиной империи).

⁷⁵ Helmuth James Graf von Moltke (1907–1945). Получив юридическое образование в Германии и в Оксфорде, фон Мольтке сознательно отказался от судейской карьеры, чтобы не вступать в НСДПГ. До войны имел адвокатскую практику и, в частности, помогал еврейским семьям эмигрировать из Германии. Сразу после начала Второй мировой войны был призван на воинскую службу и в качестве офицера военной разведки служил в Управлении по международному праву Абвера. В этом качестве через своих оксфордских друзей поддерживал связь с Форин-офисом и британскими спецслужбами. Как человек глубоко верующий и будучи в оппозиции к нацистской политике по всем вопросам,

граф был английского происхождения, и его дед, сэр Джеймс Роуз-Иннес⁷⁶, служил в начале века в Южной Африке в администрации лорда Милнера, и даже ещё до того в Родезии у самого Сесила Родса. В 1934 г. граф фон Мольтке временно переехал в Лондон, где по рекомендации матери сразу попал под покровительство Лайонела Кертиса и в дальнейшем всегда пользовался его полной поддержкой.

Квигли приводит касающуюся фон Мольтке цитату из июньского номера «Круглого стола» за 1946 г.:

[Фон Мольтке после первого же посещения Лайонела Кертиса] сразу стал членом семьи, в его распоряжение предоставили квартиру на Дьюк оф Йорк стрит, по выходным он мог свободно работать в колледже *All Souls* в Оксфорде. У него появилась возможность знакомиться и встречаться со многими людьми, и это ему немало помогло в будущем...

Закончил Квигли этот коротенький рассказ о фон Мольтке словами:

Все, кто умел читать между строк, по этим словам могли безошибочно определить, что фон Мольтке был принят в члены Группы Милнера.

Можно сравнить с этой подсказкой цитату из «Мемуаров британского агента» Брюса Локкарта — человека, имевшего более чем благородное происхождение, но не имевшего достаточных средств для праздного существования за счёт так называемого «независимого дохода» (то есть классического «второго сына»):

О лорде Милнере я могу писать только в превосходной степени. Да, он никогда не блистал на политической арене. Не обладал свойственной политикам изворотливостью. Не был даже близко таким выдающимся оратором, как г-н Ллойд Джордж. Но зато в силу своих обширных познаний, своей способности выполнять конкретную работу и понимания особенностей государственной службы вплоть до мельчайших подробностей он был незаменимым человеком в Кабинете министров, в котором большинство членов пребывали в полном неведении обо всём, что творилось за пределами Англии. Он был для г-на Ллойда Джорджа тем незаменимым соратником, который по каждой поставленной задаче непременно прочтёт все касающиеся её документы, обдумает и взвесит все возможные варианты и составит по ней непредвзятое, объективное мнение. Благодаря благородству своего ума, неподдельному очарованию в общении, приверженности

связанным с нарушением нацистами международного гуманитарного права, фон Мольтке выступал против покушения на Гитлера с целью отстранения его от власти. Был арестован в январе 1944 г. (за полгода до покушения на Гитлера) и через год, в январе 1945 г. был приговорён к смертной казни и расстрелян — именно за его антинацистские идеи, а не действия, как он с гордостью подчёркивал в своих последних письмах, отправленных из тюрьмы семье.

⁷⁶ James Rose Innes (1855–1942). С 1914 по 1927 г. — председатель Конституционного суда Южной Африки (Chief Justice of South Africa).

высоким идеалам, полному неумению идти на поводу у своих амбиций, отсутствию в нём даже намёка на чувство собственного превосходства и его всеохватному и деятельному патриотизму он подавал идеальный пример молодёжи. И в общении с ней он тоже неизменно являл свои лучшие стороны. Он любил окружать себя молодыми людьми. Он считал, что им по праву должна быть предоставлена возможность проявить себя. Такое отношение с его стороны объясняется тем, что он, будучи столь мягким и чутким в обращении и столь целеустремлённым в делах, всегда ставил во главу угла интересы и будущее Англии. При этом он вовсе не был, как в какой-то момент пыталась выставить его народная молва, каким-то там твердолобым патриотом или реакционером-консерватором. Наоборот, многие его взгляды и представления о желательных путях развития современного общества были на удивление своевременными и передовыми. Он верил в необходимость хорошо отлаженного государственного механизма и в такой порядок вещей, при котором добросовестная служба, реальный вклад в общее дело и упорный труд ценятся больше, чем титулы и состояния. Он не испытывал никакого особого уважения к присущей аристократам никчёмной утончённости и вовсе не уважал тех финансистов, что сколотили свои капиталы не за счёт реального производства, а путём манипулирования рынком.

ЕСЛИ вспомнить, как с момента появления лорда Милнера в жизни Брюса Локкарта стала выстраиваться его карьера (банковский сектор — секретные отделы банковских учреждений — спецслужбы), появляется следующая подсказка, которая позволяет правильнее понять, какое всё-таки образование получали братья Питер и Ян Флеминги.

Начнём с Питера. Вот он сдал выпускные экзамены в Оксфорде и — что дальше? Он устраивается литературным редактором в газету *The Spectator*. И всего через несколько месяцев каким-то необъяснимым, с точки зрения его биографа, чудом получает четырёхмесячный отпуск для отлучки, никак напрямую с интересами газеты не связанной. Однако достаточно отвлечься от благонаправленной биографии, чтобы сразу увидеть — в свете только что рассказанного о «Милнеровском детсаде» и «Тайном обществе» — вполне рациональное объяснение этому «чуду» (задавать вопрос, почему его не захотел увидеть биограф Питера Флеминга, уже поздно).

Отпустил только-только поступившего на работу вчерашнего студента в отпуск на целых четыре месяца полномостный хозяин и главный редактор *The Spectator* сэр Эвелин Ренч⁷⁷, который помимо этого был ещё и основателем Союза англо-

⁷⁷ John Evelyn Wrench (1882–1966). Во время Первой мировой войны поступил в военно-воздушный корпус Великобритании, дослужился до звания майора и последние два года служил личным секретарём Гарольда Хармсверта, 1-го виконта Ротермера, исполнявшего обязанности государственного секретаря по делам Королевских ВВС (Harold Harmswerth, 1st Viscount Rothermere. 1868–1940; «газетный магнат» (press baron), совладелец вместе с братом Адольфом самых популярных английских газет *Daily Mail* и *Daily Mirror*; его сын и наследник, 2-й виконт Ротермер, был с 1945 по 1952 г. вторым мужем Энн Чартерис — будущей жены Яна Флеминга; его брат и деловой партнёр Адольф Хармсверт, 1-й виконт Нортклифф, даже ещё более знаменитый и влиятельный «газетный магнат», чем он сам, заведовал во время войны в Министерстве информации всей пропагандой на территорию противника; Гарольд Хармсверт отвечал в том же министерстве за пропагандистскую работу на доминионы империи и США). Учредитель Overseas League и English-Speaking Union (ESU).

ворящих (*English-Speaking Union*, ESU). А Союз англоговорящих — это вспомогательный орган, задуманный главными активистами «Круглого стола» и предназначенный для «налаживания всё более полного взаимопонимания между англоговорящими народами», то есть для реализации одной из главных составляющих имперского плана Родса — для возвращения США на орбиту обновляемой Британской империи.

В первом же номере журнала Landmark, учреждённого в 1918 г. одновременно с Союзом англоговорящих, Ренч следующим образом обозначил цель создаваемого им Союза:

Понимая, сколь важным подспорьем для дела мира во всём мире и прогресса человечества станет достижение единства целей среди англоговорящих демократий, мы обязуемся всеми доступными нам средствами развивать искреннее взаимопонимание между народами Британского содружества наций и США.

Вскоре после этого, в 1920 г., Эвелин Ренч учредил отделение своего Союза в США — English-Speaking Union of the United States. Об уровне поддержки, который к тому времени уже обеспечили себе милнеровские «детсадовцы», можно судить по тому факту, что первым председателем этого отделения стал бывший президент, а в тот момент председатель Верховного суда США Говард Тафт.

В этой хронологии нетрудно увидеть полное совпадение с порядком создания главной организационной и политической структуры «Тайного общества» — Британского (позднее Королевского) института международных отношений⁷⁸.

Весной 1919 г. на Парижской мирной конференции встретились группы экспертов британской и американской делегаций. Британскую сторону представляли в основном члены расширенного состава «Круглого стола» с Лайонелом Кертисом — главным идеологом Общества во главе, а с американской стороны присутствовали в основном представители группы интересов *J.P. Morgan*, возглавляемые Томасом Ламонтом (если учесть, что группа Милнера тоже контролировала через Траст Родса весьма крупные активы, то неудивительно, что современники и тогдашние комментаторы неофициально называли парижскую конференцию «конференцией банкиров»). С предложением о создании совместной англо-американской

⁷⁸ *Royal (British) Institute of International Affairs* (RIIA). Договорённость о его создании была достигнута в мае 1919 г., а официально институт был учреждён через год, в июле 1920 г. В 1926 г. Институт получил Королевскую хартию (*Royal Charter*) и с тех пор именуется Королевским институтом. Институт известен, среди прочего, заведённым в нём правилом: всем участникам его закрытых мероприятий позволено цитировать прозвучавшие выступления, но запрещено разглашать, кто что говорил. Это же правило, позволяющее участникам излагать свои мнения гораздо более искренне и полно, всегда применялось и применяется и на столь любимых конспирологами закрытых заседаниях таких элитных обществ, как Бильдербергский клуб, и почему-то оно при этом считается признаком того, что и Бильдербергский клуб, и прочие сообщества, соблюдающие данное правило, это некие тайные организации со зловещими намерениями.

структуры для обсуждения текущих и перспективных вопросов и проблем в международных отношениях выступил сам автор этой идеи — Лайонел Кертис. Предложение было принято, и на следующий год в Лондоне был учреждён Британский институт международных отношений. Создание такой же параллельной структуры в США столкнулось с трудностями из-за царивших в стране сильных изоляционистских настроений, и потому было принято решение использовать уже существовавший неформальный дискуссионный клуб ведущих предпринимателей и юристов страны, который в июле 1921 г. был официально зарегистрирован как Совет по международным отношениям⁷⁹.

Стоит отметить, что председательствовал на учредительном собрании РПА лорд Роберт Сесил (1864–1958) — третий («второй») сын Роберта Гаскойна-Сесила, 3-го маркиза Солсбери (трижды занимавшего пост премьер-министра Великобритании), член Общества The Souls, соратник Артура Балфура (которому доводился к тому же двоюродным братом), Эдварда Грея и лорда Милнера (они вместе состояли в элитном клубе английского социалистического Фабианского общества Coefficients), учредитель Лиги Наций и лауреат Нобелевской премии мира 1937 г. Одновременно он же был и одним из учредителей и сопредседателем созданного в начале 1936 г. Всемирного объединения за мир — The International Peace Campaign (или на французском языке Rassemblement universel pour la paix); об этом эпизоде в его жизни в англоязычной Википедии написано более чем скупо и туманно:

Он выступил в роли соучредителя и — вместе с французским юристом — сопредседателя *International Peace Campaign*, организации, известной во Франции под названием *Rassemblement universel pour la paix*.

Объяснение этой неожиданной «застенчивости» википедийных летописцев наверняка следующее. Под «французским юристом» они скрыли на самом-то деле видного социалиста, политического деятеля и члена предвоенного правительства «Народного фронта» Пьера Кота⁸⁰, который по-

⁷⁹ *Council on Foreign Relations (CFR).*

⁸⁰ Pierre Cot (1895–1977). В 1920-х гг. депутат Национальной ассамблеи от левых радикальных партий. В 1933–1934 гг., а затем в 1936–1937 гг. в правительстве «Народного фронта» — министр авиации. В 1938 г. — министр торговли. После начала гражданской войны в Испании, несмотря на официальную политику невмешательства своего правительства, Кот активно участвовал в оказании помощи республиканцам и в частности санкционировал и через своего заместителя Андре Лабарта организовал тайную поставку республиканцам французских самолётов, которые были переправлены в Испанию так называемой «Группой Серебрянского» (официально — «Специальная группа особого назначения» (СГОН), Особая группа при наркоме внутренних дел, непосредственно находящаяся в его подчинении и глубоко законспирированная. В её задачу входило создание резервной сети нелегалов для проведения диверсионных операций в тылах противника в Западной Европе, на Ближнем Востоке, Китае и США в случае войны). Эта деятельность Кота была зафиксирована французскими и британскими спецслужбами, из-за чего Кота подозревали в сотрудничестве с НКВД. После войны Кот возобновил политическую и парламентскую деятельность, являлся депутатом от близких к коммунистам левых партий. Входил в состав Бюро Всемирного совета мира. В 1953 г. — лауреат Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

сле войны всю вторую половину своей политической карьеры выступал как вполне просоветский политический деятель.

Кроме того, и сама эта международная, формально внепартийная ассоциация, организационно оформившаяся в 1936 г., дабы способствовать достижению целей Лиги Наций, и просуществовавшая вплоть до начала Второй мировой войны (полностью ликвидирована в 1941 г.), на деле являлась проектом Коминтерна. На это указывает тот факт, что должность международного секретаря Всемирного объединения — то есть его главного должностного лица — занимал Луи Доливе⁸¹, ближайший соратник легендарного и бессменного руководителя всего международного пропагандистского аппарата Коминтерна Вилли Мюнценберга.

Объяснять, что столп британского имперского истеблишмента мог иметь общего с Коминтерном, конечно же, для Википедии — да и не только для неё — слишком хлопотно, и вообще любому исследователю, наверное, непонятно, с какого конца к этому странному вопросу подступиться и с чего начать.

В 1922 г. тогда ещё не Королевский, а просто Британский институт международных отношений и его аппарат разрослись настолько, что встал вопрос о переезде в какое-нибудь более просторное помещение. Его Институту подарил один из его спонсоров (канадский филантроп Рубен Леонард): это особняк в Лондоне, носящий название *Chatham House*⁸², и это-то название и стало с тех пор неофициальным названием, под которым Институт известен по сей день. Из чего следует, что Питера Флеминга отпустил вопреки всем правилам в длительную отлучку ближайший соратник учредителей и руководителей того самого учреждения — *Chatham House*, — по поручению которого Питер и отправился в путь.

Более того. Почётными секретарями *Chatham House* — именно в этом качестве отправился в путь молодой выпускник университета — в разное время были даже ведущие члены «Круглого стола», включая самого Лайонела Кертиса, а *Institute of Pacific Relations*, на конференции которого Питеру предстояло поработать, — это точно такое же ответвление от RIIA, как и *English-Speaking Union*, созданное тоже

⁸¹ Louis Dolivet (Ludovic Brecher. 1908–1989). Родом из румынской части Австро-Венгрии. Вплоть до начала Второй мировой войны самым активным образом участвовал во всевозможных международных пропагандистских проектах, организовывавшихся сначала непосредственно Коминтерном, а потом при его менее очевидном, скрытом участии. Ближайший соратник и помощник Вилли Мюнценберга. В 1941 г. переехал в США. Продюсировал фильмы, выступал спонсором Орсона Уэллса, которого одно время даже пытался готовить к политической карьере. Основное занятие в США — тесное сотрудничество, начиная с 1941 г. и вплоть до отъезда из США, с создателями Организации Объединённых Наций (издавал журнал *Free World*, который в 1946 г. после учреждения ООН был переименован в *United Nations World*). В 1949–1950 гг. в рамках расследования, проводившегося Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, был обвинён в связях с коммунистами и вынужден был навсегда покинуть США. В 1942–1949 гг. был женат на внучке по матери уже упоминавшегося Вильяма Уитни и племяннице Оливера Пэйна Дороти Пэйн Уитни (её мать в возрасте 17 лет уже получила в наследство от Вильяма Уитни около полумиллиарда долларов в нынешнем выражении).

⁸² Расположен по адресу: 10 Saint James's Square, London.

по его инициативе и при его непосредственном участии⁸³ и предназначенное для более конкретной и узконаправленной политической работы в Южно-Азиатском и Тихоокеанском регионе, который, как «окажется» через 10 лет, уже во время войны, вскоре станет регионом профессиональной специализации Питера. То, что в Китае Питер планировал остановиться у наследников торговой империи, давно и тесно сотрудничающей с банковским домом его деда, во всём этом контексте кажется делом более чем естественным.

Не менее очевидна ситуация и в случае с Яном. О принявшем его без лишних разговоров на работу руководителе агентства Рейтер сэре Родерике Джонсе у биографа Яна Флеминга сказано уже совсем в лоб:

Джонс учился журналистскому мастерству в Южной Африке, где стал свидетелем того, как верховный комиссар Милнер сколачивал из многообещающих молодых людей свой «детсад». Теперь он применял полученный опыт у себя в Рейтер.

То есть по всем этим признакам сам собой напрашивается следующий вывод. И Питер, и Ян — сыновья погибшего старшего («первого») сына — отказались от карьеры в семейном банковском доме (её выбрали их дядя и младшие братья), сами таким образом предпочли в некотором роде удел «вторых сыновей» и отправились с помощью «кузенов» учиться и осваивать иное, более им подходящее по складу их характеров, но тоже нужное в международном банковском деле ремесло, точное название для которого я всё ещё не нашёл и по-прежнему пытаюсь нащупать, но суть которого: помогать процветанию семейного бизнеса иными, нежели традиционные для данной отрасли и профессии, средствами.

⁸³ Не менее деятельное участие в создании Института приняли также *Rockefeller Foundation* и *Carnegie Foundation*. Непосредственно занимавшийся созданием и функционированием Института Эдвард Картер прославился своими левыми, откровенно просоветскими взглядами и убеждениями и близостью к коммунистическим кругам и к СССР, где даже был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Одновременно он удостоился не менее высоких государственных наград Великобритании и Франции. Институт тем не менее имел репутацию прокоммунистической организации, особенно в период работы Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

Мастера и подмастерья. Один из наших мальчиков

Биографическая справка

Организация Z (Z Organization) это неофициальная, фактически «любительская» и одновременно глубоко законспирированная⁸⁴ британская агентурная сеть, которую в середине 1930-х гг. по согласованию с руководителем официальной разведслужбы Стюартом Мингисом, но полностью независимо от МИБ и вообще от любой имперской правительственной структуры создал в целом ряде европейских стран Клод Дэнси. Судя по тому, что в 1917 г. именно он, находясь в составе официальной делегации британских вооружённых сил в США, лично курировал создание тогдашней разведслужбы США, консультировал американское руководство по вопросам её организационной структуры, подбора кадров и методов сбора информации и оперативной работы, Клод Дэнси уже во время Первой мировой войны зарекомендовал себя как один из наиболее опытных и компетентных специалистов во всех вопросах, касающихся создания и практической деятельности спецслужб. Финансировался его новый проект целиком за счёт средств из внебюджетных источников, что

⁸⁴ О существовании этой организации долгое время в Великобритании не знал практически никто, кроме самих её членов и спонсоров, а также очень узкого круга политических деятелей — буквально несколько человек, — традиционно выражавших и отстаивавших интересы этих спонсоров. В отличие от «Тайного общества» — «Круглого стола», организации в значительной мере политической и потому публичной, Организация Z была действительно секретной и строго законспирированной. Один выразительный пример: её члены, практически всегда выступавшие под своими настоящими именами в своём реальном личном качестве и не выходившие при сборе информации за рамки своей обычной профессиональной деятельности, не фиксировали собираемую информацию ни на каких секретных носителях и не использовали никакие средства связи для её отправки: передавали всё только из рук в руки при личной встрече; наверняка это одна из главных причин, по которым в истории организации по сей день не известно практически ни одного провала. Справедливо и то, конечно, что об Организации Z вообще мало что известно наверняка, но всё же такая почти 100%-ная надёжность агентуры впечатляет. (Буква «Z» в названии — стандартное для тогдашней британской кодировки использование первой буквы названия главного топонима в зоне интересов каждой резидентуры; в данном случае это был Zurich — Цюрих, где непосредственно перед войной базировался со своим «центральный аппаратом» Клод Дэнси: все они жили вместе в одной большой квартире, которую не покидали практически никогда.)

позволяло не включать его ни в какие, даже самые засекреченные правительственные отчёты и иные документы. Как склонны сегодня заявлять на публику британские историки, это странное предприятие затеяли в частном секторе эдакие добровольцы-энтузиасты, которые понимали, что бюджет официальных разведслужб в самой Великобритании до самого начала войны был катастрофически мал⁸⁵, и потому решили оказать разведчикам свою бескорыстную патриотическую помощь.

О финансировании Организации Z можно сделать два предположения; оба они более чем обоснованы, но утверждать совсем уж наверняка всё-таки нельзя (сейчас станет понятно, почему).

Первое предположение вытекает из признания, прозвучавшего в художественном повествовании о якобы реальных похождениях одного из агентов Яна Флеминга во время Второй мировой войны⁸⁶. Этот военно-приключенческий роман вышел из-под пера человека, который одновременно написал ещё и точно повторяющую его якобы художественный вымысел, но уже документальную и якобы биографическую повесть, которая по всем внешним признакам является не то литературной мистификацией, не то романом с ключом (из-за чего и назойливая оговорка «якобы»)⁸⁷. Судить о том, что же всё-таки в этих произведениях историческая правда, а что нет — до тех пор, пока не рассекречены какие-то ещё, возможно, существующие, но по-прежнему засекреченные документы, — с достаточной долей вероятности смогли бы только сами непосредственные участники событий. Но их уже давно никого нет в живых (а разгадывание загадки без их участия осложняется тем, что в распоряжении автора и его литературной душеприказчицы были и есть оригиналы некоторых документов,

⁸⁵ Как написал один британский историк, годового бюджета МИ6 хватило бы в тот период на содержание в течение года ровно одного эсминца.

⁸⁶ Garfield, Brian. *The Paladin. A novel based on fact*. Simon and Schuster. New York, 1979.

⁸⁷ Creighton, Christopher. *Op. JB. The Last Great Secret of the Second World War*. Настоящее имя автора: John Ainsworth Davis (1924–2013) — офицер секретной «секции М» (спецназ разведки британских ВМС) как минимум во время Второй мировой войны, а позднее, как он сам утверждал, — британской разведслужбы МИ6. Автор целого ряда провокационных документальных книг, представляющих в новом, разоблачительном свете ряд действительно таинственных исторических эпизодов, связанных с гибелью известных деятелей. *Op. JB* в названии его книги — это принятое в британском военном делопроизводстве сокращение для обозначения военной операции с её кодовым названием: *Operation James Bond*. При том, сколько кодовых названий операций, в планировании и проведении которых Ян Флеминг участвовал лично, он потом использовал и в своей послевоенной жизни (название его виллы на Ямайке — *Goldeneye* — это кодовое название несостоявшейся операции по ведению разведдеятельности на территории Испании после её оккупации), и в своих романах, вполне возможно, что все последующие версии о том, откуда взялись имя и фамилия агента 007 — это просто выдумки, дымовая завеса, чтобы отвлечь внимание от настоящего источника, понятного только друзьям-ветеранам; в одном из интервью Ян Флеминг сам говорил: реальных историй и фактов из его собственного опыта в романах о Джеймсе Бонде очень много, но ему постоянно требовалось их в значительной степени искажать, чтобы не вступить ненароком в конфликт с Законом об охране государственной тайны (*Official Secrets Act* — его нарушения в Великобритании караются весьма сурово).

косвенно подтверждающих выдвинутые автором версии). Так вот в романе (но не в документальной повести) упоминается о некой секретной разведывательной сети, существовавшей в Великобритании до войны вне официальной системы спецслужб, и один из её бывших руководителей объясняет главному герою:

Там, где о нас знают — сказал Сова (конспиративная кличка бывшего высокопоставленного агента. — А. Б.), — мы известны под названием «Отдел». Но вообще-то мы любители. Одарённые, конечно, — но всё-таки любители. А содержал нас до недавнего времени Его Величество Король: наш бюджет образовывался за счёт его денег, а не за счёт правительственных субсидий. Сейчас наше финансирование включено в государственный бюджет, но со временем мы, может статься, ещё пожалеем об этом. Ведь мы с бюрократией до сих пор дела не имели и не сталкивались с ней. Работали как небольшая команда частных лиц и подчинялись напрямую Королю и 2-ну Черчиллю, а больше никому.

В Соединённом Королевстве монарх, действительно, имеет в своём распоряжении (или во всяком случае раньше имел) некий секретный фонд, за счёт которого он может содержать независимо от государственного бюджета людей, привлечённых для исполнения каких-либо секретных заданий. Многие британские историки склонны считать, что именно таким образом содержалась знаменитая и до сих пор таинственная неофициальная агентура лорда Ванситтарта — второго человека в Форин офисе в середине 1930-х гг. и единомышленника Уинстона Черчилля — благодаря которой эти два деятеля были в курсе подготовки нацистской Германии к войне. Согласно рассекреченным и доступным сегодня документам, касающимся деятельности Организации Z и «Фокуса» (подробнее об этой организации см. ниже), тайные агенты лорда Ванситтарта и сэра Уинстона, действительно, вплоть до начала войны на государственной службе не состояли и потому являлись именно «одарёнными любителями» (хотя разобраться, агенты какой из этих двух организаций являлись «частной полицией Ванситтарта», практически невозможно, тем более что они очевидно пересекались, а то и вовсе были двумя «флангами» одного «фронта»). Так что безоговорочно оспорить высказанную версию о деньгах из королевского кармана практически невозможно, даже если британский монарх категорически отвергнет её как несостоятельную. Но и подтвердить её окончательно тоже не получится, если только в архиве Елизаветы II не хранятся какие-нибудь расписки, полученные давным-давно её отцом и дедом от каких-то их верных слуг и если принц Вильям, взойдя на престол и привнеся на него с собой свежий дух миролюбия, братства и искренности, свойственный его молодому поколению, не обнаружит те расписки вместе со многими другими секретами седой старины.

Второе предположение гораздо менее спорно и более очевидно.

В Организации Z довольно видную роль играл весьма знаменитый в 1930–1950-х гг. кинорежиссёр и продюсер Александр Корда⁸⁸. Созданная им в 1934 г. продюсерская фирма *London Films Productions* на протяжении всех предвоенных лет и во время войны использовалась как прикрытия для агентов Организации Z, предоставляла поводы для их многочисленных поездок по странам Европы (якобы в поисках натуры для съёмок будущих фильмов) и обеспечивала необходимое финансирование. Сразу после регистрации фирмы Роберт Ванситтарт, Уинстон Черчилль и Клод Дэнси совместными усилиями организовали немалые инвестиции в её пользу, задействовав для этого самую крупную тогдашнюю британскую страховую компанию *Prudential Assurance* (её совокупные ежегодные инвестиции составляли порядка полумиллиарда фунтов или 10–15 млрд. фунтов в сегодняшнем выражении). Тогдашний президент *Prudential Assurance* Конноп Гутри (Sir Connop Guthrie) «протолкнул» через свой совет директоров проект, в рамках которого в пользу *London Films* была принята программа долгосрочного финансирования для внедрения принадлежавшей клиенту *Prudential Assurance* технологии цветного кино *Hillman Colour Process*. Контракт с *Prudential Assurance* был подписан в октябре 1934 г. Первый взнос по нему составил 250 000 фунтов (в сегодняшнем выражении это около 15 млн. фунтов). Вскоре после получения этих денег фирма Корды начала финансировать создаваемую Клодом Дэнси агентуру Организации Z. Правда, внедрить технологии *Hillman Colour Process* так никто и не собрался (вместо них повсеместно использовалась технология *Technicolor*), и все инвестиции в фирму Корды руководство *Prudential Assurance* со временем полностью списало в убыток. Сам же сэр Конноп Гутри после легализации Организации Z в начале войны выехал в Нью-Йорк и отвечал там в британской резидентуре под руководством одного из ведущих агентов Организации Z Вильяма Стефенсона за вопросы экономической безопасности. Причём штаб-квартира работавшей под руководством Стефенсона резидентуры, представлявшей в Западном полушарии сразу все основные британские спецслужбы за исключени-

⁸⁸ Sir Alexander Korda (1893–1956), его венгерские имя и фамилия: Sándor László Kellner. В Англии он считается одним из создателей независимого от США национального британского кинематографа. У себя в Венгрии во время революции 1919 г. он входил в состав советского правительства и отвечал за национализацию венгерской киноиндустрии (его непосредственным руководителем при этом был народный комиссар культуры Дьёрдь Лукач — György Lukacs, один из учредителей Института социальных исследований Коминтерна, который занимался изучением психологии пропаганды и известен под названием «Франкфуртская школа»; после прихода нацистов к власти Институт переехал сначала в Швейцарию и затем в Париж, а оттуда в США и, начиная с 1934 г., обосновался там при Колумбийском университете в Нью-Йорке). После прихода к власти диктатора Миклоша Хорти Александр Корда попал в тюрьму, но был вскоре вызволен из неё, по его собственным словам, благодаря тому, что в дело вмешался некий «британский агент». В Великобританию Корда приехал в конце 1931 г., подданство получил в 1936 г. Вскоре после приезда, несмотря на вроде бы полное безденежье, учредил кинофирму *London Films Productions* и внёс довольно крупную сумму денег в качестве своей доли в уставном капитале. Откуда у него, бедного еврейского иммигранта и к тому же венгерского экс-коммуниста-интернационалиста, вдруг взялись эти деньги, сказать сегодня уже невозможно. Но известно, что первый же свой фильм его фирма сняла по сценарию, написанному Робертом Ванситтартом.

ем военно-морской разведки⁸⁹, и представительство фирм Александра Корды в США располагались бок о бок и занимали несколько этажей в Рокфеллеровском центре на Манхэттене.

Попутно стоит отметить такое совпадение: сразу после получения указанных средств от *Prudential Assurance* Корда подписал контракты и с самим Черчиллем, пребывавшим тогда не у дел, и стал выплачивать ему весьма солидные суммы за работу, которую Черчилль так ни разу и не выполнил (все сценарии, за которые он получал от Корды регулярные гонорары, так и остались либо незаконченными, либо вообще ненаписанными; но зато ещё во время войны по представлению премьер-министра Черчилля король произвёл бывшего коммуниста-интернационалиста Александра Корду в рыцарское звание).

Когда Клод Дэнси в конце 1944 г. вынужден был уйти в отставку, он тут же был оформлен и стал получать зарплату в качестве консультанта именно на кордовской *London Films Productions*.

По причине нехватки бюджетного финансирования МИБ, как утверждают сегодня историки, в Организацию Z вербовали в основном людей финансово независимых: предпринимателей, банкиров, адвокатов, преуспевавших журналистов, многие из которых были к тому же очевидными «вторыми сыновьями» и все без исключения имели вполне благовидные поводы для поездок в Германию и вообще по Европе. Денег таким своим агентам Организация Z якобы не платила, и сбором информации они занимались — опять же если верить современным историкам — просто ради острых ощущений и азарта, из любви и тяги к приключениям, что столь естественно для молодых мужчин с достатком.

Однако судьба всех этих «любителей» — «вторых сыновей» сложилась неожиданно единообразно, из-за чего есть все основания сомневаться в невинной спонтанности их участия в затеях Клода Дэнси. В самом начале войны, в ноябре 1939 г., на голландско-немецкой границе в местечке Венло в ловушку, расставленную тогда ещё совсем молодым оперативником немецкой разведки Шелленбергом (ему было всего 29 лет), на удивление дилетантски попали резиденты сразу двух британских разведслужб: капитан Сигизмунд Пэйн-Бест и майор Ричард Стивенс (Captain Sigismund Payne-Best, Major Richard Stevens). В результате тут же последовал практически полный провал имевшихся у англичан на континенте «официальных» агентурных сетей, и им на замену тут же пришла — выйдя из глубокой конспирации — уже хорошо подготовленная и набравшаяся практического опыта агентура Организации Z.

Событие это было весьма и весьма странное: в момент своего ареста в Венло, то есть будучи при исполнении оперативного задания, очевидно связанного с риском попасть в руки противника, резидент СИС имел при себе полный список агентуры МИБ в континентальной Европе. Чтобы по-

⁸⁹ Эта резидентура была создана в США под прикрытием так называемой *British Security Coordination, BSC*, якобы имевшей целью обеспечивать безопасность военных поставок из США в Великобританию (подробнее о *BSC* см. ниже).

нять, в чём мог быть смысл этой «странности», следует вспомнить, что к началу 1930-х гг. в МИ6 всё по-прежнему действовала внедрённая самим Клодом Дэнси ещё во время Первой мировой войны система, согласно которой резидентурами британской разведки за границей руководили лица, занимавшие в британских посольствах или консульствах должность начальника «паспортного стола» (*Passport Control Officer, PCO* — эта категория британских загранслужащих пользовалась дипломатическим иммунитетом). Однако тайной для контрразведчиков других стран эта система в 1930-х гг. уже не являлась, и потому, установив наблюдение за местными британскими *PCO* и их контактами, они могли довольно быстро и уверенно «вычислить» всю местную британскую агентуру.

Англичане в этой ситуации поступили весьма изобретательно: вместо того чтобы отказаться от ставшей неэффективной системы и создать вместо неё новую, они ничего менять не стали, сохранили старую систему как есть, а новую создали параллельно и вне официальных структур, понимая, что таким образом любые тайные источники информации, которые противник мог иметь внутри британских спецслужб, останутся в полном неведении о происходящем и никакие тревожные донесения в чужие «Центры» не полетят. Показательно в связи с этим, что перед тем, как приступить в 1936 г. к окончательному превращению Организации Z в полноценную и полномасштабную параллельную, но законспирированную даже от своих разведслужбу, Клод Дэнси, занимавший на тот момент должность *PCO* в Риме, «вдруг» легкомысленно растратил государственные деньги и был со скандалом уволен со службы в МИ6. Подобное впадение в немилость и отставка по всем признакам подчистую одного из лучших и опытейших разведчиков Европы, естественно, наделала среди сведущих людей много шума, а главное — привлекла к себе их внимание не только в Лондоне, но и в других европейских столицах. Дэнси в очередной раз технично и сразу повсюду «исчез с экранов локаторов» и «растворился в тумане».

Группа «Фокус» — The Focus Group⁹⁰ — формально была создана в июне 1935 г. на базе другой организации — British Non-Sectarian Anti-Nazi Council to Champion Human Rights⁹¹. Этот созданный всего несколькими месяцами ранее Совет был по сути британским продолжением американской организации, действовавшей в США под названием «Несектантская антинацистская лига в защиту прав человека» (Non-Sectarian Anti-Nazi League to Champion Human Rights). Эта организация, в свою очередь, была создана двумя годами раньше, весной 1933 г., с целью мобили-

⁹⁰ *Focus for the Defence of Freedom and Peace* — группа британских общественных активистов, поставивших себе целью обеспечить откровенно антигерманскую политическую платформу Уинстону Черчиллю, который в тот момент хотя и числился формально членом Парламента, но фактически пребывал в полном политическом одиночестве и не у дел — «в глуши», как сегодня выражаются английские историки (в Англии в начале 1980-х гг. даже сняли телесериал с таким названием: *Winston Churchill: The Wilderness Years* — «Уинстон Черчилль: годы в глуши»).

⁹¹ «Британский несектантский антинацистский совет в защиту прав человека» — штаб-квартира этой организации находилась в Лондоне по адресу: 100c Queen Victoria Street, City of London.

защиты еврейской общины в США против только что получившей нацистское правительство Германии и была её первыми учредителями — активистами еврейской общины на Восточном побережье США — названа «Американская лига в защиту прав евреев» (American League for the Defense of Jewish Rights — ALDJR), но осенью того же года была переименована и получила своё окончательное, гораздо более нейтральное название.

«Группа Фокус» была учреждена в первую очередь видными британскими деловыми людьми тоже еврейского происхождения, но членский состав её был по сравнению с головной организацией в США гораздо более разнообразен: в «Фокусе» вполне мирно уживались записные публичные сионисты, антисемиты, социалисты и империалисты.

А общий контекст политического момента, в рамках которого учреждались все эти объединения, таков. 30 января 1933 г. Гитлер был назначен рейхсканцлером Германии. В ночь на 28 февраля был подожжён и сгорел Рейхстаг. 5 марта 1933 г. НСДАП получила на парламентских выборах 43,9% голосов и в союзе с малыми правыми партиями создала своё коалиционное правительство. 21 марта 1933 г. нацисты организовали в Потсдаме торжественную церемонию по случаю открытия сессии Рейхстага нового созыва («День Потсдама»). 24 марта 1933 г. будущий руководитель Американской лиги в защиту прав евреев Сэмюэл Унтермейер⁹² опубликовал в лондонской газете The Daily Express статью под заголовком «Иудея объявляет войну Германии — Евреи всего мира объединяйтесь — Бойкот немецких товаров — Массовые демонстрации» («Judea Declares War on Germany — Jews of All the World Unite — Boycott of German Goods — Mass Demonstrations»). В этой статье Унтермейер — уже очень пожилой человек, славившийся тираническим характером — объявил начало «священной войны» и призвал евреев начинать повсюду бойкот германских товаров и проводить массовые демонстрации против германских экономических интересов. Он писал:

Весь Израиль по всему миру объединяется, чтобы объявить экономическую и финансовую войну Германии. Появление свастики в качестве нового

⁹² Samuel Untermyer (1858–1940). Видный нью-йоркский адвокат и политический деятель, его адвокатская контора Guggenheimer, Untermyer & Marshall участвовала практически во всех эпохальных процессах своего времени, включая расчленение рокфеллеровской монополии и расследование вопиющих злоупотреблений в банковской системе, проведённое так называемым Комитетом Пьюжо (Pujo Committee), по результатам которого была в конечном итоге в 1913 г. создана Федеральная резервная система. Стоит отметить, что Унтермейер в своём качестве главного юриста в расследовании Комитета Пьюжо написал авансом следующее заключение: денежных трастов расследование не обнаружит, «потому что между этими людьми нет договорённостей, противоречащих действующему законодательству» (комитет тем не менее смог обнаружить и трасты, и гораздо более серьёзные злоупотребления). Избирался делегатом шести национальных конвенций Демократической партии от штата Нью-Йорк. Был активным сторонником сионистского движения и председательствовал в «Керен ха-Йесод» — головной организации сионистов в США («Керен ха-Йесод» существует и действует по сей день как официальный канал для сбора пожертвований в пользу Израиля). Не менее деятельным активистом еврейской общины в США был партнёр Унтермейера по адвокатской конторе Луис Маршалл (Louis Marshall, 1856–1929) — один из основателей старейшей общественной организации американских евреев — American Jewish Committee (AJC; вместе с Маршаллом Комитет в 1906 г. учредил лидер «еврейских» банкиров — и ближайший партнёр Роберта Флеминга — Джекоб Шифф).

символа Германии возродило к жизни старый военный символ Иуды. Разбросанные по всему свету 14 млн евреев сплываются в едином строю, готовясь объявить войну германским угнетателям их единоверцев.

Еврей-оптовик оставит свой склад, банкир свою биржу, торговец свою лавку, нищий попрошайка свою скромную обитель, и вместе они отправятся на священную войну против гитлеровцев.

За две недели до появления статьи, 12 марта 1933 г., Американский еврейский конгресс уже объявил о проведении массовой акции протеста 27 марта в Мэдисон Сквер Гарден. 20 марта состоялось выступление евреев в Вильно, 26 марта — в Варшаве.

В ответ на эти прокламации и демонстрации нацисты 1 апреля 1933 г. провели в Германии встречный показательный день бойкота еврейских магазинов и предприятий, и уже после этого во всех европейских странах начала возникать и выстраиваться постоянная организационная структура еврейского антинацистского движения. В конце 1933 г. во главе ALDJR вместо редактора одной из двух ведущих еврейских газет в Нью-Йорке Абрахама Коральника встал Сэмюэль Унтермейер, и тогда же лига была переименована в «Несектантскую антинацистскую лигу в защиту прав человека».

Новое название не акцентировало более внимание на ограниченном, узкоэтническом характере движения и его целей. Наоборот, словом «несектантская» оно подчёркивало их якобы универсальную, межпартийную и экуменическую природу. Тем самым движение не только становилось более привлекательным в глазах широкой (непосвящённой) публики, но и, что гораздо более важно, его интересы и задачи, изначально узко этнические, превращались в интересы и задачи универсальные, всеобщие, независимо от того, что всеобщие интересы — в отличие от узко этнических — на тот момент никак ещё ущемлены не были (придя к власти, нацисты на первом этапе проводили в жизнь репрессивные ограничительные меры только в отношении коммунистов, а в отношении евреев их ограничительные меры были в тот период сугубо экономического характера). Именно поэтому в Лондоне в правящем (посвящённом) классе в те годы преобладало мнение, что война, за которую агитировали определённые круги, «это война евреев и деловых банкиров» (merchant bankers — они в подавляющем большинстве своём в Сити имели еврейские корни).

Стоит отметить, что примерно тогда же — в 1934–1935 гг. — и с той же целью сменил свою политику пропагандистский аппарат Коминтерна: организуемые и финансируемые им международные «конференции борцов за мир» перестали быть публично «коминтерновскими», отныне организаторы прилагали серьёзные усилия для того, чтобы скрыть любую связь между проводимыми мероприятиями и организуемыми проектами, с одной стороны, и Коминтерном — с другой. Наоборот, всячески подчёркивался политически нейтральный, универсальный характер мероприятий и проектов и одинаковая дистанция между ними и «политически ангажированными» движениями что слева, что справа. Таким образом организаторы этой вполне глобальной по своим масштабам пропагандистской кампа-

нии «за мир», но одновременно всё же «против фашизма» перенацелились уже на самую массовую аудиторию (т.е. на «молчаливое большинство», без одобрения которого начало современной войны просто невозможно). Яркий пример этой корректировки курса — уже упомянутое выше движение *Le Rassemblement universel pour la paix* с британским аристократом лордом Сесилом и французским левым социалистом Пьером Котом во главе и с одним из основных агентов Коминтерна в Европе Луи Доливе в качестве их международного секретаря.

Летом 1936 г. в Амстердаме по инициативе Сэмюэла Унтермейера и Абрахама Коральника прошла Международная конференция в поддержку еврейского бойкота. Для дальнейшей координации бойкота и повышения его эффективности на конференции была создана Всемирная еврейская экономическая федерация, а её президентом избран всё тот же Унтермейер (одновременно резолюцию в поддержку бойкота принял созданный тоже в 1933 г. Всемирный еврейский конгресс (World Jewish Congress, WJC). Через несколько месяцев по настоянию Унтермейера и этой федерации тоже дали нейтральное название — «Всемирный несектантский совет в защиту прав человека» (World Non-Sectarian Anti-Nazi Council to Champion Human Rights).

Таким образом видно, что распространение этого движения на территорию Великобритании произошло в момент его укрепления и консолидации. Причём название британского отрогства тоже меняли в сторону нейтрализации: сначала переименовали его в «Фокус для защиты свободы и мира», а потом и вовсе в «Фокусную группу»⁹³. Сделано это было по предложению Черчилля после того, как он принял предложение учредителей возглавить создаваемую группу⁹⁴.

У истоков «Фокуса» стояли лидеры лондонской еврейской общины, необходимое финансирование координировал и в значительной мере обеспечивал президент компании Shell Oil Роберт Вейли-Коэн⁹⁵, который, судя по воспоминаниям, и инициировал создание британского подразделения, набиравшего в США обороты движения (его биограф писал, что он был «реальной движущей силой за кулисами “Фокуса”»). А рабочей лошадкой, руководителем рабочего аппарата «Фокуса» —

⁹³ Переводить *The Focus Group* на современный манер как «Фокус-группа» вряд ли правомерно (первые настоящие фокус-группы для проведения социальных исследований появились не ранее 1940-х гг.), хотя само слово «фокус» к моменту создания организации, судя по другим текстам, именно в этом контексте уже использовалось.

⁹⁴ Наиболее видные деятели, вошедшие в почётный «президиум» «Фокуса»: Уинстон Черчилль (признанный лидер группы), Вайолет Бонэм-Картер (Violet Bonham-Carter), Вихэм Стид (Wickham Steed), Арчибальд Синклер (Archibald Sinclair). Менее очевидно, но не менее активно принимали участие в работе «Фокуса» и являлись главными адресатами собираемой им информации Роберт Ванситтарт и некоторые другие действующие государственные служащие самого высокого уровня.

⁹⁵ Robert Waley Cohen (1877–1952). Руководил с английской стороны слиянием *Shell Company* с *Royal Dutch Oil Company*; после слияния входил в состав совета директоров *Royal Dutch Shell* и служил главным советником директора-управляющего этого нового конгломерата. Одновременно являлся лидером лондонской еврейской общины, учредителем *Palestine Corporation*, вице-президентом *University College, London* и председателем *United Synagogue*.

и одновременно одним из его главных спонсоров стал немецкий предприниматель еврейского происхождения Ойген Шпир⁹⁶.

Согласно тем немногочисленным сведениям о «Фокусе», что вроде бы известны на сегодняшний день и при этом не принадлежат «конспирологам», учредители группы ставили своей целью пропагандировать в британском обществе правдивую информацию о положении внутри нацистской Германии, о преследовании евреев и о растущей угрозе свободе и демократии в Европе. Шпир, однако, указывает гораздо более точно: учредители имели в виду собрать вместе в Великобритании максимальное число видных политических и общественных деятелей не еврейского — или, точнее, не только еврейского — происхождения и снабжать их — а через них правительство Его Величества — необходимыми материалами и самой свежей конфиденциальной информацией о положении внутри Германии для ведения активной антигерманской пропаганды; для сбора такой информации они предполагали использовать и потом фактически использовали в первую очередь деловые связи, сохранявшиеся внутри Германии у британских предпринимателей из числа немцев-эмигрантов еврейского происхождения.

Определить статус, который «Фокус» имел в ту пору в британском обществе, сегодня очень трудно: о нём ничего не знали и не говорили в годы его существования и ещё почти 20 лет после окончания войны, и точно так же о нём хранится молчание до сих пор. В период его активности средства массовой информации обходили молчанием даже организуемые им публичные мероприятия, а Черчилль с первого же дня всячески настаивал на строгой конфиденциальности вообще всего, что связано с «Фокусом» (поэтому в контактах между собой члены «Фокуса» обозначали его весьма красноречивой конспиративной кличкой «Оскар» — этимологически «Божье копьё»), и даже через 15 лет после войны он по-прежнему пытался не допустить написания документальной повести, которая подвела бы итог деятельности этой вроде бы оказавшей ему в трудный момент неоценимую помощь организации. Вот как об этом пишет Ойген Шпир:

После окончания Второй мировой войны я начал собирать все доступные материалы, годящиеся для рассказа об истории «Фокуса». <...> Через какое-то время я обратился к моим бывшим коллегам по «Фокусу», чтобы узнать

⁹⁶ Eugen Spier (1891–?). Во время Первой мировой войны служил в немецкой армии. В 1922 г. эмигрировал в Великобританию, где стал преуспевающим предпринимателем. Является автором единственной на сегодняшний день документальной повести, посвящённой «Фокусу» (*Focus. A Footnote to the History of the Thirties*. Oswald Wolff (Publishers) Limited. London. Книга вышла в 1963 г. и с тех пор не переиздавалась, на сегодняшний день является раритетом.) В 1939 г., после начала войны, Шпир и его жена были задержаны, после рассмотрения их дела интернированы как немецкие граждане и депортированы в лагерь для интернированных в Канаде (*Canadian Camp R*). Как рассказал позднее сам Шпир, его жена после допроса слышала слова контрразведчиков: «Это человек Черчилля... не отпускать его ни в коем случае...» — и сам Шпир тоже полагал, что его интернирование было отместкой тех сил в МИ5, которые не могли простить Черчиллю вовлечение Великобритании в войну. Показательно, что о Шпире — человеке, сыгравшем весьма существенную роль в европейской и британской политике в 1930-х гг., — до сих пор нет даже просто установочной статьи в Википедии, и найти биографические материалы о нём практически невозможно. Если же сравнить его судьбу с судьбой сыгравшего аналогичную в английской истории роль и удостоившегося за то рыцарского звания Александра Корды, то недоумение по поводу всех этих странностей станет совсем полным.

их мнение насчёт возможной публикации рукописи. Все они согласились с целесообразностью моего начинания... Все, кроме г-на Черчилля. Он эту идею не поддержал, и я из чувства глубокого уважения к нему пошёл навстречу его пожеланиям. Хотя мои бывшие коллеги и не понимали, чем объясняется сопротивление г-на Черчилля. <...> Леди Вайолет Бонэм Картер высказала предположение, что я обратился к нему в момент, когда он ещё занимал высокий государственный пост, и из-за этого он и не одобрил идею. Я дождался, когда г-н Черчилль ушёл в отставку с поста премьер-министра, и написал ему письмо, повторив в нём моё пожелание. Но ни это, ни последующие мои обращения никак на его отношение к моему предприятию не повлияли. В конце концов он написал мне, что предпочёл бы публикацию только после его смерти, хотя и не настаивает на этом. После долгих размышлений я посчитал, что ждать мне не следует...⁹⁷

Чем объясняется сопротивление Черчилля, сегодня сказать наверняка трудно. Да, он, действительно, получал от активистов «Фокуса» немалые «незадекларированные» денежные средства. Да, «Фокус» и по своему составу, и по своей идеологии был в очень значительной степени еврейской организацией, а тогдашняя пропагандистская линия некоторых еврейских неправительственных объединений рассматривалась определённой влиятельной частью правящих кругов Великобритании как направленная на втягивание западных держав в войну с Германией ради защиты их единоверцев. Да, в «Фокусе» активно работали представители тогдашних левых политических сил, и у него даже были прямые связи и какие-то контакты с пропагандистским аппаратом Коминтерна, который по своему национальному составу тоже был в немалой степени еврейским образованием. Да, Черчилля, скорее всего, именно из-за этого посвящённые представители правящих кругов обвиняли перед войной в том, что он выступает в интересах еврейских кругов и финансовых групп. Но вряд ли этого достаточно для того, чтобы и через двадцать лет Черчилль не желал предавать гласности этот важнейший эпизод в своей предвоенной биографии; он ведь уже имел за плечами самое надёжное оправдание всему своему прошлому — и историческая правда, и победа в войне оказались вроде бы на его стороне.

Чтобы понять суть обвинений, которые оппоненты Черчилля выдвигали против него во второй половине предвоенного десятилетия, и причину, по которой он мог не желать возобновления той предвоенной дискуссии, нужно просто помнить, что в марте 1933 г. объявили войну Германии и бойкот её экспортным товарам не правительство или правительства одной или нескольких стран, а только-только созданные на тот момент общественные земляческие организации американских «немецких» иммигрантов (в США евреев-иммигрантов из Германии тогда ещё называли «немцами») и что именно эту кампанию, развёрнутую только что прибывшими в страну иммигрантами, но очевидно грозившую втянуть народ принявшей их страны и народы многих других европейских стран в очередную кровопролитнейшую войну, более чем активно пытались поддерживать по всей Европе такие организации, как «Фокус».

⁹⁷ Книга Ойгена Шпира вышла за два года до смерти Черчилля.

Очевидно, что ни один традиционный британский политик не согласился бы открыто ассоциироваться со столь взрывоопасным «проектом»⁹⁸. И поэтому то, что Черчилль тем не менее с готовностью принял в нём участие *т а й к о м*, говорит об очень многом и позволяет делать весьма далеко идущие предположения относительно того, какую в конечном итоге настоящую задачу он, не выдавая её сути обществу, в тот предвоенный период пытался решить⁹⁹.

Думая об этом и занимаясь поиском ответа, следует опять же учитывать, что «предвоенным» тот период справедливо считаем и полагаем в наших рассуждениях мы, задним числом; современники же «Фокуса» неизбежность грядущей войны ещё не воспринимали как данность и вполне правомерно полагали её предотвратимой. Причём к их числу относились и многие евреи — в первую очередь средний и зажиточный класс, граждане принявших их стран в нескольких поколениях, — поскольку реальные жестокости и физическое насилие в отношении евреев в Германии начались значительно позже; в середине же 1930-х угнетение носило практически полностью экономический и политический характер и вполне могло восприниматься как реакция на объявленные международными еврейскими организациями глобальные «войну» и бойкот (объявленная «война», возможно, имела некоторый опереточный оттенок; но зато бойкот был вполне реальный и в Германии очень болезненно оцущимый: товарооборот между Германией и США за несколько предвоенных лет сократился даже не в разы, а на порядок).

Поэтому не должно вызывать удивления, что современники «Фокуса» в своём анализе происходившего вполне могли с достаточным для того основанием разделять действующих лиц и проводимую ими линию на тех, кто сознательно подталкивали к войне, и тех, кто пытались её предотвратить.

Только с учётом всего сказанного можно пытаться предположить, в каких именно целях мог Черчилль использовать «Фокус» и разоблачения чего он мог опасаться при более или менее тщательном изучении истории этой организации «независимыми экспертами».

⁹⁸ Следует помнить, что в первой половине XX века, вплоть до окончания войны и даже какое-то время после неё в западноевропейских странах в среднем классе и в правящих кругах антисемитизм был ещё очень силен.

⁹⁹ Известны как минимум два коминтерновских публициста — русский еврей-эмигрант Эрнст Генри (Лейб Абрамович Хентов и он же, начиная с 1922 г., по выправленному в Коминтерне поддельному паспорту — Семён Николаевич Ростовский; 1904–1990) и поляк Станислас Шиманчик (Stanislas Szymanczyk; 1893–1967; в 1920 г. принял чешское гражданство); оба, работая в Лондоне, прославились — Эрнст Генри ещё перед войной, а Шиманчик во время войны — удивительно прозорливыми и хорошо информированными репортажами о текущем политическом, экономическом и военном положении в Германии (в случае Генри — это даже целых две книги; а Шиманчика — анонимного постоянного автора выходившего в Лондоне на протяжении всей войны журнала *La France libre* — французские военные историки до сих пор считают самым хорошо информированным и авторитетным военным обозревателем своей страны в военный период). Очевидно, что написание таких оперативных аналитических оценок возможно только в том случае, если у авторов есть надёжные источники информации в соответствующих правительственных и деловых структурах внутри изучаемой страны. Поэтому нет никакого сомнения, что и Генри, и Шиманчик получали свою информацию из тех же источников, что и Ванситтарт с Черчиллем; тем более что именно в этом случае — в случае, если тесные контакты «Фокуса» с пропагандистским аппаратом Коминтерна действительно имели место — становится понятным столь упорное нежелание Черчилля придавать гласности вообще даже сам факт существования столь «взрывоопасной» организации с «непредсказуемым прошлым».

О том, насколько действующие политики опасались предания гласности их связей с «Фокусом», говорит следующий факт. 1 сентября 1939 г., через несколько часов после начала Второй мировой войны (действия немецких войск против Польши, ознаменовавшие начало войны на Восточном фронте, начались в 4 часа утра этого дня), то есть ещё за 48 часов до того, как правительство Великобритании объявило войну Германии, Ойген Шпир — всё ещё являвшийся немецким гражданином — по собственной инициативе посетил Министерство внутренних дел и предложил свои услуги и любую возможную помощь. Ему в ответ предложили подать соответствующее письменное заявление, и он отправился домой писать этот документ. Однако он даже не успел его закончить: к нему явились сотрудники Скотленд-ярда и заявили, что им поручено задержать его как гражданина страны — военного противника¹⁰⁰ (повторю: до объявления войны ещё оставалось 48 часов). Далее цитирую Шпира:

Документы у меня не искали и не конфисковывали; против меня не было выдвинуто никакого обвинения. Меня поместили в лагерь для интернированных, куда помещали в первую очередь таких нацистов, как друг Гитлера Ханфстэнг. Я попросил разрешения связаться с моим адвокатом, но мне в этой просьбе было отказано. Таким образом я стал военнопленным № 2, хотя война и не была ещё даже начата.

Ни Черчилль, ни Ванситтарт, несмотря на все их предыдущие заверения, даже не попытались что-то предпринять, чтобы вызволить своего верного и даже, возможно, в последние 2–3 года незаменимого помощника. Так что из лагерей Шпир был освобождён и вернулся в Лондон только в 1941 г.

О контактах с Коминтерном сам Ойген Шпир рассказал в своей книге следующим образом. Летом 1938 г. ему кто-то из «деловых партнёров» предложил посмотреть «русский» фильм под названием The War of Tomorrow и затем, после добавления к нему субтитров на английском языке, обеспечить его прокат в Великобритании. Шпир фильм посмотрел. В нём немцы после тщательных приготовлений напали на Россию и устремлялись вглубь её территории, сжигая на своём пути деревни и уничтожая их население. Но после первых побед немцы начали выдыхаться, а русские, наоборот, начали наносить мощные контрудары (на Шпира особое впечатление произвели документальные кадры, запечатлевшие реальные воздушные бои — видимо, это была кинохроника, снятая в Испании). В конечном итоге русские выкинули немцев за пределы своих границ и сами вступили в Германию (показана, в частности, высадка морского десанта в Кёнигсберге и поголовное братание советских солдат с рядовыми немцами из народа). Шпиру фильм понравился, и он со-

¹⁰⁰ Enemy aliens — согласно законодательству Великобритании, США и ряда других стран это граждане «другой воюющей стороны», т.е. страны, с которой страна их проживания находится в состоянии войны и которые поэтому подлежат обязательной регистрации (постановке на учёт в правоохранительных органах) и при определённых условиях лишению свободы (помещению в лагерь для интернирования).

гласился профинансировать его прокат, посчитав, что «в фильме хорошо показано стремление русских к миру». Дальше цитирую текст Шпира:

Однако после того, как фильм посмотрели высокопоставленные лица из ответствующего ведомства, было решено, что прокат фильма в Великобритании нежелателен, поскольку он мог испортить дружеские отношения между Рейхом и нашим правительством.

На то, что предложение Шпиру поступило по старым каналам связи с Коминтерном, указывает вот что. Дзига Вертов, который вместе с Михаилом Светловым написал сценарий для снятого им именно в 1938 г. фильма «Если завтра война» (Шпиру, судя по описанию, предложили для просмотра именно его модифицированную специально для заграничного проката версию), до 1936 г. снимал агитационно-пропагандистское документальное кино на московской киностудии «Межрабпомфильм» (сегодняшний её преемник — Киностудия им. М. Горького). В 1936 г. эту киностудию решением правительства перепрофилировали (она стала первой киностудией, специализирующейся на фильмах для детей, и получила название «Союздетфильм»), и Вертов на время ушёл оттуда, но в 1939 г. опять вернулся. А всё время до того «Межрабпомфильм» — в 1924–1928 гг. студия называлась «Межрабпом-Русь» — это было формально совместное российско-германское предприятие, причём даже её головная контора находилась в Германии в Берлине, а пайщиком с немецкой стороны в ней был Вилли Мюнценберг — легендарный идеолог, вдохновитель и бессменный руководитель, а также в значительной степени финансист¹⁰¹ всего западного пропагандистского аппарата Коминтерна. То есть «Межрабпомфильм» был главной фабрикой по выпуску коминтерновской пропагандистской кинопродукции. (Поэтому неудивительно, что этот кинематографический актив Мюнценберга прикрыли, причём именно в

¹⁰¹ Речь в данном случае не о конкретном источнике денег, шедших на финансирование всей пропагандистской деятельности Коминтерна, а о конкретных людях, которые ими управляли; это — Вилли Мюнценберг («красный миллионер») и его бессменный спонсор и соратник-банкир, еврей шведского происхождения Улоф Ашберг (тот самый Ашберг, который вместе с Леонидом Красиным и Георгием Соломоном (Исецким) активно участвовал в вывозе и последующей реализации русских золота и бриллиантов в пореволюционный период и затем в 1920-х гг. являлся президентом Рускомбанка (ныне это Внешэкономбанк). Когда Мюнценберг бежал из Германии от нацистов, а затем после 1937 г. «разошёлся во взглядах» с московским политическим руководством, фактически уничтожившим Коминтерн в его изначальном виде, он вплоть до своего интернирования в связи с началом Второй мировой войны неограниченно пользовался особняком Ашберга на улице Казимира-Перье в Париже. Там же он в 1938–1939 гг. неоднократно и по много часов общался с представителями британских и французских спецслужб. (Символично, что в 1950-х гг. Улоф Ашберг этот особняк передал в дар Институту имени Яльмара Брантинга: этот институт являлся после войны одним из рабочих органов пришедшего на смену Коминтерну нового поколения интернационалистов, строителей новой объединённой Европы — нынешнего ЕС — под руководством Жана Монне; при этом Ойген Шпир был одним из первых энтузиастов и спонсоров проекта «новой объединённой Европы» и даже обсуждал с Черчиллем возможность выдвижения его на роль единого «пан-европейского» лидера. Джордж Оруэлл написал об этом проекте в 1947 г.: «Трудно было ожидать, что кто-либо сумеет точно предсказать последствия Версальского договора, но то, что они будут плохими, могли предположить — и предполагали — миллионы людей. Так же и с урегулированием, которое нынче навязывают Европе: не миллионы, конечно, но всё равно очень многие думающие люди видят, что последствия его тоже будут плачевными». Orwell G. *Second Thoughts on James Burnham*.)

1936 г.: как раз в том году в СССР началась целенаправленная антикоминтерновская кампания. Были отданы первые приказы о замораживании агентуры Отдела международных связей ИККИ за пределами СССР, и была закрыта первая из основных школ подготовки этих агентов — Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Мархлевского — КУНМЗ; хотя основной, окончательный удар был нанесён, конечно же, позже, в 1937–1938 гг.) Именно по каналам Мюнценберга главные пропагандистские материалы Коминтерна — книги и фильмы — попадали на Запад (в США, кстати, фильм «Если завтра война» успешно попал в прокат под названием *If War Comes Tomorrow*), а поскольку подавляющее большинство творческих работников в аппарате Мюнценберга были к тому же евреи, то можно не сомневаться, что какая-то их часть самым тесным образом взаимодействовала с еврейской же агентурой «Фокуса» и Шпира лично.

Конрад Обрайен-ффренч (Conrad O'Brien-ffrench; 1893–1986). Второй сын ирландского дворянина маркиза де Кастельтомонда. Его старший брат Ролло в возрасте 17 лет погиб в результате несчастного случая, и Конрад после смерти отца в 1935 г. унаследовал его титул. Учился на агронома и с юных лет полюбил активную жизнь на природе. В 17 лет уехал в Канаду и там поступил на службу в конную полицию северной провинции Саскачеван. В Первую мировую войну в составе британского экспедиционного корпуса принял участие в первом крупном сражении при Монсе, был тяжело ранен и попал в плен, в котором провёл четыре года, но в конце концов сумел-таки совершить успешный побег. Во время нахождения в плену, переписываясь с подругой в Англии, благодаря им самим выдуманному шифру наладил с ней конспиративную связь и прямо из немецкого лагеря для военнопленных передавал ей сведения, собранные сбитыми и попавшими в плен во время рекогносцировочных вылетов лётчиками британских ВВС¹⁰². В результате в конце войны Обрайен-ффренч, освоивший в плену вполне сносно русский язык, получил назначение на должность помощника военного атташе и одновременно в резидентуру британской разведки в Стокгольме (его код в тот период — ST36), где работал и с российскими эмигрантами, и с большевистскими делегациями (в том числе с Красиным), и со многими впоследствии знаменитыми «британскими агентами»¹⁰³ — Брюсом Локкартом, Артуром Рэнсомом, Полом Дьюксом¹⁰⁴, Сиднеем Рейли и др. — и высоко зарекомендовал себя.

¹⁰² Подруга Конрада Обрайена-ффренча Кэтлин Манн (Cathleen Mann) через какое-то время после начавшейся переписки (в конце 1915 г.) поступила на работу секретарём к Стюарту Мингису, который после серьёзного ранения был приписан к службе контрразведки в штабе генерала Хейга (к тому моменту назначенного главнокомандующим британского экспедиционного корпуса). Таким образом Обрайен-ффренч фактически стал первым агентом будущего руководителя МИ6 и его негласного наставника и во время войны официального заместителя Клода Дэнси.

¹⁰³ Кавычки обусловлены тем, насколько разными по своим функциям, статусу и принадлежности были эти агенты — что уже было продемонстрировано выше на примере Брюса Локкарта.

¹⁰⁴ Paul Dukes (1889–1967). Будучи ещё совсем молодым, перебрался в Ригу, где преподавал английский язык, а затем был завербован МИ6 и обосновался в Санкт-Петербурге в качестве помощника главного дирижёра Мариинского театра англичанина Альберта Коутса (Коутс занимал эту должность с 1911 по 1917 г., после революции получил назначение на должность председателя всех оперных театров России; в 1919 г. при помощи Дьюкса Коутс выехал через Финляндию обратно в Англию). Искусно гри-

По окончании войны финансирование британских спецслужб было резко сокращено, и, соответственно, большинство их сотрудников вышли в отставку — Обрайен-ффренч в том числе. В 1921–1922 гг., будучи членом делегации, сопровождавшей будущего короля Эдварда VIII в поездке по Индии, Обрайен-ффренч приобщился к тогда ещё совсем мало развитому альпинизму и стал на всю жизнь заядлым скалолазом (прямо тогда же, в 1921 г. он уже совершал восхождения в Каракоруме на пик высотой более 6000 м). В 1933 г. его избрали в Альпийский клуб, членом которого он оставался до конца жизни.

Во второй половине 1920-х гг. Обрайен-ффренч обучался живописи в Лондоне и Париже. В 1931 г. он женился на дочери адъютанта Его Величества Короля Швеции Мод Астрид. После свадебного путешествия они обосновались в австрийском Кицбюле, где Обрайен-ффренч зарегистрировал туристическую фирму Tyrolese Tours. Эта фирма специализировалась на организации поездок в австрийские и немецкие Альпы для богатых клиентов и одновременно служила прикрытием для Обрайена-ффренча, который на тот момент уже был вновь задействован для секретного сбора информации, но на этот раз не в качестве офицера МИ6, а в качестве агента Z Organisation. В связи с этим ему присвоили код Z3 — из чего следует, что в иерархии Z Organisation он был третий человек после самого Клода Дэнси (о том, кто был номером 2, разговор будет ниже), то есть в Кицбюле он исполнял роль руководителя резидентуры, отвечавшей за сбор информации в Австрии и — что ещё более важно — в соседней Германии (до границы с ней от Кицбюля — всего 40 км).

За счёт эффективного прикрытия (предлагаемые его фирмой туры пользовались у богатой немецкой публики большим успехом) и личного обаяния — будучи сам аристократом, он без труда заводил знакомства в аристократических кругах — ему довольно быстро удалось создать разветвлённую и эффективную агентурную сеть, включавшую в себя в том числе высокопоставленных лиц в Берлине. При этом в день аншлюса (вступления немецких войск в Австрию) он не только первым предупредил Лондон о выдвижении немецких войск к австрийской границе, но и сумел вовремя оповестить свою агентуру и организовать её срочную эвакуацию из страны. Однако, когда он через некоторое время вернулся в Австрию, гестапо и СС тут же попытались схватить его; и, хотя ему удалось избежать ареста и уйти через швейцарскую границу, его карьера тайного агента на этом за-

мируясь и пользуясь вымышленными именами, Дьюкс смог проникнуть в различные ведущие структуры большевиков (вплоть до верховного руководства РСДРП) и переправить в Лондон ценнейшую информацию об их работе. Он же успешно организовал тайную репатриацию многих важных британских лиц. Сразу после его возвращения в Лондон в 1920 г. был опубликован сериал, описывавший его похождения и имевший целью оправдать в глазах общественного мнения англо-американскую интервенцию в России. Дьюкс — единственный в истории британских спецслужб разведчик-нелегал — сотрудник МИ6 («шпион» по тогдашней классификации), которому было пожаловано рыцарское звание именно за его нелегальную, шпионскую деятельность (даже просто сам факт существования МИ6 Великобритании официально признала только в 1986 г.; до тех пор никакой разведслужбы в Великобритании официально якобы не существовало, и за работу в разведке правительственные награды практически не раздавались; Ян Флеминг, например, за все шесть лет напряжённой и весьма плодотворной службы в разведывательном управлении британских ВМС не удостоился вообще ни одной награды). Всё время, пока Дьюкс — несомненно, выдающийся оперативник — работал в большевистской России, техническую поддержку ему и первичную обработку поступающей от него информации обеспечивал Обрайен-ффренч.

кончилась. Признанием его заслуг может служить тот факт, что в знаменитой «Чёрной книге»¹⁰⁵, составленной нацистами в процессе подготовки к так и не состоявшейся высадке на Британских островах, Обрайен-ффренч занял весьма почётное 112-е место.

Что объединяло перечисленные секретные организации и связанных с ними лиц, с одной стороны, и делавших первые шаги в освоении своей уникальной «семейной профессии» Питера и Яна Флеминга — с другой? Если одним словом, то — Кицбюль.

Как пишут биографы братьев Флеминг, они оба побывали в этой деревне посреди Австрийских Альп. Первым туда попал Ян. Как пишет биограф: летом 1926 года, после успешной сдачи выпускных экзаменов в Итоне и поступления в Сэндхерст, мама Эви отправила его на пару месяцев в это идиллическое место «подучить иностранные языки» в некоем частном пансионе, рассчитанном на 15–20 подопечных.

Следующим в этот же пансион и тоже летом следующего, 1927 года и тоже на пару месяцев, и тоже чтобы «подучить языки» попал Питер (это были его первые каникулы в Оксфорде).

Почти сразу следом за ним всё по-прежнему в 1927 г. в пансионе вновь объявился Ян. Но обстоятельства его прибытия на сей раз были уже иными.

1 сентября 1927 г. он был отчислен по собственному желанию из своего военного училища. Причиной послужил — если верить семейным легендам Флемингов — проступок Яна: когда его девушка — предмет его тогдашних обожаний — пришла к нему в училище «на танцы», собираясь после этого отправиться с другим приятелем на мероприятие в Оксфорд, Ян якобы пригрозил ей, что, если она поступит таким предательским образом, он сбежит в самовольную отлучку в город и найдёт там себе в утешение проститутку. Девушка нарушить уже данное другому приятелю обещание не захотела, а Ян возьми да и сдержи своё слово. Результатом стало заболевание гонореей. Почему это довольно заурядное событие было воспринято мамой Эви как огромная трагедия, почему оно потребовало обязательного ухода Яна из училища — сказать трудно, как нет до конца уверенности и в том, что именно так всё и произошло: всё-таки домашние легенды — это домашние легенды, или, иначе, наряженные в парадные костюмы скелеты в шкафах. Но то, что серьёзные основания для сомнений в данном случае есть, достаточно очевидно.

Потому что после предположительного неудачного похода Яна к девице лёгкого поведения мама Эви опять отправила его во всё тот же пансионат в Кицбюле, но только на сей раз, как по-прежнему пишут всё те же биографы, потому что пансионат и его специалистов ей якобы присоветовали люди её круга (то есть высший лондонский свет) как успешно занимающихся именно трудными подростками. И вот в этой связи сразу возникают три вопроса.

¹⁰⁵ Официальное название этой секретной брошюры: *Sonderfahndungsliste GB* — означает «перечень разыскиваемых в первую очередь» (буквы GB — *Gross Britannien* — указывают на то, что брошюра предназначена для использования в Великобритании). В общей сложности в этом списке фигурировали 2820 человек. Стоит отметить, что в него включены почти все упоминаемые в этом очерке лица (о тех же — о некоторых из них, — кто в него не попал, ещё будет сказано отдельно).

Первый. Как мог лондонский свет прознать про этот пансионат и к тому же убедиться, что его можно смело рекомендовать людям своего круга, если пансионат открылся менее чем за год до первого приезда туда Яна?

Второй вопрос. Зачем было (в 1926 г.) посылать Яна в пансион для трудных подростков, если он только что вполне успешно сдал экзамены и никак особо проштрафиться ещё не успел? Вопрос этот приобретает тем большую актуальность, что разумный повод для отправки в компанию к трудным подросткам более чем успешного и уже практически состоявшегося Питера представить уже просто невозможно.

Наконец, третий вопрос. Как мог лондонский свет рекомендовать персонал пансионата как хороших специалистов по работе с трудными подростками, если «персонал» — это просто муж и жена, не имеющие даже высшего образования, причём муж — только что уволившийся с активной службы офицер британской разведки, а жена — наполовину американка, пописывающая без остановки очень среднего качества романы? И «пансион» они создали — по официальной версии — просто потому, что жена страдала туберкулёзом и врачи ей рекомендовали сухой горный воздух; а закрыли муж с женой свой без году неделя «пансион» всего через год после того, как Ян закончил свой курс обучения у них.

Другими словами, якобы пользовавшийся хорошей репутацией и доверием взыскательной лондонской публики пансион просуществовал в общей сложности менее трёх лет, и, если бы не учёба в нём Яна Флеминга, мир сегодня о мимолётном бытии этого странного учебного заведения восьмидесятилетней давности даже не подозревал бы (ни одного другого хоть чем-нибудь известного «ученика» пансион выпустить не успел).

Ситуация начинает проясняться, когда выясняется, что «муж», отставной офицер МИ6 Эрнан Форбс Деннис¹⁰⁶, незадолго до учреждения семейного «пансиона» в горах по соседству с немецкой границей ушёл в отставку с классической должности «начальника паспортного стола» (*PCO*) — то есть начальника резидентуры британской разведки — в Вене, а вскоре после его отъезда из Кицбуля его там сменил (в 1930 г.) резидент Организации Z — Конрад Обрайен-ффренч, причём на периодических визитах Питера и Яна Флемингов в Кицбуль эта смена действующих лиц и поколений британской разведки никак не отразилась.

Более того, в отношении Питера Флеминга биографы Конрада Обрайена-ффренча даже признают, что Питер принимал участие в его секретных операциях и, в частности, что они пытались, правда безуспешно, внедриться в агентурную сеть Рудольфа Гесса. Там же, в Кицбюле, нередко бывала и такая же в ту пору знаменитая, как Питер, швейцарская путешественница и писательница Элла «Кини» Майяр¹⁰⁷. Они вместе совершили в 1935 г. удивительное путешествие через неизведанные тогда, самые

¹⁰⁶ Ernán Forbes Dennis (1884–1972). Принадлежал по материнской линии к древнейшему шотландскому клану (его нынешний предводитель — 23-й лорд Форбс), первые королевские грамоты которого относятся к началу XIII века и который на протяжении веков положил начало многим графским домам как в Шотландии, так и в Англии. Дед Эрнана Форбса — сэр Джон Форбс — много лет служил в чине кавалерийского генерала в Индии и числился личным другом королевы Виктории. В числе его «кузенов» были, среди прочего, герцоги Атольские.

¹⁰⁷ Ella K. Maillart (1903–1997). Выдающаяся спортсменка (в 1924 г. выступала на Олимпийских играх в одиночных парусных регатах, а с 1931 по 1934 г. входила в состав швейцарской национальной сборной по горным лыжам) и путешественница (в первую очередь в Средней Азии, включая советские среднеазиатские республики).

глухие уголки Китая и Индии (и оба написали книги об этом приключении¹⁰⁸). То, что Питер при этом выполнял задание британской военной разведки и осуществлял стратегическую рекогносцировку этой огромной территории, на которой к тому же в то время шли боевые действия, сегодня уже известно. Осуществляла ли это же задание вместе с ним или какое-то своё в интересах французской разведки бесстрашная Кини — неизвестно; известно только, что финансировала её участие тогдашняя самая крупная французская газета *Le Petit Parisien* (а участие Питера — крупнейшая английская газета *The Times*). Но близкой подругой Конрада Обрайена-френча она со времён общего для них всех Кицбюля оставалась до конца его жизни.

В случае с Яном такого же определённого и официального признания о связи с резидентурой в Кицбюле до сих пор нет. Но зато есть, например, такой рассказ в мемуарной книге закадычного друга Яна с самого детства Айвара Брайса.

В начале 1938 г. Брайс в компании с одним из своих друзей завершил полное приключений многомесячное кругосветное путешествие (всё как подобает праздному отпрыску богатой благородной семьи), а потом, пребывая на Лазурном берегу во Франции в компании со своей очередной подругой (как и подобает праздному отпрыску богатой благородной семьи), получил срочную и необычно длинную телеграмму от своего друга Яна, который выслал ему подробные указания относительно того, где и как Брайсу надлежит непременно встретить прибывающего паромом из Англии Яна, высвободив к тому же следующие две недели для какого-то путешествия. Брайс спроводил свою подругу домой в Париж — ожидать, когда Брайс вызовет её на новое, пока и ему самому не известное место — и отправился в условленный день и час встречать Яна. Ян прибыл без опоздания — но в компании с молодой американкой, с которой только что познакомился на борту, пока паром пересекал пролив. Далее эта компания отправилась в двухместном спортивном автомобиле Яна в путь (Брайс подробно описал все неудобства, которые он претерпел, будучи втиснут между двух сидений). Когда достигли Баварии и остановились на ночёвку, Ян с новой знакомицей вдруг весьма бесцеремонно распрощался, и друзья уже вдвоём пересекли австрийскую границу и прибыли в Кицбюль.

Далее этот сюжет, занявший в рассказе Брайса на момент расставания с американкой почти пять страниц, завершается двумя короткими абзацами вот такого содержания:

Казалось, что он (Ян. — А. Б.) был в этом городе на короткой ноге со всеми, и все девчонки, плескавшиеся под лучами солнца в близлежащем озере, были несказанно рады его появлению. Даже я поддался этому настроению. (*Помогло, видимо, и прибытие вызванной из Парижа подруги. — А. Б.*) <...> То был здоровый и счастливый образ жизни, особенно для Яна: он просыпался в шесть утра и ещё до завтрака успевал добраться беглым шагом до находившейся на высоте 3000 м вершины Кицбюэлер Хорна.

Первая и самая очевидная странность здесь в том, что сам Брайс, описывая данный эпизод, указал: они с Яном ездили в Кицбюль в 1938 г., но до аншлюса. А ан-

¹⁰⁸ Fleming, Peter. *News from Tartary: A Journey from Peking to Kashmir*. Maillart, Ella. *Oasis interdites*.

шлюс случился в середине марта 1938 г. И потому «плескаться в близлежащем озере» и «до завтрака подниматься беглым шагом на вершины» могли только самые-самые закалённые и натренированные атлеты с недюжинным здоровьем, поскольку даже максимально высокие, не говоря уж о средних, температуры в январе – марте в Кицбюле — ниже нуля и во всей округе ещё лежат какие-никакие, но сугробы¹⁰⁹.

И уже с этим представлением о фантазийности повествования становится довольно прозрачной вторая странность: Брайс так ни словом и не обмолвился, зачем вдруг Ян срочно вытащил его с отдыха на юге Франции и повёз — как выяснилось уже только в пути — в Кицбюль и чем они там занимались. Ведь если поездка и впрямь была чисто невинным развлечением, то почему Ян ни словом не обмолвился в телеграмме о том, куда и зачем они поедут? И коли, прибыв на место, в замёрзших озёрах они не плескались и на вершины по глубоким сугробам не бегали, то чему же они все свои дни в этом маленьком городке посвящали?

Дополнительную силу возникающему подозрению придаёт и тот факт, что это была отнюдь не первая такая «прогулочная поездка» Яна. В марте 1933 г., например, он ездил в Швейцарию отслеживать работу немецких радиостанций во время прихода нацистов к власти: благовидным предлогом тогда послужило посещение несостоявшейся швейцарской невесты Флеминга Моник Паншо де Боттом.

Так что однозначно утверждать, конечно, нельзя, но догадываться можно: судя по тому, что Брайс сразу после начала войны был принят на работу в сверхсекретную сводную резидентуру Организации Z в Нью-Йорке, Ян возил его то ли на смотрины, то ли для прохождения инструктажа или «курса молодого бойца» в главную на тот момент резидентуру Организации (недаром же её руководитель имел код Z3).

Возвращаясь теперь опять к Эрнану Форбсу Деннису, следует обратить внимание и на то, что, судя не по словам его биографов и его собственным наставительным педагогическим письмам маме Эви, а по его делам, занимался он не столько перевоспитанием Яна, сколько его серьёзной подготовкой. Ведь именно он составил и организационно обеспечил программу обучения Яна в последующие три года: один год в университете в Мюнхене и потом ещё два в Женеве, включая летнюю двухмесячную стажировку в Лиге Наций: Ян выучил как следует немецкий язык в Мюнхене и русский язык в Женеве, а также освоился внутри международной дипломатии. После чего успешно сдал экзамены для получения профессиональной квалификации.

Кроме того, в Кицбюле Яна (и Питера) учила ещё и супруга Эрнана Форбса Денниса — и тоже отставная сотрудница британских спецслужб — Филлис Боттом¹¹⁰. Учила в первую очередь литературе и умению излагать свои мысли и сочи-

¹⁰⁹ Лыжный сезон в Кицбюле заканчивается, как правило, в начале апреля.

¹¹⁰ Phyllis Bottome (1884–1963). Литератор крайне либерального и даже социалистического толка, начиная с 1930-х гг. — популяризатор учений Альфреда Адлера. Родилась в США в смешанной, англо-американской семье. Её отец был американский священник, а мать принадлежала к небогатой ветви целого сонма породнённых через перекрёстные браки богатейших английских и шотландских предпринимательских и банкирских семейств, с одной стороны, и старейших аристократических домов — с другой: в круг её «кузенства» входили, с одной стороны, основатели и основные пайщики нынешнего банка *Barclay's* (квакерские семьи Barclay, Gurney, Pease, Buxton, Leatham — из этой последней семьи происходила сама Филлис Боттом) и, с другой стороны, граф Грей; снабжавшие пресной водой весь Лондон Холфорды или один из главных инженеров и партнёров Сесила Родса сэръ Роберт

нения на бумаге. Её восторженный биограф, естественно, подробно пересказывает и её собственные художественные произведения, и те первые опусы, которые писали её подопечные, — воссоздаёт взаимный творческий процесс Учителя и учеников. Но в то же время всё тот же биограф хоть и совсем кратко, но свидетельствует следующим образом. Во время Первой мировой войны Филлис Боттом — тридцатилетняя женщина, уже успевшая напечатать семь художественных литературных произведений¹¹¹, — участвовала в качестве обычного порученца в оказании помощи бельгийским беженцам. А затем:

Джон Бакен¹¹² (позднее лорд Твидсмур), в феврале 1917 г. назначенный руководить отделом внешней пропаганды в только что учреждённом Управлении информации (которое к концу войны было переименовано в Министерство информации), спас её от этой утомительной рутины. Его управление являлось ответвлением Форин-офиса и занималось сбором информации о политическом положении и о тенденциях и настроениях в общественном мнении в разных странах. <...> Бакен чётко различал новостную и литературную пропаганду и особое внимание уделял англо-американским отношениям. Филлис проработала под его началом два года, и многое из того, чему она в тот период в области пропаганды научилась — например, как использовать писателей¹¹³,

Вильямс (железную дорогу, соединившую Южную Африку с границей Конго, проектировал и строил именно он), с одной стороны, и, с другой, 25-й граф Кроуфорд — доведившийся двоюродным дедом супруге Георга VI Елизавете (т.е. столь популярной во время войны Королеве-матери) и прадедом Анне Чартерис — будущей жене Яна Флеминга, или вот ещё 9-й герцог Рутлендский; владельцы крупнейшего в мире в конце XIX века пивного концерна *Truman's Beer* Бакстоны, основатели «банка банков» — гигантской по своим масштабам на рубеже XX века финансовой компании *Overend, Gurney and Company* — Герни, с одной стороны, и Хуго Чартерис, 11-й граф Вемисский, или ещё прямой потомок незаконнорождённой дочери короля Вильяма IV Елизаветы Хэй, графини Эррольской, Альфред Дафф Купер — личный друг и соратник Уинстона Черчилля на протяжении всей его жизни. Причём все эти перечисленные «кузены» Филлис Боттом — это всего лишь начало, только самые знаменитые из них, а чтобы нарисовать полную диаграмму всех генеалогических переплетений внутри британского имперского истеблишмента, из которых тянутся ниточки и к ней, потребуется отдельная увесистая брошюра. Так что Филлис Боттом можно с полным основанием считать первой среди всех «вторых дочерей» Британской империи и одновременно самой классической из них.

¹¹¹ В английской традиции тексты такого объёма легко называют «романами»; в русской традиции они «тянут» только на повесть.

¹¹² John Buchan (1875–1940). Популярнейший в первой половине XX в. автор приключенческих романов. Совмещал литературные занятия сначала с дипломатической службой, а после начала Первой мировой войны — с работой в органах военной пропаганды. По окончании войны вернулся к литературной и политической деятельности, а также к историческим изысканиям. В 1935 г. получил дворянский титул и был назначен генерал-губернатором Канады; умер в 1940 г., по-прежнему занимая свой высокий пост (он по должности являлся главнокомандующим канадских вооружённых сил, и именно он от имени Канады объявил войну Германии).

¹¹³ Менее чем через месяц после начала Первой мировой войны было создано Бюро военной пропаганды, которое 2 сентября 1914 г. провело первое строго засекреченное совещание с участием 25 самых видных британских литераторов того времени (на нём присутствовали Артур Конан Дойль, Редьярд Киплинг, Герберт Уэллс, Гилберт Честертон, Томас Харди и другие). Все они в дальнейшем писали якобы целиком по собственному желанию и от своего имени пропагандистские по своей сути произведения, проводившие согласованную с Бюро пропагандистскую линию. Эта их работа была строжайше засекречена, и впервые широкой публике о ней стало известно только в 1930-х гг. Инте-

художников-баталистов и кинематографистов, — оказалось весьма и весьма полезным и подготовило её к будущей работе в этой области во время Второй мировой войны.

(К этому остаётся только добавить, что Джон Бакен начинал карьеру в качестве личного секретаря лорда Милнера в Южной Африке и входил в первоначальный состав Милнеровского детсада. Соответственно, и Филлис Боттом, как его ученица и подопечная, попала с того момента на орбиту их «Тайного общества». — А. Б.)

«Во время Второй мировой войны» — если точно, то через два дня после вступления в неё Великобритании — Филлис Боттом уже получила официальное письмо из вновь созданного Министерства информации¹¹⁴ с указанием не соглашаться на поступление на службу в другие ведомства, поскольку она будет использована в качестве писателя. Боттом в ответном письме предложила использовать успех, которым один из её романов пользовался в США, и организовать очередной тур авторских встреч, во время которого она могла бы под предлогом чтения публичных лекций на литературные темы заниматься скрытно пропагандой. Она также отправила письмо своему доброму знакомому «Вану» — сэру Роберту Ванситарту, в котором повторила, что планируемый на зимние месяцы лекционный тур в США мог бы послужить прекрасным поводом и «легендой» для проведения пропагандистских мероприятий¹¹⁵. Ванситарт тут же организовал встречу Боттом и её супруга с руководителем Американского отдела Министерства информации сэром Фредериком Уайтом.

Следует обратить особое внимание на следующий факт: книги Филлис Боттом, которую в США воспринимали в значительной степени как

ресный штрих: фоторепортажи с фронта были разрешены только очень ограниченному числу официально назначенных фоторепортёров (некоторые историки утверждают, что таковых в Бюро было всего двое); всем остальным, кого могли застать за фотосъёмкой, грозила смертная казнь («с пропагандой не шутят» — если можно так выразиться). Даже в столь почётной и элитной компании Джон Бакен занимал совершенно особое положение: он обеспечивал выпуск регулярных «исторических» журналов — *Nelson's History of the War*; своего рода летопись войны, — выступая и как автор, и как издатель (печатало журналы его частное издательство *Thomas Nelson*); всего за время войны Бакен подготовил и выпустил 24 номера этого журнала.

¹¹⁴ Кэрролл Квигли оговаривает в «Англо-американском истеблишменте», что во время Второй мировой войны «Тайное общество» полностью контролировало Министерство информации.

¹¹⁵ Когда Филлис Боттом впервые отправилась на Западное побережье США знакомиться с калифорнийскими кинематографистами и литераторами (будущими организаторами и промоутерами её «лекций»), её встречали и вводили в местную интеллигентскую элиту одни из её самых активных и вездесущих членов («инсайдеры»), с которыми Форбс Деннис уже до того установил рабочие контакты. При том что дальнейшая работа Филлис Боттом в Калифорнии была направлена в первую очередь на достижение нужных Великобритании пропагандистских целей, становится очевидным и стандартный порядок действий тандема Форбс Деннис / Боттом, и то, как и чему они обучали таких своих подопечных, как Ян и Питер Флеминги. Сама Филлис Боттом в письме к Форбсу Деннису определила их задачу хоть и иносказательно, но в полном соответствии с генеральной линией «Тайного общества»: развить «в молодом поколении, даже если это будет и в совсем небольших масштабах, тот интернационалистский дух, который станет ещё одним незримым кирпичиком в фундаменте мира во всём мире».

соотечественницу, только в США и были по-настоящему популярны, да и то отнюдь не все (Боттом была на удивление плодовитым автором; правда, нередко писала не по вдохновению, а ради заработка). Самым успешным её романом стал Mortal Storm (1937), посвящённый трагедии становления нацизма в Германии. Писала его Боттом, уединившись в имении Tewin Water, куда её пригласила близкая подруга Лилиан Бейт (Картер), американка родом из Нового Орлеана и жена Отто Бейта¹¹⁶. Роман в США уже был феноменально раскручен ещё даже до его выхода в свет, поскольку хорошо вписывался в антинацистское движение левых интеллектуалов и еврейских общественных организаций.

После встречи с сэром Фредериком Уайтом в Министерстве информации Боттом отчиталась перед сэром Ванситтарттом: встреча прошла успешно, план действий выработан и утверждён. Таким образом Боттом вернулась на государственную службу и официально приступила к работе в качестве одного из британских агентов, задействованных в многоплановой и полномасштабной операции по вовлечению США в войну¹¹⁷.

В этой связи биограф Филлис Боттом объясняет, что в период между вторжением Германии в Польшу и до японского нападения на Перл Харбор правительство Великобритании стремилось вовлечь Соединённые Штаты в войну и использовало

¹¹⁶ С сёстрами Картер Филлис Боттом познакомилась благодаря своему дядюшке Кенни — Кеннету Фавеллу, семья которого вместе с другой роднёй Боттом считалась одним из основных железнодорожных магнатов империи и тесно сотрудничала в Южной Африке с Сесилом Родсом и его компанией по части строительства железных дорог. Лилиан Картер вышла замуж за Отто Бейта — одного из основных партнёров Родса в 1897 г. И вот Бейтов дядюшка Кенни и попросил пригласить в гости и приглубить его небогатую племянницу. Те с готовностью откликнулись, и таким образом в 1911 г. завязалась эта долгая и крепкая женская дружба.

Otto Beit (1865–1930). Младший брат и наследник Альфреда Бейта — он управлял его трастом, — попечитель вместе с Ротшильдами (после смерти лорда Милнера) траста, оставленного Сесилом Родсом (Отто Бейт, таким образом, управлял сразу двумя крупнейшими состояниями того времени). Отто Бейт один из учредителей и член совета Королевского института международных отношений — детища «Тайного общества» Родса и Милнера. В 1930-х гг. его дела принял сын — тоже Альфред Бейт (Alfred Lane Beit, 2nd Baronet of Twein Water. 1903–1994; женат на кузине, с одной стороны, знаменитых сестёр Митфорд, а с другой — жены Уинстона Черчилля Клементины), в 1930-х гг. один из самых богатых и влиятельных людей в Сити и в империи.

¹¹⁷ Хочу особо обратить внимание: Филлис Боттом, как и многие другие видные британские деятели из самых разных областей — науки, культуры, биржевой и банковской деятельности, — хоть и проходила «по Министерству информации», но зарплаты не получала и покрывала свои расходы за счёт своих публичных источников дохода (в данном случае — гонораров за лекции), и потому любая её пропагандистская деятельность, как и аналогичная деятельность многих других «британских агентов», формально могла рассматриваться как исключительно собственная, личная инициатива «агента». Другое дело, что государственные чиновники по своим конфиденциальным каналам активно способствовали преуспеванию их предприятий, а тесно связанные с ними частные предприниматели — как мы ещё увидим — весьма охотно платили им зарплаты за фиктивную работу, исполнения которой от них никто не ожидал и не требовал. Примером нечастого исключения из этого правила может служить Джордж Оруэлл: он в течение нескольких военных лет был штатным сотрудником Министерства информации и руководил редакцией радиовещания на Индию (именно этот свой опыт он затем использовал при описании печально знаменитого Министерства правды — Миниправа — в своём романе «1984»).

для этого различные дипломатические ходы и что заставить общественное мнение страны отказаться от изоляционистских настроений в пользу вступления США во Вторую мировую войну Великобритании удалось за счёт тщательно продуманной пропагандистской кампании, которая заключалась, по сути, в том, чтобы преподнести американцам эту войну в выгодном свете. Далее она пишет:

При этом в 1935 г. Конгресс США принял ряд законов, предписывавших неукоснительное соблюдение строгого нейтралитета, но это не помешало постоянному заместителю министра иностранных дел Ванситарту использовать в Европе собственное секретное сыскное агентство, состоявшее из представителей деловых кругов. Эти люди в тесном сотрудничестве со спецслужбами отслеживали рост немецкого милитаризма. Одновременно «Ван» поддерживал доверительные отношения с такими видными американскими журналистами, как Эд Мерроу, Эдгар Маурер и Дороти Томпсон¹¹⁸. И поскольку американцы были убеждены, что в 1917 г. уговорить Соединённые Штаты ввязаться в Первую мировую войну на стороне Антанты удалось главным образом за счёт эффективной британской пропаганды, на сей раз такую же пропаганду требовалось вести гораздо аккуратнее и без былой прямолинейности.

В своём письме Ванситарту Филлис Боттом тоже обратила особое внимание на свои близкие доверительные отношения с Дороти Томпсон, «чьё влияние в качестве ведущего обозревателя *Herald Tribune* имеет для работы в США огромное значение»¹¹⁹. Причём откровенно левые убеждения и очень мало тогда популярные постоянные и последовательные выступления обеих женщин в защиту евреев в Германии ничуть не помешали принятию этого плана.

Скорее всего, это объясняется тем, что до зачисления на службу по линии вновь созданного на время войны Министерства информации Филлис Боттом неофициально сотрудничала с «Фокусом», в котором Ванситарт был вместе с Черчиллем неформальным лидером и потому прекрасно знал, зачем и почему Боттом прово-

¹¹⁸ Dorothy Thompson (1893–1961). Прославленный борец за права женщин, журналист, первая женщина, поставленная во главе зарубежной службы ведущего американского органа СМИ (в 1927 г. руководство *The New York Post* назначило её главой своего корпункта в Берлине). В числе её друзей в Германии были Томас Манн, Бертольт Брехт, Стефан Цвейг. В предвоенные и военные годы её считали второй самой влиятельной женщиной в США (первой была Элеонор Рузвельт). Её синдицированную редакторскую колонку регулярно перепечатывали десятки газет по всей стране, её аудитория насчитывала более 10 млн. читателей. Филлис Боттом и Дороти Томпсон познакомились в 1920-х гг. в Вене и, поскольку обе придерживались близких взглядов на мир и основные политические вопросы того времени, быстро сошлись и сохранили свою дружбу до 1944 г. (в том году Филлис Боттом опубликовала сборник биографических очерков о людях, с которыми была близко знакома; она хотела включить в него и очерк о своей подруге, но Дороти Томпсон категорически воспротивилась, посчитав это «грубейшим вмешательством в личную жизнь»; на этом эпизоде дружба между Томпсон и Боттом прекратилась). Очевидно, что доверительные отношения между Филлис Боттом и столь влиятельной американской журналисткой, разделявшей к тому же её взгляды, имели принципиальное значение для успешного продвижения британской пропаганды в США.

¹¹⁹ Позднее лекции по заданию Министерства информации Филлис Боттом читала также и в Англии.

дила в своих произведениях линию, призывавшую к активному противодействию власти нацистов в Германии во имя прекращения преследований и репрессий, творимых в отношении евреев.

Ванситтарт, несомненно, тоже знал и точно так же понимал, зачем Филлис Боттом и Эрнан Форбс Деннис с конца 1920-х гг. поддерживали близкие отношения с женой Альфреда Адлера Раисой Тимофеевной Адлер (в девичестве Эпштейн; 1872–1962) — видной деятельницей феминистского и международного социалистического движения. Она происходила из семьи видных московских банкиров и промышленников, в 1895 г. уехала в Швейцарию получать высшее образование и через полтора года обосновалась в Вене, где встретила Альфреда Адлера и в 1897 г. вышла за него замуж. Начиная с 1929 г., активно сотрудничала с Львом Троцким. После так называемой «гражданской войны» 1934 г. в Австрии подверглась аресту как активный участник событий и затем в 1935 г. вместе с мужем эмигрировала в США. Примечательно, что объяснение этой вроде бы странной дружбы сотрудников британских спецслужб с лидерами международного социалистического движения и ведущими активистами Коминтерна¹²⁰ у биографа Боттом почти слово в слово повторяет то, что о «благородном Социализме с большой буквы» уже говорил за двадцать лет до того о себе лорд Милнер:

Видение австрийских социалистов отличалось от того, что преобладало среди российских большевиков, именно тем, что с точки зрения австрийцев трансформацию общества должны были обеспечить в первую и главную очередь культура и образование.

И ещё не менее поразительный факт: один из текстов, написанных не имевшей никаких еврейских корней Боттом, довольно долгое время использовался в США в еврейских семьях при исполнении обряда бар-мицвы¹²¹. Вот он (курсив сохранён авторский):

Мальчик мой... быть евреем значит принадлежать к старому и безобидному народу, проживавшему во всех странах мира и обогатившему каждую из стран, в которых он жил.

Это значит обладать той силой, что превозмогла все преследования: она дала мудрость среди невежества, честность среди разбоя, кротость среди зла, предприимчивость среди праздности, доброту среди жестокости! Это значит принадлежать к народу, который подарил Европе её веру, её нравственные заповеди, большую часть её познаний — и, возможно, даже в ещё большей степени её вдохновения — в изящных искусствах, литературе и музыке.

¹²⁰ Среди активистов Вилли Мюнценберга и агентов ОМС ИККИ в Европе австро-венгерские подданные еврейского происхождения составляли большинство.

¹²¹ Это отрывок из вышедшего в 1938 г. и сразу ставшего бестселлером в США романа *The Mortal Storm*. Один из главных героев — юноша, родившийся в семье еврея и немки, переживает по поводу насмешек и издёвок, которым подвергается со стороны одноклассников в школе, и обращается к отцу со своими сомнениями и размышлениями о том, почему именно к евреям такое отношение и что это вообще значит — быть евреем. Отец отвечает ему теми словами, которые и произвели столь глубокое впечатление на читателей романа в еврейской общине США. Эффект был тем более сильный, что в 1940 г. в Голливуде по этому роману был снят фильм, тоже имевший огромный успех.

Вот что значит быть евреем, и *теперь* ты это знаешь и понимаешь, что от тебя требуется! У тебя нет своей страны — у тебя есть только целый мир; и в наследство тебе достанутся только мудрость и братство. Не хочу сказать, что не бывает плохих евреев — ростовщиков, трусов, продажных и несправедливых людей, — хотя они есть и среди христиан. Хотел только сказать тебе, что значит стать и быть *хорошим* евреем. Такова задача каждого еврея, пока он молод. А дальше он либо отказывается от неё — на свой страх и риск; либо принимает, и тоже — на свой страх и риск.

Причём «странность» — многозначительность — процитированного текста не заканчивается на том, что он написан агентом британских спецслужб нееврейского происхождения. Вот ещё кусок текста:

Сионизм (в Австро-Венгрии) обосновался в умах накрепко, словно благая весть евангелистов. Его искра пробудила в молодых еврейских головах ход мысли, позволивший ощутить себя евреем и испытать в связи с этим гордость; радостно прочувствовать мощь и несгибаемость своего народа, его традиции, моменты его торжества, его страдания и сопротивление гонителям; посмотреть всему миру в лицо, не опуская глаз, и вкусить прелесть нравственной и интеллектуальной чистоты; познать великую честь принадлежности к народу, подарившему христианскому миру его божества и научившему половину Человечества монотеизму, народу, чьи идеи, как ничьи другие до или после него, повлияли на развитие и становление цивилизации, чьи находчивость и смекалка сформировали весь механизм современного предпринимательства и торговли и чьи художники, актёры, певцы и писатели наполнили своим творчеством мир культуры больше, чем представители любого другого народа.

«Многозначительность» этой второй цитаты заключается в том, что, несмотря на своё полное созвучие с текстом Филлис Боттом, написанным в 1937 г., написала процитированный отрывок вовсе не она: его автор — Викхэм Стид¹²². Он, как и Боттом, не один год прожил в Вене — в качестве собственного корреспондента главного органа печати «Тайного общества» и одновременно самой влиятельной британской газеты *The Times*¹²³.

Нужно правильно представлять себе значение Австро-Венгрии в становлении еврейской общественной и политической мысли XX века. Практически с начала

¹²² Steed, Wickham. *The Hapsburg Monarchy*. Chapter III. The People.

¹²³ Wickham Steed (1871–1956). Один из самых влиятельных английских журналистов первой четверти XX в. Долгое время руководил международной службой газеты *The Times* и тесно сотрудничал с её хозяином лордом Нортклиффом. В 1919–1922 гг. — главный редактор *The Times*. В Вене работал с 1902 по 1913 г. и потом считался лучшим в Лондоне специалистом по Австро-Венгрии; на всём протяжении Первой мировой войны консультировал британское руководство по связанным с ней вопросам. Именно он рекомендовал британскому правительству добиваться по результатам войны ликвидации Австро-Венгерской империи. В 1922 г., уйдя из *The Times*, возглавил другой ведущий печатный орган «Тайного общества» — *Review of Reviews*, который в 1890 г. создал на деньги Сесила Родса Вильям Стед — первый наставник Викхэма Стида ещё в газете *Pall Mall*, и он же редактор уже упоминавшегося ранее «Завещания» Сесила Родса.

правления Франца-Иосифа I в 1848 г. и вплоть до аншлюса в 1938-м еврейская община в империи — в первую очередь в Австрии — была наделена равными правами с остальными подданными, и были ликвидированы все существовавшие в остальных европейских странах ограничения. В результате уже в начале века, как свидетельствовал в своей посвящённой Австро-Венгрии книге Викхэм Сид, большинство журналистов были евреи, и вся «либеральная» (то есть не проводящая официальную линию католической церкви) пресса тоже принадлежала евреям.

В силу проделанного Сидом подробного и объективного анализа всего, что касалось еврейского меньшинства и его непропорционально большой роли в жизни имперского общества, его традиционно принято считать антисемитом. Однако, как видно из приведённого отрывка, его позиция отнюдь не была таковой, и вообще, как всякая продуманная и взвешенная позиция, она не была и не могла быть столь примитивно однозначной. Но зато в ней явно прослеживается просионистская линия «Тайного общества» и контролируемых им организаций на создание еврейского государства в Палестине.

Здесь следует не забывать: хозяин The Times лорд Нортклифф во время Первой мировой войны являлся одним из руководителей Министерства информации, в котором служила и Филлис Боттом: то есть и она, и Викхэм Сид были сотрудниками одной и той же спецслужбы уже тогда. А во времена «Фокуса» Викхэм Сид — руководитель группы, созданной организаторами для написания программного манифеста учреждаемого общества, то есть в некотором роде его главный идеолог. При этом понимании поразительное созвучие идейных постулатов Боттом и Сида в отношении евреев и одновременно их соответствие стратегическим целям «Тайного общества» становятся вполне логичными и понятными.

ПОСЛЕДНЕЕ, что хотелось бы подчеркнуть в отношении этой удивительной пары наставников братьев Флеминг. Они оба были классическими «вторыми сыновьями»: Эрнан Форбс Деннис был третьим сыном в семье (и потому на его образование в Оксфорде денег не хватило), но одновременно его крёстная мать Дора Делано Форбс (принадлежавшая к американской ветви дома Форбсов) доводилась родной сестрой Саре Делано Рузвельт¹²⁴, матери президента США Франклина Де-

¹²⁴ Форбсы и Делано состояли партнёрами в компании *Russell & Company*, являвшейся самым крупным американским оператором на опиумном рынке в Гонконге в XIX в. Отец сестёр Делано — Уоррен Делано Мл. — на пике своей карьеры в деловом мире был вторым лицом в этой компании. Во время Второй опиумной войны, когда главная британская (шотландская) фирма *Jardine Matheson* в силу наложенного на неё китайскими властями запрета была вынуждена временно прекратить свои торговые операции, именно *Russell & Company* взяла на себя доверительное управление всеми её активами. Все, кто участвовал тогда в этом бизнесе с обеих сторон, не только стремительно сколотили очень внушительные состояния, но и составляют сегодня одно из ядер нынешней мировой финансово-экономической элиты, причём отличающееся отменной сплочённостью. Показательный штрих: идея создания в Университете Йельса закрытого дискуссионного клуба — «тайного общества» по британскому образцу — принадлежала одному из Расселов (он был на тот момент секретарём университета); избранное учредителями название клуба — «Череп и кости», — скорее всего, служило шутивным напоминанием о том, как были сколочены состояния их родителей; недавний государственный секретарь США Джон Керри доводится правнучатым племянником одному из тех Форбсов.

лано Рузвельта, и была, по его собственному признанию, его «любимой тётушкой»; благодаря чему у Филлис Боттом и Эрнана Форбса Денниса с первой семьёй США сложились близкие отношения ещё задолго до того, как Рузвельт стал президентом (Боттом и об этой — уникальной — связи напомнила в своём письме Ванситтарту, посвящённом её возможностям в деле британской пропаганды в США). И Сара, и Дора, и их третья сестра Анни были весьма состоятельными женщинами: они получили очень солидное наследство от отца (известно, что, например, Дора получила около 1 млн. долларов, то есть девятизначную сумму в сегодняшнем выражении) и были к тому же замужем за партнёрами *Russell & Company*. Помимо этого, второй сын в семье Форбс Деннис — Стэнли, точь-в-точь как Клод Дэнси, отправился в поисках удачи в Южную Африку, где ему составил протекцию и устроил его на алмазные прииски тоже родной дядя — Гордон Форбс.

И вот уже с учётом всего этого следует воспринять совсем незаметный и проходной штрих в весьма пространном рассказе, который посвятила Филлис Боттом её биограф. В 1937 г. Эрнан Форбс Деннис организовал очередное лекционное турне Альфреда Адлера в Англии¹²⁵. О финансировании этого мероприятия Филлис Боттом договаривалась через свою подругу Лилиан с её сыном Альфредом Бейтом, единственным наследником и родным племянником тоже Альфреда Бейта, принявшим на себя не только благотворительные функции своего покойного дяди (о которых в основном и пишут официальные биографы), но и все остальные его дела, включая долгосрочные политические проекты, завещанные Сесилом Родсом. Трудно поэтому предположить, что ему были незнакомы принципы «подбора кадров», заложенные в основу «Тайного общества», одним из лидеров которого он уже несколько лет являлся по наследству.

Председателем оргкомитета, который Эрнан Форбс Деннис создал для проведения этого турне Адлера, стал Альфред Бейт, а казначеем — Ян Флеминг. И по этому случаю Боттом с гордостью поведала Бейту, представляя ему Яна:

Он — один из наших мальчиков.

¹²⁵ Именно во время этого турне — в мае 1937 г. — Альфред Адлер скоропостижно скончался.

Биографическая справка

Банковский дом Смитов¹²⁷. Изначально (начиная с 1658 г., когда был создан Smith's Bank of Nottingham) это сеть провинциальных банков и коммерческих организаций, принадлежавших членам семьи Смит.

Со временем Смиты учредили свой банк и в Лондоне. В 1902 г. произошло слияние семейных (частных) банковских структур Смитов с одним из акционерных банков, и был образован новый акционерный банк — Union of London & Smith's Bank (8 из 23 директоров которого принадлежали к семейству Смит).

В 1918 г. этот банк, в свою очередь, вошёл в состав National Provincial Bank (в 1947 г. его председателем был избран ещё один член дома Смитов), который в 1970 г. вошёл в состав National Westminster Bank — NatWest, причём сегодня NatWest официально ведёт свою родословную именно от Smith's Bank of Nottingham. Начиная с 2000 г., он входит в уже мирового масштаба банковский конгломерат Royal Bank of Scotland.

Джон Эйбел Смит (John Abel Smith; 1802–1871). Избирался в Парламент¹²⁸. Один из первоначальных партнёров, создавших Jardine, Matheson & Co. — главного

¹²⁶ Забавные старики.

¹²⁷ *The Smith's Bank*. Основанный Томасом Смитом (1631–1699) в Ноттингеме банк и его последующие филиалы и ответвления. Считается старейшим английским банком вне Лондона (какое-то время после учреждения он являлся единственным таким учреждением за пределами Лондона; старейший банковский дом в Лондоне — дом Бэрингов, *Barings*). Правнук Томаса Смита Роберт Смит (1752–1838) был удостоен дворянского титула и стал 1-м бароном Каррингтонским. Сын барона Роберт официально сменил фамилию и стал Робертом Карингтоном, 2-м бароном Каррингтонским. Их прямой потомок 6-й барон Каррингтонский — это Питер Карингтон (род. 1919), один из самых заслуженных деятелей современного британского истеблишмента: потомственный пэр, лидер Палаты лордов на протяжении целого ряда лет, занимал различные министерские должности в правительстве страны с 1951 по 1982 г., включая пост министра иностранных дел с 1979 по 1982 г. С 1984 по 1986 г. — генеральный секретарь НАТО. Является кавалером сразу трёх рыцарских орденов.

¹²⁸ Начиная с середины XIX в. не было ни одного созыва британского Парламента, в котором не заседал бы, по крайней мере, один Смит. Зато бывали созывы, во время которых в Парламенте одновременно заседали два, три и более членов дома Смитов.

оператора опиумной и чайной торговли в Китае и со временем в ими же zaloженном Гонконге. Участвовал в организации первой опиумной войны. В 1835 г. стал партнёром делового банка Magniac, Smith & Co., который был назначен лондонским агентом Jardine, Matheson & Co. В 1841 г. партнёром в банке стал также и сам Вильям Джардин, после чего банк был переименован в Magniac, Jardine & Co. В 1843 г. Вильям Джардин умер и его дела принял его главный партнёр Джеймс Матесон. В результате банк был переименован в Matheson & Co. и существует под этим именем до сих пор¹²⁹. В Matheson & Co. начал и закончил свою карьеру первый в руководстве Jardine, Matheson & Co. Кизик — Вильям (William Keswick. 1834–1912), внучатый племянник умершего бездетным Вильяма Джардина. В Гонконге и Йокогаме, где он учредил филиал Jardine, Matheson & Co., Вильям Кизик провёл в общей сложности 30 лет (с 1855 по 1886 г.). По возвращении в Англию он, помимо управления Matheson & Co., являлся депутатом Парламента (1899–1912)¹³⁰ и входил в совет директоров колониальной компании Hudson Bay Company — НВС. (Внук Вильяма Кизика и добрый приятель братьев Флеминг Тони Кизик являлся управляющим НВС с 1934 по 1941 г.)

В 1858 г. Джон Эйбел Смит и лорд Джон Расселл (дважды на протяжении в общей сложности восьми лет являвшийся премьер-министром Её Величества) представили Лайонела де Ротшильда в Палате общин британского Парламента (Ротшильд, первому еврею — члену британского Парламента, по решению последнего было тогда разрешено принять присягу не на Библии, а только на Ветхом Завете).

Хью Колин Смит (Hugh Colin Smith. 1836–1910) — сын Джона Эйбела Смита. Помимо руководства семейным банком — заместитель управляющего и затем в 1897–1899 гг. — Управляющий британского ЦБ (Bank of England). Его дочь Олив Смит вышла замуж за Гая Бэринга (Guy Baring; 1837–1916. Погиб на фронте в Первую мировую войну; тесная связь с домом Бэрингов, а через них и с конгломератом Anglo-American Corporation / De Beers особенно проявилась сразу по окончании Второй мировой войны, когда брокерская фирма Смитов Rowe & Pitman открыла свой филиал в ЮАР с целью обслуживания Anglo-American на южноафриканском рынке и служить связующим звеном с головной конторой Rowe & Pitman в Лондоне; во главе этого направления в Лондоне был поставлен Оливер Бэринг, прошедший до того пятилетнюю «последипломную» практику непосредственно в самой Anglo-American Corporation).

Сыновья Хью Колина Смита:

Вивиан Хью Смит, 1-й барон Бичестерский (Vivian Hugh Smith, 1st Baron Bicester, 1867–1956; выпускник Итона и Тринити Колледжа в Кембридже). В 1914–1956 гг. — управляющий Royal Exchange Assurance Corporation, член совета

¹²⁹ С 1848 по 1898 г. — то есть ровно пятьдесят лет — старшим партнёром (руководителем) Matheson & Co. был племянник Джеймса Матесона Хью Матесон (Hugh Matheson. 1821–1898). Джеймс Матесон предлагал ему приехать в Гонконг и принять от него руководство Jardine, Matheson & Co, но Хью отказался, полагая торговлю опиумом безнравственной. А вот управление фирмой, которая принимала в Лондоне корабли с товарами, фактически выменянными на опиум, и которая занималась организацией денежного оборота, обеспечивавшего весь этот «разврат», он безнравственным не посчитал.

¹³⁰ Кизики — как и Смиты, Хамбро и многие другие банковские фамилии — избирались в Палату общин практически при всех созывах Парламента, начиная с середины — конца XIX в.

директоров, директор управляющий Morgan Grenfell & Co. — лондонской банковской структуры, представляющей интересы J.P. Morgan & Co. в Сити.

Старший сын Вивиана Хью Смита Рэндэл Хью Вивиан Смит (Randal Hugh Vivian Smith, 1898–1968; Итон, Сэндхерст); член советов директоров Morgan Grenfell & Co., Shell Transport and Trading, Vickers и Bank of England.

Адмирал Обри Клэр Хью Смит (Admiral Sir Aubrey Clare Hugh Smith; 1872–1957) — младший сын Хью Колина Смита; начал службу на флоте курсантом в возрасте 13 лет. В 1920 г. назначен военно-морским адъютантом короля Георга V. Женат на Елизавете Гросвенор, племяннице 1-го герцога Вестминстерского. В 1908–1911 гг. — военно-морской атташе в Санкт-Петербурге. В 1914 г. броненосный крейсер «Дрейк» под его командованием вывез из Архангельска золото на сумму 8 млн. фунтов. В 1923–1927 гг. представлял британское Адмиралтейство в Лиге Наций. Затем заместитель начальника Разведки британских ВМФ (Deputy Director of Naval Intelligence) при адмирале Холле. После выхода в отставку занимался семейным банковским и брокерским бизнесом.

Адмирал Хэмфри Хью Смит (Admiral Humphrey Hugh Smith; 1875–1940). Погиб на капитанском мостике своего корабля, потопленного немецкой подводной лодкой.

Ланселот «Лэнси» Грей Хью Смит (Lancelot “Lancy” Grey Hugh Smith, 1870–1941; Итон и Тринити колледж, Кембридж) — сын Хью Колина Смита. В 1896 г. вошёл в качестве партнёра в брокерскую фирму Rowe & Pitman¹³¹. В 1897 г. посетил США, где познакомился и наладил тесные деловые отношения с Джеком Морганом — сыном Дж. Пирпонта Моргана из J.P. Morgan & Co. Через своих друзей Оппенгеймеров был непосредственно завязан на их алмазный бизнес, De Beers и Anglo-American plc. Зачинателем этой связи стал брат Лэнси лорд Бичестер — старший директор-управляющий делового банка Morgan Grenfell (головная структура Morgan Grenfell — банк J.P. Morgan — входил в число основателей Anglo-American plc и, собственно, послужил основанием для добавления слова American в название компании). Родной племянник Лэнси Хью Вивиан Смит (Hugh Vivian Smith), служивший на его фирме, был женат на леди Хелен, внучке 5-го графа Розбери (бывшего премьер-министра) и Ханны Ротшильд и племяннице Вильяма Гросвенора, 3-го герцога Вестминстерского¹³². Со временем он перешёл на работу в Anglo-American plc и встал во главе многих начинаний компании в Южной Африке, а ещё один партнёр Rowe & Pitman Эсмонд Бэринг (Esmond Baring) возглавил лондонское отделение Anglo-American plc. К тому же перед этим на Rowe & Pitman пришёл однокашник по Оксфорду наследника Anglo-American plc Гарри Оппенгей-

¹³¹ В 1935 г. Лэнси Хью Смит — к тому времени уже практически единолично руководивший Rowe & Pitman — «заманил» к себе (как он сам выразился) Яна Флеминга, взаимоотношения которого с этой ведущей брокерской конторой в Сити длились с того момента в той или иной форме до середины 1950-х гг. При этом все многочисленные члены дома Смитов в самых разных банковских и финансовых учреждениях в Сити вели свои дела через эту фирму — через «своих» брокеров, — и Ян таким образом получил постоянный прямой доступ к святой святых всех крупнейших операций на «международных финансовых рынках».

¹³² 7-й герцог Вестминстерский — 26-летний граф Гросвенорский (родился в 1991 г. и унаследовал герцогский титул в августе 2016 г.), состояние его сегодня оценивается в 13 млрд. долларов, и он считается самым богатым человеком планеты в возрасте моложе 30 лет. Он также является крёстным отцом возможного будущего английского короля, а пока что четырёхлетнего принца Джорджа Кембриджского.

мера Артур Левесон (Arthur Leveson), и вместе эта троица сумела вообще без помощи деловых банков привлечь всё необходимое финансирование для развития золотых приисков Goldfields¹³³. Кроме того, под руководством Лэнси Rowe & Pitman стала постоянным брокером Hambros Bank, с которым они потом даже занимали разные этажи в одном и том же здании, или ещё, например, газетного концерна лорда Бивенбрука — крупнейшего в империи и в мире, а также самого Бивербрука как физического лица. Нельзя забывать и о том, что Rowe & Pitman обслуживала как владельца Royal Dutch Petroleum Company Генри Дутердинга (Henry Deterding), так и владельца Shell Oil Company Уолтера Бэрстэда (Walter Bearstead), и что, когда настала пора слияния этих двух структур и создания Royal Dutch Shell, обслуживала эту транзакцию тоже Rowe & Pitman.

Будучи опытными и дальновидными банкирами, Смиты на протяжении двухсот лет за счёт продуманных браков с детьми ведущих дворянских семей последовательно укрепляли своё положение в высшем свете, и к началу XX века их дом уже имел несколько влиятельных ветвей. Ближайшая родня Лэнси Хью Смита создала мощнейший династический узел, увязывавший Смитов с Гренфеллами, Хамбро, Морганом и Бэрингами и их деловыми интересами. (Шестеро сыновей Хью Колина Смита добавили к своей фамилии имя своего отца и были известны как Хью Смиты.)

Кроме того, имея в числе партнёров Rowe & Pitman Джона Боуз-Лайона — второго без кавычек сына 14-го графа Стратморда и Кингхорна и родного брата будущей королевы Елизаветы, а после смерти её супруга Георга VI — королевь-матери, Лэнси смог получить в постоянные клиенты своей фирмы и саму Елизавету, и ещё полдюжины монархов.

Примером того, насколько тесными были связи Смитов с другими банковскими домами, может служить их «кузенство» с домами Хамбро¹³⁴ и Морганов. Двоюродный брат Хью Колина Смита Мартин Ридли Смит (Martin Ridley Smith) был женат на шотландке Эмили Стюарт, а его друг по Кембриджу Эверард Хамбро (Everard Hambro) — на её сестре Мэри (их свадьба состоялась в 1866 г.). Затем две дочери Ридли Смитов — Сибил и Винифред — вышли замуж за двух братьев Хамбро — Эрика и Олафа, а дочь одного из Хамбро Вайолет вышла замуж за сына Мартина — Эверарда Ридли Смита. При этом Эверард Хамбро с женой жили по соседству с семьёй Хью Колина Смита и поддерживали с ней близкие отношения. В 1871 г. они все вместе арендовали на лето имение в Рохамптоне (Roehampton; сегодня это предместье Лондона), где их соседом стал Джон Пирпонт Морган, и уже между этими тремя семьями завязались тесные отношения. Их укреплению и сохранению, несомненно, способствовало и то, что со временем сын Эверарда Хамбро Эрик и племянник Джона Пирпонта Моргана Уолтер Бернс (Walter Burns) по-

¹³³ Золотодобывающая корпорация, являющаяся составной частью структуры Anglo-American plc.

¹³⁴ Hambros Bank — один из основных деловых банков в Сити, созданный в середине XIX в. наследниками Калмера Леви, еврея, родившегося в Дании, в детстве увезённого в Гамбург, откуда он, достигнув совершеннолетия, перебрался обратно в Данию (где стал банкиром датского короля). Его сын и внук переехали в Англию, и учреждённый ими банк долгое время специализировался на посредничестве между Сити и финансовыми структурами скандинавских стран и несколько первых лет являлся их единственным агентом в Лондоне. Банк семьи Хамбро знаменит, среди прочего, тем, что имел доверительные и очень близкие отношения с Уинстоном Черчиллем и уже на самых ранних этапах был посвящён в секреты разработки атомного оружия.

ступили оба в Кембридж и там стали лучшими друзьями, после чего Бернс выбился на ведущую роль в английской структуре своего дяди — банке Morgan Grenfell & Co., основной партнёр которого Эдвард Гренфелл тоже доводился дядей, но уже братьям Хью Смитам (он был женат на родной сестре их матери).

Ну и чтобы представить, какой властью такое «кузенство» могло пользоваться¹³⁵, можно вспомнить, что американский банк Морганов J.P. Morgan & Co. получил на время Первой мировой войны эксклюзивные монопольные права на все военные поставки США европейским союзникам (которые он же в значительной степени и кредитовал). В связи с этим отвечавшие за данное направление руководители банка были в целях безопасности размещены на борту поставленного на рейде Нью-Йорка крейсера и получили от правительств США и Великобритании разрешение на поддержание прямой связи со своими контрагентами в Лондоне (всё теми же Смитами, Гренфеллами, Флемингами и Хамбро) с использованием собственных, не известных даже спецслужбам союзников шифров. Таким образом их «кузенство» стало на время войны практически суверенным самостоятельным и — что особенно впечатляет — формализованным образованием, выделившимся из воюющих государств и занявшим по отношению к ним стратегическую, командную позицию; образованием, которое по определению не могло существовать и функционировать без определённого количества собственных и никому не подотчётных «фельдъегерей» из числа особо доверенных лиц. Убедиться в том, кто именно эти фельдъегери были, вряд ли удастся в силу особенностей их роли и положения, но можно не сомневаться, что все или почти все они были «вторые сыновья», отпрыски — они же «агенты» — всё тех же банковских домов, которые в формате своего общего широкомасштабного «кузенства» уже практически ничем не отличались от крупнейших колониальных компаний типа East India Company или British South Africa Company.

Напоследок остаётся добавить, что один из главных представителей дома Хамбро — сэр Чарльз Хамбро¹³⁶ — во время Второй мировой войны руководил тем

¹³⁵ В реальности описываемое «кузенство» значительно обширнее по составу и охвату, и ниже в тексте ещё будут приведены соответствующие дополнения.

¹³⁶ Sir Charles Jocelyn Hambro (1897–1963). Получил образование в Итоне и Сэндхерсте. Участвовал в Первой мировой войне и был награждён за храбрость в бою. Обучался банковской профессии в США в принадлежавшей дому Морганов *Guaranty Trust Company* (в 1919–1920 гг., в Нью-Йорке, где он и его жена жили в доме Генри Моргана — внука Джона Моргана). В возрасте 20 лет уже принимал активное участие в слиянии своего семейного банка с *British Bank of Northern Commerce*, после которого его банк и получил своё окончательное название *Hambros Bank* (до этого он назывался *J.C. Hambro & Sons*). В возрасте 30 лет был избран директором *Bank of England*. В начале войны получил и принял предложение возглавить скандинавское направление в Министерстве экономической войны (*Ministry of Economic Warfare* — структура, созданная в правительстве для прикрытия диверсионной спецслужбы *Special Operations Executive, SOE*). С декабря 1940 г. также в течение года курировал деятельность французского, бельгийского, немецкого и голландского отделов *SOE*. За заслуги на этом поприще ему в 1941 г. было пожаловано рыцарское звание (редчайший для сотрудников британских спецслужб — вплоть до самых заслуженных — случай). С ноября 1941 г. — заместитель начальника *SOE*. В 1942 г. стал инициатором спецоперации, имевшей целью предотвратить поставки в Германию тяжёлой воды из Норвегии (она, правда, закончилась полным провалом). В конце того же года сменил своего начальника Франка Нельсона на посту руководителя *SOE*. Всё это время сохранял за собой должность президента *Hambros Bank*. Летом 1943 г. из-за разногласий с тогдашним министром экономической войны по вопросу подчинённости *SOE* уволился с должности начальника этой службы и потом до конца войны возглавлял британскую комиссию, отвечавшую в Вашингтоне за взаимодействие с США в рамках проекта по созданию атомной бомбы.

самым SOE, в котором под его непосредственным началом служил Вильям Кизик, а его интересы при китайском правительстве представлял друг служившего там же Питера Флеминга и младший брат Вильяма Кизика Джон. В свою очередь, сын Вильяма Кизика Джон Чиппендейл Кизик, чьи старший и младший братья Генри и Саймон Кизики по-прежнему руководят конгломератом Jardine Matheson Holdings, стал последним председателем совета директоров Hambros Bank (был поглощён в 1998 г. французским банком Société Générale) и до сих пор заседает в совете директоров De Beers — давнишнем и привилегированном клиенте Hambros Bank, который даже получил из-за этой близости прозвище «Бриллиантовый».

Предвоенный период в профессиональной жизни Яна Флеминга:

- октябрь 1931 г. — поступает на службу в агентство Рейтер;
- конец 1933 г. — переходит из Рейтер в частный семейный банк Cull and Company;
- июнь 1935 г. — переходит партнёром в брокерскую фирму Rowe & Pitman (и участвует в заседаниях её управляющих партнёров вплоть до середины 1950-х гг.);
- май 1939 г. — получает назначение на должность личного помощника директора разведки Военно-морского флота.

ПРИМЕРНО таким же знаковым перекрёстком и местом самых разных неслучайных встреч, каким Кицбюль явился для посвящения братьев Питера и Яна Флемингов во взрослую сокровенную жизнь серьёзных спецслужб, стало для дальнейшего обучения Яна «специемеслу»¹³⁷ старинное поместье Моттисфонт Эбби¹³⁸. Но сначала в жизни Яна случились три примечательных в этом плане события: в июле 1933 г. умер его дед Роберт Флеминг, Ян окончательно отказался от женитьбы на швейцарке Моник Паншо де Боттон и познакомился с подругой мамы Эви, женой банкира Гилберта Рассела по имени Мод¹³⁹. Причём все эти три события произошли практически одновременно и были тесно связаны между собой.

¹³⁷ Питер Флеминг с середины 1930-х гг. уже постоянно сотрудничал с британской военной разведкой и выполнял её вполне классические задания: под предлогом якобы сугубо приключенческих путешествий проводил рекогносцировку ещё не изученных территорий и дислокации сил потенциальных союзников и противников в Азии и на Дальнем Востоке — регионе, который станет для него «своим» на всю оставшуюся профессиональную жизнь.

¹³⁸ Mottisfont Abbey. Место расположения — Хэмпшир (на юго-запад от Лондона на атлантическом побережье; в Хэмпшире традиционно расположены многие курорты и иные туристические объекты и места отдыха). Первое воздвигнутое на этом месте здание — приют для странствующих монахов, живущих на подаяния — было построено в 1201 г. на деньги преуспевающего торговца. После эпидемии чумы в середине XIV в. приют пришёл в упадок, но после проведённой в первой половине XVI в. королём Генрихом VIII и его ближайшим сподвижником Томасом Кромвелем реформы и ликвидации всех английских монастырей приют был передан во владение придворному деятелю, который достроил его и привёл в порядок. С тех пор поместье неоднократно переходило из рук в руки и менялось в зависимости от вкусов своих хозяев. Наконец, в 1957 г. оно было передано государственному фонду культурного наследия (хотя сама его последняя хозяйка прожила в нём после этого ещё 15 лет).

¹³⁹ Maude Russell (1891–1972). Родилась в семье преуспевающих иммигрантов-евреев немецкого происхождения (её отец — Paul Solomon Nelke, 1860–1925 — являлся старшим партнёром в преуспевающей брокерской конторе *Nelke, Philipps & Company*, одним из брокеров которой в начале XX в. являлся младший брат Уинстона Черчилля Джек — John Spencer Churchill).

Роберт Флеминг в своём завещании по каким-то так и оставшимся непонятым причинам детям своего покойного старшего сына не оставил ничего. Вообще ничего. И как только это обнаружилось, стало ясно, что всем четырём сыновьям мамы Эви надо делать какой-то выбор в пользу того или иного своего будущего — семейного банкирского (то есть более чем хорошо обеспеченного) или какого-то иного. Младшие братья Питера и Яна Ричард¹⁴⁰ и Майкл¹⁴¹ выбрали первый путь и уже работали в банке деда под началом своего дяди Филипа Флеминга (младшего брата их покойного отца Валентайна). Питер — уже до того отказавшийся от карьеры в банковском бизнесе — буквально через месяц после смерти деда, в августе 1933 г., опубликовал свою первую документальную повесть, посвящённую его (единственным сугубо «гражданским») приключениям в непроходимых лесах в бассейне Амазонки; книга имела огромный успех, и благодаря ей Питер в одночасье превратился в преуспевающего популярного автора.

Так что «непристроенным» оказался, по сути, один Ян: его заработок в телеграфном агентстве составлял смешные для людей его круга пару-тройку сотен фунтов в год, и потому для поддержания подобающего ему образа жизни он нуждался в солидном дополнительном доходе и целиком зависел в этом смысле от пособия, которое ему выплачивала из своего впечатляющего вдовьего дохода мать. Но при этом мама Эви как раз тогда всерьёз задумала выходить замуж, а это по условиям завещания её покойного мужа автоматически лишало её львиной доли её «пенсии», и потому она в письме, адресованном своим сыновьям, написала без обиняков:

Думаю, настал момент, когда я могу сообщить вам, что в отношении всех вас я свою задачу практически выполнила.

Для Яна это недвусмысленно означало, что с телеграфным агентством придётся расстаться. И вот тут, как пишет его биограф, мама Эви якобы столкнулась со своей подругой Мод, и вдвоём эти две ушлые «банкирские жены» пристроили «мальчика» в банк к супругу Мод Гилберту Расселу; тем более что у Гилберта, который был старше своей супруги почти на двадцать лет, как раз подступал выход на пенсию, и он мог через год-полтора передать своё место партнёра в банке *Cull and Company* Яну. Подкреплением данной версии имплицитно служит то, что *Cull and Company* был создан в значительной степени на деньги отца Мод, причём специально, чтобы пристроить не имеющего особой деловой хватки, мечтательного и интеллигентного зятя к денежному делу и тем самым косвенно обеспечить дочке безбедную жизнь. Так что замолвленное за Яна слово спонсорской дочки должно было иметь в этом банке свой вроде бы достаточно очевидный вес.

Другим тоже вроде бы доказательством в пользу указанного мотива ухода из Рейтер может служить письмо, которое сам Ян Флеминг написал своему непосредственному начальнику Рикатсону-Хатту и в котором он, в частности, подтвердив, насколько интересной была его жизнь в прошедшие два года, признался:

¹⁴⁰ Richard Fleming (1910–1977). Сегодня его внук Adam Fleming (род. 1948) входит в эксклюзивный клуб британских миллиардеров и является одним из ведущих операторов на мировом рынке физического золота, а также имеет значительные активы в Южной Африке. Его известное состояние кратно превышает официальное состояние любого из членов дома Ротшильдов.

¹⁴¹ Michael Fleming (1913–1940) погиб на войне.

Противная это затея — отказываться от радостей жизни ради денег (под «радостями жизни» он в данном случае имел в виду работу журналиста-международника. — А. Б.)... Но иного выхода не было, на меня со всех сторон давили и подталкивали в этом направлении. Меня уверяли, что это будет «правильный поступок» на благо семьи — ну вот я так и поступил.

Прежде чем вернуться к Мод и её интригам в интересах Яна, хочу обратить внимание на первую неоднозначную во всём этом эпизоде деталь. Поскольку Ян был в тот момент холостяком и поскольку очень маловероятно, чтобы родные братья оказывали на него какое-нибудь давление «в интересах семьи» — то есть самих себя, вполне уже пристроенных в семейное дело, — здравый смысл подсказывает, что те, кого Ян имел в виду и кто, по его словам, давил на него, имели в виду «семью» в расширенном значении «семейное дело». То есть совершить самоотверженный поступок ему предлагали в интересах банка *Robert Fleming & Co*. И если с этим согласиться, то сразу появляется более чем весомое доказательство, подтверждающее эту гипотезу.

ВТОРЫМ по значимости клиентом банка *Cull and Company* являлась шотландская нефтяная компания *Burmah Oil*. В состав её совета директоров и одновременно в совет директоров созданной ею нефтяной компании *Anglo-Persian Oil Company* (которую в 1935 г. переименовуют в *Anglo-Iranian Oil Company (AIOC)*, а в 1954 г. в *British Petroleum*) входил некий Гилберт Вигхэм (Gilbert Whigham). У него было пять братьев, один из которых — Джордж Вигхэм (George Whigham) — являлся председателем совета директоров самого крупного клиента *Cull and Company* — ведущего британского химического концерна *British Celanese*. Следующий их брат Чарльз (Charles Whigham) числился среди директоров банка *Morgan Grenfell*, головная контора которого располагалась дверь в дверь с офисом *Cull and Company*, и был знаменит тем, что совместно с Джоном Пирпонтсом Морганом (сыном партнёра Роберта Флеминга Джуниуса Моргана) организовывал кредиты американских банков, обеспечившие Великобритании возможность довести Первую мировую войну до победного конца. Наконец, четвёртый из шести братьев — Уолтер Вигхэм (Walter Wigham) — это партнёр, с которым Роберт Флеминг создавал свой лондонский филиал, ставший впоследствии головной конторой его банка; именно он, Уолтер Вигхэм, после смерти Роберта Флеминга в 1933 г. занял его место на посту председателя совета директоров *Robert Fleming & Co*.

Так что теснейшее «кузенство» среди ближайших партнёров Роберта Флеминга в данном случае налицо. Однако дело этим не ограничивается; скорее, оно с этого момента только начинается. Это становится очевидно, стоит чуть тщательнее присмотреться к структуре собственности нефтяной компании *Burmah Oil* — второго, повторюсь, по значимости клиента *Cull and Company*.

Вот список её основных акционеров:

- страховые структуры *Scottish Widows Funds* и *Life Assurance Society*;
- инвестиционные трасты под управлением УК *Murray Johnstone*;
- инвестиционные трасты под управлением банка *Robert Fleming & Co.*;
- паевые фонды под управлением УК *Save and Prosper*;
- паевые фонды компании *Scotbits Securities*.

Scotbits Securities — это зарегистрированное в Шотландии дочернее предприятие управляющей компании *Save and Prosper*, которая находилась в совместной собственности двух обслуживавших *Burmah Oil* деловых банков — *Robert Fleming & Co.* и *Barings*, а также *Bank of Scotland* и *Atlantic Assets Trust*; эта последняя структура, в свою очередь, находилась под управлением УК *Ivory and Sime* (о её участии в остальных структурах см. ниже). Трасты под управлением УК *Murray Johnstone* и *Burmah Oil* — это вообще давнишние партнёры: компанию *Burmah Oil* создавал Дэвид Каргилл, а развивалась она под управлением его сына, сэра Джона Каргилла, который в период между двумя войнами являлся председателем целого ряда трастов, находившихся под управлением УК *Brown, Fleming and Murray* (предшественницы *Murray Johnstone*). В свою очередь, один из более поздних председателей совета директоров *Burmah Oil* — он ушёл с этого поста в 1974 г. — и после отставки оставался председателем всех трастов под управлением *Murray Johnstone*. Не менее тесные взаимоотношения с этими трастами имел и сам банк *Robert Fleming & Co.*, являвшийся близким партнёром структур дома *Murray* (в частности, крупной шотландской бухгалтерской фирмы *Whinney, Murray* и юридической фирмы *Maclay, Murray and Spens*). УК *Ivory and Sime* управляла паевыми фондами *Scotbits Securities* и имела через *Atlantic Assets Trust* крупную долю в капитале *Save and Prosper* (в 1980-х гг. банк *Robert Fleming & Co.* выкупил все доли этой старейшей УК Великобритании и стал её единственным собственником). Трасты *Scottish Widows Funds* через взаимные членства в советах директоров друг друга были связаны с группой компаний *Murray Johnstone* (дважды), с трастами под управлением Флемингов (дважды), с *Save and Prosper* (один раз) и с *Ivory and Sime* (дважды). Наконец, в совете директоров *Burmah Oil* заседали семь исполнительных директоров — штатных сотрудников компании — и шесть сторонних, из которых трое также входили в правление флеминговских трастов, один являлся членом правления банка *Robert Fleming & Co.*, ещё один являлся членом правления ряда фондов под управлением *Murray Johnstone*, другой состоял в правлении *Scottish Widows Funds* и, наконец, ещё один заседал в совете директоров *Bank of Scotland*.

У нас в России сегодня банки и аффилированные организации с такой структурой собственности и управления, как у *Cull and Company*, *Burmah Oil* и *Robert Fleming & Co.*, принято называть «карманными», так что очевидно, что Яна «семья» направила именно в свой «карманный» банк. Но при этом следует не упускать из вида, что, например, построенный и принадлежавший *AIOC* (то есть Флемингам и их партнёрам) нефтеперерабатывающий завод в Абадане, начиная с 1938 г. много лет оставался самым крупным предприятием своего профиля в мире, а сама *AIOC* (уже под названием *British Petroleum*) к началу 1970-х гг. являлась не просто самой крупной по капитализации корпоративной структурой Соединённого Королевства, а самой крупной с большим отрывом, и если это и правда должным образом учитывать, то нельзя не прийти к выводу, что Яна уже какое-то время готовили, знакомили и продолжали знакомить на практике не просто с семейным бизнесом, а с бизнесом мирового масштаба. Он отучился в двух вполне международных университетах — Мюнхенском и Женевском, — выучил иностранные языки (в том числе весьма экзотический для британца русский язык), прошёл стажировку в Лиге Наций, завершил набор нужного практического «твор-

ческого» опыта за год учёбы у Филлис Боттом и затем два года работал в телеграфном агентстве¹⁴². Следующим логичным шагом должно было стать знакомство уже непосредственно с деловой практикой семейного дела. То, что Ян при этом получил возможность иметь независимый от мамы Эви и приличный для человека его круга доход, было, скорее всего, с точки зрения «семьи» попутным и даже вполне второстепенным бонусом¹⁴³.

В качестве близкого аналога можно привести пример аналогичного «обучения ремеслу» практически в те же годы отпрыска другого, не менее влиятельного предпринимательского дома с не менее глобальным, чем у Флемингов, распространением деловых интересов — Маркуса Валленберга младшего¹⁴⁴. У него этот процесс занял пять с половиной лет, с сентября 1920 по декабрь 1925 г., и включил в себя следующие этапы:

- практика в частной банковской структуре Pictet & Cie в Женеве; приступил к работе в сентябре 1920 г. и проработал ровно год;
- практика в частном банке Lazard Brothers в Лондоне; приступил в октябре 1921 г. и вернулся в Швецию в сентябре 1922 г.;
- практика в First National City Bank в Нью-Йорке; приступил в ноябре 1922 г.;
- июнь – сентябрь 1923 г.: перерыв в стажировке по случаю женитьбы;
- в сентябре 1923 г. уже в сопровождении молодой жены вновь прибыл в Нью-Йорк для продолжения практики в США; возобновил её уже в Brown Brothers в Нью-Йорке; одновременно активно вёл дела по поручению семьи со многими партнёрами в США; закончил практику в США в мае 1924 г.;
- по-прежнему в мае 1924 г. приступил к стажировке в Hambros Bank в Лондоне; завершил её в августе того же года;
- в сентябре переехал в Париж и провёл полгода в Crédit Lyonnais;
- наконец, в мае 1925 г. приступил к работе в Darmstädter und

¹⁴² С тех самых пор и поныне все без исключения, кто пишет или высказывается о Яне Флеминге, отмечают его отменную способность излагать мысли на бумаге внятно, кратко, понятным языком и — быстро.

¹⁴³ Стоит отметить ещё одно совпадение: Гилберт Расселл в Первую мировую войну служил майором в военной разведке и все те два года, что Ян проработал с ним в *Cull and Company*, облегчал Яну, как выразился биограф, «контакты с влиятельными военными».

¹⁴⁴ Marcus Wallenberg Jr. (1899–1982). Представитель как минимум пятого поколения дома Валленбергов (первый известный своими достижениями в предпринимательстве Валленберг доводился прапрадедом деду Маркуса — основателю их семейного банка Андре Оскару Валленбергу. С 1925 г. и до конца жизни Маркус Валленберг-младший входил в том или ином качестве в высшее руководство семейного банка *Stockholms Enskilda Bank*, переименованного в 1972 г. в *Skandinaviska Enskilda Banken* (в 1938–1943 и в 1969–1971 гг. являлся председателем совета директоров; в 1946–1958 гг. директором-управляющим), а также в руководство большого числа производственных структур, подконтрольных банку (многие из них — *Ericsson*, *SAS*, *ABB* и другие — являлись в разное время признанными мировыми лидерами в своих отраслях), и различных профессиональных и неправительственных ассоциаций и обществ.

Nationalbank в Берлине (одновременно с работой в самом банке принимал участие в оформлении выпуска Чешского, Российского и Германского займов; неоднократно встречался и совещался с отцом и старшим братом, совершал деловые поездки в разные страны Европы) и в декабре 1925 г. завершил своё обучение: вернулся в Стокгольм и приступил к полноценной работе в семейном банке (уже через два года он являлся заместителем директора-управляющего).

Как можно видеть, процесс обучения включал в себя не только и не столько освоение собственно технических аспектов банковского дела (хотя и это тоже, конечно), сколько в первую очередь знакомство с основными финансовыми рынками и его ведущими агентами — партнёрами семейного бизнеса, а также установление личных связей с ними для дальнейшего конфиденциального ведения дел. Одновременно этот пример — в сочетании со многими другими аналогичными примерами — позволяет ясно понять, откуда и как вырастает это международное и абсолютно космополитичное сообщество людей, способных сотрудничать друг с другом и сохранять лояльность друг другу и своему делу вне зависимости от изменений в политической сфере в странах, где формально числились их финансовые учреждения, трасты, фонды и иные предприятия.

НЕСКОЛЬКО более весомым и вероятным объяснением настоящей роли, которую Мод Расселл сыграла на том этапе в жизни Яна Флеминга, может служить второе знаковое событие в жизни Яна в ту пору — его окончательный разрыв с Моник Паншо де Боттон.

Сдав успешно экзамены в Форин-офисе и поступив на работу в агентство Рейтер, Ян о Моник вовсе не забыл, тем более что по швейцарским понятиям (и, как позднее выяснилось, по законам тоже) Ян и Моник были помолвлены. Во всё время своего пребывания в Швейцарии в качестве студента и стажёра, а потом и во время более поздних наездов в Женеву уже по заданию агентства или, возможно, кого-то более конфиденциального Ян всё свободное время проводил в семье Моник. И потому-то молодых людей по местным правилам приличия и посчитали помолвленными, тем более что им самим этот статус вполне импонировал: они всерьёз собирались вступить в брак и зажить счастливо.

Однако такое развитие событий никак не устраивало маму Эви, и она принялась аж шантажировать Яна его отлучением в случае женитьбы от денежного пособия, и эта её неблагоприятная линия поведения, увы, действительно имела место, поскольку зафиксирована на бумаге. А вот чего на бумаге нет, так это подтверждения, что вступление Яна в близкие отношения с Мод (которая была старше его на 17 лет) произошли тоже с подачи мамы Эви и с той же целью — оторвать Яна от его швейцарской зазнобы. То, что вынужденный разрыв с Моник и знакомство и близость с Мод случились почти одновременно, подталкивает, конечно, мысль в коварном направлении, но всё равно ничего наверняка утверждать нельзя. И в любом случае — даже если нечистый на руку «заговор банкирш» и существовал — дальнейшие многолетние и очень близкие отнюдь не только в плотском смысле отношения, которые

сложились между Яном и Мод¹⁴⁵, позволяют без зазрения совести закрыть глаза на возможные первоначальные интриги двух почтенных дам.

С одной стороны, Мод в свои сорок с хвостиком лет была, несомненно, красива, изящна и соблазнительна, хорошо отдавала себе в этом отчёт и умело пользовалась полученными щедрыми дарами Природы; что не было особым секретом ни для её пожилого супруга, ни для общества. Ян тем не менее какое-то время был ею откровенно очарован (и даже написал однажды об этом в своей обычной грубовато прямолинейной, не допускающей двусмысленности манере: якобы самая подходящая партнёрша — это еврейка на четвёртом десятке лет, которая знает толк в любовных утехах и в подбадривании не нуждается). А с другой стороны, из опубликованных впервые полгода назад дневников Мод видно, что её дом служил Яну некой «безопасной гаванью»: он постоянно приходил к ней с работы в Морском министерстве пообедать или поужинать вдвоём, и то, что у неё давно уже тянется бесконечный роман с русским художником-эмигрантом Борисом Анрепом, а он всё никак не соберётся жениться на глубоко преданной ему молодой жизнерадостной красавице и всеобщей любимице Мюриел Райт¹⁴⁶ (она погибнет в 1944 г., во сне, во время очередной бомбёжки Лондона), никак не сказывается на удивительной искренности и эмоциональной открытости их застольных бесед. Может быть, поэтому не кажется ничуть странным, что не кто-то другой, а именно Мод через три года после войны выложила на стол (заплатила) 3000 фунтов стерлингов за участок земли на Ямайке и ещё 2000 за строительство дома на этом участке — и тем самым подарила Яну его заветную мечту, которой он несчётное число раз делился с ней в военные годы: отныне у него появилось идеальное место для уединения вдали от цивилизации — его ставшая с тех пор легендарной вилла Goldeneye, в которую он через пару лет привёл свою — другую — женщину. Бесспорно, что такая забота о любимом человеке без всякой надежды на будущее — это уже за пределами просто любви¹⁴⁷.

¹⁴⁵ Отношения между Мод и Яном прекратились окончательно после того, как Ян женился. А до того они сохранялись больше 20 лет и были очень доверительными, хотя, конечно, физическая близость закончилась намного раньше.

¹⁴⁶ Все общие друзья Яна и Мюриел были уверены, что они рано или поздно поженятся — настолько они были близки. Все они вспоминают, что, когда Мюриель погибла — её убил случайный обломок кирпичной кладки, влетевший при взрыве бомбы на улице через окно и попавший ей, спящей в кровати, прямо в голову, — друзья и сослуживцы Флеминга всерьёз переживали за него. Мод Расселл в своём дневнике тоже упоминает, что, по её убеждению, Флеминг после смерти Мюриел наверняка винил себя за то, что так и не женился на ней.

¹⁴⁷ Во время войны Ян неоднократно предлагал Мод жениться на ней, потому что она обладала качествами, как сказал он однажды, которые ему нужны в женщине. Вот что она ему ответила (цитирую по записи в её дневнике):

«— Нет, при том, сколько лет тебе и сколько мне, это невозможно. — А если бы я был на пять лет старше? — Всё равно нет, — сказала я. — Ты для этого должен быть хотя бы на десять лет старше...» Он же на шестнадцать с половиной лет младше меня. Женщине в 52 пытаться угнать-

Как раз тогда, когда между Мод и Яном завязался роман, Гилберт Расселл купил поместье, достаточно просторное и достойное для бесконечной череды обедов, ужинов и «загородных уикендов»¹⁴⁸, которыми он и Мод развлекали таких своих светских друзей, как супруги Черчилль (жена Уинстона Клементайн числилась в близких подругах) или Купер (жена Альфреда Даффа Купера Диана Купер, помимо того что была главной театральной дивой послевоенной эпохи и ещё одной близкой подругой Мод, доводилась дочерью 8-му герцогу Рутлендскому, который её вынужденное замужество¹⁴⁹ за прямым потомком отпрыска королевских кровей посчитал мезальянсом, поскольку рассчитывал — и по своему положению в обществе имел на то полное право — выдать дочь за первого в очереди претендентов на королевский трон принца Уэльского. Одновременно среди гостей числились и такие влиятельные люди, как Роберт Ванситтарт или члены Парламента Арчибалд Синклер и Харкорт Джонстон. Отнюдь не все они разделяли либеральные левые взгляды Мод, но зато всех их объединяла главная идея — идея непримирения с Гитлером.

Уже одного этого единомыслия их круга было достаточно для того, чтобы поместье Моттисфонт Эбби стало местом регулярных конфиденциальных встреч членов «Фокуса» — официальный предлог для этого получался идеальный. Однако был — или, точнее, мог быть — и ещё один, более серьёзный и небезопасный резон.

КАК пишут биографы, и Ян, и Мод после прихода Гитлера к власти принялись оказывать помощь немецким евреям, желавшим покинуть страну. Практически на всём протяжении 1930-х гг. выехать из Германии евреи в принципе могли, но связано было это предприятие с двумя принципиальными трудностями: нужно было заручиться согласием какой-нибудь страны принять отъезжавших и получить её визу¹⁵⁰ и нужно было оставить в Германии практически всё нажитое — то есть за-

ся за мужчиной, которому 36, бесполезно. И к тому же через сколько-то лет он может полюбить другую и захочет, чтобы я его отпустила. А поскольку я в этом случае должна буду вернуть ему свободу, то получится, что после многих ненужных переживаний и страданий я всё равно опять останусь одна.

¹⁴⁸ В книге гостей поместья Ян Флеминг среди многочисленных посетителей и гостей — один из главных завсегдатаев.

¹⁴⁹ Леди Диана Купер (тогда ещё Маннерс) до начала Первой мировой войны была самым знаменитым членом и главной заводилой в неформальном аристократическом кружке *The Coterie*. Однако к концу войны практически все входившие в него мужчины — а среди них были сыновья премьер-министров и первых аристократических семей империи — погибли на фронтах (это их сверстников называли потом «потерянным поколением»). Альфред Дафф Купер оказался единственным выжившим счастливым членом среди своего и леди Дианы поколения членов *The Coterie*, и потому ей в некотором смысле не оставалось ничего другого, кроме как выйти за него замуж.

¹⁵⁰ Все, кто занимаются изучением истории жизни Л. Троцкого, хорошо знают, с каким трудом после его изгнания из СССР в 1929 г. и после скольких скитаний по свету и принудительных высылков удалось наконец устроить его на более или менее постоянное место жительства в Мексике. Но редко кто из этих историков подчёркивает, что судьба Троцкого в этом смысле не была такой уж уникальной. Все пытавшиеся бежать от нацистов евреи сталкивались за пределами Германии с такими же или примерно такими же трудностями. Вопреки тому светлому образу, который сегодняшние «демократии» пытаются сами себе создать, они в предвоенный период вовсе не спешили принимать беженцев из Германии, а нередко просто недвусмысленно отказывались это делать, США и Великобритания в том числе.

конно уехать можно было только фактически нищим, без всяких средств к существованию.

Для решения этой второй проблемы Ян и придумал простой и одновременно нестандартный способ, описанный его биографом. Он с помощью Перси Мюира — серьёзного специалиста в книжном деле, ставшего со временем его близким другом, — занимался коллекционированием первых изданий книг и монографий, в которых излагалось какое-нибудь научное, техническое или иное новшество¹⁵¹. В поисках таких книг Перси Мюир ездил по заданиям Флеминга в разные страны, но чаще всего — в Германию. И вот там он у желающих уехать евреев покупал нужные для коллекции издания, но не за полную цену, а за копейки. А разницу потом владельцам выплачивали уже по их прибытии на свободу.

Однако эта милая лепота вызывает сомнения как минимум по двум причинам. Во-первых, Перси Мюир в процессе этих поездок зачем-то неоднократно пересекался с Флемингом в Кицбюле — за счёт самого Флеминга. Опять — чтобы «поплескаться в озере» и «взбежать на вершину» посреди зимы? Во-вторых, коллекция, собранная в тот период, это несколько сот единиц, приобретённых из всех источников во всех странах, причём на момент приобретения большинство из них высокой рыночной стоимости не имели. Соответственно, общая стоимость их выражалась в лучшем случае шестизначной цифрой в современном выражении — меньше, чем состояние всего одной и даже не богатой, а просто зажиточной еврейской семьи. Не тысячи, не ста и даже не десяти; *одной* семьи.

О чём же тогда речь и почему биографы Флеминга тем не менее упоминают об этой детской и в своей простоте, и по своим масштабам уловке как о реальном серьёзном мероприятии, продолжавшемся не один год?

Подсказкой в поиске правильного ответа может служить в данном случае вот что. Биографы рассказывают, что у Мод в Германии имелось немалое количество родственников-евреев, которым она — именно при содействии Яна — якобы пыталась помочь эмигрировать и при этом не потерять всё нажитое. Однако даже сами биографы слегка удивляются собственному предположению, отмечая, что уж слишком часто и со слишком многими якобы родственниками-евреями она тайно сносилась; просто для организации невинной аферы с недооценёнными книгами столько контактов явно не требовалось; да и столько родственников вообще вряд ли у кого-нибудь может быть. И в завершение следует — и, как обычно в таких случаях, зависает в воздухе осторожное предположение: при том, насколько тесны были связи Мод и Яна с деятелями «Фокуса», вполне возможно, что имела место какая-то посредническая цепочка при участии Мод и Флеминга¹⁵² с выходом на хорошо знакомые её отцу еврейские предпринимательские круги в Германии...

¹⁵¹ Поставленную перед Мюиром задачу сам Флеминг сформулировал так: покупать первые издания «книг, являющихся вехами прогресса; книг, которые положили начало чему-нибудь». После смерти Яна, собранную им немалую библиотеку его вдова Энн продала в Университет штата Индиана, где она и хранится с тех пор в специализирующейся на редких и коллекционных изданиях университетской библиотеке *Lilly Library*.

¹⁵² Непосредственно перед переходом Яна Флеминга в *Cull and Company* его вдруг в срочном порядке отрядили в берлинское бюро Рейтер — якобы для оказания помощи его сотрудникам в освещении грядущего плебисцита (референдум, по результатам которого немцы большинством в 95% при явке 96% проголосовали за выход их страны из Лиги Наций; референдум проводился одновременно с выборами в Рейхстаг).

Когда такие намёки — классическое *innuendo* — звучат из уст добропорядочных британских биографов и историков, заручившихся поддержкой влиятельных потомков — «семьи» — объекта их интереса, можно не сомневаться, что это не предположение, а констатация факта, но только облечённая по желанию «семьи» в предельно осторожную форму: дабы не разлетались по миру в виде надёрганных шустрými шелкопёрами «сенсационных» цитат неподобающие сообщения о том, что тот или иной отпрыск того или иного семейства с безупречной репутацией и мировым именем — вы только подумайте! — был *шпион* (что, естественно, недостойно человека благородных кровей)¹⁵³!

Эксцентричным без меры, но и не менее увлекательным исключением из этого правила стал человек, чья судьба тесно переплелась и с поместьем Моттисфонт Эбби, и с борьбой за право еврейского народа за свой национальный дом в Палестине, и с британскими спецслужбами, и с Организацией Z, и с «Фокусом», и с самыми влиятельными банковскими домами Британской империи, и с обоими главными призваниями Яна Флеминга: агента международного предпринимательского конгломерата своей семьи и сочинителя плутовских романов о собственных несостоявшихся похождениях в качестве *британского* агента.

Человек этот — Ричард Майнертцхаген. В Моттисфонт Эбби он провёл всё своё детство и отрочество, поскольку его семья на протяжении нескольких десятилетий арендовала поместье¹⁵⁴, и когда было принято решение от него отказаться, Ричард умолял родителей не делать этого: настолько он любил Моттисфонт Эбби¹⁵⁵. Его первые активные публичные заявления и действия в защиту интересов еврейского народа относятся ко времени накануне Парижской мирной конференции, и после этого они продолжались всю его оставшуюся жизнь. В британской разведке — сначала военной, а потом политической — он прослужил всю свою сознательную жизнь и только в глубокой старости отошёл от дел. Во скольких рассекреченных и не рассекреченных проектах британского истеблишмента он участвовал, сосчитать трудно, но известно, что он был на короткой ноге и пользовался уважением и доверием практически всех реально властных семейств империи. Наконец, будучи по возрасту ровесником отца Яна Флеминга (Ричард Майнертцхаген был на четыре года старше Валентайна Флеминга) и одновременно обладая особым даром сурового мужского обаяния, он с первых же встреч стал кумиром Яна, который к тому же даже в зрелом возрасте, сам отслужив в разведке всю войну и будучи уже преуспевающим автором, считал дневники и документальные повести Майнертцхагена чуть ли не единственными по-настоящему достойными рассказами о разведке и разведчиках.

¹⁵³ Видимо, это и есть на самом деле причина, по которой Великобритания единственная из всех развитых стран в современном мире до самого недавнего времени не признавала наличие в своей государственной структуре разведывательной службы. Как выразился за английских аристократов в середине прошлого века американский простолюдин, дослужившийся до должности федерального министра: джентльмены почту друг друга не читают.

¹⁵⁴ Майнертцхагены перебрались в Моттисфонт Эбби в 1885 г. Общая площадь приусадебных земель — 800 га; штат обслуживающего персонала — 300 человек. Но при этом в самой усадьбе отсутствовали некоторые даже самые базовые удобства.

¹⁵⁵ Недаром он среди гостей Мод и Гилберта Расселов фигурировал почти так же часто, как и Ян Флеминг.

По признанию самого Флеминга, он глубоко уважал полковника Ричарда Майнертцхагена и даже восхищался им. Они познакомились на одном из ужинов у Мод в Моттисфонт Эбби и после этого, несмотря на то, что на момент их знакомства семейный банковский дом Флемингов уже значительно превосходил дом Майнертцхагенов, Ян считался протеем Ричарда, а их дружба продолжалась более сорока лет (Майнертцхаген, будучи на тридцать лет старше Флеминга, как ни странно, пережил его на целых три года).

Вдобавок Майнертцхаген всю жизнь имел крепкие дружеские отношения с братьями Бенсонами — Рексом, Коном и Гаем, — которые в плане влияния в Сити мало в чём уступали Смитам и при этом были политическими союзниками РМ и владельцами финансовых структур, в тесном союзе с которыми был учреждён банк Cull and Company. Многолетняя любовница и затем жена Флеминга Энн Чартерис принадлежала к этой семье, и после того, как она вышла замуж за Флеминга, отношения Яна с Майнертцхагеном стали только ещё ближе.

О банковском доме Бенсонов и о них самих как о важной составляющей «кузенства» Флемингов следует рассказать особо.

Основоположником можно считать Роберта Бенсона, который вошёл в дело и женился на сестре Вильяма Рэтбоуна IV (1757–1809) — владельца ливерпульской компании, торговавшей со странами Латинской Америки и обеспечивавшей соответствующие морские перевозки. В 1852 г. головную контору компании перенесли в Лондон, и вскоре она перепрофилировалась и взяла на себя функции международного делового банка. Сын Роберта Бенсона Роберт Бенсон младший (1814–1875)¹⁵⁶ учредил фирму Robert Benson & Co., которая после его смерти очутилась на грани банкротства, но была спасена его братом Вильямом и сыном Робином (1850–1929) при участии двух шуринов (братьев жены) — Константайна и Джеймса Мурсомов.

Робин Бенсон женился на Эвелин «Эвей» Холфорд — сестре Джорджа Холфорда (1860–1926), офицера-кавалергарда, близкого друга монархов и членов королевской семьи, наследника колоссального состояния, накопленного его предками за счёт монополии на снабжение Лондона питьевой водой (их компания New River Co. была учреждена в 1604 г. при поддержке короля Джеймса I, который даже держал одно время 50% акций компании; после того как компания в 1839 г. перешла в собственность отца Эвей Роберта Холфорда, он, по мнению своих современников, стал «самым богатым простолудином Англии»). Сестра Эвей и Джорджа Холфордов Алиса вышла замуж за Альберта Грея, 4-го графа Грея — того самого, который вошёл в первый состав совета директоров Британской Южноафриканской компании (BSAC) Джулиуса Вернера и Сесила Родса¹⁵⁷, а затем вместе с лордом

¹⁵⁶ Поскольку в этом семействе существовала традиция называть старших сыновей одним и тем же именем, различать Робертов Бенсонов разных поколений можно только по годам их жизни.

¹⁵⁷ Как и многие другие герои данной повести, Альберт Грей был «вторым сыном» — сыном одного из младших сыновей 2-го графа Грея (премьер-министр Королевства в 1830–1834 гг.). Однако 3-й граф Грей, старший сын 2-го графа Грея, умер бездетным (в 1894 г.), и только поэтому графский титул «неожиданно» перешёл к Альберту, когда ему было уже сорок с лишним лет.

Милнером, Альфредом Бейтом и графом Розбери стал одним из душеприказчиков Сесила Родса в совете опекунов созданного по его волеизъявлению траста и вошёл в число учредителей их совместного «Тайного общества». Когда Джорджу Холфорду однажды срочно потребовалась существенная сумма денег, под заём которой у него в тот момент не было обеспечения, Робин Бенсон согласился поверить ему как «кузену» и требуемую сумму ссудил просто под честное слово. С тех пор Джордж Холфорд все свои серьёзные денежные дела доверял только ему. Одновременно своим главным финансовым советником его сделал другой «кузен» — муж его сестры Алисы Альберт Грей, в те годы полностью поглощённый развитием их колониального предприятия на Юге Африки, — и дом Бенсонов таким образом оказался вовлечён в развитие главного дела Джулиуса Вернера, Сесила Родса, Альфреда Бейта и всех их остальных партнёров¹⁵⁸. При этом брат Робина Константайн Бенсон лично отвечал за финансирование и строительство в этом регионе железных дорог, которые строились по планам и под руководством ещё одного знакового в данной повести «кузена» — свёкра невестки Филлис Боттом сэра Роберта Вильямса, 1-го баронета Паркского; он же уже в качестве геолога открыл богатейшие месторождения меди в Катанге (ныне входит в состав Демократической Республики Конго) и Северной Родезии (ныне Замбия). Во время последнего визита Сесила Родса в Лондон, буквально за год до его смерти Робин Бенсон, у которого манера Родса вести денежные расчёты всегда вызывала серьёзное недоверие, сумел убедить его выделить финансовые дела BSAC в самостоятельный блок и передать его в ведение специально для этого созданной компании. Родс последовал его совету, и в результате была зарегистрирована Charter Trust & Agency, и вот войти в её совет директоров Робин уже посчитал для себя возможным, тем более что заседать бок о бок с ним предстояло Артуру Гренфеллу — зятю его невестки Эйви и одновременно кузену Эдварда Гренфелла, будущего партнёра Морганов в банке Morgan, Grenfell and Company.

Главным залогом такого феноменального успеха Робина Бенсона в банковском деле стал успех другого его предприятия — зарегистрированного в 1889 г.¹⁵⁹ траста Merchants Trust. Его начальный капитал составил

¹⁵⁸ В первый состав совета директоров BSAC вошёл также и Джеймс Гамильтон, 2-й герцог Аберкорнский (1838–1913), дядя по материнской линии учёного с мировым именем Бертрона Расселла и банкира Гилберта Расселла (мужа Мод). Наконец, был одним из первых директоров BSAC и Александр Дафф (Alexander Duff, Lord Macduff, sixth Earl Fife, 1st Duke Fife), который женился на дочери будущего короля Эдварда VII и доводился дядей по матери ближайшему соратнику и личному другу Уинстона Черчилля Альфреду Даффу Куперу. Шталмейстером у Эдварда VII ещё со времён, когда он был наследным принцем и вплоть до его смерти, служил Джордж Холфорд — шурин Робина Бенсона. Жена Джорджа Холфорда была на Сюзанне Вест Мингис (Susannah West Menzies) — вдове Джона Грэхэма Мингиса (John Graham Menzies; 1861–1911; будущий глава МИ6 и непосредственный начальник Клода Дэнси сэр Стюарт Мингис был их сыном, и, соответственно, доводился Джорджу Холфорду племянником); на свадьбе Джорджа Холфорда и Сюзанны Мингис присутствовали король Георг V, его супруга королева Мария Текская и вдовствующая императрица-консорт Александра Датская (родная сестра российской императрицы Марии Фёдоровны).

¹⁵⁹ То, что в том же году была подписана и королевская хартия (устав) BSAC, вряд ли можно считать случайным совпадением.

2 млн. фунтов стерлингов (не менее полумиллиарда в нынешнем выражении), и половину его Бенсон сразу же инвестировал в развитие железных дорог в США. Причём именно это направление он выбрал не сам, а идя по стопам феноменально преуспевающего в этом деле первопроходца, которому Робин предоставлял помещение в своей конторе и вообще всячески помогал вести дела во время его наездов в Лондон — и потому был в курсе небывалой доходности его бизнеса¹⁶⁰; более того, именно благодаря партнёрству с этим «везунчиком» и его доверию Робин Бенсон и заработал в Сити свой непререкаемый авторитет (недаром в совет директоров созданного им Merchants Trust не посчитали зазорным войти Роберт Бэринг, Вильям Кэмпбелл (один из директоров Bank of England) и Чарльз Хамбро). Звали «везунчика» — Роберт Флеминг¹⁶¹.

Робин и Эйви Бенсон родили троих сыновей: Гая (Guy Benson; 1888–1975), Рэкса (Rex Benson; 1889–1968) и Константайна «Кона» (Constantine Evelyn Benson; 1895–1960). Про их воспитание и образование один из биографов высказался в том смысле, что они не получили обычной для отпрысков банковских домов подготовки; вместо этого, как принципиально важно для понимания настоящей роли Яна Флеминга выразился биограф:

...они, как и их современники из семейств Бэрингов, Гренфеллов и Флемингов, окончили престижные частные школы-интернаты и отучились в Оксбридже. <...> Разраставшейся Британской империи требовалось всё больше правителей, и потому в Итоне и других частных школах упор в обучении чем дальше, тем больше делался не на обычных академических дисциплинах, а на закаливании характера, воспитании в себе силы воли и чувства ответственности за судьбу своего дела и Отечества.

Гай и Рэкс были в Итоне в числе заводил, оба были избраны в общество Pop, и Рэкс даже стал его президентом. В 1907 г. оба поступили в Оксфорде в Balliol College, однако на следующий год, побывав летом в гостях у своей родни в Канаде (Альберт Грей к тому времени служил там в должности генерал-губернатора и по просьбе шурина пытался повлиять на племянника), Рэкс, несмотря на уговоры семьи, из Оксфорда отчислился и поступил на службу в кавалергарды.

Гай учёбу в Оксфорде успешно завершил и отправился осваивать банковское ремесло сначала в Чикаго на железнодорожную фирму Chicago Great Western Railway Co. (один из активов под управлением семьи), а от-

¹⁶⁰ Вложенные в 1879 г. под управлением *Scottish American Investment Trust* 300 000 фунтов (если считать удельный вес в деловом обороте, эта сумма в сегодняшнем выражении может достигать полумиллиарда фунтов) всего через четыре года превратились в 464 686 фунтов (т.е. в сегодняшнем выражении эта сумма при некоторых условиях может равняться 750 млн. фунтов), что соответствует среднегодовой прибыли в размере не менее 16% годовых.

¹⁶¹ Оценить по достоинству стабильность связей, вырабатываемых внутри «кузенства» — а значит, и лояльность «кузенов» по отношению друг к другу — позволяет такой факт: в сентябре 2001 г. главным консультантом (Senior Advisor) фирмы *Fleming Family & Partners* был назначен внук Робина Бенсона — Дэвид Бенсон.

туда в Нью-Йорк, под опеку близкого друга своего отца, партнёра в деловом банке Morgan Grenfell Эдварда Гренфелла, который пристроил его в Guaranty Trust. В 1913 г. Гай завершил обучение, вернулся в Лондон и приступил к работе в семейном банке Robert Benson & Co. А в 1914 г. все три брата ушли на войну.

Кон на тот момент только что закончил учёбу в Итоне; ему едва исполнилось 22 года, когда он удостоился второй после креста Виктории высшей военной награды за проявленное при командовании подчинёнными мужество в бою — Distinguished Service Order, DSO, — и стал самым молодым на тот момент офицером — кавалером этого ордена в британской армии; его сослуживцем в элитном пехотном полку гвардейских гренадёров был будущий премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан, а начальником (во время операции в Галиполи) — Джордж Ллойд, в 1940–1941 гг. министр по делам колоний в правительстве Черчилля, а сразу после Первой мировой войны — губернатор в Бомбее, куда Кон отправился вместе с ним в качестве его личного помощника.

Как это ни удивительно, все трое братьев остались живы, хотя Гай и Рэкс получили тяжёлые ранения и потом долго лечились, причём Рэкса оперировали и держали на всём протяжении реабилитационного периода в госпитале, оборудованном в лондонском феешенебельном особняке Dorchester House, принадлежавшем их ближайшему родственнику и деловому партнёру Джорджу Холфорду (в тот период Джордж Холфорд являлся совладельцем и входил в руководство Robert Benson & Co.).

После выздоровления Рэкс Бенсон был откомандирован формально в качестве офицера-порученца в Министерство военно-морского флота в Париже, а неофициально он представлял лично руководителя MI1C — тогдашней службы внешней разведки в составе Британского бюро спецслужб (впоследствии выделенной в отдельную службу в составе Форин офиса: SIS или MI6) и обеспечивал его конфиденциальную связь с руководителем французской Sûreté¹⁶². Гай же в то время возглавлял на Западном фронте разведотдел 2-й кавалерийской бригады.

В 1921 г. Гай Бенсон женился на леди Вайолет Элчо (Lady Violet Elcho; 1888–1971) — вдове погибшего на войне лорда Элчо, дочери 8-го герцога Рутлендского, родной сестре леди Дианы Купер (жены Альфреда Даффа Купера); её тётя по матери леди Энн Линдси (Lady Anne Lindsay; 1858–1936; дочь 25-го графа Кроуфордского, 8-го графа Балкаррес, отпрыска самой старой аристократической семьи обоих королевств — английского и шотландского) была замужем за Фрэнсисом Боуз-Лайоном, чей старший («первый») брат Клод Боуз-Лайон, 14-й граф Стратмор и Кингхорн, доводился отцом вдове Георга VI, королеве-матери Елизавете; и, наконец, родной брат первого мужа Леди Вайолет, Гай Чартерис (Guy Charteris; 1886–1967) был отцом Энн Чартерис — будущей жены Яна Флеминга.

¹⁶² Как гласит молва, Рэкс даже оказался замешан в какую-то сомнительную историю с Матой Хари — завербованной самим начальником Sûreté — и, дабы избежать ненужных подозрений, способствовал её аресту.

К концу 1920-х гг. все три брата собрались вместе под крышей семейного банка. В 1929 г. умер их отец Робин Бенсон, а через три года, в ноябре 1932 г., вслед за ним умер и назначенный им в качестве своего преемника его давний партнёр Генри Вернет (Henry Vernet). В результате братья, наконец, получили возможность руководить банком полностью самостоятельно, по своему усмотрению. Примером, ярко иллюстрирующим их место в обновляющейся иерархии в Сити и распределение реальных ролей в их обширном «кузенстве», может служить один из первых проектов, осуществлённых ими в их новом независимом качестве.

В 1912 г. Робин Бенсон зарегистрировал траст под названием English & New York Trust, однако сразу его в дело не пристроил, и траст на какое-то время остался «лежать на полке». А потом он был передан в управление Рэксу Бенсону, и в 1928 г. Рэкс решил траст оживить. Первым делом, чтобы добиться максимальной привлекательности траста в глазах потенциальных инвесторов, он занялся подбором подходящего совета директоров. Вот как его действия описаны в официальной истории банка Kleinwort Benson¹⁶³:

Он, естественно, пригласил присоединиться к его инвестиционному начинанию коллег из тех домов в Сити, с которыми Бенсоны поддерживали самые близкие отношения. Ведущими операторами в Сити по части управления инвестиционными трастами по-прежнему оставались Флеминги. Роберт Флеминг в 1933 г. умер, но отношения между домами Флемингов и Бенсонов остались прежними, поскольку двое из четырёх партнёров нового состава Robert Fleming & Co. были старыми друзьями семьи и однокашниками Бенсонов: Филип Флеминг (младший брат покойного Валентайна Флеминга. — А. Б.) и Морис Хили-Хатчинсон, отвечавший за работу Robert Fleming & Co. с инвестициями в США¹⁶⁴.

Не менее дружеские отношения сложились у Рекса Бенсона и ещё с одним партнёром Robert Fleming & Co. Арчи Джеймисоном. И в результате уже в 1928 г. и Филип Флеминг, и Арчи Джеймисон вошли в состав Совета директоров English & New York Trust. При этом, как подчёркивает всё тот же автор истории Kleinwort Benson:

¹⁶³ Kleinwort Benson — банковская структура, образовавшаяся в 1961 г. в результате слияния деловых банков дома Клейнвортов (банкиров немецкого корня, основавших своё дело в Лондоне в 1855 г.) и дома Бенсонов. В 1995 г. 100% акций этой структуры приобрёл за 1 млрд. фунтов Dresdner Bank.

¹⁶⁴ Как отмечает автор одного из исследований, посвящённых иностранным инвестициям в США, по результатам Великой депрессии 1929–1933 гг. многие британские деловые банки понесли серьёзные убытки и практически полностью свернули своё присутствие на рынке США. К их числу относились даже такие крупные банковские структуры, как Ротшильды и Бэринги. Исключение составили Флеминги, которые приняли в партнёры местного предпринимателя — Мориса Хили-Хатчинсона; именно благодаря его деловой хватке и отличному знанию местного рынка процветающий бизнес Флемингов во время депрессии серьёзно не пострадал. Флеминги имели на тот момент в своём прямом или опосредованном управлении 56 британских инвестиционных трастов, из которых большинство имело в своих портфелях американские активы. Ближайшим партнёром Флемингов на американском рынке на момент Великой депрессии этот историк назвал именно банк Бенсонов и трасты, находившиеся в его управлении.

Под руководством этих джентльменов (Филипа Флеминга и Арчи Джеймисона. — А. Б.) и Уолтера Вигхэма банк Флемингов сохранял свой огромный вес в Сити; он оказывал прямое и косвенное влияние на линию инвестиционной политики пятидесяти шести инвестиционных трастов с совокупным капиталом в начале 1930-х гг. в размере 114 млн. фунтов. <...> Фирмы, которые собирались организовать в Сити очередную подписку на какие-нибудь акции или займы, обычно предварительно консультировались по поводу условий подписки и отправных цен с двумя организациями: банком Флемингов и страховой компанией Prudential. А поскольку на Уолл-стрит вторым после Флемингов ведущим оператором в области инвестиционных трастов считали банк Бенсонов, то их совместное участие в совете директоров English & New York Trust было сочтено крайне выигрышным решением.

Помимо этого, Рекс Бенсон сумел привлечь и ещё двух представителей их общего «кузенства»: Руфуса Смита (R.H.V. «Rufus» Smith) — внука того племянника Альберта Грея и партнёра в банке Morgan Grenfell (там же партнёрами являлись его отец и двоюродный брат) — и Джона Джонса (Jonah Jones) — мужа двоюродной сестры Рекса Бенсона леди Эвелин Грей.

Полноправным членом этого необъятного «кузенства» Флемингов являлся и принадлежавший к его старшему поколению Ричард Майнертцхаген. И дело не только в том, что он был дружен с братьями Бенсон. Как свидетельствует один из биографов Майнертцхагена, он познакомился с Яном Флемингом в 1930-х гг. на одном из ужинов у Мод, куда оба были приглашены, и они тут же стали друзьями. Ян занимал в британском обществе то же положение, что и Майнертцхаген, если не выше (оба были внуками-сыновьями ведущих банкиров Сити), но Флеминг был на 30 лет моложе, и потому РМ с радостью принял его в свои протезы.

Такая дружба может иметь вполне простое объяснение: биографии обоих имеют много вполне одинаковых таинственных, так и не прояснённых до конца эпизодов, и отличает их только то, что Майнертцхаген о таких эпизодах в своей жизни сочинял про себя и мастерски рассказывал всем готовым его слушать всяческие легендарные полусказки¹⁶⁵, а Флеминг сочинял точно такие же истории, но не про себя, а про выдуманного с этой целью своего *alter ego* — Джеймса Бонда.

Так что вне всяких сомнений есть смысл посвятить здесь Майнертцхагену рассказ несколько более развёрнутый, чем всем тем остальным старшим наставникам,

¹⁶⁵ Многие в своих воспоминаниях о Ричарде Майнертцхагене рассказывают, например, о том, как он, запоздав на званый ужин, врвался в гостиную, где все уже сидели за накрытым столом, стремительно проходил к своему месту, усаживался и тут же протягивал соседке револьвер с просьбой спрятать его на время в складках юбки, поскольку в любой момент могут якобы появиться охотящиеся за ним сыщики, от которых он только что отстреливался. Правда, о том, чтобы сыщики и вправду появились, хотя бы раз, не упоминает никто из рассказчиков, но история от этого, пожалуй, только выигрывает, а портрет эдакого беззастенчивого «барона Мюнхгаузена» становится только ещё более рельефным. Из других знаменитых выдумок Майнертцхагена о самом себе можно упомянуть истории о том, как он во время службы в Индии однажды приехал верхом на слоне на плац, где его рота должна была проходить смотр, спасал еврейскую девочку в Одессе во время погрома, принимал роды в вагоне, повисшем над пропастью, убил наповал индийского мальчика-слугу одним ударом клюшки для игры в поло

кто, как и он, оставил свой неизгладимый след в истории формирования собственной неповторимой индивидуальности Флеминга — и профессиональной, и человеческой. Майнертцхаген был человек настолько разнообразный и прожил в своих разных качествах столько богатых и насыщенных жизней, что даже самая общая его характеристика требует не просто нескольких больших абзацев, а целой маленькой повести.

ПОЛКОВНИК Ричард Майнертцхаген (Colonel Richard Meinertzhagen; 1878–1967; далее в тексте — РМ), как и большинство остальных героев этой повести, был «вторым сыном»¹⁶⁶ (в том числе и без кавычек: РМ у своих родителей был вторым из их четырёх сыновей и третьим из их десяти детей); по настоянию родителей он тоже пробовал освоить банковское дело и даже стажировался у партнёров отца в Германии (благодаря чему выучил немецкий язык), но в конце концов отказался от этой затеи и выбрал карьеру военного.

При этом банковский дом, к которому принадлежали Майнертцхагены (*Frederick Huth & Co*)¹⁶⁷, в середине XIX в. оценивался по размеру активов сразу следом за домами Бэрингов и Ротшильдов и на рубеже XX в. считался одним из

(на самом деле он никаких слуг никогда не убивал). Самая же знаменитая его фантазия — это что он придумал и сам же исполнил ставшую со временем легендарной операцию, известную по учебникам спецслужб под названием «The Haversack Operation»: он, будучи начальником разведслужбы при командующем британским Египетским экспедиционным корпусом генерале Алленби, якобы объезжая верхом передовую, попал под огонь турецкого разезда, был якобы ранен, но смог скрыться, уронив, правда, во время бегства седельную сумку; а в сумке были конфиденциальные документы и карты, согласно которым можно было вычислить, где британские войска готовились атаковать турецкие позиции; турки этим документам поверили и приняли предупредительные меры; англичане, естественно, атаковали их на противоположном краю фронта. Такая операция, действительно, была успешно проведена, и турки были разбиты, но идея её принадлежала одному из подчинённых Майнертцхагена и исполнена она была тоже не им. Майнертцхаген оставил после себя многие тетради дневниковых записей, которые он в последние годы без конца редактировал и правил. В них он и запечатлел эти и многие другие свои «подвиги».

¹⁶⁶ Показателен эпизод из детства РМ. Поступив в школу на два года позже старшего («первого») брата, РМ умудрился, сдав экзамены экстерном, закончить её одновременно с ним. Но родители даже не удосужились поздравить его как следует с таким уникальным достижением: всё их внимание и все их заботы были посвящены любимому первенцу Дэниэлу. Поразительно, насколько этот эпизод схож с аналогичной историей в школьной жизни Яна Флеминга.

¹⁶⁷ Первоначально этот банк был просто лондонским филиалом немецкого международного делового банка *Frederick Huth & Co*. Первым переехал на работу в этот филиал и на постоянное жительство в Великобританию дед РМ Дэниэл Майнертцхаген V, и ему же первому было предоставлено британское подданство — в качестве награды за вклад в развитие банковского дела в Великобритании: семейный банк под его руководством стал наравне с домом Ротшильдов ведущей англо-немецкой деловой банковской структурой в мире (причём *Huth & Co* имел в викторианском обществе то преимущество, что его хозяева, в отличие от Ротшильдов, не были евреями). Отец Ричарда Дэниэл Майнертцхаген VI (в семье существовала традиция первых сыновей называть именем Дэниэл) отучился в Оксфорде и получил по наследству от отца старшее партнёрство в семейном банке, и именно с него, Дэниэла VI, из-за его пристрастия к красивой жизни и к женщинам начался закат этого банковского дома: к 1910-м гг. *Huth & Co* уже пребывал в упадке и так больше никогда и не смог оправиться. В 1923 г. произошло его слияние с банком братьев Фредерика и Ганса Конигов (*Frederick, Hans Konig*), обосновавшихся в Лондоне американцев немецкого происхождения, а в 1936 г. уже эта структура была поглощена имперским международным банком *British Overseas Bank*.

крупнейших банковских предприятий в мире¹⁶⁸. Даже сегодня, в начале XXI в., когда банковское дело в семействе Майнертцхагенов давно заглохло, его члены остаются в числе самых уважаемых и востребованных в Сити «брокеров» — специалистов по подготовке и проведению особо крупных и особо трудных сделок, в которых главную роль играют связи на самом верху и доверие к брокеру со стороны сильных мира сего. И брокерская фирма Майнертцхагенов — в первой тройке мировых лидеров. То есть Майнертцхагены — это уже сто пятьдесят лет международная финансовая элита без кавычек, в которой РМ был — эдакий Рауль Валленберг.

Ещё одна фирма из первой тройки — не менее знаменитая и престижная брокерская контора Cazenove & Co. — имела теснейшие связи с Майнертцхагенами и даже располагалась в том же здании, что ранее занимал их банк (12 Tokenhouse Yard, City of London EC2R 7AS, всего в 50 м от здания Bank of England). Третьей лидирующей брокерской фирмой была Rowe & Pitman — епархия Смитов, Бэрингов, Хамбро, Гренфеллов и Флемингов под руководством не менее колоритного и таинственного, чем Ричард Майнертцхаген, но гораздо более влиятельного в Сити и в кругах британских властей предержащих деятеля — Ланселота «Лэнси» Смита. Именно по его приглашению и под его началом служил в Rowe & Pitman партнёром Ян Флеминг.

РМ принадлежал не только к финансовой элите. Читая о нём, довольно скоро начинаешь ловить себя на мысли, что он так или иначе имел родственные связи со всеми аристократическими домами Королевства. Причём, как это ни удивительно, такое впечатление будет очень близко к действительности.

Мать РМ Джорджина — в девичестве Поттер — была одной из девяти дочерей одного из самых богатых людей в Королевстве¹⁶⁹. Все вместе сёстры родили более пятидесяти детей — двоюродных братьев и сестёр РМ. Кроме того, хотя родители его отца приехали из Германии вдвоём, в их семье по прошествии времени уже было одиннадцать детей, которые тоже произвели на свет несколько десятков родных племянников и племянниц РМ. Если же к этому числу добавить всех супругов и отпрысков родных дядьёв-тёток, кузенов и кузин, племянников и племянниц РМ, то общее число его самой близкой родни, жившей с ним в одно время, достигнет около тысячи имён. При том, что всё это были очень состоятельные люди, то и браки они заключали только с не менее состоятельными и «породистыми» представителями своего круга.

¹⁶⁸ Только Фредерик Хут (Frederick Huth, 1774–1864) и только в виде доходного капитала оставил по завещанию детям более 1 млн. фунтов стерлингов — около 100 млн. в нынешних ценах или около 1 млрд. по сопоставительному коэффициенту доходности капитала.

¹⁶⁹ Richard Potter (1817–1892). Член общества сторонников либеральных реформ *Little Circle* в Манчестере. Участвовал в учреждении в 1821 г. либеральной газеты *Manchester Guardian*, которая в 1951 г. была переименована в нынешний *The Guardian*; семейное дело первых поколений Поттеров — торговля хлопком: их оптовые склады в Манчестере уже были самыми крупными в отрасли в середине XIX в. Ричард Поттер вместе с дедом РМ по отцу входил в состав совета директоров первого английского инвестиционного банка *International Financial Society*, который унаследовал *Hudson's Bay Company* (партнёрами в этом деле стали также члены дома Кизиков). Ричард Поттер активно участвовал в предприятиях по развитию инфраструктуры железнодорожного транспорта в США. Являлся одним из основных инвесторов и дважды занимал место председателя совета директоров железнодорожной компании *Great Western Railway*.

Отличительной чертой самого близкого семейного круга РМ можно считать выдающийся характер его женской половины. Тётки и сёстры РМ в первых рядах тогдашних активисток выступали за наделение женщин избирательными правами и всячески продвигали социалистические идеи.

Самой знаменитой на этом поприще была, несомненно, тётка РМ Беатрис — основательница Фабианского общества (её муж Сидней Вебб, также числившийся среди фабианских отцов-основателей, написал текст ключевых положений для изначального устава Лейбористской партии Великобритании). Она же — автор идеи кооперации в сельском хозяйстве (т.е. колхозов, которые она впервые описала и полезность которых обосновала в одной из своих работ в 1895 г.).

Другая тётка РМ — Эмили¹⁷⁰ — в период Второй англо-бурской войны сумела организовать в Англии большую протестную кампанию, и фактически только благодаря ей удалось спасти жизнь многим жёнам и детям буров, заключённым в концентрационные лагеря под открытым небом. С помощью Кейт Майнертцхаген — ещё одной тётки РМ, теперь уже по отцу — она сумела, организовав по всей Англии протестные демонстрации, в значительной степени поспособствовать прекращению той позорной для Великобритании войны.

Племянница РМ по матери и его любимица Тереза Мэйор¹⁷¹, тоже воспитанная и выросшая в либеральной традиции, во время войны служила в МИ5 и вышла замуж за своего сослуживца — хорошо известного своими левыми взглядами барона Виктора Ротшильда¹⁷².

Двоюродный брат (кузен вообще без кавычек) РМ Стаффорд Криппс¹⁷³ — сын Терезы Поттер — был видным деятелем Лейбористской партии, в 1930-х гг. реаль-

¹⁷⁰ Emily Hobhouse (1860–1926). Двоюродная сестра мужа Маргарет Поттер Генри Хобхауза. Внучка этой супружеской пары — Тереза «Тэсс» Клэй, — доводившаяся РМ двоюродной племянницей и бывшая на тридцать лет его моложе, многие годы прожила бок о бок с ним, хотя они так никогда и не вступили в брак и не признали своей близости: Тэсс якобы являлась всего лишь личной помощницей РМ в его орнитологических изысканиях и по-родственному заботилась о нём после того, как он овдовел (его жена Анни трагически погибла в 1928 г.; поскольку свидетелем её гибели был только сам РМ, то официальная версия её гибели — она случайно выстрелила себе в голову в их домашнем тире; многие современники, тем не менее, считали, что это РМ застрелил её, чтобы получить возможность жить с совсем ещё молоденькой тогда Тэсс — ей шёл 18-й год).

¹⁷¹ Teresa Mayor (1915–1996). Перед войной работала в издательстве *Jonathan Cape*, издававшем все книги Питера Флеминга, а затем, уже после войны и романы Яна Флеминга.

¹⁷² Victor Rothschild, 3rd Baron Rothschild (1910–1990). Повесник братьев Флемингов. Выпускник *Trinity College, Cambridge*. Во время учёбы в Кембридже состоял в закрытом дискуссионном клубе «Апостолы» (его единомышленниками и товарищами по клубу были Энтони Блант, Гай Берджесс и ещё целый ряд «коминтерновцев»), с которыми он оставался дружен всю жизнь и из-за этого даже подвергся в 1980-х гг. серьёзным нападкам: его пытались объявить пятым в «Кембриджской пятёрке» якобы «советских шпионов»). Унаследовав баронский титул, заседал в Палате лордов в качестве пэра от Лейбористской партии. Во время войны служил в МИ5, участвовал в передаче США в 1940 г. всех разработок английских учёных по атомному оружию, с которых и начался знаменитый *Manhattan Project*. Руководил головным деловым банком всего дома Ротшильдов *N M Rothschild & Sons*.

¹⁷³ Stafford Cripps (1889–1952). Впервые был избран в Парламент в 1931 г. Во второй половине 1930-х гг. активно участвовал в создании «Народного фронта» в Великобритании. В 1940–1942 гг. был послом в Москве, считается, что он внёс главный вклад в установление союзнических отношений между западными державами и СССР. После войны — сначала министр торговли, а затем в 1947–1952 гг. — министр финансов Королевства. Успешное возрождение британской экономики в этот период считают его личной заслугой.

но претендовал на пост премьер-министра, во время войны был направлен послом в Москву для налаживания более дружеских отношений со Сталиным, Молотовым и другими советскими руководителями, а затем входил в правительства Черчилля и (после войны) лейбориста Клементы Эттли.

Племянник РМ Дэниэл¹⁷⁴ был одним из четырёх так называемых «Полковников» (управляющих партнёров) банковского дома *Lazard*, традиционно имевшего тесные деловые связи с домом Ротшильдов.

С Ротшильдами имел близкие и доверительные отношения и сам РМ. В Хэрроу¹⁷⁵ он учился с Чарльзом Ротшильдом (свекром Терезы Мэйор), который, в свою очередь, доводился братом сэру Уолтеру Ротшильду (лорд Уолтер — первый в истории Англии еврей-пэр)¹⁷⁶. А сэр Уолтер Ротшильд — главный опекун музея в Тринге, с которым РМ — один из самых знаменитых орнитологов своего времени — тесно сотрудничал. Благодаря чему сэр Уолтер и РМ, несмотря на разницу в возрасте (РМ был на десять лет младше), стали близкими друзьями. (Сэр Уолтер заикался, славился своей стеснительностью и так никогда и не женился. В числе его близких друзей лорд Балфур, который, в свою очередь, был дружен с Хаимом Вейцманом. «Декларация Балфура» — это официальное письмо, которое лорд Балфур отправил лорду Уолтеру и текст которого был составлен при активном участии Хаима Вейцмана.)

Тринг (Tring) — небольшой городок в 40 км от Лондона; знаменит тем, что его избрали для проживания Ротшильды, которые и создали в нём в середине XIX века музей естествознания. Интерес для РМ, который за свою жизнь в процессе своих бесчисленных разъездов по всему свету умудрился собрать и подробно описать самую большую в мире коллекцию чучел птиц¹⁷⁷, представляло орнитологическое отделение музея, в котором он много работал. Поразительный факт: в 1920 г. РМ был в один прекрасный день остановлен на выходе из музея его сотрудниками, и они у него обнаружили экспонаты музея (чучела птиц), которые он пытал-

¹⁷⁴ Daniel Meinertzhagen (1915–1991) — сын младшего брата РМ Луиса. Являлся также председателем совета директоров *Royal Insurance*. Его сын Питер, внучатый племянник РМ, был одним из директоров *London Stock Exchange* и одновременно президентом фирмы *Hoare Govett*, которая вместе с фирмами *Cazenove & Co* и *Rowe & Pitman* составляла элитную группу брокеров, представлявших интересы «голубых фишек» в сделках на финансовых рынках. При этом одним из старших партнёров *Cazenove & Co.* был брат Дэниэла — и ещё один племянник РМ — Льюк Майнертцхаген.

¹⁷⁵ Harrow — одна из семи самых престижных частных школ-интернатов Англии. Её же на четыре года раньше РМ закончил Уинстон Черчилль.

¹⁷⁶ Племянница лорда Уолтера Мириам Ротшильд говорила о РМ: «Он был знатного вида (РМ был такой же верзила, как и лорд Уолтер: рост обоих 190 см. — А. Б.), весьма очарователен и интересный собеседник. С ним никогда не бывало скучно. Всегда был обходителен с теми, кто вызывал в нём уважительные чувства — например, с моей очень пожилой бабушкой, которая на старости славилась своим нелегким характером».

¹⁷⁷ В 1954 г., когда РМ передал свою коллекцию в Британский музей естествознания, в ней насчитывалось 30 000 экземпляров и ещё около 600 000 образцов пухоседов *Mallophaga*, полный каталог которых составила его помощница и фактически сожительница Тэсс Клэй.

ся тайком вынести¹⁷⁸. После этого инцидента его, естественно, лишили доступа в музей. Однако, менее чем через год РМ женился на сотруднице музея Анни Джексон (она тоже принадлежала к очень богатой семье и тоже весьма известный орнитолог), и после их свадьбы Уолтер Ротшильд замолвил перед дирекцией музея слово, благодаря чему РМ снова стали пускать в музей. Перед началом Второй мировой войны музей стал частью государственного Британского музея естествознания в Лондоне, но с подачи Ротшильдов в его названии по-прежнему используется название городка (Natural History Museum at Tring), что ненавязчиво напоминает посвящённым о роли Ротшильдов в его создании.

РМ СТАЛ знаменит, о нём начали писать ещё во времена Первой мировой войны, и с тех пор писали не переставая. Причём одни видят в нём легендарную личность эпохального масштаба, другие же, наоборот, пытаются низвести его до уровня мелкого бахвала, к тому же нечистого на руку (эдакий джентльменский вариант Остапа Бендера). Легенды первых требуют проверки реалистичной меркой. Обвинения вторых требуют сверки с фактами. А факты говорят о другом.

РМ был лично связан напрямую с большим количеством самых влиятельных финансовых, промышленных и политических семей империи.

Ему боялись перечить очень влиятельные люди, по их собственному признанию, из-за его связей.

Он принимал официальное участие на высшем уровне в важнейших международных событиях.

Нередко первые люди Империи принимали решения по его первому требованию или просьбе.

Наконец, при всех недостатках книги Кэрролла Квигли «Англо-американский истеблишмент», в ней в целом правильно указаны стандартные «маячки», по которым можно отличать членов «Тайного общества», тех, кто входил в число активных самостоятельных участников реального властного процесса на уровне всей Империи. В биографии РМ эти «маячки» присутствуют практически все без исключения.

Потому, не споря ни с апологетами, ни с очернителями РМ, проще собрать по возможности воедино все критичные для понимания РМ факты, и пусть каждый рассудит сам.

Результат такой попытки выглядит (в хронологическом порядке) следующим образом.

1878	Год рождения Ричарда Майнертцхагена.
1885	Семья переезжает в Моттисфонт Эбби.
1887	РМ поступает в Фонтхилл (Fonthill; начальная школа в Сассексе); подвергается там настоящей травле и истязаниям со стороны директоров-садистов.

¹⁷⁸ РМ являлся уважаемым членом правлений самых респектабельных в мире научных (орнитологических и географических) обществ, и тем не менее в его гигантской, по-настоящему бесценной частной коллекции после его смерти обнаружили какое-то количество подделок и фальшивок.

- 1891–1895 Поступает в Хэрроу (там уже учится его старший брат Дэниэл); проходит программу шести классов за четыре года и выпускается вместе с братом.
- 1895 Начинает работать в семейном банке *Huth & Co.*; сосед по Моттисфонт Эбби знакомит его с Сесилом Родсом.
- 1896 Проводит почти год в отделениях семейного банка в Кёльне и Бремене в компании своих немецких кузенов; обучается немецкому языку и ведению международных финансовых операций.
- 1897 Возвращается на работу в семейный банк; тщетно пытается отправиться по приглашению Родса в Южную Африку;

В своих дневниках РМ указывает, что с Родсом его познакомил ещё во время его учебы в Хэрроу (в возрасте 16 лет) сосед его родителей: он пригласил юношу к себе в гости на обед, на котором присутствовал и Родс. РМ сразу подпал под влияние Родса и загорелся его имперскими идеями, слушал его лекции и встречал его по прибытии в Англию (в частности 14 января 1899 г.). Родс предлагал молодому РМ поехать с ним в Южную Африку, но отец РМ категорически этому воспротивился. В 1897 г., когда семья безуспешно пыталась приучить РМ к работе в семейном банке, он сделал в своём дневнике такую запись:

Не думаю, что меня при такой жизни надолго хватит. Я только зря трачу время и жертвую мою молодость. Пыльная контора, неподвижная работа, полная подчинённости и губящая всякую надежду на лучшее атмосфера всепоглощающей погони за золотом. Воспользуюсь первой же возможностью сбежать отсюда и, если в ближайшие шесть месяцев ничего не изменится, уеду в Южную Африку к Родсу.

- 1897 переходит в полувоенное подразделение территориальной милиции Hampshire Yeomanry, под начало друга своего отца — майора Херманна ЛеРой-Льюиса (Maj. Hermann Le Roy-Lewis; на его дочери РМ женится в 1911 г. и разведётся с ней в 1919 г.); во время учений обращает на себя внимание генерала Джона Френча (начальника Генштаба Империи и командующего Британским экспедиционным корпусом во время Первой мировой войны) и ещё молодых Эдмунда Алленби и Дугласа Хейга (выдающиеся военные деятели времён Первой мировой войны), под началом которых ему предстоит впоследствии служить в качестве одного из руководителей их разведки.
- 1898 Неожиданно во время стажировки в Германии в возрасте 22 лет в результате острого приступа аппендицита умирает любимый старший брат Дэниэл. отец организует для РМ стажировку в брокерской конторе *Milbank and Company*;

- вопреки просьбам и уговорам РМ семья в целях экономии продаёт *Mottisfont Abbey*.
- 1899 Пройдя подготовку в училище *Aldershot*, зачисляется лейтенантом в *Royal Fusiliers*, знаменитый полк, числящийся за лондонским Сити, в который любили и старались отдавать своих сыновей британские банкиры, брокеры и коммерсанты.
- 1899 Получает назначение в Индию.
- 1901–1902 Служит в Мандалае (Бирма), месте, «которое считалось чем-то вроде сибаритского заповедника для развлечений молодых британских офицеров».
- 1902–1906 Переводится на побережье Британской Восточной Африки (Кения) в полк *King's African Rifles*.
- 1905 Оказывается в самом центре не расследованного до конца «инцидента» в Кет Парак Хилл (Ket Parak Hill; там при усмирении под его командованием взбунтовавшихся местных племён был, по всей вероятности, открыт огонь по толпе из пулемета, в результате чего погибли несколько десятков человек).
- 1906 РМ отозван в Лондон, поскольку из-за бурных протестов местных племенных вождей превратился в отрицательный символ имперской идеи в Африке.
- 1907–1909 Служит в Южной Африке.
- 1910 Получает назначение на Маврикий; объявлено о помолвке РМ с Арморель ЛеРой-Льюис.
- 1911 Домашний отпуск и женитьба на Арморель; заявление РМ о принятии его на учёбу в Сандхерст отклонено.
- 1912 Поездка в Индию и расставание с Арморель.
- 1914 Поездка в Месопотамию, якобы для сбора разведывательной информации; получил назначение в Кветту (Quetta, India), где расположено одно из высших военных училищ Генштаба; направлен в распоряжение генерала Эйткаена¹⁷⁹ завоевывать Немецкую Восточную Африку.
- 1915–1916 Назначен начальником службы разведки британского корпуса в Восточной Африке.

В Восточной Африке англичане имели подавляющее преимущество: у них было почти 250 000 человек личного состава под началом более 180 генералов, а противостоял им немецкий отряд под командованием подполковника фон Леттова, в котором за всю войну никогда не было более 15 000 человек. Англичане охотились за ним, а он постоянно от них уходил и наносил им чувствительные удары в самых неожиданных местах.

¹⁷⁹ Arthur Aitken (1861–1924). РМ служил у него в начале Первой мировой войны. Печально прославился из-за провальной десантной операции вверенных ему войск в ноябре 1914 г. в Германской Восточной Африке (ныне Танзания). РМ в конце той операции выступил в роли парламентария и, вероятно, имел возможность лично познакомиться с командиром немецких подразделений фон Леттовым.

Несмотря на подавляющее численное и материальное превосходство, англичане так и не сумели с ним справиться до самого конца войны. Так что на этом фронте в тот период РМ — начальник разведки — со своей задачей явно не справился. А его личный противник — фон Леттов после войны стал у себя дома в Германии национальным героем.

Правда, служивший тогда же личным помощником РМ лейтенант Гордон Джонсон позднее писал:

Майнертцхаген был очень дельный разведчик, думающий и лишённый предрассудков... Я восхищался его знаниями, способностями и навыками в деле разведки... Но я не стал бы доверять ни одному его слову, если бы не был уверен, что ему именно сейчас именно по этому вопросу по каким-то его соображениям выгодно сказать правду.

Другой штрих в этой же истории: после войны произведённый в генералы фон Леттов остался не у дел, и его семья оказалась в очень стеснённых обстоятельствах. Однако вскоре он получил работу — в одной из банковских структур Майнертцхагенов в Германии. И поскольку позднее РМ приглашал его в Лондон и между ними сложились тёплые отношения, продолжавшиеся и после Второй мировой войны, которую фон Леттов — убеждённый противник нацистов — провёл под домашним арестом, можно не сомневаться, с чьей подачи фон Леттов ту помощь в трудный момент получил.

1916 Генерал Ян Смэтс¹⁸⁰ с симпатией отнесся к РМ и внес его имя в списки на представление к *Distinguished Service Order (DSO)*.

1917 В самом начале года откомандирован в Лондон по состоянию здоровья; после лечения сначала служит в Управлении войсковой разведки (УВР) Генштаба в Лондоне, затем получает назначение в Каир; один из его сослуживцев в Каире — Томас Эдвард Лоуренс (Т.Е. Lawrence, он же легендарный Лоуренс Аравийский);

MI7 — управление военной пропаганды и цензуры; это управление, как и многие другие структуры британских спецслужб, было расформировано после окончания войны; в 1939 г. оно было восстановлено, но к 1941 г.

¹⁸⁰ Jan Smuts (1870–1950) — «член “Круглого стола”, ученик Сесила Родса» (по Квигли — один из «посвящённых» в «Тайном обществе» лорда Милнера). Участвовал во Второй англо-бурской войне на стороне буров, но уже в Первой мировой войне — на стороне англичан (командовал британскими силами сначала в Юго-Западной Африке, потом в Восточной Африке). В 1910–1939 гг. занимал различные министерские должности в правительстве ЮАС. В 1919–1924 и 1939–1948 гг. — премьер-министр Южно-Африканского Союза. В 1917–1919 гг. — член Имперского военного кабинета. Дослужился до звания фельдмаршала и входил в состав Имперского военного кабинета Черчилля во время Второй мировой войны. Смэтс единственный, кто подписал обе капитуляции Германии — в Первой и во Второй мировых войнах. РМ служил под его началом в Африке, и позднее в Лондоне их отношения были «уважительными и даже товарищескими».

опять расформировано в связи с созданием самостоятельной межведомственной службы политической разведки и пропаганды — Psychological Warfare Executive, P.W.E. Хотя формально РМ был откомандирован в Каир в распоряжение управления разведки в штабе генерала Алленби, на деле он был туда отправлен для выполнения заданий МИ7.

Во время работы в Генштабе у РМ сложились прекрасные отношения с начальником УВР генералом Джорджем Макдонафом (они оставались на дружеской ноге вплоть до смерти генерала тридцать лет спустя). Тогда же Макдонаф познакомил РМ с Хаимом Вейцманом¹⁸¹. И вскоре после этого РМ, бывший до того, по его собственному признанию, как и подавляющее большинство людей его круга, умеренным антисемитом, вдруг принялся самым активным образом выступать в защиту сионистской идеи. В 2000 г. Беньямин Нетаньяху сказал о нём:

Никто не выступал (за дело сионизма. — А. Б.) с таким рвением, как начальник британской разведки на Ближнем Востоке полковник Ричард Мейнертцхаген.

РМ объясняет свою вдруг возникшую симпатию к сионистам знакомством с двумя выдающимися людьми: Хаимом Вейцманом, которому его представили в Лондоне... и Аароном Ааронсоном¹⁸², с которым он встретился вскоре после прибытия на Ближний Восток. (Стоит напомнить, что тогда же в системе британской военной пропаганды служила и Филлис Боттом, которая тоже стала активным борцом за права евреев.)

1917 РМ принят в *Other Club* по протекции его почётного секретаря — Фредди Геста¹⁸³;

¹⁸¹ Хаим Вейцман (1874–1952). Выходец из семьи евреев, проживавших на территории нынешней Республики Беларусь. В 1892 г. уехал получать образование в высших учебных заведениях в Германии и Швейцарии, затем переехал в Великобританию, где женился на англичанке еврейского происхождения, в 1910 г. получил британское подданство. Дважды занимал пост председателя Сионистской организации (с 1920 по 1931 и с 1935 по 1946 г.). Был первым президентом государства Израиль (с 1949 по 1952 г.).

¹⁸² Aaron Aaronsohn (1876–1919). Еврей румынского происхождения. Ещё в детстве переехал с семьёй в Палестину в рамках первой волны переселения евреев в Палестину («Первой алии»). Получил образование во Франции, работал агрономом в Палестине в качестве протеже барона Эдмонда де Ротшильда. Во время Первой мировой войны, опасаясь, что еврейский народ постигнет та же участь, что и армян, создал вместе с родственниками и сослуживцами тайную организацию НИЛИ. Эта организация по собственной инициативе занималась сбором информации о турецких вооружённых силах и с 1916 г., когда Ааронсон сумел установить связь с британскими спецслужбами, снабжала их этой информацией. Именно информация НИЛИ была использована при подготовке успешного наступления в 1917 г., частью которой стала и *The Haversack Operation*. Вместе с Хаимом Вейцманом участвовал в работе Парижской мирной конференции в составе делегации, представлявшей палестинских евреев, и погиб при невыясненных обстоятельствах при очередном перелёте через Ла-Манш (самолёт, на котором он был единственным пассажиром, вылетел из Лондона, но в Париж так и не прилетел, его останки найдены не были).

¹⁸³ Frederick Edward Guest (1875–1937) — внук по матери Джона Спенсера Черчилля, 7-го герцога

The Other Club («Второй» или «Другой» клуб) учредили в 1911 г. Уинстон Черчилль и его близкий друг и политический союзник Фредерик Смит, 1-й граф Биркенхед (Frederick Smith, 1st Earl of Birkenhead). Члены клуба собирались (и собираются) на ужины раз в две недели в течение сессий Парламента для обсуждения и согласования между собой в конфиденциальной обстановке любых насущных вопросов. Стать членом Второго клуба можно только по приглашению самих членов клуба (а не по собственной заявке или желанию). Черчилль и Смит создали этот клуб, потому что их обоих — как слишком «непредсказуемых» — отказались принять в уже давно (два с половиной столетия) существовавший самый престижный в Англии точно такой же политический клуб, который так и назывался: «Клуб» (The Club). Какой из этих двух клубов лидировал в политической жизни в 1920–1930 гг., английские историки сказать затрудняются, но очень приблизительно можно считать, что в «Клубе» собирались сторонники Империи или «империалисты», а во «Втором клубе» — «интернационалисты».

В письмах, написанных в июле 1918 г., Фредди Гест пишет о встречах со своим другом РМ на собраниях «Второго клуба», вступить в который РМ смог благодаря помощи самого Фредди Геста — почётного секретаря клуба. На тех собраниях присутствовали Черчилль, Ллойд Джордж, лорд Киченер... члены правительства, высшие военные чины, члены Парламента, лидеры делового сообщества. Попав в их компанию, РМ фактически «состоялся» в британском истеблишменте и правящей элите. Он получил уникальную возможность излагать напрямую носителям власти интересы своих друзей-сионистов, и по мере того, как назревал конец войны, наступал период расцвета его политического влияния.

- 1918 РМ вернулся в Лондон и затем был приписан к управлению разведки Генштаба союзников (главнокомандующего генерала Хейга) во Франции; серьёзно ранен в день после подписания капитуляции Германии (возле автомобиля, в котором он ехал якобы с экземпляром подписанного акта капитуляции для генерала Хейга, взорвался снаряд).

Мальборо, двоюродный брат Уинстона Черчилля, личным секретарём которого он служил в 1906 г. Член Парламента с 1910 по 1929 г. В 1914–1915 гг. — адъютант (aide-de-camp — ADC) сэра Джона Фрэнча (Sir John D.P. French), командующего всеми британскими войсками на Западном фронте, а также связной, обеспечивавший конфиденциальный обмен письмами между Фрэнчем и бывшим Первым лордом адмиралтейства Черчиллем. В 1916 г., когда Черчилль рассчитывал получить назначение на должность командующего в Восточную Африку, Гест получил назначение в управление разведки под начало РМ и стал его «незаменимым помощником». Однако командующим к ним был назначен не Черчилль, а генерал Ян Смит. Гест был женат на Эйми Фиппс, дочери крупнейшего американского промышленника и владельца недвижимости Генри Фиппса (основной партнёр Эндрю Карнеги). Биограф РМ дал Фредерику Гесту такую характеристику: «Гест был саркастичным циником и прекрасно чувствовал человеческие слабости».

Во время службы в разведуправлении штаба генерала Хейга во Франции РМ написал методическое пособие по вопросам тактики и порядка ведения оперативной работы военной разведки. Эта методичка по сей день остаётся у британских военных разведчиков одним из ценнейших учебных пособий.

В целом, по мнению историков, летом 1918 года во время службы на Западном фронте у РМ был, пожалуй, самый большой и самый реальный за всю войну шанс получить назначение на один из самых высоких постов в британской военной разведке, но оно не состоялось из-за его ранения. Уникальный шанс был упущен и второй раз уже не представился.

- 1919 Участвует в качестве члена британской делегации в работе Парижской мирной конференции, формально числится в «команде» лорда Балфура и лорда Керзона, официально — как специалист по составлению карт (РМ был признанным мастером в деле рисования географических карт и вообще очень хорошо рисовал);

Хаим Вейцман приезжал в Париж во время проведения мирной конференции только два или три раза. Всё остальное время в защиту сионизма выступал при каждой возможности РМ. Не будучи одним из ведущих чиновников, он всё равно многого добился. Он сумел не дать собравшимся деятелям забыть о важности сионистских устремлений. Когда политики заговаривали о том, чтобы отдать весь Ближний Восток французам или арабам, РМ неизменно и весьма эффективно вмешивался в процесс. В дневниках одного из участников (Sir John Shuckburgh; впоследствии РМ служил вместе с ним в Министерстве по делам колоний) зафиксировано, что РМ пропагандировал идею «подарить Палестину еврейской нации». На одной из рабочих карт с обозначенной на ней предполагавшейся территорией Британского протектората Палестина граница протектората обозначена карандашом, как «Линия Майнертцхагена». Своими ясными и профессионально составленными записками по теме распределения мандатов на захваченных немецких территориях в Африке РМ привлёк внимание лорда Милнера; будучи министром по делам колоний, лорд Милнер поручил РМ вести все дальнейшие переговоры по этому вопросу.

На конференции РМ также познакомился и сошёлся с Робертом Ванситтартом¹⁸⁴; позднее они часто встречались у Расселлов в Mottisfont Abbey. В Париже РМ также вошёл в круг таких людей, как Генри Вильсон (начальник Имперского генерального штаба), лорд Кру, Герберт Генри Асквит, Хью Тренчард, Артур Балфур и Ян Смитс (все — члены внутреннего круга «Тайного общества» Милнера).

- 1919 РМ неоднократно выступает на Конференции и упорно отстаивает интересы сионистов; один из его коллег в это время — опять Томас Лоуренс.

¹⁸⁴ Роберт Ванситтарт доводился двоюродным братом Энтони Идену, Бертрону Расселлу и Т.Э. Лоуренсу.

В предисловии к книге воспоминаний, которую Лоуренс написал сразу после войны (Seven Pillars of Wisdom), он указывает:

Г-н Джофри Доусон¹⁸⁵ договорился с колледжем All Souls о том, что мне в 1919–1920 гг. дадут время написать об Арабском восстании...

Если верить Кэрроллу Квигли, то это — верный признак того, что Лоуренс являлся одним из посвящённых членов тайного общества лорда Милнера.

Колледж All Souls, действительно, в XX веке имел самую непосредственную связь с органами власти Империи, и в его «столовой» могли запросто собраться за обедом или ужином и обсуждать самые разные вопросы члены правительства и члены «научного сообщества» колледжа (бывшие или действительные fellows). Как место неформального общения и скрытого от общественного ока воздействия на правительство колледж использовался самым активным образом.

1919 РМ возвращается на несколько дней в Лондон, где в заранее построенном присутствии свидетелей имитирует посещение проститутки, чтобы у его жены Арморель, с которой он уже давно не жил, появился формальный повод подать на развод (в те времена в Англии это была очень широко распространённая уловка и чуть ли не единственный способ получить развод в суде);

по личному ходатайству Черчилля назначен на должность *Chief Political Officer, Palestine* (военная должность на уровне советника-посланника); его предшественник, бригадный генерал Гилберт Фэлкингэм Клэйтон (Brig. Gen. C. Gilbert Falkingham) был одновременно «крёстным отцом» резидентуры британской разведки в Каире; официально нет подтверждений или опровержений насчёт того, унаследовал РМ эту должность или нет.

Биограф РМ пишет:

Его работа на службе Королю в 1919–1922 гг. была, несомненно, самым значимым периодом в его военной карьере, он находился в центре важнейших событий, и его собственные действия имели важнейшие последствия. <...> Одновременно он был задействован и в организации сбора разведданных...

¹⁸⁵ Geoffrey Dawson (1874–1944) — главный редактор газеты *The Times* (с 1912 по 1919 и затем с 1923 по 1941 г.). Он первый в 1927 г. опубликовал «вошедшую в анналы» и прославившую РМ историю про седельную сумку с якобы секретными документами, которую РМ якобы подбросил, рискуя жизнью, туркам и тем обеспечил англичанам победу в Палестине. Доводился РМ близким другом; по версии Кэрролла Квигли — один из главных «посвящённых» в «Тайном обществе» лорда Милнера.

Должность РМ была весьма сложной из-за соперничества внутри британского истеблишмента между сторонниками сионистов и арабов (последних было больше). Выбор на эту беспокойную должность именно РМ «был обусловлен в первую очередь его связями: он мог перечить влиятельным людям и не боялся репрессалий». «В силу его членства в Other Club и прочих подобных связей он в Каире пользовался гораздо большим влиянием, чем все остальные его коллеги по военно-административной службе».

Так, например, в 1919 г. Хаим Вейцман отправился морем в Палестину. В это время Верховный комиссар генерал Алленби был в отъезде. Его заместитель, генерал Конгрив (Gen. Congreve), узнав о скором прибытии Вейцмана, решил не допустить его. Вейцман позднее рассказывал, что его старый друг Майнертхаген узнал о происках Конгрива. Конгрив не внял настоятельным доводам РМ о том, что сионизм являлся самостоятельным направлением официальной британской политики и что Вейцман совершал поездку под эгидой власти Алленби и премьер-министра. И тогда РМ, действуя в очередной раз через голову начальника (и у него за спиной), отправил телеграмму напрямую в Лондон. Форин-офис и Военное министерство тут же отдали лично Конгриву соответствующий приказ, и Хаим Вейцман смог совершить свой визит по плану. Примечательно, что РМ тогда не понёс никакого наказания за столь грубое нарушение субординации.

РМ добивался разделения гражданской (в компетенции Форин-офиса) и военной (в компетенции Военного министерства) власти в Палестине. В результате в Палестину от Форин-офиса был назначен сэр Герберт Самюэль (Sir Herbert Samuel) «еврей, левый политик в Парламенте... и видный деятель «Радужного круга» (Rainbow Circle), членами которого являлись фабианцы Герберт Уэллс, Бернард Шоу и Беатрис и Сидней Уэббы.

1920

РМ отзывают в Лондон по требованию генерала Алленби.

РМ доносил о готовящихся избиениях евреев, но никаких серьёзных мер принято не было. РМ в своих донесениях писал об участии старших британских офицеров в подготовке событий и обвинял их в антисионизме и сопротивлении проведению официальной политики правительства. В конце концов он даже написал — в который раз — напрямую в Лондон, через голову своего приятеля-орнитолога генерала Алленби. Алленби его тут же уволил за нарушение дисциплины — у него просто другого выхода не было, — хотя они и расстались друзьями. В военной (проимперской) среде у РМ, открыто и активно выступавшего на стороне сионизма, союзников практически не было, независимо от поддержки, которую он имел в высших политических кругах. Но результата, причём долгосрочного, он всё-таки добился. В своём дневнике он написал:

Алленби потребовал моего отстранения от должности, и я ухожу, но всё же то, что я намеревался сделать, я сделал: я добился становления сионизма в Палестине.

РМ, конечно же, похлопывал сам себя по плечу, но в данном случае основания для этого у него были. Написав в Лондон донос, он подвергся опасности и сознательно поставил свою карьеру под угрозу. Это действительно был мужественный и благородный поступок.

В докладе Комиссии Палина, расследовавшей беспорядки, имевшие место в Иерусалиме во время пасхальных празднований в 1920 г. (Palin Commission; 1920 Easter riots in Jerusalem), довольно подробно сказано о РМ. В частности, он назван «главным подспорьем сионистов» и «назначенцем доктора Вейцмана», и сказано, что:

[его] антиарабская необъективная позиция и явное предпочтение в пользу сионизма делают из него, независимо от его выдающихся и полезных в любых других делах качеств, деятеля, на Востоке очевидно нежелательного.

1921 РМ женится на Анни Джексон (Annie Jackson), дочери богатых родителей;

На свадьбе РМ и Анни Джексон присутствовали Фредди Гест, Хаим Вейцман и другие знаменитости. Черчилль с женой отсутствовали, поскольку в день свадьбы отплыли в Александрию. Черчилль предлагал РМ назначить день свадьбы раньше, чтобы они смогли его отпраздновать вместе и вместе же отправиться в путешествие. РМ отказался. Черчилль, в свою очередь, не захотел перенести день отплытия. Как пишет биограф РМ, «в этом отразилось то противостояние, которым были отмечены в следующие два года британские дела на Ближнем Востоке».

1921 начало службы в Министерстве по делам колоний у Черчилля (несмотря на то, что после Каирской конференции 1921 г. и создания двух арабских королевств в Месопотамии и Трансиордании РМ обвинял Черчилля в предательстве дела сионизма); РМ стал «человеком Военного министерства в Министерстве по делам колоний»; за соседним столом в его кабинете сидел Т.Э. Лоуренс;

На протяжении лет Т.Э. Лоуренс неоднократно являлся сослуживцем РМ — в Египте, в Лондоне, в Париже; в середине 1930-х гг. они, видимо, активно участвовали в создании Z Organization (их совместную работу прервала трагическая гибель Лоуренса, разбившегося на мотоцикле). Т.Э. Лоуренс доводился троюродным братом Роберту Ванситтарту, что, возможно, объясняет привлечение Лоуренса к созданию легендарной «собственной сети агентов» Ванситтарта.

Племянник РМ Ник Майнертцхаген в одном из интервью сказал:

Они вместе с Лоуренсом Аравийским занимались созданием Ближневосточного отдела разведслужбы — что-то вроде ведомственного управления, — и Лоуренс часто приезжал к нам в имение... Тогда, по слухам, су-

уществовала секретная служба, даже ещё более засекреченная, чем сама Секретная служба (это вполне может быть дилетантский — или осторожный — намёк на как раз тогда реально создававшуюся Z Organization полковника Клода Дэнси. — А. Б.)

Один из биографов РМ (John Lord) подтверждает, что в 1930-х гг. Лоуренс бывал у РМ дома, а в книге Родни Легга (Rodney Legg) Lawrence Of Arabia In Dorset даже есть отдельная глава, озаглавленная «Выдвижение Лоуренса на должность руководителя создаваемого Управления разведки», в которой автор утверждает, что Лоуренс и РМ руководили рабочей группой, которая обрабатывала предложения, касавшиеся серьёзной реорганизации всей структуры британских разведывательных служб.

С другой стороны, специалисты по биографии Лоуренса, которая документирована гораздо лучше, чем жизнь РМ, склонны считать, что ничего подобного, скорее всего, тогда не было. Мотивируют они своё мнение весьма кратко и на удивление наивно: мол, кому могли быть нужны эти два ветерана-пенсионера (nobody would have needed these two have-beens). Это при том, что РМ в 1935 г. было 57 лет, а Лоуренсу и вовсе 47.

- 1921 начало дружбы с Джэком Филби (Harry St. John «Jack» Bridger Philby — отец Кима Филби);

РМ и Джек — тоже не просто разведчик, но ещё и знаменитый орнитолог и открыватель арабских земель — дружили на протяжении нескольких десятилетий, много встречались и путешествовали, вместе писали о птицах. В начале Второй мировой войны РМ вызволил Филби из английского концлагеря, куда того интернировали как симпатизирующего противнику и потому ненадёжного подданного.

Джэк Филби, как и РМ, был очень популярным в Англии персонажем; но только до тех пор, пока американский журналист Лоуэлл Томас не создал затмивший их обоих легендарный образ Лоуренса Аравийского.

- 1921 в своём качестве чиновника министерства по делам колоний РМ путешествует (с женой) по арабскому миру и Индии, совершает ревизии британских военных объектов; пишет меморандум о нелегальном завозе сионистами оружия в Палестину (оправдывая сионистов), предлагает уволить проарабских чиновников, полностью исключить влияние военных из Каира на гражданскую администрацию в Иерусалиме и предоставить тогда ещё неофициальной еврейской администрации некоторых областей в Палестине режим наибольшего благоприятствования; в декабре Анни родила дочку — Анн Маргарет.

- 1922 В Министерстве по делам колоний узнают, что документы из отдела по делам Ближнего Востока попадают в штаб-квартиру сионистов в Лондоне; Черчилль вызывает РМ «на ковёр»; РМ предлагает подать заявление, если Черчилль ему не доверяет; Черчилль отказывается, но призывает «не афишировать» контакты с Вейцманом.

Как утверждает сам РМ в своих дневниках, в течение двадцати лет, разделивших Первую и Вторую мировые войны, «ему многожды доводилось выполнять различные, в том числе конфиденциальные, задания Форин-офиса и Хаима Вейцмана...» Он уверял, что благодаря ему жизнь Черчилля оставалась увлекательной и в течение пары-тройки лет, проведённых им «в забвении», и что вместе с Т.Э. Лоуренсом они намеревались полностью реорганизовать британскую разведслужбу. В этих его фразах нетрудно заметить намёки если не на собственное активное участие в работе Организации Z, то как минимум на прекрасную осведомлённость о ней.

- 1924 Возвращение на военную службу в полк; отношения с Черчиллем охладели и, как считают некоторые историки, прекратились навсегда.
- 1925 Перевод в Индию; депрессия из-за тупой службы в глухой провинции;
7 января родился сын Дэниэл;
26 января, посоветовавшись с женой, подал в отставку; получил пенсию майора, но, как пишет биограф, это было непринципиально, поскольку «у Анни было достаточно денег».

Источники доходов РМ: в армии перед выходом в отставку он в чине майора получал около 900 фунтов в год. При выходе в отставку ему положили пенсию 450 фунтов. Какой-то небольшой доход он получал от угасающего семейного банка. Иногда ему делал «подарки» брат его отца, «дядя Эрнст». Но основной источник после выхода в отставку и на протяжении всех последующих 46 лет — это доход с состояния, полученного в наследство его женой Анни в 1921 г. (Для сравнения биограф РМ приводит такие примеры: в начале 1920-х гг. обычная британская семья вполне могла очень неплохо питаться за 5 фунтов в неделю или даже меньше. Новый автомобиль марки «Форд» можно было купить за 65 фунтов или около того. «Бедными» называли людей, у которых на всё про всё было меньше 4 фунтов в месяц — и на эти деньги, действительно, можно было прожить.)

При этом, как отметила в своих дневниках его тётка Беатрис Вебб, у РМ финансовое положение получалось значительно лучше, чем у большинства остальных Майнертцхагенов. После того как РМ покинул военную службу и вышел в отставку, его регулярные выезды на сафари, и раньше отмеченные особой роскошью, стали серьёзными мероприятиями с участием целых отрядов носильщиков и нагруженных доверху грузовиков.

- 1925–1926 Путешествия по Азии, часть из них вместе с Анни.
- 1926 В конце зимы — возвращение в Англию; РМ избран в руководящие советы Британского союза орнитологов и Королевского географического общества; частые приглашения к Гилберту и Мод Расселлам — новым хозяевам «Моттисфонт Эбби».
- 1927 Начало разлада с Анни (возможно из-за его статьи об их путешествиях и наблюдениях, в которых он начал «присочинять»; возможно, из-за начавшихся примерно тогда же очень близких отношений между РМ и двумя его ещё совсем молоденькими родственницами, жившими в соседнем доме); знакомство с Яном Флемингом у Расселлов в Моттисфонт Эбби; Анни меняет завещание и оставляет РМ только ежегодный доход и только при условии, что он не женится снова; одновременно в дневниках РМ всё больше места отводится его молодой «кузине» Терезе Клэй.
- 1927–1928 РМ путешествует по Египту и выпускает книги по орнитологии; Анни беременна, и в марте 1928 года рождается второй сын, Ричард Рэндл.
- 1928 6 июля — Анни в домашнем тире получает огнестрельное ранение в голову и умирает.
- 1929 РМ переживает глубокую депрессию, в сентябре – октябре проходит курс лечения в санатории (дети остаются на попечении у молодых «кузин»); в ноябре установлены первые контакты и затем прочные связи с «Англо-германским комитетом»;

РМ был одним из основателей Anglo-German Fellowship. Причины, побудившие его на это, могли иметь как чисто светские, так и политические корни. В советах директоров тогдашних ведущих британских компаний полно имён людей, так или иначе связанных с Майнертцхагенами; за счёт их директорства в различных компаниях образуется плотная сеть взаимозависимых структур. Целый ряд членов созданной им организации (Anglo-German Fellowship) имели с РМ родственные, семейные связи: это Поттеры, Хуты, Буты, Хобхаусы, Хольты и Ротшильды (Potters, Huths, Booths, Hobhouses, Holts, and Rothshilds) — все как на подбор влиятельные деятели, постоянно бывающие друг у друга (и в том числе у РМ) в гостях. Все они являлись членами, а нередко и председателями советов директоров мощных компаний в банковском, транспортном, страховом и строительном секторах, и у всех имелись серьёзные деловые интересы в Германии, Японии и Италии. Спецслужбы отмечали консервативные взгляды этих деловых людей:

[Судя по донесениям внедрённых агентов контрразведки,] некоторые слишком увлекающиеся по натуре члены организации пытались передавать в Берлин казавшиеся им важными сведения, но в реальности никаких

ценных секретов они не выкрали и, судя по рассекреченным документам, шпионажем и саботажем никто не занимался. Можно только добавить, что шпионажем и саботажем никто из них не занимался в пользу Германии; шпионаж же в пользу Англии в компетенцию «внедрённых агентов контрразведки» не входил.)

- 1929 в декабре по приглашению английских ветеранов войны в Лондон приезжает генерал фон Леттов с женой и останавливается у РМ; торжественный ужин в его честь проходит под председательством генерала Яна Смэтса;

Правда, следует признать, что демонстрация дружбы с фон Леттовом была скорее на пользу антигерманской пропаганде, поскольку фон Леттов не скрывал своего отрицательного отношения к Гитлеру и к нацистам, с которыми никогда не сотрудничал: ни до, ни во время, ни после войны.

- 1929 РМ лично обсуждает с только что назначенным на должность министра по делам колоний Сиднеем Веббом будущее Палестины и сионизма; много пишет в защиту сионистской идеи в прессе, пользуясь в том числе для продвижения публикаций «влиянием своих покровителей».

- 1930–1933 Поездки с племянницей Тэсс по Балтийским странам и северо-западу России; по Алжиру и Марокко; в Исландию; во Францию в Пиренеи; по Сирии, Турции, Ливану, Палестине, Трансиордании, Ираку, Болгарии, Швейцарии.

- 1934 Активно участвует в создании и работе Англо-Германской ассоциации;

26 ноября 1934 г. РМ ужинал в «Савое» с Эрнстом Теннантом¹⁸⁶, Иоахимом Риббентропом (тогда посол Германии в Лондоне) и рядом английских бизнесменов. Они приняли решение реорганизовать англо-американский клуб таким образом, чтобы он больше способствовал укреплению деловых связей между обеими странами. РМ записал в дневнике:

Я подчеркнул, что нам нужно какое-то более широкое объединение, какая-то такая организация, которая смогла бы бороться с теми ложью и клеветой, что сегодня распространяют в стране пресса и социалистическая и еврейская пропаганда. ... Была достигнута договорённость о включении в повестку дня не только экономических, но и политических вопросов.

¹⁸⁶ Эрнст Теннант (Ernst Tennant) — лондонский банкир (связан с *Anglo-Palestine Bank*), вёл дела с отцом и братом РМ. Такую же ведущую роль в Англо-Германской ассоциации, как РМ и Теннант, играли Пол Рикенс (Paul Rykens Sr.) и Фрэнсис Дарси Купер (Francis D'Arcy Cooper), директора *Unilever Ltd* (в 2002 г. президентом *Unilever Ltd* был по-прежнему Пол Рикенс — сын того, «пронемецкого» Пола Рикенса).

Среди основателей и первых членов Англо-Германской ассоциации, которые все вскоре стали добрыми знакомыми Майнертцхагена, числились знаменитый автор приключенческих романов, дипломат и специалист военной пропаганды, начальник Филлис Боттом в Министерстве информации Джон Бакен, генерал Ян Гамильтон, Чарльз Хобхауз, адмирал Джон Джеллико, 1-й граф Джеллико, Эрик Варбург¹⁸⁷.

Интересен в этой связи следующий комментарий одного из биографов РМ:

Среди консерваторов и фашистов были такие, кто считал, что война (будущая Вторая мировая. — А. Б.) станет тем средством, которое коммунисты при поддержке евреев хотят использовать для ликвидации рыночной структуры европейской экономики. Сторонники такой оценки событий (РМ в том числе. — А. Б.) пытались предотвратить войну с Германией, потому что они — что сторонники Гитлера, что его противники — не хотели, чтобы остатки имперского достояния оказались растрчены в ходе ещё одной дорогостоящей войны, которую, с большой долей вероятности, и выиграть-то было невозможно и которая, скорее всего, привела бы к потере и Империи, и Третьего рейха, создав взамен предпосылки для становления социализма в Британии и большевистского коммунизма на континенте. (Поскольку это пересказ записей в дневниках РМ, а в то время слово «коммунисты» в обиходе английской элиты означало не столько советских, сколько в первую очередь международных деятелей, базировавшихся главным образом в США и в Лондоне, то можно считать, что анализ РМ отличается очень точным и умным прочтением ситуации; что опровергает теории о его якобы несостоятельности в высокоинтеллектуальных областях. — А. Б.)

Но точно тогда же РМ без тени смущения писал в одном из опубликованных текстов, что с его точки зрения сионизм был просто разновидностью большевизма. Одновременно он, как ни в чём ни бывало, по-прежнему регулярно ужинал со своим другом Хаимом Вейцманом.

1935

Одновременно со своей активностью на англо-германском направлении РМ принимает деятельное участие в работе «Фокуса»;

Поскольку РМ принадлежал к британскому высшему свету, в котором в первой половине XX века ещё преобладали весьма заметно выраженные антисемитские настроения, то его участие в делах Англо-Германской ассоциа-

¹⁸⁷ Сестра Эрика Варбурга, Лола Хан-Варбург (Lola Hahn-Warburg; она и Эрик Варбург — дети Макса Варбурга) долгие годы была любовницей Хаима Вейцмана. Макс Варбург — старший из трёх братьев Варбургов, ближайших партнёров дома Ротшильдов; средний и младший, Пол и Феликс Варбурги, перебрались в США, где Пол Варбург женился на дочери Соломона Лёба (основателя банка *Kuhn, Loeb & Co.*) и стал одним из основных создателей Федеральной резервной системы США, а Феликс женился на дочери Джекоба Шиффа — партнёра Соломона Лёба и представителя интересов Ротшильдов в США (позднее Феликс Варбург сам стал партнёром *Kuhn, Loeb & Co.*).

ции на первый взгляд не вызывает особого удивления, хотя остаётся некоторое недоумение, поскольку РМ не просто дружил с Хаимом Вейцманом, а ещё и неумоимо и в силу своего темперамента достаточно страстно выступал в защиту евреев и сионистского движения. Например, в конце 1930-х гг. в ответ на очередные напоминания сионистов об обещанном создании государства Израиль правительство Чемберлена, опасаясь негативной реакции Германии, публично заявило о своём отказе от дальнейшего исполнения своих обязательств по Декларации Балфура. РМ встретился со многими ключевыми людьми в правительстве, энергично возражал, написал много гневных статей и даже в одной из них обвинил правительства Германии и Великобритании в сознательном уничтожении евреев. Будучи при этом, повторяю, активистом и отцом основателем Англо-Германской ассоциации.

Однако эти его идеологические «кульбиты» покажутся менее странными, если вспомнить, что подчёркнутую публично прогерманскую позицию тогда же занимали вовсе не по убеждениям, а по заданию британских спецслужб Роберт Брюс Локкарт, Сефтон Делмер¹⁸⁸, Ким Филби и многие другие, кто, как и РМ, сразу после начала войны моментально отказались от своей «примирительной» риторики и в войне приняли участие уже в своём настоящем качестве руководящего звена британских спецслужб (так что вполне логично, что некоторые из них, как, например, Сефтон Делмер, ещё до объявления войны уже фигурировали у немцев в их списках лиц, подлежащих аресту в первую очередь).

А если к тому же предположить, что РМ с коллегами своего, старшего поколения в каком-то качестве действительно участвовал тогда же в создании сверхсекретной Организации Z, то сразу появляются сомнения в искренности демонстрируемой РМ «прогерманской» позиции.

Эти сомнения только ещё больше усиливаются, когда выясняется, что не менее активно РМ участвовал в работе «Фокуса». Более того, он

¹⁸⁸ Sefton Delmer (1904–1979) — английский журналист австралийского происхождения, вырос и получил среднее образование в Германии, где его отец преподавал английский язык в Берлинском университете (ещё в 1939 г. Делмер говорил по-английски с лёгким немецким акцентом). После начала Первой мировой войны отец Сефтона Делмера был интернирован, а в 1917 г. выслан вместе с семьёй в Англию в рамках обмена пленными. Получив диплом *Lincoln College, Oxford*, Делмер довольно скоро был принят на работу в газетный концерн лорда Бивербрука и назначен корреспондентом газеты *Daily Express* в Берлине. В апреле 1931 г. он первым из англичан взял интервью у Гитлера, потом сопровождал его во время предвыборной кампании и даже написал о ней книгу. Парадоксальным можно считать тот факт, что и в британском правительстве, и в Берлине Делмера считали агентом противника (немцы вообще довольно быстро пришли к выводу, что Делмер занимал в британских спецслужбах какую-то важную должность). С 1933 г. Делмер работал корреспондентом в Париже и вернулся в Лондон уже в 1940 г., где сразу приступил к работе в спецслужбах и со временем стал автором и руководителем наиболее успешных и одновременно наиболее грязных и бесчестных проектов в рамках так называемой чёрной военной пропаганды. Уже упоминавшийся ранее «кузен» РМ Стаффорд Криппс, узнав о некоторых «достижениях» Делмера, написал тогдашнему министру иностранных дел Энтони Идену свою ставшую гораздо позднее знаменитой фразу: «Если для победы в войне нужно обязательно использовать нечто подобное, то я бы, пожалуй, предпочёл войну проиграть». Делмер на протяжении всей войны тесно сотрудничал с Яном Флемингом (их общий пропагандистский проект имел своей аудиторией немецких подводников; о нём см. подробнее в следующей главе).

явно участвовал в каком-то качестве в спецоперациях, которые организовывал и проводил другой активный член «Фокуса» сэр Джозеф Болл¹⁸⁹ — ветеран МИ5.

Наконец, перед глазами остаётся яркий пример отца и сына Филби. Ким Филби играл роль симпатизирующего франкистам и фашистам корреспондента *The Times* — и эти его «симпатии» ни для кого не было секретом. Точно так же ни для кого не были секретом пронемецкие настроения его отца. Однако же отца интернировали, а Кима — нет; наоборот, его тут же после начала войны приняли на работу в разведку. Исходя из этого, можно по аналогии смело предполагать, что и «симпатии» РМ были того же порядка, что «симпатии» Кима Филби, — заданием британских спецслужб (а никакого не НКВД).

1935–1939 Многочисленные поездки с племянницей Тэсс и без неё, с другими друзьями во многие страны мира, включая США и СССР (где РМ встречался с Сиднеем Веббом). Подтверждены три его пребывания в Берлине, но личные встречи с Гитлером, о которых РМ так любил рассказывать, подтверждения не имеют (хотя и опровержения тоже).

¹⁸⁹ Joseph Ball (1885–1961) поступил на службу в МИ5 в июле 1915 г., после десяти лет, проведённых в Скотланд-ярде. На всём протяжении Первой мировой войны занимался допросами пленных, интернированных лиц, подозреваемых в шпионаже и иностранцев. В 1916 г. в составе МИ5 было создано подразделение для слежки за социалистами (PMS2) и Болл стал заместителем его начальника. После того как подразделение со скандалом распустили, Болл возглавил в МИ5 оперативно-следственное управление В (MI5/Branch В. Investigations and Inquiries). Из знаменитых операций ему, например, приписывают провокацию с фальшивым «письмом Зиновьева» и руководство «налетом на АРКОС» (считается, что РМ участвовал в этой операции). В 1927 г. Болл возглавил собственную службу пропаганды центрального аппарата Консервативной партии, затем в 1930 г. — так называемый «Исследовательский отдел», или попросту разведку консерваторов, которой он руководил вплоть до начала войны. В начале 1930-х гг. демонстративно вступил в прогерманские общественные организации, стал одним из первых членов Исполнительного комитета Англо-Германского клуба и организовал издание прогерманской газеты «Правда» (*Truth*). До сих пор многие авторы считают его главным противником Черчилля в предвоенные годы и приводят многочисленные факты в подтверждение этой версии. Так, например, в июне 1939 г. ближайшая союзница Черчилля Бонэм Картер пыталась развернуть в Парламенте и в прессе кампанию за возвращение Черчилля в правительство. Одновременно Болл опубликовал в «Правде» статью под заголовком «Стоит ли Уинстон того?» (*Is Winston worth it?*), в которой об усилиях Бонэм Картер было сказано буквально следующее: «лицемерная, корыстная и в целом достойная нашего презрения кампания за его включение в состав Кабинета министров...» Однако известно, что Болл одновременно являлся, как и Бонэм Картер, одним из ключевых деятелей полностью прочерчиллевского «Фокуса». Недаром, став, наконец, в 1940 г. премьер-министром, Черчилль назначил его заместителем председателя Управления безопасности и подчинил ему таким образом все спецслужбы Великобритании. О многом говорит и то, что после войны Болл занял одну из руководящих должностей в *London and Rhodesian Mining and Land Company Limited (Lonrho)* — в то время одним из крупнейших добывающих конгломератов мира с 800 филиалами в 80 странах (позднее эта компания была частично поглощена англо-австралийским гигантом *Rio Tinto*). Именно с подачи РМ Мод Расселл на одном из званых мероприятий в Моттисфонт Эбби познакомила Болла с Яном Флемингом. Болл на тот момент как раз занялся сложным процессом по организации тайного сотрудничества с международными банками с целью вывезти из Германии имущество покинувших её евреев — поливая их при этом публично грязью в своей газете, — и потому, с его точки зрения, молодой Ян Флеминг был для его нужд идеальным новобранцем.

- 1939 6 сентября — через два дня после объявления войны Германии — вновь призван на службу в Министерстве обороны, опять в МИ7 (военная пропаганда и цензура).
- 1940 В апреле МИ7 расформировано в связи с созданием *Political Warfare Executive*, но РМ назначения в новую спецслужбу не получил и просто числился на службе в *Home Guard*. Предполагают, что Черчилль таким образом мстил ему.

Некоторые биографы РМ пишут, что он, мол, много хвалился, будто выполнял наиделикатнейшие задания британских спецслужб, а ни МИ6, ни МИ5 о них ничего не сообщают по той простой причине, что РМ у них никогда не служил. Имплицируют они при этом как бы сообщают, что других спецслужб в старой доброй Англии просто не было (и нет), а потому РМ якобы и негде было больше пользоваться плащом и кинжалом и всё-то он фантазировал.

Правда, многие из биографов РМ писали свои тексты тогда, когда об Организации Z, о «Фокусе», о структурах под руководством Джозефа Болла ещё было практически ничего не известно. Сегодня же очевидно, что РМ не только постоянно находился «при исполнении», но и был к тому же одним из наиболее опытных и умелых специалистов.

Подтверждением служит тот факт, что непосредственно перед войной и в её первые годы с РМ регулярно обедали или ужинали практически все высшие военные начальники и руководители спецслужб, включая даже самого начальника Генштаба генерала Алана Брука и главного специалиста Черчилля по стратегической дезинформации (начальника LCS) полковника Джона Бивана¹⁹⁰. В британской системе координат, где главное

¹⁹⁰ John Bevan (1894–1978). Классический «второй сын» — пятый и самый младший в семье, числящейся среди основателей *Barclay's Bank* и одновременно имевшей прямые родственные связи с первыми аристократическими семьями Империи (его дед по матери — 1-й виконт Хампденский, 23-й барон Дакр, «кузен» 2-го графа Грея; его мать — кавалерственная дама; его жена — старшая дочь Джорджа Бингхэма, 5-го графа Луканского, и сестра Маргарет Бингхэм, жены фельдмаршала Александра, 1-го графа Тунисского). Воевал и в Первую, и во Вторую мировую войны. В 1940 г. вместе с Питером Флемингом провёл в Норвегии первые дезинформационные операции против немцев. Начиная с весны 1942 г. руководил самой секретной и самой влиятельной спецслужбой Великобритании во время Второй мировой войны — службой стратегической дезинформации (*London Controlling Section, LCS*; Питер Флеминг возглавил в ней работу в Азии против японцев). В мирное время между двумя войнами и после окончания Второй мировой войны сделал блестящую карьеру в Сити в семейной брокерской фирме *David A. Bevan & Co.* (после демобилизации в 1920-х гг. прошёл предварительно стажировку в датском отделении *Hambros Bank*). Был тесно связан с братьями Бенсон, которые во время войны сотрудничали как с его службой, так и с МИ6, а также со Стюартом Мингисом и Виктором Ротшильдом. Именно он свидетельствовал (а подтверждали фельдмаршалы лорд Вэйвелл и лорд Аланбрук), что первоначальное планирование ставшей со временем знаменитой операции «Мясной фарш» (*Operation Mincemeat*) прошло при активном участии РМ, а в основе использованной уловки — на испанский пляж был выброшен труп якобы погибшего в сбите самолёте британского офицера с пристёгнутым цепью к запястью портфелем, полным секретных бумаг, указывающих якобы планируемое место высадки союзников в 1943 г. — лежали постулаты, сформулированные ещё в сентябре 1939 г. Яном Флемингом в официальной служебной записке, озаглавленной *Trout Memo*; она была распространена за подписью начальника Флеминга и разведки британских ВМС адмирала Годфри, но все истории единогласно соглашаются, что её стиль, безусловно, указывает на то, что она написана именно Флемингом. Так что можно с уверенностью сказать, что уроки старшего наставника Ян заучил и усвоил на совесть.

правило для оценки достигнутого: «Не важно, кого знаешь ты, важно, кто знает тебя» — это самый высокий, из возможных, оценочный балл.

Другое подтверждение: весной 1939 г. РМ и Роберт Ванситтарт в Mottisfont Abbey беседовали с советским послом Иваном Майским и просили его обсудить с руководством СССР возможность заключения анти-германского советско-британского союза. Если бы РМ был противником большевиков, как большего зла, чем Гитлер, как утверждают его биографы, то как бы такое было возможным? Если бы он действительно был бесполезным и никому больше ненужным ветераном, то как бы Ванситтарт ему доверился настолько, чтобы вместе с ним вести столь серьёзные разговоры с советским послом?

- 1941 Серьёзная контузия при взрыве бомбы возле машины такси, в которой он ехал (последствия будут сказываться ещё очень долго).
- 1944 В бою при Арнхеме погиб сын РМ Дэниэл (ему было 19 лет).

О погибшем на войне сыне РМ Дэниэле говорили, что это был «умный и смелый, порядочный и искренний юноша — очень достойный молодой человек». Если при этом учитывать, что мать Дэниэла умерла, когда ему едва исполнилось три года, то, значит, воспитали его таким, каким он стал, его отец и «двоюродная тётя» Тэсс, а это многое говорит об их собственных человеческих качествах. Недаром, придя в себя, РМ собрал все дневники — свои и погибшего сына, — все полученные от него письма и на этом материале написал документальную книгу о нем: The Life of a Boy. Поступок действительно преданного и глубоко любящего отца.

- 1953 Поездка в Израиль («его принимали с такими почестями, словно он был глава какого-нибудь государства»; в Иерусалиме его именем названа площадь).
- 1956 Поездка в Тринидад, где в результате несчастного случая РМ получил серьёзные переломы и после этого уже до конца жизни почти не передвигался самостоятельно.
- 1967 Последнее интервью (журналисту Колину Рикардсу, о событиях 1916–1917 гг. в Восточной Африке);

17 июня РМ не стало.

Деталь, на которую хочется напоследок обратить внимание, чтобы она не осталась незамеченной.

Меморандум *Trout Memo*, послуживший отправной точкой для одной из самых знаменитых и на сто процентов успешной операции по дезинформации противника, в сентябре 1939 г. подготовил Ян Флеминг. С момента, когда он поступил на службу в разведку ВМФ Великобритании в качестве личного помощника её начальника, прошло всего каких-то три месяца. До этого — если воспринимать за чистую монету рассказы его биографов — Ян Флеминг по большому счёту бездель-

начал в какой-то там, хотя бы даже и элитной, брокерской конторе и слыл «самым никудышным брокером в Сити». К разведке при этом якобы никакого отношения не имел (это несмотря на постоянные *innuendo*, опровергающие самими же биографами сказанное) и опыта работы в ней тоже.

Можно ли поверить, что адмирал Годфри с его-то опытом командования людьми позволил бы кому бы то ни было уговорить себя взять в личные помощники столичного повесу и ловеласа? Хотя бы даже и управляющему *Bank of Britain* Монтэгу Норману (именно это утверждает главный биограф Яна Флеминга Эндрю Лисетт¹⁹¹)? Нет, конечно. О том, насколько тщательно и добросовестно он на самом деле отнёсся к выбору правильного кандидата, говорит рассказ всё того же Эндрю Лисетта.

Адмирал Годфри был назначен на должность начальника разведки ВМФ ранней весной 1939 г. Первым делом, принимая дела, он провёл беседы с коллегами из МИ6 — его руководителем адмиралом Синклером и тогдашним заместителем Синклера Стюартом Мингисом. Встретился он и со своим предшественником адмиралом Холлом, который поделился с ним главным соображением: ему потребуется надёжный и дельный личный помощник, который станет его глазами и ушами в Уайтхолле и возьмёт на себя все заботы по поддержанию рабочих отношений со всеми остальными спецслужбами и правительственными ведомствами. В качестве примера Холл рассказал Годфри о собственном таком помощнике — Клоде Сероколде (Claude Serocold). Который был — тоже! — брокером, причём начинавшим свою брокерскую карьеру тоже в *Rowe & Pitman*.

Пару слов об этой особенности престижной брокерской фирмы, в которой якобы вполне безуспешно служил Ян Флеминг. Она, пожалуй, лучше, чем любая другая такая же элитная структура, подтверждала правило, согласно которому шпионаж был в ту пору в мире эксклюзивным британским развлечением, к занятию которым были допущены только представители высших слоёв общества. Они все были знакомы между собой. У них был общий язык, они понимали друг друга. Со времён Первой мировой войны Rowe & Pitman в лице своих партнёров и служащих, а особенно братьев Лэнси и Обри Смитов, была по уши вовлечена в работу спецслужб: Лэнси Смит даже был удостоен младшего рыцарского звания СВЕ за свои заслуги во время Первой мировой войны, а на свадьбе партнёра Rowe & Pitman Сиднея Расселла Кука¹⁹² свидетелем со стороны жениха выступал

¹⁹¹ Lycett, Andrew. *Ian Fleming*.

¹⁹² Sidney Russell Cooke (1893–1930). Закончил Первую мировую войну на службе в МИ5. Хотя он и уволился формально из контрразведки и поступил в *Rowe & Pitman*, ни у кого не возникало сомнений, что он продолжал сотрудничать со спецслужбами. Именно он был «контролёром» племянницы Черчилля Клер Шеридан, которая была близка со Львом Каменевым (они познакомились в Лондоне, куда Каменев приезжал в составе советской делегации для налаживания советско-английских торговых отношений), позднее приезжала в Москву и ваяла бюсты советских лидеров. Погиб при таинственных обстоятельствах: его труп нашли в арендуемой им квартире в Лондоне, рядом с ним лежало охотничье ружьё, из которого был произведён выстрел. Следствие пришло к выводу, что имело место самоубийство, но партнёры на *Rowe & Pitman* были убеждены, что Куку за что-то отомстили советские спецслужбы.

сэр Кэмпбелл Стюарт — заместитель начальника службы пропаганды на вражеские страны во время Первой мировой войны, а затем руководитель Electra House, департамента ЕН, отвечавшего за пропаганду в самом начале Второй мировой войны, пока не были созданы новые пропагандистские спецслужбы. Так что Rowe & Pitman охотно брала на своё обеспечение внештатных агентов и по мере необходимости поставляла спецслужбам тщательно отобранные и хорошо подготовленные кадры. (Попадавшие в эту задуманную Лэнси Смитом систему новобранцы традиционно назывались в Rowe & Pitman «Орхидеями», и из их числа выросли такие деятели, как член совета директоров делового банка Schroder Wagg и председатель совета директоров Pressed Steel Алекс Эйбел Смит, седьмой председатель совета директоров Hambros Bank лорд Чарльз Хамбро и председатель совета директоров De Beers Джулиан Огилви Томпсон.)

Так что, перейдя в 1935 г. из *Cull and Company* в *Rowe & Pitman* — как раз тогда, когда Клод Дэнси, Ричард Майнертцхаген, Т.Е. Лоуренс и другие приступили к реорганизации британской разведки и созданию глубоко законспирированной Организации Z, — Ян Флеминг, скорее всего, был принят в структуру, готовую ввести его в международный круг посвящённых партнёров (например, коллега Лэнси Смита и племянник одного из первоначальных учредителей *Rowe & Pitman* Гуго Питман выезжал вместе с Яном Флемингом в Нью-Йорк и там знакомил его лично с партнёрами его семейного банка Морганом; начавшаяся тогда дружба Морганов с Яном Флемингом продолжалась потом вплоть до его смерти), а также обеспечить ему «крышу» и приличный заработок, закрывая при этом глаза на его бесконечные отлучки и разъезды¹⁹³ и полную неэффективность как брокера. Об этом свидетельствует то, что фирма приняла Флеминга сразу на должность партнёра без всякого подготовительного срока и продолжала платить ему его обычную зарплату партнёра на всём протяжении войны, а также то, что он продолжал участвовать в заседаниях партнёров и после войны, когда уже работал в газетном концерне своего друга лорда Кемсли: ни один «самый бестолковый брокер» никогда бы ничего из перечисленного не удостоился.

В результате Ян Флеминг стал окончательно своим на самом верху уже не английского, а англо-американского истеблишмента и за четыре года работы под началом опытейших Клода Дэнси, Ричарда Майнертцхагена и братьев Смитов набрался того самого опыта, без которого невозможно ни написать методичку для проведения спецопераций, ни эффективно заменять во всём своего начальника на самом верху, на международном уровне. Один из сослуживцев Флеминга в штабе британских ВМС вспоминал, с какой лёгкостью Ян решал самые сложные и деликатные вопросы с представителем американских разведслужб в Лондоне. Объяснялось всё просто: этим представителем был такой же, как Ян, молодой выходец из такого же, как дом Флемингов, американского дома Асторов. Ян со всей очевидно-

¹⁹³ Ян Флеминг, действительно, бесконечно перемещался по Европе. На этот могущий вызвать у профессионала законные подозрения штрих не обратила внимания внучка Мод Расселл, редактировавшая её дневники перед их публикацией, и потому именно при чтении этих дневников становится особенно заметно, насколько часто Ян «отлучался».

стью занял то же место, что в своё время занимали его наставники Клод Дэнси и Ричард Майнертцхаген.

Наконец, собственно принятие Флеминга на работу в качестве личного помощника адмирала Годфри случилось после собеседования, которое Годфри в конце мая 1939 г. провёл за обедом в ресторане *Carlton Grill* в присутствии отставного адмирала Обри Смита — брата Лэнси и бывшего заместителя предшественника Годфри на посту начальника разведки ВМФ адмирала Холла, а также Ангуса МакДоннелла — предпринимателя и политического деятеля, имевшего тесные связи с разведслужбами. По результатам собеседования Ян получил приглашение пройти испытательный период и через несколько недель был зачислен в чине капитана-лейтенанта в Особый отдел Королевского военно-морского резерва добровольцев (RNVR). Ещё через месяц Ян был зачислен на свою должность при адмирале Годфри постоянно, а ещё через несколько месяцев был вне очереди повышен в звании до командора (капитана второго ранга) — и уже в этом приличествующим его статусу качестве оставался на своём месте все долгие шесть лет, до самого конца войны.

В КАЧЕСТВЕ постскриптума к этой главе хочу добавить красноречивую цитату из книги воспоминаний Айвара Брайса:

Зимой (1938–1939 гг. — А. Б.) посвящённые, как и Ян, в государственные секреты люди готовились к войне.

На войне как на войне, или Это невозможное военное искусство

В английском языке есть термин *warfare*, который в своём первом и главном значении с трудом поддаётся переводу на русский язык одним словом. Скажем, не вызывают сомнений и в целом правильно понимаются принятые сегодня термины «ядерная война», «биологическая война», «химическая война» (*nuclear, biological, chemical warfare*). Может быть, уже не настолько просто, но тоже в целом более или менее правильно понимается термин «экономическая война» (его приняли на замену термину «блокада» специалисты британского Центра сбора промышленной информации — *Industrial Intelligence Center, I.I.C.*, разрабатывавшие в конце 1930-х гг. новую концепцию «тотальной» войны). И даже выдуманный уже совсем недавно термин «гибридная война» — и тот в целом понятный и точный.

Но уже гораздо менее точно воспринимается «психологическая война» (*psychological warfare*): для её обозначения ещё и сегодня часто используют слово «спецпропаганда» или — более узко и профессионально — «активные мероприятия», хотя *psychological warfare* ни тем ни другим отнюдь не ограничивается.

И уже совсем невнятно звучит по-русски «политическая война» (*political warfare*). Она в результате по сравнению с «горячей» войной воспринимается как нечто вполне безобидное, хотя на самом деле ничего безобидного в ней нет. Наоборот, это весьма грозное и смертоносное — боевое — оружие.

В энциклопедических словарях английского языка главное значение слова *warfare* определяется примерно так: *комплекс предпринимаемых действий и используемых средств, в сумме образующих тот или иной метод ведения войны*. Соответственно, скажем, *conventional warfare* — это ведение войны традиционным способом с соблюдением международно признанных правил, а *guerilla warfare* — это партизанщина.

Естественно, возникает соблазн по аналогии предположить, что *political warfare* — это ведение некоего отдалённого подобия «войны» некими более обычного напористыми политическими способами и средствами. Но поддаваться этому соблазну не следует, потому что в данном случае определение *political* квалифицирует не способы и методы, а цель. *Political warfare* — это борьба государства за достижение не военной, а политической цели в мирных условиях (которая, будучи до-

стигнута, может поспособствовать так или иначе достижению целей военных, если одновременно государство ведёт и «традиционную» войну). Но эта борьба радикально отличается от традиционной политической борьбы; и точно так же она отличается от традиционной войны. Отличается тем, что её методы и средства не являются ни политическими, ни военными в привычном нам понимании.

Вот в силу этой особенности *political warfare* и выделена как отдельный, ни на какой другой не похожий тип ведения войны. Тип, который никак не регулируется международным гуманитарным правом (т.е. общепризнанными правилами ведения войн и обращения с военнопленными и с гражданским населением — «некомбатантами»), поскольку используемые методы и применяемые средства не просто не предусмотрены ни в одном военном учебнике, а вообще в силу специфики занятия должны быть каждый раз *уникальной импровизацией*. И одновременно этот тип никак не регулируется и внутренним законодательством, а точнее, чаще всего вообще подпадает под действие уголовного права, поскольку всякий раз направлен на причинение ущерба, в том числе летального, противной стороне, физическим лицам, а также на понуждение их к совершению противоправных действий вплоть до государственной измены.

Так что, суммируя, можно сказать, что «политическая война», несмотря на своё безобидное на первый взгляд название, это борьба с соперником, которая ведётся в значительной степени или даже целиком за пределами и гуманитарного международно-правового, и внутреннего уголовно-правового, и профессионального политического или военного поля.

Всё вышесказанное, как ни странно, уже четверть века имеет бесспорное документальное подтверждение — по-своему такое же уникальное, как и самые выдающиеся операции, проведённые асами «политической войны». Предыстория появления этого доказательства на свет следующая.

Биографическая справка

В 1940 г., как только война Германии с англо-французскими союзниками перестала быть «странной», Великобритания всего за несколько месяцев очутилась в ситуации, близкой к коллапсу — военному, экономическому, финансовому и просто человеческому (всем жителям островов реально грозил голод). Спасти их могла только помощь извне, и источником этой помощи могли стать только Соединённые Штаты — их бывшая, восставшая против них с оружием в руках колония, против которой они всего за сто с небольшим лет до того вели (неудачную) весьма жестокую карательную войну. Соответственно, осенью 1940 г. около 80% населения США выступали против любого участия в абсолютно для них чужой европейской войне, которую к тому же по всем внешним признакам уже заведомо проигрывала их бывшая ненавистная колониальная метрополия. Неудивительно, что в стране действовал строгий и жёсткий закон о нейтралитете, запрещающий военное и военно-техническое сотрудничество в любой форме с любой из воюющих сторон.

В этих условиях, готовясь к вполне реальной возможности утраты Британских островов, англичане приступили к созданию в Канаде опорного пункта для

продолжения войны (это примерно как если бы, год спустя, СССР потерял Москву и советское правительство ушло бы за Урал начинать всё с начала) и запустили внутри США операцию, имевшую целью добиться от США нужных для спасения империи действий.

С учётом упомянутых крайне неблагоприятных для англичан условий большую и активную роль в указанных мероприятиях предстояло сыграть практически всем основным британским спецслужбам. Это в первую очередь:

– служба контрразведки и политического сыска — МИ5;

– служба внешней разведки в составе Форин-офиса — СИС (Secret Intelligence Service; МИ6);

– Управление специальных операций — УСО (Special Operations Executive, S.O.E.; это оперативное подразделение выделилось из состава СИС и занималось саботажем и ведением любой иной диверсионно-подрывной работы и партизанской борьбы на всех оккупированных немцами территориях, кроме советских; как гласит легенда, при учреждении УСО в 1940 г. Черчилль в шутку его назвал Ministry of Ungentlemanly Warfare — «Министерство по делам неджентльменского ведения войны»; в 1941 г. из состава УСО выделилось в отдельную межведомственную службу управление, занимавшееся политической разведкой и пропагандой — УПРП (Political Warfare Executive, P.W.E.);

– канадские спецслужбы (подразделения Королевской канадской конной полиции; под их крылом на окраине города Ошава недалеко от американской границы и города Торонто был создан строго засекреченный главный учебно-подготовительный центр — Лагерь X (Camp X), в котором прошли обучение все диверсанты, все оперативники и практически вся американская и канадская агентура УСО, а также персонал остальных спецслужб; технический отдел Лагеря X, занимавшийся изготовлением всяческих хитрых приспособлений самого разного назначения, довольно точно изображён во всех первых фильмах о похождениях Джеймса Бонда).

Внутри США эта работа приняла следующую форму. По строго секретному указанию лично Рузвельта руководитель ФБР Джон Эдгар Гувер заключил устное соглашение о сотрудничестве с представителем британского руководства Вильямом Стефенсоном¹⁹⁴. Согласно этому соглашению в США была официально за-

¹⁹⁴ William Stephenson (1897–1989) воспитывался в приёмной семье в Канаде и взял фамилию приёмных родителей. В 1916 г. добровольцем уехал воевать в составе канадского экспедиционного корпуса. Летом 1917 г. зачислен в лётный состав британских ВВС. В июле 1918 г. был сбит и взят в плен (до этого он уже имел на своём счету 12 побед и считался асом). После войны вернулся в Канаду, пытался наладить своё дело, но, не добившись успеха, уехал обратно в Англию. Там он преуспел и быстро разбогател (зарегистрированный им патент аппарата для передачи изображений по беспроводному телеграфу за 18 лет своего действия обеспечил ему доход, примерно равняющийся сегодня 20 млн. долларов). Он успешно развивал бизнес на многих направлениях и, в частности, владел самой крупной киностудией в мире вне Голливуда (Shepperton Studios). Благодаря обширной сети деловых связей в Великобритании, Европе и США попал в поле зрения британских спецслужб и привлечён к работе в Z Organization. Получил назначение в Нью-Йорк в июне 1940 г. За свои заслуги был удостоен рыцарского звания, а также высшей государственной награды США. Ян Флеминг с Вильямом Стефенсоном был очень хорошо знаком, испытывал к нему искреннее уважение, и многие авторы считают, что Стефенсон стал одним из основных прообразов Джеймса Бонда (но только, конечно же, не внешне: Стефенсон был невзрачный, небольшого роста и довольно плотной конституции человек).

регистрирована в качестве иностранного агента (т.е. организации, официально представляющей интересы чужого государства) так называемая служба «Британской координации безопасности» (British Security Coordination, BSC). По учредительным документам родом деятельности этой организации являлось обеспечение безопасности при хранении и перевозке грузов, предназначенных для экспорта в Великобританию, и взаимодействие по этому вопросу с заинтересованными правительственными ведомствами. На деле эта служба, разместившаяся на двух этажах в рокфеллеровском небоскрёбе в центре Манхэттена¹⁹⁵, стала объединённой резидентурой всех перечисленных выше британских спецслужб в Западном полушарии. В течение года, пока оставался в силе закон о нейтралитете США, вплоть до декабря 1941 г., когда Германия объявила войну США, практически вся реальная деятельность BSC в любом суде США была бы квалифицирована как шпионаж. Если бы достоянием общественности стала правда о роли президента Рузвельта — ему бы не миновать сначала импичмента, а потом тюрьмы.

Недавно в США вышла книга Дженнет Конант *The Irregulars*. В ней Конант, в частности, написала, что по своим масштабам, поставленным задачам и методам их решения BSC — уникальная организация, каких ещё никто никогда не создавал, и что поэтому многие её операции по-прежнему окутаны тайной и являются (в первую очередь в США) предметом весьма недружественной критики. Оговорившись, что таков удел всех спецслужб, она подчеркнула:

Но с BSC случай особый, ведь она изначально задумывалась как предприятие полностью неофициальное, «чёрное», именно для того, чтобы всегда можно было легко откреститься от связи с любым из парней Стефенсона, случись им попасться с поличным. Из-за чего они все на каждом шагу заматали свои следы... и по понятным практическим соображениям не оставили после себя в США почти никаких документальных следов. Те

¹⁹⁵ Помещения в Рокфеллер-центре были предоставлены англичанам его владельцами — банком Морганов — за символическую плату в 1 доллар. Здесь стоит отметить ещё такой загадочный факт. Вильям Стефенсон был в период между двумя войнами преуспевающим предпринимателем с широкой сетью деловых партнёров и контрагентов на двух континентах. Благодаря чему — а также и роялти за счёт зарегистрированных изобретений — он имел постоянный приток очень значительного количества живых денег. Но зато сразу после войны весь его деловой успех как отрезало. Он, правда, купил себе виллу на Ямайке (и стал соседом Нозля Коурда, Эрнста Кунео, Айвара Брайса и Яна Флеминга) и учредил с несколькими такими же, как он, ветеранами экспортно-импортную фирму под названием *British-American-Canadian Corporation*, позднее переименованную в *World Commerce Corporation*, но никакого заметного успеха это предприятие не добилося, хотя и предназначалось для того, чтобы занять нишу, оставленную в значительной степени разгромленными немецкими концернами. Поскольку Стефенсону в 1946 г. исполнилось всего 49 лет, предположить, что он вдруг утратил свою предпринимательскую жилку, трудно. И остаётся только догадываться, кто и как мог «поспособствовать» в годы между войнами его публичному процветанию, легитимирующему его источники больших наличных денег. Не менее интригует и то, что Флеминг в своих романах использует для маскировки МИ6 очень близкое конспиративное название *Universal Export (London) Ltd*. Но при этом, как и в случае с добычей гуано в «Докторе Но», никто из бондоведов тем не менее ни разу не попытался провести параллель с реальной фирмой Стефенсона.

же немногие документы, которые, вроде бы, имеются в спецхране МИ6 в Лондоне, британские власти отказываются рассекречивать.

Мысль свою Конант сформулировала достаточно осторожно. Но зато очень точно отразила в подзаголовке названия книги (курсив мой):

Роальд Даль и *британская шпионская сеть* в Вашингтоне во время войны¹⁹⁶.

СЕГОДНЯ всё это известно, потому что сначала отрывочно в 1962 г. в Англии, затем более полно в 1989 г. в США и, наконец, уже в окончательном виде в 1999 г. опять в Англии был опубликован текст так называемой официальной истории *BSC* (её полное название: *The Secret History of British Intelligence in the Americas, 1940–1945*; о том, как она появилась на свет, ещё будет подробнее ниже). И в этой истории на пятистах страницах самым подробным образом расписано то, что сам создатель и бессменный руководитель *BSC* — Вильям Стефенсон — назвал основным видом деятельности своей структуры: *political warfare*.

В документе, которым британское правительство оформило назначение Стефенсона полномочным представителем всех британских спецслужб в Западном полушарии, порученная ему (и *BSC*) задача сформулирована следующим образом:

Выполнить всё, что в настоящий момент не выполняется и не может быть выполнено не тайными средствами, с целью обеспечить надлежащую помощь Великобритании и, со временем, вовлечь Америку в войну.

Вот так просто и цинично и одновременно трагично для всех американцев, кому предстояло погибнуть на той войне, выглядит «политическая цель в мирное время». И очевидно, что если бы война обернулась для Америки не победой, а горечью поражения, то жертвой этого цинизма стал бы уже именно целый народ.

Пересказывать здесь подробно описания всех рассекреченных операций *BSC*, рассказывать о коррупции, махинациях, насилии и ежедневном полном беззаконии нет смысла — есть книга, которую можно прочитать. Общую их оценку достаточно единодушно дали те немногие авторы, чьи рецензии увидели свет (книга и тема были «спущены на тормозах» и прозябают по сей день на задворках академического мейнстрима). Вот самые характерные фразы:

Опубликованное исследование — это практически пособие по искусству манипулирования. ...История *BSC* похожа на богатое меню разнообразных не-

¹⁹⁶ Стефенсон докладывал в январе 1942 г. Стюарту Мингису, что в Конгрессе США идёт рассмотрение так называемого «закона МакКеллара», согласно которому станет обязательной регистрация всех «иностранных агентов» и декларация всех сведений о них. Стефенсон указывал, что из-за этого «дальнейшая работа нашей резидентуры может оказаться невозможной». Мингис в ответ возражал, что «все Ваши агенты работают тайно и никому за пределами резидентуры неизвестны, так что у американцев нет возможности устраивать проверку того, чем они занимаются» (Цитируется по официальной истории МИ5).

легальных приёмов против врага, которые с тех пор с завидным постоянством использует ЦРУ...

На пороге 1941 года *BSC* превратилась в огромное подпольное агентство, занимающееся манипулированием новостями и чёрной пропагандой в масштабах всей страны. В американские газеты и на американские радиостанции забрасывали пробританские и антигерманские материалы. Параллельно велась беспрерывная шумная ругательная и клеветническая кампания против тех общественных организаций, которые почему-либо считались пронацистскими или решительно изоляционистскими (как, например, известная антибританская организация *America First Committee*, в которой состояло более миллиона платящих взносов членов). ...В самый разгар её деятельности ближе к концу 1941 г. в *BSC* насчитывались многие сотни штатных агентов и многие сотни секретных сотрудников и попутчиков... Три тысячи британских агентов, без устали множащих свою пропаганду и сеющих раздор в настроенной решительно против войны Америке; в это трудно поверить. Попробуйте представить себе такой же офис в распоряжении ЦРУ на Оксфорд-стрит в Лондоне, в котором 3000 американских оперативников занимаются тем же самым. Это немыслимо — но именно так и обстояло дело в 1940–1941 гг. в Америке. ...Для достижения своих целей британская агентура использовала самые бессовестные методы; по меркам мирного времени некоторые из них кажутся невероятно возмутительными.

...в истории *BSC* указывается, что работавших на неё журналистов из прессы и с радио можно было сравнить с секретными сотрудниками, а посредников, поддерживавших с ними связь, — с агентами спецслужб. Их именно в этом качестве и рассматривали. <...> Особо полезными оказались издатель *New York Post* Джордж Бэкер (George Backer), главный редактор *PM* Ралф Ингерсолл (Ralph Ingersoll), обладающая контролем над *New York Herald Tribune* Хелен Рид (Helen Ogden Reid), издатель *Baltimore Sun* Пол Паттерсон (Paul Patterson), президент *New York Times* А. Сульцберггер (A.H. Sulzberger), популярнейшие обозреватели и ведущие Уолтер Липпман (Walter Lippmann), Уолтер Винчелл (Walter Winchell) и Дрю Пирсон (Drew Pearson)...

Возвращаясь к вопросу, имеющему непосредственное отношение к предмету моего интереса. Вот что пишет автор одной из немногих книг, посвящённых этому удивительному и загадочному эпизоду нашей новейшей истории (ведь ни одна спецслужба в мире ни до, ни после не допускала таких компрометирующих и таких исчерпывающих откровений о столь зловещих реалиях своей работы):

В засекреченной рецензии ЦРУ (на первую публикацию — книгу Монтгомери Хайда *The Quiet Canadian*, вышедшую в 1962 г. — А. Б.) говорилось:

Публикация этой книги шокирует... То, чем именно британская разведка занималась в США... в Вашингтоне держали в строгом секрете, и до сих пор об этом почти ничего не печаталось... Рассказ г-на Хайда, вполне возможно, не

грешит против истины; но делать его общественным достоянием было крайне неосмотрительно.

Прочитав это, А.М. Росс-Смит, бывший во время Второй мировой войны британским агентом в США, написал мне:

Рецензия ЦРУ на эту книгу меня очень заинтересовала... В последнем абзаце говорится, что книга в целом правдивая, и я согласен с рецензентом: публиковать её не следовало...

А ещё до того Росс-Смит писал мне, что «поверить не может, что Хайд вообще посмел рассказать об операциях «Письмо Бельмонте» и «L.A.T.I.». Росс-Смит в данном случае ссылаясь на то, насколько эффективно британская разведка использовала поддельные письма...

Вот на этом — на поддельных письмах — остановлюсь подробнее.

В Лагере X, находившемся в полном ведении BSC, работало автономное подразделение под названием *Station M*. Его специализация была — изготовление любых поддельных документов. И все, кто писал об этом подразделении, с восторгом отмечали невероятную безупречность исполнения, которой достигали его мастера: они умели воссоздать индивидуальный почерк любой пишущей машинки; в их распоряжении была химическая лаборатория, и они умели произвести с помощью специальной группы канадских учёных-химиков бумагу и чернила любого заданного состава, которые затем успешно проходили любой химический анализ; имели огромную коллекцию официальных и личных бланков, печатей и штампов, которыми их целенаправленно снабжали все спецслужбы, таможня, цензура, пограничники, королевская почта; у них была своя фотолаборатория, позволявшая делать неотличимые копии и т.д. и т.п.

С ещё большей красноречивостью об эффективности этой службы свидетельствует несопоставимого масштаба успех, с которым её подделки раз за разом давали желаемый результат.

Скажем, из чилийской столицы Сантьяго от некой Анны трижды приходили письма видному чешскому коллаборационисту-предателю в Праге. В них в невинную — и без единой ошибки точную — болтовню о частной жизни адресата были вкраплены компрометирующие факты, которые он не мог никак обоснованно опровергнуть: упоминалась, например, его бывшая жена-полукровка, или таинственная смерть его брата Яна, а также и странные фразы типа: «Я за марками следила, а со золотыми ничего поделать не смогла», «Отец в среду 17-го поймал 75 рыбин, а Брат неважно себя чувствовал, но всё равно поймал 82», «Я связала Карлу свитер, у меня на него ушло 14 мотков шерсти, в каждом по 60 футов нитки, хотя в двух было только по 28 футов». Немецкие цензоры об этих письмах тут же уведомили гестапо, и сколько потом бедолага-предатель ни пытался вполне искренне отрицать вину, ничто не помогло: его пытали и казнили. Подлинность писем Анны ни у кого сомнений не вызвала. Расчёт и мастерство составителей их текстов оказался на сто процентов верным: получателя убили.

Другой пример. *BSC* занималось организацией массовой отправки писем от завербованных реальных корреспондентов, известных своими прогерманскими настроениями, адресатам в Германии. В письма вполне невинного содержания вставлялись изготовленные мастерами *Station M* отрывки, содержащие лишь лёгкие намёки на одолевающие понемногу сомнения, опасения за судьбу стран Оси. Поскольку по замыслу авторов целевой аудиторией этих писем являлись отнюдь не конечные получатели, а многочисленные сотрудники почты и цензуры, адресатов нередко выбирали «совсем невинных» — недавно умерших людей, только что обанкротившиеся и закрывшиеся фирмы; ведь настоящим отправителям важно было, чтобы письма только попали на глаза государственным служащим, а дальше они могли спокойно отправляться в мусорную корзину.

Но при этом англичане подозревали, что точно такую же игру могли вести и немцы. Чтобы их нейтрализовать, на всякий случай, англичане проделали следующее: знаменитый обозреватель, автор крайне популярной колонки, перепечатававшейся по всей стране, Уолтер Винчелл получил письмо, отправленное из Лиссабона американским моряком с торгового судна. Моряк писал, что на переходе из Гамбурга в Бразилию некий еврейский беженец рассказал ему, как в Германии все, кому разрешено отправлять письма за границу, получают ежемесячные циркулярные письма из министерства герра Геббельса с перечнями заявлений, которые должны быть обязательно включены в письма. В качестве доказательства матрос к своему письму приложил записку, которую якобы немецкий цензор послал с возвращённым письмом в напоминание отправителю об обязанности вставлять обязательные фразы, а также и очередной полученный в Гамбурге месячный циркуляр с новыми фразами-шаблонами. Естественно, Винчелл не преминул повеселить этой историей всех своих 25 млн. читателей.

Но даже и прямой выход на ничего не подозревающую аудиторию такого масштаба не так впечатляет, как те две операции, что упомянул бывший британский агент.

ОПЕРАЦИЯ «Письмо Бельмонте» названа по фамилии сотрудника посольства Боливии в Берлине. В то время Боливия являлась для США основным поставщиком стратегически важного для военной промышленности вольфрама, и потому дружественное отношение её правительства имело особое значение. В какой-то момент ФБР получило информацию, что известный своими пронацистскими взглядами боливийский военный атташе в Берлине майор Бельмонте состоит в переписке с пронацистскими силами в Боливии и ведёт с ними переговоры о военном перевороте. Эта новость крайне обеспокоила Рузвельта, и Стефенсону передали конфиденциальную «просьбу о помощи». Командированный в Боливию агент *BSC* подтвердил слухи о том, что Бельмонте состоит в переписке с начальником Генштаба, а также указал, что и боливийское правительство крайне обеспокоено вероятностью пронацистского военного переворота, но ничего не может предпринять, не имея веских улик против влиятельных военных. Стефенсон поручил своей агентуре в Бразилии — транзитом через которую летали в Боливию курьеры с диппочтой для немецкого посольства — обратить на немецких курьеров особое внимание. Как вскоре по своим каналам узнал местный представитель ФБР, у следовавшего транзитом в Боливию немецкого курьера украли в тесноте в лифте из кармана какое-то особо

ценное письмо, и сделали это предположительно британские агенты. Далее состоялась активная дипломатическая переписка между Вашингтоном и Лондоном, и в конце концов «письмо нашлось», Стефенсон передал его Гуверу, Гувер тут же переправил его государственному секретарю Корделлу Халлу, тот снял с него фотокопию и, не мешкая, показал её Рузвельту и тут же отправил в Боливию. Письмо было написано на испанском языке, на бланке боливийского посольства в Берлине, подписано собственноручно майором Бельмонте и адресовано немецкому послу в Боливии д-ру Эрнсту Вендлеру. Содержание его было как нельзя более красноречиво повстанческое и даже с обещанием лично приехать и принять участие. Правительство получило, наконец, вещественное доказательство, без которого ему действовать было не с руки. Так что тут же в стране было введено чрезвычайное положение, целый ряд ведущих пронацистских деятелей и около тридцати военных начальников подверглись аресту, были закрыты четыре газеты антибританского и антиамериканского толка. Немецкий посол был объявлен *persona non grata* и выслан из страны, а Соединённые Штаты официально заявили, что окажут Боливии любую необходимую помощь в случае, если выдворение немецких дипломатов приведёт к какому-либо «международному инциденту», и что д-ру Вендлеру будет отказано в праве проследовать транзитом через территорию США. Арестованный начальник Генерального штаба, ознакомившись на следствии с инкриминирующим письмом, подтвердил, что подпись Бельмонте на нём — настоящая. Поставки вольфрама в США продолжились в прежнем режиме.

ТО, ЧТО может натворить на международной арене одно простое письмо, но правильного содержания, с правильной подписью и попавшее правильным путём в правильные руки, даже ещё больше впечатляет в случае с Операцией «L.A.T.I.».

«L.A.T.I.» — это итальянская авиакомпания, которая осуществляла сообщение между оккупированной Европой и Бразилией и которая среди прочего активно использовалась для перевозки всяческой ценной (как, например, алмазы и платина) и не очень контрабанды. Чем доставляла большие неудобства англичанам, поскольку обеспечивала одну из немногих функционирующих лазеек в блокадном кольце, которым британцы пытались душить экономику Германии. Ещё большую досаду англичан вызывало то, что бразильское правительство отказывалось лишить итальянскую авиакомпанию права обслуживания этой линии: всё же техническим директором компании служил один из зятьёв президента, да и ещё целый ряд важных деятелей имели в ней свой интерес. И тогда в конце концов случилось вот что. Сначала агенты *BSC* в Бразилии раздобыли оригинал письма, полученного из штаб-квартиры авиакомпании в Италии от её президента генерала Аурелио Лиотты. А через какое-то время в дом директора представительства «L.A.T.I.» в Бразилии команданте Виченцо Копполы залезли воры и унесли с собой часы с ночного столика и ещё несколько ценных безделушек. Коппола, естественно, вызвал полицию, и потому в уголовной хронике репортёры, как обычно, в меру посудачили о случившемся и донесли новость до широкой публики. После чего местного американского корреспондента агентства «Ассошиэйтед Пресс» посетил некий безвестный бразилец и, заручившись клятвой о сохранении собственного инкогнито, поведал, что участвовал в ограблении дома Копполы, где нашёл в личных вещах коман-

данте кое-что интересное. После чего вытащил и предъявил корреспонденту конвертик с микрофотографией. Разобравшись, что на снимке — письмо от президента «L.A.T.I.», да к тому же весьма компрометирующего свойства, корреспондент пришёл к выводу, что оригинал такого-то письма посылать обычной почтой не решились, а переправили таким вот конспиративным способом. После чего он тут же передал письмо в своё посольство, там его микроснимок увеличили, посол США почитал текст и поизучал письмо на предмет подлинности, убедился в оной и потому передал всё прямо президенту страны Варгасу, который в письме был назван «толстым коротышкой» и «марионеткой у американцев в кармане», против которого ради спасения страны договорились выступить «наши зелёные друзья» и «берлинские соратники» (сообщалось об этом в связи с тем, что в результате освобождения страны от бесполезного диктатора авиационные привилегии могут достаться немецкому конкуренту, а потому надо попытаться упредить его и заранее договориться с «зелёными друзьями» о продлении привилегий «L.A.T.I.» и при грядущем новом режиме); так что вполне деловое письмо, ничего не скажешь; ну разве что концовка у него неприятная: «Бразильцы, конечно, как Вы и говорили, нация обезьян, но они такие обезьяны, которые станцуют любому, кто будет дёргать за верёвочки». Прочитав письмо, президент Варгас вполне предсказуемо отменил все права «L.A.T.I.» и запретил ей полёты в бразильском небе, велел арестовать команданте Копполу (тот пытался добежать до аргентинской границы, захватив миллион долларов наличными, но был пойман, деньги у него отобрали, а его самого посадили на 7 лет в тюрьму), а также оштрафовать «L.A.T.I.» на 85 000 долларов, конфисковать все её самолёты и прочее имущество, а весь персонал, включая итальянский лётный, интернировать; что и было исполнено. Не так быстро, конечно, а через несколько недель, приурочив событие к начавшейся в Рио конференции, Бразилия разорвала дипломатические отношения с государствами Оси. В результате она перестала быть нейтральной страной, и корабли Южно-Атлантического флота ВМС США получили возможность базироваться в бразильских портах для патрулирования в этой части океана, а на северо-востоке страны США смогли построить перевалочные аэродромы, без которых высадка союзников в Алжире и в Марокко в 1942 г. не состоялась бы.

Монтгомери Хайд в своей книге с особой и понятной любовью описывает:

Специалисты *Station M* смогли точно воссоздать фирменный бланк для писем, используя тот же редкий тип бумаги и воспроизведя на нём тиснение с микроскопической точностью. ...Пишущая машинка была доработана и приведена в точно такое же состояние, что и машинка, на которой печатала секретарша генерала Лиотта, со всеми её погрешностями и следами износа...

ГОРАЗДО менее понятно даже самим главным участникам событий, кто и зачем разрешил в 1962 г. Монтгомери Хайду (во время войны юрисконсульту *BSC*) опубликовать книгу, которую иначе, чем целенаправленной утечкой, никто из профессионалов не называл.

История её появления на свет выглядит следующим образом (в изложении Найджела Веста¹⁹⁷ — одного из самых известных и уважаемых современных историков британских спецслужб):

В самом конце войны Вильям Стефенсон поручил одному из своих подчинённых — Гилберту Хайету (Gilbert Highet) подготовить отчёт о деятельности BSC на всём протяжении войны. Весь архив BSC под военной охраной был перевезён из Нью-Йорка в строго засекреченный и тщательно охраняемый Специальный учебный центр УСО (Лагерь Х. — А. Б.) сразу за границей на территории Канады. В этом секретном центре Хайет и приступил к выполнению полученного задания. Однако его рукопись Стефенсон забраковал и поручил ту же работу теперь уже двум другим агентам BSC — Тому Хиллу (Tom Hill) и будущему знаменитому сочинителю повестей-страшилок и одновременно чудесных детских рассказов Роальду Далю (правда, Даль довольно скоро от этой работы отошёл, так что Хилл заканчивал её в одиночку). Готовую рукопись отредактировал тоже агент BSC Джайлс Плэйфер (Giles Playfair), а затем Стефенсон в частном порядке заказал в типографии в Оттаве двадцать экземпляров, которые переплётчик в Торонто «одел» в дорогие кожаные переплёты. Для каждого экземпляра был изготовлен специальный запирающийся ящик-ларец. Когда всё это было сделано, Хилл получил указание весь свезённый в Лагерь Х архив BSC уничтожить — сжечь. Что Хилл и исполнил.

Естественно, утверждать со 100%-ной уверенностью, что именно такова была судьба этого архива, невозможно. Можно только — при желании — принять эту полуофициальную версию на веру.

В результате 20 экземпляров коллективной рукописи остались единственным документальным источником сведений о деятельности BSC. Из них Стефенсон меньше половины переправил лично Черчиллю и руководителям спецслужб в Лондоне (СИС и УСО), а также, возможно, в Белый дом (то есть президенту США). Два экземпляра Стефенсон совершенно точно оставил себе, а остальные были помещены на хранение в один из банков в Монреале. Однако в 1946 г. Хилл в очередной раз выполнил полученное указание: забрал все хранившиеся в банковском хранилище экземпляры, вывез их на загородную ферму и там сжёг. (С этой версией та же история, что и с предыдущей: можно, конечно, верить, что так оно и было. — А. Б.) После этого остался один экземпляр у Нормана Робертсона (заместителя министра иностранных дел Канады. — А. Б.), четыре или пять экземпляров были помещены в британские архивы, и два экземпляра Стефенсон оставил себе.

Книга Монтгомери Хайда, как утверждает Найджел Вест, это на 80% скрытые цитаты из того сверхсекретного коллективного труда, доступ к которому ему предоставил сам Вильям Стефенсон. И уже тогда, в 1962 г., в предисловии к американ-

¹⁹⁷ Nigel West — это псевдоним; настоящие имя и фамилия этого человека — Rupert Allason.

скому изданию уже вышедшей в Лондоне книги Хайда (в США она вышла под названием «Комната № 3603» — таков был номер на реальном почтовом адресе BSC) не кто-нибудь, а Ян Флеминг, который ещё продолжал в то время тесно сотрудничать с СИС и являлся своим человеком в мире издателей и владельцев газет и журналов, тем не менее написал, словно не допущенный ни к каким секретам посвящённых мальчишка:

Билл Стефенсон буквально горел на работе, занимаясь тайными операциями... о которых разве только что намёками смог упомянуть в своей поразительной книге Монтгомери Хайд, которому по непонятным причинам разрешили написать эту первую, насколько я знаю, книгу о британском секретном агенте, получившую официальное благословение.

О том, что отнюдь не всё с «полученным благословением» ясно, свидетельствует следующая публикация тех же материалов, но уже в гораздо более полном виде в 1989 г. в США. В посвящённой этому событию статье (*'45 papers detail British spying in US. By David Ignatius. The Washington Post. Oct. 1, 1989*) говорится:

До сего дня никто не видел ни одной из рукописей в кожаных переплётках... [Найджел Вест] утверждает, что некий американский издатель, по своим каналам заполучивший ещё один переплетённый экземпляр рукописи о BSC, предложил ему написать Вступление. Вест добавляет, что в Администрации правительства Великобритании сейчас обсуждается вопрос, стоит ли давать добро на публикацию рукописи в Англии (представитель Администрации правительства никак не прокомментировал это заявление).

Судя по тому, что в Лондоне предположительно эта самая рукопись и именно со Вступлением Найджела Веста была опубликована ровно через десять лет, в тот момент в Администрации правительства произошло примерно то же, что уже однажды имело место, причём тоже десять лет, но только назад (в 1978 г.).

Тогда завершилась работа над историческим очерком о самой засекреченной во время войны британской спецслужбе — *London Controlling Section*. Издание готовой рукописи планировалось на 1980 год. Далее цитирую американского историка спецслужб Таддеуша Холта (Thaddeus Holt):

Но именно в эту пору МИ5 и МИ6 сотрясали скандалы, связанные с разоблачением Энтони Бланта и другими неприглядными историями. Поэтому, когда рукопись легла на стол премьер-министра Маргарет Тэтчер, от решения которой зависела судьба публикации, та заявила, что с неё разоблачений относительно спецслужб достаточно и что от новых разоблачительных публикаций будут одни только новые неприятности. В результате на протяжении последующих десяти лет рукопись пролежала под сукном где-то в недрах Уайтхолла. Даже у самого профессора Ховарда не было допуска, дающего право на обладание экземпляром им же написанной книги.

Завершающий рассказ об этом эпизоде штрих: сразу после смерти Монтгомери Хайда в 1989 г. его личный архив был засекречен до 2041 г.

О ТОМ, разведчиком какого калибра был Ян Флеминг, можно с гораздо большей точностью судить по проектам и операциям, за которые он отвечал.

Первое, что сразу приходит на ум: в июне 1941 г. США ещё не вступили в войну и официально соблюдали строгий нейтралитет. Адмирал Годфри и его помощник (Ян Флеминг) прилетели в Вашингтон. На конфиденциальной встрече с президентом адмирал настоятельно просил Рузвельта создать самостоятельную разведслужбу для более эффективного сотрудничества с британскими коллегами. (В США тогда существовали только разведывательные подразделения в штабах родов войск.) Если бы об этих отнюдь не нейтральных переговорах узнали в Конгрессе — случился бы грандиозный скандал.

Затем адмирал улетел, а Флеминг остался. Несколько недель он от руки писал и по конспиративным каналам передавал Вильяму Доновану проекты уставных документов предлагаемой разведслужбы. Через какое-то время Донован положил их на стол президенту. Когда и для США началась война, разведслужбу по флеминговским методичкам создали: со временем из неё выросло нынешнее ЦРУ. Вильям Донован был назначен и всю войну оставался её руководителем. А Яну Флемингу он в знак благодарности подарил револьвер с надписью: «За особые заслуги».

С момента поступления Яна на службу прошло всего два года. А он уже решает задачу, требующую очень серьёзного опыта работы в разведслужбе. До него точно такую же задачу решали и его наставники — Клод Дэнси тоже в США во время Первой мировой войны и затем Ричард Майнертцхаген в 1930-х гг. в Англии. Но у них у каждого было за плечами как минимум двадцать лет активной службы в разведке. А у Яна — два... Можно поверить, что он ещё до войны не готовился годами к этой службе? Нет, конечно.

В САМОМ конце Второй мировой войны союзники, как известно, договорились, что Берлин будут брать советские войска. И поэтому, пока шёл штурм города, американские силы просто встали и принялись ждать. Стояла неподалёку (в Хельмштедте, в Нижней Саксонии) и одна их так называемая штурмовая разведгруппа (точное название: «Штурмовая разведывательная группа № 6860 Отдельного отряда Штаба 6-й Армейской группы (T-Force)»). И если все остальные могли с лёгкой душой радоваться, что не надо в самые последние дни войны лезть под пули и снаряды, то для разведчиков каждый день простоя только усугублял вероятность того, что задание своё они не выполнят. Ведь им надлежало раньше всех, первыми попасть на указанные им немецкие объекты в Берлине и захватить там документацию и прочие ценности. А тут русские их в город не пускали и сами всюду хозяйничали...

В конце концов разведчики в Берлин попали и (далее цитирую):

В Берлине американцев ждал приятный сюрприз — их главные цели стояли нетронутыми. В том числе никто даже не пытался проникнуть в Патентное

бюро, куда разведчики немедленно вызвали технические группы с микрофильмирующей аппаратурой. Видимо, ничего подобного *T-Force* у русских не было.

Эти слова — бесхитростное свидетельство простых американских офицеров, их рассказ, записанный кем-то когда-то давно и найденный американскими же следопытами-любителями, занимавшимися воссозданием истории нарукавного шеврона штурмовой разведгруппы 6860 *T-Force* (редчайшего в ВС США форменного знака отличия, поскольку за всю войну его носили не более полусотни бойцов)¹⁹⁸. Нашли следопыты процитированный текст у себя дома в Штатах, в самой что ни на есть глубинке, среди экспонатов в рядовом военном музее.

Наткнулся я на данный факт — песчинку в массиве истории Второй мировой войны — после того, как в 2007 г. в Великобритании выпустили в открытый доступ содержавшиеся до того в секретных архивах данные о спецподразделениях военной разведки союзников времён Второй мировой войны — так называемых *Target Forces* или сокращённо *T-Forces*. Тогда же, почти сразу следом, в 2009 г. вышла написанная на основе рассекреченных документов книга английского историка Шона Лонгдена «*T-Force. В погоне за военными тайнами нацистов*»¹⁹⁹.

А звончком, пробудившим серьёзное любопытство и подтолкнувшим на дальнейший поиск, рассказ следопытов и книга послужили вот почему.

Всякий раз, когда Национальный архив Соединённого Королевства рассекречивает очередную порцию документов, связанных с войной и особенно с работой спецслужб, британская пресса откликается залпом однотипных и близких по содержанию статей и заметок (воспроизводящих почти дословно пресс-релизы архивариусов), в начале которых обязательно фигурирует в той или иной вариации примерно один и тот же оборот: *...reveal hitherto secret documents released today...* — «как стало известно из рассекреченных сегодня документов...». Ключевое слово в данном случае — *reveal*, «как стало известно». То есть заявляется, что раньше о рассекреченных фактах известно не было. Вот два примера наугад для наглядности (публикации появились одна за другой, 29 и 30 августа 2007 г.):

Из только что рассекреченных документов становится известно, что в конце Второй мировой войны элитное британское спецподразделение похитило сотни немецких учёных и технических специалистов и заставило их работать на правительственные учреждения и на частные фирмы в Соединённом Королевстве... («How T-Force abducted Germany's best brains for Britain». *The Guardian* — головной печатный орган лейбористов.)

Как стало известно из рассекреченных правительственных документов, в конце Второй мировой войны в Германии в рамках секретной программы были похищены и привезены для работы в Великобританию немецкие учёные и технические специалисты... («How Britain put Nazis' top men to work». *The Telegraph* — головной печатный орган консерваторов.)

¹⁹⁸ 6860th Headquarters Detachment Intelligence Assault Force (T-Force), Headquarters, 6th Army Group. Создана приказом от 9 февраля 1945 г.

¹⁹⁹ Longden, Sean. *T-Force: The Race for Nazi War Secrets, 1945*. Constable & Robinson. London, 2009.

Вот так были анонсированы в Великобритании документы о *T-Forces*. В двух словах, речь о том, что после открытия второго фронта летом 1944 г. союзный, то есть англо-американский штаб военной разведки в Лондоне, составлял на основе собранных сведений перечни особо интересных, полезных, нужных и/или ценных объектов, материальных ценностей, документов и специалистов, находившихся на оккупированных территориях, а под конец войны уже и на территории самой Германии. Как только по мере продвижения союзных войск помеченные объекты, ценности и лица становились «достижимыми», на их захват направлялись эти самые спецподразделения. Иногда они оказывались на месте даже раньше, чем подходили регулярные войска.

«Благодаря рассекреченным данным, теперь стало известно» и о том, что англичане и американцы таким образом захватывали и вывозили из Германии ценности и специалистов не только в своих зонах оккупации, но и тайком, как бы контрабандным способом из советской зоны тоже. Уже после 9 мая 1945 г. их войска ещё несколько месяцев находились на территориях, определённых союзниками в «советскую» зону, и вот прежде, чем уйти, указанные спецподразделения и прошлись по ним «частым бреднем». В результате таких операций были, например, арестованы и переправлены на Запад знаменитый ракетчик Вернер фон Браун, радиохимик Отто Ган.

А, скажем, 4 мая 1945 г., грубо нарушив условия перемирия, одно из британских спецподразделений совершило рейд в Киль и захватило расположенную там базу скоростных подводных лодок и конструкторское бюро знаменитого разработчика ракетных и прочих двигателей Гельмута Вальтера. (Сам Вальтер, как и многие другие особо ценные «спецы», был арестован и насильно переправлен сначала в Англию, потом в США.) Рассказывая об этом рейде, Шон Лонгден пишет:

[Рейд обозначил] фундаментальную подвижку поставленных перед организацией целей; отныне ей в первую очередь надлежало не давать Советскому Союзу возможности заполучать германские военные и научные секреты. В результате *T-Force* очутилась в самом авангарде зарождавшейся тогда холодной войны.

Исходя из этой фразы, можно вполне уверенно заключить, что именно здесь и кроется причина, по которой британцы так долго и тщательно хранили в секрете сведения об этих совершенно особых и явно не самых джентльменских событиях войны.

Но в том-то и дело, что вся ясность этого заключения тут же развеется в пыль у любого, кому попадётся на глаза цитата, найденная американскими следопытами: ведь в самом заурядном американском музее без всякой таинственности и государственной секретности уже много десятилетий любой желающий волен узнавать всё, что хочет, про эти государевы дела. Из чего неумолимо следует, что *T-Forces* в США ни военной, ни государственной тайной не являются.

И дальнейший поиск полностью подтвердит это предположение.

Вот, например, всеми уважаемое и респектабельное американское издание *Foreign Affairs* опубликовало — и не в 2007 г., а в осеннем выпуске 1990 г., т.е. за

17 лет до «рассекречивания» *T-Force* — короткую рецензию на вышедшую тогда же, в 1990 г. в США книгу американского историка Джона Джимбела, и говорилось в той рецензии, что послевоенный вывоз немецких учёных в США и Великобританию явился своего рода «интеллектуальной репарацией» и что по оценке Джимбела стоимость этой «репарации» была (курсив мой):

...весьма высокой и близкой к 10 млрд. долларов, то есть к той сумме, в которую присваиваемое англичанами и американцами немецкое имущество оценивал в своих обвинениях Советский Союз²⁰⁰. В этой запутанной истории... в конце концов образовалась *реальная выгода для конкретных американских компаний*. ... [Приведены] многочисленные конкретные примеры, когда прорабатывались американские «запросы», которые и в обычное мирное время, и даже уже тогда по мнению некоторых немцев и американцев сильно смахивали на *промышленный шпионаж*.

То, что американский рецензент в солидном проправительственном издании без тени смущения дословно и даже как будто с просоветской позиции изложил строго тогда в Великобритании засекреченную суть операций *T-Force*, естественно, сильно заинтриговало. Принялся разыскивать рецензируемую книгу, но дело это оказалось не из лёгких: книга ни разу не переиздавалась и — редчайший случай — нет ни одного, пусть сильно подержанного экземпляра ни за какую цену даже на *Amazon*, где теперь предлагается практически всё печатное слово планеты на английском языке. Книгу словно спрятали...

Оказалось — стандартное историческое исследование, оформленное по всем академическим правилам, и в нём всё, действительно, так «просоветски» и написано; видимо, автору просто повезло, и его нелицеприятная рукопись оказалась готова к выпуску в тот единственный за всю Историю краткий миг, когда на Западе воцарилось мимолётное политическое благоволение к Советскому Союзу. А вот понастоящему необъяснимым осталось то, что за 17 лет до 2007 г. о вроде бы суперсекретных у английских союзников *T-Forces* в американской книге без всяких оговорок и ухищрений рассказано всё без утайки, и названы они их настоящим именем. Более конкретно в книге сказано так.

Во время войны англичане и американцы создали ряд специальных научно-технических разведывательных отрядов (что подтверждено и в рассекреченных в Лондоне документах). В их числе были *T-Forces* — военные команды для захвата и обеспечения охраны так называемых разведывательных целей. «Разведывательные цели» в данном случае — это, как их определили создатели службы на своём кондовом армейском языке, «ценная и особая информация, в том числе документы, оборудование и лица».

Для управления этими особыми командами учредили Подкомитет по «сводным разведывательным целям» (*Combined Intelligence Objectives Subcommittee, CIOS*), что-то вроде штаба этой совместной англо-американской разведслужбы, на кото-

²⁰⁰ Поскольку экономике и инфраструктуре Соединённых Штатов никакой физический ущерб во время войны причинён не был, у них, в отличие от пострадавших союзников, не было оснований претендовать на репарации от Германии.

рый возложили задачу определять для *T-Forces* «разведывательные цели» и после того, как *T-Forces* ими завладели, организовывать их использование. И ещё отмечено (курсив мой):

CIOS был учреждён в Лондоне приказом от 21 августа 1944 г. ... и явился ярким примером *столь типичного для Второй мировой — тотальной — войны взаимодействия военных и гражданских структур.*

Обращаю особое внимание: разведчики включали «лиц» — не военнослужащих противника, а просто «лиц» или иначе «вывезенных специалистов» по современной версии документа Министерства финансов Германии — в число своих обозначенных «целей». Для составления перечней таких «целей» англичане (не американцы — *англичане*; курсив мой):

...предложили создать подкомиссию для подготовки «экономических и промышленных разведывательных целей, представляющих жизненно важный интерес в послевоенный период, но не имеющих при этом очевидной военной ценности».

В результате была создана Группа по серым спискам... («чёрными» называли списки сугубо военных и военно-промышленных целей. Более подробно о них будет сказано чуть позже.)

CIOS обратился ко всем заинтересованным сторонам с призывом присылать свои предложения относительно нужных и полезных «целей». И поскольку война «тотальная», то обратился Подкомитет не только к военному, но и к гражданскому, частному сектору экономики. Заинтересованные стороны тут же откликнулись:

Запросы потекли рекой из вооружённых сил... из правительственных ведомств... и от сотен малых и крупных предприятий...

Поимённо американский историк назвал, например, *Bell Laboratories, AT&T, Western Electric, Firestone, Goodyear*. Причём речь шла о тех самых «запросах», что составляли некоторых проводить параллель с промышленным шпионажем. Например:

(Indiana Steel Products Company) прислала список из 17 немецких патентов, о которых она хотела бы получить информацию, указала немецкие компании, изучение которых представляло для неё интерес, и перечислила немецких специалистов, которых с точки зрения её интересов надлежало допросить.

В Великобританию немецких гражданских лиц с такой же целью начали вывозить ещё в марте 1945 г., и в связи с этим выработали специальную процедуру. Если кто-то в Англии интересовался каким-то немецким гражданским специалистом, то этот специалист становился «разведывательной целью» *CIOS*. *T-Forces* получали соответствующее задание, находили и задерживали его (её) и затем переправляли в Англию. Джимбел об этих специалистах сказал так:

...военнопленными они не являлись, но содержали их всё-таки в режиме задержания (в *Beltane School, Wimbledon*).

И далее (курсив мой):

...интересовавшиеся ими министерства и все прочие могли допрашивать их непосредственно в центре задержания... а могли вывезти их по своему усмотрению в любое место в Соединённом Королевстве и там допрашивать и использовать их.

Подчеркну: если бы Джон Джимбел был не гражданином США, а британским подданным и если бы он опубликовал эти же самые строки в любой год вплоть до совсем недавнего 2007 г., но не в США, а в Великобритании, то его бы, возможно, на какое-то время посадили в британскую тюрьму за разглашение британской государственной тайны.

И ещё подчеркну: речь идёт о немецких гражданских лицах, не комбатантах. А их тем не менее в рамках правительственной программы и при непосредственном участии британских спецслужб принудительно вывозили из их страны к себе в США и Великобританию и использовали по своему усмотрению частные американские и британские фирмы. При том, что составляющие основу современного международного гуманитарного права Женевские конвенции категорически запрещают именно такие действия.

В правительстве США обо всём этом с самого начала говорили вполне откровенно. Например, ровно через неделю после учреждения CIOS, 28 августа 1944 года директор Управления научных исследований и развития Ванневар Буш писал военному секретарю и секретарю ВМФ США:

[Добытая благодаря действиям *T-Forces*] немецкая техническая информация промышленного характера... поможет американской промышленности сохранить за собой её место в мировой торговле.

И он же весьма прагматично указал:

...нет сомнения, что Великобритания уже готовится к получению такого типа информации для своей собственной промышленности. (Напоминаю, что «получение информации» использовано в специфическом значении, придуманном штабистами.)

В прессе в США обсуждение вопроса шло не менее откровенно и реалистично (следующую цитату из газетного репортажа американский автор, к сожалению, не датировал и источник не указал):

...отряды CIOS прочесали Германию в поисках... всяких секретов об образцах вооружений, нефтяной и сырьевой промышленности, синтетических материалах, конструкторских наработках и химических процессах, изобретениях, патентах, финансах, экономике и немецких махинациях в политической области.

А вот с английской стороны царило и тогда, и всё время потом полное публичное молчание. Джон Джимбел в своей книге, как и положено в западных академических трудах, вначале поблагодарил всех, кто ему в работе над книгой помогал (начиная с конца 1970-х гг. и до второй половины 1980-х гг.). В частности, выразил свою признательность разным сотрудникам национальных архивов в Германии и в США. Англичан же не поблагодарил и даже не упомянул ни одного. Ему некого и не за что было в Великобритании благодарить? При том что книгу он написал об истории англо-американского *сотрудничества*?

Вполне возможно, что именно так дело и обстояло, что никто в Лондоне Джона Джимбела «знать не знал» и «знать не хотел». Иначе вряд ли лондонские издатели упомянутой выше книги Шона Лонгдена «*T-Force. В погоне за военными тайнами нацистов*» — фирма «Констейбл & Робинсон. Мыслящие независимо с 1795 года» — написали бы у себя на сайте в рекламном анонсе через 19 лет после выхода в свет книги Джимбела (курсив мой):

В 1945 г. ...было принято решение создать элитное подразделение... его называли Target-Force. *До сего дня рассказа о нём не было ни в одном историческом исследовании, посвящённом тому периоду...*

Вот такое труднообъяснимое и незавидное лобовое столкновение двух союзных наций. Почему незавидное — понятно. А труднообъяснимое оно потому, что случилось не с нами у нас в России — что всему миру показалось бы понятным, — а с англичанами у них в Англии, но так, словно и правда у нас «в России»: весь мир давно в курсе того, что отцы и деды в недалёком прошлом вытворяли, а мы вот только теперь с большим запозданием о себе нелёгкую правду якобы раскрываем... непредсказуема наша история...

Думаю, чтобы понять причину случившегося, первый шаг в правильном направлении из двух уже упомянутых исследователей сделал не англичанин, а американец — историк Джон Джимбел. Он, объясняя, почему взялся за свою книгу, в отличие от английских журналистов и издателей, искренне признался:

[В 60-х и 70-х годах мне] хотелось узнать, что же всё-таки лежало в основе претензий России и Восточной Германии, утверждавших, что под видом репараций западные союзники забрали имущества на многие миллиарды долларов. При этом поначалу я, не особо задумываясь, склонен был соглашаться с официальной позицией США, то есть с тем, что называемые суммы вообще «из области фантастики», что обвинения выдвигаются только с целью отвлечь внимание от массированного вывоза из Германии репараций, который сам Советский Союз и осуществлял, и что поэтому воспринимать эти обвинения иначе, нежели как обыкновенную пропаганду, не было оснований.

Сегодня молодое и наивное по собственному признанию Джимбела суждение можно вслед за ним и благодаря ему опровергнуть: не было в данном случае советской пропаганды. В 2000 г., отвечая на полученный запрос, Министерство финансов Германии представило «Ответ парламентского госсекретаря при федеральном

министре финансов, Карла Дилера. Берлин, 9 марта 2000 г.» (дело № VB2 – О 1266 В – 7/00). В этой официальной справке общая сумма репараций, выплаченных Германией союзникам в «западном оккупационном секторе» (т.е. в целом, без разбивки по странам) и включающих в себя в том числе оценочную стоимость материальных ценностей, патентов и «вывезенных специалистов», составила 96 млрд. марок, или 21,3 млрд. долларов. Репарации, выплаченные в «советской оккупационной зоне», в той же справке оценены в 66 млрд. марок или 15,8 млрд. долларов.

Это фактически прямое изобличение десятилетиями повторявшейся и сознательно порочащей другой народ лжи объясняет, почему, скажем, в США не переиздаётся и вообще столь труднодоступна книга Джимбела. Но оно по-прежнему не объясняет, почему же в Великобритании так нелепо «хранили в тайне» то, что было вполне на слуху и даже какое-то время широко обсуждалось за океаном.

В каком направлении искать дальше ответ на этот вопрос, подсказала историческая аналогия.

Когда у английского короля Эдварда VIII (правил всего 11 месяцев в 1936 г.) появилось серьёзное намерение жениться на своей любовнице, дважды разведённой американке Уоллис Симпсон, об этом довольно скоро прознали журналисты в США, и дальше эта скандальная тема не сходила с первых полос американских газет. А в Англии все эти статьи цензура из американских газет методично вырезала, поскольку в королевстве действовал категорический запрет на любое публичное упоминание об этой «проблеме» — дабы не подрывать престиж института монархии. Запрет был настолько строг, что даже члены Парламента в недоумении выступали с официальными запросами: что это за новости такие подвергаются столь строгой цензуре? Ответа они, понятное дело, не получали.

Сегодня, в век моментальных глобальных обменов информацией вся эта суэта может показаться глупостью: ведь свободу пересечения Атлантического океана британскими подданными и американскими гражданами никто не отменял, а значит, скрыть правду о матримониальных планах английского короля в любом случае было никак не возможно... Но если почитать дневники и мемуары современников, то с удивлением обнаруживаешь, что, напротив, «суэта» вполне себя оправдывала и честь имперского оплота — британской монархии — весьма успешно охранялась вплоть до официального объявления короля об отречении от престола ради женитьбы на разведённой проститудинке.

Значит, в ту пору, если требовалось оградить честь нации, защитить престиж каких-то её институтов, засекречивание того, что вовсю публиковалось и обсуждалось в прессе за океаном, считалось тем не менее вполне надёжным средством. И значит, и в случае с *T-Forces* мотив иначе непонятной псевдосекретности мог быть тот же самый. А тогда первый вопрос, требующий ответа: чья честь, какой институт нации мог в связи с *T-Forces* требовать такой же строгой защиты?

Ответ достаточно очевиден, если вспомнить одну из уже приведённых цитат (курсив мой):

[В ответ на приглашение военных разведчиков присылать свои пожелания] запросы потекли рекой из вооружённых сил... из правительственных ведомств... и *от сотен малых и крупных предприятий.*

Для того чтобы «крупные» частные предприятия могли принимать активное участие в этой строго засекреченной деятельности, они должны были иметь самую тесную и абсолютно конфиденциальную связь с военной разведкой, должно было существовать хорошо отлаженное взаимодействие между первыми лицами в деловом и финансовом мире и в руководстве спецслужб. А поскольку эта строго секретная деятельность к тому же ещё и многих посвящённых «наводила на размышления» о промышленном шпионаже и составляла очевидное нарушение международного гуманитарного права, то она неизбежно приобретала черты заговора, причём самого сомнительного свойства и в самом сердце, на самом верху военно-промышленной элиты Британской империи.

Далее, естественно, нужно искать следы именно такого взаимодействия на именно таком уровне, и первый логичный шаг — это попытка как-то «инвентаризировать» то, что по данному делу засекречивалось и одновременно имело или могло иметь прямое отношение к британской военно-промышленной элите.

И вот как только заданы такие параметры, так сразу же бросается в глаза следующий вдруг становящийся очевидным факт.

В Лондоне сразу вслед за рассекречиванием сведений о *T-Forces* вышла книга, посвящённая службе Яна Флеминга в британской разведке во время войны. В 1942 г., взяв за образец работу спецотряда Отто Скорцени во время захвата немцами острова Крит, Флеминг создал первый в британской армии аналогичный спецотряд для захвата ценных разведматериалов — так называемый 30AU, или *30 Assault Unit* (Штурмовой отряд 30; цифра в этом названии — это номер кабинета, в котором сидели секретари Флеминга; заимствован он потому, что именно в этом кабинете разрабатывались и формулировались оперативные задания для отряда). Флеминг всю войну оставался в штабе Разведки ВМС главным ответственным за всю деятельность 30AU.

Созданные в 1944 *T-Forces* были полностью скопированы с этого его детища, и всё время, пока существовали команды *T-Forces*, списки «целей» для захвата составлял и раздавал их командирам опять же он, Ян Флеминг, из-за чего те списки и получили своё рассекреченное нынче прозвище: «Чёрные книжки Флеминга».

Когда в 1939–1940 гг. Великобритании реально грозила немецкая оккупация, агенты «Организации Z» эвакуировали в США самые ценные, имевшие стратегическое значение английские научно-технические разработки. Вывезли, конечно же, всё, что касалось создания атомной бомбы. Следом в США приступили к форсированному осуществлению сверхсекретного «Проекта Манхэттен»: предстояло опередить немецких разработчиков. В июне 1944 г. союзники высадились в Нормандии. В первых рядах наступавших, а иногда и впереди них шли разведгруппы T-Force, снабжённые «Чёрными книжками Флеминга».

Другими словами, англо-американские союзники уделяли совершенно особый приоритет поиску и захвату всего, что было связано с созданием атомной бомбы, и получается, что Ян Флеминг был допущен к самым главным секретам разведслужб как Великобритании, так и США. А если к этому добавить, что он от имени своего начальника обеспечивал всё те-

кущее взаимодействие между руководством своей службы и остальными спецслужбами обеих стран, то становится понятно, что в том «заговоре» Ян Флеминг находился именно в самом центре и на самом верху.

В третьем по счёту романе о Джеймсе Бонде «Лунный гонимый» повествуется о фантастической команде из 50 немецких инженеров-конструкторов, которые в послевоенной Англии строят ракету-носитель и атомный заряд для неё. В действительности в Англии благодаря спецназовцам Яна Флеминга в рамках именно такого проекта трудилось сто немецких специалистов.

И вот этот-то факт и обращает сразу на себя внимание. Потому что и до расклевывания сведений о *T-Forces*, и после все, кто писал о Флеминге, начиная со случайных журналистов и кончая его биографами, говорили о нём с лёгкой добродушной иронией, как о слегка взбалмошном, слегка бестолковом, слегка экстравагантном снобе, испробовавшем без особого толку много профессий — в том числе даже вот и кабинетного разведчика во время войны, — пока не обнаружился у него, наконец, уже на закате лет талант писателя увлекательных шпионских приключений.

И это про человека, на протяжении всей войны принимавшего непосредственное участие в организации оперативного обеспечения англо-американского атомного проекта?

ПОСЛЕДНИЙ штрих к портрету командера Флеминга.

Во время Второй мировой войны главным британским специалистом по «чёрной» пропаганде был Сефтон Делмер. Он вёл радиопередачи, которые передавались в эфир таким образом, что у слушателей создавалось впечатление, будто они слушают нормальную немецкую радиостанцию. Стиль передач был яркий нацистский патриотический. И вот в этих передачах Делмер, например, сообщал специально для подводников самые свежие сведения о гражданских жертвах во время бомбёжек. Соль была в том, что специальная разведслужба британского Управления политической разведки и пропаганды и военно-морская разведка Флеминга ежедневно снабжали Делмера точными сведениями о местах проживания немецких подводников, находившихся в каждый конкретный момент в боевых походах, и именно по «их» городам и районам давали ему сводки о бомбёжках (количество гражданских жертв Делмер при этом произвольно завышал). Нетрудно представить, что испытывали подводники, когда слышали, что в их разбомблённом городке столько-то гражданских жертв — не названных, чтобы каждый гадал сам.

Делмера англичане держали в полном секрете ещё 20 лет после войны: серьёзно и справедливо опасались более чем заслуженной мести. При этом у него с Флемингом были очень тёплые отношения...

The Show Must Go On

Биографическая справка

О Яне Флеминге несчётное количество раз повторена (с некоторыми незначительными вариациями) вот эта расхожая фраза:

В 1945 г. Ян Флеминг, уволившись с военной службы и из разведки, стал журналистом.

Как и в большинстве остальных случаев, следует оговориться: всё совсем не так просто. Флеминг ведь и на военной службе как следует не был, поскольку проходил по штату резервистов-добровольцев ВМС. Получал поэтому по сравнению с кадровыми офицерами совсем мизерное денежное довольствие. Но зато, по доброй традиции Организации Z, всю войну получал сполна свою несопоставимо большую зарплату биржевого брокера в Rowe & Pitman.

Точно так же он и журналистом после войны стал тоже «относительно». Официально его должность называлась не корреспондент, не редактор и не заведующий редакцией или отделом, а «управляющий (manager) международной службы» газетной корпорации «Кемсли Пресс» (Kemsley Newspapers).

Через пять лет после поступления на работу в газетный концерн к своему другу Гомеру Берри, 1-му виконту Кемсли²⁰¹, сам же Флеминг в письме бывшим коллегам по разведке ВМС писал:

В качестве руководителя заграничной службы газеты «Санди Таймс» и концерна «Кемсли Ньюспейперс» я круглогодично руковожу разведывательной организацией, разбросанной по всему миру... Как вам известно, я также выполняю целый ряд заданий по поручению некоего управления Форин офиса....

²⁰¹ James Gomer Berry, 1st Viscount Kemsley (1883–1968) — газетный магнат и промышленник. Ян был единственный в корпорации Кемсли, кто к нему обращался по имени и на «ты». (Хотя формально разницы между «вы» и «ты» в английском языке нет, сами англичане, особенно образованные и получившие хорошее воспитание, прекрасно её ощущают.)

Поскольку в Великобритании внешняя разведка является подразделением Форин офиса, а её существование ещё недавно официально отрицалось, то «некое управление» — это она и есть: Секрет Интеллидженс Сервис (МИ6).

«Кемсли Пресс», действительно, не возражала против сотрудничества своих корреспондентов с разведслужбой и даже зачисляла в штат её действующих оперативников. В подчинении у Флеминга было более 80 заграничных корреспондентов, числившихся сотрудниками агентства Mercury News Service, которое обеспечивало собственными международными новостями различные издания — в том числе The Sunday Times, — принадлежавшие Kemsley Newspaper Group, и сколько из них в том или ином качестве сотрудничали с британской разведкой — неизвестно. С их начальством в МИ6 — сначала с графом Фредериком Ванден Хёвелом и затем с Николасом Эллиоттом — Ян Флеминг был дружен ещё со времён их общей довоенной службы в «Организации Z». Так что работу своих общих подопечных они успешно координировали по-свойски, без всяких формальностей²⁰². Неудивительно, что именно «Санди таймс» первой в Британском содружестве сумела открыть свой корпункт в Москве. Случилось это в ноябре 1950 г., и Флеминг не без заслуженной гордости лично написал о знаменательном событии.

А самая расхожая ошибка в рассказах о заключительном этапе в жизни Флеминга — это что он последние десять лет своей жизни целиком посвятил написанию романов о Джеймсе Бонде. Даже если бы он и захотел, всё равно не смог бы позволить себе такой роскоши. Без щедрого заработка, который ему положил за службу лорд Кемсли, Флеминг, как ни странно, не прожил бы. Особенно после того, как в 1952 г. завершил женитьбой почти двадцатилетнюю внебрачную связь с Энн Ротермер, и у них тут же родился сын Каспар.

Единственное, что Флеминг сумел: с самого начала оговорил для себя на новом месте уникальную привилегию — гарантированный двухмесячный отпуск раз в году, зимой. И ещё построил виллу на Ямайке, о которой мечтал всю войну (хотя тут без благородной помощи Мод Расселл он, может быть, и не справился бы, и Джеймс Бонд так и не появился бы на свет, и наш мир был бы каким-то другим).

Вот в эти два зимних месяца в этом райском уголке он и писал, фактически для души, по одному роману в год. А финансовую независимость он обрёл совсем незадолго до смерти, уже после первых экранизаций и наступившей следом небывалой популярности во всём мире.

²⁰² В июле 1951 г. Ким Филби по собственному желанию уволился из МИ6. Осенью 1955 г. премьер-министр Макмиллан официально заявил о его невиновности. Летом следующего года Филби уехал в Бейрут корреспондентом *The Observer* и *The Economist* и одновременно возобновил работу на МИ6. В 1961 г. на Запад ушёл майор ПГУ КГБ Анатолий Голицын, который со временем косвенно подтвердил подозрения британских контрразведчиков. Недавно командированному в Бейрут Николасу Эллиотту, поддерживавшему с Филби добрые дружеские отношения, было поручено попытаться получить от него полное признание. Однако после первых двух неудачных попыток Эллиотта поговорить с Филби по душам — Филби при встречах то ли действительно был сильно пьян, то ли симулировал опьянение — Филби вдруг пропал, и через полгода советские власти распространили официальное заявление о том, что Киму Филби по его просьбе предоставлено политическое убежище. Известно, что тогда же, когда Эллиотт предпринимал попытки побеседовать с Филби, в Бейруте объявился на несколько дней Ян Флеминг. Известно от самого Эллиотта, что они с Яном встречались у него дома. Не известно, встречался ли Флеминг с Филби и он ли, используя какую-то информацию, заставил Филби бежать. Эта загадка, видимо, так и останется без ответа теперь уже навсегда.

Лишь тогда, да к тому же перенеся первый тяжёлый инфаркт, Ян Флеминг и повесил на крючок свои плащ и шляпу элитного тайного агента. И на последние отпущенные ему год-два жизни остался уже только тем, кем и вводят его теперь постепенно в Историю: создателем Джеймса Бонда.

СРЕДИ подопечных Яна Флеминга в агентстве *Mercury News Service* наверняка сотрудничал с МИ6 Энтони Терри (Antony Terry) — собственный корреспондент агентства сначала в Берлине, а потом в Новой Зеландии: его падчерица (дочь первой жены) Джудит Леннарт (Judith Lennart) опубликовала отдельной книгой²⁰³ найденную после смерти Антони его весьма объёмную переписку с Яном Флемингом, содержащую среди прочего всевозможные задания и поручения по работе, а также вопросы и ответы, касавшиеся самых разных деталей, интересовавших Яна²⁰⁴ в связи с написанием его романов о Джеймсе Бонде. Приводит Леннарт и слова своей матери, бывшей жены Терри Рэйчел, которая сумела после одной из прогулок по Берлину подметить во Флеминге то, что, собственно, и позволяет в общем контексте всего рассказанного о нём и об окружавшем его мире нащупать название того ремесла, которому он посвятил всю свою жизнь:

Ян воспринимал шпионаж на том уровне, на котором его знал Терри, не до конца серьёзно, почти как игру. А его самого интересовала только осязаемая реальность управления и манипулирования — реальность властвования — всем миром.

Примером того, что эта проницательная женщина — сама автор детективных романов — пыталась сказать, может служить история с незаконными продажами промышленных алмазов немцам во Время второй мировой войны.

В НАЧАЛЕ 1930-х гг. концерн Круппа разработал сплав — карбид вольфрама, — примерно в два раза более износостойкий по сравнению со сталью. Однако для в массовом производстве различных типов оснастки требовалось сначала найти материал, позволяющий его обрабатывать. Единственным ещё более твёрдым материалом оказался алмаз, и таким образом на свет появился алмазный шлифовальный круг. Для алмазной крошки низкого качества («борт»), которую ранее было принято отправлять в отходы, вдруг нашлось применение, и она превратилась в так называемые «промышленные алмазы». Европа в то время активно готовилась к войне и перевооружалась, и, соответственно, её потребность в промышленных алмазах могла исчисляться в миллионах тонн. Эрнест Оппенгеймер по достоинству оценил потенциал нового сырья и понял, что для сохранения с таким трудом созданной мировой монополии необходимо было взять под свой контроль весь мировой рынок его сбыта.

²⁰³ Lennart, Judith. *Berlin To Bond And Beyond. The Story Of A Fleming Man.*

²⁰⁴ Тщательность и дотошность, с которой в романах Флеминга выверены все детали до мельчайших подробностей, поражают воображение. Однако, известно, что он не только сам себя заставлял выяснять всё до последней запятой, но и нещадно эксплуатировал своих корреспондентов, заставляя их собирать и проверять для него нужную ему информацию.

В этой связи особую озабоченность у него вызывали прииски бельгийской фирмы *Forminiere* в Бельгийском Конго, где промышленные алмазы можно было добывать в промышленных количествах и вести их счёт не на караты, а на тонны. Чтобы не дать *Forminiere* занять на послевоенных мировых рынках лидирующие позиции, Оппенгеймер провёл переговоры с бельгийским правительством и заключил соглашение, согласно которому *Forminiere* брала на себя обязательство продавать весь объём добываемого ею борта созданной *De Beers* в Лондоне для этих целей *Industrial Diamond Corporation*, а *De Beers*, в свою очередь, брался отдавать в работу бельгийским огранщикам львиную долю всех своих ювелирных алмазов. Таким образом на мировом рынке сформировались две взаимозависимые квазимонполии: в Лондоне и в Антверпене.

Для подстраховки Эрнест Оппенгеймер скупил через бельгийские банки значительный пакет акций холдинговой компании *Sibeka*, контролировавшей прииски в Конго. Участвовавший в этой операции бельгийский финансист Пьер Крокерт (*Pierre Crokaert*; принадлежавший его семье банк тесно сотрудничал со структурами Оппенгеймера) вошёл в состав совета директоров *De Beers* и стал одним из заместителей Оппенгеймера. В его задачу отныне входил контроль за соблюдением устанавливаемых *De Beers* производственных квот, а сам *De Beers* таким образом превратился в международный картель.

При том, что использование промышленных алмазов позволяло значительно повысить качество промышленной продукции, стало очевидно, что без постоянного пополнения их запасов военно-промышленный комплекс любой страны быстро придёт в упадок. В первую очередь эта проблема вызывала озабоченность в США и Германии. В 1940 г. Германия захватила Европу и подошла к берегам пролива Ла-Манш, угрожая Великобритании высадкой морского десанта на её берегах. Имея в своём распоряжении запас промышленных алмазов, которого американской промышленности не хватило бы даже на год, США предложили *De Beers* одноразово поставить необходимые им для полной военной конверсии 6,5 млн. карат промышленных алмазов.

Однако это предложение шло вразрез с глобальным стратегическим подходом *De Beers*, и Эрнст Оппенгеймер категорически отказался от идеи одноразовых оптовых поставок (в одном из писем он назвал её «смехотворной») и предложил взамен ежемесячные регулярные поставки в объёмах, достаточных для удовлетворения текущих нужд американской промышленности. Эта позиция Оппенгеймера сильно обеспокоила президента Рузвельта, и он дал поручение Государственному департаменту США выйти непосредственно на Имперский военный кабинет Черчилля и добиться от него, чтобы он оказал на Оппенгеймера необходимое влияние. Однако американские дипломаты быстро обнаружили, что Кабинет вовсе не горел желанием давить на *De Beers*. По сведениям, полученным американцами по конфиденциальным каналам, выяснилось, что штат подразделения британского правительства, отвечавшего за взаимодействие с *De Beers*, был практически полностью укомплектован её же бывшими управленцами.

В этой ситуации США пошли на крайние меры и неформально предупредили англичан по закрытым каналам, что при отсутствии оптовых поставок промышленных алмазов они вынуждены будут из-за их дефицита прекратить поставки само-

лёт. Неприкрытая угроза — по сути шантаж — возымела действие, и Оппенгеймер согласился одноразово поставить один миллион карат и создать необходимый запас в подчинённой британскому монарху соседней Канаде, устранив таким образом озабоченность американской стороны по поводу возможности захвата стратегических запасов *De Beers* немцами²⁰⁵.

Всерьёз встревоженные недружественным поведением *De Beers* американцы провели своё расследование на мировом рынке алмазов и обнаружили в перехваченной переписке, что руководство *De Beers* всячески пыталось препятствовать возможному выходу на него потенциальных конкурентов. В Венесуэле его представители упорно затевали один судебный процесс за другим с единственной целью не допустить начала работ на местных приисках структур Нельсона Рокфеллера и его партнёров. В Бельгийском Конго разработка местных месторождений велась до полного истощения, в то время как прииски в Южной Африке пребывали в практически замороженном состоянии. В Гвиане и в американском штате Арканзас были отмечены все признаки того, что *De Beers* пытался скупить местные прииски с той лишь целью, чтобы закрыть их.

Вывод по результатам расследования был однозначный: *De Beers* последовательно стремился так или иначе помешать неподконтрольной ему добыче алмазов и за счёт этого сохранять на мировых рынках монопольные завышенные цены. Более того, по результатам проведённых агентами ФБР опросов участников алмазного рынка внутри США было установлено, что *De Beers* реализовывал свою продукцию в условиях полной секретности и только очень узкому кругу тщательно отобранных оптовиков, причём все транзакции проводились в Лондоне, а в самих США сотрудники *De Beers* предпочитали не показываться. Как только правительственные ведомства приступили к расследованиям, *De Beers* оперативно закрыл все свои счета в банках США и вывел все свои средства за границу. К концу 1945 г. не давшие никаких ощутимых результатов расследования были прекращены.

В ноябре 1943 г. ОСС (только что созданная с помощью англичан и по методам Яна Флеминга спецслужба под руководством Вильяма Донована) получила сведения о том, что у Гитлера осталось в запасе промышленных алмазов не более чем на восемь месяцев. Соответственно, требовалось любыми средствами не допустить новых закупок этого сырья, и поскольку южноафриканские прииски на время войны были закрыты, то, по оценке американских спецслужб, немцы могли купить новые партии промышленных алмазов только в Бельгийском Конго.

Сама эта страна целиком контролировалась бельгийским правительством в изгнании (причём оно находилось в Лондоне и, в свою очередь, пребывало под полным контролем англичан), а безопасность приисков как таковых самостоятельно обеспечивал *De Beers*. И тем не менее согласно поступавшим в ОСС из надёжных источников сведениям немцы каким-то образом получали тонны алмазного сырья. Откуда?

ОСС, следуя принятым в тот момент правилам взаимодействия с союзниками, предложила британскому Министерству экономических методов ведения вой-

²⁰⁵ В течение следующих 12 месяцев, вопреки давлению со стороны США, *De Beers* не произвёл более ни одной поставки и даже фактически повысил почти на 60% цену на уже поставленное сырьё, поскольку оно оказалось более низкого, чем было договорено, качества.

ны (*Ministry of Economic Warfare*) провести совместные оперативные мероприятия силами сотрудников отделения ОСС в Аккре. Министерство после некоторых проволочек согласилось на такое совместное расследование, но оно в конечном итоге ничего не дало. Причины руководитель отделения ОСС в Аккре изложил следующим образом:

Мы пришли к выводу, что (а) нашей помощью в рамках этой программы решили воспользоваться только для того, чтобы *Diamond Trading Corporation* (сбытовое подразделение в структуре De Beers. — А. Б.) получила возможность оценить, насколько хорошо мы осведомлены о реальных масштабах монополии De Beers, и что (б) предложения отделения ОСС в Аккре о создании Комитета безопасности были саботированы не британским правительством, а представителями лондонской *Diamond Trading Corporation*, обладающими решающим словом в Комитете по алмазам Министерства экономических методов ведения войны.

Дальнейшее расследование показало, что страны Оси получали промышленные алмазы через Танжер и Каир. Выдавая себя за подпольных оптовиков, оперативники ОСС выяснили, что цена промышленных алмазов на чёрном рынке равнялась 26 долларам за карат — то есть была в тридцать раз выше официальной. С учётом того, что на чёрном рынке для Германии закупались объёмы, равные многим миллионам карат, прибыли продавцов носили астрономический характер.

Американский агент Тетон выяснил в Леопольдвиле, что основным источником нелегального сырья являлись прииски *Forminiere* и что объём сырья, необходимый для удовлетворения нужд германской промышленности в течение года (несколько миллионов карат), был переправлен в Германию в посылках МККК. По мнению Тетона, руководил этой масштабной контрабандной операцией бельгийский офицер полиции, руководивший всеми полицейскими силами Леопольдвилля. Проведённое Тетоном оперативное мероприятие с участием бельгийского гражданина в качестве подставного лица полностью подтвердило его подозрения. Однако прежде, чем Тетон успел отследить дальнейшую цепочку контрабандистов, местные власти арестовали принявшего участие в его операции бельгийского гражданина, и тот указал на Тетона. В результате генерал-губернатор Конго объявил Тетона персоной нон грата и выдворил его из страны.

В 1944 г. англо-американские союзники предпринимали дальнейшие попытки разобраться в этом деле, но в конце концов британское правительство решило поручить проверку горному инженеру и специалисту по вопросам безопасности в области алмазной промышленности, причём отобрать обоих поручалось сэру Эрнесту Оппенгеймеру. План этот так и не был никогда осуществлён на практике, но в ОСС тем не менее пришли к выводу, что обеспечение безопасности в данной отрасли было решено полностью доверить специалистам самой же отрасли.

В конце 1944 г. сотрудник военного ведомства США в конфиденциальной записке, адресованной помощнику генерального прокурора США Эдварду Стимсону, подвёл итог всему этому эпизоду следующим образом:

Полагаю, что оснований утверждать, будто ответчик (*De Beers*) сознательно препятствовал установлению контроля над утечками промышленных алмазов в Германию, у нас нет. Представляется, что любое предположение такого рода могло быть выдвинуто только при условии, что оно будет подкреплено какими-то действиями официальных подразделений британского правительства. Однако очевидно, что британское правительство расследовать столь щепетильное дело было совершенно не готово. Поэтому было принято решение, что было бы опрометчиво дать себя втянуть в столь неоднозначную ситуацию.

В 1945 г. в связи с окончанием войны ОСС было распущено.

ВЕСЬ этот долгий и достаточно самоочевидный рассказ имел целью привлечь внимание к одной из последних фраз: о том, что проверка с участием горного инженера и специалиста по вопросам безопасности в алмазной промышленности так никогда и не была проведена. Потому что это утверждение неверно. Такая проверка проведена была; правда, десять лет спустя, когда послевоенные страсти сошли, наконец, на нет, и ситуация успокоилась.

Цель же её была именно та, о какой догадывались американские разведчики: полностью обелить *De Beers* и поставить, наконец, точку в этой не просто неприглядной, а очень зловещей истории. А её публичным двойным результатом (и средством достижения главной цели) стали две повести, документальная и художественная, написанные одним и тем же автором: Яном Флемингом.

Документальная повесть — это очень мало кому известный очерк Флеминга «Алмазные контрабандисты» (*The Diamond Smugglers*), а художественная — это, конечно же, всем хорошо известный рассказ об очередных похождениях Джеймса Бонда под названием *Diamonds Are Forever*. И если переплёты, в которые попадает и из которых выпутывается агент 007, не имеют практически ничего общего с только что рассказанной неприглядной реальностью, то документальная повесть, написанная по результатам специальной командировки по заданию и за деньги *De Beers*, имеет к ней самое непосредственное отношение, поскольку является по сути протоколом подробного отчёта об осуществлённом, наконец, пресечении незаконной торговли алмазами, представленного именно специалистом по вопросам безопасности в алмазной промышленности (нанятого *De Beers* только что вышедшего в отставку с должности генерального директора МИ5 сэра Перси Силлитоу).

Не вызывает никакого сомнения, что именно Яну Флемингу поручили написать этот очерк по той простой причине, что он — находящийся в самом центре того самого элитного англо-американского «кузенства», с которым так и не смогли совладать спецслужбы и Государственный департамент США, — прекрасно знает и понимает его интересы, умеет их эффективно и конфиденциально защищать на любом уровне вплоть до самого высокого международного, и к тому же ещё — уже просто в виде полезного дописка — отменно владеет пером. Ну и ещё потому, конечно, что он уже давно, с самых ранних лет, безусловной лояльностью делу «своих» и умением видеть и понимать его глобальный масштаб и перспективу заслужил их полное доверие.

И потому назвать его ремесло можно, наверное, вкладывая смысл в каждое слово так: агент по особым поручениям сильных мира сего.

Эпилог, или Непосвящённым вход запрещён

В 1952 ГОДУ, выпуская свой самый первый роман, Ян Флеминг последовал рекомендации семейных финансовых советников и приобрёл никому не известную маленькую продюсерскую фирму — *Glidrose Productions*²⁰⁶, — с тем чтобы на неё, а не на себя регистрировать авторские права на будущие романы и, соответственно, на её имя — а не самому лично — получать гонорары за них.

Цель такого ухищрения была проста: личные доходы физических лиц тогда в Великобритании облагались по самой высокой ставке, причём после определённого — вполне достижимого для популярного автора — уровня эта ставка достигала почти 100%. А вот доходы фирм — юридических лиц облагались уже в более щадящем режиме. Так что этот приём «минимизации налогов» был в ту пору весьма распространён (им пользовался даже такой искренний социалистически настроенный — если верить его творчеству и особенно публицистике — автор, как Джордж Оруэлл).

На протяжении следующих примерно десяти лет доходы Флеминга от продажи книг были относительно скромны. Но после первой же экранизации одного из его романов («Доктор Но»; фильм вышел на экраны в 1962 г.), а особенно после того, как Джон Кеннеди на весь мир заявил, что Ян Флеминг — один из десяти его самых любимых писателей, ситуация в корне изменилась. Его книги стали расходиться по обе стороны Атлантического океана миллионными тиражами, его гонорары только за романы стали исчисляться сотнями тысяч фунтов (миллионами в нынешнем выражении). Налоговые поблажки, предоставляемые малым предприятиям и в частности его фирме, стали казаться тоже недостаточными.

Попутно можно задуматься, действительно ли только банальной алчностью объясняется устойчивое и общее для всех тогдашних преуспе-

²⁰⁶ Сегодня эта фирма называется *Ian Fleming Publications*. Поскольку единственный наследник Яна Флеминга Каспар Флеминг покончил с собой, будучи бездетным, в возрасте 23 лет, фирма перешла к наследникам Питера Флеминга, которые к 2000 г. выкупили все её акции, находившиеся во владении третьей стороны, и с тех пор полностью контролируют всё, что связано с появлениями Джеймса Бонда на страницах книг и на экранах кинотеатров, компьютеров и прочих гаджетов, а также ТВ во всём мире.

вавших британских авторов нежелание «просто» платить налоги? Всё-таки регулярное, навязчивое сопоставление сумм валового дохода и чистого остатка на руках в соотношении примерно 85:15 кого угодно может свести с ума.

И советники Яна Флеминга снова нашли выход. А то, как и с чьей конкретно помощью Флеминг рекомендованный ими вариант реализовал, попутно иллюстрирует одну из парадоксальных особенностей британской крупной буржуазии: абсолютно мирное сосуществование, некий симбиоз в её среде имперского и якобы социалистического начал.

Флеминг — отпрыск богатейшего семейства, принадлежавший душой и телом самой крупной буржуазии своего времени, — обратился за помощью в деле минимизации своих налогов, то есть попросил помочь ему свести до минимума своё участие в «социально справедливом перераспределении доходов» убеждённого фабианца, издателя ведущей газеты левых сил Великобритании *New Statesman* Джока Кэмпбелла (Jock Campbell). Причём сделал это Флеминг именно тогда, когда идейные союзники и соратники Кэмпбелла лейбористы (ученики фабианцев и практики их учения, авторы той самой драконовской налоговой системы, которую Флеминг намеревался перехитрить) пребывали в расцвете сил и обладали огромным влиянием в стране. И — как ни удивительно — всю необходимую в своём деле помощь Флеминг именно от видного и убеждённого активиста социалистического движения и получил.

Заклучалась она вот в чём.

В тогдашнем жесточайшем британском налоговом законодательстве имелась лазейка. Доходы крупных корпораций облагались по ставке значительно более низкой, чем доходы малых предприятий, и, соответственно, любое малое предприятие, 50% + 1 акция которого принадлежали крупной корпорации, платило налоги уже не в обычном для него режиме, а по этой льготной ставке для «великанов». Достаточно было владельцам малой фирмы договориться полюбовно с владельцами крупной фирмы — и все они тут же получали заметный прирост чистой прибыли. Кроме того, суммы, полученные собственниками при продаже акций фирмы, засчитывались не как текущий, а как так называемый капитальный доход (то есть доход от продажи активов) и потому от драконовского налога были освобождены полностью.

С учётом всех этих очевидных выгод Ян Флеминг и задал однажды осенью 1963 г. Джоку Кэмпбеллу вопрос: «А что, если ты меня купишь?» (имея в виду, естественно, покупку Кэмпбеллом своей фирмы *Glidrose Productions*). И задал он его, вопреки, казалось бы, здравому смыслу, социалисту, потому что Кэмпбелл, хоть и фабианец, издатель квазипартийной социалистической газеты и действительный член Лейбористской партии, был одновременно не просто близким другом Флеминга, но ещё и «человеком его круга» — то есть точно так же принадлежал к британской крупной буржуазии, к её самому богатому слою — и являлся на тот момент председателем совета директоров самой крупной британской агропромышленной корпорации *Booker, McConnell Ltd*²⁰⁷.

²⁰⁷ В те годы *Booker Brothers Company* была одним из крупнейших агропромышленных комплексов не только в Великобритании, но и в мире. История её началась в 1830-х гг. с сахарных плантаций в Южной Америке, где она довольно быстро приобрела печальную репутацию безжалостного имперского

Джок Кэмпбелл — после получения баронского титула лорд Кэмпбелл Эсканский (*Lord Campbell of Eskan*) — был на четыре года моложе Яна Флеминга. Его предки по отцу разбогатели ещё в конце XVIII века за счёт активного участия в тогдашней работоторговле и организации снабжения английскими товарами хлопковых и сахарных плантаций на Американском континенте. Его прадед по отцу (*Colin Campbell*; умер в 1886 г.) оставил после себя состояние, официально оцененное в огромную для тех времён сумму 1 млн. фунтов. Состояние деда Джоза Кэмпбелла — Вильяма Кэмпбелла (умер в 1919 г.) было оценено в 1,5 млн. фунтов (лиц с состоянием в 1 млн. фунтов и более тогда в империи насчитывалось всего несколько десятков, самое большое — с большим отрывом от всех — личное состояние принадлежало в те годы «архитектору» алмазной монополии *De Beers* Джулиусу Вернеру — 13 млн. фунтов; в этот предельно эксклюзивный клуб тогдашних британских миллионеров входил и дед Яна Флеминга Роберт Флеминг). Вильям Кэмпбелл в 1907–1909 гг. занимал должность управляющего *Bank of England* (британского ЦБ) и был женат на наследнице одной из самых древних аристократических семей (её дед по матери — 23-й барон Дакр), дочери банкира Роберта Бивана (*Robert Cooper Lee Bevan* — старший партнёр *Barclays Bank*); внук Роберта Бивана Джон Биван, руководитель в военное время *LCS*, а в мирное время тоже банкир и один из ведущих брокеров в Сити, доводился Джоку Кэмпбеллу троюродным братом. Все упомянутые только что мужчины, включая самого Яна Флеминга, — выпускники Итона, то есть знаменитые в английской имперской традиции, связанные навеки узами дружбы и взаимопомощи *old Etonians*.

После некоторых колебаний — всё-таки его торговая и сельскохозяйственная корпорация до того момента не имела вообще никакого отношения к книгоиздательскому делу — Джок Кэмпбелл согласился и на очередном заседании своего совета директоров в рамках последнего пункта повестки дня «Разное» предложил на рассмотрение директоров сделанное Флемингом предложение. Директора колебания Кэмпбелла не оправдали: одобрили новый проект с ходу и без возражений. В марте 1964 г. сделка состоялась, и *Booker Brothers*, заплатив Яну Флемингу 100 000 фунтов (около 2,5 млн. фунтов в сегодняшнем выражении), стала владельцем 51% акций фирмы *Glidrose Productions*.

Сделка оказалась для корпорации феноменально выгодной. В том же 1964 г. вышел сразу завоевавший огромную популярность фильм *Goldfinger*, продажи книг Флеминга подскочили в 1965 г. до 27 млн. экземпляров, в результате чего валовый доход *Glidrose Productions* составил 238 тыс. фунтов в 1964 г. и 350 тыс. фунтов в 1965-м. То есть корпорация всего за год полностью вернула инвестицию и даже начала получать чистую прибыль.

эксплуататора. К началу 1960-х гг. эта корпорация, владея 75% производственных активов сахарной отрасли Британской Гвианы, являлась уже практически монопольным субъектом всей её экономики, которая настолько зависела от корпорации, что её даже называли Букеровской Гвианой, а вскоре после достижения независимости (в 1966 г.) руководство республики Гайана пригласило Джоза Кэмпбелла на должность государственного советника.

Поэтому неудивительно, что вскоре в структуре корпорации появилось новое подразделение — *Booker Brothers' Authors Division*, которое тут же начало приобретать всё тем же образом доли в «авторских» фирмах других преуспевающих писателей. Второй (после Флеминга) самой знаменитой такой покупкой стало приобретение у Агаты Кристи 64% акций её фирмы *Agatha Christie Limited* (ACL).

Дальше деньги потекли уже рекой. Вдова Флеминга Энн Флеминг до конца жизни негодовала и возмущалась по поводу того, сколько Кэмпбелл, который её всегда недолюбливал за её якобы снобизм и вздорный характер, «заработал на её муже». Она не устала повторять, что это, в конце концов, «неприлично».

Все 1990-е годы руководителем *Booker Brothers' Authors Division* был внук Агаты Кристи Мэтью Причард (Mathew Prichard) — что тоже в свете реплик Энн Флеминг неудивительно.

Вот как в 1968 г. изложил в своём дневнике суть сверхуспешного механизма «Флеминга-Кэмпбелла» знаменитый английский писатель Джон Фаулз:

Была ещё такая идея. Я мог бы создать фирму, и затем её бы купила *Booker Brothers*. В результате в течение следующих пяти лет я бы получал на руки не 20% от заработанного, которые оставались бы после выплаты налога на мой доход как физического лица, а примерно 40%. Недостаток в этой схеме в первую очередь тот, что, если я подписываюсь с *Booker Brothers*, то обязательно на пять лет, и что они заберут себе половину всех сэкономленных за счёт уменьшения налогов сумм. Как объяснил со свойственной ему безапелляционной прямотой Том Машлер²⁰⁸, решение зависит от того, на что ты предпочитаешь отдать свои деньги: на накрутку прибылей фирмы из Сити или на строительство пары-тройки больниц или дорог.

Сегодня *Glidrose Productions* опять целиком принадлежит Флемингам (так что деньги больше не идут ни в карман фирмы из Сити, ни на строительство больниц и дорог). А связь с легендарным «Букером» и в частности со всеми столь уважаемым и прогрессивным «Русским Букером» вот такая.

Не сама корпорация *Booker Brothers* — как сказано на сайте «Русского Букера» — вдруг решила, «заработав на литературе, поделиться с литературой своими доходами», а издатель всех романов Флеминга Том Машлер, в начале 1950-х гг. проживший несколько месяцев в Париже и увидевший там, как Гонкуровская премия моментально увеличивает продажи книги-лауреата на порядки, загорелся идеей учредить аналогичную премию в Англии (к середине 1960-х гг. в Англии литературных премий присуждалось немало, но ни одна из них не была настолько престижной, чтобы обеспечить хоть насколько-то заметный рост продаж). И вот Машлер, в силу своего участия в делах Флеминга знакомый с внутренней кухней и фе-

²⁰⁸ Tom Maschler — сын австрийских евреев, эмигрировавших в середине 1930-х гг. в Англию. Руководитель издательства *Jonathan Cape* и одновременно британской Ассоциации издателей (*Publishers' Association*). Знаменит среди прочего тем, что купил права на роман «Уловка 22» за 250 фунтов и открыл миру таких писателей, как Габриэль Гарсиа Маркес. Первый издатель всех романов Яна Флеминга, посвящённый, соответственно, во все тонкости отношений между *Glidrose Productions* и *Booker Brothers' Authors Division*.

номенальными доходами *Booker Brothers' Authors Division*, и предложил Кэмпбеллу, чтобы его корпорация выступила спонсором премии. Отказаться корпорации было по понятным причинам невозможно. И таким образом Букер получил своё имя, восходящее к бешеным деньгам работоторговцев и сахарных монополистов²⁰⁹.

Премия — и её жюри — с самого начала, естественно, имели репутацию проекта прогрессивных левых сил (иного фабианец Кэмпбелл не допустил бы). Создавали эту репутацию, естественно, журналисты и литературные критики левого толка. И вот краткое описание того, как корпорация с ними работала на благо «прогрессивной премии» (описание заимствовано из внутреннего меморандума самой *Booker Brothers*):

Приём, посвящённый официальному учреждению Букеровской премии, состоялся 3 октября 1968 г. в *Café Royal*, и на него была приглашена «вся мировая пресса». ...Гостям были предложены в качестве угощения чай, маленькие сэндвичи, виски, шерри, джин *Gordon's*, ром *Daiquiri*, ром *Lamb's*, ром *Lemon Hut* (напомню, что ром — это традиционный напиток в латиноамериканских странах — производителей сахарного тростника. — А. Б.), шампанское *Moët & Chandon* («основной напиток» приёма. — А. Б.) и канапе в ассортименте. Незадолго до даты приёма время его проведения перенесли на утро, а «меню» сделали ещё более изысканным, что с учётом небезызвестной способности и любви шелкопёров к утолению жажды только пошло на пользу делу.

В январе 1969 г. уважаемое жюри во главе с литературным редактором главной лейбористской газеты *The Guardian* В.Л. Веббом (W.L. Webb) и легендарной суфражисткой-социалистом Ребеккой Уэст — она же одна из богатейших английских писателей — собралось для составления самого первого знаменитого букеровского шорт-листа. Причём собралось не где-нибудь, а в имении легендарного богача Майкла Астора²¹⁰ в Оксфордшире, где телевидение добросовестно засняло их торжественное заседание в великолепном интерьере. Дальше последовали хорошо продуманная пауза и нарастающее напряжённое ожидание публики: кто же победит?

Наконец, 22 апреля 1969 г. в роскошном *Drapers' Hall* состоялась первая церемония вручения премии победителю. Вот какой она запомнилась В.Л. Веббу:

Проходило всё бестолково, литературный Лондон с опаской присматривался к друзьям и приятелям «Букеров», а те, в свою очередь, к моменту, когда я собрался взять слово и выступить, уже были полны джина по горло и громо-

²⁰⁹ Изначально предполагалось назвать премию *Bucklersbury Prize* — по имени здания, в котором располагалась в Сити штаб-квартира *Booker Brothers*.

²¹⁰ Майкл Астор — родной брат Дэвида Астора, тоже знаменитого своими левыми взглядами, близкого друга Джорджа Оруэлла, который, будучи на десять лет старше, оказал большое влияние на мировоззрение молодого Дэвида; влияние настолько сильное, что Дэвид даже распорядился похоронить себя рядом с Оруэллом на одном кладбище. Дом Асторов в период между Первой и Второй мировыми войнами — один из самых богатых и влиятельных по обе стороны Атлантического океана. Американский кузен Майкла и Дэвида — Винсент Астор во время войны вместе с Эрнестом Кунео выступал в роли доверенного лица президента Рузвельта в его тайных сношениях с нелегальной до ноября 1941 г. резидентурой британской разведки в Нью-Йорке; и с ним тоже Ян Флеминг тесно сотрудничал на протяжении всей войны.

гласно это демонстрировали. Заставить их замолчать было практически невозможно ни на минуту, даже чтобы я просто смог объявить имя победителя.

Ну и теперь в завершение этого немного легкомысленного финала, передающего тем не менее в аллегорической форме тот мифический образ, который постепенно формируется и укладывается в умах всё новых и новых поколений поклонников что самого Бонда, что «его создателя», остаётся процитировать реплику, прозвучавшую по поводу первой букеровской церемонии в литературном приложении к (консервативной) газете *The Times*:

По-настоящему увлечёнными новым проектом выглядели только сами литераторы, собравшиеся на щедро организованную раздачу призов; поглядывая в сторону ломившихся от яств столов, они своим взалкавшим ропотом заглушали выступления с трибуны, и многие из них потом отправились по домам в состоянии хмельного неведения, кому же в конечном итоге досталась премия. Некоторые, пребывая в столь блаженном состоянии, могли и вовсе подумать, что её поделили среди собравшихся...

И.И. Смирнов

РИМСКИЙ КЛУБ:
ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ И ЛЮДИ
ЗА ИХ СПИНОЙ В ВОДОВОРОТЕ
ИСТОРИИ

Смирнов Иван Иванович — аналитик

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Аурелио Печчеи.....	390
Глава 2. Александр Кинг.....	424
Глава 3. Александр Кинг. Персидский опыт	472
Глава 4. Александр Кинг: на пути к Римскому клубу	514
Глава 5. Джермен Гвишиани: на пути к Римскому клубу	527
Глава 6. Римский клуб. Основание.....	548
Глава 7. Кто стоял за спиной Печчеи и Кинга?	580

Глава 1

Аурелио Печчеи

1

Двое из четырёх героев этой работы — Аурелио Печчеи и Александр Кинг — были любителями и даже знатоками классической японской живописи. Большинство школ монохромной японской живописи черпает своё вдохновение в дзен-буддизме. Более того, многие из основоположников школ дзен-буддизма, настоятелей монастырей и отшельников сами были известными художниками.

Один из наиболее популярных коанов дзен — это история о хлопке одной ладонью. Послушники обязаны уметь слышать хлопок одной ладонью. У этого коана, как и у любого другого, имеется много слоёв смысла, способов толкования. Притом, если строго следовать дзенской традиции, ни одно из них не является правильным. Для западного ума, не искущённого в изощрённых мыслетехниках и духовных практиках, европейские исследователи дзен- (или чань-) буддизма предложили следующее понимание. Хлопок одной ладонью — это метафора способности увидеть незримое, открыть скрываемое, услышать неслышимое. С этих позиций весьма интересно исследовать «Человеческие качества»¹ — автобиографическую книгу А. Печчеи.

А. Печчеи родился в семье, относящейся к нижней части итальянского среднего класса. Мать, как водилось в те времена в Италии, не работала. Отец, чьи предки были родом из Венгрии, был высокообразованным человеком и трудился на ниве просвещения. Он активно участвовал в рабочем движении индустриальной столицы Италии — города Турина и был одним из первых итальянских социалистов. О детстве А. Печчеи пишет довольно скупое. А с описания университетских времён начинаются загадки биографии А. Печчеи. Вот, например, он пишет: «В ранние годы моего ревностного студенчества мне удалось побывать за пределами фашистской Италии. В поисках пищи для ума я провёл шесть чрезвычайно полезных для меня счастливых месяцев в Париже, деля время между занятиями в Сорбонне и встречами с политическими эмигрантами разных национальностей... Заинтересовавшись опытом Великой Октябрьской революции, я научился довольно бегло говорить по-русски и побывал в Советском Союзе. Ленинская новая экономическая политика была темой моей дипломной работы при окончании экономического университета. Это было в 1930 г., и тема эта не могла не звучать как определённый

¹ Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985.

ный вызов режиму. Я глубоко восхищался работами Маркса, хотя и не считаю себя ни марксистом, ни последователем какой-либо другой идеологии... Незадолго до окончания университета мне, благодаря знанию русского языка, удалось получить постоянную работу в фирме “Фиат”, уже тогда имевшей довольно значительные деловые связи с Советским Союзом).

На первый взгляд это — достаточно традиционный фрагмент, свойственный всем автобиографическим книгам, где последовательно повествуется о далеко ушедших, но по-прежнему памятных юношеских годах. Однако, когда читаешь этот текст внимательным глазом, что-то в нём не складывается. Если говорить конкретно, то смущает время. Родился Печчеи в 1908 г. Окончил университет в 1930 г. Т.е. на время обучения у него пришлось чуть менее пяти лет. Это в общем-то соответствует сроку обучения в университетах в Италии того времени. Однако сюда как-то не вписываются счастливые полгода в Сорбонне и месяцы, проведённые в Советском Союзе. К тому же автор подчёркивает не слишком большой недостаток своей семьи и отмечает, что он был вынужден подрабатывать даже в старших классах школы, а не то что в университете. Отсюда становится не вполне понятным, на какие деньги он отправился учиться в Сорбонну, жил в Париже и как оказался в Советском Союзе, не будучи не то что коммунистом, но даже марксистом.

Разгадку можно найти в большой, выпущенной Римским клубом книге Элеоноры Масини «Наследие Аурелио Печчеи»². В книге указано, что Печчеи поступил в Туринский университет на экономический факультет в 1926 г. Окончил университет в 1930 г., защитив магистерскую диссертацию на тему «Новая экономическая политика в СССР и внешняя торговля». В 1930 г., получив стипендию, отправился в Сорбонну, где после полугодового дополнительного обучения опять же по стипендии продолжил стажировку в СССР.

Такие же сведения содержатся и в книге «Крестоносцы для будущего: портрет Аурелио Печчеи», написанной его помощником Гюнтером Паули в последние годы жизни и изданной вскоре после смерти Печчеи в 1987 г.³ К слову сказать, в настоящее время Гюнтер Паули является одним из самых известных предпринимателей и экономических мыслителей в мире, автором оригинальной и эффективной концепции «синей экономики», которая и в идеологическом, и в деловом плане противостоит движению «зелёных». Помимо этого, в книге Паули указаны ещё два важных, разъясняющих суть дела обстоятельства. В книге указывается, что Печчеи с первых дней работы в «Фиате», где он оказался на последнем курсе университета, был принят не в канцелярию или в какой-то отдел, связанный с текущей бумажной работой, а, как указано у автора, в отдел специальных проектов «Фиата». Это же подтверждает и Д. Гвишиани⁴.

Сам Печчеи о работе в спецотделе не вспоминает: «На первых порах я занимался делопроизводством, вёл деловую переписку, сам печатал на машинке, неплохо стенографировал служебные переговоры. Однако безликая анонимная работа в большом многолюдном учреждении не очень соответствовала моему характе-

² Barbieri E. Masini, Moștenirea Lui. Aurelio Peccei. Roma: Castelvecchi, 2003.

³ Pauli G.A. Crusaders for the Future: A Portrait of Aurelio Peccei, Founder of the Club of Rome. Oxford: Pergamon Press, 1987.

⁴ Гвишиани Д. Мосты в будущее. М.: URSS, 2010.

ру, моим склонностям. В мечтах меня манили куда более широкие горизонты. Я начал подыскивать себе другую работу». Работа в специальном подразделении никак не может быть отнесена к бумажной и безликой, а идея о том, что юнец из малообеспеченной семьи, только что взятый в крупнейшую компанию Италии, может находиться в позиции, когда он сам подыскивает работу в компании, кажется не только невероятной, но и, прямо говоря, неправдивой.

Не так всё однозначно и с темой диплома. Очевидно, что знанием русского языка А. Печчеи обязан не поездке в Советский Союз, куда он к моменту защиты диплома ещё просто не доехал, а своему отцу — социалисту, участнику рабочего движения в Турине. Здесь надо сказать несколько слов в пояснение. Венгерская диаспора всегда отличалась сплочённостью и взаимоподдержкой. Вслед за Октябрьской революцией революция произошла и в Венгрии. Причём не просто произошла, но и победила. Венгерское государство рабочих и крестьян под руководством Бела Куна просуществовало всего несколько месяцев, а потом, так и не дождавшись конницы Будённого, окружённое врагами, пало. Часть его руководителей и активных партийцев бежала в Советский Союз, а другая часть — в Европу, в том числе в Италию. Надо учитывать, что ядро руководства венгерской революции составляли либо коминтерновцы, либо, в гораздо большем числе, бывшие солдаты и младшие офицеры, по национальности венгры, призванные в австро-венгерскую армию и пробывшие несколько лет в российском плену во время Первой мировой войны. Многие из них в силу жизненной необходимости научились хорошо говорить по-русски и, оказавшись в Италии, скорее всего, обучили способного к языкам юношу сложному русскому языку.

Диплом Печчеи в противоположность его словам отнюдь не выглядел вызовом фашистскому режиму Муссолини. Если принять во внимание, что в последний год учёбы молодой человек работал в подразделении специальных проектов «Фиата», то не будет большой натяжкой предположить, что тему диплома знатоку русского языка подсказали «старшие товарищи» — руководители спецотдела.

Как это ни покажется сегодня удивительным, фашистская Италия была одним из крупнейших внешнеторговых партнёров Советского Союза на протяжении 1920–1930-х гг. Вот что можно узнать из истории советской дипломатии: «7 февраля 1924 г. в Риме Муссолини (он был ещё и министром иностранных дел) подписал вместе с полпредом СССР Н.И. Иорданским договор “О торговле и мореплавании между СССР и Италией”. Этот договор аннулировал соглашение 1921 года. Италия юридически признавала Советский Союз и устанавливала с ним нормальные дипломатические и консульские отношения.

Заключение этого договора Италией шло вразрез с решением западных стран на Генуэзской конференции не устанавливать дипломатических отношений с Советской Россией до тех пор, пока советское правительство официально не признает долгов царского и Временного правительств. Но итальянское правительство пошло на этот шаг, чтобы в обмен на признание де-юре получить от Советского Союза особые экономические льготы. Поскольку Италия не желала до определённого момента раскрывать факт нарушения генуэзского решения, переговоры до 1923 г. велись секретно и затянулись до того, что первой о дипломатическом признании СССР 2 февраля 1924 г. заявила Англия. Уже в 1927 г. в Милане было открыто от-

деление советского Нефтесиндиката. В 1927/28 финансовом году Италия стала самым крупным потребителем советской нефти. Ей было поставлено 494 000 т. На втором месте была Англия — 387 000 т, за ней Франция — 355 000 т и на 4-м месте Германия — 344 000 т.

Объём импорта из Италии увеличивался гораздо медленнее, чем объём советского экспорта в эту страну. В соответствии с общей импортной политикой, проводившейся в Советской России в годы индустриализации, удельный вес машин и оборудования в общем импорте из Италии неуклонно возрастал и в 1929 г. составил более 40%. Другими крупными статьями советского импорта из Италии были сера, ткани, фрукты и химические товары. В Италии для СССР была построена серия грузопассажирских судов.

Мировой экономический кризис, разразившийся в 1929 г., вызвал резкое падение промышленного производства в Италии, привёл к сокращению её внешней торговли. В этих условиях повышение заинтересованности Италии в торговле с СССР выразилось в том, что 2 августа 1930 г. итальянское правительство заключило с СССР кредитное соглашение, в силу которого итальянские экспортёры получали правительственные гарантии своих кредитов по продажам в СССР в размере 75% общей суммы годового экспорта в 200 млн. лир. Со своей стороны, СССР соглашался разместить заказы на итальянские промышленные товары в период с 1 июля 1930 г. по 30 июня 1931 г. на сумму 200 млн. лир при наличии приемлемых коммерческих и технических условий.

Предоставление итальянским правительством гарантий экспортных кредитов по сделкам с советскими организациями привело в 1930–1932 гг. к значительному увеличению объёма импорта машин и оборудования из Италии, причём их удельный вес в импорте возрос до 90%.

К началу 1930-х гг. товарооборот между странами достиг максимального уровня в довоенный период. Экспорт в Италию составил более 5% всего советского экспорта, импорт из Италии — 2,7–2,8% объёма советского импорта. По данным итальянской статистики, удельный вес СССР во внешней торговле Италии достиг в 1931 г. 3,8% (в импорте — 4,8 и в экспорте — 2,7%)⁵.

Тема диплома юного А. Печчеи — «НЭП и внешняя торговля СССР», несмотря на развернувшуюся к тому времени индустриализацию и похороны новой экономической политики в СССР, была абсолютно логична. В конце 1920-х и большую часть 1930-х гг. внешнеэкономический оборот регулировали законодательные нормативные документы, принятые именно в годы НЭПа. Поэтому диплом являл собой не фронду против режима фашистского диктатора, а диктовался производственной необходимостью компании-работодателя. Точно такой же необходимостью диктовались и стипендии, выданные для полугодового обучения в Сорбонне, а затем ориентировочно годового пребывания в СССР.

Если с СССР всё понятно, то Сорбонну следует объяснить. Сам Печчеи совершенно искренне указал, что там он активно общался с политэмигрантами. Рассматривая пребывание в Сорбонне в контексте работы на «Фиате», темы диплома и последующей стажировки в СССР, логично предположить, что в Сорбонне парал-

⁵ История дипломатии. Т. III. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.). М.–Л.: ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1945.

тельно обучению А. Печчеи приобретал новые полезные связи среди коминтерновцев и сочувствующих им людей. Именно они составляли в то время подавляющую часть политэмигрантов в Европе, практически независимо от их конкретной политической ориентации. Дальше биография Печчеи превращается в настоящий триллер, заставляющий вспомнить горькую судьбу Льва Абалкина из романа братьев Стругацких «Жук в муравейнике». В романе человек, обладающий знаниями и специально подготовленный для одной работы, посылается в совершенно другое место, абсолютно ему противопоказанное.

Прежде чем перейти к последующим приключениям А. Печчеи, буквально несколько слов о том, чем являлось подразделение специальных проектов «Фиата». В нынешнее время есть такое словосочетание, как конкурентная разведка, которое является калькой с английского *competitive intelligence*. Термин придумали американцы в 1980-е гг. Естественно, в 1920-е о нём никто не помышлял. Тем более что, как явствует из книги Эмона Джаверса⁶, в те годы подобные подразделения в крупных европейских и британских компаниях занимались не столько промышленным шпионажем в отношении конкурентов, сколько взаимодействием с государственными разведслужбами и военными, политиками и «серыми кардиналами» стран, которые были интересны корпорациям. Логично было бы предположить, что после завершения долгого обучения и стажировки молодой работник специального подразделения будет направлен в СССР.

В те годы у Страны Советов с «Фиатом» было много совместных дел. Сейчас как-то подзабылось, что первый советский автомобиль — грузовик АМО Ф-15 выпускался по чертежам и с использованием комплектующих «Фиата». С него и начался славный московский автозавод ЗИЛ, который ныне закончил своё существование в профильном виде, так же как и подавляющая часть всей московской индустрии. Но грузовиками отнюдь не исчерпывались дела «Фиата». В перерыве между мировыми войнами «Фиат» помимо автомобилей выпускал железнодорожный транспорт, машиностроительное оборудование, строил суда, производил самолёты и изготавливал множество отдельных видов комплектующих. Например, как раз в начале 1930-х гг. «Фиат» выступал как главный технический советник строительства и оснащения Первого московского шарикоподшипникового завода. Вполне логично было бы ожидать, что подающий надежды специалист со знанием редкого в Италии русского языка будет направлен в страну, к которой он и был подготовлен и где он уже успел постажироваться, приспособиться к жизни, завести знакомых и т.п. Однако всё вышло иначе.

Вернёмся к книге Печчеи: «И наконец, — пишет он, — мне удалось добиться назначения в Китай, где я оставался до середины 1938 г. К тому времени я женился. Это произошло в 1933 г. ... Жена приехала ко мне в Китай спустя несколько месяцев». Далее из книги можно выяснить, что сначала чета Печчеи оказалась в Шанхае, а затем перебралась в один из районов города Уси — «Нанчань, где итальянские компании строили тогда авиационный завод». Далее из текста выясняется, что молодому командированному пришлось «эвакуировать в более безопасные внутренние районы страны, а потом в Гонконг сотню перепуганных, плачущих жен-

⁶ *Javers E.* Broker, Trader, Lawyer, Spy: The Secret World of Corporate Espionage. N.Y.: HarperBusiness, 2011.

щин и детей (среди которых была и моя собственная жена), так как на меня было возложено руководство этими работами». Эвакуацию пришлось осуществлять в результате начала японского военного вторжения в Китай и массированных бомбардировок Уси — города, где было локализовано строительство.

Если ограничиться воспоминаниями Печчеи и не обращаться к другим источникам, возникает сюрреалистическая картина. Непонятно, как, зачем и почему отправленный в Китай, при этом чудом попавший на «Фиат» молодой антифашист оказывается руководителем итальянского инженерно-технического персонала, строившего в Китае собственный авиационный завод. Однако, если учесть, что Печчеи являлся работником специального подразделения, всё становится на свои места. Тем не менее загадка остаётся: правда, зачем «Фиату» было отправлять специалиста по СССР в Китай. Сразу оговорюсь, что в отличие от сформулированных выше соображений, базирующихся на строго документальной основе, изложенное ниже представляет собой гипотезу.

2

Настало время внимательно посмотреть на геополитическую ситуацию 1920-х гг. в Европе. Здесь имелось как минимум две страны, волею судеб просто обречённых на сотрудничество в военной, экономической и разведывательной сферах. Речь идёт о Германии и СССР. Германия в результате Версальского договора фактически не имела возможности содержать сколько-нибудь современную армию. Немецкие заводы были лишены права производить новые образцы высокотехнологичного вооружения той эпохи: танки, самолёты, бронетранспортёры, современные виды артиллерии и т.п. К тому же Германия находилась под фантастическим финансовым прессом, связанным с выплатой военных репараций.

В свою очередь СССР, хотя в 1920-е гг. и восстановил торгово-экономические отношения со всеми европейскими странами, подвергался жёстким санкциям и ограничениям. Ему по сути было отказано вплоть до начала индустриализации в передаче современных, в том числе военных, технологий. В стране хронически не хватало валюты. В результате сложилось тесное советско-германское сотрудничество, где ключевую роль играли военные, администраторы и разведчики двух стран. Сама по себе эта крайне интересная тема выходит за пределы данной работы, тем более что по ней имеется несколько хорошо документированных, глубоких исследований⁷.

Необходимо отметить, что советско-германское сотрудничество в 1920-е — начале 1930-х гг. пережило два чётко выраженных этапа. На первом этапе, идеологами которого были знаменитый немецкий генерал фон Зект и легендарный советский командарм М. Фрунзе, упор делался на строительство в СССР больших военных заводов на концессионной основе. В результате целого ряда перипетий, связанных в том

⁷ Байков А. Военно-промышленное сотрудничество СССР и Германии — кто ковал советский меч? М.: Яуза, Эксмо, 2008; Дьяков Ю.Л., Бушueva Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. М.: Сов. Россия, 1992; Прудникова Е., Колпакиди А. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013.

числе со смертью М. Фрунзе, авантюризма немецкого военного руководства и деловой недобросовестности советской стороны, этот этап закончился неудачей. Советский Союз получил хорошо оснащённые, но не до конца доведённые до эксплуатации заводы, а немецкие компании — участники «Юнкерс» и «Штольтенберг» были доведены до банкротства. Тем не менее в силу объективных потребностей под нажимом всё того же фон Зекта и высших советских военных сотрудничество было продолжено, но уже на новой основе. Вместо концессий «основной акцент с производства вооружений и боеприпасов был перенесён на проведение испытаний различных видов оружия (авиация, ОВ, танки), подготовку кадров в наиболее перспективных родах войск — танковых и авиации, взаимное участие на манёврах армий обеих стран, а также обмен разведанными. При этом сохранялись и наименее затратные совместные работы в военной промышленности (передача патентов, опытное производство, а позднее и создание совместных конструкторских бюро)»⁸.

В рамках нового этапа партнёрства и Германия, и Советский Союз нуждались в третьем партнёре, который мог бы превращать германские научные достижения, инженерные расчёты и конструкторские чертежи в конечную продукцию в металле. А СССР нуждался в отлаженных технологиях поставки немецких образцов для их переноса на советские оборонные заводы. В числе таких партнёров заметное место занимал многоотраслевой концерн «Фиат». Во-первых, как уже отмечалось выше, он производил практически всё — от самолётов до подшипников. Во-вторых, это была семейная фирма, где всё решала не толпа акционеров, а конкретный владелец, который самолично мог быстро принять любое решение. Наконец, у семьи Аньелли были тесные отношения и с германскими промышленниками, особенно из Швабии и Баварии, где и располагалась в основном немецкая военная индустрия.

Поскольку и Германия, и Россия нуждались в дополнительном притоке валюты, то, естественно, стояла задача коммерциализировать в различных регионах мира, прежде всего в зонах военных конфликтов, их совместные разработки. И здесь мы соприкасаемся с одним из наиболее поразительных и успешных проектов в истории советской разведки. К тому же он, вероятно, имел прямое отношение и к герою производимого исторического расследования Аурелио Печчеи. Дополнительный интерес к этому проекту подогревается тем обстоятельством, что он до сих пор, в отличие от подавляющей части советских разведывательных операций 1920–1930-х гг., остаётся, по сути, полностью неизвестным не только любителям исторической литературы, но и профессионалам-историкам. Как это ни парадоксально, до сих пор ни в России, ни даже за рубежом не вышло ни одной работы, посвящённой мобилизационной сети коммерческих предприятий Разведуправления Красной Армии.

Известные на сегодняшний день крохи сведений о мобилизационной сети коммерческих предприятий (МСКП) находятся в основном в архиве секретных служб периода между Первой и Второй мировыми войнами в университете имени Игнатуса Лойолы штата Айова, в архиве РГАСПИ (ф. 3670, к. 3, д. 89) и др., в неопубликованных воспоминаниях старших офицеров ГРУ, хранящихся в Фонде ветеранов советской военной разведки, а также оцифрованном архиве общенациональных газет Европы и Америки за первую половину XX в., в библиотеке Конгресса США.

⁸ Горлов С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. М.: Олма-Пресс, 2001.

На сегодняшний день достоверно известно следующее. В 1922 г. Реввоенсовет советской республики при непосредственном участии главы ВЧК Ф. Дзержинского по инициативе Я. Берзина и Я. Петерса создал МСКП, в которую наряду с уже существовавшими акционерными обществами «Амторг» и «Аркос» вошло вновь организованное в Германии акционерное общество «Востваг». Указанные общества имели свои штаб-квартиры соответственно в Нью-Йорке, Лондоне и Берлине, а также множество филиалов во всём мире.

В отличие от «Амторга», постоянно находившегося в центре внимания газет того времени, и «Аркоса», ставшего детонатором резкого ухудшения советско-британских экономических и дипломатических отношений в 1927 г., «Востваг», являвшийся центром и несущей конструкцией сети, никогда на протяжении своего более чем 15-летнего существования не привлекал ни малейшего внимания. Кроме руководителя Разведупра Я. Берзина и Я. Петерса и нескольких человек из высшего советского руководства о нём никому ничего не было известно.

Особенно активная работа «Воствага» развернулась с 1927 г., когда его руководителем стал советский представитель в концессионных проектах фон Зекта, блестяще знавший языки, а также глубоко разбиравшийся в перипетиях и хитросплетениях мирового бизнеса и финансов Стефан Мрочковский. В 1928 г. он был назначен руководителем всей МСКП. К началу 1930-х гг. «Востваг», помимо Германии, действовал во Франции, Италии, Соединённых Штатах, странах Ближнего Востока, Монголии и Китае. Филиалы и дочерние фирмы «Воствага» функционировали в Нью-Йорке, Париже, Турине, Улан-Баторе, Кантоне, Нанкине, Тяньцзине, Уси и других городах. Подавляющая часть сотрудников «Воствага» были гражданами соответствующих стран, имевшими высокий уровень деловой и профессиональной квалификации и безупречную политическую репутацию. В Германии подавляющая часть работников «Воствага» была членами нацистской партии, а в Италии — фашистской партии. Практически никто, за исключением узкого круга руководства компании, не догадывался о подлинных задачах «Воствага».

По своему характеру «Востваг» был торговой компанией. В основном она производила закупки тех или иных товаров в Европе, а основным рынком сбыта был Китай. Чтобы представить себе масштаб бизнеса «Воствага», приведём только один факт. Достоверно известно, что к концу 1929 г. собственный оборотный капитал «Воствага» составлял 3,1 млн. долларов США. Сегодня по паритету покупательной способности доллара по данным Федеральной резервной системы США это составило бы примерно 50 млн. долларов. Однако эта оценка даже приблизительно не точна, поскольку индекс покупательной способности доллара формируется за счёт потребительских товаров и услуг. «Востваг» же имел дело не с товарами для населения, а, как это принято сегодня называть у экономистов, с инвестиционными товарами. По ним официальных индексов паритета покупательной способности доллара не существует. Однако экспертные оценки позволяют увеличить отмеченную выше сумму в 3–8 раз. 200–400 млн. долларов собственного капитала для торговой компании тех времен — это не просто большая, а огромная сумма, позволявшая привлекать во много раз большие кредитные линии. (Чтобы понять покупательную способность доллара тех времён, отметим, что новый, только что появившийся в небе Испании лучший истребитель в мире того времени Мессерш-

мидт-109 стоил в полном комплекте с вооружением 34 000 долларов.) В ту эпоху соотношение между собственным капиталом и кредитными линиями было примерно 1:7. То есть компания могла постоянно проводить торговые сделки на сумму до 1,5–2 млрд. долларов.

В не опубликованных до сих пор воспоминаниях Натальи Звонарёвой, секретаря начальника Разведупра, написано: «П.Я. Берзина окружали талантливые помощники и сотрудники. К каждому из них он относился по-отцовски внимательно и строго. Особенно бережно он относился к С.И. Мрочковскому — выдающемуся разведчику-нелегалу. Когда поступало сообщение о его приезде в Москву (примерно раз в год), Берзин вызывал меня и предупреждал: “Проследи, чтобы лишние люди не встречались с ним. В комнату, где он будет работать, пропускать только сотрудников, с которыми он связан по службе...” Стефан Иосифович, приезжая рано утром, неизменно говорил мне: “Наташа, милая, здравствуйте” — и проходил в комнату секретариата, в которой стояло два сейфа с его документами. Высокий, худощавый, с откинутыми назад прямыми волосами, в прекрасно сидящем на нём костюме, он выглядел истинным западным коммерсантом. Поздно вечером он обычно заходил в кабинет Павла Ивановича, где они ещё долго обсуждали служебные проблемы или просто беседовали. Мрочковский добывал ценнейшую информацию и снабжал управление крупными суммами валюты. Как-то, проводив его, Павел Иванович сказал: “Ты не представляешь, Наташа, какую помощь оказывает нам Стефан Иосифович. Не знаю, как бы мы обходились без него...”».

Воспоминания Звонарёвой подтверждаются сохранившимся в архиве документом — аттестацией на Стефана Мрочковского, датированным 1934–1935 гг. Её собственноручно написал начальник Разведуправления Красной армии Берзин:

«Мрочковский Стефан Иосифович — весьма способный, преданный делу работник-коммунист. Обладал солидной общей подготовкой (юрист-экономист) и большим опытом практической работы, он свои знания и опыт умеет прекрасно применять на деле. В течение ряда лет руководил крупным участком разведки, показал незаурядные способности организатора и администратора и добился крупных успехов.

Характер твёрдый, решительный, волевые качества хорошо развиты, хорошо разбирается в людях, умеет ими управлять и подчинять их своей воле. У подчинённых пользуется большим авторитетом и уважением. Быстро ориентируется в сложной обстановке и находит правильное решение. В трудных условиях проявляет большую выдержку, в то же время весьма осторожен, гибок и изворотлив.

Политическое развитие и подготовка прекрасные (старый партиец-подпольщик). От генеральной линии партии не отходил.

В личной жизни очень скромнен, в общественной — хороший товарищ.

Общий вывод:

Занимаемой должности вполне соответствует. По своей подготовке, знаниям и способностям может руководить и более крупным участком работы. Может также быть использован на крупной работе по военно-хозяйственной линии».

Обобщая имеющиеся, но пока не введенные в общий оборот источники, с уверенностью можно говорить об основных направлениях деятельности МСКП в целом и системы «Воствага» в частности. К ним относятся:

во-первых, формирование нелегальной разведывательной сети в Европе, Америке и Китае из числа представителей научно-технических, деловых, военных и политических кругов;

во-вторых, получение от агентурной сети разведывательной информации, прежде всего, научно-технического, военного и в определённой степени политического характера. Из имеющихся в архивах сведений можно сделать однозначный вывод о том, что разведывательная сеть не представляла в Москву добытые ею в какой-то мере случайные материалы, как это имеет место в работе большинства агентурных сетей. Сеть «Воствага» действовала, что называется, по заказу. В этом состояла её уникальность в истории разведки. То есть в Москве в соответствии с потребностями армии и промышленности формулировался заказ на конкретные изделия, технологические процессы, образцы вооружения, те или иные политические документы, а сеть добывала их и переправляла в Разведупр;

в-третьих, формирование сетей влияния и межэлитных взаимодействий, включающих создание интерфейса между руководством Разведупра и деловой, военной, разведывательной и в определённой степени политической верхушкой европейских стран, США и Китая. При этом в Европе упор делался на Германию, Францию и до известной степени Италию;

в-четвёртых, обеспечение не только самокупаемости сети и безусловного эффективного выполнения поставленных перед ней задач, но и мобилизация дополнительных ресурсов для нужд Наркомата обороны и развития военно-промышленного комплекса. Ежегодно сеть перечисляла в сегодняшнем исчислении как минимум десятки миллионов долларов свободных наличных денег.

Кроме того, есть серьёзные основания полагать, что «Востваг» выполнял функции головной структуры по ведению экономической войны с Западом, совмещённой с продлённой в будущее компрометацией крупных западных финансистов, представителей торгового капитала и правоохранителей.

В связи с этим хотелось бы отметить следующее. В конце 1960-х гг. в Соединённых Штатах была введена в оборот часть архивов ФБР, касающаяся второй половины 1920-х – первой половины 1930-х гг. Наибольший интерес вызвали дела из этих архивов, которые касались так называемой темы «об уникальном фальшивомонетчестве». В материалах было отмечено, что ФБР подозревало Советский Союз в масштабной операции по забросу на мировые и американский рынок фальшивых долларов и фунтов в самом начале Великой депрессии, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. При этом особо отмечалось, что стопроцентных доказательств причастности Советского Союза получить так и не удалось. Из рассекреченных материалов явствовало, что значительная часть фальшивых долларов и фунтов поступала либо из Китая, либо из уважаемых европейских финансовых институтов. Особо было отмечено, что никогда — ни до, ни после — такого совершенства фальшивой валюты достигнуто не было. В материалах было высказано предположение, что обнаружена была лишь малая часть от общего количества вброшенных на рынок финансовых средств. Следует подчеркнуть, что обнаружение фальшивой валюты происходило либо в результате агентурной работы, либо технических ошибок в печати денежных знаков. Дополнительно отмечалось, что на судебных процессах обвиняемые лица, несмотря на вынесенные

многолетние приговоры, виновными себя не признали и не дали никакой информации об источниках денег⁹.

Об этом же рассказывается в главе «Как Сталин подделал доллары» книги «Я был агентом Сталина» Вальтера Кривицкого. Кривицкий был резидентом-нелегалом советской разведки в странах Западной Европы, стал невозвращенцем и покончил жизнь самоубийством в 1941 г. Беспристрастный анализ книги показывает две её черты. Подавляющая часть фактов, сообщённых В. Кривицким, впоследствии была подтверждена документами, извлечёнными в конце 1980-х – начале 1990-х гг. из Отдела специального хранения государственных и ведомственных архивов СССР. При этом сами по себе факты автором книги компоновались весьма произвольным образом и весьма тенденциозно истолковывались за счёт полного игнорирования контекста событий того времени и логики действий государственных руководителей СССР.

В упомянутой главе книги есть важные строки, корреспондирующие с материалами из архивов ФБР: «Фамилия Альфреда была Тильден. Он принадлежал к выходцам из Латвии в нашем управлении, во главе которого стоял генерал Ян Берзин.

– Вы ничего не понимаете, — сказал он. — Это же настоящие деньги. Они не имеют ничего общего с обычными поддельными дензнаками, они всё равно что настоящие. Я достал ту самую бумагу, на которой печатают деньги в США. Вся разница в том, что работа выполнена на наших печатных станках, а не на станках в Вашингтоне.

Берзин стал мне вновь объяснять, что весь план был разработан для Китая, где крупномасштабные операции такого рода возможны, но что он не подходил для Запада»¹⁰.

В приведённом отрывке важно выделить несколько моментов. Во-первых, Я. Берзин был прямым руководителем С. Мрочковского, которому поручал особо конфиденциальные задания. Во-вторых, Альфред Тильден никогда не состоял в штате «Воствага», но по архивным документам упоминался в нескольких его сделках. В-третьих, ключевым моментом является тот факт, что для ведения финансовой войны Советский Союз использовал не поддельную, искусственно изготовленную бумагу, а настоящий материал, на котором печатались доллары и, возможно, фунты. Таким материалом могли располагать лишь доверенные учреждения Федеральной резервной системы США, над которыми был установлен хозяевами системы жесточайший контроль. Более того, судя по воспоминаниям, мало того что бумага была аутентичной, аутентичными были и клише. Достать клише можно было только через те же источники, что и бумагу, т.е. через ответственных работников, либо, возможно, хозяева ФРС в силу тех или иных причин обеспечивали МСКП оригинальной гербовой бумагой и клише для печатания долларов — на бесхозных складах таких бумаги и клише просто не бывает. В этом смысле Альфред Тильден был совершенно прав, когда отмечал, что это — настоящие деньги. Обнаружения же происходили из-за небрежности, когда из набора клише выбирались клише ста-

⁹ The Use and Counterfeiting of United States Currency. Final report to the Congress by the Secretary of the Treasury in consultation with the Advanced Counterfeits Deterrence Steering Committee, September 2006. <https://www.federalreserve.gov/boarddocs/rptcongress/counterfeit/default.htm#toc8.2>

Krammer A. Russian Counterfeit Dollars: A Case of Early Soviet Espionage // *Slavic Review*, vol. 30, no. 4 (1971). P. 762–773. http://www.jstor.org/stable/2493847?seq=1#page_scan_tab_contents

¹⁰ Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М.: Современник, 1996.

рого образца либо неправильно выбиралась логика печати номеров банкнот. Следует особо подчеркнуть, что подобные операции финансовой войны проходили в период резкого ухудшения советско-британских отношений, а также до того, как Советский Союз и Соединённые Штаты установили нормальные дипломатические и взаимовыгодные экономические отношения при президенте Ф.Д. Рузвельте. В то время действовал принцип «на войне как на войне».

Коротко о последующей судьбе выдающегося советского разведчика, талантливого предпринимателя и серьёзного учёного-химика Стефана Мрочковского. После прихода к власти Гитлера чета Мрочковских переехала в Париж, куда был перемещён центр сети «Востваг». В Париже к работе активно привлекались не только французы, но и мигранты из Германии и Италии. Сеть продолжала функционировать, выполнять все свои задачи в полном объёме. В 1939 г. С. Мрочковского арестовали и посадили в концлагерь. Однако в 1940 г. его выпустили. Впоследствии по возвращении в Советский Союз этот факт был поставлен ему в вину. Между тем вполне очевидно, что, выполняя функции, перечисленные выше, Мрочковский, несомненно, имел не только серьёзные связи в германском генералитете, но и знакомства (назовём это так) с людьми, для которых арест Мрочковского грозил крахом карьеры, а то и кое-чем похуже.

В 1940 г. Мрочковские уехали в Соединённые Штаты. Перед отъездом Мрочковский ликвидировал все фирмы МСКП и перевёл в СССР все находящиеся на счетах остатки финансовых средств. Нельзя не отметить, что указанный приказ поступил ещё до ареста С. Мрочковского и носил совершенно беспрецедентный по своей бессмысленности характер. Своими руками высшее советское руководство уничтожило разветвлённую, не имеющую аналогов в истории разведки многофункциональную сеть. Как бы там ни было, в Вашингтоне С. Мрочковского посещает начальник Разведуправления генерал-лейтенант Филипп Голиков. Он трижды встречается с Мрочковским на квартире у исполняющего обязанности военного атташе полковника И. Сароева. Окончательное закрытие МСКП подтверждается шифрограммой Голикова высшему руководству. В разгар катастрофических событий на фронте 31 августа 1941 г. он отправляет шифрограмму, которая сохранилась в архивах: «Я велел Томсону (псевдоним Мрочковского) дело кончать». В архивах не имеется документов, которые обосновывали бы это решение. В соответствии с указаниями центра в ноябре 1942 г. С. Мрочковский через Ближний Восток вернулся в СССР. Весной 1943 г. в Советский Союз прибыла его семья. Однако к этому времени Стефан Мрочковский уже находился в следственном изоляторе Лубянки.

В своей книге военный юрист и известный историк В. Звягинцев, проанализировав материалы, выяснил, что послужило основой обвинений корпусного комиссара Стефана Иосифовича Мрочковского, который оказался на Лубянке 18 января 1943 г. Он выяснил, что «показания о его шпионской деятельности в пользу немецкой и французской разведок были выбиты ещё до войны у осуждённых к расстрелу руководителей Разведупра Красной армии Берзина, Никонова, бывшего заместителя начальника Третьего отдела ГУГБ НКВД СССР Валика, бывшего руководителя отделения фирмы «Востваг» в Монголии Дайн Лундера и других. Суть обвинений сводилась к тому, что Мрочковский расшифровал сеть наших коммерческих предприятий за границей перед иностранными разведчиками, а возглавляемая им фир-

ма “Востваг” оказалась “засорена шпионами”. Обвинение было основано на предположениях и бездоказательных общих фразах. В обвинительном заключении, например, отмечалось, что бывшие руководители разведывательного управления активно использовали руководимую Мрочковским сеть коммерческих предприятий в своих вражеских целях, что Мрочковского, арестованного в 1939 г. в Париже, выпустили из концлагеря при обстоятельствах, вызывающих подозрение и т.п.»¹¹.

Как пишет тот же Вячеслав Звягинцев, «несколько недель интенсивных допросов, а затем, когда даже для следователей становилась очевидной беспочвенность обвинений, об арестованных напрочь забывали. Для них начиналась пытка ожиданием предстоящего суда, растягивающаяся на годы. Арестованные находились в полной изоляции, не зная, когда состоится и состоится ли вообще суд. Они не знали, что происходит на войне, живы ли их близкие. О судьбе арестованных родственникам тоже ничего не сообщалось»¹². Мрочковский не признал ни одного предъявленного ему обвинения. Несмотря на все виды давления, он не сломался. В результате советский разведчик и западный миллионер просидел в подвалах Лубянки в ожидании суда 9 лет. 26 августа 1952 г. состоялся суд, где кроме обвинения в шпионской деятельности С. Мрочковскому вменили в вину антисоветскую агитацию и пропаганду. Суд, естественно, признал Мрочковского виновным и приговорил к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Через год после смерти И. Сталина С. Мрочковский по инициативе Л. Берии был освобождён, приговор в его отношении отменён, дело прекращено, и он вышел на свободу. Однако вскоре после освобождения Мрочковский тяжело заболел и больше не вставал с постели. В 1964 г., через 11 лет после освобождения, к чете Мрочковских пришёл один из руководителей ГРУ, принёс извинения — как он написал в пока не опубликованных воспоминаниях, ему «стыдно за то, что за все годы после освобождения никто из службы не пришёл к выдающемуся разведчику и не поинтересовался его делами и здоровьем». Вскоре после этого визита Мрочковский умер.

3

Обогащённые знаниями о МСКП и советско-германско-итальянском сотрудничестве в 1920-е – начале 1930-х гг., вернёмся к Аурелио Печчеи, прибывшему на новое место своей работы — в Китай. В его автобиографической книге мы читаем: «Я прожил два года в центральных районах, в городе Наньчане, где итальянские компании строили тогда авиационный завод». Определённые сложности для исследователя составляет нахождение месторасположения завода. Дело в том, что города Наньчана в Китае нет. Лишь вооружившись китайскими словарями и картами, удастся установить, что речь идёт о городе Уси, где Наньчань — один из девяти районов. Уси с 1920-х гг. вплоть до настоящего времени остаётся центром китайского машиностроения, в том числе местом локаций предприятий военной промышленности.

¹¹ Звягинцев В. Война на весах Фемиды. Война 1941–1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М.: Терра-Книжный клуб, 2006.

¹² Звягинцев В. Указ. соч.

Второе, более удивительное открытие состоит в том, что итальянские компании никогда не строили в Китае вообще и в Уси в частности авиационного завода. Хотя авиационный завод там действительно строился. Главными подрядчиками выступали не итальянцы, а немцы, которые привлекали к этой работе европейские компании, включая такого гиганта, как «Фиат», а также небольшие европейские фирмы. Это, безусловно, весьма принципиальное различие. Чтобы оценить важность этой, казалось бы, второстепенной детали, необходимо более подробно разобраться, по чьей инициативе велось строительство авиационного завода в Уси.

В апреле 1934 г. в Китай по личному приглашению Чан Кайши приехал фон Зект. Он был легендарной личностью, его называли главным солдатом и военно-политическим теоретиком Германии. В 1920-е гг. фон Зект был командующим рейхсвером. Наученный уроками Первой мировой войны, фон Зект был убеждённым сторонником тесного германо-советского сотрудничества. Он не устал повторять: «Если Германия начнёт войну против России, то она будет вести безнадежную войну». Эта оценка командующего рейхсвера исходила из трезвого анализа естественных, людских и социальных ресурсов Советской Республики. «Россия имеет за собой будущее. Она не может погибнуть» — таков был вывод фон Зекта.

В другом своём документе — письме на имя правительства от 15 июля 1922 г. — фон Зект обращал внимание на рост и укрепление авторитета Советского государства: «Видел ли мир большую катастрофу, чем испытала Россия в последней войне? И как быстро поднялось советское правительство в своей внутренней и внешней политике! И разве первое проявление немецкой политической активности не заключалось в подписании договора в Рапалло, что привело к росту немецкого авторитета?» Эти мысли не оставляли фон Зекта долгие годы. Уже выйдя в отставку, он писал в книге «Германия между Востоком и Западом» (1932–1933) о том, что торговые отношения с Советским Союзом означают для Германии работу для тысяч безработных и сырьё. Он призывал не распространять враждебное отношение к коммунистической идеологии на «возможности сотрудничества в экономической области»¹³. Слова у генерала не расходились с делами. Именно фон Зект был основоположником советско-германского концессионного сотрудничества в военно-промышленной области, а затем научно-технологического, и кадрового Рейхсвера, и Красной Армии. В рамках этого сотрудничества и родился «Востваг» и в целом МСКП. С. Мрочковский хорошо знал фон Зекта и многократно встречался с ним.

Прибыв в Китай и ознакомившись с состоянием дел в армии, фон Зект порекомендовал Чан Кайши осуществить ускоренную программу строительства военных предприятий, производящих танки, самолёты, стрелковое оружие, артиллерию, амунисию. Чан Кайши полностью одобрил этот план, и в том же 1934 г. под воздействием фон Зекта между Чан Кайши и главой частной компании HAPRO Г. Клейном был подписан «Договор по обмену китайских сырья и сельхозпродукции на германскую промышленную и другую продукцию». Важнейшее место в договоре занимало оснащение имевшихся отсталых военных заводов в долине реки Янцзы, включая авиационный завод в Уси¹⁴.

¹³ Цит. по: *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече, 2000.

¹⁴ *Germany and Republican China*, Stanford University Press, 1984.

С немецкой дотошностью в архивах сохранены не только тексты договора, но и приложения к нему. В них действительно указывался «Фиат» как участник строительства, а также большое число европейских фирм, ответственных за бартерные сделки. Согласно договору, Китай расплачивался не валютой, которой у него просто не было, а собственными товарами. Часть из них в Германию поступала напрямую, а другая реализовывалась в третьих странах, откуда валюта перечислялась уже в Германию. Фон Зект и Чан Кайши впервые разработали торгово-финансовый механизм так называемого военно-финансового бартера, который вот уже скоро 100 лет активно используется в сфере торговли вооружением.

К сожалению, не сохранился, или, по крайней мере, в настоящий момент недоступен, перечень не филиалов, а многочисленных дочерних фирм «Воствага». Но поражает следующее. Список товаров, поставляемых из Китая в третьи страны по бартеру, для продажи их там за валюту, в значительной мере текстуально совпадает с китайской экспортно-импортной номенклатурой «Воствага». С учётом того, что инициатором контракта был фон Сект, завод строился в регионе, где у «Воствага» был филиал, а продукция, которой расплачивался Китай, была очень близка к товарной номенклатуре «Воствага», то с весьма высокой степенью вероятности можно предположить, что «Востваг» был теневым участником германо-китайской сделки с итальянским участием.

Нельзя также забывать, что И.В. Сталин в Китае активно поддерживал одновременно и Чан Кайши, и Мао Цзэдуна, которые жёстко соперничали между собой. Более того, усилия советской дипломатии, разведки, а также Коминтерна были направлены на то, чтобы сплотить эти две силы перед лицом японского агрессора. Сталин имел огромные рычаги влияния на Чан Кайши, включая даже такой экзотический, как жену сына Чан Кайши — Цзян Цзинго, в последующем президента Тайваня, — Фаину Вахриеву. Они поженились в начале 1935 г.

Показательно, что, когда в августе 1937 г. японцы осуществили крупномасштабное вторжение в Китай и бомбили Нанкин, Шанхай и Уси, китайское небо защищали советские летчики на самолетах И-15, в которых была и лепта конструкторов «Фиата». Парадоксально, но факт: хотя Германия поддержала вторжение Японии, советские пилоты защищали немецкий и итальянский персонал от японцев — немецких союзников. К моменту вторжения японцев фон Зект уже покинул Китай, оставив вместо себя своего соратника и близкого друга генерала Александра фон Фалькенхаузена. Последний часто бывал на заводе, контролируя ход работ. Генерал категорически отказался поддержать агрессию Японии против Китая и политику Гитлера. По этой причине в 1937 г. он был вызван в Германию и ему угрожали арестом его самого и его семьи. Характерно, что в дальнейшем он был возвращён на службу, служил на Западном фронте, а затем после покушения на Гитлера был заключён в концлагерь. Фон Фалькенхаузен выжил, вернулся к частной жизни и в 1951 г. был награждён Чан Кайши за ценные советы и помощь Китаю чеком на 1 млн. долларов.

Фон Зект и фон Фалькенхаузен, а также другие немецкие военные, курировавшие строительство завода, принадлежали к старой германской, прежде всего прусской, родовой аристократии. Знакомство с ними в дальнейшем сыграло немалую роль в жизни А. Печчеи. В серьёзных расследованиях действует принцип: множество взаимоперекрещивающихся косвенных свидетельств о чем-либо считается бо-

лее надёжным доказательством события, характеристики, связей и т.п., чем даже прямое свидетельство или достоверный единичный факт. Следуя этому принципу, можно сказать, что в самом начале своей деловой карьеры А. Печчеи смог занять позицию интерлокера. Этот термин практически отсутствует в русскоязычной литературе, хотя активно используется за рубежом. В переводе он означает человека, который не только является связным между различными группами, но и в каком-то смысле координирует и даже активно влияет на взаимодействие между группами.

В связи с этим нужно сделать пояснение. В данном случае совершенно не имеется в виду, что А. Печчеи входил в агентурную сеть Разведупра. Отнюдь нет. Будучи работником специального подразделения «Фиата», а соответственно приближённым к руководству корпорации, он взаимодействовал с советской разведкой и конкретно с МСКП как партнёр в рамках программы налаживания межэлитных взаимодействий и различного рода обменов. По всей вероятности, в такой же роли он выступал по отношению к антигитлеровски настроенной части родовой германской аристократии, традиционно занимавшей серьёзные позиции в военной и разведывательной сферах, а также промышленности Германии. Обращает на себя внимание тот пассаж в книге Печчеи, где речь идёт о Британской империи. Подытоживая впечатления от года жизни в Гонконге, куда он прибыл после успешно проведённой эвакуации женщин и детей итальянского персонала строящегося авиазавода в Уси, А. Печчеи пишет: «Не трата лишних усилий и не делая лишних движений, Британская империя через посредство исключительно дееспособного корпуса гражданских служащих, эффективно поддерживаемых в случае необходимости Королевским флотом и несколькими батальонами сухопутных войск, умудрялась с лёгкостью править огромными территориями, поддерживая там необходимый порядок и следя за соблюдением коммерческих интересов Британской короны». Несомненно, месяцы, проведённые в Гонконге, позволили Печчеи установить новые связи в британском истеблишменте (город в те времена представлял собой военный, торгово-экономический, административный и финансовый форпост Британии в Азии, в городе концентрировалась британская колониальная, прежде всего, военная, административная и экономическая элита, контролировавшая ключевые посты в важнейших учреждениях и институтах города).

А. Печчеи не пишет о том, чем он занимался после возвращения в конце 1938 г. в Италию. В его книге можно найти только скупые строки: «Когда я возвратился в Европу, уже надвигалась Вторая мировая война, и я сразу же примкнул к антифашистскому фронту, а потом — к движению Сопротивления». Несомненно, так оно и было, но, чтобы заниматься такого рода деятельностью в Италии, необходимо было где-то работать. Из книги его биографа Гюнтера Паули можно выяснить, что по возвращении в Италию Печчеи вновь стал работать в отделе специальных проектов «Фиата». Иначе быть и не могло, поскольку по совокупности А. Печчеи не только выполнил, но и, видимо, перевыполнил поставленные перед ним задачи. Возникает закономерный вопрос: а как же можно было заниматься антифашистской деятельностью и при этом оставаться доверенным лицом семьи и работником специального подразделения? Чтобы ответить на него, следует чуть глубже погрузиться в итальянскую специфику того времени, связанную со взаимоотношениями крупного бизнеса, а конкретно «Фиата», с режимом Бенито Муссолини.

С одной стороны, Б. Муссолини предоставил «Фиату» огромные военные заказы. Фашистским режимом была создана уникальная финансовая система, стимулирующая промышленность. Суть её состояла в следующем. Крупные частные итальянские банки, в капитал которых вошло корпоративное государство, выдавали промышленности займы на пополнение оборотных средств сроком на один – два года, а вновь созданные специальные государственные структуры кредитовали инвестиционные проекты и перевооружение, выдавая займы под низкие проценты сроком на 10–20 лет. В значительной части эта система была сохранена в Италии и после краха фашистского режима и, пережив несколько метаморфоз, существует и по настоящее время. Наряду с этим Муссолини осуществил мощнейшую программу строительства шоссейных дорог по всей Италии и ввёл специальную программу сверхнизкопроцентного долгосрочного кредитования для покупки рядовыми итальянцами так называемых народных автомобилей, которые производил «Фиат»¹⁵. Вообще надо сказать, что разрекламированные социально-экономические достижения Гитлера в значительной мере являются жалким плагиатом гораздо более продуманной и целостной системы Дуче¹⁶.

С другой стороны, Муссолини, как никто другой, постоянно вмешивался не только в стратегическое, но и в оперативное управление крупными концернами, включая «Фиат», принудительно формировал номенклатуру выпускаемой ими продукции и, наконец, заставил «Фиат» отказаться от многих зарубежных проектов и инвестиций. И это при том, что «Фиат» под руководством Джованни Аньелли превращался в 1930-е гг. в первую промышленную транснациональную корпорацию.

Имелось и ещё одно важное, особенно в контексте будущего А. Печчеи, обстоятельство. Несмотря на заключение Латеранских соглашений, у Папского престола были весьма натянутые отношения с Муссолини. Значительная часть кардиналов были явными или тайными врагами Дуче. Это важно по той причине, что у «Фиата» были крепкие и давние отношения с католической церковью. В акционерном капитале самого «Фиата» католическая церковь если и принимала, то очень небольшое участие. Однако в банках, с которыми всю первую половину века «Фиат» теснейшим образом взаимодействовал и частично владел, — в Банке Ди Рома и «Кредито Италяно» — Ватикан имел не только значительное влияние, но и заметную долю собственности¹⁷.

Семья Аньелли, вот уже 120 лет единолично контролирующая одну из крупнейших корпораций мира, относится к старой гвельфской итальянской аристократии и прослеживает свою родословную с XIV века из города Равенна. В роду Аньелли было много военных и прелатов различных рангов. Исторически семья поддерживала Папский престол даже тогда, когда короли Пьемонта и Сардинии выступали против Рима. Кстати, и сам Джованни Аньелли до того, как основал «Фиат», был офицером, а его партнёр, родовитый аристократ, играл заметную роль в итальянской армии. Интересно, что Джованни Аньелли, потомственный итальянский аристократ, быстро подружился с Генри Фордом, типичным селфмейдменом

¹⁵ Муссолини Б. Третий путь без демократов и коммунистов. М.: Алгоритм, 2012.

¹⁶ Пленков О.Ю. Тайны Третьего рейха. Рай для немцев. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

¹⁷ Моравский З. Ватикан издали и вблизи. М.: Прогресс, 1981.

и выходцем из простой семьи. Они с удовольствием делились производственными секретами друг с другом, перенимали друг у друга самые передовые методы организации производства, а также методы социальной политики. В одной из немногих книг, посвящённых истории «Фиата» и семьи Аньелли¹⁸, описываются дружеские беседы Генри Форда и Джованни Аньелли, где они решительно противопоставляют себя как промышленников финансистам-банкарам, полагая, что цель последних — это поглотить их предприятия и установить власть над миром. Также Дж. Аньелли и Г. Форда сближало, мягко говоря, неоднозначное отношение к лицам еврейского происхождения.

По ходу войны руководители «Фиата», будучи мудрыми, осведомлёнными людьми, всё более чётко понимали, что её итоги для Италии, а значит, и для «Фиата» будут катастрофическими. Фактически в 1942 г. «Фиат», как и другие крупные концерны, оказался перед угрозой полной остановки производства из-за отсутствия экспортного топлива и сырья. С учётом этих сложных обстоятельств Джованни Аньелли и его консьюеры, которого он готовил в преемники, профессор Витторио Валетта, что называется, играли в две руки. С одной стороны, они продолжали тесно сотрудничать с Муссолини, с другой — мягко говоря, не препятствовали деятельности А. Печчеи и других своих работников, вовлечённых в антифашистское движение.

В 1942 г. А. Печчеи совместно с Феруччи Парри, а также Бруно Пинчерле, Джузеппе Ромита — в будущем руководителями и членами кабинета министров Италии — возродили движение «Справедливость и свобода». Первый раз это движение возникло в 1930 г. в Париже под руководством Карло Росселли. Там с участниками движения активно общался юный Печчеи во время своего пребывания в Сорбонне. Вслед за его отъездом движение было разгромлено, а его руководитель Карло Росселли убит. В возрождённое движение вошли в основном инженеры, техническая и гуманитарная интеллигенция, мелкие торговцы и деятели искусств. Это движение было далеко от коммунизма и носило скорее социал-демократический характер. Главным же требованием движения было не только свержение Муссолини, но и превращение Италии из монархии в республику, т.е. низложение Савойской династии. Ячейки движения базировались на промышленном севере. Самые мощные подразделения «Справедливости и свободы» имелись в Турине на заводах «Фиата».

По своей численности отряды «Справедливости и свободы» занимали второе место после коммунистов и намного превышали боевые подразделения социалистов и иных противников режима Муссолини. В условиях активной борьбы с фашистами и нацистами главным вопросом были не люди и организация, а оснащение оружием, боеприпасами, современными средствами связи и т.п. Всего этого хронически не хватало. В немалой степени это было связано с позицией британцев. В ходе Второй мировой войны Черчилль настаивал на первоочередном вторжении в Италию, а не на открытии второго фронта во Франции. Одновременно именно британские части вели активные операции в Средиземном море и в Северной Африке. Соответственно, именно британцы взяли на себя поддержку групп сопротивления в Италии. Однако, в отличие от Франции и в какой-то мере Польши, руководящие органы итальянского сопротивления находились не в Лондоне, а на территории Ита-

¹⁸ Bossi S., Spadolini G. Trent'anni di corse. Storia della Fiat. Roma: Editoriale Il Borgo, 1966.

лии. В результате британцы тормозили акции по поддержке отрядов Сопротивления, причём не только коммунистов, но и движения «Справедливость и свобода».

Здесь историческое расследование сталкивается с очередной загадкой Аурелио Печчеи. Лидером движения «Справедливость и свобода» был Феруччи Парри, в последующем премьер первого после освобождения правительства Италии. Он до своей смерти в конце 1960-х гг. имел репутацию кристально честного человека и символа Сопротивления. В своих письмах, изданных в 1962 г. в Милане¹⁹, Ф. Парри пишет: «Первые контакты “Справедливость и свобода” в моём лице установила с представителями союзников в Швейцарии ещё в сентябре 1943 г.». Между тем А. Печчеи пишет: «Однажды в 1942 г. я дерзко воспользовался... возможностью и вместе с одним из моих друзей пробрался в расположенный в Берне центр американских разведывательных служб в Европе. Там мы заявили решительный протест командованию союзников и потребовали от них немедленных поставок снаряжения для наших боевых групп, действовавших в горных районах... Может быть, как раз благодаря дерзости миссия наша оказалась в конечном счёте успешной, ибо после этого не только значительно увеличилась помощь союзников боевым отрядам организации “Справедливость и свобода”, но и нам с другом удалось уцелеть и не угодить в тюрьму». Возникает когнитивный диссонанс. Как два человека, имеющих безупречную репутацию, принципиально расходятся относительно важнейшего эпизода в истории движения итальянского сопротивления?

Разгадка заключена в личности того, с кем контактировали в Швейцарии А. Печчеи и Ф. Парри. Не так давно были опубликованы материалы²⁰, позволяющие сделать однозначный вывод о том, что А. Печчеи называет точные даты. В книге содержится один из докладов Даллеса за конец 1942 г., где он упоминает о молодых энергичных итальянцах, которые рассказали ему о текущем состоянии партизанских действий против режима Муссолини и немцев. По результатам встречи он принял решение рекомендовать американской стороне оказать им максимальную и быструю поддержку. В то же время в книге имеются документы, подтверждающие более позднюю встречу А. Даллеса и Ф. Парри.

Чтобы понять, в чём дело, нужно внимательно ознакомиться с личностью Аллена Ф. Даллеса, его биографией и ролью, которую он играл в Швейцарии. Семья Даллес относится к своеобразной американской аристократии. Многие поколения семьи особенно преуспели на дипломатической и иной государственной службе. Старший брат Аллена Даллеса Джон Фостер Даллес после войны был госсекретарём, а сам Даллес вместе с Уильямом Донованом стал сначала создателем, а с 1953 по 1961 г. — директором ЦРУ. Для исследования принципиально важно, что братья Даллес занимали ответственные посты в одной из старейших и влиятельнейших международных адвокатских фирм Sullivan & Cromwell. Если Аллен Даллес в фирме занимался прежде всего лоббистскими функциями, то его старший брат входил в руководство.

Известные расследователи С. Данстейн и Д. Уильямс так описывают прибытие и первые дни Донована в Швейцарии: «Первоначально “Дикий Билл” Доно-

¹⁹ Letter de I.Mc. Caffery a F. Parri – R. Secchia, F. Frassati, Lrga. Milano, 1962.

²⁰ Petersen N.H. From Hitler's Doorstep: The Wartime Intelligence Reports of Allen Dulles, 1942–1945. Penn State University Press, 2008.

ван рекомендовал Даллесу отправиться в Лондон для координации взаимодействия Управления стратегических служб (прообраз ЦРУ. — И. С.) и британской разведки. Даллес запротестовал и взамен предложил создать отделение специальной разведки УСС в Швейцарии. Он руководствовался различными побуждениями. Разумеется, он хорошо знал эту страну и её столицу и вполне сносно говорил по-немецки. Но и на уровне личных предпочтений бонвивана, ценившего изысканную пищу, вина и общество прекрасных дам, Берн привлекал Даллеса гораздо больше, чем разрушенный бомбами Лондон. Кроме того, в оккупированной Европе Швейцария являлась центром нелегальных деловых и банковских операций. Как успешный юрист фирмы Sullivan & Cromwell Даллес был отлично подготовлен для отслеживания подобной деятельности, в интересах как правительства США, так и своих корпоративных клиентов. Но прежде всего Берн был идеальным местом для шпионажа...»²¹ В данной цитате и содержится разгадка. Она связана с особым отношением любого юриста к своим ценным корпоративным клиентам. В единственной фундаментальной истории адвокатской фирмы²² можно прочесть о том, что одним из главных клиентов фирмы был Генри Форд. Когда Джованни Аньелли построил в Соединённых Штатах несколько своих предприятий, то Форд рекомендовал ему именно Sullivan & Cromwell, которые и стали юристами итальянского концерна на американской земле.

Отсюда становится понятным, что А. Печчеи прибыл буквально в первые дни пребывания в Швейцарии Аллена Даллеса в качестве резидента американских разведывательных служб, но не как один из лидеров «Справедливости и свободы», а как доверенное лицо семьи Аньелли. Естественно, что такой корпоративный статус гарантировал Печчеи безусловный приём и максимум внимания со стороны Аллена Даллеса. Вряд ли бы такая встреча произошла в столь сжатые сроки, если бы А. Печчеи действовал по мандату не уважаемого корпоративного клиента, а от имени одной не очень известной на тот момент американцам организации сопротивления. Тем более встреча не состоялась бы в первые дни существования американской резидентуры в г. Берне. Проведя секретную встречу, опять же по понятным причинам, Печчеи не мог раскрывать её детали и своим товарищам по руководству «Справедливости и свободы». Однако, так или иначе, благодаря помощи, пришедшей словно ниоткуда, «Справедливость и свобода» из небольшой локальной структуры превратилась во влиятельную вооружённую силу, вторую по масштабу после коммунистических отрядов, действующую не только в Турине, но и по всему северу и центру Италии.

В самом конце войны и в первые послевоенные месяцы произошли события, которые круто изменили положение Печчеи в компании «Фиат». До них он был ценным, быстрорастущим по карьерной лестнице сотрудником подразделения специальных проектов компании. После же этих событий Печчеи превратился в полноправного члена семьи Аньелли. В итальянские аристократические семьи можно войти не только по праву рождения, но и по причине чрезвычайных заслуг перед старшими членами фамилии, безусловной преданности и самоотверженности.

²¹ Данстен С., Уильямс Д. Серый волк. Бегство Адольфа Гитлера. М.: Добрая книга, 2012.

²² Dean A.H. William Nelson Cromwell 1854–1948: An American Pioneer in Corporation, Comparative and International Law. N.Y.: Ad Press, 1957.

Именно таким образом А. Печчеи и стал полноправным членом одной из старейших гвельфских семей.

Итальянский бизнес имеет характерную черту, заметно отличающую его от компаний других стран мира. Она проявилась уже в XIX веке и продолжает накладывать свой отпечаток на структуры принятия решений и отношений внутри крупнейших компаний и небольших предприятий по сегодняшний день. В Италии как нигде велика роль семейных компаний. Забегая немного вперед, отметим, что «Фиат» до сих пор производит 3% ВВП Италии. Под семейным контролем продолжают находиться более 60% итальянских компаний, котирующихся на бирже. Крупные семейные компании отличаются от других несколькими характерными чертами:

во-первых, в семейных компаниях гораздо в большей степени, чем в обычных акционерных предприятиях, соединены права собственности, владения и повседневного управления;

во-вторых, для таких компаний свойственно наличие долговременной стратегии и её последовательное осуществление. Это связано с тем, что передача активов происходит из поколения в поколение, члены семьи являются не только владельцами, но и обязательно представлены среди топ-менеджмента, а соответственно, одно поколение заботится о деловых перспективах следующего;

в-третьих, такие компании характеризуются высокой адаптивностью к изменяющейся ситуации. Сосредоточение в одних руках функций владения и управления существенно облегчает принятие решений и позволяет эффективно преодолевать бюрократические препоны, свойственные любой крупной акционерной компании;

в-четвёртых, в наиболее эффективных семейных компаниях отлажен механизм принятия в члены семьи особо доверенных лиц из топ-менеджмента или руководителей функциональных подразделений.

Включение в члены семьи означает не только полноправное участие в принятии решений, допуск к подавляющему большинству, а иногда и всем секретам компании, наделение члена семьи не только управленческими функциями и собственностью, но и отношение к чужому по крови человеку как к близкому родственнику, полноправному члену семьи. В связи с этим до эпохи финансиализации, когда всё стали решать денежные ресурсы, которые семейным компаниям аккумулировать труднее, чем обычным акционерным структурам, именно такие компании не только показывали высокую эффективность и устойчивость, но и в Италии, частично в Германии, Нидерландах, и в меньшей степени в Великобритании и Франции, являлись столпами, своего рода несущими конструкциями национальных экономик²³.

Путь Печчеи в члены семьи Аньелли открыли события, развернувшиеся вокруг «Фиата» и его руководства с участием Комитета национального освобождения и военного правительства Италии, которое учредили союзники. А. Печчеи пишет: «Ещё шла война, когда Комитет национального освобождения назначил меня одним из комиссаров компании “Фиат”... Моей первой задачей была организация работ по восстановлению разрушенного промышленного оборудования и возобновление производственной деятельности... Союзники учредили тем временем в Италии военное правительство».

²³ The Crisis of Global Capitalism: Pope Benedict XVI's Social Encyclical and the Future of Political Economy / Ed. by Pabst A. Eugene, OR: Wipf & Stock Pub., 2011.

В первые месяцы после войны в Германии и Италии шли процессы, связанные с люстрацией топ-менеджмента промышленных предприятий, сотрудничавших с нацистами и фашистами. Из многочисленных источников хорошо известно, что и в Германии, и в Италии практически весь крупный бизнес так или иначе сотрудничал с нацистским и фашистским режимами. При этом, правда, в реальной истории, в отличие от пропаганды, такое сотрудничество, а в Германии прямая организация прихода Гитлера к власти сопровождалась серьёзными разногласиями, противоречиями, спорами и даже участием в антигитлеровском движении в Германии и в антифашистском и особенно антинацистском движении в Италии.

Военная администрация союзников в Германии и Италии состояла из представителей США, Великобритании и Франции. При этом ситуации в Германии и Италии существенно различались. Это проявлялось и в отношении судьбы предприятий как материально-технических комплексов, и при решении вопросов о собственности и об управлении заводами. В Италии американские представители, с одной стороны, и британские и французские — с другой, занимали в большинстве случаев диаметрально противоположные позиции. В полной мере это проявилось в случае с «Фиатом». Американцы исходили из необходимости разделения военного и гражданского производства компании с частичной ликвидацией первого и безусловным сохранением второго. Они также исходили из принципа незыблемости частной собственности и выступали за сохранение за семьёй Аньелли и мелкими собственниками всего капитала. Они были достаточно индифферентно настроены по отношению к топ-менеджменту. Британцы и французы предлагали применить к «Фиату» такие же нормы, как к IG Farben или концерну «Юнкерс». То есть попросту ликвидировать «Фиат» как производственно-технологический комплекс, часть оборудования уничтожить, а часть — вывезти в Британию и во Францию в счёт репараций. Владелец «Фиата» предлагалось наказать и лишить собственности, а главных руководителей заключить в тюрьму²⁴.

Различие в позициях было обусловлено отнюдь не последовательным антифашизмом британцев и французов и отсутствием такового у американцев. Здесь действовал универсальный принцип — «просто бизнес и ничего личного». Американские автомобильные корпорации и машиностроительные предприятия не видели в «Фиате» конкурента. Они производили автомобили и типы машиностроительной продукции совершенно иных классов. Что же до британского и французского бизнеса, который в результате Второй мировой войны, в отличие от американского, не заработал, а потерпел серьёзные убытки, то он рассматривал «Фиат» как опасного конкурента, которого следовало уничтожить. И здесь, несомненно, опять пригодились старые связи семьи Аньелли с Sullivan & Cromwell, выходцы из которого заняли серьёзные посты в Госдепартаменте и разведке. Немалую роль, видимо, сыграло также много давнее обоим знакомство А. Печчеи с А. Даллесом.

А. Печчеи описал всё это предельно лаконично: «Мне позвонил представитель союзников и, поблагодарив меня за прекрасное исполнение возложенных обязанностей на “Фиате”, объявил, что во мне более не нуждаются и я должен отстраниться от дел. При этом он добавил, что я могу сам выписать себе чек на сумму, в кото-

²⁴ Bossi S., Spadolini G. Op. cit.

рую оцениваю свои исключительные услуги. Никогда прежде я не слышал такого чисто американского выражения». Мнение американцев решительно возобладало, и «Фиат» как производственную структуру было решено сохранить, за исключением военного производства. Однако оставалась ещё одна проблема. Комитет национального освобождения не хотел восстановления старой администрации на «Фиате». Между тем это был ключевой вопрос. Проблема состояла в том, что Джованни Аньелли, понимая, что к нему могут быть серьёзные претензии в связи с сотрудничеством с Муссолини и предвидя неизбежный проигрыш войны, ещё в 1942 г. сложил свои полномочия в пользу полноправного члена семьи, профессора Витторио Валетта. Однако претензии после войны были предъявлены именно профессору.

После смерти Джованни Аньелли в 1945 г. главой семьи стал его внук Джанни Аньелли. Ему на тот момент было всего 24 года. Прервав обучение в Туринском университете, он отправился воевать танкистом в составе войск Муссолини сначала в Северную Африку, а потом в СССР. Получив на Восточном фронте ранение, он вернулся на родину. Несмотря на то что в последующем Джанни Аньелли был признан одним из самых выдающихся менеджеров второй половины XX века, на тот момент он, по его словам, был совершенно не готов принять на себя управление компанией, поскольку не имел ни малейшего опыта. В этих условиях удаление Валетты с «Фиата» по сути означало переход контроля над заводами от семьи Аньелли в другие руки.

В течение второй половины 1945 – начала 1946 г. шли упорные переговоры между Комитетом национального спасения, а затем правительством Италии, с одной стороны, и представителями семьи Аньелли, которую формально представлял Джанни Аньелли, с другой. Решающую роль в этих переговорах сыграл А. Печчеи. Дело в том, что значительную часть правительства составляли либо его соратники по вооруженной борьбе, либо люди, которых он очень хорошо знал. В результате, несмотря на сопротивление многих итальянских деловых кругов, очень влиятельной Коммунистической партии Италии, британской разведки, сильно представленной на Апеннингах, Печчеи при поддержке некоммунистических левых, христианских демократов, связанных с Ватиканом и американской военной администрацией, удалось вернуть профессора Витторио Валетта на пост первого руководителя компании и предоставить ему карт-бланш по формированию топ-менеджмента и проведению корпоративной политики.

После завершения борьбы за «Фиат» А. Печчеи как полномочный представитель правительства, а фактически лицо, представляющее «Фиат» и в значительной степени интересы Ватикана, возглавил работу по созданию национальной авиационной компании «АлИталия», которая по сей день остается одним из крупнейших европейских авиаперевозчиков. В этой работе он тесно взаимодействовал с интеллектуальным партнером Джованни Аньелли, известным экономистом, к тому времени главой Центрального банка Италии Луиджи Эйнаути²⁵. Самолеты вновь образованной компании передавались за бесценок американцам, и, поскольку план Маршалла к тому моменту ещё не был запущен, Центральному банку было необходимо придумать необычные финансовые инструменты для проведения этой опе-

²⁵ Agnelli G., Castronovo V. La FIAT dal 1899 al 1945. Torino: Einaudi, 1977.

рации. Важность же этого знакомства состояла и в том, что буквально на следующий год Л. Эйнауди стал одним из основателей знаменитого общества «МонтПелерин», которому предстояло сыграть большую роль и в мировом развитии, и в судьбе нашей страны.

Попутно хотелось бы отметить ещё одно ранее неакцентированное обстоятельство. Подавляющая часть персонажей, сыгравших большую роль в жизни Печчеи, получили иезуитское образование. В частности, колледжи и школы иезуитов окончили Джованни Аньелли, Джанни Виторио Валетта и Луиджи Эйнауди. Печчеи учился в школе, которой покровительствовали иезуиты. Печчеи и Джанни Аньелли окончили Туринский университет. Племянник Аллена Даллеса был католическим кардиналом, который курировал все иезуитские университеты в США. Туринский университет был светским учебным заведением и более столетия находился на государственном обеспечении. Правящая до 1945 г. в Италии Савойская династия ранее властвовала в королевстве Пьемонт и Савойя, столицей которого как раз и был Турин. Университет долгие годы спонсировался и опекался Савойской династией. На протяжении всей своей истории она находилась в крайне напряженных отношениях с Папским престолом, и поэтому Ордену иезуитов было важно укрепить влияние Ватикана в Савойе, а потом и в Италии в целом. Кузницей же кадров для итальянской элиты как раз и был Туринский университет. В нём особенно сильны были кафедры, связанные с административным управлением, правом, экономикой и инженерными специальностями. В результате, хотя Университет был светским и финансировался королевской властью, иезуиты, со свойственным им умением обходить запреты и преграды, рекрутировали основную часть профессорско-преподавательского состава и формировали программы. Соответственно, многие выпускники университета, особенно наиболее талантливые, попадали под негласную опеку иезуитов и всю жизнь взаимодействовали с Ватиканом, даже в тех случаях, когда по убеждениям были далеки от традиционного католицизма²⁶.

4

После войны «Фиат», которому удалось выстоять в немалой степени благодаря стараниям А. Печчеи, считался вместе с американской резидентурой, Ватиканом и контролируемым христианскими демократами правительством четвертым столпом власти. В 1948 г. в Италии совместными усилиями крупного промышленного капитала, американской администрации и Ватикана удалось отстранить от власти левое правительство, находившееся под значительным влиянием коммунистической партии, и привести к власти христианских демократов. Им предстояло править долгие десятилетия. Вместе с коммунистами с первых ролей ушли и многие левоцентристы, представители других партий, в большинстве — друзья А. Печчеи. В Италии понадобились новые лица. А. Печчеи отправился покорять Латинскую Америку. Аньелли поставил ему задачу превратить «Фиат» в

²⁶ Prucha F.P. Brokers of Culture: Italian Jesuits in the American West, 1848–1919 // The Catholic Historical Review. Stanford University Press. Stanford, CA. 2010.

крупнейшую автомобильную компанию Латинской Америки. Плацдармом для завоевания была выбрана Аргентина. Выбор страны диктовался целым рядом обстоятельств. Прежде всего, треть населения Аргентины, второй после Бразилии по численности страны Латинской Америки, составляют итальянцы. Отличительной особенностью итальянской диаспоры во всём мире является её сплочённость, сохранение национальной идентичности и тесная связь не только с метрополией, но и с отдельными регионами, например Савойей, Сицилией и др.

Наряду с этим в Аргентине традиционно была сильна католическая церковь. К слову, нынешний папа Франциск — первый иезуит на Папском престоле, всю жизнь жил и служил католической церкви именно в Аргентине. У «Фиата» же, как отмечалось выше, сложились устойчивые, в том числе взаимовыгодные, банковско-финансовые отношения с Ватиканом. Они ещё более упрочились с падением режима Муссолини. Однако этих двух обстоятельств, умноженных на административные таланты и неуёмную энергию Печчеи, было недостаточно для успешной реализации столь амбициозной миссии. Существовали дополнительные факторы, благоприятствовавшие миссии.

В Латинской Америке, в том числе в Аргентине, исторически было сильно влияние США. Особенно оно возросло после завершения Второй мировой войны. Без крепких связей с высшим американским истеблишментом успешно решить задачи реализации крупных инвестиционных проектов в Латинской Америке было просто невозможно. У «Фиата» было по меньшей мере два канала в высшие деловые круги Америки. Во-первых, юридическая компания «Фиата» Sullivan & Cromwell не просто обслуживала крупнейшие американские корпорации, но была сильнейшим лоббистом и поставщиком кадров в администрацию Гарри Трумэна. Достаточно сказать, что старший брат Аллена Даллеса Джон Фостер Даллес, так же как и младший брат, работавший в этой фирме, стал госсекретарём Соединенных Штатов и по сути формировал всю внешнюю политику. Здесь лишний раз А. Печчеигодились знакомства и связи с Алленом Даллесом, стремительно выдвигавшемся на первые роли в американском разведывательном сообществе.

Во-вторых, Джованни Аньелли поддерживал на протяжении всей жизни дружеские отношения с Генри Фордом. «Форд», так же как и «Фиат», хотя и в меньшей степени, являлся семейной компанией. Наследники Генри Форда продолжали поддерживать связи с семьёй Аньелли. «Форд» не рассматривал Латинскую Америку как сколько-нибудь перспективный рынок. Он делал американские машины для Америки — большие и дорогие. При этом у «Форда» были свои мощные связи и в дипломатической, и в военной, и в разведывательной элитах Америки. Соответственно, Печчеи в своей деятельности в Аргентине, а в последующем и в других странах Латинской Америки постоянно чувствовал за собой спину не только «Фиата», Италии и Папского престола, но и Америки, включая не только корпорации, но и разведку, и дипкорпус. Этому в значительной степени способствовала семья Даллес и корпорация «Форд».

Наконец, есть ещё одно весьма деликатное обстоятельство, которое напрочь игнорируется всеми книгами, посвящёнными истории «Фиата», включая его деятельность в Латинской Америке. Естественно, оно полностью отсутствует в книгах Печчеи, а также в работах его биографов и друзей, как например, Д. Гвишиани.

Речь идёт вот о чём. В качестве плацдарма была выбрана именно Аргентина. Этот выбор был обусловлен ещё и тем, что здесь третьей по численности национальной диаспорой были немцы. В связи с этим Аргентина стала одним из основных центров переброски финансовых средств и эвакуации научно-технического, военного и интеллектуального потенциала нацистской Германии. Наиболее полная информация на этот счёт содержится в книге Дж. Фаррелла «Нацистский интернационал»²⁷.

Не будет преувеличением сказать, что в 1940–1950-е гг. ни один крупный проект в Аргентине не мог быть реализован без негласной поддержки нацистов, создавших целые колонии на территории страны. И без того немалое влияние беглых нацистов, ставших добропорядочными городскими буржуа и латифундистами, превратилось в преобладающее с приходом к власти в 1948 г. Хуана Доминго Перона. Вновь избранный президент, который пробыл у власти на протяжении всего срока пребывания А. Печчеи в Аргентине, не скрывал своих пронацистских симпатий. Более того, его доктрина — хустиализм — являлась не чем иным, как калькой с корпоративного государства Муссолини. В этом смысле можно говорить об иронии деловой карьеры Печчеи. Убежденный антифашист и борец с Муссолини выбрал для своей деятельности страну, в которой на протяжении всего времени его работы правил человек, старавшийся реализовать доктрину Муссолини, может быть в более популистском варианте, на латиноамериканской почве.

Особенно сильным влияние немцев было в промышленном центре Аргентины — провинции Кордоба. Именно в ней под руководством Печчеи был в рекордные сроки спроектирован, построен и выведен на проектную мощность крупнейший в Латинской Америке автомобильный завод. Ясно, что Печчеи должен был обладать возможностями как минимум нейтрализовать, а скорее всего, заинтересовать бывших нацистов в крупном амбициозном проекте. Это и было тщательно скрываемое обстоятельство. Без заинтересованности подобного рода Х.Д. Перон, несомненно, ставил бы палки в колёса проекту и его бы не удалось столь быстро и эффективно реализовать. Между тем президент не только не препятствовал, а всячески помогал строительству завода «Фиат» в Кордобе. Более того, хроника того времени сохранила кадры с несколькими визитами Эвиты и Хуана Перона на итальянский завод.

Можно предположить, что Печчеи располагал тремя устойчивыми каналами работы с представителями нацистского интернационала и находившегося под их влиянием Х.Д. Перона. Первый канал, скорее всего, был предоставлен Ватиканом. Ватикан сыграл огромную роль в массовой эвакуации членов нацистской партии и СС, а также капиталов в Латинскую Америку²⁸.

Второй канал А. Печчеи мог получить от А. Даллеса. Канал связан не с тем, что Управление стратегических служб, а затем ЦРУ, которое Даллес возглавил в 1953 г., наследовали значительную часть нацистской агентуры по всему миру и аппарата нацистской внешней разведки во главе с генералом Геленом. Представляется, что Печчеи могли быть предоставлены более ценные связи. Известно, что Даллесы и до

²⁷ *Фаррелл Дж.* Нацистский интернационал. Послевоенный план нацистов по контролю над миром. М.: ЭКСМО, 2011.

²⁸ *Steinacher G.* Nazis on the Run: How Hitler's Henchmen Fled Justice. Oxford: Oxford University Press, 2012; *Goni U.* The Real Odessa: How Peron Brought the Nazi War Criminals to Argentina. L.: Granta, 2003.

и после войны поддерживали тесные отношения с бароном Куртом фон Шрёдером. Он был владельцем банка J.H. Stein. В Третьем рейхе Шредер был известен как личный банкир Гитлера. При этом он представлял в Германии 30 компаний, включая 5 американских, в том числе ITTi Ford. Кроме того, он поддерживал тесные отношения с Рокфеллерами и входил в совет директоров банка банков — Банка международных расчётов в Цюрихе. После войны барон фон Шрёдер по сути избежал какого-либо наказания, а большая часть его клиентов из числа офицеров СС оказалась в Аргентине и зажила новой жизнью²⁹. К. фон Шрёдера связывали к началу 1950-х гг. более чем десятилетние деловые, а отчасти и политические отношения с семьёй Даллес, сформировавшиеся в основном благодаря связям банковских кругов Германии с фирмой Sullivan & Cromwell. Вполне логично предположить, что этот канал сыграл свою роль.

В пользу данной гипотезы говорит тот факт, что в книгах по истории компании «Фиат», на которые даны ссылки ранее, подчёркивается, что в быстром пуске и эффективной работе автомобильного завода «Фиат» в Кордобе большую роль сыграла дружная работа интернационального коллектива топ-менеджеров, инженеров и техников из аргентинцев, итальянцев и немцев. Кстати, попутно надо отметить, что в США не только Даллесы, но и другие вовлечённые в большую политику семьи теснейшим образом сотрудничали с нацистской Германией, фашистской Италией и сделали на этом серьёзные деньги. В качестве примеров можно привести отца президента Джона Кеннеди Джозефа и отца и деда двух президентов США Джорджей Бушей Прескотта Буша.

Наконец — третий канал — можно предположить, что не прошли даром и немецкие связи самого Аурелио Печчеи, наработанные в Китае. Многие из офицеров, работавших в то время в германско-китайской миссии, затем до последних дней служили в вермахте, а часть из них оказались в Аргентине и даже опубликовали воспоминания о своей жизни.

Таким образом, Аурелио Печчеи как никто другой обладал уникальной комбинацией разнообразных связей, лоббистских возможностей и административных дарований. В совокупности они позволили не только запустить крупнейший автомобильный завод в Кордобе, но и заложить строительную площадку ещё более крупного завода в Бразилии, развернуть сбытовую сеть автомобилей «Фиат» по всей Латинской Америке и открыть сеть филиалов других предприятий группы «Фиат». В течение 1950-х гг. «Фиат» превратился в крупнейшую европейскую компанию в Южной Америке. Параллельно с этим Печчеи наработал собственные личные связи с ключевыми фигурами в политических, деловых и военных кругах таких ведущих стран Латинской Америки, как Бразилия, Аргентина, Чили, Перу, Венесуэла и Колумбия.

В 1957 г. Печчеи возвращается в Италию. В своей книге он пишет: «Несколько представителей правительственных кругов, видных промышленников и финансистов предложили мне основать и возглавить инициативную группу, которая бы, обобщив итальянский опыт в области развития, могла в дальнейшем использовать его для помощи развивающимся странам, в особенности тем, которые расположены в Средиземноморье. Все предпринятые к тому времени попытки создать нечто в этом роде закончились неудачно.

²⁹ Данстен С., Уильямс Д. Указ. соч.

Я был абсолютно убежден, что для достижения этой похвальной, благородной цели необходимо, прежде всего, заложить прочные, солидные основы, обеспечить надежную стартовую площадку. И начать нужно с создания уже зарекомендовавшей себя в нынешней международной практике консультативной группы, которая бы состояла из опытных инженеров и экономистов и была уполномочена в тех случаях, когда это окажется необходимым или целесообразным, принимать непосредственное участие в осуществлении тех или иных проектов... Мои предложения были приняты, и в соответствии с ними родилась новая консультативная фирма «Италконсалт», в которой принял участие ряд промышленных и финансовых групп Италии... «Италконсалт» действовал, начиная с 1957 г., более чем в 50 странах мира и стал одной из самых крупных и активных консультативных компаний... Я дал согласие возглавить её в качестве управляющего, наделенного всей полнотой власти, оговорив при этом право сохранить за собой все посты и связи с «Фиатом».

Ключевую роль в возвращении Печчеи в Европу и создании «Италконсалта» сыграл Джанни Аньелли. К тому времени он возглавлял семью Аньелли. В «Фиате» по-прежнему первым лицом оставался Витторио Валетта. Аньелли же постепенно брал на себя руководство неавтомобильной частью бизнеса «Фиата», а параллельно расширял круг тесных дружественных связей с политической, деловой, военной элитой мира. Надо сказать, что Д. Аньелли был не только одним из самых сильных управленцев второй половины XX века, проницательных, умных людей Италии, но и героем светских хроник, любовных историй и газетных репортажей. Чтобы нынешний читатель понял типаж Джанни Аньелли, можно привести мнение, бытующее в современных итальянских СМИ. Всем известного Сильвио Берлускони в Италии называют кто маленьким Джанни Аньелли, кто карикатурой на него. К числу даже не знакомых, а друзей Джанни Аньелли принадлежали такие известные и разные люди, как Джон и Роберт Кеннеди, Шарль де Голль, князь Монако Ренье, Дэвид Рокфеллер, крупнейший германский промышленник Отто фон Америкен и принц Бернхард, кстати, инициатор создания Бильдербергского клуба³⁰.

Прежде чем возвратиться к деятельности «Италконсалта» — несколько слов о принце Бернхарде, одном из инициаторов Бильдербергского клуба. Что до клуба, то речь о нём пойдёт дальше, а пока — о принце, тем более что он сыграл достаточно большую роль в создании консорциума ADELA. Относительно принца существует множество мифов, часть которых создана им самим. Как следствие, неточно расставленные акценты в понимании личности оборачиваются серьёзными искажениями в понимании реальных целей деятельности различного рода организаций, куда он входил. Даже наиболее глубокие, проницательные историки пишут относительно Бернхарда: «Считают, с принца срисовал Джеймса Бонда его приятель, писатель-разведчик Ян Флеминг. Бернхард работал в разведке германского химического концерна IG Farben, по модели которой потом создавали спецслужбы Третьего рейха. Бернгард служил и в СС. Женился на принцессе Нидерландов Юлиане, будущей королеве. Во время Второй мировой выполнял деликатные поручения. В частности, несколько раз от имени Третьего рейха пытался навести мосты между гитлеровским режимом и британским истеблишментом».

³⁰ Friedman A. Agnelli, Fiat and the Network of Italian Power. N.Y.: Dutton Adult, 1989.

До последнего времени информацию о Бернхарде Липпе-Бестерфельде черпали из различного рода слухов, а также его официальной биографии, опубликованной при его жизни³¹. Однако не так давно известный голландский историк-расследователь Аннет Ван Дер Зул опубликовала книгу «Тайная история Бернхарда»³². Как дотошный исследователь историк длительное время провела в архивах и пользовалась, что называется, первичной документацией. В соответствии со стандартами нормальной науки и личной порядочностью Зейл изложила в своей книге результаты изысканий, которые частично бросали тень, а частично, наоборот, вызывали симпатии к покойному принцу.

Как известно, в одном из последних интервью Бернхард, который никогда не отрицал, что короткое время сочувствовал режиму Адольфа Гитлера, сказал: «Могу поклясться на Библии, я никогда не был нацистом». В своей книге историк пишет, что, возможно, принц имел в виду духовную, а не фактическую сторону дела. Факты же говорят о другом. Ей удалось найти в архивах Университета Гумбольдта в Берлине номер членского билета принца Бернхарда в НСДАП. Согласно этому документу, он вступил в партию в 1932 г. и пребывал там до окончания университета в 1934 г. Кроме того, она выяснила, что членом СС, согласно тем же обнаруженным документам, он никогда не был, но входил в отряды штурмовиков, приписанных к университету. Вполне очевидно, что между СС и штурмовиками имеется большая разница как по выполняемым функциям, так и по их исторической судьбе.

Что касается карьеры Бернхарда в IG Farben, то историк опять же развенчала слухи и мифы. В парижском филиале консорциума, куда после окончания университета отправился принц, он, в отличие от А. Печчеи, не имел никакого отношения ни к разведке, ни к спецпроектам. Он там работал в отделе внутренней логистики и департаменте продаж. Такими же мифическими оказались разведывательная деятельность и посредничество между Третьим рейхом и Великобританией в годы Второй мировой войны. Применительно к этому периоду реальный Бернхард оказался гораздо более симпатичным, чем порожденный историческими слухами и мифами персонаж. В самом начале войны Бернхард создал из королевской гвардии, занимавшейся защитой семьи, отряд, который короткое время под его руководством участвовал в военных действиях против нацистов, вторгшихся в Голландию. Затем по требованию королевы Вильгельмины он вместе со всей королевской семьёй эвакуировался в Великобританию, где возглавлял голландскую военную миссию при Объединённом командовании союзников. Более того, неоднократно в ходе войны, будучи опытным пилотом-любителем, он в качестве члена экипажа участвовал в полноценных боевых действиях — бомбил немецкие города.

Возвращаясь к «Италконсалту», нельзя не сказать, что идеи Печчеи намного опередили своё время и до сих пор в каком-то смысле являются ещё не освоенной бизнес-технологией. По сути «Италконсалт» являлся представителем сначала итальянских, а потом ряда зарубежных крупнейших компаний. В этом качестве компания выходила на ключевые фигуры и группы в деловых, административных и политических кругах многих (как следует из воспоминаний — пятидеся-

³¹ *Hatch A.H.R.H.* Prince Bernhard of the Netherlands; an authorized biography. London: Harrap, 1962.

³² *Zijl, van der A. Bernhard.* Een verborgen geschiedenis. Amsterdam: Queridos, 2010.

ти) стран мира. С ними она прорабатывала сферы наиболее эффективных в деловом плане, с одной стороны, и необходимых этим кругам — с другой стороны, направлений деятельности. При этом для повышения политической устойчивости и бизнес-привлекательности выбирались, как правило, проекты, которые имели явный и очевидный для населения страны социальный результат. Затем под эгидой компании разрабатывался инвестиционный проект. А на заключительной стадии соответствующие компании из числа учредителей «Италконсалта» реализовывали этот проект, получая экономические дивиденды, политическое признание и наращивая социальный капитал. В настоящее время учеником и секретарем А. Печчеи в последние годы его жизни, а ныне одним из самых успешных предпринимателей в мире Гюнтером Паули традиции «Италконсалта» были трансформированы в новое бизнес-направление под названием «синяя экономика»³³.

Сегодня по компаниям из стран Западной Европы доступны разнообразные сведения, как правило, начиная с послевоенного периода, а Великобритании — с начала века. Достаточно обратиться, например, к базе Lexis Nexis, чтобы выяснить учредителей любой официально зарегистрированной компании и их изменения за период её существования. Не составляет исключения и «Италконсалт». Исходно учредителями компании стали концерны «Фиат», «Пирелли», конгломерат «Ассенурацо чентрале», ведущие банки и оба главных государственных инвестиционных института. Не менее интересно, что затем в число учредителей «Италконсалта» вошли компании, принадлежащие богатейшим семьям Италии, включая Бенеттонов, Моратти, Геруццо, Бенедетти, Гаронна и Ферраро. Ещё в течение 3–5 лет в состав учредителей вошли компании, принадлежащие богатейшим семьям Испании, а именно Ортега, Рива и Алавесам, а в 1964 г. присоединилась компания «Фольксваген», контролируемая опять же семьёй Печи-Порше.

В итоге можно сделать вывод о том, что под крышей «Италконсалта» была сформирована мощнейшая лоббистско-инвестиционная структура, принадлежащая богатейшим европейским семьям исключительно из католических стран — Италии и Испании. Казалось бы, исключением является концерн «Фольксваген», который расположил свои заводы на северо-западе Германии в традиционно протестантском районе. Однако нетрудно установить, что Печи тоже придерживаются католического вероисповедания, так же как и другая ветвь семьи — Порше.

Несмотря на всю удивительность создания такой координационной и инвестиционной группы, включающей в себя компании, принадлежащие богатейшим семьям, данное образование тем не менее глубоко укоренено в традиции итальянского — и шире — латинского бизнеса. Как показали последние работы, ставшие результатом исследования огромных массивов статистической информации относительно владельцев, топ-менеджмента, хозяйственных связей между компаниями в различных странах, проведённого с использованием изошренного математического аппарата, Италия обладает наибольшим уровнем связанности бизнеса. В переводе с математического на общечеловеческий это означает, что именно в Италии различные группы, семьи наиболее тесным образом связаны между собой³⁴. Несколь-

³³ *Pauli G.* Blue Economy: 10 Years, 100 Innovations, 100 Million Jobs. Brooklyn, N.Y.: Paradigm Pubns, 2010.

³⁴ *Piccardia C., Calatronia L., Bertoni F.* Communities in Italian corporate networks. Milano. Physica A, 2010, http://home.deib.polimi.it/dercole/csr/Piccardi_2010.pdf

ко меньшая связанность характерна для Испании и Англии, затем идут Голландия и Шотландия. Наименьшей связанностью обладают семейные группы из Франции, Северной Германии и Скандинавии.

Об эффективности деятельности «Италконсалта», а соответственно — о кооперации усилий богатейших деловых католических семей Европы, свидетельствуют данные, опубликованные 29.05.2012 г. в газете FT в статье «Top 100 family businesses in Europe». В ней, помимо прочего, приведена уникальная таблица о состояниях и контроле над компаниями применительно к 100 богатейшим европейским бизнес-семьям. Подавляющая часть учредителей «Италконсалта», спустя 50 лет после начала его работы, продолжает входить в список топ-100, а семьи Печи-Порше и Аньелли занимают соответственно первое и второе места в списке.

Неоспоримые достижения А. Печчеи в Латинской Америке и успехи руководимого им «Италконсалта» в странах Средиземноморья побудили в начале 1960-х гг. обратиться к нему американцев. В Латинской Америке в первые годы президентства Д. Кеннеди Америка испытывала колоссальные сложности и проблемы. К историческому недоверию и даже нелюбви к американцам со стороны латиноамериканцев в это время прибавился фактор Кубы. Куба в первые годы своего существования являлась, несомненно, источником надежды, вдохновения и примером для всей Латинской Америки. Причём, как сегодня уже ясно, это относилось не только к обездоленным латиноамериканцам, квалифицированному рабочему классу, инженерно-техническим работникам и всегда оппозиционной интеллигенции, но и к значительной части деловых, правящих и даже военных кругов. Надо иметь в виду, что помимо несомненных успехов кубинской революции и, как теперь принято говорить, неимоверной притягательности её бренда для латиноамериканской элиты значение имел персональный состав руководителей-революционеров. И Ф. Кастро, и Че Гевара были выходцы из верхних слоёв общества. Их родители входили в элиту своих стран, а сами они имели большие разветвленные связи на континенте. К тому же семья Кастро на протяжении XIX и XX веков имела особые отношения с Ватиканом. Символично, что первая и пока единственная встреча папы Римского и патриарха Всея Руси Кирилла прошла в 2016 г. именно на Кубе.

Особенно обострились отношения Латинской Америки и США после провала авантюры с высадкой отрядов кубинских эмигрантов в заливе Кочинос, после чего А. Даллес был вынужден уйти в отставку с поста директора ЦРУ. Несмотря на всю озабоченность разворачивавшимся ракетным кризисом, который чуть не поставил мир на грань третьей мировой войны, администрация Кеннеди и прежде всего её наиболее талантливые мыслители-организаторы, включая Макджорджа Банди, Роберта Кеннеди и Дина Раска, искали пути быстрой и эффективной контригры против СССР и Кубы в «мягком подбрюшьи» Соединённых Штатов — Латинской Америке. Эти идеи в итоге приобрели организационную форму, объявленную президентом Кеннеди как «Союз ради прогресса». Этот союз должен был стимулировать экономические и социальные реформы в Латинской Америке, направленные на модернизацию экономики и ослабление социального недовольства. Соответственно, имелось в виду снизить социальную напряженность в обществе и блокировать воздействие революционной Кубы и опосредованно — Советского Союза. Однако советники Кеннеди были реалистами и отдавали себе отчёт в том, что любая прави-

тельственная программа неизбежно связана с преодолением огромного числа бюрократических сложностей и вряд ли заработает быстро. В этих условиях Банди, который был специальным советником президента по национальной безопасности, решил заручиться поддержкой Конгресса и обратился к влиятельным сенаторам от демократов и республиканцев, — Хуберту Хамфри и Джекобу Джавитсу.

Хамфри был едва ли не ключевым лицом в аппарате демократической партии, который не слишком любил Кеннеди, но подчинялся партийной и государственной дисциплине. Нелюбовь была связана с тем, что он сам был кандидатом в президенты в 1960 г., но его достаточно бесцеремонно убрал с дороги клан Кеннеди. Впоследствии Хамфри был вице-президентом у Л. Джонсона, проиграл президентские выборы Р. Никсону и до последних дней оставался одной из наиболее влиятельных фигур в демократической партии. В 1970-е гг. М. Банди и Х. Хамфри сыграют очень большую роль в создании Международного института системного анализа в Вене, о котором вместе с Римским клубом речь впереди.

Что же касается Джавитса, то помимо того, что он был влиятельным сенатором-республиканцем и мог организовать для поддержки инициативы Джона Кеннеди в Конгрессе своих коллег-республиканцев, сенатор лично хорошо относился к Джону Кеннеди и к тому же долгие годы дружил с семьей Рокфеллер, особенно с Уинтропом и Джоном Третьим.

Как вспоминает Хамфри³⁵, он высказал сомнения в возможности реализовать инициативу «Союза ради прогресса» чисто бюрократическими методами без поддержки бизнеса. Он также вызвался переговорить со своим хорошим знакомым, принцем Бернхардом, который глубоко знал деловых людей по всему миру, умевших работать в рамках государственных программ. Надо отметить, что Х. Хамфри в качестве одного из ключевых американских политиков несколько раз приглашался на заседания Бильдербергского клуба лично принцем Бернхардом.

В своей автобиографической книге А. Печчеи пишет: «Два прогрессивных американских сенатора, Джекоб Джавитс и Хуберт Хамфри, спросили меня, не соглашусь ли я стать во главе проекта по перестройке частного предпринимательства в Латинской Америке». Понятно, что, соединив воспоминания Хамфри со строками книги Печчеи, можно сделать вывод о том, что с подачи принца Бернхарда и по рекомендации его друга Джанни Аньелли Печчеи оказался в Вашингтоне.

Как мы уже убеждались, правильно отражая суть, А. Печчеи часто сознательно менял акценты. В воспоминаниях он утверждает, что два американских сенатора пригласили его организовать «частную компанию». Конечно, для тогдашних итальянских и тем более советских читателей автобиографии Печчеи в этом, возможно, не было ничего странного. Однако любой человек, хоть мало-мальски знакомый с Америкой, американской политической культурой и юридическими нормами, никогда бы не поверил, что два действующих сенатора, да тем более являющиеся ключевыми людьми в своих партиях, обратятся к иностранцу с предложением создать частную компанию.

В реальности дело обстояло совершенно иначе. Джавитс и Хамфри убедили М. Банди и Р. Кеннеди, что чисто государственная инициатива нуждается в бизнес-

³⁵ *Humphrey H. The Man and His Dream 1911–1978. L.: Methuen, 1978.*

поддержке. Затем Джавитс, привлечённый в эту компанию в значительной степени благодаря дружбе с Джоном Рокфеллером Третьим, наверняка с ним посоветовался относительно новой идеи, тем более что у Рокфеллеров в Латинской Америке были большие деловые интересы. Логично предположить, что Рокфеллер, зная негативное отношение к своей фамилии и крупнейшим бизнес-фамилиям США в Латинской Америке, наотрез отказался персонально возглавить этот процесс. Но при этом, как политически лояльный участник команды и деловой человек, он, вполне возможно, обратился к своему бизнес-партнёру и личному другу — всё тому же Джанни Аньелли. Тот, понятно, переадресовал эту инициативу специалисту по Латинской Америке и созданию политико-экономических консорциумов Аурелио Печчеи. Таким образом, Печчеи, скорее всего, получил не одну, а две рекомендации и безальтернативно был предложен Хамфри и Джавитсом на пост разработчика проекта.

Об этом пишет и сам А. Печчеи, если уметь читать не только текст, но и понимать контекст: «Проект... вызвал у меня интерес главным образом по двум причинам. Во-первых, он мог стать пробным камнем для оценки наличного, внутреннего частного капитала в Латинской Америке, который мог быть использован для промышленных операций... Во-вторых, не менее соблазнительной казалась мне возможность изменить неконструктивное и недальновидное отношение многих представителей европейских и американских промышленных и финансовых кругов. Громогласно утверждая, что Латинская Америка совершенно необходима Западу, они тем не менее не решались вкладывать в неё свои деньги... По всем этим причинам я принял на себя руководство проектом, который был столь же североамериканским, сколь и латиноамериканским. Вместе с тем я вовсе не собирался связывать себя с ним на долгие годы. Поэтому было заранее установлено, что мои функции ограничатся разработкой идеи проекта, предварительного общего плана его осуществления и изыскания необходимых для этого финансовых средств. После этого будет назначен директор, который и станет претворять проект в жизнь...

В результате было найдено совершенно новое, удивившее моих американских коллег решение — создать кооперативную инвестиционно-управленческую компанию, в которой были бы объединены корпорации из различных стран (практически полная копия “Италконсалта”. — *И. С.*). Главная цель её деятельности заключалась в мобилизации доброй воли, финансовых ресурсов, инженерной культуры, организационных достижений и научно-технического патентного капитала промышленно развитых стран на развитие частного сектора латиноамериканской экономики... Основная новизна компании ADELA состояла в её корпоративной структуре и статусе коллективного предприятия. Её капитал состоял из относительно небольших вкладов множества крупнейших промышленных и финансовых компаний, которые представляли различные сектора экономики и разные страны — главным образом, Западную Европу, США, Канаду и Японию, к которым позднее присоединилась и сама Латинская Америка».

Таким образом, Печчеи в рамках поддержки инициативы Кеннеди создал своеобразный всемирный «Италконсалт» с теми же лоббистско-инвестиционными и политико-социальными функциями, ориентированный на реализацию деловых проектов, приносящих наряду с прибылью и осязаемые социальные результаты. В своих

воспоминаниях Дж. Джавитс³⁶, который очень гордился инвестиционной компанией ADELA, подчёркивал, что за годы своего существования компания реализовала более тысячи инвестиционных проектов с участием и для поддержки частных предприятий в Латинской Америке и Карибском бассейне. Он также отметил, что в последующем клоны ADELA были созданы для инвестиций в Африке и Южной Азии. Всего в компании приняли участие 242 банка и компаний, включая все, входящие в список «Форчун 500». Главным консультантом ADELA по управлению, который реализовал организационные схемы практического воплощения идей А. Печчеи, стал Питер Друкер. Как известно, это специалист номер один в менеджменте в течение последних 70 лет. За время своего существования ADELA профинансировала более тысячи частных компаний самых различных размеров — от маленьких семейных фирм до промышленных гигантов, практически во всех отраслях экономики³⁷.

В ходе разработки, обсуждения и запуска проекта ADELA А. Печчеи установил или укрепил связи с крупнейшими американскими транснациональными корпорациями, лоббистами, «думающими танками», представителями разведывательного сообщества в Вашингтоне, инвестиционными фондами на Уолл-стрит и в меньшей степени с крупнейшими банками. Из книги, посвящённой деятельности корпорации ADELA, ясно, что главными участниками в ней были инвестиционные, промышленные и торговые структуры. Что же до банков, они с неохотой работали с рисковым и политически неустойчивым регионом Латинской Америки. Поэтому главными финансовыми институтами, с которыми сотрудничала ADELA, были международные некоммерческие банки типа Всемирного банка, Межамериканского банка и проч.³⁸ Последнее крайне важно для понимания многих последующих идей и практических шагов А. Печчеи, связанных с основанием Римского клуба. По сути клуб задумывался Печчеи и стоящими за ними силами как своего рода площадка для обсуждения конвергенционных проектов и идей представителями элит Запада и Востока, капиталистической и социалистической систем. В связи с этим пришло время обратиться к биографии второй ключевой персоны этого клуба — Александра Кинга.

³⁶ *Javits J.K. Steinberg R. Javits: The Autobiography of a Public Man. Boston: Houghton Mifflin, 1981.*

³⁷ *Boyle R., Ross R. Mission Abandoned: How Multinational Corporations Abandoned Their First Attempt to Eliminate Poverty. Why They Should Try Again. Ashland, OH: Robert Ross, 2009.*

³⁸ *Ibid.*

Глава 2

Александр Кинг

1

Прежде чем погрузиться в биографию «второго отца» Римского клуба, британца Александра Кинга, нужно кратко охарактеризовать особенности британской мемуарной литературы. Необходимость эта связана с тем, что основными источниками информации о жизни, событиях, знакомствах и занятиях Александра Кинга являются его мемуары «Пусть кошка перевернётся. Двадцатый век в жизни одного человека»³⁹ и мемуары его старшей дочери Джейн⁴⁰.

Джейн, по мужу Синклер, до выхода в отставку была успешным карьерным дипломатом, специалистом по Советскому Союзу, известным политическим экспертом. Как можно заключить из её мемуаров, в период долгой работы в Москве в конце 1950-х – 1960-е гг. она была также сотрудником МИ6.

Без понимания отличительных черт британской мемуаристики невозможно провести подлинный исследовательский анализ воспоминаний Кинга. Лучшие образцы британской мемуарной литературы, особенно написанные либо аристократами, либо представителями британского истеблишмента, заметно отличаются от книг в подобном жанре, написанных американскими или советско-российскими авторами. Характерная черта американцев — эгоцентричность, сосредоточение изложения на себе любимых. Немалая часть подобных книг пронизана ключевой чертой американского менталитета — стремлением к рассказу о собственных успехах, свершениях и победах. Что касается советско-российских авторов, то здесь, наряду с присущей всем мемуаристам тягой к нарушению заповеди Станиславского относительно того, что нужно любить не себя в театре, а театр в себе, заметную часть мемуаров занимают различного рода оценочные суждения, переходящие зачастую в запоздалое сведение счётов.

Лучшая часть британских мемуаров совершенно иная. Первый план в них занимает описание внешней канвы жизни. Для неё характерно скрупулёзное внимание к атмосфере времени, к, казалось бы, на первый взгляд, малозначимым событиям и деталям, а также подчёркнутое стремление уйти от вынесения каких-либо

³⁹ Кинг А. Пусть кошка перевернётся. Двадцатый век в жизни одного человека. М.: Институт экономических стратегий, 2012.

⁴⁰ Sinclair D. Family memories written in La Negróni. L.: NUP, 2008.

приговоров или воскрешения фимиама. Ещё одной отличительной чертой британских мемуаров, написанных представителями истеблишмента, являются многочисленные лакуны и умолчания относительно важнейших событий времени, в котором жил мемуарист. Они могут страницами описывать подробности своих путешествий и при этом совершенно игнорировать то, чем они занимались не в отпуске, а во время работы в тот или иной период своей профессиональной жизни. Однако британцы — такие же люди, как и все. Соответственно, несмотря на воспитуемые со школы сдержанность и закрытость, в мемуарах тем не менее проскальзывают намёки, проговорки, знаки, которые при внимательном к ним отношении позволяют извлечь крайне важные для исторического расследования сведения. Именно под этим углом зрения мемуары А. Кинга и его дочери Джейн представляют огромный интерес для понимания того, что в действительности лежало в основе проекта Римского клуба и Международного института прикладных системных исследований в Вене.

Для судьбы, жизненной позиции и стиля мышления Александра Кинга большое значение имела его семья и даже более — его происхождение. Прежде всего, хотя Кинг и являлся ярким и заметным представителем высшего британского истеблишмента, и по матери, и по отцу он был шотландцем. Шотландцы и англичане ментально — это два различных, иногда до противоположности народа с разной историей и разными национальными характерами. Для шотландского менталитета характерно, с одной стороны, стремление поддерживать слабую сторону против сильной, что соответствовало их исторической судьбе, а с другой — стремление к прагматичному улаживанию разнообразных противоречий и конфликтов, умение упорно преодолевать трудности. Последнее было связано с относительной скудностью ресурсов Шотландии, её открытости для морских набегов и сухопутной агрессии. Отсюда — необходимость воспитания изворотливости в сочетании с твёрдостью, прагматичности во взаимодействии с непреклонностью в достижении цели.

Отец Александра Кинга был типичным селфмейдменом. Он родился в бедной семье и своей блистательной карьерой обязан исключительно собственному трудолюбию, осторожности и недюжинным интеллектуальным способностям. В воспоминаниях Кинга отмечается, что в первые оставшиеся в его памяти годы семья жила более чем скудно. Однако уже к моменту завершения обучения в школе всё изменилось. Отцу в короткие сроки удалось пройти путь от посыльного до одного из топ-менеджеров концерна «Нобель», а затем, когда А. Кинг поступил в университет, отец стал одним из руководителей крупнейшего британского военно-химического концерна Imperial Chemical Industries.

Мать А. Кинга происходила из аристократической семьи Дойл. Дойлы принадлежали к клану Кинлохов и вели свою родословную от легендарного шотландского короля Брюса. Предки матери Кинга являлись одними из основателей промышленности Глазго, известными промышленниками, судовладельцами и государственными деятелями. Кстати, интересно, что один из предков Кинга создал первое действующее утопическое предприятие в Британии, в котором предприниматель заботился о рабочих, вплоть до предоставления им бесплатных медицинской помощи, образования и т.п. Учеником и наследником этого Дойла стал знаменитый Роберт Оуэн, на которого как на одного из предтеч коммунизма постоянно ссылался Карл Маркс. Несмотря на то что родители первоначально не одо-

брали выбор дочери и рассматривали брак как мезальянс, они были крайне внимательны к внуку и проводили с ним много времени. А. Кинг сформировался в большей степени в семье Дойл, а не Кинлох.

Александр Кинг получил редкий в то время в Англии, и не только, опыт жизни и общения в самых разных социальных слоях, что, несомненно, помогло ему в последующей жизни. Поскольку к моменту окончания школы семья переехала в Лондон и жила уже в достатке, то родители без колебаний одобрили выбор сына в пользу научных занятий. После окончания школы А. Кинг поступил не в престижный университет, с которыми связывались военная карьера, государственная служба, работа в Сити, т.е. не в Кембридж или Оксфорд, а в Лондонский университет. Он славился Королевским научным колледжем с его самыми сильными в Британии кафедрами физики и химии.

Относительно обучения Кинга в университете отметим только, что в это же время и по той же специализации там обучались граф Солсбери, один из будущих руководителей британской разведки, и Генри Астор, представитель наиболее влиятельной аристократической семьи Великобритании тех лет. Кроме того, свой дипломный проект по химии, т.е. по специализации А. Кинга, выполнял барон Виктор Ротшильд, с которым на протяжении большей части своей жизни будет взаимодействовать А. Кинг. После окончания университета Кинг, не слишком озабоченный вопросами текущего пропитания, выбрал не государственную или деловую карьеру, а науку и поступил работать лаборантом, а в последующем — преподавателем химического факультета в ведущем британском научном центре — Имперском колледже. Практически параллельно с началом научной карьеры А. Кинг женится на Саре Томпсон, с которой прожил в браке более 60 лет.

Жена Кинга Салли (Сара) происходила из одного из самых влиятельных богатых и древних шотландских родов — Стивенсонов. Помимо богатства её семья располагала связями практически во всех сферах тогдашнего британского общества. Связями род был обязан в значительной степени женщинам Стивенсонов. У матери Салли было шесть сестёр, а у самой Салли четыре сестры и двое братьев. Хотя сама она всю жизнь не работала и занималась семьёй, а также увлекавшимися её музыкой, скульптурой и живописью, её тетушки и сестры были членами парламента от обеих ведущих британских партий, верховными судьями, женами премьер-министров и ведущих британских военачальников.

Сама Салли отлично знала и общалась, по воспоминаниям своей дочери, с такими колоритными женщинами, как Памела Черчилль-Гарриман, урождённая Дигби, известная как «рыжая ведьма», и Клэр Шеридан, племянница Черчилля, скульптор, подруга одного из руководителей советской разведки Я. Петерса, тесно связанная с французской, британской и советской разведками и др. Весьма необычным оказалось место знакомства молодых людей, а именно Мюнхен. А. Кинг отправился в Мюнхен продолжать своё образование после завершения обучения в Лондонском университете. Выбор места дальнейшей учёбы он объясняет так: «Во-первых, Германия тогда как нельзя лучше подходила для проведения научных исследований. Во-вторых, для меня было немаловажным, что неподалёку от Мюнхена находятся Баварские Альпы. И то, что Мюнхен прославлен своей оперой и музыкой...»

Что касается проведения научных исследований, то в этом отношении в Германии тогда безраздельно первенствовали Гёттинген и Берлин⁴¹. Однако самой Германии в ту пору было вообще не до науки и не до культуры. Страну сотрясала невиданная в Европе гиперинфляция и напряжённейшая борьба между сторонниками Веймарской республики, с одной стороны, социал-демократами — с другой, коммунистами — с третьей и рвущимися к власти нацистами — с четвёртой. Причём Мюнхен как раз и был штаб-квартирой и колыбелью национал-социалистического движения в Германии. Так что вопреки тому, что пишет Кинг, в качестве места углубления научной специализации и приятного времяпрепровождения Германия вообще и Мюнхен в особенности вряд ли были наилучшим местом Европы на переломе 1920–1930-х гг.

О знакомстве с женой А. Кинг пишет: «Мой шотландский коллега обнаружил исключительно хорошие, по его мнению, курсы разговорного немецкого и предложил мне дополнить свой технический словарь повседневной лексикой. Я согласился и пришёл в лекционный зал вместе со всеми. Рядом со мной сидела юная прелестная девушка с рыжевато-золотистыми волосами. Это и была Салли... Она была спокойной, но уверенной в себе и прекрасно образованной девушкой из хорошей семьи с дипломом музыканта. Она приехала в Германию якобы учить немецкий и слушать музыку. Но в действительности она бежала от жизни на нортумберлендских болотах, где водилась знаменитая собака Баскервилей⁴² и было расположено поместье её семьи».

Продолжая обучаться в Мюнхене, вскоре после знакомства Кинг и Салли отправились в весьма экзотическое путешествие в Стамбул. Маршрут путешествия весьма странен, поскольку с 1931 г. у Великобритании были крайне напряжённые отношения с правительством Ататюрка, которое носило ярко выраженный националистический характер и почти поголовно состояло из масонов, относящихся не к британской, а к французской ветви, к так называемой ложе Великий Восток Франции. В итоге молодые люди оказались в числе немногих британцев, посетивших в то время Стамбул без определённой цели и без плотных контактов с турецкими коллегами.

Ещё более удивительным было свадебное путешествие молодой четы. Оно состоялось в 1933 г., вскоре после возвращения из Мюнхена. Молодожёны отправились с туристической поездкой не куда-нибудь, а в Советский Союз. Касаясь причин путешествия, А. Кинг пишет: «Я знал о политической эволюции Советского Союза. Я почитал Маркса немного, но с меня и этого хватило. Однако в начале 1930-х гг., когда всех интересовало, что происходит в этой стране, я лучше других понимал сложившуюся там политическую ситуацию и, безусловно, был захвачен теми событиями».

В Советском Союзе молодая чета две недели провела в Ленинграде. Вот что пишет относительно своей поездки Александр Кинг: «Официальная программа осмотра достопримечательностей заняла у нас немного времени. Мы бродили по городу в течение двух недель, и нам показалось, что Ленинград сохранил все черты Петербурга великих русских Романовых. В действительности, откровенных попыток

⁴¹ Motrelli P. History of Chemical Research in Europe 1914–1939. San Francisco, 1963.

⁴² Ошибка А. Кинга: события повести А. Конан Дойла «Собака Баскервилей» разворачиваются не в Нортумберленде — это север Англии, а на дартмурских болотах, на западе, в Девоншире. — *Прим. ред.*

следить за нашими перемещениями было крайне мало... Отдельной радостью в ленинградской поездке стало общение с людьми. Они приняли нас настолько тепло, насколько это возможно. Общий язык мы нашли без труда. Они не только приглашали нас к себе в гости, но и устраивали нам загородные экскурсии... Несмотря на все трудности, люди, с которыми мы общались, казалось, с оптимизмом и даже эйфорией смотрели в будущее. Они не заводили доктринёрских разговоров, но были преисполнены гордости первопроходцев и словно добровольно терпели все тяготы ради построения лучшего мира. У меня сложилось впечатление — и это самое удивительное впечатление, что у меня осталось, — что этот дух был всеобщим, я ощущал его на улицах как нечто религиозное. С тех пор я только однажды вновь встретил это явление — в Израиле в первые дни его существования. Мы с сожалением уезжали из Ленинграда...».

Но на этом, однако, удивительные контакты молодой четы с Советским Союзом не завершились. В 1935 г. пара совершила путешествие в Лапландию. В ходе этого путешествия произошло удивительное событие: «Мы подошли к берегу так близко, как только было возможно, оказавшись вблизи только что обозначенной границы Советского Союза. Далее мы продолжили путь, естественно без виз, по русской территории, пока нам не показалось, что мы видим перед собой дымящиеся трубы Мурманска. После этого мы вернулись в деревушку Виролахти, откуда на лодке доплыли до Пестамо».

Конечно, по фактам туристических путешествий неправильно делать далекоидущие выводы, тем более что бытующий ныне стереотип, что в 1930-е гг. СССР был «закрытой страной», опровергается многочисленными фактами. Как это ни покажется удивительным, в 1930-е гг. люди, а не организации выписывали иностранные газеты, не обязательно издаваемые коммунистическими партиями, покупали зарубежные книги и слушали радио, выезжали в турпоездки за границу⁴³. В свою очередь, в СССР приезжали десятки тысяч иностранных специалистов в рамках программы индустриализации страны. Поскольку Советской стране нужна была валюта на индустриализацию, активно развивался туристический бизнес с Западом. В 1935 г. только в Ленинграде побывало 9500 иностранных туристов. Из них 26% финнов и 24% немцев. На британцев приходилось при этом менее 5%⁴⁴. Иными словами, за весь год Ленинград посетило около 450 англичан. Причём вполне очевидно, что представителей британского истеблишмента, к которому принадлежали молодожёны, были единицы. Поэтому строки воспоминаний А. Кинга о том, что с ними спокойно общались ленинградцы и отсутствовало наблюдение, не могут не удивлять.

Кинги были далеко не самыми знаменитыми представителями британского истеблишмента, посетившими Советскую Россию. Таковых было немало. Возможно, частичная разгадка загадочных путешествий в СССР состоит в особых отношениях части британского истеблишмента с советской элитой. Хорошо известно, что, посетив Советский Союз в те же 1930-е гг., видные деятели Фабианского общества, на котором остановимся позже, Беатриса и Сидней Вебб оставили блистательные отзывы о Стране Советов. В 1931 г. отмечать своё 75-летие в Москву приехал знамени-

⁴³ Голубев А.В. Если мир обрушится на нашу Республику. Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М.: Наука, 2008.

⁴⁴ Там же.

тый британский драматург, писатель, лауреат Нобелевской премии и видный деятель фабианского движения Бернард Шоу. В поездке его, как это ни удивительно, сопровождала знаменитая леди Нэнси Астор, хозяйка салона, вокруг которого группировались британские финансисты и политики, открывшие путь к власти национал-социалистической партии Германии Гитлера, а в последующем отстаивавшие необходимость подписания с ним договора о тесном сотрудничестве и мире⁴⁵.

Подробный отчёт о поездке Б. Шоу сделал писатель и журналист Генри Дан⁴⁶. В первый же день пребывания в Москве Шоу попросил отвести его в Мавзолей. Ни один иностранец до этого не проводил столько времени у гроба Ленина. Шоу прокомментировал черты, которые он рассматривал: «Чистейший интеллигент!» На это леди Астор ответила: «Он же не пролетарий, он — аристократ». Шоу тут же возразил: «Вы хотели сказать, интеллигент, а не аристократ». На что леди Астор ответила: «Это — одно и то же». И на этом спор закончился. От Мавзолея Шоу пожелал пройти в Кремль. Когда ему показали вид из Кремля на храм Христа Спасителя, который в то время разбирался на части, Шоу воскликнул: «Вы, русские, совершенно непоследовательные революционеры. В Англии Генрих Восьмой и Кромвель в Ирландии сделали гораздо больше, разрушая монастыри и церкви. Вот мы, англичане, действительно, революционеры. А вы — полуреволюционеры».

В последний день перед отъездом Б. Шоу и Н. Астор были приглашены на встречу со Сталиным. Обычно иностранцам Сталин уделял не более 20 минут. Однако на этот раз беседа продолжалась почти два с половиной часа. Уже позднее Б. Шоу рассказывал: «Мы ожидали увидеть русского рабочего, а увидели грузинского джентльмена. Он не только сам был прост, но и сумел сделать так, чтобы и нам было с ним просто. У него хорошее чувство юмора, он вовсе не злой, но и не легковёрный». По возвращении домой Шоу попросили коротко изложить его впечатления. Он ответил: «Сталин — гигант, а остальные политики — пигмеи... Россия наводит в стране порядок, а другие страны лишь валяют дурака. Что касается России и Америки, то в обеих странах существует зло, но если в России оно отсутствует, то в Америке оно наступает».

Несмотря на тесные контакты британского и советского истеблишмента, советско-британские отношения в конце 1920-х – начале 1930-х гг. находились в весьма плачевном состоянии. Их стремительное ухудшение началось в конце 1927 г. после разгрома одной из ключевых компаний мобилизационной сети коммерческих предприятий Разведупра «Аркоса», базировавшегося в Лондоне. После этого на публичном политическом уровне отношения только ухудшались. Этот процесс достиг апогея как раз перед приездом супругов Кинг в Россию в связи с показательным процессом над сотрудниками британской корпорации «Метро-Виккерс». Вот как резюмирует этот процесс автор того времени:

«Товарищ Сталин охарактеризовал вредительство как экономическую интервенцию в народном хозяйстве Советского Союза. Он указывал, что вредительство является неизбежным следствием обострения классовой борьбы внутри СССР, наступательной политики Советской власти в отношении капиталистических элемен-

⁴⁵ Kershaw I. Making Friends with Hitler: Lord Londonderry, the Nazis, and the Road to War. L.: Penguin Books, 2005.

⁴⁶ Dana H.W.L. Shaw in Moscow. N.Y.: The American Mercury, 1932.

тов города и деревни, сопротивления этих последних политике Советской власти, сложности международного положения.

“...Если активность боевой части вредителей, — говорил товарищ Сталин, — подкреплялась интервенционистскими затеями империалистов капиталистических стран и хлебными затруднениями внутри страны, то колебания другой части старой технической интеллигенции в сторону активных вредителей усиливались модными разговорами троцкистско-меньшевистских болтунов насчёт того, что „из колхозов и совхозов всё равно ничего не выйдет“, „Советская власть всё равно перерождается и должна в скором времени пасть“, „большевики своей политикой сами способствуют интервенции“ и т.д. и т.п.” В своей исторической речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. товарищ Сталин предупреждал: “...Вредители есть и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение”.

Разгром шайки шпионов и вредителей из “Метро-Виккерс” нанёс английской разведке большой урон. Из состава агентов “Интеллидженс сервис”, орудовавших в СССР, было 27 человек. Немудрено, что вся английская буржуазная печать подняла в связи с этим неистовый вой. Английское правительство стало на путь угроз и нажима по отношению к СССР, стремясь заставить Советское правительство отказаться от суда над уличёнными и сознавшимися английскими шпионами. Но Советское правительство не испугалось этих угроз. В апреле 1933 года английские шпионы предстали перед Особым присутствием Верховного суда СССР и понесли заслуженное наказание⁴⁷. Этот процесс лежал в русле широкомасштабной борьбы с иностранными шпионами и вредительством.

В дополнение ко всему в 1932–1933 гг. страну постигли неурожаи. А. Кинг пишет: «1933 год стал одним из самых страшных в советской истории — только пушки и никакого масла, всё приносилось в жертву обороне и экономическим задачам; неурожай в Украине и деспотичная политика Сталина вызвали голод и бесчисленные смерти».

С учётом всех изложенных обстоятельств поражает, что Александр Кинг, человек, как явствует из его собственных воспоминаний и воспоминаний дочери, крайне рассудительный, ответственный и серьёзно подходящий к жизни, в 1935 г. спокойно нарушал советскую границу, причём не в одиночку, а с молодой женой, которая только полгода назад родила их первую дочь. Заслуживает внимания и то, что на протяжении всей книги воспоминаний — с первой страницы до последней — А. Кинг называет свою жену Валькирией. Как известно, Валькирии в германосаксонской мифологии — это бесстрашные девы-воительницы. Естественно, возникает вопрос, чему обязана таким наименованием домохозяйка, мать троих детей, пианистка и скульптор. При этом их старшая дочь Джейн в своих мемуарах отмечает спокойный, мягкий и уравновешенный характер матери.

Возможную подсказку побудительных мотивов путешествий супругов Кинг в Советский Союз и близлежащие страны в период 1933–1938 гг. дают воспоминания их старшей дочери Джейн. В своей книге она упоминает, что, поступив в университет, на первом-втором курсах она сильно сомневалась в выборе будущей профессии и всерьёз подумывала, чтобы стать киноактрисой. Ей случалось частенько

⁴⁷ Минаев В. Подрывная работа иностранных разведок в СССР. (Часть первая). М.: Воениздат НКО СССР, 1940.

прогуливать занятия, проводя время на студии знаменитого британского продюсера Александра Корды⁴⁸. А. Корда, по воспоминаниям Джейн, знал её родителей и особенно был дружен с семьями двух её теток, сестёр Салли Кинг. Намёк состоит в том, что Александр Корда, помимо того что был едва ли не самым знаменитым, успешным кинопродюсером своего времени, вхожим в самые верха британского истеблишмента, являлся ещё участником, фронтменом, а при необходимости и источником легальных выплат для знаменитой Организации Z⁴⁹.

2

Организация Z была создана подполковником сэром Клодом Денси, которого многие историки разведки считают основателем самой необычной и одновременно успешной разведывательной сети XX века. Клод Денси не получил сколько-нибудь систематического образования, поскольку был выгнан из элитной школы по подозрению в гомосексуализме. После этого почти 10 лет он героически сражался в Африке, а затем, выйдя в отставку, отправился в США. Ещё во время службы в Африке он подружился с Уинстоном Черчиллем, а попав в Соединённые Штаты, близко сошёлся с одним из наиболее богатых и влиятельных людей в США Томасом Райаном. Про Райана пресса того времени писала, что «его волю в любой момент готовы были выполнить такие люди, как серый кардинал Белого дома полковник Хауз или руководитель избирательных кампаний президента Вудро Вильсона В. МакКопс»⁵⁰. Согласно единственной объёмной биографии, он был своего рода руководителем службы безопасности и советником по особым поручениям при Томасе Райане. В результате он стал одним из основателей знаменитого гольф-клуба на берегу Гудзона, где вместе с ним в совет директоров вошли Джон Джекоб Астор, Перси и Уильям Рокфеллеры, Корнилиус и Франклин Вандерлипы, Оливер Гарриман, сыгравший огромную роль в советско-американских отношениях, и другие столь же знаменитые люди.

Биографы утверждают, что в момент биржевого краха, положившего начало Великой депрессии в США в 1929 г., Денси потерял свои деньги и был вынужден вернуться в Европу и вновь поступить на службу в МИ6. Однако рассекреченные относительно недавно документы⁵¹, касающиеся встреч и финансовых дел К. Денси, заставляют по-другому взглянуть на официальную версию. В материалах приведены купчие на оплаченные в 1930–1931 гг., т.е. уже после биржевого краха, дома, купленные К. Денси для своего друга в фешенебельном пригороде Нью-Йорка, а также виллу в Ницце и дом в Лондоне, оформленные на родственницу К. Денси. Очевидно, что столь дорогостоящие покупки недвижимости в те времена, когда кредиты на недвижимость ещё не стали нормой, могли себе позволить только богатые, а не разорившиеся люди.

⁴⁸ *Drazin Ch. Korda: Britain's Movie Mogul*. L.: I.B. Tauris, 2011.

⁴⁹ *Read A. Colonel Z.: The Life and Times of a Master of Spies*. L.: Hodder & Stoughton, 1984.

⁵⁰ Цит. по: Багаев А.В. Презумпция лжи. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017.

⁵¹ *Aftel O. Organization Z New Materials* // *Intelligence and National Security*. 1995. Vol. 10, no. 2, <https://www.tandfonline.com/action/journalInformation?show=aimsScope&journalCode=fint20>

Возможный ответ, зачем понадобилась такая легенда, содержится в записях секретаря Уильяма Рокфеллера. Согласно этой записи, в 1911 г. Уильям Рокфеллер, брат президента и основателя знаменитых Standard Oil и Citibank, поручил Клоду Денси создать для него частную разведывательную службу. В 1926 г., согласно записям, состоялась встреча Денси с семьёй Рокфеллер. На ней они выразили благодарность за эффективную постановку системы корпоративной разведки и попросили приложить усилия к созданию частной разведывательной сети, которая бы охватила Америку, Европу и Азию.

Как бы то ни было, вернувшись на службу в МИ6, Клод Денси имел продолжительные встречи с Уинстоном Черчиллем и Хью Синклером, главой МИ6. В ходе встреч Хью Синклер сетовал на то, что после разразившегося кризиса правительство резко сократило расходы и на внешнюю, и на внутреннюю разведку, т.е. на МИ5 и МИ6. Сокращения имели по словам руководителя службы, такой характер, что по сути парализовали всю активность британской разведки на континенте, а также резко снизили качество специалистов, привлекаемых к разведывательной работе. По результатам этих бесед и, видимо, памятуя о поручении семьи Рокфеллер, К. Денси создал в течение 1930–1933 гг. уникальную частную неформальную разведывательную организацию. В последующие годы она только разрасталась. С началом Второй мировой войны, совпавшей с провалом собственной сети МИ6 в Западной Европе, она влилась в МИ6, собственно и сформировав всю британскую разведку периода Второй мировой войны и после неё.

Организация Z⁵² от других разведок мира отличалась:

- во-первых, абсолютно неформальным характером. Деятельность организации, включая членство в ней, уровни руководства, функции, задания, нигде письменно официально не фиксировалась;

- во-вторых, к работе в сети привлекались, за редким исключением, представители британского истеблишмента и состоятельные люди, способные полностью финансировать не только собственную разведывательную деятельность, но и деятельность различного рода вспомогательного разведывательного персонала, технических работников, а также выделять ресурсы на осуществление различного рода лоббистских и иных функций, необходимых организации;

- в-третьих, в организацию активно включались молодые люди из хороших семей, учащиеся в британских и европейских университетах и имеющие возможность без подозрений посещать страны с относительно закрытыми режимами типа Германии, Советского Союза, Италии и проч.;

- в-четвёртых, организация вела активную лоббистскую деятельность и осуществляла финансовую поддержку политиков, общественных деятелей, деловых людей, противостоящих угрозам британским интересам в Европе и Америке, а также тех британских политиков, кто выступал против примирения с Германией;

- в-пятых, разведывательная сеть была развёрнута не только против потенциальных врагов и нейтральных стран, но и против союзников. Крупнейший фрагмент сети был создан на американском континенте сэром Уильямом Стефенсоном, изобретателем, миллионером и разведчиком. Помимо Соединённых Штатов и Ка-

⁵² Read A. Op. cit.

нады сеть охватывала Бразилию, Аргентину, Чили, Мексику и другие страны. В ней действовало более 100 человек. Кстати, штаб-квартира сети Стефенсона была расположена в Рокфеллер-Центре.

Через Александра Корду Организация Z частично привлекала новых членов, а частично проводила различного рода финансовые выплаты лоббистского и иного характера, а также оказывала поддержку тем членам организации, которые в ней по тем или иным причинам нуждались. Нетрудно заметить, что поездки четы Кинг пришлись как раз на период начала активного действия Организации Z. Вдобавок они отлично подходили под требуемые организацией характеристики с точки зрения как принадлежности к истеблишменту и наличия качественного образования, так и возможностей совершать разнообразные путешествия — сначала в силу своего студенческого, а потом и научного статуса.

Разумеется, однозначно утверждать о принадлежности Александра Кинга и его супруги к Организации Z нельзя, хотя бы потому, что в ней не велось абсолютно никакой документации. Но, как показывает опыт, несколько косвенных признаков ценнее для распознавания неизвестного, чем один прямой.

3

Вернёмся, однако, к А. Кингу и летописи его жизни. Следующим заметным событием в ней стало его вступление в 1937 г. в новое Фабианское общество. Поскольку данное событие сыграло значительную, если не определяющую роль в судьбе Кинга, есть смысл подробнее остановиться на том, что представляло собой фабианское движение вообще и новое Фабианское общество в частности.

За рубежом и в России многочисленная псевдоконспирологическая литература, рассчитанная на необразованного и маловзыскательного читателя, традиционно связывает фабианцев с мировым правительством, новым мировым порядком, Федеральной резервной системой и даже рептилоидами. Однако в реальности фабианское движение представляет собой серьёзное интеллектуальное, политическое и социально-экономическое явление. Оно начало активно оказывать своё воздействие на мир в начале прошлого века и продолжает это делать по сегодняшний день.

В число наиболее известных представителей фабианства входили британские премьер-министры К. Эттли, Р. Макдональд, Т. Блэр, лорд-канцлер Г. Моррисон, лидеры Лейбористской партии Э. и Д. Миллибенды. У истоков движения стояли министр британского правительства Сидней Вебб и его жена Беатриса, министр во многих правительствах У. Беверидж, всемирно известные писатели Бернард Шоу и Герберт Уэллс. Фабианцами были великий экономист Джон Мейнард Кейнс, выдающиеся ученые Б. Рассел и Э. Резерфорд, организатор науки Г. Тизард и др. Фабианцам сочувствовали такие представители британской финансовой и аристократической элиты, как лорд В. Ротшильд, графы Солсбери и Тоуни и т.п.⁵³

Фабианское движение было основано в 1883–1884 гг. Е. Несбитом, Х. Бланденом, Е. Пизом и др. Исходно они полагали «что социализм создал несправедли-

⁵³ MacKenzie N. The Fabians. N.Y.: Simon & Schuster, 1977.

вое и неэффективное общество, и британская элита должна его реконструировать в соответствии с высшими нравственными возможностями. Для этого необходимо помочь обществу безболезненно, максимально бесконфликтно двигаться к социалистическому обществу»⁵⁴. Однако подлинный толчок фабианству дало сближение фабианцев с кругом знаменитого лорда А. Милнера. Он широко известен как основатель общества «Круглого стола». Оно было создано на деньги знаменитого Сесила Родса, в него входили представители британского истеблишмента. Лорд Милнер, тесно взаимодействовавший с семейством Ротшильдов, с первых дней существования Фабианского общества поддерживал тесные отношения с Беатрисой Вебб и её мужем, в последующем министром колоний Сиднеем Веббом. Ещё до основания Фабианского общества он под патронатом супругов Вебб проводил занятия для рабочих на тему «Сущность социализма». В последующем, уже став одним из самых влиятельных государственных деятелей, в публичных выступлениях он так характеризовал себя: «Я не только империалист до мозга костей, я ещё и не могу стать на сторону тех, кто огульно хает социализм. Признаю при этом, что социализм возможен и в подлой форме, когда против богатства ополчаются просто потому, что ненавидят его, а само учение живёт за счёт разжигания классовой ненависти. Но... есть и благородный социализм. Он рождается не из зависти, не из ненависти, не из милосердия, а из искреннего, прочувствованного, благородного и мудрого понимания того, что такое жизнь всей нации в целом».⁵⁵

Лорд Милнер на протяжении десятилетий состоял в клубе, своего рода интеллектуальном центре и ядре пропаганды фабианского социализма среди британской элиты — Co-Efficients. В число участников клуба входили представители высшей британской аристократии и молодые отпрыски наиболее богатых семей Квадратной мили (месторасположение наиболее богатых банков и финансовых компаний Сити)⁵⁶.

На первом этапе своего существования Фабианское общество выступало за:

- во-первых, введение общественной собственности на землю и недра;
- во-вторых, постепенный выкуп государством крупнейших инфраструктурных предприятий, таких как железные дороги, почта, телеграф, основные морские линии и судопароходные компании и т.д.;
- в-третьих, за последовательное улучшение социально-экономических условий трудящихся и повышение их культурного уровня⁵⁷.

С первых дней существования и до настоящего времени фабианство строго следует стратегии римского полководца Квинта Фабия Максима, в честь которого и названо общество. Суть этой стратегии состоит в том, чтобы не ввязываться в генеральные сражения, не ставить всё на одну карту, а действовать в расчёте на постоянные маленькие победы, которые в итоге обеспечат конечный успех. Такая стратегия Фабия позволила победить превосходящие римлян численно и профессионально силы Ганнибала и нанести ему поражение. Фабианцы были уверены, что подоб-

⁵⁴ См.: *Pease E.R.* History of the Fabian Society; The Origins of English Socialism. L.: Red and Black Publishers, 2008.

⁵⁵ Цит. по: *Багаев А.В.* Указ. соч.

⁵⁶ *Pease E.R.* Op. cit.

⁵⁷ *Родионова Н.А.* Фабианство как феномен общественно-политической жизни Англии: 1884 – середина XX в. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. н. Волгоград, 2008.

ная же стратегия позволит в конечном итоге создать общество благоденствия, или фабианский социализм. Недаром гербом Фабианского общества является черепаха. Правда, исключительно умный и не менее саркастичный Бернард Шоу уже в начале прошлого века предложил заменить герб на изображение волка в овечьей шкуре, однако остальные фабианцы его не поддержали.

С первых же дней своего существования фабианцы, признавая научную ценность экономических трудов Карла Маркса, категорически отвергали его концепцию коммунизма, связанную с классовой борьбой и насильственными революциями. Они утверждали, что, кроме беды и горя, самым же трудящимся этот путь ничего не принесёт. Поэтому долгие годы фабианцы не поддерживали отношения не только с появившимся после Великой Октябрьской революции Третьим интернационалом, но и с социал-демократическим Вторым. Лейбористская партия, по сути, созданная фабианцами, вошла в Социнтерн лишь в 1960-е гг. При этом фабианцы лояльно относились ко многим соратникам К. Маркса. Более того, его дочь Элеонора и её муж, профессор Эвелинг, были активными деятелями фабианского движения⁵⁸.

Заслуживает внимания и тот факт, что при неприятии коммунистической идеологии и практики фабианцы не просто сочувственно, а с поддержкой относились к Советскому Союзу. В определённой степени это связано с тем, что с фабианцами поддерживали тесные отношения видные деятели большевистской партии во время своего проживания в Великобритании. Например, нарком иностранных дел Максим Литвинов познакомился со своей будущей женой — англичанкой — на одном из фабианских семинаров. Фабианкой была и дочь одного из крупнейших банкиров Сити Мей Фриман — жена чекиста Яна Петерса. К руководству фабианского движения, включая супругов Вебб, был близок многолетний близкий друг В.И. Ленина и Л.Б. Красина Ф. Ротштейн, хорошо известный в кругах лондонского Сити. Следует также отметить, что последней книгой, написанной подлинными гуру фабианского движения супругами Вебб уже в весьма преклонном возрасте стала «Правда о Советской России».

Непосредственно перед Первой мировой войной и после её окончания фабианскому движению удалось достичь первых крупных ощутимых результатов. В их число входят создание национальной службы бесплатного здравоохранения, введение минимальной заработной платы и её индексация в зависимости от роста цен, создание системы государственных бесплатных школ и предоставление стипендий в платные высшие учебные заведения для малоимущих слоёв населения и выходцев из рабочего класса и т.п.

Несмотря на видимые общественные успехи, внутри Фабианского общества наблюдался кризис, связанный с отсутствием новых идей. Такую идею выдвинул Герберт Уэллс. Под воздействием бесед с супругами Вебб и лордом Милнером в 1905 г. он опубликовал книгу «Современная утопия», идеи которой писатель углубил и расширил в другой своей работе — «Новый Макиавелли», написанной десятью годами позже. Задолго до Джеймса Бернхема он, по сути, провозгласил революцию менеджеров. При этом понимание революции менеджеров Уэллса было существенно шире, чем у Бернхема. Оно стало основанием для концепции меритократии, т.е. власти достойных.

⁵⁸ MacKenzie N. Op. cit.

Г. Уэллс писал, что капитализм скидывает личностную оболочку и превращается в самодовлеющую сущность. Капиталист, собственник с развитием акционерного капитала и фондового рынка становится больше не нужным капиталу. Главными для эффективного производственного процесса становятся люди нового класса — класса администраторов, высококомпетентных в государственном и корпоративном управлении. Именно от них, по мысли Г. Уэллса, в решающей степени начинает зависеть экономический и технологический процессы, решение социальных проблем общества и, в конечном счёте, переход от капитализма к социализму. К подлинному социализму, считал Уэллс, общество поведут не боевики-революционеры, а меритократы-администраторы.

Базируясь на концепции административного класса, посвятившего себя организации эффективного производства, устройению справедливого общества и поддержке государственного порядка, Уэллс предложил изменить суть Фабианского общества. При всех достижениях этого общества Уэллс назвал его «полусалонным, квартирующим в апартаментах при одном секретаре и одном ассистенте». Вместо этого он предложил создать массовую социалистическую партию среднего класса, ядро которой составят эффективные и нравственные администраторы, а массовую базу — продвинутые специалисты, конструкторы, инженеры из любых отраслей и слои рабочего класса, связанные с техникой и технологиями.

Идеи Г. Уэллса были отвергнуты и тогда он вышел из состава общества. Однако к началу 1930-х гг. руководящее ядро молодой Лейбористской партии взяло, по крайней мере частично, их на вооружение и создало внутри партии новое фабианское движение⁵⁹.

Завершая экскурс в историю фабианского движения, отметим, что в 1945 г., когда в Британии к власти пришло правительство Эттли – Моррисона, более 200 новых фабианцев получили назначения на министерские, руководящие и иные ключевые должности в государственной администрации. В их числе был и Александр Кинг.

Присоединившись к новому фабианскому движению, А. Кинг вскоре получил предложение баллотироваться в Парламент от Лейбористской партии в округе, где он был обречён на победу. Однако, по словам Кинга, «политическая карьера меня не привлекала... Меня интересовало продолжение научной деятельности и участие в экспедициях». Данная аргументация лишней раз подтверждает гипотезу о том, что А. Кинг участвовал в Организации Z.

В 1938 г. под его руководством осуществляется крупная британская экспедиция в северные районы Норвегии на остров Ян-Майен, недалеко от Шпицбергена. Следует отметить, что руководителем формально климатологическо-зоологической экспедицией был назначен специалист в области химии. При этом остров постоянно посещали германские туристические суда. В их скрытую задачу входила подготовка к созданию на острове германской радиометеорологической станции. Как стало в последующем известно, станция должна была наблюдать за передвижениями британского военно-морского флота.

⁵⁹ Родионова Н.А. Указ. соч.

Буквально за два месяца перед войной, летом 1939 г., А. Кинг, преуспевающий исследователь, лектор, автор англо-немецкого словаря по химии, ставшего бестселлером научной литературы, предпринимает неожиданную поездку в Париж для встречи с одним из наиболее загадочных и неординарных людей XX века — Г.И. Гурджиевым. Сам А. Кинг объясняет поездку таким образом: «От своего белорусского друга Николая Губского я был наслышан об интересном и эксцентричном человеке по имени Г.И. Гурджиев — мистике, философе, маге или шарлатане; возможно, он сочетал в себе всё перечисленное. Некоторые из его идей в пересказе Губского показались мне интересными и смелыми. Поэтому... я решил с ним побеседовать, если будет возможно». Самое любопытное в этом фрагменте то, что в данный период времени Г. Гурджиев встречался только со своими ближайшими соратниками из элиты общества и игнорировал любые приглашения, а также письма соискателей встречи с ним. Как пишут газеты того времени и подтверждают биографы, постороннему человеку договориться с ним о встрече было практически невозможно. Однако А. Кинга Гурджиев принял буквально через несколько дней после получения его письма.

В книге Кинг пишет: «Он был очень словоохотлив, разглагольствовал о всевозможных мелочах, произносил общие фразы, хвастался, как быстро добрался из Виши накануне... Это представление... произвело на меня неблагоприятное впечатление, как, без сомнения, и было им задумано. У меня к нему было несколько вопросов, и я хотел получить на них ответы... В конце концов я выпалил: “Всё это очень интересно, но я пришёл сюда не о ерунде говорить”. Он улыбнулся и изменил тактику, начал говорить серьёзно и ответил на некоторые мои вопросы, прежде чем я успел их задать. Словно прочитал мои мысли... Я получил столько впечатлений, что больше не мог их воспринимать и был не в состоянии обсуждать другие вопросы».

В отличие от большинства эзотериков, Георгий Гурджиев и его ученик и продолжатель Пётр Успенский обладали блестящими естественнонаучными знаниями и смогли пройти подготовку в действующих в Центральной Азии и на Ближнем Востоке суфийских школах. При этом оба категорически отвергали поверхностную мистику и спекуляции на эзотерике, подчёркивая, что занимаются не модным в ту пору спиритизмом, а разрабатывают иной тип науки и технологий.

Что касается впечатления, которое производил Гурджиев, то лучше всего на этот счёт написал Пётр Успенский: «Он производил странное, неожиданное и почти пугающее впечатление плохо переодетого человека, вид которого смущал вас, потому что вы понимаете, что он — не тот, за которого себя выдаёт. А между тем вам приходится общаться с ним и вести себя так, как если бы вы это не замечали»⁶⁰. Современная литература о Гурджиеве и Успенском насчитывает сотни томов. Наиболее коротко и точно о Гурджиеве высказался известный российский писатель, предприниматель и антрополог, главный редактор интернет-журнала «Перемены» Глеб Давыдов: «О том, кто такой Георгий Гурджиев и откуда он взялся, ходило множество разнообразных слухов. А он сам не только не опровергал их, но напротив,

⁶⁰ Успенский П.Д. Письма из России. <http://fway.org/onlinelib/78-1919-/467-1919-1.html>

пользовался любым удобным случаем, чтобы подпустить ещё больше тумана. При этом в отличие от авантюристов всех времён и народов он никогда не делал ставки на эти мистификации. Скорее, подобно Дону Хуану (Кастанеде), просто практиковал стирание личной истории».

Несмотря на то что А. Кинг не упоминает о сути заданных им вопросов, тем не менее с высокой степенью вероятности можно предположить, о чём шла речь. Со второй половины 1930-х гг. А. Кинг тесно общался с ректором Имперского научного колледжа, в котором он преподавал, Генри Тизардом, одним из ведущих британских учёных, членом Фабианского общества, другом Уинстона Черчилля. Научные интересы Г. Тизарда простирались далеко за пределы физики и химии. В частности, по поручению У. Черчилля он прорабатывал технологии борьбы с промыванием мозгов, которые, по мнению члена семьи Мальборо, показали свою высокую эффективность в Германии и СССР.

С 1890 по 1915 г. Гурджиев объездил Закавказье, Египет и Ближний Восток, Среднюю Азию, Афганистан, Индию и Тибет. Помимо обучения в суфийских школах и тибетских монастырях, он ухитрился часто оказываться в зонах конфликтов и военных действий и внимательно наблюдал за поведением людей. Успенский в книге «В поисках чудесного»⁶¹ пишет: «О школах, о том, где он нашёл знания, которым, без сомнения, обладал, он говорил мало и всегда как-то вскользь. Он упоминал тибетские монастыри, Читрал, гору Афон, школы суфиев в Персии, Бухаре и Восточном Туркестане, а также дервишей различных орденов; но обо всём этом говорилось очень неопределённо... Он упоминал, что, по убеждению его учителей и личным наблюдениям, кровавым и жестоким военным конфликтам и столкновениям с применением оружия дотоле мирных жителей всегда предшествовала своего рода психическая эпидемия массового умопомешательства и озлобления. Однако, по мнению Г. Гурджиева, это была не какая-то случайная эпидемия, а намеренно вызванный целенаправленным внушением, своего рода массовым гипнозом процесс».

В той же работе П. Успенский пишет, что после серьёзной болезни, связанной с военными действиями, Георгий Иванович Гурджиев принял решение «прекратить всякое применение исключительной силы». В разгар Первой мировой войны он прибыл в Россию, чтобы «любой ценой разрушить в людях склонность к внушаемости, которая заставляет их легко поддавать под влияние массового гипноза»⁶². Как впоследствии говорил Гурджиев своим ученикам, к сожалению, попал он в Россию слишком поздно и в силу ряда непреодолимых жизненных обстоятельств не смог быстро встретиться с нужными людьми.

Сопоставляя круг интересов Г. Тизарда и психотехники Г. Гурджиева по противодействию наведённому эффекту толпы и массовому внушению, не будет большим преувеличением утверждать, что одной из задач встречи было получение от Г. Гурджиева либо устных рекомендаций, либо, возможно, даже материалов, связанных с противодействием массовому промыванию мозгов гипнозу, базирующемуся на предварительной целенаправленной внушаемости населения. Кроме того,

⁶¹ Ouspensky P.D. In Search of Miraculous: Fragments of an Unknown Teaching. N.Y., 1949.

⁶² Ibid.

а возможно, и в первую очередь, Г. Гурджиев был интересен британской правящей элите в грозные предвоенные годы своей едва ли не главной разработкой. Как пишет один из наиболее непредубеждённых и в то же время образованных и интеллектуальных исследователей учения Гурджиева Г. Давыдов: «В принципе, то, что делал Гурджиев с учениками, это универсальный метод лечения болезней (социальных, психических и любых других). А именно — создание управляемого кризиса. Этим средством пользуется, например, экзорцист: изгоняя беса, для начала вызывает его, провоцирует его проявление в пациенте. После того как “бес” вызван, пациента начинает ломать. И вот в этот момент с ним (с “бесом”, с болезнью) уже можно работать, изгонять его. Так было в Средние века, и по сути тем же методом пользуются современные психоаналитики: искусственно провоцируют психическое обострение, в ходе которого анализируют проблемы пациента, и в условиях этого управляемого кризиса пытаются перестроить больную психику. Точно так же можно вызывать и использовать социально-политические кризисы»⁶³.

Несомненно, технология управляемого кризиса, детально разработанная Г. Гурджиевым как для отдельных людей и небольших групп, так и для значительных коллективов и массового поведения, задолго до дилетантских упражнений недоучки Стивена Манна не могла не вызвать пристального внимания со стороны британской разведки и высших политических кругов. Исходя из текста автобиографии А. Кинга, можно сделать вывод о том, что ответы на главные вопросы он получил и, довольный, отбыл в Лондон.

Началась Вторая мировая война, и А. Кинг, как оказалось в последующем, навсегда покончил с академической карьерой. Однако, в отличие от большинства своих коллег по работе, он не был призван в армию. Как пишет сам А. Кинг: «Я тут же записался на обязательную военную службу. Я думал, что мне, как учёному, выдадут униформу, винтовку и отправят охранять склад с химикатами». Однако оказался он совершенно в другом месте, а именно в организации под названием «Военные, разведывательные исследования», которая являлась одним из подразделений британской контрразведки МИ5. Его начальником стал хорошо знакомый Кингу по научной работе, участию в Фабианском обществе и, видимо, по совместной деятельности в Организации Z, барон Виктор Ротшильд.

Несмотря на столь обтекаемое и в каком-то смысле вполне безобидное название, данное подразделение МИ5, согласно недавно рассекреченным архивам, по которым написаны получившие хорошую прессу и высокую оценку профессионалов книги⁶⁴, занималось широким кругом жизненно важных для Британии вопросов. Главной её задачей была борьба с саботажем и выявление германских агентов в военной промышленности, на транспорте, предприятиях связи, в сфере военных, научных исследований и разработок. Кроме того, это подразделение отвечало, как это ни удивительно, за личную безопасность Уинстона Черчилля и ключевых членов его кабинета. Поэтому Натаниэль Виктор Ротшильд был не просто одним из руководителей подразделения МИ5, а по сути стал ключевым человеком в этой организации.

⁶³ Давыдов Г. Гурджиев: танцующий провокатор. <http://www.peremeny.ru/column/view/924/>

⁶⁴ Hennessey T., Thomas C. Spooks the Unofficial History of MI5. L.: Amberley Publishing, 2009; Andrew C. The Defence of the Realm: The Authorized History of MI5. L.: Allen Lane, 2009.

С учётом длительных и плодотворных отношений А. Кинга с В. Ротшильдом есть смысл несколько подробнее остановиться на личности последнего и его семье. При этом мы пока оставим в стороне вопрос относительно обвинений со стороны не только журналистов, но и бывших высокопоставленных сотрудников британской разведки в том, что Виктор Ротшильд был советским шпионом.

Прежде всего надо отметить, что Виктор Ротшильд был не просто близким другом У. Черчилля, но и одним из главных финансистов его избирательных кампаний на протяжении всей долгой политической карьеры⁶⁵. Кроме того, Ротшильд, даже по мнению недругов, выделялся глубокой эрудицией, острым умом и умением находить общий язык с представителями самых различных социальных слоёв, разных национальностей и с людьми, исповедующими различные политические взгляды. При этом так же, как и У. Черчилль, исходно он был весьма негативно настроен к германской военно-политической элите, а сразу же после прихода к власти Гитлера стал его яростным противником. В немалой степени это было связано с тем, что с первых дней прихода к власти Гитлера он начал осуществлять репрессивные действия по отношению к немецкой, а затем и австрийской ветвям семьи Ротшильд. Вдобавок ко всему Виктор Ротшильд был убеждённым сионистом, т.е. сторонником возврата евреев на исконные земли и создания государства Израиль.

Близкие отношения В. Ротшильда с Черчиллем привели, в частности, к тому, что именно его подразделению было поручено обеспечивать безопасность премьера, включая такую, казалось бы, мелочь, как проверка пищи, которую подавали главе правительства. Первая жена В. Ротшильда на протяжении второй половины 1930-х гг. и в течение войны входила в узкую политическую команду премьер-министра. Во время войны Ротшильд в рамках МИ5 руководил охраной научно-технических секретов Великобритании и контактами со спецслужбами США по научно-технической линии, включая атомную программу. По этому направлению работы в течение всей войны он в ежедневном режиме взаимодействовал с А. Кингом.

С приходом к власти в 1945 г. лейбористов Ротшильд из начальника А. Кинга в административном плане превратился в его подчинённого, возглавив Научный совет в сфере сельского хозяйства и пищевой промышленности. Казалось бы, на первый взгляд это была малозначительная должность. Однако на самом деле дело обстояло ровно противоположным образом. Великобритании Вторая мировая война, несмотря на победу, далась крайне тяжело во всех смыслах. Наряду с другими сложностями в стране оказались разрушенными логистические цепи и системы производства продовольствия. В результате карточная система в стране была отменена значительно позже, чем в подвергшемся ужасающим разрушениям Советском Союзе. Поэтому Научный совет Ротшильда отвечал за поиск внутренних резервов производительности и скорейшее восстановление довоенного уровня производства продуктов питания в стране. Из-за тяжёлого финансового положения Великобритании не могла после войны импортировать продовольствие даже из своих колоний в привычных довоенных размерах. Кроме того, значительная часть продо-

⁶⁵ *Rose K. Elusive Rothschild: The Life of Victor, Third Baron. L.: Weidenfeld & Nicolson, 2003.*

вольствия по бросовым ценам уходила американским ТНК в счёт оплаты поставок по ленд-лизу, которым Британия, как и СССР, пользовалась в широких масштабах.

Вслед за Научным советом Ротшильд, наряду с работой в руководстве крупнейшей нефтяной компании Royal Dutch Shell, долгие годы и даже десятилетия выступал ключевым советником по науке британских правительств независимо от их партийной принадлежности. На этом посту он также взаимодействовал с А. Кингом. Более того, после ухода последнего в структуры плана Маршалла Ротшильд руководил осуществлением реформы британской прикладной науки и приближением её к потребностям бизнеса. Не порывал он и тесных связей с разведкой. В частности, Ротшильд возглавлял комиссии по расследованиям ряда крупных внешнеполитических инцидентов, а также координировал работу британских спецслужб и Мосссада по поимке нацистских преступников по всему миру и особенно в Латинской Америке. Этому в немалой степени способствовал тот факт, что, будучи убеждённым атеистом, Виктор Ротшильд, как уже указывалось, на протяжении всей жизни активно выступал за создание государства Израиль. По данному вопросу серьёзно расходился во мнениях не только со значительной частью британского истеблишмента и высшей аристократии, но и с членами своей семьи. Традиционно британские Ротшильды поддерживали идею максимальной ассимиляции евреев в стране проживания. В рамках этой позиции они всемерно спонсировали, например, американский «Джойнт», который с момента образования и вплоть до завершения арабо-израильской войны 1947 г. достаточно явно и последовательно выступал за ассимиляцию евреев в странах проживания и конкретно США, странах Британского Содружества наций и др. и против образования Израиля и сионистского движения.

Следует отметить, что ещё до войны Виктор Ротшильд унаследовал место в Палате лордов британского парламента от своего дяди Уильяма. В Палате он являлся одним из немногих лордов-лейбористов. Вместе с местом в Палате лордов он унаследовал роль негласного главы семьи Ротшильд. Во время войны наряду — а более точно сказать, в рамках своей разведывательной деятельности он осуществлял эвакуацию французских, германских и частично австрийских Ротшильдов в Канаду и Соединённые Штаты Америки. Вместе с ролью главы семьи Виктор унаследовал и роль теневого руководителя финансовой империи Ротшильдов, прежде всего — их лондонского банка. Вследствие нацистской оккупации австрийский банк Ротшильдов был обанкрочен, а деятельность французских финансовых структур приостановлена. Впоследствии Виктор Ротшильд выступал арбитром в спорах внутри семьи между следующими поколениями молодых Ротшильдов, отстаивая необходимость новой консолидации различных её ветвей. В немалой степени именно под его влиянием в настоящее время лидирующие позиции в семье Ротшильд занимают представители не британской, а французской ветви семьи, а её лидер Дэвид Рене Ротшильд является главой дома Ротшильдов.

Поскольку сквозной темой данной работы является анализ межэлитного взаимодействия, нельзя на примере Ротшильдов не рассмотреть некоторые глубоко укоренившиеся не только в общественном мнении, но даже в экспертном сообществе убеждения и позиции. Как это ни удивительно, место той или иной семьи или клана в мировых иерархосетевых структурах связывают главным образом с размерами состояний. Поэтому вопрос об активах, находящихся в распоряжении извест-

ных всем элитных кланов, относится к числу наиболее обсуждаемых не только на уровне «пикейных жилетов», но и в среде профессиональных аналитиков и научных конспирологов.

Особенно достаётся в этом плане, естественно, Рокфеллерам и Ротшильдам как наиболее известным, активно действующим семьям мировой элиты. Относительно активов, находящихся в собственности семьи Ротшильд, высказываются различные мнения. Например, Г. Росс, бывший офицер военной разведки, промышленный консультант международных проектов и писатель, в своей весьма популярной в Америке книге написал, что, «по имеющимся у него сведениям, в 1998 г. богатство семьи Рокфеллер составляло 11 трлн. долларов, а Ротшильдов — 100 трлн. долларов»⁶⁶. Эти цифры с лёгкой руки американских конспирологов стали восприниматься в англоязычном интернете как данность и были широко и некритически растиражированы. Гораздо более сдержанны и основательны российские исследователи. Например, А.И. Фурсов высказывает такую точку зрения: «Рейтинги мировых супербогачей “Форбс”, Блумберга и прочие — “Это, рыжий, всё на публику!”, как пел Галич. Ну что такое 60–70 миллиардов Гейтса, Баффета? Главные богатства — семейные, копившиеся веками. Совокупное состояние Ротшильдов, по самым скромным оценкам экспертов, зашкаливает за 3,2 триллиона долларов. Но точно никто не знает. Не для того они столетиями наживали состояние, чтобы его светить. В 1818 г. банкиры Ротшильды впервые нагнули европейские правительства. Весь XIX век считались самой богатой семьёй планеты.

У Рокфеллеров вроде бы на триллион поменьше. Основатель династии Джон — первый официальный долларовый миллиардер планеты. И самый богатый человек, живший на земле. Журнал “Форбс” оценил его тогдашнее состояние в 318 миллиардов долларов по курсу на конец 2007 года. Сравните с Гейтсом, Баффетом, Слимом... Нищета. Заявления, что богатства, влияние Ротшильдов и Рокфеллеров остались в прошлом — чистая наивность или сознательная ложь. Однако не будем демонизировать оба семейства»⁶⁷.

Внимательнейший анализ открытых и закрытых публикаций, касающихся размеров состояния семьи Ротшильд, авторами которых являются признанные, авторитетные и известные консультативные, финансовые и иные компании, позволил выйти на небольшую консультативно-аутсорсинговую компанию Cargemini. Компания известна тем, что является своего рода зонтичным юридическим лицом для нескольких коллективов, включающих бывших высокопоставленных офицеров спецслужб различных стран, известных международных юристов, специализирующихся на фондах и трастах, аудиторов со сходной направленностью и т.п. По заказам различного рода банков, инвестиционных институтов и международных правительственных и неправительственных организаций компания выполняет различного рода исследования, связанные, как правило, с размерами богатства верхнего 1% населения различных стран.

В частности, ежегодно она подготавливает и выпускает «доклады о мировом богатстве». В 2011 г. по заказу компания подготовила закрытый доклад о старых семей-

⁶⁶ *Ross G.R. Who's Who of the Elite: Members of the Bilderbergs. Council on Foreign Relations & Trilateral Commission, Texas: R I E. 2000.*

⁶⁷ *Фурсов А. Ротшильды и Рокфеллеры — застрельщики мировой антилиберальной революции // Комсомольская правда. М., 3.06.2013.*

ных состояниях, включая клан Ротшильдов⁶⁸, с некоторыми фрагментами которого удалось ознакомиться. Согласно докладу совокупные чистые активы, принадлежащие в настоящий момент семье Ротшильд, находятся в диапазоне между 300 млрд. и 400 млрд. долларов. Достаточно внушительный размер диапазона, согласно авторам доклада, связан с тем, что практически все конечные холдинговые компании расположены в юрисдикциях, которые хотя и не относятся к офшорным, но предполагают особый режим отчётности и раскрытия бенефициаров для трастов и фондов.

Такую же оценку состояния даёт и известный историк, общественный деятель и политик Нил Фергюсон, автор популярного двухтомника о семье Ротшильд⁶⁹. Дополнительную весомость его мнению придаёт дружба Фергюсона с Дэвидом Ротшильдом-младшим, известным экологом, путешественником, инициатором проекта применения криптовалют для нужд сельских общин Бразилии, будущим вероятным главой клана Ротшильдов.

Как это ни покажется странным, определённую оценку благосостояния Ротшильдов и других ключевых кланов можно дать исходя из открытых публичных данных. С одной стороны, такая возможность обусловлена включением в оборот огромных массивов сведений, удобно агрегированных для анализа. С другой стороны, в экономике в течение последних примерно 100–150 лет действуют, что называется, «железные» эмпирические закономерности. Их следует отличать от экономических законов, поскольку они не пытаются объяснить то или иное экономическое явление, а лишь фиксируют его в количественной форме.

Для анализа элитных групп ключевое значение имеет степенной характер распределения доходов, прослеживаемый на протяжении чрезвычайно длительных периодов времени. Ещё более удивительно, что практически не меняются и количественные показатели этого степенного распределения, что позволяет относить его к классу квазиустойчивых. Если формулировать эту мысль на понятном языке, то данная закономерность получила название Закона Матфея, по имени одного из евангелистов, который написал, что «деньги стремятся к деньгам». Следует отметить, что в отличие от природных, физических явлений, для которых характерно нормальное гауссово распределение, для социально-экономических процессов и явлений в подавляющем большинстве случаев действуют законы степенного или негауссова распределения с так называемыми «длинными» хвостами⁷⁰. Что же касается условной устойчивости коэффициентов распределения доходов, то это блестяще показал на поистине необозримом документальном материале автор едва ли не главного экономического бестселлера 2014 г. Тома Пикети⁷¹.

Базируясь на изложенных выше исходных принципах, рассмотрим несколько агрегированных показателей, полученных из достоверных источников. Согласно журналу *Forbes*, совокупные показатели 2000 крупнейших компаний составляют

⁶⁸ Aldrich N. *Old Money: The Mythology of Wealth in America*. N.Y.: Alworth Press, 1997; Tennant Chr. *The Official Filthy Rich Handbook*. N.Y.: Workman, 2008.

⁶⁹ Ferguson N. *The House of Rothschild*. L.: Penguin, 1999. Vol. 1: *Money's Prophets: 1798–1848*; Ferguson N. *The House of Rothschild*. L.: Penguin, 2000. Vol. 2: *The World's Banker: 1849–1999*.

⁷⁰ Хайтун С.Д. Количественный анализ социальных явлений: проблемы и перспективы. М.: КомКнига, 2010.

⁷¹ Piketty Th. *Capital in the Twenty-First Century*. L.: Belknap Press, 2014.

36 трлн. долларов выручки и 2,64 трлн. прибыли. Они управляют активами в 140–150 трлн. долларов и оцениваются рынком в 30–40 трлн⁷². Для наших расчётов важны несколько цифр: капитализация компаний — 40 трлн. долларов, доля компаний в мировом ВВП — чуть меньше 50%, коэффициент контроля, рассчитываемый как соотношение капитализации к сумме управляемых активов для всей совокупности компаний, составляет 1:4, а для финансовых компаний и банков этот коэффициент или мультипликатор достигает в настоящее время 1:10 – 1:12 (без учёта деривативов).

Далее, пользуясь результатами ставшего знаменитым исследования швейцарских учёных из Цюрихского технологического университета⁷³, можно сделать вывод о том, что внутри этих 2000 компаний существует группа связанных между собой взаимодействием и взаимозависимостью различной степени 147 юридических лиц, в первую очередь банков и других финансовых институтов, контролирующих в значительной степени все эти компании. Это так называемое суперъядро мировой экономики. На суперъядро приходится 90% управляемых активов и 60% мировой выручки. Логично предположить, что господствующие семейные кланы как раз и являются мажоритарными владельцами и миноритарными акционерами именно этих 147 юридических лиц.

При этом необходимо иметь в виду, что старые семейные кланы являются отнюдь не единственными консолидированными экономически господствующими элитными субъектами. Наряду с ними к таковым можно отнести молодые семейные группы, консолидированные предпринимательские группы, образовавшиеся на иной, нежели семейной или родовой основе, а также профессиональные управленческие компании, оперирующие различного типа консолидированными мелкими распределёнными капиталами и частными сбережениями.

Наконец, для наших расчётов необходимо понимание размеров совокупного богатства. По данным отчёта Global Wealth Report от швейцарского банка Credit Suisse, всё мировое богатство по состоянию на середину 2013 г. составляло около 241 трлн. долларов. Эта сумма складывается из стоимости недвижимости, всех материальных, финансовых, интеллектуальных активов и другого ценного или оцениваемого имущества за вычетом долгов и кредитов⁷⁴.

Что же касается верхушки мировой пирамиды богатства, то она характеризуется следующими данными. Число миллионеров в мире за 2013 г. увеличилось на 8–10% и достигло 12 млн. человек, при этом их совокупное состояние составило 46,2 трлн. долларов. Первое место по количеству миллионеров занимает Северная Америка. Об этом сообщается в новом ежегодном докладе о мировом благосостоянии «World Wealth Report 2013», подготовленном консалтинговой компанией Capgemini для финансовой компании RBC Wealth Management⁷⁵.

Наконец, при расчётах нельзя не учитывать тот прискорбный факт, что, судя по множеству свидетельств, по крайней мере, некая часть мировой элиты причастна к наиболее высокодоходным видам преступного бизнеса, включая наркоторговлю,

⁷² Рейтинг Forbes: 2000 крупнейших компаний мира. Forbes. 19. 04. 2012. <http://www.forbes.ru/stil-zhizni-slideshow/81417-reiting-forbes-2000-krupneishih-kompanii-mira>

⁷³ Vitali S., Glattfelder J.B., Battiston S. The Network of Global Corporate Control. <https://arxiv.org/pdf/1107.5728.pdf>

⁷⁴ <https://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/?fileID=BCDB1364-A105-0560-1332EC9100FF5C83>

⁷⁵ <https://www.worldwealthreport.com/>

торговлю оружием, работорговлю, бизнес, связанный с запрещёнными биотехнологиями, производством фармакологического контрафакта и т.п.

Чтобы оценить совокупные масштабы «чёрного» бизнеса, можно опереться на доклад директора ФСКН России В.И. Иванова, сделанный в одном из главных мозговых центров Американского разведывательного сообщества и Госдепартамента Center for Strategic and International Studies (CSIS). На конференции он сказал: «В период глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. в крупнейшие банки мира для устранения критического дефицита ликвидности было вброшено около 352 млрд. наркодолларов, которые затем пошли на межбанковские заимствования. И дело здесь не в отдельных банках, а в устройстве всей финансовой системы в целом. Она уже не может обходиться без вкачивания в неё “грязных денег”. В ходе обсуждения доклада на конференции объёмы мирового наркотрафика были оценены в 800 млрд. долларов ежегодно. По сути это рынок, который по своим денежным объёмам равен ежегодному обороту нефти». Общий же объём элитного грязного бизнеса, который так или иначе проходит через ведущие мировые банки, оценён на конференции с участием В.И. Иванова в 3,5–4 трлн. долларов в год. Следует иметь в виду, что это чистые наличные деньги, которые по отношению к налогооблагаемому безналичному обороту обладают значительным мультипликативным эффектом, оцениваемым разными экономистами и экспертами в диапазоне от 1:5 до 1:9.

Принимая во внимание приведённые выше данные, используя итоговые расчёты Пикетти и исходя из квазиустойчивого степенного распределения богатства, можно с высокой степенью вероятности сделать вывод о том, что в настоящее время в мире существует от 25 до 50 семейных кланов с активами от 100 млрд. до 700 млрд. долларов, причём у 5–12 семей активы близки к 500–700 млрд. долларов.

В заключение математических упражнений в области элитного благосостояния необходимо сделать две чрезвычайно важных ремарки. Во-первых, в эпоху финансовой глобализации более значительную роль, чем собственность, играет контроль. Сообразно с этим даже собственность в 100 млрд. долларов позволяет в конечном счёте в той или иной степени контролировать финансовые активы, близкие к 900 млрд. долларов, и иные виды активов, близкие к 400 млрд. долларов. Соответственно, для семейных состояний порядка 500 млрд. долларов получается оценка контроля соответственно на уровне 4,5 трлн. для финансовых средств или примерно 2 трлн. для иных видов активов. Учитывая, что, без сомнения, Ротшильды входят в число искоемых 5–12 семей, и исходя из того, что их богатство примерно поровну поделено между финансовыми и иными видами активов, полученная в результате расчётов оценка в размере примерно 3,1–3,4 трлн. долларов контролируемых Ротшильдами активов практически совпадает с точкой зрения, высказанной А.И. Фурсовым.

Во-вторых, только при исследовательской деятельности и аналитической работе экономика, политика, социальная сфера и повседневная личная жизнь являются чем-то отдельным и обособленным. В реальности имеет место одна единственная человеческая жизнь, заполненная деятельностью⁷⁶. Поэтому для элитного анализа важны не сами по себе размеры чьего-либо состояния, а гораздо более широкие вещи, связанные с практической деятельностью элитных групп. Пользуясь наи-

⁷⁶ Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Изд-во политической литературы, 1991.

более результативным на сегодняшний день подходом к человеческой деятельности, базирующимся на теории целесообразных функциональных систем, разработанной школой К. Анохина⁷⁷, можно выделить три ключевых блока любой деятельности. Прежде всего, это правильная постановка цели, опирающаяся на опережающее прогнозирование, по возможности полный учёт направленности процессов и потенциала ситуации и трезвое понимание собственных возможностей и ограничений. Затем решающее значение имеет эффективность самой активности, зависящая от согласованности и чёткости работы всех компонентов системы, вовлечённых в ту или иную деятельность. Наконец, кристально понятно, что при прочих равных условиях достижение цели тем проще и тем возможнее, чем большими ресурсами располагает система.

Если перевести изложенное с языка функциональных систем на язык элитного анализа, то обнаружится, что могущество элитных групп и их коалиций зависит от трёх ключевых компонентов:

- ресурсной базы в виде собственных и контролируемых сторонних активов;
- имплицитных, латентных, т.е. неотчуждаемых, неотделимых от субъекта знаний, навыков, опыта и т.п.;

- и наконец, власти, которая является своеобразным аналогом функциональной системы. Причём власть понимается не только в виде привычного иерархического господства, но и всей гаммы властного инструментария — от, что называется, голы силы или насилия до мягкого, зачастую незаметного, базирующегося на неуловимых нюансах и связях влияния.

В этом смысле уникальной особенностью семейно-клановых старых элитных групп, типа Барухов, Ротшильдов, Валленбергов, Турн-и-Таксисов, Рокфеллеров и т.п., отличающей их от других элитных субъектов, типа молодых семейных групп, предпринимательских паттернов и структур управления распределёнными активами, является органическое сочетание всех трёх важнейших компонентов эффективной деятельности во всём её разнообразии и непредсказуемости.

6

Теперь после длительного, но совершенно необходимого экскурса в математику элитного богатства вернёмся к судьбе Александра Кинга. В 1942 г. Виктор Ротшильд получил дополнительную нагрузку — взять на себя руководство борьбой с саботажем в Великобритании и доминионах, а Александру Кингу позвонил сэр Генри Тизард, который был его руководителем в качестве ректора Имперского научного колледжа, где А. Кинг работал преподавателем, а также по Фабианскому обществу. Будучи не только одним из наиболее известных в мире британских учёных, но и профессиональным коммуникаторщиком, Тизард был уполномочен Черчиллем посетить Соединённые Штаты с миссией по передаче американцам наиболее передовых британских военных технологий. Надо сказать, что для британцев это был вынужденный шаг, поскольку, будучи наряду с Гер-

⁷⁷ *Судаков К.В., Кузичев И.А., Николаев А.Б., Щелканов В.И.* Эволюция терминологии и схем функциональных систем в научной школе П.К. Анохина. М.: URSS, 2010.

манией несомненным лидером научно-технического прогресса того времени, они из-за полной мобилизации экономики на военные нужды были лишены возможности проводить полноценные НИОКР, и тем более организовать промышленный выпуск новой военной продукции. По этим причинам Г. Тизард посетил Соединённые Штаты с тем, что в последующем вошло в учебники и энциклопедии под названием «Миссия Тизарда». В ходе визита он передал американцам всю необходимую документацию по наиболее передовым в мире радиолокационным системам, лампам и аналоговым устройствам, без которых было невозможно создание появившихся в годы войны первых компьютеров, уникальных прицелов для бомбардировщиков, а также сообщил о том, что у британцев имеются большие наработки по атомному оружию. Американцы, естественно, с удовольствием приняли полученные ноу-хау и решили направить в Великобританию собственную делегацию. Перед ней была поставлена задача — провести инвентаризацию всех британских военных ноу-хау и отобрать те из них, которые наиболее интересны Соединённым Штатам.

Выбирая между различными кандидатурами, которые могли бы возглавить работу с британской стороны, Г. Тизард остановился на кандидатуре Александра Кинга. Кинг вспоминает, что в ходе разговора Г. Тизард сказал: «Если возьмёшься показать им все испытательные центры, то лучше всех будешь представлять масштаб и объём наших национальных военных и технологических программ». А. Кинг с успехом справился с порученной ему задачей и в конце 1943 г. был направлен в США в качестве руководителя так называемого Центрального научного управления по взаимодействию Великобритании и США в области военных научно-технических разработок.

Наряду с передачей американцам британских ноу-хау и максимальной помощи им кадрами, особенно в части Манхэттенского проекта, на организацию была возложена и функция научно-технической разведки. А. Кинг вспоминает: «В наши функции входил сбор информации обо всех военно-экономических мероприятиях, новых американских разработках и изменениях политического курса. Мы должны были вовремя, т.е. как можно скорее сигнализировать о них в Лондон и сообщать информацию соответствующим правительственным ведомствам или людям».

В процессе работы А. Кингу удалось установить доверительные личные отношения с такими влиятельными в американской администрации людьми, как главный советник Рузвельта по науке Вэннивар Буш; руководитель Управления стратегических служб (предшественник ЦРУ) Билл Донован; Кэрил Хэскинс, впоследствии многолетний президент фонда Карнеги; Уоррен Уивер, директор Рокфеллерского фонда, человек, входящий в узкий внутренний круг семьи Рокфеллер; руководители многих американских промышленных корпораций и др. Практически со всеми А. Кингу удалось наладить доверительное личное взаимодействие, которое поддерживалось долгие годы. В своих воспоминаниях дочь А. Кинга Джейн упоминает, что много лет у них в Британии, а затем во Франции, в Провансе, в их доме в Ля Мегрони, гостила и отдыхала семья знаменитого физика Джона Уилера, инициатора создания самой мощной научной консультативной группы американского правительства, из которой в последующем выросли знаменитые DARPA и IARPA, а также Институт сложности в Санта-Фе.

Нельзя не подчеркнуть, что деятельность в Соединённых Штатах позволила А. Кингу получить признание умелого администратора, высококлассного аналити-

ка и превосходного коммуникатора, умеющего сводить в единое целое столь разнородных по менталитету и интересам людей, как государственные чиновники, военные, разведчики, промышленники и исследователи. В ходе работы в Америке А. Кинг взаимодействовал с Дональдом Макклином, одним из членов так называемой Кембриджской пятёрки. В своих воспоминаниях он пишет: «Мы даже поддерживали с Дональдом и его женой отношения и пару раз ужинали с ними». Этой теме он посвятил два абзаца мемуаров, сделав следующий вывод: «Я уверен, что им руководил идеализм, перешедший в идеологию. Можно сочувствовать тем, кто порицает порочность и несправедливость нашего общества, но при этом выражать сомнения в их здравомыслии при выборе советской модели, как лучше». В воспоминаниях указывается, что никого больше из Кембриджской пятёрки он не знал. Однако британские журналисты при выходе в свет воспоминаний А. Кинга отметили, что, по крайней мере, ещё двоих — Бёрджеса и Кернкрасса — не мог не знать, поскольку оба занимались вопросами, прямо пересекающимися с деятельностью А. Кинга на его посту в Соединённых Штатах, а Бёрджес, кроме того, являлся близким другом барона Ротшильда и, помимо прочего, часто бывал у него на работе.

Непосредственно к теме первой психоисторической войны и основания Римского клуба деятельность Кембриджской пятёрки не имеет прямого отношения. Так же для них неважны и умолчания в мемуарах А. Кинга. Однако для понимания механики взаимодействия внутри наднациональной мировой элиты и контактов между различными группами мировой элиты эта тема имеет просто первостепенное значение. Кембриджская группа даёт прямо-таки уникальный и абсолютно бесценный материал для вскрытия подобных механизмов и опознания способов такого рода взаимодействий. Поэтому, несомненно, целесообразно сделать экскурс в тему Кембриджской группы под интересующим нас углом зрения.

7

Ни одна разведывательная группа в истории не удостоилась такого количества печатных работ, фильмов и телепередач. Только исследовательских трудов, посвящённых Кембриджской группе, без учёта переизданий, насчитывается в настоящее время более 1200 на самых различных языках. Это парадоксально, поскольку архивных документов на этот счёт имеется крайне мало. Как отметил Н. Долгополов в своей книге о К. Филби, написанной на основе архивов СВР России и бесед с бывшими сотрудниками внешней разведки: «Высокие чины и прославленные наши разведчики не раз говорили мне, что практически все дела, особенно касающиеся иностранных источников, уничтожены. Если я правильно понимаю, часть их сгинула ещё во время сталинских “чисток” в 1936–1938 гг. Затем наступил черёд Великой Отечественной, и многое было предано огню осенью 1941-го, когда фашисты стояли под Москвой. Затем пришёл период смены сталинского строя и прихода к власти людей, заклеивших его культ личности. Значительнейшая часть досье, касающаяся источников из Кембриджа, была уничтожена в 1953-м. Оставшееся и, возможно, не самое главное вывезли, как я слышал, в далёкий город. И, наконец, ещё часть документов влилась в поток сознательно “канув-

ших в Лету” в период смены формаций в 1991-м. Тогда некоторые близорукие оптимисты верили во всемирное примирение и вечную дружбу со всеми прежними оппонентами и подстёгивали разведку поделиться со всем светом своими секретами. Они рвались в архивы только созданной СВР России, но, к счастью, глупостей удалось избежать. А вот архивы в очередной раз понесли потери.

Соответственно, в определённой степени в качестве достоверных источников могут быть выделены книга Н. Долгополова, воспоминания Ю. Модина — связника Кернкрасса, Бланта и Маклина, хорошо знавшего в Москве Бёрджеса и помогавшего в написании книги К. Филби, а также книги М. Картер, которая представляет собой литературную обработку собственноручно написанных воспоминаний Э. Бланта, книга известного историка разведки Ф. Найтли и собственные воспоминания К. Филби, написанные с участием Ю. Модина⁷⁸.

Рассматривая тему под интересующим нас углом зрения, необходимо выделить несколько на первый взгляд совершенно необъяснимых, в каком-то смысле даже загадочных сюжетов, связанных с Кембриджской группой. Прежде всего, достоверно неизвестно, кто занимался вербовкой участников Кембриджской группы. Назывались фамилии Малле, Дейча, Орлова и др. При этом Ю. Модин, который отлично знал и длительное время в разные периоды жизни общался со всеми членами Кембриджской группы, написал, что как таковой вербовки не было вообще, а указанные выше люди всего лишь работали с теми или иными членами Кембриджской пятёрки в тот или иной период времени.

Далее, практически все исследователи едины в том, что участники группы работали не за деньги и категорически отказывались от материального вознаграждения. Так Долгополов, базируясь на материалах СВР России, пишет: «В 1945 г. советская сторона установила всей “пятёрке” пожизненную пенсию. Теперь уже можно сказать, что для каждого она была “персональной”, согласно заслугам. Для Бланта — 1200 фунтов в год, немного больше по сравнению с Кернкрассом. Но каждый из пятерых отказался. Блант под предлогом того, что совсем не нуждается в деньгах. И хотя ему было предложено обращаться к связнику в случае возникновения любых материальных осложнений, Блант этим предложением никогда, даже в труднейшие моменты своей жизни, не воспользовался. Работал, как и его товарищи, за идею». Ю. Модин к этому делает лишь две поправки. Он отмечает, что лично передал крупную по тем временам сумму 3000 фунтов Кернкрассу, когда над последним сгустились тучи и было принято решение о том, что советская разведка прекращает работу с ним.

При этом следует отметить, что Кернкрасс был единственным из Кембриджской пятёрки, кто не принадлежал к высшему британскому истеблишменту и не имел иных источников доходов, кроме тех, которых он лишился из-за подозрения в сотрудничестве с советской разведкой. Второй случай — это передача небольшой суммы денег К. Филби, когда он уже не работал в британской разведке и находился в крайне затруднительной финансовой ситуации, живя на Ближнем Востоке. При

⁷⁸ Долгополов Н. Ким Филби. М.: Молодая гвардия, 2012; Найтли Ф. Ким Филби — супершпион КГБ. М.: Республика, 1992; Филби К. Моя тайная война. М.: Восниздат, 1980; Модин Ю.И. Судьбы разведчиков. Мои кембриджские друзья. М.: Олма-Пресс, 1997; West N. Triplex: Secrets from the Cambridge Spies. Yale: Yale University Press, 2009; Carter M. Anthony Blunt: His Lives. L.: Pan Books, 2002.

этом о передаче денег Модина просил не сам Филби, а Э. Блант, который без риска для себя и Филби не мог встретиться с ним лично, чтобы помочь другу. Практически все авторы, занимавшиеся Кембриджской группой, отмечали, что это были идейные люди, которые работали не ради материальных благ.

Обзор загадок Кембриджской группы можно продолжить тем фактом, что британской контрразведке были отлично известны биографии всех участников Кембриджской группы. Британская контрразведка была отлично осведомлена, что некоторые из них состояли в коммунистической партии и были близки к Коминтерну. Тем не менее все участники группы с конца 1930-х гг. занимали высокие посты в самых различных ведомствах, а К. Филби в течение определённого периода времени рассматривался как едва ли не основная кандидатура на пост руководителя МИ6.

При внимательном изучении всего массива документальных данных по группе складывается парадоксальное ощущение. Высшие представители британского истеблишмента делали всё возможное, чтобы члены группы занимали посты, которые позволяли бы им иметь максимум информации по наиболее актуальным для СССР темам в тот или иной период времени. Например, в годы Второй мировой войны в качестве таковых был доступ не только и не столько к вопросам военных технологий и разработок, но прежде всего к информации о военных планах американцев и британцев, о реакции их высшего политического руководства на события на фронтах, а главный интерес представляла вся возможная информация, имевшаяся у британцев о планах германского командования на Восточном фронте. Начиная с конца войны, кембриджцы переместились на должности, позволявшие им иметь максимум информации об атомном проекте, различного рода проектах американцев, самых свежих данных по военным ноу-хау и технологиям. Иными словами, на протяжении всей своей деятельности члены Кембриджской группы оказывались ровно на тех должностях, которые в данный конкретный момент могли обеспечить максимально полезную для Советского Союза информацию.

К числу загадок нельзя не отнести и то обстоятельство, что вся цепочка событий, связанных с раскрытием Кембриджской пятёрки, а точнее четвёрки, а сначала тройки, была полностью делом рук американцев. Когда же британцы встали перед необходимостью пресечения деятельности группы и ареста её участников, они, как ясно любому непредубеждённому исследователю из анализа фактического положения дел, изложенного в самых различных источниках, сделали всё, чтобы трое участников группы, относительно которых имелись веские и неопровержимые доказательства, смогли оказаться в Советском Союзе. Что касается Э. Бланта и Д. Кернкросса, то с ними британские службы достигли соглашения. Суть его состояла в том, что в обмен на молчание британская сторона решила не прибегать к каким-либо санкциям и сохранить всё в тайне. Например, Э. Блант в течение почти 30 лет после того, как с ним было достигнуто соглашение, продолжал оставаться смотрителем Королевской коллекции картин, личным консультантом Елизаветы Второй по вопросам искусства и преподавателем многих высших учебных заведений. Кернкросса просто оставили в покое, и ему было разрешено покинуть Британию, чтобы жить с молодой женой на юге Франции. При этом, согласно материалам, предоставленным СВР Н. Долгополову, воспоминаниям Ю. Модина, автобиографии Э. Бланта, а также британским и американским публикациям, написанным

на основе открытых архивов западных спецслужб, ни Блант, ни Кернкросс не сообщили чего-либо, что могло бы причинить ущерб Кембриджской группе и советской разведке.

Нельзя не упомянуть в числе удивительных событий, связанных с Кембриджской группой, и некоторые особенности пребывания её членов в Москве. В самые напряжённые моменты холодной войны к членам Кембриджской группы беспрепятственно приезжали, уезжали, а потом опять возвращались жёны и дети. Когда в конце 1970-х гг. выросшие сыновья Маклина захотели вернуться на родину, в Британию, им не чинилось каких-либо препятствий, а в Британии они, впрочем как и дети К. Филби, сделали карьеры и живут весьма благополучно по сегодняшний день. К Э. Бёрджесу приезжала мать. Ещё более поражает воображение тот факт, что Бёрджес, один из признанных законодателей вкуса в Лондоне, в годы холодной войны заказывал из Москвы у своего знаменитого лондонского портного костюмы, которые тот шил по новым, доставленным из Москвы меркам и благополучно отправлял всё назад. Не менее поразительным является и следующее свидетельство Ю. Модина: «В числе сослуживцев Филби по Брикендонбери Холл был некто Томми Харрис, сотрудник МИ6. Они крепко подружились. Харрис был богатым человеком, владевшим магазином, в котором продавал картины и антикварные вещи. В 70-х годах, когда Филби жил уже в Москве, Харрис прислал ему в подарок великолепный мозаичный инкрустированный стол — настоящее сокровище. Филби показывал его мне с величайшей гордостью. Харрис не питал к Киму неприязни за его шпионскую деятельность, хотя именно он помог Филби продвинуться по служебной лестнице в английской разведке».

Весьма загадочными, если не учитывать общий контекст истории Кембриджской группы, что называется более глубинного плана, представляются ещё два случая. В первом речь пойдёт о Питере Райте. Он был одним из руководителей британской контрразведки, и после побега Бёрджеса и Маклина в Москву настаивал на аресте Филби, Кернкросса и требовал задержать для допросов и заключения в тюрьму ещё целую группу высокопоставленных представителей британской разведки и правительственной администрации, включая барона Виктора Ротшильда. Вот что пишет по этому поводу Ю. Модин: «Питер Райт необычайно гордился своими методами расследования. Несколько позже он хвастливо заявлял, что их контрразведка раскинула такую частую сеть на русских шпионов в Англии, что гарантировала максимальный улов всех подозрительных деятелей. На деле, однако, такие методы обернулись преступной глупостью, потому что единственным их результатом явилось уничтожение ни в чём не повинных людей. Десятки агентов МИ5 и других подобных служб были уволены с работы, опозорены и оскорблены. Одни из них признавались в ошибках, которых вовсе не совершали, а другие, доведённые до предела, покончили жизнь самоубийством. Я считаю, что Питер Райт питал неприязнь не только к советским агентам, что вполне закономерно, но также и ко всем интеллектуалам и профессорам в придачу, особенно к выпускникам Кембриджа. А если выразиться точнее, он проявил презрение ко всему британскому истеблишменту». Достаточно оперативно П. Райт был выгнан с работы, лишён по дисциплинарным условиям полагавшейся ему пенсии, и ему было рекомендовано покинуть пределы Великобритании. Когда он спустя несколько лет собрался из-

дать книгу⁷⁹, ему это было строжайшим образом запрещено. Уже написанная работа была отвергнута всеми британскими издательствами и в итоге была издана находящимся в Нью-Йорке австралийским подразделением лондонского издательства Penguin с запрещением продавать её на территории Великобритании.

Красноречив следующий пример, приводимый Долгополовым. «“Санди таймс”, начавшая в 1968 г. собирать материалы о Филби, столкнулась с немалыми сложностями. Один из руководителей Форин-офиса лорд Чалфонт внушал репортерам: “Вы должны закончить ваши расследования. Здесь таится чудовищная угроза. Этим вы поможете врагу”. Потом Форин-офис убеждал газету, что “она теряет время, потому что никогда не сможет опубликовать свою статью”. Издание пугали тем, что руководство спецслужбы обратится к королеве».

Не менее показателен ещё один факт. В 1979 г. Маргарет Тэтчер, несмотря на противодействие британского королевского двора, нарушила обязательства МИ6 и предала гласности в качестве четвёртого члена Кембриджской группы имя Энтони Бланта. Надо пояснить, что помимо участия в Кембриджской группе и всемирной известности в качестве одного из лучших искусствоведов мира Блант выполнял доверенные поручения двора Её Величества. В частности, в 1947 г. он проводил сверхсекретную операцию по вывозу архивов германских правящих династий из Гессена в Лондон. Уже в 1950-е гг., т.е. после того, как стало известно, что он являлся членом Кембриджской группы, Блант с конфиденциальными поручениями общался с правящими королевскими домами Европы. Хотя он и официально являлся родственником Елизаветы Второй, по упорно ходившим среди высшей лондонской аристократии слухам, которые, кстати, не опровергались, он был внебрачным сыном Георга V, т.е. дядей Елизаветы Второй.

В результате выступления Тэтчер Блант был вынужден отказаться от рыцарского звания, уйти в отставку с поста хранителя Королевской картинной галереи, а также подать в отставку из наблюдательных советов нескольких крупнейших галерей. Показательно, что подавляющая часть галерей его просьбы об отставке не удовлетворила. Привилегированный Колледж искусств, где учились и учатся дети британской аристократии, потребовал, чтобы он продолжил преподавание⁸⁰. А вот Тэтчер её акция с рук не сошла. Хотя она получила титул баронессы, через определённое время наиболее известные британские издания, близкие к королевскому двору, развернули мощную разоблачительную кампанию по поводу сомнительных сделок её сына Марка, использовавшего для них имя премьер-министра, вынудив Марка Тэтчер покинуть Великобританию и переселиться в ЮАР. На этом злоключения Тэтчер не закончились. Умеющая выжидать и терпеть Виндзорская династия в итоге улучила удобный момент и окончательно свела счёты с М. Тэтчер, подтолкнув значительную часть членов Консервативной партии, близкой к британской аристократии, к смещению Тэтчер с поста лидера консерваторов. Это автоматически привело и к её отставке с поста премьер-министра. Ким Филби прокомментировал всю эту историю следующим образом: «Единственное, что доказала Тэтчер, это то, что она — не леди, а мешанка».

⁷⁹ Wright P. *Spy Catcher: The Candid Autobiography of a Senior Intelligence Officer*. N.Y.: Viking, 1987.

⁸⁰ Carter M. *Op. cit.*

Чтобы завершить обзор загадок, отметим ещё два существенных факта. Советская сторона не препятствовала контактам прежде всего К. Филби с британскими журналистами, включая знаменитого историка спецслужб Ф. Найтли. Что касается британцев, то когда ряд средств массовой информации сообщил, что Г. Бёрджесс и, возможно, Д. Маклин подумывают о том, чтобы в конце 1960-х – начале 1970-х гг. вернуться в Великобританию, то, как пишет Ю. Модин и свидетельствуют материалы британской прессы, официальные власти и разведка пришли в настоящий ужас и по неофициальным каналам довели до советской стороны о категорической нежелательности возвращения Бёрджесса и Маклина в Британию в любом качестве.

Завершив краткое рассмотрение поистине невероятных обстоятельств, сопровождавших жизнь и деятельность Кембриджской группы, нельзя не остановиться ещё на одном чрезвычайно важном вопросе. Это вопрос об отношении участников Кембриджской пятёрки к СССР. Наиболее достоверным источником сведений об этом являются мемуары Ю. Модина — ветерана КГБ, единственного человека, который непосредственно и долгое время общался со всеми участниками Кембриджской пятёрки на определённых этапах их жизни. Позволю себе привести несколько цитат. В 1934 г. Э. Блант и Г. Бёрджесс посетили Советский Союз. Когда Ю. Модин спросил Г. Бёрджесса о впечатлениях, он ответил: «По приезду я каждому встречному и поперечному говорил, что возмущён всем увиденным в России. Конечно, я врал, но признаюсь, что всё в вашей стране и отдалённо не походило на ту Россию, которую я себе воображал. И всё же впечатление было сильное. Та энергия и энтузиазм народа, с которыми я столкнулся, заставляют меня верить в огромный потенциал советской страны». При этом «Гай Бёрджесс считал мировую революцию неизбежной. Как и его кембриджские друзья, он рассматривал Россию в качестве форпоста этой революции. Альтернативы для него не было. Возможно, у Бёрджесса и имелись какие-либо сомнения в связи с внутренней и внешней политикой России. Я часто слышал, как он критикует наших вождей, но при всём том Гай считал Советский Союз надеждой всего мира. Он и его друзья были уверены, что скоро настанет такое время, когда наша страна найдёт честных вождей, для которых принципиально важные вопросы будут иметь большее значение, чем зарплата и привилегии».

Что касается Э. Бланта, то однажды Ю. Модин стал объяснять ему проблемы, с которыми сталкивается советская внешняя политика в послевоенные годы. В ответ на это Э. Блант, как вспоминает Ю. Модин, «сказал, что ему хорошо известно всё мною сказанное. И ничто из моих слов ни на йоту не изменит его твёрдого убеждения, что политика России имеет откровенно империалистический характер. Он привёл в пример Турцию, которой Сталин помогал в 1947 г., чтобы получить доступ через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море. Он дал мне понять, что я даром теряю время, убеждая его в обратном. Блант считал нашу внешнюю политику грязной и вредной для коммунизма, такой же империалистической, какую проводили наши предшественники в России. Он, Блант, сотрудничает с нами не потому, что солидарен с советской политикой, а потому, что, как и его друзья из Кембриджа, верит в одну непреложную правду — счастье человечества может быть достигнуто только после всемирной революции».

Относительно Кима Филби Н. Долгополов в своей книге пишет: «Я чувствовал, что мои идеалы и убеждения, мои симпатии и желания на стороне тех, кто борется за лучшее будущее человечества, — так писал Ким в книге “Я шёл своим пу-

тём”. — В моей Англии, на моей родине, я тоже видел людей, ищущих правду, борющихся за неё. Я мучительно искал средства быть полезным новому обществу. А форму этой борьбы я нашёл в своей работе в советской разведке. Я считал и продолжаю считать, что этим я служил и моему английскому народу”. Быть может, звучит несколько наивно, идеалистически. Но он и был идеалистом, романтиком, искренне верящим в новое и чистое будущее. В первые годы жизни в СССР он был разочарован, но не сломлен. Оставалась вера, которая и помогла».

А вот ещё один фрагмент из воспоминаний Ю. Модина: «Я твёрдо знал, что Ким Филби останется верен своим идеалам. Он никогда не нарушал клятвы, которую дал в молодости. Ким часто говорил мне, что Сталин, Хрущёв и Брежнев канули в Лету, а яркая звезда коммунизма никогда не погаснет. — Пусть с первых же дней революции к нему пошли не той дорогой, — говорил он, — но всё же коммунизм выражает лучшие чаяния человечества».

Что касается Д. Маклина, то, в совершенстве овладев русским, долгие годы он работал в Институте мировой экономики и международных отношений, где значительная часть подразделений в то время была аффилирована с Первым главным разведывательным управлением КГБ. Он опубликовал несколько блестящих книг, переведённых в том числе и на иностранные языки, и вёл семинарские занятия. Ветераны разведки и те люди, кто в то время работал в ИМЭМО, хорошо знают, что вокруг Д. Маклина сложился кружок молодых людей, которые достаточно жёстко критиковали тогдашний внутривластный курс Л.И. Брежнева, причём с позиций не либерализма, а социализма, в чём-то близких к идеям Фабианского общества. Более того, молодые друзья Д. Маклина попали в серьёзные неприятности.

Подытоживая, обратимся ещё раз к воспоминаниям Ю. Модина: «Теперь я считаю, что Кембриджская пятёрка — это действительно выдающиеся люди. Мне до сих пор трудно осознать, что я работал с людьми такой непревзойдённо высокой культуры, образования и убеждений, которые предсказывали упадок СССР в то время, когда нам казалось, что дела наши идут прекрасно. И всё же они продолжали служить ДЕЛУ».

Представляется, можно сделать следующий вывод. Известные члены Кембриджской группы были искренними приверженцами коммунистической идеи в том её понимании, как идеи построения общества, где каждый отдаёт по способностям и получает по потребностям, где у всех равные возможности и в основании лежит справедливость в разных её аспектах. Такое понимание социализма или коммунизма, строго говоря, не являлось и не является монополией ни Первого, ни Второго, ни Третьего, ни какого-либо иного интернационалов. Не было оно монополией и Советского Союза. Хотя его руководство искренне полагало, что это именно так. Члены Кембриджской группы считали, что в конкретной исторической обстановке 1930–1950-х гг. Советский Союз нуждался в максимальной поддержке и являлся гарантом того, что рано или поздно социализм победит во всём мире. Как пишет Н. Долгополов, Д. Маклин мечтал стать преподавателем английского языка в Советском Союзе. На вопрос, с чем связана его мечта, он отвечал, что, хотя первые, самые сложные шаги по направлению к коммунизму делает Россия, но, в конечном счёте, вопрос о реальном построении подлинного общества социальной справедливости будет зависеть от положительного его решения в англоязычных странах. И поэтому международным коммунистическим языком станет английский.

Прежде чем непосредственно заняться расшифровкой кембриджской загадки, важно обратить самое пристальное внимание на ещё одно обстоятельство. На Западе опубликовано довольно много работ, в которых ведутся розыски остальных членов Кембриджской группы. В их число включаются и тогдашние руководители английской разведки, и представители элиты Уолл-стрит, обучавшиеся в Кембридже, и даже барон Виктор Ротшильд⁸¹. В посвящённой этому книге автор — известный американский журналист Рональд Перри ссылается в том числе на Юрия Ивановича Модина, а также отмечает, что только В. Ротшильд, который с 1942 по 1945 г. руководил подразделением МИ5 (британской контрразведки) по обеспечению режима секретности в военно-промышленных и оборонных научно-исследовательских лабораториях Британии, имел доступ ко многим документам, которые, согласно опубликованным архивным данным и фрагментам, оказались в распоряжении Советского Союза. Кроме того, ему удалось выяснить, что в этих архивах были некоторые сообщения, известные только руководителям разведки и У. Черчиллю, близким другом которого был Ротшильд.

По вполне понятным причинам советская внешняя разведка никогда не комментировала подобные публикации. В связи с этим особый интерес представляет книга Н. Долгополова о Киме Филби, написанная при поддержке российской внешней разведки, представившей в распоряжении автора не публиковавшиеся ранее уникальные архивные материалы и разрешившей отставным офицерам внешней разведки, связанным с Кембриджской группой, провести доверительные беседы с автором книги. Особый интерес представляет высказанное Н. Долгополовым в книге мнение: «Не претендуя на роль первооткрывателя, выскажу своё сугубо личное мнение. Никто и никогда не узнает, сколько действительно человек было в группе преданных Советскому Союзу англичан, поддержавших чужую страну в борьбе с фашизмом, а потом и в холодной войне. В этом не заинтересована ни одна из двух наиболее затронутых деятельностью “пятёрки” держав — Англия и Россия. Англичанам, имею в виду не журналистов и фанатиков, а спецслужбы и британский истеблишмент, не нужны новые скандалы и разоблачения. Ничего хорошего тщательно оберегаемому имиджу они не принесут. Верная собственным неизменным принципам российская Служба внешней разведки, тщательно оберегающая покой родных и близких своих агентов в любом поколении, ни разу за всю свою историю не пошла на излишние откровения».

В книге Н. Долгополова фигурирует высокопоставленный работник СВР, выступающий под псевдонимом Собеседник. В частности, он высказывает такое мнение: «Собеседник: — Я немного о другом: как-то, ещё, когда он (Филби) работал в Англии, зашёл с ним разговор про пенсию для него, для семьи, и Ким, это есть и в документах, ответил: “Мне пока не надо. Когда будет нужно, я сам скажу, попрошу”. Он столько сделал. Знаете, чтобы вы поняли, я ещё раз повторюсь: дело до сих пор работает. Многое закрыто. Тут многое касается не только лично Кима. И снова несколько об ином. Как он, к примеру, относился к своим коллегам по “пятёрке”. Или, может, была не “пятёрка”, может, “семёрка” — кто его знает. Филби настолько за них переживал...»

⁸¹ Perry R. The Fifth Man: The Soviet Super Spy. L.: Sidgwick & Jackson, 1994.

В качестве введения в наше небольшое исследование могут быть использованы слова Кернкрасса, которые он высказал корреспонденту одной французской газеты. Согласно Ю. Модину, он сказал: «Может быть, настанет день, когда мы сумеем попытаться понять правду, скрывающуюся за фактами, и объяснить те сложные процессы, в результате которых молодой интеллектuala оказывается замешанным в такие дела».

Для того чтобы попытаться понять природу кембриджского феномена, необходимо обратиться к последним достижениям сетевой науки, изучающей устойчивые структурные характеристики взаимодействия людей и их групп. Сама по себе сетевая наука зародилась в конце XIX – начале XX века и впервые как отдельная часть человеческого знания была представлена в книгах Я. Морено⁸². Последнюю четверть века, а особенно в период с 2000 г., сетевая наука, получившая в распоряжение поистине необозримый океан социальных данных и новые математические методы обработки Больших Данных, смогла осуществить подлинный прорыв.

Сегодня экспериментальные данные сетевой науки позволяют достаточно точно описать устойчивые социальные сети различной размерности. Поскольку совершенно очевидно, что наднациональные и национальные элитные группы сами являются фрагментами сетей средней размерности, то несомненно, что эти сети просто обязаны обладать всеми признаками устойчивости. В случае разрыва устойчивости элитных сетей драматические и трагические события в жизни человеческой цивилизации типа мировых войн привели бы, в частности, не к послевоенному восстановлению, а к деградации мировой цивилизации и одичанию человечества. Иными словами, пока элитные сети являются устойчивыми или хотя бы квазиустойчивыми (устойчивыми на протяжении достаточно длительного периода времени), у человеческой цивилизации есть большие шансы существовать без глобального катастрофического коллапса. В этом смысле даже глубокий системный кризис при сохранении элитных сетей может разрешиться выходом на некую новую траекторию без цивилизационного одичания.

Наиболее продвинутые работы⁸³ в области сетевой науки позволяют сформулировать несколько ключевых требований к устойчивым и квазиустойчивым сетям. В их число входят:

– элитные сети, имеющие характеристику устойчивости или квазиустойчивости, представляют собой среднеразмерные открытые сети. Открытость сетей выражается в том, что в их состав могут включаться новые индивидуумы, блоки, а также устанавливаться ранее не существовавшие связи. По своему характеру и свой-

⁸² Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академический Проект, 2001.

⁸³ Sawyer R.K. Social Emergence: Societies as Complex Systems. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; Barabasi A.-L. Linked: How Everything Is Connected to Everything Else and What It Means for Business, Science, and Everyday Life. N.Y.: Plume, 2003; Ламур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014; Shnol S. Complete Biological determinism of Evolutionary Trajectories or limit Perfection is Achieved through Natural selection for the actual duration of time Small. (According to the Recollections of the discussions with Scientific Sat. Transport). Moscow: Nauka, 1989; Stark D. The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life. Princeton: Princeton University Press, 2011; Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications (Structural Analysis in the Social Sciences). Cambridge University Press, 1994.

ствам среднеразмерные открытые сети идентичны так называемым безразмерным сетям А.-Л. Барабаши;

- безразмерные сети образуют внутри себя устойчивые паттерны или блоки, обеспечивающие наиболее оперативную и эффективную адаптивную реакцию на внешние средовые и субъектные возмущения. Блок представляет собой совокупность элементов и связей сети, характеризующихся более высоким, чем сеть в среднем, уровнем силы, интенсивности и частоты связей внутри блока или паттерна;

- внутри блока, как правило, присутствует иерархосетевая структура взаимодействий, где связи характеризуются не только по критериям силы (степени воздействия), интенсивности (частоты) и густоты (наличие пересечения) связей, но и их доминантности. Внутри каждого паттерна или блока имеются узлы сети, характеризующиеся высокой доминантностью. Доминантность проявляется в том, что остальные узлы сети в своих действиях и мнениях зависят от действий, мнений и решений доминантных узлов;

- доминантность в паттернах безразмерных сетей, погружённых в динамичную, турбулентную среду, реализуется через принцип гетерархии. Гетерархия предполагает, что на позиции главного доминанта или иерархического узла с максимальным рангом в разные моменты времени или в разных ситуациях, связанных с характеристиками внешней по отношению к сети среде, выступают различные узлы. Иными словами, иерархия является постоянным свойством структуры сетевого паттерна. Но сами по себе доминанты иерархии не являются постоянными, а меняются в зависимости от истории паттерна и внешних обстоятельств;

- выживание среднеразмерной открытой сети, или безразмерных сетей Барабаши, при наличии внешней турбулентной, динамичной среды в решающей степени зависит от существования так называемого «скелета сети». Скелет сети включает в себя узлы сети, которые одновременно принадлежат к различным паттернам и в решающей степени обеспечивают связность и тем самым сохранение сети как целостности. При этом указанные узлы должны обладать в рамках каждого из паттернов или блоков, к которым они принадлежат, достаточно высокой степенью автономии. Они категорически не должны являться так называемыми алгоритмическими агентами одного паттерна в другом. Согласно сетевой науке, последнее означает, что узлы, относящиеся к скелету сети, не являются слепыми исполнителями и проводниками интересов одного паттерна по отношению к другому, а скорее представляют собой относительно независимых агентов, чьи интересы и действия позволяют существовать им одновременно не в одном, а как минимум в двух паттернах или блоках.

Применительно к нашей теме указанные закономерности сетевой науки, полученные на обработке огромных массивов эмпирического материала, позволяют говорить о следующем. Наличие структур, подобных Кембриджской группе, являлось, является и будет являться важнейшим условием выживания человеческой цивилизации как целостности, разделённой внутри себя на определённые паттерны и блоки. Соответственно в первую очередь это относится к лицам, принимающим решения, т.е. к элите, включающей как наднациональные, так и национальные элитные иерархосетевые или гетерархические⁸⁴ группы.

⁸⁴ Stark D. The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life. Princeton: Princeton University Press, 2011.

В соответствии с этим можно сделать следующий вывод. В рамках британской элитной сети существовал паттерн, связанный, но не ограниченный обществом Апостолов⁸⁵, фабианством и проч. Этот паттерн выделил из себя более ограниченную группу, которая должна была выступать в качестве связующего звена с советской элитой. Собственно, эта группа и стала известна миру под названием Кембриджской пятёрки.

Этот вывод подтверждается, в частности, тем обстоятельством, что подобный паттерн имелся и в Соединённых Штатах Америки. Частично он был также порождён американской разновидностью фабианства, получившей название коммунитаризма. К этому паттерну, несомненно, принадлежал Ф.Д. Рузвельт. Американский паттерн также выдвинул свою группу, тесно взаимодействовавшую с советской элитой. В её число входили такие выдающиеся американские деятели, как Эдджер Хисс — известный американский дипломат, ключевой участник проектирования послевоенной судьбы Германии, главный советник Рузвельта в Ялте, первый генеральный секретарь ООН; Гарри Декстер Уайт — выдающийся американский экономист, видный чиновник Министерства финансов США, разработчик концепции Бреттон-Вудской системы, Международного валютного фонда и Всемирного банка; Гарри Гопкинс — главный советник Ф.Д. Рузвельта и целый ряд других, не менее заметных фигур американской политики и науки. Все эти люди в США в эпоху «охоты на ведьм» были названы агентами КГБ на основании реальных свидетельств их взаимодействия с советской разведкой.⁸⁶ В последующем дополнительные данные на этот счёт были получены из так называемых блокнотов Васильева и архивов Митрохина.

Теперь настало время разобраться в одном чрезвычайно важном обстоятельстве. Традиционно граждан тех или иных стран, взаимодействующих с разведывательными структурами, относят либо к тайным агентам, либо к агентам влияния. И в том, и в другом случае они действуют в интересах чужой страны против своей. В этом смысле Кембриджская пятёрка, так же как и их коллеги в США, хотя и являлись в строгом профессиональном смысле слова разведчиками, ни в коем случае не представляли собой агентов. Они как раз являлись тем самым скелетом элитной сети, без которой она бы рухнула, утянув вслед за собой и цивилизацию в целом.

В связи с этим правильнее для таких людей использовать в элитном анализе особый термин. Представляется, что наиболее подходящее название ввёл философ и методолог П. Щедровицкий. «В 1993 г. философ и методолог Петр Щедровицкий (младший) высказал предположение, что мировая экономика потихоньку завоёвывается новыми фигурами: интерлокерами. То есть теми, кто выступает стратегическими посредниками между разными типами знаний и сферами деятельности. Они комбинируют из них предпринимательские схемы, они уже известны как “аналитики ресурсов”»⁸⁷. Имеет смысл несколько расширить термин «интерлокер» и не

⁸⁵ Bourdieu R. Apôtres de Cambridge, la Fabian Society et les Frères de Plymouth. P.: Cambridge University Press, 1997.

⁸⁶ Steil B. The Battle of Bretton Woods: John Maynard Keynes, Harry Dexter White, and the Making of a New World Order. Princeton: Princeton University Press, 2013; Evans M.S. Herbert Romerstein, Stalin's Secret Agents: The Subversion of Roosevelt's Government. N.Y.: Threshold Editions, 2013.

⁸⁷ Чернышев С. Корпоративное предпринимательство. От смысла к предмету. Цикл лекций // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. М., 2001.

ограничивать его экономической тематикой. По сути, в элитном анализе интерлокерами являются стратегические коммуникаторы, которые в своих действиях руководствуются интересами обоих паттернов или блоков, в которые они входят и которые они соединяют в рамках собственной деятельности.

Этот, казалось бы, неочевидный вывод, несомненно, можно подкрепить многочисленными примерами из деятельности Кембриджской группы. Ю. Модин в своих воспоминаниях писал: «Но я могу понять поведение этих людей, которое на Западе может показаться непостижимым. Прежде всего, я преклоняюсь перед их патриотизмом. Все они, а Гай Бёрджесс в особенности, питали глубокую и страстную любовь к Англии. Многие считают их предателями, но только не я. Я не преувеличиваю, когда говорю, что знаю больше, чем кто-либо, насколько ценные для нас материалы они нам давали, но при этом утверждаю: ни один из них не собирался принести вред своей стране. Они работали против американцев, это точно. Они передавали нам всё, что попадало им в руки, даже иногда и много лишнего. Но ни разу не выдали нам ни одного секрета, который мог бы повредить Великобритании». Об этом же говорит в книге Н. Долгополова о К. Филби неназванный высокопоставленный работник внешней разведки и любимый ученик К. Филби. В специально выделенном разделе под не оставляющим сомнений заголовком «Прямой канал» читаем следующее: «Я чувствовал, что мои идеалы и убеждения, мои симпатии и желания на стороне тех, кто борется за лучшее будущее человечества, — так писал Ким в книге “Я шёл своим путём”. — В моей Англии, на моей родине, я тоже видел людей, ищущих правду, борющихся за неё. Я мучительно искал средства быть полезным новому обществу. А форму этой борьбы я нашёл в своей работе в советской разведке. Я считал и продолжаю считать, что этим я служил и моему английскому народу”.

В этом высказывании Кима Филби — целая философия разведки, её главный постулат. Так считали и мы, в этой области человеческой деятельности занятые, преданно в ней работающие. Вот общаются дипломат с дипломатом. Но информация, получаемая представителями двух разных стран, всё равно не та, что идёт через разведку. Она приукрашена, в ней немало чисто дипломатических экивоков. Поэтому с незапамятных российских, потом советских, а сегодня вновь российских времён посла слушали с меньшим вниманием, чем резидента. Разведка — более прямой канал для доведения куда требуется необходимых твоей стране сведений. И наиболее умные англичане, включая видных политиков, в первую очередь Лейбористской, да и Консервативной партий, порой сознательно шли на контакты с нашим резидентом или оперативным работником. То, что они хотели, и то, что им надо было побыстрее довести до нашего руководства, доводилось именно так. Это — первый момент.

Момент второй: разведка способствует прозрачности. Если кто-то что-то друг от друга скрывает, если разведка узнает нечто о переговорах, ведущихся не совсем так или совсем не так, как сообщают чужие дипломаты, то разведка помогает донести правду до высшего руководства. И тогда уже лидеры стран, получившие информацию от разведки, обращаются к своим зарубежным оппонентам: мол, что же мы тут друг другу морочим голову. Таким образом, разведка способствует и прозрачности, и откровенности в отношениях».

В заключение необходимо остановиться на одном чрезвычайно деликатном и не менее важном моменте. Может возникнуть вопрос, где проходит грань между интерлокерами и людьми, работающими на иностранную разведку. Если Кембриджская пятёрка были интерлокерами, то не являлись ли ими такие, например, персонажи, как Олег Пеньковский, Дмитрий Поляков или Олег Гордиевский? Без всякой натяжки на этот вопрос следует ответить отрицательно. Причём подобный ответ является не оценочным суждением, а имеет под собой, с одной стороны, вполне содержательное, а с другой, даже формально-математическое обоснование.

С позиции содержательного анализа нельзя не отметить, что по меньшей мере о фабианских убеждениях членов Кембриджской пятёрки и, более того, об их участии в работе Коминтерна британской контрразведке было прекрасно известно из разных источников, включая самих участников «пятёрки». Поэтому в полном и строгом значении термина «тайной» их деятельность назвать было нельзя. Но даже не это главное. Существует формальный критерий, позволяющий чётко различать предателей и интерлокеров. Современная теория и прагматика конфликтов⁸⁸ базируется в значительной степени на такой развитой ветви математического знания, как теория игр. В этой теории чётко с точки зрения строгих формальных критериев различаются кооперативные игры и игры с нулевой суммой.

Если говорить не вполне точно, но зато понятно, то кооперативными играми являются такие взаимодействия сторон, при которых обе стороны оказываются в выигрыше, хотя возможно и не в одинаковой степени. Соответственно, возникает взаимная заинтересованность и открывается возможность для создания коалиции. В играх с нулевой суммой выигрыш одной стороны может быть достигнут лишь за счёт и пропорционально проигрышу другой. Соответственно, стороны неизбежно находятся в состоянии антагонистического противоречия и конфликта. Тем самым различие между интерлокерами и предателями (алгоритмическими агентами) состоит в том, что деятельность интерлокеров позволяет сторонам или паттернам, в которые они входят, играть в кооперативные игры, а в случае с деятельностью предателей мы всегда имеем дело с игрой с нулевой суммой.

Подтвердим сделанный вывод одним конкретным примером и единичным фактическим суждением. Как известно, в 1946 г. с подачи «капитанов британской индустрии» лейбористское правительство во главе с премьер-министром фабианцем К. Эттли при участии лорда-канцлера фабианца Г. Моррисона и его научного советника, опять же фабианца, А. Кинга без всякого участия Кембриджской пятёрки (это прослеживается по доступным документам) продало в Советский Союз не только самые совершенные в мире на тот момент двигатели для реактивных истребителей, но и всю конструкторскую, инженерную и даже технологическую документацию. В итоге в небе Кореи во время войны советские Ми-15, оснащенные лучшими в мире британскими двигателями, получившими советскую аббревиатуру, десятками сбивали американские летающие крепости, считавшиеся до того момента абсолютно неуязвимыми.

В международном бестселлере «Империя», возможно далеко не самый глубокий, но тем не менее весьма влиятельный человек, британский историк Нил Фергюсон пишет: «В ноябре 1942 г. Черчилль заявил, что стал премьер-министром его

⁸⁸ Светлов В.А. Введение в единую теорию анализа и разрешения конфликтов. М.: Либроком, 2011.

Величества не для того, чтобы возглавить ликвидацию Британской империи. Даже министр внутренних дел, лейборист Герберт Моррисон сравнил идею предоставления независимости некоторым британским колониям с “разрешением ребёнку десяти лет иметь отмычку, счёт в банке и дробовик”. Проблема, однако, заключалась в том, что собственный английский счёт в банке был пуст. Некогда Британия была всемирным банкиром. Теперь она задолжала иностранным кредиторам более 40 млрд. долларов. Основания Империи были экономическими, и теперь они были разведены войной... Когда фирма начинает переворачиваться верх брюхом, очевидный выход для кредиторов, конечно, заключается в том, чтобы взять под контроль её активы. Британия задолжала США миллиарды... Рузвельт полушутя предложил “унаследовать Британскую империю после разорившихся владельцев”. Но могли ли британцы выставить себя на продажу?»

9

Выяснив важнейшие принципы и сформулировав элементы понятийного аппарата анализа элитных взаимодействий, можно с чистой совестью возвращаться к повествованию о дальнейшей карьере А. Кинга. Практически сразу после окончания Второй мировой войны Кинг получил приглашение переехать в Лондон, чтобы окончательно превратиться в высокопоставленного правительственного чиновника. В 1945 г. в Великобритании прошли очередные парламентские выборы, и Консервативная партия во главе со своим лидером У. Черчиллем прогнозируемо потерпела поражение. Черчилль рассматривался британцами прежде всего как военный лидер. В то же время в лейбористах они видели партию, которая способна воплотить новые, свежие идеи, которые смогут предотвратить упадок Британии.

Из Второй мировой войны Британия вышла по существу банкротом. Валютные резервы не превышали 1 млрд. долларов, тогда как долги составляли более 10 млрд долларов⁸⁹. Несмотря на то что формально Британия в ходе войны получила от Соединённых Штатов по ленд-лизу помощи примерно на 45 млрд. долларов, фактически все эти средства представляли собой не безвозмездную помощь. Они компенсировались за счёт передачи уникальной интеллектуальной собственности на различные виды вооружения, включая атомное, и передовые технологии поставками из британских колоний нужного американской индустрии сырья по ценам существенно ниже довоенных, а также полным открытием рынков колоний и особенно доминионов для американских товаров. Несмотря на то что территория Британии не подвергалась оккупации, часть промышленного потенциала была разрушена, а часть переведена на военные рельсы. При этом реальные доходы населения, в первую очередь рабочего класса, служащих, инженерно-технических работников, упали по сравнению с довоенным уровнем на 17–23%. Нельзя также не отметить, что в нарушение военных договорённостей сразу же после войны Соединённые Штаты

⁸⁹ Позднеева Л.В. Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны 1941–1945 гг. М.: Наука, 1969.

отказались предоставить Британии законченные технологии производства атомной бомбы, а также трофейные технологии из Германии, полученные американцами в результате операции «Скрепка».

Таким образом, лейбористскому правительству досталось весьма незавидное наследство. В поисках путей решения проблем, поставивших Британию на грань выживания как великой державы, британские правящие круги привычно обратились к науке. Следует отметить, что одной из отличительных черт британской элиты была, начиная с XVI, а особенно с XVII–XVIII веках, теснейшая интеграция политического и финансово-экономического руководства с научной элитой. Достаточно сказать, что политику Банка Англии разрабатывал Исаак Ньютон, а одним из виднейших политических деятелей своего времени был знаменитый Джон Локк. И такие примеры можно множить и множить.

Лейбористское правительство не распустило Научный совет, существовавший при Черчилле, который ведал в том числе вопросами научно-технической разведки, а, напротив, расширило и укрепило его. Был введён специальный пост главного советника по науке при правительстве Его Величества, создан Консультационный совет по научной политике и Оборонный научный совет и, наконец, учрежден пост советника по науке при министре внутренних дел и лорде-канцлере. Перечисляя указанные структуры, важно подчеркнуть, что они занимались не только и не столько государственным руководством научными исследованиями, хотя такая функция на них и была возложена, сколько созданием исследовательских коллективов для проработки различного рода правительственных решений практически по всей гамме вопросов.

Главным советником по науке лейбористского правительства и ключевой фигурой в правительственном научном истеблишменте стал давний знакомый и руководитель А. Кинга, его коллега по новому Фабианскому обществу Г. Тизард. Получив назначение, он практически сразу же предложил А. Кингу возглавить свой секретариат на правах заместителя, а также стать советником по науке второго человека в Лейбористской партии, лорда-канцлера и министра внутренних дел Герберта Моррисона.

Генри Тизард мало известен за пределами Великобритании и частично США. В то же время в учебнике для высшего командного состава стран НАТО, подготовленном силами британских вооружённых сил, Тизард включён в число 100 ведущих научных мыслителей всех времён и народов. Такой чести он удостоился по нескольким причинам. Прежде всего, он был первым человеком, который предсказал, что атомное оружие неизбежно окажется в распоряжении нескольких, потенциально враждующих стран и станет важнейшим фактором сдерживания, который на обозримый для него период времени покончит с мировыми войнами и переведёт государственное противостояние на уровень периферийных, локальных войн. Кроме того, Тизард известен тем, что впервые предложил провести чёткую разницу между военной пропагандой, которая опирается на достижения рекламы и обычной политической пропаганды, и целенаправленными информационными войнами. В информационных войнах, по его мнению, должны использоваться особые виды оружия, не сводимые исключительно к передаче текстовой информации при помощи тех или иных средств. Он впервые среди военных всерьёз рассматри-

вал различные виды пси-оружия, базирующиеся на выявленных наукой принципиально новых психофизиологических феноменах и эффектах.

В частности, в 1947–1948 гг. он организовывал большие совещания в Канаде, в которых принимали участие военные чины и научные эксперты из Великобритании, Канады, Австралии, Соединённых Штатов, а также немецкие специалисты, бывшие как в оппозиции к нацистскому режиму, так и работавшие в ведомстве И. Геббельса. В ходе этих совещаний, в которых принимал участие и А. Кинг, Г. Тизард отстаивал ту точку зрения, что традиционные методы «промыывания мозгов» при помощи технологий тотальной пропаганды, разработанных в ведомстве Геббельса, эффективны лишь на небольшом промежутке времени, а далее не только теряют свою эффективность, но и разрушительно сказываются на собственных вооружённых силах. Фактически он выступил против идей Пентагона и американской разведки использовать программы промывания мозгов в первую очередь для внутреннего потребления. Однако это не говорит о том, что Г. Тизард был пацифистом и гуманистом. Его точка зрения состояла в том, что невербальные методы психофизиологического воздействия, базирующиеся на феноменах сенсорного и субсенсорного восприятия, гораздо более перспективны для ведения как наступательной информационной, а точнее, психологической войны, так и для решения внутренних задач повышения убеждённости и лояльности состава элитных подразделений вооружённых сил.

В качестве зав. секретариата Г. Тизарда и советника по науке министра внутренних дел Г. Моррисона А. Кинг в течение 1946–1952 гг. занимался прежде всего гражданскими вопросами, связанными с реконструкцией и повышением эффективности британской промышленности. Также на него в полном объёме легли все международные контакты Великобритании по линии науки, что позволило ему установить теснейшие отношения с правительственными чиновниками, руководителями крупных корпораций и старшими офицерами разведки по обе стороны океана — как в США, так и в Западной Европе.

Для окончательной выработки жизненной позиции и взгляда на развитие общества А. Кинга огромную роль сыграло его участие в процессах национализации и создания системы целевого планирования в Великобритании. В соответствии с учением нового Фабианского общества и программными установками Лейбористской партии, а главное — жизненными потребностями страны, в Великобритании в 1946–1948 гг. была осуществлена масштабная программа национализации. Были национализированы основные инфраструктурные отрасли, включая железные дороги, управление транспортом, связь, авиасообщение. Государство резко увеличило свою долю в нефтяных компаниях, компаниях, производящих различного рода вооружения, в некоторых банках. Следует отметить, что национализация осуществлялась на основе выкупа. Однако прежние владельцы не получали живых денег. Дело в том, что значительная часть национализированных предприятий были ранее убыточны и, соответственно, национализировались убытки, которые лишь частично покрывала стоимость национализированной собственности. Что же до прибыльных предприятий, например Англо-Иранской нефтяной компании (в настоящее время British Petroleum), то там увеличение доли государства сопровождалось передачей прежним владельцам облигаций с правом получения по ним доходов в будущем.

Кроме того, в условиях, когда страна вплоть до первой половины 1950-х гг. жила по карточкам и испытывала недостаток во многих видах сырья для машиностроительной продукции, не только государственным, но и частным предприятиям, в первую очередь металлургии, угледобыче, химической промышленности, устанавливались своего рода плановые задания. Как уже отмечалось, А. Кинг принимал самое активное участие в этой работе. В 1952 г. лейбористское правительство, осуществившее болезненную реконструкцию британской индустрии и в основном расплатившееся с долгами, но не преодолевшее зависимость от всё более усиливавшихся Соединённых Штатов, проиграло очередные парламентские выборы, и к власти вновь пришли консерваторы во главе всё с тем же У. Черчиллем. Против ожиданий они отнюдь не стали проводить политику ренационализации. При этом, как это обычно бывает в Великобритании, с приходом нового правительства изменилось руководство всеми ключевыми учреждениями и подразделениями. Однако что касается А. Кинга, то к этому времени он зарекомендовал себя как незаменимый мастер внутренних и международных коммуникаций и умелый создатель исследовательских групп быстрого реагирования, обеспечивающих научную проработку тех или иных правительственных решений. В итоге, как пишет А. Кинг: «Вместо того чтобы отправить меня в отставку, к моему удивлению, меня назначили заместителем руководителя УНПИ, директором по науке и попросили возглавить вновь созданный разведывательный отдел».

Необходимо пояснить, что УНПИ в структуре британского правительства являлось своеобразным аналогом министерства по науке в других государствах. Оно отвечало за определение направлений научных и технологических исследований, финансируемых из британского бюджета, распределение грантов и ресурсов. Кроме того, на эту структуру была возложена функция научно-технической разведки, которую должен был выполнять разведывательный отдел, — его и возглавил А. Кинг. Последнее было связано с тем, что У. Черчилль чрезвычайно высоко оценивал роль британской научно-технической разведки, возглавляемой профессором Г. Линдеманом в период Второй мировой войны. Вернувшись в правительство, он стремился создать аналогичное подразделение.

На своём посту А. Кинг сосредоточился на трёх основных направлениях деятельности. Первое было связано с вопросами повышения эффективности производства и производительности труда не только в Великобритании, но и в странах континентальной Европы. Ещё в период правления лейбористов выяснилось, что британская и европейская промышленность заметно уступает американцам как в части производительности живого труда, так и по показателям эффективности основных производственных фондов, которые по своим качественным параметрам были вполне сопоставимы с американскими. Достаточно быстро был сделан вывод, что причины коренятся в двух группах факторов. Первая лежала в плоскости организации управления производством и научной организации труда. Были сделаны выводы о том, что у американцев в этом плане гораздо более эффективные методики, которые они с успехом применяют, в то время как британцы и европейцы действуют по старинке.

Кроме того, по мнению Кинга и возглавляемых им комиссий, существовало и второе важное обстоятельство. Оно было связано с психологическими факторами.

В Соединённых Штатах, по оценке британцев, даже для работника на конвейере роль мобилизующего фактора играла американская мечта, если не о миллионе долларов, то о собственном доме с лужайкой и машине. В Британии и тем более в разрушенной войной континентальной Европе ничего подобного не было. Памятуя о взглядах Тизарда, А. Кинг обратился за помощью в решении этой проблемы к Тавистокскому институту. Работа велась этим институтом длительное время и была завершена, когда уже А. Кинг ушёл из УНПИ. Весьма интересно, что созданной по лекалам Тавистокского института индустриальной психологией активно занимался барон Виктор Ротшильд. Он приложил много усилий к распространению методик, рекомендованных Тавистокским институтом, в Британии и, потерпев неудачу, безвозмездно передал их Израилю, где они сразу же стали внедряться на предприятиях военной промышленности страны.

Вторым направлением работы А. Кинга стала консолидация научного потенциала не только Британии, но и таких стран, как Канада, Австралия, Новая Зеландия и ряда других. К началу 1950-х гг. в Британии стало окончательно ясно, что империя в ускоренном порядке будет ликвидирована в результате односторонних, хотя и не совместных усилий Соединённых Штатов и Советского Союза, которые тем не менее в ряде случаев действовали рука об руку. В этих условиях высший британский истеблишмент принял решение, что бессмысленно цепляться за отжившие государственные формы и гораздо более важно сохранить финансовое, интеллектуальное и культурное единство в рамках нового образования под названием Британское Содружество наций. Участок А. Кинга был связан с созданием рабочих механизмов интеллектуального сотрудничества в рамках Британского Содружества наций с опорой на страны с преобладающей долей населения — выходцев из Британии и Ирландии. В качестве таковых были выделены Канада, Австралия, Новая Зеландия.

Третье направление деятельности Кинга составляла научно-техническая разведка. Достаточно быстро А. Кинг пришёл к выводу о том, что в условиях рушащейся империи и тотальной нехватки средств традиционная агентурная научно-техническая разведка не является наилучшим выходом из положения. Для её эффективной работы требовались значительные средства и длительное время. Ни первого, ни второго в 1950-е гг. не было. Кроме того, следует иметь в виду, что это был период полной и окончательной утраты Великобританией роли равного партнёра с Соединёнными Штатами. Американцы крайне ревниво следили, с одной стороны, за малейшими поползновениями их младших союзников осуществлять разведку внутри самих Соединённых Штатов и очень не приветствовали самостоятельные разведывательные операции британцев в отношении Советского Союза — с другой. По мнению встававшего к тому моменту на ноги ЦРУ, Соединённые Штаты с помощью доставшегося в наследство от нацистской Германии аппарата Р. Гелена и его агентуры вполне могли удовлетворить свои разведпотребности самостоятельно, не прибегая к помощи британской разведки. Если же в поле зрения младших союзников попадал либо какой-либо интересный материал, либо интересные люди в СССР и странах Восточной Европы, они должны были, по мнению американцев, не разрабатываться самостоятельно, а немедленно передаваться Соединённым Штатам.

В этих условиях А. Кинг и его команда предприняли детальную ревизию различных источников поступления разведывательной информации и оценку их с точки зрения эффективности. К своему удивлению, они обнаружили, что преобладающая часть наиболее ценной, с точки зрения политиков и военных, научно-технической информации содержится в открытых источниках, и прежде всего в публикуемых на разных языках мира открытых научных журналах. Вскоре А. Кинг сделал ещё одно удивительное для себя открытие. Выяснилось, что в Британии, континентальной Европе и США издаётся множество первоклассных реферативных журналов, в которых высокопрофессиональные эксперты реферируют первичную научную переводку и составляют краткие выжимки из статей. Самым же большим открытием А. Кинга стал тот факт, что никто в британском разведывательном сообществе, а также в правительственном аппарате и тем более в промышленности эти журналы не читает. Тем самым выяснилось, что огромный пласт первоклассной разведывательной информации оказывается никому не нужен и не используется для дела. Окольными путями он выяснил, что аналогичная картина наблюдается и в Соединённых Штатах. Единственными, кто получал практически все без исключения реферативные журналы по всем отраслям науки, техники и технологий, были в 1950–1960-е гг. Советский Союз и Израиль.

Начав детальную работу по созданию целостной системы максимально полного извлечения информации из открытых источников через реферативные журналы, А. Кинг вышел на Международную федерацию документации и существующую при ней Комиссию по научно-технической информации. Эта федерация первоначально представляла собой объединение энтузиастов научного реферирования и включала в свой состав подавляющую часть издателей реферативных журналов. Достаточно быстро А. Кингу удалось не просто установить тесные контакты с этой организацией, но и стать одним из её руководителей. Он развернул активную работу по переводу организации с любительского уровня в статус полноценной неправительственной международной организации. На этой почве он познакомился с одним из уникальных людей XX века, издателем, политиком, разведчиком Робертом Максвеллом. Вскоре после знакомства один из высоких чинов ФБР, хороший знакомый А. Кинга, сообщил ему интригующую информацию. Он сказал: «Нам известно, что Роберт Максвелл пригласил Вас к себе в отель. Должен Вас предупредить. Будьте осторожны. Его комната оклеена жучками, и мы запишем разговор. Мы в ФБР подозреваем, что он — двойной агент — англичан и русских».

А. Кинг в своих воспоминаниях пишет о том, что Максвелл взялся издавать его книгу и ряд книг его знакомых. В результате были выплачены большие гонорары, получены сигнальные экземпляры в чудесном полиграфическом исполнении, но, несмотря на все напоминания, ни А. Кинг, ни его друзья не увидели своих книг на прилавках магазинов. Когда Кинг задал прямой вопрос, изданы вообще-то книги или нет, Максвелл, абсолютно не стесняясь, ответил, что изданы и разошлись достаточно большим для подобного рода изданий тиражом. Всё дело в том, объяснил он, что такого рода книги бессмысленно продавать в книжных магазинах, они сразу рассылаются по имеющейся у него широкой сети подписчиков, каждого из которых интересует определённая научная тематика, а иногда и конкретные авторы.

Представляют интерес следующие строки воспоминаний А. Кинга: «В начале 70-х годов Максвелл познакомился с Аурелио Печчеи... Он заинтересовался деятельностью Клуба (Римского) и предложил предоставить финансовую помощь и основать британскую ассоциацию. Я предупреждал Аурелио не поддаваться на обещания Максвелла, и что его общественный образ не совместим с образом Клуба. Но он был настолько захвачен энтузиазмом Максвелла, что не слушал меня». Для человека, прочитавшего автобиографию А. Кинга, вполне очевидно, что познакомиться А. Печчеи с Максвеллом мог только один человек. А именно сам Кинг, который на протяжении долгих лет, отнюдь не стесняясь общественного облика Максвелла, поддерживал с ним тесные отношения, не вняв даже предупреждениям друзей из ФБР. Что же до общественного облика, то в годы знакомства Р. Максвелла с А. Кингом и позднее с А. Печчеи он был более чем respectable. Разгадка такого отношения к Максвеллу заключается в его загадочной смерти 5 ноября 1991 г. на собственной яхте в результате невыясненных событий.

10

Здесь самое время сказать несколько слов о Роберте Максвелле. Абрахам Гох — подлинное имя и фамилия Роберта Максвелла — родился в маленькой чехословацкой деревушке, ныне принадлежащей Украине, в бедной еврейской семье. С началом Второй мировой войны родители успели отправить сына во Францию. Сами они впоследствии погибли в концлагерях, что многое объясняет в поступках и деятельности Р. Максвелла. Сам Максвелл оказался во Франции, где сразу же связался с подпольной сионистской боевой организацией Иргун, возглавляемой Ицхаком Шамиром, в будущем министром обороны и премьер-министром Израиля. После короткой боевой подготовки в Тель-Авиве он вернулся во Францию и вступил в Иностраннный легион, где стал одним из лучших бойцов. После разгрома французской армии Максвелл короткий период времени участвовал в Движении Сопротивления, а затем перебрался в Великобританию и вступил в британскую армию. В армии Максвелл служил в десантных войсках, участвовал в первой линии высадки в Нормандии, за что был отмечен одной из высших британских военных наград. В конце войны и сразу же после неё стал сотрудником британской военной разведки и служил в подразделениях МИ9 (организация по поиску и спасению военнопленных) и МИ14 (организация по допросам и определению дальнейшей судьбы старших офицеров Абвера и гестапо). Также он работал в британской информационной службе, одном из подразделений МИ6 в Германии, и договорился там о распространении новой постнацистской прессы в Британии и Европе.

Получив финансовую поддержку от еврейской диаспоры, Максвелл занялся издательским бизнесом, в итоге превратившись в одного из крупнейших газетно-журнальных магнатов мира. Фактически он стал монополистом издания научной литературы в Британии. К марту 1991 г. Р. Максвеллу принадлежали крупнейшие лондонские газеты «Дейли Миррор» и «Санди Миррор», «Нью-Йорк Дейли Ньюс», журнал «Пипл», крупнейшее издательство художественной и деловой литературы «Макмиллан» и созданный им первый в мире развлекательный молодёжный музы-

кальный канал MTV. Помимо этого, Р. Максвелл активно инвестировал деньги в информационные технологии и стал владельцем компании, которая производила опередивший на десятки лет своё время игровой компьютер «Спектрум»; в его игры, переписанные под новые системы, играют и в настоящее время.

Максвелл был избран членом парламента от Лейбористской партии. В Советском Союзе он сумел установить доверительные отношения с высшим советским руководством. Его издательство издавало труды Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко, М.А. Суслова, А.А. Громыко, Т. Живкова, Э. Хонеккера и др.; он имел более чем тесные отношения с Академией наук СССР и издавал за рубежом труды советских учёных, в основном по естественным наукам. Причём, в отличие от работ А. Кинга и его друзей, все указанные книги красовались в витринах книжных магазинов по всему миру.

Определённый интерес представляет следующий факт. Размеры гонораров, выплачиваемых руководителям партии и правительства, были смешными даже по отношению к рядовым авторам. Например, согласно контракту № 101-89440-15 от 14 апреля 1978 г., Всесоюзное агентство по авторским правам предоставляет «Пергамон пресс» права на издание и распространение во всём мире на английском языке книги Л.И. Брежнева «Мир — бесценное достояние народа». «Пергамон» обязуется издать и предложить в продажу указанное произведение тиражом 7000 экземпляров как минимум. Продажная цена в контракте не указана. «Пергамон» обязуется выплатить автору, т.е. Л.И. Брежневу, аванс в размере 250 фунтов стерлингов, а также потиражные, в зависимости от проданного тиража. Ю.В. Андропов удостоился аванса в 400 фунтов стерлингов. Однако в 1990-е гг. выяснилось, что французский филиал издательства Максвелла получал значительные суммы денег в соответствии с закрытым решением ЦК КПСС⁹⁰. Данную информацию подтверждает в своих пока ещё не опубликованных воспоминаниях министр внешней торговли в правительстве Б.Н. Ельцина Виктор Ярошенко, который 21–22 августа 1991 г. отвечал за приёмку документации в Международном отделе ЦК КПСС.

На вопрос являлся ли Максвелл тайным агентом или агентом влияния КГБ, Михаил Любимов отвечает отрицательно. Следует отметить, что Любимов в период отставки либо категорически отказывался от интервью, в тех случаях, когда он не хотел говорить, либо сообщал сведения, которые затем подтверждались из независимых источников и в обязательном порядке не могли нанести какого-либо вреда Службе внешней разведки. В то же время, по его мнению, Максвелл выполнял функцию интерлокера и обеспечивал прямой канал связи между верхушкой британского истеблишмента и Кремлём. В частности, он говорил: «Мы в разведке считали, что англичане создают своего доктора Хаммера, прямой канал или неофициальный мост между Лондоном и Москвой, между британским и советским руководством. Ничего нового тут нет. Такая форма контактов используется многими странами. Скажем, Максвелл собирается в Москву. Представители достаточно высокопоставленных британских кругов просят его во время встреч с советскими товарищами прозондировать те или иные вопросы. В свою очередь, сообщая определённую, подлинную информацию, которая может заинтересовать

⁹⁰ Был ли Максвелл агентом КГБ? Интервью с бывшим руководителем британского направления советской разведки Михаилом Любимовым. <http://fb.ru/material.phtml?id=4894>

Москву. По приезде с ним встречаются и за обедом или ужином происходит обмен информацией.

– Чем же Максвелл так приглянулся нашим?

– Думаю, он сыграл на тщеславии Брежнева и окружения. Не надо забывать, что многие карьеры в Москве состоялись благодаря максвелловским изданиям вождей на английском. Он издал Черненко и Андропова. Так или иначе Максвелл ногой открывал в Москве те двери, куда другим англичанам вход был заказан.

– Крючков встречался с Максвеллом? Да... Максвелл даже собирался печатать в Лондоне какой-то журнал КГБ»⁹¹.

После смерти Максвелла вышло немало бульварных книг, где утверждалось, что он был агентом КГБ. Одним из косвенных доказательств данной точки зрения считался тот факт, что уже после смерти Максвелла британские и американские спецслужбы выяснили, что в компании, управляемой его сыновьями, выявилась значительная недостача, измеряемая десятками миллионов фунтов стерлингов. В связи с этим смерть Максвелла стала трактоваться как самоубийство, а два его сына на короткий период времени сели в тюрьму. Однако не так давно на основании рассекреченных архивов опубликована документальная книга, из которой следует, что Максвелл на протяжении всей своей жизни никогда не был агентом КГБ, хотя являлся прямым каналом связи британского и частично французского истеблишмента с Кремлём. Всю жизнь, начиная с 17-летнего возраста, он работал сначала на нелегальную разведку сионистского движения, а потом на государственную разведку Израиля⁹².

Что же касается смерти Максвелла, то автор книги полагает, что она стала результатом глубокой осведомлённости Роберта Максвелла относительно судьбы части денег, экспортированных в последние месяцы перед крушением Советского Союза по решению высшего советского политического руководства. По мнению полковника КГБ в отставке, в последующем известного историка и писателя, недавно умершего Станислава Лекарева, есть серьёзные основания полагать, что медийная империя Максвелла так или иначе использовалась для вывода на Запад партийных денег. В частности, С. Лекарев пишет: «С конца 80-х гг. с помощью Максвелла начинаются операции по “отмыванию” денег КПСС за границей. В этот период по линии идеологической контрразведки с Максвеллом поддерживал контакт полковник Владимир Головин. Вскоре он неожиданно умер. Работал с Максвеллом и бывший сотрудник внешней контрразведки лондонской резидентуры, полковник Виктор Бредихин. И он скоропостижно скончался на работе. Ещё одним оперативным контактом Максвелла был контрразведчик полковник Вадим Бирюков, регулярно выезжавший в европейские страны для встречи с иностранной агентурой. Вскоре после гибели Максвелла Бирюков при невыясненных обстоятельствах был убит неизвестными лицами в московском гараже»⁹³.

Если сложить кусочки смальты в мозаику, то складывается твёрдое убеждение, что Максвелл поддерживал контакт не только между британским и советским исте-

⁹¹ Там же.

⁹² *Gordon T., Dillon M.* Robert Maxwell, Israel's Superspy: The Life and Murder of a Media Mogul. Boston: DaCapo Press, 2003.

⁹³ *Лекарев С.* Загадка смерти лорда Роберта Максвелла. Ликвидация агента четырёх разведок // Аргументы недели. М., 28.06.2007. <http://argumenti.ru/print/espionage/n71/34859>

блишментом, но и между советским истеблишментом и руководством государства Израиль, которое формально считалось врагом СССР и с которым, начиная с Шестидневной войны 1967 г. и вплоть до конца 1980-х гг., Советский Союз не поддерживал ни дипломатических, ни даже торговых или гуманитарных отношений.

Версию об убийстве Максвелла как спецоперации по зачистке ненужного свидетеля подтверждают эксперты Института судебной медицины Тель-Авива, где состоялось повторное вскрытие Максвелла после его загадочной смерти в открытом море. Согласно вердикту экспертов, смерть наступила вследствие насилия, причём характер множественных ранений, приведших к смерти, чётко указывал на почерк морского спецназа британского Адмиралтейства. Роберт Максвелл похоронен в Иерусалиме на кладбище для самых почётных героев нации. На его похоронах премьер-министр Израиля Ицхак Шамир сказал: «Он сделал для Израиля больше, чем можно сегодня, завтра и послезавтра сказать».

Вполне естественно, что в таких обстоятельствах Роберт Максвелл из делового партнёра для Александра Кинга быстро превратился в личность с сомнительной репутацией. Эта личность неизвестно как познакомилась с Кингом, непонятно как близко сошлась с Печчеи и предлагала им услуги сомнительного характера. Чего не напишешь на склоне лет, будучи настоящим британским джентльменом из высших кругов политико-разведывательного сообщества. В то же время некоторые весьма интересные эпизоды карьеры А. Кинга оказались вообще не упомянуты в его книге «Пусть кошка перевернётся. Двадцатый век в жизни одного человека». Например, он ни словом не обмолвился о своей длительной вовлечённости в иранские дела в начале 1950-х гг. Об этой вовлечённости упоминается в книге мемуаров дочери А. Кинга Джейн. Упоминание носит скорее повествовательно-бытовой, а не содержательный характер. Однако благодаря описанным деталям можно сделать вывод о том, что А. Кинг впервые активно включился в дела Ирана в момент появления реальной угрозы национализации Англо-Иранской нефтяной компании. Завершился этот период свержением доктора Мосаддыка и переделом иранского нефтяного рынка. Можно предположить, что эта вовлечённость была обусловлена рядом уникальных компетенций А. Кинга:

- во-первых, наличием богатого и разностороннего опыта создания мультипредметных, межпрофессиональных, исследовательско-экспертных групп для анализа различного рода кризисных ситуаций и оказания поддержки в выработке решений правительству Её Величества. Эта функция прямо относилась к числу важнейших задач, которые решало Министерство промышленности, где первым заместителем долгое время работал А. Кинг и где он возглавлял разведывательное подразделение;

- во-вторых, прочными формальными и неформальными связями в энергетическом секторе вообще и нефтяной промышленности в частности, охватывающими не только Великобританию, но и Соединённые Штаты и континентальную Европу. Эти связи были наработаны А. Кингом главным образом уже в послевоенный период и связаны с его активной вовлечённостью в работу комиссии по производительности и эффективности как рабочего органа Координационного совета плана Маршалла, где он представлял Великобританию;

- в-третьих, начиная с военных лет, во многом благодаря как собственным уникальным коммуникационным дарованиям, так и наследству агентурной сети Сти-

венсона как паттерна частной разведывательной сети Дарси, А. Кинг имел плотные доверительные отношения с руководителями американской военной и политической разведки. Причём в силу ментального склада гораздо более тесные отношения у А. Кинга сложились не с Диким Биллом — Уильямом Донованом, основателем УСС и первым директором ЦРУ, а с его преемником, человеком, который поставил разведку в Америке на профессиональную основу, Беделлом Смитом;

— и наконец, в-четвёртых, А. Кинг как правая рука Г. Тизарда и личный советник Г. Моррисона не мог не сыграть самой активной роли в решении вопроса о продаже СССР самых передовых на тот момент реактивных двигателей для истребителей, а также других уникальных ноу-хау в первые послевоенные годы. Вполне очевидно, что в роли главного научного советника, в том числе по вопросам ноу-хау и технологий промышленности, он не мог не участвовать в деликатных переговорах с советскими высокопоставленными деятелями, включая А. Микояна.

С учётом уникальности иранских событий 1951–1953 гг., которые в каком-то смысле задали матрицу структуры явных и скрытых межгосударственных и межэлитных взаимодействий на годы вперёд, в рамках данной работы имеет прямой смысл остановиться на внутренней подоплёке свержения Мосаддыка поподробнее. Тем более что открывшиеся в последние годы архивы позволяют не замыкаться на ставшей уже привычной точке зрения, а исследовать второе и даже третье дно этой судьбоносной ситуации.

Глава 3

Александр Кинг. Персидский опыт

1

Свержение правительства Мосаддыка в 1953 г. стало одной из рубежных точек мировой истории. Это событие многое высветило в системе взаимодействия наднациональных и национальных элитных групп. Поскольку к иранской ситуации на протяжении всего периода её развития имел прямое отношение Александр Кинг, имеет смысл детально разобраться в этом вопросе. Тем более что до сегодняшнего дня, несмотря на всё многообразие оценок, остались не затронуты многие ключевые темы. Без их понимания невозможно адекватно оценить значение этого события и понять его историческую механику.

При всей неоднозначности оценок свержения правительства Мосаддыка можно выделить несколько принципиальных позиций. Первая из них принадлежит руководителю операции «Аякс», одному из ключевых работников ЦРУ того времени Кермиту Киму Рузвельту. В своей книге он писал, что «главной целью переворота было воспрепятствовать установлению советского господства в Иране. Мы останавливали коммунистов. Что же касается вопросов нефти, то они были, несомненно, важны, но второстепенны»⁹⁴.

В значительной степени сходную позицию занял и автор всемирного бестселлера «Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть», лауреат Пулитцеровской премии Д. Ергин. В качестве важнейшей причины событий в Иране в начале 1950-х гг. он выделил следующую: «В начале апреля 1946 г., когда Советы наконец начали выводить свои войска, американский посол в Москве поздно вечером отправился в Кремль на личную встречу со Сталиным. “Чего хочет Советский Союз и как далеко собирается идти Россия?” — спросил посол. “Мы дальше не пойдём”, — был не вполне утешительный ответ советского диктатора. Затем он описал попытки Советов расширить влияние в Иране как шаг по защите собственного нефтяного положения. “Нефтяные месторождения в Баку являются нашим основным источником снабжения, — сказал он, — они находятся рядом с иранской границей и совсем не защищены”. Сталин, ставший революционером в Баку за четыре десятилетия до этого, добавил, что “саботажники, даже человек с коробкой спичек, могут нанести нам серьёзный урон. Мы не собираемся подвергать риску наше нефтяное снабжение”. Фактиче-

⁹⁴ *Roosevelt K. Countercoup: Struggle for the Control of Iran. N.Y.: McGraw Hill Higher Education, 1981.*

ски Сталин интересовался иранской нефтью. Советское производство нефти в 1945 г. составляло только 60 процентов от уровня 1941 г. Во время войны страна в отчаянии мобилизовала ряд заменителей — от нефтяного импорта из Соединённых Штатов до работающих на древесине двигателей для грузовиков. Вскоре после войны Сталин беседовал со своим министром нефтяной промышленности Николаем Байбаковым (который впоследствии в течение двадцати лет отвечал за советскую экономику вплоть до 1985 г., когда Михаил Горбачёв снял его). Как всегда неправильно произнося его имя, Сталин спросил, что Советский Союз собирается предпринять для исправления положения с нефтью. Его нефтяные месторождения серьёзно пострадали и были истощены, и перспективы вряд ли предвиделись. Как можно перестроить экономику без нефти? Усилия должны быть удвоены, сказал диктатор»⁹⁵.

Прямо противоположную оценку свержению Мосаддыка давали советские историки-востоковеды. Так, в наиболее полной и адекватной книге по новейшей истории Ирана они сделали вывод о том, что «свержение Мосаддыка стало результатом неприкрытой агрессии США и Великобритании против иранского народа с целью подавить левые, демократические и национально-освободительные силы народа и лишить Иран его природных богатств»⁹⁶.

Автор наиболее популярной работы, посвящённой свержению правительства Мосаддыка, Стивен Кинзер, оценивает свержение Мосаддыка как результат столкновения восточного, традиционного ресурсного государства, пронизанного родовыми, клановыми и религиозными связями, построенного на клиентских отношениях, с западными транснациональными корпорациями, за спиной которых стояли наиболее могущественные организации тогдашнего мира⁹⁷.

В последние годы появилась принципиально новая трактовка событий в Иране, связывающая их с корпоратократией. Так, русский историк А.И. Фурсов пишет: «После Второй мировой войны на свет вышла молодая и очень хищная фракция мирового капиталистического класса — корпоратократия. Её первое явление миру — свержение правительства Мосаддыка в Иране в 1953 г., проведённое в угоду не государственным, а корпорационным интересам»⁹⁸.

Как это ни парадоксально, все приведённые выше точки зрения, хотя и в различной степени, базируются на фактах, характеризующих события, произошедшие в начале 1950-х гг. в Иране. Для того чтобы за калейдоскопом фактов увидеть геополитические тенденции и прагматику конкретных действий элитных групп и держав, необходимо сделать небольшой экскурс в художественный бизнес.

Хорошо известно, что с появлением после Второй мировой войны эффективных средств неразрушающего анализа живописных полотен обязательным стандартом при приобретении того или иного произведения искусства стала его магниторезонансная экспертиза.

⁹⁵ *Ергин Д.* Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина Паблишер, 2013.

⁹⁶ Иран. Очерки новейшей истории. М.: Наука, 1976.

⁹⁷ *Kinzer S.* All the Shah's Men: An American Coup and the Roots of Middle East Terror. Hoboken, New Jersey. Wiley, 2008.

⁹⁸ Крушение СССР в контексте мировой борьбы за власть // Интервью А.И. Фурсова. «КМ-ТВ» 04.08.2011.

Дело в том, что в XIV–XVIII веках хорошие холсты и грунтовка в Европе были очень дороги. Поэтому художники средней руки зачастую использовали для своих полотен картины более ранних художников. Они наскоро обрабатывали написанные на старых холстах картины и использовали их как грунтовку для собственных полотен. Причём это происходило не раз, а два и даже три раза. В итоге под одним слоем живописи оказывалось ещё два-три. Причём, как правило, каждый следующий художник обладал меньшим дарованием, чем предыдущий, и использовал в качестве холста и грунтовки гораздо более ценные и с художественной, и с финансовой точки зрения произведения искусства. Сегодня насчитываются уже не десятки, а сотни случаев, когда под полотнами второ- и третьесортных художников обнаруживались картины не только малых голландцев, но и таких корифеев, как Ван Эйк, Кранах, Брейгель и др.

Нечто похожее складывается и при анализе исторических источников. При должном внимании, наличии времени и незашоренном взгляде под слоем фактов первого порядка можно обнаружить объясняющие их факты второго и даже третьего порядка. Именно подобной исторической реставрацией мы и займёмся дальше.

Практически все авторы работ о свержении Мосаддыка, даже стоящие на диаметрально противоположных точках зрения относительно сути события, едины в оценке позиции и роли Советского Союза как антагониста западных держав и элитных группировок. Однако так ли это было на самом деле? Итог переворота 1953 г. в немалой степени был предопределён событиями, произошедшими семью годами ранее, в конце 1946 – начале 1947 г. Из всего многообразия событий того времени необходимо выделить применительно к нашей теме три ключевых.

Прежде всего, в условиях катастрофического положения в британской экономике вновь избранное лейбористское правительство К. Эттли лихорадочно искало пути быстрого и стабильного пополнения государственной казны, не связанные с повышением налогов на и без того обескровленный войной британский бизнес. Естественным образом был обращён на Англо-Иранскую нефтяную компанию (АИНК). Британское правительство потребовало увеличить от компании размеры поступающих в казну налогов и резко ограничить дивиденды, выплачиваемые частным акционерам. В результате, например, в 1948 г. Иран получил от АИНК концессионных платежей в сумме 9,2 млн. фунтов стерлингов, из них в качестве подоходного налога 1,3 млн. ф. ст. Британская же казна получила в качестве подоходного налога более 28 млн. ф. ст., а с учётом дивидендных платежей, приходившихся на государственные акции, более 40 млн. ф. ст. Иными словами, Британия получала от нефтяной компании более чем вчетверо больше средств, чем Иран⁹⁹. Но и это ещё не всё. АИНК была обязана снабжать британскую армию и флот нефтью и нефтепродуктами по льготным ценам, а также по аналогичным ценам передавать нефтепродукты американскому флоту в счёт расчётов по ленд-лизу. С учётом этих факторов сумма доходов Британии от АИНК была примерно в 6 раз больше, чем Ирана, и это различие продолжало нарастать в период с 1947 по 1952 г.¹⁰⁰

Вторым судьбоносным событием стало разрешение так называемого южноазербайджанского кризиса 1945–1946 гг. Как известно, во время Великой Отечественной

⁹⁹ Иран. Очерки...

¹⁰⁰ *Ергин Д.* Указ. соч.

войны территория Ирана была поделена на зоны советской и британской оккупации. Это произошло в результате необходимости противодействия чрезвычайно сильному влиянию Германии в Иране и пресечению пронацистского мятежа в этой стране с переходом Ирана на сторону стран Оси. Хорошо известно, что в советской оккупационной зоне была создана автономная, а фактически независимая республика Южного Азербайджана. Этнически эти районы населены не персами, как центральная и южная части Ирана, а в основном азербайджанцами, т.е. тюркским народом, а также курдскими племенами. Автономная республика имела собственное, ориентировавшееся на Советский Союз правительство, армию, военизированные и полицейские формирования, органы государственной власти, суды и т.п. В республике была фактически начата коллективизация, а также национализация построенных в основном немцами предприятий. В качестве расчётной единицы на территории Южного Азербайджана со столицей в Тебризе использовался советский рубль.

После окончания Второй мировой войны и вывода британских войск из Ирана Британия и главным образом Соединённые Штаты достаточно жёстко поставили вопрос о выводе советских войск, как это предусматривалось Ялтинскими и Потсдамскими соглашениями. В результате сложных дипломатических манёвров и взаимных уступок Советский Союз сначала вывел свои войска, а потом дал указание просоветским элементам в Южном Азербайджане прекратить сопротивление и согласиться на оккупацию с ликвидацией автономии. Хотя значительная часть лидеров Южного Азербайджана и руководителей курдских племён отказались капитулировать, их нерегулярные формирования и лишённые советской поддержки воинские единицы были быстро разбиты иранской армией, и Южный Азербайджан плотно интегрирован в Иран¹⁰¹.

Касаясь итогов азербайджанского кризиса, Дж.П. Гасанлы, со ссылкой на документы КГБ СССР, отметил: «Иранский кризис привёл к необратимым геополитическим изменениям в этом регионе: традиционное место Великобритании постепенно занимали США. Следующий конфликт в регионе между СССР, Англией и США в связи с турецким вопросом проходил под знаком заметного обострения советско-американских отношений и вызвал к жизни “доктрину Трумэна”, корни которой лежали в иранском опыте»¹⁰².

Теперь относительно третьего ключевого обстоятельства. Практически ни одна исследовательская работа по Ирану не содержит анализа поистине тектонического значения привлечения в Иран в 1940-е гг. американских консультантов по планированию. Более того, единственной серьёзной работой, в которой этот факт вообще отмечен в качестве существенного обстоятельства, является советская работа «Иран. Очерки новейшей истории»¹⁰³. Что касается западных и прежде всего американских работ, то этот факт упоминается в числе прочих, что называется, через запятую. Между тем появление американских планировщиков в Иране

¹⁰¹ Гасанлы Дж.П. СССР — Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М.: Герои Отечества, 2006. Автор книги Дж.П. Гасанлы — известный азербайджанский исследователь, имеющий родственные связи с высшим руководством республики, написал свою работу на основе впервые рассекреченных документов различных советских архивов.

¹⁰² Гасанлы Дж.П. Указ. соч.

¹⁰³ Иран. Очерки...

сыграло роль своеобразного триггера. Он привёл в действие цепь событий, решившихся свержением Мосаддыка и переделом рынка иранской нефти. Ещё в 1944 г. приезжавший в Иран Герберт Гувер-младший, сын бывшего президента США, встречался с шахом Ирана Мохаммадом Резой Пехлеви. В ходе встречи он рекомендовал, как это ни парадоксально, воспользоваться опытом не только администрации Ф.Д. Рузвельта, но и Советского Союза и разработать семилетний план развития Ирана.

После завершения Второй мировой войны шах вернулся к этой теме и по рекомендации Гувера-младшего пригласил в качестве разработчиков семилетнего плана американскую фирму «Оверсиз Консалтантс», тесно связанную с нефтяной корпорацией «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси» и принадлежащую семье Рокфеллер¹⁰⁴. Нельзя не отметить, что эта же компания активно консультировала советских нефтяников фактически с первых дней основания этой отрасли в СССР, а затем принимала участие в разработке планов первой и второй пятилеток в СССР¹⁰⁵.

По прямому указанию шаха и при участии премьер-министра Ахмада Кавама «Оверсиз Консалтантс Инк» с привлечением ещё одной американской компании, тесно связанной со знаменитым американским промышленным проектировщиком А. Каном, «Моррисон Надсон Интернешнл Инжиниринг», в 1946–1947 гг. разработала семилетний план реконструкции и развития иранской экономики. Представляя его шаху и премьер-министру, руководитель рокфеллеровской компании Макс Торнберг подчеркнул, что единственным реальным источником финансирования необходимых Ирану объектов портового хозяйства, инфраструктуры и промышленных предприятий являются доходы от нефти. А это, по его мнению, требует восстановления справедливости и увеличения доли Ирана в доходах, получаемых от АИНК.

Масла в огонь иранского недовольства подлила и намеренная утечка, осуществлённая американцами относительно условий раздела доходов в другой крупнейшей нефтяной компании мира, базирующейся в Саудовской Аравии, — «Арамко». Там в результате напряжённых переговоров американцев во главе с одним из руководителей Госдепартамента Д. МакГи с королём Саудовской Аравии, главным советником которого был отец Кима Филби Г. Сент-Джон Филби, было достигнуто соглашение о распределении доходов между американцами и саудовцами по принципу «50 на 50». В результате, как пишет Д. Ергин, сложилось положение, при котором «никогда ещё державе, столь стремительно закатывающейся, не приписывалось столько злого умысла. Англичан считали какими-то сверхъестественными дьяволами, контролирующими и управляющими всей страной. Каждый иранский политик, независимо от политической окраски, нападал на своих врагов и противников, утверждал, что они британские агенты. Даже засуха, неурожай, нашествия саранчи приписывались коварным замыслам умных англичан. Объектом, на котором, казалось, сконцентрировалась вся ненависть, было самое большое промышленное предприятие Ирана, главный источник валютных поступлений страны и

¹⁰⁴ *Camton Э., Пол Л.* Иранская нефть: К истории «политики силы». М.: Изд-во иностр. лит., 1956.

¹⁰⁵ *Sutton A.C.* Western Technology and Soviet Economic Development 1917 to 1930. Stanford: Stanford University Press, 1970; его же: Western Technology and Soviet Economic Development 1930 to 1945. Stanford: Stanford University Press, 1970.

вместе с тем чересчур заметный символ вторжения современного мира — «Англо-Иранская нефтяная компания»»¹⁰⁶.

На волне, объединившей все слои общества ненависти к британцам и конкретно к АИНК, новым премьер-министром 28 апреля 1951 г. был избран враг номер один АИНК доктор Мохаммад Мосаддык. Главным пунктом его программы была скорейшая национализация АИНК. Последовавшие затем перипетии детально описаны в упомянутых книгах. Нам же важно отметить несколько обстоятельств. Прежде всего, сам Мохаммад Мосаддык хотя и был короткое время очень популярен в иранском обществе и по своему происхождению относился к высшей иранской аристократии, по воспитанию был типичным космополитом, «человеком мира». Он получил блестящее образование во Франции и Швейцарии. Многие члены его семьи после смерти Мосаддыка переехали жить во Францию, Великобританию и США. Кстати, практически все западные мемуаристы, включая таких известных личностей, как Аверрел Гарриман и Дин Ачесон, отмечали светскость, обаяние Мосаддыка и его умение вести беседу. Черчилль в своих воспоминаниях называл его «блистательным доктором Моззи».

Взаимодействие с народными массами Мосаддыку обеспечивала очень могущественная фигура, длительное время поддерживавшая доктора, — аятолла Кавани, лидер «Фронта освобождения ислама». К личности аятоллы мы вернёмся позднее. Весьма часто и западные, и советские исследователи писали о том, что в своей деятельности Мосаддык опирался, прежде всего, на народно-демократические и даже левые круги, вплоть до партии коммунистической ориентации «Туде». Однако это не так. Причин тому было две. Одна из них лежала на поверхности. Мосаддык был националистом и интеллектуалом, тесно связанным со старой персидской аристократией. Его и любые левые движения разделяла просто непроходимая пропасть. Не Мосаддык искал поддержку у левых, а левые в начале 1950-х гг. пытались использовать в своих интересах имя Мосаддыка. Вторая причина связана с тем, что Мосаддык рассчитывал балансировать на противоречиях интересов великих держав, прежде всего США, СССР и Великобритании. Потому ни в коей мере он не мог позволить себе сколько-нибудь заметное движение в сторону левых, а тем более прокоммунистической «Туде».

Наконец, чтобы закончить разговор о «Туде», нужно иметь в виду следующее важное обстоятельство. Начиная с 1950 г. все руководители этой партии находились в Советском Союзе. Более того, лишь благодаря определённым внешнеполитическим планам Л. Берии, которым не суждено было осуществиться, они оказались под его защитой и не были казнены как множество руководителей коммунистических и рабочих партий Восточной Европы в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Степень изоляции руководителей «Туде» от партии и от ситуации в мире была столь велика, что уже после кончины И.В. Сталина они направили ему телеграмму с пожеланием крепкого здоровья и скорейшего возвращения к активной деятельности на благо советского и иранского народов¹⁰⁷.

Прежде чем коснуться взаимоотношений правительства Мосаддыка с Советским Союзом, необходимо несколько слов сказать о причине иранского кризиса. Представляется, что наиболее верно указал на неё А.И. Фурсов, выделив принципиально нового актора на геэкономическом театре политических действий — кор-

¹⁰⁶ *Ергин Д.* Указ. соч.

¹⁰⁷ *Гасанлы Дж.П.* Указ. соч.

поратократию. Однако беспристрастный анализ не может не внести в данный подход определённую поправку. Наряду с поединком корпоратократии с национальным государством — Ираном, в Персидском кризисе, без сомнения, имела место борьба имперских образований — США и Великобритании.

Эту подоплёку Персидского конфликта изначально, с момента прибытия в Тегеран Герберта Гувера-младшего как специального посланника Ф.Д. Рузвельта, понимали британцы. Вот что пишет по этому поводу Д. Ергин: «Но другие члены британского правительства настаивали на попытках разработать план вместе с американцами. 18 февраля 1944 г. британский посол в Вашингтоне лорд Галифакс почти два часа спорил с заместителем государственного секретаря Самнером Уэллсом о нефти и её будущем. Позже Галифакс в телеграмме, посланной в Лондон, сообщил, что “отношение американцев к нам шокирует”. Галифакс был так расстроен дискуссией в Государственном департаменте, что немедленно потребовал личной встречи с президентом. Рузвельт принял его в тот же самый вечер в Белом доме. Их беседа сосредоточилась на Ближнем Востоке. Пытаясь смягчить опасения и недовольствие Галифакса, Рузвельт показал послу схему раздела по Ближнему Востоку. “Персидская нефть ваша, — сказал он послу. — Нефть Ирака и Кувейта мы поделим. Что касается нефти Саудовской Аравии, она наша”.

Набросок Рузвельта был недостаточен для снятия напряжения, ведь события предыдущих недель привели к обмену резкими посланиями между президентом и премьер-министром. 20 февраля 1944 г., всего лишь через час после ознакомления с докладами Галифакса о его встречах, Черчилль написал Рузвельту, что он с “возрастающим опасением” следит за телеграммами о нефти. “Стычка из-за нефти будет плохой прелюдией к тому потрясающему совместному предприятию, которое мы планируем начать и которое потребует и самопожертвования, — заявил он. — В наших определённых кругах есть опасение, что Соединённые Штаты стремятся отнять все наши нефтяные активы на Ближнем Востоке, от которых зависит в том числе и снабжение всего нашего военно-морского флота”. “Откровенно говоря, — писал он, — некоторые считают, что “нас выгоняют”»¹⁰⁸.

Теперь настало время, базируясь на архивных материалах, выяснить реальную роль СССР в свержении М. Мосаддыка и попробовать разобраться в причинах позиции, занятой Советским Союзом.

2

Став премьер-министром, Мосаддык заявил: «Доходами от нефти мы сможем удовлетворить все наши нужды и положить конец бедности. Невежеству и болезням, охватившим миллионы трудящихся страны. С ликвидацией компании будет уничтожен центр интриг, провокаций и вмешательства во внутренние дела, что позволит стране добиться экономической и политической независимости»¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Ергин Д. Указ. соч.

¹⁰⁹ Оришев А.Б. Иран в политике нацистской Германии на Среднем Востоке накануне и в годы Второй мировой войны: 1933–1943 гг. Дис. на соиск. уч. степ. д-ра ист. н. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2007.

Премьер-министр был не полевым командиром или народным трибуном, а европейски образованным человеком, хорошо понимающим хитросплетения мировой экономики. Он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что меры по национализации АИНК приведут к мощному противодействию, прежде всего, со стороны Великобритании. Она постарается отрезать Иран от финансирования, технического содействия, а главное — рынков сбыта нефти.

Чтобы предотвратить это, у Мосаддыка, вероятно, имелись план А и план Б. План А был связан с Советским Союзом. Памятуя о послевоенном интересе И. Сталина к иранской нефти, Мосаддык полагал, что сможет выдвинуть инициативы, которые заинтересуют Москву. Ещё в 1946 г. шахский режим предлагал в качестве своеобразной компенсации за решение южноазербайджанского кризиса предоставить СССР концессии по добыче нефти в Северном Иране. В немалой степени из-за нажима Великобритании и стоящими за ней США этому проекту не было суждено реализоваться в то время. Поэтому одним из первых предложений Мосаддыка стало предложение о предоставлении СССР нефтяной концессии в северных районах Ирана. Оно было сделано Мосаддыком сразу же после прихода к власти. Спустя короткое время он получил ответ от советского правительства. Ответ гласил: «Идя навстречу пожеланиям иранского правительства, советское правительство считает возможным своё предложение о предоставлении Советскому Союзу нефтяной концессии в северных районах Ирана заменить предложением о создании советско-иранского смешанного общества по разведке, добыче и переработке нефти в Северном Иране с предоставлением советской стороне — 51% акций, а 49% — иранской стороне»¹¹⁰.

Мы видим, что фактически на своё предложение иранцы получили отказ. При этом, прямо скажем, не в самой вежливой для них форме. Любой документ надо понимать в контексте исторической эпохи. Если рассмотреть советский ответ на иранское предложение в контексте американо-саудовского соглашения и документов по национализации АИНК, то станет понятна вся неприемлемость советского предложения, заранее направленного на отказ иранской стороны. Американо-саудовское соглашение по «Арамко» предполагало строгое следование принципу «фифти-фифти». Или, как говорят американцы, «ни хозяин, ни слуга». Этот же подход американцы предлагали иранцам и для урегулирования кризиса вокруг АИНК. Однако их предложения натолкнулись на противодействие, аргументированное тем, что в любом случае иранцы должны контролировать компанию. С учётом данных обстоятельств очевидно, что советская сторона не собиралась создавать никакого смешанного общества с правительством доктора Мосаддыка. Иранцам также было отказано в направлении в их страну инженерно-технических работников нефтяной промышленности СССР. Мотивировалось это — в значительной степени справедливо — неустойчивой политической и экономической обстановкой в стране, создающей угрозу жизни советских специалистов, а также невозможностью для советских специалистов взять на себя решение каких-либо технологических функций без урегулирования вопросов относительно структуры собственности и организационного строения компании.

¹¹⁰ Гасанлы Дж.П. Указ. соч.

В условиях стремительно ухудшающегося финансово-экономического положения Ирана кабинет Мосаддыка встал на путь самостоятельного выхода на мировой рынок нефти, однако совершенно не преуспел в этом. Мировой нефтяной картель, в состав которого входила и «Бритиш Петролеум» — хозяин АИНК, фактически заблокировал не только финансовые расчёты по иранской нефти, но и возможности фрахта танкеров. Лишь три так называемых независимых компании из Италии, Греции и Нидерландов с 1951 по 1952 г. закупали относительно небольшие объёмы иранской нефти. Как впоследствии выяснилось, все три эти компании входили в большую сеть подставных коммерческих компаний ЦРУ. Смысл небольших закупок нефти состоял единственно в том, что полученные от продажи средства позволяли проводить текущий ремонт скважин и нефтеперерабатывающего оборудования. Иными словами, американцы обеспечивали сохранение ресурсной базы АИНК в работоспособном состоянии и не допускали техногенных катастроф, которые бы затруднили эксплуатацию после разрешения кризиса. В этих условиях иранское правительство опять же обратилось к Советскому Союзу. Как пишет видный отечественный ирановед С. Алиев: «Иранское правительство вступило в переговоры с СССР, Чехословакией, Венгрией и Афганистаном о поставках в эти страны иранской нефти. Однако в переговорах с представителями социалистических стран успехов достигнуть не удалось, прежде всего, из-за слишком осторожной политики Мосаддыка, который опасался вызвать новый конфликт с США и Англией»¹¹¹.

В реальности дело было не в Мосаддыке. Вот что мы читаем в недавно рассекреченных архивных документах: «Весной 1952 г. между И. Садчиковым (послом СССР в Иране) и ближайшим сподвижником М. Мосаддыка аятоллой А. Кашани начались секретные переговоры по поводу советских закупок иранской нефти. 6 апреля 1952 г. И. Садчиков встретился с Ш. Каземи — секретарём активного участника движения за национализацию нефтяной промышленности, позднее председателя иранского меджлиса А. Кашани. При этом Ш. Каземи сообщил министру иностранных дел Багиру Каземи ответы СССР по закупке иранской нефти. Кашани просил министра принять И. Садчикова и начать переговоры по продаже нефти Советскому Союзу. Б. Каземи ответил согласием. В то же время А. Кашани просил И. Садчикова при встрече с Б. Каземи подтвердить намерения СССР покупать иранскую нефть. А. Вышинский 11 апреля 1952 г. информировал И. Сталина: “Кашани через своего секретаря передал И. Садчикову, чтобы в случае благополучного окончания переговоров о продаже нефти мы заверили иранское правительство, что эта покупка не будет использована как средство или повод к вмешательству во внутренние дела Ирана и что если Иран в связи с продажей нам нефти подвергнется внешнему нажиму, то мы не оставим его без поддержки и окажем ему необходимую финансовую помощь”»¹¹².

После оценки этой информации из Тегерана МИД СССР подготовил для Садчикова конспект его ответов на переговорах с Б. Каземи и направил их для утверждения в ЦК ВКП(б). В этом конспекте значилось: «Первое. Если министр иностранных дел Каземи поставит перед Вами вопрос о продаже Советскому Союзу нефти

¹¹¹ Иран. Очерки....

¹¹² А. Вышинский — И. Сталину. 11.04.1952 г. РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1219, л. 95.

и нефтепродуктов, Вам следует дать ему ответ, аналогичный ответу, который Вы дали Кашани в соответствии с нашими указаниями в телеграмме № 106 от 23 марта, заявив, что мы сочувствуем положению, в котором находится в настоящее время Иран, и готовы купить иранскую нефть, но мы хотели бы получить конкретные предложения: какая имеется в виду к продаже нефть — сырая или переработанная в нефтепродукты и в какие именно и т.д. Скажите также, что с нефтеналивным флотом мы испытываем затруднения.

По вопросу о финансовой помощи Вам следует руководствоваться ранее данными указаниями (телеграмма № 74 от 9 марта), разъяснив, что этот вопрос связан с урегулированием взаимных финансовых претензий и что с советской стороны было сделано всё возможное, чтобы договориться с иранским правительством по этому вопросу. Если соглашение до сих пор не состоялось, то не по вине советской стороны.

Второе. Если Каземи также затронет вопрос о заверении с нашей стороны, что закупка иранской нефти не будет использована для вмешательства во внутренние дела Ирана, то Вам следует категорически отвести обсуждение этого вопроса, заявив, что предложение о таком заверении лишено всякого основания»¹¹³.

Когда же иранцы в соответствии с пожеланиями передали спецификацию по предлагаемой поставке сырой нефти и нефтепродуктов, а также транспортные условия поставки, то послу И. Садчикову были даны указания не соглашаться с предлагаемыми вариантами, а требовать новых, ещё более льготных. Кроме того, советская сторона категорически отказывалась связываться с танкерным флотом и требовала поставки в порт на побережье Каспийского моря¹¹⁴. Такой транспортной логистики в то время у Ирана просто не было. Поэтому сколько-нибудь крупных поставок иранской нефти в СССР, решавших финансовые проблемы страны, осуществить на таких условиях было невозможно. Что же касается поставок в Венгрию, Чехословакию и Польшу, то их предлагалось осуществлять не при помощи танкеров, а через пункт на Каспийском море с последующей перегрузкой в нефтеналивные баржи. Иными словами, советская сторона вполне сознательно отказывалась от покупки у Ирана нефти и нефтепродуктов, и боязнь Мосаддыка США и Великобритании была совершенно ни при чём.

Оказавшись в финансово безвыходном положении, правительство Мосаддыка искало внешние источники получения финансовых средств. Так, Мосаддык обращался лично к Гарри Трумэну с просьбой предоставить либо напрямую, либо через Международный валютный фонд заём в размере 120 млн. долларов, который позволил бы стране продержаться на плаву. Трумэн прямо не отверг это предложение, но обусловил предоставление займа разрешением кризиса вокруг АИНК.

И здесь мы прикасаемся к одному из самых поразительных сюжетов, связанных с Персидским кризисом. Дело в том, что в ходе оккупации советскими войсками Ирана ими был захвачен, а впоследствии перевезён на территорию СССР иранский государственный золотой запас в размере 11,2 т золота и 8,6 млн. долларов. Сразу после окончания Второй мировой войны шахские правительства неоднократно предприни-

¹¹³ Постановление ЦК ВКП(б) «Об указании послу СССР в Иране». Апрель, 1952 г. РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1219, л. 98.

¹¹⁴ Из дневника И. Садчикова. АВП РФ, ф. 094, оп. 55, п. 388, д. 8.

мали попытки по возврату иранских золотовалютных ресурсов. Однако они наталкивались на стойкое неприятие Советского Союза, аргументировавшего свою позицию наличием многочисленных неурегулированных финансовых вопросов в ирано-советских отношениях. Естественно, одним из первых шагов правительства М. Мосаддыка стали усилия по возврату столь необходимого ему золотовалютного резерва. Реакция советской стороны на активность Мосаддыка была следующей: «Иранцы настаивают на передаче им золота в натуре и не соглашаются на компенсацию его стоимости товарными поставками, указывая, что золото по соглашению 1943 г. является собственностью иранского государства, находится лишь на хранении в Госбанке СССР и составляет часть золотого обеспечения иранской валюты»¹¹⁵. 29 сентября 1951 г. А. Вышинский, А. Зверев и М. Меншиков в очередном отчёте на имя И. Сталина отмечали, что на завершившемся втором этапе переговоров «иранская сторона никаких серьёзных дополнительных уступок не сделала»¹¹⁶. На этом основании соответствующие советские министерства выступили против подписания заключительного протокола в противовес тому, что предлагали Садчиков и Чечулин. В решении ЦК ВКП(б), направленном Садчикову, Чечулину и Кузнецову, указывалось: «Переговоры показали, что в настоящее время нет оснований рассчитывать на достижение соглашения с иранцами на приемлемой для нас основе. Что же касается ваших рассуждений относительно целесообразности некоторых уступок иранской стороне в отступление от данных вам директив, то мы считаем их неправильными и совершенно неприемлемыми. Мы не собираемся идти ни на какие уступки сверх предусмотренных этими директивами. Ввиду занятой иранцами позиции продолжение переговоров считаем нецелесообразным. Однако, прекращение переговоров надо провести в соответствующей тактичной форме»¹¹⁷.

Первое время Мосаддык был склонен к сближению с СССР. Через Ф. Ипекчиана, который был близок и к нему, и к СССР, он пытался дать это почувствовать И. Садчикову. Однако советское руководство не верило в искренность Мосаддыка. Ознакомившись с материалами переговоров с иранским премьером и его посредниками, Политбюро обсудило этот вопрос 26 сентября 1951 г. и поручило советскому послу в Тегеране быть осмотрительным в отношении Мосаддыка. В указаниях Политбюро И. Садчикову читаем: «Из Ваших бесед с Мосаддыком и его посредниками видно, что Вы всерьёз принимаете разговоры Мосаддыка о его якобы стремлении договориться с нами по финансовым претензиям и улучшить отношения с Советским Союзом. Вы, видимо, не поняли того, что Мосаддык, засылая к Вам своих посредников, вроде Ипекчиана, с советами воспользоваться создавшимся у Мосаддыка положением и пойти с ним на сближение, просто шантажирует американцев и пытается использовать Вас в своей игре с англичанами и американцами»¹¹⁸.

¹¹⁵ А. Вышинский, А. Зверев, М. Меншиков – И. Сталину. 14.09.1951 г. РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1219, л. 10.

¹¹⁶ А. Вышинский, А. Зверев, М. Меншиков – И. Сталину. 29.09.1951 г. РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1219, л. 21.

¹¹⁷ Постановление ЦК ВКП(б) «Об утверждении указания тт. Садчикову и Чечулину. Сентябрь, 1951 г. РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1219, л. 25.

¹¹⁸ Решение Политбюро об указаниях Садчикову в связи с его беседами с Мосаддыком и Ипекчианом. 25.10.1951 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 46, л. 195–196.

В связи с этим весьма показательна дальнейшая судьба иранских золотовалютных резервов. Спустя очень короткое время после свержения М. Мосаддыка, возвращения в страну шаха Реза Пехлеви и заключения соглашения между правительством, возглавляемым бывшим нацистским агентом генералом Фазлоллой Захеи, и международным нефтяным картелем о возобновлении деятельности АИНК Советский Союз передал правительству Захеи иранские золотовалютные резервы.

Представляется, что приведённые архивные документы позволяют без излишнего упрощения посмотреть на движущие силы свержения правительства Мосаддыка. Вполне очевидно, что Мосаддыка свергла не только корпоратократия, а коалиционные силы, явно включающие в себя, наряду с корпоратократией, американскую и британскую бюрократию, а в неявном, но оттого не менее важном виде — и советскую партийную номенклатуру. Причём произошло это отнюдь не во время Брежнева и Горбачёва, а тогда, когда у руля государства ещё находился И.В. Сталин. При этом, несомненно, ошибочным будет вывод о том, что СССР выполнял роль подручного западных держав и корпоратократии. Это отнюдь не так. Вполне очевидно, что СССР в лице его правящей номенклатуры преследовал собственные интересы, которые в конкретное время и в конкретном геополитическом месте совпали с интересами англосаксонских держав и нефтяной корпоратократии.

В качестве прямой иллюстрации данного вывода можно привести крайнюю осторожность, если не сказать больше, прежде всего американцев, а в значительной степени и британцев в отношении восстания летом 1953 г. в ГДР, которое, кстати, по мнению многих бывших офицеров Штази, было спровоцировано во многом высшим руководством СЕПГ во главе с В. Ульбрихтом. Не считая радиопередач, которые быстро приобрели достаточно сдержанную форму, американцы не сделали ничего, что помешало бы советским войскам подавить мятеж в Берлине и в провинциях¹¹⁹.

В более широком плане необходимо подчеркнуть, что с первых дней пребывания у власти И.В. Сталин показал себя в международных отношениях, а также в межэлитных взаимодействиях как системный актор, строго придерживающийся подписанных соглашений, неформальных договорённостей и неписаных норм элитного взаимодействия. Лучшим доказательством данного вывода является предельная сдержанность И.В. Сталина и уважение им писаных и неписаных договорённостей, включая тайные, никогда не оформленные соглашения с элитными группами, прежде всего США и, возможно, Германии. Наиболее ярко, подробно, с множеством деталей и скрупулёзной фактографией описал это известный противник И.В. Сталина, один из самых популярных не только в СССР, но и в мире публицистов своего времени, без сомнения конфиденгент определённой части советских разведывательных кругов, Эрнст Генри в своей работе «К вопросу о внешней политике Сталина»¹²⁰. В частности, в книге описывается сдержанность и, более того, прямое воздействие Сталина на руководство коммунистических партий Франции и Италии с целью блокировки их попыток прихода к власти самостоятельно или в соста-

¹¹⁹ Платошкин Н.Н. Жаркое лето 1953 года в Германии. М.: Олма, 2004.

¹²⁰ К вопросу о внешней политике Сталина (записка) / Прометей. М.: Русский раритет, 2007.

ве широких коалиций. В этой же работе подробно описываются перипетии вокруг трагического греческого восстания и т.п.

Иными словами, несмотря на появившиеся в последнее время бездоказательные работы об имевшем место якобы стремлении Сталина перекроить политическую карту послевоенного мироустройства, согласованную в Ялте и Потсдаме, и приписать ему агрессивные намерения вплоть до идеи развязывания третьей мировой войны, И.В. Сталин в своей послевоенной политике строго, можно даже сказать, скрупулёзно, придерживался открытых и тайных договоренностей, прежде всего с США, достигнутых в конце войны и в первый послевоенный год.

Может возникнуть вопрос, а как же с этим согласуется Корейская война с прямым участием советских лётчиков в боях с американской авиацией над Корейским полуостровом. Ещё в 1990-е гг. китайские историки рассказывали автору о том, что якобы И.В. Сталин неоднократно писал Мао Цзэдуну о желании выйти из Ялтинских договорённостей и перейти к отбрасыванию мирового империализма по всем фронтам, не боясь горячих войн. В последние годы в Китае опубликован ряд работ, где излагается подобная точка зрения. Однако ни в устных беседах, ни в опубликованных работах никто не привёл ни одной ссылки на какой-либо документ. Более того, в опубликованных фундаментальных работах, посвящённых предыстории Корейской войны¹²¹, указывается, что главными интересантами горячей войны на Корейском полуострове были именно китайские товарищи, которые фактически дали гарантии Ким Ир Сёну в том, что не только обеспечат полную военную поддержку, включая посылку войск, но и гарантируют в случае необходимости вовлечение в конфликт Советского Союза, вплоть до применения им тактического ядерного оружия.

Сходной точки зрения придерживаются и американские авторы, анализирующие взаимоотношения в российской партийной элите в послевоенный период. Скрупулёзно сравнивая осуществление тех или иных шагов по эскалации корейского конфликта с известными из архивных источников сводками и другими косвенными документами о здоровье И.В. Сталина, они делают вывод о том, что решение о вовлечении СССР в военный конфликт было сделано в период тяжёлой болезни Сталина предположительно Булганиным, Маленковым и Хрущёвым при поддержке военных и при противодействии Л. Берии и А. Микояна.

Учитывая, что сразу же после Корейской войны Мао Цзэдун неоднократно обращался с личной просьбой к советскому руководству предоставить Китаю ядерное оружие и документацию по его производству, можно с чрезвычайно высокой степенью вероятности утверждать, что как сам И.В. Сталин, так и часть группировок в высшем партийном руководстве в конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. исходили из принципа необходимости соблюдения системных договорённостей как на межгосударственном, так и на межэлитном уровнях вне зависимости от письменной фиксации.

¹²¹ *Стьюк У.* Корейская война. М.: АСТ, 2002; *Хлевнюк О.В., Горлицкий Й.* Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: Росспэн, 2011.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что с первых дней деятельности правительства Мосаддыка Советский Союз занял по форме осторожно-нейтральную, а по содержанию враждебную позицию к этому режиму. Соответственно, возникает вопрос, а не было ли у правительства Мосаддыка наряду с планом А плана Б? Представляется, что такой план существовал или по крайней мере мог существовать. Подходя к анализу этого плана, необходимо отдавать себе отчёт в следующем. Если сведения относительно плана А задокументированы и выдерживают жёсткую перекрёстную проверку на основе привлечения материалов государственных архивов различных стран, то с планом Б ситуация во много раз сложнее. Положа руку на сердце, можно сказать, что излагаемый план Б — не более чем гипотеза, не имеющая прямых подтверждений. Однако в её пользу говорит множество появившихся относительно недавно совершенно поразительных документов, которые в своей совокупности заставляют по-новому посмотреть на историю послевоенного мира.

Системообразующим событием иранской драмы стала, без сомнения, национализация АИНК. Именно в её контексте и следует искать следы плана Б. При этом, как скоро поймёт читатель, ни одной из сторон, участвующих в кризисе, который произошёл более 60 лет назад, до сих пор нет нужды в обнаружении этих следов по вполне очевидным причинам.

XX век видел множество национализаций. Большая часть из них осуществлялась под благородными лозунгами, как правило связанными с социальной справедливостью и заботой о народных интересах. Однако в большинстве случаев эти национализации заканчивались сначала резким снижением эффективности соответствующих предприятий и компаний, а затем их банкротством с последующей экономической неразберихой, а иногда и крахом экономики целых стран. Данные факты ни в коей мере не свидетельствуют о том, что частная собственность более эффективна, чем государственная, а предпринимательское управление всегда лучше административного. На самом деле в экономике и политике, как и в обыденной жизни, нет панацеи и то, что для русского хорошо, для немца — смерть. Иными словами, продуктивность национализации, так же как и любых политико-экономических решений, зависит от контекста, в который они вписаны, от времени и места, от определённых тенденций национальной, региональной и мировой динамики. В то же время приходится констатировать, что в большинстве случаев национализации проводились людьми, мало смыслящими в экономике, управлении и стратегической политике. Поэтому и в Африке, и в Азии, и в Латинской Америке национализации, осуществлённые дилетантами, в итоге превращались в очередную иллюстрацию известной максимы: дорога в ад вымощена благими намерениями.

В случае Ирана, однако, несмотря на губительные последствия национализации АИНК, мы имеем дело с принципиально другой ситуацией. Персидскую национализацию задумали и осуществляли грамотные, умные и высокообразованные люди, детально разбирающиеся в предмете. Иное было бы удивительным, поскольку Иран — это отнюдь не Того или Габон, где 25-летний сержант, не окончивший даже средней школы и силами одной роты осуществивший государственный

переворот, национализировал нефтяные поля, принадлежащие «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси». Персия — это страна с культурой и интеллектуальными традициями, насчитывающими даже не столетия, а тысячелетия, чья элита совмещала глубокое знание исламской логики и математики с персидской традицией административного управления и европейским образованием, полученным в лучших университетах Франции, Великобритании и Германии. Уж в чём в чём, а в хитрости, осмотрительности и умении играть в политэкономические шахматы персам никогда никто не отказывал.

В связи с этим встаёт вопрос: на что же рассчитывали доктор Мосаддык, стоящий за его спиной аятолла, шейх и муджтахид Сеид Абдул Касем Кашани, сильный человек Ирана генерал Захеда и молодой шах Мохаммад Реза Пехлеви? Следует констатировать, что все они в силу разных причин буквально ненавидели Великобританию, плохо относились к СССР и не испытывали особых иллюзий по поводу Соединённых Штатов Америки, считая их неразрывно связанными с Великобританией. Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к иранской истории конца 1920-х — начала 1950-х гг. В конце 1920-х гг. в Иран, так же как в СССР и чуть позднее в Китай, пришли люди «чёрного рейхсвера», а также немецкие промышленники, для которых после Версаля были закрыты рынки Западной Европы, Соединённых Штатов и колониальных владений великих держав. Инфильтрация военного, экономического, а затем и политического влияния Германии, взявшая старт в 1920-е гг., резко активизировалась с приходом к власти Гитлера. Иран фактически с первых месяцев прихода нацистов к власти стал одной из ключевых зон их экспансии на Восток.

Это объяснялось рядом обстоятельств. В первую очередь речь должна идти об экономике, когда германское государство стало максимально поддерживать укрепляющие свои позиции в Иране немецкие фирмы. Другим направлением были геополитические соображения. В соответствии с доктриной Хаусхофера¹²², которая при помощи второго человека в партии того времени Р. Гесса стала по существу основой внешней политики нацизма, Иран и Афганистан рассматривались как ключ к Хартленду и к победе над Британской империей. Наконец, свою роль играли и технологические соображения. В Иране, вдалеке от глаз европейских и американских конкурентов, немецкие компании, в первую очередь специализирующиеся в области химии, нефтехимии и проч., могли опробовать разработанные в Германии новые решения¹²³. К середине 1930-х гг. германская политика в Иране приобрела системный, даже своего рода тотальный характер.

Неоценимое значение для структурирования основных направлений германской активности в Иране имеет недавно изданная монография А.Б. Оришева, написанная на основе ранее секретных документов из Архива Службы внешней разведки России, Архива внешней политики Российской Федерации и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации¹²⁴.

¹²² Хаусхофер К. О геополитике. М.: Мысль, 2001; Васильченко А. Сумрачный гений III рейха. Карл Хаусхофер. Человек, стоявший за Гитлером. М.: Вече, 2013.

¹²³ Оришев А.Б. Иран в политике нацистской Германии...

¹²⁴ Оришев А.Б. Тайные миссии Абвера и СД в Иране: из секретных досье разведки. М.: Московский институт юриспруденции, 2006.

Основными составляющими системы долговременной политики нацистской Германии в Иране стали:

– во-первых, то, что решающий вклад в первичную индустриализацию Ирана прежде всего в отраслях, обслуживающих армию, производство продукции для нефтяной промышленности, нефтехимию и т.п. внесли немецкие фирмы. Особенно этот процесс активизировался с 1936 г., когда Иран посетил министр экономики Германии Ялмар Шахт. В течение трёх недель, пока длился визит, он имел многочисленные встречи с шахом, его сыном-подростком (будущим шахом Мохаммадом Резой Пехлеви), которому подарил многочисленные модели кораблей и самолётов, с представителями богатейших торговых и финансовых семей Ирана. После визита особую активность на иранском рынке стали проявлять такие структуры, как IG Farben, Krupp, MVG и т.п.;

– во-вторых, тот факт, что Германия взяла на себя содействие в повышении эффективности шахской администрации и подготовке управленческих кадров в Иране. Это стало результатом многочисленных бесед между Реза-шахом и германским посланником в Тегеране В. Блюхером. В 1935 г. шах, в частности, заявил: «Авторитарная форма правления в настоящее время является единственно возможной. В противном случае народы погрузятся в коммунизм. Прежние германские правительства не удовлетворяли обоснованные персидские желания. Из-за этого страдали наши отношения. Но нынешнее германское правительство понимает интересы Персии. С тех пор как она находится у власти, началось благоприятное развитие персидско-германских отношений. Особенно для нас важно участие германской промышленности в модернизации Ирана, помощь первоклассных германских специалистов в налаживании государственного управления Персии, преодолении процветающей пока у нас коррупции и некомпетентности»¹²⁵;

– в-третьих, Германия в период с 1935 по 1941 г. направила десятки учителей и преподавателей высших учебных заведений в Иран. В результате директорами лучших школ Ирана, где учились дети элиты, а также заведующими кафедрами по естественным и общественным наукам лучших светских учебных заведений Ирана стали немцы. Кроме того, Германия ежегодно выделяла значительные средства на приём преподавателей, других представителей интеллектуальной элиты Ирана, а также студентов в германских университетах. В рамках профессорско-преподавательского обмена Германию дважды в 1930-е гг. посещал доктор Мосаддык;

– в-четвёртых, издание в 1936 г. Гитлером специального акта, согласно которому персы признавались арийцами. Более того, в документе содержались указания на то, что немецкий народ и его предки — готы — являются выходцами из Ирана. В рамках реализации этого решения было создано германское общество Ближнего и Среднего Востока, финансируемое ведущими германскими корпорациями и прежде всего IG Farben. Геополитики из команды Хаусхофера в поисках мощного идеологического оружия разработали и инкорпорировали в Иран принципиально новую концептуальную конструкцию. Суть её состояла в том, что шиитское направление ислама было объявлено истинно арийской религией, адаптирующей арийские ценности к конкретным персидским условиям и противостоящей арабскому — суннит-

¹²⁵ *Blucher W., von. Zeitwende in Iran: Erlebnisse und Beobachtungen. Biberach an der Riss. Leipzig: Kochler & Voigtlander, 1949.*

скому исламу семитского толка. В рамках этого подхода в сотрудничестве с шиитским духовенством немцы открыли в Германии сеть хорошо оснащённых больниц для бедных, где немецкие врачи бесплатно лечили представителей неимущих слоёв городского и сельского населения.

Дополнительно к этому немецкие фирмы, ведущие строительство своих предприятий в Иране через шиитские мечети, раздавали денежные подарки верующим от братского арийского народа Германии. Соответственно, немцам удалось установить теснейшие взаимоотношения с шиитским духовенством. Это было особенно важно в конкретных условиях Ирана того времени, поскольку сам Реза-шах занимал достаточно жёсткую антиклерикальную политику и опасался шиитского духовенства. Однако он ничего не имел против деятельности немецких компаний и благотворительных немецких организаций, поддержанных крупным бизнесом. Более того, он достаточно быстро понял выгоды такого революционного подхода к шиизму как способу адаптации традиционных мусульманских обычаев к персидской специфике. В итоге он настолько проникся предложенной ему идеологией, что в середине 1930-х гг. переименовал Персию в Иран, что буквально означает — «страна ариев»;

— в-пятых, германская разведка, внешнеполитические структуры и идеологи особое внимание в соответствии с пожеланиями шаха уделили молодёжи. В 1937 г. Иран посетил Бальдур фон Ширах, глава гитлерюгенда. После его визита было принято решение о разворачивании в Иране ячеек движения, скопированного с немецкого идеолого-спортивного движения «Радость через силу». Германия как по государственной линии, так и по линии крупных корпораций, работающих в Иране, сначала создала, а потом взяла на дотацию спортивные, прежде всего борцовские и гимнастические, клубы в Тегеране и других крупных городах страны.

Иными словами, к началу Второй мировой войны нацистской Германии удалось проникнуть буквально во все сферы и слои иранского общества. Причём, надо признать, в результате системной, многообразной и, без сомнения, изобретательной, учитывающей особенности Ирана работы немцам удалось сформировать в самых различных слоях иранского общества устойчивые прогерманские симпатии, которые не изменились даже в ходе войны и сохранились после поражения нацистской Германии. В ситуации сильных прогерманских настроений в подавляющем большинстве слоёв иранского общества и глубокой инфильтрации нацистских разведывательных служб в персидскую элиту неудивительными были тесные связи основных участников иранской драмы с послевоенным Нацистским интернационалом.

При всей важности Мосаддыка для судеб Ирана и событий, связанных с национализацией АИНК, он в немалой степени был фронтменом мощного движения, с одной стороны, выражавшего интересы светско-религиозной элиты Ирана, а с другой — пользовавшегося поддержкой иранской бедноты, находящейся под определяющим влиянием шиитского духовенства. Что касается самого Мосаддыка, то по своему складу он, как уже говорилось, несомненно, являлся космополитом, «человеком мира»; в этом смысле он был и идеологически, и прагматически противоположен нацистско-ориентированным кругам. Однако, как истинный перс, он руководствовался общемировым правилом: враг моего врага — мой друг. Поскольку Мосаддык ещё с 1920-х гг., когда он впервые стал министром, видел своим главным врагом Великобританию, то в политической деятельности он ориентировался, прежде всего, на

врагов Великобритании. Причём, как настоящий перс, устанавливал контакты и взаимодействовал с ними не напрямую, а через своё доверенное ближайшее окружение, которое не менялось у него десятилетиями¹²⁶. Например, одну из ключевых ролей в разработке экономической политики правительства Мосаддыка играл его многолетний советник по экономическим вопросам Т. Ферюзи. Ферюзи, по данным партии «Туде», ещё до войны начал тесно сотрудничать с германской разведкой, а после поражения нацистской Германии продолжал активно взаимодействовать с германскими фирмами, для чего неоднократно выезжал в Европу. Согласно расследованиям Дэвида Престона, базирующимся на рассекреченных документах Управления стратегических служб и американского Казначейства относительно Франсуа Жёну, Ферюзи входил в состав международной шпионской сети ZEFIC, созданной IG Farben и после окончания войны обслуживающей нужды Нацистского интернационала.

Ключевой фигурой и в движении «Национальный фронт», приведшему Мосаддыка к посту премьер-министра, и в борьбе за национализацию АИНК был, без сомнения, аятолла Кашани. Именно с организованного аятоллой Кашани и его фронтом «За освобождение ислама» митинга в мечети «Шах» 26 января 1951 г., ставшего самым массовым в истории Ирана, события, приведшие к национализации АИНК, приобрели необратимый характер. Именно Кашани был серым кардиналом режима Мосаддыка. Именно он обеспечивал правительству контакты с высшей религиозно-светской элитой Ирана и одновременно беспрекословную мобилизацию городской бедноты и среднего класса, для которых шиитское духовенство было главным и единственным авторитетом в жизни.

В отношении Кашани нельзя не отметить, что во время Второй мировой войны, уже после введения в Иран советских и английских войск, он теснейшим образом сотрудничал с резидентом Абвера Францем Майером. Кашани стал ключевой фигурой созданного Ф. Майером подпольного прогерманского движения «Меллиун-не Иран» — «Националисты Ирана». Кстати, члены именно этого движения составили ядро движения «Национальный фронт», приведшего к власти М. Мосаддыка. Кроме того, Кашани вошёл в состав сформированного всё тем же Ф. Майером «Комитета ислама»¹²⁷. Комитет ставил перед собой следующие задачи:

- создание «регулярных» организаций во всех провинциях страны;
- установление связей с центрами мусульманского духовенства соседних стран;
- уведомление о новом правительстве, противопоставляемом центральному правительству, через духовенство страны, призыв к священной войне и создание недовольства политикой большевиков и англичан.

Теснейшие связи с нацистами имел и генерал Фазлолла Захе́ди. Вот как характеризует его Д. Ергин: «Генерал Фозаллах¹²⁸ Захе́ди, которого ЦРУ избрало для замены Мосаддыка, был тоже персонажем, достойным занять место в детективном романе. Высокий ростом, красавец и дамский угодник, он сражался с большевика-

¹²⁶ *De Bellaigue C. Patriot of Persia: Muhammad Mossadegh and a Tragic Anglo-American Coup.* N.Y.: Harper Perennial, 2013.

¹²⁷ Победит тот, кто будет владеть Востоком. Из дневника немецкого разведчика Ф. Майера. Иран. 1941–1942 гг. // Отечественные архивы. 2003. № 3. (Вступительная статья, комментарии и подготовка текста к публикации А.Б. Оришева.)

¹²⁸ Так у Д. Ергина.

ми, был захвачен курдами и в 1942 г. выкраден англичанами, которые подозревали, что он замешан в связях с немецкими фашистами. Во время Второй мировой войны англичане и русские совместно оккупировали Иран. Английские агенты, захватившие генерала, утверждали, что в его спальне нашли следующее: коллекцию немецкого автоматического оружия, шёлковое нательное белье, немного опиума, письма от немецких парашютистов, действовавших в горах, и иллюстрированный каталог самых шикарных проституток Тегерана»¹²⁹. К приведённой характеристике можно добавить, что, по мнению как сторонников, так и непримиримых противников Захеда, он отличался личной храбростью, недюжинным умом и редкостной изворотливостью.

Наконец, нельзя не сказать несколько слов о шахине Сорейе. По мнению автора секретного доклада «Свержение премьер-министра Ирана Мосаддыка», написанного в 1954 г. сотрудником ЦРУ Доналдом Уилбером и преданного гласности лишь в 1969 г., именно шахиня Сорейя обеспечила для Кермита Кима Рузвельта необходимые успешные взаимодействия с шахом во время подготовки и осуществления переворота. Мать молодой шахини была немкой, попавшей в Иран по контракту с одной из германских фирм. По мнению осведомлённых источников, она на протяжении всей своей жизни поддерживала тесные связи с Германией и по мере своих возможностей оказывала услуги специальным службам как на государственном, так и на корпоративном уровне. Сорейя, согласно воспоминаниям, была весьма близка к матери как во время брака с шахом, так и после развода, произошедшего по династическим причинам¹³⁰.

Это отнюдь не все, и даже не главные доказательства нацистского следа в иранских событиях. Есть и более серьёзные аргументы. Начнём с того, что постараемся ответить на вопрос, почему именно на Кермита Кима Рузвельта пал выбор американской политико-разведывательной элиты, почему именно ему была доверена миссия по свержению Мосаддыка.

Если мы откроем авторитетное издание — Энциклопедию спецслужб — и конкретно том, посвящённый ЦРУ и другим спецслужбам США, то обнаружим следующее: «Кермит Рузвельт. 16 февраля 1916 – 8 июня 2000. Внук президента США Теодора Рузвельта. Преподавал историю в Гарвардском университете. Одновременно состоял в “Комнате” — основанной в 1927 г. Винсентом Астором, тайной организации состоятельных американцев, занимавшихся тем, что добывали по неофициальным каналам разведанные и передавали их высокопоставленным представителям государства. После начала 2-й мировой войны был принят на службу в УСС и направлен на Средний Восток. После создания ЦРУ стал его сотрудником. Являлся признанным специалистом по Среднему Востоку. В 1953 г. разработал и возглавил операцию по свержению правительства иранского премьер-министра Мохаммеда Мосаддыка. За её успешное выполнение был тайно награждён “Медалью национальной безопасности”. Позднее после увольнения из ЦРУ был вице-президентом нефтяной компании “Галф ойл”»¹³¹.

¹²⁹ *Ергин Д.* Указ. соч.

¹³⁰ Soraya Esfandiary Bakhtiary. Le palais des solitudes. Neuilly-sur-Seine: Lafon, 1991.

¹³¹ *Пыхалов И.В.* ЦРУ и другие спецслужбы США. М.: Эксмо, Яуза, 2010.

Приведённая выдержка из энциклопедии имеет две очень серьёзных неточности. Первая неточность заключается в том, что Кермит Ким был специалистом прежде всего по Ближнему Востоку. Автор же энциклопедической статьи, решив, что коль скоро Рузвельт был направлен руководить операцией «Аякс», то специалистом он должен быть именно по Среднему Востоку, где расположен Иран, а отнюдь не по Ближнему Востоку, где он работал определённый период своей карьеры.

Ещё более забавна вторая ошибка. Кермит Ким не был участником «Комнаты», которая, собственно, не являлась чисто разведывательной организацией и не передавала сведения каким-то высокопоставленным представителям государства. В 1927 г. Кермиту Киму было 16 лет и он благополучно завершал обучение в элитной американской школе, а затем, как справедливо указывает автор, преподавал историю в университете.

Теперь настало время ответить на поставленный вопрос относительно выбора Кермита Кима. Он был действительно в значительной мере связан с «Комнатой». Однако не просто участником, а основателем «Комнаты» был не Кермит Ким Рузвельт, а его отец Кермит Рузвельт. Кермит Ким Рузвельт на протяжении всей своей жизни находился под огромным интеллектуальным и человеческим влиянием своего отца, являвшегося одним из наиболее ярких людей первой половины XX века в Америке. Кроме того, Кермит Ким с юных лет теснейшим образом общался с друзьями отца и в значительной степени унаследовал отцовские связи не только в США, но и, что более важно, в Великобритании. Чтобы был понятен характер этих связей и то, почему они предопределили назначение Кима в Тегеран, надо коротко остановиться на теме «Комнаты». Наиболее подробно её разработал профессор университета Рутгерса Джеффри Дорварт в своей статье «Шпионское кольцо Рузвельта-Астора»¹³².

Прежде всего, организацию Астора нельзя назвать исключительно частной разведывательной организацией. Её функции были несколько шире. Наряду с получением для Рузвельта эксклюзивной информации относительно наиболее важных внешнеполитических событий, эта неформальная организация выполняла функции по мобилизации денежных средств в пользу Ф.Д. Рузвельта и оказывала ему лоббистские услуги. Основателем организации был представитель одной из самых могущественных семей Европы и Великобритании того времени Винсент Астор. Формально большую часть своей жизни он занимался различного рода, как теперь принято говорить, социальными и благотворительными программами, а также поощрением наук и искусств. Фактически же, будучи одним из ближайших старинных друзей Ф.Д. Рузвельта, он создал для него частную политико-разведывательную структуру. В финансово-разведывательную организацию он привлёк таких чрезвычайно влиятельных людей, как банкир Уинтроп Элдрич, Эндрю Меллон-младший, один из самых популярных в то время врачей Е. Хилхауз, спортивный кумир 1920–1930-х гг., многократный победитель Уимблдона Р. Финк, управляющий банком Варбургов Джордж Фишер Бейкер-младший, адвокат Ялмар Шахт, Фредерик Калвер и ряд других не менее известных или даже знаменитых людей. Обращает внимание на себя тот факт, что в число участников «Комнаты» входил Уинтроп Элдрич, человек,

¹³² *Dorwart J.M.* The Roosevelt-Astor Espionage Ring // *New York History Quarterly Journal of New York State Historical Association*. N.Y., 1981. Vol. 62, no. 3.

который вместе с Полем Варбургом и полковником Хаусом сыграл решающую роль в создании Федеральной резервной системы США.

На протяжении конца 1920-х и всех 1930-х гг. «Комната» не только мобилизовывала в пользу Рузвельта значительные денежные фонды, но и снабжала его первоклассной разведывательной информацией. Причём очевидно, что делалось всё это за собственный счёт, в качестве своего рода дружеских услуг многообещающему политику, а затем президенту США. Особенно большой поток достоверной, можно даже сказать, эксклюзивной информации поступал от участников «Комнаты» относительно германских дел, планов А. Гитлера и ситуации в нацистской партии. С одной стороны, этому способствовали такие люди, как Ф. Карвер, Э. Меллон и т.п., а с другой — Винсент Астор был очень близок со своей родственницей, знаменитой Леди Нэнси Астор, которая была центром группы пронацистски настроенных британских политиков. Её усадьба Клайвден стала центром британских германофилов и сторонников Гитлера. Именно там устанавливались теснейшие связи представителей британского и американского истеблишмента с высшими чиновниками и функционерами нацистской партии.

Как отмечал в своих воспоминаниях Кермит Ким Рузвельт, именно отцу и его друзьям он обязан не только выбором профессиональной карьеры, но и многочисленными связями, которые помогли ему в будущем. Поскольку эти строки написаны в книге, посвящённой главным образом операции «Аякс», то вполне очевидно, что речь шла о связях, которые помогли Киму именно в Иране при свержении Мохаммада Мосаддыка. В связи с этим весьма интересно следующее: большинство американских учёных в своих работах указывают, что выбор Захеи в качестве альтернативы Мосаддыку и его обработка осуществлялась генералом Шварцкопфом, который командовал полицейскими силами Ирана во время Второй мировой войны, а до этого был руководителем полиции в штате Нью-Джерси. Однако в многочисленных интервью Захеи, которые он давал американским, французским, английским изданиям в 1950-е гг., Шварцкопф нигде не упоминается, зато отмечается человеческий и профессиональный контакт, который сразу же установился у него именно с Кермитом Кимом Рузвельтом.

Также все исследователи едины в том, что именно Кермит Ким сумел установить доверительные отношения с Сорейей, которая буквально за несколько месяцев до событий, связанных со свержением Мосаддыка, стала шахиней и имела просто завораживающее влияние на своего мужа. Кстати, в воспоминаниях Кермит Ким Рузвельт отмечает, что ему удалось установить вполне рабочие отношения и с аятоллой Кашани, который с первых месяцев 1953 г. стал всё больше и больше дистанцироваться от доктора Мосаддыка, а с июля 1953 г. занял по отношению к нему откровенно враждебную позицию.

Ну и напоследок: абсолютно все авторы, описывающие свержение Мосаддыка, отмечают весьма необычный приём, использованный Кермитом Кимом для организации демонстрации, которая в конечном счёте превратилась в массовый марш, приведший в итоге к многочисленным столкновениям, вмешательству армии во главе с Захеи и свержению правительства М. Мосаддыка. Вот как это описывает Д. Ергин: «18 августа заместитель государственного секретаря Уолтер Беделл Смит объяснил Эйзенхауэру, что операция “Аякс” провалилась, грустно добавив: “Нам

придётся по-новому взглянуть на ситуацию в Иране и приютиться под крылом Мосаддыка, если мы хотим хоть что-нибудь там сохранить. Осмелюсь сказать, что это несколько осложнит наши отношения с Великобританией". Но на следующее утро в Тегеране вспыхнуло восстание. Генерал Захе́ди провёл пресс-конференцию, на которой раздавал фотокопии приказа шаха об освобождении Мосаддыка с поста премьер-министра. Небольшая демонстрация в поддержку шаха вдруг переросла в огромную орущую толпу, во главе которой акробаты прыгали на руках, борцы демонстрировали свои бицепсы, а огромные тяжелоатлеты вертели железные гантели. Всё возрастая, толпа хлынула в центр города, возвещая о своей ненависти к Мосаддыку и поддержке шаха. Внезапно повсюду появились портреты шаха. Машины зажгли фары, что тоже означало поддержку монарха. Начались столкновения, но преимущество явно было на стороне прошахских сил. Указ об отставке Мосаддыка и назначении Захе́ди его преемником стал широко известен. Большинство офицеров сплотились вокруг шаха, а солдаты и полиция, посланные на разгон демонстрантов, присоединились к ним. Мосаддык бежал через заднюю стену сада, и Тегеран теперь принадлежал сторонникам шаха»¹³³.

Начало массовым беспорядкам положила хорошо организованная, поражающая воображение иранских обывателей демонстрация-представление, в котором участвовало большое число борцов, спортсменов и гимнастов из спортивных клубов города Тегерана. Именно это ноу-хау ставится в большую заслугу Кермиту Киму, который на тот момент утратил связи со многими своими ключевыми агентами. В связи с этим нельзя не вспомнить, что Бальдур фон Ширах, его гитлерюгенд и спортивное движение «Радость через силу» вложили большие деньги, чтобы создать в крупнейших городах Ирана и прежде всего в Тегеране борцовские, спортивные и гимнастические клубы, которые даже после войны спонсировались Атлетической федерацией, за которой стояли бывшие нацисты.

Таким образом, не подлежит сомнению, что выбор Кермита Кима Рузвельта в качестве руководителя спецоперации по свержению доктора Мосаддыка был связан не только и не столько с его достижениями как разведчика, сколько с уникальными связями, которыми он располагал в среде Нацистского интернационала, чьё влияние не только сохранилось, но во многих компонентах даже усилилось в Иране после завершения Второй мировой войны и разгрома Третьего рейха. Иными словами, американская, а, скорее всего, в большей степени британская разведка прекрасно отдавали себе отчёт в том, что у сил, стоящих за доктором Мосаддыком, был не только план А, но и план Б.

Перед тем как попытаться восстановить план Б, необходимо сделать одно принципиальное замечание. Безусловно, ни доктор Мосаддык, ни большая часть его кабинета, ни шах Мохаммад Реза Пехлеви не были нацистами. Они, а в большей степени люди и силы, стоящие за ними, собирались использовать нацистов, их возможности и ресурсы для решения собственных задач. При этом они учитывали чрезвычайно высокий уровень инфильтрации «чёрного интернационала» в экономику, политику и социальную жизнь Ирана. С другой стороны, люди, стоявшие во главе «чёрного интернационала», также намеревались использовать правительство

¹³³ *Ергин Д.* Указ. соч.

Мосаддыка, шаха и в целом ситуацию в Иране для достижения собственных целей. В этом смысле план Б являлся своего рода результатом неформальных, возможно, даже не проговорённых, а подразумеваемых договоренностей и соглашений между этими двумя силами.

Чтобы перейти к существу плана Б, воспользуемся уникальной книгой «Досье Сарагоса»¹³⁴. Автор книги, представитель французской аристократической элиты, офицер в седьмом поколении, участник Сопротивления, один из создателей послевоенной французской разведки, близкий знакомый генерала Де Голля Пьер Феллан де Вильмаре, был одним из немногих людей, кто видел Мартина Бормана после войны. После своего выхода в свет в 2002 г. работа получила высокие оценки ведущих специалистов по истории разведки, а также специалистов, профессионально занимающихся расследованиями. В книге помимо западных архивов широко использованы архивы Штази, предоставленные автору президентом Германии Й. Гауком, а также архивы чехословацкой разведки.

4

Для того чтобы понять берлинские и иранские события лета 1953 г., необходимо перенестись на 9 лет назад, в 1944 г. «2 июля 1944 г. Шмитц в сопровождении своего компаньона Георга фон Шницлера, задачей которых всегда было всемирное расширение концерна “И.Г. Фарбен”, обсуждают с Борманом и Мюллером этот проект выживания. В этот день они назначают на 10–12 августа встречу в Страсбурге, для того, чтобы мобилизовать вокруг себя большинство промышленников и банкиров, которые, впрочем, как и они сами, очень заинтересованы в том, чтобы вероятные победители Германии не отобрали у них их вклады.

Герман Шмитц все военные годы вместе со своими друзьями Куртом фон Шрёдером, Вальтером Функом, Эмилем Пулем и английскими, французскими, американскими, нидерландскими и японскими управляющими заседает в БМР, Банке по международным расчётам. Постоянная штаб-квартира этого БМР, созданного в 1930 г. по инициативе доктора Шахта, размещается в швейцарском Базеле, под предлогом регулирования денежных потоков.

Эти люди собирались на протяжении всей войны, в количестве минимум шестнадцати, максимум двадцати четырёх человек, и на их заседаниях председательствовал американец Томас Харрингтон Маккитрик. В марте 1945 г. уже этим путём около шести тонн немецкого золота должны были проследовать транзитом в Швейцарию, из которых полторы тонны были предназначены для того, чтобы оплатить Банку по международным расчётам просроченные Берлином проценты. Оставшееся золото исчезает в неизвестном направлении за пределами Швейцарии.

Герман Шмитц, которого в его среде с последней войны называют “королём маскировки”, знаток в данном вопросе. Мы увидим, как в 1948 г. он предстанет перед судьями в Нюрнберге и как он выпутается из всего этого, отделавшись приговором всего к четырём годам тюрьмы, да и то почти сразу же будет освобождён. Дело в

¹³⁴ *De Villemarest P.* Le dossier Saragosse. Martin Bormann et Gestapo – Muller après 1945. P.: Lavauzell, 2002.

том, что он смог наметнуть на взаимопроникновение дюжины американских транснациональных корпораций и их немецких корпоративных “сестёр” на протяжении дюжины лет, до и даже во время нацизма и войны, и дать понять, что они все были причастны к рождению и развитию нацизма... Советские судьи тоже не стали настаивать: ведь Шмитц мог бы разоблачить соглашения, которые Москва подписала с этими компаниями с 1922 по 1939 г., среди которых поставки вооружений Гитлеру ещё в 1937 г., и снова с 1939 по 1941 г.

Гений бизнеса, Герман Шмитц был человеком, который с начала тридцатых годов буквально изобрёл промышленный шпионаж, о чём даже и не подозревали западные разведывательные службы, направлявшие свои усилия на расследование деятельности шпионов Абвера, затем СД, но никогда не обращавшие внимание на паутину, сотканную Шмитцем по всему миру.

Его план состоял в том, чтобы внедрить в представительства “И.Г. Фарбен” за границей доверенных лиц, названных “Zefis”, которые не имели никакого отношения к техническим или коммерческим вопросам, но принимали участие во всех коллоквиумах и всех светских мероприятиях, куда приглашались представители “И.Г. Фарбен”. Их задачей было только предоставлять отчёты о своих собеседниках: психологический портрет, квалификация, уязвимость — и собирать любые другие сведения, полезные для головной конторы фирмы.

Герман Шмитц и его напарник Георг фон Шницлер централизовали сведения, затем отбирали то, что казалось полезным для Абвера, для их коллег в промышленности, для Гестапо и, во всех случаях, для Бормана, как только тот возглавил партийную канцелярию вместо Рудольфа Гесса. Иначе говоря, Шмитц делал точно ту же работу, какую делали шпионы НКВД и ГРУ для Москвы, с той лишь разницей, что Кремль — за исключением разве что в некоторых банках — не располагал такой плотной паутиной осведомителей, как всемирная сеть “И.Г. Фарбен”.

В десять часов утра семьдесят семь человек были приглашены в отель “Мезон руж” (“Красный дом”) в Страсбурге, по инициативе Германа Шмитца и Георга фон Шницлера. Борман и Мюллер договорились с ними, чтобы конференция выглядела просто как частная встреча важных деятелей немецкой промышленности и крупных банкиров.

Одним из ведущих заседания был обергруппенфюрер СС (генерал рода войск) доктор Шайд, директор компании “Hermannsdorffwerke und Schenburger” (в других источниках указано название “Hermsdorf-Schönburg GmbH”. — *Прим. перев.*). Перед подиумом сидели руководители концернов “Messerschmitt” (“Мессершмитт”), “Röchling” (“Рёхлинг”), “Volkswagen” (“Фольксваген”), “Siemens” (“Сименс”), “Krupp” (“Крупп”), “Kirdorf” (“Кирдорф”) и других фирм, дотации и взносы которых Борман и Вильгельм Кепплер (генеральный директор “Dresdner Bank” — “Дрезднер Банк”, филиала “И.Г. Фарбен”) собирали для нацистской партии на протяжении тридцатых годов. Курт фон Шрёдер, Карл Раше (директор “Дрезднер Банк”), Карл Линдеман, президент Торговой палаты тоже были там. Некоторые присутствовали только 11 августа. Руководители Гестапо и СД их прикрывали и защищали...»

«Германия уже проиграла кампанию во Франции. Решение, которое мы собираемся тут принять, определит будущее Германии, которая с этого момента уже должна готовиться к экономическому сражению, которое последует за концом войны, так, чтобы обеспечить возрождение нашей страны. Нужно, чтобы мы усилили

наши контакты с иностранными обществами, но каждая фирма в индивидуальном порядке, не привлекая внимания.

Должна быть подготовлена почва, чтобы мы после войны могли заимствовать за границей значительные суммы...» И Шайд подчеркнул, что многие немецкие промышленные патенты уже разделены с различными американскими транснациональными корпорациями, среди которых Chemical Foundation, United States Steel Corporation, National Tube, Carnegie (в Иллинойсе) и т.д. Он предлагает тем, у кого нет адресов за границей, предоставить им их, чтобы инициировать слияния, которые могли бы быть предметом их скрытного обсуждения.

Именно доктор Боссе, один из помощников Альберта Шпеера (доверенное лицо Ялмара Шахта), берёт слово во второй половине дня 10 августа, перед более узким составом публики, чем утром. Он упоминает французских «маки» (партизан), чтобы сказать, что в определённое время, возможно, возникнет необходимость, чтобы некоторые руководители финансов или промышленности сбежали или затаились в ожидании развития политических процессов на Востоке, на Западе и между Востоком и Западом.

«Отныне нужно, говорил он, чтобы большие фирмы создавали конструкторские бюро и исследовательские лаборатории с сокращённым персоналом, чтобы нельзя было понять, что в них происходит. Авторы плана предусмотрели финансовые средства для их создания или обеспечения. У каждого из этих бюро будет своя связь с одним из партийных руководителей и, через него, с рейхслайтером Мартином Борманом».¹³⁵

В отличие от доктора Шайда, Боссе демонстративно подчёркивал свои нацистские убеждения. Он неоднократно упоминает о необходимости своих руководящих кадров, в то время, когда будет организовываться невидимая экономика побеждённой Германии:

«Финансовые резервы, собранные за границей, должны быть в распоряжении партии, чтобы из послевоенного времени появилась могущественная Германская империя. Все наши руководители промышленности должны с настоящего времени эвакуировать свои капиталы из страны. Партия примет любые меры, чтобы защитить их как здесь, так и за границей». Он уточняет: «Впредь два важных банка могут быть использованы для экспорта капиталов фирм, которые не предусмотрели эту операцию: “Basler Handelsbank” (Базельский торговый банк) и “Schweizerische Kreditanstalt Zürich” (Швейцарский кредитный банк в Цюрихе)... Но существует также много отделений банков в Швейцарии, которые за 5% комиссии, смогут обеспечить швейцарским прикрытием некоторое количество наших фирм».¹³⁶

Планы вывода капиталов, разработанные на встрече в Страсбурге, получили название операций «Капли дождя» и «Полёт орла». По мнению Бормана: «Результатами этой встречи должны были стать шаги, которые определяют послевоенное будущее Германии».¹³⁷

¹³⁵ Все цитаты взяты из документов, хранившихся с 1945 г. в архивах американского Казначейства. Никто, кроме американского автора Пола Мэннинга, за всё прошедшее с той поры время ими не воспользовался.

¹³⁶ *De Villemarest P. Op. cit.*

¹³⁷ *Manning P. Martin Bormann: Nazi in Exile. N.Y.: Create Space Independent Publishing Platform, 2003.*

На встрече в Страсбурге было также принято решение, что «немецкая промышленность должна предпринимать шаги для подготовки послевоенной коммерческой компании — каждой фирме необходимо устанавливать новые связи и заключать соглашения с иностранными фирмами. Это должно делаться в индивидуальном порядке, чтобы не навлечь подозрения. Тем не менее партия и Третий рейх будут стоять за каждой фирмой, обеспечивая государственную и финансовую поддержку»¹³⁸.

Летом 1944 г. были определены основные маршруты вывоза капитала, научно-технических разработок и патентов, а также специалистов, обладающих уникальными знаниями и навыками. Значительная часть финансовых средств была направлена в Аргентину на счета семьи Перон, в Испанию и Португалию, а также оставлены в Швейцарии и Лихтенштейне. Патенты и ноу-хау были закреплены за вновь купленными маленькими фирмами в нейтральных странах, прежде всего в Швеции и Швейцарии, и легализованы в Соединённых Штатах как вклад шведских и швейцарских фирм в капитал крупнейших американских корпораций.

Лучшим косвенным доказательством для тех или иных версий политических событий являются финансовые следы. Политическая деятельность, публичная или конспиративная, всегда предполагает расходование ресурсов. Расходование ресурсов неразрывно связано с финансовыми потоками. Соответственно, отслеживание финансовых потоков, определение их хозяев, контролёров, исходных пунктов и мест назначения позволяет сделать тайное явным, а скрытое — доступным для анализа и понимания. Закономерно возникает вопрос: а существуют ли какие-либо свидетельства, доказывающие переток крупных финансовых потоков от структур, контролируемых «чёрным интернационалом», в Иран и конкретно — организациям и группам, стоявшим за правительством доктора Мосаддыка?

Исходную зацепку для поиска финансовых потоков даёт нам уже упоминавшаяся книга П. де Вильмаре. Базируясь на документах, полученных от высокопоставленных сотрудников ЦРУ, а также из архивов Штази и французских специальных служб, он пишет: «Этот невероятный вихрь Эвиты Перон, которую считали хрупкой, какой она и была на самом деле, между тем скрывал некую более тайную миссию. Нужно было переместить или разместить, смотря по обстоятельствам, суммы в десятки миллионов долларов в Италии, что охотно взял на себя её дорогой друг аргентино-итальянский банкир Додеро; в Швейцарии, где Жену знал, как взяться за дело; в Лиссабоне и в Мадриде. Поездка заканчивается апофеозом 7 августа 1947 г. в Швейцарии, приёмом для 200 персон в ресторане цюрихского отеля “Баур о Лак”. На приём поспешили банкиры, среди которых был и Франсуа Жену, отвечавший до своей смерти за финансовые интересы Бормана и нескольких других нацистских руководителей»¹³⁹.

В 1997 г. отставной высокопоставленный работник ЦРУ, а в последующем один из самых известных журналистов-расследователей Дэвид Ли Престон опубликовал обширное расследование о швейцарских конфидентах и банкирах Третьего рейха¹⁴⁰. Часть этого расследования, посвящённая Франсуа Жену, была опубликована Престоном в газете *Philadelphia Inquirer* в январе 1997 г. В результате рас-

¹³⁸ Ibid.

¹³⁹ *De Villemarest P.* Op. cit.

¹⁴⁰ *Preston D.L.* Hitler's Swiss Connection. Philadelphia: Philadelphia University Press, 1997.

следования Престон выяснил, что в 1932 г. в отеле в городе Бад-Годесберг Франсуа Жёну познакомился с А. Гитлером. В ходе встречи он попросил у Гитлера разрешения на два года остаться в Германии для стажировки в молодёжных отрядах нацистской партии. После завершения стажировки он вернулся в Швейцарию, где поступил на работу в один из крупнейших и уважаемых частных банков страны, в число акционеров которого входил его отец. Следует отметить, что на протяжении всей жизни Жёну не скрывал пронацистских симпатий. Давая в 1992 г. интервью британской «Таймс», он сказал: «Мои взгляды не изменились с тех пор, как я был молодым человеком. Гитлер был великим вождём, и, если бы он выиграл войну, мир был бы лучше».

В середине 1930-х гг. по поручению банка он отправился на Ближний Восток, в Ливан, который в те годы назывался Ближневосточной Швейцарией и был центром банковского мира Ближнего и Среднего Востока. Там он установил контакты с владельцами и управляющими крупнейшего и старейшего ливанского банка Fransabank, контрольный пакет в котором принадлежал в те годы французским ультраправым. Там же он познакомился и установил дружеские отношения со сторонником Гитлера, одним из наиболее влиятельных политических и религиозных лидеров палестинских мусульман муфтием Амином аль-Хусейни. До самой смерти последнего Жёну оставался его доверенным лицом, управляющим гигантскими средствами, которые оказались у муфтия с конца 1950-х гг. Следует отметить, что воспитанником, наследником, а по мнению осведомлённых источников, и племянником аль-Хусейни был многолетний лидер палестинских арабов, руководитель ФАТХ, распорядитель гигантских палестинских фондов Ясир Арафат.

Перед войной и в годы войны Жёну выполнял тайные операции для Абвера. Кроме того, он подружился с генералом Карлом Вольфом, личным адъютантом Г. Гимmlера, познакомился с М. Борманом и Г. Мюллером, для которых выполнял специальные финансовые поручения. Любопытно, что в годы войны его куратором по линии Абвера был офицер по фамилии Диккопф, который в последующем стал крупным чиновником, а с 1968 по 1972 г. был руководителем Интерпола. После войны Жёну действовал на основе доверенностей, которые ему оставили Гитлер, Борман и Геббельс. Сразу после окончания войны Жёну выступал посредником в контактах между скрывающимися нацистами и представителями швейцарской и французской разведок. Начиная с 1948 г., он создаёт целый ряд крупных компаний в Швейцарии, включая Марокканский финансовый институт, Ливано-Арабскую экспортно-импортную компанию, Институт инвестирования в модернизацию Востока и ряд других. Эти компании использовали как средства нацистов, находящиеся на швейцарских счетах, так и переданные Эвитой Перон многомиллионные ресурсы, первоначально размещённые на счетах семьи Перон в Латинской Америке.

Во всех этих институтах и компаниях партнёром Жёну был главный финансист и банкир Третьего рейха, по сути избежавший сколько-нибудь серьёзного наказания в Нюрнберге, Ялмар Шахт. В сирийских филиалах компании Жёну – Шахта третьим партнёром выступает заместитель Эйхмана, старший эсэсовский офицер Алоиз Бруннер, долгие годы отвечавший за службу собственной безопасности Хафеза Асада. В Египте предприятия Жёну спонсировали Движение молодых офицеров во главе с Гамалем Абдель Насером и Анваром Садатом. Кстати, Ялмар Шахт высту-

пал финансовым советником движения, а затем и правительства Насера и организовывал для него международное финансирование. Кроме того, Жёну и Шахт были тесно связаны с королевской семьёй Марокко, правительством Туниса и военными режимами Алжира, особенно в период прихода к власти Бен Беллы.

Известно, что в начале 1952 г. по решению Жёну – Шахта их Институт инвестирования в модернизацию Востока, который держал свои счета в лихтенштейнском частном банке Kaiser Partner Privatbank, перечислил 34 млн. долларов через американские корреспондентские счета в итальянский банк, контролируемый Папским престолом, — «Кредито Италяно», а оттуда — в дружественный Жёну Fransabank в Бейруте¹⁴¹.

В начале 1952 г. Мосаддык выдвинул тезис: «Экономика без нефти». Суть этого тезиса заключалась в том, чтобы стабилизировать государственный бюджет без доходов от нефти. Поэтому были подготовлены законы и постановления, содействовавшие развитию хозяйственной деятельности страны. Программа «Экономика без нефти» была разработана экономическим советником Мосаддыка Ферюзи и известным иранским интеллектуалом Хосейном Макки, человеком Кашани. Следует также подчеркнуть, что, так же как и Кашани, Макки активно участвовал в организациях, созданных Абвером в годы Второй мировой войны.

Изданные правительством постановления стимулировали развитие частного сектора. Это были законы, поддерживающие экспорт, освобождающие от таможенных сборов импорта машин и оборудования, необходимых для развития промышленности и др. Для расширения экспорта в 1952 г. открылся коммерческий Банк по добыче и экспорту ископаемых, а в 1953 г. — Банк развития экспорта. Известно, что каждому из этих банков бейрутский Fransabank открыл кредитные линии за счёт средств, размещённых Франсуа Жёну и Ялмаром Шахтом¹⁴². Более того, известно, что Жёну и Шахт обеспечили оборотными средствами независимую итальянскую компанию «Супер», осуществившую самую большую закупку нефти у Ирана для удовлетворения энергетических нужд Марокко. Известно также, что Ялмар Шахт в течение первой половины 1953 г. вёл переговоры с правительством Ирана о постройке для Ирана на немецких верфях флота танкеров, которые могли бы поставлять персидскую нефть по всему миру. В последующем этот договор был повторен для Саудовской Аравии и получил название «договора Джидды». Кстати, интересно, что по обоим договорам финансовое обеспечение помимо персидских и саудовских денег должен был предоставить знаменитый греческий магнат Аристотель Онассис. Он же должен был отвечать за эксплуатацию танкерных флотов¹⁴³.

Полагаю, что приведённых сведений и фактов с лихвой хватает для того, чтобы с достаточно высокой степенью вероятности выдвинуть гипотезу о наличии плана Б. Осталось только разобраться, в чём же было существо плана Б как для иранцев, так и для руководителей «чёрного интернационала». Представляется, что понять это невозможно, если не увязать события в Иране лета 1953 г. с синхронно прохо-

¹⁴¹ Racey R. *Levantine Harbor Nazi Money*. http://elibrary.bsu.az/books_400/N_387.pdf

¹⁴² Ibid.

¹⁴³ Michael G. *The Enemy of My Enemy: The Alarming Convergence of Militant Islam and the Extreme Right*. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 2006.

дившим Берлинским кризисом. Однако прежде, чем выдвинуть предположение, необходимо несколько слов сказать о крайне деликатной, щепетильной теме.

Во введении к настоящей работе уже отмечалось принципиальное различие пропагандистского и аналитического методов. Ни один из них не лучше другого. Они просто предполагают различные цели и задачи. И коль скоро данный тезис верен, то с необходимостью следует сделать вывод о том, что при аналитическом рассмотрении тех или иных событий они должны браться во всей своей полноте, противоречивости и неоднозначности. Исследователь, решающий аналитическую задачу, не может позволить себе работать с привлечением критериев этичности, моральности и т.п. Его задача — вскрыть механизмы и понять алгоритмы исторических действий, а не оценивать различных участников событий, исходя из той или иной ценностной системы координат. Последнее относится к сфере пропаганды и выполняет иные функции, нежели аналитика.

Дополнительно следует сказать, что реальная разведка и спецоперации не имеют ничего общего не только с их художественным отражением, но и с описанием в подавляющем большинстве различного рода мемуарной и документальной литературы. Так или иначе, большинство этих работ рассчитано на читателя, профессионально не занимающегося разведывательной деятельностью, а потому смотрящего на мир глазами человека, далёкого от повседневной деятельности по решению экстремальных задач. Соответственно, у читателя имеется вполне сформировавшаяся система морально-этических координат, через которую он пропускает всю поступающую информацию. Совершенно ясно, что без крайней надобности деформировать эту систему не стоит. Между тем разведывательная деятельность по своему характеру предполагает достижение целей любой ценой. Здесь зачастую оказывается не просто верной, а единственно возможной доктрина иезуитов относительно того, что цель оправдывает средства. Соответственно, в значительной мере реальная деятельность в сфере разведки и спецопераций лежит за рамками традиционных нормативных морально-этических систем и является воплощением известной максимы Ф. Ницше о деятельности «по ту сторону добра и зла». В «диком зазеркалье», как назвал разведку человек, профессионально занимавшийся этой деятельностью, Джон Ле Карре, этические и прочие нормы носят ситуативный и целесообразный характер.

Данное предупреждение понадобилось для того, чтобы сделать весьма неоднозначное утверждение. Речь о том, что на сегодняшний день имеется уже критическая масса материалов, позволяющих говорить не как о гипотезе, а как о доказанном факте относительно сотрудничества советской разведки с отдельными руководителями Третьего рейха и «чёрного интернационала», в первую очередь — с М. Борманом, Гестапо-Мюллером и целым рядом других. Если от свидетельства Р. Гелена в его книге «Служба» можно было отмахнуться¹⁴⁴, то масштаб собранных и опубликованных П. де Вильмаре материалов, включая архивы Штази, чехословацкой разведки и т.п., заставляет посмотреть на всё это иначе. В связи с этим также нельзя не отметить работу Теннета «Пита» Бэгли «Мастер шпионажа»¹⁴⁵. Кни-

¹⁴⁴ Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942–1971. М.: Центрполиграф, 2004.

¹⁴⁵ Bagley T.H. Spymaster. Startling Cold War Revelations of a Soviet KGB Chief. L.: Skyhorse Publishing, 2013.

га написана в основном по результатам бесед Бэгли — одного из руководителей советского подразделения ЦРУ — Сергеем Александровичем Кондрашовым, легендарным советским разведчиком, длительное время руководившим нелегальной разведкой ПГУ КГБ СССР.

В принципе можно было бы выразить некоторые сомнения относительно этой публикации, поскольку автор — цэрэушник, да и вышла книга через шесть лет после смерти Кондрашова. Однако Бэгли — автор нескольких книг, где ни один эксперт в области разведки не обнаружил ляпов или документальных фальсификаций. Кроме того, и это самое главное, основной материал, связанный с взаимодействием советской разведки с М. Борманом, Гестапо-Мюллером и другими, приводится в книге не по беседам с Сергеем Александровичем Кондрашовым, хотя он и упоминает об этих контактах, а по воспоминаниям бывшего главы государственной безопасности Чехословакии, министра внутренних дел Рудольфа Барака, который до самой своей смерти придерживался коммунистических убеждений. Воспоминания Рудольфа Барака хранятся в архивах, и к ним имел доступ не только Бэгли, но и несколько ранее де Вильмаре, который беседовал с Баракком лично. При этом оба автора отмечали, что с нацистской верхушкой взаимодействовала не только советская разведка, но и в первую очередь сами американцы, французы и в несколько меньшей степени — британцы. Это взаимодействие было обусловлено конкретной ситуацией послевоенного мира и государственными интересами каждой из стран бывшей антигитлеровской коалиции. В полном объёме эта тема далеко выходит за рамки настоящей работы, поэтому мы остановимся лишь на аспекте, имеющем отношение к тесно связанным друг с другом германским и иранским кризисами 1953 г.

Весьма вероятно, что ситуация складывалась примерно следующим образом. Сам по себе Мосаддык, будучи космополитом и «человеком мира», видел выход из кризиса в традиционной персидской политике балансирования между различными центрами силы и организации сознательных кризисов во взаимоотношениях между ними, заставлявших их рассматривать Иран как важного партнёра. Такая политика использовалась задолго до Мосаддыка и применяется после. Однако в большинстве случаев не завершается успехом для тех, кто оказывается между молотом и наковальней. Поэтому можно сделать вывод о том, что Мосаддык был не столько активным действующим лицом в большой геополитической игре, сколько хотя и весьма важной, но всего лишь фигурой — одной из — на шахматной доске Среднего Востока. Реальными игроками с иранской стороны выступали аятолла Кашани, его зять, крупный землевладелец Каномобазы, ведущий иранский специалист по нефтяному бизнесу Хосейн Макки — доверенное лицо Кашани — и Мозаффар Багаи, обеспечивающий наряду с шиитским духовенством массовую поддержку движению против АИНК. Хорошо известно, что по крайней мере трое из указанных деятелей были тесно связаны с германской разведкой в годы Второй мировой войны и с «чёрным интернационалом» после неё.

Представляется, что до июня 1953 г. их надежды были связаны с созданием советско-германской коалиции, которая убедит Черчилля пойти на компромисс в Иране относительно судеб АИНК. Если Мосаддык весьма тепло относился к американцам и многократно демонстрировал это, то Кашани и его люди использовали в отношении Америки примерно ту же лексику, что и в последующем аятолла Хо-

мейни. Подтверждением именно такого расклада в иранских верхах являются недавно рассекреченные документы из советских архивов. Уже в августе 1951 г. в сообщении советского посольства из Тегерана, подписанного послом И. Садчиковым, говорилось: «Мосаддык не оправдал надежд. Он до сих пор не смог да и вряд ли сможет добиться разрешения нефтяного вопроса, ради чего и пришёл к власти... Правительство Мосаддыка падёт и в том случае, если нефтяной вопрос будет разрешён, и в том случае, если он не будет разрешён»¹⁴⁶.

Здесь уместно кратко охарактеризовать посла И. Садчикова. Он имел богатый дипломатический опыт и был близок к главе высшего органа управления советской дипломатией после Великой Отечественной войны, внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) – КПСС В.Г. Григорьяну. В свою очередь Григорьян был полностью «человеком Л.П. Берии». Соответственно, однозначная оценка Мосаддыка Садчиковым, весьма ценимого в Москве как человека, который успешно решил проблемы, возникшие в Чехословакии в послевоенные годы, имела чрезвычайно большое значение не только для Берии и мало что значащего Вышинского, но и для И.В. Сталина. Особенно впечатляет телеграмма Садчикова на фоне негодования Москвы в отношении советской резидентуры в Тегеране. 10 августа 1951 г. резидентура в Тегеране получает оценку своей работы из Москвы: «Вы не сумели своевременно разобраться в нарастающем движении за национализацию нефти и использовать его в целях ослабления американского и английского влияния»¹⁴⁷. Но критикой дело не ограничилось. Резидентура получает конкретные указания: «Безотлагательно и в самые короткие сроки изучите возможности использования в интересах СССР, — указывалось в письме в резидентуру, — националистически настроенных кругов Ирана, группирующихся вокруг Мосаддыка, Кашани, Багаи и других находящихся в оппозиции к шаху противников англо-американского засилья в стране»¹⁴⁸.

Приведённая телеграмма показывает, что в тот период советская сторона, и прежде всего Л.П. Берия, сохранивший огромное влияние на разведывательный аппарат, по всей вероятности, была вполне готова к совместной советско-германской игре в Иране против англосаксов. Данный вывод можно сделать из анализа политических деятелей, упомянутых в тексте. М. Мосаддыка не упомянуть было нельзя. Чрезвычайно характерна рекомендация наладить тесный контакт с аятоллой Кашани и его окружением. Ещё более интересно упоминание Мозаффера Багаи. В этот период он возглавлял Партию трудящихся Ирана, противостоящую коммунистической и промосковской «Туде». Партия трудящихся Ирана по всем основным вопросам блокировалась с откровенно неонацистской партией СОМКА. Сам М. Багаи в 1930-е гг. неоднократно посещал Германию и изучал там опыт работы НСДАП среди рабочих, а в военный период сотрудничал с Абвером. Учитывая чрезвычайно высокий уровень насыщенности советской агентурой иранского общества в военный период, в Москве не могли не знать о контак-

¹⁴⁶ Из дневника И. Садчикова. Из беседы с бывшим послом Ирана в Москве Гамидом Сайяхом. 16.08.1951 г. — АВП РФ, ф. 094, оп. 55, п. 388, д. 8, л. 36.

¹⁴⁷ Очерки истории российской внешней разведки. Т.5. М.: Международные отношения, 2003.

¹⁴⁸ Там же.

тах и связях Кашани, Багаи и других деятелей, с которыми рекомендовано было наиболее тесно работать.

Нельзя не упомянуть, что выдающийся советский востоковед Григорий Львович Бондаревский, сам в годы войны служивший в системе ГРУ в Иране, в последние годы жизни разрабатывал тему взаимодействия советской разведки и «чёрного интернационала» на Ближнем и Среднем Востоке. Понятно, что в силу своих знаний, многолетней работы в системе военной и политической разведок Бондаревский детально владел предметом своих исследований и мог бы внести ясность по многим вопросам. Однако от огромного архива, посвящённого этой теме, после его смерти осталась лишь небольшая рукопись «Гитлер и Ближний Восток», опубликованная в книге «Профессор Григорий Бондаревский и его научная школа востоковедов-международников»¹⁴⁹. Согласно официальной версии, профессор Бондаревский, до последних дней своей жизни активно разрабатывавший, в том числе с Шиллеровским институтом Линдона Ларуша и в первую очередь с группой супругов Либег, весьма острые и актуальные темы, был убит соседом-наркоманом, понадеявшимся получить от профессора денег. Однако интересно, что после убийства наряду с папками, посвящёнными Нацистскому интернационалу на Ближнем и Среднем Востоке, пропал ещё целый ряд материалов, которые он в последние дни своей жизни показывал коллегам и ученикам.

5

Поскольку реализация плана Б тесно увязывала динамику ситуации в Иране с событиями вокруг Германии, необходимо глубже погрузиться в перипетии Германского кризиса лета 1953 г. Его корни лежали в послевоенных событиях, складывавшихся вокруг дальнейших судеб Германии. Фактически проявилось два принципиально разных взгляда на будущее побеждённой Германии. Один был связан с так называемой «национальной линией И.В. Сталина», второй — с концепцией членения и подчинения Германии, отстаиваемой в первую очередь администрацией Трумэна.

Подход Советского Союза предполагал создание единой миролюбивой, демилитаризованной Германии. Поскольку создание такой Германии было невозможно без поддержки национальных сил, И.В. Сталин исходил из необходимости формирования максимальной широкой коалиции самых различных идеологических течений, организационных структур и социальных слоёв и групп, заинтересованных в единой Германии. В эту коалицию он был готов включить и бывших нацистов. Недавно были рассекречены различные архивы и историкам стали доступны документы, позволяющие сделать однозначный вывод о предельном прагматизме И.В. Сталина в подходе к единой Германии. Так, на встрече с руководством СЕПГ он высказал целый ряд важных оценок, предложений и мыслей относительно реализации национальной линии в конкретных послевоенных условиях.

¹⁴⁹ Профессор Григорий Бондаревский и его научная школа востоковедов-международников. М.: Издатель Воробьев А.В., 2011.

«31 января 1947 г.
Сов. секретно

Запись беседы тов. И.В. Сталина
с руководителями Социалистической единой партии Германии
В. Пиком, О. Гротеволем, В. Ульбрихтом, М. Фехнером и Ф. Эльснером
31 января 1947 г. в 21 час. 00 мин.

Во время беседы присутствуют: тт. В.М. Молотов, М.А. Суслов (зав. Отделом внешней политики ЦК ВКП(б), В.С. Семёнов (политический советник по делам Германии), Н.Н. Волков (переводчик).

Тов. Сталин спрашивает: “Много ли в Германии фашистских элементов? В процентном отношении? Какую силу они представляют? Приблизительно можно сказать? В частности, в западных зонах?”

Гротеволь отвечает, что он затрудняется ответить на эти вопросы, но он может дать тов. Сталину длинный список фашистов, находящихся на руководящих постах в западных зонах.

Тов. Сталин спрашивает, будет ли большим удельный вес голосов бывших фашистов при плебисците.

Гротеволь отвечает, что это зависит от того, по какому вопросу будет проводиться плебисцит. При плебисците о единстве Германии фашистские голоса не будут иметь большого значения. При общих выборах их значение больше, поскольку они выступают под прикрытием буржуазных партий.

Тов. Сталин спрашивает, есть ли среди бывших фашистов толковые люди, хорошие организаторы.

Гротеволь отвечает, что все они реакционеры.

Тов. Сталин спрашивает: “Расколоть их нельзя?”

Гротеволь отвечает, что это можно сделать на базе плебисцита.

Тов. Сталин замечает: “До голосования?! Например, в советской зоне есть свои фашисты. Нельзя ли им позволить организовать свою партию под другим названием? Чтобы не толкать всех к американцам”. Тов. Сталин говорит, что по отношению к фашистам они (руководители СЕПГ) имели курс на уничтожение. Может быть, надо дополнить этот курс другим курсом на привлечение, чтобы не всех бывших фашистов толкать в лагерь противников?

Гротеволь возражает, что пока нацисты сидят на руководящих постах в западных зонах, такой курс СЕПГ был бы непонятен массам трудящихся на западе.

Тов. Сталин говорит, что это следовало бы сделать у себя, в советской зоне, чтобы в западных зонах фашисты поняли, что не всех их будут уничтожать.

Пик возражает, что это невозможно.

Тов. Сталин замечает: “Невозможно? Мне казалось, что возможно”.

Пик говорит, что до сих пор СЕПГ отличала номинальных нацистов от активных нацистов. Против активных нацистов велась борьба.

Тов. Сталин спрашивает: “Не очень активных нацистов от очень активных нацистов?!”

Пик говорит, что такой подход был бы очень трудным для СЕПГ.

Тов. Сталин говорит, что это было бы неплохо. Были же в фашистской партии патриотические элементы. Их надо завербовать на свою сторону. Может быть,

взять кого-либо из средних деятелей бывшей нацистской партии или из бывших лидеров. Такие люди, вероятно, есть.

По мнению Ульбрихта, этим можно будет заняться после Московской конференции. Налицо возможность расколоть бывших нацистов, особенно молодёжь, по вопросам о национализме и о социализме. Многие из молодых нацистов искренне верили тому, что фашистская партия была национальной и социалистической. До Московской конференции этого сделать невозможно.

Тов. Сталин разъясняет, что он не имел в виду привлечь бывших фашистов на сторону СЕПГ. Они на это не пойдут. Он, тов. Сталин, говорил о том, чтобы дать им поощрение, позволить организовать свою партию с тем, чтобы эта партия работала в блоке с СЕПГ.

Пик указывает, что многие бывшие нацисты уже входят в существующие в советской зоне оккупации буржуазные партии — ХДС и ЛДП.

Тов. Сталин говорит, что надо создать для бывших нацистов какую-то партию, которая притянула бы к себе патриотов и неактивные элементы из бывшей национал-социалистической партии. Тогда они не стали бы бояться, что социалисты их уничтожат. В бывших фашистах живёт страх. Надо их нейтрализовать. Это проблема тактики. Ничего непринципиального или беспринципного в этом нет. И если в отношениях с бывшими фашистами взять другую линию, то она даст хорошие результаты.

Пик говорит, что в советской зоне нацисты голосовали за буржуазные партии.

Тов. Сталин отвечает, что это — безусловно. Нацисты боятся, что вы их будете уничтожать. Но их уже достаточно уничтожали. Следует дать облегчение тем, которые не продавались и которых можно повернуть на коалицию. Нельзя забывать, что элементы нацизма живы не только в буржуазных слоях, но также среди рабочего класса и мелкой буржуазии.

Пик выражает сомнение, как может разрешить такую партию Советская военная администрация в Германии.

Тов. Сталин смеётся. Он, тов. Сталин, постарается, чтобы такую партию разрешили. Её можно назвать “национал-демократической партией” или как-нибудь иначе, дело не в названии. Но старое название давать не стоит. Так можно будет разложить тот лагерь, который собирается вокруг англичан и американцев. Теперь они всех пугают, дескать, в советской зоне все сидят и всех уничтожают. А мы скажем, неверно это. Вот они даже организовали собственную партию! Может быть, это можно устроить. Ничего недопустимого в этом нет.

Гротеволь замечает, что с идеологической точки зрения СЕПГ осуждает нацистскую партию, которая была носителем агрессии.

Тов. Сталин возражает, что это будет миролюбивая партия.

Гротеволь говорит, что у нацистов до сих пор жива теория “жизненного пространства” (лебенсraum).

Тов. Сталин возражает: “Нет. Германия побеждена, какая может быть теория о жизненном пространстве?”

Эльснер говорит, что Гротеволь имел в виду фашистскую идеологию, которая ещё осталась в Германии.

Тов. Сталин спрашивает: “Ничего больше не осталось?”

Гротеволь говорит, что СЕПГ борется против нацистских теорий и всего нацистского наследства.

Тов. Сталин говорит: “Правильно. Но они (бывшие фашисты. — *И. С.*) должны сами бороться. Лучше это делать их руками”.

Гротеволь соглашается, но указывает, что для этого ещё не созрело время. Кроме того, прикрываясь лозунгом жизненного пространства, фашисты выступают за ревизию восточной границы.

Тов. Сталин отвечает, что это означает войну. Воевать они не захотят. Восточная граница — это совсем другой вопрос. Он не имеет отношения к вопросу о бывших фашистах. Такой вопрос могут ставить только те, кто забывает, что германская армия уничтожена и что её не существует больше. Постановка вопроса о восточной границе означает войну. По мнению тов. Сталина, для таких элементов из бывшей фашистской партии, о которых он говорил, главное — это вопрос о существовании. Они пойдут туда, где их не убивают, не арестовывают. Не жизненное пространство, а вопрос об их собственной жизни — это для них главное.

Пик говорит, что такая установка представляет очень серьёзную дилемму для СЕПГ, поскольку СЕПГ выступает за строгую денацификацию на западе, где злейшие реакционеры из бывшей нацистской партии сидят на руководящих постах.

Тов. Сталин говорит, что речь идёт не о реакционерах. Реакционеров нельзя пускать в новую партию, но только патриотов и неактивных фашистов. Речь идёт о рабочих, интеллигенции, крестьянах. Тогда они оживут и воспрянут духом. Надо, чтобы бывшие фашисты не пошли по другому пути. Этот вопрос надо решить. Вопрос интересный. В фашистской партии было много людей из народа. Конечно, если СЕПГ считает, что этот вопрос ещё не назрел, то СЕПГ лучше знать об этом. Тогда он, тов. Сталин, молчит и снимает этот вопрос. Но, может быть, всё-таки вопрос назрел? Надо подумать. Тов. Сталин уверяет, что он, Сталин, не стоит за реакцию. Ничего тут страшного нет. Надо их пустить в новую партию. А в отношении западных зон позиция СЕПГ правильная.

Гротеволь замечает: “После Московской конференции...”

Тов. Сталин говорит, что это нужно обдумать»¹⁵⁰.

Основные положения этой беседы были реализованы на практике. В 1948 г. для бывших членов НСДАП в Восточной Германии была создана «Национал-демократическая партия Германии», которая вошла в правящую коалицию и на протяжении всего периода существования ГДР была представлена в парламенте. Кроме того, к 1953 г. в СЕПГ насчитывалось около 100 000 бывших членов НСДАП (чуть меньше 9% от общей численности), а в руководящем звене этот процент достигал даже 14. Особенно широко бывшие члены НСДАП были представлены в руководстве Национальной народной армии, в Штази, а также на радио и телевидении.

Несмотря на значительные усилия, предпринимавшиеся Советским Союзом по сохранению единой Германии, к концу 1940-х гг. произошёл раскол на Западную

¹⁵⁰ Историко-документальный департамент МИД России, Центр изучения новейшей истории в Потсдаме, «СССР и Германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации». М.: Международные отношения, 2003. С. 244–253. http://www.idd.mid.ru/doc/germania_page_1-143.pdf

и Восточную Германию, соответственно — на ФРГ и ГДР. В значительной степени это стало результатом негибкости И.В. Сталина именно в германском вопросе. Политика единой Германии реализовывалась в рамках планов советизации западной части Германии. Как отмечал И.В. Сталин, «вся Германия должна быть наша, т.е. советская, коммунистическая». Такая позиция существенно облегчила американцам раскол Германии на две части, нейтрализацию сильных национальных настроений в западной части Германии и, в конечном счёте, способствовала созданию ФРГ во главе с Конрадом Аденауэром.

Несмотря на фактический раскол Германии, сразу после смерти И.В. Сталина заметно активизировались усилия значительной части высшего советского руководства по созданию объединённой Германии, включающей в себя и ГДР, и ФРГ. Этому в значительной степени способствовал и приход к власти в Британии правительства консерваторов во главе с У. Черчиллем. «11 мая 1953 г. Черчилль выступил с большой внешнеполитической речью в палате общин и в который раз призвал к немедленному созыву встречи в верхах “большой четвёрки”, чтобы умиротворить Европу “новым Локарно”. Хотя Черчилль конкретно не назвал повестку дня будущей конференции великих держав, всем было ясно, что речь в первую очередь пойдёт о Германии, так как германский вопрос был основным в мировой политике 1953 года. Аденауэр был потрясён тем, что Черчилль отводил русскому народу видное место в мировой политике и был готов учитывать легитимные интересы безопасности Москвы в Европе. Правительство Великобритании устами Черчилля недвусмысленно приветствовало позитивные тенденции во внешней политике СССР.

В начале мая 1953 г. Аденауэр с ужасом узнал, что британский премьер готов в одиночку и без всяких условий ехать в Москву. Эйзенхауэр выразил резкое несогласие с такими планами, но смог добиться от упрямого англичанина только одного — обещания не совершать визита в СССР до конца июня (запомним этот немаловажный факт)»¹⁵¹.

Н.Н. Платошкин связывает коренные изменения в подходе к германскому вопросу с именем Л.П. Берии. Он пишет: «В отличие от Маленкова и особенно Молотова, у Берии были столь радикальные планы во внешней и внутренней политике, что он сразу стал укреплять и реформировать “под себя” силовые структуры СССР, так как предчувствовал сопротивление своим реформам. МГБ было включено в МВД, в котором ближайший соратник Берии и бывший шеф Управления советским имуществом в Германии (УСИГ) Богдан Кобулов стал куратором внешней разведки в ранге первого заместителя министра.

Берия внимательно следил за разногласиями в западном лагере по германскому вопросу. Так, 19 марта 1953 г. он получил сообщение внешней разведки МВД об “ультиматуме США Франции” с целью скорейшей ратификации Парижского договора. Интересно, что другие члены Президиума ЦК КПСС (так тогда называлось Политбюро) этой информации не получили.

Почти сразу после смерти Сталина Берия и Маленков предложили вывести советские войска из Австрии без всяких предварительных условий, чтобы продемонстрировать Западу решимость СССР разрешить все спорные вопросы, включая гер-

¹⁵¹ Платошкин Н.Н. Указ. соч.

манский. Однако Молотов, имевший ещё очень большой авторитет в послесталинском руководстве СССР, высказался против столь смелого шага, настаивая на необходимости получить от Запада какие-нибудь уступки.

Что касается непосредственно Германии, то Берия выступал за немедленное объединение страны на капиталистической основе. Удивительным образом его логика совпадала здесь с опасениями британского Форин-офиса. Если Германия воссоединится благодаря СССР, полагал Берия, то она будет чувствовать признательность и поможет Советскому Союзу в экономическом плане (именно роста советско-германской торговли в случае объединения всерьёз опасались английские дипломаты). Маленков был склонен поддержать Берию. Но Хрущёв и Молотов, как и в случае с Австрией, были против односторонней сдачи ГДР. Позднее, после ареста Берии, Хрущёв именно так и описывал планы Берии: «Он (то есть Берия) предложил отказаться от строительства социализма в ГДР и сделать уступки Западу. Это всё равно что сдать американской империалистической гегемонии восемнадцать миллионов немцев»¹⁵².

Инициативы Берии получили неоднозначную оценку у мемуаристов, значительная часть которых так или иначе была задействована в этих событиях. Как пишет один из ведущих российских германистов А.Н. Филитов в статье «СССР и ГДР, год 1953»: «Ещё в 60-е годы Н.С. Хрущёв публично обвинил Л.П. Берию и Г.М. Маленкова в том, что в период непосредственно после смерти Сталина они были готовы договориться об объединении Германии на западных условиях — путём “сдачи” ГДР; лишь арест Берии положил конец этим планам. В последнее время достоверность этой версии, казалось бы, лишь возросла: свидетельства в её пользу содержатся в воспоминаниях как политических противников Хрущёва, в первую очередь В.М. Молотова, так и менее ангажированных свидетелей — дипломатов типа А.А. Громыко или В.С. Семёнова; в наиболее полном виде её развил в своих мемуарах ветеран советских спецслужб П.А. Судоплатов. Различия лишь в деталях и эмоциях: большинство мемуаристов пишут о “плане Берии по Германии” с возмущением и негодованием, тогда как, положим, тот же Судоплатов — с явным одобрением, к которому добавляется сожаление по поводу того, что его не удалось реализовать из-за того, что “бериевское междуцарствие” оказалось слишком кратким. Последняя точка зрения господствует и среди историков Запада»¹⁵³.

В этой же статье А.Н. Филитов приводит подробные архивные данные относительно обсуждения вопроса о ГДР в мае 1953 г. представителями высшего советского руководства. Согласно найденным им в архивах материалам, в руководстве сложилась примерно следующая ситуация. Л.П. Берию поддержал Г.М. Маленков, категорически против выступили Н.С. Хрущёв, А.И. Микоян, Н.А. Булганин, Л.М. Каганович и высшие военные. Что же до хозяйственников, то они заняли уклончивую позицию. В итоге обсуждение не сформировало какой-то законченной позиции, и вопрос было решено перенести на более поздние сроки.

Рассматривая предложение Л.П. Берии в исторической ретроспективе, многие неангажированные исследователи, основываящие свои выводы в том числе на

¹⁵² Платошкин Н.Н. Указ. соч.

¹⁵³ Филитов А.Н. СССР и ГДР, год 1953 // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 123–135.

результатах крупномасштабных математико-имитационных экспериментов, моделирующих различные пути развития Германии и СССР, приходят к заключению о практической реализуемости и предпочтительности для СССР предложений Берии. При их реализации открылись бы принципиально новые возможности для социально-экономического развития СССР и значительно укрепилось бы его положение на международной арене, в том числе за счёт создания принципиально новых международных коалиций и конфигураций. Что же касается Германии, то с учётом конкретной расстановки социально-политических сил в стране к власти с чрезвычайно высокой степенью вероятности пришла бы позитивно настроенная к СССР левоцентристская коалиция социал-демократического типа.

Бросается в глаза, что при рассмотрении германского вопроса в советском руководстве по сути сформировались две противостоящие друг другу коалиции. Одна включала представителей государственного аппарата, спецслужбы и значительную часть хозяйственников, а другая — партийцев, старую сталинскую гвардию, пережившую чистки, и военных. Первую коалицию олицетворял собой Л.П. Берия, вторую — Н.С. Хрущёв. Формирование именно таких коалиций неудивительно, поскольку их конфигурация предопределена в значительной степени объективными интересами различных групп в советской правящей элите. Первая коалиция фактически базировалась на советском варианте так называемой международной школы *Realpolitik*. Вторая же стала результатом консолидации партноменклатуры с корпоративными интересами военной элиты, заинтересованной в обострении международной обстановки и бесконтрольном наращивании низкотехнологичных военных расходов. На последнее хотелось бы обратить особое внимание. Советская военная элита той поры была сформирована Великой Отечественной войной, и, как показывает анализ трудов военных теоретиков, а также книг, написанных советскими маршалами, они, вплоть до катастрофы СССР, за редкими исключениями типа С.Ф. Ахромеева, мыслили новую войну как продолжение старой, с учётом атомного оружия как фактора сдерживания. Иными словами, значительная часть военной советской элиты в период с 1945 по 1991 г. последовательно выступала за экстенсивное развитие Вооружённых сил и создание количественного превосходства по любым типам вооружения перед потенциальным противником. В итоге сложившийся антибериевский блок партноменклатуры и военной элиты, в конечном счёте, привёл к обескровливанию советской экономики и в значительной степени предопределил крах СССР.

Несмотря на нерешённость вопроса о германской политике на уровне высшего советского партийно-политического руководства, Л.П. Берия и его сторонники продолжали активно действовать. «В принципе Берия действовал вполне в духе “ноты Сталина” от 10 марта 1952 г. Но только, в отличие от уже престарелого в 1952 году вождя, он проводил свои планы в жизнь со свойственным ему напором и энергией. Если бы Черчилль всё-таки вырвался в Москву в мае – начале июня 1953 г. и провёл переговоры с советской делегацией, в которой, несомненно, тогда участвовал бы и Берия, в германском вопросе, по всей вероятности, был бы достигнут исторический прорыв.

Одновременно Берия направил в Вену известную советскую разведчицу и специалиста по Германии Зою Рыбкину. Она должна была восстановить оперативный контакт с работавшей раньше на советскую разведку актрисой Ольгой Чеховой, постоянно проживавшей в ФРГ. Через неё Берия хотел прозондировать готовность

Аденауэра к компромиссу по германскому вопросу (сам Берия полагал, что ГДР должна была пользоваться в составе единой Германии определённой автономией, чтобы сохранить хотя бы некоторые свои социальные завоевания). С миссией в Ватикан был послан другой ас советской разведки — Григулевич, который должен был выйти на католика-канцлера через Папский престол. Берии очень нужна была позитивная реакция Запада на свои внешнеполитические инициативы, так как её отсутствие было основным аргументом его противников в руководстве СССР»¹⁵⁴.

Вполне очевидно, что восстановление оперативных контактов с Ольгой Чеховой и выход на ключевые фигуры в Ватикане были связаны не только и не столько, как пишет Н. Платошкин, со стремлением установить прямые отношения с Конрадом Аденауэром, сколько с необходимостью заручиться поддержкой наиболее мощных финансово-промышленных и военных кругов Германии, связанных с «чёрным интернационалом». Политическая реальность того времени была такова, что именно эти круги за кулисами не только оказывали серьёзное воздействие на решения кабинета Аденауэра, но и, что гораздо более важно, тесно взаимодействовали с реальными хозяевами Америки. Л.П. Берия был слишком искушённым политиком, чтобы не понимать, что подлинные ключи к решению германской проблемы лежат не в Бонне, а в Вашингтоне и Нью-Йорке.

Любому человеку, интересующемуся историей Третьего рейха, хорошо известна роль Ольги Чеховой и её близость не только к А. Гитлеру, но и к Г. Герингу и тем финансово-промышленным кругам, которые стояли за ним и за Мартином Борманом. Что же до миссии Григулевича, то опять же понятно, что Рим был интересен и ценен не только и не столько связями с Конрадом Аденауэром, сколько контактами с «чёрным интернационалом», а также военным крылом Ордена мальтийских рыцарей, чьи члены занимали ключевые позиции в разведывательных и военных структурах администрации Д. Эйзенхауэра.

Есть основания полагать, что миссии Рыбкиной и Григулевича достигли успеха. В результате этого В. Ульбрихт и его группа, полностью ориентировавшиеся на Хрущёва и советскую военную администрацию, с одной стороны, и Конрад Аденауэр и значительная часть американских военных — с другой, оказались перед лицом крупномасштабной катастрофы. В ходе интервью Серго Берии Дмитрию Гордону он указал, что к июню 1953 г. у отца всё было готово для того, чтобы объявить о создании единой Германии и нормализовать советско-американские и советско-британские отношения. Единственное, что могло помешать этому плану, это форс-мажорные обстоятельства. Такой форс-мажор случился. В историю он вошёл под названием Берлинского восстания рабочих 1953 г.¹⁵⁵

Сегодня, когда рассекречена большая часть архивов того времени, можно с чрезвычайно высокой степенью вероятности утверждать, что восстание носило не стихийный характер и было инспирировано не американским империализмом и его британскими прислужниками, а организовано по плану, разработанному для Н.С. Хрущёва советниками советско-американской неформальной военной группировки, а на практике реализовано правительством В. Ульбрихта. Доказать данное обстоятельство весьма несложно. Сегодня имеются многочисленные статисти-

¹⁵⁴ Платошкин Н.Н. Указ. соч.

¹⁵⁵ Платошкин Н.Н. Указ. соч.

ческие материалы, показывающие, что к лету 1953 г. в ГДР наблюдались перебои со снабжением целым рядом продуктов питания, не говоря уже о товарах народного потребления. Жиры, мясо, кондитерские изделия и сахар по-прежнему распределялись по карточкам. Что же касается цен в коммерческих магазинах, то они были недоступны для подавляющей части работающих немцев. Кроме того, наблюдался скрытый рост цен. Вполне понятно, что в такой ситуации о какой-либо удовлетворённости трудящихся уровнем своей жизни речи идти не могло, и люди голосовали ногами. В 1951 г. ГДР покинуло более 165 000 человек. В 1952 г. — более 182 000 человек. А за первое полугодие 1953 г. — уже 120 000 человек.

Что делает в этих условиях близкий личный друг Н.С. Хрущёва В. Ульбрихт и его правительство? В самом конце апреля они резко повышают цены на общественный транспорт, одежду, обувь, хлебопродукты, мясо и содержащие сахар продукты. Чтобы действовать уже наверняка, В. Ульбрихт организует ещё одну провокацию. 28 мая распоряжением правительства были повсеместно резко повышены производственные нормы на предприятиях промышленности. Фактически это означало значительное уменьшение заработной платы, которое вместе с повышением цен и перебоями в поставках продуктов питания ставило подавляющую часть рабочих, включая высококвалифицированных рабочих и инженерно-технических работников даже не на грань, а за грань нищеты.

Эффект был ожидаемым. В ГДР, сначала в Берлине, а потом в других городах страны, вспыхнули забастовки. «Так, в берлинском районе Митте (Центр), где находились основные правительственные учреждения ГДР, из занятых на четырёх предприятиях 4413 человек бастовали около 3300, в районе Фридрихсхайн из 10 815 рабочих на 10 заводах — 10 484, в Кепенике из 24 073 рабочих на 13 предприятиях — 12 598. Забастовки охватили и заводы советских акционерных обществ. По данным аппарата советского верховного комиссара, 17 июня в Берлине бастовали 80 000 из 200 000 рабочих города, причём забастовками были охвачены крупнейшие предприятия. Повсеместно были организованы забастовочные комитеты. Выдвигались пока ещё в основном экономические лозунги: снижение цен в госторговле на 40%, перевыборы профсоюзного руководства и другие. Однако буквально с каждым часом на первый план всё больше и больше выдвигались политические требования: отставка правительства, проведение свободных выборов, воссоединение Германии»¹⁵⁶. В итоге забастовка, перешедшая в восстание, была подавлена советскими войсками. При этом силы полиции ГДР по указанию Ульбрихта покинули города ГДР и укрылись в своих казармах.

Дополнительными аргументами в пользу спровоцированности Берлинского восстания, организованного В. Ульбрихтом по указанию Хрущёва, являются свидетельства, приводимые в работе Филитова. «Имеющиеся свидетельства (правда, опять-таки пока лишь мемуарные) позволяют ответить на этот вопрос в том плане, что у Ульбрихта были, видимо, достаточно сильные покровители в Москве, которые как раз и “прикрывали” его саботажи. В.И. Мазаев, бывший в 1953 г. сотрудником СКК, а затем аппарата Верховного комиссара, сообщает, например, что ему и его коллегам поступило категорическое указание — в своих докладах не упоминать о каких-либо фактах бедствий или недовольства среди рабочего класса ГДР.

¹⁵⁶ Платошкин Н.Н. Указ. соч.

В.И. Фалин, со своей стороны, упоминает о распространённом среди советских “друзей” мнении, что рабочие в ГДР и так живут слишком хорошо и не мешало бы их слегка “поприжать”. Более того, он считает, что между этим мнением и отсутствием пункта об улучшении положения рабочих в “новом курсе” была прямая связь»¹⁵⁷. Для анализа важен тот факт, что В.И. Мазаев в тот период был полковником Советской армии и, соответственно, подчинён министру обороны СССР, а В.И. Фалин трудился в аппарате ЦК КПСС.

Не является ли голословным утверждение о том, что заговор Хрущёва – Ульбрихта был скоординирован, а весьма вероятно, и разработан с участием американских политиков и военных? О том, что оно не голословно, свидетельствуют непреложные факты. «В ночь с 15 на 16 июня 1953 г. на западноберлинский аэродром Темпельхоф (американский сектор) каждые 30 минут приземлялись транспортные самолёты с боеприпасами. 16 июня английские и американские войска в городе были приведены в состояние повышенной боевой готовности, а утром 17 июня здание американской военной администрации в Берлине было взято под охрану танками. С 15 июня с американских самолётов над столицей ГДР периодически сбрасывались листовки с призывами выступить против правительства ГДР»¹⁵⁸.

С того же 15 июня ко всеобщей забастовке начала призывать расположенная в Западном Берлине правительственная американская радиостанция РИАС. Казалось бы, с началом массовой забастовки и стихийных выступлений сначала рабочих, а затем студентов и торговцев американцам самое время было бы активно участвовать в этих событиях, открыв Западный Берлин для жителей ГДР и т.п. Однако, как показывает анализ, задумка была в другом. Главная цель была в организации и максимальном расширении забастовочного движения. Как только это произошло, США, Великобритания и Франция не приняли никаких мер для поддержки забастовщиков. Более того, в то время обер-бургомистром Западного Берлина был представитель СДПГ Ройтер, который отличался радикальным антикоммунизмом и неоднократно говорил, что готов практически всеми имеющимися ресурсами поддержать возможные выступления берлинцев против коммунистической диктатуры. Всеобщая забастовка в Восточном Берлине началась именно тогда, когда Ройтер отсутствовал в городе. Позднее он утверждал, что Соединённые Штаты сделали всё, чтобы он не мог вернуться в Берлин и организовать практическую помощь забастовщикам до тех пор, пока советские войска не стали хозяевами положения¹⁵⁹.

Одновременно, в первые же часы забастовки в западном секторе Берлина американскими военными было решено поддерживать жёсткий порядок и категорически, вплоть до стрельбы на поражение, не допускать перелива демонстрантов из Восточного Берлина. Митинги солидарности с восточными берлинцами было разрешено проводить лишь на окраинах Западного Берлина в максимальном удалении от границы с советским сектором. Когда же советские войска начали принимать меры против забастовщиков, западные коменданты выпустили пресс-релиз, в котором отмечалась необходимость нормализации ситуации и подчёркивалось, что западные вооружён-

¹⁵⁷ Филитов А.Н. Указ. соч.

¹⁵⁸ Платошкин Н.Н. Указ. соч.

¹⁵⁹ Там же.

ные силы никак не будут участвовать в событиях в ГДР, а также отмечалось, что поведение советских властей в ГДР является осторожным и адекватным.

Понятно, что в Берлине имела место классическая провокация с заранее предусмотренным итогом. Можно предположить, что координация западной стороны и группы Хрущёва и военных в СССР осуществлялась именно через военных. Советские архивы содержат огромное количество документов, представляющих собой отчёты встреч советских высокопоставленных военных со своими американскими и реже — британскими коллегами. Как правило, встречались командиры, имевшие опыт взаимодействия или человеческих контактов в ходе Великой Отечественной войны. Темы контактов были самые разнообразные. Анализ такого рода материалов, содержащихся в советских и американских архивах, осуществлённый американскими исследователями, позволил им сделать вывод о том, что данный канал связи использовался для прямых неформальных, доверительных контактов между высшим советским и американским руководством в различного рода конфликтных ситуациях¹⁶⁰.

Мало сомнений в том, что такие контакты сработали и в случае берлинской провокации. Итог этой провокации хорошо известен — арест в начале июля 1953 г. Л.П. Берии (и, весьма вероятно, его убийство в то же время) и многих высокопоставленных представителей советского разведывательного сообщества, включая тех, кто, как П. Судоплатов, был связан с атомным проектом.

После ареста, а скорее всего — убийства Л.П. Берии в июле 1953 г. ни о каких совместных советско-германских действиях в Иране речи идти не могло. Поэтому план Б, имевшийся у сил, стоящих за Мосаддыком, был вслед за планом А отложен. По необходимости в действие вступил план С.

Кермиту Киму Рузвельту уже не надо было противодействовать подполью «чёрного интернационала» в Иране. Наоборот, в сложившейся ситуации противники стали друзьями. Буквально в считанные дни он, согласно его собственным воспоминаниям, установил контакты с армейскими офицерами, активизировал взаимодействие с генералом Захеи и, главное, получил заверение от аятоллы Кашани и других прогерманских симпатизантов, до июня 1953 г. поддерживавших Мосаддыка, что они не только не будут мешать перевороту, но и окажут ему необходимое содействие.

19 августа 1953 г. Мосаддык, как это и предсказывал И. Садчиков, был свергнут. Шах со своей женой-полунемкой вернулся в страну. Бывший агент Абвера генерал Захеи стал премьер-министром. Британское нефтяное наследство было разделено между британцами, американцами и вездесущей «Ройял Датч Шелл», за которой стояла и стоит Оранская династия. Все иранцы, связанные с «чёрным интернационалом», не претерпели никаких репрессий, не только оставшись на своих местах, но и укрепив позиции в иранском обществе. «Чёрный интернационал» получил свои преференции через инжиниринговые компании, поставку химреактивов и других компонентов реорганизованной международной нефтяной компании в Иране. Что до СССР, то Никита Сергеевич Хрущёв вскоре стал лучшим другом опекаемых нацистским интернационалом режимов Гамаль Абдель Насера, Хафиза Асада и пришедших в 1957 г. к власти в Ираке военных и баасистов, возглавляемых Хасаном аль-Бакром и Саддамом Хусейном.

¹⁶⁰ Ball K. The Direct Line. US – Soviet Military Personal Contacts in the 1944–1960. Sydney: HarperCollins Publishers Australia, 2013.

Глава 4

Александр Кинг: на пути к Римскому клубу

1

Бесценный опыт, полученный Александром Кингом как консультантом Британского правительства в ходе кризиса с Англо-Иранской нефтяной компанией, окончательно убедил его, что времена британского владычества миновали и наступил момент, когда необходимы экстраординарные усилия, чтобы страна осталась в ряду великих держав. В ту пору с подобными убеждениями А. Кинг выглядел белой вороной среди британского истеблишмента, цеплявшегося за иллюзии былого имперского величия. Кстати, одним из немногих людей в высших кругах правящей элиты, солидарных с мнением А. Кинга, был его давний знакомый, коллега по разведывательной работе и участию в Фабианском обществе барон Виктор Ротшильд.

Поиск новых нетривиальных решений подтолкнул А. Кинга к тесному знакомству с известным американским журналистом, главой европейского бюро газеты «Нью-Йорк Таймс» Кларенсом Стрейтом — человеком, поддерживавшим близкие, если не сказать дружеские, отношения с Уинстоном Черчиллем и Франклином Рузвельтом. Эти отношения привели к тому, что в 1955 г., ещё продолжая занимать ключевые позиции в британском правительственном кабинете, А. Кинг вступил в комитет Атлантического союза. В этом комитете А. Кинг продолжал оставаться до 1960-х гг. и тесно работал с такими известными людьми, как Ричард Никсон, Хьюберт Хамфри, Джекоб Джавитс, Джон Фостер Даллес, Генри Киссинджер, а также со своими друзьями — британскими политиками и бизнесменами, членами Фабианского общества.

При анализе приведённого перечня имён в глаза бросается, что большинство упомянутых в нём людей самым тесным образом взаимодействовали и осуществляли совместные проекты с Аурелио Печчеи. Ещё более интересна суть работы комитета Атлантического союза. Комитет, действовавший по обе стороны Атлантики, ставил своей задачей создание политической организации, которая объединит сначала Соединённые Штаты и Великобританию, затем страны Западной Европы и на финальной стадии — советского блока.

Впервые идея Атлантического союза как трансатлантической надгосударственной структуры была сформулирована Стрейтом в опубликованной перед войной

книге «Союз сейчас» в дословном переводе, или «Основание Союза» в смысловом эквиваленте¹⁶¹. До написания книги Стрейт учился в университете в США. С началом Первой мировой войны он прервал обучение в штате Монтана, добровольно поступил на военную службу и служил в военной разведке во Франции. Там был замечен за выдающиеся аналитические способности и в юном для аналитика-дипломата возрасте был включён в состав американской делегации на Версальскую конференцию. В ходе конференции он познакомился с крупным американским юристом, знатоком военного права, одним из видных деятелей сионистского и левого движения США Францем Франкфуртером, в последующем — многолетним близким другом Ф.Д. Рузвельта и членом Верховного суда США.

Вскоре после окончания Первой мировой войны Стрейт получил грант фонда Сесилия Родса и продолжил обучение в Оксфорде. Стрейт тесно работал с лордом Милнером, душеприказчиком и продолжателем дела Родса, а также с супругами Вебб. Естественно, он вступил в Фабианское общество и в 1920-е – начале 1930-х гг. несколько раз посещал СССР¹⁶². Следуя идеям Сесила Родса, основанного им общества «Круглого стола», а также Фабианского общества, Стрейт в своей книге показывал бессмысленность и бесперспективность структур типа Лиги Наций и подобных консультативно-дискуссионных образований. Он доказывал необходимость создания всемирного союза демократий. Этот союз должен был обеспечить решение наиболее острых задач, стоящих перед каждой из входящих в него стран, и одновременно предотвратить новые, ещё более разрушительные, чем Первая мировая война, вооружённые конфликты.

Надо сказать, что после своего возвращения из Британии в Соединённые Штаты Стрейт поддерживал теснейшие отношения не только с американской политической, финансовой и интеллектуальной элитой, но и с различного рода левыми движениями, начиная от Лиги за производственную демократию и заканчивая коммунистической партией, прогрессистами и троцкистами¹⁶³.

В книге Стрейт придерживается принципа разнообразия демократии. Под демократией он понимает социально-политическое устройство, которое позволяет тому или иному обществу выбрать между капитализмом и различными моделями социализма. В этом смысле, по его мнению, коль скоро «социалистические и иные коллективистские общества, возглавляемые марксистскими правительствами, готовы войти в Атлантический союз, они не только могут считаться, но и по сути являются демократическими. Способ республиканского самоуправления и организации хозяйственной жизни не является определяющим для вхождения в Атлантический союз, который может и должен объединять различные страны. Более того, по мере развития индустриализма, корпоративной организации экономической жизни и техники различия между так называемыми социализмом и капитализмом будут стираться. Главными станут культурные различия, связанные с соотношением свободы и солидарности, инициативы и справедливости и т.п.»¹⁶⁴.

¹⁶¹ *Streit C.K.* Freedom's Frontier — Atlantic Union Now. <http://www.constitution.org/aun/aun0--00.htm>

¹⁶² *Allen G.* The Rockefeller File. N.Y.: Buccaneer Books, 1998.

¹⁶³ *Allen G.* Op. cit.

¹⁶⁴ *Streit C.K.* Op. cit.

Начало Второй мировой войны сделало книгу Стрейта всемирным бестселлером. За 20 лет с момента своего издания она была переведена на 17 языков и издана тиражом более полумиллиона экземпляров. В Соединённых Штатах, Великобритании, а после 1949 г. — во Франции, ФРГ, Италии создавались ячейки комитета Атлантического союза, как для элиты, так и для представителей в основном среднего класса. С 1945 по 1965 г. в Америке и Великобритании собирались десятки голосов членов высшей законодательной власти о внесении вопроса об основании Атлантического союза на референдум.

Интересно, что Атлантический союз мыслился Стрейтом как метagосударственная структура, чьи конституционные принципы являются чем-то средним между конституциями США и СССР. В конечном счёте обе эти конституции предусматривали образование союза государств. Советские, а теперь российские читатели не вполне понимают, что не только в момент образования, но и до настоящего времени штаты, собственно, и представляют собой государства, которые часть своих полномочий делегировали федеральному правительству Соединённых Штатов Америки. В связи с этим неудивительно, что Стрейт для наименования своего метagосударственного образования выбрал слово «союз».

Идеи Стрейта имели мощную поддержку в высшем политическом и экономическом истеблишменте США и преимущественно промышленных кругах Великобритании. Основное финансирование комитетов Атлантического союза и пропаганды идей Кларенса Стрейта, который умер почти в 90-летнем возрасте в 1987 г., взял на себя благотворительный фонд братьев Рокфеллер¹⁶⁵.

Работая в свободное от служебных занятий время в комитете Атлантического союза, А. Кинг актуализировал и расширил свои и без того обширные связи в высшем американском истеблишменте, которые он приобрёл в ходе Второй мировой войны. Поэтому неудивительно, что, когда американцы всерьёз озаботились эффективностью расходования средств по плану Маршалла и занялись реструктурированием Организации Европейского Экономического Сотрудничества, они предложили на один из ключевых постов Александра Кинга. В структуре организации было решено создать Комитет по вопросам производительности и прикладным исследованиям и в качестве его рабочего органа — Европейское агентство по увеличению промышленного производства.

В конце 1956 г. А. Кинг, как кандидатура, согласованная американской администрацией, британским правительством и правительствами, входящими в состав ОЕЭР, был предложен на пост соруководителя Европейского агентства по увеличению промышленного производства (ЕПА). Финансирование работы агентства на первых порах взяли на себя благотворительные фонды братьев Рокфеллер и Форда. 1 января 1957 г. Александр Кинг завершил карьеру государственного служащего в Великобритании и начал работать высокопоставленным международным чиновником.

Перед ЕПА было поставлено несколько задач, главным образом связанных с повышением эффективности производства и ускорением внедрения инноваций в промышленности. Это было обусловлено двумя основными обстоятельствами. Первое и главное — вызовом со стороны Советского Союза, чья экономика в 1950-е гг.

¹⁶⁵ *Allen G. Op. cit.*

стремительно прогрессировала. Второе обстоятельство коренилось в том, что, по мнению американцев, европейцы не слишком эффективно использовали средства, выделяемые по плану Маршалла. Значительная часть этих средств уходила не на создание новых институтов и повышение эффективности производства, а на повышение бюрократических издержек управления, а также нецелевое использование средств на различные социальные программы.

Как пишет Александр Кинг: «В качестве первоочередной задачи необходимо было разработать предпосылки для роста производительности всех факторов производства, и прежде всего труда в промышленном, сельскохозяйственном и обслуживающем секторах экономики, обеспечить разработку и установить контроль за реализацией национальных программ в этой сфере»¹⁶⁶. Столь большое внимание, уделяемое членами ОЕЭР производительности, конечно же, было связано в то время с фактором Советского Союза. В 1950–1960-е и даже в начале 1970-х гг. к экономическим научным и технологическим перспективам Советского Союза на Западе относились гораздо серьёзнее, чем сегодня к Китаю. В настоящий момент сложно поверить, но факт остаётся фактом, что главное расхождение между виднейшими экспертами-экономистами того времени, включая практически всех Нобелевских лауреатов, заключались не в том, обгонит ли СССР США и кто победит в соревновании двух систем, а в обсуждении срока, когда это произойдёт и, что называется, на каких условиях социалистическая система поглотит капиталистическую.

Причём, если сегодня у серьёзных западных аналитиков нет иллюзий относительно природы китайской мощи, реального уровня научно-технологического развития этой страны, глубины процессов деструкции правящей элиты и запредельной степени фальсификации государственной китайской статистики, то с Советским Союзом в те времена дело обстояло по-другому. Достаточно привести несколько цифр. Причём цифры приводятся не по государственной статистике СССР, а по исследованиям межотраслевых балансов, которые осуществил один из крупнейших мировых статистиков, специалист номер один по советско-российской статистике в мире Г. Ханин. В своей статье «Десятилетие триумфа советской экономики» он приводит данные, объясняющие тогдашний прогрессирующий пессимизм американских, британских и европейских политиков и экспертов в отношении западных шансов в соревновании двух систем.

Согласно существенно более низким, чем официальные данные, оценкам Ханина экономического роста в 1950-е гг., получается следующая картина. За 1951–1960 гг. ВВП в СССР вырос на 244%, в США — на 133%, в Великобритании — на 127%, во Франции — на 158%. И только в ФРГ, где производственный потенциал был разрушен до основания и фактический рост так же, как и в Японии начинался не то что с нулевой, а даже с отрицательной величины, темпы роста составили 217%.

Объём промышленного производства в СССР вырос на 228%, в США — на 145%, в Великобритании — на 135%, во Франции — на 180%. Даже по темпам роста производительности труда — важнейшему показателю эффективности — СССР опережал западные страны. В нашей стране он вырос в 1951–1960 гг. на 146%, в США — на 134%, в Великобритании — на 122%. Неизмеримо более высо-

¹⁶⁶ Кинг А. Указ. соч.

кими темпами росли реальные доходы населения СССР в 1950-е гг. по сравнению с США, Великобританией и всеми европейскими странами¹⁶⁷.

Следует подчеркнуть, что приведённые выше оценки, сделанные на основании данных межотраслевого баланса и статистики Госплана СССР Г. Ханиным относительно динамики советских показателей, не только значительно ниже, чем данные официальной статистики, но и существенно уступают оценкам советской экономической динамики, которые делались в то время ЦРУ США и привлечёнными им западными экономистами. В глазах западного истеблишмента того времени картина была ещё более плачевной, чем дело обстояло в действительности. Отсюда понятно, что американская правящая элита и её европейские сателлиты были как никогда озабочены вопросами повышения эффективности производства.

Пресса того времени и анализ выступлений ведущих политиков и промышленников как на публичных мероприятиях, так и на закрытых конференциях свидетельствуют, что алармистские настроения в отношении СССР сменились подлинной паникой после запуска в 1957 г. первого в мире орбитального непилотируемого космического корабля, знаменитого «Спутника». С этого момента даже самым упёртым аналитикам стало понятно, что эффективность советской экономики связана не только и не столько с ГУЛАГом и тотальным принуждением, и даже не с умелой пропагандой, породившей долговременный массовый энтузиазм, а с реальным технологическим превосходством, по крайней мере, в некоторых решающих научно-технических отраслях, сферах, а также бесспорным первенством советского среднего и высшего образования и системы организации массового технического творчества и реализации крупномасштабных научно-технических программ.

Сразу после запуска советского спутника ЕПА по предложению А. Кинга и его коллег за океаном из организации «Язоны», прародительницы знаменитого DARPA, был сориентирован на проведение сравнительного анализа научно-технических достижений в основных критических для экономики и безопасности сферах в СССР, США и Европе. Для этих целей ЕПА были разрешены тесные контакты с разведывательными сообществами США, Великобритании и Франции. При этом, как это уже повелось на Западе, срочные ключевые программы не ждали там одобрения и финансирования в многочисленных комитетах законодательной власти и прохождения бумаг в бюрократических лабиринтах исполнительной власти, а быстро и в полном объёме финансировались из специальных частных источников. Финансирование указанной программы полностью взял на себя благотворительный фонд братьев Рокфеллер. Тогда же состоялось личное знакомство Джона Рокфеллера Третьего с Александром Кингом. Именно Дж. Рокфеллер являлся не только главной фигурой среди пяти братьев, но и отвечал в братском разделении труда за международную политику, благотворительность и взаимодействие с государственными органами власти. Программа разрабатывалась ЕПА в течение трёх лет вплоть до середины 1961 г., когда западный мир получил ещё более сокрушительный удар, чем «Спутник», увидев над планетой уже не собак и прочую живность, а первого в мире человека, запущенного в космос. Сегодня даже сложно себе представить политико-психологическое воздействие запуска в космос Юрия Гагарина и по-настоящему

¹⁶⁷ Ханин Г. Десятилетие триумфа советской экономики. Годы пятидесятые. <http://saint-juste.narod.ru/hanin.htm>

кардинальные перемены, к которым привёл этот запуск в отношении к Советскому Союзу со стороны западной правящей элиты, отличавшейся в те времена адекватностью, образованностью и умением трезво смотреть на вещи.

В ходе исполнения программы ЕПА были выработаны уникальные методики сопоставления уровня развития фундаментальной, прикладной науки, опытно-конструкторских разработок, массовости и эффективности их внедрения на технологический уровень и, наконец, эффективности технологий в уже действующих производственных паттернах. Необходимо отметить, что подобного уровня исследований в мире до того момента достигнуто не было. Под руководством А. Кинга была создана поистине бесценная система научно-технического прогнозирования и сопоставления в привязке к конкретным производственно-экономическим задачам. В последующем эта технология, переданная благотворительному фонду Рокфеллеров, послужила основой для разработки под руководством полковника М. Секоры проекта «Сократ». Этот проект был инициирован в первые годы администрации Рейгана для выяснения реального уровня конкурентоспособности Америки в сфере военных технологий, технологий двойного назначения и технологий гражданского сектора. Базируясь на разработках ЕПА, группа Секоры, созданная в рамках разведывательного сообщества США, разработала постоянно действующую систему тотального всеобъемлющего мониторинга технологий. В конце правления Дж. Буша-старшего в 1992 г. проект «Сократ» был свёрнут и реанимирован под другим названием в рамках Агентства IARPA в 2013 г. Сегодня этот проект реализуется как частно-государственное партнёрство, где вместе с IARPA как координатором участвуют другие разведывательные агентства и исследовательские центры 32 крупнейших американских высокотехнологических корпораций¹⁶⁸.

Трёхлетняя титаническая работа ЕПА была востребована в первую очередь американцами и французами. Другие страны в силу самых разных причин оказались в стороне. Кроме того, практической реализации выводов, полученных в результате работы, помешала реорганизация ОЕЭР. Поскольку к 1961 г. план Маршалла был завершён, то возникла идея несколько изменить функции организации, превратив её из инструмента реализации плана Маршалла в координационную структуру ведущих стран Запада. В соответствии с этой идеей ОЕЭР была реструктуризирована в Организацию Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР), в которую наряду с США и странами – получателями помощи по плану Маршалла вошли Австралия, Канада, Новая Зеландия и Япония. В процессе реорганизации А. Кинг расширил сферы своих полномочий, став из сопредседателя единоличным директором Совета по производительности, который сменил ЕПА.

В 1963 г. руководящий Комитет ОЭСР, состоящий из министров экономики и финансов, поставил перед командой А. Кинга задачу разработки мер по повышению эффективности управления крупными национальными и транснациональными корпорациями в связи со снижением нормы их прибыли. На заседании Комитета, инициированном прежде всего американской стороной, были озвучены данные, поразившие как высших государственных чиновников, так и руководителей корпораций. Выяснилось, что за период с 1935 по 1961 г. норма прибыли в кор-

¹⁶⁸ Ackman E. President Reagan's Program to Secure U.S. Leadership Indefinitely: Project Socrates. <http://projectsocrates.us/>

порациях обрабатывающей промышленности в странах ОЭСР снизилась почти в два раза — с 14,8 до 7,5%¹⁶⁹. Падение нормы прибыли сужало возможности самофинансирования корпораций, сокращало поступление в государственные бюджеты, вело к затруднениям финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. По решению Комитета была создана комиссия по повышению эффективности работы национальных и транснациональных корпораций, в которую наряду с командой А. Кинга вошли представители 27 крупнейших транснациональных корпораций по обе стороны океана. В качестве своего заместителя А. Кинг пригласил знаменитого американского экономиста, специалиста по корпоративной эффективности и собственности Альфреда Бёрли.

Сегодня экономическая мысль того периода связывается прежде всего с влиянием Дж. Кейнса. Однако в 1930–1960-е гг. считалось, что наиболее влиятельной экономической книгой, идеи которой воплощаются в реальность правительствами и корпорациями многих стран, являлась не только знаменитая и по сей день работа Д.М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег», но и книга А. Бёрли и Г. Минза «Современная корпорация и частная собственность»¹⁷⁰. А. Бёрли и Г. Минз в своей книге впервые выдвинули ставшую в последующем широко известной теорию управленческой или менеджерской революции. Работа была написана на основе огромных массивов статистического материала с привлечением обширных юридических данных. Детальный анализ фактических данных как количественного, так и качественного характера позволил авторам сделать несколько основополагающих выводов.

Авторы смогли выделить несколько ключевых тенденций развития капитализма. В их числе:

- во-первых, два параллельно идущих процесса в американской экономике: с одной стороны, происходил рост экономической концентрации богатства, а с другой — увеличение числа акционеров. Эти процессы впервые были описаны в книге А. Бёрли и Дж. Минза и в последующем находились под пристальным вниманием экономистов и статистиков в США и Западной Европе. В результате многочисленных исследований выяснилось, что впервые обнаруженные в начале 1930-х гг. параллельные процессы формирования суперэлиты и размыwania собственности в крупнейших корпорациях продолжались в 1940-е, 1950-е и 1960-е гг.;

- во-вторых, возрастание роли в акционерном капитале институтов, аккумулирующих деньги мелких и средних инвесторов, включая пенсионные фонды, профсоюзные фонды, страховые организации, фонды доверительного управления и т.п.;

- в-третьих, постоянное увеличение разнообразия форм и методов контроля над корпорациями, которые в своей совокупности ведут к уменьшению процента акций, необходимого для господства над корпорацией;

- в-четвёртых, значительное влияние на структуру собственности в корпорациях, государственных юридических норм и политики, направленной против картелей, концентрации собственности в руках немногих юридических лиц и т.п. В совокупности эти меры, по мнению авторов книги, выдержавшей более девяти изданий, объективно вели к запутыванию и распылению собственности крупных корпораций;

¹⁶⁹ UN Trends and Issues in Foreign Direct Investment and Related Flows. L., N.Y.: United Nations, 1962.

¹⁷⁰ Berle A.A., Means G.C. Modern Corporation and Private Property. N.Y.: Macmillan, 1932.

– наконец, в-пятых, под воздействием указанных выше тенденций авторы выделяли такое важнейшее направление в практике корпораций, как прогрессирующее усиление контроля высшего топ-менеджмента над корпорациями. Фактически авторы подвели статистическую и юридическую базу под высказанное ещё К. Марксом предвидение об отделении капитала-собственности от капитала управленческой функции в монополистических структурах. По мнению Бёрли и Минза, топ-менеджеры становились, по сути, ключевыми людьми, определяющими решения, политику и эффективность в современных корпорациях.

Книга Бёрли и Минза оказала огромное влияние на кабинет Рузвельта, была уже в 1933 г. переведена на немецкий язык в Германии и пропагандировалась Ялмаром Шахтом как основа для построения германской корпоративной экономики. Однако поскольку книга была написана в академической манере и требовала высокого уровня профессиональных знаний, понадобился другой человек, а именно Джеймс Бернхем с его «Революцией менеджеров», для того чтобы идея, что называется, пошла в политические и деловые массы, стала господствующей практической парадигмой.

А. Кинг привлёк Бёрли в свою комиссию не только из-за его всемирной известности и авторитета, но и вследствие его совершенно уникальных тесных связей и доверительных отношений с руководством крупнейших транснациональных корпораций.

2

В ходе исследования, проведённого командой А. Кинга в период с 1963 по 1966 г., удалось установить несколько ключевых параметров, определяющих как развитие капитализма того времени, так и возможности и ограничения повышения эффективности крупнейших корпораций, господствующих в экономике своих стран и мировой экономике. Прежде всего выяснилось, что в послевоенный период происходило ослабление контроля финансового капитала над крупнейшими корпорациями в промышленности, на транспорте, в торговле.

Авторы исследования и их консультанты из крупнейших транснациональных корпораций пришли к выводу, что это происходило в силу трёх основных причин. Во-первых, увеличение объёмов производства, послевоенное оживление экономики расширило возможности промышленного капитала для самофинансирования, изыскания собственных средств. Во-вторых, ещё в довоенный период в США и в послевоенный период в Европе правительства целенаправленно проводили политику ограничения возможностей экспансии финансового капитала в другие отрасли в виде владения банками и другими финансовыми институтами крупными пакетами акций. Образцом для подражания стал принятый администрацией Ф.Д. Рузвельта в конце 1930-х гг. знаменитый закон Гласса – Стигола. Он был подготовлен при непосредственном участии Бёрли и Стюарта Чейза, руководителя мозгового центра при президенте и одного из ведущих деятелей американского фабианского движения. В-третьих, в послевоенный период прежде всего в Европе и чуть в меньшей степени — в США всё большую роль в обеспечении финансирования отраслей и корпораций стали играть различного рода пенсионные, страховые, профсоюзные фонды.

Наряду с повышением независимости промышленного и торгового капитала вообще и ТНК в частности от финансового капитала группа пришла к выводу о том, что, несмотря на жёсткую антитрестовскую политику, проводимую начиная с 1930-х гг. в США и после Второй мировой войны в Европе, ТНК склонны к созданию различного рода альянсов неформальных, а потому не преследуемых по закону картелей, синдикатов и других форм согласованного раздела рынков сбыта капиталов и т.п. Наряду с отрицательными последствиями этого процесса группа А. Кинга увидела и положительные, состоящие в том, что корпорации создавали своего рода пулы для финансирования тех или иных разработок. При этом было отмечено, что государство, особенно в США, борясь в сбытовой сфере с картелями, фактически поощряет создание надмонополистических групп в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, подчас само организует такие группы.

Наконец, в докладе был сделан вывод о том, что заметное повышение эффективности и нормы прибыли ТНК видят в снижении неопределённости внешней среды и на этой основе — в развитии программно-целевых методов управления. За 30 лет до появления современного маркетинга в исследовании впервые был сделан вывод о том, что магистральным направлением деятельности ТНК является создание программируемых ими рынков сбыта, где реализация продукции будет заранее гарантированной. Фактически речь шла о том, что ТНК не только на неформальной основе производят раздел рынков сбыта и фактически уничтожают конкурентную среду и рынки в их классическом понимании, но и практически переходят к целенаправленному формированию потребностей потенциальных покупателей как на рынках товаров народного потребления, так и на рынках производственной продукции. Едва ли не единственную возможность повышения эффективности в долговременном периоде ТНК видели в то время в решительном отказе от режима свободной конкуренции и переходе к различного рода формам так называемого активного планирования. Характерно, что в ходе написания доклада А. Кинг неоднократно встречался с Д. Гэлбрейтом, одним из ключевых советников администраций Д. Кеннеди и Л. Джонсона, автором знаменитого «Нового индустриального общества»¹⁷¹, лауреатом Нобелевской премии и одним из гуру теории конвергенции.

Поскольку финальная шлифовка доклада перед представлением правительствам стран ОЭСР проходила в небольшом курортном итальянском городке Фраскати, работа получила название «Меморандум Фраскати». Меморандум был высоко оценен руководителями крупнейших ТНК, но крайне неоднозначно воспринят министрами, представлявшими страны ОЭСР. Эта неоднозначность достигла такой степени, что в отличие от всех других работ ЕПА доклад был засекречен и было принято решение не распространять его от имени ОЭСР и не предоставлять средствам массовой информации. Лишь спустя 40 лет он был официально рассекречен ОЭСР.

Поскольку в «Меморандуме Фраскати» тщательно рассматривались основополагающие для анализа наднациональных внутриэлитных взаимоотношений вопросы, представляется целесообразным несколько забежать вперёд и оценить, насколько выводы меморандума подтвердились результатами более поздних исследований, основывавшихся на достоверной фактологической базе.

¹⁷¹ Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004.

Из небольшого числа первоклассных работ, осуществлённых в 1970-е гг., заметно выделяется своей документальной основой и тщательностью аналитической проработки серия докладов, выполненных авторским коллективом в составе Е. Хермана, Ф. Берча, Ж. Шевалье и Д. Котца. Этот коллектив представлял собой специальную экспертную группу, созданную в рамках темы «Корпоративная собственность и контроль» по решению Конгресса США в 1969 г. и проработавшую до 1978 г. Группа имела беспрецедентный доступ ко всем, включая засекреченные, документам и к отчётности Комиссии по ценным бумагам и Налоговой службы США, а также к документации регистрационных служб всех 50 штатов. Нельзя не подчеркнуть, что ни до, ни после этой работы подобного доступа к публичным и засекреченным документам профессиональным исследователям, экономистам и юристам в США не предоставлялось.

Сами по себе доклады были засекречены Конгрессом США и использовались для рассмотрения на закрытых заседаниях соответствующих комитетов Сената и Палаты представителей. Однако участникам созданной группы было разрешено опубликовать фрагменты этих докладов в качестве авторских монографических исследований. Это сделало материалы доступными для внешних экспертов. В ходе работы над докладами группе удалось сделать несколько документально обоснованных выводов, которые почти полностью переплетались с основными идеями «Меморандума Фраскати», подготовленного группой А. Кинга.

Во-первых, был сделан вывод о том, что в 1960–1970-е гг. произошло радикальное изменение функционала богатейших семей американского корпоративного мира. Если с конца XIX в. до 1930-х гг. в американской деловой элите преобладали империи, которые структурно были характерны для Морганов, Рокфеллеров, Дюпонов, Меллонов, Диллонов и т.п., то в 1960–1970-е гг. на их место пришли холдинги и трасты, управляющие портфелями ценных бумаг, зачастую принадлежащих относительно старому для Америки семейному капиталу. Если первоначальники, своеобразные «разбойники-предприниматели» создавали свои империи, как правило привязанные к определённым, конкретным отраслям и секторам экономики, и непосредственно руководили и контролировали корпорации, входящие в состав империи, то их наследники превратились в основном в миллиардеров-инвесторов, устранившихся от непосредственного руководства и стратегического управления корпорациями. Их перестал интересовать бизнес как таковой, а главное внимание стало уделяться доходности портфелей ценных бумаг, которые постоянно изменяются и диверсифицируются»¹⁷².

Во-вторых, был сделан вывод о том, что в американском корпоративном мире снижается фактор персонифицированного контроля и управления со стороны собственников. В работе участника группы Ф. Бёрча «Переоценка управленческой революции» указывается, что в результате анализа «500 крупнейших промышленных корпораций США, а также 50 крупнейших корпораций в таких отраслях, как финансы и банковское дело, транспорт, предприятия общественного пользования, типа электроэнергетики и связи, а также торговли, сложилась следующая картина в отношении персонифицированного контроля. При этом под персонифициро-

¹⁷² *Herman E. Corporate Control, Corporate Power. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1981.*

ванным контролем и управлением корпорации понимается ситуация, когда в руках одной или нескольких семей, связанных юридически закреплёнными отношениями, находится не менее 10% пакета акций, а также семьи представлены своими участниками в совете директоров или менеджменте соответствующих корпораций. Этот критерий выполняется для 31% крупнейших промышленных, транспортных и торговых корпораций, для 12% крупнейших корпораций в сфере связи и электроснабжения и 17% банков и финансовых институтов»¹⁷³. В итоге Комиссия сделала вывод о том, что, хотя семейный клановый контроль в корпорациях — как в промышленном, так и в финансовом секторах — сдал свои позиции по отношению к довоенному периоду, сократившись в количественном выражении почти в два раза, тем не менее семейно-клановые собственники по-прежнему оставались, по крайней мере в 1970-е гг., одними из ключевых акторов американской корпоративной, а соответственно, и политической жизни.

Исследования группы подтвердили вывод «Меморандума Фраскати» о том, что в послевоенный период, вплоть до конца 1970-х годов, наблюдался своего рода реванш промышленного капитала как в лице собственно корпоративных капиталистов, так и топ-менеджмента над финансовым капиталом, фактически безраздельно господствующим в период классического империализма как высшей стадии капитализма, особенно вплоть до Великой депрессии.

Крупнейший специалист по банкам, включённый в состав группы, Д. Котц опубликовал на основе материалов докладов книгу «Банковский контроль в крупных корпорациях США». В книге он пишет: «83 корпорации из числа 300 крупнейших, или 26,7%, находятся под контролем банков, входящих в список топ-25. В 1935 г. таковых было 62,4%. При этом следует отметить, что лишь треть крупнейших корпораций не имеет чётко выраженных центров внешнего контроля со стороны банков, иных финансовых институтов или другого типа институциональных инвесторов. В этих корпорациях власть действительно в значительной степени принадлежит их топ-менеджменту, который в реальности осуществляет контроль, зачастую в своих интересах и в ущерб распылённым частным собственникам»¹⁷⁴.

В работе Д. Котц пишет, что «при значительном сужении сферы банковского контроля над корпорациями старым династиям — Рокфеллерам, Дюпонам, Меллонам, Кунам, Леебам, Барухам и Гарриманам — удалось не только сохранить, но и в некоторых отраслях, например в авиакосмическом и химическом бизнесе, даже упрочить свои позиции. В этом смысле плутократия, несмотря на все предпринятые против неё меры, сохраняет такое же влияние не только на экономику, но и на политику и общественную жизнь, что и 100 лет назад»¹⁷⁵.

Поскольку одним из финансовых спонсоров работы над «Меморандумом Фраскати» был фонд братьев Рокфеллер, А. Кинг в 1962 г. возобновил достаточно частые встречи с Джоном Рокфеллером Третьим. В ходе этих встреч он познакомил А. Кинга со своим братом, который, по его мнению, хотя и не занимался благотво-

¹⁷³ *Burch Rh.I. The Managerial Revolution Reassessed. Family control in Americas Large Corporations.* Lexington: D.C. Heath a. Co., 1979.

¹⁷⁴ *Kotz D. Bank Control of Large Corporations in the United States.* Berkeley: University of California Press, 1978.

¹⁷⁵ *Ibid.*

рительностью, по своему складу гораздо больше подходил для участия в подобных исследовательских проектах. Речь шла о Дэвиде Рокфеллере. Американская пресса того времени называла его самым образованным, контактным и скрупулёзным из Рокфеллеров. В семье его прозвали «исследователь». Д. Рокфеллер и А. Кинг быстро установили между собой доверительные отношения и поддерживали тесные взаимоотношения до последних дней жизни А. Кинга.

Этому в немалой степени способствовали три обстоятельства. Прежде всего, Д. Рокфеллер получил блестящее образование, много общался и непосредственно учился у лучших экономистов своего времени, занимавших зачастую диаметрально противоположные научные и политические позиции. На разных этапах обучения и подготовки диссертации научными руководителями Д. Рокфеллера были нобелевские лауреаты Й. Шумпетер, Ф. Хайек, О. Норт и О. Ланге. Таким образом, Д. Рокфеллер напрямую познакомился с основоположниками наиболее влиятельных школ экономической мысли: создателем теории экономического роста Й. Шумпетером, представителем австрийской экономической школы и убеждённым антикоммунистом Ф. Хайеком; создателем неoinституционализма О. Нортом и марксистом и звездой математической экономики и планирования О. Ланге. Если добавить, что при написании диссертации «Неиспользованные ресурсы и экономические потери в промышленности» Д. Рокфеллера консультировал Дж. Кейнс, нетрудно понять, что он был интересен А. Кингу не только как представитель могущественнейшей финансовой семьи, но и как самостоятельно и оригинально мыслящая личность, чьи научные и практические интересы были близки А. Кингу.

Сближению А. Кинга с Д. Рокфеллером весьма помог их военный опыт. Оба в годы Второй мировой войны служили в разведывательных структурах: А. Кинг — в научно-технической разведке Великобритании, а Д. Рокфеллер — в военной разведке США. Наконец, немаловажную роль, по всей видимости, имел и тот факт, что, как и А. Кинг, Д. Рокфеллер был связан с фабианским движением и, более того, активно помогал ему финансово.

При всём этом, конечно же, А. Кинг видел в Дэвиде Рокфеллере прежде всего представителя клана Рокфеллеров с его поистине безграничным влиянием в мировой правящей элите. В связи с этим он с удовольствием откликнулся на предложение Д. Рокфеллера поучаствовать в работе сначала неформального, а затем и официального Международного консультативного комитета (МКК) при «Чейз Манхэттен Бэнк», который возглавлял Д. Рокфеллер. Этот комитет был создан для анализа важнейших глобальных проблем, изучения новых тенденций в экономике, политике, социальной жизни и стал своего рода предшественником знаменитой Трёхсторонней комиссии. Как пишет в своих воспоминаниях Д. Рокфеллер: «Он должен был состоять из выдающихся и уважаемых бизнесменов, многие из которых были моими личными друзьями в странах, считавшихся нами наиболее важными для успеха нашей работы»¹⁷⁶.

В состав комитета входили такие представители мировой элиты, как Д. Лоуден — председатель правления «Ройял Датч Шел», Дж. Аньелли — председатель правления «Фиата», У. Баумгартен — президент компании «Рон-Пуленк», Т. Исид-

¹⁷⁶ Рокфеллер Д. Клуб банкиров. М.: Алгоритм, 2013.

зака — руководитель объединения крупнейших компаний Японии, крупнейший индийский магнат Дж. Тата, Дэвид Паккард из «Хьюлет-Паккарда», Генри Форд Второй, лорд Каррингтон, Сайрус Вэнс, Генри Киссинджер и др.

МКК поручил А. Кингу разработку методологии анализа и прогнозирования глобальных проблем и, что ещё более важно, выявления кризисных тенденций и наиболее опасных процессов как в международном, так и в региональном развитии. Вот что пишет сам А. Кинг: «В 1968 г. мы организовали симпозиум, посвящённый долгосрочным планированию и прогнозированию, проводившийся на вилле Д. Рокфеллера в Белладжио и собравший выдающуюся группу аналитиков планирования. В своей “Декларации Белладжио” эксперты предупредили, что социальные и технологические разработки могут обострять вопросы вне политического контроля. Они выступили в поддержку гуманитарной системы планирования, учитывающей последствия для отдельных людей и общества с максимальным участием общественности. Отличительной чертой этого собрания стали противоположные и часто взаимно враждебные взгляды двух участников — Хасана Озбекхана с его философским подходом и Дж. Форрестера из Массачусетского Технологического Института, строгого технократа и практика... Спустя пару лет эти два человека вновь противостояли, на этот раз на советах Римского Клуба»¹⁷⁷.

Совещание на вилле Д. Рокфеллера инициировало создание «думающего танка», т.е. «фабрики мысли» принципиально нового типа. Необходимость в нём обуславливалась тем, что традиционные «фабрики мысли» того времени не были сориентированы на глобальные проблемы, не позволяли собрать под одной крышей экспертов и исследователей, не только работающих на разные элитные группы на Западе, но и представляющих основные политические силы антикапиталистической направленности того времени, включая Советский Союз. Важнейшим итогом встреч на Вилле Белладжио стало решение Д. Рокфеллера и его братьев приступить к созданию неформальной организации нового типа. В итоге это решение вместе с планами европейской промышленно-аристократической элиты, создавшей «Италконсульт» А. Печчеи, и, наконец, мыслями различных групп в высшем советском руководстве привели к началу практической работы по организации Римского клуба.

¹⁷⁷ Кинг А. Указ. соч.

Глава 5

Джермен Гвишиани: на пути к Римскому клубу

1

В последние годы благодаря усилиям телепроповедников — гипнотизёров, а по совместительству политтехнологов, а также различных исследователей, с остервенением, но малым пониманием разоблачающих мифы «устойчивого развития», Д.М. Гвишиани вместе с его тестем А.Н. Косыгиным стали располагать где-то между вампирами и людоедами. «Патриотам на окладе» кажется, что, занимаясь такой горе-аналитикой, они делают что-то полезное для Отечества. Все их построения сводятся к простой незатейливой формуле, которая особую популярность получила с началом нынешнего века. Суть её в том, что все проблемы, неудачи и исторические катастрофы страны связаны исключительно с внешним врагом, его происками против самого древнего, умного и деятельного, обладающего единственно правильным миропониманием народа-богоносца. Однако уроки истории показывают, что такой подход не только не патриотичен, но и преступен по отношению к собственной стране. Подобного рода авторы оказываются весьма в специфической компании исторических персонажей, включая тех, кто оказался на скамье подсудимых в Нюрнберге. Это отнюдь не голословное суждение. Из числа многочисленных аргументов и примеров, его подтверждающих, достаточно выбрать фрагмент выступления Германа Геринга на Нюрнбергском процессе. «Разумеется, народу не нужна война... Однако политику всегда определяют лидеры, а им втянуть страну в войну проще простого: демократия ли это, парламентская республика, фашистская или коммунистическая диктатура. С голосованием или без него, народ всегда можно заставить делать то, что выгодно властителям. Это дело нехитрое. Всё, что нужно сделать, — так это сказать людям, что на них напали, и обличить пацифистов в отсутствии патриотизма, а также в том, что они подвергают страну опасности и предают её интересы...»¹⁷⁸

Что же касается Д. Гвишиани, то люди, долгое время работавшие либо общавшиеся с ним, практически единодушно отмечали редкую для руководителей того времени воспитанность, образованность, корректное отношение не только к равным по должности или влиянию, но и к подчинённым, подчеркнутую доброжелательность к молодым сотрудникам и т.п. Однако, как любой человек, занятый прак-

¹⁷⁸ Нюрнбергский процесс. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1954.

тической политикой, Д. Гвишиани не был «ни белым, ни пушистым». Он являлся одним из лучших мастеров политической интриги своего времени. Несомненно, в межэлитных взаимоотношениях он был не только верным партнёром для узкого круга людей, но и предельно циничным, хитрым и безжалостным функционером, без зазрения совести использовавшим людей в качестве строительного материала или инструмента для достижения целей.

Не только в рассчитанных на оболваненные массы книжках, заполненных масонами, бильдербержцами и прочей нечистью, но и в работах, претендующих на аналитичность, типа труда В. Павленко «Мифы устойчивого развития», Д. Гвишиани называется космополитом и одновременно грузинским националистом типа Э. Шеварднадзе. Здесь мы имеем дело с наличием у авторов подобных работ феномена двоемыслия, детально описанного в романе «1984» Дж. Оруэллом. Такое двоемыслие неудивительно, поскольку подобного рода работы не написаны на основе обработки документального материала и прошедших проверку на достоверность источников, а используют в качестве таковых книги своих же единомышленников, заполненные оценочными суждениями.

Будучи воспитанным в семье генерала госбезопасности, Д. Гвишиани всю жизнь был убеждённым сторонником социализма. При этом он, так же как и его тесть, исходил из реалий, а не доктринёрских фантазий и прекрасно отдавал себе отчёт в том, что советский вариант социализма в его классическом понимании не является и не может являться единственным. Что касается грузинского национализма, то подобный вывод показывает вопиющую безграмотность тех, кто его сделал, и отсутствие каких-либо знаний в области этнопсихологии. Дело в том, что мать Джермена, Ирма Христофоровна, была чистокровной армянкой. Более того, родители Джермена претерпели в молодости множество неприятностей от своих родственников вследствие их межнационального брака. Как пишет Д. Гвишиани в своих весьма откровенных мемуарах «Мосты в будущее»: «Хотя мои родители ничего своего не имели, кроме радужных надежд на будущее, молодая и красивая пара привлекала к себе внимание самым фактом своего союза: чистокровный грузин женился на девушке армянского происхождения. Поэтому националистически настроенные кланы отнеслись к этому не вполне дружелюбно»¹⁷⁹. В силу этого, а также того, что всё своё детство Д. Гвишиани провёл в русской и частично корейской среде Владивостока, он был типичным советским человеком, интернационалистом и совершенно не обращал внимания на вопросы первенства той или иной национальности.

Кем Д. Гвишиани однозначно не был, так это одномерной личностью и однозначным политическим деятелем. Впрочем, это неудивительно, поскольку не менее сложным человеком был его отец, Михаил Максимович Гвишиани. Он окончил два класса фабричной школы, на протяжении всей своей жизни не только сам тянулся к знаниям, но и сделал всё, чтобы дать наилучшее образование своим детям — Джермену и его младшей сестре Лауре, впоследствии — жене Е.М. Примакова. Практически вся трудовая деятельность М. Гвишиани была связана с госбезопасностью. Он не только был начальником личной охраны Л.П. Берии, но и длительное время, в том числе всю войну, возглавлял управление НКВД по Примор-

¹⁷⁹ Гвишиани Д.М. Мосты в будущее. М.: URSS, 2004. С. 17–18.

скому краю, а в послевоенный период — по Куйбышевской области. С его именем, с одной стороны, прочно связывается массовое убийство населения в ауле Гайбах во время депортации чеченцев и ингушей, в которой он принимал самое активное участие в качестве одного из ключевых руководителей. С другой стороны, в период реабилитации и массового освобождения из лагерей после смерти Сталина выяснилось, что М. Гвишиани не только способствовал выживанию немалого числа людей, обеспечив им вынесение мягких приговоров, но и, более того, не передал в Москву сообщения о проживании в Приморском крае нескольких разыскиваемых по политическим обвинениям граждан. Нельзя не согласиться, что такое поведение для начальника НКВД области было весьма нетипичным для того времени. Кстати, в этом факте, возможно, кроется одно из объяснений того, что, в отличие от практически всех соратников Л.П. Берии, он не был ни расстрелян, ни заключён, подобно П. Судоплатову, на долгие годы в тюрьму. М. Гвишиани был всего лишь уволен из органов МВД СССР с лишением воинского звания генерал-лейтенанта. Более того, ему было разрешено работать после этого в Совете народного хозяйства Грузии.

Что касается судьбы и роли Джермена Гвишиани, то, видимо, и для людей иногда оказывается справедливой известная примета: как яхту назовёшь, так она и поплывёт. Имя Джермен образовано из первых слогов фамилий известных чекистов — Дзержинского и Менжинского. Сегодня не без основания говорится о том, что В. Менжинский был слабым руководителем, не избежавшим редкого для того времени пагубного пристрастия к наркотикам. Это было связано с тем, что он страдал тяжёлым неизлечимым заболеванием, сопровождавшимся время от времени сильнейшими болями, с чем, собственно, и было связано употребление морфия. Однако надо иметь в виду, что данное обстоятельство справедливо лишь для последних лет жизни Менжинского. До этого Менжинский был известен не только как один из наиболее образованных и эффективных руководителей ЧК, но и как дока в финансовых вопросах, имевший обширнейшие связи среди банковского мира Лондона, Парижа и Берлина.

Оказавшись руководителем НКВД на Дальнем Востоке, М.М. Гвишиани, естественно, обладал немалыми возможностями. Когда Джермен и приёмная дочь Михаила Максимовича Лаура пошли в школу, он нашёл им среди заключённых лагерей преподавателей по основным школьным предметам и, что особенно пригодились в последующей жизни, преподавателей — носителей английского и немецкого языков. Поэтому к окончанию школы Д. Гвишиани, помимо солидной общеобразовательной подготовки, бегло говорил и практически безупречно писал по-английски и по-немецки, а также знал многие, казалось бы, бесполезные в СССР нормы и навыки публичного поведения в англо-саксонских странах и Германии.

После окончания с отличием в 1946 г. школы Д. Гвишиани первоначально хотел поступать в военно-морское училище. Однако именно в тот год начал принимать в качестве абитуриентов школьников Московский институт международных отношений. Вполне очевидно, что, обладая отличным знанием английского и немецкого языков, золотой медалью, да вдобавок имея отца — руководителя управления НКВД, Д. Гвишиани без труда поступил в этот институт.

В качестве важнейшего события институтской жизни Д. Гвишиани выделяет женитьбу на Людмиле Косыгиной. Сам Гвишиани пишет об этом так: «Там я встре-

тился с необычайно милой синеглазой русской девушкой — Людмилой Косыгиной — и эта встреча во всех отношениях сказалась на моей дальнейшей жизни и судьбе. В январе 1948 г. мы поженились. Мы жили с самого начала самостоятельной семьёй, но все выходные дни и отпускное время проводили с семьёй Косыгиных, где Людмила была единственной дочерью. Большая часть моей жизни прошла в кругу этой семьи, ставшей мне родной, с мамой Людмилы, Клавдией Андреевной, и отцом, Алексеем Николаевичем, благодаря тесному общению с которым я оказался свидетелем многих событий, связанных с деятельностью высшего руководства нашей страны»¹⁸⁰.

В рамках столь популярной борьбы с космополитизмом и прочими «измами», развернувшимися в рунете в последние годы, брак Д. Гвишиани и Л. Косыгиной рассматривается как один из железобетонных аргументов в пользу низких нравственных качеств Д. Гвишиани, его беспринципности и стремления любой ценой сделать карьеру. Поскольку авторами такого рода публикаций являются, как правило, профессиональные историки, которые издают не только публицистические, а вполне традиционные исторические работы, есть смысл заострить внимание на следующем обстоятельстве. Подобная аргументация говорит о резком падении уровня российской исторической школы и деградации профессиональных исследовательских навыков у многих представителей этой профессии. Основой для приведённых выше суждений является достаточно распространённая в житейской среде привычка анализировать прошлое исходя из ситуации, сложившейся в настоящем. Однако то, что позволено обычным, не обременённым специальной исторической подготовкой людям, совершенно не позволительно представителям этой профессии — историкам.

Внимательно посмотрев на ситуацию, сложившуюся в Советском Союзе в 1930–1940-е гг., мы поймём, что вариант с женитьбой или замужеством представителя тогдашней советской элиты ни в коем случае не мог рассматриваться как верный способ устроить жизнь. Если в отдельных случаях такой план мог появиться у мало смыслающих в тогдашних реалиях представителей советских низов, то уж категорически это было невозможно для людей из элитной группы. Коренным отличием тогдашней ситуации от сегодняшней являлся тот факт, что в те времена советская элита, вне зависимости от принадлежности её к партийной, хозяйственной или военной частям, представляла собой группу не с минимальной, как сейчас, а с максимальной степенью риска. Именно на элиту в первую очередь обрушивались различного рода репрессии, исключительно её касались знаменитые дела и процессы того времени. Кроме того, сначала де-юре, а затем де-факто последствия низвержения с верхов советского государства в лагерь или в расстрельную камеру касались не только самого представителя советской элиты, но и членов его семьи, вплоть до детей и ближних, а иногда и дальних родственников.

Д. Гвишиани, будучи умным молодым человеком и сыном высокопоставленного руководителя НКВД, как никто другой отлично знал эту истину. Поэтому женитьба на Людмиле Косыгиной, особенно в 1948 г., во времена позднего сталинского правления, для которого были свойственны непрогнозируемые элитные чистки, категорически не способствовала спокойной, уверенной и благополучной жизни в

¹⁸⁰ Гвишиани Д. Ук. соч. С.21–22.

будущем. Она не снижала, а увеличивала и без того немалые риски принадлежности к советской элите того времени. А вот кому женитьба в январе 1948 г. Джермена на Людмиле и принесла вполне ощутимую практическую пользу — совершенно парадоксальным образом, — так это Алексею Николаевичу Косыгину.

В 1948–1950 гг. в стране были организованы знаменитые «Ленинградское» и «Госплановское» дела, закончившиеся уничтожением нескольких десятков крупных советских партийных и хозяйственных руководителей. Не касаясь существа, целей и причин «Ленинградского дела», что заслуживает отдельного рассмотрения, отметим в контексте нашего исследования лишь одно обстоятельство.

В рамках обоих дел чрезвычайно важно было создать впечатление максимально разветвлённого, проникшего во все поры советского руководства заговора. Соответственно, использовались, а когда надо — фабриковались, доказательства причастности к антипартийной и антигосударственной деятельности руководителей ленинградской партийной организации по возможности большего числа высших советских руководителей, чья судьба когда-либо была связана с городом на Неве. В этом плане большой интерес представлял А.Н. Косыгин. В тот период времени он был министром финансов СССР и успешно подготовил и проводил денежную реформу, связанную с восстановлением нормального монетарного обращения после Великой Отечественной войны. За его плечами было руководство беспрецедентной эвакуацией промышленности в 1941–1942 гг., организация знаменитой Дороги жизни в Ленинграде, осуществление кризисных миссий на различные участки фронта, как правило, в составе бригад с участием Г.М. Маленкова и Л.П. Берии. К тому же супруга А.Н. Косыгина Клавдия Андреевна была родственницей семьи одного из главных фигурантов «Ленинградского дела» — руководителя Ленинградской партийной организации А.А. Кузнецова.

В связи с этим до сих пор идут споры, кто же тогда спас А.Н. Косыгина. Среди историков, придерживающихся профессионального, т.е. базирующегося на источниках, подхода к исследованиям, в основном высказывались две точки зрения. Согласно первой, Косыгина спас весьма влиятельный и близкий к Сталину Л.З. Мехлис, который возглавлял партийную комиссию по рассмотрению деятельности Минфина СССР на предмет кражи золота. Высказывается также мнение, что А.Н. Косыгина спас А.И. Микоян, который в самое горячее время отправил его в длительную командировку на Алтай¹⁸¹. На это другая часть историков резонно отвечает, что в те времена в Советском Союзе отъезд в сколь угодно дальнюю командировку ничего не менял, поскольку людей успешно доставали не то что с Алтая, а из Европы и Америки. Поэтому вторая группа историков отмечает, что Косыгина спас И.В. Сталин, который сам и был инициатором «Ленинградского дела»¹⁸². Они ссылаются на воспоминания партийных деятелей того времени, которые отмечают, что после возвращения из командировки на Алтай Косыгин в качестве министра финансов присутствовал на заседании правительства. Во время заседания к нему подошёл Сталин и сказал: «Ничего, Косыга, ещё поработаешь»¹⁸³.

¹⁸¹ Гвишиани А. Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. М.: Фонд культуры «Екатерина», 2004. С. 75–76.

¹⁸² Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011.

¹⁸³ Гвишиани А. Ук. соч. С. 80.

Относительно данной позиции можно высказать следующее соображение. Вполне очевидно, что без решения Сталина судьба ни одного видного советского руководителя не решалась. Разговоры о том, что Сталин чего-то не знал или кто-то из видных фигур того времени был заключён в тюрьму, расстрелян или сослан в лагерь без его ведома, являются глупостью, которую серьёзным исследователям просто обсуждать неудобно. Поэтому мемуаристы, безусловно, зафиксировали имевший место факт, показывающий, что в какой-то момент времени Сталин изменил первоначальное решение под воздействием одному ему ведомых обстоятельств. Такое тоже было достаточно характерно для поведения этого без сомнения великого мастера политической борьбы и государственного управления.

Нет оснований не доверять и перекрёстным свидетельствам мемуаристов, подтверждённым данными из партийных архивов о том, что именно А.И. Микоян отправил в достаточно спонтанную командировку А. Косыгина. Что в связи с этим историки не объяснили, так это то, зачем этот чрезвычайно осторожный, лишённый собственных амбиций и преданный Сталину партийный функционер, лично не относящийся к числу друзей Косыгина, сделал этот шаг. Правда, по мнению заместителя председателя Совета Министров СССР А.Н. Новикова, «Микоян всегда хорошо относился к Алексею Николаевичу... И вот Анастас Иванович, видимо, решил как-то обезопасить Косыгина, хотя прекрасно понимал, что от Берии не скроешься»¹⁸⁴. Самое смешное в этом воспоминании — это упоминание Л.П. Берии. Уж кто-кто, а А.Н. Новиков прекрасно знал, что в то время Л.П. Берия не только был в опале у И.В. Сталина, но и не имел никакого отношения к силовым структурам и занимался атомным проектом в его решающей стадии, а не погоней за Косыгиным. Впрочем, чего не напишешь, когда это нужно руководящим товарищам. Кстати, подобным же подходом грешат и воспоминания самого А.И. Микояна «Так было»¹⁸⁵. Они написаны в непростой период, когда многие члены его семьи так или иначе имели прямое отношение к власти. Соответственно, пенсионер союзного значения Микоян в своих воспоминаниях не столько повествовал о прошлом, вспоминая минувшие дни, сколько решал текущие задачи клана.

Иными словами, и первая, и вторая группа сведений подтверждены документально. Однако ни одна из точек зрения не может объяснить, почему произошло спасение Косыгина и кто в этом был заинтересован. Возникает вопрос: а при чём здесь М.М. Гвишиани? Его в стабилизировавшейся советской иерархии послевоенного периода отделяла пропасть от уровня тех людей, которые могли принять решение относительно судьбы высших советских руководителей, к числу которых, без сомнения, относился А.Н. Косыгин.

Не так давно С.Е. Кургиян постарался объяснить ситуацию со спасением Косыгина следующим образом: «Этот Гвишиани очень долгое время работал на Дальнем Востоке. Он руководил там госбезопасностью. Партийным руководителем при нём был Пегов — тоже знаковая фигура внутри партийной обоймы того времени. Затем Гвишиани-старший переехал в Ленинград, где ему, наряду с другими, было поручено разбираться с “Ленинградским делом” знаменитым. Он и разбирался. И, как тогда это делали все, действовал по инструкциям и достаточно жёстко.

¹⁸⁴ Там же. С. 79.

¹⁸⁵ Микоян А.И. Так было. М.: Вагриус, 1999.

Потом в ходе “Ленинградского дела” этому Гвишиани-старшему попался на глаза, в виде подследственного, молодой Косыгин — будущий советский Председатель Совета Министров, премьер. Косыгин был убеждённым сталинистом, и по каким-то непонятным причинам Гвишиани-старший его пожалел. Поскольку в сталинские времена это было не принято и даже механизмов-то реализации этой жалости не было, то речь могла идти только о достаточно экзотических вещах. Но “из песни слов не выкинешь”. Это было»¹⁸⁶.

Нельзя не отметить, что С.Е. Кургинян весьма вольно относится к историческим фактам, и особенно к их интерпретации. В этом, в частности, проявляется режиссёрская натура нынешнего политаналитика. Любой режиссёр не исследует реальность, а создаёт свою собственную из подручных средств и материалов. В приведённом фрагменте вольностью является вывод о том, что М.М. Гвишиани мог спасти А.Н. Косыгина. Как отмечалось выше, он не обладал возможностями и статусом, позволявшим сделать это. Однако нельзя не отметить, что С.Е. Кургинян действительно обладал и обладает в последние 20 лет весьма эксклюзивным набором информаторов, позволяющим в ряде случаев получать достаточно редкую, недоступную другим информацию. К свидетельству С. Кургиняна об участии М.М. Гвишиани в судьбе Косыгина следует подойти максимально серьёзно не только в силу обладания Кургиняном эксклюзивными источниками. Главное состоит в том, что данное свидетельство подтверждается ещё одним достоверным и совершенно независимым источником.

В число участников узкого «мозгового треста» Л.И. Брежнева, подготавливавшего его доклады и книги, входил наряду с Г. Арбатовым, Е. Бовиным, А. Аграновским и зампред Госкомтруда СССР Б.М. Сухаревский. Важно отметить, что Б.М. Сухаревский был любимым учеником и ближайшим сотрудником А. Вознесенского и одним из немногих людей ленинградской команды, не только выжившим, но и не попавшим в заключение по результатам «Ленинградского» и «Госплановского» дел. В значительной степени поэтому отношения Б.М. Сухаревского со многими людьми, причастными прямо или косвенно к «Ленинградскому делу», типа А. Вознесенского, были весьма неоднозначны. В 1970-е гг., после одного из совместных заседаний с Д.М. Гвишиани, Сухаревский сказал своим сотрудникам, что отец Д.М. Гвишиани неоднократно его (Сухаревского) допрашивал и играл не последнюю роль в бригаде следователей по «Ленинградскому» и «Госплановскому» делам. При этом на протяжении конца 1970-х – начала 1980-х гг. Б.М. Сухаревский поддерживал тесные рабочие и дружеские отношения с Д.М. Гвишиани.

Чем важно свидетельство Б.М. Сухаревского? Не только тем, что оно получено, что называется, из первых уст, от человека — непосредственного участника «Ленинградского» и прежде всего «Госплановского» дела, но и тем, что позволяет с высокой степенью вероятности разобраться, что же тогда происходило и кому А.Н. Косыгин обязан своим спасением. Но перед этим необходимо расставить точки над *i* применительно к мнению внука А.Н. Косыгина А. Гвишиани относительно роли Л.П. Берии. В своей книге он пишет, что «Берия и Маленков начали кампанию по компрометации “Ленинградской группы”». Одна из их целей — член По-

¹⁸⁶ <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=2&id=93>

литбюро Косыгин»¹⁸⁷. Из текста книги очевидно, что данное мнение высказано не на основе бесед с дедом, а сформировалось под воздействием бесед с ответственными советскими работниками брежневской эпохи, когда на Л.П. Берия было принято «вешать всех собак».

Главным же аргументом для А. Гвишиани является попавший в его распоряжение проект закрытого письма Политбюро, подготовленный Г. Маленковым и Л. Берией 12 октября 1949 г. В своей книге он приводит значительные фрагменты этого письма¹⁸⁸. В частности, в проекте документа, подготовленного Маленковым и Берией, говорится: «Следует указать на неправильное поведение Косыгина А.Н., который оказался как член Политбюро не на высоте своих обязанностей... Он не разглядел антипартийного вражеского характера группы Кузнецова, не проявил необходимой политической бдительности и не сообщил в ЦК ВКП(б) о непартийных разговорах Кузнецова и др.»¹⁸⁹.

Относительно приведённого проекта письма возникает целый ряд вопросов, на которые нет ответов. Прежде всего, копия письма отсутствует в Сборнике документов «Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945–1953» (М.: РОССПЭН, 2002), в разделе, посвящённом «Ленинградскому» и «Госплановскому» делам. Из архивных документов выяснилось, что данный проект существует в виде машинописной копии, без аутентичных подписей. Сама по себе машинописная копия не может считаться достоверным документом, тем более в условиях тотальной фальсификации, которой подвергались советские архивы начиная с времён правления Н.С. Хрущёва. Мало того, в документе упоминается о политических просчётах, допущенных А.А. Ждановым. Хорошо зная аппаратный стиль Берии и тогдашнюю его ситуацию во взаимоотношениях со Сталиным, невозможно себе представить, что он, в отличие от Маленкова, мог подписать какой-либо документ, бросающий тень не просто на близкого И.В. Сталину, хотя и умершего человека, но главное — его родственника. Ведь в момент якобы подписания письма Светлана Аллилуева только что вышла замуж за сына А. Жданова Юрия. К тому же именно в момент якобы подписания письма Л.П. Берия отнюдь не охотился за Косыгиным, а с блеском завершил первую стадию Атомного проекта. Иными словами, практически нет ни малейших сомнений, что мы имеем дело с очередным историческим фейком, которых в последние годы появилось огромное множество. Чтобы разобраться в событиях свинцового времени послевоенного Советского Союза, необходимо осмыслить несколько фактов. В своей совокупности они и позволяют разгадать загадку спасения А. Косыгина.

Факт первый. «Ленинградское дело» было направлено против всех ключевых выдвиженцев А. Жданова — второго человека в СССР послевоенного периода. Началось «Ленинградское дело» практически сразу же после его скоропостижной смерти. Смерть Жданова в корне изменила баланс сил в околосталинской верхушке советского руководства и, соответственно, стимулировала зачистку команды, которая, будь ей дано время, могла консолидироваться и не только сохранить, но и упрочить свои позиции.

¹⁸⁷ Гвишиани А. Указ. соч. С. 76.

¹⁸⁸ Там же. С. 76–77.

¹⁸⁹ Там же. С. 76.

Факт второй. Документально установлено, что вся работа по «Ленинградскому» и «Госплановскому» делам велась В. Абакумовым, тогдашним руководителем МГБ СССР. Что до Л.П. Берии, то он в это время был полностью отодвинут Сталиным от органов государственной безопасности и сосредоточился на реализации Атомного и, в значительной мере, Ракетного проектов, за последний формально, но не фактически, отвечал Маленков. Объективно в деле против Вознесенского, Кузнецова и других в наибольшей мере был заинтересован именно Маленков. Суть в том, что именно Маленков, а не Берия и тем более не другие члены «узкого» руководства, рассматривался в то время в качестве потенциального преемника И. Сталина. Кроме того, в период начального развёртывания «Ленинградского дела» И.В. Сталин, судя по анализу врачебной и партийной документации, был тяжело болен и редко принимал участие в решении практических вопросов¹⁹⁰.

Факт третий. Л. Берия как выдающийся аналитик и человек, изначально сориентировавший себя на роль не первого руководителя, а «серого кардинала», естественно, был заинтересован иметь полную информацию о ходе «Ленинградского» и «Госплановского» дел, причём не на уровне бесед с ответственными работниками, а на уровне возможности ознакомления с первичными материалами и знания о ходе следствия изнутри. Для этого ему необходим был человек, который участвовал бы в основной следственной бригаде по «Ленинградскому» и «Госплановскому» делам, причём в качестве одного из её ключевых членов.

Факт четвёртый. М. Гвишиани, без сомнения, входил в круг наиболее доверенных людей Берии. В то же время, будучи руководителем самого дальнего от Москвы управления НКВД, он не относился к числу приближённых к Берии людей. Кроме того, хорошо известно из многочисленных мемуаров чекистов, а также от исследователей жизни и деятельности Абакумова¹⁹¹, что у него были хорошие рабочие отношения с М. Гвишиани. Также известно, что он привлекал Гвишиани к решению ряда важных задач, непосредственно не связанных с деятельностью управления Приморского края. Делал он это в значительной степени вследствие того, что М. Гвишиани хорошо показал себя в качестве члена оперативных бригад, например, группы, осуществлявшей депортацию чеченцев и ингушей.

Факт пятый. Достоверно известно, что М. Гвишиани удалось обеспечить своё включение в состав оперативной бригады, работающей по «Ленинградскому» и «Госплановскому» делам. Это помимо оспоримого свидетельства Кургияна подтверждает неоспоримый рассказ Б.М. Сухаревского, относимый к концу 1970-х гг.

Факт шестой. Не подлежит сомнению, что М. Гвишиани прекрасно отдавал себе отчёт, что попадание А. Косыгина в число основных фигурантов «Ленинградского дела» с неизбежным его расстрелом в качестве такового будет иметь трагические последствия не только для Людмилы Косыгиной, но и для её мужа Джермена. Располагая всей полнотой материалов (а технология работы оперативных следственных групп особой важности состояла в том, что каждый из её участников допросы проводил самостоятельно, но аналитическая работа велась сообща), он ни-

¹⁹⁰ Политбюро ЦА ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945–1953. Сборник документов / Составители: О.В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 2002. <http://ttolk.ru/?p=15473>

¹⁹¹ Смыслов О.С. Генерал Абакумов. Палач или жертва? М.: Вече, 2012.

как не мог повлиять на конечные выводы. То есть всё зная и располагая полной картиной, а следовательно, и возможностью разработать способы выведения А.Н. Косыгина из-под удара, М. Гвишиани ни в коем случае не мог практически реализовать свои задумки.

Факт седьмой. Вполне понятно, что, будучи доверенным лицом Л.П. Берии и неся немалые риски, в том числе для своей личной судьбы, исполняя данную роль, он не только был обязан докладывать Берии о ходе «Ленинградского» и «Госплановского» дел, но и имел право на проведение с ним доверительных бесед. О таком принципе взаимоотношений Л.П. Берии с его личными доверенными людьми свидетельствуют многочисленные опубликованные и неопубликованные воспоминания ближнего круга Л.П. Берии, начиная с широко известных мемуаров П. Судоплатова¹⁹².

Факт восьмой. Л.П. Берия никогда не отличался сентиментальностью, и вполне понятно, что факт угрозы Д. Гвишиани — сыну его доверенного сотрудника, вследствие попадания А.Н. Косыгина в число основных фигурантов дела, ни в коей мере не мог стать побудительным мотивом для каких-либо практических его действий. Однако Берия, как никто другой, умел использовать имевшуюся у него информацию для решения тех или иных задач. Отлично понимая, что в результате «Ленинградского» и «Госплановского» дел произойдёт усиление Г. Маленкова и сработавшегося с ним В. Абакумова, он, вполне очевидно, был весьма заинтересован в наличии запасных вариантов противодействия Г. Маленкову и дискредитации В. Абакумова. А.Н. Косыгин как нельзя лучше подходил для решения этих задач. Маленков позиционировал себя не только в качестве партийного руководителя, но и как специалиста в области организации и управления экономикой. Поэтому его первоочередной целью и был Вознесенский. А.Н. Косыгин вообще никогда принципиально не рассматривал себя как партийного деятеля, а исключительно как организатора и, как тогда принято было говорить, хозяйственника. Вывода Косыгина из-под удара, Л. Берия одним махом решал две задачи. С одной стороны, он получал лично обязанного ему человека, который потенциально в нужный момент мог заменить Г. Маленкова. С другой стороны, А.Н. Косыгин всегда мог выполнить роль наиболее квалифицированного из имеющихся в Советском Союзе консультантов по вопросам экономики, финансов и управления хозяйством. Одновременно Косыгин, хорошо осведомлённый не только о формальных, но и о неформальных отношениях внутри Ленинградской группы, в нужный момент мог много рассказать о В. Абакумове и методах его работы. Кстати, такой момент вскоре и настал.

Факт девятый. Л. Берия на протяжении длительного периода времени имел достаточно устойчивые, хорошие отношения с Л. Мехлисом и А. Микояном. Внимательное изучение личного почерка Л. Берии в процессах внутриэлитной борьбы в советском руководстве указывает на то, что в наиболее деликатных случаях он предпочитал на начальной стадии той или иной комбинации действовать чужими руками и лишь в решающий момент, когда дело уже сделано, подключаться к нему лично, в качестве фронтмена. Поэтому вполне логично подтверждённое архивными данными участие Л. Мехлиса и А. Микояна в судьбе Косыгина. Кроме того, весьма вероятно, что именно Л. Берия как лицо, лично никак не заинтересованное и

¹⁹² Судоплатов П. Разведка и Кремль. М.: Гяя, 1996.

не поддерживающее каких-либо близких, дружеских отношений с А. Косыгиным, мог самостоятельно или вместе с Л. Мехлисом подсказать стареющему и больному вождю мысль о том, что полезно сохранить А.Н. Косыгина в руководстве. Он, как никто другой, подходил для использования столь любимой Сталиным комбинации, когда текущему любимцу из правящей элиты, занимающему господствующие позиции, создаётся своего рода двойник. Именно в роли фаворита тогда выступал Г. Маленков. Поэтому идея о том, что «Косыге надо дать поработать», с чрезвычайно высокой степенью вероятности могла быть донесена до Сталина исключительно или при решающем участии Л. Берии.

2

Почему мы столь подробно разобрали ситуацию со спасением А.Н. Косыгина от, казалось бы, неизбежных трагических последствий? Дело в том, что по своей личной характеристике Косыгин, по свидетельству абсолютно всех людей, знавших его, включая даже его идеологических противников, отличался высокими человеческими качествами. В их число входили исключительно редкие для политика качества человеческой благодарности, порядочности и верности. Будучи умным человеком, из имеющихся в его распоряжении сведений он не мог не сделать вывод о том, кто и как его спас. При этом совершенно исключено, что об этом когда-либо мог ему рассказать Д. Гвишиани.

О понимании Косыгиным того, что он своей политической послевоенной судьбой в значительной степени обязан семье Гвишиани, свидетельствует близкий круг его знакомств, хорошо известный благодаря мемуаристам¹⁹³. К числу весьма немногих людей, с которыми дружил и общался дома А.Н. Косыгин, относились, например, Л. Ойзерман — философ, научный руководитель Д. Гвишиани; В. Кириллин — академик АН СССР, председатель Госкомитета по науке и технике, непосредственный начальник Д. Гвишиани; и ещё несколько человек, тесно связанных с последним. Причём со всеми этими людьми до начала работы с ними своего зятя Косыгин никогда тесно не общался, не говоря уже о вхождении в чрезвычайно узкий круг его друзей¹⁹⁴. Тесные и доверительные отношения между Д.М. Гвишиани и А.Н. Косыгиным сыграли огромную роль в событиях, связанных с Римским клубом, Международным институтом прикладного системного анализа в Вене, оказали серьёзное воздействие на ключевые процессы в поздней истории Советского Союза.

После завершения обучения в МГИМО Д.М. Гвишиани стал офицером Советской армии, а точнее, как он пишет в своих воспоминаниях, Военно-морского флота. Вероятно, реальным местом его службы было Главное разведывательное управление Министерства обороны СССР. Хотя прямо в своих воспоминаниях он об этом не пишет, тем не менее в них рассказывается, например, о командировке в Австрию, где вряд ли дислоцировался Военно-морской флот СССР.

¹⁹³ Гвишиани Д. Указ. соч.

¹⁹⁴ Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А.Н. Косыгине. Сост. Т.И. Фетисов. М.: Республика, 1977; Андриянов В.И. Косыгин. М.: Молодая гвардия, 2003.

Любопытно, что после смерти И.В. Сталина и убийства Л. Берии, несмотря на увольнение и лишение воинского звания его отца, Д. Гвишиани не пострадал, а продолжал служить, одновременно начав работать над кандидатской диссертацией на философском факультете МГУ. Тема диссертации по тем временам была совершенно немыслима не то что для философа, но и тем более для офицера Советской армии. Речь шла о «Социологии американского менеджмента». Д. Гвишиани пишет: «В годы службы я наладил научные контакты с философским факультетом МГУ и начал изучать основные направления развития американской прикладной социологии, прежде всего социологии индустрии, а также знакомился с некоторыми теоретическими трудами по организации и управлению вооруженными силами США»¹⁹⁵.

Попутно нельзя не отметить, что А.Н. Косыгин в то время вряд ли мог защитить Д. Гвишиани и тем более его отца от возможных репрессий. Дело в том, что в то непростое время места его работы и, соответственно, аппаратный вес постоянно менялись, хотя он неизменно оставался в обойме высших хозяйственных руководителей. Однако Косыгин был бесконечно далёк от тех лиц, которые принимали решения в отношении офицеров МГБ СССР и ГРУ МО СССР. Единственно, можно предположить, что старший Гвишиани оказался чем-то полезен новым хозяевам страны, располагая, вероятно, некоей эксклюзивной информацией, полученной за счёт его близости к Л. Берии.

В 1955 г. Д. Гвишиани демобилизуется из Вооружённых сил страны и поступает на работу в Государственный комитет по внедрению новой техники — будущий ГКНТ. В воспоминаниях Д. Гвишиани пишет: «...в структуре комитета, куда я поступил на работу, был специальный отдел изучения зарубежной науки и техники. Большинство работников отдела были дипломированными инженерами, и я вначале испытывал некий комплекс неполноценности, не имея формального инженерного диплома, и лишь некоторую военно-техническую подготовку»¹⁹⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что при формировании комитета отставной офицер Военно-морского флота был сразу назначен начальником отдела изучения зарубежной науки и техники. До 1965 г. комитет занимался практически исключительно военно-промышленной тематикой и возглавляли его крупнейшие руководители военной промышленности, такие, как В.А. Малышев, М.В. Хруничев и К.Н. Рудник. Жёсткая военно-промышленная ориентация комитета и жёсткий принцип формирования кадров исключительно из прикомандированных офицеров ГРУ и представителей военно-промышленной комиссии Совмина СССР изменились только в 1965 г., когда его возглавил многолетний друг сначала Д.М. Гвишиани, а затем и А.Н. Косыгина академик Владимир Кириллин.

Начиная с 1956 г. Д. Гвишиани в качестве руководителя отдела и, вероятно, прикомандированного офицера ГРУ или действующего резерва ГРУ фактически полностью берёт на себя все внешнеэкономические контакты Комитета и в ходе осуществления визитов его руководства в большинство европейских стран и США завязывает необходимые контакты и взаимоотношения с ведущими западными чиновниками, занятыми схожей тематикой, а также представителями бизнеса. Например, Д. Гвишиани устанавливает дружеские отношения с президентом Фонда Круппа Бертольдом

¹⁹⁵ Гвишиани Д. Указ. соч. С. 26.

¹⁹⁶ Там же. С. 31.

Байтцем и знаменитым руководителем Ассоциации крупнейших западногерманских промышленных корпораций Отто Вольфом фон Амеронгеном. В первый же год своей работы Д. Гвишиани устанавливает тесные административные контакты, сопровождающиеся личными дружескими отношениями с Пьеро Саворетти — руководителем довольно необычной фирмы из Турина «Новасидер». «Долгие годы знакомства и совместной работы дают мне право с полным основанием отметить его выдающуюся роль в развитии советско-итальянского сотрудничества в области науки, техники и экономики. Часто ему приходилось нелегко. Надо было преодолевать трудности. Бороться с необоснованной подозрительностью как наших, так и итальянских официальных и неофициальных органов, препятствующих его деятельности. Постоянно показывать своей работой важность и эффективность его миссии»¹⁹⁷.

В прежние времена даже профессиональный аналитик пробежал бы эти строчки быстрым взглядом и перешёл к дальнейшему тексту. Ещё 5–10 лет назад узнать, что такое «Новасидер», было либо просто невозможно, либо настолько хлопотно, что потребовало бы подключения специальных государственных структур. Однако в современном мире оцифровано всё и вся, особенно что касается сферы бизнеса. Поэтому при наличии желания, времени, навыков и некоторых возможностей не представляется затруднительным выяснить информацию не только о существующих, но и об уже закрытых фирмах.

В нашем случае для этого достаточно обратиться к услугам Info Camere di Commercio Italiane. Поработав в электронном архиве, несложно выяснить, что фирма «Новасидер» была создана в 1954 г., а закрыта в 1993 г. В современном мире информационной и юридической корпоративной прозрачности не составило труда установить и учредителей компании. Ими были её руководитель Пьеро Саворетти с 9% акций и две структуры, обладавшие по 45,5% акций. Одна из них называется РНС — зарегистрирована в Люксембурге и существует до сих пор; другая — IFI-IFIL — теперь она преобразована в холдинг Eхorc регистрацией в Италии. Касательно последней структуры, дальше ничего искать не требовалось, поскольку хорошо известно, что это холдинговая компания семьи Аньелли. Что же до РНС, то здесь пришлось повозиться с электронными архивами *Registre de commerce et des sociétés de Luxembourg*. Однако длительные поиски были вознаграждены фантастически интересной информацией. Выяснилось, что эта организация полностью принадлежит семье итальянских промышленно-строительных магнатов Писенти. С 1950 по 1982 г. холдинговую компанию возглавлял сын одного из шести братьев — основателей династии Писенти, Карло Писенти.

Семья Аньелли и Писенти находились на протяжении всего XX века в достаточно неоднозначных отношениях. В сферах, связанных прежде всего с политикой, владением средствами массовой информации, а также предприятиями пищевой промышленности, они выступали как партнёры и совладельцы, а в промышленности строительных материалов — как жёсткие конкуренты, более того, Аньелли отняли у Писенти их кирпичный бизнес, оставив им только монополию в цементной промышленности Италии. Кстати, с Карло Писенти через Личо Джелли и Роберто Кальви был хорошо знаком Аурелио Печчеи¹⁹⁸.

¹⁹⁷ Там же. С. 42–43.

¹⁹⁸ *Naylor R.T. Hot Money and the Politics of Debt*. Montreal: Black Rose Books, 1994. P.81–91, 113, 195, 140.

Наш интерес, однако, связан не с их бизнес-взаимоотношениями, а с персоной Карло Писенти. Не только рассчитанные на массового читателя, но и серьёзные профессиональные исследования полны материалов о Бильдербергском клубе, Трёхсторонней комиссии, Богемской роще, обществе «Череп и кости» и проч. Между тем российскому читателю вообще неизвестна неформальная организация «Круг», или *Le Cercle*. Немногим больше осведомлены о ней не только широкая публика, но и большинство профессиональных исследователей на Западе. Причина состоит в том, что в отличие от Бильдерберга, носящего характер статусных посиделок, и практически почивших в бозе Трёхсторонней комиссии, Богемской рощи и сообщества «Череп и кости», *Le Cercle* остаётся и в настоящее время активно действующей наднациональной структурой, объединяющей элитные группы в Европе, Америке и Азии. Подробнее речь об этой уникальной организации пойдёт позже.

В рамках данного фрагмента отметим три важных корпуса фактов, известных частично из единственной книги, посвящённой этой организации, — «*Rogue Agents. The Cercle Pina Complex 1951–1991*»¹⁹⁹, а частично из рассеянных по университетским архивам, включая Архив национальной безопасности Университета Вашингтона, отрывочных материалов, а также материалов ISGP.

Первый корпус фактов связан с теми, кто основал эту организацию в 1951 г. Двумя людьми, которые сформулировали идею «Круга» и стали её продвигать среди представителей европейской католической элиты, были Жан Виоле и Карло Писенти. Что касается Виоле, то перед Второй мировой войной он был одним из руководителей CSAR — секретной, ориентированной на финансово-промышленную группу в Национал-социалистической партии Германии и Кливденский круг Великобритании организации, тесно связанной с французским движением «Аксьон Франсез». Во время войны Жан Виоле переехал в Швейцарию, в Женеву, где взаимодействовал одновременно с доверенными людьми М. Бормана, ближним кругом Я. Шахта и представителями В. Шелленберга. Наряду с нацистами Виоле тесно работал с руководством известного католического ордена *Opus Dei* и легендарным тайным европейским французским обществом «Синархия», с которым после Второй мировой войны враждовал и взаимодействовал генерал де Голль. Кроме того, Ж. Виоле был близким другом известного французского политика Антонио Пине, который стал в 1951 г. премьер-министром Франции. Именно Ж. Виоле и людям, стоящим за ним, Пине был обязан своей карьерой и должностями.

Что касается Карло Писенти, то помимо принадлежности к итальянскому олигархическому семейству по линии матери он принадлежал к фамилии Пачелли. Его мать была сестрой Пия XII, который занимал Папский престол с 1939 по 1967 г., а также родственницей других крупных ватиканских чиновников, включая главного юриста Ватикана Филиппа Пачелли и финансового советника пап Эрнесто Пачелли. Есть все основания полагать, что первоначальный план создания «Круга» был разработан высшими кардиналами Ватикана, а его доработка и практическая реализация была поручена Карло Писенти и Жану Виоле.

¹⁹⁹ *Teacher D. Rogue Agents. The Cercle Pina complex 1951–1991. Geneva: Christie Books. 2003.*

В число основателей Le Cercle после проведённой с ними работы вошли Антонио Пине — выбранный первым председателем неформальной организации; Жан Монне — французский политический деятель, в последующем получивший титул отца Евросоюза; принц Отто фон Габсбург — неформальный глава католической германской аристократии; Конрад Аденауэр — действующий канцлер ФРГ; сэр Джон Синклер — представитель одной из самых родовитых семей британской аристократии, втайне исповедующий католичество и ведущий родословную от шотландских тамплиеров.

Второй корпус фактов связан с целями организации и информацией о различных течениях, образовавшихся в ней. Le Cercle был создан Ватиканом и католической старой аристократией для реализации идеи создания Европы от Лиссабона до Владивостока. Эта идея была оформлена как панъевропейский проект. В рамках этого проекта «Круг» максимально способствовал созданию сначала европейских органов различного типа, например, Европейского союза угля и стали, затем Общего рынка и, наконец, ЕЭС. Также совет приложил большие усилия для вступления в ЕЭС Великобритании и установления тесных взаимоотношений с США. В настоящее время члены «Круга» активно лоббируют создание Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства и Транстихоокеанского торгового партнёрства, а также максимально глубокую интеграцию Китая с европейской экономикой.

С первых дней в рамках Le Cercle образовалось два течения. Преобладающее течение просто патологически ненавидело Советский Союз и прилагало усилия к максимальному его ослаблению, а затем и разрушению. Наиболее яркими представителями этого течения среди отцов-основателей организации были Ж. Виоле, А. Пине, К. Аденауэр, Й. Штраус и вошедший в состав организации в 1956 г. А. Даллес. И, конечно же, один из высокопоставленных сотрудников французский спецслужб, «серый кардинал» «Круга» Б. Крозье.

Была и другая, хотя и более слабая, но влиятельная группировка в организации, которая видела перспективы в налаживании сотрудничества с Советским Союзом и его постепенной интеграции в единую Европу. Эту группировку возглавляли Отто фон Габсбург и влиятельнейший деятель Христианско-демократической партии, близкий к Ватикану Джулио Андреотти. К ней же принадлежал и близкий к де Голлю Жан Монне. К. Писенти относился к нейтральной группе, которая старалась не вмешиваться в политику, а обеспечивала связь высших кругов Ватикана с наиболее высокопоставленными членами Le Cercle.

Третий корпус фактов связан с судьбой Le Cercle. На протяжении всего периода деятельности организации она по сути представляла собой структуру взаимодействия между Ватиканом, старой католической аристократией, католически ориентированными ведущими политиками и элитой европейской и англо-американской разведки.

В деятельности организации можно выделить два этапа. Первый — когда основная активность была сосредоточена в Европе, а штаб-квартирой организации являлся отель «Негреско» в Ницце. Этот период охватывает 1951–1991 гг. Второй этап — американский. Он начался в 1994 г. и продолжается по настоящее время. Сегодня рабочий орган «Круга» расположен предположительно в католическом Бостоне, а организация сменила неформальный статус на статут неприбыльной корпорации или НКО — Atlantic Cercle, Inc.

В настоящее время документально подтверждено членство в «Круге» в разные периоды времени примерно 200 человек. Список поражает воображение и даёт возможность однозначно квалифицировать организацию не как элитную тусовку, подобную Давосу, или собрание элитного, в чём-то показушного клуба, как Бильдерберг, а как эффективную дееспособную и активную наднациональную структуру.

Подробно о «Круге», как уже говорилось, речь пойдёт позже, однако для придания интриги приведём несколько фамилий людей, которые являлись членами Le Cercle на момент знакомства Д. Гвишиани с директором компании «Навосидер» Пьеро Саворетти, а также несколько фамилий, относящихся к более позднему периоду деятельности «Круга», начиная с 1970-х гг.

Помимо упомянутых выше основателей, в число примерно 70 человек, активно работавших в Le Cercle в 1956 г., входили, например, А. Даллес; генерал-майор сэр Джон Синклер, руководитель МИ6; вездесущий Дэвид Рокфеллер; молодой Хуан Карлос Бурбон, будущий король Испании; Мишель Дебре, будущий министр обороны Франции, ближайший сподвижник генерала де Голля; Отто фон Амеронген и т.п. В более поздний период в «Круг» входили до и после своего назначения французский премьер-министр Лоран Фабиус, Сильвио Берлускони, директора ЦРУ в разные периоды времени Уильям Колби, Уильям Кейси, Дж. Бреннан.

Возникает вопрос: а могли бы Д. Гвишиани в курсе относительно учредителей столь понравившейся ему маленькой энергичной итальянской компании? На первый взгляд ответ, учитывая сегодняшнюю точку зрения на период 1950–1960-х гг., должен быть отрицательным. Не только в общественном мнении, но и среди весьма квалифицированных историков бытует точка зрения, что чиновники-функционеры того времени плохо ориентировались в западных реалиях и были бесконечно далеки от понимания элитных расстановок за рубежом. Однако данная точка зрения представляется ошибочной. Прежде всего она игнорирует просто огромное количество достоверных, перекрестно подтверждённых фактов, позволяющих с уверенностью сделать вывод о том, что высшая советская элита с первого до последнего дня советской власти тесно взаимодействовала с западными элитными группами. Причём данный вывод верен для всего периода советской истории, включая время реального господства И.В. Сталина. Более того, существует много оснований утверждать, что именно Сталину удалось установить совершенно уникальные по своей разветвлённости и, если можно так сказать, экзотичности и необычности, а также эффективности связи с различными группами мировой элиты. Однако развёрнутое фактологическое доказательство этого тезиса выходит далеко за рамки данного текста и требует написания специальной обширной работы. Пока же обратим внимание на следующее.

В нынешнем не только общественном, но и коллективном сознании Н.С. Хрущёв представляется кем-то вроде деревенского безграмотного дурачка с социопатическим психотипом. Однако факты говорят о том, что «дорогой Никита Сергеевич» при всей своей необразованности не только отличался цепким и раскованным умом, но и, подобно некоторым представителям высшей советской элиты, хорошо понимал, что к чему на Западе. Вместо того чтобы приводить многочисленные факты, подтверждающие сделанный вывод, позволим себе выдержку из книги весьма осведомлённого инсайдера А. Виноградова «Тайные битвы XX столетия».

«В 1958 г., принимая итальянскую делегацию, он внезапно прервал беседу с двумя ключевыми министрами и подошёл к президенту “Фиата” Джованни Аньелли: “Вот с Вами я хочу поговорить. Эти клоуны исчезнут, а Вы будете всегда. Вы — настоящая власть”»²⁰⁰.

Принимая во внимание, что, согласно второму тому «Архивов Митрохина»²⁰¹, Италия периода 1950–1970-х гг. была просто напичкана высокопоставленными политиками, бизнесменами, военными, которые контактировали с Итальянской коммунистической партией и через неё — с Советским Союзом, можно с уверенностью сказать, что Д. Гвишиани с чрезвычайно высокой степенью вероятности был отлично осведомлён, кто стоит за его новым итальянским знакомым и его консультативной фирмой. Здесь возникает вопрос, почему в таком случае Д. Гвишиани не просто установил рабочие и дружеские отношения с Пьеро Саворетти, и, кстати, Отто Вольфом фон Амеронгеном, входившим в *Le Cercle*, но и заключил с маленькой фирмой «Новасидер» поистине уникальное соглашение, о чём речь впереди. Конечно, как это сегодня принято, легче всего объяснить данное обстоятельство изощрённым долговременным и коварным планом Д. Гвишиани и, конечно же, А.Н. Косыгина по подрыву великого и могучего Советского Союза. Сегодня подобные бредни стали общим местом в так называемой псевдопатриотической исторической, с позволения сказать, литературе.

Представляется, однако, что дело обстояло прямо противоположным образом. Разведывательное обеспечение деятельности высшего советского руководства во второй половине 1950-х гг. пребывало в крайне плачевной ситуации. Суть в том, что к 1955 г. были полностью разгромлены советские разведывательные сети в Великобритании и США, о чём писалось ранее применительно к так называемой Кембриджской пятёрке. С учётом того, что эти разведчики были в значительной степени интерлокерами, соответственно оказались безвозвратно утерянными связи с теми элитными группами Великобритании и США, которые были готовы к взаимодействию с высшим советским руководством.

С расстрелом Л.П. Берии, гибелью или заключением в тюрьмы и лагеря наиболее осведомлённых и эффективных членов его команды были порушены связи с высшей элитой Германии, других центральноевропейских стран, Франции и в значительной степени, если не считать контакта Григулевича, Италии и с католическими кругами. Плюс на всё это наложились чехарда, интриги, бесконечные реорганизации в конце 1940-х – начале 1950-х гг. органов советской политической и, в несколько меньшей степени, военной разведок. В общем и целом, политическая и концептуальная разведка, в чьи функции входит организация межэлитных контактов и взаимодействий, пребывала в самом начале 1960-х гг. в крайне запущенном и плачевном состоянии.

В связи с этим назначение одного из ближайших соратников Н.С. Хрущёва В. Серова руководителем сначала КГБ СССР, а впоследствии ГРУ МО СССР никак не могло улучшить ситуацию. Между тем осуществление политического, военного и экономического руководства было невозможно без устойчивого межэлит-

²⁰⁰ Виноградов А. Тайные битвы XX столетия. М.: Олма-Пресс, 1999. С. 265.

²⁰¹ Andrew C., Mitrokhin V. The Mitrokhin Archive: The KGB in Europe and the West. L.: Gardners Books, 2000.

ного взаимодействия. В условиях развала работы в официальных разведывательных структурах практическую монополию на осуществление межэлитных взаимодействий получил «серый кардинал», в значительной степени обеспечивший победу Н.С. Хрущёва в схватках сначала с Л.П. Берией, а в последующем с Г. Маленковым и Н. Булганиным, Анастас Ованесович Микоян. В советской литературе, посвящённой истории разведки, неформальным разведывательным структурам, существовавшим в советское время, не принято уделять какого-либо внимания. Прямо противоположная картина сложилась за рубежом. В частности, не так давно вышла почти 700-страничная книга, посвящённая неформальной разведывательной структуре, созданной и контролируемой А. Микояном в основном на базе армянской диаспоры, чрезвычайно влиятельной во Франции, США, Бельгии, Великобритании и Южной Африке²⁰². Основные результаты этой работы были доложены на ежегодной конференции по национальной безопасности, проводимой совместно Джорджтаунским университетом и Центральным разведывательным управлением.

Вполне очевидно, что Н.С. Хрущёв, не терпевший попадания в полную зависимость от кого-либо, стремился разнообразить не только источники получаемой им информации, но и иметь иные, нежели те, что обеспечивал ему А. Микоян, каналы межэлитного взаимодействия. В этом смысле А.Н. Косыгин, который с конца 1953 г. плотно вошёл в команду Н.С. Хрущёва, без сомнения, был заинтересован в предоставлении ему таких возможностей. Это, с одной стороны, соответствовало интересам дела, а с другой стороны, укрепляло позиции А.Н. Косыгина внутри команды Хрущёва. Поэтому нет больших сомнений, что Д. Гвишиани, которому по должности было положено взаимодействовать с научными, промышленными, деловыми и в какой-то степени политическими кругами западных стран, являлся как раз тем самым человеком, который должен был наработать такого рода связи. И с этой задачей Д. Гвишиани, без сомнения, справился.

Лучшим подтверждением высказанных соображений является ещё одна цитата из воспоминаний Д.М. Гвишиани: «Нелёгким делом стала организация итальянской выставки 1962 года, проведённой по личной инициативе Саворетти. Трудности возникли прежде всего в связи с негативным отношением к СССР на Западе после Карибского кризиса. Представители итальянского правительства ответили отказом на просьбу Саворетти выступить на открытии, и Италию представлял посол Карло Странес. Присутствовали на открытии и крупнейшие итальянские бизнесмены. Руководители советского государства — Н.С. Хрущёв и А.Н. Косыгин присутствовали на церемонии открытия»²⁰³.

Любой человек, знакомый со строжайшим дипломатическим официальным этикетом, легко сделает вывод, что в данном случае имело место грубейшее, можно сказать, недопустимое нарушение канонов, когда ранг советских руководителей даже близко не соответствовал рангу государственного итальянского открывающего лица. Тем не менее глава СССР Н.С. Хрущёв не только посетил выставку и провёл много времени с крупнейшими итальянскими промышленниками, финансистами и владельцами газетно-журнальных корпораций, но и, как вспоминает Гвишиани в своей

²⁰² Lieberman M., Pogosyan M. The Armenian Diaspora and Soviet intelligence 1921–1991. Washington, DC: Georgetown University Center for Security Studies, 2003.

²⁰³ Гвишиани Д. Указ. соч. С. 43.

книге, остался крайне довольным этой выставкой. Более того, сразу после завершения выставки он разрешил Гвишиани начать подготовку беспрецедентного соглашения между государственным органом ГКНТ и небольшой частной итальянской компанией о научно-техническом сотрудничестве. Как пишет Гвишиани, «это было первое соглашение такого рода, что стало важным событием и для нас. За ним последовали другие подобные соглашения с компаниями из иных западных стран.

Принципиальная новизна этих соглашений в те годы заключалась в том, что в них, с одной стороны, субъектом выступал государственный орган, представляющий правительство, а с другой — частное или национализированное западное предприятие... Соглашение закреплял принцип наибольшего благоприятствования во взаимоотношениях партнёров. В целом более 300 фирм и корпораций из всех стран Запада подписали подобные соглашения с ГКНТ»²⁰⁴. Интересно, что фактически соглашение с маленькой, но чрезвычайно важной компанией «Новасидер», было подписано сразу же после смены советского руководства. Одним из первых решений, принятых на Политбюро под руководством Л.И. Брежнева, было принципиальное разрешение ГКНТ заключать подобного рода соглашения. Архивы ГКНТ СССР позволяют сделать выборку по компаниям, с которыми были подписаны соглашения о научно-техническом сотрудничестве, предусматривающие статус наибольшего благоприятствования. Из 321 компании 215 входили в список «Fortune 500». Ещё шесть компаний входили в список 20 наиболее крупных и серьёзных юридических, консультативных и аудиторских компаний. Львиную долю остальных компаний, по всей вероятности, представляли собой структуры, похожие на приснопамятный «Новасидер». Фактически ГКНТ в лице Д. Гвишиани удалось установить доверительные отношения с элитой мирового бизнеса.

В связи с этим важно отметить несколько любопытных обстоятельств, сопряжённых с подписанием и реализацией столь обширной сети межэлитных соглашений. Прежде всего, нельзя не сказать, что подписание подобных соглашений было абсолютной новацией для советской послевоенной системы, но главное всё же состояло в другом. Предоставление конкретным компаниям статуса наибольшего благоприятствования, несомненно, предполагало интенсивный информационный и человеческий обмен, благоприятствовало и создавало необходимые формальные основания для интенсификации межэлитных контактов. Нельзя также не отметить тот факт, что подобные соглашения взламывали сложившуюся практику распределения контрактов между зарубежными фирмами, сложившуюся в Советском Союзе к началу 1960-х гг. Как правило, всю необходимую информацию, шлифовку контрактов и подготовку решений для ЦК и Политбюро осуществляли экономический и международный отделы ЦК, МВТ, МВС и соответствующие подразделения Госплана при участии КГБ СССР. С широкой практикой подписания эксклюзивных соглашений с зарубежными фирмами ГКНТ создавал параллельный, по многим параметрам гораздо более мощный канал организации реальных финансовых, товарных, патентных и иных потоков между СССР и Западом.

Понятно, что пробить такую брешь в окостеневшей, в значительной мере неэффективной и с каждым годом всё более отстававшей от изменившейся действитель-

²⁰⁴ Там же. С. 43–44.

ности системе советской внешней торговли и научно-технического сотрудничества одному Д. Гвишиани было не по силам. Это было возможно только для председателя Совета министров А.Н. Косыгина, который к тому же до 1971–1972 гг. играл главную роль в представительстве СССР на мировой арене.

В исследовательской литературе, посвящённой истории позднего Советского Союза, а также в специальных работах по вопросам конвергенции, феномена Римского клуба и Международного института системного анализа в Вене, часто утверждается, что изначально проект Римского клуба был проектом КГБ СССР, а ГКНТ был его филиалом. Однако подобная точка зрения, особенно что касается периода до 1973–1974 гг., практически не имеет под собой сколько-нибудь серьёзных фактологических оснований. Начнём с того, что до своей реорганизации в 1965 г., когда, собственно, и появилась аббревиатура ГКНТ СССР и роль первого руководителя занял академик В. Кириллин, а Д. Гвишиани был назначен его замом по международным вопросам, Комитет был полностью подчинён Военно-промышленной комиссии Совмина СССР и курировался не КГБ СССР, а ГРУ МО СССР. После реорганизации и вплоть до середины 1970-х гг. ГКНТ в значительной части своих функций, в первую очередь касающихся международного сотрудничества, которую курировал Д. Гвишиани, по сути представлял собой автономную, относительно независимую от КГБ СССР и ГРУ МО СССР разведывательную структуру, напрямую подотчётную А.Н. Косыгину и через него — Л.И. Брежневу.

Понятно, что в ГКНТ СССР, так же как в других центральных министерствах и ведомствах, существовали должности, которые заполнялись прикомандированными офицерами или офицерами действующего резерва КГБ СССР и ГРУ. Однако максимальным рангом этих должностей был начальник отдела и они не имели сколько-нибудь заметного влияния внутри ведомства. К тому же большинство нынешних историков, не говоря уже о производителях псевдоаналитических сочинений, не очень знакомы с неформальными и формальными реалиями взаимоотношений между КГБ СССР и ЦК КПСС, не варились во внутренней кухне КГБ. В связи с этим надо иметь в виду, что на практике до последних дней советской власти действовал введённый ещё во времена правления триумvirата Маленкова – Булганина – Хрущёва категорический формальный запрет КГБ СССР не только проводить вербовку руководящих работников центрального аппарата министерств и ведомств, но и осуществлять различные формы наблюдения за ними, а также устанавливать какие-либо формальные или неформальные контакты, не регламентированные специальными строгими правилами, с членами семей работников центрального аппарата ЦК КПСС, и уж тем более членов ЦК КПСС, не говоря уже о небожителях из Политбюро. Вследствие этого запрета руки советской контрразведки были в значительной степени связаны. Именно из-за этого возникли дела О. Пеньковского, А. Шевченко и проч. Однако, несмотря на эти дела, запрет никто и не думал не то что отменять, но даже ослаблять.

В этом смысле, в противоположность многим нынешним писаниям, Д. Гвишиани, по крайней мере до конца 1970-х гг., не мог работать на КГБ СССР. Более того, любые его контакты с этой организацией носили чрезвычайно регламентированный характер и могли осуществляться только по инициативе самого Д. Гвишиани, а не каких-либо работников КГБ СССР независимо от их статуса. Как зять чле-

на Политбюро А.Н. Косыгина Д. Гвишиани был личностью неприкасаемой с точки зрения контактов с КГБ СССР и абсолютно свободной от их возможного влияния. Поэтому всё, что происходило и делалось в ГКНТ СССР в рамках международных формальных и неформальных связей Гвишиани, по крайней мере до периода 1974–1975 гг., было внутренними операциями отдельной, находящейся внутри ГКНТ своеобразной неформальной разведывательной службы, подотчётной высшему советскому партийному руководству в лице А.Н. Косыгина и Л.И. Брежнева.

С начала 1960-х гг. именно Д. Гвишиани, как правило, представлял Советский Союз в наиболее интересных с точки зрения завязывания контактов и получения информации международных организациях. К их числу, несомненно, относился Консультативный комитет по применению науки и техники в целях развития, созданный в системе ООН в 1964 г. Д. Гвишиани в своих воспоминаниях отмечает: «... предполагалось, что одобренные правительством своих стран члены комитета будут работать в комитете не как представители своих правительств, а в своём личном качестве, что обеспечивало некоторую независимость, давало определённую свободу действий и позволяло новому комитету избежать политизации и постоянной конфронтации, осложнявшей работу многих других учреждений ООН»²⁰⁵.

В число участников комитета наряду с другими входили, например, член наблюдательного совета Массачусетского технологического института, Стэнфордского университета, а впоследствии Института сложности в Санта-Фе профессор Кэрролл Уилсон; секретарь Британской научной ассоциации сэр Норман Райт; руководитель ЕПА Александр Кинг; один из руководителей корпорации РЭНД, он же — один из основателей группы «Язоны», о которой речь впереди, он же — один из инициаторов создания DARPA Левис Брамскомб; президент Вейцмановского института, будущий министр иностранных дел и один из самых влиятельных политиков Израиля Абба Эбан и другие не менее влиятельные в международных политических, чиновничьих и научных кругах люди. Собственно, благодаря знакомству в комитете с К. Уилсоном и А. Кингом именно Д. Гвишиани сыграл, можно сказать, ключевую роль в создании Римского клуба. Подавляющее большинство исследователей и поголовно все специалисты в России, кто занимается этим вопросом, искренне полагают, что Римский клуб был создан по инициативе либо Аурелио Печчеи, либо, в крайнем случае, Александра Кинга. Но настало время внимательно, базируясь строго на фактах, а не на мнениях, оценочных суждениях и собственных желаниях, рассмотреть реальную историю создания Римского клуба. И далее, опираясь на достоверные факты истории создания, постараться реконструировать побудительные мотивы, цели, возможный профит ключевых акторов, участвовавших в этом известном на весь мир международном проекте.

²⁰⁵ Там же. С. 58.

Глава 6

Римский клуб. Основание

1

Исследуя межэлитные взаимодействия на примере деятельности Римского клуба или, например, Международного института прикладного системного анализа с экскурсами в сопутствующие темы, мы, наконец, добрались до движущих мотивов основания Римского клуба и связанных с ним ожиданий у его организаторов. Далее есть два пути. Один продемонстрировал В. Павленко в своём объёмистом труде «Мифы устойчивого развития», где, пользуясь, к сожалению, некоторыми недостоверными, а то и фейковыми источниками, с одной стороны, и ссылками на работы собственных единомышленников, с другой, в качестве аргументов последней инстанции, заклеил «мондиалистов», «диджитал номадов» и прочих злостных конвергентов. Однако в практическом плане от такого рода трудов нет никакой пользы, если только не рассматривать за таковую разжигание ксенофобских настроений и искоренение привычки самостоятельно думать и критически анализировать массивы материалов. Поэтому лучше выбрать второй путь. Он предполагает внимательное вчитывание в первоисточники. Благо все три главных действующих лица — основатели Римского клуба — Аурелио Печчеи, Александр Кинг и Джермен Гвишиани — оставили мемуары. Есть прямой резон заняться анализом текстов этих мемуаров, их критическим изучением и сопоставлением. А уж затем, на основании полученных в ходе интеллектуального расследования сведений постараться прийти к каким-либо более-менее обоснованным выводам.

В различного рода спорных случаях, возникающих в ходе не только интеллектуальных, но и уголовных расследований, принято сначала знакомиться с самым ранним источником. В нашем случае это — книга Аурелио Печчеи «История моей жизни», написанная и вышедшая в свет до опубликования мемуаров Александра Кинга и Джермена Гвишиани. На данном этапе анализа текстов главная задача — выяснить, кто же был подлинным инициатором создания Римского клуба и сыграл решающую роль в той его конкретной конфигурации, которая дала миру знаменитые доклады. Итак, обратимся к тексту А. Печчеи. Вот что он пишет: «Я считаю, что создание Римского клуба, основной целью которого стало изучение и выявление нового положения, в котором оказался человек в век своей глобальной империи, явилось волнующим событием в духовной жизни человечества... Я всё ис-

кал подходящих сподвижников, с которыми мог бы приступить к осуществлению донкихотского проекта, как вдруг случай неожиданно свёл меня с ним. В 1967 г. я окольными путями вышел на генерального директора по Вопросам науки ОЭСР Александра Кинга. “Всё началось с того, — рассказывал мне потом Кинг, — что один мой коллега, учёный из Советского Союза, листая журнал в ожидании самолёта в зале ожидания одного из аэропортов, случайно наткнулся на статью о выступлении Аурелио Печчеи на конференции промышленников Буэнос-Айреса. Заинтересовавшись прочитанным, он послал мне в ОЭСР этот номер журнала с краткой припиской “над этим стоит поразмышлять”, тогда я впервые услышал имя Печчеи и оно мне ничего не говорило. Я навёл о нём справки и немедленно написал, предложив встретиться. Сразу же, примерно через неделю, состоялся наш первый разговор”. Мы с Александром Кингом поняли друг друга с первого слова... Вслед за этим я, заручившись финансовой поддержкой Фонда Аньелли, выбрал вместе с Кингом около 30 европейских учёных — естественников, социологов, экономистов, специалистов в области планирования и написал им, предложив всем приехать 6–7 апреля 1968 г. в Рим для обсуждения многих вопросов. Надеюсь, что эта встреча станет знаменательным событием, я обратился к президенту основанной в 1603 году и, следовательно, старейшей из ныне существующих академий — Национальной академии деи Линчеи — с просьбой предоставить нам своё помещение, которое, как я считал, было бы достойным местом для нашего совещания. Он любезно отдал в наше распоряжение виллу Фарнезина... По окончании встречи под сводами Академии мы собрались в моём доме и сформировали “постоянный комитет”, в состав которого вошли Эрих Янч, Александр Кинг, Макс Констам (правая рука Жана Монне), Жан Сен-Жур, Гуго Тимман и я (негласным членом Клуба стал Джермен Гвишиани). Так родился Римский клуб, получивший имя своё от города, где появился на свет»²⁰⁶.

В этом фрагменте важно всё, включая не только составы основателей и первого рабочего комитета Римского клуба, но и место первого его заседания — вилла Фарнезина Академии деи Линчеи («Академия рысьеглазых»). Оно столь же символично, как и место расположения Международного института прикладного системного анализа, который организовали всё те же Аурелио Печчеи, Александр Кинг и Джермен Гвишиани в Лаксенбургском дворце в Вене, принадлежавшем долгое время Габсбургам. О смысле этого символизма речь пойдёт позднее, пока лишь отметим, что вилла Фарнезина принадлежала знаменитому средневековому монарху Рене Анжуйскому, происходящему из рода герцогов Лузиньяна, потомку принцессы Мелюзины. Более того, одним из трёх основателей академии был прямой потомок Рене Анжуйского. О значении выбора виллы Фарнезина и дворца в Лаксенбурге речь пойдёт, когда мы подробно посмотрим, кто стоял за спиной Аурелио Печчеи.

Теперь обратимся к воспоминаниям Александра Кинга. Вот что он пишет о тех событиях: «В сентябре 1965 г. АДЕЛА (финансируемая выдающимися американскими деятелями, включая Дэвида Рокфеллера) организовала встречу латиноамериканских банкиров и предпринимателей в Буэнос-Айресе, пригласив Печчеи для произнесения программной речи, что он и сделал на беглом испанском. Его речь под назва-

²⁰⁶ Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. С. 117–121.

нием “Проблемы современного мира в 70-е годы” охватывала очень широкий спектр тем и поднимала вопросы резкого увеличения численности населения, ухудшения окружающей среды, разделения на Север и Юг и потребности в долгосрочном глобальном планировании и управлении. По-видимому, копия речи на английском была передана в Государственный департамент в Вашингтоне и попала на глаза госсекретарю, Дину Раску, на которого она произвела впечатление, и, говорят, он заметил, что она была особенно полезной, поскольку её автором был не янки.

Вместе с другими бумагами и брошюрами она была выложена на приставных столиках заседания комитета по экономическим и социальным вопросам и консультативного совета по прикладным наукам и технологиям (АКАСТ). В конце одного заседания АКАСТ советский делегат, академик Джермен Гвишиани, взял экземпляр этого доклада и внимательно проштудировал его в Москве. Гвишиани с восторгом принял идеи Печчеи и решил пригласить его для переговоров в Советский Союз. Но кто такой Аурелио Печчеи и где его искать? Доклад здесь никак не помог. Заголовка у него не было... Гвишиани отправил экземпляр своему американскому коллеге в АКАСТ, моему старому другу Кэроллу Уилсону (Кэролл Уилсон долгие годы был ректором Стэнфордского университета. В этом качестве он ещё в начале 1930-х гг. принял активное участие в работе спонсированного семьёй Рокфеллеров, семьёй Карнеги, Фредериком Вандербильдом и семьёй Вертхаймов Института Тихоокеанских исследований. В Институте работали резидент ГРУ Джон Шерман, Озаки Козуми — член группы Р. Зорге, советские разведчики Оуэн Латимор и Гюнтер Штайн. — *И. С.*), попросив его выяснить, кто такой этот Печчеи, и познакомить их. Кэрол также ничего не слышал о Печчеи, поэтому он переслал документ мне с просьбой сделать всё от меня зависящее, чтобы найти его и связать с Гвишиани. Я тоже представления не имел, кто такой Печчеи, но быстро это выяснил и нашёл его.

Вскоре Гвишиани пригласил Аурелио в Россию, и интересно, что они встретились в Академгородке под Новосибирском, далеко от политических интриг Москвы, насколько это было возможно, и где Гвишиани мог в относительной безопасности говорить и слушать... переговоры были крайне плодотворны и привели к основанию Римского клуба и долгому сотрудничеству Гвишиани с ним. В письме к Печчеи я упоминал, что читал его работу и разделяю с ним беспокойство относительно того, куда мы идём; я предложил ему, если он когда-либо окажется в Париже, пообедать со мной и обсудить ситуацию. Через дней 10 после возвращения Печчеи из России в моём кабинете раздался звонок: “Это Аурелио Печчеи. Я сегодня в городе. Можем мы вместе пообедать?”...

Хотя озабоченность у нас вызывали прежде всего глобальные проблемы, мы не могли не обсуждать глобальные проблемы Европы, включая актуальный в то время вопрос её отставания от Америки... Поэтому мы сели однажды в моём кабинете в ОЭСР и набросали списки людей, которых мы могли бы пригласить. Аурелио надеялся убедить Фонд Аньелли спонсировать мероприятие... Оно состоялось в апреле 1968 г. на красивой вилле Фарнезина в Риме, где располагалась Академия Линчеи»²⁰⁷.

²⁰⁷ *Кинг А.* Пусть кошка перевернётся. Двадцатый век в жизни одного человека. М.: Институт Экономических Стратегий, 2012. С. 326–328 (с правками неточностей перевода).

Со всей очевидностью истории создания Римского клуба, представленные Печчеи и Кингом, заметно разнятся. Поэтому теперь обратимся к мемуарам ещё одного отца-основателя клуба, Д. Гвишиани. В них содержится самый оригинальный рассказ об этих событиях: «В 1967 г. Печчеи встретил человека, который был ему нужен... Уолтер Клеменс, автор книги “Мученик во имя будущего”, посвящённой Печчеи, считает, что Кинга вывел на Печчеи не кто иной, как я, и пишет об этом следующее: “В 1967 г. Гвишиани участвовал в проходившем в Нью-Йорке заседании комитета ООН по науке и технике в целях развития. Там обнаружил экземпляр речи Аурелио Печчеи, которую разложили по столам для всех участников члены американской делегации, посчитавшие замечания Печчеи интересными. Это была лекция, прочитанная в военной академии в Аргентине, где Печчеи одно время возглавлял отделение фирмы Fiat. Вернувшись в Москву, Гвишиани ознакомился с лекцией Печчеи и захотел встретиться с ним, но не знал, как это сделать, так как в американском источнике не содержалось никаких сведений. Тогда Гвишиани написал своему коллеге по АКАСТ, профессору МТИ Кэроллу Уилсону, спрашивая, как найти Печчеи. Уилсон, тоже не знавший Печчеи, отослал запрос Гвишиани доктору Александру Кингу, в то время возглавлявшему отделение ЮНЕСКО в Париже, снабдив письмо выразительным замечанием “об этом надо было бы подумать”. Кинг установил связь с Печчеи, и они несколько раз встретились в Париже и в других местах”. Эти сведения Клеменс почерпнул из интервью с Кингом, данным им в Вашингтоне 4 февраля 1987 г., и в его статье “Оглядываясь в будущее”»²⁰⁸.

Достаточно экзотично, когда мемуарист вспоминает о случившемся с ним, приводя цитату из статьи автора, описывающего события из вторых уст, но подобная экзотика отражает общую нетривиальность ситуации. Прежде всего, надо ещё раз вернуться к биографиям А. Печчеи и А. Кинга. Их изучение позволяет понять, что не знать друг друга они просто не могли. А. Кинг был генеральным директором ЕПА — Совета по повышению промышленного производства ОЭСР. А Печчеи в самом начале 1967 г., т.е. до описываемых событий, был назначен руководителем экономической комиссии Атлантического института мировых проблем при ОЭСР в том же Париже. При этом ОЭСР — это был совсем не Совет министров СССР с десятками министерств. У ОЭСР на тот момент в Париже было только четыре организации, причём две — специализированные, экономические. Вполне понятно, что руководитель экономической комиссии главного мозгового центра ОЭСР просто не мог не знать генерального директора ключевого экономического органа ОЭСР.

Однако и это не всё. Аурелио Печчеи теснейшим образом взаимодействовал с сенатором Соединённых Штатов Джекобом Джавитсом и Дэвидом Рокфеллером при создании венчурной инвестиционной компании ADELA, ориентированной на деятельность в Латинской Америке. Печчеи, согласно его воспоминаниям, достаточно долго уговаривали взяться в первой половине 1960-х гг. за создание этой корпорации именно как крупнейшего специалиста по Латинской Америке. С другой стороны, Александр Кинг находился в дружеских и деловых отношениях с Дэвидом Рокфеллером и входил в состав международного консультативного комитета «Чейз Манхеттен Банк», во главе которого стоял Д. Рокфеллер. Причём, согласно воспоминаниям Рок-

²⁰⁸ Гвишиани Д.М. Указ. соч. С. 154–155.

феллера, которые приведены в других частях данного текста, в этот период Комитет ключевое внимание уделял именно Латинской Америке как наиболее перспективному региону развития сети банка. Таким образом и в этой сфере А. Кинг и А. Печчеи были обречены не просто на знакомство, но и на совместную работу. Есть и другие, менее очевидные общие связи по линии Бильдербергской группы и группы «Язоны».

Ещё смешнее обстоит дело с Д. Гвишиани и А. Печчеи. Гвишиани в своей книге пишет: «Я впервые встретился с Аурелио Печчеи в начале 60-х годов, когда он возглавлял компанию “Оливетти”. По делам фирмы он приехал в Москву, где мы и познакомились. Этим было положено начало нашим регулярным контактам, продолжавшимся на протяжении более 20 лет»²⁰⁹. Но и это не всё. Джермен Михайлович отмечает: «О деятельности фирмы “Италконсалт” в нашей стране, к сожалению, было мало известно. Но она, безусловно, представляла большой интерес и для нас. Я несколько раз встречался с Печчеи и ведущими сотрудниками этой фирмы в Москве, познакомился с её работой на месте — в Италии»²¹⁰. Наконец, как мы выяснили, необычная фирма «Новосидер» во главе с Пьеро Саворотти, которая сыграла большую роль в жизни Гвишиани, также была совсем непростой компанией, прямые следы от которой вели не только к Le Cercle, но и к группе Аньелли. Чтобы как-то связать концы с концами, Д. Гвишиани пишет следующее: «Замечу... я уже был знаком с Печчеи как с руководителем фирмы “Оливетти”, однако мне не приходило в голову, что он и автор доклада, полученного мной в Нью-Йорке на заседании АКАСТ, — это одно и то же лицо. Я решил, что это просто однофамилец, специалист по Аргентине, поэтому и обратился за разъяснениями к Уилсону»²¹¹.

В этом фрагменте Д. Гвишиани несколько изменила память. Хорошо известно, что при приёме любых иностранных делегаций государственными чиновниками в СССР, начиная с ранга члена коллегии министерства СССР, а уж тем более заместителей министров и приравненных к ним руководителей, обязательным было представление от соответствующих спецслужб детальной справки на персону и представляемую ею компанию. Такие справки содержали биографию, основные данные по компании, а также, когда было необходимо, более детальную закрытую информацию. Таким образом, при первой же встрече с А. Печчеи как руководителем «Оливетти» или «Италконсалта» Гвишиани, несомненно, получил соответствующую справку, в которой был отражён латиноамериканский период деятельности Печчеи. В этом периоде не было ничего секретного. Деятельность его на посту руководителя латиноамериканской сети Fiat широко освещалась. Кроме того, как пишет сам Д. Гвишиани, он многократно встречался с А. Печчеи в первой половине 1960-х гг. не только в СССР, но и в Италии, и понятно, что между ними не могли не состояться беседы по самым разным вопросам, включая Латинскую Америку, к которой в то время СССР испытывал особый интерес, а также по вопросам, касающимся глобальной повестки дня. Не менее интригующим является тот факт, что у всех мемуаристов, за исключением А. Кинга, совершенно выпала многозначительная поездка А. Печчеи в Новосибирск, где ему надо было поговорить с Д. Гвишиани без посторонних ушей и глаз.

²⁰⁹ Гвишиани Д. М. Указ. соч. С. 77.

²¹⁰ Там же. С. 78.

²¹¹ Там же. С. 155.

Любой непредубеждённый человек может сделать вывод о том, что все три основателя Римского клуба отлично друг друга знали, но прямо об этом говорить не хотели. Это первое. Второе, что обращает на себя внимание, — это подчёркивание как Александром Кингом, так и Аурелио Печчеи роли Джермена Гвишиани в том, чтобы разрозненные усилия были объединены, сложились в единое целое и привели к созданию Римского клуба. Отсюда, если не пытаться искать масонов, розенкрейцеров и адептов культа Тота, а просто и буднично сопоставлять факты, придётся сделать с чрезвычайно высокой степенью вероятности вывод о том, что фактически Римский клуб был создан в значительной мере по инициативе, как это принято нынче говорить, при помощи методов рефлексивного управления, именно советской стороны. Именно советская сторона как минимум выступила триггером этого процесса, а как максимум — инициировала его в той неформальной организационной форме, в которой Римский клуб и появился на свет.

Естественно, не подлежит сомнению, что фронтменом и стратегом этого процесса был Д.М. Гвишиани. Однако вполне понятно, что в советских реалиях он не мог выступить ни идеологом, ни инициатором этой программы. Таковым, безусловно, и это не требует каких-либо дополнительных доказательств, являлся А.Н. Косыгин. Однако также понятно, что он не мог в одиночку поднять такую программу, хотя бы потому, что на всех её стадиях были необходимы комплексные проверки контрагентов, с одной стороны, и сложные официально-протокольные процедуры — с другой. Поэтому есть смысл постараться очертить круг людей, так или иначе вовлечённых на первом этапе в программу создания Римского клуба. Одновременно следует особо тщательно осуществить временную привязку этих событий. Такая привязка, как станет понятно позднее, позволит решить одну из главных загадок, связанную с тем, что фактические инициаторы, а тем более кураторы с советской стороны проектов Римского клуба и Международного института прикладного системного анализа в Вене различались не только персонально, но и командно. Справедливым будет даже ещё более сильное утверждение. Несмотря на то что многими участниками и даже главными действующими лицами этих программ являлись одни и те же люди, это, по сути, два отдельных проекта, имевшие разнонаправленные последствия как для мировой динамики, так и для судеб СССР. Но об этом позже. Пока же сосредоточим внимание на лицах, вовлечённых в проект по созданию Римского клуба. По служебной необходимости автор текста имел возможность беседовать с рядом активных участников этого процесса ещё в начале 1980-х гг. В силу этого их свидетельства свободны от ангажированности, обусловленной нынешней политической конъюнктурой.

2

В то время Римский клуб в СССР не демонизировался, а собеседования носили скорее характер не расследования, а изучения, как тогда было принято выражаться, передового опыта. При этом, следуя традициям наиболее взвешенной и благородной английской мемуаристики, в данном тексте будет использоваться британский принцип упоминания фамилий и имен только ушедших из жизни людей либо ссылки на мемуары наших современников.

Принципиально важно, что вопрос об использовании итальянских наработок Д. Гвишиани для создания некоей организации, которая могла бы стать деловым аналогом широко признанного и весьма ценимого в Советском Союзе Пагоушского движения, созданного виднейшими западными и советскими учёными, был сформулирован перед Д. Гвишиани А. Косыгиным уже в конце 1964 г. То есть фактически сразу же после смещения Н.С. Хрущёва и занятия А.Н. Косыгиным поста председателя Совета министров СССР. При этом работа велась максимально осторожно, скрытно от посторонних глаз и непублично. В рамках ГКНТ к ней были привлечены лишь двое ближайших подчинённых и, более того, в какой-то степени друзей Д.М. Гвишиани, которые затем долгие годы работали на ключевых должностях во ВНИИСИ ГКНТ СССР, а позднее РАН.

Постановка задачи по созданию некой неформальной структуры, которая объединяла бы ведущих промышленников и специалистов в области экономических наук, однозначно не выходила за пределы компетенций А.Н. Косыгина. Хотя сегодня это и забылось, фактически до начала 1970-х гг. именно А.Н. Косыгин являлся главным внешнеполитическим лицом Советского Союза. Л.И. Брежнев не обладал в тот период ни необходимым внешнеэкономическим опытом, ни соответствующими навыками, да и в значительной мере международным авторитетом. Соответственно, по негласному и впоследствии нарушенному Л.И. Брежневым соглашению между ним и А.Н. Косыгиным именно на последнего ложилась главная нагрузка, связанная с поддержанием международных контактов на высшем уровне²¹².

Ключевая внешнеполитическая роль А.Н. Косыгина в 1960-е гг. была обусловлена и ещё одним обстоятельством. После некорректного по международным дипломатическим стандартам поведения А.А. Громыко во время Карибского кризиса его авторитет в ведущих мировых столицах был близок к нулю. Поэтому в течение долгого времени, вплоть до середины 1970-х гг., министры иностранных дел, не говоря уже о главах государств, встречаясь с А.А. Громыко, старались ограничиться обсуждением официальных, протокольных вопросов, не выходящих за рамки дипломатической рутины.

С кем же ещё на этапе разворачивания программы по созданию Римского клуба работал А.Н. Косыгин среди высшего советского руководства? Прежде всего, с председателем КГБ СССР Владимиром Ефимовичем Семичастным. Автору текста Владимир Ефимович подтвердил этот факт, будучи уже в глубокой опале в середине 1980-х гг. и являясь заместителем председателя правления всесоюзного общества «Знание». При всех возможностях внутренней разведки Д. Гвишиани он не мог без нарушения регламента и риска скомпрометировать своего тестя, проводить многие мероприятия, монополия на которые принадлежала ПГУ КГБ СССР. Именно оно могло в те годы проводить глубокие проверки не только персоналий, но и компаний, используя как собственные материалы, так и сведения, получаемые от резидентов в стране локализации и из международного отдела ЦК КПСС.

У А.Н. Косыгина и В.Е. Семичастного сразу же сложились хорошие, деловые и доверительные отношения. Этому в значительной степени способствовало почти-

²¹² Стукалин Б. и др. Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. М.: Фонд культуры «Екатерина», 2004; Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А.Н. Косыгине. М.: Республика, 1997; Андриянов В.И. Косыгин. Молодая гвардия, 2003; Кирпиченко В.А., Гришин В.В., Байбаков Н.К. и др. Косыгин. Вызов премьера. М.: Алгоритм, 2014.

тельное отношение председателя КГБ СССР, который не достиг в то время ещё возраста сорока лет, к А.Н. Косыгину, имевшему за плечами два десятилетия пребывания на высших государственных постах, включая период работы непосредственно с И.В. Сталиным. Более того, В.Е. Семичастный был лично весьма благодарен А.Н. Косыгину за то, что он решил одну, по-настоящему ключевую для КГБ СССР задачу. Семичастный, оказавшись во главе КГБ СССР, который был беспредельно далёк от его комсомольско-партийной карьеры, поступил очень умно. Он отдал всю профессиональную деятельность на откуп выдающимся советским разведчикам, в том числе генералам О. Грибанову и П. Ивашутину, а сам сосредоточился на политических, организационных и хозяйственно-материальных вопросах. Во многом благодаря этому ему после Серова, заметно уронившего уровень советской разведки, удалось нормализовать работу КГБ СССР, создать в организации хорошую внутреннюю обстановку и добиться перелома как в разведывательно-агентурной и аналитической работе, так и в сфере технической и организационной оснащённости разведки.

Во времена Серова ассигнования на КГБ СССР были резко снижены. Н.С. Хрущёв, также с подозрением относившийся к Лубянке, отказывал в просьбах А. Шелепину изменить ситуацию даже по самому животрепещущему вопросу, связанному с увеличением фонда вознаграждения разведчикам, агентам, информаторам. Сразу же после смещения Н.С. Хрущёва Семичастный обратился к Л.И. Брежневу с аналогичной просьбой. Дело было в том, что, «хотя Комитет государственной безопасности формально был подчинён Совету Министров СССР, а его председатель находился официально на одном уровне с остальными министрами, тем не менее моим непосредственным и, по сути, единственным шефом был первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. В 1961–1964 гг. им был Никита Сергеевич Хрущев, позже его сменил Леонид Ильич Брежнев»²¹³.

Л.И. Брежнев сказал, что у него нет времени решать хозяйственные вопросы. В итоге со своей бедой Семичастный отправился к Косыгину. Алексей Николаевич нашёл, как помочь делу подведомственных Совету министров СССР. Он предложил, чтобы Комитет начал, помимо своих прямых обязанностей, собирать информацию по заказам министерств. Соответственно, министерства, имевшие значительные финансовые фонды, связанные с научно-технической информацией и научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами, могли из своих средств пополнять фонд вознаграждений КГБ. Получив радостное согласие Семичастного, А.Н. Косыгин убедил Л.И. Брежнева в необходимости повышения народнохозяйственной эффективности КГБ СССР и закрепил это закрытым постановлением Совета министров СССР. В результате «материальное вознаграждение рядовых информаторов находилось в компетенции резидента конкретной страны. Однако чем выше в общественной иерархии находился источник информации, тем и в системе КГБ смещалось вверх право на определение его ценности. Ни размеры гонораров, ни подлинные имена наиболее значительных агентов КГБ за границами страны не были известны даже заместителям председателя КГБ, не говоря уже о людях из других государственных органов. Отдельные промышленные министер-

²¹³ Семичастный В.Е. Беспокойное сердце (Биографии и Мемуары). М.: Вагриус, 2013.

ства брали на себя расходы по научно-технической разведке, и мы отчитывались перед ними конкретными материалами по интересующим их вопросам»²¹⁴.

В том числе, благодаря втягиванию аппарата КГБ в практическую повседневную работу ключевых министерств и ведомств и самого Совета министров СССР, у Семичастного и Косыгина сложились не только дружеские, но и деловые повседневные отношения, в рамках которых, что называется, хорошо легендировалась и работа по созданию новой неформальной организации. Для этой работы огромное значение имел факт возможности прямого участия в ней председателя КГБ СССР. Люди, не посвящённые в тонкости разведки, полагают, что агентурной работой, работой с источниками занимаются в лучшем случае руководители структурных подразделений. В большинстве случаев именно так дело обстоит и на практике. Однако есть и исключения. Уверен, мало кто из читателей мемуаров Семичастного оценил несколько экстраординарных строк. «Чекист грибановского уровня не подвергался риску ради того, чтобы добыть второстепенную информацию и поддерживать связь с людьми второго плана. Для этого у него достаточно было оперативных работников. Но если уж он принимался за дело лично, можно было со стопроцентной уверенностью делать вывод, что оно касается очень важного контакта. Объектом его интереса мог быть известный журналист, посол, резидент иностранной разведки или серьёзный предприниматель, торгующий с Советским Союзом.

И у меня как председателя КГБ были на связи некоторые агенты. Но их было немного, как говорится, для поддержания квалификации. Если мне приходилось принимать важные решения по делам контрразведки, то мне самому следовало знать, что эта оперативная работа собой представляет»²¹⁵.

Поскольку Владимир Ефимович писал мемуары в расчёте на обычных читателей, то он не счёл необходимым уточнить разницу между агентом и конфиденциальным источником. Первый работает на разведку, а следовательно, подписывает определённые письменные документы. Второй же сотрудничает с разведслужбой в силу тех или иных причин. Он не подписывает никаких письменных документов и в формальном плане не несёт никаких обязательств перед разведслужбой, с которой осуществляет контакты. Причём подобное сотрудничество зачастую сводится к некоему обмену информацией или совершению неопределённых действий. По характеру работы председатели КГБ СССР имели дело именно с источниками, а не с агентами. Поэтому Семичастный мог встречаться, например, с ведущими политиками, деловыми людьми, ведущими журналистами, раскрывая или не раскрывая своё подлинное лицо и должность и при этом не требуя от них принятия на себя каких-либо обязательств. Как правило, такие встречи и контакты, согласно установленным правилам, осуществлялись без информирования о конкретной встрече высшего государственного руководства.

У Семичастного сложились очень хорошие отношения с П. Ивашутиным, выдающимся руководителем разведки XX века, по масштабам и длительности работы на посту руководителя крупнейшей разведывательной структуры сравнимым разве только с Э. Гувером. После успешной операции, проведённой О. Грибановым под

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Там же.

руководством В. Семичастного по раскрытию О. Пеньковского, последовали суровые меры против советских руководителей самого высокого ранга, в том числе был отправлен в отставку начальник ГРУ И. Серов. На его место по рекомендациям В. Семичастного и Р. Малиновского Политбюро ЦК КПСС назначило заместителя В. Семичастного, Петра Ивашутина, который успешно руководил ГРУ на протяжении 25 лет.

В начале 1965 г. параллельно с КГБ СССР и ГРУ ГШ МО СССР тоже было решено выполнять работы по добыче научно-технической информации для так называемой «Девятки» — министерств, курируемых Военно-промышленной комиссией Совета министров СССР с получением вознаграждения за добытые материалы. До последних дней своей жизни А.Н. Косыгин поддерживал добрые отношения с П. Ивашутиным.

Кстати, во время разработки О. Пеньковского и определения степени виновности различных должностных лиц в связи с этим В. Семичастный и курировавший его секретарь ЦК КПСС и одновременно лучший друг и старший товарищ А.Н. Шелепин максимально объективно подошли к делу и не стали применять санкции к Д.М. Гвишиани. При другом раскладе с его государственной карьерой и членством в партии было бы покончено. Подобное событие, без сомнения, наложило бы крайне негативный отпечаток на репутацию самого А.Н. Косыгина и его перспективы в высшем советском руководстве. Дело в том, что в большую часть своих зарубежных поездок О. Пеньковский выезжал от лица Госкомитета СССР по науке и технике. Д.М. Гвишиани в то время не был зампредом, т.е. прямым руководителем международного направления, но возглавлял международный отдел этой организации, а следовательно, по негласным правилам, существовавшим в Советском Союзе в ту пору, нёс прямую ответственность за работу с кадрами по международному направлению. В начале 1960-х гг. даже за меньшую халатность в работе с кадрами по международной линии было принято снимать с должности начальника международного отдела организации и либо исключать его из партии, либо выносить выговор с занесением в личное дело с понижением в должности как минимум на два ранга. Однако в данном случае ничего подобного не произошло. Более того, в конечном счёте именно по итогам дела О. Пеньковского Госкомитет был реорганизован, а в новый комитет был назначен председателем товарищ Гвишиани и близкий знакомый А.Н. Косыгина академик В. Кириллин, а Гвишиани стал его замом по международной линии.

Протоколно-дипломатическая часть работы по программе легла на плечи Василия Васильевича Кузнецова, первого заместителя министра иностранных дел, с которым Косыгин близко сошёлся во время своих международных визитов и особенно в рамках работы, связанной с конечным урегулированием Карибского кризиса. Необходимо особо отметить, что в противоположность мнению, высказываемому во множестве нынешней публицистической и околоисторической литературы, ключевую роль в окончательном урегулировании Карибского кризиса сыграли отнюдь не А.И. Микоян и тем более не Н.С. Хрущёв. Такое мнение сложилось благодаря мемуарам самого А.И. Микояна «Так было». Если же вникнуть в мемуары ведущих американских участников процесса урегулирования той поры, а также коллективные монографии, изданные на этот счёт серьёзными, профессиональными

историками²¹⁶, то становится ясна ключевая роль именно В.В. Кузнецова в окончательном урегулировании Карибского кризиса.

Это совершенно неудивительно. В своих воспоминаниях один из самых известных и информированных советских дипломатов Виктор Леонович Исраэлян пишет: «История была такая: в феврале 1957 г. Хрущёв более не захотел терпеть на посту Министра иностранных дел Дмитрия Шепилова, который за несколько месяцев встал для остального мира на редкость привлекательным “лицом Москвы”. Хрущёв к этому моменту решил, что звездой внешней политики должен стать он сам. Оставалось только найти нового министра. Вопрос Шепилову, кого он рекомендует на своё место, хотя бы для проформы, нельзя было не задать. Ответ был таков: у меня есть два зама, один — Василий Кузнецов — гений, виртуоз, может всё (кстати, примерно так же — точнее, “дипломатом-чародеем” — называли Кузнецова вице-президент США Никсон, его британский коллега лорд Карадон и другие), другой — Андрей Громыко. Не виртуоз, служака. Но если ему что-то поручить, то он разобьётся, а выполнит именно Ваше поручение, причём в точности, по инструкции. Больше любит Громыко давать отпор западной дипломатии, а не улаживать двусмысленные ситуации. После чего судьба Кузнецова была решена. И судьба Громыко — в другом смысле — тоже»²¹⁷.

Известно, что в научном плане А.Н. Косыгин по стратегическим вопросам консультировался с М. Келдышем, а предметное научное обеспечение проекта в части западной корпоративной экономики возлагалось на замечательного российского экономиста, доктора экономических наук, профессора ИМЭМО Станислава Михайловича Меньшикова. Кстати, любопытно, что позднее, на рубеже 1970-х гг., пользуясь в том числе разработками, сделанными на предварительной стадии программы подготовки того, что впоследствии превратилось в Римский клуб, он создал уникальную модель американской экономики. Эту модель Меньшиков дорабатывал вместе с лауреатом Нобелевской премии Лоуренсом Клейном в Принстоне. Там же он подружился с Генри Киссинджером. Но об этом речь впереди.

Как таковой команды по подготовке программы не существовало. Скорее можно говорить о группе людей, осведомлённых об этом проекте и принимавших в меру своих должностных возможностей и личных способностей участие в этой работе. Причин тому было много. Едва ли не главная из них состояла в том, что по своим личным качествам А.Н. Косыгин был человеком некомандным. Жизнь в верхах советского руководства научила его осторожности, недоверчивости и необходимости избегать любых потенциальных конфликтов. Уроки «Ленинградского дела» были усвоены А.Н. Косыгиным раз и навсегда и наложили неизгладимый отпечаток на его поведение. Стиль его отношений с людьми базировался на примате деловых контактов над личными взаимоотношениями.

Восприятие такого стиля было весьма различным. Как правило, люди из партийной среды, привыкшие снимать проблемы при помощи личных взаимоотношений, отторгали такой стиль и считали А.Н. Косыгина сухим, малообщительным и

²¹⁶ Аллисон Г., Зеликов Ф. Квинтэссенция решения: На примере Карибского кризиса 1962 года. М.: URSS, 2012; Феклисов А. Рузвельт, Кеннеди, советская агентура. М.: Алгоритм, 2011; Фурсенко А., Нафтали Т. Адская игра. Секретная история Карибского кризиса 1958–1964. М.: Гей этерум, 2001.

²¹⁷ Исраэлян В. Дипломатия — моя жизнь. Из личного архива российского дипломата. М.: МБА, 2006.

бездушным человеком, который к тому же ничего не смыслил в охоте, рыбалке и других серьёзных мужских занятиях.

Хозяйственные руководители всех уровней — от директоров заводов до министров — в подавляющем большинстве ценили такой стиль, поскольку он, с одной стороны, позволял решать сложные задачи, а с другой — гарантировал объективность и способствовал устранению различного рода привходящих внешних обстоятельств. Именно поэтому по прошествии времени ключевые министры СССР с теплотой отзывались о А.Н. Косыгине. Например, Б. Гостев, министр финансов СССР, в своих воспоминаниях пишет так: «За время моей работы в Центральном Комитете партии мне часто приходилось встречаться с А.Н. Косыгиным — на заседаниях Политбюро и Совета Министров, на совещаниях в более узком составе по рассмотрению экономических проблем, решению социальных задач. Могу сказать, что А.Н. Косыгин был крупным политиком, подлинным государственным деятелем, выделялся среди тогдашних руководителей глубокими знаниями в области отраслей народного хозяйства, экономики в целом, планирования и финансов, социальных проблем, территориального развития и внешних связей. По многим вопросам имел свою точку зрения, умел её отстаивать и проводить в жизнь. В то же время он умел выслушивать мнения других, соглашаться с ними, если они были обоснованными и полезными для общего дела. Неоценимый вклад внёс А.Н. Косыгин в совершенствование управления народным хозяйством. С его именем связана экономическая реформа 1965 года, давшая толчок развитию инициативы трудовых коллективов, повышению их заинтересованности в результатах труда и росте эффективности»²¹⁸.

Подобно министрам, прочные деловые отношения сложились у Косыгина и с первыми секретарями партийных организаций крупнейших промышленных городов. Например, Виталий Сырокомский, многолетний первый зам. главного редактора «Литературной газеты», человек, который, собственно, её и сделал, вспоминает: «Конечно, очень важной была поддержка Косыгина. Надо сказать, что у первого секретаря МГК и Предсовмина сложились очень хорошие деловые отношения. Правительство всегда помогало Москве, но и Москва не оставалась в долгу: она всё заметнее превращалась в крупнейший промышленный, транспортный и научный центр»²¹⁹.

Сознательное и подчёркнутое дистанцирование А.Н. Косыгина от любых команд и группировок в составе высшего партийного руководства сыграло судьбоносную роль в истории Римского клуба и Международного института прикладного системного анализа. В итоге они появились и существовали совершенно в иной роли, нежели задумывались А.Н. Косыгиным. В силу каких причин и вследствие каких событий это произошло — отдельный вопрос. Пока же важно разобраться, в чём состоял первоначальный замысел А.Н. Косыгина и какие побудительные мотивы вызвали к жизни столь нетривиальные и неоднозначные проекты Римского клуба и Международного института прикладного системного анализа.

²¹⁸ <http://www.minister.su/article/1242.html>

²¹⁹ Сырокомский В. Загадка патриарха. Воспоминания старого газетчика. М.: Эксмо, 2011.

Однако перед этим позволим себе короткое отвлечение. Если отбросить фолк-историю и замаскированную под историю пропаганду, то тексты, посвящённые прошлому, можно подразделить на мемуарные и исследовательские. Вполне понятно, что мемуарные тексты просто обречены на известную, а подчас и чрезмерную необъективность. Этот практически неотъемлемый недостаток мемуарной литературы является вполне объяснимым и, более того, извинительным не только в общежитейском, но и в научном смысле. Мемуары — это весьма парадоксальный жанр, обязанный своим существованием невозможности для мемуаристов участвовать в привычной им деятельностной жизни. Иными словами, любой мемуарист до некоторой степени занят не своим делом. Занимаясь не своим делом, он фактически использует литературу даже не столько для самооправдания и самовозвеличивания, хотя такое нередко присутствует даже в самых интересных воспоминаниях, но, прежде всего, для своего рода переписывания уже произошедших событий, создания реальности заново. Понятно, что, зная действительное прошлое и в глубине души понимая сделанные ошибки, практически любой мемуарист воспроизводит в своих текстах не то, что было на самом деле, а то, что должно было бы быть, но не случилось. Если понимать, спокойно относиться и уметь элиминировать данное обстоятельство, то качественная мемуаристика является неоценимым источником для исследовательской работы.

Однако то, что допустимо и простительно для мемуаристов, категорически неприемлемо для исследовательских работ. Между тем многие, даже глубокие, без сомнения, значительные по любым меркам исследователи не свободны в своих работах от ярко выраженной пристрастности. Пристрастность эта имеет основанием как минимум два свойства исследовательской натуры. Во-первых, любой исследователь смотрит на материал сквозь призму сложившихся у него и дорогих именно ему, особенно в том случае, если разработаны им самим, теоретических концептов. Однако любой теоретический концепт в сфере познания общества — не более чем инструмент, который либо работает, либо нет, на вполне определённом промежутке времени. Поэтому подчинение материала концепту означает примерно то, что описывалось греками как укладывание «в прокрустово ложе». Иными словами, исследованию подвергается не реальность как таковая, а лишь её фрагмент, ограниченный тем тоннелем восприятия, который сложился под воздействием используемых исследователем концептов. Полностью освободиться от этого, конечно, не дано никому, но необходимо понимать наличие этого недостатка у себя и стараться по возможности его устранить или свести к минимуму.

Что касается второго обстоятельства, то оно ещё более распространено. К сожалению, в последнее время не только в России, но и в мире вообще исследователи оказываются во всё возрастающей мере ангажированными и вынужденными в силу самых различных обстоятельств не занимать позицию наблюдателя, а принимать ту или иную сторону в различного рода тянущихся десятилетиями, а иногда и столетиями конфликтах. Как только исследователь отходит от позиции наблюдателя, привычной любому специалисту в естественных науках, он так или иначе вынужден асимметрично воспринимать реальность. Проще говоря, те, кто в силу осознаваемой или не-

осознаваемой ангажированности воспринимаются как свои, должны наделяться достоинствами, а их недостатки должны находить убедительное оправдание и извинение. Ну а противная сторона по возможности должна состоять из мерзавцев и жуликов, а в случае, если неумолимые факты и совесть исследователя заставляют признать, что в их ряды по недоразумению затесались приличные персонажи, то важнейшей задачей становится нахождение различного рода объяснений — как же так могло произойти, а также поиск обязательного негатива у позитивных с виду персонажей. В различные времена менялись лишь обоснования такой ангажированности. Если в советский период главной выступала преданность идеям мирового коммунизма, социализма и мира, то теперь на их место заступили историософские концепты превосходства той или иной цивилизации, страны, народа и т.п.

Особенно сложно с таким подходом приходится исследователям, которые занимаются страновыми и мировыми элитами, что называется, «разреженными высотами» власти. Здесь исследователи оказываются сразу перед двумя проблемами: во-первых, перед проблемой ангажированности и связанностью собственными концептами, а во-вторых, перед невозможностью полностью понять людей на вершинах власти, не имея опыта нахождения внутри её. Природа власти такова, что главная её задача — это собственное расширенное воспроизводство. Власть рождает власть, укрепляет власть и стремится, прежде всего, продлить существование власти. Решить такую задачу отдельным людям или их группам невозможно. Для её решения необходимы организованности. Любая же сложная организованность имеет собственную внутреннюю логику, своего рода поведение, которые с неизбежностью подчиняют входящих в организованности людей.

Таким образом, любой человек на вершинах власти или человек, тесно связанный по роду своей деятельности с этими людьми, оказывается обречённым на двойную деформацию собственной личности. С одной стороны, любая власть в конечном счёте — это прямое, скрытое или латентное принуждение, внешнее управление людьми. Понятно, что принуждение, даже в тех случаях, когда оно добровольно принимается, а подчас и остро желается принуждаемыми, не может не трансформировать личность человека во власти. На это искажение накладываются деформации, связанные с принадлежностью к властительным организованностям, имеющим свою логику и требующим вполне определённую цену не только за присутствие, но и за попадание в эти самые организованности. Высокий уровень власти, будь то в политике, военном деле, разведке или бизнесе, — это всегда королевство двойных кривых зеркал, или, как говорил Уильям Донован, «мутное двойное зазеркалье».

В этом смысле аристократический и тем более монархический тип правления в определённом смысле оправдан и целесообразен, поскольку при этих типах правления резко снижается цена за вхождение в организованности для определённой, ограниченной группы людей. Соответственно, при наличии продуманных механизмов, обеспечивающих поступление новой крови и дозированный приток со стороны в верхние элитные слои, деформации человеческой личности во власти при таком типе правления существенно меньшие, чем при тех типах, которые установились повсеместно в современном мире и связываются с так называемой демократией.

Может возникнуть справедливый вопрос: а как же народное благо и всё, что с этим связано? Можно со всей определённой ответить, что власть как феномен,

неотъемлемо присущий организации человеческого общества, сама по себе является благом для народа. При отсутствии власти народные бедствия и лишения увеличиваются в геометрической прогрессии. Поскольку, как показала история всех известных цивилизаций, в конечном счёте за любые властные перемены и формирование новых организованностей во вторую очередь платит элита, а в первую — сам народ. Причём плата не сводится только к снижению уровня жизни, а, как правило, предполагает массовые беспорядки, гражданские войны, убийства мирного населения и т.п. Что касается других народных благ, связанных с властью, то это не более чем бонусы, которые могут быть, а могут и не быть. Их наличие зависит не только и не столько от личных качеств властителей и людей, входящих в организованности, сколько от различного рода долговременных факторов неравновесной социальной динамики и подчас случайных обстоятельств.

Одним из следствий такого положения дел является неприменимость к людям во власти или около неё обычных, вполне оправданных и, более того, необходимых в общежитийском плане шкал оценки, построенных на дихотомиях нравственного и безнравственного, плохого и хорошего, доброго и злого и т.п. В каком-то смысле власть лежит по другую сторону добра и зла, а соответственно, люди в ней должны оцениваться несколько по иным критериям. Поскольку любой критерий по своей сути более или менее субъективен и, более того, привязан к конкретной временной шкале (в том смысле, что что-то хорошее в одном временном интервале может оказаться гибельным в другом), а оценивать всё-таки необходимо, то едва ли не единственным общепотребительным критерием может служить элементарный принцип выживаемости, но не властителя или властителей, а подвластных, т.е. народа, этноса, государства или, что более точно, некоей цивилизационной или культурной общности в длительной перспективе.

Данное отступление потребовалось, чтобы прояснить позицию относительно А.Н. Косыгина. В контексте исследований незачем оценивать его человеческие качества, тщательно анализировать, где и за кого он не заступился и т.п. Гораздо важнее понять его побудительные мотивы и цели, а также то, какие последствия могли бы иметь реально его поступки и к каким результатам привела блокировка действий А.Н. Косыгина.

4

Как уже отмечалось, начало работы над программой, которая затем вылилась в создание Римского клуба и Международного института прикладного системного анализа, датируется началом 1965 г., т.е. первыми месяцами пребывания А.Н. Косыгина на посту председателя Совета министров СССР. Что же побудило или вынудило его приступить к столь опасной и неоднозначной работе? Ни в зарубежной, ни тем более в российской аналитике нет исследований, посвящённых данному вопросу. Попробуем заполнить лакуну, базируясь на анализе известных автору документов и поручений А.Н. Косыгина, зарегистрированных в соответствующих архивах.

На взгляд автора данного текста, можно выделить несколько ключевых причин. Прежде всего, как едва ли не самый осведомлённый в экономическом плане чело-

век в советском руководстве, А.Н. Косыгин понимал, что с начала 1960-х гг. с экономикой СССР начало что-то происходить. Метания Н.С. Хрущёва лишь по конкретному их выражению были следствием экономической безграмотности и известной доли авантюризма «дорогого Никиты Сергеевича», а в своей основе являлись результатом его реакции не столько на осознание, сколько на чувствование буквально кожей надвигающихся проблем. При всех известных недостатках Н.С. Хрущёв, по свидетельствам знавших его людей, обладал развитой интуицией и буквально звериным чутьём на опасность, что, кстати, роднит его с Б.Н. Ельциным.

Будучи высокоэрудированным, культурным и интеллигентным человеком, А.Н. Косыгин, подобно многим представителям сталинской школы хозяйственного руководства, испытывал большое доверие к науке. Поэтому на протяжении всей своей деятельности, начиная ещё со времён руководства кооперацией в Сибири, он всегда обращался к лично знакомым представителям науки, обладавшим высоким научным авторитетом среди коллег и одновременно свободным от начётничества и склонности прятаться за цитатами из классиков марксизма-ленинизма. В этом плане он выглядел «белой вороной» среди высших советских руководителей той поры. Вот как вспоминает о них выдающийся российский экономист мирового масштаба Станислав Меншиков: «Впрочем, истинное отношение Хрущёва к классикам марксизма было совсем не библейским. Рассказывают, что секретарь ЦК и академик Петр Николаевич Поспелов как-то зашёл к Никите Сергеевичу напомнить, что тот опаздывает на торжественное открытие Музея Маркса и Энгельса. Вождь был сильно занят и встретил Поспелова следующей тирадой:

– Да пошёл ты подальше со своими евреями.

Оглушённый академик буквально выкатился из кабинета Хрущёва и ещё долго не мог прийти в себя, причитая: “Как он мог? Как же это он мог?”

Что касается Л.И. Брежнева, то он теории не только не любил, но и даже активно сопротивлялся, когда ему пытались, особенно на первых порах, вставлять сложные, по его понятиям, теоретические формулы. Помню, как были потрясены сочинители одного из его докладов, когда в возвращённом им варианте против слов “государственно-монополистический капитализм” стояла его пометка: “К чему здесь эта наукообразная галиматья?” Сделать из этого генсека теоретика марксизма при всём желании было невозможно»²²⁰.

А.Н. Косыгин решил задать исследователям два вопроса, которые его волновали: какова прогнозируемая ими вероятная динамика развития народного хозяйства СССР и каковы перспективы капиталистической экономики на ближайшие 10–15 лет? При этом понятно, что, задавая вопросы, Косыгин отнюдь не предполагал получить ответы о том, что перспективы советской экономики плачевны, а западной — замечательны. Во-первых, он сам был иного мнения, а во-вторых, получить такой ответ в те годы в СССР было просто невозможно не только по политическим и идеологическим соображениям, но и по настрою исследователей. Более того, в те годы ведущие западные экономисты, включая лауреатов Нобелевской премии и даже спецов из экономической службы ЦРУ, расходились лишь в определении сроков, когда СССР догонит по объёмам производства и другим ключе-

²²⁰ Меншиков С.М. О времени и о себе. М.: Международные отношения, 2007.

вым показателям Соединённые Штаты Америки. Сегодня подобные иллюзии обуяли мировых экономистов и представителей разведывательного сообщества относительно перспектив Китая.

Прежде всего, А.Н. Косыгин адресовал просьбу подготовить в короткие сроки доклад о тенденциях эффективности советской экономики ведущим экономистам той поры В. Красовскому и Я. Кваше. Они в 1964 г. опубликовали знаменитую работу «Темпы воспроизводства и структура капитальных вложений»²²¹. По просьбе А.Н. Косыгина к исследователям подключились специалисты сводного отдела капитальных вложений и сводного отдела народнохозяйственного планирования Госплана СССР. Перед ними была поставлена задача рассчитать прогноз динамики роста национального дохода и производительности общественного труда в СССР и США в период 1966–1975 гг. К концу 1965 г. доклад был подготовлен. Из материалов доклада было понятно, что задача догнать и перегнать США к 1970 г. была невыполнимой. Однако темпы экономического роста СССР, по мнению авторов, на протяжении десятилетия должны были устойчиво опережать соответствующие темпы Соединённых Штатов по всем трём расчётным вариантам (оптимистический, усреднённый и пессимистический). При этом важно отметить, что авторы доклада были известны как весьма добросовестные исследователи, чьи статьи в журнале «Вопросы экономики» перепечатывали ведущие американские экономические журналы и чьими оценками без стеснения пользовались в Государственном департаменте и других государственных учреждениях США, о чём сообщала советская разведка в Америке.

С просьбой сделать ещё один прогнозный доклад по экономике США и капиталистическому миру в целом А.Н. Косыгин обратился к молодому, но весьма известному в то время экономисту, одному из немногих специалистов по экономике США, стажировавшемуся в этой стране, С.М. Меньшикову. Интересно, что, вспоминая в деталях о многих других, гораздо менее значительных работах, этот выдающийся экономист, которому довелось работать с такими звёздами первой величины, как Д. Гэлбрейт, В. Леонтьев, Р. Эрроу, Д. Клейн и другие, в своих воспоминаниях ни словом не обмолвился об этом задании Косыгина. Тому есть вполне объективные причины.

А.Н. Косыгин входил в узкий круг людей, посвящённых в действительную научную специализацию С. Меньшикова. Она была связана с уникальными особенностями его биографии. Станислав Михайлович был сыном советского министра, который в годы войны работал советским представителем в Соединённых Штатах Америки и был связан с советской разведкой. Сын навещал его там, поступив в 16 лет в МГИМО. При этом надо отметить, что С.М. Меньшиков ещё во время работы отца в Лондоне советским разведчиком под крышей акционерного общества «Аркос» в совершенстве выучил английский язык и мог читать литературу, недоступную для подавляющего большинства советских людей не столько в силу цензуры, сколько в силу незнания ими иностранных языков. Из Соединённых Штатов он, благодаря отцу, по работе связанному с влиятельным в военные годы в США Пи-

²²¹ *Кваша Я., Красовский В.* Темпы воспроизводства и структура капитальных вложений в СССР и США. Доклад для служебного пользования редакционной коллегии журнала «Вопросы экономики», 1964 г.

тиримом Сорокиным, едва ли не первый в России получил работы Н. Кондратьева. Дело в том, что П. Сорокин с детства дружил с Н. Кондратьевым, помогал ему как мог и в итоге стал обладателем многих работ Кондратьева, своеобразным хранителем его научного наследства.

Исследования Кондратьева в значительной мере определили на долгие десятилетия научную специализацию С. Меншикова. Несмотря на то что в последующем работы по экономической динамике и среднесрочному и долгосрочному прогнозированию принесли ему мировую славу, в начале изучение работ Кондратьева едва ли не стоило юному студенту свободы или жизни. В 17-летнем возрасте он рассказал сверстникам о том, что готовит анализ капиталистической экономики, базируясь на теории длинных волн Кондратьева. Он мечтал повторить карьеру знаменитого в те годы советского экономиста Е. Варги. Бдительные студенты МГИМО тут же донесли об этом в инстанцию. Вопрос быстро дошёл чуть ли не до уровня самого В. Абакумова, который, как руководитель СМЕРШа — а шли последние месяцы войны, — представил, какие перспективы открываются перед раскрытием шпионской сети, использующей глубоко законспирированные ячейки Промпартии, по делу которой в своё время Н. Кондратьев и получил свой срок, закончившийся смертью.

В результате Меншикова арестовали и отправили на Лубянку. Однако просидел он там, согласно его собственным воспоминаниям, недолго. О произошедшем событии стало тут же известно отцу, который по работе был связан и поддерживал хорошие отношения с Л.П. Берией. Берия вмешался, С. Меншикова не только освободили, но и не исключили из комсомола, восстановили в институте, где он продолжил работу над кондратьевскими циклами. Ещё раз аукнулась эта история уже в 1953 г. В своих воспоминаниях Меншиков пишет об этом так: «В 26 лет был исключён из партии за те же старые грехи, о которых кто-то внезапно вспомнил». Теперь С. Меншиков уже проходил по делу Берии как спасённый Л. Берией то ли британский, то ли американский агент. На этот раз С. Меншикова спас В. Молотов, который очень хорошо относился к его отцу, только что назначенному на ключевую в то время должность посла в Индию. Понятно, что о такой истории, связанной с научной специализацией, многократно битый Станислав Михайлович даже в 2007 г. лишний раз вспоминать не захотел.

С. Меншиковым и группой приданных ему специалистов в течение 1965 г. был подготовлен уникальный доклад, в котором впервые подход длинных технологических волн Кондратьева был увязан с динамикой изменения укрупнённого межотраслевого баланса по разработкам Василия Леонтьева. В последующем эта работа стала основой для разработки знаменитого экономического доклада ООН «Будущее мировой экономики». Этой работой С. Меншиков руководил уже в качестве заместителя директора Центра планирования и развития Секретариата ООН. Согласно докладу, безальтернативной перспективой для мировой капиталистической экономики на ближайшие 15–20 лет должно было стать снижение темпов её роста и уменьшение продолжительности периодов между фазами спадов в рамках следующих друг за другом экономических циклов. Коротко говоря, согласно модели С. Меншикова, у капитализма были весьма туманные экономические перспективы, обусловленные безальтернативностью затухания темпов экономического раз-

вития (разумеется, при условии сохранения тех тенденций мирового развития, которые сложились в послевоенный период).

Несколько отвлекаясь, следует отметить, что прогнозная модель С. Меншикова сработала на 100%. Начиная с 1965 по 1990 г., а затем с 1995 г. по настоящее время неуклонно происходит падение темпов экономической динамики развитых капиталистических стран — членов ОЭСР и уменьшение периодичности между циклическими спадами. Как отмечают лауреаты Нобелевской премии в области эконометрики, работа Меншикова, опубликованная в открытой печати на английском языке на 12 лет позднее, чем она была представлена Косыгину, явилась лучшим экономическим прогнозом второй половины XX века²²².

Сопоставление двух ключевых докладов дало А.Н. Косыгину, как рассказывали его помощники и советники автору текста, серьёзный материал для размышлений. Согласно расчётам в докладах, при всех проблемах Советского Союза проблемы США и капиталистической системы оказывались ещё более значительными. И, соответственно, в длительной перспективе позиции социалистической экономики оказывались всё более и более предпочтительными. Причём эта предпочтительность чем дальше, тем более становилась очевидной. Однако сделанные выводы вряд ли обрадовали А.Н. Косыгина. Дело вот в чём. Одним из ближайших соратников А.Н. Косыгина был В.В. Кузнецов, первый заместитель министра иностранных дел СССР, главный участник финального урегулирования Карибского кризиса. А.Н. Косыгин к этой теме проявлял огромный и неослабевающий интерес. Автору текста со слов старшего офицера А.С. Феклистова, сыгравшего ключевую роль в установлении неформального контакта через Роберта Кеннеди между высшим американским и советским руководством, известно, что в 1965 г. Косыгин приглашал его к себе на дачу и расспрашивал о мельчайших деталях событий, происходивших в дни и месяцы Карибского кризиса, а также о семействе Кеннеди, о погибшем президенте, о Роберте Кеннеди, которого в то время рассматривали как наиболее вероятного кандидата на победу на президентских выборах 1968 г.

У А. Феклистова сложилось впечатление, что А.Н. Косыгин полагал, что мир находился буквально в нескольких часах, а возможно, и минутах от полномасштабной ядерной войны и, более того, что в значительной степени заслуга в её предотвращении принадлежит не советской стороне в лице Н.С. Хрущёва, а Джону и Роберту Кеннеди. В связи с этим весьма интересно, что все в том же 1965 г. статистическая школа великого советского математика А.Н. Колмогорова получила секретное распоряжение министра обороны СССР Р.Я. Малиновского создать совместно со специалистами Министерства обороны СССР и его институтов модель для расчёта рисков возникновения ядерной войны. Здесь, кстати, нельзя не отметить, что с давних пор А.Н. Косыгина и Р.Я. Малиновского связывали взаимоуважительные рабочие отношения.

Р. Малиновский среди советских министров обороны был совершенно уникальным человеком. В отличие от любителя охоты и футбола, принципиально мало читавшего А. Гречко, Р. Малиновский в совершенстве знал французский язык, имел огромную библиотеку, постоянно общался с ведущими учёными, артистами. Он был дважды Георгиевским кавалером и кавалером одной из высших французских

²²² Histories of Econometrics (History of Political Economy Annual Supplement) / Ed. Boumans M. Durham: Duke University Press, 2012.

военных наград за героизм на полях Первой мировой войны. По мнению понимавшего толк в стратегии Г. Гудериана, Р. Малиновский был одним из сильнейших полководцев Второй мировой войны.

Приведённые данные, а также вышедшие в США к 50-летию Карибского кризиса книги, построенные на анализе не только государственных, но и личных архивов участников тех событий, позволяют с высокой степенью вероятности говорить о том, что воздействие Карибского кризиса на высшее руководство и США и Советского Союза было поистине шоковым. Кризис показал наиболее умным и осмотрительным людям, к числу которых в СССР, несомненно, относился А.Н. Косыгин, что мир в условиях жёсткого противоборства СССР и США является крайне хрупким. А наименование «холодная война» — не что иное, как успокоительный миф. Из рассказов Н.Н. Моисеева, одного из наиболее активных участников решения задачи, которую Р. Малиновский поручил А. Колмогорову, следует, что созданная математическая модель рисков возможности ядерной войны не только не внушала оптимизма, но формировала устойчивый пессимизм.

Согласно результатам математического моделирования в СССР и, как позднее выяснилось, в США, основные и практически неустранимые в условиях сохранения состояния холодной войны, норовящей перейти в локальную горячую, причины ядерного конфликта лежали не в плоскости реализации сознательной стратегии нанесения превентивного ядерного удара, а были связаны с реакцией на случайный отказ тех или иных систем у противников, с несанкционированным запуском ядерных носителей, а также с неконтролируемой эскалацией местных локальных конфликтов, в которых на первой стадии СССР и США даже не участвовали. Как выяснилось спустя почти 20 лет, и советская, и американская модели, использовавшие примерно одинаковый математико-статистический аппарат и сопоставимые массивы разведывательных данных, оценивали риск прямой ядерной войны между СССР и США в период до 1985 г. почти в 100%²²³. Вполне понятно, что личные впечатления А.Н. Косыгина от Карибского кризиса, подробные беседы с В. Кузнецовым, А. Феклистовым и другими участниками Карибского кризиса, а также сообщённые ему данные по математическому моделированию рисков ядерного конфликта не могли не побудить председателя Совмина к отнюдь не весёлым размышлениям.

5

Ещё одним эксклюзивным фрагментом пазла, позволяющего судить о побудительных причинах А.Н. Косыгина и о его задумках, положивших начало программе, вылившейся в отнюдь не запланированные изначально Римский клуб и Международный институт прикладного системного анализа, являются впечатления, вынесенные автором от разговоров с Ароном Кацеленбогеном, состоявшихся в первой половине 1990-х гг. в Америке.

²²³ Martel M., Savage P.L. Strategic Nuclear War: What the Superpowers Target and Why (Contributions in Military Studies). Westport: Praeger, 1986; Arms Race Modeling: Problems and Prospects // Journal of Conflict resolution. Anderton, 1989. Vol. 33, no. 2; Booth K., Wheeler N. The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2008.

Сегодня в России фамилия Кацеленбогена мало кому что говорит. С одной стороны, это связано с провинциализмом сегодняшних российских макроэкономистов и финансистов, а также специалистов в области военной экономики, а с другой — с особенностями биографии самого Кацеленбогена. Между тем в мире А. Кацеленбоген широко известен сразу в нескольких ипостасях. Прежде всего он — один из признанных авторитетов в своё время еретического, а ныне мейнстримного течения в теоретической и практической макроэкономике, связанного с неравновесной динамикой. Традиционно экономисты привыкли иметь дело с равновесными и сбалансированными процессами. Это повелось ещё от Адама Смита и продолжается по сегодняшний день в рамках подавляющего большинства направлений, разрабатывающих экономическую и монетарную политику. А. Кацеленбоген вслед за В. Парето утверждал, что любая динамика принципиально неравновесна и потому практический смысл имеет не разработка утопических мер по достижению равновесия, а поиск инструментов, которые могли бы обеспечить контролируемое неравновесие.

Наряду с разработкой общей теории экономического неравновесия, ещё живя в СССР, А. Кацеленбоген, создал трёхмерную модель экономики с учётом военно-промышленного сектора. Эта модель после его эмиграции в США была использована с подачи Эдварда Люттвака и Уильяма Кейси при разработке и реализации финансово-экономической войны против СССР во времена президентства Р. Рейгана. Кроме того, уже будучи в США, А. Кацеленбоген создал оригинальную теорию неантагонистических игр, которая в настоящее время лежит в основе стандартных процедур по модерации жёстких конфликтов и перевода их из военной в мирную фазу.

По своему образованию Кацеленбоген был математиком. В силу борьбы в СССР в 1950-е гг. математических и физических школ, разделившихся по этническому признаку, Кацеленбоген не стал продолжать математическую или физическую карьеру, а занялся экономикой. В это время в СССР была реабилитирована кибернетика, и люди, разбиравшиеся в математике, стали цениться в экономических институтах Академии наук СССР буквально на вес золота. На этой же волне в 1963 г. был создан Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ) во главе с академиком Н. Федоренко. А. Кацеленбоген возглавил в институте один из ведущих научных отделов, занимавшихся разработкой моделей экономической динамики или, как тогда было принято говорить, социалистического расширенного воспроизводства.

Впервые в мировой практике почти за год А. Кацеленбоген разработал достаточно простую, но имеющую большой эвристический и прогностический потенциал, модель. Как в классической, так и в марксистской политэкономии и даже в буржуазной неоклассике было принято делить весь производительный сектор экономики на две части: первое и второе подразделения. Революционной инновацией А. Кацеленбогена стала идея о том, что существует и третье производительное подразделение — военно-промышленный комплекс. До Кацеленбогена традиционно ВПК относили к части экономики, не участвующей в расширенном воспроизводстве. При этом, в отличие от первого и второго подразделения, третье подразделение являлось, согласно Кацеленбогену, производительным лишь при определённых условиях. Эти условия получили в мировой литературе наименование «условий Кацеленбогена».

Собственно, ничего сверхъестественного в этих условиях не было — они лишь фиксировали выводы здравого смысла, но для экономической науки и практики оказались открытием. Первое условие было связано с фактическим использованием конверсионных возможностей ВПК. Иными словами, в том случае, если технологии, появившиеся в ВПК, находили применение в гражданском секторе, первом и втором подразделениях, то и третье подразделение оказывалось производительным. Второе условие фиксировало тот очевидный факт, что в случае, если расходы на подготовку и ведение войны превышали прямые и косвенные доходы, полученные в результате победного завершения войны, то, опять же, третье подразделение оказывалось производительным. Наконец, третье условие было наименее очевидным. Оно состояло в том, что коль скоро страна на протяжении минимум 15-летнего периода имела незатухающую динамику темпов экономического роста, то третье подразделение опять же признавалось производительным. В основе третьего условия лежало соображение, что существование третьего подразделения обеспечивало жизнеспособность экономики и выживание страны в условиях агрессивного внешнего мира. Столь подробное описание модели Кацеленбогена потребовалось для того, чтобы понять смысл его бесед с А.Н. Косыгиным и причины, побудившие премьера неоднократно приглашать к себе академика Н. Федоренко и А. Кацеленбогена.

Как рассказывал Кацеленбоген, премьера в ходе бесед интересовали два вопроса. Первый — это предельный уровень третьего подразделения, при котором оно будет оставаться производительным. Иными словами, А.Н. Косыгин пытался понять для себя, какова граница доли военных расходов в государственном бюджете и ресурсах на воспроизводство, которые без ущерба, а лучше и с пользой для себя, может нести Советский Союз. Согласно Кацеленбогену, по результатам бесед у них с академиком сложилось впечатление, что А.Н. Косыгин по состоянию на 1965 г. считал наиболее вероятным навязывание Советскому Союзу гонки неядерных либо ядерных тактических вооружений. По его мнению, американцы вряд ли и далее будут рисковать, балансируя на грани возникновения тотальной атомной войны, и, скорее всего, начнут переговоры по замораживанию либо даже сокращению стратегических ядерных вооружений. Но при этом определённые круги в их руководстве постараются использовать гонку вооружений как экономическое оружие против СССР.

Поскольку ЦЭМИ с момента своего создания и вплоть до последних дней существования Советского Союза имел прерогативу высказывать любые, даже категорически недопустимые для других институтов Академии наук мнения, которые можно было списать в крайнем случае на свойственную математикам идеологическую безграмотность, то руководство страны вызывало директора института только в тех случаях, когда хотело получить ответы, выходящие за пределы традиционных точек зрения. Понимая это обстоятельство, как вспоминал Кацеленбоген, они попросили у А.Н. Косыгина несколько месяцев на детальную проработку и просчёт вариантов и в декабре 1965 г. представили ему свои соображения. Суть их сводилась к следующему. В силу определённых особенностей Советского Союза, по мнению А. Кацеленбогена, конверсионная составляющая ВПК неизмеримо слабее, чем на Западе. Соответственно, и общепроизводительный потенциал ВПК в обычных условиях уступает западному. При этом, поскольку общий экономический потенциал СССР заметно меньше, чем у США и их союзников, то длительную гонку

вооружений в интервале 12–15 лет он просто не сможет выдержать. С другой стороны, по мнению разработчиков ЦЭМИ, советская экономика несоизмеримо превосходила западную, особенно в её американском варианте, по своему мобилизационному потенциалу. А потому и военно-промышленный комплекс по своей технологической динамике превосходил западный, несмотря, а во многом и благодаря общему технологическому отставанию экономики СССР. Отсюда авторы доклада делали вывод о том, что парадоксальным образом в краткосрочном плане в течение пяти – максимум десяти лет гонка вооружений может оказаться выгодной для СССР, так как усиливает его позиции. В долгосрочном же плане, начиная от 15 лет, она будет иметь просто катастрофические последствия для советской экономики. По воспоминаниям Кацеленбогена, Косыгин внимательно изучил их доклад, однако больше к нему не возвращался. На очередной встрече, состоявшейся уже в феврале – марте 1966 г., вопреки ожиданиям учёных, разговор зашёл не об их докладе, а об экономической реформе.

Одним из самых устойчивых мифов сегодняшнего времени, который сформировался ещё во времена М.С. Горбачёва, является миф о А.Н. Косыгине как главном инициаторе реформы по Евсею Григорьевичу Либерману. Эта реформа и в народе, и в научной литературе получила название «косыгинская экономическая реформа». Безусловно, у этого мифа есть рациональная основа. По факту идеи статей Е. Либермана в «Правде», а также его разработки действительно легли в основу экономической реформы 1965 г., а он сам получил статус консультанта А.Н. Косыгина. Соответствует реальности и то, что именно на Косыгина была возложена ответственность за перевод теоретических положений на язык нормативных документов, а затем реализация этих документов в хозяйственной практике. Также объективной реальностью является факт, что торможение, а затем и сворачивание реформы уже на рубеже 1970-х гг. означало резкое ослабление позиций А.Н. Косыгина и понижение его статуса с фигуры, практически равной Л.И. Брежневу, до как максимум третьего человека после Л.И. Брежнева и М.А. Суслова.

Анализ столь сложного и неоднозначного процесса, как экономическая реформа конца 1960-х гг., выходит за рамки данного исследования. В контексте последнего важно отметить лишь несколько обстоятельств. Впервые в целостном виде принципиальные положения реформы, ошибочно получившей название «косыгинской», были сформулированы в 1962 г. в статье Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия», напечатанной в «Правде». В статье впервые предлагалось сделать критерием эффективности работы предприятия прибыль и рентабельность и увязать с ними вознаграждение за труд. В Польше и Венгрии это было уже реализовано. Однако в СССР такие мысли были опубликованы впервые, тем более в партийной газете.

Сразу после выхода статьи А. Микоян и тогдашний главный редактор «Правды» Павел Сатюков подробно рассказали о статье Н.С. Хрущёву и рекомендовали попробовать идеи Либермана на практике. В 1962 г. Хрущёв дал добро на проведение хозяйственного эксперимента по Либерману. Он проводился на предприятиях швейной промышленности, на шахтах, а также в ряде транспортных предприятий. Косыгин, будучи в то время заместителем председателя Совета министров СССР и председателем Госплана, в официальных документах выступал против реформы по Либерману, считая её непродуманной и неприменимой в отраслях тяжёлой про-

мышленности и машиностроения. Однако после Октябрьского 1964 г. пленума ЦК КПСС в «Правде» появился новый главный редактор — академик А. Румянцев, который опубликовал новую статью Либермана «Откройте сейф с алмазами».

Как в 1980-е — начале 1990-х гг. автору текста рассказывали независимо друг от друга Валерий Аграновский и Александр Бовин, Евсею Либерману в наибольшей степени покровительствовали главный редактор «Правды» академик А. Румянцев, тогдашний начальник отдела ЦК КПСС А.Н. Яковлев и, как это ни удивительно, М.А. Сулов. Именно Сулов после того, как Л.И. Брежнев был избран генеральным секретарём, при подготовке одного из докладов в Завидове посоветовал Л.И. Брежневу обратить внимание на талантливое экономиста из Харькова, который сформулировал дельные предложения. Как вспоминал А.Е. Бовин, Брежневу упрощённый пересказ идей Либермана в изложении Сулова запал в душу, и он часто повторял своим спичрайтерам: «Мы, товарищи, должны дать людям заработать и отдохнуть. Народ и так уже натерпелся. Теперь ему пожить надо». Сегодня мало кто помнит, что начало экономической реформы совпало по времени с переходом на пятидневную рабочую неделю. Эти меры, прочно увязанные в народном сознании с новым партийным руководством, заметно повысили авторитет Л.И. Брежнева как руководителя страны, заботящегося о жизни простых людей.

А. Кацеленбоген вспоминает, что Косыгина особенно интересовал следующий момент. Он пытался получить от руководства Госплана СССР и учёных ответ на вполне конкретный вопрос: какие необходимо принять меры к тому, чтобы увязать стимулы экономической реформы с воспроизводственной структурой экономики. Как практический экономист, начавший свою карьеру с руководства кооперативом во времена НЭПа, а затем курировавший крупнейшую советскую концессию «Лена Голдсмит», он прекрасно понимал, что замена вала показателем прибыли к рынку никакого отношения не имеет. Она лишь увязывает вознаграждение не только с объёмами произведенной продукции, но и со снижением себестоимости, т.е. экономией ресурсов. При этом, опять же как практик и хозяйственный руководитель высочайшего уровня, он прекрасно отдавал себе отчёт в заложенной внутри реформы бомбе. Она заключалась в том, что экономия достигалась и в первом, и во втором, и в третьем — по Кацеленбогену — подразделениях экономики.

Пропорционально достигнутой экономии и увеличивающейся прибыли выплачивалось в возросших размерах вознаграждение. Однако вся проблема состояла в том, что фонды заработной платы и материального поощрения росли и в первом, и во втором, и в третьем подразделении, или, если говорить привычным языком, и в группе А, и в группе Б — промышленности. А вот увеличивающуюся товарную массу создавало только второе подразделение — входящая в неё соответственно группа Б, а также сфера услуг. Взрыв бомбы становился неизбежным в том случае, если в первом подразделении и в военно-промышленном комплексе, а им в то время придавалось определяющее значение, трудовые коллективы добивались впечатляющих успехов. Это вело к нарастающему объёму необеспеченных денежных средств населения и, как следствие, очередям, дефициту и т.п. То есть к тому, что активно начало входить в советскую жизнь уже в 1970-е гг.

По впечатлениям Кацеленбогена, А.Н. Косыгин прекрасно видел эту проблему и пытался получить количественную оценку её масштабов и темпов нарастания.

Однако ответственные работники Госплана уходили от ответа, указывая, что они не располагают полной оперативной статистикой, позволяющей в динамике отслеживать процессы. Они утверждали, что могут достаточно точно нарисовать картину лишь в статике. Ориентируясь на директора института академика Н. Федоренко, А. Кацеленбоген решил не рисковать и не браться за задачу разработки подобной методики. Это могло бы заметно ухудшить отношения руководства института с руководством Госплана (а формально именно Госплан выступал главным работодателем ЦЭМИ). После этого А.Н. Косыгин А. Кацеленбогена не вызывал.

Из подробных рассказов А. Кацеленбогена можно сделать два вывода. Во-первых, А.Н. Косыгин ясно видел сильные и слабые стороны советской экономики и получил важную для него информацию относительно имеющихся возможностей и грядущих угроз. Кроме того, он прекрасно понимал ограниченность, а в перспективе и потенциальную опасность экономической реформы 1965 г. По некоторым косвенным признакам можно сделать вывод, что в реформе он видел способ обеспечения высоких темпов экономического роста на ближайшие пять лет, которые были необходимы для проведения переговоров с Западом с позиций силы или, по крайней мере, на равных. Кроме того, он рассматривал реформу как своего рода полевые испытания корпуса хозяйственных руководителей на их готовность к подлинным переменам.

Завершая тему Арона Кацеленбогена, нельзя совсем коротко не остановиться на парадоксе его эмиграции. В первой половине и середине 1970-х гг., во второй волне еврейской эмиграции, неожиданно разрешение на выезд в Израиль, а фактически, как все понимали, в Америку, получил целый ряд уникальных специалистов, чьи разработки имели прямое отношение к военной и разведывательной сферам. Наряду с уже упомянутым А. Кацеленбогеном, к ним можно отнести, например, разработчика уникального метода рефлексивного управления Владимира Лефевра, лучшую в мире группу математиков — специалистов по поиску скрытых уязвимостей в сложных системах различного рода, а также целый ряд других лиц и коллективов. Нельзя не отметить, что кураторы КГБ соответствующих научных учреждений, а также руководители среднего уровня на площади Дзержинского категорически возражали против возможности предоставления такого рода разрешений. Однако эти разрешения были даны из самых высоких кабинетов на Лубянке.

В связи с этим любопытным представляется обсуждение вопроса об эмиграции на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС.

«Брежнев. Закон не надо отменять. Мы условились не менять закона. Но на данном этапе, когда сионисты разожгли кампанию вокруг поправки Джексона и вокруг законопроекта о предоставлении нам режима, надо отпускать. Дело не в режиме, им надо вообще посорить Советский Союз с Америкой. Есть группа республиканцев, которая поставила целью сорвать улучшение отношений Советского Союза с США. Никсон — за, администрация — за, а многие сенаторы против только из-за того, что у нас с евреями взимают плату (за обучение в вузах).

Косыгин. А кого мы не хотим выпускать, мы не должны выпускать.

Андропов. С понедельника едут не 600 человек, а полторы тысячи.

Брежнев. Отпусти 500 второстепенных лиц, а не академиков. Пусть они говорят, что с них ничего не взяли. Возьмите пару инженеров с высшим образованием,

не имеющих никакого отношения к секретам, например, из пищевой промышленности — пусть едут. Но не с оборонной промышленности. Пускай и инженеры едут бесплатно. Это временный тактический манёвр.

Щёлоков. Леонид Ильич, я ещё хотел сказать, что может быть в связи с тем, что опубликованы данные о желающих возвратиться, использовать их здесь для пропаганды по телевидению, в печати и т.д.

Андропов. Было такое поручение, вчера мы получили телеграмму. 10 семей мы возвращаем.

Косыгин. Наш народ очень плохо реагирует на возвращение. Говорят, раз уехали, то их обратно не принимать»²²⁴.

6

Приведённые выше воспоминания и фрагменты текстов, как представляется, дают возможность реконструировать воззрения А.Н. Косыгина в тот период и сделать предположения относительно задач, решение которых он связывал с осуществлением программы, позднее вылившейся в Римский клуб и Международный институт прикладного системного анализа. Прежде всего, А.Н. Косыгин был убеждён, что, несмотря на наличие двух мировых систем, мировая экономика является единым целым. Выступая в июле 1964 г. с лекцией в Институте общественных проблем, Косыгин говорил, что Советский Союз не намерен, не может, и не будет создавать замкнутую экономику. В записных книжках А.Н. Косыгина, которые хранятся у его внучки Татьяны Джерменовны, имеется запись, относящаяся к тезисам этой лекции: «Мы против замкнутой экономики и стоим за широкий научно-технический обмен между странами. Советский Союз хорошо понимает преимущества международного разделения труда, развитие экономических отношений между государствами». Несколько страницами далее в записной книжке можно прочесть: «Международная экономика организована и действует по-капиталистически, и мы должны научиться использовать возможности этой экономики себе на благо».

Представляется, что в статическом плане на коротком историческом промежутке времени, около 10–20 лет, А.Н. Косыгин считал, что СССР является частью мировой экономики, организованной именно по-капиталистически. Поэтому, коль скоро СССР хочет участвовать в международном разделении труда, он не может игнорировать капиталистический характер мировой экономики и должен ему соответствовать.

В динамическом плане, с точки зрения долговременных тенденций А.Н. Косыгин полагал, что будущее принадлежит социализму как строю, соответствующему тенденциям развития производительных сил. Как рассказывал автору текста известный советский и российский экономист и государственный деятель Л.И. Абалкин, в производительные силы Косыгин был склонен включать и организацию производства и труда. Данная точка зрения у него исходила из практического опыта. В то же время виднейший экономист Д. Гэлбрейт в своих знаменитых работах «Новое индустриальное общество» и «Экономические теории и цели общества» называл эти от-

²²⁴ Вестник архива Президента Российской Федерации. М., 1996. № 1. С. 157.

ношения «организационными». А сам Л.И. Абалкин под воздействием бесед с Косыгиным вынес их в отдельный слой хозяйственного механизма социализма под названием «организационно-экономических отношений». Так или иначе, А.Н. Косыгин полагал, что будущее принадлежит социализму. При этом, по свидетельству самых различных людей, включая его зятя Д. Гвишиани²²⁵, близкого друга, философа Л. Ойзермана²²⁶ и известного чешского политика О. Черника²²⁷, он отнюдь не был склонен считать, что советский вариант социализма — это единственный или лучший.

Касаясь множественности вариантов социализма, нельзя не привести выдержки из протокола заседания Политбюро ЦК КПСС 19 июля 1968 г. относительно событий в Чехословакии. «Я считаю, — говорил Андропов, — что в практическом плане эта встреча мало что даст, и в связи с этим вы зря, Алексей Николаевич, наступайте на меня. Они сейчас борются за свою шкуру, и борются с остервенением. Правые во главе с Дубчеком стоят твёрдо на своей платформе. И готовимся не только мы, а готовятся и они очень тщательно. Они сейчас готовят рабочий класс, рабочую милицию. Всё идет против нас». На этот выпад Косыгин ответил так: «Я хотел бы также ответить т. Андропову, я на вас не наступаю, наоборот, наступайте вы. На мой взгляд, они борются не за свою собственную шкуру, они борются за социал-демократическую программу. Вот суть их борьбы. Они борются с остервенением, но за ясные для них цели, за то, чтобы превратить на первых порах Чехословакию в Югославию, а затем во что-то похожее на Австрию»²²⁸.

Поскольку, по мнению А.Н. Косыгина, будущее принадлежит социализму с обобществлённым характером труда и производства, планомерной, программной и другими внерыночными формами организации деятельности, а в настоящем господствует капитализм, то время, потребное на переход настоящего в будущее, будет временем компромиссов и переходных форм, к которым СССР должен быть готов. В силу особенностей своей биографии А.Н. Косыгин видел такого рода переходные формы в кооперации и привлечении западного капитала для решения задач развития СССР. Как известно, А.Н. Косыгин окончил кооперативный техникум, где учились прежде всего по книгам Карла Каутского и Александра Чаянова. Поскольку первое систематическое образование в большинстве случаев формирует концептуальный взгляд человека, то А.Н. Косыгин, естественно, не стал исключением. И идеи Карла Каутского о многообразии форм социализма и постепенности его строительства не могли не сформировать его личное хозяйственное мировосприятие.

Свою взрослую жизнь будущий премьер начал как руководитель кооперации в Сибири. Причём там наиболее активными кооператорами были меньшевики и эсеры, которые, в отличие от большевиков, кооперацией занимались ещё с конца XIX века, и притом весьма успешно. Понятно, что работа с этими людьми также сформировала взгляд на кооперацию как на вполне социалистический способ организации хозяйства, широко использующий, а точнее, построенный на комбинации общественного труда с рыночным способом экономического функционирова-

²²⁵ Гвишиани Д. Указ. соч.

²²⁶ Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А.Н. Косыгине. М.: Республика, 1997.

²²⁷ Млечин Л. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М.: Центрполиграф, 2008.

²²⁸ Независимая газета. М., 14 декабря 2000 г.

ния. На протяжении всего периода пребывания на посту предсовмина А.Н. Косыгин не оставлял попыток реанимировать систему не только потребительской, но и производственной кооперации в СССР, однако в этом деле он наталкивался на стойкое противодействие других членов Политбюро.

В связи с этим любопытной представляется выдержка из глянцево-парадной биографии А.Н. Косыгина, написанной многолетним корреспондентом «Комсомольской правды» В. Андриановым в серии ЖЗЛ. Несмотря на сусально-иконописный стиль изложения, автор использовал множество интересных и даже уникальных первичных источников, в которых содержится ценная информация. Это в полной мере относится к фрагменту, характеризующему деятельность позднего А.Н. Косыгина. «Как вспоминал Борис Терентьевич Бацанов, начальник секретариата Председателя Совмина СССР, уже будучи тяжело больным, Косыгин вынашивал идею о том, чтобы вдохнуть новую жизнь в деформированные остатки кооперации в Советском Союзе. Он часто бывал за границей, пытливый взгляд его примечал не только высокую организацию крупного производства, быстрый научно-технический прогресс, но и всепроникающую сферу услуг, доступность её простому человеку, который может хорошо отдохнуть не только по профсоюзной путёвке раз в год, но и просто расслабиться за кружкой пива в уютной и дешёвой пивной или придорожном кафе. А наш унылый и неопрятный общепит навевал на него воспоминания о работе в сибирской кооперации в годы нэпа. Он часто рассказывал, как хорошо и сытно кормили в придорожных трактирах на Ленском тракте, как чисто и уютно было на постоянных дворах. Одно удовольствие проехать на перекладных несколько сотен километров... Он вспоминал об этом с какой-то ностальгией, ведь это было тоже при советской власти, было, но ушло.

Уже в больнице, в 1980 г., он дал поручение председателю правления Центросоюза Смирнову подготовить предложения о расширении и перестройке деятельности потребительской кооперации, в руках которой находилось до 40% розничного товарооборота в стране. Суть его замысла состояла в том, чтобы на кооперативных началах коренным образом (он говорил: «до европейских стандартов») поднять качество торгового и бытового обслуживания не только сельского, но и городского населения. Он стал перечитывать ленинские работы о кооперации, выделяя в них мысль о ней как имманентном элементе социализма, а также то, что «кооперация в наших условиях сплошь и рядом совершенно совпадает с социализмом»²²⁹.

Относительно сотрудничества с капиталистами в деле развития СССР не нужно забывать, что именно А.Н. Косыгин курировал знаменитую концессию «Лена Голдсмит», принадлежащую крупнейшему британскому магнату Л. Уркварту. В противоположность сведениям, содержащимся в исторически безграмотных и политэкономически дилетантских писаниях пропагандиста Н. Старикова, работа концессии в реальности принесла большую пользу Советскому Союзу как в финансовом, так и в технологическом плане. Что же касается её ликвидации, то это был известный в те времена способ закрытия такого рода сделок, когда «на поверхности ковра» бескомпромиссные большевики-ленинцы боролись с акулами империализма, а «под ковром» подсчитывали взаимные прибыли и намечали новые дела. При

²²⁹ Андрианов В. Косыгин. М.: Молодая гвардия, 2004.

этом, в отличие от нынешних времён, прибыли относились к народнохозяйственному бюджету, а не к частным счетам.

Концессионный опыт был переосмыслен А.Н. Косыгиным и сделал его устойчивым сторонником экономических связей, прежде всего, с крупнейшим западным бизнесом, принадлежащим в основном подлинной мировой элите. Он рассматривал эти связи одновременно и как важный инструмент решения актуальных народнохозяйственных задач, и как метод усиления взаимозависимости мира, улучшения отношения к Советскому Союзу в мировой элите и, в конечном счёте, ослабления изматывающей гонки вооружений. Не случайно в первые же дни своего премьерства в своей записной книжке он оставил следующую запись: «Передо мной, — пишет В. Андрианов, — рукописный проект рабочей записки Косыгина вот с каким заголовком: “Обратиться к США, Англии, Франции, Италии и ФРГ”. Говорится в ней о том, что советское правительство “поставило задачу резко увеличить в ближайшие годы производство тканей, одежды, обуви”. Мы, конечно, могли бы решить эту проблему и сами, пишет Алексей Николаевич, “не прибегая к помощи других государств, но это потребует несколько большего времени, что мы считаем нежелательным. А у вас, господа капиталисты, есть большой опыт в деле развития этих отраслей”. В общем, последовало деловое предложение о сотрудничестве.

“Какие вопросы мы считаем нужным решить:

1. Контакты в научных проблемах. Взаимный обмен опытом.
2. Приглашение к нам ваших отдельных специалистов.
3. Содействие со стороны правительства в размещении у вас (заказов на) оборудования для этих отраслей промышленности.

Для ведения переговоров по этим вопросам в случае благоприятного вашего отношения мы могли бы командировать специальную комиссию на высоком уровне”»²³⁰.

В разработке вопросов сотрудничества с Западом А.Н. Косыгин следовал традициям не только советской хозяйственной практики, но и русской экономической мысли. В архиве А.Н. Косыгина сохранились его выписки и подчёркивания в книгах выдающихся российских экономистов и государственных деятелей. А.Н. Косыгин тщательно штудировал работы С.Ю. Витте. Например, Косыгин подчеркнул следующий фрагмент, касающийся протекционизма: «Необходимость введения протекционизма С. Витте обосновывал следующим образом: “Достаточно самого поверхностного наблюдения, чтобы убедиться, что различные страны мира находятся на разной степени экономического развития. Одни успели достигнуть высшей степени развития — обосновать прочно свою промышленность, выработать высокую технику торговли, накопить капиталы, которые уже не находят применения дома и ищут выгодного помещения за границей; другие только развивают у себя промышленную деятельность, но не имеют еще достаточных капиталов, чтобы разрабатывать в потребной мере свои природные богатства и поднять до настоящей высоты свою торговую технику; третьи, наконец, вырабатывают почти одно сырьё, следовательно, очень бедны ещё капиталами и находятся вообще на весьма низкой степени культурного развития.

²³⁰ Там же.

Если допустить, что повсюду одновременно установлено господство полной свободы торговли, как это желали бы её сторонники, то каждой стране пришлось бы оставаться почти в том же положении, в каком её застало возникновение подобного режима. Действительно, страны с высокой торговой техникой, с развитой промышленностью и крупными капиталами имели бы в странах с бедными капиталами — земледельческих или со слабо развитой промышленностью — свой естественный рынок сбыта и своих постоянных поставщиков сырья. Стоило бы стране со слабо развитой промышленностью сделать попытку для развития какой-нибудь отрасли промышленности, уже хорошо поставленной в стране с развитой промышленностью, как эта последняя страна, чтобы не потерять рынка, немедленно выбросила бы туда массу товара по убыточным даже для себя временно ценам и убила бы новое дело.

Бороться с этим стране, бедной капиталами, было бы невозможно, ибо на первых порах, без подготовленного рабочего персонала, без налаженной организации дела, без капиталов, которые можно привлечь к делу в этих условиях лишь большими барышами, конкуренция оказалась бы совершенно непосильной. Не было бы возможно и накопление капиталов, потому что накопление это шло бы только за счёт производства сырья, которое предназначалось бы исключительно для стран с развитой промышленностью, а эти последние, являясь единственными покупателями и хозяевами положения, приобретали бы сырьё, которое в самой стране имело бы незначительный спрос, лишь по самой низкой расценке, продавая, наоборот, выделанный продукт дорого и беря сверх того в свою пользу за доставку. Другими словами, страна с развитой промышленностью и высокой торговой техникой выгадывала бы и на покупке сырья, и на продаже изделий, и на провозе того и другого, а бедная страна на всём этом неизбежно теряла”».

«Цель покровительственной политики, — пояснял С. Витте, — не допускать притока благ потребительских, вырабатываемых странами с развитой уже промышленностью, а привлечь производительные капиталы предоставлением им преимущественных выгод... Чтобы усилить производительность обильного у нас труда, не находящего применения, и тем ускорить процесс накопления богатства и народного благосостояния в стране, наиболее действенное средство — привлечь иностранные капиталы». С. Витте в период российского промышленного бума начала XX века приходил к выводу, что «вообще вопрос о значении промышленности в России ещё не оценён и не понят». «Для России необходимо, прежде всего, ускорить темпы “индустриализации”... В мире ничего не дается даром, и, чтобы создать свою промышленность, страна должна нести известные жертвы, но эти жертвы временные и, во всяком случае, ниже... выгод».

«В то время как Франция увеличила свою выплавку чугуна за 1890–1900 гг. на 58%, Великобритания на 13%, С. Штаты на 76%, Германия на 61%, в России она возросла на 220%... Прилив иностранных капиталов и иностранной предприимчивости явился могучим стимулом нашего промышленного развития последнего времени», — отмечал известный экономист того времени М. Туган-Барановский.

М. Горький летом 1917 г. писал: «Велика и обильна Россия, но её промышленность находится в зачаточном состоянии. Несмотря на неисчислимое количество даров природы... мы не можем жить продуктами своей страны, своего труда. Промышленно развитые страны смотрят на Россию, как на Африку, на колонию,

куда можно дорого сбывать разный товар и откуда дёшево можно вывозить сырые продукты, которые мы, по невежеству и лени нашей, не умеем обрабатывать сами. Вот почему в глазах Европы мы — дикари, бестолковые люди, грабить которых... не считается зазорным». Непримируемый оппонент М. Горького философ И. Ильин приходил тем не менее к аналогичным выводам: «Запад бил нас нашею отсталостью, а мы считали, что наша отсталость — есть нечто правоверное, православное и священно-обязательное...»

Принимая во внимание все изложенные выше обстоятельства, можно сделать вывод о том, что А.Н. Косыгин, благословляя Д.М. Гвишиани на его тесную работу с А. Печчей и А. Кингом, имел в виду достичь сразу нескольких целей. Прежде всего, он собирался максимально активно вовлечь крупный западный капитал в реализацию проектов, связанных с развитием советской экономики и в первую очередь её потребительской сферы. Как говорил автору многолетний помощник А.Н. Косыгина Игорь Простяков, А.Н. Косыгин в узком кругу любил повторять: «Космический корабль мы сделаем лучше всех в мире, наш сложный станок будет выигрывать тендеры у американцев и немцев, отечественный телевизор будет весьма пристоен, и его даже может быть удастся продать куда-нибудь в Латинскую Америку. Но как только дело дойдёт до машин, штанов и мебели, то даже уважающий себя негр подумает, можно ли это использовать».

В плане укрепления международного разделения труда и упрочения связей с крупнейшими корпорациями А.Н. Косыгин всерьёз размышлял и даже кое-что сделал с точки зрения кооперации советских и зарубежных фирм в строительстве крупных промышленных объектов в странах третьего мира. Думается, что в рамках программы сближения на негосударственном уровне с собственниками крупнейших корпораций он предполагал серьёзное продвижение и в этом направлении, т.е. совместную работу на рынках третьих стран вообще и третьего мира в частности. Базируясь на привлечении западного капитала к реконструкции второго подразделения советской экономики и совместным проектам в странах третьего мира, он полагал возможным снизить для Запада напряжённость действия закона Розы Люксембург, а соответственно, ослабить те силы на Западе, которые были заинтересованы в навязывании СССР опасной в среднесрочной перспективе гонки вооружений. Наконец, поддерживая крупнейшие производственные корпорации, А.Н. Косыгин полагал, что будет ускорять процесс движения позднего капиталистического общества к различного рода вариантам социализма, понимаемого как строй, базирующийся на всё возрастающем обобществлении средств производства и труда и усилении не рыночных, а плановых и программных методов организации общественной жизни.

Этим планам не суждено было осуществиться. Римский клуб, а в ещё большей степени Международный институт прикладного системного анализа стали проектами, реализованными с советской стороны совершенно иными людьми, имеющими совершенно иное видение мира и диаметрально противоположные взгляды на будущее. Частично это было связано с конкретными, в определённой мере непредсказуемыми историческими обстоятельствами. Свою роль сыграли и определённые черты личности и мировоззрения А.Н. Косыгина. В данном случае полностью справедливо известное наблюдение, что недостатки человека являются продолже-

нием его достоинств и наоборот. Наконец, роковую роль сыграли и процессы социальной динамики, которые носили, по всей вероятности, неумолимый характер. Однако прежде чем разобраться в обстоятельствах, почему произошло отстранение А.Н. Косыгина от его детища, кто стал держателем и выгодоприобретателем от проектов «Римский клуб» и «Международный институт прикладного системного анализа», необходимо разобраться ещё с одним вопросом. А именно: какие надежды западные партнёры связывали с этими проектами в их первоначальной редакции, пока за проектами стоял А.Н. Косыгин, а его зять частично под влиянием объективной логики событий, а частично вследствие специфических черт своего характера не перешёл на другую сторону? Короче говоря: кто стоял за спиной Печчеи и Кинга?

Глава 7

Кто стоял за спиной Печчеи и Кинга?

1

Те же вопросы, что в отношении состава, побудительных мотивов и намерений были рассмотрены применительно к группе А.Н. Косыгина, логично проработать и в отношении паттерна Аурелио Печчеи. В предыдущих частях работы мы выяснили, что непосредственно за Аурелио Печчеи из формальных структур стояли промышленно-финансовая группа «Фиат», корпорация «Оливетти», консалтинговая компания «Италконсалт», коммуникативная фирма «Новосидер» и консорциум ADELA. К числу важнейших структур, относимых к третьему углу магического треугольника мировой капиталистической системы, стоявших за программой Аньелли, как мы уже выяснили, были мощнейшие закрытое объединение Le Cercle («Круг»), Бильдербергский клуб в его ранней, дееспособной стадии, неформальные структуры Ватикана и в определённой степени гетерархии «чёрного интернационала».

Без ответа, однако, пока остаётся вопрос: какой слой, какую общественную группу представляли люди, инициировавшие проект Аньелли, и каковы были их конкретные социальные, в широком смысле этого слова, характеристики? Не требует особых доказательств суждение о том, что ядро этой группы составляли семьи, либо владевшие крупнейшими итальянскими предприятиями и компаниями, либо контролировавшие их. Для дополнительного подтверждения этого тезиса достаточно обратиться к перечню учредителей «Италконсалта» и «Новосидера», подробно разобранных в предыдущих частях работы. Там же детально анализировалась такая ключевая черта итальянского и — шире — центральноевропейского бизнеса, как его родовой характер.

Касательно маркера «родовой» применительно к бизнесу нужно сделать оговорку. В современном русском языке прилагательное «родовой» чаще всего означает «семейный». Однако в Италии, на юге и в некоторых районах центра Германии, на юге Франции и на севере Балкан под семьёй понимают нечто иное, нежели в России. В этих регионах сохранилось исходное понимание семьи как рода, т.е. как нескольких связанных между собой крепкими узами семей. Иными словами, семейный бизнес в Италии — это бизнес, который принадлежит, управляется

и контролируется членами одной или нескольких, связанных узами кровного родства или насчитывающих десятилетия непрерывного, тесного, делового взаимодействия фамилий.

Что касается семьи, то наиболее ярко понимание семьи в южноевропейском смысле слова передано в романах Марио Пьюзо о мафии и Джан Батисто Амбруазино о каморре. Хотя материал в романах этих авторов имеет весьма экзотический характер и прямо связан с сицилийско-американским и неаполитано-германским преступным миром, понимание семьи, представленное книгами Пьюзо и Амбруазино, имеет универсальный для Южной и частично Центральной, приальпийской, Европы характер. Под семьёй понимается достаточно замкнутая, хотя и потенциально открытая к приёму новых членов общность, внутри которой имеются устойчивые связи, члены которой обладают достаточно жёстко закреплёнными ролями и функциями, а отношения между ними регулируются неформальным институциональным кодексом поведения и взаимоотношений.

Некоторые исследователи полагают, что такого рода семейный характер является пережитком архаики. Они исходят из того, что корни мафии лежат в наиболее отсталой итальянской провинции Сицилии, а каморра базируется в наиболее бедных районах Неаполя, населённых выходцами из южной оконечности полуострова, где также преобладает отсталое аграрное население. Однако данная точка зрения представляется неверной, поскольку такие же семейные группы обнаруживаются на территории всей Италии, а также не только Южной, но и Северной Германии, Пруссии и Голландии. Вряд ли можно считать архаичными Милан, Геную, Турин, Венецию, Флоренцию, Кёльн, Берлин, Гамбург и т.п. Вероятно, данная характеристика семьи связана не с аграрной архаикой, а с некоей традицией, идущей ещё из Раннего Средневековья и обусловленной глубинными психоисторическими процессами.

Зафиксируем тот факт, что определяющей характеристикой крупного итальянского бизнеса был и остаётся его семейно-родовой характер. Чтобы разобраться в данной проблематике, необходимо оперировать историческими и статистическими данными, а не различного рода легендами о «чёрной венецианской аристократии», которая с лёгкой руки команды Л. Ларуша заполнила англо- и русскоязычную литературу. Между тем сегодня, когда открыто и оцифровано подавляющее большинство бизнес-архивов, начиная с XVIII, а в некоторых странах и с XVI века, становится возможным переход от описательной аналитики к истории как точной науке. Конечно, нельзя недооценивать и препятствий, стоящих на пути исторических расчётов. Например, при анализе европейского богатства вообще и итальянского в частности, ещё нередко оперируют данными журнала *Forbes* и подобными ему источниками. Между тем исторический анализ, как точная наука, предполагает не только точность в расчётах, но и корректность в критериях и формулировках. При использовании данного критерия *Forbes* и другие источники, базирующиеся на публичных бесплатных данных о формально принадлежащей собственности, ни в коей мере не могут выступать как первичные источники для анализа богатства.

Такие данные можно найти в материалах *Datamonitor*, принадлежащей IBI, и информации, предоставляемой *Bvdinfo*, Бюро Ван Дьюка. Не так давно вышла фундаментальная монография Лучано Скартини, посвящённая анализу семейно-

родовых связей 100 богатейших семей Италии²³¹. Согласно скрупулёзному исследованию автора, из 100 богатейших семей Италии 67 имеют аристократические корни или прямые семейные связи с владетельной аристократией. Данные расчёты сделаны применительно к списку 100 богатейших семей по критерию собственности на все виды активов, а также решающего контроля бизнеса, выражающегося через преобладание в советах директоров и участии в топ-менеджменте компаний.

Критерий «аристократические корни» определялся по наличию среди членов фамилий, т.е. прямых и близких (не менее второй степени родства) предков и родственников, принадлежащих к фамилиям, представленным в Готском альманахе и альманахе аристократических родов Италии не позднее чем с начала XVIII века. Для определения наличия прямых семейных связей с владетельной аристократией использовался итальянский критерий семьи, где под семейными связями понимались не только кровно-родственные, а устойчивые, торговые, промышленные и особенно финансовые связи с продолжительностью не менее 25 лет до начала XX века и не менее 10 лет — начиная с XX века.

Полученные данные были проверены автором текста с использованием сведений, содержащихся в платной версии Отчёта банка CreditSuisse о мировом богатстве²³². Для выделения богатейших семей Италии были использованы те же критерии, что и в работе Л. Скартини. Учитывая трудоёмкость расчётов, была использована меньшая совокупность — 25 богатейших семей. Выделенная совокупность семей была проанализирована, исходя из данных наиболее достоверных европейских и итальянских генеалогических ресурсов с использованием наиболее продвинутых аналитических генеалогических веб-сервисов²³³.

В результате анализа выяснилось, что 18 из 25 богатейших семей по состоянию на 2013 г. имеют аристократические родовые корни или семейные связи. К ним относятся семьи Рокко, Залески-Дорио, Драго, Моратти, Кальтаджироне, Гамбио, Аньелли, Буцци, Мараскотти, Перелли, Энцио, Пессино, Тройелли, Фацио, Натуччи-Спинола, Бартелли, Бенедетти, Коланнино. Любопытно, что для владетельных итальянских семей во второй половине XIX–XX веков была характерна ситуация, когда преуспевающие предприниматели — выходцы из городских низов, а иногда даже крестьян, женились на девушках из аристократических родов. Однако, в отличие, например, от России конца XIX – начала XX века и Великобритании второй половины XX века, где такого рода женитьба означала лишь приобретение титула, в Италии дела обстояли иначе. Если в России и Великобритании у старых родов не оставалось ничего, кроме убыточных поместий или замков, а также грамот об аристократическом происхождении и древности рода, то в Италии и в других приальпийских странах наиболее знатные аристократические семейства сохраняли значительные массивы земельной собственности либо активно участвовали в банковском и финансовом капитале. Более того, в подавляющем большинстве случаев именно в Италии установление родственных связей закрепляло семейные — в итальянском пони-

²³¹ Skartini L. Parentela e la ricchezza in Italia. Trieste: ABC, 2008.

²³² Credit Suisse Research Institute: Global Wealth Report. 2013. <https://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/?fileID=BCDB1364-A105-0560-1332EC9100FF5C83>

²³³ <http://www.italywgw.org/>

<http://www.zillman.us/subject-tracers/genealogy-resources/>

мании этого слова — отношения. Таким образом, среди богатейших семей доля семей, связанных со старой аристократией, в проведённых расчётах оказалась примерно такой же — 72%, как и полученной в исследовании Скартини — 67%.

Едва ли не самым интригующим стал тот факт, что из 18 семей у 11, т.е. почти у двух третей, нашлись либо родственные, либо семейные связи с тремя фамилиями, принадлежащими к элите генуэзской аристократии и международного финансового дела, а именно семьями Гримальди, Дорио и Спинола. Все три семьи, помимо того, что столетиями были представлены в руководящих органах Генуэзской республики, стали основателями знаменитого банка Сан-Джорджо. Иными словами, итальянский бизнес XX и даже начала XXI века оказался прямо связан на своём высшем уровне именно с генуэзскими владетельными фамилиями, занявшими своё положение в торгово-финансовой республике ещё в XVI веке. Более того, можно констатировать, что именно генуэзцы, а не флорентийцы или венецианцы определили в немалой степени капиталистическое лицо Италии.

Связано это с рядом обстоятельств. Флорентийские аристократические фамилии в значительной мере израсходовали свой не только силовой и военный, но и финансовый капитал на противодействие и Риму, и императорам Священной Римской империи германской нации. Венецианцы, с одной стороны, пали жертвой ожесточённой внутренней борьбы, аналогов которой не было в Генуе, а с другой — постарались инфильтрироваться в Нидерланды, а затем в Англию (впрочем, вопрос о реальной роли венецианского капитала, знаниевого и политического ресурсов в жизни раннекапиталистических Нидерландов и Британии времён Славной революции представляется несколько преувеличенным, о чём речь пойдёт в одной из следующих частей работы). Наконец, нельзя не отметить, что ресурсы венецианцев оказались сильно истощены в результате своеобразной экологической катастрофы в XVII веке. Эти ресурсы были привлечены на преодоление её последствий. Дело в том, что в конце XVI века произошло «высыхание рек Пьяве, Брента и Силе, что заставило принять решение о закрытии дельт, возведении дамбы, каменных стен и прокладки множества небольших каналов, препятствующих размыву земли. Однако все эти меры, принимаемые правительством республики по сохранению былого величия Венеции, не могли радикально изменить положение вещей, а Венеция не смогла избавиться от наводнений и оказалась отрезанной от наиболее удобных морских гаваней»²³⁴.

В итоге в XVII веке, когда Нидерланды сделали, а Англия начала готовиться к рывку, а торгово-финансовый капитал этих стран вложился во внешнюю экспансию и установление господства на морях и океанах, венецианский капитал ушёл на спасение города от стихии. В гораздо более благоприятной ситуации оказались генуэзские олигархи. Как пишет В. Рутенбург: «Генуя как ведущий финансовый центр Италии действует в годы процветания так называемых безансонских ярмарок, фактически выполнявших роль международной финансовой биржи. Генуэзцы в XVI веке стали банкирами Испании... Они способствовали географическим открытиям, извлекая из них пользу... Финансовое своеобразие Генуи заключалось в сложном переплетении капитала богатейших семей, банка Сан-Джорджо и собственно республики... Банк Сан-Джорджо контролировали семьи Гримальди, До-

²³⁴ Рутенбург В.И. Истоки Рисорджименто. Италия в 17–18 веках. Л.: Наука, 1980. С. 23–24.

риа, Чентуриони и Спинола... Во второй половине XVII века генуэзские инвестиции в Испанию сокращаются в результате обесценивания денег и роста налогов на собственность иностранцев... К середине XVII века генуэзские капиталы уходят в своей массе из Испании и с юга Италии... и направляются в северные и центральные государства Италии. Этот процент перераспределения денежных потоков длится до конца XVIII века»²³⁵. В XVIII веке «генуэзские банкиры снова развернули активную кредитную деятельность... Банкирские дома Генуи предоставили государям Австрии, Дании, Швеции, Франции, Германии и России займы, общая сумма которых превысила 100 млн. лир»²³⁶.

Следствием этих активных кредитных операций стал тот факт, что генуэзский капитал основывает либо прямо, либо через контролируемых лиц банки в Швеции, Германии, Австрии. Некоторые из них существуют по настоящее время. Особую активность генуэзские банкиры проявляют в Швейцарии, где создают сеть частных банков, послуживших наряду с другими костяком для формирования швейцарской и лихтенштейнской частной банковской системы²³⁷.

В связи с этим позволительно сделать небольшое отступление. В настоящее время не только в России, но и в Америке роль капитала генуэзцев сознательно или несознательно преуменьшается в пользу преувеличения значимости их исторических противников, а иногда и партнёров — венецианцев. В немалой степени это связано с влиянием большого и производящего сильное впечатление текста коллектива авторов, выпустившего доклад «“Зоопарк народов” лорда Пальмерстона» под маркой Шиллеровского института науки и техники Линдона Ларуша²³⁸. Когда автор текста в 1994 г. познакомился с только что опубликованным докладом, он обратил внимание на целый ряд внутренних нестыковок, а также определённых фактологических искажений, содержащихся в этой, без сомнения, яркой и в идеологическом смысле выдающейся работе. Соответственно, возникло желание в меру имеющихся возможностей проверить некоторые утверждения авторов, что называется, пользуясь данными из первоисточников.

В 1990-е гг. автор по делам поддерживал тесные взаимоотношения с партнёрами из Базеля. Это один из самых удивительных городов Европы. Знаменит он не только Банком международных расчётов и множеством частных банков, которые с учётом их многообразных международных связей не уступают финансовым институтам банковской столицы Швейцарии — Цюриха, но и другими, в том числе географическими особенностями. Это единственный город мира, в котором большая часть городского железнодорожного вокзала расположена на территории другой страны — Франции, а тренировочная база футбольного клуба размещена в третьем государстве — Германии. Ещё с давних пор город, расположенный на пересечении границ трёх государств, был не только финансовым центром, но и сосредоточением внутришвейцарских организаций, поскольку в силу своего многоязычия позволял

²³⁵ Там же. С.53–56.

²³⁶ Там же. С. 56.

²³⁷ *Carpenter J., Staufen F. Genoese Capital and Swiss Banking Confederation*. Chicago: Index Publishing Corporation, 1957.

²³⁸ <http://www.larouchepub.com/russian/bulletins/sib4/sib4a.html>

найти компромиссы в сложных межкантональных взаимоотношениях. Ещё одной удивительной особенностью города было то, что многие всемирно известные частные банки, насчитывающие столетнюю историю, расположены в арендуемых десятилетиями помещениях. Связано это с тем, что для частного банка критически важен в репутационном и ином смыслах постоянный, как можно более старый адрес. Собственность же, в том числе земельная в Базеле, в отличие от России, передаётся не только из поколения в поколение, но и от семьи к семье. Поэтому аренда становится единственным способом для существования банка по одному адресу долгие десятилетия, а иногда и столетия.

Данная, хотя и короткая, преамбула потребовалась для того, чтобы объяснить влияние базельских партнёров автора. Их компания, существующая с XVIII века, одним из своих направлений имела скупку земельных участков в Базеле. В итоге к концу XX века, как, впрочем, и сегодня, этому предприятию принадлежат земельные участки и выстроенные на них здания, в которых расположены влиятельнейшие частные банки. В связи с этим у швейцарских партнёров автора текста сложились особые доверительные, дружеские отношения со многими швейцарскими банкирами, а также с исполнительной дирекцией Швейцарской банковской ассоциации. Швейцарская банковская ассоциация, объединяющая наиболее уважаемые и респектабельные банки, была основана в начале XX века и стала преемником нескольких более старых организаций.

Партнёры познакомили автора текста с Куно Иннгольбахом, одним из исполнительных директоров ассоциации. Во время одной из встреч ему был задан вопрос относительно роли генуэзцев и венецианцев в становлении швейцарской банковской системы. Г-н Иннгольбах в ответ высказался в том смысле, что корни швейцарской банковской системы значительно различаются от кантона к кантону и что вообще-то Швейцария как единое государство, воспринимаемое с привычной международной точки зрения, в реальности таковым не является. Она представляет собой конфедерацию кантонов, у каждого из которых своя история, законодательство, свои проблемы и своё отношение к банкам. В ходе последующих бесед он тем не менее познакомил автора с внутренним исследованием, которое провела ассоциация к своей 80-летней годовщине в начале 1990-х гг. Исследование было посвящено как раз истории швейцарских банков.

Согласно данным, полученным в ходе исследования, у чуть более 10% частных швейцарских банков имеются венецианские корни по критерию первоначальных учредителей. Как помнится, то ли у 15, то ли у 17% — генуэзские корни. И более чем у четверти учредители принадлежали к владельческим семьям аристократии Священной Римской империи германской нации. В ответ на вопрос, а не содержались ли в исследовании цифры, связанные не с количеством, а с объёмом учредительного капитала банков, г-н Иннгольбах ответил отрицательно, уточнив, что исходно в Швейцарии респектабельные частные банки учреждались примерно со сходными размерами капитала. Поэтому, по его мнению, количественная оценка по числу является наиболее корректной.

Приведённые данные первоисточника убедительно показывают, что никакой решающей роли венецианцев в формировании швейцарской банковской системы не было. Генуэзцы сыграли чуть более важную роль, а преобладающее значение

имели, как это ни удивительно, аристократические семьи. При этом интересно, что по данным, сообщённым г-ном Иннгольбахом, банки с собственно швейцарскими кантональными корнями, т.е. основанные коренными гражданами Швейцарии, появились позднее банков, учреждённых генуэзцами, венецианцами и частично германскими аристократами. На вопрос автора относительно присутствия еврейского компонента в генезисе швейцарской банковской системы был получен отрицательный ответ. Г-н Иннгольбах сказал, что по негласным правилам, чтобы не повторять печального опыта других стран, людям иудейского вероисповедания в большинстве кантонов Швейцарии, включая Базель, Цюрих, Люцерн, Цуг и ряд других, было просто запрещено заниматься банковской деятельностью.

Вернёмся, однако, к генуэзцам. Пережив в тихой швейцарской гавани бурные времена французской революции и последовавших за этим наполеоновских войн, а также неурядиц и беспорядков начала и середины XIX века в Европе, во второй половине XIX века генуэзский капитал, став швейцарским, возвращается в единую Италию, основывая целую сеть банков на севере и в центре Италии. Здесь надо сказать несколько слов об особенностях североитальянских банков и их коренном отличии от более известных в России британских, германских или американских банков. Если последние в подавляющем большинстве случаев представляют собой универсальные розничные банки, работающие с широким кругом клиентуры, включая население и бизнес, то североитальянские банки действовали и действуют, как правило, по-другому. Типичный североитальянский банк имеет относительно небольшие размеры, частных хозяев, отвергает акционерную форму собственности и ориентирует свою деятельность на строго определённую нишу. В качестве таких ниш могут быть конкретные промышленные группы, отрасли, подотрасли промышленности, торговли, сельского хозяйства, регионы или даже виды конкретных финансовых операций. Кроме того, североитальянские банки, в отличие от англосаксонских, гораздо шире практикуют так называемые прямые инвестиции, когда банк не кредитует бизнес, а входит в долю. Это, как ни странно, сближает североитальянские банки с генуэзской родословной и с современным исламским банкингом, который густо замешан не только на Коране, но и на всё той же генуэзской банковской традиции.

Возвращению генуэзского капитала в Италию транзитом через Швейцарию способствовало то обстоятельство, что объединение Италии осуществилось под эгидой Савойского дома, который правил в королевстве Пьемонт и Сардинии со столицей в Турине. Его главным кредитором были всё те же генуэзцы. Именно это объясняет тот факт, что крупнейшие бизнес-династии XX и начала XXI века в Италии тесно связаны с генуэзскими семьями. Кстати, для дальнейшего анализа важен тот факт, что сами генуэзские аристократические семьи старались породниться с европейской аристократией, так или иначе связанной с Лотарингской династией и аквитанской аристократией. Например, семья Гримальди по сути является семьёй графов Полиньяков. А графы Полиньяки — это одна из ветвей рода Лузиньянов, наследников Мелюзины.

В заключение данного экскурса в перипетии родственно-семейных связей итальянской аристократии и бизнеса отметим, что, например, семья Аньелли плюс к отмеченным выше аристократическим корням имела многократные семейные пе-

ресечения всё с теми же Гримальди и вдобавок ещё и со Спинола. В итоге можно сделать вывод о том, что за спиной Аурелио Печчеи, который был членом семьи Аньелли в итальянском понимании семьи, несомненно, стояли старые аристократические роды, в значительной мере инкорпорировавшие в себя новую деловую элиту Италии. Однако Италией дело не исчерпывалось.

2

Среди учредителей «Италконсалта», участников «Круга» и Бильдербергского клуба было много представителей немецкой элиты и, в первую очередь, немецкого бизнеса. В этом плане далеко не случайно основными финансовыми спонсорами Римского клуба стали фонды «Фиата», «Фольксвагена» и «Порше». Неудивительно, что фонды принадлежали крупнейшим автомобильным компаниям. Дело в том, что на протяжении всего XX века все указанные автомобильные корпорации, строго говоря, были не специализированными, а многоотраслевыми конгломератами. В них в рамках единой финансово-промышленной группы сосуществовали предприятия самых различных отраслей — от авиастроения до производства сельхозмашин, объединённых общей широкой машиностроительной специализацией.

Интересно, что, когда советское правительство поставило перед Аньелли задачу модернизации модельной серии «Фиат-124», получившей в СССР название «копейка», он предложил осуществить это с помощью конструкторов «Порше» во главе с сыном знаменитого Фердинанда Порше. Как вспоминает министр автомобильной промышленности СССР В.Н. Поляков: «За проработку технологии взялась компания UTS (“дочка” концерна Fiat), а помогать конструкторам взялась Porsche. С последней вазовцы уже успели поработать над менее масштабными проектами и остались крайне довольны. Так что прозвища “русский Порше” и “Порше для бедных” вазовская “восьмёрка” получила не случайно: инженеры из Штутгарта действительно работали над первым вазовским переднеприводником. Немцы помогли тщательно проработать конструкцию кузова, создать новое семейство двигателей и коробку передач. А как поршевцы учили советскую машину ездить и проходить неровности...

Даже по современным меркам график создания ВАЗ-2108 выглядит стремительным. В 1978-м создан первый прототип, а под занавес 1984-го выпущена партия из 2000 товарных автомобилей. По меркам нерасторопного советского автопрома — ненаучная фантастика. Особенно учитывая следующий факт: из 3500 узлов и деталей от классических “Жигулей” “восьмёрка” получила всего одну — поршневой палец двигателя. И то укороченный. Спасибо немцам, которые смогли доказать советским коллегам очевидное: не нужно изобретать велосипед, если существуют готовые проверенные решения»²³⁹.

По многим своим определяющим чертам германская элита походила, как это ни покажется удивительным, на итальянскую. В 1977 г. в СССР была издана книга экономиста, историка и аналитика из ФРГ Б. Энгельмана, тесно сотрудничавшего со

²³⁹ Советские министры вспоминают. М.: Алгоритм, 2011.

Штази и консультировавшего советскую разведку. Книга о господствующей финансовой элите в ФРГ называлась «Рейх распался. Олигархия жива». Русское издание стало сокращённой версией книги, переведённой на русский язык еще 1974 г. для служебного пользования с немецкого издания, опубликованного в 1972 г. Вплоть до сегодняшнего дня книга остаётся одной из лучших аналитических работ по германской элите. Содержание книги базируется на сотнях архивных и документальных источников и представляет собой итог исследования истоков происхождения путей формирования и современной структуры западногерманской деловой элиты. Как написал в предисловии к работе известный советский германист, доктор исторических наук, профессор, консультант советской разведки Д. Мельников: «Результаты исследования автора ошеломляющие. Список старых состояний, истоки которых иногда уходят в глубокое средневековье, охватывает 526 имён. На протяжении веков они олицетворяли земельную, промышленную и финансовую олигархию в Германии. Теперь им принадлежит в ФРГ подавляющее большинство земель, крупных заводов и фабрик, судоверфей, крупных универсальных магазинов, отелей и ресторанов, транспортных предприятий. 226 имён из списка Энгельмана — крупные аграрии, которые обладают земельной собственностью в 755 тыс. гектаров. Остальные — промышленные и финансовые магнаты; им принадлежит две трети всех крупных предприятий ФРГ, и число их подданных, т.е. граждан ФРГ, находящихся в прямой зависимости от них, превышает 7,5 млн. человек»²⁴⁰.

Б. Энгельман внимательно рассматривает фамильные корни крупнейших западногерманских состояний и выделяет несколько основных промышленно-финансовых группировок, связанных давними деловыми и фамильными связями. Так же как и в Италии, эти группировки в момент своего основания имели чёткую локализацию, а затем распространяли свою деятельность сначала на территорию Священной Римской империи германской нации, затем в пределы Германской и Австро-Венгерской империй, а потом и на другие регионы мира. Энгельман ещё в докомпьютерную эру осуществил поистине титаническую работу, проведя анализ документации множества промышленных, торговых, транспортных фирм и банков. Например, в промышленности он выделил 25 фирм, в своей совокупности репрезентативно отражающих общую структуру владения 230 крупнейшими промышленными компаниями ФРГ. Энгельман пишет: «Полученные результаты ошеломляют: из рассмотренных 25 крупных фирм иностранцам принадлежит... всего одна; лишь пять из них целиком или в основном являются собственностью государства или множества мелких акционеров; 19 же компаний (иными словами, 76%) в большей или значительной степени находятся либо в руках частных предпринимателей, либо семей крупных акционеров, с родословной, насчитывающей нередко более века, а в нескольких случаях более полутора, а то и двух веков. На долю 21 династии — Верхан, фон Опель, фон Штум, Вольф, Хенкель, Рейтер, Тиссен, фон Финк, Фойт, Квандт и др. приходится контроль над более чем половиной немецкой промышленности»²⁴¹.

В нынешней ситуации всеобщей деловой документированности не составило труда выявить современную структуру собственности этих 25 фирм. Прежде всего следу-

²⁴⁰ Энгельман Б. Рейх распался. Олигархия жива. (О господствующей финансовой элите ФРГ). М.: Прогресс, 1977.

²⁴¹ Там же. С. 120–126.

ет отметить, что по прошествии 40 лет с момента публикации немецкого издания книги все компании остались в списке 250 крупнейших промышленных корпораций. Сегодня иностранный контроль увеличился с одной до двух компаний, а мелкие акционеры владеют не пятью, а шестью компаниями. Таким образом, семейная собственность за 40 лет уменьшилась всего с 19 до 17 компаний. Иными словами, общепризнанное мнение относительно коренного изменения структуры собственности, владения и радикальных перемен в механизмах контроля применительно к Германии несправедливо.

Ключевым итогом исследований Б. Энгельмана является вывод о том, что в германской модели капитализма даже в условиях социального государства основными собственниками являются старые аристократические роды. В частности, он посчитал: «Если распространить наше изучение преемственности власти и богатства в Пруссии и Германской империи на 300 самых богатых семей этого королевства в 1913 г., то итог окажется удивительным: в 221 случаях сохранения наследниками этих семей в ФРГ прежних богатств и влияния, если не считать изгнанных, физически уничтоженных или, самое меньшее, до нитки обобранных еврейских семей, такая преемственность прослеживается почти в 90% всех случаев!»²⁴² Иными словами, 221 семья из 300 самых богатых семей Германии продолжала входить в этот список в 1972 г. Автор произвёл расчеты по состоянию на 2004 г. На этот момент в список 300 по-прежнему входило 194 семьи.

Особый интерес представляет переплетение старой владетельной аристократии и новых предпринимателей в рамках европейской элиты. Процессы, которые отмечались для Италии, с не меньшей интенсивностью происходили в Германии и других государствах — наследниках империи Габсбургов, в Бенилюксе и Скандинавии. Владетельные аристократические роды сохранили в этих странах финансовое богатство, земельную собственность и политическое влияние. Практически повсеместно они охотно выдавали замуж дочерей за новых предпринимателей, принимая их в состав владетельных фамилий, или, что происходило реже, брали дочерей новых богатых в жёны своим наследникам.

Не так давно в Голландии и Ирландии вышли две любопытные работы — «Старые деньги в новом веке» и «Европейская аристократия и собственность», которые позволяют в числах понять глубину указанного выше процесса трансформации аристократии по крови в господствующий владетельный класс современного позднего капитализма²⁴³. Данные, приведённые в книгах, позволяют выяснить долю аристократических семей, к которой относятся семьи, упомянутые в Готском Альманахе и аналогичных региональных изданиях не позднее чем в середине XVIII века, — в 200–300 богатейших семей в зависимости от конкретной страны (в таблице указана доля в процентах).

	Германия	Италия	Ирландия	Великобритания	Франция	Нидерланды
1914	84	78	81	54	37	52
1970	73	67	78	43	29	43
2005	62	59	71	21	19	39

²⁴² Там же. С. 61.

²⁴³ *De Boor C.* Oud geld in de nieuwe eeuw. Rotterdam: University of Rotterdam Press, 2011; *O'Brien C.* Aristocracyna Eorpaghaus maoin. 1900–2000. Dublin: The O'Brien Press. 2004.

Несложно заметить, что чётко выделяются две группы стран. К первой принадлежат Германия, Италия, Ирландия; ко второй — в чистом виде Великобритания и Франция, и близко к ним — Нидерланды. Если в первой группе стран, к которым также, по другим сведениям, относятся Австрия, Испания, Португалия и Бельгия, аристократия сохранила свои позиции и ассимилировала в себе новых предпринимателей, то британская, французская и до некоторой степени голландская история пошла по-другому.

Работы Б. Энгельмана, а также книги де Бура и О'Брайена позволяют выделить ключевые отличительные черты, свойственные фамилиям господствующей элиты в Германии, Северной Италии и католических латинских странах. Именно элита этих стран составила костяк «Круга», стала первоначальными инициаторами создания Бильдербергского клуба и занимает господствующие позиции в *Opus Dei*.

К числу важнейших черт этих элитных семей следует отнести:

- наличие аристократических корней, предполагающих присутствие в числе родоначальников династии либо семей, с которыми фамилию связывает кровное родство правящих родов в различных образованиях, входивших, как правило, в состав или Священной Римской империи германской нации, или территорий, так или иначе связанных с Лотарингской династией;

- условно открытый характер рода, когда в семью принимаются преимущественно молодые люди, прошедшие жёсткий отбор и добившиеся успеха на деловом поприще, выходцы из средних и даже бедных слоёв населения;

- как правило, многоотраслевая деловая деятельность, охватывающая не только одну сферу, а распространяющаяся на промышленность, торговлю, финансы и т.п.;

- обязательное наличие значительной земельной собственности и активов в виде недвижимости;

- ориентация на внешнюю экспансию первоначально в рамках Западной Европы, а затем — преимущественно для германских и итальянских семей — в Россию и на Ближний Восток; итальянских семей — в Латинскую Америку и США; испанских и португальских семей — в Латинскую Америку;

- стремление к формированию устойчивых, продолжительностью нередко в несколько десятилетий, а иногда и столетий, паттернов делового взаимодействия, включающих замкнутые контуры клиентов, контрагентов, финансистов, промышленников, торговцев и т.п.;

- жёсткая ориентация на сохранение закрытого семейного характера собственности и управления над базисными хозяйственными структурами в сочетании с активным вложением средств и практическим участием в новых акционерных и иных корпорациях и структурах;

- активное представительство в политических структурах власти, занятие постов в её исполнительных и законодательных ветвях;

- обязательное наличие в составе группы частного банка, а также настороженное отношение к универсальным, крупным и крупнейшим розничным банкам Европы и Америки.

Важнейшим обстоятельством, без которого невозможно понять не только генезис правящей аристократо-предпринимательской элиты Центральной Европы, но и её планы, связанные с проектом Аурелио Печчеи, является вопрос о частных центральноевропейских банках. Принято считать, что банковское дело в Германии прак-

тически полностью контролировали евреи. Однако в реальности дело обстояло, мягко говоря, несколько иначе. Например, известно, что одним из старейших, действующих до сих пор частных банков мира является основанный в 1789 г. банк «Сал. Оппенгейм-младший и Ко». Сегодня он входит в головную группу частных европейских банков. Традиционно семейство Оппенгейм или Оппенгеймер принято относить к ашкенази. Более того, как многолетние партнёры Ротшильдов, они прочно связываются с еврейским банковским сообществом. Однако если обратиться к архивам Прусского королевства, то мы можем обнаружить запись о том, что ещё в конце XVII века Курту фон Оппенгейму протестантского вероисповедания прусским королем был пожалован титул барона. В последующем потомки барона, действуя по указанию семейства Гогенцоллернов, основали в 1789 г. указанный банк.

В качестве другого примера можно привести графскую семью Вернхаймов. Они находились в родстве с известным княжеским родом Шаффочей. Причём различные члены семьи принадлежали как к протестантскому, так и к католическому вероисповеданию. Известно, что традицией рода Вернхаймов было получение образования в иезуитских университетах. В связи с этим представляется не только любопытным, но и многозначительным тот факт, что, переехав в Америку, семья стала общаться исключительно с еврейской общиной. Американец в первом поколении Морис Вернхайм стал центром притяжения золотой финансовой еврейской молодёжи Уолл-стрит, в состав которой входили во второй половине XIX века Голдманы, Саксы, Селегмены, Куны, Лейбы, Шифы, Лемоны и т.п. Это неформальное объединение описано в известном американском бестселлере «Толпа», хотя если бы книга переводилась на русский язык, ее следовало бы назвать «Тусовка»²⁴⁴.

Морис Вернхайм не участвовал в жизни Манхэттенской синагоги и вообще не был замечен в отправлении каких-либо религиозных обрядов. В то же время в начале 1920-х гг. он активно взаимодействовал с первым советским представителем в США Л. Мартинсом и внёс заметный вклад в развитие советско-американских шахматных связей. Его дочь, Барбара Такман, стала не только единственным дважды лауреатом Пулитцеровской премии, но и на заре биографии успела поработать в Институте Тихоокеанских исследований, созданном Рокфеллерами и Карнеги и буквально напичканном советскими разведчиками и их агентурой. Бароны Оппенгеймеры и графы Вернхаймы были не исключением. В прусских архивах можно найти документы, связанные с дворянским родом Барухов, который затем благополучно переселился в Соединённые Штаты и сыграл столь большую роль в истории США XX в.

Внимательный анализ германских банков позволяет разделить их на две группы. Первая — это банки, созданные владетельной высшей германской аристократией и переданные в управление еврейским факторам. В немалой части подобных банков управляющим факторам в итоге удалось из топ-менеджеров стать собственниками, не затратив при этом ни талера. Наиболее яркий пример такого рода факторов, первоначально управлявших чужими банками — это семья Ротшильдов. Об этом подробно с обилием документов написано в фундаментальном двухтомнике Н. Фергюсона²⁴⁵.

²⁴⁴ *Birmingham St. Sociology. Our Crowd: The Great Jewish Families of New York.* N.Y.: Harper and Row, 1967.

²⁴⁵ *Ferguson N. The House of Rothschild.* L.; N.Y.: Penguin Books, 1999. Vol. 1–2.

Вторую группу составляют банки, созданные германским дворянством при участии представителей высшей аристократии Священной Римской империи германской нации. Если для Прусского королевства, а также государств – союзников Пруссии и других государств, позднее вошедших в состав Германской империи, было характерно создание собственных банков с назначением в качестве их руководителей и владельцев бесправных, полностью зависящих от сюзеренов, еврейских факторов, то высшая аристократия Священной Римской империи германской нации, в значительной мере исповедующая католичество, выбирала в качестве учредителей и управляющих либо единоверцев, либо протестантов, имеющих те или иные связи с иезуитским орденом.

Характерным и, возможно, самым ярким примером такого рода банков является Кёльнский банкирский дом «И.Г. Штайн». Он был основан в 1790 г. Со дня основания и по сегодняшний день он расположен на улице Унтер-Заксенхаузен в Кёльне, по одному и тому же адресу. За весь период существования банк не работал только три года, с 1945 по 1948 г., пока разрушенное здание отстраивалось заново, а семьи Штайн и фон Шрёдер решали вопросы с союзной оккупационной администрацией Германии. Прочитав еще раз книгу Б. Энгельмана: «В приложении к ежегоднику миллионеров находим биографическую справку по фрау Марии фон Штайн: «...вдова одного из богатейших родовитых людей Кёльна, покойного тайного коммерции советника Генриха фон Штайна... пожалованного 6 июля 1908 г. званием прусского дворянина». Далее говорится: «Дед тайного коммерции советника, Иоганн Генрих Штейн, родившийся в 1773 г., основал в 1790 г. (это в 17-то лет!) банкирский дом «И.Г. Штейн» в Кельне... (в книге Г. фон Равенберга «Банкиры и финансовые советники Габсбургов» упомянуто, что банк был основан на деньги Габсбургов, и Штайн, а также его потомки и их правопреемники действуют по доверенности от семьи Габсбургов. — *И. С.*)²⁴⁶. Его внук, возведенный в дворянство, тайный советник И.Г. фон Штайн, женился на Марии, старшей дочери тайного советника доктора Густава фон Мёвиссена, члена верхней прусской палаты... Тайный советник фон Штайн был также близким родственником банкиров Херштов, Мумм фон Шварценштайнов и Бетманов...». Тут уместно отметить следующее. Банкирский дом братьев Бетман существует и поныне, точно так же, как существует кёльнский банкирский дом И.Д. Херштадт, которые являются родственниками кайзеровского рейхсканцлера фон Бетман-Гольвега...

Вернемся, однако, к фон Штайнам, чьими ближайшими родственниками и деловыми партнерами были семьи фон Рат и фон Шрёдер. Члены семейства фон Шрёдер породнились с семьей фон Штайн и основали в 1732 г. банкирский дом «Братья Шрёдер и К^о», тоже существующий до сих пор. Незадолго до Первой мировой войны два шрёдеровских сына, Курт и Карл, женились на наследницах банка «И.Г. Штайн». В результате один из двух братьев, барон Курт фон Шрёдер, стал в 1930-х гг. главой кёльнского банкирского дома «И.Г. Штайн».

Теперь о бароне Курте фон Шрёдере, главе банкирского дома «И.Г. Штайн» в 1930-е и 1940-е гг. Именно он 4 января 1933 г. устроил на своей кёльнской вилле

²⁴⁶ *Ravenberg P. Bankers and Financial Advisors von Habsburg. San Francisco: Finance Books, 1994.*

тайную встречу Гитлера и Папена»²⁴⁷. Барон фон Шрёдер вошёл в историю как личный банкир и друг Гитлера, а также деловой партнёр Ялмара Шахта. Его интересы в Америке представляли братья Даллес. Сам он в предвоенный и военный периоды входил в правление знаменитого Банка международных расчётов в Базеле, и, наконец, с ним сотрудничал уже хорошо знакомый нам Джованни Аньелли. Впрочем, и это ещё не всё. В 1970-е гг. в банке «И.Г. Штайн» держали свои расчётные счета ряд советских внешнеэкономических объединений, связанных с осуществлением сделки «Газ-Трубы». Более того, когда в 1994 г. автор текста встречался с внуком барона Куртом фон Шрёдером, названным в честь деда и являвшимся ключевым членом совета директоров этого банка, он с гордостью отмечал, что банк через своих британских партнёров осуществлял операции с получением для Советского Союза неконтролируемых долларов США. О том, какие последствия это имело, речь пойдёт впереди. Пока же можно сказать, что банк «И.Г. Штайн» стал одним из основоположников рынка евро- и нефтедолларов, сыгравших роковую роль в истории не только Советского Союза, но и мировой финансовой системы.

3

За Александром Кингом в плане институционализированных юридических или публичных неформальных структур в рамках проекта Римского клуба и Международного института системного анализа в Вене стояли как минимум три организации. Это фактические инициаторы проекта — Международный консультативный комитет председателя совета директоров «Чейз Манхэттен Банка» (ныне «Морган Чейз») Дэвида Рокфеллера, Европейский совет по производительности — ЕРА при ОЭСР и Международная ассоциация документалистики, архивного дела и информации, являющаяся аккредитованной организацией при ООН и ЮНЕСКО.

Распределение ролей всех трёх организаций было вполне понятным и очевидным. Рокфеллеровский совет выступал инициатором, драйвером и организационным оформителем группы, хедлайнером которой был Александр Кинг. ЕРА обеспечивал, что называется, институциональную глубину и легализацию проекта, связывая его с надгосударственными и государственными структурами всех ключевых стран Запада. Ассоциация обеспечивала способ мобилизации западных информационных ресурсов на нужды проекта и «интеллектуальную пехоту» для выполнения разнообразных вспомогательных функций, которых требуют работы подобного размаха и масштаба.

В неформальном плане уникальность ситуации состояла в том, что А. Кинг, без сомнения, в силу особенностей своей уникальной биографии выражал интересы двух наиболее медийных семей делового мира, а именно Ротшильдов и Рокфеллеров. К сожалению, а возможно, и к счастью для представителей двух этих семей, представление об их роли, реальном влиянии и могуществе давно уже перекочевало из сферы глубокого фактологического анализа в сферу медийно-

²⁴⁷ Энгельман Б. Указ. соч. С. 57–63.

коммуникационных технологий. Фамилии превратились в своего рода симулякров по Ж. Бодрияру и зажили своей независимой от реальных семей жизнью в общественном сознании и коллективном бессознательном. В связи с этим любопытно, что современный медийный мир — это не только сфера самосбывающихся прогнозов, но и пространства самоподтверждающихся фактов. Говоря простыми словами, если широкие, причём не только народные, но и властные массы считают что-то существующим, то оно вне зависимости от фактического состояния дел существует. Верно и обратное. Таким образом, коль скоро достаточно широко, по крайней мере во множестве слоёв, за исключением наиболее элитных, признано, что Ротшильды и Рокфеллеры являются самыми могущественными семьями, то в каком-то смысле это действительно так. Что же до элитного уровня, то наработанный медийный капитал является сегодня дополнительным и важным компонентом других видов капитала, представляющих собой совокупный интегральный капитал в нынешнем полном смысле этого слова. А он и без медийной составляющей, как было показано в предыдущей части работы на примере анализа финансового капитала семей Ротшильд и Рокфеллер, позволяет им входить в первые 100, а возможно и 25 богатейших семей планеты.

Касаясь неформальных структур наиболее влиятельных семей планеты, важно избежать как переоценки, так и недооценки их влияния, равно как и адекватно понять систему их ценностей и интересов. К сожалению, даже многие глубокие серьёзные исследователи не свободны от некоторой демонизации и упрощённого взгляда на жизнь такого рода семей. Даже в лучших исторических работах высказывается точка зрения, что их господствующим интересом является сохранение мнимого мирового господства, а также стремление к власти любой ценой. Особенно это характерно для российских историков и аналитиков. Вероятно, сопряжено оно с особенностями российской жизни и характерными чертами российской элиты, которые непроизвольно транслируются даже самыми глубокими исследователями на систему ценностей и приоритетов всех мировых элитных семей и паттернов.

Чтобы не быть голословным, обратимся к фактам. Возьмём для примера семью Ротшильд. В настоящее время семья Ротшильд, понимая под этим родство не далее чем третьей степени (например, троюродные братья либо двоюродные племянники и т.п.) по состоянию на 2010 г., включает более 280 человек. Из них только 57 человек активно участвуют в бизнесе как самостоятельные фигуры либо как топ-менеджеры в различного рода структурах. Характерно, что всего 12 человек из 183 в трудоспособном возрасте, исчисленном по британскому законодательству, ведут жизнь рантье в строгом смысле этого слова, т.е. не занимаются никакой профессиональной деятельностью. Остальные выбрали другие, не связанные с руководством различного рода финансовыми, предпринимательскими или иными деловыми институтами, виды деятельности. Например, Дэвид Майер де Ротшильд, будущий глава фамилии, является крупным экологом, известным автором книг по выживанию специалистов различных профессий, а также путешественников в экстремальных условиях, преимущественно в северных широтах. Надин де Ротшильд — популярная французская писательница и драматическая актриса. Леопольд Дэвид Ротшильд — известнейший продюсер в области классической музыки, всемирно признанный виолончелист. Впрочем, это не помешало ему в прошлом стать директо-

ром Банка Англии. Эмма Ротшильд — известный специалист по истории экономических учений, профессор Гарвардского и Кембриджского университетов, директор архива семьи Ротшильдов в Лондоне. Шарлотта Ротшильд — одна из лучших в мире сопрано, оперная певица, пользующаяся особым признанием в Японии, солистка Токийской оперы. Джон Ротшильд — руководитель центра нечёткой логики и генетических алгоритмов Стэнфордского университета. Этот список можно было бы продолжать и далее, но вместо этого автор считает более полезным с точки зрения исследовательской цели работы коротко рассказать о своем знакомстве с одним из Ротшильд.

Он представлял американскую ветвь Ротшильдов и в начале 70-х годов переселился в Вену. Он жил в то время в Вене и принадлежал к франко-американской ветви Ротшильдов. Однако в строгом генеалогическом плане австрийская ветвь не имеет продолжения по мужской линии, и по отцу И. Ротшильд принадлежит к французской линии. Он известен как один из лучших в мире специалистов по проведению сложных экспертиз по определению авторства произведений художников из германоязычного мира, Скандинавии и России. Общаясь с Ротшильдом в течение почти трёх лет (с перерывами), автор с уверенностью может сказать, что он является одним из наиболее доброжелательных, воспитанных, интеллигентных людей, с кем ему приходилось встречаться в жизни. Поскольку встречи проходили почти исключительно в доме Ротшильда в Вене, была возможность наблюдать за его повседневным поведением и общением с другими участниками встреч, членами семьи и даже домашним персоналом.

Характерно, что со всеми Ротшильд общался одинаково доброжелательно, не делая различий в статусном, имущественном или ином положении своих собеседников. В принципе в этом нет ничего удивительного, поскольку, если внимательно почитать воспоминания о лучших представителях подлинной элиты, например, Российской империи, то там содержатся аналогичные наблюдения. Кстати, подобное автор наблюдал, общаясь и с людьми из американской деловой элиты.

Вообще идея о том, что представители так называемой мировой элиты — это результат отрицательного отбора, крайне далека от фактического положения вещей. В данном случае мы имеем дело с сознательным или бессознательным переносом нынешних российских реалий на другую почву. Кстати, такой перенос, порождённый частично пропагандистскими, а частично психологическими обстоятельствами, весьма, вреден не только в аналитическом, но и в практическом плане. Дело в том, что мы приписываем шкалу ценностей и структуру мотивов, свойственных представителям элиты одной конкретной страны в строго определённый период её истории, всем без исключения представителям мировой элиты. А это опасно в плане практической политики. Хотелось бы особо подчеркнуть, что Ротшильд не являлся какой-то «белой вороной» в семье. Он поддерживал тесные отношения со многими другими членами семьи, например с Дэвидом Рене де Ротшильдом.

Изложенное выше отнюдь не означает, что Ротшильды, так же как и представители многих других семей правящей мировой элиты, все сплошь «белые и пушистые» и тем более свободны от человеческих недостатков. Люди всегда остаются людьми, какие бы фамилии они ни носили. Проблема заключается в том, что, если люди избавлены от изматывающей заботы о хлебе насущном, по-

лучили достойное воспитание и имеют мощную семейную поддержку, они скорее склонны по своим жизненным устремлениям заниматься не делами, связанными с личной выгодой, а, как это ни удивительно, в большей мере ориентированы на творчество или занятия, связанные с общественным благом — безусловно, так, как именно они их понимают. Поэтому подозревать всех сильных мира сего в том, что они решают проблемы бедняков или жертвуют свои состояния лишь для того, чтобы создать тайный общак для финансирования всемирного геноцида, является по меньшей мере несправедливым и может быть извинено лишь необходимостью решать конкретные, вполне оправданные и нужные пропагандистские задачи.

При этом нельзя не отметить, что любая элитная семья, и, может быть, прежде всего Ротшильды, ни на секунду не перестают заботиться о сохранении своих позиций, защите привычного жизненного уклада, возможностей и безопасности семьи. Соответственно, любая инициатива, в которой они участвуют, даже если она направлена на общественное благо, в конечном счете либо в качестве цели, либо в качестве обязательного условия должна включать как минимум сохранение семейного влияния, жизнеспособности и безопасности. Здесь иллюзий также быть не может. Так же как не может быть иллюзий относительно того, что, несмотря на всю свою многочисленность, внутреннюю неоднородность и даже противоречия, а случается и неприязнь, между различными членами семьи, внутри неё действуют жёсткие механизмы координации, согласования интересов и принцип иерархии. Все члены семьи знают, что в семье есть первое лицо, которое в любых случаях выступает как конечный арбитр при самых серьёзных разногласиях и спорах и решение которого обязательно и непреложно. Есть основания полагать, что подобные системы действуют внутри любых элитных семей, принадлежащих как минимум ко второму поколению после основателей.

Касаясь семей Ротшильд и Рокфеллер, как участников проекта Римского клуба, чьи интересы так или иначе представлял А. Кинг, нельзя не отметить ещё одно известное, но редко упоминаемое обстоятельство. Обе семьи к середине 1960-х гг. имели примерно 40-летний успешный опыт взаимодействия с Советским Союзом. «Стандард Ойл» Рокфеллеров была первой крупной нефтяной компанией, которая пришла в Советский Союз ещё в 1922 г. и взяла на себя оказание инженерной поддержки по восстановлению Бакинских нефтепромыслов и прямо участвовала в реконструкции нефтепровода из Закавказья в тогдашний главный нефтяной порт в Потти и реконструкции его терминалов²⁴⁸. В последующие годы нефтяные компании Рокфеллера осуществляли постоянные, на протяжении десятилетий закупки советской нефти для экспорта в Западную Европу.

В свою очередь, Ротшильды оказали заметную помощь в предоставлении британским правительством лицензии на банковскую деятельность Московскому народному банку в Лондоне, поддерживали корреспондентские счета этого банка, а также проводили через этот банк сделки, связанные с реализацией золота на биржевом и внебиржевом рынках. Кроме того, с открытием крупнейших месторождений алмазов в Якутии и началом их крупномасштабной добычи СССР быстро заключил

²⁴⁸ Sutton A.C. *Western Technology and Soviet Economic Development, 1930 to 1945*. Stanford: Hoover Institution Press, 1971.

с «Де Бирс», контролируемой Оппенхаймерами и Ротшильдами, картельный договор по мировому рынку алмазов²⁴⁹.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что характеристики различных членов семьи Ротшильд отнюдь не являются апологией семьи. Это лишь скромная попытка дать их объективную характеристику. Особенно это важно для России. Постсоветская аналитика подчас страдает одним весьма серьёзным недостатком. Она, особенно в последние годы, излишне идеологизирована. Вместо отстранённых, а потому стремящихся к объективности текстов она часто походит на романы со свойственным именно им разделением на плохих и хороших, добрых и злых. Причём, как в правильных романах о разведчиках, свои всегда оказываются хорошими и добрыми, а чужие, естественно, злыми, неприятными и вынашивающими самые чудовищные планы. Дополнительные штрихи в российскую аналитику привнёс кинематограф в своей блокбастерной кризисной стадии. Отсюда многие даже первоклассные исследования пишутся как сценарии для фильмов о поединках «чужих против хищников».

Отчасти, думается, это связано с общим падением образовательного и интеллектуального уровня общества и необходимостью упаковки аналитики в занимательные и привлекательные обёртки. Отчасти же — с подчинением аналитики поставленным извне задачам. Зачастую это объясняется необходимостью оказания целенаправленного идеологического воздействия в целях правильного воспитания читателя. В этом, безусловно, есть свой смысл. Однако проблема состоит в том, что аналитиков читают не только неокрепшие умы, которые надо воспитывать, но и люди, которым приходится принимать решения. Будучи дезориентированы аналитикой, которая искажена фабульными упаковками и сюжетными обёртками, люди, принимающие решения, начинают теряться в реальности и перемещаются в иллюзорный мир. Соответственно, и решения принимаются такие, которые верны только для иллюзорного, виртуального мира, тогда как в мире реальном ведут к тяжёлым последствиям. И немалая вина за эти решения лежит не на людях, их принимающих, а на аналитиках, создающих из благих побуждений искажённую картину мира.

Вероятно, единственно верным для современной жёсткой аналитики является следование принципу апостола Матфея: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые: Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак, по плодам их узнаете их».

Богословы столь диаметрально противоположных конфессий, как англиканство и старообрядчество, сходятся на том, что апостол Матфей указывает на необходимость судить не по происхождению, не по словам, а по конкретным делам и поступкам. Поэтому в реальной жизни и в аналитике необходимо опираться не на оценки того, что кто-то что-то сделал десятки или сотни лет назад, не каково вероисповедание, фамилия, а тем более этническое происхождение тех или иных акторов, а на их конкретные действия в контексте ситуации и влияние на длительные исторические линии.

²⁴⁹ Горяинов С.А. Криптоэкономика мирового алмазного рынка // De Conspiratione / О Заговоре. Сборник монографий. А.И. Фурсов (сост.). М.: Товарищество научных изданий КМК, 2013.

Семьями Ротшильд и Рокфеллер не исчерпывается перечень неформализованных структур, чьим лицом выступал Александр Кинг. В части, посвящённой биографии А. Кинга, подробно описывалось его участие в формально частной разведывательной Организации Z, возглавляемой К. Дарси, и контакты с сетью Стефенсона, которая была американским сегментом организации К. Дарси. В этом плане важно упомянуть: отличительная черта британских спецслужб — неформализованный характер многих из них. Эта традиция коренится в XVII или даже в XVI в. и сохранилась, как это ни парадоксально, до сегодняшних дней. Даже после того, как существование МИБ было официально признано и она получила строку в государственном бюджете, по мнению ветеранов американских (и не только) спецслужб, в Британии и сегодня сохраняются действующие от имени и по воле государства неформализованные по своему характеру частные разведывательные организации. В рамках этой традиции и действовала сеть Дарси со своим американским сегментом, руководимым изобретателем и мультимиллионером Стефенсоном.

В Британии, пожалуй, как нигде, кроме, возможно, Израиля, сильна не просто клановость, а корпоративность ветеранов спецслужб. На Туманном Альбионе бывшие работники спецслужб, вне зависимости от того, принадлежали они к формально существующей военной разведке либо к неформализованным разведывательным организациям, представляли и представляют в прямом смысле корпорацию. Как для каждой корпорации, для спецслужбистской характерны определённые формы существования, организация общения, способы согласования интересов, методы сглаживания противоречий и институты разрешения споров.

Одной из форм постоянного общения в Британии традиционно являются клубы. Клуб спецслужб, в значительной степени имевших, а частично и имеющих неформализованный характер, сам по себе, в отличие от большинства британских клубов, не имел и не имеет юридической институционализации. Нормативное оформление ему заменяет наличие определённых ритуалов и постоянство места и времени сборов. В 1990-е — начале нулевых годов автор имел честь несколько раз общаться с бывшим работником британских спецслужб Д.К., особенно известным миру своей второй профессией — литератора. Однажды Д.К. пригласил пообедать в один из старейших лондонских пабов, расположенных недалеко от его дома в Хемпстэде — «Паб Холли Буш». Во время обеда он упомянул, что в этом месте примерно раз в полгода собираются Peat Hunters («болотные охотники»). Среди членов этого сообщества, наряду с другими известными по мемуарной литературе о британских спецслужбах фамилиях, он упомянул и Александра Кинга, пользовавшегося большим уважением в этой среде.

О спецслужбистском сообществе, стоящем за спиной А. Кинга, необходимо сделать одну важную оговорку. Известно, что в Британии существует несколько подобных клубов. «Болотные охотники» относятся в основном к людям, которые занимались аналитической, научно-технической разведкой, а также по долгу службы работали в западных подразделениях британской разведки, т.е. против Западной Европы и США. Кроме того, особенно широко в этом сообществе были представлены люди, связанные именно с неформализованными структура-

ми британского разведывательного сообщества. По своим политическим симпатиям они относились в своём большинстве либо к британскому аристократическому центру, ориентированному на районы так называемой доброй старой Англии, Манчестерско-Ливерпульский индустриальный узел и Шотландию. В связи с этим их позиция очень часто, особенно начиная с середины 1960-х гг., входила в противоречие с официальной политикой правящего британского истеблишмента, включая как лейбористскую эпоху Гарольда Вильсона, так и консервативную по форме, но подчинённую Сити и Уолл-стрит по существу эпоху Маргарет Тэтчер.

При всём значении институтов, где был формализован А. Кинг, и могущественных неформализованных, а в чём-то и теневых сил, стоящих за ним, ключевое значение, бесспорно, имели экономические структуры, чьи интересы выражал А. Кинг, стремясь вместе с А. Печчей и своими советскими партнёрами создать новую, невиданную ранее фабрику мысли. Большой загадки, что это за структуры и где они расположены, в случае А. Кинга нет. Это стремительно набиравшие в 1960-е гг. мощь и влияние транснациональные производственные корпорации.

Чтобы составить объективную картину главных черт и особенностей ТНК того времени, а также стоявших перед ними острых проблем в экономической, политической и социальной сферах, достаточно обратиться к советской научной литературе того времени. В противоположность господствующей сегодня точке зрения на 1970–1980-е гг. это был период, когда советская экономическая наука и аналитика, занимавшиеся капиталистической экономикой, преодолела начётничество и апологетику 1950-х – начала 1960-х гг. и не уступала, а по ряду направлений превосходила свои аналоги на Западе. Казалось бы, как можно сравнивать достижения в экономических науках? Понятны критерии для естественных наук, технических разработок. Но возможно ли дать сколько-нибудь объективный сравнительный анализ в сфере экономических исследований? Как это ни удивительно, вероятно, что ответ положителен. Если критерием истины является практика, то критерием сравнения достижения различных научных школ является прогностическая сила их аналитических разработок. Если они позволяют строить достоверные прогнозы, то в общем и целом можно говорить о высоком уровне. Если нет, то разработки либо выполнены не вполне профессионально, либо имеют не научный, а какой-либо другой характер.

Детальный анализ лучших работ советских экономистов, посвящённых мировому капиталистическому хозяйству и опубликованных в 1970–1980-е гг., позволяет с позиции сегодняшнего дня говорить, что в своём большинстве они были точнее и справедливее в своих прогнозах, чем оценки их зарубежных коллег относительно Советского Союза и западной системы. При этом, опять же в противоположность бытующим ныне воззрениям, в 1970–1980-е гг. лучшие исследователи капиталистической экономики отнюдь не предсказывали немедленный крах капитализма, но с уверенностью писали о его пределах, которые должны быть достигнуты в ближайшие 30–50 лет. Ещё одним достоинством советской литературы той поры является, как это ни удивительно, привлечение широчайшего круга как статистических, так и теоретических источников, которые непредубеждённому читателю позволяли нарисовать реальную картину процессов и явлений, происходивших в западной экономике. В связи с этим последующее изложение будет построено с использова-

нием материалов нескольких лучших исследований ТНК, содержащих обилие проверенной, как установил автор, статистической информации²⁵⁰.

К середине 1960-х гг. ТНК демонстрировали завидную динамику и находились на восходящей линии развития. Им удалось преодолеть кризис монополистического капитала 30–40-х годов XX века. В значительной степени этот кризис был связан с различного рода последствиями Великой депрессии по обе стороны океана, а для европейских монополий — также и с ходом и итогами Второй мировой войны. В 1967 г. на 20 000 международно оперирующих корпораций приходилось более половины внутреннего национального продукта стран ОЭСР, т.е. наиболее развитых капиталистических стран. На их фоне выделялись 450 крупнейших производственных ТНК-мультимиллиардеров, представлявших своего рода ядро мировой капиталистической системы. Структура капиталистической экономики 1960-х гг. подтверждала оценку В.И. Ленина о том, что «самая глубокая экономическая основа капитализма есть монополия... До какой степени выросли капиталистические монополии, говорит о зрелости этого строя»²⁵¹.

Любопытно, что, согласно архивам Министерства внешней торговли СССР, хранящимся в Российском государственном архиве экономики, из этих 450 корпораций более 230 имели подписанные кратко-, средне- и долгосрочные договоры с Советским Союзом, а 137 заключали в течение 1960–1970-х гг. торговые, инвестиционные, патентные и иные сделки. Характерно, что в числе этих корпораций находились не только монополии, занятые в гражданском секторе, но и крупнейшие производители продукции двойного и военного назначения. Как это ни покажется удивительным, в годы холодной войны и разрядки международной напряжённости, сопровождавшихся военным противостоянием двух систем, международные монополии активно поставляли в Советский Союз передовые технологии двойного назначения в виде патентов, образцов или поставки целых технологических линий. Наиболее подробные данные на этот счёт приводятся в книгах Энтони Саттона. В своих работах²⁵² он приводит копии многочисленных контрактов, документы Министерства торговли США, ЭКСИМ Банка США, доклады Конгрессу, документы ОЭСР и проч. на этот счёт.

В течение 1960-х гг. ТНК окончательно и бесповоротно утвердились как доминирующая сила в наиболее высокотехнологичных отраслях. Они контролировали 90% рынка электроники, тонкой химии, более 80% рынка тяжёлого машиностроения, 75% автомобилестроения, более 60% станкостроения и т.п. Несмотря на переток капитала в технологические и высокотехнологические отрасли того времени, монополии сохраняли господствующие позиции и в сырьевой сфере. На рубеже 1960–1970-х гг. они, по оценкам экспертов ЮНКТАД, контролировали более 70% мирового экспорта нефти, олова, каучука, риса и бананов, свыше 85% меди,

²⁵⁰ Жарков В. Клуб 200. Транснациональные монополии: структура и эволюция, М.: Международные отношения. 1974; Империи финансовых магнатов (Транснациональные корпорации в экономике и политике империализма). М.: Мысль, 1988; Медведков С.Ю. Транснациональные корпорации и обострение капиталистических противоречий. М.: Мысль, 1982.

²⁵¹ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // ПСС.

²⁵² Sutton A.C. Western Technology and Soviet Economic Development, 1917 to 1930. Stanford: Hoover Institution Press, 1968. Vol. 1, 3; Sutton A.C. The Best Enemy Money Can Buy. L.: Liberty House Press, 1986.

бакситов, редких металлов, кукурузы, табака, кофе и какао. На долю ТНК в 1960–1980-е гг. приходилось от 70 до 85% объёма научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок и лицензионной торговли. При этом степень монополизации НИОКР последовательно возрастала от года к году. Кстати, интересно, что из общего числа ТНК, осуществивших реальные крупномасштабные сделки с Советским Союзом, более двух третей включали в эти сделки передачу лицензий и патентов, оказание технической помощи, а также осуществление совместных научно-исследовательских работ.

Нельзя не отметить, что начиная с 1950-х гг. в рамках мирового капиталистического хозяйства вместе с повышением удельного веса монополий, возрастанием их роли в воспроизводственном процессе последовательно уменьшалась сфера стихийного рыночного регулирования и возрастало значение и сфера господства различного рода целевых программных и даже государственно-административных методов управления и организации производства и воспроизводства. Связано это было с рядом обстоятельств. Прежде всего, в 1950–1960-е и последующие годы продолжало углубляться международное разделение труда. Спецификой послевоенного периода явилось то, что это разделение осуществлялось в рамках транснациональной корпоративной формы организации хозяйствования. В результате один производственный процесс в ТНК охватывал, например в автомобильных производствах до 9–12 стран. Поэтому внутри ТНК стихия рынка не действовала и они, по сути, ничем не отличались с точки зрения технологии организации управления и планирования от сверхкрупных советских объединений и даже министерств²⁵³.

Усилению программно-целевых и даже плановых начал в деятельности ТНК способствовали увеличение доли НИОКР в общей себестоимости продукции и повышение технологического уровня изделий, предназначенных как для корпоративного, так и для потребительского рынка. ТНК в условиях всё возрастающих расходов на прикладную науку, испытательные работы, инженерно-конструкторскую деятельность просто не могли позволить себе убытков, связанных с непрогнозируемой стихией рынка. Эту задачу они решали в двух направлениях. С одной стороны, с 1960-х гг. вновь активизировались процессы картелизации и раздела рынков. При этом проходили они не в явной, нарушающей законодательства большинства капиталистических стран форме, а на основе соглашений в сфере научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ, взаимных патентных уступок и т.п., иными словами, в сферах, в то время мало регулируемых антимонопольным законодательством, позволявших переходить от конкурентной к согласительной, т.е. по сути к планируемой экономике. С другой стороны, именно в 1960-е гг. родился маркетинг как таковой в сегодняшнем его понимании — как комплекс мер, нацеленных на программирование и фактически принуждение корпоративных и индивидуальных потенциальных потребителей к покупке того или иного изделия. Фактически маркетинг представлял собой неявное проникновение плановых методов в рыночную экономику. При этом в данном случае плановые методы базировались не на административно-властном принуждении, а на психологическом программировании.

²⁵³ Курс политической экономии / Цаголов Н.А. (ред.). М.: Экономика, 1973–1974.

В совокупности расширение сферы целевого управления производством вместе со скрытой картelizацией и появлением эффективного маркетинга вели к тому, что ТНК внедряли в мировое капиталистическое хозяйство относительно новый для него планово-согласительный уклад. В 1950–1960-е гг. происходило последовательное усиление позиций производственного капитала по отношению к финансовому. Этот процесс начал активно развиваться после окончания Второй мировой войны, когда конверсию военной промышленности США и восстановление производства в Западной Европе финансировали в основном не частные банки, а государственные органы. В дальнейшем государственные финансовые источники в основном и оборотном капитале ТНК начинают последовательно замещаться не банковскими, а собственными средствами производственных монополий. Если в 1951–1955 гг. собственные источники финансирования, включающие в себя нераспределённую прибыль, средства, мобилизованные на рынке акций, а в последующем корпоративных облигаций составляли 45% от совокупных денежных средств корпораций, расходуемых на расширенное воспроизводство, то в 1956–1960 гг. — уже 52%, в 1961–1965 гг. — 55%, а в 1966–1970 гг. — все 61%, т.е. почти две трети.

Ко второй половине 1960-х гг. ТНК наряду с успехами столкнулись с целым рядом острых проблем, которые накапливались длительные годы и обозначились сразу после завершения периода первоначального послевоенного восстановления. Прежде всего происходило последовательное затухание темпов роста развитых капиталистических стран, особенно заметное на фоне ускорения экономического роста в СССР. Так, за 1950-е гг. среднегодовые темпы роста стран ОЭСР, исчисленные по динамике внутреннего национального продукта в сопоставимых ценах, составляли 4,1%, а в 1960-е упали до 3,5%. Параллельно снижалась норма прибыли. Так, в книге «Капитализм на исходе столетия», вышедшей в Москве в 1987 г. под редакцией А.Н. Яковлева, можно прочесть: «В секторе нефинансовых корпораций среднегодовая норма прибыли до вычета налогов составляла в 1961–1970 гг. 9,1%, в 1970–1974 гг. — 7,6%, а в 1974–1982 гг. — лишь 7,3%». Представляется, что, хотя сама по себе тенденция в книге указана правильно, расчёты были проведены не слишком корректно.

Наиболее корректный способ исчисления нормы прибыли состоит в отнесении чистой, после уплаты налогов, прибыли к полной стоимости продукции. Все необходимые цифры для этого легко получить из справочного материала к ежегодным посланиям президента США Конгрессу. Расчёты, осуществлённые по указанной выше методологии, дают следующий ряд. Норма прибыли в корпоративном нефинансовом секторе в США в 1951–1955 гг. составляла 9,3%, в 1956–1960 гг. — 7,1%, в 1961–1965 гг. — 6,5%, 1966–1970 гг. — 6,1%. Согласно данным за 2013 г., она составляет 2,2%.

Значительные проблемы у ТНК возникли во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. в так называемых развивающихся странах. Обычно эти проблемы связываются с национализацией целым рядом развивающихся стран, особенно провозгласивших социалистическую ориентацию, предприятий, принадлежащих ТНК. Однако детальный анализ реального исторического материала показывает, что таких случаев было мало. Более того, как ни парадоксально, реальная национализация либо передача значительной доли собственности правительствам развивающихся стран происходили не в государствах, которые традиционно относились к советской сфере влияния, а, напротив, в государствах — устойчивых союзниках Запада и,

прежде всего, Великобритании и США. В качестве наиболее ярких примеров можно привести соглашение между американскими нефтяными монополиями и саудовской династией по поводу нефтяного гиганта АРАМКО или аналогичное соглашение в Кувейте. Более того, даже в этих случаях де-факто контроль за финансовыми и товарными потоками оставался в руках ТНК, которые продолжали безраздельно господствовать в сфере логистики, инженерного обеспечения и финансирования производств, перешедших в собственность правительств развивающихся стран. В странах же, решивших противостоять британцам или американцам, например, в Иране, попытки национализации завершались крахом. При этом, как было показано в соответствующей части работы, это произошло при косвенном участии СССР.

Главная проблема ТНК в развивающихся странах носила несколько иной характер. Какой именно, подсказывает статистика. Так, норма прибыли на прямые инвестиции американских ТНК в развивающихся странах за период с 1960 по 1970 г. сократилась с 24,3 до 10%, а в обрабатывающих отраслях промышленности этих стран с 16,3 до 2,4%. В итоге, например, ТНК США только в 1967–1971 гг. ликвидировали 557 своих зарубежных предприятий, филиалов или списали в убытки прямые инвестиции в развивающиеся страны. Для Великобритании эта цифра в период 1963–1970 гг. составила 487. Главной причиной падения нормы прибыли и убытков от прямых инвестиций в развивающихся странах была обстановка хаоса, насилия и анархии, воцарившаяся в этих странах после ухода колониальных властей и прихода к власти псевдонационально-освободительных движений, руководство которых в своей массе составляли, с одной стороны, искренние патриоты, не имевшие никаких навыков гражданского, а тем более производственного управления, с другой — различного рода авантюристы и коррупционеры. Любопытно, что в тех странах, где к власти пришли национально ориентированные силы, в своём большинстве поддерживавшие тесные отношения с Советским Союзом, международные ТНК не терпели убытков или их потери были значительно меньше. Во многих из этих стран ТНК оставляли или расширяли своё представительство и увеличивали прямые инвестиции.

В 1960–1970-е гг. ярким примером такого совместного инвестирования со стороны Советского Союза и ТНК были Египет, Алжир и, конечно же, Индия. Кстати, в Индии и Алжире субподрядчиками советских внешнеторговых объединений, осуществлявших сооружение ключевых промышленных, энергетических, транспортных объектов, были крупнейшие ТНК. В 1970–1980-е гг. лучшим примером взаимовыгодного сотрудничества между СССР и ТНК стала Ангола, где после прихода к власти при решающей помощи кубинских войск просоветского режима ФРЕЛИМО американские нефтяные компании резко нарастили инвестиции и увеличили нефтедобычу на месторождениях Кабинды. Приведённые примеры являются не более чем иллюстрацией и могут быть дополнены длинным рядом других совместных или комплиментарных проектов.

В 1960–1970-е гг. западные аналитики опубликовали немало основательных работ, анализирующих серьёзные противоречия между преимущественно производственными и преимущественно банковскими ТНК в странах Третьего мира и прежде всего в Латинской Америке. Банковские ТНК в конце 1950-х и особенно в 1960-е гг. решительно взяли курс на целенаправленное финансовое разорение ключевых стран

Латинской Америки путём затягивания их в безвыходную долговую кабалу. После того как объём государственных задолженностей превышал возможности обслуживания не только тела основного долга, но и процентов по нему, подключался Международный валютный фонд. Последний был готов предоставлять реабилитационные кредиты при условии денационализации промышленности, которую осуществляли банки-кредиторы. Соответственно, частные банки-кредиторы, получив за бесценок инфраструктурные и добывающие предприятия в таких ключевых странах Латинской Америки, как Бразилия, Аргентина, Перу, Колумбия, в последующем стремились втридорога продать и продали эти предприятия производственным ТНК. Кроме того, при банкротстве стран происходило массовое обнищание их населения и в итоге схлопывался внутренний рынок, на котором к концу 1950-х гг., опять же, безраздельно господствовали производственно-торговые ТНК. В несколько меньших масштабах, чем в Латинской Америке, этот процесс шёл в странах Южной Азии. Таким образом, в 1960-е гг. в полной мере проявился зародившийся ещё в конце XIX века, с момента принятия антимонопольного Акта Д. Шермана, процесс нарастания противоречий между банковскими и производственными ТНК²⁵⁴.

Безусловно, все неангажированные исследования показывают, что, хотя международные банки и производственные ТНК взаимодействовали и были связаны между собой, в послевоенный период произошло размежевание реальных собственников и акционеров этих групп ТНК, и они с каждым годом всё в большей степени стали представлять собой не единое целое, а враждующие группировки.

Наконец, в 1950–1960-е гг. все возрастающие проблемы для ТНК в США и особенно в Западной Европе создавали профсоюзы. И дело здесь было не только в том, что за период с 1954 по 1967 г. в 1,9 раза выросло число потерь рабочих человеко-дней вследствие проведения юридически зафиксированных забастовок в промышленности стран ОЭСР, но и в том, что профсоюзы стали претендовать на участие в управлении производством. Особенно сильно это направление проявляло себя в Великобритании, Франции и Италии.

В общем и целом, к моменту, когда Александр Кинг вместе с Аурелио Печчеи начали предпринимать активные шаги по установлению рабочих контактов с советской стороной, стоящим за ними силам было ясно, какие проблемы можно и нужно решать и урегулировать с СССР и в экономическом, и в политическом, и в социальном плане.

5

Отсчёт времени, когда у всё большего числа людей, входящих в мировые элиты, стало появляться сначала смутное предчувствие, а затем всё более ясное понимание того, что мировая динамика развивается в неправильном или, как минимум, в непредсказуемом направлении, можно, пожалуй, начинать с выхода в свет знаменитого двухтомника Освальда Шпенглера «Закат Европы». Однако понадобились две мировых войны, не имеющие аналогов в мировой истории по кровопролитности, жерт-

²⁵⁴ Lee W. TNC vs TNB. L.: HarperCollins, 1988; Clifford S. International Markets and International Banks. N.Y.: Cambridge University Press, 1994.

вам и степени сокрушения привычных устоев жизни и начал цивилизации, чтобы это понимание трансформировалось у весьма влиятельных групп в желание как-то исправить ситуацию. Потребовалось ещё несколько десятилетий, ушедших на совершенствование вычислительных мощностей и методов моделирования, для того чтобы предчувствия, ощущение и понимание трансформировать в расчёты. В начале 1960-х гг. в знаменитой корпорации RAND двумя группами (одной — под руководством Г. Кана, второй — во главе с Х. Озбекханом) были осуществлены крупномасштабные расчёты, связанные с анализом разнообразных угрожающих тенденций не в масштабе отдельных стран и даже противостоящих в то время друг другу блоков, но в размерности всего мира²⁵⁵. Такие же работы были проведены с использованием вычислительных мощностей Европейского атомного центра группой будущего Нобелевского лауреата Х. Тьеманна²⁵⁶. Примерно в том же направлении вели работу две группы выдающихся математиков и специалистов в области социальных наук в Советском Союзе под руководством Н. Моисеева и В. Глушкова²⁵⁷.

Все расчёты, независимо от применяемых методологий, используемых вычислительных методов и даже идеологических заказов, которые, естественно, у каждой из групп были свои, получили, как теперь выяснилось для экспертов и общественности, сходные результаты. Что же касается правительств, то основные акторы тогдашней политики позаботились, используя собственные разведки, чтобы результаты работы каждой из групп стали известны и противной стороне. Иными словами, почва для совместной работы в сфере анализа и прогнозирования мировых проблем была подготовлена, желание совместно работать у каждой из сторон имелось. Дело оставалось за малым — найти конкретный повод для организации такой работы.

На основе беспристрастного анализа фактов автор текста постарался показать, что в значительной мере инициатива в подобной совместной работе исходила от советской стороны, которая, используя методы скрытного рефлексивного управления, постаралась активизировать эту деятельность и на Западе. Это, безусловно, удалось.

Чтобы, опираясь на свидетельства главных участников — фронтменов этих событий, вскрыть цели западных групп мировых элит, обратимся к воспоминаниям А. Печчеи и А. Кинга. Вот что пишет А. Кинг о тех, кто стимулировал его усилия в области организации Римского клуба и до некоторой степени Международного института системного анализа в Вене: «Мы обнаружили, что разделяем многие опасения и одинаково смотрим на глобальные проблемы, такие как перенаселение, ухудшение состояния окружающей среды, бедность и злоупотребление технологиями. Нам казалось, что значение этих проблем, ввиду всех прочих, было недооценено, и не было организации, способной проанализировать их, не говоря уже о том, чтобы предпринять какие-то серьёзные действия. Ни ООН, ни какая-либо другая офици-

²⁵⁵ Radzicki M.J., Taylor R.A. Introduction to System Dynamics. A Systems Approach to Understanding Complex Policy Issues. Albany, NY: U.S. Department of Energy, Office of Policy and International Affairs, 1997.

²⁵⁶ Zacharias G.L., MacMillan J., Hemel S.B., van. Behavioral Modeling and Simulation: From Individuals to Societies. Washington, D.C.: National Academies Press, 2008.

²⁵⁷ Пихорович В.Д. Очерки истории кибернетики в СССР: На пути к развенчанию мифов. М.: URSS, 2014.

альная международная организация были не в состоянии быстро отреагировать на потребность в решении обостряющихся проблем...»²⁵⁸.

По мнению Дэвида Рокфеллера и членов его Международного консультативного совета, Виктора Ротшильда и части членов семьи Ротшильд, а также политиков, ключевых собственников и руководителей транснациональных корпораций и остававшихся в тени представителей некоторых групп разведывательного сообщества по обе стороны океана и участников группы «Язоны» (о которых речь пойдёт в других частях работы): «Потенциальная опасность лавинообразного и каскадного нарастания мировых проблем была совершенно реальной, и если не предпринимать никаких мер, то они могут даже угрожать выживанию человечества как вида. Требовались срочные меры, но на правительства в этом отношении нельзя было полагаться; они не в полной мере понимали, что стоит на кону, а их избиратели, от которых они зависели, были ещё менее информированы»²⁵⁹.

В этом плане характерно, что определённая, возможно, и не господствующая, но чрезвычайно влиятельная группа наднациональной мировой элиты обратилась к Советскому Союзу как к партнёру по решению нарастающих проблем. Это неудивительно, поскольку советское правительство, как знали представители элит, кое-что в этих проблемах понимало, а главное, совершенно не зависело от каких-либо выборов, избирателей и прочих демократических издержек, мешающих заниматься серьёзными делами. Подобную точку зрения подтверждает в своих воспоминаниях А. Печчеи. Он пишет: «Напряжённая ситуация, в которой оказались ныне живущие на земле, является прямым следствием того, что делали и чего не делали в предшествующие годы наши предки и даже мы сами. В исторической перспективе не так уж важно, как распространены среди людей те или иные достоинства и недостатки. И даже если кто-то когда-то в будущем понесёт ответственность за что-то, сделанное или несделанное в прошлом, от этого будет не много пользы. Деятельность столетий назад римский писатель Колумелла справедливо заметил, что земля нуждается в человеке, который знает, который хочет и который может. Современный человек, решивший в наши дни взяться за беспрецедентные мероприятия — создание глобальной империи, опрометчиво опрокинул эту логическую последовательность, ибо он может, но пока что не хочет, потому что не знает»²⁶⁰.

Основные надежды с решением мирового переустройства А. Печчеи и А. Кинг, а точнее, люди, стоящие за ними, связывали с деятельностью производственных ТНК и повышением их социальной ответственности. На этот счёт А. Печчеи пишет: «Они за нечастыми исключениями не только ещё не осознали, но и не желают пока задумываться над глубокими, поистине драматическими изменениями, которые происходят сейчас во всей человеческой системе. Вместе с тем они обладают редкими способностями восприятия и приспособления к новому. Разумно использовать свои возможности они могли бы в трудный для человечества час, внести положительный вклад в диалектику социальных преобразований... Первым логиче-

²⁵⁸ Кинг А. Указ. соч. С. 328.

²⁵⁹ Там же. С. 325.

²⁶⁰ Печчеи А. Указ. соч.

ским этапом этой эволюции станет превращение многонациональных компаний в ненациональные или наднациональные»²⁶¹.

Здесь мы подходим ко второму слою целей реальных держателей проекта. Помимо прочего, Римский проект должен был помочь превращению ТНК в своего рода МК — мировые корпорации. Из понимания данного обстоятельства делаются два противоположных вывода относительно намерений тех кругов мировой элиты, которая стояла за А. Печчеи и А. Кингом в отношении Советского Союза. Сначала изложим свою версию, а затем подробно рассмотрим другой подход, наиболее аргументировано представленный А. Фурсовым.

Чтобы разобраться с ролью СССР, за отправную точку можно взять опять же мемуары А. Печчеи. В них он пишет следующее: «Сложившаяся в мире политическая система не только сознательно игнорирует требования глобального развития, но и стала абсолютно нечувствительной к каким бы то ни было мотивациям долгосрочного характера. Как заметил известный экономист Питер Ф. Дракер, “впервые создалось такое положение... при котором политическая единица, т.е. территория, и экономическая единица не соответствуют друг другу, что представляет определённую угрозу национальным правительствам”, и, как показали многочисленные нынешние споры, конфликты между всё ещё национальным государством и многонациональной корпорацией совершенно неминуемы.

Итак, что же делать? Для того чтобы разрядить обстановку и открыть новый этап развития отношений между транснациональным предприятием и национальным государством, необходима здоровая инициатива... Чтобы избежать острых проблем, можно было бы предложить ввести не национальный или наднациональный статус для компаний, ведущих дела в международных масштабах. Например, передать их под эгиду ООН либо неких иных структур... Возможно, государства с сильной рыночной экономикой, например, Великобритания, Западная Германия, Франция, Швейцария, Япония, Нидерланды, Швеция и в особенности США, будут возражать против такой меры, которая ограничивала бы их влияние на страны, зависящие от них экономически»²⁶².

Возникает вопрос: а при чём здесь СССР? Прежде чем ответить на него, надо понимать, что А. Печчеи, А. Кинг и стоящие за ними представители мировой элиты ещё в 1960-е гг. отмечали, что советские внешнеторговые организации за рубежом действуют как своего рода филиалы сверхкорпорации. Более того, о безальтернативности появления при социализме огромных корпораций писали в своих работах 1960-х гг. А. Кинг и А. Печчеи. Иными словами, когда речь идёт о ТНК, фактически обсуждались крупнейшие хозяйственные структуры вне зависимости от принадлежности к той или иной стране. И даже к тому или иному лагерю. Однако главное даже не в этом. Из на удивление откровенных воспоминаний А. Кинга и А. Печчеи, не вынужденных ради хлеба насущного либо соображений карьеры угождать требованиям текущей политической конъюнктуры, становится ясной одна поразительная вещь. В лице СССР определённая часть собственников и высших руководителей немалого числа крупнейших производственных ТНК видела не противника и

²⁶¹ Там же.

²⁶² Там же.

не только союзника, но и в перспективе даже своего рода защитника перед своими собственными национальными правительствами. Безусловно, с позиций сегодняшнего дня подобная точка зрения может показаться дикой. Однако то, что случилось с СССР, не было предопределено в 1960-е гг. на 100%. Более того, вероятность такого исхода в 1960-е гг. была ещё крайне мала и резко нарастала по мере разворачивания определённых событий и процессов, о которых речь впереди.

В то время Советский Союз не только находился в конфронтации с правительствами развитых капиталистических стран, но и до некоторой степени находился от них в экономической и технологической зависимости. Если вспомнить тезис А. Печчеи, приведённый выше, СССР попадал в категорию стран, страдавших от диктата национальных правительств над ТНК. Соответственно, освобождение от диктата давало СССР как минимум тактические, а возможно, и определённые стратегические выгоды.

Далее. Указание на ООН у Печчеи неслучайно. Стоящая за будущим Римским клубом часть мировой элиты понимала, что без правительств проблему противоречия между национальными государствами и ТНК не решить. Нужна некая согласительная структура. Из существовавших в то время единственной подобного рода уже пригодной структурой была ООН. Характерно, что механизм принятия решений в ООН таков, что только постоянный член Совета Безопасности ООН мог заблокировать то или иное решение. Опять же, размышляя строго и жёстко логически, приходится прийти к выводу, что в ООН в условиях противоречий между ТНК и национальными правительствами единственной надеждой корпораций был Советский Союз. Ведь все остальные постоянные члены Совета Безопасности ООН являлись представителями тех стран «с сильной рыночной экономикой», от диктата которых хотели уйти производственные ТНК при помощи арбитража ООН. То есть их единственным представителем с решающим правом голоса был Советский Союз.

Но и это ещё не всё. Достаточно ознакомиться с чрезвычайно обширной литературой, посвящённой национальным государствам, опубликованной на Западе в период до 1970-х гг. (хотя, впрочем, и после), чтобы понять: ни один серьёзный, действительно влиятельный в мировом истеблишменте учёный не причислял СССР к разряду национальных государств. Собственно говоря, и официальная советская точка зрения состояла в том, что СССР — это особое наднациональное образование, открытое для вступления в него других стран. Западная элита никогда не считала Советский Союз национальным государством. Если быть совсем точным, значительная часть элиты под влиянием своих интеллектуальных советников не считала его в полном смысле и государством. СССР представлялся скорее некоей государствовидной структурой, в экономическом плане близкой к уникальной форме корпорации-государства в противовес итальянскому фашизму и германскому национализму — классическим типам корпоративных государств.

Взгляд на хозяйство СССР как на одну большую корпорацию красной нитью проходил через все учебники и серьёзные официально признанные советские работы по политэкономии социализма²⁶³. У истоков такой позиции, хотя прямо это никогда не признавалось, лежала работа Сталина «Экономические проблемы социа-

²⁶³ Курс политической экономии // Цаголов Н.А. (ред.). М.: Экономика, 1973–1974.

лизма в СССР»²⁶⁴. Некоторые исследователи высказывают точку зрения, что на Западе никогда не относили СССР к корпоративному государству в силу его социально ориентированной политики. Однако такую позицию высказывают, как правило, российские исследователи. Западные же аналитики, опирающиеся на фактический анализ социальной политики производственных корпораций в развитых капиталистических странах, всегда отмечали, что внутри корпорации их собственники и топ-менеджмент проводили активную социальную политику и осуществляли разнообразные мероприятия по развитию так называемого «человеческого капитала».

Нельзя не упомянуть один практически неизвестный, но любопытный факт. Огромное влияние на развитие корпоративизма в широких «элитных массах» имела книга троцкиста, знаменитого Джеймса Бернхема «Революция менеджеров». Помимо прочего в книге говорится о фактической неизбежности перехода ко всемирному плановому хозяйству и прогрессирующему падению роли собственников. В современной России практически никому не известно, что в 1948 г. в ходе следствия над Н.А. Вознесенским всплыл номерной экземпляр переведённой на русский язык книги Бернхема с пометками товарища И.В. Сталина. Как водилось, с 1930-х гг. в СССР наиболее интересные, актуальные западные книги быстро переводились на русский язык для высшего руководства и рассылались по номерным спискам. В данном же случае эта книга была столь важна, что экземпляр со своими пометками И.В. Сталин передал Н. Вознесенскому для работы. Интересно, что единственный официальный перевод книги Д. Бернхема до сегодняшнего дня на русский язык был сделан в 1953 г. главным антагонистом советской власти Народно-трудовым союзом солидаристов под типично советским названием «Диктатура директоров».

Таким образом, объективные исторические факты, в том числе и приведённые ранее примеры всё возрастающего сотрудничества и взаимодействия между производственными ТНК и СССР, а также простые логические, лишённые какой-либо предвзятости и конъюнктурности выводы из доступных, написанных в основном ещё во времена Советского Союза работ говорят о том, что немалая часть собственников и топ-менеджеров производственных ТНК были готовы идти на взаимодействия и совместную работу с Советским Союзом и видели его, по меньшей мере, своим тактическим союзником. Безусловно, речь идёт не о всех производственных ТНК, не о всех собственниках и не о всех топ-менеджерах, а лишь о некоторой, но крайне влиятельной, включающей представителей таких фамилий как Ротшильды, Рокфеллеры и т.п., части мировой элиты.

Цели третьего уровня западной стороны были связаны с решениями острых проблем, в полный рост вставших перед производственными ТНК к концу 1960-х гг., о которых речь шла ранее. Вполне очевидно, что в решении всех этих проблем Советский Союз мог играть, и, более того, как показала практика, играл положительную для ТНК и для себя роль. Чтобы не приводить общеизвестные факты и не повторять избитые суждения, ограничимся лишь указаниями на наиболее очевидные свидетельства. Наиболее активные и серьёзные держатели проекта Римского клуба получили в СССР крупнейшие контракты: Аньелли — «Фиат»; Дэвид Ротшильд напрямую и через родственные структуры получил выгодный контракт, связанный с участием в сооружении «КамАЗа»; немецкие участники и финансо-

²⁶⁴ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. http://datis.pro/upload/c91/stalin_problems_of_economy.pdf

вый дом Ротшильдов активнейшим образом присутствовали в реконструкции трубной промышленности СССР, особенно в части создания новых производственных мощностей по изготовлению труб большого диаметра для нефте- и газопроводов. Как говорится, идеи идеями, мировые проблемы мировыми проблемами, а денежки счёт любят. Советские партнёры в те времена это отлично понимали.

Однако существует и прямо противоположная точка зрения. В своём рассчитанном на не слишком подготовленных читателей виде она представлена в огромном, многократно цитировавшемся ранее труде Павленко. Совершенно на ином интеллектуальном уровне изложения и аргументации данная точка зрения представлена в целом ряде фундаментальных работ А.И. Фурсова.

В наиболее сконцентрированном виде А.И. Фурсов изложил свою точку зрения следующим образом: «После Второй мировой войны на свет вышла молодая и очень хищная фракция мирового капиталистического класса — корпоратократия. Её первое явление миру — свержение правительства Мосаддыка в Иране в 1953 году, проведённое в угоду не государственным, а корпорационным интересам. Именно корпоратократия разгромила Советский Союз в три пятилетки, создав у нас свою “пятую колонну” и сумев внедрить в сознание многих советских общественников характерный для западных политологии и социологии язык»²⁶⁵.

В контексте данной точки зрения не только Международный институт прикладного системного анализа в Вене, но и Римский клуб рассматриваются как тщательно спланированные и искусно осуществлённые заговоры по растлению высшей советской элиты, вербовке агентов влияния и прямых агентов с целью нанесения исторического поражения Советскому Союзу. В некотором смысле данная точка зрения имеет фактические подтверждения в отношении Международного института прикладного системного анализа. Однако сюжет с Институтом — совершенно отдельная история, и речь о ней впереди. Более того, сами по себе обстоятельства произошедшего, субъекты и их мотивация в случае Международного института прикладного системного анализа заметно отличались от Римского клуба и, более того, заметно модифицировались с течением времени. Пока же речь идёт собственно о корпоратократии, понимаемой, в соответствии с общепринятой интеллектуальной традицией, как сеть преодолевших и подчинивших себе государства акционеров крупнейших, в известной мере взаимосвязанных между собой производственных корпораций. Как уже было показано ранее на основе фактов, в свержении Мосаддыка рука об руку участвовали, частично в собственных интересах, а частично из-за обстоятельств непреодолимой силы, несколько субъектов действия, включая и советское руководство. Так что сваливать всё на корпоратократию в случае Ирана в строгом аналитическом плане не вполне корректно.

Ныне всё более популярные в России термины про пятые, шестые и прочие колонны являются скорее данью публицистике, чем холодной, скальпелеподобной мысли. В каждом конкретном случае принадлежность к колонне требует неопровержимых доказательств. Более того, сама по себе точка зрения, что Советский Союз прекратил существование из-за поражения от внешних сил, при всей общепринятости нуждается в развёрнутом документальном подтверждении, какового на сегодняшний день никем не представлено.

²⁶⁵ Фурсов А.И. Русский интерес. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014.

В связи с этим важно обратить особое внимание на специфический аспект истории как науки. В этом тексте уже многократно говорилось об объективных трудностях, стоящих перед любым беспристрастным исследователем, связанных не с внешними факторами, а с самим характером исторического материала. На протяжении десятилетий не только в нашей стране, но и во всём мире любые исторические споры и дискуссии велись либо путём предоставления различных выборочных массивов материалов, либо с использованием в качестве аргументов ссылок на суждения, мнения современников тех или иных исторических событий или, что ещё более часто, отсылок к свидетельствам более ранних историков. Любому представителю естественных наук, а тем более математики подобная аргументация покажется дикой. Фактически речь идёт не об объяснении эмпирически выявленных закономерностей, а о спорах интеллектуальных моделей, опирающихся на специальным образом сконструированные, выборочно извлечённые из беспредельной совокупности данных сведения. В итоге победителями оказываются те исторические концепции, которые либо в данный момент в наибольшей мере соответствуют текущим задачам власть имущих, либо, так же как в мире товаров, имеют лучшую, наиболее привлекательную литературную, а теперь и визуальную упаковку, делающую лёгким, доступным и приятным их потребление.

Однако с появлением в середине 2000-х («нулевых») годов технологий и вычислительных мощностей Больших Данных, осуществлением глобальной и зачастую сплошной оцифровки исторических архивов и данных, прогресса методов классифицирования и распознавания появилось такое направление как количественная история. Она ни в коем случае не подменяет и не отменяет гуманитарную и описывающую (описательную) истории, но по широкому и всё возрастающему кругу вопросов количественная история позволяет переходить от обоснования при помощи ссылки на источник или мнения к обоснованию на основе интеллектуальной обработки данных. К тому же прелесть исторических данных состоит в том, что крупные совокупности практически невозможно подделать и отдельные, обязательно имеющиеся в данных сознательные и несознательные ошибки, неточности и пробелы ликвидируются в ходе специальных процедур, называемых «очисткой данных». В этом смысле корректное применение математико-статистических методов к данным позволяет дать ответ на многие дискуссионные вопросы.

Определённый ответ может дать количественная история и на вопрос о взаимосвязях корпоратократии и Советского Союза. Продемонстрируем это всего на одном, но крайне впечатляющем примере. В 2008 г. группа исследователей опубликовала работу «Перевоороты, корпорации и закрытая информация» («Coups, Corporations, and Classified Information»)²⁶⁶. Работая с большими массивами информации, исследователи постарались обнаружить связи между осуществлением непосредственно либо при участии ЦРУ переворотов и инсайдерскими операциями крупнейших американских финансовых институтов на мировых финансовых, в первую очередь биржевых, сырьевых и фондовых рынках. Авторы книги, используя различные ме-

²⁶⁶ Dube A., Kaplan E., Naidu S. Coups, Corporations, and Classified Information. <http://econweb.umd.edu/~kaplan/coups.pdf>

тоды интеллектуального математико-статистического анализа, поставили перед собой задачу подтвердить или опровергнуть гипотезу о наличии у финансовых институтов, а точнее, у руководства или брокерских подразделений некоей закрытой информации о будущем перевороте и проведении в соответствии с инсайдерской информацией сделок в расчёте на то, что переворот завершится успехом.

В результате анализа больших массивов данных были получены убедительные математико-статистические результаты, позволяющие с высокой степенью вероятности в строгом смысле этого слова утверждать, что такие случаи не просто были, но являлись скорее нормой, чем исключением. Иными словами, перевороты, осуществляемые ЦРУ или при его участии, решали не только политические задачи государства, но и вполне конкретные финансовые задачи банковских и инвестиционных институтов. Более того, эффективность от таких операций через соотношение прибылей и убытков от инсайдерских сделок просчитана в ходе исследования.

Ещё одним часто приводимым аргументом применительно к побудительным мотивам корпоратократии уничтожить СССР является тезис Розы Люксембург о необходимости наличия для капитала внешних по отношению к капитализму зон и постоянной экспансии в них мировой капиталистической системы. Несомненно, данный тезис справедлив. Его отрицание советской экономической мыслью на уровне ведущих представителей элиты после Ленина носило не концептуальный, а идеологическо-ситуативный характер. Например, есть свидетельство, что те же Бухарин и Сталин отлично понимали, что к чему в логике развития капитализма, однако официально критиковали данный тезис в связи с нуждами практической внешней политики СССР.

На первый взгляд, наличие Советского Союза, его укрепление и активная внешняя политика, особенно в послевоенный период связанная с крушением мировой колониальной системы и выбором достаточно большим числом стран, располагающих мощной ресурсной базой и достаточно ёмким внутренним рынком, пути так называемой социалистической ориентации, противоречило интересам производственных ТНК. Однако, если опираться на факты, а не на оценки, то выяснятся достаточно удивительные для людей со сложившейся чёрно-белой картиной мира факты. Ещё в 1990 г. вышел фундаментальный труд, посвящённый не столько анализу, сколько описанию деятельности производственных, транснациональных корпораций в странах Третьего мира, выбравших так называемый путь социалистического развития²⁶⁷. Книга сразу же после опубликования в Америке оказалась в СССР. Была проведена работа по проверке содержащихся в ней фактов. В тот период и несколько позднее автору довелось в связи с этим беседовать с ответственными работниками ГКЭС, МВС и ГКНТ СССР. Они не только подтвердили подавляющее большинство сведений, содержащихся в книге, но и добавили дополнительные, весьма любопытные детали. Поскольку детальное рассмотрение этой книги уходит далеко за рамки темы взаимодействия определённых паттернов советской и западной элит, ограничимся лишь некоторыми общими выводами.

Прежде всего, в значительной мере демонтаж Британской, Французской, а позднее Португальской колониальных империй был своеобразным совместным предпри-

²⁶⁷ *Saar van der, Gilson F. The Joint Venture. Western Corporations in the Construction of Communism in the Third world. Cambridge: MIT, 1990.*

ятием элит, разведывательных сообществ и неформальных политических структур Советского Союза и США. Более того, можно добавить, что, согласно опубликованным в 2013 г. сведениям в ходе этого демонтажа Соединённые Штаты впервые в своей истории на практике применили финансовое оружие для достижения своих внешнеполитических целей. Объектом применения финансового оружия Соединённых Штатов была Великобритания, а поводом стал Суэцкий кризис 1956 г.²⁶⁸

Собранный в книге обширный фактический материал свидетельствует, что в тех странах социалистической ориентации, где у власти стояли адекватные, заинтересованные в перспективе, заботящиеся о развитии потенциала страны лидеры, выступавшие на международной арене как союзники СССР и поддерживавшие с ним разнообразные и объёмные отношения, у западных производственных ТНК дела складывались более чем хорошо. В качестве примеров таких стран (и, соответственно, лидеров), где ТНК не только сохранили, но и нарастили свою активность, выступали Ангола Нету и душ Сантуша; Демократическое Конго Нгуабе; Алжир Бумедьена; Сирия Асада; Индия семьи Неру – Ганди; Мозамбик Чиссано; Ирак Хусейна и т.п. В тех же случаях, когда лидеры прокламировали социалистическую ориентацию, но реально не делали никаких шагов по развитию страны, проблемы возникали не только у западных корпораций, но и у самого Советского Союза, который на первом этапе поддерживал этих лидеров. Наиболее яркими примерами являлись Уганда Амина, Центральнаяафриканская Республика людоёда Бокасы, Южный Йемен Мухаммада и т.п.

Наконец, в американской работе особое внимание уделено совместным операциям Советского Союза и сил, поддерживаемых производственными ТНК, в странах Третьего мира. Так, в книге анализируется одна из наиболее кровопролитных африканских гражданских войн XX века. Речь идёт о Нигерии и Республике Биафра. Как известно, Республика Биафра, отделившаяся от Нигерии и включавшая в себя наиболее богатые нефтью районы страны, в ходе гражданской войны поставила федеральную власть на порог полной катастрофы. Спасение пришло в виде срочных поставок вооружения федеральному правительству из Советского Союза и американского вооружения через Великобританию. Одновременно в страну прибыли советские, американские и британские советники и инструкторы по обучению. В результате нигерийская армия перешла в контрнаступление и в конечном счёте уничтожила Биафру, поддерживаемую правительствами Китая, Израиля, Франции, ЮАР и пользующуюся негласной поддержкой американского правительства. Интересно, что Великобритания, в которой в то время у власти находились лейбористы, поставляла оружие, которое оплачивалось американскими нефтяными ТНК.

В книге также рассмотрены события гражданской войны в Анголе в 1975–1977 гг. Формально на одной стороне конфликта были также массированные поставки советских вооружений правительству А. Нету, поддерживавшие его кубинские войска и советские военные советники. С другой же стороны выступали подразделения двух соперничающих группировок, за которыми стояло американское правительство и регулярные войска ЮАР. Однако любопытно следующее. В ходе военных действий в первую очередь кубинские войска, возглавляемые советскими во-

²⁶⁸ Parameters. 2012/2013. Vol. 42, no. 4. <https://ssi.armywarcollege.edu/pubs/parameters/>

енными советниками, обеспечили мгновенный захват и очистку от противоположной стороны нефтепромыслов в Кабинде. В этом районе американские нефтяные компании к началу гражданской войны только что закончили обустройство крупных нефтяных месторождений и начали добычу нефти. После перехода провинции Кабинда в руки правительства, поддержанного Москвой, нефтедобыча не останавливалась ни на час. Более того, американские нефтяные компании получили продление лицензий на долгие годы и дополнительные преференции, которых у них не было при португальской администрации Анголы. Подобные примеры можно множить и множить. Однако представляется, что уже приведённых фактов вполне достаточно для вывода о совместимости интересов СССР и немалой части производственных ТНК в странах Третьего мира.

Завершая анализ взаимоотношений производственных ТНК и советской элиты, по крайней мере весьма значительной её части, нельзя не отметить следующее. Бесспорно, группировки и персоналии из западного истеблишмента, стоявшие за спиной А. Кинга и А. Печчеи в рамках проекта Римского клуба, не были ни добрыми волшебниками, ни Санта-Клаусами, ни горячими друзьями Советского Союза. Это были умные, волевые, отлично информированные, внешне доброжелательные, но внутренне очень жёсткие, а часто и жестокие люди, рассматривавшие все варианты событий. Их девизом было: победа при любых условиях и любых раскладах.

Если вспомнить 1960-е гг., то это были годы серьёзных и неоспоримых успехов СССР практически во всех областях — от космоса до балета, от экономики до военной сферы. В то же время Америка переживала глубочайший кризис, который выплёскивался на поверхность миллионными демонстрациями не только противников войны во Вьетнаме, но и молодёжи, отвергающей традиционный западный образ жизни. Эти марши и компании сопровождалась в буквальном смысле вооружёнными мятежами на улицах в негритянских районах американских городов. В Европе последовательно усиливались левые, а в таких странах, как Франция, Италия, Швеция, — коммунистические партии. Между итальянскими коммунистами, христианской демократической партией и высшими иерархами Ватикана вовсю шли переговоры о формировании новой левохристианской коалиции. Причём она должна была не только изменить расклад сил в Италии и других католических странах Европы, но и коренным образом поменять политическую реальность Латинской Америки и Филиппин. В Британии к власти пришли лейбористы Вильсона, которые были ширмой для нового фабианского движения. В ФРГ все понимали, что дни коалиции ХДС/ХСС сочтены и к руководству страны придут социал-демократы В. Брандта со своим сильным левым крылом.

Эти процессы являлись продолжением тенденций, которые на Западе начали чётко прослеживаться практически с начала XX века. Эти тенденции прекрасно видели и понимали не только наиболее дальновидные, но и часть наиболее могущественных представителей западной политической и деловой элиты. В этих условиях они считали необходимым идти на сотрудничество с Советским Союзом, который для них в каком-то смысле олицетворял будущее. При этом они были убеждены, что сам Советский Союз, в свою очередь, будет эволюционировать в рамках концепции конвергенции. Эту концепцию именно в первой половине 1960-х гг. детально разработали, обосновали и довели до сведения западного истеблишмента по

обе стороны океана такие виднейшие представители западной мысли, как Д. Гэлбрейт, Д. Белл, Р. Арон, Д. Кейнс и др. При этом нельзя не отметить, что в значительной степени разработка этой концепции была «не самостоятельным творчеством масс», а выполнением прямого заказа производственных транснациональных корпораций и прежде всего семьи Рокфеллер.

При этом, реализуя проект Римского клуба, часть западной элиты создавала благоприятные предпосылки для действий в ситуации, когда с Советским Союзом начнут случаться те или иные неприятности. В качестве неосновного, но возможного варианта Дэвид Рокфеллер и близкие к нему люди рассматривали возникновение ситуации серьёзных экономических сложностей реального социализма. Этот вариант предполагал глубочайший системный кризис СССР и превращение его из государства реального социализма во главе с КПСС в солидаристское, по сути, корпоративное в прямом смысле слова государство. Известно, что по поручению Д. Рокфеллера знаменитый американский дипломат, стратег, один из архитекторов холодной войны Джордж Кеннан написал предисловие к книге, в которой, насколько известно, впервые была высказана сугубо пессимистическая точка зрения на перспективы советской экономики и предсказан грядущий коллапс коммунизма, который, по мысли авторов, должен был завершаться созданием в России солидаристского общества²⁶⁹. (Как это ни удивительно, в 2014 г. патриарх Кирилл заявил о том, что официальной доктриной РПЦ является солидаризм.)

Любопытно, что книга была написана бывшим французским разведчиком, известным аналитиком, теневым политиком и членом «Круга» Б. Крозье и племянником одного из лидеров НТС Аркадия Петровича Столыпина, сына знаменитого российского премьера, — Д. Столыпиным. Книга вышла ограниченным тиражом и была разослана Д. Рокфеллером определённым кругу лиц. Однако данный вариант в целом рассматривался «римской группировкой» как резервный. Основным был вариант прогресса и усиления Советского Союза и, соответственно, создания конвергентного мира.

Возникает вопрос: что же случилось во второй половине 1960-х — начале 1970-х годов? Почему исходная концепция, а тем более последующая деятельность Международного института прикладного системного анализа в Вене столь отличались от проекта и деятельности Римского клуба? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить, какая Аннушка и когда пролила свое масло, что это было за масло и кто же оказался Воландом, из-за которого началась история на Патриарших прудах, закончившаяся столь плачевно для СССР и, весьма вероятно, для всего мирового сообщества. Но это тема отдельного исследования.

²⁶⁹ Crozier B., Stolypin D. Economic Preconditions of Collapse of the Communist Russia. N.Y., 1964.

П. Сил

АБУ НИДАЛЬ:
НАЁМНИК-УБИЙЦА

Патрик Сил (1930–2014) — специалист по Ближнему Востоку,
Великобритания

Seale P. Abu Nidal: A Gun for Hire. L. etc.: Hutchinson, 1992. 339 p.

Реферативное изложение К.А. Фурсова

Книга одного из крупнейших британских специалистов по Ближнему Востоку посвящена известному палестинскому террористу¹.

«Из всех практиковавших насилие людей на современном Ближнем Востоке Абу Нидаля — фигура наиболее загадочная. Почему он убивает? По чьим приказам? С какой целью? Как ему удалось так долго выживать, в то время как по его следам шла половина спецслужб мира? Почему его никогда не атаковал Израиль, как делал с другими палестинскими группировками? Ни одна другая карьера за последние годы не бросает больше света на тайные войны Ближнего Востока, которые изобилуют грязными приёмами и в которых вещи редко бывают тем, чем кажутся» (с. 55).

Абу Нидаля был человеком неприметной наружности (хотя несколько источников упоминают его лысину, живые глаза и хорошие зубы). Образование он получил простое, а здоровьем не отличался: страдал от язвы желудка и ангины. Одевался в старьё, за роскошью и даже комфортом не гнался. Семейной жизни у Абу Нидаля по сути не было, а единственным утешением, похоже, был виски, который он поглощал ночами в большом количестве. «Его долгое пребывание в подполье, около двадцати лет (своего рода рекорд в мире тайных операций), заставило его сторониться контактов с людьми. Фантазёр, который обращает мало внимания на истину, он живёт в мире насилия, обмана и страха. Как и другие практики в мрачном мире разведки, он имеет тягу к тайному знанию и тайной власти. Мастер маскировок и уловок, который никому не доверяет, одинок и полагается лишь на себя, он живёт подобно кроту, вдали от взоров общественности. В нём, похоже, уживаются противоречия: он одновременно быстр и весьма осторожен, дерзок и труслив.

Однако даже враги признают, что для создания его дисциплинированного и внушающего многим страх инструмента террора потребовались большие способности. Благоразумный администратор, умевший здраво организовать финансы, он скопил состояние, которое, как говорят, достигает сотен миллионов долларов. По словам бывших коллег, он способен усердно трудиться и долгое время сохранять ясную голову, а также он — несомненный лидер, который благодаря внушаемым

¹ Книга опубликована в 1992 г., когда Абу Нидаля был ещё жив. В августе 2002 г. он был найден застреленным в Багдаде. — *Здесь и далее прим. автора реферата.*

им лояльности и преданности управляет своей широко раскинувшейся организацией посредством страха» (с. 56–57).

Сначала Абу Нидадь был известен своим пламенным национализмом. Позднее он стал пресловутым убийцей. По словам некоторых, к середине шестого десятка лет он уже смаковал свою репутацию изгоя и убийцы: патриот сделался психопатом. Такие отклонения происходят лишь в ситуациях большого стресса, когда одно сообщество, ослеплённое ненавистью и страхом, нападает на другое или когда личность переживает глубокое потрясение.

Родился Абу Нидадь в мае 1937 г. в Яффе — древнем арабском порту на средиземноморском побережье страны, которую в ту пору называли Палестиной. Его отец Халил аль-Банна был уважаемым гражданином, владельцем апельсиновых рощ к югу от города. Каждый год он отправлял свой урожай по морю в Ливерпуль. От первой жены у Халила было 11 детей, которые жили в просторном трёхэтажном доме. Для спасения от летнего зноя побережья он выстроил ещё один дом в горной деревне на севере Сирии близ порта Александретта, который французы накануне Второй мировой войны, вопреки воле сирийцев, уступили Турции. В старости Халил, к возмущению семьи, женился на служанке-алавитке. От этого брака и родился его 12-й ребёнок Сабри, будущий Абу Нидадь. В детстве он испытал на себе презрительное отношение старших сводных братьев и сестёр. Когда в 1945 г. отец умер, мать Сабри выгнали из дома, и он потерял и её. О мальчике практически никто не заботился, поэтому образования он почти не получил. Из школы после третьего класса ушёл. До прихода к власти Хафиза аль-Асада² в 1970 г. алавиты были в Сирии угнетённой общиной, и гордиться Сабри было нечем.

Став взрослым, Абу Нидадь помирился с семьёй отца, некоторые члены которой живут на занятых Израилем территориях. Так, он время от времени материально помогал сводной сестре в Наблусе. Несколько его племянниц вышли замуж за членов его организации. И всё же его жестокость и стремление доминировать над окружающими могли быть связаны с потерей матери и унижениями в детстве. Женщин он презирал, и жёны членов его организации находились в изоляции и неведении относительно работы мужей. Им даже было запрещено дружить друг с другом, как принято среди остальных палестинских группировок. Жена самого Абу Нидаля была терпеливой, многострадальной женщиной, которую он годами держал вдали от общества.

Мстительная личность террориста, вероятно, сформировалась вследствие не только лишений детства, но и катастрофы, постигшей его семью и всех палестинцев в результате массовой еврейской иммиграции. Многие евреи бежали от Гитлера и были эмоционально привязаны к исторической родине. Однако способ, посредством которого было образовано государство Израиль, с насильственным изгнанием арабских жителей, оставлял желать лучшего. Обездоленные палестинцы пережили шок, от которого не могут оправиться по сей день. В 1930-е гг. многие палестинские дети, подобно маленькому Сабри, росли на рассказах о героических арабских воинах, которые пытались остановить приток чужеземцев, скупавших палестинские земли и разгонявших арабских арендаторов и работников. Попытка евреев в 1935 г. провезти контрабандой оружие через Яффу была одним из первых ин-

² Хафиз аль-Асад (1930–2000) — сирийский государственный, политический и военный деятель, президент (1971–2000), лидер сирийской партии «Баас».

цидентов, которые побудили арабов подняться против них и их британских покровителей. Гибель арабского шейха Изз-уд-дина Кассам³ стала одной из искр, зажегших арабское восстание 1936–1939 гг., которое британцы безжалостно подавили. Арабо-еврейская вражда, которую Сабри наблюдал в детстве, была неизбежным фактом повседневной жизни.

Сионисты постарались захватить как можно больше территории до ухода британцев из Палестины 15 мая 1948 г., когда, как опасались евреи, в страну вступят армии арабских государств. Тогда и возникла проблема палестинских беженцев; всего страну покинуло около 750 000 человек (с. 60). В Яффе после образования Израиля из 75 000 арабов осталось всего 3000 (с. 61). Новое правительство конфисковало плантации семьи Банна. Среди палестинцев шла свалка за возможность поскорее выбраться из страны, а среди евреев — за возможность поскорее захватить брошенную собственность. Незадолго до падения Яффы некогда состоятельная семья Банна бежала в Газу, находившуюся тогда под египетской оккупацией. Затем она перебралась в Наблус на Западном берегу р. Иордан, который был под властью Иордании. Со временем некоторым сыновьям и дочерям Халила удалось поправить свои дела. Им повезло: большинство палестинских беженцев годами жили в палаточных городках, всё ещё ожидая чуда. Сегодня вместо палаток поставлены дома, но в остальном всё по-прежнему.

Своим государственным строительством и военными успехами израильтяне гордятся по праву, но многие из них признают, что «война за независимость» была, как большинство войн, делом жестоким и во многом преступным. Сами еврейские историки, такие как Симха Флапан⁴, в 1980-е гг. показали, что пропагандистская версия, согласно которой беспомощная еврейская община чудом одолела превосходящие арабские силы, — это миф. В 1990 г. историк Бенни Моррис⁵ из Еврейского университета в Иерусалиме поведал в лекции, как в конце 1940-х – начале 1950-х гг. израильские солдаты и гражданские лица перебили тысячи безоружных палестинцев, которые пытались вернуться в страну, чтобы собрать урожай или забрать утраченное имущество. На Западе многие до сих пор смотрят на евреев как на жертв тысячелетних преследований, «венцом» которых был холокост. Однако понять Абу Нидаля и других разгневанных палестинцев невозможно, если не помнить о том, как повлияла на их общество победа Израиля в 1948 г. Терроризм стал реакцией палестинцев на их истребление и ограбление, а в придачу — забвение со стороны мирового сообщества. Возможно, этого не произошло бы, если бы в 1947 г. арабы согласились на резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН № 181 о разделе Палестины

³ Изз-уд-дин аль-Кассам (1882–1935) — арабский имам, боролся против властей французской подмандатной Сирии, затем против евреев подмандатной Палестины и её британских властей. Основатель подпольной боевой организации «Чёрная рука». Был убит в бою с полицией. В Палестине почитается как национальный герой.

⁴ Симха Флапан (1911–1987) — израильский историк и политик, автор книги «Рождение Израиля: мифы и реальность», национальный секретарь левой сионистской партии МАПАМ. Выступал за примирение Израиля с арабами.

⁵ Бенни Моррис (род. 1948) — израильский историк, лидер группы «новых историков», цель которых состоит в пересмотре традиционных взглядов на историю Израиля и в попытках содействовать мирному процессу в регионе.

на арабское и еврейское государства. Однако в создавшихся условиях одержимые мстью палестинцы считали так: что отнято силой, можно вернуть только силой.

Подростком Сабри подрабатывал посыльным и помощником электрика, но глубоко сетовал на свою рваную одежду, пустой желудок и отсутствие образования. Несколько месяцев он пытался посещать государственную школу, но, не имея денег и пропустив много лет, не смог подтянуться. Однако он был умён и амбициозен, пытался читать самостоятельно и наткнулся на полуподпольный бюллетень «Пробуждение», который публиковал иорданский филиал партии «Баас»⁶ на Западном берегу.

Иорданская «Баас» была первым филиалом партии, которую основали в конце 1940-х гг. два сирийских учителя в Дамаске. Когда слабость арабов благодаря палестинской катастрофе сделалась явной, молодёжь ринулась в «Баас» с её волнующей, хотя и несколько непоследовательной программой арабского «возрождения». Забитый беженцами Западный берег был для баасистских идей плодородной почвой, особенно после убийства малика Иордании Абдуллы⁷ в 1951 г. Убил его палестинец за тайный сговор с Израилем в войну 1948 г. и предложение признать это государство. Партия «Баас» ещё находилась в Иордании на полуподпольном положении, но в ходе шумных демонстраций требовала большего участия палестинцев в делах королевства, а также разрыва отношений с Британией, которую палестинцы винили в предательстве. В 18 лет Сабри вступил в «Баас».

Этот политический опыт оказался кратким. В апреле 1957 г. группа офицеров-националистов в Аммане попыталась захватить власть, но малик Хусейн⁸ и его войска бедуинов подавили путч. «Баас» и другие радикальные партии созвали в Наблусе съезд, чтобы требовать реабилитировать путчистов и переориентировать Иорданию с Британии и США на Египет. Однако националистическая мечта вскоре померкла. Запад оказал Хусейну помощь, и малик утвердил свою власть, проведя массовые аресты баасистов. Воспылав ненавистью к Хашимитам, Сабри, подобно десяткам тысяч молодых палестинцев, уехал попытать счастья в Саудовскую Аравию. В Эр-Рияде он вместе с другом сделался маляром и электриком, а к 1959 г. им удалось открыть лавку. Опять же, как у многих соотечественников, эмиграция лишь усилила в Сабри мечты вернуться. Из «Баас» он вышел, чтобы найти своей энергии другой выход.

Уже тогда Сабри аль-Банна видел себя кем-то вроде лидера, причём, чтобы произвести впечатление, не останавливался перед обманом. Собрав вокруг себя группу молодёжи, он основал в саудовской столице собственную небольшую группировку и в духе того времени назвал её Палестинской тайной организацией. Первой целью Сабри стал Бейрут — политический и издательский центр Ближнего

⁶ «Баас» (араб. «возрождение») — Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ). Её основателями (1947 г., Дамаск) были сирийский философ Мишель Афляк (1910–1989) и политический деятель Салах-уд-дин Битар (1912–1980). Баасизм — направление панарабского национализма, имеет целью объединить арабский мир в однопартийное государство, выступает за светский характер власти и модернизацию общества на основе государственного регулирования экономики. Партия «Баас» создала отделения в большинстве арабских стран, в двух из них стала правящей — в Ираке (в 1963 и в 1968–2003 гг.) и Сирии (с 1963 г. по сей день).

⁷ Малик — арабский титул монарха, на европейские языки его переводят как «король». Абдулла I ибн Хусейн (1882–1951) — первый малик Иордании, правил в 1946–1951 гг. (династия Хашимитов).

⁸ Хусейн ибн Талал (1935–1999) — третий малик Иордании, правил в 1952–1999 гг. (династия Хашимитов).

Востока, единственная арабская столица, где существовала свобода слова. В начале 1960-х гг. Сабри отдал все свои средства на отправку туда двух эмиссаров, чтобы основать филиал организации. Однако один из посланцев стал студентом, а другой — предпринимателем, и дело рухнуло. В ту пору в среде палестинских беженцев в арабских странах и Европе таких групп возникали десятки, хотя большинство держались недолго. Самой значительной из них был ФАТХ Арафата⁹, который был основан в Кувейте в 1958–1959 гг. и вскоре превратился в отеческую организацию для всех боевых движений палестинцев. Сабри, как испытанный активист, был втянут в сеть ФАТХ, но вступил в эту организацию уже не рядовым, а будучи на одну–две ступеньки выше по иерархической лестнице. Тогда же в ходе визита в Наблус он женился на девушке Хийям аль-Битар из хорошей семьи беженцев из Яффы. Она была образована лучше мужа, знала французский, но была покладистой — нечто среднее между традиционной арабской женой и современной женщиной. От этого брака родились мальчик и две девочки.

В Саудовской Аравии Сабри лишь составлял планы, мечтал о великих свершениях, но делал мало. Всё изменила война 1967 г.¹⁰, когда Израиль разбил армии арабских соседей, занял Восточный Иерусалим и остальную арабскую Палестину, отнял у Египта Синайский полуостров, а у Сирии — Голанские высоты и стал региональной сверхдержавой, будучи сильнее любого союза арабских государств. Психологический удар по арабам был колоссальным.

За участие в демонстрации против войны и её катастрофического результата Сабри и его друзья были высланы из Саудовской Аравии как подрывные элементы. Однако вернуться на Западный берег он не мог: это была уже израильская территория. Пришлось ему уехать в Амман, где палестинские партизаны готовились бороться с врагом. Один знакомый вспоминал, что Сабри был весьма фанатичен, не верил ни в бога, ни в баасизм, ни в марксизм, а хотел лишь сражаться; идеологией его был автомат.

«В это время сотни тысяч палестинских беженцев, таких как он, уже два десятка лет ждали, что арабские государства и ООН отменят суровый приговор 1948 г. Однако, пережив ещё одно страшное бедствие, большинство их сплотились вокруг двух основных принципов: во-первых, “утраченную родину”, объект их болезненных устремлений, можно было вернуть только вооружённой борьбой; во-вторых, любые переговоры с торжествующим Израилем могли означать лишь капитуляцию, поэтому их следовало категорически отвергнуть» (с. 68). Однако какого рода «вооружённую борьбу» могли серьёзно вести палестинцы против израильской державы?

Перебравшись в Амман, Сабри аль-Банна вскоре нашёл торговую компанию Imprex, офис которой стал неким подпольным фронтом ФАТХ, местом встреч и выплаты денег партизанам. Несмотря на свои речи о революционном насилии, Сабри был аккуратен и методичен; то был скорее бюрократ вооружённой борьбы, а не боевик. Арафат и другие лидеры ФАТХ заметили и оценили эти качества. Сабри сдружился

⁹ Ясир Арафат (1929–2004) — лидер палестинского национального движения второй половины XX в., руководитель партии ФАТХ (с 1959 г.), председатель исполнительного комитета Организации освобождения Палестины (с 1969 г.), председатель Палестинской национальной администрации (с 1993 г.).

¹⁰ Третья арабо-израильская (Шестидневная) война 5–10 июня 1967 г.

с будущим главой разведки ФАТХ Абу Айядом¹¹. Как вспоминал тот в беседе с автором, Сабри был остр на язык и склонен считать почти всё человечество шпионами и предателями. Тогда же молодой революционер принял имя Абу Нидаля¹², а поскольку до вступления в ФАТХ возглавлял небольшую самостоятельную группировку, вёл себя так, будто был равным Арафату. Уже тогда он не стеснялся заявлять, что Арафат — диктатор, который принимает импульсивные решения без совета с коллегами.

У Абу Нидаля не было ни вкуса к романтической героике фидаев¹³, ни их тяги к самопожертвованию. В стычках в Аммане между войсками Хусейна и партизанами он участия не принимал. Такие стихийные схватки с превосходящим противником были, на его взгляд, безумием. К 1969 г. Абу Нидаля убедил Абу Айяда, что его талант лежит в сфере дипломатии, а не партизанской борьбы, и получил должность представителя ФАТХ в Хартуме. В Судане он завязал полезные связи и установил хорошие отношения с новым режимом полковника Джафара ан-Нимейри¹⁴, который летом 1969 г. захватил власть. Иорданию Абу Нидаля покинул как раз тогда, когда партизаны стали подвергаться сильному давлению со стороны как Израиля, так и малика Хусейна. Позднее его обвиняли в трусости, но, возможно, он был просто осторожнее других.

Постоянные поражения заставили палестинских лидеров, включая Абу Нидаля, продумать стратегию вооружённой борьбы. В середине 1960-х гг. они начали по-дилетантски засылать в Израиль партизан с подрывными миссиями. Еврейское государство ответило принципом «око за око», причём не только самим палестинцам, но и арабским странам, дававшим им убежище. Арабским странам пришлось выбирать между помощью партизанам и желанием обезопасить себя от ответных действий Израиля. Неудивительно, что выбрали они собственную безопасность. Абу Нидаля предпочёл не открытую конфронтацию, а тайную подготовку операций и нанесение удара там и тогда, где и когда его меньше всего ожидает враг. Эта стратегия сформировалась между 1968 и 1973 гг. Знающие Абу Нидаля люди рассказывают, что большое влияние на него оказали правые еврейские террористические движения, особенно Иргун — детище агитатора Владимира Жаботинского¹⁵, который призывал к неограниченному использованию силы против арабов. Эту стратегию переняли его ученики Ицхак Шамир и Менахем Бегин¹⁶. Впечатление на Абу

¹¹ Абу Айяд, настоящее имя Салаф Халаф (1933–1991) — один из основателей ФАТХ, второе лицо в ФАТХ и ООП после Арафата, начальник разведки ООП. Был убит агентом Абу Нидаля.

¹² Его сына звали Нидаля. Абу Нидаля означает «отец Нидаля» и является куньей. Кунья — часть имени араба, представляет собой сочетание слова Абу «отец» или Умм «мать» и имени (обычно) старшего сына или дочери человека.

¹³ Фидай (араб. «жертвующий [собой]») — в исламском мире обозначение готовых к самопожертвованию борцов за какую-либо идею, в том числе членов религиозных и революционных групп.

¹⁴ Джафар ан-Нимейри (1930–2009) — суданский военный, осуществил государственный переворот. Председатель Революционного совета (1969–1971) и президент Судана (1971–1985). Поначалу ориентировался на СССР, но скоро принял курс на исламизацию страны.

¹⁵ Владимир Евгеньевич Жаботинский (1880–1940) — один из руководителей сионистского движения, выходец из России. В годы Первой мировой войны сформировал Еврейский легион британской армии, позднее основал подпольную боевую организацию Иргун.

¹⁶ Ицхак Шамир (1915–2012) — один из руководителей подпольной боевой организации Лехи в Британской Палестине, дважды премьер-министр Израиля (1983–1984, 1986–1992). Менахем Бегин (1913–1992) — лидер Иргун, позднее премьер-министр Израиля (1977–1983).

Нидалья производила и ещё более радикальная организация — Банда Штерна¹⁷. В ходе арабского восстания 1936–1939 гг. она первой внедрила на Ближнем Востоке терроризм, взрывая бомбы в автобусах и на арабских рынках, а в 1944 г. убила британского министра по делам Ближнего Востока лорда Мойна¹⁸. Самым эффективным делом Иргун был взрыв в 1946 г. в гостинице «Царь Давид» в Иерусалиме, где британцы устроили свою штаб-квартиру, когда погибли более сотни человек (с. 72).

Израиль становился сильнее, а палестинцы долго ничего не предпринимали. Лишь в 1965 г. ФАТХ начал мелкомасштабные военные операции в Израиле с целью не столько бороться в одиночку, сколько втянуть в войну арабские государства. Однако арабы не рассчитали силы, а лишь спровоцировали Шестидневную войну. Крах 1967 г. должен был бы дискредитировать прежнюю партизанскую стратегию, но палестинцы вообразили, что, несмотря на поражение регулярных арабских армий, против Израиля можно вести «вооружённую борьбу» по модели Алжира или Вьетнама — в виде народно-освободительной войны. Молодых палестинцев без должной подготовки засылали создавать «революционные ячейки» на Западном берегу, и их вскоре перехватывали или перебили.

Два важных события 1968 г. вновь направили палестинцев не туда. В марте израильский отряд при поддержке бронетехники и авиации напал на партизанскую базу ФАТХ в Караме в Иордании. База была уничтожена, но партизаны при поддержке иорданской армии сражались храбро и нанесли противнику немалый урон. В условиях деморализации после войны 1967 г. этот факт превозносили как великую победу. Партизаны возомнили себя полубогами и стали вести себя в Иордании как хозяева. Малик Хусейн увидел в этом новую угрозу для себя и стал тайно сотрудничать с Израилем, чтобы поставить их на место. Второе событие произошло в июле: палестинцы угнали в Алжир пассажирский самолёт авиакомпании «Эль Аль», совершавший рейс Рим — Тель-Авив. Женщин, детей и неизраильтян вскоре освободили, но 12 израильтян удерживали 39 дней и освободили только в обмен на 15 палестинцев из израильских тюрем. Это была первая террористическая операция своего рода, а спланировал её революционер Вади Хаддад¹⁹, выпускник медицинского факультета Американского университета Бейрута. С тремя друзьями он основал Движение арабских националистов (ДАН), лозунгом которого было «Огонь, железо и месть». Вскоре после начала ФАТХ «вооружённой борьбы» Хаддад со своим другом Жоржем Хабашем²⁰ собрали палестинских членов ДАН в отдельную структуру — Народный фронт освобождения Палестины (НФОП). Завидя ФАТХ как более крупной организации, он пустился в террористические операции, что принесло ему огромный престиж в глазах арабов. Сам ФАТХ не одобрял угонов самолётов и не собирался следо-

¹⁷ Банда Штерна (официальное название — «Лехи», «Борцы за свободу Израиля») — подпольная боевая организация евреев подмандатной Палестины, в 1940-е гг. боролась с британскими властями. Её основателем был поэт Авраам Штерн (1907–1942).

¹⁸ Уолтер Гиннесс, 1-й барон Мойн (1880–1944) — британский консервативный политик и предприниматель, министр колоний (1941–1942), министр по делам Ближнего Востока (1942–1944). Выступал против еврейской иммиграции в Палестину. Боевиками застрелен в Каире.

¹⁹ Вади Хаддад (1927–1978) — палестинский левый националист, руководитель военного крыла Народного фронта освобождения Палестины (НФОП).

²⁰ Жорж Хабаш (1926–2008) — палестинский левый националист, генеральный секретарь НФОП.

вать примеру НФОП: он наносил удары по таким целям, как водопроводы и железные дороги внутри Израиля. Однако самолёт был израильским, и арабский мир не собирався осудить угон. После первого «успеха» Хаддад принялся угонять самолёты других государств и наладил связи с террористическими группами европейских стран и Японии. Авиакомпании неожиданно стали платить ему «отступные».

Между тем в Иордании партизаны, уверившись в своих силах, открыто призывали к свержению Хусейна. Главное столкновение произошло в сентябре 1970 г., после того как НФОП посадил в Иордании три пассажирских самолёта. Малик, ощущая поддержку США и угрозу вмешательства Израиля, выпустил танки против партизан, а авиацию — против сирийской бронетехники, которая пересекла границу, оказав им нерешительную поддержку. В уличных боях и обстреле лагерей беженцев несколько сот боевиков были убиты, 3000 — захвачены в плен, а 10 000 палестинцев, в основном гражданских лиц, ранены (с. 75). Эти события вошли в историю как «Чёрный сентябрь». Партизаны в одночасье лишились Иордании как прибежища, откуда мечтали выдвинуть Израиль из Палестины.

Абу Нидаля наблюдал за нараставшим конфликтом из Хартума, но уже к февралю 1970 г. вернулся в Амман. По его мнению, палестинцы избрали неверный путь. В военном отношении их «вооружённая борьба» была совершенно неэффективной и привела к утрате поддержки страны с самой длинной границей с Израилем. В политическом отношении палестинское сопротивление не было дисциплинированным или сплочённым движением. Группировки возникали, сливались, распадались и меняли названия. Их разделяли личное соперничество и разные взгляды на методы. ООП, «зонтичный» аппарат движения сопротивления, родилась из решений первой Арабской конференции в верхах в 1964 г. К 1969 г. Арафат стал её председателем, а ФАТХ установил контроль над Исполнительным комитетом ООП и палестинским парламентом в изгнании — Палестинским национальным советом. ФАТХ мог навязать свою волю другим фракциям и объединить движение сопротивления в эффективную силу. Однако по неясным причинам он предпочёл дать убежище в ООП целому спектру палестинских мнений. В результате организация с самого начала была парализована внутренними распрями.

Абу Нидалю всё это не нравилось, и по его просьбе руководство ФАТХ в июле 1970 г. отправило его представителем теперь в Багдад. Ирак в ту пору держал в Иордании 14 000 солдат, и ФАТХ хотел знать, может ли он рассчитывать на них в случае войны с маликом Хусейном (с. 77). Однако миссия Абу Нидаля провалилась: когда Хусейн ударил по партизанам, иракцы не двинулись. Выяснилось, что два государства обговорили это заранее.

Сразу после сентябрьской бойни Абу Нидаля выступил с нападками на лидеров ФАТХ по их собственному радио в Багдаде — «Голосу Палестины». Он обвинил руководство в трусости, особенно обрушившись на своего старого друга и наставника Абу Айяда. По мнению последнего, в 1969 или 1970 г. в жизни Абу Нидаля произошла важная перемена, которая и побудила его выбрать новый курс: возможно, в Хартуме его завербовала разведка Ирака или Моссад²¹. Руководство ФАТХ столкнулось с фактом измены своего человека в Багдаде.

²¹ Моссад — израильская внешняя разведка.

В 1972 г. Ирак пригласил делегацию ФАТХ в Багдад, чтобы обсудить ухудшение отношений. Когда три делегата, включая Абу Айяда и Махмуда Аббаса²², вошли к президенту Бакру²³, тот даже не встал из-за стола. Такое неуважение арабского правителя к палестинским лидерам было неслыханным. На упрёк Абу Айяда в неоказании помощи палестинцам в Иордании Бакр отвечал, что это было его личным решением, так как, в отличие от палестинского сопротивления Ирак, это определённый режим, а в 1970 г. в Иордании существовал заговор вовлечь его в боевые действия, чтобы свергнуть. Абу Айяд обвинил Абу Нидаля в слишком тесных связях с иракцами, но тот оскорблённо отрицал это. Всё же Абу Айяд советовал коллегам не исключать его из ФАТХ, чтобы совсем не толкнуть в объятия иракцев. К тому же Абу Айяд был озабочен тем, что происходит с Абу Нидалем: в последнем было нечто пугающее.

Битва за Амман 1970 г. привела не только к разгрому партизан, но и к глубокому расколу среди них. Когда руководители ФАТХ поняли, что малик собирается их уничтожить, они решили рассеяться. Одни бежали в Каир или Дамаск, другие ушли в подполье. Однако некоторые не собирались сдаваться. Самым видным из таких был Абу Али Айяд (не путать с Абу Айядом). Он отступил с отрядом боевиков на север Иордании, где летом 1971 г. их окружили и жестоко расправились с ними. В ответ на всё это в ноябре в Каире был застрелен иорданский премьер-министр, лютый враг палестинцев Васфи ат-Тал. В этом убийстве родилась террористическая кампания палестинцев «Чёрный сентябрь». Однако обращение палестинцев к терроризму не стало прелюдией к продолжению вооружённой борьбы. Убийство ат-Тала было выражением палестинской слабости и фрустрации.

В 1971 г. движение сопротивления находилось в беспорядке. Израиль сокрушил его на Западном берегу, а армия малика Хусейна — на Восточном. В одном том году израильтяне под командованием сурового генерала Ариэля Шарона²⁴ перебили или захватили около тысячи «террористов»: вводился комендантский час, практиковались пытки и скорые казни (с. 82). Выжившие партизаны пытались укрыться на юго-востоке Ливана, но карательные экспедиции израильтян настигли их и там. Обезумев от массовых убийств и преследуемые со всех сторон, но также возбуждённые вниманием СМИ к угонам самолётов, некоторые боевики в 1972 г. прибегли к «иностранным операциям», т.е. к терроризму.

Грязная война террора и контртеррора между палестинцами и Израилем 1972–1973 гг. была явлением новым. Прежде ФАТХ не совершал терактов, а, наоборот, осуждал такой «авантюризм». Теперь радикалы из ФАТХ присоединились к Вади Хаддаду и другим террористам. Некоторые боевики хотели убивать израильтян; другие — оказать давление на малика Хусейна, чтобы тот освободил пленных палестинцев и пустил партизан обратно в Иорданию; третьи стояли за удары по аме-

²² Махмуд Аббас, кунья — Абу Мазин (род. 1935) — палестинский политик, преемник Арафата на посту председателя ООП (с 2004 г.) и Палестинской национальной администрации (2005–2013), первый президент государства Палестина (с 2013 г.).

²³ Ахмад Хасан аль-Бакр (1914–1982) — один из руководителей партии «Баас» в Ираке, президент страны (1968–1979).

²⁴ Ариэль Шарон (1928–2014) — израильский военный и политик, неоднократно занимал министерские посты; премьер-министр (2001–2006).

риканским целям, особенно авиалиниям и нефтяным компаниям, чтобы наказать США за поддержку Израиля.

Организация «Чёрный сентябрь» оказала большое воздействие на Абу Нидаля. Однако её боевики не хотели его участия: он уже сильно пил, казался надменным, и опасались, что он лишь навредит их делу. «Однако их косвенное влияние на Абу Нидаля было значительным. Он обиделся, что им пренебрегают, и был полон решимости проложить себе дорогу сам. Он ударился в терроризм, бросив своего рода вызов, как если бы хотел убедить палестинцев, которые уже занимались этим, что он сильнее и эффективнее. Подпольная работа, выявление слабых мест врага и сильные удары по нему — всё это соответствовало его темпераменту и вписывалось в философию, которую он тогда развивал» (с. 84).

Однако к 1973 г. ФАТХ и Израиль были готовы заключить неофициальное перемирие. ФАТХ стал сильнее прежнего и мог вернуть себе контроль над недисциплинированными палестинскими боевиками. К тому же октябрьская война 1973 г.²⁵ открыла перспективы мирного урегулирования. Часто говорят, что «Чёрный сентябрь» был тайным органом ФАТХ. Реальность сложнее. Хотя некоторые командиры ФАТХ одобряли убийство ат-Тала, ФАТХ никогда официально не санкционировал «Чёрный сентябрь». Скорее это был некий мятеж внутри ФАТХ, протест боевиков против того, что они считали ошибками и пассивностью своих лидеров. Чтобы вернуть мятежников под контроль, руководству ФАТХ пришлось предоставлять им политическое прикрытие. Так, Абу Айяд оправдал нападение на израильских спортсменов в Мюнхене тем, что Израиль якобы узурпировал место палестинцев на Олимпийских играх.

Между тем Абу Нидаля в Багдаде продолжал дипломатическую деятельность. Иракцы считали, что он защищает их взгляды. На деле он сколачивал в ФАТХ тайную группу, оппозиционную Арафату. Уже на третьем съезде ФАТХ в 1971 г. в Хаммурийе под Дамаском он был ведущим радикалом. Арафат на съезде пытался утихомирить палестинцев, призывая к политическому реализму и защищая своё перемирие с Хусейном. «Левацкая» группа, главным оратором которой стал Абу Нидаля, напротив, стояла за кампанию саботажа и террора с целью свергнуть малика. ФАТХ раздирали распри. Военачальники произвели ряд мелких мятежей против Арафата, а некоторые политические кадры бичевали его ошибки и режим личной власти. Если бы радикалы сосредоточились на требовании большей демократии внутри организации, они могли бы победить. Однако приоритетом они сделали вопрос борьбы с Хусейном, что позволило Арафату увести съезд от их радикализма и взять верх. Это был последний съезд ФАТХ, в котором участвовал Абу Нидаля.

В марте – апреле 1972 г. Абу Нидаля возглавил палестинскую делегацию в поездке в Китай и Северную Корею. Китайцы приняли её хорошо; фанатизм Абу Нидаля имел много общего с маоизмом. Помимо прочего, общий язык с китайцами он нашёл на почве своей ссоры с СССР: Абу Нидаля недолюбливал советских дипломатов в Багдаде, а те, в свою очередь, находили его безрассудным. Главным камнем преткновения были границы будущего палестинского государства: СССР стоял за границы 1967 г., а Абу Нидаля — 1948-го, выступая за уничтожение Израиля.

²⁵ Четвёртая арабо-израильская война, война Судного дня (6–24 октября 1973 г.).

Будучи главой ФАТХ в Ираке, Абу Нидаль формально имел равный статус с представителями организации в Сирии, Ливане, Египте и Ливии. Однако после изгнания партизан из Иордании должность в Ираке стала важнее других. Абу Нидалю удалось достать иракские документы для тысяч боевиков и их семей. Ирак давал доступ к Персидскому заливу и был страной, где добровольцы из стран региона обучались в лагерях, чтобы воевать в Палестине. Накапливалось оружие, простые иракцы жертвовали средства. Воинственность и политический радикализм были характерными чертами баасистского режима президента Бакра и его заместителя Саддама Хусейна²⁶.

Палестинцы пытались помириться с маликом Иордании, чтобы он вновь предоставил им базы для борьбы с Израилем. Когда это не удалось, друг Абу Нидаля Абу Дауд решил отправиться с командой боевиков в Иорданию и совершить теракт против малика или по меньшей мере заставить того освободить сотни палестинцев. Однако в Аммане группу схватили и приговорили к смерти. Позднее Абу Дауда освободили за выкуп от кувейтцев и при заступничестве Брежнева, Косыгина и Подгорного²⁷.

5 сентября 1973 г., за две недели до освобождения Абу Дауда, пять вооружённых палестинцев захватили посольство Саудовской Аравии в Париже и угрожали взорвать здание, если Абу Дауда не выпустят. После переговоров боевики согласились вылететь в Кувейт, взяв часть заложников. Там они сдались. Это был первый террористический акт Абу Нидаля. Он преследовал не только цель освободить друга. В день нападения на посольство 56 глав государств собрались в Алжире на IV конференцию Движения неприсоединения. Президент Ирака Бакр был недоволен столь видной ролью Алжира, и операция в Париже, которая возмутила алжирского президента Хуари Бумедьена и саудовского малика Фейсала²⁸, была попыткой Ирака и Абу Нидаля сорвать конференцию. Арафат осудил теракт как «заговор против палестинской революции». Абу Айяд и Махмуд Аббас опять прилетели в Багдад, чтобы разобраться с ренегатом, но оказалось, что дело им придётся иметь и с Ираком. Арафату стало ясно, что человек ФАТХ в Багдаде полностью перешёл на службу Ирака.

Октябрьская война 1973 г. ещё больше обострила противоречия между Абу Нидалем и руководством ФАТХ. В арабском мире эту войну до сих пор воспринимают как победу арабов, которая стёрла унижение 1967 г. Доказав, что они могут сражаться, многие арабы сочли, что пришло время прекратить конфликт с Израилем. Терроризм вышел из моды, и Арафат готовил ООП к роли дипломата. В июне – июле 1974 г. Палестинский национальный совет принял в Каире программу, которая признавала принцип создания «национальной власти» на любой «освобождённой» территории. На встрече в верхах в Рабате в октябре 1974 г. Арафату уда-

²⁶ Саддам Хусейн (1937–2006) — иракский государственный и политический деятель, президент (1979–2003).

²⁷ Леонид Ильич Брежнев (1906–1982) — советский партийный и государственный деятель, первый (1964–1966) и генеральный (1966–1982) секретарь ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного Совета СССР (1960–1964, 1977–1982). Алексей Николаевич Косыгин (1904–1980) — советский государственный и партийный деятель, председатель Совета министров РСФСР (1946) и СССР (1964–1980). Николай Викторович Подгорный (1903–1983) — советский государственный и партийный деятель, председатель Президиума Верховного Совета СССР (1965–1977).

²⁸ Хуари Бумедьен (1932–1978) — алжирский государственный и политический деятель, один из лидеров войны за независимость, председатель Революционного совета в 1965–1976 гг., второй президент Алжира (1976–1978). Фейсал (1906–1975) — третий малик Саудовской Аравии (1964–1975).

лось заставить арабских лидеров и особенно малика Хусейна признать ООП «единственным законным представителем палестинского народа». Не все арабские лидеры хотели давать ООП такую исключительную власть, но стали сговорчивыми, узнав, что в Марокко тайно прибыла группа палестинских боевиков и собирается их всех перебить. Эта операция была блефом Абу Айяда, чтобы оказать на лидеров давление. Наконец, в ноябре того же года Арафат обратился к Генеральной Ассамблее ООН, и ему аплодировали стоя.

Непалестинцам трудно понять, как неохотно восприняли прагматизм руководства простые беженцы. В палестинском движении были сильны романтический нигилизм и упор на борьбу при невозможности победы. Многие опасались, что политические уступки приведут к предательству. НФОП Хабаш порвал с ООП, сформировал Фронт отрицания и при поддержке Ирака, Алжира и Южного Йемена выступал против любых переговоров. Хаддад продолжал теракты, хотя к этому времени в его организацию внедрились полдюжины спецслужб и большинство его планов срывалось. Подхватив в Багдаде загадочную болезнь, он умер.

Абу Нидаль во Фронт отрицания формально не вступил, но был, возможно, самым ревностным сторонником его курса. Он создавал собственную тайную организацию, и в этом имел преимущество основного палестинского протеже Ирака. Басистские лидеры с самого начала позиционировали себя главными поборниками палестинских радикалов. Ирак мог позволить себе этот широкий жест, находясь далеко от сцены арабо-израильского конфликта и не сталкиваясь с проблемой беженцев. К тому же президент Бакр, как простой солдат-националист, Арафата презирал. К 1974 г. иракцы пригласили его переместить ФАТХ в Ирак и не идти на компромиссы. Однако Арафат отказался и полетел в Каир.

Первым, кто от этого выиграл, был Абу Нидаль как известный оппонент Арафата. Если бы не ссора Ирака с Арафатом, он, возможно, не порвал бы с ФАТХ, а в лучшем случае возглавил бы сильное оппозиционное движение внутри организации. Кроме того, Абу Нидаль выиграл от соперничества Ирака с Сирией, которое началось в момент раскола партии «Баас» в 1966 г. Поскольку к 1972 г. ФАТХ обосновался в Ливане, иракцы считали, что он ушёл в орбиту Сирии. К тому же Сирия создала собственную подконтрольную палестинскую организацию — «ас-Саика» («Гроза»). Ираку нужен был противовес. Хабаш и Хаддад на роль марионеток не годились, а ещё один основатель НФОП Ахмад Джибриль²⁹ склонялся в сторону Дамаска. Абу Нидаль же был амбициозен, активен, властолюбив и во многом уже человек Ирака. В июле 1974 г. палестинское новостное агентство ВАФА сообщило, что Сабри аль-Банна смещён с должности представителя ФАТХ в Багдаде. Тот ответил на унижение планом убить Махмуда Аббаса, но потенциальный убийца был схвачен людьми ФАТХ в Дамаске, а Абу Нидаль — заочно приговорён к смерти. Абу Айяд и Абу Дауд пытались дать ему шанс оправдаться, но он больше не хотел унижаться. При поддержке Ирака он стал чувствовать свою силу.

Реакцией Абу Нидаля на смертный приговор было обвинение Арафата в отступничестве и предательстве идей ФАТХ. Всем, с кем имел дело, он внушал ненависть к лидеру ООП. В октябре 1974 г. Абу Нидаль основал организацию «ФАТХ: Револю-

²⁹ Ахмад Джибриль (род. 1935) — палестинский левый националист, генеральный секретарь отмежевывавшейся от НФОП организации.

ционный совет». Он считал, что представляет не отколовшуюся группировку, а большинство в палестинском движении. Многим членам ФАТХ по всему арабскому миру его позиция в самом деле импонировала. Укрепляло её покровительство иракцев, которые передали Абу Нидалю всё имущество ФАТХ в своей стране, включая тренировочный лагерь в Рамади, крупную ферму, паспорта, радиостанцию, газету и запас китайского оружия на 15 млн. долларов (с. 100). Часть его Абу Нидаля продал, положив начало своему состоянию. Кроме того, он стал получателем регулярной финансовой помощи, которую Ирак прежде предоставлял ФАТХ, — 50 000 иракских динаров в месяц, что тогда составляло около 150 000 долларов; в довершение всего Ирак выдал ему сумму в 3–5 млн. долларов (с. 100). Абу Нидаля в одночасье стал доминирующей фигурой палестинской общины в Ираке.

Вскоре произошло событие, которое дало Абу Нидалю ещё один толчок на путь насилия или, по меньшей мере, дало ему предлог для этого. В Бейруте людьми ФАТХ был убит один из его близких друзей Ахмад Абд-уль-Гафур. Он входил в «Чёрный сентябрь», потом отложился от него и создал в Ливане собственную группу террористов. Так, 17 декабря 1973 г. они бросили бомбы в самолёт авиакомпании Pan Am в Риме, убив 29 человек, включая сотрудников нефтяной компании «Арамко» и высокопоставленных марокканских чиновников. В 1974 г. в ФАТХ узнали, что Абд-уль-Гафур и Абу Нидаля подумывают слить свои организации. Союз Абу Нидаля, которого поддерживал Ирак, и Абд-уль-Гафура, которого поддерживала Ливия, представлял угрозу новому политическому курсу Арафата. Командир военного крыла ФАТХ Абу Джихад³⁰ велел убить Абд-уль-Гафура. Правда, преемник убитого Абу Мустафа Каддура при поддержке Ливии и Абу Нидаля уже в ноябре 1974 г. организовал в Дубаи угон самолёта British Airways.

По признанию Абу Айяда, ФАТХ, убив Абд-уль-Гафура, внёс в межпалестинские отношения насилие. Почему он не избавился и от Абу Нидаля? Абу Айяд надеялся вернуть его в организацию, так как часть критики им ООП считал справедливой. Позднее Абу Айяд жалел о своём решении и заплатил за него жизнью.

В Ираке Абу Нидаля создал сверхсекретный Военный комитет и готовил его к «зарубежной работе». С самого начала он был заинтересован в таких операциях больше, чем в набегах на Израиль. Сам Абу Нидаля объяснял свой выбор тем, что Ирак находится далеко от Израиля, а Арафат не позволит ему свободы рук в пограничных районах. Он сосредоточился на контрабанде оружия в Грецию, Турцию, Кипр, Италию и Францию и создании там схронов. Террористическим приёмам Абу Нидаля научился у «Чёрного сентября» и иранских революционеров, часть которых обучалась вместе с палестинцами в Ираке.

На этом этапе Военный комитет Абу Нидаля казался целиком иракским детищем. Его враги были врагами Ирака, его операции диктовал Ирак, а его органы казались не более чем ответвлениями иракской разведки. «Однако тщеславие Абу Нидаля не позволяло ему быть полностью чьим-либо агентом. По его мнению, он не был “завербован” иракцами, а вступил с ними в партнёрство, основанное на личной дружбе с их лидерами. Те предоставляли тыловое обеспечение, он платил за это “оказанными услугами”. Как доверительно сообщил он одному из помощников:

³⁰ Абу Джихад, настоящее имя Халиль Ибрагим аль-Вазир (1935–1988) — один из основателей ФАТХ, руководитель военного крыла организации. Был убит израильским спецназом.

“Когда я беру, я даю”. Этот принцип будет определять его отношения и с другими спонсорами в течение многих лет» (с. 105–106).

Первой замеченной операцией Абу Нидаля было упомянутое нападение на саудовское посольство в Париже в сентябре 1973 г. В декабре он отправил двух тунисских членов своей организации сорвать Женевскую конференцию, которую организовал Киссинджер³¹ после Октябрьской войны. Однако перебить делегатов не удалось, конференция открылась 21 декабря и в тот же день закрылась. Киссинджер задумал её как «фиговый листок» для легитимации двусторонней сделки Египта с Израилем.

Когда в 1975 г. разразилась гражданская война в Ливане, Абу Дауд, который тайно сотрудничал с Абу Нидалем, привёз в порт Сидон около 50 боевиков последнего (с. 106). Они должны были вместе с другими палестинцами сражаться под его командованием в Бейруте. К весне 1976 г. христиане-марониты оказались осаждены в горах палестинцами и радикальными мусульманами. Опасаясь израильской интервенции для спасения маронитов, Асад в июне ввёл в Ливан армию, чтобы заставить палестинцев отменить наступление. Однако арабская общественность осудила действия Сирии. Побуждаемый Ираком, Абу Нидадь развернул против Сирии террористическую кампанию «Чёрный июнь». Так, произошли взрывы в учреждениях «Сирийских авиалиний» в Кувейте и Риме, а четверо боевиков захватили 90 заложников в отеле «Семирамида» в Дамаске. В октябре 1977 г. сирийский министр иностранных дел едва не был убит боевиком в аэропорту Абу-Даби; в стрельбе погиб министр иностранных дел ОАЭ. Благодаря таким операциям Абу Нидадь доказывал свою полезность для иракцев. Пока его мишени были арабскими, но он заявлял, что хочет вести войну против сионизма и империализма. Кстати, своего сына Нидаля он определил в школу в Багдаде под чужим именем, чтобы не быть на виду.

Ирак предоставлял Абу Нидалю убежище, тыловую поддержку и безопасность с 1974 по 1983 г. Далее эстафету приняла Сирия — 1981–1987 гг., затем её перехватила Ливия, хотя Каддафи³² это отрицал. Как видно из дат, в начале 1980-х гг. организация Абу Нидаля переносила операционную базу из Багдада в Дамаск постепенно, по сути избегая контроля со стороны обоих спонсоров. Ситуация была тем более странной, что за исключением нескольких месяцев в 1978–1979 гг. Ирак и Сирия были лютыми врагами. «Однако Абу Нидадь имеет выдающийся талант влезать в узкие щели между враждующими сторонами. Он обращает в свою пользу конфликты на Ближнем Востоке — не только между Израилем и палестинцами, но и между арабскими государствами и ФАТХ, Ираком и Сирией, Ливией и Египтом, арабами и Западом. Он угрожал консервативным государствам Залива, а также европейским правительствам по обе стороны “железного занавеса”, и те нередко уступали его шантажу, чтобы оградить себя от его терроризма. Это был теневой, полный распрей мир, в кото-

³¹ Генри Киссинджер (род. 1923) — американский дипломат и политолог, советник по национальной безопасности (1969–1975) и госсекретарь (1973–1977), ключевая фигура внешней политики США при президентах Р. Никсоне и Дж. Форде.

³² Муаммар Каддафи (1942–2011) — лидер антимонархической революции в Ливии 1969 г., руководитель страны (1969–2011), создатель государственного строя «джамахирия» (федерация коммун). Опираясь на нефтяные доходы, построил эффективную систему социального обеспечения; во внешней политике поддерживал некоторые революционные и террористические организации. Был убит повстанцами в условиях агрессии НАТО против Ливии.

ром он обитал, подбрюшье политики. Поскольку он был вездесущим и практиковал насилие, было предпринято много попыток проникнуть в его организацию или просто наладить с ним связь, позволяя ему взамен вымогать средства, благоприятные условия или уступки, какие он мог получить. Спонсорам он предлагал ценные услуги, но никогда не был их креатурой полностью» (с. 109–110).

Ближний Восток — регион почти постоянных конфликтов. Арабо-израильские войны вспыхивали почти каждое десятилетие. Ирано-иракская война длилась восемь лет, война в Ливане — большую часть жизни поколения, а в Судане и того дольше. Однако для региона характерен и другой вид войны — тайный. Такую войну ведут не армии, а спецслужбы, террористы и иррегулярные части.

Живя в Ираке, Абу Нидаль пользовался поддержкой главным образом президента Бакра, а с его заместителем Саддамом Хусейном отношения имел непростые. Во второй половине 1970-х гг. Ирак был в арабском мире главным задиной: внедрял в разных странах тайные баасистские ячейки с целью вызвать революции, заигрывал с Москвой и провозглашал самые экстремистские взгляды на арабский социализм, арабское единство и арабо-израильский конфликт, чтобы перехватить лидерство в арабском радикализме у своего главного соперника Сирии. Однако в 1978–1979 гг. политический климат в Ираке изменился, и Абу Нидаль попал в опалу. Непосредственной причиной было подписание Бегином и Садатом в сентябре 1978 г. Кемп-Дэвидских соглашений при посредничестве Дж. Картера³³. Саддам Хусейн ухватился за «предательство» Садата с целью утвердиться в международной арабской политике самому. В ноябре он созвал в Багдаде встречу в верхах, чтобы организовать арабский ответ Египту, замирился с Саудовской Аравией и Сирией. Препятствием на пути осуществления этой программы было спонсирование терроризма. К тому же в палестинском движении Саддаму было выгоднее иметь дело с Арафатом, который представлял мейнстрим.

Саддам пригласил Арафата и Абу Айяда и заверил их, что операций против ФАТХ из Багдада не будет, хотя Абу Нидаля Ирак не выдаст. Когда в 1979 г. Саддам сменил Бакра на посту президента, Абу Нидаль понял, что его дни в Ираке сочтены. Однако начало ирано-иракской войны в сентябре 1980 г. дало ему отсрочку. Иракцы нуждались в оружии и разведданных, а Абу Нидаль был готов их предоставить. Так, он обещал иракцам достать из Польши танки Т-72, за что получил от иракцев 11 млн. долларов (с. 113). Правда, затем иракцы передумали: нужны были не танки, а артиллерия. Тут Абу Нидаль помочь не мог, но денег не вернул, что было ещё одной причиной его отъезда из Багдада.

Тогда же, на рубеже 1970–1980-х гг., внутри организации Абу Нидаля возник кризис. Он начался в Ливане после израильской операции «Литани» в марте 1978 г. Отреагировав на нападение палестинцев из Ливана, израильтяне оккупировали всю южную часть страны, что привело к исходу беженцев к Бейруту. Картер заставил Бегина отвести войска, но израильтяне оставили в Ливане буферную зону. Арафат согласился на перемирие с Израилем, но наиболее воинственные члены ФАТХ, включая Абу Айяда, хотели продолжать удары по оккупантам. Абу Дауд получил от Абу Нидаля докумен-

³³ Анвар ас-Садат (1918–1981) — второй президент Египта в 1970–1981 гг. Развернул страну в сторону Запада и проводил либерализацию экономики. Джеймс Картер (род. 1924) — 39-й президент США (1977–1981) (Демократическая партия).

ты, билеты и деньги для отряда в 150 боевиков из Багдада (с. 150). Арафат расценил такое сотрудничество как заговор против него, и ФАТХ после стычек разоружил людей Абу Нидаля. Тот поклялся отомстить за своих людей, и они с Абу Айядом совершили несколько попыток убить друг друга. Дружба переросла в ненависть.

В середине 1979 г. Абу Нидаля свалил сердечный приступ и его пришлось срочно везти в Швецию на операцию. Командование он временно передал жившему в Бейруте Наджи Аллушу — радикальному члену ФАТХ и главе Общего союза палестинских писателей. Он был известен как левый мыслитель и публицист, призывал палестинцев учиться борьбе у Кубы и Вьетнама. Однако Аллушу не нравилась диктаторская манера Абу Нидаля, который не оставил ему реальной власти. Он отложился и основал новую организацию — Народное арабское движение, которое, правда, быстро захирело. Абу Нидаля обвинил Аллуша в краже оружия, растрате 400 000 долларов и шпионаже на Ватикан (с. 118). Одной из навязчивых идей террориста было то, что в регионе существует опасный папистский заговор. До этого кризиса Абу Нидаля не был целиком подпольной фигурой. Возглавляя тайную организацию, он вместе с тем был кем-то вроде дипломата и политика, принимая посетителей и имея с людьми дело лицом к лицу. Однако после сердечного приступа и ухода Аллуша Абу Нидаля стал затворником. Тогда же он пристрастился к виски, что усилило в нём подозрительность и мстительность. В его организацию стало труднее проникнуть, а её действия — труднее отследить.

После операции на сердце летний зной Багдада стал Абу Нидалю невыносим, и в 1981–1984 гг. несколько месяцев в году он проводил в Польше, на вилле близ Варшавы, куда перевёз и семью. По-польски или на любом другом языке Абу Нидаля не говорил, но его дети ходили в польские школы. В Польше террорист выступал под именем международного бизнесмена доктора Саида, компания которого имела филиалы в Восточном Берлине и Лондоне. Одной из её сделок стала покупка 4000 автоматов «Скорпион» (с. 119). В Польшу Абу Нидаля перебрался ещё и потому, что больше не чувствовал себя в Ираке в безопасности. Иракские власти сообщили ему, что с 1981 г. не будут выдавать членам его организации паспорта, и около 120 его людей, у которых кончился срок действия паспортов, столкнулись с трудностями (с. 119). Иракская разведка начала прослушивать багдадские офисы террориста.

Находясь в Польше, Абу Нидаля иногда созывал главных помощников на совещания. Он старался сглаживать подчинённых, играть на их противоречиях, открывать одному то, что о нём говорил другой, и т.д.

В 1981 г. Абу Нидаля стал зондировать сирийцев на предмет переезда в Дамаск. Сирийцы требовали объяснения его операций против их страны, включая покушение на министра иностранных дел Абд-уль-Халима Хаддама³⁴. Глава разведки Абу Нидаля Абд-ур-Рахман Иса выдвинул Сирии встречные претензии по поводу её интервенции против палестинцев в Ливане. В итоге стороны договорились предать разногласия забвению. Абу Нидаля нуждался в новом спонсоре. Сирия же, во-первых, видела в нём потенциального союзника в войне с «Братьями-

³⁴ Абд-уль-Халим Хаддам (род. 1932) — вице-президент Сирии (1984–2005), один из ближайших соратников Хафиза Асада. Один из немногих суннитов в состоявшем из алавитов правительстве Асада. В 2000 г. исполнял обязанности президента в период между смертью Хафиза и избранием Башара Асада. Сегодня живёт в Париже и находится в оппозиции сирийскому правительству.

мусульманами». Последних поддерживали Иордания и Ирак, а Абу Нидаль мог предоставить сведения об исламских активистах и тех, кто поддерживал их в Аммане и Багдаде. Во-вторых, Сирия считала Абу Нидаля полезным инструментом, с помощью которого можно удержать малика Хусейна и Арафата от сделок с Израилем. Хусейн считал, что по крайней мере некоторые арабские территории можно вернуть через переговоры, в которых палестинцев будет представлять он. По мнению Асада, шансы в этом имел только крепкий арабский фронт с участием Сирии. Сирийский президент опасался, что, если Иордания и ООП заключат сепаратный мир с Израилем вслед за Египтом, его страна окажется в изоляции.

Однако в отношениях с Абу Нидалем сирийцы были много осторожнее иракцев. Если Бакр обнял его и предоставил все возможности, Асад отказался встретиться с ним и настоял, что отношения будут вестись только по каналу спецслужб. Официально сирийское покровительство Абу Нидаля получил в июне 1981 г. Вскоре Исе позволили установить радиосвязь со штаб-квартирой в Багдаде и помогли прослушивать радиосообщения ФАТХ. Членам организации разрешили носить стрелковое оружие для самообороны. В ноябре организация открыла в Дамаске агентство недвижимости для маскировки приобретения помещений. К концу года у Абу Нидаля в Сирии и Ливане было 120 штатных сотрудников (с. 122).

Хотя иракцам не нравилось укрепление связей Абу Нидаля с Сирией, до 1983 г. они с ним не порывали. Последней каплей стали убийства с целью вымогательства и шантажа, совершённые против ОАЭ и Иордании. Эмираты были одним из спонсоров Ирака в войне с Ираном, а иорданский порт Акаба служил Ираку окном во внешний мир. Партнёры надавили на Ирак, чтобы он прекратил связи с терроризмом. В ноябре 1983 г. Абу Нидаль и два его главных заместителя были вызваны к министру иностранных дел Ирака Тарику Азизу³⁵. Тот заявил, что организация Абу Нидаля стала для Саддама опасным бременем, не выполняет соглашений, и дал ей одну неделю на сборы. Затем, повернувшись к Абу Нидалю и грубо ткнув в него пальцем, сказал: «Что касается тебя, *ты* покинешь Ирак сразу по выходе из этого кабинета!» (с. 123). Террорист был в ярости от такого унижения.

В Сирии Абу Нидаль скупил около 40 офисов и 100 домов и квартир (с. 125). Сирийские спецслужбы частично отслеживали эту деятельность, но полного масштаба её не знали. Штаб-квартиру организации в Дамаске расширили, чтобы вместить тюрьму, техническое подразделение для подделки паспортов и других документов и кабинеты управления разведки, где в стенах или под полами спрятали оружие. Издавались памфлеты и журналы; туристическое агентство, которым тайно владела организация, заказывало для её членов полёты. Новостное агентство «Дар Сабра» служило ширмой сбора разведанных. Однако на этом этапе сирийцы не позволили открыть тренировочный лагерь и не снабжали организацию оружием, как делали с другими палестинскими группировками. Не помогали они и деньгами. Наоборот, чтобы облегчить въезд в Сирию, Абу Нидаль сам надарил высокопоставленным сирийским офицерам и чиновникам автомобилей и оружия.

«Братьев-мусульман» сирийские власти одолели уже к весне 1982 г., и здесь услуги Абу Нидаля более не требовались. Поэтому главной мишенью для него стал

³⁵ Тарик Азиз (1936–2015) — заместитель премьер-министра Ирака в течение всего периода президентства Саддама Хусейна, единственный христианин в его окружении.

малик Иордании. Сирийцы при этом оставались в тени. Они вообще не давали Абу Нидалю директив, а делали только намёки. «В конечном счёте это была *его* задача — разнохоть, кого сирийцы в данный момент ненавидят больше всего. По этой причине Абу Нидаль вёл свои операции под разными именами. Затем он ждал и смотрел: если сирийцы реагировали положительно, он признавал операцию собственной; если отрицательно, он мог легко отрицать своё участие» (с. 127).

В октябре 1983 г. был убит посол Иордании в Дели и ранен его коллега в Риме; в ноябре один иорданский чиновник был убит, а другой тяжело ранен в Афинах; в марте 1984 г. взорвалась бомба у гостиницы *Intercontinental* в Аммане и т.д. Однако убийство первого секретаря иорданского посольства в Анкаре в июле 1985 г. обошлось Абу Нидалю дорого. Турки и иорданцы объединились и разрушили его сети в обеих странах. Иорданская разведка не осталась в долгу у сирийцев, и в декабре 1984 г. было совершено нападение на сирийского атташе в Афинах, а в июле 1985 г. взорвались автомобили в Дамаске у зданий Сирийского арабского информационного агентства и МВД, вызвав десятки жертв. Ни Асад, ни малик Хусейн не признавали, что ведут друг с другом террористическую войну, но все об этом знали. К середине 1985 г. Хусейн решил, что пришло время перемирия. Он публично признал помощь «Братьям-мусульманам» и отказался от плана переговоров с Израилем. Сирийцы дали Абу Нидалю понять, что иорданцы больше не являются мишенью.

Работая на Сирию, террорист работал и на себя с целью прибыли. Сирия не была богатым спонсором, поэтому он принялся вымогать деньги у нефтяных шейхств Залива. Здесь Абу Нидаль не преследовал палестинских интересов. Суперпатриот стал разбойником с большой дороги. Обычно он посылал правителям Залива послания с угрозами, начитанные им самим на аудиокассету. Он заявлял, что представляет революционное движение, борющееся с сионизмом и империализмом, а они дают деньги предателям Палестины. Абу Нидаль требовал денег и угрожал.

В сентябре 1983 г. Boeing 737 авиакомпании Gulf Air разбился в 50 км от аэропорта Абу-Даби; погибли все 111 пассажиров (с. 129). Абу Нидаль объявил ответственными за теракт «Арабские революционные бригады» (название, придуманное им для данного случая). В феврале 1984 г. был застрелен посол ОАЭ в Париже. Наконец, правитель Абу-Даби шейх Зайд бин Султан³⁶ согласился выплатить Абу Нидалю 17 млн. долларов (с. 130).

Одной из своих важнейших «станций» Абу Нидаль считал Кувейт: там имела крупная палестинская община, а в 1980-е гг. он принялся переводить в местные банки крупные суммы денег, опасаясь, что западные правительства попытаются арестовать его счета в Европе. Для защиты своих интересов в Кувейте террорист прибег к обычному методу — физическому давлению на кувейтские власти. Так, в июне 1982 г. был убит первый секретарь кувейтского посольства в Дели, а в сентябре — его коллега в Мадриде. Кувейтцы согласились платить Абу Нидалю ежемесячную стипендию, но, когда пытались ужесточить позицию и арестовать или выслать членов его организации, Абу Нидаль напоминал им, на что способен. Так, в июле 1985 г. те же «бригады» взорвали бомбы в двух приморских кафе в Эль-Кувейте, убив девять человек (с. 130).

³⁶ Зайд бин Султан ан-Нахайян (1918–2004) — правитель эмирата Абу-Даби, правил в 1966–2004 гг., президент федерации ОАЭ с момента её создания в 1971 г. и до своей смерти.

В 1982 г. в Дамаск приехал член организации Мустафа Мурад (кодовое имя Абу Низар). Вскоре он стал заместителем Абу Нидаля. Ему было поручено осуществить проникновение в Ливан, чтобы создать там базу. Ливан был оплотом ФАТХ, и, если бы людей Абу Нидаля обнаружили, им грозила смерть. Поэтому первые агенты проникли в страну под эгидой небольшой политической фракции Ливана — Партии социалистического действия.

Вторжение Израиля в Ливан в июне 1982 г. привело к краху контроля ФАТХ над страной. Абу Нидаля получил больше возможностей забрасывать туда людей. Его организация стала заводить лагеря под собственным именем и заявила о себе. На руку террористу оказался и мятеж против Арафата группы офицеров ФАТХ в Ливане и Сирии весной 1983 г. Они были недовольны его решением эвакуировать Бейрут, а не продолжать сражаться с Израилем. В основе лежали старый спор, разделявший ФАТХ с 1974 г., — вооружённая борьба или дипломатия? В мае – июне 1983 г. мятежники напали на оружейные склады ФАТХ в долине Бекаа, причём Асад поддержал их. Арафат обвинил Сирию в пристрастности, после чего был выслан из страны. Абу Нидаля собрал в Ливане достаточно крупную армию, чтобы сражаться вместе с мятежниками против лояльных Арафату людей. Он принял участие в изгнании Арафата из порта Триполи, когда лидеру ООП пришлось покинуть Ливан вовсе. В награду сирийцы позволили Абу Нидалю открыто орудовать в Бекаа и Северном Ливане. Вскоре членам организации позволили пользоваться аэропортом Дамаска просто по телексу от авиационной разведки; другие палестинские группировки нуждались в разрешении департамента военной разведки, который держал их в ежовых рукавицах. Для наземного сообщения с Ливаном авиаразведка предоставила организации десяток автомобилей, и боевики пересекали границу, лишь называя свои кодовые имена. Такая система была уязвима для злоупотреблений, чем Абу Нидаля не замедлил воспользоваться. Без ведома сирийцев он стал использовать её для вывоза в Ливан десятков людей, которых организация арестовывала или похищала в Дамаске. Жертвам обычно говорили, что их посылают на обучение, а на деле убивали. Их семьям или сирийцам организация отвечала, что этих людей отправили с миссией за рубеж. Из Ливана провозили контрабандой оружие.

Члены организации проходили подготовку в Ливане, а на миссии их отправляли из Дамаска. Если за границей их арестовывали, в паспортах находили сирийские штампы, а на допросе они признавали, что обучение проходили в долине Бекаа, т.е. на территории под контролем Сирии. Стратегией Абу Нидаля было присосаться к стране-хозяину, предложить ей свои услуги, чтобы казаться необходимым, а затем втянуть её в свои акты насилия, чтобы шантажировать. По сути он говорил: «Предайте меня — и я всё открою» (с. 134).

Между тем мятежные полковники ФАТХ перессорились, а хотя Арафат и был изгнан из Бейрута израильянами, из Дамаска — сирийцами и из Северного Ливана — своими мятежниками, ему удалось сохранить свободу манёвра, укрепив связи с Египтом и Иорданией. На оккупированных территориях он по-прежнему был высшим символом палестинского национализма. Чем больше мятеж выглядел сирийским заговором против Арафата, тем меньше народной поддержки он получал. В конце концов мятеж провалился. Однако и тут Абу Нидаля увидел возможность заполнить вакуум. У него были оружие, деньги и возможности, предоставленные

авиаразведкой Сирии. Сотни мятежники ФАТХ переметнулись теперь уже к Абу Нидалю.

Отношения с Сирией не оправдали ожиданий Абу Нидаля. Деятельности его организации установили жёсткий «потолок». Контакты ограничивались авиаразведкой под началом генерала Мухаммада аль-Хули. Особенно Абу Нидаля задевал отказ сирийцев признать за ним какую-либо *политическую* легитимность. Желая дистанцироваться от терроризма, они старались сохранять отношения с ним такими, чтобы от них можно было откреститься. Абу Нидаля чувствовал себя под угрозой, его преследовала мысль, что, если сирийцы захотят улучшить отношения с Западом, они могут предать его американцам.

В феврале 1984 г. террорист стал зондировать почву для нового переезда. В Софии встретились Абд-ур-Рахман Иса и глава внешней разведки Ливии Ибрахим аль-Бишари. Их начальники ещё не были знакомы лично, но уже сотрудничали. У Абу Нидаля с Каддафи было много общего: невротические подозрения в отношении внешнего мира, комплекс неполноценности и вместе с тем вера в себя как людей великой судьбы. Абу Нидаля видел себя естественным лидером мировой революции. В марте он прилетел из Варшавы в Триполи на первую встречу с ливийским лидером. Беседа продолжалась несколько часов. В вопросах безопасности Каддафи сосредоточил внимание на ливийских эмигрантах, которые нашли убежище в США, Британии, Египте, Марокко, Судане. Там они инициировали оппозиционные движения, и Каддафи опасался, что какая-то из таких группировок однажды заручится поддержкой иностранного правительства, чтобы совершить переворот. Как раз в ходе пребывания Абу Нидаля в Триполи ливийская армия обнаружила группу боевиков, готовивших покушение на Каддафи. Услышав выстрелы, террорист, находившийся на гостевой вилле неподалёку, запаниковал и успокоился, только когда на следующий день покинул страну. «Этот знаток террора, который не задумываясь отправлял людей на смерть и только что продал свои услуги Каддафи, страшился стать жертвой любого насилия» (с. 138). Последняя атака окончательно убедила Каддафи, что ему нужен кто-то для борьбы с внешними врагами революции. Абу Нидаля вполне подходил.

Вербовать палестинцев в свои разведки старались многие арабские государства. Палестинцы были рассеяны по миру, нередко обладали образованием и навыками, но не всегда легко находили работу. Палестинец, следящий за ливийским диссидентом в Европе или США, попадал под меньшее подозрение, чем ливиец. За несколько лет до этого Каддафи, ещё находясь в хороших отношениях с Арафатом, пытался побудить делать за него грязную работу ФАТХ, но получил отказ. Хабашу и Джибрилю тоже хватило ума отказаться. Абу Нидаля препятствий не видел. В обмен на покровительство и предоставленные возможности он был готов оказывать любые услуги. На иракское правительство он работал против коммунистов, умеренных палестинцев и Сирии, на Сирию — против малика Хусейна. Теперь был готов работать на Каддафи против ливийской оппозиции.

Чтобы содержать сотни новых завербованных в Ливане, организация Абу Нидаля создала директорат Народной армии. С уходом Израиля из Ливана тайная террористическая организация всплыла на поверхность и вернулась в палестинский мейнстрим. Пока Абу Нидаля был в Польше, его организация зажила новой жиз-

нию. Это поставило его перед вопросами: каким движением хочет он командовать и каким лидером хочет быть?

Главным импульсом трансформации организации стала «война лагерей» 1985–1987 гг. между палестинцами и шиитами. Шиитскую группировку «Амал» поддерживал оружием Асад, но Арафат хотел показать, что с ООП по-прежнему надо считаться. Перед Абу Нидалем встала дилемма — кого поддержать: своего сирийского патрона против палестинцев или палестинских беженцев, осаждённых шиитами? Самый успех организации по привлечению сотен палестинских боевиков и десятков политических кадров означал, что она не может стоять и смотреть, как «Амал» громит лагерь беженцев. «Война лагерей» заставила организацию сражаться бок о бок с людьми Арафата. Рядовые члены организации сделали выбор, не ожидая команды руководителя. Пока тот разъезжал между Варшавой и Триполи, разделённые палестинцы примирились. Немалую роль в этом сыграл бывший дезертир из ФАТХ Атиф Абу Бакр, который возглавил политическое отделение организации. Народная армия стала второй крупнейшей палестинской группировкой в Ливане после ФАТХ. В 1986 г. её содержание обходилось примерно в 1,5 млн. долларов в месяц (с. 143). Подпольная организация, которой Абу Нидаля мог управлять дистанционно, превращалась в массовое движение с собственными сильными лидерами и кадрами. Реформаторы считали, что Абу Нидаля будет приветствовать возможность повести мощную группировку, которая получила новое признание среди палестинцев. Однако они забыли природу этого человека и ещё не поняли, зачем он навещает Ливию.

Абу Нидаля чувствовал, что процессы в Ливане серьёзно угрожают ему лично, поэтому задумал обратить их вспять и вернуть организацию к прежнему фанатизму. В начале 1985 г. он временно вернулся в Сирию. Вместе с семьёй Абу Нидаля поселился в городке Забадани недалеко от Дамаска, где купил два дома посреди большого поля. В конце того же года он поссорился с братом своей жены Хусейном аль-Битаром, который вместе с сестрой владел в Аммане домом и садом стоимостью в 1 млн. долларов (с. 146). Собственность была зарегистрирована на них, но Абу Нидаля настаивал, что владелец он. Террорист «разрешил» ссору привычным способом: трое его людей прибыли из Кувейта в Иорданию и убили зятя и его пятилетнего сына. Это привело к разрыву Абу Нидаля с женой. Она требовала развода, но он не согласился, и они продолжали жить в одном доме, но раздельно. Чтобы избавиться от присутствия мужа, жена начала вместе с детьми ездить в Австрию и Швейцарию.

В этих обстоятельствах Абу Нидаля и переехал в Ливию. Каддафи к тому времени окончательно разругался с ФАТХ, поскольку палестинцы не хотели принимать его духовного лидерства и отказались похитить или убить одного ливийского оппозиционера в Египте. В 1985 г. в Ливию стали прибывать наиболее доверенные соратники Абу Нидаля. В его распоряжение были предоставлены ливийские самолёты и посольства, паспорта и дипломатическая почта. С развитием отношений Каддафи безвозмездно выделил Абу Нидалю виллы и квартиры в Триполи, а также две фермы. «Более того, с 1981 г. ливийцы помогали организации перевозить в Ливию оружие для складирования там, а также вывозить его из Ливии и устраивать схроны в Европе, Африке и Азии. В ряде случаев ливийцы передавали членам организации оружие уже на борту самолёта в аэропорту Триполи; в других случаях оружие отсылалось за рубеж ливийской дипломатической почтой и выдава-

лось членам организации в посольствах Ливии. Абу Нидадь практически перестал быть независимым деятелем. Его главные места жительства и работы, как и места его организации и объекты, делавшие возможным его род занятий, были подарками ливийской разведки. Он сделался так тесно с ней связан, что стало невозможно их различать» (с. 149).

Абу Нидадь вскоре понял, что для сбора разведанных у Ливии очень мало ресурсов. В ливийской разведке работали плохо обученные дилетанты, они были ленивы и легко попадали в зависимость от тех, кто вызывался сделать работу за них. Поэтому, в придачу к слежке за оппозицией за рубежом и её убийствами, Абу Нидадь занялся сбором для Ливии информации. Вскоре он фактически контролировал её разведку.

Период 1985–1987 гг. был для Абу Нидаля временем плодотворной двойственности, в которой он оказался, действуя между Сирией и Ливией. Однако какую из стран он предпочитал, было ясно. Каддафи пригласил его в самое сердце ливийской системы. Ливийцы позволили Абу Нидалю организовать палестинскую общину, вести энергичную рекламную кампанию, т.е. быть политически активным. Много времени Каддафи и Абу Нидадь проводили вместе.

«Когда я прослеживал карьеру Абу Нидаля в Ираке и его последующий переезд в Сирию и Ливию, вначале он казался мне классическим случаем лидера палестинской группировки, который в поисках безопасной гавани превратился в наёмника, а затем в поисках финансовой независимости сделался бандитом. Я пересмотрел собранную информацию. Ирак “создал” его, когда стремился к лидерству среди арабских радикалов, но отказался от него в ходе войны с Ираном. Сирия приняла его для ведения террористической войны против Иордании, но потеряла его в пользу Ливии, которая применила его против своих “бездомных собак” и других внешних врагов. Также, будучи враждебными независимой ООП, все три арабских “спонсора” использовали Абу Нидаля, чтобы держать в узде Арафата.

Сам Абу Нидадь позиционировал себя как полного нигилиста, несгибаемого противника переговорного урегулирования с Израилем, к которому с 1974 г. вёл дело “сторонник капитуляции” Арафат. Однако было очевидно, что занимается он и рэкетом, а это мало относилось к палестинскому делу. По сути большинство его операций, казалось, наносили палестинцам вред. Этот человек был загадкой» (с. 151–152).

Переместив поле расследования из Туниса в Европу и на Ближний Восток, автор услышал два разных объяснения. Одно из них совпадало с тем, что продвигал сам Абу Нидадь: он представлял одну из сторон в палестинском споре о возможности или желательности компромисса с Израилем. Согласно второму объяснению (совпадавшему с обвинениями Абу Айяда), Абу Нидадь был инструментом израильтян. Аргумент был такой: хотя в теории они лютые враги, на практике их операции против ООП так похожи, что наводят на мысль о каких-то связях. Как сказал автору отставной высокопоставленный офицер иорданской разведки: «Поскреби внутри организации Абу Нидаля и найдёшь Моссад» (с. 152). Ведь мало кто знает, что с конца 1960-х гг. Израиль сотрудничал с Иорданией, чтобы сдерживать общую угрозу со стороны палестинских партизан. Правда, твёрдые доказательства оставались скудными.

Одни источники утверждали, что Моссад проник в организацию Абу Нидаля только на нижнем уровне; другие считали, что завербованы высокопоставленные

члены, возможно, даже сам Абу Нидаль и его родственники. Согласно бывшему сотруднику ЦРУ, Моссад мог завербовать Абу Нидаля в конце 1960-х гг. — вероятно, в Судане; будучи завербован и получая от израильтян средства и инструкции, он попал «на крючок», с которого не мог слезть. И всё же свидетельствам палестинцев в пользу этой версии автор не был склонен верить как пристрастным.

Принцип проникновения в ряды противника применяется разведкой широко. Когда палестинское движение с середины 1960-х гг. прибегло к вооружённой борьбе, все основные игроки в регионе и многие — вне его сочли необходимым следить за его деятельностью. Арабским государствам контроль над палестинцами нужен по соображениям безопасности и престижа, а также с целью использовать палестинцев против других арабских государств. Конечно, проникновение осуществляет и Израиль, спецслужбы которого Шин-бет³⁷ и Моссад завербовали много палестинцев; по одним данным, в 1989 г. их насчитывалось около 5000 (с. 155–156). Источники автора в спецслужбах утверждали, что целью Израиля при этом было не только нейтрализовать врага, но и манипулировать им, причём враг не всегда это признавал. Нигилистические взгляды Абу Нидаля делали его очевидным орудием в борьбе против Арафата и ООП.

Автор расследовал убийства пяти известных палестинских «голубей» между 1978 и 1983 гг., предположительно совершённые Абу Нидалем: С. Хаммами в Лондоне, А. Ясина в Кувейте, И. Калака в Париже, Н. Худра в Брюсселе и И. Сартави в Албуфейре (Португалия). Почти все эти люди были представителями ООП в данных странах и выступали за мирные переговоры с Израилем. Автор попытался выяснить, действительно ли Абу Нидаль причастен к этим убийствам.

Стратегия Израиля на уничтожение ООП всеми средствами включала отправку спецназа на ликвидацию палестинских лидеров и ведение полномасштабной войны в Ливане в 1982 г. Не было неправдоподобным, что с той же целью Израиль мог использовать Абу Нидаля. «Как Израиль считал ООП угрозой, которую надо искоренить, так Абу Нидаль заклеил Арафата предателем за то, что тот подумывал “сдать” Израилю 80% палестинской территории, что лишало большинство палестинцев возможности когда-либо вернуться в свои дома. До 1974 г. Абу Нидаль служил объединяющим фактором для левых критиков Арафата внутри ФАТХ. После 1974 г. он стал опаснее: расколол палестинское движение, отождествил его с терроризмом, а затем заткнул рот умеренным, перебив их» (с. 161). В какой степени Израиль и Абу Нидаль в своей параллельной борьбе с ООП действовали независимо друг от друга, а в какой их действия были скоординированы? По мнению источников автора в спецслужбах, эту загадку хотела разрешить каждая из них.

Убийствам умеренных палестинцев можно было найти альтернативные объяснения. Например, Абу Нидаль мог убить «голубей», потому что считал их предателями. Правда, успешная манипуляция очевидно враждебной организацией как раз и возможна под прикрытием альтернативного объяснения. Более того, творимое Абу Нидалем насилие облегчило Израилю задачу выставлять *всех* палестинцев террористами и убийцами и считать ООП группировкой вне закона, с которой нельзя вести переговоры.

³⁷ Шин-бет (аббревиатура названия Ширут ха-Битахон ха-Клали) — Общая служба безопасности, израильская контрразведка.

В случае Калака и Ясина Абу Нидаля неоднократно отрицал свою причастность к их убийствам. Напрашивается вывод о внешнем вмешательстве. Оба палестинца выступали красноречивыми поборниками сосуществования с Израилем и принципа двух государств, который был анафемой для правящей коалиции Израиля во главе с партией «Ликуд». В случае Худра, убитого в 1981 г., бывший агент Моссада Виктор Островский заявил, что сделал это Моссад. Худр был одним из немногих палестинских лидеров, понимавших, как важно не дать Бегину повода вторгнуться в Ливан. Из внешних по отношению к организации Абу Нидаля источников автор узнал, что убийца Худра был не израильтянином, а членом этой организации. Однако встаёт вопрос: почему Абу Нидалю удавалось иногда убивать евреев (как убийство еврейского подростка в Антверпене в 1980 г. или друга австрийского канцлера Б. Крайского³⁸ — Хайнца Нитталя)? Если у Израиля были в его организации агенты и они влияли на выбор мишени, то почему не помешали насилию против евреев? Правда, в Багдаде в 1950 г. израильские агенты атаковали бомбами еврейские цели, чтобы вызвать бегство еврейской общины Ирака в Израиль, но это случай единичный. Конечно, даже если израильтяне проникли в организацию, они не могли контролировать её полностью. Однако странно, что они ничего не сделали для наказания Абу Нидаля. Обычно нападения на евреев или израильтян не остаются безнаказанными: Израиль всегда отвечает. Правда, случай Нитталя мог быть особым. К 1980–1981 гг. в еврейской диаспоре росло разочарование Бегиним и его жёсткой тактикой. Такие деятели с международной известностью, как Наум Гольдман, Филипп Клацник, Пьер Мендес-Франс³⁹ и Бруно Крайский, открыто критиковали политику Израиля. Израильтяне могли натравить Абу Нидаля на Нитталя в виде предостережения.

В 1987 г. на встрече с Абу Нидалем в Алжире Абу Айяд заявил ему, что подозревает Израиль в манипулировании его организацией. Ответ Абу Нидаля его изумил: «Да, ты прав. В прошлом Израиль внедрял к нам своих людей. Я узнал это от тунисских и марокканских членов организации... Но позволь сказать тебе, что вербовать во Франции североафриканских агентов Израиля я отправляю собственных североафриканских сотрудников — тех, кому действительно доверяю. Поток развединформации иногда идёт мне на пользу» (с. 175). Абу Айяд был убеждён, что собеседник по сути признал факт сотрудничества с Моссадом.

К 1990-м гг. организация Абу Нидаля состояла из нескольких исполнительных отделов и комитетов, которые занимались повседневной работой. Надзор за ними осуществляли три центральных института: немногочисленное Политическое бюро, несколько более крупный Центральный комитет в составе около 20 человек и ещё более крупный Революционный совет. Каждым отделом и комитетом управлял один из членов Политбюро или ЦК. Основными подразделениями организации выступали секретариат, отдел разведки, организационный отдел, комитет членства, политический и финансовый отделы, комитет революционной справедливости, технический и научный комитеты, а также Народная армия.

³⁸ Бруно Крайский (1911–1990) — австрийский политик, канцлер (1970–1983).

³⁹ Наум Гольдман (1895–1982) — один из основателей и второй председатель Всемирного еврейского конгресса. Филипп Клацник (1907–1999) — американский предприниматель и политик, министр торговли США (1980–1981), третий председатель Всемирного еврейского конгресса. Пьер Мендес-Франс (1907–1982) — французский политик, дважды премьер-министр Франции (1954–1955).

Свою организацию Абу Нидаль контролировал через секретариат, которым управлял сам и который держал его в курсе всего. Секретариат служил главным образом центром связи. В Сидоне и ливийском Триполи располагались архивы секретариата, где работали по пять человек (с. 181). Их задачей было собирать информацию и снабжать ею руководителя.

В начале 1990-х гг. секретариат возглавлял Сулейман Самрин (доктор Гасан аль-Али), которого французы подозревали в работе на Моссад. Он родился в деревне на Западном берегу в 1946 г., получил степени бакалавра и магистра по химии в Британии, женился на англичанке, а в 1970 г. уехал в Бейрут, чтобы работать на ФАТХ. В организации Абу Нидаля доктор Гасан имел звание первого секретаря Центрального комитета, отличался энергичностью и сильно пил. Он читал марксистскую экономическую литературу и обсуждал мировые события в её терминах. Он же редактировал внутренний журнал организации «Ат-Тарик» («Путь»). На Абу Нидаля он имел большое влияние и считал себя его преемником. Несмотря на свою власть, доктор Гасан был весьма непопулярен, так как держался особняком и коллег не уважал. Однако перед руководителем заискивал.

После разрыва Абу Нидаля с ФАТХ в 1974 г. его «специальные операции» находились в руках военного комитета, личности членов которого держались втайне. Абу Нидаль даже ввёл строгие ограничения на их контакты друг с другом. В середине 1980-х гг. эту структуру тоже возглавлял доктор Гасан, который и организовал большинство терактов в эти годы. В 1985 г. её преобразовали в отдел разведки. С самого начала он был важнейшим во всей организации: занимался внедрением агентов за рубежом, создавал схроны оружия, собирал сведения о потенциальных мишенях, осуществлял убийства. Отдел содержал за рубежом 30–40 «резидентов», которые были ответственны за десятки схронов; крупнейший находился, вероятно, в Турции (с. 186). Возглавлял отдел Абд-ур-Рахман Иса, тоже уроженец Западного берега; Абу Нидаль встретил его в 1960-е гг. в Иордании. Весь мир Иса рассматривал сквозь призму заговоров и тайных операций. Однако в середине 1980-х гг. он допустил роковую ошибку, тесно связавшись с такими людьми, как Абу Низар (тогда — заместитель Абу Нидаля) и Атиф Абу Бакр, идеолог-реформатор, который считал, что организации пора выйти из подполья. Переехав летом 1987 г. в Ливию, Абу Нидаль сместил Ису, публично унизил его и даже велел относиться к нему с особым презрением. Место Исы заняли Мустафа Авад (кодовое имя Алаа), который возглавил Ливанский комитет отдела разведки, и Али аль-Фарра (кодовое имя доктор Камал), который обосновался в Ливии и взял под своё начало три основных комитета отдела — особых миссий, внешней разведки и контршпионажа.

Организационный отдел занимался вербовкой, учил новых членов правилам и философии организации и готовил их к работе. Однако Абу Нидаль постоянно перетасовывал его, так как считал его начальников шпионами враждебных держав. Отдел делился на три комитета — зарубежных стран, арабских стран и Палестины/Иордании. Первый вербовал палестинских студентов в иностранных учебных заведениях, которые и составляли основу организации. Одни из них присоединялись к Абу Нидалю из нужды в деньгах; другие были фанатиками, и их привлекали его политические взгляды. Если ФАТХ выделял своим студентам в Восточной Европе на учёбу 50 долларов в месяц, Абу Нидаль давал 500, и никто не мог с ним конкурировать.

вать (с. 192). В Западной Европе он был ещё успешнее, так как мог позволить себе оплачивать все расходы студентов. Так, в Испании он построил крепкую организацию, переманив большинство студентов ФАТХ. Правда, в 1980-е гг. в нескольких странах, где орудовал Абу Нидадь, произошли перемены: в Испании его организацию разгромили после убийства отступника; в Британии после попытки убить израильского посла Абу Нидадю стало трудно сохранять хоть какое-то присутствие; сильный удар организация получила и в Турции после убийства иорданского дипломата в 1985 г. По мере того как операции в Европе становились всё труднее, организация смещала фокус деятельности в Юго-Восточную Азию, Индию, в меньшей степени — Латинскую Америку и ряд стран Африки. Такие отдалённые операции не имели общего с палестинским делом вовсе. К этому времени Абу Нидадь погрузился в рэкет. Комитеты арабских стран и Палестины/Иордании были слабее, внимание террориста к этим странам было меньшим. Показательно, что в 1974–1990 гг. военной деятельности на оккупированных территориях он вообще не вёл. В конце 1980-х гг. Абу Нидадь сместил начальника организационного отдела Абу Низара и заменил его мужем племянницы своей жены по имени Исам Марака (кодовое имя Салим Ахмад). Последний стал заместителем террориста.

Сверхсекретный комитет членства «контролирует личные дела каждого члена организации, кто бы он ни был и где бы ни находился. Сначала эти дела хранились на бумажных носителях, теперь компьютеризированы. Точное количество и местопребывание членов организации Абу Нидаля не знает никто. Источники в ООП оценивают общую численность в несколько сотен. Израильская разведка в 1986 г. оценила её в 500–800 активных членов и несколько сотен сочувствующих. Согласно западным источникам, организация могла насчитывать до 2000 человек, поскольку ей лояльны многие палестинские студенты в университетах разных частей мира» (с. 196). С 1987 г. комитет членства располагался в Сидоне, а возглавлял его Азиз Абд-уль-Халик (кодовое имя Аввад).

«Большинство членов вступают в организацию по рекомендации уже существующего члена, но после поступления на работу новому члену запрещено поддерживать любые связи с кадром, который впервые рекомендовал его. Если человек сам рекомендует себя в члены организации, его сразу подозревают в шпионаже и подвергают долгому и трудному изучению... Если подозрения сочтут обоснованными, кандидата в члены обычно принимают, переводят в “тренировочный лагерь”, арестовывают и допрашивают, после чего чаще всего убивают» (с. 197). Во многом самой открытой частью организации являлся политический отдел. В него входили комитет публикаций и комитет политических отношений. Первый издавал еженедельный журнал «Филястын ат-Таура» («Палестина Революция») — одноимённый с журналом ООП, так как Абу Нидадь стремился позиционировать себя как альтернативу движению Арафата. Сначала журнал издавался в Багдаде, затем в Дамаске, а с 1987 г. — в южном Шуфе в Ливане, на территории под контролем друзского лидера Валида Джумבלата⁴⁰. Печатались и распространялись около 12 000 экземпляров

⁴⁰ Валид Джумблат (род. 1949) — ливанский политик, лидер Прогрессивно-социалистической партии, один из светских лидеров друзской общины. Друзы — адепты монотеистической религии в Сирии, Ливане, Израиле и Иордании, которая в XI в. откололась от шиитского исмаилизма. Верят в переселение душ.

в неделю (с. 198). Абу Нидаль ввёл целый словарь терминов и выражений, за употреблением которых строго следили. Так, ООП неизменно именовали «так называемой ООП», Саудовскую Аравию — «режимом саудовской семьи / сионизированной семьи». При написании статей члены комитета публикаций трепетали, поскольку отход от упомянутого словаря грозил серьёзными обвинениями. Конечно, тон журнала менялся в зависимости от местопребывания штаб-квартиры организации. Когда журнал издавался в Багдаде, Сирию называли «предательским алавитским сектантским режимом», а Ирак — «хребтом арабской революции»; после переезда организации в Дамаск Сирию стали восхвалять как «поборника стратегического баланса», а Ирак обзывать «фашистской диктатурой».

Комитет политических отношений ведал внешними связями — с арабскими и иностранными государствами, политическими партиями, другими палестинскими группировками.

Отдел финансов располагался там, где пребывал Абу Нидаль, и всеми денежными вопросами плотно занимался он сам. Именно он отслеживал счета в иностранных банках, определял размеры бюджета, одобрял месячные переводы средств. Интересовали террориста больше всего миллионы в иностранных банках и личная безопасность. Вот почему планирование и осуществление терактов он в основном делегировал другим. Первым приобретением Абу Нидаля было имущество ФАТХ в Ираке стоимостью около 4 млн. долларов. Когда ФАТХ приговорил его к смерти, иракцы передали ему ещё 5 млн. В 1976–1988 гг. Абу Нидаль, по оценкам, вытянул шантажом из династии Саудов и правителей мелких государств Персидского залива около 50 млн. долларов (с. 203–204). Также он торговал оружием, выступая посредником для Ирака. Например, в конце 1970-х гг. Абу Нидаль сбывал польское стрелковое оружие и лёгкие пулемёты племенам на границе Саудовской Аравии и Северного Йемена. Перед ирано-иракской войной состояние Абу Нидаля исчислялось в 120 млн. долларов, а к концу войны в 1988 г., согласно источникам из западных разведок, выросло до 400 млн. (с. 204). Большинство средств террорист вкладывал в номинальные компании или размещал на счетах в Швейцарии, Австрии и Испании. Значительная часть этих средств была вложена в иностранные банки на имя его жены, сына Нидаля, дочери Бадии, её мужа и других членов семьи.

Тюрьмами, центрами допроса и местами казни заведовал комитет революционной справедливости. Его главная база находилась в деревне Бкаста в горах Ливана. В обмен на использование дружеской территории Абу Нидаль снабжал Джумблата оружием, разведанными, средствами и обеспечивал ему безопасность. Настоящим начальником комитета был Мустафа Ибрахим Сандука (кодовое имя Халдун), женатый на одной из племянниц Абу Нидаля. Технический комитет отвечал за подделку паспортов, виз, иммиграционных печатей и других документов. После переезда в Ливию его включили в отдел разведки. Другим небольшим органом был научный комитет, который разрабатывал и производил оружие и взрывные устройства (автомобильные и чемоданные бомбы и т.п.).

Особняком существовала Народная армия — регулярное ополчение, напоминающее таковые других палестинских группировок. Она располагалась только в Ливане и имела дело с палестинскими партизанами, их базами, обучением и вооружением. С тайными агентами или специальными миссиями она не была связана вовсе. Возникла

Народная армия в 1985 г., когда организация вышла в Ливане из подполья и вербовка стала массовой. Возглавлял армию Васфи Ханнун — хорошо образованный человек, которого преступления довели до убийства в 1986 г. собственной тёщи и свояченицы, когда Абу Нидаля ложно обвинил их в работе на иорданскую разведку. Эта история иллюстрирует то, что происходило с людьми, попадавшими в организацию.

С конца 1960-х гг. Израиль регулярно бомбил, обстреливал и захватывал позиции своих палестинских и шиитских оппонентов в Ливане. «Абу Нидаля в основном оставляли в покое. Несмотря на его атаки на стойки “Эль Аль” в аэропортах Вены и Рима, его кровавые нападения на синагоги в Стамбуле и нескольких городах Европы и другие преступления против евреев, группы ликвидации Моссада или израильская авиация, которая так нещадно бомбила другие палестинские группировки, никогда серьёзно не трогали его организацию ни в Ливане, ни в Ливии. То, что Абу Нидалю позволяют безнаказанно убивать евреев, — необычное (поистине вопиющее) отклонение от израильской политики» (с. 211). На лагерь боевиков в Ливане, который был известен как Школа кадров и представлял собой хорошую мишень среди гор, израильская бомба упала лишь однажды, в 1988 г. До раскола в рядах организации её начальники разъезжали по Южному Ливану без охраны, как если бы знали, что Израиль им не угрожает.

Удивляет ещё один аспект деятельности Абу Нидаля. Все палестинские националисты от социалистов до исламистов считали интифадой⁴¹ на оккупированных территориях великой национальной битвой. Абу Нидаля бил по мишеням почти во всех частях света — в Бангкоке, Австралии, Перу. Однако до или в ходе интифады он и камня не бросил. Жители оккупированных территорий едва знали его имя, потому что боевиков он не посылал, денег не жертвовал и для поддержания борьбы палестинцев с израильским правлением не сделал вообще ничего. Неслучайно комитет специальных миссий отдела разведки располагал десятками кадров и неограниченными средствами, тогда как комитет Палестины/Иордании организационного отдела почти не имел средств и долгое время состоял всего из двух человек. Когда в 1988 г. Атиф Абу Бакр предложил созвать специальное заседание руководства для обсуждения помощи интифады, Абу Нидаля саботировал мероприятие, пустившись в обсуждение мельчайших вопросов. Более того, он стоял за убийством загадочного подполковника Мамуна Мрайша — одного из самых способных и активных офицеров ФАТХ. Мрайш был главным организатором ввоза боевиков и оружия на оккупированные территории, и у Моссада были все основания желать его смерти. В августе 1983 г. его убили в Афинах. Поскольку Мрайш делился информацией с СССР, советские спецслужбы не оставили это дело и заключили, что Мрайша убил Абу Нидаля. Атиф Абу Бакр в интервью автору рассказал, что, по словам Абу Нидаля, советское обвинение было справедливо: это он убил Мрайша, но не хотел, чтобы его роль в этом деле стала ясной.

Поведение Абу Нидаля было подозрительным не только в Палестине. Когда какая-то палестинская группировка в Ливане вступала в стычку с другой, люди Абу Нидаля стреляли по обеим, провоцируя разгорание конфликта. Ту же тактику они

⁴¹ Интифада (араб. «восстание») — вооружённая борьба палестинцев против Израиля. Здесь имеется в виду первая интифада (1987–1993), которая к моменту выхода книги (1992 г.) ещё не закончилась, а всего их в Палестине выделяют минимум две (вторая имела место в 2000–2005 гг.).

применяли против двух шиитских группировок — «Амал» и «Хезболлы». По сведениям бывших офицеров Народной армии, Абу Нидаль сам инструктировал своих людей в Ливане собирать информацию о силе, размещении и операциях других группировок и особенно сирийской армии. Зачем и для кого? Кроме того, если стандартной практикой при захвате пленников было сначала выудить из них максимум информации, то захваченных организацией агентов Моссада убивали почти сразу. Похоже, кто-то в комитете справедливости заботился о том, чтобы они не успели открыть правду. В 1989 г. начальник отдела разведки Алаа сорвал операцию по перевербовке палестинского агента Моссада. В ноябре того же года в Ливане исчез некий Юсиф Зайдан, которого, по-видимому, похитили по приказу доктора Гасана и Сандуки. Отколовшаяся от Абу Нидаля группировка, которую создал Атиф Абу Бакр, заключила, что эти двое опасались разоблачения Зайданом их роли как агентов Моссада в руководстве организации Абу Нидаля. Связным между Моссадом и Абу Нидалем выступал некий Фарук Усман.

Одну из главных загадок в карьере Абу Нидаля представляют собой массовые казни собственных боевиков в 1987–1988 гг. Как могла организация, количество членов которой редко превышало несколько сотен, решиться на истребление половины их числа? Приказ о ликвидации дал Абу Нидаль из Ливии, а выполнили его доктор Гасан и Сандука в Ливане. Ряд источников говорит, что террорист отдал такой приказ, когда сильно пил и страдал от паранойи. Однако трения в организации не были столь серьёзными, что ему было необходимо перебить этих людей ради собственного спасения. Напротив, именно из-за этих убийств Атиф Абу Бакр и отложился от организации. По мнению последнего, приказ исходил от Израиля и целью было истребить лучших людей. А после начала интифады в декабре 1987 г. Абу Нидаль предпринял ряд операций, единственной целью которых, похоже, было подорвать её и навредить интересам палестинцев в дружественных странах. Так, взрыв автомобиля в Никосии в мае 1988 г. привёл к гибели или ранениям 15 человек и оттолкнул от палестинцев общественность Кипра; взрывы в Хартуме подорвали поддержку палестинцев в стране, которая давно и ревностно их защищала. Были осуществлены нападение на греческое круизное судно, взрыв в Афинах, убийство саудовских дипломатов и захват в заложники французских детей.

Бегин всегда хотел включить в Израиль Западный берег, а для этого требовалось разгромить ООП в Ливане. К 1980-м гг. Израиль был силён как никогда и нуждался лишь в предлоге. Когда спровоцировать палестинцев на вооружённые действия не удалось, боевик Абу Нидаля в июне 1983 г. тяжело ранил израильского посла в Лондоне Шломо Аргова. «Безусловно, Бегин знал, что Абу Нидаль не имеет с ООП ничего общего, а является самым лютым врагом Арафата. Однако Израиль в такие детали не вдавался. Начальник израильского штаба Рафаэль Эйтан произнёс ставшую известной издевательскую фразу: “Абу Нидаль, Абу Шмидаль. Нам нужно ударить по ООП!” 4–5 июня израильская авиация бомбила Западный Бейрут, в то время как дальнобойная и корабельная артиллерия обстреляла палестинские лагеря беженцев, что привело к сотням жертв. 6 июня израильские сухопутные войска перешли границу» (с. 223–224).

«Абу Нидаль называл себя палестинским патриотом, но как могли его соотечественники выиграть от того, что он навлёк на их головы дождь израильских

бомб и снарядов? Можно было бы возразить, что он хотел уничтожения Израилем ООП, чтобы расчистить себе в Палестине поле деятельности. Однако эта теория едва ли выдерживает критику. Абу Нидаль действительно переместил свою организацию в Сирию с целью проникнуть оттуда в Ливан, который был для него призом из-за значительной доли палестинского населения... Однако вторжение Израиля в эту страну, изгнание большого числа палестинцев и контроль Израиля или маронитов над Ливаном, безусловно, не способствовали бы осуществлению его палестинских амбиций. В этом изменчивом положении ближневосточных дел Абу Нидаль вряд ли решил бы убить Аргова — и спровоцировать вполне предсказуемый ответ Израиля — без сильного поощрения извне. Мне казалось очевидным, что либо он сделал это по заказу одного из своих спонсоров — Ирака, Сирии, возможно, Израиля, либо он, ведая или не ведая, подвергся манипуляции» (с. 224). Однако Сирия ещё с 1976 г. делала всё, чтобы не дать Израилю предлога вторгнуться в Ливан. Отношения с Саддамом у Абу Нидаля к этому времени уже были скверными. Соратник Арафата Исам Сартави был убеждён, что совершить покушение на посла велел сам министр обороны Израиля Шарон. Однако едва ли Абу Нидаль хотел обидеть Сирию по поручению Израиля больше, чем по поручению Ирака. К тому же такой цинизм (убийство или ранение собственного посла как предлог) едва ли характерен даже для правых экстремистов. И всё же, согласно одному источнику в западных разведках, израильские агенты могли получить общие инструкции мобилизовать организацию на предоставление Израилю предлога. Покушение на Аргова могло быть индивидуальной инициативой вследствие такой общей инструкции. Абу Нидаль находился тогда в Польше, а его организация — в состоянии переезда из Багдада в Дамаск, что делало её, возможно, ещё более уязвимой для манипуляции — возможно, со стороны доктора Гасана, которого многие палестинцы считали агентом Моссада.

В 1989 г. произошло ещё одно событие, в котором Абу Нидаль по сути действовал как провокатор в пользу Израиля. Когда израильский спецназ вторгся на вертолёте в Южный Ливан и похитил шейха Абд-уль-Карима Убейда⁴² из «Хезболлы», а державшие западных заложников террористы в отместку повесили американского полковника Роберта Хиггинса, вновь возникла угроза израильского вторжения. В этот момент Абу Нидаль велел начать операции против израильтян, но командир отряда организации в долине Бекаа отказался выполнить приказ, понимая, что кто-то пытается начать войну.

Репутация Абу Нидаля как террориста возникла, прежде всего, в пожаре насилия середины 1980-х гг.: нападение с гранатами на туристов в Риме в сентябре 1985 г.; угон египетского самолёта в ноябре того же года, завершившийся бойней в Валлетте, и др. Многие из операций Абу Нидаля той поры были выполнены по заказу Каддафи, но, как рассказали автору перебежчики, террорист имел и другие цели — раздражить сирийцев, чтобы порвать с ними, повернуть вспять «реформистскую» тенденцию в Ливане. В одном 1985 г. Абу Нидаль дал три хвастливых

⁴² Абд-уль-Карим Убейд (род. 1957) — имам деревни Джибшит в Южном Ливане, близкий к «Хезболле» духовный лидер. Был похищен израильскими командос в 1989 г., освобождён в 2004 г. вместе с 435 другими арабскими узниками в обмен на бывшего полковника военной разведки и тела трёх солдат Израиля.

интервью, в которых, как обычно, обрушился на «империализм» и «сионизм» и объявил, что убьёт несколько мировых лидеров, включая Р. Рейгана, М. Тэтчер, малика Хусейна и египетского президента Мубарака⁴³.

На Ближнем Востоке практически не было игроков, которые в то или иное время не прибегали к террору. На террор опиралось баасистское правительство Ирака. Армяне применяли террор против турок, чтобы те признали вину за геноцид их народа, ливанские шииты — против американцев в пользу Ирана и против Израиля, Сирия — против повстанцев в Хаме в 1982 г. Применяли террор и евреи — как до образования Израиля, так и после. Так, в 1954 г. они взорвали бомбу в информационном центре США в Каире в попытке навредить американско-арабским отношениям (дело Лавона⁴⁴), а в 1967–1972 гг. Ицхак Шамир и Геула Коэн⁴⁵, сами бывшие террористы, поощряли Еврейскую лигу обороны Меира Кахане⁴⁶ нападать на советские и другие объекты в США и Европе, чтобы Москва, не желая ухудшения американско-советских отношений, выпустила из страны сотни тысяч евреев, которых можно было привлечь в Израиль. Однако если террор Израиля всегда служил долгосрочным политическим целям, террор Абу Нидаль был непоследователен и всегда контрпродуктивен для палестинских интересов. «Его утверждение, будто он хотел помешать компромиссу между ООП и Израилем, чтобы вернуть Палестину, не было правдоподобным. Огромное превосходство Израиля в силах над его оппонентами делало такую попытку самоубийственной. Низводя палестинскую освободительную борьбу к обычному криминальному насилию, Абу Нидаль предоставлял Израилю предлог для отказа вести переговоры и предания палестинцев мечу» (с. 231).

Летом 1984 г. Израиль, который годами заярлячивал всех палестинских боевиков как «террористов», чтобы лишить их легитимности, активизировал эту деятельность с целью повлиять на политику США. К этому времени обе страны признали свои неудачи в Ливане. Израильцы оттуда выдавливали, а в американском посольстве произошёл взрыв и в теракте погибли морские пехотинцы. В арабо-израильском конфликте США стали ограничиваться контртерроризмом и не пытались проследить корни насилия к изгнанию палестинцев с их земель, вторжению Израиля в Ливан или ощущению шиитами несправедливости. На конференции Института Джонатана в Вашингтоне в июне 1984 г. министр обороны Израиля Моше

⁴³ Роналд Рейган (1911–2004) — 40-й президент США (1981–1989). Маргарет Тэтчер (1925–2013) — премьер-министр Великобритании (1979–1990). Хосни Мубарак (род. 1928) — 4-й президент Египта (1981–2011).

⁴⁴ Дело Лавона — политический скандал в Израиле 1954–1960 гг. В 1954 г. военная разведка Израиля планировала операцию «Сусанна» — теракты в Египте против британских и американских целей, чтобы Британия передумала выводить войска из зоны Суэцкого канала. Однако операция провалилась, и начальник военной разведки Биньямин Гибли и министр обороны Пинхас Лавон обвиняли в этом друг друга. Дело расследовали две комиссии, вторая из которых (1960 г.) вынесла решение о невинности Лавона.

⁴⁵ Геула Коэн (род. 1925) — израильская журналистка, одна из основателей правой партии «Тхия», депутат кнессета.

⁴⁶ Меир Кахане (1932–1990) — американский, затем израильский общественный деятель, основатель Лиги защиты евреев в США и радикального движения «Ках» в Израиле. Выступал за трансфер всего арабского населения за пределы Израиля и включение элементов Галахи в государственное законодательство. Убит палестинцем.

Аренс⁴⁷ призвал закрыть учреждения ООП по всему миру, так как они, по его словам, были лишь центрами поддержки террористических операций.

Составив список терактов в мире в 1982–1986 гг., автор пришёл к выводу, что «Абу Нидаль едва ли был единственным или даже самым опасным террористом середины 1980-х гг. Однако от большинства других террористов — как индивидуальных, так и государственных — его отличало то, что ни одно из его нападений, похоже, не служило палестинскому делу. Его мотивы, казалось, были либо корыстью, либо наёмничеством, а теракты — столь дерзкими, что гарантировали ответный удар. Абу Нидаль далеко ушёл от своей приверженности палестинскому делу. Он стал наёмником, нигилистом» (с. 242). Так, попытка взорвать грузовик у посольства США в Каире в мае 1985 г. и угон египетского «Боинга» на Мальту в ноябре были антиегипетскими наёмными операциями по заказу Ливии. Их следует рассматривать в контексте тогдашней ссоры Каира с Триполи: Египет обвинял Ливию в отправке террористов убивать его граждан и ливийских эмигрантов, а Ливия выслала египетских рабочих и осудила договор Египта с Израилем. Самыми эффективными операциями Абу Нидаля того времени и наиболее разрушительными для палестинского дела были нападения в декабре 1985 г. на билетные стойки авиакомпании «Эль Аль» в аэропортах Рима и Вены. Австрия и Италия были странами Европы, с которыми ООП поддерживал наиболее тесные связи, и при их поддержке европейско-палестинский диалог развивался удовлетворительно. ООП заключила, что целью атаки было заставить эти страны разорвать с ней отношения. Абу Айяду после терактов пришлось дать около 20 интервью с объяснением, что ООП к ним не причастен. Большинство людей на Западе и даже многие арабы не делали различий между ФАТХ Абу Нидаля и Арафата. Урон ООП был нанесён огромный. Когда Абу Нидаль совершил эту резню, все запомнили лишь, что сделали это палестинцы.

По словам Абу Айяда, от терактов выиграл лишь Израиль. Автор не мог powiedzieć, что израильтяне сознательно устроят бойню соотечественников. Однако необъяснимо то, что Израиль не принял мер ни против Ливии, ни против Абу Нидаля. Как заключил Абу Айяд, поскольку Ливия и другие спонсоры Абу Нидаля серьёзно рисковали, позволяя такой организации действовать на своей территории, организация предоставляла Израилю возможность проникать не только в палестинское движение, но и в арабское общество в целом. Так, в 1985 г. в аэропорту Дамаска был арестован член организации Аднан аль-Фарис, который вёз разведывательный отчёт о внутреннем положении в Сирии: организация Абу Нидаля собирала информацию о сирийской армии, скандалах с участием видных фигур сирийского общества, даже о «чёрном рынке» и ценах на хлеб. Сирийцы стали подозревать, что Абу Нидаль торговал этой информацией, и некоторые их аналитики указывали на Израиль. Неслучайно в конце 1986 г. сирийцы наконец поставили организацию под надзор.

Последней каплей для Сирии стал захват самолёта Pan Am в аэропорту Карачи в сентябре 1986 г., когда при его штурме пакистанским спецназом погибло более 20 человек (с. 253). Группа боевиков Абу Нидаля перед этим тренировалась на модели самолёта в долине Бекаа. Им сказали, что самолёт полетит в Израиль и будет

⁴⁷ Моше Арэнс (род. 1925) — израильский авиационный инженер, член кнессета от правого блока «Ликуд», трижды министр обороны, также министр иностранных дел.

взорван над важным военным объектом. Однако главарь группы под кодовым именем Аббас получил инструкцию взорвать свой пояс смертника, как только самолёт окажется в воздухе. Самолёт так и не взлетел из Карачи, поскольку Аббас передумал умирать; другие боевики, возможно, тоже засомневались в правильности идеи самопожертвования. Как многие другие операции Абу Нидаля, этот угон был преступлением, которое не служило палестинскому делу. Вероятно, террорист собирался посчитаться с США за удар по Ливии в апреле 1986 г.

Если теракт не удавался, вызывал сильное возмущение или Абу Нидаль не был уверен в одобрении спонсора, он объявлял ответственной какую-то фиктивную организацию. Так, его антибританские операции были осуществлены от имени Революционной организации мусульман-социалистов, теракты в Риме и Вене — от имени Ячеек арабских фидаев и т.д. В то же время террорист брал на себя ответственность за операции, в которых не участвовал. Когда в марте 1986 г. был убит назначенный Израилем мэр Наблуса Зафир аль-Масри, Абу Нидаль взял ответственность на себя, хотя все в палестинском движении знали, что убийство устроил НФОП Хабаша. Абу Нидаль пытался присвоить себе «славу» за попытку Ирландской революционной армии убить М. Тэтчер в Брайтоне в ноябре 1984 г., а когда взорвался американский космический корабль «Челленджер», он опубликовал в своём журнале поздравление и велел раздать членам организации конфеты: пусть вообразят, будто организация способна и на такие «подвиги». После взрыва над Локерби (Шотландия) самолёта Pan Am 103, — теракта, к которому Абу Нидаль был непричастен, — он с загадочным видом произнёс: «Мы имеем некоторое отношение к этому делу, но если кто-то даже упомянет об этом, я убью его собственными руками!» (с. 254–255).

С лета 1986 г. Абу Нидаль начал выводить свою организацию из Сирии. Сначала он велел Абд-ур-Рахману Исе перевезти в Ливию архивы и другие важные документы. Затем в Ливан и Ливию были перемещены целые отделы. Сирийцы, думавшие, что Абу Нидаль располагает в их стране примерно десятком зданий, позднее с удивлением обнаружили, что его организация занимала более 200 (с. 255). Ни в одном из них не было найдено ни клочка бумаги. И всё же по ошибке люди Абу Нидаля оставили в Сирии большой схрон оружия. Когда в 1989 г. его обнаружили, Асад, как говорят, воскликнул: «С таким арсеналом оппозиция могла бы перебить меня и всё правительство!» В самой организации новость об этом вызвала оцепенение. Встал вопрос: кто ошибся или кто предал? Возможно, это был сотрудник отдела разведки — Нидаль Хамади, который и замуровал оружие. Одни говорят, что он и выдал его сирийцам, другие — что, узнав о находке, бежал, страхась гнева руководителя.

В марте 1987 г. бывший президент США Картер посетил Дамаск с частным визитом и по просьбе Госдепартамента поднял перед Асадом вопрос о теракте в Карачи. 1 июня того же года Сирия выслала всех членов организации Абу Нидаля с семьями, а её учреждения закрыла. Однако сам Абу Нидаль не дожидался этого момента и навсегда покинул Сирию ещё за два месяца до этого. «Работали ли Абу Нидаль или его главные помощники на Израиль или нет, внутри своей организации он достиг чего хотел: опасно реформистская тенденция к выходу из подполья в Ливане была сдержана, а организации вскоре предстояло пройти чистку иделиться между Ливаном и Ливией. В той степени, в какой это его касалось, атаки в Риме, Вене, Хитроу и Ка-

рачи сослужили свою службу... В Ливии в конце 1980-х гг. искорёженная душа Абу Нидаля, казалось, наконец обрела покой. Богатство давало ему чувство всемогущества; в Каддафи он нашёл подходящего спонсора, который разделял его увлечение насилием. Абу Нидаля устранял потенциальных соперников, особенно Атифа Абу Бакра, и вернул себе абсолютный контроль над своей организацией, вытащив её из Сирии, разделив между Ливией и Ливаном и вновь сделав подпольной» (с. 257–258).

В 170 км от Триполи Каддафи предоставил Абу Нидалю большой тренировочный лагерь. Он состоял из четырёх или пяти частей с «деревней» для женатых работников и их семей, имелись административные учреждения, лекционные аудитории, палаточный лагерь для обучения тайным операциям, исследовательский центр, защищённый двумя противовоздушными ракетными батареями, тюрьма и блок допросов. Лагерь служил местом тренировки Народной армии. Однако обычные боевики служили только маскировкой для тайной внутренней работы. Абу Нидаля назвал лагерь именем Наджи аль-Али — арабского карикатуриста, которого застрелили в Лондоне в том же году. Говорили, что за убийством стоял Арафат, хотя доказательств тому нет. Скорее всего, Абу Нидаля назвал так свой лагерь, поскольку ненавидел Арафата не меньше Израиля.

Сам Абу Нидаля жил не в лагере, а в комплексе из трёх вилл в предместье Триполи. Примерно раз в месяц он без предупреждения наезжал в лагерь, наводя дрожь на всех, кто в нём находился. «Бледный, лысеющий, пузатый человек с длинным тонким носом над седыми усами, он приезжает без помпы. Появляясь, он выглядит сдержанным и почти застенчивым» (с. 5). Сопровождал его обычно Амджад Ата — высокий брюнет лет сорока, второй секретарь Центрального комитета его организации, который наводил на обитателей лагеря даже больше страха, чем сам руководитель. Говорили, что каждый раз, когда он приезжает, какого-нибудь «предателя» уводят на казнь или пытки в секцию 16. Большинство значительных людей на Ближнем Востоке ради безопасности окружают себя членами собственной семьи, и Абу Нидаля не был исключением: Амджад Ата был мужем одной из его племянниц.

Большинство обучавшихся в ливийском лагере боевиков были молодыми палестинцами, которых завербовали в Ливане в среде беженцев из Палестины и людей, пострадавших от гражданской войны в самой стране. В эти два десятилетия потрясений единственным способом выжить для них оказалось вступить в одно из ополчений, которые возникли, когда в 1975 г. в Ливане рухнуло государство. Абу Нидаля обещал помочь им с образованием, работой, поддержать семьи. А ещё он хорошо платил. Свою роль сыграло и ощущение принадлежности к боевой тайной организации. Завербованным внушали, что они выполняют долг не только перед Палестиной, но и перед всем арабским народом. Другие организации выставлялись как предательские, коррумпированные, соглашательские, а их собственная — как вдохновлённая благородными арабскими ценностями.

В организацию отбирали далеко не всех. Абу Нидаля хотел быть уверенным, что её члены не запятнаны связями с другими политическими организациями или спецслужбами. Завербованных заставляли письменно дать согласие принять смерть, если в их прошлом такие связи всё же будут обнаружены.

Вступив в организацию, новобранец писал подробную автобиографию, жил в двухместной камере со своим вербовщиком, нёс охрану учреждений, распростра-

нял журнал «Палестина Революция». Ему могли поручать мелкие разведывательные задания. Воспитывалась строгая дисциплина. Так, если человек опаздывал в столовую на пять минут, его не пускали вообще. Жаловаться на строгости было запрещено под страхом отвода в секцию 16, после которой люди едва могли ходить. В организации использовали только кодовые имена, а обо всём необычном следовало доносить непосредственному начальнику. На собраниях с целью самокритики новобранец должен был публично признавать свои ошибки и рекомендовать себе меру наказания. «Индоктринация была массивной и систематической. Обитателям не полагалось радио, а новости из внешнего мира они получали только отфильтрованными через отдел политической мобилизации в виде лагерных бюллетеней. Письма семьям подвергались цензуре, тогда как приходящие письма часто не раздавали вовсе. Администрация лагеря вела на каждого обширное личное дело... Атмосфера гнёта и страха была такой, что все, казалось, были близки к физическому и психологическому истощению; относилось это и к охранникам» (с. 19).

После индоктринации людей посылали на полгода в Южный Ливан, где они проходили базовое военное обучение. Иных размещали в огороженной части лагеря и обучали особым навыкам: выдавать себя за другого человека, не привлекать к себе внимания, вести скрытое наблюдение, избавляться от хвоста, отправлять на базу зашифрованные послания, а также собирать стрелковое оружие и стрелять из него, запоминать карту, находить схрон оружия в чужой стране.

«Значительные ресурсы тратились на сбор разведанных. Перед тем как выдать мишень или осуществить нападение, следовало собрать информацию обо всех и обо всём, имеющем к этому отношение. Это была рутинная сторона работы организации и главная деятельность её полевых агентов. Много фотографировали, рисовали планы и писали отчёты. Вторым приоритетом была перевозка оружия за рубеж или приобретение его там, после чего его прятали про запас. Третий приоритет состоял в приобретении подлинных паспортов, которые ценились всегда выше подделок, произведённых техническим комитетом организации. Наконец, было обучение: Абу Нидаля придавал значение переброске своих кадров с одного тренировочного курса на другой, постоянно совершенствуя их способности и испытывая их мужество» (с. 23). Так, один оперативник получил задание слетать в Брюссель и обзавестись там друзьями, которые пригласили бы его в будущем и помогли бы получить повторные визы. Он съездил в Бельгию под видом продавца подержанных автомобилей. В 1988 г. ему же поручили поехать на год в Таиланд, выучить тайский язык, жениться на тайке и организовать схрон оружия. Целью поездки было собрать сведения о присутствии в Бангкоке саудовцев.

С правящей династией Саудовской Аравии Абу Нидаля из-за её консерватизма много лет был на ножах. Его первой операцией было нападение в 1973 г. на саудовское посольство в Париже. Он продолжал бы вредить саудовским интересам, если бы этого не запретили государства-спонсоры — Ирак в 1970-е гг. и Сирия в начале 1980-х. Однако когда в 1985 г. главным покровителем Абу Нидаля стала Ливия, запрет сняли и он начал угрожать саудовцам, которых почему-то считал источником всех заговоров против него. Саудовцы сочли за лучшее вступить с ним в переговоры; посредником выступила разведка Алжира. Абу Нидаля был согласен, чтобы саудовцы откупились. В 1987 г. шантажист посетил Саудовскую Аравию и вернулся

оттуда с «первым траншем» в 3 млн. долларов (с. 28). Правда, он допустил ошибку, потребовав, чтобы назад в Алжир его в самолёте сопровождал кто-то из саудовских принцев. Рейс состоялся, но американцы, похоже, узнали об этом и надавили на Эр-Рияд, чтобы тот порвал с Абу Нидалем. Последний был в ярости, считая саудовцев вероломными. В результате в октябре и декабре 1988 г. были застрелены саудовские дипломаты в Анкаре и Карачи. В Западной Европе к этому времени ввели эффективные контртеррористические меры, и орудовать там стало опасно. Вот почему третьей мишенью Абу Нидаля выбрал Таиланд. В январе 1989 г. был застрелен третий секретарь саудовского посольства в Бангкоке.

В июне 1990 г. Абу Айяд попросил автора приехать из Лондона в Тунис, надеясь сообщить нечто важное. Автор имел репутацию беспристрастного аналитика. Он вырос на Ближнем Востоке и успел немало поездить по региону в качестве журналиста (главным образом для лондонской газеты *Observer*), женился на дочери отставного сирийского дипломата. Также опубликовал две книги о Сирии — «Борьба за Сирию» 1965 г. и биографию Хафиза аль-Асада. Сирийцы книгу запретили, и к продаже в арабских странах она вообще не была разрешена; израильтяне тоже посчитали, что автор обошёлся с ними сурово; не угодил автор и американцам — критикой их ближневосточной политики; палестинцы сочли, что он несправедливо обошёлся с ними в описании их конфликта с Асадом.

Хотя Арафат был публичным символом палестинских надежд, его ближайшие коллеги — начальник разведки Абу Айяд и глава военного крыла Абу Джихад — управляли своими ведомствами с помощью лояльных им самим людей, как бароны при средневековых королях. Абу Джихад был внешне невзрачным человеком, но считался лучшим менеджером в палестинском движении. Абу Айяд имел острый политический ум и осуществлял конфиденциальные зарубежные миссии. Будучи убеждённым националистом, он вместе с тем был одним из первых, кто рекомендовал (ещё в 1972 г.) урегулирование с Израилем на основе создания двух государств; то был компромисс, к которому большинство палестинцев тогда были ещё не готовы.

Встретившись с автором в Тунисе, Абу Айяд поделился с ним взглядами на Абу Нидаля. По его словам, Запад ещё не понял, что ООП — необходимый партнёр в ближневосточном мирном процессе. Важнейшим препятствием к пониманию этого факта был терроризм, который служил Израилю предлогом для отказа от любого упоминания о компромиссе. По мнению Абу Айяда, основную ответственность за очернение репутации всех палестинских фракций нёс архитектор терроризма Абу Нидаля. При этом Абу Айяд считал его не просто нигилистом, а марионеткой Израиля. Более того, Абу Айяд считал Абу Нидаля главным инструментом антипалестинской стратегии Израиля. Именно он перебил сотни палестинских боевиков, бросил тень на национальную борьбу Палестины своими бессмысленными и дикими действиями и сделал слово «палестинец» синонимом «террориста».

Для палестинских группировок характерно возводить друг на друга дикие обвинения, но Абу Нидаля... израильский агент? Абу Айяд подкрепил своё утверждение фактом трудностей в сборе информации в Ираке, Сирии и Ливии, а Абу Нидаля предпочёл действовать именно в этих странах, чтобы быть вне досягаемости ООП. Абу Айяд хотел, чтобы автор написал о связи Абу Нидаля с Израилем.

В Лондон автор вернулся, не «купившись» на рассказанную историю, но желая разобраться в происходящем. Он составил список палестинцев, на которых было совершено покушение Абу Нидалем или Израилем, и выяснил, что до 1973 г. Израиль убивал палестинских террористов и партизанских лидеров, а после 1977 г. Абу Нидаль устранял «умеренных» палестинцев, которые хотели договориться с Израилем. Была ли между двумя половинами списка какая-то связь? И в чём причина разрыва между ними в середине 1970-х гг.?

К 1973 г. Арафат стал пытаться дистанцироваться от террора. В целом это ему удалось, хотя внутри ООП были группировки, которые он не контролировал. Октябрьская война 1973 г. Египта и Сирии с Израилем возродила надежды на арабо-израильское урегулирование при посредничестве США. Однако госсекретарь Г. Киссинджер упорно отказывался от контактов с ООП: считал, что Палестина под её управлением станет с советской помощью радикальной крепостью вроде Ливии или Южного Йемена. Первостепенной целью Киссинджера и Израиля стало вырвать из строя арабских государств самое сильное — Египет. Киссинджер был согласен с Израилем, что палестинцы представляют собой проблему безопасности, которую надо решать жёсткими мерами, а не политики, решаемую с помощью переговоров и компромисса.

В 1975 г. вспыхнула гражданская война в Ливане, которой способствовал крах палестинских надежд на мир и опасения христиан, что, если палестинцы не получат своего государства, Ливан никогда от них не избавится. В 1977 г. премьер-министром Израиля стал ревностный поборник «великого Израиля» Менахем Бегин. Арафат уже был настроен на переговоры, но для Израиля они означали бы потерю Западного берега. Поэтому израильской стратегией было уничтожить ООП всеми возможными средствами (с. 51). Больше предыдущих израильских лидеров Бегин хотел заклеить Арафата и его коллег как террористов, с которыми переговоры бессмысленны. Этот взгляд хорошо сочетался с одержимостью администрации Р. Рейгана «международным терроризмом». Рейган, госсекретарь Александр Хейг и директор ЦРУ Уильям Кейси⁴⁸ оказали доверие сведениям американской журналистки Клэр Стерлинг⁴⁹: в книге «Сеть террора» 1981 г. она поведала о десятках тысяч террористов, которых прямо или косвенно спонсировала Москва в тренировочных лагерях по всему миру; двумя магнитными полюсами для начинающих террористов автор назвала кубинцев и палестинцев. Профессиональные разведчики знали, что Стерлинг пишет чушь, но Бегин поощрял Белый дом и Госдепартамент в их взглядах на терроризм как главный бич современного мира.

Абу Айяд сообщил автору, что убийства Абу Нидалем палестинских «голубей» были связаны с решимостью Бегина не идти на переговоры с палестинцами. В то же время Абу Нидаль мог быть действительно тем, кем хотел казаться, — радикалом, который считал Арафата предателем. Однако когда автор спросил бывшего генера-

⁴⁸ Александр Хейг (1924–2010) — американский военный и дипломат, верховный командующий силами НАТО в Европе (1974–1979), госсекретарь (1981–1982). Уильям Кейси (1913–1987) — руководитель избирательной кампании Р. Рейгана, директор ЦРУ (1981–1987).

⁴⁹ Клэр Стерлинг (1919–1995) — американская журналистка, занималась вопросами преступности, политических убийств и терроризма. После покушения в 1981 г. на папу Римского Иоанна Павла II обвинила в этом КГБ Болгарии; сегодня эта версия отвергнута.

ла АМАН (военной разведки Израиля), проникал ли Израиль в палестинские группировки и манипулировал ли ими, тот ответил: «Проникновение — да, но манипуляция — нет». Затем помолчал и с улыбкой добавил: «Никто этого не признает».

Посетив в 1990 г. Тунис ещё несколько раз, автор взял интервью у ряда коллег Абу Айяда. Затем он перенёс исследования на Кипр, Мальту, в Париж, Марсель, Италию, Австрию и Грецию, разговаривал с дезертирами из организации Абу Нидаля (те жили в постоянном страхе) и специалистами по контртерроризму в столицах стран Запада.

Бывшие коллеги Абу Нидаля сообщили, что Ливия пробудила в нём худшие черты. Террорист всегда имел диктаторские замашки, а в Ливии сделался тираном. Он не позволял подчинённым общаться друг с другом, даже иметь контакты за пределами официальных обязанностей. Если Абу Низар или Иса собирались друг к другу в гости, они предварительно звонили Абу Нидалю и ставили его в известность. Террорист был настолько одержим заговорами, что встреча без его ведома могла означать смерть. Его второй натурой стала бдительность, сочетавшаяся с болезненной подозрительностью в отношении всех и вся. Точное местопребывание террориста было известно лишь горстке соратников.

Дисциплину Абу Нидаля поддерживал множеством способов. Так, он велел передавать ему все паспорта, настоящие или поддельные. Никто, включая начальников отделов, не помышлял куда-то уехать без его личного одобрения. Рядовым кадрам не полагались телефоны. Тем, кого посылали с миссиями за рубеж, запрещали заходить в магазины беспошлинной торговли. Для Абу Нидаля это был способ не столько экономить деньги, сколько унижать и контролировать подчинённых. У него был талант выискивать мелкие промахи подчинённых и использовать их для утверждения своей власти. Все контакты между ливийским и ливанским крыльями организации проходили через Абу Нидаля, и он старался держать одно крыло в неведении о другом. Разделив руководство между двумя странами, террорист ослабил его и сделался всесильным. В Ливане осталась половина секретариата и политического бюро, а также значительная часть Народной армии, но эти органы не могли ничего предпринимать без позволения Абу Нидаля из Триполи. Он стремился внушить подчинённым серьёзный подход к работе, шутки были запрещены.

«И всё же было в нём что-то двойственное. Коллеги замечали, что, несмотря на тягу к власти, он, похоже, был не способен осуществлять её легко или уверенно. Когда ему приходилось обращаться к более чем полудюжине людей одновременно, он нервничал. Если аудитория была многочисленнее, он становился неестественным и косноязычным. Он был неряшлив и редко проводил две ночи подряд в одном и том же доме...

Из-за долгих лет в подполье он, похоже, разучился жить нормально. В Ливии он прилагал большие усилия, чтобы скрывать факты своей повседневной жизни, причём даже от коллег. Они не знали ничего о том, где он живёт, проводит тайные совещания, хранит оружие и архивы... Если вечером у него был посетитель, он реквизирует дом одного из помощников, жена которого должна была быстро приготовить и подать еду.

В таких случаях... ему удавалось создать впечатление стеснительного и застенчивого человека, говоря тихо и глядя при этом в ковёр. Однако он мог без предупре-

ждения пойти в атаку, внезапно становясь вербально агрессивным, как будто хотел показать, кто здесь хозяин» (с. 260).

В 1987–1990 гг. Абу Нидаль сосредоточил свои силы в Ливии. Помимо прочего, организация оперировала двумя радиостанциями: одна связывала секретариат с лагерем в пустыне, другая — с Ливаном и Алжиром. «Ливия стала нервным центром организации в осуществлении иностранных операций... ливийская разведка предоставила всевозможные удобства — от обучения и документов для передвижения до перевозок оружия и ввоза оборудования и припасов. Выгода была взаимной, причём стороны широко обменивались разведанными. Ливийцы подключили организацию к своим контактам и наоборот. Люди Абу Нидаля встречались в Ливии с представителями Красной армии Японии и Новой народной армии Филиппин⁵⁰. Их поощряли приглашать в Ливию любую иностранную вооружённую группировку или политическую партию, с которой они надеялись установить рабочие отношения» (с. 261). Отношения Абу Нидаля с ливийцами осуществлялись по двум каналам — через разведку и лично Каддафи.

Каддафи обращался с Абу Нидалем щедрее, чем с другими палестинцами. Террорист получал ежемесячную стипендию и имел право ввозить доллары и обменивать их на чёрном рынке по курсу примерно в 3,5 раза выше официального показателя (с. 261). Также Каддафи снабжал Абу Нидаля круглыми суммами для расходов в Европе и других местах, чтобы покрыть убытки организации в Ливане. Абу Нидаль поддерживал хорошие отношения с ключевым чиновником внутренней безопасности Ливии Абдуллой ас-Сануси, лъстиво называя его «современным Саладином»⁵¹. Даже во внутренних отчётах организации не позволялось и намёка на критику Ливии — из страха, что ливийцы об этом узнают.

Вместе с тем Абу Нидаль приходил в ярость, если кто-то в Политбюро сетовал, что организация становится креатурой ливийской политики. С одной стороны, он опасался последствий, с другой — хвастал, что так крепко держит ливийцев за горло и так много о них знает, что они не смогут от него избавиться.

Однако, даже живя в Ливии, террорист присматривал себе альтернативное убежище: иногда члены Политбюро и Центрального комитета уезжали пожить в Алжир. Одно время он подумывал перевезти туда жену и детей и хотел расширять связи с алжирской разведкой, начатые в 1986 г.

Как сказано выше, после начала интифады в декабре 1987 г. Абу Нидаль осуществил ряд операций, которые серьёзно навредили палестинскому делу. По его утверждению, взрывы в Хартуме были направлены против мест, откуда уезжали в Израиль еврей-фалаша из Эфиопии. Однако утверждение было абсурдным. Бывшие коллеги террориста говорят, что он «продал» операцию Каддафи как средство

⁵⁰ Красная армия Японии — японская леворадикальная террористическая организация (1971–2000) со штаб-квартирой в Ливане. Выступала за свержение монархии в Японии и подготовку мировой революции. Своими врагами считала капитализм, «советский ревизионизм» и сионизм. Новая народная армия — военное крыло подпольной Коммунистической партии Филиппин, созданной в 1968 г. маоистами после выхода из марксистско-ленинской КПФ. Ведёт партизанскую войну против правительства.

⁵¹ Саладин, точнее, Салах-уд-дин (1138–1193) — султан Египта и Сирии (1174–1193), основатель династии Айюбидов, лидер исламского мира в его войнах с крестоносцами (этнический курд).

навредить новому суданскому правительству Садика аль-Махди⁵². Каддафи возникновение этого правительства «национального единства» не понравилось, так как он поддерживал лидера южных мятежников Джона Гаранга⁵³, хотел расширить своё влияние в Судане за счёт Египта и надавить на Чад. У Абу Нидаля с Суданом были свои счёты: тот по просьбе Египта, ООП и США выслал его тайного представителя. Таким образом, у Абу Нидаля и Каддафи были собственные причины дестабилизировать Судан, но альтернативное объяснение всё же выглядит «легендой». Вероятнее то, что организацией вновь манипулировали.

С некоторыми странами Абу Нидаль заключал соглашения. Так, после убийства представителя ООП в Париже и обнаружения ряда схронов оружия Управление территориального надзора (DST) Франции решило, что лучшим способом нейтрализовать Абу Нидаля будет сделка с ним. По соглашению 1984 или 1985 г. во Франции поселялся тайный представитель Абу Нидаля, французские власти иногда выдавали членам организации визы и позволяли террористу создавать коммерческие предприятия, а тот в обмен обязался не ввозить в страну оружие, не атаковать французские цели и не использовать территорию страны как плацдарм. Франции было дешевле откупиться от Абу Нидаля, чем бороться с ним. Вёл он переговоры и с властями Швейцарии как страны банков. Он стремился здесь ладить, но, когда чувствовал, что диалог ослабевает, прибегал к насилию. Так, когда в 1989 г. вскрылись его некоторые международные финансовые операции, Абу Нидаль похитил двух швейцарских делегатов Международного Красного Креста в Сидоне; террорист вызвался стать посредником в переговорах с «похитителями», которые были его собственными людьми.

В других странах Западной Европы Абу Нидаль имел лишь частичный успех и много неудач. Швеция в 1990 г. выслала двух членов организации, установив их причастность к созданию схрона близ стокгольмского аэропорта. В Италии после нападения в аэропорту Рима террористу вынесли смертный приговор. Спецслужбы Британии после покушения на израильского посла в 1982 г. проявляли к Абу Нидалю большую враждебность. Он несколько раз пытался заставить Британию заключить с ним сделку, убив её дипломатов в Афинах и Бомбее, похитив журналиста А. Коллетта в Ливане, но безуспешно. Абу Нидаль считал, что Британия возглавляла скоординированную борьбу европейских разведок против него. Однако, по мнению автора, европейские страны мало делились сведениями о террористе друг с другом. Согласно Абу Айяду, в тесном сотрудничестве с правительствами Запада против Абу Нидаля была сильно заинтересована лишь ООП. Однако некоторые спецслужбы Европы (особенно британские) игнорировали инициативы палестинцев. Согласно ООП, Европа либо подчинилась шантажу террориста, либо предпочла избавиться от арестованных членов его организации, присутствие которых в её тюрьмах могло спровоцировать Абу Нидаля на дальнейшие теракты.

Абу Нидаль хвастал союзами с другими международными террористическими организациями, но, похоже, по большей части это ложь. Согласно его бывшим коллегам,

⁵² Садик аль-Махди (род. 1935) — суданский политический и религиозный деятель, премьер-министр (1966–1967, 1986–1989), правнук религиозного лидера Мухаммада Ахмада, который в 1880-е гг. объявил себя махди (исламским мессией) и поднял успешное восстание Судана против Египта.

⁵³ Джон Гаранг де Мабиор (1945–2005) — военный, лидер сепаратистского движения на юге Судана, глава автономной администрации Южного Судана в 2005 г. Разбился на вертолёте.

с Ирландской республиканской армией у него (в отличие от Ливии) связей не было. Его предполагаемые связи с баскским сепаратистским движением ЭТА были фантазией, а с Красной армией Японии и французским «Прямым действием»⁵⁴ связи были минимальными. С итальянской мафией Абу Нидаля заключил несколько мелких сделок по оружию и поддельным паспортам, но не более того. Сообщения западных СМИ о тесно интегрированном террористическом подполье сильно преувеличены.

Абу Нидаля действительно поддерживал связи с Армянской секретной армией освобождения Армении (ASALA)⁵⁵ — небольшой экстремистской группировкой, которая была основана в Ливане и радикализована воинственностью палестинских группировок. Боевики ASALA рассчитывали, что убийства турок заставят Анкару признать геноцид армян и это приведёт к созданию независимого армянского государства в Восточной Анатолии. ASALA находилась в оппозиции к основной организации диаспоры — Армянской революционной федерации⁵⁶, которую обвиняла в неэффективности. К середине 1980-х гг. были убиты не менее 28 турецких дипломатов и связанных с ними лиц (с. 273).

Будучи изгнанниками и пережив рассеяние, армяне и палестинцы были естественными союзниками. В 1977–1982 гг. у них были общие тренировочные лагеря в Южном Ливане. После вторжения Израиля в эту страну ASALA лишилась сотрудничества с НФОП, и её место заняла организация Абу Нидаля, предложившая финансовую помощь и лагеря в долине Бекаа. Сотрудничество не пошло ASALA на пользу, так как привлекло враждебное внимание, в том числе самих армян. За взрывами в аэропортах Анкары и Парижа в 1982–1983 гг. последовали репрессии, а Абу Нидаля, желая продемонстрировать французам свою полезность, «сдал» им видного боевика ASALA Акопа Акопяна⁵⁷, и в 1988 г. тот был застрелен в Афинах.

«Привычное обвинение в том, что коммунистическая Восточная Европа помогала Абу Нидалю и другим палестинским террористам совершать теракты на Западе, является преувеличением. Свидетельства из палестинских и западных разведывательных источников говорят о более амбивалентных отношениях, хотя в начале 1980-х гг. Абу Нидаля и сделал Польшу своим домом на несколько лет, а также выражал восхищение Восточной Германией Эриха Хонеккера⁵⁸» (с. 275). На отдых он часто ездил и в Венгрию. У Абу Нидаля было три причины выстраивать хорошие отношения с восточными европейцами. Во-первых, ему и ряду его ключе-

⁵⁴ «Прямое действие» — французская анархо-коммунистическая организация, вела «городскую партизанскую войну»: в 1979–1987 гг. провела более 80 терактов.

⁵⁵ Армянская секретная армия освобождения Армении — армянская боевая организация в 1975 — начале 1990-х гг. Проводила теракты против правительства Турции и имела целью восстановить Армению в составе всех населённых армянами территорий.

⁵⁶ Армянская революционная федерация, «Дашнакцутюн» — армянская политическая организация, основана в 1890 г. Боролась за освобождение армянских территорий Османской империи; в 1918–1920 гг. после отделения Закавказья от России была в Армении правящей партией. Выступает за восстановление исторической Армении.

⁵⁷ Акоп Акопян (1951–1988) — один из основателей и лидер Армянской секретной армии освобождения Армении.

⁵⁸ Эрих Хонеккер (1912–1994) — немецкий социалист, первый / генеральный секретарь Центрального комитета СЕПГ (1971–1989), председатель Государственного совета ГДР (1976–1989).

вых помощников требовались безопасные места проживания, поэтому он заключал со спецслужбами стран региона соглашения о безопасности. Обычно Абу Нидаля шантажировал их так же, как западноевропейские государства. Во-вторых, важным источником дохода для него была торговля оружием Восточного блока. В-третьих, он хотел подорвать тесные связи ООП со странами региона. Несколько восточно-европейских государств заключили соглашения с террористом, чтобы нейтрализовать его, но нет сведений, что они сотрудничали с ним в его операциях. Для спецслужб соцлагеря, как и их западных коллег, Абу Нидаля был террористом, которого следовало сдерживать. Хотя он любил позиционировать себя как палестинского националиста, находящегося под влиянием теорий Маркса, идеологического содержания в его отношениях с Восточной Европой не было. Советский Союз он ненавидел и часто нападал на него в своих публикациях. Себя он называл маоистом и выражал восхищение китайским экспериментом, но после короткого визита в КНР в 1972 г. никогда больше там не бывал и с китайцами отношений не поддерживал.

«Абу Нидаля был склонен краситься в политический цвет той группы, с которой ему доводилось быть. С марксистами он был одним из них; с арабскими националистами он называл себя националистом; с исламскими фундаменталистами он притворялся строгим мусульманином; с шиитами он клялся имамом Али и в Южном Ливане дошёл до того, что изменил кодовые имена своих кадров, чтобы они звучали привлекательнее для местного шиитского населения. Находясь в Ливии, он старался упоминать в своих коммюнике имя героя борьбы этой страны против итальянцев 1920-х гг. Умара аль-Мухтара. Однако в Восточной Европе лучшим способом заводить друзей он считал не столько притворяться марксистом, сколько распределять “подарки” — дорогие часы этому, подарок для жены того или просто деньги наличными всем подряд (долларовыми банкнотами)» (с. 276).

К неудовольствию Абу Нидаля, ГДР не позволила ему навредить её тесным связям с ООП. Последняя не только поддерживала собственные широкие контакты со Штази, но и взаимодействовала напрямую с МИДом. Неслучайно падение коммунистического режима в Восточной Германии стало ударом и для ООП, и для Абу Нидаля. В Советский Союз террорист в своём официальном качестве никогда не ездил и с советскими лидерами не встречался, хотя для безопасности (как он думал) иногда проезжал через Москву, например, из Женевы в Дамаск. Советские дипломаты проявляли осторожность в контактах с его организацией и в палестинском вопросе давали ясно понять, что осуждают терроризм и поддерживают умеренный курс Арафата.

Одной из стран, с которыми Абу Нидаля хотел контактов, был Иран. После высылки из Ирака в 1983 г. террорист предложил Тегерану разведанные о военной инфраструктуре этой страны. Рассчитывая на сотрудничество с Корпусом стражей иранской революции⁵⁹, он пытался завлечь иранцев перспективой сделок с оружием на сотни миллионов долларов. Однако иранцы не «проглотили наживку»: считали, что Абу Нидаля по-прежнему связан с иракской разведкой, и не нуждались в помощи человека с такой репутацией, к тому же не разделявшего их исламской идеологии. Правда, в Южном Ливане люди Абу Нидаля имели ограниченные контакты с «Хезболлой», но нет свидетельств, что террорист играл роль в её операциях против

⁵⁹ Корпус стражей исламской революции — элитные войска Исламской Республики Иран, параллельная вооружённым силам военная структура.

«зоны безопасности» Израиля в Ливане. Пытаясь продать Ирану свои услуги, Абу Нидаль в марте 1989 г. устроил убийство саудовского шейха Абдуллы аль-Ахбала, духовного главы мусульманской общины Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Ко времени вторжения Ирака в Кувейт в 1990 г. он прекратил обхаживать Иран и стремился извлечь из кризиса выгоду, пытаясь втереться в доверие к членам антииракской коалиции. Однако операция «Буря в пустыни» прошла без Абу Нидаля, если не считать убийство Абу Айяда в Тунисе накануне этой операции. Многие в мире спецслужб считали, что оно было инспирировано Моссадом, хотя у террориста, как обычно, имелись свои причины убить бывшего патрона.

Свою организацию Абу Нидаль с начала 1970-х гг. строил на жестокости и страхе. Ещё в багдадские годы многие её члены были по его приказу тайно устранены. Террорист был убеждён, что жестокость заставит врагов бояться и уважать его, а то, что жертвы были часто невиновны, его не заботило. Однако порой такие действия были контрпродуктивны. Так, арест и 18-месячное содержание в тюрьме в ужасных условиях палестинского студента, ложно обвинённого в работе на Иорданию, побудили одного члена организации оставить её ряды. Из-за перманентной шпиономании самым распространённым обвинением в организации Абу Нидаля была измена — работа на враждебную службу. Под варварской пыткой большинство заключённых в ней признавались. Некоторые переносили пытки, и позднее оказывалось, что они невиновны. Однако обычно таких людей всё равно казнили, чтобы сведения о применяемых в организации методах не просочились наружу. Правда, и тех, что просочились, хватило. Если тюрьмы бывали переполнены, а комитет справедливости ожидал от руководителя подтверждения смертного приговора, заключённого иногда клали в выкопанную могилу и заживо засыпали землёй. Вложенная в его рот стальная трубка торчала из земли и позволяла ему дышать. Время от времени в трубку лили воду, чтобы не дать узнику умереть. Когда из Ливии приходило подтверждение, сквозь трубку стреляли, её вынимали и дырку заполняли землёй.

Когда в 1989 г. из организации сбежал Абд-ур-Рахман Иса, он публично заявил, что 17 лет ему лгали: казнить людей ему приходилось на основании пустой папки. (Абу Нидаль вызывал его, заявлял, что такой-то член организации — подозреваемый, и клал на стол папку, но не открывал её; не открывал её и Иса, так как верил руководителю на слово.) Однако, молчаливо соглашаясь на такие методы, подобные Исе люди подписывали смертный приговор и себе. Вскоре он сделался мишенью сам.

С годами проливаемая Абу Нидалем кровь полилась потоком. В 1970-е гг. были убиты десятки людей. В 1980-е — уже сотни и более (включая женщин и студентов). К 1986–1987 гг. избиения и пытки в тюрьмах организации стали обычным делом. По словам очевидцев, следователи, похоже, не заботились о поисках истины. Приговоры выносились на основе признаний. Все эти убийства были только прелюдией к кровавой оргии в Ливане и Ливии. Началась она в ноябре 1987 г. и продолжалась до конца 1988 г., когда Абу Нидаль, столкнувшись с противодействием коллег, счёл за лучшее остановиться. За это время он перебил около 600 членов собственной организации, что составляло от трети до половины их числа (с. 288). Почти столько же палестинцев перебил Израиль в первые три года интифады. Главным образом это было делом рук команды из четырёх человек в Ливане в составе Сандуки, Мараки, доктора Гасана и Алаа. Всего за одну ночь в ноябре 1987 г. эти чет-

веро убили 171 человека по ложному обвинению в шпионаже на Иорданию (с. 288). Их выстроили со связанными руками перед рвом и расстреляли из пулемёта. После этого около 120 членов организации бежали из Народной армии и укрылись в долине Бекаа у командира НФОП Абу Ахмада Фуада, которого Абу Нидаль тут же тоже обвинил в работе на Иорданию, а заодно в союзе с Арафатом и американцами. Тех, кого он не мог ликвидировать в Ливане, он перевёл в Ливию и уничтожил там. Так, 165 человек были присланы под предлогом отправки в Чад сражаться вместе с ливийцами в пограничном споре; их перебили и похоронили в общих могилах (с. 289).

«Чем объяснить большую мясорубку 1987–1988 гг.? Если Абу Айяд и другие правы, эту чистку мог спровоцировать Моссад. Однако, как обычно с такими загадками, объяснение крылось и в собственной организации Абу Нидаля. Ведь, как мы видели, он чувствовал, что организация выходит из-под контроля. И всё же одно объяснение не обязательно исключает другое» (с. 293).

Стремясь восстановить контроль, Абу Нидаль в 1985–1987 гг. провёл ряд мер: передал право подписи на банковских счетах организации от Абу Низара и Абд-ур-Рахмана Исы членам своей семьи; сместил Абу Низара с поста своего заместителя и заменил его Исамом Маракой; обеспечил изгнание организации из Сирии в июне 1987 г. с помощью терактов в Риме, Вене, Карачи и Стамбуле; разделил организацию между Ливаном и Ливией; сместил Ису с поста начальника отдела разведки. Кульминацией стала резня офицеров и рядовых Народной армии.

Имело ли основания обвинение Абу Нидалем коллег в заговоре с целью свергнуть его? Определённо то, что с 1985 г. они стали оказывать ему больше сопротивления. Люди, управлявшие организацией в ходе его длительных отъездов в Польшу, укрепили организацию в Сирии, расширили её в Ливане и воевали в «войне лагерей», были недовольны попытками Абу Нидаля вернуть организацию в подполье. К тому же они считали, что пришло время дистанцироваться от терроризма, и требовали голоса в выработке политики. Подобно Хабашу или Джибрилю, они хотели присоединиться к борьбе с Израилем, который по-прежнему оккупировал значительную часть Южного Ливана. В проблемах Абу Нидаля винил новых людей, которые в 1985 г. перешли в руководство организации из ФАТХ, главным образом — Атифа Абу Бакра, идеолога новой «националистической» тенденции. «Таким образом, тлевший в 1985–1987 гг. спор касался власти, денег, операций, идеологической ориентации, отношений с другими группировками и принятия решений. Вызов так и не был брошен, но его, вероятно, хватило, чтобы Абу Нидаль опасался, что коллеги могут однажды использовать свои войска для его свержения и, возможно, с сирийской помощью захватить организацию» (с. 296).

В мае – июне 1988 г. Атиф Абу Бакр начал обращаться к членам Политбюро и Центрального комитета, требуя назначить комиссию расследования убийств. Более того, он пытался заручиться поддержкой Абу Низара, который был ещё достаточно силен и популярен, чтобы изменить направление движения. Роковую тактическую ошибку эти двое совершили, тайно встретившись в октябре 1988 г. в Алжире с Абу Айядом. Через несколько недель Абу Низар был подвергнут пыткам и убит в одном из домов на окраине Триполи, которые Каддафи отдал в распоряжение Абу Нидаля. Террорист полгода скрывал исчезновение соратника, говоря, что тот отправлен

в Ливан, а параллельно возводил на него обвинения в растрате средств. Затем с организацией порвал Атиф Абу Бакр.

В апреле 1987 г. бывшие друзья Абу Айяд и Абу Нидаль встретились в Алжире. Покровительство, которым пользовался Абу Нидаль у разных арабских государств, затрудняло Абу Айяда задачу расправиться с ним. В странах, где ООП имела интересы, она не могла просто устранить человека, не обидев власти. Абу Айяд, со своей стороны, тоже не был лёгкой мишенью. Поэтому каждый стремился нейтрализовать другого путём сложной дипломатии. Терроризм Абу Нидаля был для Абу Айяда самой крупной проблемой. С 1980 г. из примерно 200 операций Абу Нидаля ООП удалось сорвать около 120 (с. 303). Правда, события в Ливане 1985–1986 гг. фактически установили перемирие между врагами.

Алжирскую встречу сделала возможной 18-я сессия Палестинского национального совета. Её назвали «сессией единства», и палестинские группировки были настроены на примирение. На переговорах Абу Нидаль выразил желание, чтобы его организация стала представленной во всех ключевых институтах ООП. По мнению Абу Айяда, он собирался просто дискредитировать ООП, чтобы ярлык террориста приклеился к ней намертво. Тем не менее Абу Айяд предложил оппоненту испытательный срок в полгода, в течение которых террорист должен был сотрудничать с ООП на оккупированных территориях и прекратить любые террористические операции. Посоветовавшись с помощниками, Абу Нидаль на второй встрече недовольно сказал: «Ты хочешь, чтобы я прекратил убивать... Ты хочешь, чтобы я заткнулся и ни во что не вмешивался. Если я соглашусь на всё это, что мне останется?» (с. 306). Переговоры ни к чему не привели.

Ещё более убеждённый, что шагами Абу Нидаля управляет Моссад, Абу Айяд стал пытаться внедриться в его организацию и поощрять в ней измены. К маю 1989 г., когда организация вернулась в подполье, Атиф Абу Бакр поднял открытый мятеж. Узнав о массовых убийствах, десятки боевиков Абу Нидаля искали убежище в других палестинских группировках в Ливане, десятки бежали в Сирию, а некоторые — в Иорданию, страны Залива, Европу и Канаду. В Ливии контроль Абу Нидаля был крепче, но и отсюда несколько людей сумели бежать в Тунис. Атиф Абу Бакр опасался участия Абу Низара и тоже был теперь убеждён, что его начальник — инструмент политики Израиля. В августе 1989 г. он улетел в Алжир и вывез семью.

Поскольку Абу Бакр пользовался в палестинских кругах большим авторитетом, его измена стала для Абу Нидаля серьёзным ударом. Террорист пытался помириться с Абу Бакром, но тот не только отказался, но и убедил последовать своему примеру Абд-ур-Рахмана Ису. В ноябре 1989 г. эти двое выпустили коммюнике, в котором объявили о создании Чрезвычайного руководства с целью перехватить контроль над организацией Абу Нидаля и наказать его как преступника. Они осудили теракты в Риме, Вене и других местах и заявили, что их мученикам следовало воевать в Палестине. Абу Бакр с облегчением вернулся в ФАТХ, а Иса, который не был готов отвергнуть террор безоговорочно, бежал в Алжир. Абу Нидаль тщетно звал его назад, а в апреле 1990 г. устроил на него покушение, но Иса выжил.

Получив оружие и средства от ФАТХ, Чрезвычайное руководство развернуло борьбу с Абу Нидалем в лагерях беженцев Южного Ливана. Так, в трёхдневном сражении в лагере Айн аль-Хильва под Сидоном были перебиты 80 партизан Абу

Нидаля и ещё 250 ранены (с. 312). Однако 14 января 1991 г. террористу удалось убить Абу Айяда. У Абу Нидаля было много причин подстроить это убийство, но офицеры западных и арабских разведок говорили автору о возможной «скрытой руке». Подозреваемыми были Ливия, Ирак и Израиль. С Каддафи Абу Айяд уже несколько лет был в плохих отношениях — отчасти из личной неприязни, отчасти из-за дружбы палестинского разведчика с бывшим начальником ливийской разведки Абд-уль-Мунимом аль-Хуни, который бежал в Каир и которого Каддафи подозревал в заговоре. Однако едва ли Каддафи инициировал это убийство. Что касается Саддама, утверждают, что Абу Айяд, в отличие от Арафата, не был рад союзу ООП с Багдадом, поэтому за его убийством стоял иракский диктатор. Однако Арафат с Абу Айядом не расходились в главном: оба выступали за уход Ирака из Кувейта.

Ко времени войны в Заливе из четырёх отцов-основателей ФАТХ оставался один Арафат. Мухаммад Юсиф ан-Надджар⁶⁰ был убит израильянами в Бейруте в 1973 г., Абу Джихад — в Тунисе в 1988 г. Вполне допустимо, что убийство Абу Айяда вписывается в эту модель. После захвата Ираком Кувейта Израиль последовательно стоял за войну с ним. Дело в том, что в ходе восьмилетней войны с Ираном Ирак приобрёл и разработал баллистические ракеты, химическое оружие и другие вооружения, которые ставили под вопрос военное превосходство Израиля. Последний знал, что уничтожение Ирака как военной державы преобразит его стратегическое окружение так же радикально, как поражение Египта в 1967 г. У США для вступления в войну были свои причины — преодолеть вьетнамский синдром, сохранить статус-кво на Аравийском полуострове и утвердить своё превосходство в «новом мировом порядке». Саудовская Аравия, Сирия, Египет и другие арабские государства тоже хотели ослабления Саддама и, возможно, его свержения. Однако уничтожения Ирака хотел лишь беспомощный Кувейт. Даже старый враг Саддама Асад знал, что оно ослабит весь арабский мир. Перед операцией «Буря в пустыни» деятельность ООП представляла значительную опасность для планов Израиля по разрешению арабо-израильского конфликта, в котором места ООП Израиль не видел. Арафат пытался удержать Саддама от войны, и для Израиля это создавало проблему. Когда накануне истечения ультиматума ООН агент Абу Нидаля убил Абу Айяда, а с ним главу безопасности ООП Абу аль-Хола, Арафат прервал дипломатическую миссию в Багдаде и вернулся в Тунис. Палестинское движение оказалось в расстройстве.

«Однако каковы были мотивы Абу Нидаля? Его главным делом было теперь либо вымогательство и рэкет в стиле мафии, либо антипалестинские террористические операции, которые, казалось, отвечали интересам Израиля. Я всё ещё не был уверен, существует ли связь с Моссадом, однако если она была, он был её частью. Как мог палестинец, называвший себя патриотом, нанести интересам Палестины такой огромный урон — урон, который так хорошо вписывается в интересы Израиля? Если Абу Айяд был прав, что Абу Нидаля — израильский агент, свидетельства всё ещё оставались косвенными и должны были оставаться такими, пока свою часть истории не расскажут сами израильяне... А пока у теории Абу Айяда оста-

⁶⁰ Мухаммад Юсиф ан-Надджар (1930–1973) — сооснователь ФАТХ, член исполнительного комитета ООП. Был убит в ходе операции Моссада «Гнев божий» за причастность к теракту на Олимпийских играх в Мюнхене 1972 г.

вались свободные концы, в частности, операции Абу Нидаля против израильских и еврейских мишеней, которых Израиль не мог простить, какую бы правдоподобность они ни обеспечивали Абу Нидалю в глазах арабов как прикрытие его настоящей деятельности. Возможно, если подозрения Абу Айяда были верны, они опирались на существование в его организации “диких карт”⁶¹, которые не были связаны с Моссадом или которые он контролировал не полностью.

Обдумывая загадку Абу Нидаля, я вспомнил, что говорили мне столь многие мои источники: для него наиважнейшим был он сам, первостепенной была его личная безопасность. Сделки с Ираком, Сирией и Ливией были заключены в обмен на защиту... В террористическом подполье, где он обитал, одна страна могла защитить его лучше, чем любая другая, — Израиль, самое могущественное государство на Ближнем Востоке, единственное, чьи самолёты, спецназ, отряды убийц и агенты разведки могли достичь любой части региона, пренебрегая национальными границами. У Израиля была долгая история поисков и уничтожения врагов. Если бы он захотел, он мог бы легко покончить с карьерой Абу Нидаля. Однако Израиль этого не сделал. Почему? Тот был по-прежнему полезен? Абу Нидалю была нужна безопасность, Израилю — его услуги. В этом, рассудил я, была ещё одна причина убеждённости Абу Айяда» (с. 316–317).

14 января 1991 г. в Тунисе, накануне истечения срока ультиматума ООН Саддаму Хусейну, Абу Айяд был застрелен. Сделал это один из его охранников, палестинец Хамза Абу Зайд, завербованный организацией Абу Нидаля: ему внушили, что Абу Айяд — источник всей коррупции в палестинском движении. Арафат перед этим собирался просить Саддама Хусейна объявить о готовности вывести войска из Кувейта. Руководство ООП поддерживало Ирак, но знало, что война против него уничтожит всех. К ужасу Арафата, иракский диктатор был непреклонен.

Власти Туниса арестовали убийцу Абу Айяда и не допустили чиновников ООП к его допросу: опасались израильского удара или народных волнений, так как во время кризиса в Персидском заливе Тунис был на стороне Ирака. Гнев Израиля Тунис испытал уже дважды: в 1985 г. его авиация разбомбила штаб-квартиру Арафата в этой стране, а в 1988 г. высадившиеся с моря спецназовцы ликвидировали начальника военного крыла ФАТХ Абу Джихада. Однако Арафат обратился к президенту Туниса Бен Али, и тот выдал Хамзу ООП для суда. Палестинцы вывезли его в Йемен, допросили и приговорили к казни. Правда, Каддафи и Абу Нидаля, похоже, надавили на президента Йемена Али Абдуллу Салиха⁶², чтобы он не допустил публичной казни, и Хамзу просто нашли мёртвым в камере.

Убийство Абу Айяда лишило многих людей защитника. В Тунисе как бы разворошили муравейник, обитатели которого бросились во все стороны. Этим убийством Абу Нидаля показал, что способен устранять высших руководителей аппарата разведки и безопасности ООП. Сгустилась атмосфера недоверия, моральный дух ООП низко упал. Рассеялись и бежали Атиф Абу Бакр и его коллеги по Чрезвычайному руководству. Катастрофа вскоре усугубилась позорным поражением Сад-

⁶¹ В оригинале wild cards — непредвиденный фактор.

⁶² Али Абдулла Салих (1942–2017) — президент Северного Йемена (ЙАР) (1978–1990), после объединения страны с Южным Йеменом (НДРЙ) председатель Президентского совета (1990–1994) и президент (1994–2012). После ухода в отставку вступил в союз с повстанческим движением хуситов, затем разорвал его и при попытке бежать на контролируемую саудовцами территорию был хуситами убит.

дама. Структура палестинского сопротивления за пределами оккупированных территорий рушилась, годы дипломатических усилий оказались потрачены впустую.

Неудача Арафата была удачей Абу Нидаля. Во время конфликта в Заливе западная пресса предполагала, что террорист предоставит свою сеть своему первому спонсору — Ираку. Однако Абу Нидаля был слишком хитёр, чтобы поддержать проигравшего; к тому же на стороне Саддама была ООП. Поэтому Абу Нидаля воспользовался конфликтом, чтобы втереться в доверие к членам антииракской коалиции. Летом 1991 г. Египет неожиданно разрешил ему открыть учреждения в Каире. Так был наказан Арафат за поддержку не той стороны в войне. Абу Нидаля получил в арабском мире ещё один шанс.

Гений Абу Нидаля состоял в понимании того, что во имя национальных интересов государства пойдут на любые преступления и такой, как он, может процветать, делая за них грязную работу. Террорист не выжил бы, если бы его «клиенты» не нашли его полезным. Он служил многим хозяевам со многими интересами. Его понимание региональной политики, отсутствие моральных ограничений и талант к выживанию сделали его бандитом мирового уровня. Ключом к его успеху была враждебность к Арафату и ООП. Годами Абу Нидаля сдерживал палестинское национальное движение, а выиграли от этого как арабские государства, так и израильтяне. На словах арабские лидеры поддерживали палестинское дело, но на деле почти все они не доверяли ООП, так как она нередко бросала вызов их власти в их собственных странах, притягивала силовые ответы Израиля или даже угрожала втянуть их в войну.

Отчасти ООП виновата в этой враждебности сама. Под руководством Арафата она позволила себе втянуться в арабские распри, посягала на государственные интересы Иордании, Ливана, Сирии, Туниса, Кувейта. Её бюрократия была некомпетентной и часто коррумпированной. И всё же заслугой Арафата по-прежнему был отказ от терроризма и попытки найти урегулирование с Израилем, а это так тревожило и израильских и арабских сторонников жёсткой линии, что большинство «голубей» в ООП были ими устранены. На деле ООП в течение многих лет была не субъектом терроризма, а его главной жертвой. Арафат рано или поздно сойдёт со сцены, интифада может быть сокрушена или выдохнется, но палестинский национализм не уйдёт, пока живы 5 млн. человек, называющие себя палестинцами⁶³. Следующего Абу Нидаля, возможно, нельзя будет обратить против собственного народа с той же лёгкостью.

Арабские государства сурово обошлись с палестинцами по причине своей слабости, так как не смогли защитить их от Израиля. Одна из причин ненависти арабских лидеров к ООП — то, что она неприятно напоминает им об их слабости. Из-

⁶³ Напомню, что книга опубликована в 1992 г. Уместно сказать несколько слов о дальнейшей судьбе Абу Нидаля. В Ливии он прожил долго, более 10 лет. Когда к концу 1990-х гг. Каддафи стал дистанцироваться от терроризма, Абу Нидаля был в очередной раз выслан из страны-спонсора. Выбор у него был невелик, и перебрался он вновь в Ирак. Правительство этой страны позднее заявило, что проник террорист под чужим именем и по поддельному йеменскому паспорту. 16 августа 2002 г. его нашли застреленным в своей квартире в Багдаде; странно, однако, что дом вроде бы принадлежал иракской спецслужбе «Мухабарат». По сообщению главы иракской разведки Тахира Хаббуша, Абу Нидаля приехали арестовать по обвинению в сговоре с иностранными правительствами, он ушёл в спальню переодеться и там выстрелил себе в рот. Правда, по данным палестинской газеты «аль-Айям», скончался он от множественных огнестрельных ран.

раиль, со своей стороны, сурово обошёлся с палестинцами по причине своей силы, так как обуздать его было некому. Многие из сопутствующих проблем порождены победой Израиля в 1967 г., когда он стал имперской державой, более сильной, чем все соседи вместе взятые. Одним из первых то, что колонизация миллиона или более арабов пойдёт Израилю во вред, отметил еврейский историк русской революции Исаак Дёйчер, процитировав горькую немецкую фразу *Man kann sich totsiegen* — «Можно победоносно загнать себя в могилу». Карьеры Абу Нидаля могло бы не быть, если бы в 1974 г. Израиль был готов на переговоры с ООП.

«С годами я пришёл к выводу, что долгосрочная безопасность Израиля заключается не в сокрушении палестинского национализма и ООП, а к соглашению с ними. Небольшое палестинское государство на границах Израиля вовсе не будет угрожать ему, а укрепит, обеспечив полное вхождение в ближневосточную семью» (с. 322). Хотя арабы хотят мира, они никогда не примут двух вещей — постоянного угнетения и рассеяния палестинского народа и постоянного доминирования Израиля в регионе. Стабильный мир между Израилем и его соседями может опираться лишь на баланс сил, а в конечном счёте — на добрососедство. Безопасность Израиля нельзя бесконечно поддерживать за счёт небезопасности его соседей.

«Читатели должны сделать собственные выводы об Абу Нидале, учитывая, что у Абу Айяда и его союзников в ФАТХ были все основания подозревать его и Израиль — двух своих главных врагов — в сговоре. Если, несмотря на его преступления, его сочтут палестинским “патриотом”, тогда он доказывает, как конфликт низвёл стремление палестинцев вернуть себе родину до бандитизма. Если же Абу Айяд и другие правы, что он — инструмент Израиля, тогда он выступает доказательством политической и моральной порочности, в которую погрузились Израиль и его арабские коллаборационисты» (с. 323–324).

О.Н. Четверикова

ПОЛИТИКА ВАТИКАНА В ПЕРИОД
ПЕРЕХОДА И УТВЕРЖДЕНИЯ
НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ
(середина 70-х годов
XX – начало XXI века)

Четверикова Ольга Николаевна — кандидат исторических наук,
доцент МГИМО(У) МИД РФ

Во второй половине 1970-х гг. в западном мире происходят глубокие перемены. В социально-экономическом и внутривластном плане они характеризовались переходом к неолиберальному курсу, означавшему постепенный демонтаж государства «всеобщего благоденствия», а в международных отношениях — обострением холодной войны, вызванным новым курсом американского руководства на жёсткое противостояние с Советским Союзом. Эти изменения совпали со сменой власти в Ватикане, где в 1978 г. после 30-дневного правления папы Иоанна Павла I к власти приходит Иоанн Павел II. Стремясь к укреплению авторитета Ватикана как религиозной и политической силы, новый папа задействовал все возможности для усиления своего влияния на мировую политику, взяв чёткий курс на укрепление союза с атлантизмом.

Церковь в этот период находилась в состоянии внутреннего кризиса и крайнего обмирщения, что было следствием реализации тех обновленческих решений, которые были приняты на Втором Ватиканском соборе (1962–1965). Главным результатом их стало утверждение религиозного плюрализма и терпимости, приведшее к тому, что католическое учение стало приобретать всё более размытый характер, а среди части католиков стал распространяться религиозный индифферентизм. Попытки церкви соответствовать духу времени и новым потребностям общества не нашли понимания у светской его части и обернулись потерей ею авторитета и уважения со стороны самих верующих. Обострились внутрицерковные разногласия, а также усугубилась поляризация между прогрессистами и традиционалистами как в области теологии, так и в области политики.

В результате начавшихся перемен уже в конце 1960-х гг. церковь впала в состояние внутреннего кризиса, ускорившего дехристианизацию западного общества, обусловленную его экономической модернизацией и индустриализацией. Наиболее же опасным явлением стали те изменения, которые происходили в сфере теологических размышлений под влиянием утверждавшейся религиозной терпимости, с провозглашением которой церковь стала допускать серьёзные отступления от христианской веры.

Рассматривая в качестве своего главного противника материалистический атеизм и коммунизм и поставив перед собой задачу добиться возвращения религии в

западное общество, Иоанн Павел II провозгласил «новую евангелизацию» Европы и всего мира, направленную на восстановление католических ценностей и позиций церкви не только в частной, но и в общественной сфере. Его ближайшими сподвижниками в этом деле становятся кардинал Ратцингер, возглавивший Конгрегацию по делам доктрины веры, и кардинал Казароли, ставший во главе Государственного секретариата. Они выступали с твёрдо консервативных позиций в области морали и нравственности, не приемлющих никаких прогрессистских либеральных тенденций.

Внутренняя программа понтифика была направлена на устранение идейной неопределённости и достижение твёрдого единства вероучения, что предполагало соответствующие дисциплинарные взыскания в отношении «уклоняющихся» от пастырского внушения. Особо жёсткие меры применялись к сторонникам «теологии освобождения», крайне популярной в эти годы в Латинской Америке. Ратуя за возвращение доктринального единства, кардинал Ратцингер ограничил полномочия епископальных конференций исключительно практическими вопросами, лишив их права заниматься теологией, в результате чего на смену епископальной коллегиальности, рассматривавшейся как одно из главных достижений Второго Ватиканского собора, пришли авторитаризм понтифика и централизм Римской курии.

Главной опорой папы с самого начала его правления становятся интегристские (то есть консервативные) организации и новые католические движения традиционалистской направленности, объединяющие мирян, стремящихся внести духовность в свою повседневную жизнь. Они были призваны сыграть определяющую роль в восстановлении позиций католицизма. Речь идёт в первую очередь о таких организациях, как орден «Опус Деи», «Легионеры Христа», движение фоколяров, «Общность и Освобождение», «Ковчег», Община Св. Эгидия, неокатехумены, «Дочери милосердия», различные французские движения «харизматического обновления», вдохновлённые американским протестантизмом¹. Последние были названы Иоанном Павлом II «новой весной церкви», и именно им он отдавал предпочтение, отодвинув на второй план классические ордена². Папа пытался нормализовать отношения и с традиционалистским Братством Пия X, не признававшего решения Второго Ватиканского собора. Однако, когда его глава Лефевр, чувствуя приближение смерти, рукоположил без санкции папы четырёх епископов для сохранения возможности рукоположения новых священников-традиционалистов, Иоанн Павел II отлучил их всех от церкви. Братство не признало законность этого отлучения и продолжало считать себя частью Римско-католической церкви.

Между тем «мозгом и сердцем» католицизма, ставшим определять новую политику Ватикана и деятельность церкви в целом, становится «Опус Деи», оттеснивший на второй план орден иезуитов, который на протяжении четырёх веков играл ключевую роль в обеспечении контроля над сознанием западных элит. Это стало

¹ Будущий папа Бенедикт XVI в 1985 г. по этому поводу говорил: «Что нам подаёт надежду на уровне вселенской церкви — и мы это видим в разгар кризиса церкви западного мира, — так это подъём новых движений... которые стихийно родились из внутренней живучести веры». *De Plunkett P. L'Opus Dei. Enquête sur le "monstre"*. Presse de la Renaissance, Paris, 2006. P. 72.

² *Fourest C., Venner F. Les nouveaux soldats du pape. Légion du Christ, Opus Dei, traditionalists*. Paris, Panama, 2008. P. 11.

возможным в силу уникальных особенностей данной организации, до такой степени засекреченной, что в Испании, откуда она родом, её называют «белой мафией».

Созданный в 1928 г. испанским священником Хосемарией Эскрива де Балагерам (1902–1975) в условиях франкистской Испании, «Опус Деи» явил собой принципиально новый тип орденского объединения, будучи первой секулярной организацией католической церкви, утверждённой указом Пия XII 1947 г. Кроме духовенства он включает в себя и мирян, которые могут «обрести святость» в мирских будничных делах, выполняя совершенным образом свои профессиональные обязанности.

Эта устремлённость на успех в миру обусловила изначальный интерес ордена к экономике, банковскому делу, к участию в государственных органах власти (при формально декларированном аполитизме), а также то особое внимание, которое он уделяет школам, университетам, центрам по подготовке менеджеров, экспертов по финансам и пр. Именно технократы и политики, связанные с «Опус Деи», сыграли решающую роль в трансформации экономики и государственных структур Испании в 1960–1970-е гг. после выхода страны из международной изоляции, приспособив её к западноевропейским стандартам. Так что использование современных технологий для «всеобщей мобилизации мирян» (как выразился преемник Эскрива Альваро де Портильо в 1982 г.) стало главным новшеством ордена, разработавшего стратегию, исходящую из старого принципа: «Кто управляет страной, определяет её религию». Поэтому главным объектом интереса ордена являются аристократы, интеллектуалы и деньги³.

Многие исследователи определяют учение Эскрива как католический вариант кальвинизма. Вместе с тем некоторые еврейские источники указывают на его близость к иудаизму. Это, например, утверждает Анхель Крейман, бывший главный раввин Чили и вице-президент Всемирного совета синагог, являющийся сотрудником «Опус Деи»⁴. В своём выступлении на посвящённом Эскрива конгрессе, состоявшемся в Риме в 2002 г., он, в частности, заявил: «Многие идеи Хосемарии Эскрива вызывают в памяти талмудические традиции и демонстрируют его глубокое знание мира евреев, а также его страстную любовь, о которой он открыто говорил, к двум евреям — Иисусу и Марии... Более всего его учение уподобляется иудаизму в призыве к людям служить Богу своей созидательной работой, каждый день совершенствовать мироздание (в каббалистической доктрине — *Tikkun Olam*, «восстановление мира» путём совершенствования работы)»⁵.

Другая особенность «Опус Деи», обеспечивающая крайнюю эффективность его работы, заключается в том, что он создан по модели секты, в которой жёсткая структура управления, централизованное иерархическое устройство и железная полувоенная дисциплина (полное подчинение духовному руководству) сочетаются с сетевым типом организации. Орден основан на строго клерикальной и иерархичной конституции, в которой священники, объединённые в Священническое общество Святого Креста, играют определяющую роль и заняты просвещени-

³ Hertel P. *Opus Dei, les chemins de la gloire... Enquêtes et documents*. Paris, Editions Golias, 2002. P. 72–74.

⁴ Сотрудники ордена не являются его членами, а числятся его сторонниками.

⁵ Rabbi Angel Kreiman Links Escriva's Teaching on Work to the Talmudic Tradition <http://mauricepinay.com/2007/02/opus-judei.html>, а также: <http://web.archive.org/web/20020213091115/www.opusdei.org/art.php?p=3007>

ем мирян. Дисциплина выражается в строгом подчинении своему начальнику, в соответствии с указаниями Эскрива: «миряне могут быть только учениками», «если ты хочешь спастись, подчиняйся», «повинуйся, как повинуются инструмент в руках артиста, не останавливающийся перед тем, чтобы размышлять»⁶. В результате члены «Опус Деи» оказываются в закрытом, замкнутом мире, будучи абсолютно уверены, что именно здесь они достигают полной свободы самореализации⁷. Характерно, что, когда в 1986 г. Святой престол опубликовал материал «Сектантский феномен или новые религиозные движения: вызов священникам», посвящённый анализу протестантских евангелических организаций, Американская ассоциация бывших членов «Опус Деи» (ODAN) заявила, что **критерии, установленные Ватиканом для определения сект, полностью применимы к ордену Эскрива**. В некоторых европейских государствах парламентарии также рассматривают «Опус Деи» как секту (в частности, в Бельгии).

Теолог Раймон Панникар следующим образом излагал мировоззрение руководства ордена: «Римский католицизм — это единственная настоящая религия, вне которой нет никакого спасения, поскольку он единственный содержит всю истину. Внутри самого католицизма только некоторые имеют смелость следовать всем его героическим требованиям, и именно перед ними стоит задача продолжать мессианское дело Христа. Если имеет место несправедливость и беспорядок, то это потому, что “мы” (хорошие, католики, практикующие, те, кто следуют заветам Евангелия) не имеем власти. **Это использование всех пружин мира (гения, стратегии, политики, денег, науки) для завоевания власти**, для обновлённого внедрения христианского идеала, одним словом, это вера в естественные средства требует последовательно сверхъестественных способов, потому что иначе будет разрушено равновесие и предприятие перестанет быть Божьим Делом. Без молитвы, без самопожертвования, без подчинения, без святости... мы не сможем ничего добиться»⁸. Эскрива де Балагер указывал и методы работы: «...будь непреклонен в своей доктрине и своём поведении, но гибким по форме. Как **стальной кулак в велюровой перчатке**».

Уникальная религиозная и организационная дисциплина ордена и его методы «мобилизации» мирян сделали его незаменимым в условиях перехода церкви к «новой евангелизации» в целях преодоления того состояния глубокого внутреннего разъединения и брожения, в котором оказался католицизм в результате либеральных реформ Второго Ватиканского собора. Речь шла о том, чтобы обеспечить наличие твёрдого католического ядра, которое гарантировало бы сохранение системы папской власти и её связей с экономической и политической элитой западного общества в условиях расширяющейся экуменической открытости церкви.

Уже Павел VI (1963–1978), противодействуя чрезмерному усилению прогрессистов и благоволя Эскрива де Балагеру, начал оказывать ордену свою поддержку. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. позиции «Опус Деи» настолько укрепились, что он поставил перед собой задачу осуществить **глубинную «инфильтрацию» в тело**

⁶ «Путь», 617 постулат.

⁷ Fourest C., Venner F. Op.cit. P. 114.

⁸ *Benedicte et Patrice des Mazery. L'Opus Dei. Enquête sur une église au cœur de l'Église*. Paris, Flammarion, 2005. P. 241.

церкви, главным каналом которой стал Римский центр встреч служителей культа (Centro Romano di Incontri Sacerdotali, CRIS), превратившийся в элитную организацию, где происходила обработка перспективных представителей духовенства, среди которых был и Краковский архиепископ, кардинал Кароль Войтыла⁹. Известно, что друг Войтылы и его соотечественник прелат Римской курии Анджей Мария Дескур был близок к двум ключевым фигурам «Опус Деи» — Альваро Портильо, ставшему главой ордена после смерти Эскрива в 1975 г., и Хулиану Эррансу Касадо, который после избрания Войтылы папой станет кардиналом и одним из важнейших должностных лиц Ватикана. Именно Дескур и познакомил Войтылу с Портильо.

В 1972 г. Войтыла впервые дал интервью орденскому журналу *Studi Cattolici*, а затем несколько раз выступал в Римском центре с изложением основных положений своей «теологии личности», созвучной опус-деистской «духовности труда». Действительно, как пишет исследователь Аллен, изучивший аналитический документ, подготовленный представителями «Опус Деи» специально для его книги, для взаимной склонности Иоанна Павла II и «Опус Деи» были более глубокие причины, нежели только политический расчёт. Речь идёт непосредственно об идейной близости.

Орден сыграл важную роль в приходе Войтылы к власти, и ключевой фигурой тут стал близкий к «Опус Деи» архиепископ Вены, кардинал Кёниг, связанный с «Великой национальной ложей Австрии». Известно, что за три дня до открытия конклава для избрания папы по инициативе Кёнига была проведена секретная встреча в папском колледже *Pio Latinoamericano*, где ему удалось заручиться поддержкой некоторых кардиналов из Франции, Голландии и ФРГ в деле выдвижения Войтылы¹⁰.

С утверждением у власти нового понтифика орден поставил перед собой задачу добиться для себя статуса персональной прелатуры папы, который позволил бы ему оказывать решающее влияние на политику Ватикана. Однако, поскольку главной финансовой опорой Св. престола были тогда христианские демократы и связанные с ними масонские круги и банк «Амброзиано», орден понимал, что превращение в решающую силу возможно только при условии вытеснения старой группировки и установления своего контроля над ключевым финансовым институтом — Банком Ватикана (ИДР).

«Опус Деи» выработал свою стратегию, заключающуюся в том, чтобы, не атакуя непосредственно своих соперников из либерально-масонской группировки, сформировать другой, более мощный финансовый католический полюс, для чего была создана новая финансовая сеть в Швейцарии, главной опорой которой служил банк Готтардо¹¹. Связку ИДР — «Амброзиано» — масонство должен был заменить новый союз — ИДР — Готтардо — «Опус Деи». В 1982 г., когда разразился скандал с банком «Амброзиано» и его глава Кальви обратился за помощью к «Опус Деи», тот отказался помочь, желая финансового разорения своих соперников. В том же году банкир Кальви был убит, и началось расследование, повлёкшее за собой целую цепь событий, приведших к разоблачению большей части верхушки ложи Р-2

⁹ Hertel P. Op. cit. P.239–240.

¹⁰ Normand F. La troublante ascension de l'Opus Dei // *Le Monde diplomatique*, septembre 1995. P.22. Путилов С. Зловещая поступь масонства // Публицистический альманах «Православие или смерть». М., № 5. С. 1.

¹¹ В этом банке, в частности, имел свой счёт первый президент России Б.Н. Ельцин.

и Банка Ватикана, вынужденного в силу своей ответственности за банкротство банка «Амброзиано» выплатить кредиторам 240 млн. долларов¹².

С ослаблением старой мафиозной группировки соотношение сил в Ватикане изменилось в пользу ордена, который перешёл в активное наступление. Предполагается, что финансовые круги «Опус Деи» вмешались в дело спасения финансов Ватикана, потребовав в обмен соответствующих привилегий. В итоге 28 ноября 1982 г. (день, который опусдеисты стали называть «исторической датой») Иоанн Павел II принял апостольскую конституцию *Ut Sit*, в соответствии с которой ордену, наконец, был присвоен **статус «персональной прелатуры»**, выводивший его из-под юрисдикции епархиального управления, превращая фактически в самостоятельный, территориально не ограниченный диоцез. Несмотря на то что по всем общим католическим вопросам члены ордена подчиняются епископам местного диоцеза, во внутренних делах орден получает полную автономию и его члены подчиняются директивам своих руководителей. Альваро Портильо был назначен прелатом ордена, а в 1991 г. он был рукоположен в епископы. Надо отметить, что вплоть до настоящего момента «Опус Деи» остаётся единственной персональной прелатурой в католической церкви.

Следующим этапом, укрепившим позиции ордена, стала осуществлённая в 1992 г. ускоренными темпами беатификация (причисление к лику блаженных) Хосемарии Эскрива, после которой «Опус Деи» окончательно «вышел из подполья», заставив замолчать своих оппонентов. Выяснилось, что он обладает влиятельными покровителями, среди которых были кардиналы Ратцингер, госсекретарь Анджело Содано — человек номер два в курии, Поль Пупар и др. Орден, в частности, высоко оценил поддержку Ратцингера, присвоив ему в 1998 г. титул доктора *honoris causa* Наваррского университета в Пампелуне, являющегося одним из главных учебных центров «Опус Деи». А в 2002 г. состоялась такая же быстрая канонизация Эскрива, в результате чего его богословские идеи стали рассматриваться как часть Священного предания католической церкви.

2

Благодаря отношениям глубокого доверия между понтификом и «Опус Деи», последний превратился в привилегированный, элитный отряд папы. Некоторые исследователи утверждают, что орден настолько интегрировался в окружение Иоанна Павла II, что стал играть доминирующую роль, превратившись по существу в «церковь внутри церкви»¹³. Ему удалось проникнуть на все уровни системы управления Св. престолом и, отвергая любую внутреннюю критику, последовательно проводить свои взгляды.

Орден поставил своего человека во главе одного из самых важных отделов в курии — бывшего врача-психиатра, работавшего журналистом в испанском еженедельнике ABC. Папа испытывал к нему глубочайшее доверие, и со временем он

¹² *Fratini E.* Op. cit. P. 34.

¹³ См.: *Benedicte et Patrice des Mazery.* Op. cit.

стал одной из ведущих фигур в правительстве Ватикана, обеспечивающей создание нужного «имиджа» церкви в течение 22 лет. Его называли «самым могущественным мирянином Ватикана». При нём пресс-служба отделилась от понтификальной комиссии по связям с общественностью и превратилась в самостоятельный отдел Государственного секретариата, подчинённый непосредственно папе и являющийся вместе с тем инструментом «Опус Деи».

Другой важной фигурой, также формирующей образ Ватикана, стал профессор Священнического общества Святого Креста Йаго де ля Сиерва, вставший во главе созданного в 2004 г. международного телевизионного агентства Rome Reports, освещающего в средствах массовой информации все главные события, касающиеся церкви и деятельности понтифика. Ещё один член ордена кардинал Хулиан Эрранс Касадо был непосредственным советником папы и возглавлял Понтификальный совет по законодательным текстам и дисциплинарную комиссию (местное министерство юстиции) вплоть до своего ухода в феврале 2007 г. в силу преклонного возраста.

Будучи представлен во всех отделах административного аппарата, конгрегаций и понтификальных советов, орден находится в курсе всего, что происходит в церкви. В Рим к нему стекается информация из всех подразделений, в которых благодаря жёсткой системе подчинения и дисциплины составляются подробные отчёты о деятельности каждого члена ордена — такой возможности, естественно, лишены местные епископы и священники.

Всё это обусловило уникальную роль «Опус Деи» внутри церкви: аналитики называют его **неофициальным центром ватиканской спецслужбы или главной разведывательной службой папы**, выполняющей важнейшие политические миссии благодаря использованию своеобразных методов и способов проникновения. Для его деятельности характерны закрытый, секретный характер и «точечная» работа, то есть привлечение конкретных влиятельных, а по возможности — ключевых фигур, которые и становятся ядром «агентуры влияния» Ватикана.

Главные направления деятельности «Опус Деи», представляющие для руководства Ватикана первостепенное значение, — это, во-первых, обеспечение интеллектуальных разработок стратегического значения и, во-вторых, контроль за финансами.

Что касается первого, то орден призван решать важнейшую идеологическую задачу, заключающуюся в такой перестройке сознания европейских элит, которая обеспечивает полное принятие основных положений того англосаксонского неолиберального проекта, который стал последовательно осуществляться с конца 1970-х гг. и вошёл в свою завершающую стадию в 1990-е гг. Идеологические установки ордена, представляющие собой своеобразный симбиоз неолиберализма и религиозного фундаментализма, явились фактически **католическим аналогом теории экономической свободы Ф. Хайека** и стали основой для разработки соответствующих учебных и исследовательских программ, осуществляемых в контролируемых орденом институтах и образовательных центрах. Известно, что ордену принадлежит 15 университетов (недавно под его начало был передан новый центр католического образования — Папский университет Св. Креста в Риме), 11 финансово-коммерческих школ, 97 учреждений технического образования и 170 студенческих общежитий. Кроме этого, члены ордена работают в 500 университетах, более чем 600 газетах и журналах, на 52 радио- и телевизионных станциях, в 38 информаци-

онных агентствах и 12 кинокомпаниях¹⁴. Показательно, что и во главе престижной Папской духовной академии (школы ватиканских дипломатов) стоял опусдеист архиепископ Юсто Мюллор.

Многие из своих идей «Опус Деи» черпает из теорий американского Института изучения религии и свободы им. Актона (Мичиган), созданного в 1990 г. Его разработки направлены на разъяснение значения связи между верой и свободой для самореализации человека в его мирской деятельности. Он занимается подготовкой религиозных лидеров различных деноминаций, бизнесменов, предпринимателей, преподавателей на основе экономических принципов, тесно **увязывая веру с экономическим мышлением**. И если религиозных лидеров здесь обучают проведению в жизнь принципов экономической науки, то предпринимателей учат более полно воплощать религиозные принципы в своей профессиональной деятельности и вести «более этичный образ жизни».

Одним же из главных центров распространения этих идей в Европе является основанная в 1986 г. Международная академия философии в Лихтенштейне (IAP). Академия была создана при покровительстве лихтенштейнского принца Ханса Адама II и при активном участии финансов Ватикана, хотя в реальности деньги поступали из США. Сам Ханс Адам II получил образование по специальности «бизнес и финансы», окончив университет Сан-Галлена в Швейцарии и пройдя стажировку в лондонских банках. В 1970 г., основав Фонд князя Лихтенштейна, он стал финансовой главой государства, после чего здесь были введены налоговые льготы, а налоговые преступления перестали рассматриваться как уголовное преступление. В силу этого, а также благодаря повышенной секретности банковских вкладов и лёгкости регистрации бизнеса Лихтенштейн превратился **в один из крупных финансовых центров Европы**, входивших в число трёх крупнейших «налоговых убежищ» планеты. В 2004 г. Ханс Адам II официально передал функции управления государством своему старшему сыну — наследному принцу Алоису.

Академия в Лихтенштейне, в свою очередь, тесно связана с польским Люблинским католическим университетом, в котором преподавал Кароль Войтыла, будучи профессором этики и нравственного богословия. В последнем сложилась своя теологическая школа, которая основывается на доктрине так называемой вечной философии, в соответствии с которой все вещи изначально делятся на плохие и хорошие, а люди — на морально плохих и морально хороших, что фактически обосновывает тот элитарный подход, который так характерен для «Опус Деи». Это философско-духовное течение, к которому принадлежит персонализм Кароля Войтылы и других польских теологов, тщательно изучается в IAP, и именно на этом фундаменте он стремился произвести «духовное обновление Европы». Ректор Академии Йозеф Серферт даже говорит о Школе ЛЛ (Люблин-Лихтенштейн), которую можно считать основным инструментом распространения господствующей католической этики.

На основе **неолиберально-религиозных мировоззренческих установок** формировалось уже новое поколение европейских политиков, финансистов, экономистов, пришедших на смену старым кадрам в конце XX – начале XXI века.

¹⁴ *Fourest C., Venner F.* Op. cit. P.103; Шмудевич А. Всеобщая мобилизация Ватикана. http://galactic.org.ua/SLOVARI/c_7.htm

Другая главная забота «Опус Деи» — финансовое обеспечение и управление средствами Св. престола. В силу наличия обширной сети фондов и банков орден сконцентрировал в своих руках крупные суммы, главные из которых идут от высокопоставленных нумерариев, которые обязаны завещать в пользу ордена всё своё имущество. Благодаря «Опус Деи», превратившемуся во влиятельнейшую финансовую силу, католическая церковь получила гораздо большую власть над банками, нежели это было в эпоху христианских демократов¹⁵. Главной опорной структурой Св. престола остался Банк Ватикана, который после разоблачения банкирско-мафиозной группировки Марцинкуса сумел восстановить свои позиции в результате соответствующей реформы, предпринятой Иоанном Павлом II в целях создания «положительного» имиджа ИДР. В начале 1990-х гг. во главе банка встал известный банкир Анджело Калойа. В 1999 г. были предприняты действия для его смещения, чтобы заменить Гансом Титмейером, бывшим президентом Бундесбанка, смещённого ЕЦБ. Однако Калойа удержался на посту благодаря личному вмешательству папы, заявившего: «До тех пор, пока я буду жив, никогда немец не будет стоять во главе финансов Ватикана»¹⁶.

Важно также отметить, что начиная с 1980-х гг. в финансах церкви значительно повысилась роль США, в которых существует самая богатая католическая община. Именно сюда стали перемещаться инвестиции Ватикана, а в 1987 г. в Вашингтоне был открыт специальный фонд Иоанна Павла II, сумма инвестиций которого в 1998 г. составила 44 млн. долларов¹⁷.

3

В начале 1980-х гг., в условиях взятого на Западе курса на неолиберальную перестройку и крайнее обострение холодной войны, Ватикан поставил перед собой задачу добиться восстановления своего международного политического веса и влияния за счёт укрепления позиций в странах Восточной Европы. Поскольку и для Ватикана, и для США эти государства превратились в главную арену геополитического противоборства с СССР, их стратегические интересы здесь полностью совпали. Обе силы воплощали друг для друга соответствующий противовес коммунизму: Ватикан — идейный, а Вашингтон — военно-политический.

В 1985 г. в своей статье в журнале «Трайелог» Збигнев Бжезинский в связи с этим укажет: «Я считаю, что всё, что делает папа Иоанн Павел II, имеет первостепенное историческое значение. Необходимо покончить с расколом Европы и вернуть великую и бессмертную Россию в лоно христианского сообщества и рыночной экономики»¹⁸. Ту же определяющую роль понтифика выделил и М. Горбачёв, заявивший в марте 1992 г. на страницах туринской газеты *La Stampa*: «Теперь мож-

¹⁵ Banque du Vatican: un paradis fiscal sur terre! <http://www.golias.fr/spip.php?article2369>

¹⁶ *Simmonot Ph.* Les papes, l'Église et l'argent. Histoire économique du christianisme de origines à nos jours. Paris: Bayard, 2005. P. 749.

¹⁷ *Simmonot Ph.* Op.cit. P. 754.

¹⁸ Цит. по: *Путилов С.* Зловещая поступь масонства // Публицистический альманах «Православие или смерть». № 5. С. 1.

но сказать, что всё, что произошло в Восточной Европе в последние годы, было бы невозможно без папских громадных усилий и роли, которую он играет в политике на мировой арене. Я думаю, что очень значительные шаги, которые мы предприняли в нашей стране, имели значение в развитии отношений с Ватиканом. Папа Иоанн Павел II будет играть громадную политическую роль теперь, когда в европейской истории наступили глубокие перемены»¹⁹.

Взаимные интересы Ватикана и Вашингтона стали основой для совместных действий в Восточной Европе, в подготовке которых одну из важных ролей также сыграл «Опус Деи». Орден использовал свои связи с североамериканскими кланами итальянской мафии, а также близкие отношения личного секретаря папы и главы «польской группы», контролирующей понтифика, архиепископа Станислава Дзивича с американскими членами Трёхсторонней комиссии (одна из важнейших теневых структур мирового управления), и в первую очередь с З. Бжезинским, бывшим помощником Дж. Картера по национальной безопасности. В связи с этим важно отметить, что некоторые исследователи, как, например, испанский священник Лопес Саес, считают, что вопрос о самом приходе Войтылы к власти решался в 1970-х гг. в Белом доме и в бизнес-кругах США и что именно Бжезинский, тесно связанный с Дзивичем, и кардинал Филадельфии Куроль (также поляк) ввели будущего папу в круг людей, приближённых к власти в Вашингтоне²⁰. И тот же З. Бжезинский, регулярно переписывавшийся с понтификом, а также Йозеф Томко, глава Отдела пропаганды Ватикана, бывший тогда главой SP, разработали так называемую операцию «Открытая книга», целью которой было наводнить антикоммунистической литературой страны Восточной Европы, Украину и Прибалтику для дестабилизации ситуации в СССР. Координировали эту операцию ЦРУ и Священный альянс через работавших на этих территориях священников.

Польша была решающим звеном противостояния, и именно сюда в 1979 г. Иоанн Павел II совершил свой первый восточноевропейский визит, ставший отправной точкой для решительных перемен. В августе 1980 г. было подписано знаменитое Гданьское соглашение, ратифицировавшее создание «Солидарности» — первого независимого профсоюза за «железным занавесом», возглавляемого Лехом Валенсой, который становится главным объектом внимания Св. престола. Как говорил Иоанн Павел II, «Валенса послан самим Провидением». Ватикан считал, что в случае победы профсоюза взрывная волна докатится до Украины, Прибалтики, Балкан и, возможно, Чехословакии, что в итоге приведёт к полному распаду социалистического лагеря.

В связи с этим глава Священного альянса (СА) — разведывательной службы Ватикана — Поджи получил от папы приказ внедрить своих агентов в «Солидарность» и сделать эту организацию более открытой, чтобы вовлечь в неё прокатолически настроенных представителей интеллигенции. Лучшим агентом СА был польский священник-иезуит Казимир Пржидатеку, имевший широкую сеть осведомителей в польских профсоюзах. Среди них выделялся отец Янковский, стоявший во

¹⁹ Там же.

²⁰ *Freytas Manuel*. Los Secretos de Wojtyla. La Trama Washington-CIA-Opus Dei-Mafia Financiera En El Vaticano. // In- forme especial 09 Abr-05 de IAR-Noticias. http://www.bibliotecapleyades.net/Vatican/esp_vatican22.htm

главе прихода церкви Святой Бригитты в Гданьске, членом которого как раз был Лех Валенса. Под влиянием Пржидатеку Валенса в итоге ввёл в руководство профсоюза редактора католической газеты *Wież* Мазовецкого и историка-католика Б. Геремек-а, после чего **забастовочное движение в Польше перешло под контроль церкви**. «Солидарность», поддерживаемая Ватиканом и получавшая посредством СА финансовые средства через банк «Аброзиано» из ИДР, начала распространяться по всей территории страны²¹. По данным исследований, представленных в книге уже упомянутого священника Лопеса Саеса, **«Солидарности» в итоге было передано нелегально около 500 млн. долларов**²².

После избрания президентом Рональда Рейгана между ним и Иоанном Павлом II установились отношения стратегического значения. Как писал исследователь Э. Лебек, «в первые годы правления Рейгана можно было наблюдать появление убеждённых католиков на самых высоких постах, чего прежде в истории Соединённых Штатов никогда не было»²³. Активную роль в сотрудничестве с Ватиканом играли директор ЦРУ Уильям Кейси (бывший руководителем избирательной кампании Р. Рейгана), его заместитель Вернон Уолтерс, госсекретарь Александр Хэйг, советник по национальной безопасности Ричард Аллен — все католики и (кроме Аллена) рыцари Мальтийского ордена. П. Швейцер, автор книги «Победа», посвящённой тайным операциям США против СССР, писал о назначении У. Кейси: «В то же мгновение родился самый влиятельный директор ЦРУ в истории Америки. Как официально, так и неофициально, он оказался в центре внешней политики. Согласие президента гарантировало ему место в кабинете, так же как и членство в очень немногочисленном Совете национальной безопасности. А важнее всего было то, что он стал членом Рабочей группы по делам национальной безопасности... Эта группа обладала реальной властью в области внешней политики»²⁴.

7 июня 1982 г. в Ватикане произошла первая встреча между Иоанном Павлом II и Р. Рейганом, в результате которой было **заключено соглашение о проведении совместной тайной кампании в Польше в целях разрушения «коммунистической империи»**. Это соглашение, названное «священным союзом», было обнародовано журналистом Карлом Бернштайном в журнале «Тайм», который получил информацию от верхов Ватикана и главных лиц американского истеблишмента²⁵. Как пишет Д. Калаич, разглашение этого пакта на «всю мировую деревню» имело целью показать всем католикам, что Ватикан на стороне нового мирового порядка, и предложить им следовать за понтификом²⁶.

Как утверждал Ричард Аллен, «отношения с Ватиканом представляли собой один из самых больших тайных союзов во всей истории». Именно после этой встречи Рейган выступил с программной речью в Лондоне, в которой объявил «кресто-

²¹ *Fratini E.* Op. cit. P. 384–385.

²² *Freytas Manuel.* Op. cit.

²³ *Лебек Э.* Тайная история дипломатии Ватикана. М.: Рипол-Классик, 2004. С. 23.

²⁴ *Швейцер П.* Победа. Мн.: СП «Авест», 1995. С. 25–26.

²⁵ *Bernstein C.* The Holy Alliance. // *Time*, February 24, 1992. P. 28–35.

²⁶ *Калаич Д.* Договор с дьяволом. Трагедия современного Ватикана. <http://veruem.narod.ru/TragedyVaiticans.html>

вый поход» против «империи зла». 1983 г. он объявляет «годом Библии», что было подтверждено 18 апреля того же года на встрече папы с членами Трёхсторонней комиссии, прибывшими в Ватикан почти в полном составе. А в **1984 г. между Ватиканом и Вашингтоном устанавливаются дипломатические отношения**, и в США открывается не менее полусотни центров «Опус Деи» (хотя представительство ордена в США существует с 1949 г.). Члены ордена появляются в Белом доме, в средних и высших эшелонах Пентагона, и с тех пор до настоящего времени влияние ордена не перестаёт расти.

Действия Рейгана и папы на польском направлении были полностью согласованы. Рейган заявил Кларку и Кейси: «Мы не должны вторгаться в страну и от имени народа свергать правительство. Единственное, что мы должны сделать, это воспользоваться “Солидарностью” как оружием, чтобы добиться успеха»²⁷. В итоге, как свидетельствовал американский журналист Карл Бернстайн, «американское посольство США в Варшаве превращается в ведущий центр ЦРУ в социалистическом мире», а Кейси становится «главным архитектором» по вырабатываемой в Польше политике. З. Бжезинский сохранил место связного между Белым домом и ватиканским Священным альянсом, который выступал в качестве главного эксперта и координатора действий западных спецслужб в странах Восточной Европы по проведению секретных операций.

Ответственным за совместные операции ЦРУ и СА был назначен глава Польско-американского конгресса Ян Новак. Он занимался сбором средств и переправкой их в Польшу для финансирования подпольных изданий, аренды типографий, пересылки фотокопий и т.д. Благодаря внедрённому в польское Министерство обороны агенту, которым был адъютант генерала Ярузельского Ришард Куклинский, Священный альянс получал важную информацию, передаваемую Вашингтону. Другим активным участником операции «Польша» был представитель папы в Вашингтоне архиепископ Пио Лаги, с которым регулярно встречались Кейси и Кларк. Через них, минуя нормальные каналы государственного департамента, проходила вся информация, касавшаяся Польши.

Все основные решения Рейган, Кейси и Кларк принимали в тесном контакте с папой, с которым Вернон Уолтерс с 1981 по 1988 г. встречался 7 раз, а Кейси — 15. Представители администрации Рейгана позднее признавались, что по уровню осведомлённости и анализа ситуации в Польше ксендзы опережали американских разведчиков и дипломатов. Так, Хейг заявил: «Вне всякого сомнения, информация, которую поставлял Ватикан, абсолютно превосходила нашу по всем параметрам — и по качеству, и по оперативности». А архиепископ Лаги свидетельствовал: «Моя роль заключалась в том, чтобы облегчить роль между Уолтерсом и святым отцом. Святой отец знал своих людей. Ситуация была чрезвычайно сложной, и нужно было решать, как настаивать на правах человека, свободе религии, как поддерживать “Солидарность”... Я говорил Вернону: слушайте святого отца, у нас 200-летний опыт в этом деле»²⁸.

Выборы в Польше 1989 г., выигранные «Солидарностью», запустили цепную реакцию, которая привела к падению коммунистических режимов в других социалистических странах и закончилась разрушением Берлинской стены в декабре

²⁷ *Frattoni E.* Op. cit. P. 386.

²⁸ *Gayte M.* Les États-Unis et le Vatican: analyse d'un rapprochement (1981–1989). P. 156.

1989 г., так что роль «святого отца» в этих деструктивных процессах действительно оказалась во многом определяющей.

Таким образом, Ватикан оказался активным соучастником перестроечных процессов в Восточной Европе, отстаивающим свои стратегические интересы с помощью новейших методов религиозной геополитики. Стремясь к объединению Европы, он открыто поддержал экспансию Европейского союза на восток, однако программа Иоанна Павла II включала в себя не только восстановление влияния Ватикана в католических странах бывшего соцлагеря, но и его утверждение в тех странах, которые были потеряны в результате «великой схизмы», поэтому Украине, Белоруссии и России папа уделял особое внимание.

Ватикан сыграл незаменимую роль в качестве посредника в налаживании связей Запада с советским руководством и в перестроечных процессах на Украине.

В 1988 г. Горбачёву в Москве через государственного секретаря Ватикана кардинала Агостино Казароли было передано послание от Иоанна Павла II, в результате чего 1 декабря 1989 г. состоялась встреча между Горбачёвым и папой в Ватикане, в ходе которой они около часа беседовали в присутствии двух переводчиков в личной библиотеке понтифика. По завершении беседы советская делегация отбыла на Мальту для встречи с Дж. Бушем-старшим²⁹.

После этой встречи начинается активизация деятельности католиков в Советском Союзе. В первую очередь легализуется деятельность униатов, которым были предоставлены значительные льготы в ущерб Русской православной церкви. На Западной Украине начинаются регулируемые из одного центра демонстрации униатов против православных, погромы и захваты их храмов, сопровождаемые избиением и надругательством над священниками и мирянами. В итоге на Галичине были разгромлены три православные епархии — Тернопольская, Ивано-Франковская и Львовская. В последней из 1000 существовавших там приходов осталось только 40. А в 1990 г. производится раскол в Украинской православной церкви Московского патриархата и образуются Украинская православная церковь Киевского патриархата и Украинская автокефальная православная церковь. Восстанавливаются католические приходы на западных землях Украины и Белоруссии по состоянию на 1 сентября 1939 г. Через частные приглашения начался мощный заброс миссионеров, местные власти выделяют значительные бюджетные средства на восстановление храмов. В итоге если в 1992 г. здесь было 92 католических прихода, то в 1996 г. — уже 651 и действовали 22 монастыря, 193 воскресные школы, две семинарии и Высший колледж Св. Фомы при Киевском университете.

4

Объединение Европы под эгидой церкви всегда было ключевой программой Ватикана, и основы интеграции закладывались при его идейном участии. Однако «золотые шестидесятые» годы настолько утвердили светскую модель политического строительства, что церковь не могла открыто претендовать на

²⁹ Леконт Б. Последние тайны Ватикана. Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. С. 291–293.

идейно-политическое лидерство. И только в начале 1990-х гг., после падения двух-полюсного мира, Св. престол, ссылаясь на заслуги католицизма в деле разрушения социалистического лагеря, решительно активизировал усилия, направленные на расширение своего присутствия в европейском интеграционном процессе.

Как писал лондонский *Sunday Telegraph* в 1991 г., «Ватикан имеет вековые планы. Папа Иоанн Павел II — это самый политический папа современной эпохи. По мнению папы, федералистские планы Общего рынка, перспектива вступления в него стран Восточной Европы и хаос в бывшем Советском Союзе дают католицизму наилучшие со времён падения Наполеона или Реставрации шансы укрепить свою политическую роль. Сам Общий рынок обязан своим началом усилиям католических политиков... Социальная хартия Европейского союза и социализм Жака Делора, председателя Европейской комиссии, — все пропитаны идеями социальной доктрины католицизма. **Если европейский федерализм её реализует, Европейский союз преобразится в империю. Но только вместо императора она будет иметь папу.** Вряд ли Войтыла этого не сознаёт». «Папа спокойно готовится вновь надеть на себя мантию, которая ему принадлежит, будучи торжественно убеждён, что Божественное право накладывает на него миссию распространения своей власти как императора Священной Римской империи от Атлантики до Урала»³⁰.

Как заметил в связи с этим представитель протестантского лагеря английский журналист *The Spectator* Адриан Хилтон, говоря о просьбах папы и многих известных католических политиков и епископов ввести слово «Бог» в новую европейскую конституцию, «когда Ватикан говорит о Боге, он сам себя рассматривает как несменного правящего заместителя Бога на земле, через которого Бог Себя выражает».

Подчёркивая ту **уникальную роль, которую призван сыграть Ватикан в объединении Европы**, понтифик постоянно напоминал, что именно католическая вера создала европейское единство, в ней оно коренится и нельзя устранять её из публичных дискуссий. В силу этого он добивался не просто признания прав религии, но и **признания неких исключительных прав за католицизмом**. В своём Пост-синодальном апостольском обращении «*Ecclesia in Europa*» (июнь 2003 г.), в котором понтифик вновь подчеркнул необходимость введения в конституцию ЕС ссылки на христианское наследие, он заявил: «Единственная и универсальная, присутствующая во всех поместных церквях Католическая церковь **может внести исключительный вклад в строительство Европы**, открытой миру. Именно от Церкви исходит модель единства в многообразии его культурных выражений, сознание принадлежности к универсальному сообществу, которое коренится в местных сообществах, но не исчерпывается ими... Поместные церкви являются не простыми сообществами или частными организациями. **В действительности они развивают свою деятельность в специфическом институциональном измерении, которое заслуживает быть выделенным в юридическом плане при полном уважении к гражданскому порядку**»³¹. То есть для обеспечения «исключительного

³⁰ Цит. по: *De Semlyen M., Bennett R. Rome et l'Union Européenne*. http://www.bereanbeacon.org/articles/rome_and_european_union.htm

³¹ Apostolic exhortation *Ecclesia in Europa* of his Holiness Pope John Paul II to the bishops men and women in the consecrated life and all the lay faithful on Jesus Christ alive in His Church the source of hope for Europe, June 28, 2003. <http://www.adoremus.org/EcclesiaInEuropa.html>

вклада» в строительство Европы Св. престол требует для себя некоего особого закреплённого легального статуса.

Масштаб ватиканского проекта чётко отразился и в усилиях по созданию общеевропейской конституции 2005 г. Хотя религиозные объединения не были приглашены к участию в подготовке этого документа, они тем не менее добились закрепления в конституции двух важных принципов: признания в преамбуле «религиозного наследия Европы» и положения о том, что церкви являются «партнёрами» европейских институтов (хотя и эти новшества вызвали оппозицию европейских парламентариев и разделили правительства стран-членов).

Что касается непосредственных отношений Ватикана с Европейским союзом, то он довольствуется ролью наблюдателя в ЕС, поскольку членство в союзе обязало бы его идти на недопустимые для него политические компромиссы. Но Св. престол обладает различными механизмами воздействия на принятие нужных ему решений. Главной опорой в отстаивании его интересов в ЕС стал созданный ещё в 1980 г. Совет европейских епископальных конференций (СЕЕК), который сформировал своеобразное политическое бюро — **Комиссию епископальных конференций ЕС (КЕКЕС)** (о её роли будет сказано ниже). Другой влиятельной структурой является **Бюро европейских политических советников (БЕПС)**, история которого началась в 1992 г., когда Жак Делор, тогдашний председатель Еврокомиссии, создал неформальную группу консультантов (Forward Studies Unit), одному из которых было поручено заниматься религиозными вопросами. В годы президентства Жака Сантера и Романо Проди эта группа превратилась в Группу политических советников (ГПС). Поскольку Проди считал, что религия играет крайне важную роль в развитии Союза, большинство членов этой группы были практикующими католиками. Теперь эта группа преобразована в БЕПС и является важным центром по подготовке политических решений, в рамках которого ведётся диалог с религиями.

С ускорением в 1990-е гг. процесса европейской интеграции, строительство «общеевропейского дома» становится приоритетным направлением и для «Опус Деи», который со своей идеей «святых мирян» оказался незаменим в деле обеспечения постепенного, но настойчивого выдвижения Св. престола на лидирующие идейные позиции. Не случайно, когда в 1993 г. официального представителя римского центра ордена Джузеппе Кориджлиано спросили, поручил ли Св. престол «Опус Деи» какую-либо особую миссию, он ответил: «Европа!»

Проведя значительную подготовительную работу, католическая церковь приняла, наконец, в 2001 г. первый решительный шаг, направленный на то, чтобы **открыто заявить о себе как об идейном лидере не только в процессе европейского строительства, но и в реализации стратегии общемирового масштаба.** В этом году **специальной группой КЕКЕС по мировому управлению** был опубликован доклад с характерным названием: «Мировое управление: Наша ответственность за то, чтобы глобализация стала шансом для всех»³².

Этот документ явно символизировал духовное единение церкви с европейской бизнес-элитой, поскольку в рабочую группу кроме представителей епископальных

³² См.: *Gouvernance mondiale. Notre responsabilité pour que la mondialisation devienne une chance pour tous.* <http://www.ssf-fr.org/archives/divers/mondialisation.php3> une chance pour tous. Rapport aux évêques de la CO- MECE//<http://www.ssf-fr.org/archives/divers/mondialisation.php3>

конференций и генерального секретаря КЕКЕС вошли такие деловые люди, как Мишель Камдессю (председатель группы), Питер Сутерланд (глава совета директоров «Бритиш Петролеум» и финансовый советник Ватикана, бывший генеральный директор ГАТТ и ВОТ), Отто Рудинг (вице-президент Ситибанка и бывший министр финансов Нидерландов), Рудольф Дольцер (профессор международного права, бывший директор немецкой федеральной канцелярии), Мишель Хансен (бывший гендиректор МОТ) и др.

Доклад включает в себя три части: 1) «Жить во взаимозависимом мире», 2) «Совокупность ключевых ценностей и принципов, делающих возможным мировое управление» и 3) «Конкретные этапы на пути к управлению». В нём предложено такое реформирование международных институтов, которое превратило бы их в органы наднационального политического управления миром, «гармонизировав» тем самым политическую и экономическую сферы глобализации. **ЕС при этом предлагается в качестве модели или опорной структуры новой системы.**

В предисловии сказано: «Ключевой вывод, содержащийся в тексте, заключается в том, что **ЕС, учитывая его генезис, архитектуру и то, как он сам себя понимает, а также его ответственность в таких политических сферах, как торговля, конкуренция и сотрудничество в развитии, призван сыграть решающую роль в превращении существующего международного порядка в систему мирового управления.** Мы считаем, что Европейский союз является новаторской моделью региональной интеграции и что он служит примером будущего управления в других регионах мира, несмотря на ещё недостаточный опыт в некоторых областях политики». В самом докладе говорится: «Без воли государств открытые экономики не согласятся стать открытыми и в политическом плане. В мире, отмеченном растущей взаимозависимостью, Европейский союз являет уникальный и убедительный пример системы управления, основанной на наднациональном и многостороннем политическом сотрудничестве. **Но политическая воля к построению и сохранению системы мирового управления должна быть подкреплена твёрдыми убеждениями и ценностями**».

Вдохновляясь глобальным видением папы Иоанна XXIII, выраженным в энциклике 1963 г. *Pacem in Terris*, утверждавшей «необходимость публичной власти всеобщей компетенции», авторы доклада ратуют за создание **Группы мирового управления** (Global Governance Group, GGG), которая состояла бы из 24 глав правительств, а также генерального секретаря ООН и руководителей МВФ, Всемирного банка, ВТО, МОТ и новой предлагаемой структуры — Всемирной организации по окружающей среде (таковая, видимо, будет создана в связи с проблемой «глобального потепления климата»), опирающихся, в свою очередь, на исполнительных директоров в административных советах.

Особое внимание в докладе уделяется подготовке соответствующего общественного мнения, которое должно обладать «более универсальным видением» и формировать «принятое во всемирном масштабе» поведение. И здесь церковь призвана сыграть важную роль. Как указывается в документе, «церкви и другие религии могут информировать друг друга и информировать верующих о глобальных вызовах и призывать к ответственности. **Проблемы мирового управления должны быть включены в программы образования и катехизис.** Церкви могли бы

превратить тему мирового управления в сюжет экуменического и межрелигиозного диалога».

Из анализа документа можно сделать вывод, что он является программным и явно рассчитан на серьёзные перемены в будущем, при которых Ватикан будет выполнять роль некоего общемирового гуру, жёстко контролирующего каждый шаг человечества. **Похоже, именно кризис 2008 г. и положил начало переходу к «новой эре».**

5

Суть того процесса, который происходил при Иоанне Павле II, можно выразить так: католичество слабело духовно, но укреплялось политически. Папа не остановил процесс дехристианизации западного общества, но достиг значительных успехов в укреплении позиций Ватикана в качестве важнейшего игрока на мировой политической арене. Здесь Св. престол обеспечил себе вполне определённую нишу, крепко связав свою политику с американскими стратегическими планами и интересами транснациональных финансовых элит.

Бенедикт XVI, избранный папой в апреле 2005 г., будучи, как считается, наиболее преданным Иоанну Павлу II, остался верен курсу своего предшественника, что полностью гарантировало «войтилизм без Войтылы». Изменения, внесённые им, касались лишь методов и способов осуществления политики: в отличие от Иоанна Павла II, привыкшего работать открыто и на массы, Бенедикт XVI действовал более скрытно и осторожно, но вместе с тем более жёстко и наступательно. Являясь представителем умеренно-консервативных кругов церкви и стремясь к обеспечению её активного присутствия во всех сферах общественной жизни западного общества, он сделал ставку на интегристские католические организации, чей потенциал приобрёл особое значение, учитывая, что число католических священников неуклонно сокращается (что характерно уже даже для Польши). Показательно, что в декабре 2007 г. Конгрегация по делам священства в целях возмещения недостатка священников опубликовала письмо, в котором обратилась ко всем диоцезам католического мира с призывом создавать «настоящие кружки» «для поддержания верующих на пути к святости», в которых последние будут пребывать «в духе причащения к постоянному евхаристическому поклонению в течение 24 часов».

Главная роль в формировании «святых мирян» принадлежала всё тому же «Опус Деи», с которым Бенедикт XVI был тесно связан и который, по свидетельствам ряда исследователей, также способствовал его приходу к власти. Как сообщила Washington Post от 21 апреля 2005 г., кандидатура Ратцингера давно и настойчиво поддерживалась тремя влиятельными кардиналами: членом ордена Хулианом Эррансом Касадо и близкими к «Опус Деи» Дарио Кастрийоном Ойос и Альфонсо Лопесом Трухильо. Не случайно прелат ордена Хавьер Эчеваррия отметил, что в плане отношений с «Опус Деи» **между Иоанном Павлом II и Бенедиктом XVI разницы нет и что новый папа знал эту организацию даже лучше, чем его предшественник.** В том же 2005 г. в декабрьском номере бразильской газеты O Globo со ссылкой на признания анонимного бразильского кардинала, при-

нимавшего участие в конклаве, сообщалось, что победа Ратцингера стала результатом той «большой кампании», которую он лично вёл «с помощью наиболее важных кардиналов Римской курии и групп давления влиятельных движений церкви, главным образом “Опус Деи”»³³.

Интересно, что первоначально, когда «Опус Деи» только начинал своё восхождение, Ратцингер считал необходимым ограничить его растущую власть, однако после того, как орден значительно укрепил свои позиции и превратился в «финансовую цитадель» церкви, кардинал изменил свою позицию, став его последовательным защитником. «Опус Деи» не раз приглашал Ратцингера на свои конгрессы и симпозиумы и даже наградил титулом *honoris causa* Наваррского университета. Став папой, Ратцингер назначил своим личным секретарём немецкого прелата Гансвейна, преподававшего на факультете теологии Римского университета «Опус Деи», и сохранил в течение первого года на посту главы прессслужбы Ватикана Хоакина Наварро-Валльса. При нём была воздвигнута пятиметровая статуя Эскрива на внешней стороне собора Петра и Павла, торжественное открытие которой совершилось в его присутствии.

Наряду с «Опус Деи» резко активизировала свою деятельность в Европе и конгрегация «Легионеры Христа», традиционно концентрировавшая свои силы на работе в Латинской Америке. Как указывают исследователи, союз между Римом и «Легионерами», основанный при Павле VI и углублённый при Иоанне Павле II, при нынешнем понтифике достиг своего апогея. Папу привлекает в этой организации её крайне наступательный миссионерский характер, позволяющий противостоять как секуляризации и догматическому релятивизму, так и агрессивной прозелитической деятельности религиозных соперников католицизма, в особенности евангелистских сект. Конгрегация насчитывает сегодня 500 священников, тысячи семинаристов и около 50 000 мирян, объединённых в ассоциацию *Regnum Christi*. Ей принадлежат богатые школьные учреждения, пятнадцать университетов (два из них в Риме) и множество семинарий и «гуманитарных центров»³⁴.

«Легионеры Христа» всегда имели крепкие структуры в Испании, заложенные ещё во времена франкизма, и подготовленные ими консервативные политики обладают здесь значительным влиянием (так, в правительстве Хосе Мария Аснара два представителя этой организации занимали посты министра внутренних дел и министра юстиции и готовили законопроект об обязательном религиозном обучении в начальных школах). Однако сегодня Легионеры стараются проникнуть в высшие слои экономической элиты и других европейских стран. В этих целях ещё в 1997 г. ими был создан в Швейцарии Фонд Гиле (*Fondation Guilé*), организующий семинары и встречи **представителей католической бизнес-элиты для обсуждения проблем развития предпринимательства, разработки стратегии совместных действий и согласования поведения в условиях глобализации**. В этих встречах участвуют такие влиятельные фигуры, как эрцгерцог Мишель Габсбургский и Отто Габсбургский, являющиеся сторонниками праворадикальных католических сил; Родриго де Рато и Фигаредо, бывший директор МВФ; Жорж Блум, почётный пре-

³³ *Terras Ch.* (avec la collaboration de Peter Hertel et Romano Libero). *Opus Dei. Enquête au cœur d'un pouvoir occulte*. Éditions Golias. Paris, 2006. P. 223–224.

³⁴ *Tincq H.* *Les catholiques*. Paris: Bernard Grasset, 2008. P. 321.

зидент Общества швейцарских банков; Жан-Лу Дёрсе, бывший вице-президент Всемирного банка; Жан-Филипп Дуэн, бывший глава французского генштаба, входивший в своё время в почётный комитет фонда, и др.³⁵ Фонд участвует в инициативах в рамках Глобального договора, направленного на достижение «устойчивого развития» под эгидой ООН. Одной из таких инициатив стала организация встречи генерального секретаря ООН с 35 представителями международных компаний, состоявшейся в январе 2009 г. на всемирном форуме в Давосе.

«Легионеры Христа» пользуются большим авторитетом у Св. престола, высоко оценивающего деятельность их высших учебных заведений, в частности Европейского римского университета, который периодически выступает в качестве дипломатического рупора Ватикана. Важную роль также играет созданное ими в 1999 г. международное информационное агентство Zenit³⁶, бесплатно публикующее в Интернете информацию об актуальных событиях в мире и Ватикане так, как они видятся из Рима. Здесь даются интервью, обзоры различных средств массовой информации Св. престола, а также те высказывания и мнения кардиналов и епископов, которые должны быть донесены до всей церкви. В ближайшем будущем Св. престол планирует создать наряду с уже существующим C2TV второе телевизионное агентство H20 News, рассчитанное на 20 млн. человек, руководство которого будет поручено легионеру Иисусу Колина (при этом Ватикан поспешил заверить, что это агентство будет независимо от «Легионеров»)³⁷.

В силу крайней активности данной организации руководство Ватикана долгое время закрывало глаза на двойную жизнь, которую вёл её основатель и руководитель Марсьяль Масель Дегольядо, нравственный облик которого совсем не соответствовал христианским нормам поведения. Только после его смерти в феврале 2008 г. было оглашено, что он совершил поступки, не совместимые с католической моралью, и Ватикан начал расследование (апостольскую визитацию) деятельности «Легионеров» по всему миру, исключая Италию.

Кроме ведущих интегристских объединений Ватикан обладает целой сетью неправительственных католических организаций, которые под видом миссионерской деятельности последовательно отстаивают интересы Ватикана, проводя в жизнь нужную ему политику как в отдельных государствах, так и в международных организациях.

В целях консолидации всех консервативных сил Бенедикт XVI предпринял шаги и для сближения со Священническим братством Св. Пия X, объединяющим в настоящее время тысячи верных католиков и насчитывающим 491 священника, 215 семинаристов, 6 семинарий, 88 школ и 2 университета. Уже летом 2005 г. папа принял генерального настоятеля братства Бернара Фелле, после чего последний заявил: «Мы пришли к согласию в вопросе о поэтапном продвижении в решении наших проблем»³⁸. Продвижение, действительно, есть, поскольку в 2007 г. Бене-

³⁵ Fourest C., Venner F. Les nouveaux soldats du pape. Légion du Christ, Opus Dei, traditionalists. Paris, Panama, 2008. P. 82–83.

³⁶ См. сайт: <http://www.zenit.org/page-0101?l=french>

³⁷ Founder of Zenit forced out by Legion. <http://www.catholicnewsagency.com/news/founder-of-zenit-forced-out-by-legion/>

³⁸ Catholicisme romain: orientations stratégiques du pape Benoit XVI // Religioscope, 19 apr. 2006. http://religion.info/frtnch/articles/printer_239.shtml

дикт XVI подписал указ о возможности свободно служить Тридентскую мессу, а в январе 2009 г. было заявлено об отмене отлучения четырёх епископов братства.

Опираясь на консервативные организации, Бенедикт XVI стал проводить продуманную религиозную политику, приоритетным направлением которой стала **концентрация усилий на европейском континенте, а основной темой — религиозно-этическое обоснование строящейся Единой Европы как модели нового мирового порядка и консолидация европейских правящих элит на единой идейной основе.**

К началу XXI столетия стало окончательно ясно, что попытки обосновать необходимость европейского единства чисто светской идеей идентичности зашли в тупик. В этих условиях возможность придать этому проекту сакрально-религиозный характер, связав его с католицизмом как с традиционным символическим ориентиром, стала приобретать особое значение. И для Ватикана, оказавшегося перед лицом глубокого духовного кризиса западного общества, это является единственной возможностью укрепить свои позиции как идейного лидера. **В итоге сложилась крепкая основа для немислимого ещё недавно открытого единения католической церкви с верхами европейского общества, заговорившими на языке евангелических проповедников.**

Уже в своей первой энциклике «Deus Caritas Est» папа заявил, что церковь не должна оставаться в стороне от общественных дискуссий, а в марте 2006 г. во время встречи с группой парламентариев Европарламента, представлявших Европейскую народную партию (объединение консервативных и христианско-демократических партий), он подчеркнул, что голос римского католицизма был услышан в политических дискуссиях на континенте. Речь уже шла о христианских корнях Европы и о христианском европейском наследии как **«руководящей этической линии»** в поисках социальной модели, а также об отказе относить религиозные убеждения в сферу частной жизни. Эти вопросы становятся главными в процессе обсуждения.

Показательным в этом отношении стал римский конгресс на тему «Ценности и перспективы для завтрашней Европы», проведённый в марте 2007 г. Епископальной комиссией ЕС (КЕКЕС) и посвящённый проблеме усиления роли религии в развитии ЕС. В послании, адресованном участникам конгресса президентом Италии Джорджо Наполитано, отмечалось: «Церковь и ассоциации религиозного характера... призваны участвовать в подъёме Европейского союза, свидетельствуя о самых глубинных ценностях, положенных в основу строительства единой Европы»³⁹. На собрании был рассмотрен доклад, подготовленный **«Комитетом мудрецов»**, сформированным членами епископальной комиссии, куда вошли 25 человек, среди которых уже известные Мишель Камдессю (теперь он почётный управляющий Банка Франции) и Питер Сутерланд, Пат Кокс (бывший председатель Европарламента), Лойола де Паласио (бывший вице-президент Еврокомиссии), Томас Галик (бывший советник Вацлава Гавела, глава совета директоров «Бритиш Петролеум» и финансовый советник Ватикана, бывший генеральный директор ГАТТ и ВОТ) и другие важные политические фигуры. А в заключительном документе, названном «Римское послание», указывалось: **«Всё более необходимым становится**

³⁹ *Conradt M.* Le cheval de Troie. Sectes et lobbies religieux à l'assaut de l'Europe. Éditions du Grand Orient de Belgique, 2008. P. 28.

сближение граждан с далёкими и трудными для понимания политическими институтами (ЕС. — О. Ч.). Пройденный путь должен быть срочно подтверждён новым обоснованием ЕС. Это позволит ему восстановить свой первоначальный динамизм, чтобы всё большее число молодых европейцев стали главным богатством Европы...»⁴⁰

Этот вопрос активно обсуждался и на Берлинском собрании глав государств Европы, проходившем в том же году под председательством Ангелы Меркель по случаю 50-летия подписания Римского договора. Романо Проди накануне официальных церемоний заявил, что он желал бы, чтобы церкви получили роль консультантов и что во времена интегризма «церкви являются одним из самых стабильных элементов нашего общества». А вице-президент Еврокомиссии берлусконец Франко Фраттини подчеркнул, что «тема христианских корней должна найти своё место в повестке дня Европы, так как это означает **возможность утвердить и отстаивать суть нашей европейской идентичности в перспективе религиозного пространства, которое вновь начинает утверждаться**»⁴¹. Та же мысль звучала во многих выступлениях, в частности, Ангелы Меркель, хотя при этом чаще всего **вместо христианского наследия речь шла об «иудеохристианской традиции».**

В 2008 г. после последней пленарной ассамблеи епископов — членов КЕКЕС ими было опубликовано коммюнике, в котором было предложено создать внутри будущей Европейской службы по внешней политике специальное подразделение, которое будет отвечать за «религиозное измерение международных вопросов».

Показательно при этом, что наиболее ярко поворот в отношении церкви проявился в деятельности самого проамерикански настроенного из всех европейских политиков Н. Саркози, который, будучи прагматиком, удачно приспособил католицизм к своим политическим целям. Предвыборная кампания его проходила под знаком возвращения христианства в качестве важнейшей составляющей французской национальной идентичности. Заявив в ходе неё, что отказ от включения положения о христианских корнях Европы в конституцию ЕС был ошибкой, он подтвердил это и в начале 2008 г. на партийной конференции в присутствии А. Меркель, подчеркнув: «Если мы отвергаем своё прошлое, то не подготовимся к будущему». Более того, в своей книге «Республика, религии, надежда», написанной в соавторстве с Т. Колленом, членом Фонда социальной политики, близкого к «Опус Деи», Саркози высказал идею о возможности изменить закон 1905 г., утверждающий отделение церкви от государства и являющийся опорой французской светскости, что многие оценивают как невиданное покушение на сами основы политической культуры Франции. Ещё более показательным стал его визит в Ватикан в конце декабря 2007 г., в ходе которого он произнёс речь, выдержанную в духе опус-деистского понимания мира.

Этот подход, воспроизводивший фактически американский фундаменталистский взгляд на мир, проявился и в том, что Н. Саркози, очень умело и тонко реагируя на психологический настрой французского общества, стал в апокалиптических терминах описывать «столкновение цивилизаций». Эта идея впервые была им изложена летом 2007 г. в речи перед послами, в которой он заявил, что один из глав-

⁴⁰ Conradt M. Op. cit. P. 42.

⁴¹ Ibid. P. 30.

ных вызовов, которому должна противостоять Франция, заключается в том, «как предотвратить столкновение между исламом и Западом»⁴². В таком же духе были выдержаны его монологи во время приёмов премьер-министров Ирландии и Швеции в сентябре и октябре того же года, которые журналисты оценили как антимусульманскую тираду. Однако об истинном отношении президента к исламу, и особенно к радикальному исламу, свидетельствует его самая активная поддержка самопровозглашённого криминального государства в Косово.

Что же касается проекта Единой Европы, то, как мы указывали, он всегда рассматривался Ватиканом в общей глобальной перспективе. И сегодня, когда мир оказался ввергнут в управляемый всеобъемлющий кризис и правящие элиты уже открыто заговорили о необходимости введения мирового наднационального управления, Св. престол превратился в важнейшего участника информационно-пропагандистской кампании, направленной на обоснование создающихся новых мировых органов наднационального контроля потребностями религиозно-этического характера.

В преддверии встречи «Большой восьмёрки» (G8) в Аквиле, состоявшейся в июле 2009 г., Бенедикт XVI опубликовал энциклику «*Caritas in Veritate*», в которой говорится о необходимости срочного установления настоящей «мировой политической власти», которая должна признаваться всеми и пользоваться реальными полномочиями для обеспечения безопасности, уважения и прав каждого, быть способной добиваться признания различными сторонами как своих решений, так и тех мер, которые согласованно принимаются различными международными форумами. Странам всего мира предложено реформировать ООН и другие международные организации таким образом, чтобы они смогли стать основой для создания «единой семьи народов» и взять на себя решение вопросов разоружения, продовольственной безопасности и иммиграционной политики. Выдвигается необходимость реформирования мировых финансовых институтов и экономической системы в плане ориентирования их на соблюдение моральных принципов⁴³.

Между тем, говоря о тех серьёзных проблемах, которые принесла с собой глобализация, энциклика не указывает на их истинные причины и не называет конкретных виновников. Хотя в ней и говорится о нарушении нравственных основ капиталистической системы как главной причине нынешнего кризиса, сама суть этой системы, в основании которой лежит власть процента и устремлённость на получение прибыли, не подвергается критике. Речь в ней идёт лишь о необходимости более справедливого распределения в соответствии с принципами милосердия в условиях сохранения долгового характера экономики. Поэтому, будучи проникнуто пафосом справедливости и заботы о человечестве, но предлагая новую систему управления на базе ныне существующих и «этически откорректированных» бизнес-структур, это многостороннее папское послание **придаёт нравственную легитимность транснациональ-**

⁴² *Quatremer J.* Sarkozy et les musulmans // *Coulisses de Bruxelles*. 14.11.2007. <http://bruxelles.blogs.liberation.fr/coulisses/2007/11/sarkozy-et-les-.html?cid=91112558>

⁴³ *Encyclical Letter Caritas in Veritate*. http://w2.vatican.va/content/benedict-xvi/en/encyclicals/documents/hf_ben-xvi_enc_20090629_caritas-in-veritate.html принял участие и.о. представителя Московского патриархата при европейских международных организациях. <http://www.mospat.ru/ru/2010/07/20/news22397/>

ной власти тех самых финансовых кланов, по вине которых человечество ввергнуто в настоящее время в глубочайший кризис.

Важное символическое значение в смысле всё той же моральной поддержки утверждаемого нового порядка имела и состоявшаяся в дни заседания «Большой восьмёрки» встреча Бенедикта XVI с американским президентом Обамой, воплощающим собой в глазах мировой общественности надежду на успешное строительство «посткризисного мира». В ходе 40-минутной беседы Обама обсудил с папой вопросы, связанные с решением мировых проблем, и, хотя взгляды американского президента по вопросам морали и нравственности (аборты, однополые браки и пр.) **категорически расходились с взглядами католической церкви**, папа остался, по словам представителя Ватикана, «глубоко удовлетворён» ею.

Энциклика «*Caritas in Veritate*» готовилась Ватиканом в течение двух лет, однако её главные идеи очень созвучны тем положениям, которые содержатся в уже цитированном нами документе 2001 г. «Мировое управление: Наша ответственность за то, чтобы глобализация стала шансом для всех». Похоже, изложенные в нём идеи о Группе глобального управления (GGG) начинают воплощаться в жизнь. Как известно, на саммите G20, состоявшемся в Питтсбурге в сентябре 2009 г., премьер-министр Великобритании Гордон Браун заявил, что **«Большая двадцатка» отныне становится основным международным механизмом управления мировой экономикой**, призванным бороться с экономическим кризисом и обеспечить лучшую подготовку мира к будущим экономическим трудностям. Интересно, что кроме руководителей 19 крупнейших экономик мира и председателя Еврокомиссии на саммите присутствовали также руководители Голландии, Испании, Сингапура и Швеции — страны, председательствующей в ЕС (всего 24 руководителя), а также главы международных финансовых и экономических организаций, включая генсека ООН. Так что «двадцатка» превращается в GGG, а папская энциклика подготавливает общественное мнение к «ответственной глобализации» и «моральной экономике». В силу этого «избранный» Бильдербергским клубом на пост президента ЕС в ноябре 2009 г. правоверный католик ван Ромпёй с полным основанием мог заявить на своей первой пресс-конференции, что 2009 г. стал «первым годом глобального управления».

Что же касается «европейского строительства», то с вступлением в силу в декабре 2009 г. Лиссабонского договора руководство ЕС стало оказывать религии **подчёркнутое внимание**, тем более, что 17-я статья документа признаёт «специфический вклад» религий в жизнь общества, и, как заявил президент Европарламента Ежи Бузек, **регулярный диалог с церквями становится законодательным обязательством для ЕС**. Теперь Европарламент имеет своего вице-президента, отвечающего за религиозный диалог, и готовит создание специальной службы по тому же вопросу.

Действительно, по мере проведения в жизнь плана строительства наднациональной системы глобального управления с её разрушительными социальными последствиями «анестезирующее» воздействие официальных религиозных проповедей приобретает растущее значение. Теперь, когда ЕС разработал новую «Европейскую стратегию 2020», направленную на борьбу с бедностью, представители церквей превращаются в исключительно важных партнёров Евросоюза. Как подчеркнул Ж.М. Баррозу на встрече руководства ЕС с религиозными деятелями Европы в Брюсселе в июле 2010 г., посвящённой борьбе с бедностью, «церкви и религи-

озные сообщества несут активное социальное служение в странах – членах ЕС, и если Евросоюз хочет эффективно бороться с бедностью и социальной незащищённостью, то существенно важно извлечь пользу из их многолетнего и всеохватывающего опыта»⁴⁴.

Эта встреча стала шестой по счёту в ряду ежегодных встреч, проводимых Баррозу начиная с 2005 г. На ней присутствовали более 20 представителей христианства, иудаизма, ислама и других традиционных религий из 14 стран Евросоюза. Был здесь и и.о. представителя Московского патриархата при европейских международных организациях протоиерей Антоний Ильин, заявивший в своём выступлении, что если Европа действительно претендует на то, чтобы стать союзом ценностей и «мягкой силой» в сегодняшнем мире, **своего рода будущим сценарием глобального управления, реализуемым на региональном уровне, то она должна стать прежде всего диалоговым сообществом, основанным на сетевом взаимодействии наднациональных институтов с важными публичными акторами, прежде всего Церквами и традиционными религиями.** Он также отметил, что успех данной инициативы может стать примером и возможным сценарием для будущего диалога церквей с международными организациями и на глобальном уровне.

6

Ватикан активно ратовал за «моральную экономику», но как он её понимает в реальности, хорошо демонстрировала его собственная финансовая деятельность. Банк Ватикана (ИДР), капитал которого по итогам 2008 г. равнялся 5 млрд. евро, продолжал заниматься активным отмыванием денег. В расследованиях London Telegraph и Inside Fraud Bulletin Ватикан был упомянут в качестве одного из главных «налоговых райков» наряду с Макао и Науру⁴⁵. В силу действующей системы многонационального финансового управления ИДР позволял различного рода религиозным организациям хранить их средства в безопасности и избегать любого блокирования или конфискации со стороны недружественного правительства. В этих условиях религиозные организации, в особенности итальянские, могли использовать свои банковские счета, чтобы помочь своим спонсорам избежать регламентирования их деятельности или вывести деньги за рубеж, а поскольку их насчитывалось сотни, контролировать все эти злоупотребления не представлялось возможным. Так что Ватикан активно проводил офшорные операции, не являясь формально офшорной юрисдикцией, что делало его недоступным для какого-либо регламентирования и защищённым от попадания в чёрные списки.

В конце сентября 2009 г. новым главой ИДР вместо Калойа стал Готти Тедески, возглавлявший с 1992 г. итальянское подразделение испанского банка «Сантандер». Тедески инициировал «революционную» идею, заключающуюся в том,

⁴⁴ В ежегодной встрече руководства Евросоюза с религиозными лидерами Европы принял участие и.о. представителя Московского патриархата при европейских международных организациях. <http://www.mospat.ru/ru/2010/07/20/news22397/>

⁴⁵ La Banque du Vatican au hit-parade des dix destinations les plus utilisées pour le blanchiment d'argent. <http://www.voltairenet.org/article7600.html>

что преодоление нынешнего кризиса возможно только путём направления колоссальных инвестиций в развивающиеся страны, которые, будучи вовлечёнными в процесс стабилизации мировой экономической системы, «вытащат» богатые страны. Речь шла фактически о расширенном варианте плана Маршалла, который под предлогом борьбы с бедностью и отсталостью полностью открыл бы рынки развивающихся стран для зарубежных инвесторов и намертво привязал бы их к западным банкам. Этот проект как раз и обсуждался на встрече G20 в Питтсбурге в апреле 2009 г. Другая новаторская идея, изложенная Тедески, заключалась в предложении создать такой общемировой «хороший банк» (good bank), который взял бы на себя финансирование вышеупомянутого планетарного проекта.

В качестве крупного специалиста по «этической экономике» Тедески принимал участие в подготовке энциклики «*Caritas in Veritate*», и после того, как она была опубликована, заявил, что папа заслуживает за своё послание присуждения ему Нобелевской премии по экономике (он предлагал вручить её и Гордону Брауну за его вклад в решение проблемы выхода из кризиса, а ещё раньше — папе Иоанну Павлу II за его энциклику «*Centesimus Annus*»).

Надо отметить, что назначение Тедески было растолковано в Риме как «силовой удар» Бенедикта XVI и кардинала Бертона в той внутренней борьбе, которая велась в курии после смерти Иоанна Павла II. По утверждениям некоторых ватиканских источников, положение с финансами Ватикана представляло собой полный хаос вследствие тех злоупотреблений и махинаций, которые позволяли себе новые члены курии — главным образом епископы и кардиналы из Латинской Америки и Восточной Европы. Всеобщее внимание к финансам церкви было привлечено и выходом в свет в 2009 г. книги «ООО Ватикан» («*Vaticano S.p.A.*»), написанной журналистом Джанлуиджи Нуцци на основе 4000 секретных документов ИДР, переданных ему по наследству Ренато Дардоцци, работавшим в составе комиссии по «оздоровлению» ИДР и умершим в 2003 г. В соответствии с ними, во время разразившегося в 1993 г. скандала «чистые руки» ИДР с помощью сеньора Донато де Бониса разработал сложную систему тайных счетов, которая функционировала в качестве банка внутри банка, с помощью которого шла отмывка грязных денег итальянских мафиози, бизнесменов и политиков высокого уровня⁴⁶. Как заявил исследователь Зизола, «известно, что Ватикан посылал эмиссаров в издательство *Chiare Lettere*, чтобы не допустить выхода в свет этой книги, и предложил большую сумму денег издателям. Однако книга в итоге вышла, и Ватикан был недоволен Калойа, который не сделал всё необходимое, чтобы помешать этому»⁴⁷. Так что, хотя срок полномочий Калойа истекал только в 2011 г., его сместили раньше, а вместе с ним и его помощников.

Новая команда во главе с Тедески считалась более профессиональной и способной вывести финансы Ватикана на новый уровень, соответствующий требованиям современного курса глобальных элит, добивающихся «транспарентности» национальных финансов в целях установления жёсткого наднационального контроля над мировой экономикой.

⁴⁶ Nuzzi G. *Vatican S.A.* Les archives secretes du Vatican. Hugo&Cie. Paris, 2011.

⁴⁷ Magister S. Crisi finanziaria. La Buena noticia llegada del Vaticano. <http://chiesa.espresso.repubblica.it/articolo/1337349?sp>

Видимо, с подачи новой команды профессионалов в апреле 2010 г. на фондовом рынке Европы появился **первый в истории финансов христианский индекс акций** Stoxx Europe Christian Index, который, как указывается, призван был «помочь инвесторам, разочарованным финансовым кризисом, выбрать ценные бумаги “этичных” компаний». Как сообщил генеральный директор Stoxx Хартмут Граф, «католический индекс был создан в связи ростом количества участников христианских рынков, предпочитающих инвестировать согласно их религиозным представлениям»⁴⁸.

Представители Ватикана стали присутствовать в комитете по управлению биржевым индексом, в который вошли 533 европейских эмитента, получающие прибыль за счёт бизнес-процессов, не противоречащих ценностям и принципам христианства, то есть не занимающиеся порнографией, торговлей или производством оружия, табака, алкоголя, контрацептических средств, не связанные с игровым сектором и клиниками, предоставляющими услуги по искусственному оплодотворению. Среди этих «этичных» компаний оказались BP, HSBC, Nestlé, Vodafone, Royal Dutch Shell, Siemens, Rio Tinto и GlaxoSmithKline. При этом интересно, что на вопрос, почему в индекс была включена GlaxoSmithKline, которая производит в том числе и контрацептивы, представительница Stoxx ответила, что запрет распространяется только на те компании, которые получают **весь свой доход** от деятельности, противоречащей христианской этике. Однако долю дохода, которую компания может получать от нежелательных операций, она сообщить отказалась. По её словам, жёсткий запрет действует только в отношении оружейного бизнеса.

Создав католический биржевой индекс, Римско-католическая церковь в очередной раз продемонстрировала не только свою приверженность принципам современного финансового порядка, но и готовность освятить авторитетом христианства такие отнюдь не богоугодные дела, как спекуляции на фондовом рынке. Это новое направление деятельности Ватикана стало одной из форм взятой им на себя миссии религиозно-этического обоснования строительства нового мирового экономического порядка в соответствии с духом папской энциклики «Caritas in Veritate». Вместе с тем, как указывают наблюдатели, появление данного индекса стало признанием растущего числа «христианских участников рынка». Можно заключить, что новый католический индекс послужит не столько нравственному очищению самого бизнеса, сколько более глубокому погружению католиков с благословения папы римского в спекулятивные биржевые операции. Характерно при этом, что данное событие совпало по времени с принятием решения о создании Папского совета по новой евангелизации Европы, деятельность которого, судя по всему, должна была включить и сферу фондового рынка.

Действительно, Римско-католическая церковь сама стала превращаться в активного инвестора, укрепляя свою роль одного из самых влиятельных игроков на мировом рынке. Банк Ватикана, а также Администрация владения Апостольского престола (АВАП) управляли инвестициями в акции, облигации и недвижимость, а также средствами, полученными в качестве пожертвований от католиков всего мира, которые представляют основные источники доходов папы и курии. Известно, что Ватикан осуществляет крупные инвестиции через структуры Ротшильдов в Вели-

⁴⁸ В Европе запущен религиозный биржевой индекс. <http://www.militia-dei.spb.ru/?go=news&id=1088>

кобритании, Франции и США и владеет акциями в крупнейших корпорациях, в частности «Ройял Датч шелл», «Дженерал моторс», «Дженерал электрик» и др.

Занимаясь такой широкой инвестиционной практикой, Ватикан продолжал тщательно скрывать реальные показатели своей финансовой деятельности и уж тем более не поднимает вопрос о том, в какой степени этично участие католиков в спекулятивных фондовых операциях. Однако, желая предстать в образе «нравственного опекуна» современного бизнеса, Св. престол на словах всячески ратовал за прозрачность финансов и демонстрировал готовность осудить наиболее позорные и компрометирующие его виды деятельности. Это было тем более актуально, что в последние годы католическая церковь вновь оказалась вовлечена в ряд скандалов, связанных с участием католических орденов в инвестировании в «неэтичный» бизнес, вплоть до порнографии. Так, в 2010 г. старейший в Германии Рах-Bank, созданный католическими монахами, был обвинён в нарушении канонов христианской морали за вложение средств в ценные бумаги американского производителя фармакологической продукции Wyeth, производящего противозачаточные средства, а также в акции международного концерна BAE Systems, специализирующегося на производстве атомных подводных лодок, ракетных систем и боевых самолётов. Самые крупные инвестиции Рах-Bank произвёл в табачную индустрию, приобретя акции British American Tobacco и Imperial Tobacco на сумму свыше 870 000 евро.

7

Весной 2012 г. в Риме началась интенсивная информационная атака на Ватикан. Но на этот раз она отражала уже не традиционную борьбу за власть между различными группировками внутри Ватикана, а более серьёзные процессы, связанные с установлением тотального контроля над теневыми структурами Ватикана со стороны мировых финансовых тузов. Несмотря на все старания идти в ногу со временем и проводить политику, соответствующую требованиям эпохи глобализации, Бенедикт XVI так и остался в глазах многих сильных мира сего «несовременным». Его консервативные взгляды и приверженность традиционным ценностям плохо согласовывались со стратегией глобальных элит.

Уже выход в свет книги Нуццо «ООО Ватикан» свидетельствовал о **новом этапе кампании по дискредитации Ватикана**. Деятельность поставленного после этого во главе банка Готти Тедески, призванного вывести финансы Ватикана на новый уровень «прозрачности», закончилась также скандалом. В сентябре 2010 г. в отношении Тедески было возбуждено уголовное дело, в результате которого он вместе с генеральным директором ИДР Паоло Чиприани оказался под следствием. Банк был заподозрен в нарушении закона об обеспечении прозрачности деятельности, поскольку собирался перевести 23 млн. евро со своего счёта в итальянском банке Credito Artigianato в немецкий филиал банка JP Morgan и 3 млн. евро — в Banca del Fucino на счета неизвестных лиц. Как выяснилось, за 8 лет через один из этих счетов было переведено уже более 180 млн. евро. Посчитав, что операция может быть классифицирована как отмывание денег, правоохранительные органы наложили арест на эти средства, фактически впервые применив столь строгую меру в отношении активов банка Ватикана.

В ходе следствия стали всплывать факты, свидетельствовавшие о том, что вокруг банка идёт борьба двух сил: партии «прозрачности» и партии «теневиков», покрывающих коррупционных итальянских чиновников и бизнесменов. Яркими представителями последних были П. Чиприани и заведомо международных отношений итальянского телевидения КAI Марк Симеон, который выступал в качестве доверенного лица госсекретаря Ватикана, второй после папы фигуры кардинала Тарчизио Бертоне, известного своими консервативными взглядами. Опасаясь широкой огласки, Ватикан вынужден был издать официальную ноту, в которой потребовал от римских властей, чтобы они «надлежащим образом оценили и уважали суверенные прерогативы, признанные за Св. престолом международными порядками». Но вместе с тем под давлением событий он решил **кардинально изменить ситуацию, превратив «прозрачность» в главный лозунг дня.**

Ватикан решил получить международное признание в качестве структуры, соответствующей законам против отмыwania денег и финансового терроризма, отвечающей международным стандартам и пользующейся полным доверием европейских и американских банковских институтов. Для этого Св. престол стал добиваться включения его в так называемый белый список ФАТФ — Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыwанием денег. Эта межправительственная организация была создана в 1989 г. по решению стран «Большой семёрки» для выработки мировых стандартов противодействия отмыwанию преступных доходов и реализации коллективных мер борьбы с легализацией незаконных средств и проведения постоянного мониторинга деятельности различных компаний и организаций. По результатам мониторинга ежегодно формируется 3 списка стран в зависимости от степени их открытости: «белый» (страны, выполняющие все её рекомендации), «серый» (страны, де-юре подтверждающие готовность выполнять, но де-факто не выполняющие эти обязательства) и «чёрный» (страны, не подписавшие соглашения об обмене налоговыми данными и не принимающие никаких мер).

Уже 30 декабря 2010 г. папа подписал закон о борьбе с отмыwанием средств, полученных преступным путём, и подготовил специальный свод правил, регламентирующих денежные переводы (предполагается от 4 до 12 лет за отмыwание денег и 15 лет за «финансовый терроризм»). В качестве контролирующего органа при ИДР было создано специальное Управление финансовой информации (УФИ), занявшееся мониторингом денежно-кредитной и коммерческой деятельности Ватикана и вступившее во взаимодействие с международными организациями, занимающимися прозрачностью финансовых потоков. Ватиканом было послано обращение в MONEYVAL — Экспертную группу Совета Европы по оценке мер борьбы с отмыwанием денег и финансированием терроризма — о признании его финансовой организацией, соответствующей международным нормам. MONEYVAL взялся за проверку работы Банка Ватикана, намереваясь обнародовать результаты и определить, придерживается ли последний международных стандартов или нет. После этого летом 2011 г. ИДР были возвращены его арестованные деньги, а дело против Тедески свёрнуто.

Опубликованный по результатам проверки первый отчет MONEYVAL отметил несовершенство УФИ, продолжавшего зависеть от Св. престола. Тогда в январе 2012 г. Ватикан принял новый закон № 159 о «финансовой прозрачности», в разработке которого участвовал уже американский юрист Джеффри Лена. Он зна-

чительно расширил «принудительные» полномочия УФИ, превратив его в **реальный орган контроля** над всеми зависящими от Св. престола органами, включая и Банк Ватикана, и Госсекретариат. Однако поскольку Госсекретариат обладает очень большим весом, УФИ не удалось осуществить в полную меру свои контрольные функции в отношении него.

Вот тут итальянские СМИ и приступили к операции «Ватиликс», превратившейся в мощный фактор давления на Св. престол. Уже с января 2012 г. в прессе стали публиковать секретные и конфиденциальные документы Ватикана, касающиеся отдельных вопросов жизни Св. престола. В феврале этот процесс принял регулярный характер, а в марте масштаб утечек стал настолько велик, что папа приказал начать расследование, которое было поручено корпусу ватиканской жандармерии и кардиналам.

Затем последовали новые шаги. В феврале финансовый холдинг JP Morgan Chase в Милане предупредил Ватикан о закрытии его счёта из-за отсутствия соответствующей информации о переводимых деньгах, что и было сделано 30 марта и означало «разрыв» с Банком Ватикана⁴⁹. А Госдепартамент США впервые включил Ватикан в список стран, уязвимых для отмывания денег.

И наконец, в мае выходит наделавшая столько шума вторая книга Д. Ноцци «Его Святейшество», содержащая секретную переписку Бенедикта XVI с его помощниками, а также копии документов, связанных с деятельностью Фонда Йозефа Ратцингера, которые не предназначались для архива Св. престола и могли быть взяты только с рабочего стола понтифика или его секретаря. Есть в ней и материалы, посвящённые ИДР и свидетельствующие о царящих в Ватикане коррупции, кумовстве, неграмотном ведении дел и ошибках менеджмента. В переведённый в рекордные сроки на немецкий язык вариант книги была добавлена специальная глава, посвящённая отнюдь не идиллическим отношениям понтифика с немецкими епископами и показывающая всю внутреннюю кухню Ватикана. Автор фактически противопоставил друг другу крайне либеральную Немецкую церковь и консервативное руководство Св. престола, создавая образы разных миров, которые уже почти невозможно объединить.

Очевидно, что книга Нуцци уже не просто вскрыла недостатки Ватикана. Выведа наружу информацию, касающуюся внутренних механизмов осуществления власти понтифика и выставив в негативном свете и папу, и его секретаря, и особенно кардинала Бертона, противостоявшего борьбе с коррупцией и злоупотреблениями, **она сработала на дискредитацию самой системы управления Св. престолом.**

Это вызвало соответствующую реакцию и папы, и общественности. Заподозренные в утечке информации лица тут же понесли наказание. 23 мая был арестован и отдан под суд Св. престола папский камердинер Габриэле, что стало драматической кульминацией скандала, поскольку последний был наиболее близкой к папе фигурой, которому тот абсолютно доверял. Камердинер признался на следствии в том, что он действительно крал документы, но руководствовался исключительно любовью к папе, чтобы вывести на чистую воду тех, кто препятствовал борьбе с коррупцией.

⁴⁹ Vatican Bank Account Closed At JP Morgan, Image May Be Hurt. http://www.huffingtonpost.com/2012/03/19/vatican-bank-image-hurt-closed_n_1363432.html

Другим наказанным стал Готти Тедески. Буквально на следующий день после ареста камердинера он был уволен по настоянию Бергоне и в соответствии с единокласным решением совета директоров Банка Ватикана с поста президента ИДР. По официальной версии, он был снят «за неспособность выполнять свои основные обязанности», то есть за то, что не обеспечил необходимой «прозрачности» деятельности банка. Однако, видимо, главной причиной отставки была как раз слишком хорошая осведомленность о счетах политиков, различных теневых посредников и высокопоставленных чиновников, а также лиц, которые, скорее всего, служили прикрытием мафии. Неслучайно со стороны руководства ИДР в его адрес прозвучало обвинение в передаче конфиденциальной информации в прессу.

Однако расправа над такими значимыми фигурами Ватикана была настолько скорой и «щадящей», что оставила противоречивое впечатление и свидетельствовала о желании руководства скрыть сообщников и соучастников из числа высокопоставленных церковных иерархов. Процесс над камердинером прошёл удивительно быстро (в течение одной недели) и рассматривал в основном процедурные вопросы. Все попытки Габриэле рассказать о своих многочисленных конфидентах были пресечены, а выступления сторон прошли в телеграфном стиле. По версии суда, тысячи конфиденциальных документов были похищены камердинером в одиночку и исключительно по его собственной инициативе. При этом, хотя опубликована была только небольшая часть похищенных документов, вопрос о том, где находятся остальные материалы, поднят не был. Наконец, сами действия Габриэле были квалифицированы как простая кража, а не как нарушение тайны переписки главы государства, что могло быть приравнено к подрыву государственной безопасности Ватикана и грозило 30 годами тюрьмы. Виновного же в итоге приговорили к трём годам лишения свободы, которые тут же с учётом смягчающих обстоятельств были сокращены до полутора лет, что удовлетворило все стороны.

Интересно также, что, пока продолжалось следствие, произошло ещё одно таинственное событие: бесследно исчез бывший хакер, взятый на службу в Ватикан в качестве главного компьютерщика. Этот «папский инженер» держал в своих руках все коды для входа в компьютерную систему Ватикана (считающуюся аналогичной системе американских спецслужб) и хранил множество секретов, включая и те, что касались скандального опубликования внутренних документов. Ему были известны все контакты и внутренние шифр-коды Банка Ватикана и, возможно, тайны так называемых воронов — людей, распространивших ватиканские письма⁵⁰.

Позже выяснилась и ещё одна подробность. Как было указано в публикации в *Intrepid Report*⁵¹, важную роль в этом деле сыграл тогдашний руководитель Отдела информации и регулируемых вопросов в Белом доме Касс Санстейн, считавшийся главным юридическим советником президента Барака Обамы. Когда был запущен «Викиликс», именно Санстейн обеспечил ему первое проникновение на страни-

⁵⁰ Allen Jr. J.L. New Vatican transparency guru brings unique pedigree // National Catholic Reporter. Sep. 12, 2012. <http://ncronline.org/blogs/ncr-today/new-vatican-transparency-guru-brings-unique-pedigree>

⁵¹ Madsen W. Obama White House behind Vatican scandal // Intrepid Report, June 7, 2012. <http://www.intrepidreport.com/archives/6202>; <http://pervodika.ru/articles/22600.html>

цы ведущих американских СМИ⁵². А весной 2012 г. он объявил своему ближайшему окружению: «После “арабской весны” у нас будет “ватиканская весна”»⁵³. Непосредственной причиной этого решения, как указывает источник, стала поддержка Ватиканом инициативы блока БРИКС по реорганизации мировой финансовой системы в целях создания собственной системы расчётов, к которой могли присоединиться страны Латинской Америки и Арабской дуги. И чтобы не допустить даже какого-либо намёка на финансовую самостоятельность, и началось беспрецедентное давление на понтифика. Именно Санстейн и его коллеги из Минфина стояли за решением Госдепартамента США включить Ватикан в список стран, уязвимых для отмывания денег.

Все действия руководства Св. престола свидетельствовали о попытках **скрыть внутренние процессы, связанные с планами серьёзной перестройки системы управления Ватикана и перевода его под тотальный контроль мировой финансовой элиты**. И борьба внутри Римской курии по вопросу о «прозрачности» отражала не просто борьбу за власть между консерваторами и либералами в преддверии завершения понтификата Ратцингера, а противостояние **двух разных стратегических линий**⁵⁴. Одна исходит из необходимости сохранения Ватикана как суверенного государства, которое обеспечивает безупречное управление с помощью внутреннего контроля. Другая — из необходимости открытого включения его в современную систему глобального управления в качестве квазигосударственного образования, находящегося «на посылах» у «большого брата».

Те силы, что требовали «прозрачности» Ватикана (а именно такова, по словам Нуцци, была главная цель начатой им кампании), **являются проводниками интересов глобальной финансовой мафии, которая под видом борьбы с национальными мафиози и коррупционерами совершает демонтаж национальных государств как таковых**. Теперь дошла очередь и до Ватикана, который, как и Израиль, в глазах глобальных элит отыграл свою роль в качестве политического проекта. Как написал итальянский публицист, специалист по Ватикану Витторио Мессори, «Римская курия всегда была гнездом гадюк. Но в своё время она хоть была самой эффективной государственной структурой в мире. Она руководила империей, над которой никогда не заходило солнце, и имела дипломатию, которой не было равных. Что от всего этого осталось сегодня?»⁵⁵

Пожертвовав камердинером и главным специалистом по «финансовой этике», партия «прозрачности» лишь укрепила свои позиции: отдав дань приличию («наказав» за оскорбление государства), она сохранила в своих руках основные рыча-

⁵² Трпкович Б. «Викиликс» и «цветные революции». Все удары «Викиликс» — только по «плохим парням»; никто из «хороших парней» не пострадал. http://www.narpolit.com/po_suti_dela/vikiliks_i_cvetnye_revoliucii__17-55-15.htm

⁵³ Madsen W. Op. cit.

⁵⁴ Le Vatican va promulguer de nouvelles normes de transparence financière // La Croix, 24.04.2012. http://www.la-croix.com/Religion/Urbi-Orbi/Rome/Le-Vatican-va-promulguer-de-nouvelles-normes-de-transparence-financiere-_NP_-2012-04-24-798412

⁵⁵ С лёгкой руки официального представителя Святого престола Федерико Ломбарди, во всем мире это дело стало известно под именем Vatileaks по аналогии с Wikileaks Джулиана Асанжа. <https://ru.sputnik.az/politics/20121009/297971963.html>

ги давления — мощный информационный компромат (который мог быть запущен в любой нужный момент) и крепнущие связи с международными финансовыми институтами, которым и планировалось передать реальный контроль над финансами Ватикана. Об этом свидетельствовали последующие события.

18 июля 2012 г. MONEYVAL опубликовал второй доклад, в котором были изложены результаты проверки финансовой деятельности Ватикана, показавшей, что, хотя Св. престол и «проделал большой путь за очень короткое время», эта деятельность пока не соответствует международным стандартам, и, следовательно, само государство не может претендовать на место в списке финансово добросовестных стран. Из 16 ключевых международных критериев борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма Банк Ватикана соблюдал лишь 9. Наибольшее же недовольство опять вызвала работа УФИ, которую нашли неудовлетворительной в силу его фактического бездействия.

Эти оценки стали очередным стимулом к дальнейшему реформированию Ватикана, особую роль в котором призван был сыграть приглашённый сюда в сентябре в качестве консультанта один из ведущих специалистов по борьбе с «грязными деньгами» 40-летний швейцарский адвокат и финансовый эксперт Рене Брюлхарт, прозванный журналистами «Джеймсом Бондом финансового мира». Он является вице-президентом группы «Эгмонт» — неформальной организации, созданной в 1995 г. и объединяющей подразделения финансовой разведки 100 стран мира для сотрудничества в области обмена информацией и борьбы против отмывания денег и финансирования терроризма (штаб-квартира в Брюсселе). В течение восьми лет он возглавлял подразделение финансовой разведки Лихтенштейна, работая над «очищением» имиджа этого известного «налогового оазиса», избавляя его от репутации «всемирной прачечной». В итоге в 2009 г. Лихтенштейн был исключён из «чёрного» списка и получил репутацию «оазиса стабильности». Теперь перед Брюлхартом была поставлена задача вывести и Ватикан на такой уровень открытости, который позволил бы ему войти в «белый» список ФАТФ и в группу «Эгмонт».

Работать над перестройкой Св. престола финансовый эксперт стал совместно с другим приглашённым специалистом по «имиджу», высокопоставленным членом «Опус Деи» — американским журналистом из римского отделения американского канала FOXnews Греггом Бурке, назначенным на должность главного консультанта по связям с общественностью в секретариате Ватикана. Если ко всему этому добавить тот факт, что во главе группы советников по вопросам внешней политики Ватикана стоит бывший госсекретарь США Генри Киссинджер, иудей по вероисповеданию, приглашённый Бенедиктом XVI в 2007 г. (и являющийся фактически единственным экспертом по внешнеполитическим вопросам)⁵⁶, то смысл происходящего «обновления» Ватикана становится достаточно ясным. В какой мере можно говорить о суверенности государства, если его финансовые, внешнеполитические и коммуникационные функции переходят под контроль внешних сил?

Однако Бенедикт XVI не устраивал не только мировых финансовых тузов, но и тесно связанную с ними содомскую мафию внутри Ватикана, рассматривавшую его как главное препятствие на пути либертарианской перестройки католицизма в

⁵⁶ Guénois J.-M. Que se passe-t-il — vraiment — au Vatican? // Religio Blog, Le 12 juin 2012. <http://blog.lesfigaro.fr/religioblog/2012/06/que-se-passe-t-il---vraiment-.html>

целях встраивании его в «новый сексуальный порядок». Для смещения понтифика параллельно с финансовым скандалом ею была раскручена иезуитская по своей сути антигомосексуальная кампания, которая должна была представить папу неспособным навести внутрицерковный порядок. А сама мафия между тем подготавливала тихий переворот.

Первый шаг ею был сделан ещё в 2008 г., когда Генеральная ассамблея ООН приняла Декларацию по вопросам сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Ватикан отозвался на неё своей собственной декларацией, в которой поддержал усилия, направленные на осуждение всех форм насилия и дискриминации в отношении гомосексуалистов и призывающие принять все необходимые меры для прекращения их преследования. Показательно, что Св. престол **не дал никакой нравственной оценки** этому документу, но обратил внимание только на юридическую сторону, выразившись крайне двусмысленно. Он отметил, что поскольку категории «сексуальная ориентация» и «гендерная идентичность» не признаются или не имеют чёткого определения в международном праве, то их использование в ходе реализации фундаментальных прав станет причиной серьёзной юридической неясности, что ослабит способность государства применять и уже существующие нормы в области прав человека. «Несмотря на то, — говорится в документе, — что декларация справедливо осуждает все формы насилия против гомосексуалистов и утверждает право на их защиту от этих форм насилия, документ, проанализированный в его полноте, идёт дальше этой цели и, напротив, порождает юридическую неопределённость и ставит под вопрос существующие правила в отношении прав человека»⁵⁷.

Таким заявлением Ватикан, как всегда, продемонстрировал великолепную способность к словесным ухищрениям. В итоге было непонятно, то ли в отношении содомитов надо использовать другие термины, то ли в отношении прав человека надо менять правила. Но главное было сделано — **декларация в целом была одобрена**.

Теперь перешли к дискредитации Бенедикта. Уже в мае началась кампания, связанная с поиском тела пропавшей ещё в 1983 г. Эмануэлы Орланди, дочери сотрудника Банка Ватикана, знавшего о его тайных махинациях. Кампания проводилась под лозунгом «Эмануэла Орланди была похищена для секс-вечеринок в Ватикане!». Затем в декабре СМИ распространили информацию о секретном 300-страничном докладе папе о нетрадиционной сексуальной ориентации представителей высшего католического руководства. Однако о «нравственном облике» «святых отцов» понтифик и так был хорошо информирован. Известно, например, какие усилия были предприняты им, чтобы замять скандал с гомосексуальностью Марсьяля Масьеля, основателя и руководителя самой что ни на есть «консервативной» конгрегации «Легионеры Христа», одной из главных опор Бенедикта XVI. Только после смерти этого деятеля в 2008 г. было оглашено, что он совершал поступки, не совместимые с католической моралью, и Ватикан начал расследование деятельности «Легионеров» по всему миру. Так что поразить папу моральным обликом высшего клира вряд ли было возможно. Но вот раструбить об этом на весь мир понадобилось именно в этот момент.

⁵⁷ Le Saint-Siège à l'ONU sur les droits humains et l'orientation sexuelle. <http://www.zenit.org/fr/articles/le-saint-siege-a-l-onu-sur-les-droits-humains-et-l-orientation-sexuelle>

Таким образом, информационная война против Ватикана приняла всеобъемлющий характер и распространилась на все стороны его деятельности — финансовую, административную, политическую и религиозную. Цель была одна — доказать несостоятельность руководства Св. престола и его неспособность управлять церковью, нуждающейся в коренных переменах.

1 января 2013 г. финансовые круги перешли к заключительной стадии операции «ватиканская весна». А Центробанк Италии приостановил обработку всех операций по банковским картам и всех электронных платежей на территории Ватикана опять-таки по причине несоблюдения Св. престолом в полном объеме международных правил борьбы с отмыванием финансовых средств. Считается, что за месяц объем потерь Ватикана вследствие этого (а по картам происходит и оплата билетов в музеи, и покупка сувениров) составил около 1,7 млн. евро.

Тогда же и содомская мафия перестала скрывать свои планы. Главную ставку в этом вопросе она сделала на архиепископа Винченцо Палья, председателя Понтификального совета по делам семьи, назначение которого с большой радостью приветствовал итальянский «Великий Восток», заявивший, в частности, что Палья «является светом надежды для тех, кто ещё не забыл великую реформаторскую эпоху Второго Ватиканского собора»⁵⁸.

В то время, как Бенедикт XVI не переставал выступать против «брака для всех», Палья начал делать осторожные шаги в сторону признания однополых пар, используя обтекаемые и противоречивые формулировки, дающие дополнительные аргументы защитникам прав извращенцев. 4 февраля 2013 г., поддержав французских католиков в их борьбе против однополых браков, «которые ставят общество на край пропасти», он в то же время признал, что существуют **«различные формы семейных союзов»**. Более того, заявив, что необходимо бороться за снятие наказания за гомосексуализм, он подчеркнул: «Есть индивидуальные права, которые должны быть гарантированы. Надо искать решение в частном праве, в сфере имущественных прав. Я думаю, что этим должна спокойно заняться политика. Некоторые не хотят ничего менять. Я же думаю, что необходимо найти новые пути, чтобы прийти к решению»⁵⁹. Показательно, что лидер итальянского содомитского сообщества Франко Гриллини крайне позитивно оценил это высказывание, заявив, что **«впервые прелат признал права гейских пар**, а также что гомосексуалисты преследуются по всему миру»⁶⁰.

Позиция главы Понтификального совета по делам семьи, не встретившая никакого осуждения со стороны понтифика, явила собой беспрецедентный разрыв с учением Церкви и с той позицией самого Ватикана, которую он огласил ещё на Каирской конференции 1994 г., указав, что понятие «пара» означает союз мужчины и женщины. Выступив против наказания за гомосексуализм и за признание различных форм союзов, руководство Ватикана продемонстрировало, что оно не считает содомию смертным грехом. А это нельзя оценить иначе, как **апостасийный акт, означающий открытый переход на позиции тоталитарного либертарианства**. И по-

⁵⁸ Le Vatican se soumet-il à l'offensive mondialiste sur l'homosexualité? // Revue de la Politique française. Mars 2013, № 671. P. 12.

⁵⁹ Ibid. P. 13.

⁶⁰ Le Vatican reconnaît le droit des couples gay. http://www.lepoint.fr/monde/le-vatican-reconnait-le-droit-des-couples-gay-05-02-2013-1623969_24.php

казательно, что Бенедикт XVI не дал никакой оценки этой позиции. Так произошла первая тихая **«гомосексуальная революция»** в Ватикане, которую мало кто заметил, но которая расчистила путь для серьёзных перемен.

Видимо, в тех условиях, когда растущее давление на папу приобрело откровенно резкие формы, Бенедикт XVI и осознал невозможность продолжать и дальше свой курс лавирования, поскольку он становился уже опасным: старожилам Ватикана ещё памятна была печальная судьба папы Иоанна Павла I, приступившего к реформированию финансовых структур и умершего через 33 дня после начала понтификата.

И вот теперь к делу подключаются уже ведущие специалисты по переговорным процессам — рыцари Мальтийского ордена, структуры более влиятельной, нежели «Опус Деи», с которым был связан Готти Тедески. Напомним, что этот орден — довольно засекреченная организация, объединяющая представителей западной знати, играющая роль своего рода международного бизнес-клуба и оказывающая серьёзное влияние на мировую политику. 9 февраля в соборе Святого Петра в Ватикане в честь ордена, отмечавшего своё 900-летие, открылись торжества, на которые прибыло более тысячи рыцарей и леди для получения благословения Бенедикта XVI. С мальтийцами папа провёл несколько часов, а 11 февраля заявил о своём решении отречься от престола 28 февраля.

Буквально на следующий день на территории Ватикана были возобновлены операции по банковским картам, а 15 февраля (как раз в день рождения ордена) папа отдал своё последнее распоряжение: новым директором Банка Ватикана был назначен кавалер Мальтийского ордена, немецкий юрист и финансист Эрнст фон Фрайберг, являющийся специалистом по слиянию и поглощению финансового бизнеса. Именно он и должен был **организовать перевод финансовой системы Ватикана под прямой контроль мировых финансовых кланов**. Интересно, что Бенедикт XVI никогда не виделся с новым директором, а сама его кандидатура была предложена известным международным агентством по подбору топ-менеджеров Spencer & Stuart, которое называют «охотниками за головами». Видимо, эта внешняя отстранённость папы от принятия такого важного решения была одним из условий соглашения, принятого на встрече с мальтийцами.

Так завершился понтификат папы Бенедикта XVI, чей уход до сих пор остаётся предметом горячих обсуждений в силу того, что чем дальше от этого события, тем больше новых фактов открывается исследователям.

8

С отречением Бенедикта XVI первый этап «ватиканской весны» завершился, и 12 марта с открытием конклава начался второй этап этого процесса. Хотя явного фаворита на конклаве не было, итальянские эксперты (в частности, Марко Тозатти) главным претендентом считали итальянца, архиепископа Милана Анджело Скола. Однако предшествовавшие конклаву события в Италии явно продемонстрировали, что на итальянскую партию оказано было сильнейшее давление.

В начале марта миланский суд приговорил Сильвио Берлускони, влиятельнейшую фигуру итальянского бизнеса, к одному году тюрьмы по обвинению в

причастности к раскрытию конфиденциальной информации в деле покупки страховой группы Unipol банка BNL. И почти тогда же из окна своего кабинета выбросился глава пресс-службы старейшего в Италии банка Monte dei Paschi di Siena, вокруг которого в январе 2013 г. разразился скандал, когда выяснилось, что банк скрывал от регуляторов информацию об убытках. После этого всё руководство Monte dei Paschi di Siena было отправлено в отставку, а прокуратура начала расследование. Как указали эксперты, смерть назначенного «козлом отпущения» Росси, скорее всего, скрывала за собой целую сеть событий, связанных с перестройкой управления мировыми финансами. Но опять-таки произошло всё это удивительно вовремя.

13 марта новым папой на конклаве был избран архиепископ Буэнос-Айреса Хорхе Марио Бергольо, взявший имя Франциска. Хотя его имени не было среди фаворитов конклава, на выборах 2005 г. он оказался вторым после Й. Ратцингера, так что избрание его нельзя считать неожиданным. И судя по рекордно коротким срокам работы конклава, вопрос о новом папе был решён заранее.

Действительно, в конце 2014 г. британский журналист Остин Айверхрайх опубликовал книгу «Великий реформатор: Франциск и как сделать радикального папу», в которой говорилось о существовании некой группы кардиналов, названной «командой Бергольо», преследовавшей цель избрать его папой. Организатором её автор называет архиепископа Вестминстера на покое Кормака Мёрфи-О'Коннора, который провёл тайную кампанию, предварительно заручившись поддержкой Бергольо⁶¹.

Новые подробности избрания стали известны из недавно вышедшей монографии Ю. Меттепеннингена и К. Шелкенса, посвящённой биографии известного бельгийского кардинала Г. Даннеелса, с 1979 по 2010 г. возглавлявшего Конференцию епископов Бельгии и бывшего реальным «делателем короля», то есть папы Франциска. Данеелс придерживается откровенно либертарианских взглядов. Ещё в 2003 г. он написал письмо премьер-министру Бельгии Ги Верховстадту, поздравив его по случаю признания браков гомосексуалистов и прекращения их дискриминации. Он же пытался убедить бельгийского короля католика Балдуина в том, что тот мог промульгировать закон об абортах, ответив на вопрос короля о религиозной стороне дела: «без комментариев»⁶².

Согласно признаниям Даннеелса, на протяжении многих лет он состоял в тайной группе кардиналов, противостоявших Й. Ратцингеру и ратующих за проведение радикальной модернизации церкви, в первую очередь — за изменение отношения к абортam и гендерной теории. Эта группа была организована либеральным кардиналом Марио Мартини и в течение ряда лет проводила тайные собрания в швейцарском Сан-Галлене. Её так и называли — «клуб Сан-Галлен», хотя Даннеелс её назвал её «мафиозным клубом». В неё входили итальянский кардинал Акилле Силвестрини, британский кардинал Бэзил Хьюм (ум. 1999), немецкие кардина-

⁶¹ «Уж не пародия ли он?»: Действительность избрания Франциска под вопросом. <http://sibcatholic.ru/2015/09/28/uzh-ne-parodiya-li-on-dejstvitelnost-izbraniya-franciska-pod-voprosom/>

⁶² Le cardinal Danneels a-t-il tenté de convaincre le roi Baudouin des Belges de signer la loi sur l'avortement? <http://www.contre-info.com/le-cardinal-danneels-a-t-il-tente-de-convaincre-le-roi-baudouin-des-belges-de-signer-la-loi-sur-lavortement>

лы Вальтер Каспер и Карл Леман, голландский епископ Адриан ван Лёйн и др.⁶³ Именно эта группа и готовила приход Франциска.

Все эти факты могли бы восприниматься как материал для изучения истории папства, если бы не тот факт, что подобные тайные группы и секретные предвыборные кампании категорически запрещены Апостольской конституцией Иоанна Павла II «*Universi Dominici Gregis*», устанавливающей правила проведения конклава. Более того, пункт 81 Конституции предусматривает для нарушителей запрета **автоматическое отлучение** от Церкви. И если верны сведения о существовании такой тайной группы, то есть основания считать, что их члены во время конклава находились под отлучением. В связи с этим у многих католических обозревателей возник вопрос — а не мог ли факт участия в конклаве отлучённых кардиналов-выборщиков повлиять на действительность избрания папы? (Если число таких выборщиков было значительным, то число голосов, полученных Бергольо, могло быть недействительным.) Таким образом, тот факт, что избрание Бергольо состоялось с участием отлучённых кардиналов и благодаря их активной поддержке, бросает тень на избранного.

Ещё более весомые аргументы были изложены в книге итальянского ватиканиста Антонио Соччи «Он не Франциск», опубликованной в октябре 2014 г., и в его последующих статьях. Он указал на многочисленные серьёзные нарушения процедуры конклава, допущенные в день избрания Бергольо, подтверждённые исследованиями и других авторов, близко знакомых с нынешним папой⁶⁴. А параграф 76 уже упомянутой Апостольской конституции гласит: «...если избрание будет осуществлено иначе, нежели постановлено этой конституцией, или если не будут соблюдены предписанные здесь условия, избрание в силу этого факта является ничтожным и недействительным без всякого (дополнительного) объявления и потому не представляет избранному никаких прав». В связи с этим Соччи неоднократно призывал отменить правило секретности в отношении событий, происходивших на конклаве, чтобы его участники могли заверить всех верующих, что в процессе избрания папы не было допущено никаких нарушений. Однако этот призыв так и остался не услышанным, а на вопросы Соччи так и не был дан вразумительный ответ⁶⁵.

Новизна избрания Бергольо заключалась не только в том, что это произошло при живом предшественнике, но и в том, что это был первый понтифик-латиноамериканец и первый понтифик-иезуит.

Первый факт свидетельствует о том, что в условиях резкого упадка значения католицизма в Европе возрастает роль latinoамериканской церкви. Но здесь нельзя впадать в иллюзии, поскольку идущий повсюду процесс вытеснения христианства охватывает и latinoамериканский континент. В этом плане показательно, что Аргентина, в которой провозглашена полная свобода вероисповедания, была в момент избрания Бергольо единственной страной Латинской Америки, где были уза-

⁶³ «Уж не пародия ли он?»: Действительность избрания Франциска под вопросом. <http://sibcatholic.ru/2015/09/28/uzh-ne-parodiya-li-on-dejstvitelnost-izbraniya-franciska-pod-voprosom/>

⁶⁴ В частности, об этом пишет в своей книге «Франциск. Жизнь и революция» аргентинская журналистка Элизабет Пикке, которую связывает с Бергольо многолетняя дружба.

⁶⁵ «Уж не пародия ли он?»: Действительность избрания Франциска под вопросом. <http://sibcatholic.ru/2015/09/28/uzh-ne-parodiya-li-on-dejstvitelnost-izbraniya-franciska-pod-voprosom/>

конены однополые браки (произошло это в июле 2010 г.). Как показывают исследования, среди латиноамериканской молодёжи католическая церковь не пользуется сегодня никаким доверием, а среди самих католиков континента Ватикан не является авторитетом⁶⁶.

Так что избрание Бергольо не столько свидетельствует о силе латиноамериканского католицизма, сколько, напротив, призвано укрепить ослабевший авторитет Св. престола на континенте.

И особенно символично, что произошло это одновременно с уходом из жизни Уго Чавеса, который воплощал собой антиглобалистскую Латинскую Америку. Что же касается отношений Чавеса с церковью, то они были настолько напряжёнными, что в будущем не был исключён разрыв между Венесуэлой и Ватиканом, поддерживавшим оппозицию президенту. Так, в одном из своих выступлений Чавес высказался о католических священниках следующим образом: «Они всё ещё думают, что являются господствующей силой в государстве. Забудьте об этом, пещерные обитатели!» Известно, что венесуэльский президент оказывал поддержку «Реформированной католической церкви Венесуэлы», симпатизирующей его проекту. А священниками её являются клирики, запрещённые в служении католическими епископами за различные канонические нарушения: в частности, они выступают против обязательного celibата, не считают грехом гомосексуализм, допускают развод и пр.

Поэтому приход латиноамериканского папы должен был знаменовать собой, видимо, «закат» эпохи Чавеса и символизировать переход первенства от «народных политиков» к «народной церкви», и неслучайно исполняющий обязанности президента Венесуэлы Николас Мадуро даже позволил себе такое заявление: «Мы знаем, что наш команданте достиг этих высот, он находится напротив Христа. Что-то такое он сделал, чтобы папой стал южноамериканец... и Христос сказал — пришло время Латинской Америки»⁶⁷. Фактически же речь идёт о том, чтобы католическая церковь перехватила социальные лозунги национально мыслящих политиков, но придала им такое содержание, которое сделает их безопасными для глобальных элит.

Сенсационный характер новости о первом латиноамериканце на престоле затмил собой, однако, более важный факт, что впервые в истории церкви папой стал член Общества Иисуса — самой влиятельной, могущественной, активной и хорошо структурированной католической организации, отвечающей за формирование сознания управленческих элит, способных эффективно действовать в условиях нового глобального порядка.

Будучи создан в самый разгар Реформации фактически для спасения папской власти, орден иезуитов отличался тем, что к обычным трём монашеским обетам добавил обет беспрекословного послушания и верного служения папе. Ему свойственна жесточайшая полувоенная дисциплина, отточенная система управления и беспрекословное подчинение начальству, чему и учат «Духовные упражнения» основателя ордена Игнатия Лойолы. Так что неслучайно генерального настоятеля ордена называют «генералом» или «чёрным папой» (по цвету сутаны).

⁶⁶ Ватикан не является авторитетом для католиков Латинской Америки, считает отставной католический иерарх. <http://m.newsru.com/arch/religy/03mar2011/castelyanos.html>

⁶⁷ Уже покойный Уго Чавес приложил руку к избранию новым папой римским выходца из Латинской Америки. В этом уверены власти Венесуэлы. <http://www.ntv.ru/novosti/518796>

Свою деятельность орден сконцентрировал изначально на трёх направлениях, которые и сегодня остаются в сфере его влияния: образование, миссионерская деятельность и исповедь. Соответственно, иезуиты прославились и славятся до сих пор как учителя, миссионеры и духовники, выступая одновременно в качестве агентов Ватикана и спецслужб. Успехом в своей миссионерской деятельности они обязаны тем, что выработали уникальный, характерный только для них метод культурной адаптации и мимикрии, позволяющий им проникать в организации любых религиозных конфессий и приспосабливаться к любым социально-культурным условиям. В целях достижения эффективности их деятельности иезуитам разрешается вести светский образ жизни, не афишировать свою принадлежность к ордену, пользоваться широкими привилегиями и нести ответственность только перед своим руководством. Так что они легко проникают в масонские и другие оккультные структуры.

Визитной карточкой ордена стала знаменитая **иезуитская мораль**, исходящая из **приспособительной теологии**, позволяющей произвольно толковать основные религиозно-нравственные требования и подстраиваться под воззрения и нравы людей любого времени и места, оправдывая любой безнравственный поступок, если таковой не составляет главную цель — положение, известное как «цель оправдывает средства». Именно в системе «нравственного богословия» иезуитов, воспитавших целые поколения представителей европейской католической (и не только — вспомним об известных просветителях) элиты, можно найти истоки той «двойной морали», которая стала одним из ключевых принципов западной дипломатии и удобным оружием отстаивания интересов западных правящих кругов в мировой политике. Именно поэтому слово «иезуит» приобрело крайне негативное переносное значение в сознании русского человека.

Ведущей сферой деятельности иезуитов является образование, в котором они достигли высочайшего уровня и благодаря которому они контролируют интеллектуальные и политические элиты. Сегодня они издают более 1100 журналов, которые читают более 40 млн. человек, руководят 195 университетами во всём мире⁶⁸, среди которых Папский Григорианский университет в Риме, Сент-Луисский, Фордхэмский и Джорджтаунский университеты в США (последний является единственной в США дипломатической школой) и др. Это позволяет им выдвигать своих людей на ключевые посты в государственных структурах не только Европы, но и США. Достаточно напомнить, что иезуитские частные высшие учебные заведения закончили бывшие руководители ЦРУ У. Кейси (Фордхэмский университет), Д. Тенет (Джорджтаунский университет), Р. Гейтс (Джорджтаунский университет) и Л.Э. Панетта (Университет Св. Клары). Выпускником Фордхэмского университета является и нынешний директор ЦРУ Джон Бреннан, выходец из семьи ирландского происхождения.

Укрепление позиций ордена и его генерала, рассматривавшихся как важнейший инструмент в руках Св. престола, со временем позволило иезуитам добиться автономии и начать контролировать уже сам Св. престол и решения понтифика, проникать в правительственные структуры различных стран мира и наднациональные теневые организации, осуществляя под видом приспособления католического учения к реа-

⁶⁸ Загвоздина Д. Иезуиты занимаются научной, просветительской деятельностью. <http://www.gazeta.ru/social/2013/03/14/5057333.shtml>

лиям жизни **формирование единой мировой религии**. Напомним, что именно иезуит кардинал Августин Беа, входивший в круг ближайших советников папы Иоанна XXIII и возглавлявший Партию прогрессистов, сыграл решающую роль в экуменическом перевороте на Втором Ватиканском соборе (1962–1965). Благодаря личным связям и контактам именно этого влиятельного масона и теолога-модерниста произошло сближение Св. престола с иудейскими организациями, завершившееся полным пересмотром христианского учения об иудаизме.

Специальные работы, посвящённые теневой стороне деятельности ордена при Павле VI и Иоанне Павле II, написанные бывшим иезуитом Альбертом Ривера, бывшим епископом Жераром Буффаром (в течение 6 лет отвечавшим за переписку между папой и руководителями иезуитов), исследователями Билом Хьюзом («Разоблачённый враг» и «Тайна террористов»), Эриком Джоном Фелпсом («Убийцы Ватикана»)⁶⁹, а также Жаном Ледюком («Иезуиты, шпионы и убийцы Ватикана»)⁷⁰, выявляют иезуитов в качестве ведущего ордена, контролирующего и Мальтийский орден, и «Опус Деи».

Избрание папы-иезуита означало революционный сдвиг в системе управления в католической церкви. Если раньше ключевые католические ордены, обеспечивающие взаимосвязь между различными представителями мирового правящего класса, действовали в тени, то сегодня они **вышли на уровень прямого управления Ватиканом** с соответствующим распределением функций, что сделало возможным **наиболее эффективным образом встраивать католическую церковь в систему нового глобального порядка**. Финансы Ватикана перешли под контроль мальтийцев (они взяли на себя самую «грязную» работу по «очистке» финансов), а сама Римская курия — под прямой контроль иезуитов, призванных сконцентрироваться на «миссионерской» деятельности.

Главная же интрига здесь кроется в нюансах. Генерал Общества Иисуса (Адольфо Николас) подчиняется непосредственно понтифику. Но став папой, Бергольо остался членом ордена, так что его поведение стало определяться его фактическими отношениями с руководством иезуитов, которое и стало его реальным «помощником». В лице Франциска произошло фактическое слияние власти ордена и церкви, так что самостоятельность понтифика весьма относительна, что невольно вызвало вопрос: а какой папа реально правит — «белый» или «чёрный»? Сам глава иезуитов Николас отметил, что характерной чертой ордена является «особое единство» с римским папой, с которым иезуиты связаны «узами любви и служения», и что избрание Бергольо «открывает для Церкви этап, полный надежд».

Суть иезуитизма — в его фарисействе, в его приспособительной морали, приучающая верующих под видом исполнения нравственного закона, в сущности, нарушать его, не подозревая этого. Как писал Ю.Ф. Самарин, иезуитский орден совершил великую «мировую сделку», заключив «унию между истиною и ложью, добром и злом, Божьею правдою и человеческою неправдою». **Если Православие стремится к сохранению вечного в нашем суетном мире, то иезуитизм это вечное приспособливает к миру и, извращая его, встраивает в современность.**

⁶⁹ Les jésuites contrôlent le Vatican et instaureront le nouvel ordre mondial. <http://revelation2013.canalblog.com/archives/2012/12/12/25830595.html>

⁷⁰ LeDuc J. Les jésuites — espions et assassins du Vatican. http://levigilant.com/documents/jesuites_espions_assassins_vatican.html#7

Очень показательна в этом отношении беседа нынешнего «чёрного папы» иезуитов испанца Адольфо Николаса в студии сибирского католического телевидения «Кана», в которой он рассказывал о сути служения иезуитов в современном светском обществе. Николас долгие годы работал в Японии, является активным сторонником сближения разных культур и особое внимание уделяет Востоку. В своём выступлении он даже не упомянул имени Христа, зато подчеркнул необходимость «контекстуализации» и «инкультурации» благовествования, которые являются его главными формами, способствующими диалогу с разными культурами. Поскольку именно в этом диалоге идёт «поиск полноты истины», как к этому призывает папа римский. Сказал Николас и о необходимости свидетельствования и веры, только свидетельствовать надо о том, что «наша жизнь — это жизненные реалии», а верить — в «возможность сохранять полноту человеческой жизни». И, наконец, поскольку главную роль играет тот факт, что мы находимся в глобализованном, многообразном и взаимосвязанном мире, мир, по мнению Николаса, нуждается в такой системе управления, которая будет эффективна непосредственно сегодня.

Надо сказать, что такая гибкая позиция иезуитов осложняла их отношения с Бенедиктом XVI, который предпочитал опираться на консервативную конгрегацию «Легионеры Христа». Иезуиты же оставались на втором плане. Известно даже, что были составлены «чёрные списки» 250 иезуитских теологов, которым было запрещено преподавать в некоторых университетах. И только падение авторитета «Легионеров Христа» (как следствие уже указанного нами скандала) и усиливающаяся «закрытость» «Опус Деи» способствовали определённому восстановлению позиций Общества Иисуса, что проявилось в назначении в 2006 г. директора Радио Ватикана иезуита Фредерико Ломбарди главой пресс-службы Св. престола.

Но, как признавались некоторые иезуиты, всё равно они «не ощущали себя швейцарскими гвардейцами» и не склонны были рассматривать свой традиционный обет верности папе как синоним слепого подчинения. С избранием Франциска орден не просто взял реванш, он добился полной победы.

Новый папа, гибкий иезуит, подходит к выполнению экуменической миссии идеально. Ведь весь этот непривычный новый стиль поведения понтифика, которым так восхищаются СМИ, с его показной скромностью и демократичностью, неофициальностью и даже запанибратством (взять хотя бы его последний телефонный звонок «старому другу» Николасу минуя секретаря), — это составная часть иезуитской методики поведения, предполагающей максимальное «погружение» в окружающую реальность. В условиях повсеместного назревания социального взрыва сильным мира сего очень нужен «бедный папа», усыпляющий нравственную бдительность верующих. Главная задача иезуитов — обеспечить укрепление власти транснационального класса собственников путём создания иллюзий его чудесного перерождения в спасителя человечества. И пока папа будет создавать «бедную церковь», богатые должны завершить ограбление народов в целях установления своего тотального господства над миром.

Франциск на Св. престоле — это и есть *soft power* («мягкая сила») по-иезуитски.

Главные усилия новый папа сконцентрировал на изменении системы управления в целях выведения его из-под влияния старых внутрицерковных кланов. В первую очередь речь идёт о таком реформировании Римской курии, которое приведёт к децентрализации власти и интернационализации руководства, до сих пор считающегося «слишком римским». Планируется, что курия будет сокращена, а структура её упрощена, что упростит и доступ к папе. Безусловно, это будет способствовать укреплению позиций и самостоятельности низовых католических организаций, находящихся под контролем ордена иезуитов. Некоторые исследователи предположили, что система управления будет меняться по образцу ордена иезуитов, внутри которого, кстати, ещё в 2011 г. произошла перестройка курии. Здесь были учреждены три главных секретариата, отвечающие за обучение, правосудие и сотрудничество с другими службами, и секретариат, отвечающий за поддержание особых форм апостольской деятельности.

Первое, что сделал Франциск — это создал орган, на который он мог бы опереться для проведения планируемых изменений. В апреле был сформирован Совет из девяти кардиналов (называемый теперь «Совет 9»), предназначенный для консультирования понтифика по проблемам управления. Именно этот Совет стал готовить пересмотр апостольской конституции «Pastor Bonus» («Добрый Пастырь»), посвященной устройению Римской курии. В него вошли не представители Римской курии, а представители поместных церквей, которым понтифик доверяет, которые поддерживают его взгляды и которые призваны фактически уравновесить влияние курии. В сентябре папа сместил с должности генерального секретаря Синода епископов архиепископа Николу Этеровича, занимавшего этот пост на протяжении девяти лет, и назначил преданного ему Лоренцо Бальдиссерри, который в итоге стал одним из наиболее ревностных поборников идеи реформирования церковного учения о браке. На первой же консистории, проведённой Франциском, Бальдиссори был возведён в кардинальское достоинство.

В октябре папа провёл первую встречу со специальной группой кардиналов для обсуждения бюрократических реформ Ватикана. А в своей первой письменной проповеди в ноябре 2013 г. «*Evangelii Gaudium*» («Радость Евангелия») он призвал к уменьшению власти Ватикана, заявив, что церковь должна прекратить слепо следовать традиции и что чрезмерная централизация усложняет её жизнь и миссионерскую силу⁷¹.

Одновременно папа приступил к «оздоровлению» финансов. Банк Ватикана папа пообещал сделать «честным и прозрачным» и даже рассматривал вопрос о его закрытии. Затем была создана специальная комиссия для расследования его деятельности, имевшая право знакомиться с любыми данными о его деятельности. Проверку финансовых операций ИДР было поручено провести аудиторской компании EY (Ernst & Young). В мае 2013 г. банк опубликовал первый за свою

⁷¹ Апостольское обращение *Evangelii Gaudium* папы Франциска (краткий обзор). <http://www.rkcvo.ru/node/573>; Exhortation Apostolique *Evangelii Gaudium* // http://w2.vatican.va/content/francesco/fr/apost-exhortations/documents/papa-francesco_esortazione-ap_20131124_evangelii-gaudium.html

историю финансовый отчёт, а в начале октября — первый годовой отчёт⁷². За этот период ИДР закрыл более 2000 счетов своих клиентов и сократил свою прибыль почти в 30 раз — с 86,6 млн. до 2,9 млн. евро⁷³. Завершилось «очищение» банка сменой его руководства в июле 2014 г.: во главе был поставлен французский финансист Жан-Батист де Франс, ранее возглавлявший инвесткомпанию Invesco и Европейскую ассоциацию по управлению фондами и активами. Как заявил тогда префект по экономическим вопросам кардинал Г. Пелл, «наша цель — стать образцом в области финансового управления, а не поводом для случайного скандала. Мы готовы к тому, чтобы начать вторую стадию реформ под руководством нового человека»⁷⁴. ИДР должен перестать заниматься всеми инвестиционными операциями и будет только обеспечивать операции по оплате и финансовые консультации для монашеских орденов, благотворительных организаций и сотрудников Ватикана.

А в июне 2014 г. в целях более эффективного контроля за ИДР был полностью сменён состав совета директоров Управления финансовой информации (УФИ), в состав которого вместо 5 итальянцев (связанных с Бенедиктом XVI) вошли 4 эксперта из разных стран мира (хотя срок полномочий их истекал только в 2016 г.). Среди них — бывший сотрудник финансовой разведки США, специалист по борьбе с терроризмом, профессор Гарвардского университета Хуан Сарате, работавший с американским президентом Дж. Бушем-младшим; банковский топ-менеджер JP Morgan and Merrill Lynch и член Мальтийского ордена швейцарец Марк Одендаль; бывший глава Банка развития Сингапура Джозеф Юварадж Пиллай, кстати считающий индуистскую «Бхагавад-Гиту» идеальным пособием по менеджменту⁷⁵. А во главе УФИ впервые была поставлена женщина — итальянка Мария Бьянка Фарина, возглавляющая страховое подразделение итальянской почтовой службы Poste Vita.

Всё это означало полный разрыв с прошлым и выведение из-под контроля Св. престола надзора за денежно-кредитной и коммерческой деятельностью учреждений Ватикана, включая ИДР. Как заявил один из источников Ватикана, «это сильный шаг в направлении более профессионального и международного института»⁷⁶. Так, с встраиванием данных учреждений Ватикана в мировую финансовую систему фактически был положен конец его финансовому суверенитету.

В целом, говоря о системе управления, надо отметить, что при Франциске, несмотря на всю его внешнюю демократичность, возобладали авторитарный стиль управления, при котором основные решения стали приниматься единолично самим понтификом, нередко игнорирующим мнение существующих структур Римской курии и пытающимся ограничить их влияние на церковную жизнь. Реформу церкви

⁷² Папа римский распустил Совет директоров финуправления Ватикана. <http://www.interfax.ru/business/379919>

⁷³ Главой Банка Ватикана стал экс-директор Invesco Жан-Батист де Франсу. <http://www.rbc.ru/rbc-freenews/20140709172317.shtml>

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Папа римский Франциск реформирует финуправление Ватикана. http://www.bn-bratsk.ru/index.php?option=com_news&Itemid=0&vidn=65299

⁷⁶ FT: Папа римский уволил всех членов Совета управления финансовой информации Ватикана. http://www.gazeta.ru/business/news/2014/06/06/n_6210981.shtml

Франциск стал обсуждать с «Советом 9», а также с узким кругом доверенных лиц, не имеющих значимого официального статуса.

10

С приходом к власти Франциск всю свою энергию направил на «новую евангелизацию», которую он мыслит как максимальное приспособление христианской морали к духу времени. Фактически речь идёт о незаметном размывании христианской этики и догматики, которое осуществляется не открыто и радикально, но постепенно, путём малых шагов. Один из исследователей назвал данную политику «гибридной войной» Франциска. Главное внимание он сконцентрировал на вопросах семьи и брака.

11 июня, как сообщил прогрессивный католический сайт «Reflexión y Liberación», папа во время встречи в Риме с представителями Латиноамериканской и карибской религиозной конфедерации признал, что существуют трудности с реформированием Римской курии, поскольку внутри неё действуют «коррумпированные течения». «Говорят о “гей-лобби”, — сказал папа, — и это правда, оно существует. Посмотрим, что можно сделать»⁷⁷. По сути, это означало, что понтифик совершил революционный шаг. До него никто из пап не смел открыто говорить об этом явлении в курии. И Франциск сделал это вроде бы не официально, а «в частной беседе», как указал глава пресс-службы Ватикана иезуит Фредерико Ломбарди, не давший никаких комментариев. Но задача выполнена: папа дал понять, что Св. престолом управляют извращенцы (отсюда и трудности в реформировании), он перешёл на их язык и терминологию (не содомиты, а «геи»), и, наконец, он выразил своё к ним нейтральное отношение (будем думать). Шлюзы, таким образом, были открыты, и католикам дали понять, что политика церковного руководства должна осуществляться с оглядкой на тот фактор, что внутри неё сидят содомиты.

Но настоящими сигналами, которые можно считать точкой отсчёта для начала дискуссий на высшем уровне на тему реформирования католической сексуальной этики и учения о браке, стали заявления папы 28 июля, сделанные во время его первого зарубежного турне — недельной поездки в Бразилию. Беседуя с журналистами на борту самолёта, папа заявил, что церковь считает, что гомосексуальная ориентация не является греховной и выступает против осуждения и дискриминации геев, подчеркнув, что им нужно помочь интегрироваться в общество. И дальше он произнёс фразу, которую СМИ назвали «одним из прочувственных и революционных слов, когда-либо произнесённых понтификом в отношении геев»: «Если человек — гей и обладает доброй волей и стремится к Богу, кто я такой, чтобы судить его?»⁷⁸ После чего добавил, что следует простить священников-гомосексуалистов, а их грехи отпустить. Кроме того, отвечая на вопрос возможности для разведённых и вступивших в повторный (светский) брак католиков приступать к Святому причастию, понтифик

⁷⁷ Папа римский подтвердил существование сети священников-геев. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1099106>

⁷⁸ Папа Франциск: кто я такой, чтобы судить геев? http://www.bbc.com/russian/society/2013/07/130729_pope_gay_attitude

указал на практику, существующую в православных церквях, которые, руководствуясь соображениями «икономии»⁷⁹, дают разведённым «вторую возможность», и призвал «изучать эту проблему» в рамках пастырского попечения о браке.

В октябре понтифик объявил о созыве через год чрезвычайной генеральной ассамблеи Синода епископов для обсуждения темы «Пастырские вызовы, связанные с семьёй, в контексте евангелизации»⁸⁰, решения по которой должны были быть приняты уже на очередной ассамблее в октябре 2015 г. Но уже сама подготовка к Синоду началась совсем нетрадиционно. Ватикан направил по всему миру социологический опросник, содержащий 39 пунктов по 9 темам, которые касались вопросов о контрацепции, повторных браках и абортах, внебрачном сожителе, однополых браках, возможности усыновления детей однополыми парами, воспитании детей в нетрадиционных семьях, упрощении процедуры недействительности брака и др. Представленные в вопросах ситуации никак не укладывались в рамки католической доктрины — это вызвало разговоры в СМИ о том, что результаты опроса могут привести к изменениям в церковных правилах, что подтвердил и представитель Ватикана, заявив, что если изменения и начнутся, то будут происходить медленно. Но революционный характер этого шага заключался в том, что впервые в истории католической церкви папа обратился к общественному мнению для внесения изменений в учение о морали и нравственности. При этом совершенно очевидно, что и применение такой демократической процедуры, и содержание вопросов сами по себе уже оказывают перестроющее воздействие на сознание католиков: если уж папа спрашивает о недопустимом, насколько оно допустимо, то, значит, оно допустимо.

Хотя результаты опроса не подлежали огласке, конференции епископов Германии, Австрии и Швейцарии, известные своими «прогрессивными» взглядами на вопросы о семье, опубликовали их, что создало впечатление того, что большинство католиков выступает за перемены. Воспользовавшись этим, председатель Конференции епископов Германии совершил самоуправство, издав документ, поощрявший разведённых и вступивших во второй брак католиков приступать к причастию. И показательно, что, когда префект Конгрегации вероучения кардинал Герхард Мюллер сделал заявление, что это действие противоречит учению церкви, и призвал отозвать документ, на самого Мюллера обрушились с критикой два члена папского «С9», а сам папа промолчал.

Активная фаза наступления началась 20 февраля 2014 г. на заседании консистории коллегии кардиналов. Главную роль тут играл известный экуменист кардинал Вальтер Каспер. Его поддержали новый генеральный секретарь Синода епископ кардинал Лоренцо Бальдиссери, представители епископатов Германии, Австрии, Швейцарии, Франции и Латинской Америки и либеральные богословы. В своей речи, названной позже «планом Каспера», тот выдвинул два тезиса: 1) возможность изъятия канонических процессов о признании недействительности брака из судебной сферы и придания им административного характера и 2) возможность доступа

⁷⁹ Икономия представляет собой принцип христианского богословия и решения церковных вопросов с позиции снисхождения, практической пользы и удобства.

⁸⁰ До этого чрезвычайные ассамблеи созывались только дважды: в 1969 г. — для обсуждения значения Конференций епископов и епископской коллегиальности и в 1985 г. — для обсуждения вопросов, касающихся применения постановления Второго Ватиканского собора.

к Причастию разведённых второбрачных «в определённых обстоятельствах» при условии искреннего покаяния и намерении жить в согласии с Евангелием. То есть фактически было объявлено, что допуск к причастию католиков, живущих вне церковного брака, может рассматриваться как не противоречащее учению Церкви⁸¹. Доклад этот был полностью одобрен понтификом, а его публикация получила широкую информационную поддержку, хотя 85% кардиналов выступили против инициативы Каспера. Более того, папа продолжал в своих пастырских советах поощрять разведённых верующих, живущих в светском браке, принимать Причастие.

Однако против идей Каспера выступил целый ряд известных иерархов и богословов. Своего рода ответом на его план стала книга пяти кардиналов «Пребывание в истине Христовой: Брак и Причастие в Католической церкви», которая получила широкую известность и стала бестселлером. Была даже предпринята попытка разослать эту книгу участникам Синода 2015 г., но это вызвало крайне резкую отрицательную реакцию Лоренцо Бальдисери, распорядившегося изъять посылки прямо из почтового отделения, в результате чего удалось перехватить свыше 100 экземпляров книги.

Собравшаяся в октябре 2014 г. III Чрезвычайная ассамблея Синода епископов должна была пройти по сценарию сторонников «плана Каспера». Для успеха своего дела организаторы ввели новшества: латинский язык был лишён статуса официального языка и заменён на итальянский, а само заседание проходило в закрытом режиме, при котором была запрещена публикация текстов докладов и миру сообщалась только скудная информация, зачитываемая в конце дня пресс-секретарём Св. престола Фредерико Ломбарди.

Главными режиссёрами ассамблеи стали прогрессисты Бальдиссери и архиепископ Бруно Форте, которого понтифик назначил «специальным секретарём» заседания. Последний и стал главным автором опубликованного промежуточного документа, который содержал раздел, посвящённый гомосексуальным отношениям, озаглавленный «Принятие гомосексуалистов» (на английском это вначале звучало даже так: «Welcoming homosexual persons»). В нём говорилось, в частности, следующее: «Гомосексуалисты имеют дары и качества, которые они могут подарить христианской общине. Способны ли мы обеспечить этих людей необходимым, гарантировать им место братьев в наших общинах? Зачастую они желают встретить Церковь, которая была бы для них гостеприимным домом. Способны ли на это наши общины, способны ли они принимать и ценить их социальную ориентацию, не подвергая риску католическое учение о семье и браке?»; «Не отрицая моральных проблем, связанных с гомосексуальными союзами, принимается к сведению, что есть случаи, когда взаимная поддержка, вплоть до самопожертвования, является драгоценной опорой для жизни партнёров. Кроме того, Церковь проявляет особое внимание к детям, которые живут вместе с однополыми парами, подчёркивая, что на первое место всегда следует ставить нужды и права малолетних». В отчёт был включён и раздел «Позитивные аспекты гражданских союзов и сожительства», в котором отмечался рост числа людей, живущих в союзах, не имеющих ни религиозного, ни светского признания, для которых «церковь призвана быть “до-

⁸¹ Гибридная война Франциска. Часть первая: предсинадальные манёвры. <http://skgnews.com/2015/09/30/gibridnaya-vojna-franciska-chast-pervaya-predsinodalnye-manyovry/>

мом Отца, двери которого всегда открыты...» и находиться рядом с теми, кто хочет возобновить свой путь веры, даже если они и лишены возможности заключить канонически признанный брак».

Включение этих скандальных параграфов было оценено многими как свидетельство манипуляций и давления. СМИ назвали его «революцией в Церкви», а традиционалист кардинал Бёрк — «лишённым прочного основания в Священном Писании и Учительстве». Резко негативную оценку дали ему и другие участники заседания. И хотя на всех оказывалось колоссальное давление с упором на то, что это соответствует желаниям папы⁸², многие участники Синода оказали ожесточённое сопротивление. Как заявил префект Секретариата по делам экономики, австралийский кардинал Джордж Пелл, «Причастие для разведённых и вступивших в повторный брак является для некоторых... лишь вершиной айсберга, их «ширмой, “заслонной лошадью”». Они хотят более широких изменений, признания гражданских союзов, признания однополовых союзов. Церковь не может двигаться в этом направлении»⁸³.

В результате в итоговом документе вызвавшие наибольший протест пункты были устранены или смягчены, но и в таком виде они не удовлетворяли всех участников. Тогда была принята процедура, в соответствии с которой голосование проходило по каждому параграфу отдельно, и он принимался только в случае голосования за него двух третей голосов. Три параграфа, в которых говорилось о гомосексуальной ориентации и о возможности для разведённых второбрачных приступать к Причастию, приняты не были. Но Франциск и здесь волюнтаристским решением распорядился включить эти пункты в итоговый документ в обход существующей процедуры. При этом в своём заключительном выступлении понтифик почти половину своей речи посвятил роли папы в жизни церкви и его задаче гарантировать её единство. Тут он уже называл себя не скромно «епископом Рима», но высшим «Пастырем и Наставником», цитируя каноническое право.

Итог заседания Синода дал кардинал Бёрк, заявивший: «За столь краткий промежуток времени насколько мы отступили и отошли от истины нашей веры и от истины нравственного закона в обществе вообще! Однако тот факт, что подобные вопросы всерьёз обсуждаются в Церкви, должен потрясти нас и пробудить нас, чтобы мы сегодня осознали необходимость давать героическое свидетельство об истине нерасторжимости брака, защищая её от нападков внутри самой Церкви».

Встретив неожиданную оппозицию, приведшую к неудаче с «планом Каспера», Франциск поменял тактику. Он изменил своё поведение и риторику, став более осторожным в своих высказываниях. С конца 2014 г. он дистанцировался от наиболее радикальных инициатив, перестал поддерживать новаторские предложения, усилил критику гендерной идеологии и стал высказываться по острым вопросам как верный традиционалист. Но при этом он не препятствует одновременному высказыванию альтернативных и противоположных взглядов на самом высоком уровне, а также существованию противоречащей общепринятой церковной дисциплине.

Прогрессисты продолжили свою деятельность, и наибольшую активность проявила самая прогрессистская часть епископата — немецкая. Влиятельнейший член

⁸² Так, кардинал Маркс заявлял, что ему непонятно, как «отцы Синода могут быть больше привязаны к Традиции, чем к Папе».

⁸³ Гибридная война Франциска. Часть первая: предсинодальные манёвры.

«Совета 9» кардинал Маркс откровенно заявил: «Двери открыты — шире, чем это было когда-либо со времён Второго Ватиканского собора. Дебаты на Синоде — это лишь отправная точка. Франциск хочет сдвинуть это с места, чтобы процесс пошёл вперёд. Настоящая работа только начинается... Нет, этот папа распахнул двери, и результаты голосования в конце Синода не изменят этого»⁸⁴. В феврале он высказался ещё более резко: «Мы — не филиал Рима. Каждая конференция епископов несёт ответственность за пастырское попечение в своём собственном культурном контексте и должна провозглашать Евангелие **своим собственным оригинальным способом**. Мы не можем ждать, пока Синод скажет нам, как мы должны организовывать пастырское попечение о браке и семье».

Но говоря о Риме, он имел в виду не Франциска, верным сподвижником которого является, а о Риме Бенедикта XVI, в котором Франциск ощущает себя инородным элементом. Поэтому одна из главных его задач — это поощрение центробежных тенденций, которое подаётся как развитие епископской коллегиальности и автономии местных церквей. В реальности это ведёт к хаосу, хорошо управляемому орденом иезуитов, в условиях которого и можно реализовать радикальные реформы.

В декабре 2014 г. кардинал Бальдиссери разослал национальным епископским конференциям новый опросник, на который Конференция епископов Германии опубликовала более конкретно сформулированные ответы, в которых не только одобрялись Причастие разведённых, но и выражалось согласие на Причастие супругам-некатоликам и на признание церковью положительных сторон гомосексуальных отношений и однополых союзов. При этом епископы ссылались на то, что такого мнения придерживается подавляющее большинство верующих их епархии. То есть они явно продемонстрировали, что они имеют своё собственное учительство.

В июне был подготовлен рабочий документ «Instrumentum laboris» для очередного Синода, который вновь был подвергнут критике со стороны традиционалистов. Он следовал итоговому документу предыдущей ассамблеи, включал отвергнутые на ней части, представлял Евангелие как некое бремя и недостижимый идеал и содержал концепцию «новой чуткости», которую следует проявлять к тем парам, которые живут в иррегулярных союзах, то есть содержал элементы крайне спорные и противоречащие католическому учению. Подробный критический анализ документа содержался в детальном коллективном исследовании 2015 г. «Замечания относительно “Instrumentum laboris”», а также в книге «Одиннадцать кардиналов говорят о браке и семье: эссе, написанные с пастырской точки зрения», которая сосредоточилась уже на обсуждении поиска возможностей пастырского попечения о семье и браке в современных условиях. Эта книга стала громким протестом против ревизии учения о браке и инновациях в церковной дисциплине.

Для защиты традиционных ценностей начали объединяться и рядовые католики. В начале 2015 г. в интернете был создан сайт, на котором предполагалось подписать «Сыновнее воззвание к папе Франциску о будущем семьи» с просьбой высказаться в поддержку учения Церкви о семье и браке. К октябрю с.г. эта инициатива собрала почти 800 000 подписей, и уже высказывалось предположение, что, столкнувшись со столь отчаянным сопротивлением, либеральные активисты пред-

⁸⁴ Гибридная война Франциска. Часть третья: передислокация. <http://skgnews.com/2015/10/02/gibridna-vojna-franciska-chast-tretya-peredislokaciya/>

почтут отложить решение вопросов на будущее, отказавшись от резких действий. Однако реальность оказалась другой.

Как написано в серьёзном исследовании «Гибридная война Франциска»⁸⁵, папа предпочёл крайне гибкую форму борьбы, ту самую мягкую силу, в реализации которой так преуспели иезуиты. 27 августа 2014 г. без особого шума Франциск учредил особую комиссию по изучению реформы канонического процесса определения действительности брака для рассмотрения возможности упрощения процедуры аннулирования брака. То есть папа решил легитимизировать «католический развод» не на доктринальном уровне, а на уровне процессуально-каноническом, представив его как «упрощение процедуры», то есть как борьбу с бюрократией и коррупцией.

Комиссия работала за закрытыми дверями, и составленный ею документ был подготовлен без должных консультаций, в обход всех существующих процедур, без уведомления Конгрегации вероучений. Более того, окончательного текста документа не видели даже сами члены комиссии, так что автор его последней редакции остался неизвестным, хотя, как пишут исследователи, судя по узнаваемой эклектичности и юридической неграмотности, окончательную правку, возможно, вносил сам Франциск.

И вот за месяц до начала Синода 8 сентября 2015 г. понтифик представил два новых послания *motu proprio* (что значит «по собственному почину», то есть особым рескриптом), которыми были введены изменения в действующие кодексы канонического права с целью упрощения процедуры признания недействительности брака. Как указал председатель Папского совета по интерпретации законодательных текстов кардинал Франческо Коккопальмеро, речь идёт не об «аннулировании браков», а об установлении и объявлении факта их недействительности, чтобы лица, состоявшие в недействительном браке, могли заключить новый брак в церкви. То есть «по собственному почину» папа одним разом реформировал каноническое право.

Опасаясь сопротивления, понтифик решил поставить отцов Синода перед фактом, продемонстрировав, что он не считается с их мнением. А чтобы не допустить критики на самой ассамблее Синода, он предварительно устранил лидеров консервативного крыла. Кардинал Бёрк был смещён с поста префекта суда Апостольской сигнатуры и утратил место среди отцов Синода, а из тех 45 отцов, которые назначаются на Синод по папской квоте, только совсем немногие оказались сторонниками традиционного учения о браке. Вне официальных мероприятий также была проведена соответствующая работа, чтобы обеспечить благоприятное общественное мнение. Непосредственно перед ассамблеей Синода большое число иерархов стали делать заявления о необходимости «открытости», «толерантности» и «милосердного подхода» к тому, что раньше осуждалось церковью.

На прошедшей с 4 по 25 октября 2015 г. XIV Генеральной ассамблее Синода по семье и браку прогрессисты вновь оказали сильнейшее давление для продвижения нужного им документа. Большая часть СМИ проявила полную солидарность в отношении Франциска и описала заседания Синода в радужных тонах. И лишь немногие издания указали на разрушительные последствия «спецоперации» Бергольо в католической церкви. Так, Стив Скойец в *Washington Post* опубликовал статью под

⁸⁵ Гибридная война Франциска. Часть четвёртая: брак под канонадой. <http://skgnews.com/2015/10/03/gibridnaya-vojna-franciska-chast-chetvertaya-brak-pod-kanonadoj/>

заголовком «Синод превратился в фарс. Лидерам католиков, верных учению, следовало бы покинуть зал Синода. Церковь совершает опасный разворот в сторону ереси в своём отношении к разводу и гомосексуализму»⁸⁶. Другой автор Росс Дауэта на сайте New York Times в статье «Заговор с целью изменить католицизм» открыто указал: «В настоящий момент главным заговорщиком является сам папа. Цель Франциска проста: он поддерживает предложения либеральных кардиналов», то есть «изменения вероучения»⁸⁷. Как написал ватикановед Антонио Соччи, «в действительности берголианских прогрессистов мало интересует проблема разведённых второбрачных, но они воспользовались этим вопросом, чтобы расшатать Католическую Церковь, какой мы её знали на протяжении двух тысяч лет»⁸⁸.

Однако, несмотря на то, что Франциск применил все свои властные полномочия, несмотря на все изощрения партии прогрессистов, они остались в меньшинстве, и им не удалось провести в итоговый документ тезисы о причащении разведённых второбрачных и гомосексуальных парах. Консенсус, которым пользовался в церкви Бергольо, разрушился даже среди тех, кто его избрал. Между тем ему удалось составить двусмысленный текст итогового документа, который с помощью сочувствующих СМИ был преподнесён как его победа. В настоящее время папа Франциск готовит апостольское воззвание по итогам Синода.

11

С приходом к власти Бергольо стоящий за ним орден иезуитов приступил не только к реформации самой католической церкви, но и к реализации нового курса в её экуменической политике, направленной на перевод под идейный контроль папства представителей других христианских конфессий и других религий. В чём же новизна этого курса?

Уже в последние годы правления Бенедикта XVI Ватикан стал толковать экуменизм не как «толерантное признание различий друг друга», а как **единство**, которое является «основополагающей категорией христианской веры». Однако единство это, в соответствии с учением Св. престола, возможно только при условии признания православными римского папы как преемника апостола Петра и главы Христианской церкви. А поскольку формального признания главенства понтифика Ватикан добиться не может, он разработал более гибкую форму поиска «единства»: не путём дипломатии и богословских диалогов, а **«на человеческом, дружеском, духовном уровне»**. Именно так выразился в своём интервью Радио Ватикана в январе 2013 г. глава папского совета по содействию христианскому единству кардинал Курт Кох, подчеркнув: «Тем, что нас объединяет боль-

⁸⁶ *Steve Skojec*. The synod has been a sham. Faithful Catholic leaders should walk out // The Washington Post, October 23, 2015. <https://www.washingtonpost.com/posteverything/wp/2015/10/23/the-synod-has-been-a-sham-faithful-catholic-leaders-should-walk-out/>

⁸⁷ *Douthat R.* The Plot to Change Catholicism // The New York Times, oct. 17 2015. <http://www.nytimes.com/2015/10/18/opinion/sunday/the-plot-to-change-catholicism.html>

⁸⁸ *Соччи А.* Диктатура на Синоде // Свободная католическая газета, 25 октября 2015. <http://skgnews.com/2015/10/25/diktatura-na-sinode/>

ше всего, является таинство Крещения, признанное всеми, и Апостольское исповедание веры»⁸⁹.

Так что Ватикан не будет навязывать нам обсуждение богословских вопросов, а будет объединять нас в христианской молитве. В этом смысл нового курса, который проводит папа-иезуит Франциск, являющийся специалистом не только по экуменической открытости, но и по восточному обряду — недаром он бывший ординарий униатов Аргентины и воспитанник священника галичанина Степана Чмиля. Как сказал о папе стажировавшийся у него нынешний глава Украинской грекокатолической церкви (УГКЦ) Святослав Шевчук, он «знает нашу духовность», «хорошо знает наш обряд и даже помнит нашу Литургию».

Лучше всего суть нового курса ещё раньше выразил отвечавший до недавнего времени за отношения Св. престола с Православными церквями стран Восточной Европы и Грузии иезуит Милан Жуст: «То, что нам нужно в первую очередь, — это общение на пастырском уровне, а не только на богословском или иерархическом. Тогда возникает доверие... **Если же есть доверие, то всегда можно найти цитату** (из Писания. — О. Ч.), **чтобы другого оправдать**». Но какова цель этого оправдания? Жуст прямо указывает, что через процесс общения готовится почва для определённых решений: «Для нас важно, чтобы принятие совместных документов или возможная будущая встреча Папы и Патриарха **не вызывали серьёзных протестов**. Но пока протесты есть, я первый скажу, что, скорее всего, время ещё не пришло»⁹⁰. Таким образом, Жуст всё объяснил: укрепление веры необходимо, чтобы подготовить встречу между папой и Патриархом, а сама встреча должна обеспечить то самое «христианское единство», или ту «полноту вселенскости», которая возможна только с признанием римского понтифика главой Церкви.

Но чтобы оправдать перед православными совместные молитвы с представителем того ордена, который, как писал Ю.Ф. Самарин, совершил великую «мировую сделку», заключив «унию между истиной и ложью, добром и злом, Божьей правдой и человеческой неправдой», необходим был какой-то сильный информационный ход, который и совершил новый понтифик.

В начале сентября 2013 г., в условиях подготовки США вторжения в Сирию понтифик обратился с письмом к участникам саммита «Большой двадцатки», в котором, кроме всего прочего (а речь там шла о необходимости «глобальной финансовой структуры»), призвал их найти мирный способ разрешения «конфликта в Сирии»⁹¹.

Призыв этот, однако, ничем не был подкреплён. Во-первых, папа не указал ни виновников, ни участников «бессмысленной бойни» в Сирии. Во-вторых, и это главное, отношение Ватикана к событиям на Ближнем Востоке определяется в первую очередь состоянием иудейско-католического диалога. Лидирующая роль иудаизма, признаваемого Ватиканом «старшим братом», обусловила крайнюю осто-

⁸⁹ Кардинал Кох надеется на созыв Всеправославного собора. <http://ru.radiovaticana.va/storico/2013/01/19/>

⁹⁰ О. Милан Жуст. Самое важное — углублять нашу веру. <http://www.cathmos.ru/content/ru/publication-2011-05-19-13-08-09.html>

⁹¹ Послание папы к Путину и участникам G20: искать мирных путей выхода из сирийского конфликта. <http://ru.radiovaticana.va/storico/2013/09/05/>

рожность Св. престола в его политике в этом регионе, ориентирующейся на интересы Израиля.

Между тем Израиль был глубоко заинтересован в разжигании войны в Сирии, с которой он с 1973 г. находится де-факто в состоянии войны. Этим определяется его тесное сотрудничество с Саудовской Аравией, одним из ключевых координаторов деятельности исламистских боевиков в Сирии. Израильская разведка активно сотрудничала с американской по внедрению агентуры в режим Башара Асада. Как указывал бывший глава израильской военной разведки, «мы прекрасно знаем, что происходит в Сирии, и обладаем очень развитой системой сбора сведений на её территории. Израильцы — это глаза и уши США»⁹². СМИ неоднократно сообщали о присутствии на территории Сирии израильского спецназа, о контроле Моссада за деятельностью салафитских группировок в стране, об оказании израильской разведкой активной военной и тыловой помощи террористическим группировкам, о проведении израильскими военными совместных операций с боевиками на территории между Сирией и Палестиной, о поставке Израилем оружия террористам⁹³. Когда весной 2013 г. Израиль нанёс по Сирии ракетные удары, сирийское государственное агентство САНА заявило, что эта атака «подтверждает участие Израиля в заговоре против Сирии и его связь с террористическими группировками, действующими в Сирии при поддержке Запада и некоторых арабских стран».

В конце сентября завесу тайны над закулисной ролью Израиля приподнял и сам посол Израиля в США Майкл Орен, являющийся доверенным лицом Беньямина Нетаньяху. Он заявил, что Израиль хочет, чтобы сирийского президента Башара аль-Асада свергли, **даже если это приведёт к власти в Дамаске радикальных суннитских исламистов**. «Мы всегда хотели, чтобы Башар Асад ушёл, мы всегда предпочитали плохих парней, не поддерживаемых Ираном, плохим парням, поддерживаемым Ираном», — сказал он, подчеркнув, что самой большой опасностью для Израиля является стратегическая дуга, которая проходит от Тегерана до Дамаска и Бейрута. **«И мы считали режим Асада краеугольным камнем в этой дуге»**⁹⁴.

Какова же в этих условиях позиция Ватикана? Поскольку Св. престол признаёт неизменность избранности иудеев и вечность Израиля как «исторический факт и предзнаменование в Божественном плане», он не может осуждать курс израильского правительства на восстановление его государства в границах Древнего Израиля. Но и открыто поддерживать политику, ведущую к исходу христиан с Ближнего Востока, для него недопустимо. Отсюда воздержание от реальной оценки событий и умиротворяющие общие декларации, не подкрепляемые конкретными действиями, оборачивающиеся в итоге предательством сирийских христиан. Так что, призывая к миру в Сирии, понтифик ни слова не сказал о тех, кто стоит за спиной бесчинствующих террористов, допускающих зверства в отношении христиан, и кто несёт ответственность за гуманитарную катастрофу в стране.

⁹² Режим доступа: <http://www.inopressa.ru/article/20sep2013/foreignpolicy/mossad.html>

⁹³ Израиль послал в Сирию спецназ. <http://www.interfax.ru/world/txt/231833>; <http://mixednews.ru/archives/38008>

⁹⁴ Израиль принял сторону сирийских джихадистов. <http://pervodika.ru/articles/23567.html>

После письма к «Большой двадцатке» папа Франциск объявил 7 сентября «днём молитвы и поста за мир в Сирии, на Ближнем Востоке и во всём мире». С этого момента тема христиан на Ближнем Востоке превращается папой **в ключевую для обеспечения православно-католического сближения и «культивирования» чувства единства.**

Иезуитская сущность политики Ватикана проявилась в полной мере во время событий на Украине осенью 2013 г. Они вновь показали, что иностранная интервенция осуществляется сегодня иными, нежели раньше, методами. Западные спецслужбы проникают на чужую территорию, создавая свои резидентуры, опорные точки, обширные агентурные сети, осуществляя военную подготовку завербованных лиц. Соответствующая работа ведётся и с руководством религиозных организаций, призванных обеспечить лояльность верующих новому режиму. Крайне активную роль в этом сыграл и Ватикан, использовавший целую сеть своих разведывательных структур и сделавший ставку на Украинскую грекокатолическую церковь (УГКЦ).

21 ноября, после объявления правительством Украины о приостановке подготовки к подписанию соглашения о катастрофической по своим последствиям для Украины ассоциации с ЕС начались массовые акции оппозиции в Киеве и других регионах Украины. Священники УГКЦ выполняли тут особую миссию. Они не ограничились моральной поддержкой сторонников евроинтеграции, но стали проводить агитацию, призывая верующих отправляться в Киев. Однако уверенность, с которой действовало руководство УГКЦ, была обусловлена той поддержкой, которую оказывал ей Ватикан.

Действительно, 25 ноября произошло, как написала пресса, «выдающееся событие»: впервые в истории независимой Украины глава УГКЦ Святослав (Шевчук), отслужил Литургию на главном престоле собора Святого Петра в Риме в присутствии понтифика и многочисленных паломников из Украины, Белоруссии, Литвы, Италии и других стран мира. Литургию отслужили по случаю 50-летия перенесения в собор Святого Петра мощей святого Иосафата Кунцевича, униатского архиепископа, прославившегося на Руси своей жестокой карательной деятельностью. Так что, предоставив главе УГКЦ такую привилегию, папа Франциск изначально показал, по чьему примеру нас будут «единять» с европейским христианством. Тема единения стала ещё более актуальной после визита к папе римскому в тот же день российской делегации во главе с президентом России.

А через несколько дней в Варшаве начала работу совместная российско-польская конференция «Будущее христианства в Европе: роль Церквей и народов Польши и России», организованная Католическим информационным агентством (КАИ), на которой присутствовала российская церковная делегация, возглавляемая митрополитом Иларионом, прибывшая для продолжения межхристианского диалога, начало которому было положено подписанием 1 августа 2012 г. «Совместного послания народам России и Польши» с призывом к примирению двух народов⁹⁵. Однако тема сближения двух народов тут отошла на второй план, уступив место другой. Отвечая на вопросы журналистов на пресс-конференции, митрополит

⁹⁵ В Варшаве завершилась конференция «Будущее христианства в Европе: роль церквей и народов Польши и России». <https://mospat.ru/ru/2013/12/01/news95096/>

Иларион повторил уже неоднократно проводимую им мысль о возможной встрече понтифика и Патриарха, заявив, что она должна быть хорошо подготовлена с содержательной стороны. И в качестве центральной темы для этой встречи выделил ситуацию, в которой оказались христиане Ближнего Востока и ряда других регионов, а в качестве второй темы — защиту традиционных христианских ценностей.

30 ноября перед началом заключительного заседания митрополиту Илариону была вручена награда «За заслуги в области толерантности – 2013», присуждаемая фондом «Толерантность» тому, кто содействует сотрудничеству представителей разных вероисповеданий и разных народностей на основе принципа равноправия. А вечером того же дня члены делегации РПЦ присутствовали на вечере в католическом кафедральном соборе Иоанна Крестителя в Варшаве.

Между тем события на Украине принимали всё более радикальный характер. И когда после спровоцированного разгона «евромайдана» оппозиция начала массовые акции протеста, грекокатолики показали, как они наводят «мосты братства» и «единения между западной и восточной культурами». Хотя архиепископ Станислав (Шевчук) и заявлял, что единственной позицией УГКЦ является позиция диалога, она полностью поддержала демонстрантов, ударной силой которых были радикальные националисты из партии «Свобода», «Патриот Украины», ОУН, КУН, ОУН-УНСО и необандеровских структур. Храмы грекокатоликов, католиков и УПЦ Украинского патриархата стали обслуживать оппозиционеров, превратившись в центры мобилизации. На «евромайдан» прибыли грекокатолические семинаристы Львовской, Ивано-Франковской и Дрогобычской духовных семинарий, в полном составе присутствовала Киевская духовная семинария. 11 декабря Священный синод УГКЦ обратился к участникам протеста с заявлением «о поддержке и солидарности со всеми, кто на майдане». При этом из уст некоторых униатских священников стали звучать уже радикальные призывы.

На стороне «евромайдана» выступила и Конфедерация католических епископов Литвы, в пресс-релизе которой сказано о «поддержке демократических устремлений протестующих граждан Украины», которые хотят жить в государстве, «в котором руководствуются европейскими христианскими принципами». Вмешаться в «борьбу за власть на Украине» призвал и председатель Конференции католических епископов Германии Роберт Цоллич, обратившись с этим к федеральному правительству и лично канцлеру А. Меркель.

В итоге о своей откровенно прозападной политической позиции заявили и УГКЦ, и УПЦ КП, и отдельные представители автокефального крыла УПЦ МП. Выступая в эфире радиостанции «Эхо Москвы», архиепископ Святослав (Шевчук) уверенно заключил: «Украина переживает период социальной трансформации. Это не безумие, а манифестация гражданского общества, которое станет будущим и Украины, и других стран бывшего СССР. Мы называем это европейским вектором развития».

Таким образом, эта позиция исключала какой-либо компромисс. И речь здесь шла не просто о политическом выборе, а о выборе цивилизационном, и на Украине решалась судьба Православия. Но если «западный лагерь» свой выбор обозначил чётко и однозначно, то попытки православной общественности заявить о своей приверженности «Русскому миру» были квалифицированы руководством Украинской православной церкви МП как «политическое православие», осуждённое в 2007 г.

Что же касается самого Ватикана, то он продемонстрировал свою беспристрастность и сдержанность в оценке событий, что является характерным для тактики иезуитов, действующих чужими руками. Между тем именно его позиция и обусловила такое уверенное поведение прокатолических сил на Украине, нейтрализовав активность православных. Ведь его экуменический курс крайне гибок. Избегая резких и радикальных шагов со своей стороны, он не допускает какой-либо критики в свой адрес со стороны «партнёров», которых в случае отказа от «диалога» можно обвинить в нежелании вести совместную борьбу за традиционные христианские ценности или за спасение христиан Ближнего Востока. В этих условиях, зная, что за их спиной мощная сила «экуменического консенсуса», униаты и не нуждались в открытой поддержке Ватикана.

Иезуитский орден, овладевший Св. престолом, прикрываясь принципом «всеобщей христианской любви», ведёт своё тихое, но решительное наступление на Русь. Это наступление не атакующее, но **всепроницающее**, и осуществляется оно на всех уровнях — церковном и государственном, идейном и политическом, образовательном и культурном, финансовом и экономическом. Вспомним слова М. Жуста: «Для нас важно, чтобы принятие совместных документов или возможная будущая встреча Папы и Патриарха **не вызывали серьёзных протестов**». Именно над этим и работают иезуиты. Как выразился миланский архиепископ Анджело Скола во время своего визита в Москву, «можно говорить о рождении **“народного экуменизма”** между Римско-католической и Русской православной церквями».

О встрече с папой римским уже более подробно, чем обычно, говорил митрополит Иларион 10 декабря в интервью газете «Коммерсант»: «Мы ведь о встрече Патриарха с Папой уже много лет говорим. Но мы говорим о том, что эта встреча должна быть хорошо подготовлена. И мы готовим её...» «Для нас встреча Папы и Патриарха — не самоцель. Для нас это один из этапов развития двухсторонних отношений. Мы такую встречу готовы будем организовать, когда почувствуем, что созрели предпосылки для неё. То есть устранены основные препятствия в отношениях Церквей»⁹⁶. Главной проблемой митрополит Иларион назвал ситуацию на Западной Украине, взаимоотношения между православными и грекокатоликами. «Конфликт не изжит, на Западной Украине немало мест, где православные по-прежнему лишены храмов, о чём мы напоминаем регулярно нашим партнёрам в Римско-Католической Церкви. Правда, в последнее время у нас появились хорошие вести с Западной Украины. Появилась надежда на то, что Львовская епархия Украинской Церкви Московского Патриархата получит участок и здание для создания духовного центра... Если это событие произойдёт, оно, несомненно, скажется на скорости подготовки встречи»⁹⁷. О последних событиях на Украине и о роли в них грекокатоликов митрополит Иларион даже не упомянул.

15 декабря в рамках реализации папской программы экуменизма в Россию прибыл главный специалист по межхристианским отношениям кардинал Курт Кох. Программа его пребывания в нашей стране оказалась очень обширной. В Санкт-Петербурге он посетил католическую семинарию, православную духовную академию, где рассказал о

⁹⁶ Митрополит Волоколамский Иларион: Церковь не срачивается с властью, а устанавливает партнёрские отношения. <http://www.patriarchia.ru/db/text/3429203.html>

⁹⁷ Там же.

современном состоянии православно-католических отношений. В Москве состоялась его встреча с митрополитом Иларионом в сфере культурного сотрудничества и студенческого обмена. Затем его принял заместитель министра иностранных дел **А.Ю. Мешков** для обсуждения вопросов дальнейшего развития взаимодействия России и Ватикана. Наконец, состоялась его встреча с патриархом Кириллом.

Главный итог визита Коха сотрудник секретариата Отдела внешних церковных связей **Алексей Дикарев** выразил так: «Эти визиты внесут свой опосредованный вклад в копилку будущей встречи патриарха с папой». Сам же Кох подчеркнул: «**Подготовка к встрече важнее, чем сама встреча.** Это событие исторического измерения и нуждается в подготовке, это очень важно». То, что происходит сегодня на Украине, это и есть «подготовка»: перестраивается цивилизационный код народа. Такова «мягкая сила» по-иезуитски, или иезуитизм в действии. Диалог Ватикана с РПЦ продолжался и после переворота в феврале 2014 г., и с началом военных событий на Украине. Но тут уже ключевая роль перешла к Константинопольскому патриарху Варфоломею, отвечающему за подготовку Всеправославного экуменического собора. Напомним, что именно перед Константинопольским патриархом стоит задача добиться признания его первенства власти в отношении других церквей и таким образом добиться подчинения папе римскому, чьё первенство над собой сам Варфоломей уже признаёт. И показательно, что отстаивающий концепцию «восточного папизма» архимандрит Е. Ламбриниадис именно в феврале дал самое подробное её изложение, чтобы не оставалось никаких сомнений в позиции Константинопольского патриархата.

5 марта, в самый острый момент политической ситуации, когда решался вопрос о Крыме, патриарх Варфоломей собрал в Стамбуле Всеправославное совещание предстоятелей и представителей 13 Поместных Православных церквей, на которое прибыл и патриарх Кирилл в сопровождении митрополита Илариона. Совещание собралось для обсуждения преследования христиан в различных частях мира, особенно на Ближнем Востоке, укрепления внутреннего единства Православия и пр. Но только о положении православных на Украине смолчали все.

Главной темой совещания стала подготовка Всеправославного собора, а его итогом — всеобщее согласие о его проведении в 2016 г. под председательством Константинопольского патриархата. Варфоломей изложил и задачи будущего Собора — создать некий регулирующий орган, который решал бы все возникающие расхождения и проблемы между Православными церквями ради достижения единства. То есть речь идёт о создании новой наднациональной синодальности, которая сможет фиксировать всякое экуменическое новшество в виде закона, и таким образом возражения против экуменизма станут преступлением.

Поэтому в этом единстве Православных церквей так заинтересован Ватикан, чей представитель кардинал Кох совсем незадолго до встречи в Стамбуле заявил: «Православные церкви могут научиться тому, что первенство, в том числе и во вселенском масштабе Церкви, не только возможно и теологически допустимо, но и необходимо и что сама напряжённость в межправославных отношениях указывает на уместность размышлений о служении единства на вселенском уровне».

Единство с еретиками на вселенском уровне — суть экуменизма. Такого единства уже достиг патриарх Константинопольский. К этому единству ведёт нас и грядущий Всеправославный собор.

Приход к власти иезуита Х.М. Бергольо положил начало новому этапу и в отношениях с иудаизмом. Сближение с иудеями должно обеспечить полную согласованность политического поведения в условиях, когда **религия превратилась в важнейший фактор мировой политики, призванной обосновать новый мировой порядок.**

Папа Франциск подходит для этой миссии, как никто другой, поскольку его связывают с иудеями самые близкие и тесные отношения. Ещё будучи кардиналом, он написал совместно с известным израильским раввином Авраамом Скорка книгу-диалог «На небе и на земле», а также стал автором предисловия к книге другого раввина Серхио Бергшама, которого он назвал одним из своих учителей. Бергольо неоднократно посещал синагогу Буэнос-Айреса, отмечал иудейские праздники, возжигал свечу во время Хануки. В течение многих лет он активно сотрудничал с Еврейским латиноамериканским конгрессом (ЕЛК), организуя собрания еврейской молодёжи, участвовавшей в его программе «Новые поколения». Так что неудивительно, что глава ЕЛК К. Эпельман крайне положительно отозвался об избрании Бергольо, заявив: «У нас нет никакого сомнения, что он будет отлично работать, руководя католической церковью». С большой радостью приветствовало избрание Бергольо и руководство Бнай Брит. В свою очередь понтифик в день своего избрания обратился к иудейскому сообществу с письмом, в котором, в частности, указал: «Я горячо надеюсь, что смогу способствовать прогрессу, которым отмечены иудейско-католические отношения со времён Второго Ватиканского собора, в духе обновлённого сотрудничества».

Уже в своей первой письменной проповеди — апостольском обращении «*Evangelii Gaudium*» («Радость Евангелия»), опубликованном в ноябре 2013 г., понтифик уделил особое внимание иудеям, написав: «Как христиане, мы не можем рассматривать иудаизм как чужую религию, так же как не можем относить иудеев к тем, кто призван оставить своих идолов, чтобы обратиться к истинному Богу (1 Кор. 1: 9). Мы верим вместе в единого Бога, который действует в истории, и мы вместе с ними принимаем раскрытое общее Слово». Отсюда следовал вывод, что «существует богатая взаимодополняемость, которая позволяет нам вместе читать тексты еврейской Библии и взаимно помогать друг другу углублять богатства Слова»⁹⁸.

Превратив вопрос об укреплении отношений с иудаизмом в **ключевой вопрос**, папа Франциск удостоился включения его в том же ноябре 2013 г. (то есть через 8 месяцев после избрания) в список 50 выдающихся евреев года, который составляет журнал *Jewish Daily Forward*, являющийся рупором либерального иудаизма в США. Заслужил он и одобрение президента Всемирного еврейского конгресса Р.С. Лаудера, заявившего на встрече с ним в сентябре 2013 г.: «Никогда, начиная с 2000 г., отношения между Католической церковью и еврейским народом не были такими хорошими. Деятельность сменявших друг друга пап в течение пяти последних десятилетий способствовала преодолению многих предрассудков. Это помогает нам теперь работать вместе в защиту **религиозной свободы** повсюду, где она находится под угрозой и о каком бы обществе ни шла речь»⁹⁹.

⁹⁸ Le Pape François s'exprime sur les relations avec le judaïsme dans l'exhortation apostolique *Evangelii gaudium*. <http://www.paris.catholique.fr/le-pape-francois-s-exprime-sur-les.html>

⁹⁹ <http://www.dici.org/actualites/vatican-le-pape-a-recu-une-delegation-du-congres-juif-mondial/>

В отличие от Бенедикта XVI, работавшего на глубинном теологическом уровне, папа Франциск сделал ставку на внешнюю открытость, проявляющуюся в активном сотрудничестве с иудеями не только в религиозной, но и в светской социально-политической сфере. Открытость его с особой силой проявилась во время его пребывания в Иерусалиме в мае 2014 г., во время которого он пошёл на беспрецедентные шаги. Кроме комплекса жертвам холокоста «Яд Ва-Шем» и Стены плача, он посетил также и могилу основателя Всемирной сионистской организации Теодора Герцля, что комментаторы оценили как признание сионизма в качестве одного из идеологических стержней, на которые опирается современное еврейское сообщество. А во время встречи с небольшой группой евреев, переживших холокост, он поцеловал им руки, что стало выражением покаяния в его лице всей католической церкви¹⁰⁰. Ну и, наконец, записка с молитвой «Отче наш», вложенная в Стену плача, должна символизировать обращение католиков и иудеев к «одному и тому же Господу».

В июне уже в Ватикане произошло ещё одно беспрецедентное событие: молитвенная встреча папы с президентами Израиля и Палестины Шимоном Пересом и Махмудом Аббасом в присутствии Константинопольского патриарха Варфоломея. Они молились на разных языках о мире на Ближнем Востоке, после чего в Ватиканских садах посадили оливковое дерево мира¹⁰¹. Чуть позже папа дал интервью испанской газете *La Vanguardia*, в котором побил все рекорды «иудофилии» его предшественников, заявив, что «внутри каждого христианина сидит иудей» и что «нельзя быть настоящим христианином, не признавая свои иудейские корни» — «не в расовом, а в религиозном смысле». Он также признался, что ежедневно молится словами псалмов Давида как иудей, а затем совершает таинство Евхаристии как христианин, показав, таким образом, что значит жить с иудеями по-братски¹⁰².

И уж совсем скандально прошла встреча с президентом Израиля Ривлином и его личным секретарём, ортодоксальной иудейкой Ривкан, в сентябре 2015 г. в Риме. Обычно тот, кто встречается с папой, жмёт ему руку и преклоняется перед ним. Но когда очередь дошла до Ривкан, та объяснила папе, что по религиозным соображениям она не могла ни пожать ему руку, ни преклониться, поскольку на нём крест, продемонстрировав тем самым антихристианскую сущность иудаизма. В ответ на это папа в угоду иудейке закрыл рукой свой крест и сам преклонился перед ней¹⁰³.

Однако **главным фактором сближения иудаизма и католицизма стала угроза со стороны исламистского терроризма**, который был объявлен самым опасным врагом и для христиан, и для иудеев. Именно эта тема позволила папе заявить о себе в полную силу как о мировом духовном лидере, призванном взять на себя моральную ответственность за мир и порядок.

¹⁰⁰ Табак Ю. О визите папы Франциска в Израиль в мае 2014 года. <http://boruh.info/iudaizm/sobytiya/555-o-vizite-papy-frantsiska-v-izrail-v-mae-2014-g>

¹⁰¹ Папа римский объединил три религии: в Ватикане состоялась встреча Переса и Аббаса. <http://www.kasjauns.lv/ru/novosti/156083/papa-rimskij-objedinil-tri-religii-v-vatikane-sostojalasj-vstrecha-peresa-i-abbasa>

¹⁰² Le Pape François est-il un ex-juif? http://www.alterinfo.net/LE-PAPE-FRANCOIS-EST-IL-UN-EX-JUIF-_a103373.html

¹⁰³ Frère Peter Dimond, O.S.B. François couvre la croix et se prosterne pour plaire à la secrétaire juive du président israélien. <http://www.vaticancatholique.com/francois-couvre-la-croix-et-se-prosterne-juive/#.VijiiysmYgR>

Первая такая заявка была сделана в связи с обострением ситуации в Ираке и Сирии в ходе наступления сил ИГИЛ (организация запрещена в РФ) и массового бегства мирных жителей из оккупированных районов. В начале августа 2014 г. папа публично призвал мировое сообщество к «эффективному политическому решению на международном и местном уровнях, чтобы остановить преступления и восстановить право». А во время своей поездки в Южную Корею в том же месяце в ходе пресс-конференции, касаясь положения в Ираке и продвижения ИГИЛ, он заявил, что в случае несправедливой агрессии остановить незаконного агрессора считается законным. «Я подчёркиваю: остановить, я не говорю бомбить или воевать. Одна нация не может решать, как надо останавливать»¹⁰⁴. Так было оправдано международное вмешательство в Ирак под эгидой ООН.

Но ещё более показательной стала встреча папы римского с Шимоном Пересом 4 сентября в Ватикане, поскольку в ходе неё теперь уже бывший президент Израиля предложил создать Организацию объединённых религий, во главе которой встал бы понтифик. Поскольку ООН как политический институт проявила свою неэффективность в противостоянии террористам, «которые убивают, прикрываясь именем Бога», эту миссию должна взять на себя «ООН религий», которая могла бы способствовать прекращению войн, развязанных религиозными фанатиками. Папа, по мнению Ш. Переса, как неоспоримый моральный авторитет, стал бы идеальным главой такой организации¹⁰⁵.

И вот уже 13 сентября 2014 г., во время субботней мессы на военном кладбище Редипулья папа Франциск, пользуясь своим моральным авторитетом, впервые заявил о том, что, видимо, уже можно говорить о **третьей мировой войне**, идущей «фрагментарно», с преступлениями, убийствами и разрушениями. А чуть позже, встретившись с делегацией Всемирного еврейского конгресса, он подтвердил эту мысль, конкретизировав, что главный враг — это **терроризм**, воплощаемый ИГИЛ, что делает необходимым укрепление иудейско-христианской солидарности ради мира¹⁰⁶.

Тема совместной **борьбы против исламского радикализма** стала главной и на встрече папы с делегацией Конференции европейских раввинов (КЕР) 20 апреля 2015 г., посвящённой 50-летию декларации «Nostra Aetate». Это первая в её истории встреча с понтификом со времени создания данной организации в 1956 г. КЕР объединяет 400 иудейских ортодоксальных общин из 40 стран, всех главных раввинов и глав раввинских судов и имеет статус консультанта при Совете Европы и в учреждениях ЕС. Раз в два года она проводит форумы с привлечением различных мировых деятелей. Данная встреча готовилась по инициативе КЕР и согласовывалась больше года.

Здесь обсуждались не только рост радикального исламизма, но и положение еврейских общин в Европе, важность мемориальных мероприятий в Европе

¹⁰⁴ Guénois J.-M. Le pape François justifie une intervention en Irak pour arrêter les djihadistes // Le Figaro, 19.08.2014. www.lefigaro.fr/international/2014/08/18/01003-20140818ARTFIG00279-le-pape-francois-justifie-une-intervention-en-irak-pour-arreter-les-djihadistes.php

¹⁰⁵ Шимон Перес предложил папе Франциску возглавить «ООН религий». <http://www.newsru.com/arch/religy/05sep2014/oor.html>

¹⁰⁶ Persécution des Chrétiens Le pape François aux Juifs: Vous avez souffert, à présent c'est notre tour. <http://www.lemondejuif.info/2014/09/persecution-des-chretiens-le-pape-francois-aux-juifs-vous-avez-souffert-a-present-cest-notre-tour/>

в память о холокосте и возможность духовных авторитетов влиять на российско-европейские отношения и на борьбу с антисемитизмом в Европе и России¹⁰⁷. Это было тем более важно, что около половины участников делегации представляли Россию и Российский еврейский конгресс (РЕК) — среди них и президент РЕК Юрий Каннер, и президент самой Конференции Пинхас Гольдшмидт, являющийся одновременно главным раввином Москвы¹⁰⁸.

50-летию декларации «Nostra Aetate» было посвящено и другое событие — конгресс Международного совета христиан и иудеев (МСХИ) «Прошлое, настоящее и будущее отношений между христианами и иудеями», прошедший в конце июня 2015 г. Его представители были приняты папой, с которым они обменялись взаимными обращениями. Президент МСХИ А. Кюннингхам призвал к тесному сотрудничеству в изучении библейских текстов, которое обеспечит чувство сопричастности, согласия, то есть сближение на духовном уровне¹⁰⁹. А папа напомнил, что они исповедуют «одного и того же Бога, Творца вселенной и Господина истории», хотя и имеют разные перспективы.

Понтифик по-иезуитски обошёл главный вопрос — о том, что единый Бог существует в Трёх Лицах, и, промолчав о Божестве Иисуса Христа, повторил иудейскую формулу «двух путей»: «Христианские конфессии находят своё единство во Христе; иудаизм находит своё единство в Торе. Христиане веруют, что Иисус Христос есть воплотившееся Слово Божие; для иудеев Слово Божие главным образом присутствует в Торе. Эти две традиции веры имеют в качестве своей основы единого Бога Завета, который открывает себя людям через Слово. В поисках правильного поведения в отношении Бога христиане обращаются ко Христу как источнику новой жизни, а иудеи — к учению Торы. Этот тип теологического осмысления отношений между иудаизмом и христианством начинается с “Nostra Aetate” и может и должен развиваться на этом солидном фундаменте»¹¹⁰.

Так, незаметно, не встречая громких осуждений и без широких дискуссий, произошла ревизия христианского учения о Церкви Христовой и совершён переход католической верхушки к поклонению иудейскому богу и к совместному с иудеями ожиданию того, кого они называют машиахом, а христиане — антихристом. Осуществляя мощную идейную экспансию, Ватикан использует свой авторитет для втягивания руководства других конфессий в сферу своего влияния, но сам он в реальности является лишь орудием в руках мощных транснациональных структур, внедряющих универсальную мировую религию и глобальную этику для всего человечества. Только в этом свете можно понять смысл тех процессов, которые сегодня происходят на Ближнем Востоке и в которые так активно втягивают Россию.

¹⁰⁷ Le Pape François reçoit la Conférence des Rabbins Européens. http://www.jcrelations.net/Le_Pape_Fran_ois_re_oit_la_Conf_rence_des_Rabbins_Europ_ens.4980.0.html?L=6

¹⁰⁸ РЕК договорился с Ватиканом. <http://help.rjc.ru/site.aspx?SECTIONID=85646&IID=2773922>

¹⁰⁹ Présentation des congressistes du CICJ au pape François. http://www.jcrelations.net/Pr_sentation_des_congressistes_du_CICJ_au_pape_Fran_ois.5034.0.html?L=6

¹¹⁰ Allocution du pape François aux participants du congrès 2015 du CICJ. http://www.jcrelations.com/Allocution_du_pape_Fran_ois_aux_participants_du_congr_s_2015_du_CICJ.5036.0.html?L=6

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

DE PERSONIS / О ЛИЧНОСТЯХ. Сборник научных трудов. Том II

А.И. Фурсов (сост.).

Четвертое издание

М.: Товарищество научных изданий КМК. 2023. 730 с.

при участии ИП Михайлова К.Г.

Редактор издательства К.Г. Михайлов

Верстка: М.В. Скороходова

Для заявок:

123100, Москва, а/я 16, Издательство КМК

электронный адрес mikhailov2000@gmail.com

<http://avtor-kmk.ru>

Подписано в печать 24.05.2023. Тираж 700 экз. Заказ №
Формат 70×100/16. Объем 46 печ.л. Усл. печ.л. 59,8. Бумага офсетная.